

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08191432 1

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATION

ИЗДАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СТО ТРИНАДЦАТЫЙ.

600033

1874

СЕНТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ РУССКАГО ЭПОСА. Онежскія быльны записанныя А. Ф. Гальфердингомъ. Гл. I—IV. Н. Квашнина-Самарина.
- II. ИСПАНІЯ. Путевыя очерки. Гр. Е. А. Салиаса
- III. СПАСО-БОРОДИНСКІЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО ОСНОВАТЕЛЬНИЦА. Т. Толмчевой.
- IV. ПРАВЫ И ЛИТЕРАТУРА ВО ФРАНЦІИ. Окончаніе. V. W.
- V. МОЯ МАТЬ И Я. Автора „Джона Галифакса“. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.
- VI. ТУРЦКОЕ ДУХОВЕНСТВО И ДЕРВИШИ Гл. I—IV. Матора Османъ-Бекъ.
- VII. НАРЖСКАЯ ЖЕНЩИНА. Петра Петрова.
- VIII. ДВѢ СИЛЫ. Романъ Окончаніе третьей части. В. В. Крестовскаго.
- IX. НАВЕНЬ И ЕГО БѢГСТВО. Н. В. Щербаня.
- X. ОГОЛОСОКЪ СЕЛЬСКАГО СУДЬИ. А. А. Фета.
- XI. НОВЫЕ ЯДВИ ВЪ НАШЕЙ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ. Е. И. Цыткова.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- 1. ПИКАРЕ. Романъ Эдуарда Буллера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга шестая, гл. V—VIII и IX. Гл. I.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковъ.

ТОМЪ СТО ТРИНАДЦАТЫЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи. (Катковъ и К°).

1874.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
660023
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1913 L

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКАГО ЭПОСА

ОНЪЖСКІЯ БЫЛИНЫ, ЗАПИСАННЫЯ А. О. ГИЛЬФЕРДИНГОМЪ

Матеріалъ находившійся въ распоряженіи изслѣдователей русскаго эпоса, и безъ того уже довольно обильный, получилъ въ послѣднее время новое и значительное пополненіе, благодаря замѣчательному ученому, утрату котораго недавно олякала русская наука. Гильфердингъ, основатель исторіи вѣжныхъ Славянъ и преемникъ Шафарика по исторіи Славянъ древнихъ, въ послѣдніе годы своей многотрудной жизни увлекся неожиданнымъ развитіемъ которое получила разработка нашей эпической старины и рѣшился принять личное участіе въ сохраненіи для науки драгоценныхъ остатковъ столь долго остававшихся въ неизвѣстности. Трудъ его не былъ безплоденъ: пробывъ въ Олонецкой губерніи мѣсяце двухъ мѣсяцевъ, онъ вывезъ оттуда огромное количество былинъ, изъ которыхъ цѣныя были вовсе неизвѣстны, а другія явились въ новыхъ и любопытныхъ вариантахъ. Даже и глѣси

уже записанныя его предшественниками явились у Гильфердинга какъ бы новыми, благодаря искусному способу записыванья, сохранившему и размѣръ былинъ и многія частности сгладившіяся у прежнихъ собирателей. Къ несчастію такое богатое приращеніе было оплачено смертью самого ученаго, здоровье котораго не выдержало вторичнаго путешествія предпринятаго имъ для новыхъ дополненій. Сборникъ купленный такою тяжелою цѣной долженъ быть вдвойнѣ дорогъ для изслѣдователей, и они должны стараться чтобы по крайней мѣрѣ ни одно изъ открытій покойнаго не осталось безполезнымъ для дѣла которому онъ пожертвовалъ своею жизнью. А открытій этихъ много, и каждое изъ нихъ бросаетъ яркій свѣтъ на эпосъ. Въ нашемъ разборѣ мы постараемся отмѣтить на первый разъ хотя самыя важныя прибавленія. Но прежде всего слѣдуетъ сказать о главной заслугѣ сборника. Она состоитъ въ томъ что благодаря Гильфердингу съ Русскаго народа снимается упрекъ будто онъ одинъ между всѣми Славянами былъ до такой степени обдѣленъ вкусомъ и музыкальнымъ ухомъ что не сумѣлъ придумать для своего эпоса сколько-нибудь приличнаго размѣра.

Извѣстно что первыя былинны полавшія въ печать, а именно Кирши Данилова, имѣютъ довольно свободный размѣръ, а мѣстами какъ бы и вовсе безъ размѣра. Это могло быть объяснено порчей при записи; но когда стали появляться одонецкія лѣсны, взятые прямо изъ устъ лѣвцовъ, и часто такихъ которые признаны лучшими въ цѣломъ краѣ, то многимъ изъ почитателей эпоса пришлось сознаться что онъ при всѣхъ прочихъ достоинствахъ сильно хромаетъ на счетъ ритма. Большинство лѣсней явились съ этой стороны вовсе безобразными. Всего страннѣе было то что лѣвцы какъ будто нарочно уродовали стихъ, вставляя вовсе не подходящую столу тамъ гдѣ посредствомъ самаго ничтожнаго измѣненія можно было бы достигнуть правильности и стройности. Появляю то людямъ дорожающимъ былинами трудно было примириться съ такимъ очевиднымъ недостаткомъ, и что нѣкоторые изъ нихъ стали объяснять кажущуюся нестройность стиха тѣмъ что мы отвыкли отъ стариннаго метра и не вдругъ можемъ ловить его законы, которые и слѣдуетъ прежде всего опредѣлить. Но хотя они и старались этого достигнуть, попытки ихъ по очень помятой причинѣ не могли быть вполнѣ услыш-

ны. Наконецъ Гильфердингъ разрѣшилъ вопросъ очень просто. Сущность его объясненій заключается въ слѣдующемъ: „лѣвцы могутъ сохранять метръ только въ лѣвціи, а не въ декламациі. Записывать былины слѣдуетъ не иначе какъ съ протяжнаго лѣвціи (что и дѣлалъ Гильфердингъ). Господствующій размѣръ — хорей пятистопный * съ заключительнымъ дактилемъ, и лучшіе лѣвцы сохраняютъ этотъ метръ съ безукоризненною правильностью. Затѣмъ встрѣчаются два другіе размѣра менѣе опредѣляемые, и потому легче поддающіеся порчѣ. Надъ этими еще придется поработать ученымъ, но по крайней мѣрѣ они будутъ стоять на болѣе твердой почвѣ.

Важность этого открытія очевидна. Въ самомъ дѣлѣ, что бы это были за поэмы, лишенные своего главнаго признака — стиха? Любопытно и то что древнѣйшимъ размѣромъ является хорейскій, которымъ написано древнѣйшее произведеніе славянской поэзіи: Любушичь Судъ. Такъ оно и должно было быть: это размѣръ по своей легкости для лѣвціи самый первоначальный, можно сказать дѣтскій. Въ статьѣ о русскихъ былинахъ мы высказались въ пользу господства хорея въ древнѣйшемъ эпосѣ единственно по догадкѣ. Теперь, благодаря Гильфердингу, догадка стала фактомъ.

Говоря все это мы, разумѣется, вовсе не имѣемъ въ виду умалять заслугъ г. Рыбникова, которыя и по изданіи сборника Гильфердинга остаются столь же важными для науки какъ и прежде. Слѣдуетъ помнить и то что Гильфердингъ находился въ несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ чѣмъ его предшественникъ для вполне безукоризненной записи былинъ. Мы полагаемъ только что еслибы первый собиратель снадбавилъ свои варианты какою-нибудь оговоркой насчетъ размѣра, то онъ избавилъ бы комментаторовъ отъ многихъ недоумѣній. Но намъ пора приступить къ самому разбору лѣсней.

Первое мѣсто, конечно, должно принадлежать былинамъ о богатыряхъ старшихъ, то-есть исподинахъ и полубогахъ. Нашъ эпосъ, подобно греческому и скандинавскому, обнимаетъ своимъ широкимъ захватомъ и небо, и землю, и боговъ, и героевъ. Прекрасны образы послѣднихъ встрѣчаемые въ лѣсняхъ, но какъ хороши и ихъ предшественники въ народномъ

* Разумѣется не классическій, а тотъ самый который употребляется въ нашей поэзиі.

сознаніи, эти волоты Святогоръ и Колывань, которыхъ не держитъ земля, этотъ божественный пахарь Микула, въ лѣсняхъ о коемъ мы едва ли не встрѣчаемъ отрывки затерянной славянской Эдды!

Между этими личностями насъ останавливаетъ одно мало-извѣстное имя, встрѣчавшееся до сихъ поръ, если не ошибаемя, только въ двухъ лѣсахъ. Имя это—Колывань.

Колывана двѣ изъ лѣсень Киршевскаго сборника помѣщаются между богатырями Владиміра, не говоря впрочемъ ничего о его подвигахъ. Такое помѣщеніе ошибочно. Имя въ виду что исполниту Святогору въ эпосѣ дается отчество Колывановичъ, слѣдуетъ и Колывана признать принадлежащимъ къ богатырямъ старшимъ. Такъ изображается онъ и въ небольшой лѣсѣ открытой Гильфердингомъ, содержаніе которой мы передадимъ вкратцѣ. Въ чистомъ полѣ сѣзжаются три богатыря, первый Колывань, другой Муромлянь, третій Самсонъ. Муромлянь есть разумѣется Илья Муромецъ: любопытна древняя форма его имени. Сходную форму, Муроваяннъ, употребляетъ путешественникъ XVI вѣка Лассота (см. *Изслѣдованіе* О. Миллера, стр. 800). Богатыри спорятъ о старшинствѣ и хвастаютъ силой: каждый изъ нихъ похваляется что онъ могъ бы повернуть землю, было бы только за что ухватиться. „И захвее похваленіе далъ имъ Гослодь привидѣніе“. На дорогѣ лежитъ небольшая сумка. Самсонъ хочетъ поднять ее, но не можетъ сдвинуть съ мѣста; Муромлянь, болѣе сильный, съ натуги уходитъ по колѣна въ землю, а самый сильный Колывань уходитъ въ нее по грудь. „И съ небесъ имъ гласъ гласитъ: сильные, могучіе богатыри, отстаньте отъ этой сумки: сложень въ нее весь земной грузъ. Исполняйте свое дѣло, вѣдите по Руси, дѣлайте ей защиту отъ непріятеля, а полустому не хвастайте“ (лѣвецъ Виссаріоновъ). Эта лѣсня, какъ замѣтятъ всѣ знакомые съ былинами, представляетъ вариантъ большой былины о Самсонѣ или по другимъ Святогорѣ. Разница въ томъ что здѣсь кромѣ Самсона являются еще Муромецъ и неизвѣстный Колывань, и послѣдній изображается самымъ сильнымъ изъ трехъ. Притомъ, можетъ-быть именно вслѣдствіе прибавки Ильи Муромца, вся былина охристианизована болѣе чѣмъ доселѣ извѣстные варианты. Но разберемъ всѣ развѣтвленія этого мотива для того чтобы рѣшить вопросъ объ отношеніи другъ къ другу этихъ трехъ имень. Святогора, Самсона и Колывана.

Самый стройный рассказ сохранился в пѣснѣ о Самсонѣ воищенномъ въ третьемъ томѣ Рыбникова. Содержаніе ея слѣдующее: Славный Самсонъ богатырь ѣдетъ по чисту полю и видитъ идетъ къ нему на встрѣчу дородный добрый молодецъ лѣхотою. Припуститъ богатырь коня во всю силу лошадиную, идетъ молодецъ лѣхотою, во слѣдъ не останется (то-есть подвигается съ такою же скоростью какъ и конный богатырь). Поѣдетъ Самсонъ тихою вольтотою, добрый молодецъ во слѣдъ не наступываетъ (то-есть идетъ также тихо). Въ недоумѣніи Самсонъ останавливаетъ коня и ждетъ къ себѣ молодца. Тотъ подходитъ, и богатырь начинаетъ его выспрашивать. Путникъ, не обращая вниманія на вопросъ, снимаетъ съ плечъ дорожную сумку. Внезапно повелѣніемъ Божиимъ является около нихъ камень синий, лаита зеленая: на эту-то камень-лаиту и полагаетъ молодецъ свою сумочку. Потому онъ кладетъ ее не просто на землю что, какъ мы увидимъ ниже, земля не могла бы выдержать ея страшной тяжести, а выдерживаетъ ее только этотъ чудесный камень. Затѣмъ онъ обращается къ богатырю: славный богатырь свято-русскій, отвѣдай взять мою вошцу на свои плечи могучія и пробѣжать по чисту полю. Самсонъ немедленно сходитъ съ коня, принимается сначала одной рукой, потомъ обѣими, но безъ успѣха. Наконецъ принимается онъ всей силой богатырскою и прилаждаетъ всей грудью бѣлою къ этой сумочкѣ малая и хватаетъ ее всей силой великою. „По колѣну онъ угрызнулъ во зеленъ камень, только могъ подлуститъ малый духъ, лодъ эти лодъ сумочки лодъ малая.“ Кто ты такой? спрашиваетъ Самсонъ и получаетъ въ отвѣтъ: „посланъ я ангелъ отъ Господа поотвѣдать твоей силы великія: погружена вся тягота въ эти сумочки“.

Этимъ оканчивается первая половина быliny. При многихъ достоинствахъ избраннаго нами пересказа, въ немъ есть и замѣтныя несовершенства. Вопервыхъ, слишкомъ много позднѣйшей примѣси; богатырь носить библейское имя Самсона, неизвѣстный путникъ оказывается ангеломъ, однимъ словомъ, такая же христіанизація какъ и въ предыдущей былинѣ. Но кромѣ того здѣсь пропущенъ необходимый эпизодъ: хвостовство богатыря своей силой, которое и вызываетъ явленіе чудесной сумки. Наконецъ темно и самое выраженіе „вся тягота“. Изъ другихъ пересказовъ видно что надо подразумѣвать: земная, то-есть рѣчь идетъ о тяжести самой земли.

Небольшой отрывокъ изъ этой же былины помѣщенный въ первомъ томѣ Рыбникова даетъ цѣльныя прибавленія къ ея содержанію. Герой названъ Святогоромъ, и это имя конечно архаичнѣе Самсона, однако, какъ мы постараемся доказать ниже, тоже не совсѣмъ вѣрно и принадлежитъ въ сущности другому богатырю. Хорошо изображено состояніе исполнина не могущаго найти работы своей силъ. „Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться, а и сила-то по жилочкамъ такъ вѣдь живчикомъ и переливается, грузно отъ силушки какъ отъ тяжкаго бремени.“ Богатырь не зная куда дѣться со своимъ могуществомъ говоритъ наконецъ: „кабы я да тяга напоща, всю бы землю я подвѣялъ“. Подъ словомъ тяга кажется надо разумѣть возможность ухватиться за что-нибудь на землѣ чтобъ ее потянуть, по крайней мѣрѣ въ лѣснѣ о Колыванѣ, богатыри, хвалясь повернуть землю, требуютъ чтобы въ нее поставили столбъ съ кольцомъ за которое они могли бы ухватиться, и сходную мысль выражаетъ Самсонъ, послѣ того какъ его пристыдилъ ангелъ. Далѣе въ отрывкѣ разказывается что Святогоръ нашелъ въ степи малую сумку перемѣтаую и хотѣлъ ее поднять, но надорвался и умеръ отъ натуги. Такимъ образомъ похожденія этого героя кончаются въ самомъ ихъ началѣ, что очевидно испорчено. Вообще этотъ вариантъ уже чрезчуръ сокращенъ.

Гораздо лучше прозаическій разказъ въ томъ же первомъ томѣ Рыбникова. Тамъ выводится также Святогоръ. Добрый молодецъ на вопросъ объ имени называется не ангеломъ, а Микулушкой Селяниновичемъ. О значеніи этого полубога скажемъ ниже. Далѣе прозаическій разказъ сливается съ большою былинной о Самсонѣ и замѣняетъ ея недостающую середину, которую пѣвецъ Рябининъ передавалъ г. Рыбникову тоже лобывальщиною, и притомъ совершенно тождественно съ вариантомъ гдѣ является Микулушка. Самсонъ-Святогоръ, видя что предъ нимъ не простое существо, пользуется случаемъ чтобъ узнать отъ него свою судьбу. „Ты еще скажи, Микулушка, повѣдай-ко какъ узнать маѣ судьбину Божию“. Судбиной у древнихъ Славянъ назывался по преимуществу бракъ, какъ важнѣйшее событіе въ жизни человѣка. Такъ понималъ вопросъ и Микула. Но разрѣшать подобные вопросы не его дѣло. Не онъ устраиваетъ браки, есть на то другое могучее существо. Къ нему онъ и посылаетъ богатыря. „Повѣдай до-

рогой прямо ѣзжею до розстани, а отъ розстани вѣтво сверни и нусти коня во всю прыть лошадиную и прїѣдешь ко сѣвернымъ горамъ. У тыхъ горъ стоитъ кузница подъ великимъ деревомъ: ты спроси у кузнеца про судьбину.“ Богатырь исполняетъ повелѣнїе, находитъ и горы, и дерево, и кузницу. „А въ ней куетъ кузнецъ два тонкихъ волоса.“ На вопросъ объ его занятїи онъ отвѣчаетъ: якую судьбину, кому на комъ жениться. Кузнецъ этотъ есть Лель-Полель, славянской богъ брака, котораго въ цыгнскихъ мѣстахъ и латышскїхъ призываютъ на свадьбахъ подъ именемъ Кузьмы-Дамьяна чтобъ онъ пришелъ со своимъ святымъ молотомъ и сковалъ свадьбу крѣпкую. Два волоса это двѣ хрупкія жизненные нити соединенныя на вѣки божествомъ. Обиталище божественнаго кузнеца судьбы показаво подъ сѣверными горами, Олимпомъ Славянъ (у Индійцевъ жилище боговъ тоже помѣщалось на сѣверѣ вселивой). А это великое дерево едва ли не тотъ срединный дубъ-стародубъ который по арїйской мѣтологїи поддерживаетъ мїръ. Богатырь спрашиваетъ кузнеца на комъ суждено ему жениться. И выковалъ ему кузнецъ жениться на дочери Луки-Калики. „А та невѣста во царствѣ Поморскомъ, во томъ престольномъ городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во пещерѣ.“

Богатырь задумался: дай-ка съѣзжу и убью эту невѣсту. Сказаво—сдѣлано; прїѣхавъ онъ въ царство Поморское, отыскалъ убогїй домишко Луки и входитъ въ него. Никого въ домѣ, одна его невѣста лежитъ въ крѣпкомъ снѣ: „а и тѣло у ней какъ елова кора“. Богатырь вынимаетъ лятьсотъ рублей и кладетъ на столъ чтобы было на что похоронить дѣвушку, которая все-таки его невѣста. Затѣмъ онъ замакивается мечомъ и ударивъ ее по груди уходитъ не оглядываясь и послѣшнѣо уѣзжаетъ. Но выходитъ не то что онъ думалъ. Дѣвушка не ранена, ударъ чудеснаго меча только сблизилъ ее наростшую кору. Проснувшись и почувствовавъ себя исцѣленною, она присвоетъ себѣ деньги оставленныя женихомъ, начинаетъ торговать и наживаетъ великое богатство, наконецъ строитъ корабли и ѣдетъ съ товарами „къ великому городу на Святыхъ Горахъ“. Этотъ великій городъ Самсона-Святогора мы еще увидимъ въ былинѣ. Святыя Горы, мѣстожительство исполиновъ, по другимъ лѣгсамъ находятся въ сырой землѣ; онѣ отличны отъ горъ сѣверныхъ, обиталища боговъ, и наломиваютъ скандинавскїй Иогунгеймъ, страну

великановъ, тянувшуюся по окраинѣ земли или даже отъ левую отъ нея 'Океаномъ. И у насъ невѣста исполнѣла прѣзжаетъ къ жениху по сию морю.

Слухъ о ней и объ ея красотѣ, ибо чудесный мечъ сдѣлалъ ее и красавицей, разносится по всему городу: Всѣ бѣгутъ посмотрѣть на нее, приходитъ и Самсонъ-Святогоръ, влюбляется въ нее съ перваго взгляда и, получивъ безъ труда согласие, вступаетъ съ нею въ бракъ. Ночью онъ видитъ у нее рубецъ на груди и спрашиваетъ о его причинѣ. Та разсказываетъ какъ было дѣло. „И говоритъ тутъ Самсонъ богатыря суда Божія на добромъ конѣ не объѣхати, и то поговори впередъ пошло.“ Этимъ поговорьемъ, дышащимъ глубоко древностью и Словомъ о Полюкѣ Игоревомъ, кончается второй эпизодъ.

Третій разсказъ сохранился только у Рябинина, и составляетъ развитіе предыдущаго. Узнавъ о томъ что мужъ хотѣлъ ее и когда погубить, красавица начинаетъ его ненавидѣть и замышляетъ ему гибель. Такъ объясняетъ дѣло лѣснѣя, и объясненіе это въ духѣ мрачныхъ и гадкихъ существъ которыми въ ней восплѣваются. Но уже давно замѣчено критиками что всѣ эти лѣсни объ измѣнѣ жены мужу, которыхъ много въ эпосѣ, имѣютъ общій мифическій смыслъ, состоящій в томъ что женское начало, какъ болѣе доступное къ нововведеніямъ, вступаетъ въ связь съ младшимъ героемъ, открывающимъ новую мифическую эпоху. Въ лѣснѣ о настоящемъ Святогорѣ, которой мы скоро коснемся, этотъ мифъ вырженъ еще яснѣе. Какъ бы то ни было, жена начинаетъ спрашивать Самсона:

„Боятся тебя, Самсонъ, всѣ земли,
Всѣ земли и всѣ орды;
Отчего жъ ты силень и славень,
Силень и славень и громокъ?“

Самсонъ отвѣчаетъ: „Оттого я силень, и славень, и громокъ что имѣю на головѣ семь власовъ ангельскихъ“. Эт волоса Самсона уломинаются и въ другомъ мѣстѣ эпоса, именно въ первой лѣснѣ объ Ильѣ Муромцѣ. Калики, давъ Ильѣ богатырскую силу, предостерегаютъ его чтобъ онъ не вступалъ въ бой съ Самсономъ, ибо у него семь власовъ ангельскихъ (1й томъ Рыбникова). Исследователи были бы обыкновенно отвергаютъ самостоятельность разсказа объ измѣнѣ жены и считаютъ его взятымъ изъ Библии вмѣстѣ съ чудесны

ни волосы героя. Мы думаем что сходство главного мотива съ библейскимъ могло быть поводомъ къ тому чтобы герой получилъ библейское имя Самсона, равно могло повліять и на дальнѣйшій ходъ былины, но что чудесные волосы богатыря вполнѣ туземны. Подобныхъ преданій не мало у всѣхъ народовъ. Г. О. Миллеръ указываетъ на нѣкоторыя славянскія и албанскія: въ этихъ еще можно было бы предположить заимствование изъ того же библейскаго источника, но у насъ есть еще древній греческій мифъ о Нисѣ, царѣ Мегарскомъ, имѣвшемъ въ своихъ кудряхъ одинъ чудесный волосъ, отъ цѣлости котораго зависѣла судьба Мегары. Его дочь, влюбившись въ Миноса Критскаго, осаждавшаго ихъ городъ, отрѣзала роковой волосъ у соннаго отца и этимъ предала Мегару врагамъ. Замѣтимъ еще что между нашею былинкой и нѣтхозавѣтнымъ разказомъ сходство далеко не полное. Сила нашего Самсона зависитъ вовсе не отъ длины его волосъ, а отъ цѣлости нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣющихъ сверхъестественное происхожденіе. Этотъ мотивъ вполнѣ согласенъ съ древнѣйшими мифическими воззрѣніями. Далѣе, впрочемъ, заимствование дѣлается все вѣроятнѣе и вѣроятнѣе. Жена, узнавъ тайну, дожидается имени мужа и наговявъ его до пьяна, равно какъ и гостей, призываетъ своихъ сторонниковъ и остригши мужу волосы, выкалываетъ ему глаза и выгоняетъ изъ дому.

Затѣмъ самое окончаніе вполнѣ тождественно съ библейскимъ. Замѣтимъ только что Самсонъ, замысливъ месть, призываетъ служанку вести его въ „мой великій градъ, въ мои палаты бѣлокаменны“. Такимъ образомъ богатырь является надѣтелемъ страны, какъ и прилично ему быть, ибо онъ члвчѣйшій изъ великановъ.

Разобравшая нами былина строго слѣдуетъ библейскому образцу и заставляетъ ослѣпленнаго героя погибнуть подъ развалинами дома. Эту черту уже ни въ какомъ случаѣ нельзя признать подлинною. Волервыхъ, колоссальному богатырю нашего эпоса вовсе неидетъ быть задавленнымъ хотя бы домомъ, а воторыхъ, есть основаніе догадываться что по древнѣйшимъ вариантамъ ослѣпленный витязь пережилъ это мщеніе. Въ пѣсняхъ о Святогорѣ мы встрѣчаемъ слѣдшаго богатыря съ огромною силой, въ которомъ легко признать того же Самсона. Эти пѣсни помогутъ намъ опредѣлить подлинное имя героя. Въ самомъ дѣлѣ, какое оно было?

Разумѣется не Самсонъ. Нѣкоторые варианты называютъ старѣйшаго богатыря Святогоромъ, а одна былина, записанная Гильфердингомъ даже прямо выражается: Самсонъ-Святогоръ (здѣсь впрочемъ рѣчь идетъ уже о настоящемъ Святогорѣ), но на этомъ имени тоже нельзя остановиться, и изъ разбора всѣхъ лѣсеней объ исполнителяхъ выходитъ что Самсонъ и Святогоръ личности совершенно независимы другъ отъ друга, и каждый имѣетъ свою отдѣльную биографію. Имѣя въ виду что слѣпой богатырь о которомъ мы говорили является отцомъ Святогора, а единственное отчество послѣдняго есть Колывановичъ, можно, думаемъ, принять (значительно вѣроятностью что слѣпой Колыванъ, отецъ Святогора, есть одно лицо съ ослабленнымъ Самсономъ. Самсонъ-Колыванъ—это древнѣйшій и сильнѣйшій изъ богатырей, предъ которымъ даже Святогоръ является молодымъ чловекомъ. И самое имя его очень архаично.

II.

Сборникъ Гильфердинга, дающій очень немного для объясненія Самсона, богатъ лѣсенями о Святогорѣ, которыя мы теперь и будемъ разбирать. Но прежде надо вкратцѣ изложить содержаніе Рыбниковскихъ былинъ объ этомъ героѣ, ибо онъ извѣстнѣе, и притомъ составляютъ совершенно самостоятельный вариантъ.

Илья Муромецъ, получивъ богатырскую силу отъ калики перехожихъ, ѣдетъ на подвиги. Въ чистомъ полѣ онъ находитъ великій шатеръ и ложится въ немъ спать, привязавъ копь къ дубу. Ковъ будить его своимъ топотомъ и извѣщаетъ чловеческимъ голосомъ объ опасности. Илья отпускаетъ копь въ поле, а самъ лѣзетъ на дубъ. И видитъ онъ ѣдетъ отъ сѣвера богатырь выше лѣса стоячаго, головой улирается въ облако ходячее, на плечахъ везетъ хрустальный ларецъ, въ томъ ларцѣ его молода жена. Подѣхавъ, великанъ, который оказывается богатыремъ Святогоромъ, выпускаетъ жену изъ ларца и, пообѣдавъ, ложится спать, а жена его идетъ погулять по полю. Подобно женѣ Самсона, она только шцетъ случая измѣнить своему мужу. Увидавъ Илью на деревѣ, онъ требуетъ чтобъ онъ вступилъ съ нею въ связь, а не то онъ

оживляет его предъ мужемъ. Мотивъ крайне обыкновенный въ эпосѣ всѣхъ народовъ. Илья принужденъ согласиться. Это вовсе нейдетъ къ идеальному типу Муромца какимъ онъ является въ огромномъ большинствѣ былинъ, но слѣдуетъ помнить что преданіе о Святгорѣ и Ильѣ одно изъ самыхъ древнихъ и вообще плохо вяжется съ общепринятымъ разказомъ о томъ какъ Илья получилъ свою силу. Извѣстно что большая часть пѣсней и сказокъ выводятъ эту силу отъ чудеснаго валитка поднесеннаго разслабленному Муромцу тремя каиками переходими, тогда какъ былины объ Ильѣ и Святгорѣ объясняютъ дѣло совершенно иначе и притомъ болѣе матеріально. Нѣтъ сомнѣнія что оба преданія идутъ отъ языческихъ временъ, и первоначально примѣнялись къ древнѣйшимъ этическимъ личностямъ, въ послѣдствіи же были отнесены къ историческому и христіанскому герою. Разница между ними въ томъ что трехъ верховныхъ боговъ колдунъ по свѣту въ видѣ стравниковъ (сравни польское преданіе о Пястѣ) легко можно было растолковать въ христіанскомъ смыслѣ (ангелами), почему этотъ разказъ и распространился по всей Россіи и вполнѣ присталъ къ личности муромскаго богатыря; напротивъ того, противоположный мотивъ могъ удержаться только въ гаухомъ Заонежьи. Впрочемъ изъ оборота Гильфердинга мы увидимъ что были и такіе пѣвцы которые, приписывая силу Муромца земное и языческое происхожденіе отъ исполина Святгора, не рѣшались уже пѣть о его связи съ женой старшаго богатыря и пропускали этотъ эпизодъ какъ слишкомъ непристойный для великаго героя.

Но Рыбниковскій вариантъ еще вѣрнѣе старинн. Богатырская жена не хочетъ разставаться съ Ильей и сажаетъ его къ исподину въ карманъ, а по другимъ, въ колчанъ. Черта которую Эдда приписываетъ громовику Тору, прячущемуся въ рукавицѣ великана Скримира, почему изслѣдователи и думаютъ что она перешла въ нашъ эпосъ изъ древнѣйшихъ пѣсней о борьбѣ Перуна съ великанами. Измѣнницу выдаетъ Святгоровъ конь, который жалуется хозяину что ему трудно везти двухъ богатырей. Святгоръ вынимаетъ Илью, и тотъ разказываетъ все безъ утайки. Тогда Святгоръ убиваетъ жену, а Илью называетъ меньшимъ братомъ. Поѣздивъ съ нимъ по полю и обучивъ его богатырству, Святгоръ везетъ его къ себѣ на Святыя Горы. Этотъ эпизодъ выпалъ изъ

былины Леонтія Богданова, которою мы здѣсь пользуемся, и сохранился только въ прозаическомъ пересказѣ Рябинина напечатанномъ въ третьемъ томѣ Рыбникова. Подъѣзжая къ дому Святогоръ предупреждаетъ Илью чтобъ онъ, здороваясь съ его свѣлымъ отцомъ (Колываномъ), не подавалъ ему руки, а вмѣсто того подавалъ ему раскаленный кусокъ желѣза. Илья исполняетъ предписанное, а свѣлецъ хватаетъ желѣзо и начинаетъ его мять, испытывая силу пріѣзжаго богатыря. Наконецъ онъ долженъ сознаться что Илья „хорошій богатырекъ“.

Г. Миллеръ приводитъ сходный разказъ записанный г. Мишаевымъ (*Илья Муромецъ*, стр. 241). Тамъ отецъ Святогора приводитъ Илью къ свѣлomu старцу Билогремищу, страшному силачу, который въ молодости носилъ на головѣ огромный колоколъ и, ударя въ него, скликалъ свою дружину. Илья, по совѣту Святогорова отца, даетъ ему вмѣсто руки раскаленную палицу. Билогремище этотъ со своимъ колоколомъ зашелъ въ лѣсу объ Ильѣ изъ новгородской былины о Васкѣ Буслаевѣ, въ которой онъ является крестнымъ отцомъ послѣдняго подъ именемъ старчища-Пилигримища, Пилигринища, Пиригринища, Преугрюмища и пр. Такъ объясняетъ и г. Миллеръ, но при этомъ онъ отзывается о формѣ Билогремище что она осмыслена изъ мѣнѣ попятнаго Пилигримище. Намъ кажется что изслѣдователи слишкомъ легко приняли правильность и исконность этой послѣдней формы. Латинское peregrinus, нѣмецкое pilger, дѣйствительно вошло въ нашъ языкъ въ словѣ пилигримъ; но только въ языкѣ литературный, и то довольно поздно. Въ какихъ рукописяхъ встрѣчается это слово до Петра Великаго? Если не ошибаемся, такихъ не существуетъ, а иностранное слово могло попасть въ языкъ единственно книжнымъ путемъ. И мы думаемъ что исконною формою было именно Билогремище (ударяющій въ било—лономарь; старецъ о которомъ идетъ рѣчь и является большею частію жителемъ монастыря). Можно предполагать что изъ Билогремища, сдѣлавшагося мало попятнымъ, сдѣлали Перегремище (сравни перезванивать), а затѣмъ искаженіе пошло далѣе, и такимъ образомъ появилось прозвище Пилигримище, только случайно совпавшее съ иностраннымъ словомъ. Во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ что этому западному термину вовсе нечего дѣлать въ нашихъ

быливахъ. Если же мы, паче чаянiя, ошибаемся, то просимъ лицъ занимающихся эпосомъ указать намъ нашу ошибку.

Возвращаемся къ Святотору. Между судьбой его и Колывана былины проводятъ рѣзкую разницу. Колыванъ еще не противорѣчить своей эпохѣ, и хотя заплатилъ за непомятое могущество зрѣниемъ, однако остается живъ и переживаетъ даже сына. Но этого сына уже не выносить мать земля, требующая иныхъ героевъ на смѣну исполннамъ. И преданiя рисуютъ въ яркихъ чертахъ и силу, и безпомощность этого заповѣданнаго титана. Нѣкоторые изображаютъ его вѣчно распостертымъ на какой-то горѣ и не смѣющимъ встать на ноги чтобы не уйти въ камень, другiя позволяютъ ему двигаться, но ограничиваютъ его богатырскiя похвѣдки только Святыми Горами, лежащими, какъ мы видѣли, въ настоящей земли. Былина которую мы теперь разбираемъ рисуетъ Святотора земнымъ богатыремъ, но и она заставляетъ его преждевременно умереть, ибо сама судьба вмѣшивается въ дѣло и очищаетъ мiръ отъ этого безобразнаго остатка сѣдой старины.

Погостивъ на Святыхъ Горахъ Святоторъ и Илья ѣдутъ опять на Русь и находятъ на дорогѣ великiй гробъ. На гробу подпись подлинана: кому въ этомъ гробѣ лежать, тотъ въ него самъ и ляжетъ. Неустрашимые богатыри начинаютъ шутить съ судьбой. Сначала ложится въ гробъ Илья, но тотчасъ выходитъ, говоря что гробъ для него слишкомъ великъ. Затѣмъ ложится Святоторъ, и гробъ оказывается совершенно впору. Закрой меня крышкой, говоритъ великанъ товарищу. Тотъ не рѣшается, и Святоторъ самъ опускаетъ крышку, но когда хочетъ поднять ее снова, то уже не можетъ этого сдѣлать. Въ ужасѣ онъ обращается къ Ильѣ. „Ай меньшiй братъ, не судьба ль меня поискала, подыми крышку коли сможешь“. Но тотъ конечно не можетъ. „Бери мой мечъ кладенецъ, бей мечомъ по крышѣ“. Не можетъ Илья и меча поднять. Тогда Святоторъ приказываетъ ему нагнуться къ щелкѣ и дышетъ на него богатырскимъ духомъ. Второе прибыло силы у Ильи, хватаетъ онъ Святоторовъ мечъ и рубитъ поперегъ крышки, но гдѣ ни ударитъ мечъ, вырастаютъ желѣзные полосы. Задыхающiйся Святоторъ требуетъ чтобы Илья еще нагнулся. „Ядохну еще богатырскимъ духомъ, передамъ тебѣ всю силу великую“. Но Илья отклоняетъ предложенiе, боясь что и его не будетъ носить сыра земля. И Святоторъ признается что онъ хотѣлъ погубить товарища, не

желаю чтобы меньшій братъ его пережилъ. „Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что послѣдняго наказа не послушался а бѣ дохнулъ на тебя мертвымъ духомъ и лежать бы тебѣ со мною рядомъ“. Затѣмъ онъ умираетъ, завѣщавъ Ильѣ свое мечъ кладенецъ. Такимъ образомъ былина заставляетъ Илью получить свою огромную силу отъ Святогора. Калики перехожіе, по ея словамъ, только поставили его на ноги и дали известную долю силы. Но другія сходныя преданія говорятъ что калики дали Ильѣ не только огромную, но и чрезвычайную силу въ родѣ Святогоровой, и затѣмъ сами ея поубавили. И такъ между двумя разказами есть коренное противорѣчіе и ихъ по настоящему не должно сливать.

У Гильфердинга мы находимъ новые варианты этой быliny, которые и слѣдуетъ теперь рассмотретьъ. Одинъ изъ нихъ выводитъ еще разъ Святогорова отца. Это вариантъ Каликина: съ него мы и начнемъ.

На горахъ высокихъ, на той на Святой Горѣ, жилъ богатырь чудный, во весь міръ дивный. Не ѣздилъ онъ на святую Русь не носила его сыра земля; хотѣлъ узнать Илья Муромецъ славнаго Святогора богатыря. Приходитъ къ нему Илья и говоритъ: ужъ ты здравствуешь богатырище лорный, лорны богатырь ты дивный. (Слово *лорный*, встречающееся каже въ первый разъ въ эпосѣ, означаетъ могучій, буквально, воевой лорѣ находящійся). На вопросъ объ имени Илья называется и объясняетъ что ему захотѣлось поглядѣть на богатыря Святогора, который не ѣздитъ на мать сыру землю не является между другихъ богатырей. На это Святогор отвѣчаетъ:

Я бы ѣздилъ тутъ на матушку сыру землю,
 Да не носить меня мать сыра земля,
 Мнѣ не придаютъ тутъ ѣздить на святую Русь,
 Мнѣ позволено тутъ ѣздить по горамъ высокимъ,
 Да по щелейкамъ по толстымъ.

Очень архаичное мѣсто, наглядно изображающее отношеніе Святогора къ младшимъ богатырямъ. Исполнивъ радъ гостю и приглашаетъ его поѣздить вдвоемъ по Святымъ Горамъ. Въ этой-то поѣздкѣ они и находятъ чудесный гробъ. Все оканчивается приблизительно какъ и въ Рыбниковской былинѣ, но о надѣленіи силой нѣтъ и рѣчи. За то естъ новый эпизодъ. Святогоръ видя гибель посылаетъ Илью к

своему слѣпому отцу за послѣднимъ благословеніемъ. Старикъ едва выслушалъ вѣсть, кидаетъ въ вѣстника палицей: ты вѣрно самъ его убилъ да и приѣзжаешь съ вѣстью. Но Муромецъ увертывается отъ удара, а старикъ приходитъ въ себя и даетъ сыну благословеніе. Оно застаётъ Святогора еще въ живыхъ. Мы видимъ что эта былина вичего не знаетъ ни объ измѣнѣ жены, ни о надѣленіи силой. Она стоитъ уже ближе къ настоящему Ильѣ Муромцу и не столь проникнута мифологіей какъ другія сходныя.

Слѣдуетъ былина Щеголенкова (Гильфердингъ, стр. 673). Этуго глѣвца обвиняютъ въ томъ что онъ часто оставляетъ свои глѣсны изъ разнородныхъ кусочковъ. Изъ былинны проглѣтой имъ Гильфердингу видно что кромѣ того онъ иногда поетъ одну и ту же глѣсню совершенно въ различныхъ вариантахъ. Именно, былина которую записалъ Гильфердингъ была уже записана г. Барсовымъ, но въ записи послѣдняя является въ сильно измѣненномъ видѣ, и даже съ другими именами. Барсовскимъ текстомъ пользовался г. Орестъ Миллеръ (стр. 243). Мы сначала изложимъ этотъ вариантъ, такъ какъ Гильфердинговскій и сокращенъ и представляетъ слѣшкомъ уже страшныя вещи. Ильѣ по этому варианту встрѣчаетъ въ степи неизвѣстнаго ему Святогора и бьетъ его палицей по головѣ, а Святогоръ, подобно Настасьѣ Микуличнѣ въ глѣсныхъ о Добрынѣ, думаетъ сначала что его кусаютъ мухи, но потомъ хватаетъ обидчика и сажаетъ его въ колчанъ. Конь докладываетъ что ему трудно вести двухъ богатырей, и Святогоръ спрашиваетъ Илью кто онъ таковъ. „Я русскій могучій богатырь Ильѣ Муромецъ сынъ Ивановичъ“. „Какой же ты богатырь“, смѣется Святогоръ, „когда я везъ тебя въ колчанѣ“. Затѣмъ онъ предлагаетъ Ильѣ помѣряться еще разъ силой. Поѣхали они по чисту полю, Ильѣ, чуя бѣду, вернулся и былъ таковъ. Святогоръ хочетъ его найти и не можетъ. Наконецъ онъ сходитъ съ коня, предварительно помолившись землѣ: „удержи-тко мать сыра земля русскихъ могучихъ богатырей: Святогора богатыря и стара казака Илью Муромца“. По этому варианту Святогоръ, значитъ, могъ вѣздить по землѣ, ему только опасно было по ней ходить. Онъ всходитъ на скалу, обрушивая изъ-подъ ногъ огромныя камни и смотритъ съ вершины, но не видитъ Ильи. И тоскуетъ богатырь: „еслибъ было кольцо въ небѣ, а другое въ землѣ, повернулъ бы я землю вверхъ краемъ, не уѣхалъ бы отъ меня Ильѣ

Муромецъ. А теперь вѣтъ мѣъ поедищика“. Тутъ встрѣчается ему Микула съ сумкой, затѣмъ Святоторъ неизвѣстно какъ находитъ опять Илью Муромца, и тутъ же великій гробъ. Далѣе дѣло идетъ своимъ порядкомъ. Хорошо описаніе скорби и смерти коня надъ гробомъ господина. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ подъ руками этого варианта.

Гильфердинговскій вариантъ много хуже.

Вопервыхъ, Святоторъ оказывается живущимъ во дворѣ у богатаго Садка Новгородскаго. Когда у Святотора явилась великая сила, Садко сваряжаетъ его въ луть. Въ полѣ валадаетъ на него не Илья, а Самсонъ Самофловичъ (объ отнесеніи ислодина Самсона къ богатырямъ Владиміра и о вѣроятномъ значеніи этого младшаго Самсона скажемъ ниже). Затѣмъ идетъ все то же, только вмѣсто Ильи дѣйствуетъ Самсонъ, и весь разказъ не такъ яркъ и короче. Святоторъ со поставленный съ Садкомъ Новгородскимъ конечно предстаетъ сильное искаженіе, впрочемъ Щеголенковъ можетъ быть приставилъ къ лѣтнѣ о Святоторѣ зачало изъ какой-нибудь пропавшей новгородской былины. Садко дѣйствительно иногда является пріятелемъ богатырей занимающимъ ихъ для своей защиты. Мы еще вернемся къ этому мѣсту когда будемъ говорить о Вольгѣ Святославичѣ.

Маленькая былина Гуробина имѣетъ почти то же содержаніе. Отмѣчаемъ характеристическій отвѣтъ Ильи. Когда Святоторъ спрашиваетъ его о силѣ, Муромецъ отвѣчаетъ:

Ай во мѣъ-то еще сила небольшая есть,
Еще только любиваю я вѣдь храбростью своей.

Былины Третьякова и Меньшикова почти тождественны въ томъ что относится до Святотора, почему мы и разбираемъ ихъ заодно. Впрочемъ въ нихъ важно только окончаніе. Когда Святоторъ сталъ умирать, то пошелъ отъ него великій потъ. И говоритъ онъ Ильѣ Муромцу: „Лизни моего поту одинъ и другой наконъ (разъ) и не будешь ты бояться богатырей, а третьяго накону Илья не лижи: не станетъ носить мать сыра-земля, не стануть возить кони богатырскіе.“

Едва ли это не самое древнее преданіе о томъ какъ получилъ силу первенствующій русскій богатырь.

IV.

Разборъ пѣсней о великанахъ оконченъ. Разбирая ихъ мы почти ничего не говорили объ ихъ общемъ мифическомъ значеніи, но эта сторона предмета такъ уже разработана нашими предшественниками что касаться ей было бы почти излишне. Всѣмъ сколько-нибудь знакомымъ съ эпосомъ извѣстно что у всѣхъ народовъ существуютъ преданія о томъ что теперешнимъ людямъ предшествовало на землѣ племя исполиновъ болѣе сильное, но и болѣе свирѣлое, что первые люди были современниками послѣднихъ исполиновъ и вступали съ ними въ опасныя знакомства, которыя однако большею частію кончались счастливо для людей, что наконецъ исполины при всей своей силѣ были осуждены неминуемо погибнуть, ибо стали ненавистны богамъ своимъ гордымъ и суровымъ нравомъ. Равнымъ образомъ не разъ было разъясняемо мифическое отношеніе исполиновъ къ тѣмъ небеснымъ горамъ-тучамъ, закрывающимъ солнце, съ которыми была первообразъ Ильи былинъ—Перунъ-громовникъ, и къ горамъ земнымъ, въ которыя верѣдко превращались исполины—каменѣли. Имѣя это въ виду и избѣгая всего что могло бы насъ отвлечь отъ ближайшей цѣли нашего труда, мы ограничились разъясненіемъ тѣхъ частныхъ изъ исполинскаго эпоса которыя, по нашему мнѣнію, еще представляли неясности. Теперь мы перейдемъ къ существу тоже мифическому, но свѣтлому, и потому болѣе сильному чѣмъ исполины, именно къ Микулѣ Селяниновичу, котораго мы уже видѣли въ пѣснѣ о Самсонѣ. Тамъ о немъ говорится мало, такъ что главные матеріалы для уясненія этого образа надо почерпать изъ пѣсней о Вольгѣ. Этихъ пѣсней очень много въ сборникѣ Гильфердинга; къ сожалѣнію всѣ онѣ относятся ко второй части трилогіи объ этомъ богатырѣ. Но для насъ это-то и нужно, ибо во второй части говорится именно о Микулѣ. Хотя варианты въ разказѣ мало разнятся съ Рыбниковскими, тѣмъ не менѣе въ нихъ встрѣчается много любопытныхъ частныхъ извѣстнаго что эпизодъ о встрѣчѣ князя и лахара до сихъ поръ можно было упрекнуть единственно въ недостаточной ясности въ мифическомъ отношеніи. И вотъ на мифическое-то его значеніе нѣкоторые стихи сборника кидаютъ кажется новый свѣтъ.

Что подъ именемъ Микулушки Селяниновича въ нашемъ злосѣ является языческое божество, въ этомъ кажется согласны всѣ изслѣдователи, но для болѣе точнаго его опредѣленія сдѣлано еще немного. Ученые обыкновенно сравниваютъ Микулу съ Перуномъ, увлекаясь въ этомъ случаѣ сходными германскими преданіями. Дѣйствительно, Микула и Вольга сильно напоминаютъ Одина и Тора *Эдды*. Разница, и не малая, есть въ томъ что тогда какъ въ *Эдде* другъ людей подвергается злымъ насмѣшкамъ Одина и неумѣнно извлекать личную пользу изъ своей огромной силы, у насъ Вольга вовсе приниженъ предъ Микулой. Конечно это можно объяснять демократическимъ складомъ нашего злоса, тѣмъ не менѣе намъ кажется что здѣсь есть и другое коренное отличіе. Не надо забывать что нашъ Перунъ во многомъ приближается къ Одину. Наша мифологія помѣщаетъ выше громовника только одно существо—Бѣлбога, и это существо вовсе недѣятельное, и управление міромъ принадлежитъ всецѣло Перуну, тогда какъ германскій громовникъ Торъ находится, такъ-сказать, на послышкахъ у Одина. Потому и приваивать Микулу за воплощеніе Перуна вѣскольکو затруднительно, тѣмъ болѣе что въ немъ до сихъ поръ еще не указано ничего громоваго. Если онъ Перунъ, то чѣмъ же будетъ его спутникъ Вольга, сынъ огненнаго змѣя, подлаторымъ, по мнѣнію тѣхъ же писателей, понимается небесный огонь, то-есть олять-таки Перунъ. Потому мы еще въ нашемъ изслѣдованіи о славянской мифологіи высказали убѣжденіе что подъ Микулой слѣдуетъ разумѣть Стрибога. Это божество второе послѣ Перуна и занимающее въ нашей мифологіи роль Тора. Какъ ни любезенъ былъ Перунъ для народа, но въ качествѣ правителя вселенной онъ необходимодолженъ былъ принять на себя отвѣтственность за ея недостатки. Перунъ сдѣлался такъ-сказать начальствомъ, и понятно что злосѣ, усумнясь въ его идеальныхъ достоинствахъ, ухватился за другое существо, которое хотя и служитъ Перуну, но единственно по доброй волѣ, а захоти оно только такъ весь міръ могъ бы быть преобразованъ къ лучшему. Въ нашей статьѣ мы, высказавъ это мнѣніе, подкрѣпили его доказательствами взятыми главнымъ образомъ изъ чисто мифическихъ источниковъ; злосомъ мы пользовались мало. Теперь мы напротивъ того поставимъ его на первый планъ, и

благодаря Гильфердинговскимъ вариантамъ онъ можетъ значительно подкрѣпить нашу теорію.

Возьмемъ сначала уже разобранную нами былинку о встрѣчѣ Микулы съ Самсономъ. Само собою разумѣется что тяжелая ноша Микулы, тяжесть которой равна землѣ, есть языческій символъ самой земли. Какому же божеству прилично носить на своихъ плечахъ землю? Одному Океану, по нашему, морскому царю—Стрибогу. Пошение Микулой своей тяжелой сумочки не есть ли одинъ и тотъ же мифъ съ извѣстнымъ воплощеніемъ Вишну, когда онъ, принявъ образъ черепахи, поддержалъ землю колеблющуюся на водахъ Океана! А Вишну въ позднѣйшемъ браманизмѣ смѣнилъ именно древнѣйшаго морскаго царя арійскихъ мифовъ—Варуну. И намъ кажется что сине-зеленый цвѣтъ камня на который (смотри выше) кладетъ Микула звою ношу явился не случайно, а имѣетъ ясный мифическій смыслъ, будучи въ то же время цвѣтомъ моря.

Теперь перескажемъ вкратцѣ содержаніе лѣсни о встрѣчѣ Вольги съ Микулой. За основу беремъ главнымъ образомъ Рабинувскій пересказъ въ первомъ томѣ Рыбникова. Вольга или Волхъ Святославеичъ, племянникъ Владиміра, сынъ его сестры Марыи (подлинное ея имя укажемъ ниже) и змѣя въ которомъ воплотилось въкоторое языческое божество, всего въролѣтѣ Перуны, получаетъ отъ своего дяди три города, называемые въ вариантахъ различно, но помѣщаемые, сколько можно судить, къ западу отъ Кіева. Онъ ѣдетъ къ этимъ городамъ за данью, сопровождаемый своею дружиной. Вдругъ усамшалъ онъ въ чистомъ полѣ ратаи. Ореть въ полѣ ратаи, громко скрипитъ его соха, звякаютъ омешики по камнямъ. Вольга направляется на шумъ, но ратаи передвигается съ такою быстротой въ полѣ что князь два дня не можетъ его догнать. Настигаетъ онъ его только на третій день, и видитъ что ратаи собою молодецъ, сошка его золотая, присошникъ серебряный, омешики булатные. Одѣтъ онъ тоже великолѣпно.

Вольга и лахаръ прѣтствуютъ другъ друга. На вопросъ послѣдняго, куда собирался князь, Вольга отвѣчаетъ что онъ ѣдетъ за данью къ такимъ-то городамъ. Ратаи предостерегаетъ его что тамошніе жители разбойники и добровольно не дадутъ ему дани. „Они и меня хотѣли ограбить

когда я ѣздилъ къ нимъ за солью, но я имъ далъ себя знать“. Вольга, видя что имѣеть дѣло съ богатыремъ, зоветъ лахара въ товарищи, и тотъ соглашается, но отъѣхавъ немного всплываетъ что надо бы спрятать соху въ кусты. Вольга посылаетъ сначала одного дружинника, потомъ нѣсколько, наконецъ и всю дружину, но они даже общими силами не могутъ поднять сохи. Поднимаетъ ее и забрасываетъ въ кусты вернувшійся лахарь. Такимъ образомъ какъ Самсонъ оказался неспособнымъ поднять ношу Микулы, то-есть землю, такъ и дружина Вольги не въ силахъ сладить съ оружіемъ бога-лахаря—его золотой сохой.

Князь и лахарь подѣвзаютъ къ городамъ, и жители дѣйствительно затворяются отъ нихъ, ставятъ щить, по древнему выраженію. Вольга отправляетъ свое войско черезъ рѣку, но оно проваливается на подпленныхъ мостахъ и начинаетъ тонуть. Тогда два богатыря перекакиваютъ рѣку на своихъ коняхъ и усмиряютъ бунтовщиковъ. Въ нашей статьѣ объ историческомъ элементѣ въ былинахъ мы уже касались сходства этого эпизода съ историческими подвигами и Олега Вѣщаго и другихъ древнѣйшихъ князей, такъ что здѣсь, а равно и въ другихъ мѣстахъ, можемъ ограничиться только миѣншею стороною предмета. Окончивъ свое дѣло союзники ѣдутъ назадъ. Оратай пускаетъ коня рысью, а Вольга не можетъ догнать его и вскачь. Онъ хвалитъ лошадь и говоритъ что еслибъ она была не кобылкой, а конькомъ, то за нее бы лятьсотъ дали. „За нее и теперь дано лятьсотъ, отъвѣчаетъ ему владѣтель лошади, а еслибъ она конькомъ была, то ей бы и цѣны не было“. И затѣмъ на вопросъ Вольги, кто же онъ такой наконецъ, оратай говоритъ эти всѣмъ извѣстные стихи.

А я ржа напашу да во скирды сложу,
 Во скирды складу, домой выволочу,
 Домой выволочу, дома вымолочу,
 Драги надеру да и пава наварю,
 Пива наварю, мужичковъ напою;
 Станутъ мужички меня поклакивати:
 Ай ты молодой Микулушка Селявиновичъ.

Этимъ и кончается лѣсія; въ одномъ только вариантѣ разыывается еще какъ Вольга пріѣхалъ въ домъ Микулы и былъ тамъ принятъ съ великою честью.

Мы уже имѣли случай говорить о значеніи эпитета оратай,

который лѣсня постоянно даетъ Микулѣ. Орадай Микула— это не Перунъ или Торъ пахущій тучу своею молніей, это Вѣтеръ-Стрибогъ „пахущій въ чистомъ полѣ“, какъ выражается приводимый ниже вариантъ. Онъ пожалуй и Зевсъ, но только не громовый, а дождливый. Мы знаемъ что въ бѣлорусскихъ лѣсахъ святому Миколѣ приписывается занятіе „по межамъ ходить да жито растить, знаемъ что въ былинахъ о Садкѣ и Потыкѣ тотъ же святой является уже съ чертами настоящаго владыки моря, а если скажутъ что этотъ образъ занятъ изъ греческихъ легендъ, то мы возразимъ на это что богатство и поэтическое достоинство нашихъ преданій о Микулѣ таково что вовсе не допускаютъ мысли о простомъ заимствованіи. Затѣмъ мы имѣемъ еще извѣстную Афанасьевскую легенду объ Ильѣ и Николѣ, гдѣ подъ Ильей прямо разуживается Перунъ; чтѣ же остается его спутнику?

Г. Буслаевъ, разбирая эту самую лѣсню о Вольгѣ, справедливо замѣтилъ что по художественности миѣческихъ образовъ она могла бы послорить съ Эддой, но что въ ней есть одинъ недостатокъ: имена героев подновлены. Нельзя не сознаться что это недостатокъ очень важный. Впрочемъ съ Вольгой или Волхомъ еще можно помириться: во всякомъ случаѣ Олегъ Вѣщій стоитъ на рубежѣ миѣа и исторіи, а Волхъ влоялѣ миѣческое существо — олицетвореніе рѣки Волхова. Но Микула какъ миѣческое имя до крайности лыхъ. И самое отчество его Селягивичъ отзывается чѣмъ-то сомнительнымъ. Подобныя формы именъ собственныхъ не въ духѣ нашего языка, а миѣческое имя не должно слишкомъ отличаться по виду отъ общеупотребительныхъ. Здѣсь-то и можетъ оказать намъ помощь сборникъ Гильфердинга. Положимъ что герой носить въ немъ то же имя Микулы (иногда даже Викула), но за то кромѣ отчества Селягивича мы получаемъ очень важныя варіанты Селягивичъ и Сягилевичъ. Селягивичъ отъ имени собственнаго Селяга, которое встрѣчается у Гильфердинга въ выраженіи Селягинъ сынъ; * во Псковской лѣтописи XIV вѣка встрѣчается имя Селяга, вѣроятно то же чтѣ Селяга, только съ болѣе древнимъ окончаніемъ. Имя Селяга сходно по образованію съ Микула,

* Недавно мы слышали отъ г. Барсова въ высшей степени важное замѣчаніе что въ Олонецкой губерніи пахотная земля называется селяга.

и если, что очень вѣроятно, одно изъ двухъ отчествъ Мукула было вѣкогда именемъ собственнымъ, то думать можно скорѣе на Селягу. Значеніе этого имени влодѣ прилично для бога земледѣлія принявшаго видъ смертнаго. А Святелевичъ, думаемъ, указываетъ на Стрибога гораздо прямѣе чѣмъ Селяниновичъ, и значительно подкрѣпляетъ нашу теорію. Положимъ что эпитетъ ратай подходитъ къ богу вѣтра, но во сколько разъ болѣе подходитъ Святелевичъ. Тутъ уже объясненіе Перуномъ выйдетъ много слабѣе. Изъ всего этого выходитъ что имя подъ которымъ Стрибогъ выводится въ древнѣйшихъ былинахъ можетъ быть восстановлено (хотя конечно и гадательно) такъ: Селяга Святелевичъ. Можетъ-быть и увидимъ когда-нибудь варианты съ этимъ именемъ. А покажется слѣдуетъ по крайней мѣрѣ замѣнить позднѣйшее Селяниновичъ архаическимъ Селягиничъ.

Затѣмъ слѣдуетъ привести важнѣйшіе изъ Гильфердинговскихъ вариантовъ. Первое мѣсто занимаетъ вариантъ Калашника, того же которому мы обязаны сохраненіемъ прекрасной былины о Святогорѣ. Начинается этотъ вариантъ довольно странно: исторіей Садка Новгородскаго. Но если смотрѣть на это начало даже какъ на совершенно отдѣльную лѣсню, то она должна быть отнесена къ лучшимъ былинамъ, представляя складный и весьма самостоятельный пересказъ Садка. Садко купецъ по этой лѣснѣ отправляется въ сине море еще простымъ работникомъ. Водяной царь остановилъ корабль его хозяевъ и держитъ его трое сутокъ на одномъ мѣстѣ. И говорятъ купцы новгородскіе: „требуется съ насъ водяной царь какую ни на есть пошлину“. „Отвѣчаетъ вода имъ матушка: просить человѣка водяной царь“. Такимъ образомъ самое море представляется оживленнымъ и говорящимъ существомъ: любопытная и новая черта. Нужно кидать жребій. Садко работникъ предлагаетъ себя въ охотники за огромное вознагражденіе, и купцы съ радостью соглашаются вылатить ему требуемую сумму по возвращеніи его въ Новгородъ, которое, думаютъ они, никогда не состоится. И такимъ образомъ спустился Садко въ сине море, приходилъ „ко сцаѣ ко отпадеи, ко тому ли царю ко невѣрному. Царь вызвалъ его чтобы разрѣшить споръ. Онъ заспорилъ съ царицей что на Руси желѣзо дороже золота, и споръ идетъ, какъ водится, о буйныхъ головахъ. Садко изъ формы вопроса догадывается что требуется царю и отвѣчаетъ въ его пользу, а тотъ

рубить царяцѣ голову. Въ другихъ вариантахъ это обстоятельство пропущено вѣроятно вслѣдствіе постепеннаго смягченія грубыхъ древнѣйшихъ мотивовъ, которые уже не вписались въ нѣвыя лѣтца. Довольный Садкомъ царь женить его. Никола морской въ этой лѣтсѣ вовсе не является: изъ трехъ представленныхъ ему дѣвушекъ Садко выбираетъ самую красивую вслѣдствіе знака съ ея стороны. Она учитъ его и способу вернуться на родину. Возвратившись въ Новгородъ Садко получаетъ уговорныя деньги и начинаетъ торговать. Но этого еще мало его женѣ—богинѣ Волхова. Она хочетъ наградить мужа нѣвымъ способомъ. „Кажется Садку богатому, не во снѣ ему кажется, на яву ему видится: вжикто ты шелковъ неводъ, ловитко ты въ матушкѣ Волховѣ что поладеть тебѣ въ неводки, острой амбары великіе, въ амбары вали безпощадно грязь“. Садко исполняетъ предлисаміе. „Попадаетъ мусоръ и чеврой тутъ, попадаютъ листья и дубыя колодинки, валилъ въ амбары великіе и всяку неподому (неподобну?) грязь“. Кулды смѣются надъ Садкой, говоря что онъ отъ неожиданнаго богатства помѣшался. Но все намовленное имъ обращается въ абмарѣ въ золото и серебро, и теперь Садко уже не находитъ равнаго себѣ богача въ дѣлюмъ Новгородѣ. Тутъ-то онъ и бьется объ закладъ что выкупить всѣ товары въ Новгородѣ. Сначала ему это удается, но новгородскіе кулды прибѣгаютъ къ греческимъ (первый разъ являются въ эпосѣ) и заморскимъ, и тѣ присылаютъ имъ товары за товарами. Садко побѣжденъ и надо ему голову рубить, ибо таковъ былъ уговоръ. Но у него есть еще средство. Мы видѣли что по одному варианту у него проживаетъ богатырь Святогоръ. Здѣсь о Святогорѣ не упоминается, за то Садко въ близкихъ отношеніяхъ къ Вольгѣ Всеславьеву. Видя бѣду, Садко кидается просить помощи у этого героя, и Вольга не заставляетъ себя долго умолять:

Одѣвался Вольга Всеславьевичъ
И въ латы богатырскія,
Береть орудію богатырскую,
Ставился на матушку на Волхову,
Ставился онъ на широкъ мостъ,
Кивилъ народъ безпощадно, безпощадно,
Рылъ народъ во матушку Волхову
И всѣхъ кулдовъ Новгородскихъ.

Новгородцы зовутъ крестнаго отца Вольги чтобъ онъ укротилъ крестника, но Вольга убиваетъ и его. Затѣмъ однако онъ усмиряется. Нечего объяснять что до сихъ поръ Вольга Всеславичъ нашего варіанта есть одно и то же лицо съ Васькой Буслаевымъ. Любопытно что варіантъ старается соединить обѣ былины Новгородскаго эпоса и связать ихъ въ одну повѣсть. Но какъ смотрѣть на сліяніе типовъ Васьки и Вольги? Есть ли это только грубая ошибка, или въ нашей былинѣ сохранился отзвукъ древнѣйшихъ лѣсней? Мы склоняемся скорѣе ко второму объясненію. Дѣло въ томъ что есть преданія въ которыхъ Васька является подобно Вольгѣ княземъ, и притомъ законнымъ наслѣдникомъ Новгородскаго стола, такъ что лобоще заведенное имъ въ Новгородѣ имѣетъ политическую цѣль и заставляетъ новгородскихъ посадниковъ поклониться своему князю котораго они до этого времени не хотѣли звать за его малолѣтство. Мы говоримъ объ извѣстной сказкѣ изъ Чулковскаго сборника, напечатанной г. Безсоновымъ въ приложеніи къ пятому выпуску лѣсней Куршевскаго. Г. Безсоновъ, отвергая подлинность показаній этой сказки о княжескомъ достоинствѣ Васьки Буслаева, тѣмъ не менѣе признается что въ ней сохранились очень древнія черты. Имѣя въ виду смѣшеніе въ преданіяхъ Вольги и Васьки трудно удержаться отъ предположенія что обѣ былины берутъ начало изъ общаго источника, и что Васька Буслаевъ есть только позднѣйшая новгородская переработка того самого вѣщаго князя который вослѣдуется въ кievскомъ эпосѣ подъ именемъ Волха и Вольги. Подобно Вольгѣ, новгородскій герой проводитъ свое дѣтство въ обученіи всякимъ наукамъ и хитростямъ, и если звѣриныя и птичыя языки кievскихъ былинъ въ новгородской замѣнены просто обученіемъ грамотѣ и лѣвнью, то въ этомъ, думаемъ, слѣдуетъ видѣть не болѣе какъ подовленіе въ позднѣйшемъ стилѣ, тѣмъ болѣе что и Курша Даниловъ рассказываетъ вѣчто подобное о своемъ Волхѣ-Вольгѣ. Вольга достигнувъ юности набираетъ себѣ дружину; то же дѣлаетъ и Васька Буслаевичъ. Вольга съ этою дружиной усмиряетъ мятежные Древлянскіе города; Васька подчиняетъ себѣ Новгородъ, который, по Чулкову, тоже принадлежитъ ему на удѣльномъ правѣ. Если кievскій богатырь имѣетъ своимъ элическимъ предшественникомъ Олега Вѣщаго, то для новгородскаго мы имѣемъ мифическаго Волхва Словенова сына (сравни князь

Спироговецскій у Чуакова). И кромѣ того въ исторіи мы найдемъ еще третьяго героя того же тала: Всеслава Брячиславича Полоцкаго. Овъ-то, какъ намъ кажется, и связываетъ всего болѣе разбираемыхъ нами лѣсовъ, почему его слѣдуетъ особенно коснуться. Извѣстно что до открытій Рыбникова, ученые, знавшіе только Киршевскую лѣсню о Волхѣ Всеславьевичѣ, толковали этого героя исключительно Всеславомъ Полоцкимъ, имѣя въ виду чудесное рожденіе этого князя, преданіе о его чародѣйствахъ и отчество Всеславьевичъ. Но когда по Рыбниковскимъ былинамъ тотъ же герой явился подъ именемъ Вольги, то-есть Олега, притомъ племянникомъ Владиміра и Святославичемъ (такъ какъ его настоящій отецъ неизвѣстенъ), то Киршевская форма Всеславьевичъ была признана искаженіемъ отчества Сеславьевичъ, которое часто употребляется о самомъ Владимірѣ и есть въ этомъ случаѣ очевидно сокращеніе Святославича. И такимъ образомъ Вольгу стали сравнивать только съ Олегомъ или много-много съ Волхомъ Новгородскимъ, Всеслава же почти бросили. Но вотъ является новая былина, гдѣ Вольга носить имя не Сеславьевича, а прямо Всеславича. И такъ въ большей части Гильфердинговскихъ былинъ, равно и въ одной Рыбниковской. Впрочемъ мы не столько въ этомъ случаѣ опираемся на имя сколько на сходство знаменитаго погрома, который задалъ Всеславъ Полоцкій Новгороду, съ погромомъ который онъ терпитъ отъ Васьки Буслаева. Странно было бы чтобъ этотъ князь громившій въ одно и то же время Сѣверъ и Югъ, разграбившій Новгородъ и сѣвшій на великое княженіе въ Кіевѣ не оставилъ по себѣ памяти и въ сѣверныхъ и въ южныхъ лѣсахъ. Мы рѣшаемся даже высказать предположеніе что самыя имена Всеславъ и Васька состоятъ въ родствѣ черезъ уменьшительное Восько. Замѣтимъ что Васильи и Василисы до крайности любимы эпическими преданіями. Въ киевскомъ эпосѣ мы находимъ Василья Казиміровича, человека, какъ увидимъ ниже, тоже княжескаго рода, и двухъ поляницъ Василисъ. А если взять позднѣйшія лѣсни, то найдемъ и еще больше имевъ этого корня. Мы не разъ уже проводили мысль что всякому христіанскому имени нашего эпоса непременно соответствуетъ какое-нибудь азычское, которое замѣнялось въ послѣдствіи христіанскимъ или по сходству двухъ героев, восставшихъ одинъ славянское, другой греческое имя и слившихся въ одинъ типъ, причемъ удерживалось наиболѣе

знакомое имя: то-есть христіанское, или (и можетъ-быть чаще) просто по вѣдшему сходству двухъ именъ. И мы думаемъ что Василью и Василису позднѣйшихъ былинъ въ древнѣйшихъ предшествовали Всеславъ и Всеслава.

Впрочемъ мы не видимъ основанія непременно отвергать историческое существованіе позднѣйшаго удалыца Васьки Буслаева, о которомъ говорить Никоновская лѣтопись. Мы только утверждаемъ что на его буйной головѣ соединилось много древнѣйшихъ преданій, въ томъ числѣ и о Всеславѣ Полоцкомъ.

Вернемся къ Каливинской лѣсни. Вольга убивъ крестнаго отца ѣдетъ въ чистое поле искать Викулы, то-есть Микулы Селягина, * и съ этого мѣста уже не имѣетъ ничего общаго съ новгородскимъ героемъ.

Увидавъ Микулу онъ его такъ прѣвѣтствуетъ:

Богъ помощь ратарь великій
Во чистомъ полѣ понахивать!

Вотъ это стихъ древній и лучше Рябининскаго обращенія: „ай же оратай, оратаюшко!“ Невольно припоминается ратарь чешскихъ преданій: Премыслъ „мужъ великій“.

Далѣе вариантъ не представляетъ ничего особеннаго до самаго конца, но конецъ любопытенъ. Здѣсь Вольгѣ приписывается смерть Васьки Буслаева: онъ умираетъ залпнувшись о камень. Новое смѣшеніе новгородскаго и кievскаго цикаа, но здѣсь кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить любопытное сходство новгородскихъ былинъ о Васькѣ съ лѣтописнымъ разказомъ о смерти Олега Вѣщаго. Во многихъ изъ нихъ, какъ извѣстно, смерти героя предшествуетъ нахожденіе имъ въ степи „кости человѣческой, сухой главы“. Онъ лихаетъ ее ногой, а глава прорицаетъ ему скорую смерть. Сравни мѣсто въ Архангелогородской лѣтописи „и вылолзе изъ кости, сухія главы, змѣя и пр.“ Новое доказательство что тиль Вольги и Васьки одинъ и тотъ же.

* Зачѣмъ онъ ему нуженъ? Былина разказываетъ дѣло такъ: приходитъ Вольга къ матушкѣ и говоритъ: государыня матушка, сдѣлаю я незаконный судъ, убилъ отца крестнаго. Та отвѣчаетъ: за это не потерпитъ тебя Господь на свѣтѣ. И тогда Вольга ѣдетъ искать Микулы. Для чего? Думаемъ для того чтобы полубогъ произвелъ надъ нимъ религіозное очищеніе. Сравни множество сходныхъ греческихъ преданій.

Другіе варианты большею частью сходны съ Рябининскими, почему мы будемъ отмѣчать только сколько-нибудь любопытныя отлчія.

Вариантъ Опецова. Въ немъ любопытство мотивируется походомъ Вольги противъ городовъ:

Когда тыи ли купцы да всѣ вѣдь боеве
 Изъ того ли изъ Туринеца слава города,
 Ай плащали давь да вѣдь во Кіевъ градъ,
 Ай ко ласковому князю ко Владиміру,
 Ай не стали то вносить да дами пощаны...

Такимъ образомъ жители трехъ городовъ оказываются мятежниками противъ самого Владиміра. Туринець есть вѣроятно лѣтописный Турійскъ, городокъ на Воляни, это любопытный вариантъ для именъ Олеговыхъ городовъ. Можетъ быть Турійскъ замѣнилъ въ былинахъ созвучный Норійскъ, легендарную столицу Древлянъ. Во всякомъ случаѣ любопытно что всѣ эти городки, встрѣчаемые въ былинахъ о Вольгѣ: Бурчевецъ или Вручій, Туринець, Турговъ и Крестьяновець-Боростень лежатъ на западъ отъ Кіева и приблизительно во въ Древляно-Дреговичской землѣ.

Въ вариантѣ Касьянова можно отмѣтить слѣдующее мѣсто: когда Вольга объявляетъ Микулѣ о своемъ намѣреніи ѣхать въ городъ, послѣдній предостерегаетъ его что жители подрубить сляги калиновы на мостахъ и потопятъ его въ рѣкѣ. Темное воспоминаніе что Микула спасъ Вольгу отъ гибели сохранилось и у одного изъ Рыбниковскихъ лѣвцовъ, но онъ уже не умѣлъ разказать этого мѣста. Теперь его можно возстановить въ томъ смыслѣ что Вольга благодаря этому совету не поѣхалъ лично чрезъ мостъ, а перескочилъ рѣку на своемъ конѣ и спасся этимъ отъ гибели постигшей его дружину. Въ этой же лѣснѣ сдача города представляется добровольною. Лишь только Гуршевы увидѣли Микулу они начинаютъ думу думать, какъ бы придти да повиниться. „Какъ этотъ третьяго дни былъ да мужиковъ онъ билъ.“ Затѣмъ овладѣвъ городомъ Вольга оставляетъ въ немъ Микулу на мѣстѣшникомъ, чтобъ онъ получалъ дань громовую (денежную). Это ужъ вовсе не идетъ къ полубогу, который могъ бы и безъ Вольги овладѣть Гуршевымъ еслибы нуждался въ немъ.

Но есть вариантъ въ которомъ искаженіе, или лучше сказать подновленіе, зашло еще дальше и Микула изображенъ оброчнымъ крестьяниномъ Вольги (вариантъ Аксенова).

Вариантъ Захарова замѣчательнѣе только отчествомъ Святелевичъ, о которомъ мы уже говорили. Въ вариантѣ Лядкова вмѣсто Вольги поставленъ Иванъ Годиновичъ, который по нѣкоторымъ былинамъ является тоже племянникомъ Владиміра. Подобно Фелонову Лядковъ объясняетъ что Владиміръ отдалъ города Вольгѣ, потому что тамъ жили мужики упрямые, никому не дававшіе ни дани ни пошрины. Замѣчательно сѣдующее мѣсто. Иванъ Годиновичъ кричитъ оратаю: что ты лашешь на кобылицѣ, можно бы тебѣ и коня завести. Оратай отвѣчаетъ: эта кобылка лучше твоего коня.

Потому она лучше твоего коня:
 Ей у меня дано прованье увеси-голова.
 Когда былъ я въ городѣ во Курсовѣ,
 Купилъ я два кула осяи курсовской,
 Да они были куля вѣсу два девяносто пудъ.
 Да хоша злы были мужичонки Курсовцы
 Да и затѣ того де Орѣховцы,
 Хотѣли у меня осяи отнять,
 Осяи отнять и самого убить,
 Я бралъ куля подъ павуху,
 Другой подъ другую,
 Садилса на свою на кобылицу,
 Только видѣли они меня саждаючи
 Не могли меня увидѣть похваляючи.

На вопросъ кто ояъ такой, оратай говорить:

Когда я пашу въ чистомъ полѣ,
 Называютъ меня люди ратаремъ,
 А когда придетъ весна-то красная,
 Будутъ мужички ко мнѣ ходить,
 Да ко мнѣ ходить да у меня хлѣбъ купить,
 Да тогда меня зовутъ величаютъ по имени:
 Да Микула да омыъ я Селяновичъ.

Этотъ отвѣтъ едва ли не древнѣе Рябининскаго: въ немъ прямо указывается что Микула даетъ хлѣбъ людямъ.

Замѣтимъ что въ отрывкѣ Терентія Іевлева, напечатанномъ во второмъ томѣ Рыбникова и идущемъ, какъ извѣстно, изъ очень хорошаго источника, слова Микулы „и я ржи напашу и пр.“ влагаются въ уста не Микулѣ, а самому лѣвцу и оканчиваются такъ: „Стану ливо лить да Микулу хвалить:

Тоби было Микула пахать да орать,
 Тоби было Микула крестьянствовать.

Думаемъ что это мѣсто было первоначально не болѣе какъ гимномъ Стрибогу, которымъ и заключалась лѣсня, а настоящій отвѣтъ Микуламъ есть тотъ что помѣщенъ у Гильфердинга.

IV.

Послѣ исподивовъ и Вольги съ Микулой слѣдуетъ перейти къ родственнымъ имъ существамъ: Дунаю, Нѣлрѣ и Сихману. Личности эти еще болѣе чѣмъ ихъ предшественники введены во Владиміровъ кругъ, однако въ нихъ еще сохранилось много мифическаго. Въ нашей статьѣ о былинахъ мы говоримъ о Дунаѣ и Нѣлрѣ замѣтили что во всемъ Лаховецкомъ племени, какъ оно изображается въ эпосѣ, видно что-то водное и зыбкое, наломивающее Вановъ скандинавской Эдды. Нынѣ мы можемъ только прибавить что это сходство вовсе вѣтъ надобности выводить изъ какого-нибудь заимствования. Оно объясняется очень просто, ибо лѣсни о Дунаѣ, Нѣлрѣ и свадьбѣ Владиміра есть только эпическая передѣлка мифа о Дажбогѣ и Ладѣ, которымъ вполнѣ соответствуютъ съ одной стороны Дунай и Нѣлра, съ другой—Опракса и Владиміръ-Солнце.

Подобно тому какъ въ Купальскомъ преданіи Дажбогъ, полюбившій дочь враждебнаго морскаго царя, посылаетъ добывать ее слугу Ивана, такъ и нашъ Владиміръ отправляетъ за Опраксою Дуная Ивановича во вражью землю Лаховецкую. Разница въ томъ что эпосъ двоитъ героевъ еще болѣе чѣмъ мифология и женивъ князя не забываетъ оставить невесту и для слуги. Опраксія выйдя замужъ сохраняетъ типъ взрослой Лады: прихотливой, коварной и распутной, напротивъ того сестра ея Нѣлра имѣетъ болѣе черты Лады дѣвственной Царь-Дѣвицы. На лиру у Владиміра герои начинаютъ хвастать своими достоинствами. Хвастаетъ и Нѣлра, и чѣмъ же? Искусствомъ Аполлона и Артемиды, умѣемъ стрѣлять изъ лука. Всакиваетъ Дунай-Аполлонъ и вызываетъ жену на состязаніе. Состязаніе кончается, какъ извѣстно, смертью Нѣлры, и Дунай достаетъ изъ ея чрева златокудраго младенца. „По колѣна ножки въ серебрѣ, по локотки ручки въ золотѣ.“ Такъ описывается новорожденный Ярило въ полуязыческой лѣснѣ о Егоріи Храбомъ и это одно мѣсто можетъ доказать что въ былинѣ о Дунаѣ мы имѣемъ дѣло съ богами солнечнаго

племенн. Но то же самое можно вывести изъ искусства стрѣльбы, которое приписывается родителямъ младенца. Дунай и Нѣпра это Вайташуръ и Вайташюра Скиевовъ, Аполловъ и Артемида Грековъ, Фрей и Фрея Германцевъ, наши Дажбогъ и Лада. Они представляются въ эпосѣ мужемъ и женою и также какъ и въ Кулальскомъ мифѣ выводятся изъ различныхъ племенъ, но ничто не мѣшаетъ предположить что нѣкогда, въ менѣе развитой періодъ мифологии, они были въ то же время братомъ и сестрою, какъ у Грековъ и Германцевъ. И преданіе о происхожденіи цвѣтка Иванъ-да-Марья указываетъ именно на этотъ мотивъ.

Таковы эти герои, небесные златокудрые стрѣльцы, столь же соответствующіе въ быліяхъ Дажбогу и Ладѣ какъ Вольга и Микула соответствуютъ Перуну и Стрибогу. Одна изъ вариаций того же мотива разработана въ лѣснѣ о Сухманѣ. Богатырь Сухманъ похвалялся на княжескомъ пирѣ что онъ приведетъ князю живую и неравеную лебедь. Онъ отправляется на охоту, но вмѣсто того попадаетъ на другое дѣло. Приѣхавъ къ Нѣпрѣ рѣкѣ, онъ видитъ что она течетъ не по-старому: вода съ лескомъ помутилася. На его вопросъ богиня рѣки отвѣчаетъ:

Какъ же мнѣ течи было по-старому,
 По-старому по-прежнему:
 Какъ за мной за матушкой за Нѣпрой рѣкой
 Стоитъ сила татарская,
 Мостить мосты капиловы;
 Днемъ мостать, ночью я повырою,
 Изъ силъ матушка Нѣпра повыблалась.

Сухманъ забываетъ о лебеди и истребляетъ Татаръ, но три бѣглеца попадаютъ въ него стрѣлами. Онъ зацѣпляетъ ранъ волшебными листьями мака и ѣдетъ въ Кіевъ. Владиміръ требуетъ лебеди; богатырь объясняетъ что ему было не дѣла, но князь не вѣритъ его разказу и сажаетъ его въ тюрьму, пока не узнаетъ правду ли говоритъ богатырь. Посланные князя подтверждаютъ слова Сухмана, и Владиміръ соглашается его освободить, предлагая великія награды, но обиженный герой не хочетъ болѣе жить, свиваетъ листочки со своихъ ранъ и истекаетъ кровью, а изъ крови этой образуется Сухманъ рѣка.

Имя героя послужило предметомъ спора; г. Безсоновъ, которому пришлось издавать въ первый разъ лѣсню о Сухманѣ

(теперь у Гильфердинга помѣщенъ второй вариантъ, впрочемъ похуже), объяснилъ имя богатыря савскритскимъ Хуммакъ (солнце) и призналъ въ немъ существо солнечное. Г. Буслаевъ не отвергая вполнѣ этого толкованія замѣтилъ однако что метаморфоза которой оканчивается былина заставляетъ подозрѣвать въ Сухманѣ скорѣе водное начало. Намъ кажется что то и другое мнѣніе удобно примиряются, ибо солнечное божество всегда имѣеть отношеніе къ водѣ, и Сухманъ есть только видоизмѣненіе Дуная, какъ извѣстно тоже превращающагося въ рѣку. Всѣ эти преданія берутъ начало отъ мѣа о солнцѣ выходящемъ изъ моря и въ море же уходящемъ. Въ лѣснѣхъ о Сухманѣ можно найти и могучаго богатыря поставленнаго въ служебныя отношенія ко Владиміру и притомъ охотника, и Нѣпру и метаморфозу въ рѣку. Митическій слуга Иванъ добывшій невѣсту Дажбогу и въ лицѣ Дуная осмысланный лочестями не достаетъ бѣлой лебеди Владиміру и испытываетъ отъ смертнаго тяжкую обиду, которая побуждаетъ его возвратиться туда откуда онъ пришелъ, то есть въ стихійный міръ.

Много общаго съ лѣснями о Сухманѣ и свадьбѣ Владиміра представляютъ былины о Иванѣ Годимовичѣ и Михайлѣ Потыкѣ. Въ первой кievскій богатырь Иванъ добываетъ сплону Марью, дочь Черниговскаго князя. Имена героевъ сами за себя говорятъ; Марья вдобавокъ носитъ прозвище бѣлой лебеди. То же самое имя и прозвище носить невѣста Потыка, дочь Лиховида Подольскаго. Впрочемъ въ этихъ былинахъ жизнь обоихъ богатырей кончается худо, ибо ихъ жены сохраняютъ и послѣ брака злую природу свойственную ихъ племеню. Такимъ образомъ здѣсь уже мы имѣемъ дѣло съ особеннымъ и тоже очень распространеннымъ цикломъ, цикломъ сказаній о неудачной женитьбѣ и измѣнѣ жены. По всему вѣроятію онъ образовался позднѣе цикла Дажбогова, заимъ изъ него и собственныя имена и многіе образы. Такъ напримѣръ Ивану Годимовичу приписывается такой же вѣщій конь какъ и тотъ съ помощью котораго Иванъ-дуракъ добываетъ Царь-Дѣвицу, въ лѣсняхъ древнѣйшаго круга.

Но обратимся снова къ этимъ лѣснямъ. Сборникъ Гильфердинга даетъ и здѣсь нѣкоторыя новыя указанія. Извѣстно что имя тестя Владиміра, короля Ляховецкаго, пропущено въ большей части лѣсней, только сборникъ Кирши именуетъ его испорченно Етмануиломъ. По отчеству его сыновей: Збродо-

вичей, Любовичей или Дородовичей, можно догадываться объ имени ихъ отца, но и только. Въ двухъ Гильфердинговскихъ вариантахъ (Суриковой и Петрова) король носить имена Микулы и державца Миколая. Микула — представитель вражеской силы: какъ объяснить это странное явленіе? Можно было бы сослаться на ошибку лѣтцовъ. Есть Настасья или Нѣпра королева, жена Дуная, есть Настасья Микулчна, жена Добрыни. Ихъ можно было легко смѣшать и назвать Нѣпру Микулчною, а затѣмъ перенести и на ея отца имя Микулы. Но есть и другое объясненіе. Мы знаемъ что Опракса и Нѣпра берутъ свое начало отъ Лады, дочери морскаго царя, не Стрибога, а Водяника, свирѣлаго титана. Микулой хотя и переводилася обыкновенно Стрибогъ, но въ охристіанизованномъ эпосѣ нельзя ждать большой точности, особенно въ переводахъ именъ, и такимъ образомъ это имя могло получить и нехорошее значеніе. Что это было именно такъ, заставляетъ насъ думать другое соображеніе. Известно что еще злѣйшимъ врагомъ свѣтлыхъ богатырей рисуется Соловей-разбойникъ. Но въ одной лѣтвѣ (первый выпускъ Кирѣевскаго, стр. 28) зятями этого разбойника являются Добрыня и Алеша! Грубая ошибка, скажутъ многіе. Разумѣется ошибка, но имѣющая нѣкоторое извиненіе. Соловей олять-таки существо близкое къ Стрибогу—Микулѣ. Добрыня женатъ на Настасѣ Микулчнѣ, Алеша, на Настасѣ Збродовичнѣ, дочери Ляховецкаго короля, котораго иные варианты, какъ мы видѣли, тоже называютъ Микулой: вся эта путаница произошла единственно вслѣдствіе дуализма лежащаго въ понятіи морскаго царя. Лыболытвю и то что отчество Соловья-разбойника совладаетъ съ отчествомъ свѣтлаго богатыря Сухмана. Отчество это есть Одихмантьевичъ, слово до сихъ поръ не объясненное изслѣдователями.

Объ немъ въ наукѣ кажется существуетъ только одно толкованіе, именно г. Безсонова, который высказалъ догадку не есть ли Одихмантьевичъ испорченное Аримановичъ. При близости и языка и мифологіи у Славянъ и древнихъ Иранцевъ такое толкованіе конечно нельзя отвергать а priori, но и принять его нѣтъ достаточныхъ основаній. Тѣмъ болѣе что если Соловью прилично быть сыномъ злаго начала, то такое происхожденіе вовсе нейдетъ Сухману. Во всякомъ случаѣ, не находя въ письменныхъ преданіяхъ никакого Одихмантія, остается признать это имя туземнымъ славянскимъ и объ-

ясить его какъ таковое. Читая его слѣдуетъ разумѣть Одиманъ: окончаніе *антъевичъ* образовано по аналогіи съ христіанскими Сулантъевичъ, Дементъевичъ и т. п. Въ имени Одиманъ второй корень весьма употребителенъ у Славянъ и именъ ясенъ; значеніе его довольно общее: мысль, а иногда человекъ. Но что такое *Одыл*? Въ славянскихъ именахъ собственныхъ мы встрѣчаемъ нѣсколько сходный корень Оду: Одушавъ, Одувой, Одумасъ и пр. Онъ по всему вѣроятію состоитъ изъ корня *ду* съ предлогомъ *о*, того же самаго который мы встрѣчаемъ въ глаголѣ одути или по-нашему одуть. Полагаемъ что могъ въ тѣхъ же именахъ употребляться и корень *одыл*: одышать, обдышать, въ старину и одыхать (срвн. отдыхать, отдыхъ). Можно слѣдовательно принять что Одиманъ есть только слегка искаженное Одыманъ.

Значеніе этого слова указываетъ опять-таки на вѣтеръ и Стрибога. Но такъ какъ мы уже установили двухъ царей вѣтра и моря: добраго Стрибога и злаго Водяника и показали что они въ злосѣ могутъ легко смѣшиваться, то очевидно что одно и то же отчество Одимантъевичъ прилично и Соловью, сыну бури, и Сухману, сыну кроткаго Стрибога. Замѣтимъ притомъ что такъ какъ вѣтеръ не только увлажяетъ, но часто и сушитъ, то имя Сухманъ можетъ быть объяснено и въ этомъ значеніи. Это впрочемъ не важно. Здѣсь можно сдѣлать еще одно соображеніе. Въ Словѣ о Полю Игоря Двѣдръ именуется, какъ извѣстно, Словутичемъ, то-есть сыномъ Словуты. Въ нашемъ злосѣ богиня Нѣпра, или искаженно Настасья, есть дочь короля враждебной Ляховецкой земли, котораго иные варіанты зовутъ, какъ мы видали, Микулой. И по своему тилу, и по имени и по отчеству Нѣпра Ляховецкая крайне близка съ Настасьей Микуличной Селяниновича. Но эта Настасья есть жена Добрыни, а Добрыня по одному варіанту зять Соловья-разбойника. Думаемъ что Словутичъ есть то же что Соловьевичъ, то же что Микуличъ, а имя Словуты придавалось въ древнѣйшихъ лѣсняхъ богамъ вѣтра, иногда доброму, иногда злему. Оно представляетъ притомъ нѣкоторое созвучіе съ Селогой и нѣкоторое сходство по конструкціи съ Микулой. Въ сборникѣ Кирѣвскаго есть лѣсня о Савичѣ женѣ Ильи Муромца, которая заступаетъ мѣсто отсутствующаго мужа и надѣвъ его вооруженіе отправляется вмѣсто него на войну. Исслѣдователи думаютъ что эта поляница названа женой Ильи по ошибкѣ, а

есть жена Добрыни, известная поляница Настасья Микуличы. Мнѣніе это подтверждается сборникомъ Гильфердинга, который сообщаетъ нѣсколько сходный разказъ о Добрынѣ и Настасьѣ (см. ниже). Савична опять-таки очень близко къ Соловьевичкѣ. Въ народѣ и теперь еще имя Савелій произносится иногда Соловей, по крайней мѣрѣ мы встрѣчали такой примѣръ въ Тверской губерніи.

Обращаемся къ вариантамъ Дуная. Первый Гришина: въ немъ замѣчательно описаніе двухъ королевскихъ дочерей „Есть, говоритъ Дунай Владиміру, у короля Ляховецкаго двѣ дочери: первая Марья королевна (обыкновенно Настасья или Нѣпра; имѣя въ виду мнѣе объ Иванѣ и Марьѣ, можно признать что имя Марья моложе Нѣпры, но старше Настасьи. Этой, государь, тебѣ не владати (то-есть она слѣшкомъ да тебя сильна). А другая дочь Опракса королевична, эта да тебя годится.“ Затѣмъ Дунай проситъ въ товарищи не Добрыню, какъ въ большей части вариантовъ, но Алешу Половича. „Потому смѣлый Алеша Половичъ на ножку хромъ а на походку скоръ.“ Хромыхъ богатырей мы уже видали въ быличкахъ о Васькѣ Буслаевѣ и о кострюкѣ Черкашенинѣ но въ эпосѣ Владиміра мы встрѣчаемъ этотъ типъ еще въ первый разъ. Мифическое значеніе хромого героя известна хромота эта беретъ начало отъ Перуна изувѣченнаго Чернымъ богомъ. По недостатку фактовъ трудно рѣшить представлялся ли нѣкогда Алеша хромымъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ быличекъ, впрочемъ имѣя въ виду что ему приписывается болѣе духовная, чѣмъ физическая сила, можно считать это весьма вѣроятнымъ. Далѣе, на сватовство Дуная король отвѣчаетъ что Опракса уже просватана въ Золотую Орду за того за короля за Каива.

Каивъ искажено вмѣсто Кадивъ, обыкновенное имя невѣстаго царя въ эпосѣ. Но здѣсь правильнѣе было бы поставить Коцея, ибо отговорка короля занята изъ лѣсеней объ Иванѣ Годиновичѣ и Марьи Черниговской, невѣстѣ царя Коцея.

Въ вариантѣ Сарафанова, уже известномъ изъ Рыбниковаго сборника, Марьей названа сама невѣста Владиміра, Щеголенкова это имя слова дается старшей сестрѣ, но тутъ есть любопытная подробность. Добрыня, поставленный здѣсь по ошибкѣ вмѣсто Дуная, который играетъ роль его слуги спутника, исчисляя Владиміру дочерей королевскихъ насчитываетъ

есть одну лишнюю против других лѣтцовъ. „Перва дочь Марья королевична, другая Опракса королевична, третья дочь та не въ дарости“, то-есть не совершеннолѣтняя. А дѣло въ томъ что Нѣпра королевична въ одномъ вариантѣ именуется Збродовичной, и Збродовичной же называется жена Алеши Половича, сестра двухъ Збродовичей, они же Петричи, королевскіе сыны изъ Кракова, въ Гильфердинговскихъ вариантахъ Дородовичи и Любовичи. Мы еще прежде объяснили имена всѣхъ этихъ героев и героинь тѣмъ что Збидра, Збродъ, или какое-нибудь сходное имя придавалось древнѣйшими лѣтнями безымянному королю Ляховецкому, отцу Нѣпры, Опраксы и братьевъ Збродовичей и что у этого короля была еще третья дочь вышедшая за Алешу. Но при этомъ мы оговорились что для полного признанія этой поэтической генеалогіи слѣдуетъ подождать, не откроется ли въ эпосѣ еще какой-нибудь намекъ въ этомъ родѣ. И вотъ онъ кажется найденъ.

Отыщемъ еще имя Жимаъ которое дается ляховецкому королю въ вариантѣ Гурьбина. Впрочемъ оно вѣроятно исходитъ изъ Жигимонтъ и слѣдовательно позднѣе. Въ этой былинѣ хорошо переданъ приказъ Владиміра Дунаю, когда онъ отправляетъ его свататься:

И добромъ отдаетъ, такъ добромъ возьми,
А добромъ не даетъ, такъ забоемъ возьми
И силой-гройвой княжецею
И великою могоутой богатырею.

Переходимъ къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ. Но прежде слѣдуетъ сдѣлать одну необходимую оговорку.

Въ нашей прежней статьѣ мы, собирая свидѣтельства въ пользу историческаго существованія этого героя, выразили между прочимъ догадку что онъ есть одно лицо съ богатыремъ Рогдземъ о которомъ говоритъ Никоновская лѣтопись какъ о сильнѣйшемъ богатырѣ Владиміра. Выводили мы это изъ сходства немногихъ дошедшихъ до насъ преданій о Рогдѣ, съ таковыми же объ Ильѣ Муромцѣ и изъ нѣкоторыхъ показаній относящихся историческаго Илью именно ко времени Владиміра. Но при этомъ мы впади въ ошибку, которую и указалъ намъ покойный Максимовичъ. Именно, мы упустили изъ вида что первоначальная гробница Ильи Муромца указывалась преданіемъ у Софійскаго собора, слѣдовательно

онъ умеръ не ранѣ закладки этой церкви, то-есть во всякомъ случаѣ позже Рогдая и самого Владимира.

Потому въ настоящее время мы уже не видимъ возможности сливать Рогдая и Илью въ одно лицо. * Тѣмъ болѣе что въ былинахъ говорится о другомъ знаменитомъ богатырѣ къ которому и самъ Илья относился съ почтеніемъ. Богатыря этого они зовутъ Самсономъ Самофловичемъ и изображаютъ его старшимъ Ильи и даже его крестнымъ отцомъ. Исследователи считаютъ этого Самсона за одно лицо съ Самсономъ-Колываномъ и думаютъ что онъ перенесенъ въ эпоху Владимира изъ древѣйшихъ лѣтсея. Но это еще дѣло темное: могли и самыя старыя былины вослѣвать какого-нибудь старшаго сверстника Ильи Муромца. Въ послѣдствіи его подлинное имя забылось и онъ слился въ памяти лѣтцовъ съ исполномъ Самсономъ, но первоначально онъ могъ быть именно Рогдаемъ лѣтописи. Самсонъ и Илья играютъ въ былинахъ совершенно сходную роль и точно также сходны преданія объ Ильѣ и Рогдаѣ. Конечно все это только догадки.

Что же касается до языческаго имени Муромца, то мы не утверждая ничего положительнаго, считаемъ небезполезнымъ обратить вниманіе ученыхъ на слѣдующія обстоятельства. Извѣстно что въ Муромѣ, родиѣ нашего богатыря, были въ старину преданія о другомъ знаменитомъ героѣ Агрикѣ, мечъ котораго въ послѣдствіи переходилъ къ разнымъ богатырямъ,

* Но попрежнему стоимъ за современность Ильи и Св. Владимира. Максимовичъ привелъ очень сильное доказательство противъ тождества Рогдая и Ильи, но все остальное въ нашей теоріи остается не тронутымъ. Что же изъ того что подлинов на старинныхъ иконахъ Ильи Муромца читалась кельро и гласитъ не то что онъ поселился въ пещерѣ прежде Антонія, а что онъ поселился въ самой пещерѣ Антонія. Развѣ пещера Антонія выкопана имъ? Она имъ только расширена. Первый выкопалъ ее Иларіонъ митрополитъ, а затѣмъ преданіе могло помѣстить въ нее и нашего богатыря, относя его пребываніе именно ко времени до прихода Св. Антонія. Насколько вѣрно преданіе, иное дѣло. Важно то что изъ самаго факта погребенія Ильи у Софійскаго собора видно что онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ настоящимъ монахомъ, а развѣ только отшельникомъ. Но такое лицо могло проживать на мѣстѣ Печерскаго монастыря не иначе какъ прежде его основанія, не въ XII вѣкѣ, какъ утверждаетъ Каммофойскій и вслѣдъ за нимъ Максимовичъ. Замѣтимъ еще что послѣдній ничего не возразилъ противъ свидѣтельства Тидрековой сати, которое я считаю рѣшающимъ въ этомъ вопросѣ.

между прочимъ къ Св. Петру Муромскому. Имя это, Агрика, какъ по всему видно, было очень популярно въ преданіяхъ, однако былинъ о немъ въ настоящее время вовсе не имѣется. Всего легче объяснить это тѣмъ что имя Агрика, подобно Рогдану и многимъ другимъ, замѣнилось въ былинахъ какимъ-нибудь инымъ. Происхожденіе имени Агрикъ темно. Нѣкоторые толкуютъ его греческимъ *агрикосъ*—дикій и думаютъ что онъ занесенъ въ народныя преданія изъ какихъ-нибудь рукописей греческаго происхожденія, но рукописей такихъ до сихъ поръ не открыто. Имя это во всякомъ случаѣ не славянское, но почему бы ему не быть финскимъ? Герой этотъ и выводится изъ финскаго Муромъ. Читатели конечно уже догадались куда клонятся наши выводы. Считаемъ нужнымъ оговориться что мы вовсе не имѣемъ желанія приписывать Ильѣ Муромцу не русское происхожденіе, да въ этомъ и нѣтъ никакой необходимости, такъ какъ въ Муромѣ Славяне и Финны съ давнихъ временъ жили рядомъ и конечно мѣнялись собственными именами. Замѣтимъ что чужое имя Агрикъ легче могло замѣниться въ преданіи христіанскомъ чѣмъ какое-нибудь славянское. Но мы еще разъ заявляемъ что мы въ этомъ случаѣ ничего не утверждаемъ, а только обращаемъ на этого Агрика вниманіе ученыхъ, въ особенности же лицъ знакомыхъ съ финскимъ языкомъ.

Здѣсь мы считаемъ приличнымъ сказать нѣсколько словъ въ защиту метода котораго мы держимся при опредѣленіи первообразовъ богатырей. Г. Буслаевъ, говоря о нашей первой статьѣ, упрекаетъ насъ въ томъ что мы слишкомъ много придаемъ значенія свидѣніямъ о богатыряхъ находящимся въ Никоновской лѣтописи. Мѣста которыми мы пользовались, по его мнѣнію, поздняго происхожденія и вѣроятно вошли въ лѣтопись не изъ древнихъ рукописей, а изъ тѣхъ же былинъ. Въ виду этого возраженія намъ приходится коснуться еще разъ этого предмета и притомъ подробнѣе чѣмъ въ первый разъ.

Прежде всего мы скажемъ что еслибы даже извѣстія о которыхъ идетъ рѣчь попали въ лѣтопись XVI вѣка изъ былинъ, то и тогда мы имѣли бы въ нихъ не худой источникъ, ибо самыя эти былинны оказались бы въ такомъ случаѣ никакъ не моложе начала XVI вѣка, свидѣтельно показанія ихъ должны бы были имѣть во многихъ случаяхъ рѣшающее

значеніе. Но этого вѣроятно не отвергаетъ и нашъ противникъ, почему мы переходимъ къ защитѣ самой лѣтописи.

Есть ли, спрашиваемъ мы, въ Никоновскихъ записяхъ о богатыряхъ какіе-нибудь слѣды которые бы давали право думать что они взяты изъ устнаго преданія? Едва ли. Извѣстія эти, вопервыхъ, кратки, а вовторыхъ, не особенно даже и любопытны. О Рогдаѣ сказано только что онъ умеръ въ такомъ-то году. Прибавлено, положимъ, что сей наѣзжалъ на 30 воиновъ, но тутъ лѣтописецъ вдохновлялся скорѣе Библіею (сравни перечень героевъ Давида) чѣмъ былинами. Для былиннаго числа 300 очень скромно.

Въ Андрихѣ Добренковѣ опять-таки записано только годъ смерти: того же года окормили Андриха слуги отравомъ. Самое не русское и даже не славянское имя этого богатыря служитъ порукой что мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительнымъ, а не вымышленнымъ лицомъ. Образъ его смерти врядъ ли взятъ изъ былинны, по крайней мѣрѣ въ дошедшихъ до насъ мы не находимъ ничего подобнаго. Развѣ можетъ-быть эту смерть въ послѣдствіи приписали Василию Казимірову (смотри ниже), но и то въ какомъ искаженномъ видѣ!..

Въ Никоновской лѣтописи тутъ же говорится объ убіеніи какого-то Печенѣжскаго хана, своими родственниками; что же неужели и это взято изъ былинны?

Впрочемъ для нашего объясненія Андрихомъ Добрыни мы находимъ у Гильфердинга недурное подкрѣпленіе, которое и воспользуемся на своемъ мѣстѣ. Переходимъ къ Александру Половичу. Объ этомъ въ лѣтописи больше извѣстій. Видно что лѣтописецъ XVI вѣка интересовался этою личностью, наломивавшею ему лоздыбшаго героя XIII вѣка и сохранялъ въ своей компіляціи всѣ извѣстія касающіяся этого богатыря которыя онъ встрѣчалъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ. Скажутъ между прочимъ что Александръ Половичъ Владиміровскій вымышленъ по образцу лоздыбшаго Клепкаго и Ростовскаго богатыря. Но какое на это есть доказательство? При Владимірѣ были попы, и за сыномъ одного изъ нихъ легко могло сохраниться въ преданіяхъ христіанское имя, особенно если онъ и не имѣлъ другаго, будучи можетъ-быть иностранцемъ. Подъ этимъ именемъ онъ прославился въ народѣ, и когда въ XIII столѣтіи въ Ростовѣ появился другой богатырь, тоже Александръ и тоже лоповскій сынъ, въ чемъ разумѣется нѣтъ ничего не только невозможнаго, но и сколько нибудь-странна-

то, то этому богатырю естественно было и самому именоваться Половичемъ и въ народную память перейти подъ этимъ самымъ прозвищемъ, къ которому уже давно привыкли и слышатели. Впрочемъ эту двойственность Александръ Половича можно объяснить и другимъ образомъ. Могло быть такъ что Александръ Половичъ первый носилъ первоначально иное языческое имя, созвучное съ Александръ, а въ послѣдствіи неосмотрительные переписчики прибавили ему отчество Половичъ, отождествляя съ героемъ XIII столѣтія. Мы еще коснемся этого вопроса, а теперь не угодно ли посмотреть на эти лѣтописныя извѣстія о первомъ Александрѣ Половичѣ.

Вотъ они всѣ:

„Лѣта 1.000. Прииде Володаръ съ Половци ко Кіеву забывъ благодаренія господина своего князя Владиміра, демономъ наученъ. Володимеру же тогда въ Переславцѣ на Дунаѣ и бысть смятеніе великое во Кіевѣ и изыде поцію въ отрѣченіе нхъ Александръ Половичъ и уби Володаря и брата его и нныхъ множество Полевецъ изби, а цныхъ въ поле прогна. И се слышавъ Владиміръ возрадовася зѣло и возложи на нхъ грѣшну заату и сотвори и вельможа въ палатѣ своей.“

Похоже ли это на былинку? Разсказъ краткій и въ то же время обстоятельный. Говорится о Половцахъ, а не о Печенѣгахъ, какъ можно бы ожидать. Владиміръ, уходя на Болгарь, какъ водится, нанялъ Печенѣгъ въ союзники, съ ними значить былъ миръ, могли напасть на Кіевъ только Половцы. Измѣнникъ названъ по имени и имя это древнее, * упоминается даже о его братѣ.

Походъ Владиміра подтверждается свидѣтельствомъ греческихъ лѣтописей, относящихся къ 1000 году покореніе всей Восточной Болгаріи. Покореніе это по греческимъ источникамъ (очень краткимъ) является чѣмъ-то внезапнымъ и вовсе не объяснимымъ, ибо предъ этимъ положеніе Византіи было далеко не хорошо. Изъ Никоновской лѣтописи мы видимъ что Грекамъ содѣйствовалъ ихъ союзникъ Владиміръ, ударившій на Болгарь съ Дуная. Эпосомъ отзывается только умолчаніе о дружинѣ Александра, но этого еще недостаточно, да впрочемъ ниже говорится и о ней. Во всякомъ случаѣ, если это извѣстіе взято частью и изъ былинки, то не

* Володарка, мѣстечко въ Кіевской губерніи.

иначе какъ изъ былины XI столѣтїа и лѣтописцемъ того же вѣка. Замѣтимъ что и языкъ извѣстїа не самый новый.

Лѣта 1001. „Александръ Половичъ и Янъ Усмошвецъ избѣша множество Печенѣгъ и князя ихъ Родмана и съ тремя сыны его въ Кїевъ приведоша.“ Владимиръ сотвори лиръ и роздалъ великую милостыню.

И здѣсь трудно видѣть былины XVI вѣка. Описанїе лира совершенно тождественно съ параллельными мѣстами каратейныхъ.

Лѣта 1004. „Придоша Печенѣзи на Бѣградъ. Володимеръ же посла на нихъ Александра и Яна со многими силами. Печенѣзи же слышавше побѣгоша въ поле.“

Неужели и объ этомъ вовсе не элическомъ обстоятельстве была былина? Былина, думаемъ, не позволила бы поганымъ уйти безъ хорошей потасовки.

Вообще мы не видимъ почему бы всѣ эти извѣстїа заслуживали менѣе вѣроятїа чѣмъ множество показанїй той же лѣтописи, которыя уже давно признаны вполнѣ достоверными. И повторяемъ, еслибы тутъ замѣшались и въ самомъ дѣлѣ былины, развѣ нѣтъ подлинной несомнѣнной былины объ Янѣ Усмошвецѣ даже въ Лаврентьевской рукописи? И развѣ кто-нибудь считаетъ вслѣдствїе этого самую рукопись менѣе древнею?

(До слѣд. №).

НИКОЛАЙ КВАШНИНЪ САМАРИНЪ.

ИСПАНІЯ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ. *

ОТЪ МУРСІИ ДО БАРСЕЛОНЫ.

Мурсія.—Путь въ *тартанъ*.—Оригуэла.—Кревильенте.—Послѣдній садитъ Испаніи Хаимѣ.—Эльче (*Elche*) и легенда объ ея Мадоннѣ.—Валенсія.—Сарагосса.—Барселона.

Прокруживъ en las Есраіаs, въ Испаніяхъ, какъ говорятъ здѣсь, около года, я наконецъ двинулся въ обратный путь черезъ Каталонію и Аррагонъ на Перлиньянь. Пароходъ доставилъ меня въ портъ Картахены (новѣйшій и третій по имени Барсагенъ). Объ этомъ городишкѣ не стоить и говорить. Что касается до порта или залива Картахены, то онъ извѣстенъ и единственный въ своемъ родѣ во всей Европѣ. Входъ въ него съ моря, промежъ двухъ скалъ, узокъ какъ небольшая рѣка и только послѣ саженей десяти портъ расширяется и представляетъ видъ овальнаго озера защищеннаго со всѣхъ сторонъ высокими холмами. Когда-то эти холмы были покрыты бастіонами, теперь все полуразвалилось и кой-гдѣ видишь двухъ-трехъ солдатиковъ гуляющихъ или рыбу удящихъ.

Городокъ малъ, грязенъ, мраченъ, и закрытый горами со всѣхъ сторонъ отличается дурнымъ воздухомъ. Вдобавокъ

* См. Русск. Вѣст. 1874 № 4 и 6.

въ немъ почему-то вѣчныя сумерки. Вообще я былъ сильно разочарованъ. Этому городишкѣ тяжело носить такое имя.

Не долго пробылъ я въ немъ. Говорили мнѣ что надо побѣдѣ посмотреть замѣчательный арсеналъ и доки, но я слишкомъ привыкъ не смотреть именно того что Испанцы хвалятъ, и наоборотъ, стремиться видѣть то что по ихъ мнѣнію негодно.

Поздно вечеромъ я былъ уже въ столицѣ прежняго королевства Мурсіи, игравшаго немаловажную роль въ исторіи Испаніи, особенно въ эпоху ладенія Кордовскаго калифата.

Первое впечатлѣніе или первый случай со мной былъ оригиналенъ.... На станціи наехалъ я до дюжины двухколесныхъ одноколокъ. Экипажъ этотъ называется тартана (tartana) и пользуется предпочтеніемъ въ провинціяхъ и городахъ всей юго-восточной Испаніи. Нанялъ я одну такую довольно грязную и вспомнилъ выраженіе одного Француза называвшаго тартану *une tartine... de graisse*. Вся внутренность тартаны была не только грязна, но глянцево жирна. Мальчишка кучеръ погналъ лошадь въ галопъ, радуясь что у меня нѣтъ багажа, а одинъ мѣшокъ.... Сначала я былъ только огуленъ громомъ. Тартана легкая стрѣлой, и за это одно я ужъ началъ было хвалить ее, но черезъ нѣсколько мгновеній, особенно когда мы съ гуломъ выѣхали въ улицы на мостовую, мнѣ, какъ говорится, небо съ овчинку показалось. Россійская перекладная—идеальное по удобству изобрѣтеніе въ сравненіи съ этою инквизиціонною машинкой. Я убѣжденъ вполне что изобрѣтена тартана знаменитымъ Santo Officio, обладавшимъ сотнями разнообразныхъ инструментовъ для пытки. Сидишь, волевыхъ, въ какой-то кибиткѣ, бокомъ, какъ въ омнибусѣ, затѣмъ положеніе скамьи не горизонтальное, а покатое... И чѣмъ выше лошадь, на хомутѣ которой лежатъ оглобли, тѣмъ покатые. Ось приходится прямо подъ сидѣнемъ. Малѣйшій камушекъ попалъ подъ колесо—и сидящій, подброшенный какъ мячъ вверхъ, перебрасывается по закону тяготѣнія и инерціи на другое мѣсто, на поларшина далѣе отъ передка и кучера. Въ глубинѣ тартаны трясеть сильнѣе и поэтому лучше *сернуться* на передокъ. Въ четверть часа я десять разъ перебрамса впередъ и снова десять разъ съѣзжалъ по возможности къ задку. Въ одно и то же время и ѣдешь съ тартанѣ, и ходишь по тартанѣ. Преудобный экипажъ! И въ немъ-то еще суждено мнѣ было сдѣлать цѣлое путешествіе.

Когда мы были уже въ городѣ и пробирались шагомъ по узкимъ улицамъ, вдругъ я вижу протягивается рука съ галуномъ на рукавѣ и беретъ за шиворотъ моего кучера... Стали. Кто-то ругается и грозитъ полиціей. Мальчишка хнычетъ и прощенья просить.

— Въ полицію! Нечего разсуждать! кричить баритонъ.

— У меня пассажиръ! лишить мальчишка.

— Мнѣ какое дѣло. Хоть двадцать! пусть лѣшкомъ отправляется, или съ тобою въ полицію ѣдетъ.

Я заинтересовался узнать за что мнѣ такую гостиницу объявляютъ отвести. Оказалось что мальчишка вѣхалъ въ городъ безъ фонарей, надѣясь еще добратъ до восьми часовъ въ гостиницу. На его бѣду восемь пробило на башнѣ, а мы были еще за нѣсколько улицъ отъ пристани...

Минуть десять бился я съ полицейскимъ убѣждая не быть такимъ педантомъ и едва убѣдилъ. Испанецъ всегда яри исполненіи своей обязанности или и въ усь не дуется, или же отчаянный формалистъ.

За общимъ столомъ въ гостиницѣ вышло вавилонское столпотвореніе. Сошлись вмѣстѣ: Русскій, Испанецъ, два Англичанина, Французъ, два Нѣмца, Грекъ, Негръ изъ Алжира и наконецъ два Китайца. Одинъ изъ нихъ былъ говорливъ какъ рыба и забавенъ какъ покойникъ; другой, говорящій отлично на всевозможныхъ языкахъ, болталъ безъ умолку и о чемъ угодно. Съ Англичаниномъ толковалъ онъ по-англійски о манчестерскихъ фабрикахъ, съ Нѣмцами по-нѣмецки о Вѣнѣ и о Берлинѣ, съ Испанцемъ о бояхъ быковъ, Греку сказалъ онъ два, три слова, которыя заставили того хохотать до упаду. Съ Негромъ изъ Алжира объяснялся онъ какъ и съ Французомъ на отличномъ французскомъ языкѣ и наконецъ съ товарищемъ перекидывался словами напоминавшими мнѣ названія разныхъ *фамильныхъ* чаевъ продающихся у насъ: Кiangъ-фиу-де, Этонгъ-чиу! и т. д. въ этомъ родѣ.

Я не вступалъ въ разговоръ, и по-русски Китаецъ не отличался, но предполагаю что могъ бы, або послѣ получаса разговора съ хозяиномъ гостиницы я узналъ что Китаецъ этотъ мой (а можетъ-быть и многихъ) старый знакомый.

Въ 55 или 56 году всѣ дѣти бѣжали смотрѣть двухъ Китайцевъ дававшихъ представленія въ Москвѣ въ домѣ Гурьева. Одинъ глоталъ чашку и затѣмъ доставалъ ее изъ своей спины, другой ѣлъ огонь. Наконецъ одинъ становился къ

доскѣ, а другой бросалъ въ доску кругомъ стоящаго ножи и такимъ способомъ (то-есть втыкая ножи) рисовалъ фигуру товарища на доскѣ.

Это были все тѣ же два Китайца. Они успѣли съ тѣхъ поръ объѣздить всю Европу и кончая Испаніей собирались въ Америку, только компанія ихъ прибавилась слачомъ негромъ. Вѣроятно у этихъ подданныхъ Небесной Имперіи были хорошія деньги, ибо они стояли въ лучшихъ комнатахъ одной изъ лучшихъ гостиницъ Мурсіи.

Надо прибавить что костюмъ на обоихъ былъ національный, расшитый позументами; головы выбритыя, а косы оставленныя на макушкахъ сплетены и обмотаны шапкой по голымъ черепамя. Скулы, лбы, глаза, носы и рты были какъ и слѣдуетъ китайскимъ, то-есть дурноты непомерной.

Въ Мурсіи я тоже ничего особенно интереснаго не открывалъ. Видѣлъ соборъ, лазилъ на колокольню, не по лѣстницѣ, а по широкой дорогѣ, гдѣ проѣдетъ любая карета. Архитектура же самая нечлѣвая, *сборная*... Всѣ возможные и не возможные стили перемѣшаны какъ лопало. Памятникъ громадный и стоявшій не мало, строившійся цѣлые вѣка—а все это вмѣстѣ не производитъ никакого впечатлѣнія, не говоритъ ничего и не лучше любой казармы. Что дѣйствительно замѣчательно здѣсь, это великолѣпный видъ съ колокольни на окрестность или такъ-называемую *huerta de Murcia, садъ*, то-есть долину Мурсіи. Это цѣлое, далеко развернувшееся, ярко-зеленое море... Голые, сожженные солнцемъ холмы, отроги горъ окружающихъ долину, отовсюду врѣзываются желтыми мысами и тонутъ въ этой зелени. Картину которую я видѣлъ съ этой колокольни при закатѣ малиноваго солнца передать невозможно.

Поскучавъ немного я чрезъ три дня выѣхалъ изъ Мурсіи. Лучшая часть Испаніи—Андалусія—была уже за мной; я простился съ нею еще выѣзжая изъ Гранады и Альмеріи. Теперь ничто уже не могло мнѣ нравиться вполнѣ, ибо я по-неволѣ сравнивалъ все съ тѣмъ чуднымъ уголкомъ міра. Впереди меня ждали города и мѣста не имѣющія граціи Андалусіи и мрачнаго грандіознаго характера обѣихъ Кастилій. Каталонія и Арагонъ обѣщали только одно—подвинуть меня ближе ко Франціи и къ концу путешествія. А я не очень еще стремился увидѣть снова Перпиньянъ, Лионъ и Парижъ. Желая найти еще хоть что-нибудь интересное, я предпри-

взялъ опять путешествіе по *дикимъ* мѣстамъ и направился въ гаушъ.

Въ сумерки я взялъ мѣсто на почтѣ только до третьей стціи по дорогѣ въ Аликанте чтобы свернуть въ сторону съ большихъ трактовъ и видѣть окрестность городка Эльче (Elche).

Въ полвочъ я усаживался кое-какъ въ какой-то рыдванъ который совершенно серіозно называли здѣсь дилижансомъ. Насъ, путешественниковъ, какъ и всегда въ Испаніи, было одинадцать на восьми мѣстахъ. Вотъ какъ это случилось: Когда кучеръ и кондукторъ лѣзли уже на козлы, явилось потеплавое семейство: мамаша, палаша и дочка лѣтъ уже 35ти. Они объявили намъ что у нихъ бабушка въ Аликанте очень больна, можетъ даже умереть! Въслѣдствіе этого они, ради Цара Небеснаго и *Madre Santissima*, просили сеньйоровъ-пассажировъ удралить имъ одао маленькое мѣстечко, самое что ни на есть маленькое.

— Кому же изъ васъ? Сеньйоритъ? спрашиваетъ одинъ сеньйоръ-пассажиръ.

— Ахъ, ахъ! Всѣмъ троимъ.

Нѣкоторые пассажиры стали покашливать. Двое притворились вдругъ спящими.

— Да вы бы ваяла себѣ тартану, замѣтилъ одинъ.

— Ахъ, сеньйоръ! Дорого просить. Мы люди бѣдные. А бабушка непременно умереть.

— Да какъ же одинадцати человѣкамъ тутъ убоиться? заговорилъ еще кто-то, оглядывая нашу курятникъ.

— Ну, вошь!? всгулился заинтересованный кондукторъ.— Я разъ въ этой же каретѣ семнадцать человѣкъ везъ.

— И довели? спросилъ я смѣясь.

— Довезъ четырнадцать, серіозно отвѣтилъ онъ.— Двое *сеньйоръ* не знаю гдѣ, а одинъ выдѣвъ и захотѣлъ лѣшкомъ идти. *Ивглесъ* былъ... оттого....

— *Сейогес!* вдругъ воскликнулъ какъ вдохновенный одинъ пожилой пассажиръ.— Пустимте ихъ. Становится свѣжо, а подъ утро будетъ еще свѣжѣе. Съ вами будетъ гораздо теплѣе!..

И допущенные въ видахъ отопленія, мамаша и палаша уже усаживались, а дочка протискивалась въ глубь кареты. Одинадцать человѣкъ и лѣваши, да еще всѣ окошки залерди, болсъ мелкаго дожда. Я задохнулся отъ духоты и давки.

Часа три слѣшкомъ продолжалась моя лѣтка; наконецъ среди темной ночи мы были на первой станціи, въ городкѣ Оригуа. Я оказался тоже калризымъ Ивгасомъ и выѣзжалъ пока перепрягали лошадей. По счастью со мной былъ одинъ сакъ надѣвавшійся ранцемъ за спину. Багажа бы мнѣ не выдали ранѣ мѣста назначенія.

— Денегъ я отдать вамъ не могу, немедленно объявилъ кондукторъ.

— Я и не прошу! отвѣчалъ я,—ибо уступаю на двѣ станціи свое мѣсто этой сеньоритѣ. Слѣдовательно она вамъ ничего не должна.

Кондукторъ поморщился, но родные дѣвушки поблагодарили, а пассажиры подтвердили что я имѣю на это право. Дѣвушка достала откуда-то цвѣточекъ (среди ночи) и протянула его мнѣ со словами: *gracias, caballero!*

Ну, маѣ не до цвѣточковъ теперь! подумалъ я, оглядываясь. Тьма, сырость, грязь и мелкій дождь, вотъ что я обрѣлъ за дверцей рыдвана.

Дилижансъ быстро перепрягали, захолодали бичами и вскрылось, гремя и гудя въ темнотѣ; скоро и гулъ стихъ. Отпряженныхъ муловъ вогнали въ какой-то дворъ, залерли в ротъ, и я остался одинъ-одинехонекъ среди улицы незнакомаго, темнаго и глубоко почивающаго городка. Позвалъ бы я малаго загоняющаго муловъ на дворъ, но онъ не разспалъ или не хотѣлъ разспышать и даже не обернулся на мой крикъ.... Вдобавокъ мелкій дождь становился крупнымъ. Надѣлъ мой ранецъ на спину и пошелъ. Куда? Да вынулъ. Просто пошелъ. Что жъ стоять-то на мѣстѣ, да еще под дождемъ. Прощель одну улицу—ни собаки, прощель другую—тоже все мертво.... Что-то подъ ноги лопало. Глажу—дубица! Можетъ-быть ее Провидѣніе мнѣ посылаетъ, подумалъ. Взялъ дубицу, мокрую и грязную, и зашагалъ дальше. Если же въ Оригуалѣ постоянные дворы или хоть кабаки съ постояльцами, утѣшалъ я себя, шлепая по лужамъ. Кабакъ лучшій рыдвана съ животнымъ отопленіемъ.

Разглядывая наружность домовъ и вывѣски, я близко походилъ иногда къ стѣнамъ... Показалась мнѣ одна вывѣска въ родѣ тѣхъ что всегда висятъ надъ дверями *posadas*, т

есть постоялыхъ дворовъ. Подошелъ я ближе, зажегъ спичку (рискъ быть привятымъ за поджигателя) и узналъ что предо мною не *posada*, а колбасная лавка. Хотѣлъ было идти прочь, и слышу сопить кто-то или что-то... Приглядѣлся внимательнѣе (послѣ свѣта спички ночь еще темнѣе казалась) и увидѣлъ человѣка лежащаго на порогѣ.

Или сторожъ или пьяный? Въ Россіи и въ Испаніи одинаково обоимъ по обычаю спится сладко на улицахъ.

Я началъ будить спящаго. Онъ началъ мычать. Я упрямо шелъ и толкалъ его (обрадовавшись встрѣчѣ съ живымъ существомъ), но онъ упрямо не просыпался, то-есть проснулся ищетса, но молчалъ, даже мычать пересталъ.

— Скажите мнѣ гдѣ есть *posada*? повторялъ я въ десятый разъ.

— Не знаю, рывкнулъ онъ наконецъ на меня.

— Хотите меня провести. Я вамъ песету* дамъ.

— Не хочу.

— Хотите двѣ?

— Не хочу! зарычалъ онъ.

— Хотите четыре песеты?

Молчаніе гробовое. Хотя я предлагалъ почти цѣлковый. Я началъ бравиться и увѣрять что это самая большая гадость съ его стороны не сказать иностранцу гдѣ есть постоялый дворъ.

— Да если же я самъ иностранецъ!... Чтобы васъ чортъ на своей тещѣ жевалъ!** злобно и дико заоралъ онъ, вдругъ приподнимаясь.—Я самъ сейчасъ сюда пришелъ, такъ къ какому же я васъ дьяволу могу вести если я города не знаю! Ловитесь вотъ тутъ. Въ пять часовъ отолрутъ, да и свѣтаѣ будетъ.

— Хотите вмѣстѣ искать ночлегу?

— Спасибо! Я здѣсь даромъ ночую.

— Я заплачу за вашу ночлегу.

Онъ и не отвѣтилъ.

Ну и пошелъ я далѣе, неволью смѣясь этой встрѣчѣ и мысли незнакомаго.

* Песета—около четвертака.

** Теца чорта считается Испанцемъ еще хуже самого чорта; онъ самъ въ немъ горе терпитъ. Замѣчательно что у чорта испанскаго есть теца, но жены нѣтъ.

Небо сжалось надо мной. Дома черезъ четыре я увидѣлъ бумажный освѣщенный щитъ, за которымъ мерцалъ огонекъ. На щитѣ было нарисовано солнце. Надъ нимъ надпись: *Pozada del Sol*, и внизу обыкновенная лаконическая фраза: *Se da à comer y beber! Дается ѣсть и пить*. Я началъ стучать кудакомъ и простучалъ добрыхъ четверть часа. Никто и не шелюхнулся. Я взялся за дубинку. Громъ пошелъ на всю улицу и какія-то собаки по соседству залаяли, но въ домѣ „Солнца“ тишина была мертвая.

Оставалось одно, хватить дубинкой въ дверь такъ чтобъ она съ петель вылетѣла. Лучше залазтитъ завтра за петлями чѣмъ ночевать на улицѣ. Я размахнулся дубинкой... Соприкосовеніе ея съ дверью произвело такой гулъ и грохотъ и такую трель по всей улицѣ что сорокъ собакъ залаяли разомъ. Напротивъ открылось окошко и кто-то выглянулъ на улицу съ ворчаніемъ. Въ ту же минуту растворилось и окно „Солнца“.

— Что такое? Кто такой? заговорилъ перепуганный женскій голосъ.

— Иностранецъ! Путникъ! Ночевать пустите!

— Да развѣ, сеньйоръ, можно такъ стучать. Я думала землетрясеніе! Вы дверь небось прошибли!

— Да вы зачѣмъ же, сеньйора, спите такъ крѣпко. Я ужъ полчаса стучу.

Женщина долго возилась въ домѣ, наконецъ сошла, отвѣсила дверь и подставляя мнѣ фонарь къ самому лицу, оглядѣла меня внимательно.

— Ну что? Не страшень? спросилъ я.

— Нѣтъ! усмѣхнулась она, и когда фонарь повернулся, увидѣлъ дѣвushку лѣтъ двадцати, не красавицу, но съ удивительно милымъ лицомъ. Взъерошенные космы волосъ прищуренные съ просонокъ глаза придавали ей вѣсколькь смѣшной видъ.

— Да и вы, однако, тоже вовсе не страшны! сказалъ смѣясь.—А судя по сердитому голосу я думалъ вѣдьма.

Она внимательно оглядѣла дверь съ фонаремъ и найдя кое-то лятнышко указала на него пальцемъ.

— Смотрите какъ ударили! Что завтра хозяйка скажетъ!

— Чтобы вы не спали такъ крѣпко.

— Она васъ за это заплатитъ заставитьъ.

Дѣвushка провела меня въ огромную комнату, совершенно

чисти. Только въ углу стояла деревянная кровать съ матрацомъ и безъ бѣлья. Это былъ мнѣ номеръ для ночлега. Отъ раскрытаго окна въ комнату было такъ же сыро какъ и на улицѣ.

—Послушайте, обратился я къ ней,—завтра въ десять часовъ я выйду отсюда и дамъ вамъ, собственно вамъ, за хлопоты, три песеты, только съ условіемъ исполнить теперь же что я у васъ потребую.

—Одвѣко... Что именно? сонно, но кокетливо отозвалась она, проснувшаяся горничная.

—Требовать я буду самое разумное. Слушайте. Во первыхъ, вы мнѣ дадите чистыя простыни. Да не просто чистыя, то-есть только выглаженныя, а дѣйствительно и серьезно вымытыя. Понимаете. Затѣмъ вы мнѣ дадите поуживать что есть лучшаго у васъ. Когда у меня будутъ простыни на постели и ужинъ на столѣ, вы можете идти спать...

Дѣвушка совершенно ободрилась (до тѣхъ поръ она зѣвала каждую минуту призывая Богородицу). Обѣщавъ все требуемое, она пригласила меня въ кухню, ибо въ моей комнатѣ и стола не было. Въ кухнѣ было лучше и теплѣе, и уютнѣе. Дѣвушка принялась бодро хлопотать и скоро предо мною появились *tortilla* или яичница, окорокъ ветчины, чашка шоколада и фрукты. Пока я спасалъ себя отъ голодной смерти, она сбѣгала въ кладовую за бѣльемъ, приготовила постель, краулась и сѣла на скамьѣ противъ меня.

—Меня зовутъ Magavillas. А васъ какъ?

—Навуходоносоръ! отвѣчалъ я. Подъ вліяніемъ уголяемаго повода я былъ настроенъ на веселый ладъ.

—Вы не Испанецъ? Вы Инглезъ! Только изъ черныхъ...

И на мой вопросъ она объяснила что въ Оригуэлѣ рѣдко бывають Инглецы, но въ Испаніи ихъ много. И больше все бѣлкурые. Затѣмъ она повѣдала мнѣ что хозяинъ *посады* въ то время *administrador* почты и всегда въ отсутствіи, а сама хозяйка злая-презлая, что работы гибель и ей очень хочется переждать мѣсто. Бѣда та что у хозяйки есть *другъ* и что она всѣхъ (и ее) ревнуетъ къ нему. Наконецъ Маравильясъ объяснила мнѣ что потому только хлопотала для меня что я дѣлительно похожъ на ея новію. Я усумнился, ибо обѣщавъ ей четыре песеты имѣлъ право думать что они разбудили ее. Часовъ въ пять, то-есть на разсвѣтѣ, мы разошлись. Я зачулъ великодушно, но часовъ въ семь меня разбудила возня

вызвѣ. Постоялый дворъ былъ полонъ своими *habitues* собравшимися завтракать. Въ десять часовъ я всталъ, сошелъ опять въ кухню и нашелъ тамъ хозяйку, толстую бабу лѣтъ сорока пяти, толстолицую и съ усами. На полу возились и играли восемь человѣкъ дѣтей, малъ мала меньше. Маравильясъ хлопотала возлѣ печки и плиты. Хозяйка кивнула мнѣ головой и предложила завтракать крайне грубо. Я еще грубѣе спросилъ какую дрянъ она можетъ мнѣ дать. Она тотчасъ же любезно отвѣчала что все что угодно. Дѣвушка улыбнулась. Черезъ минуту хозяйка вышла на крыльцо; Маравильясъ подошла ко мнѣ и шепнула:

— Зла—страхъ! Онъ былъ утормъ и назвалъ ее короной! И оглядываясь на двери, она разсмѣялась тихонько.

Позавтракавъ, я отправился снова по городку. Оригуаа престранно выстроенный городишка. Шириною быть-можетъ во сто сажень, а длиною по крайней мѣрѣ на полторы версты протянулася какъ наши сабоды и тянется вдоль подошвы высокой горы. Миновавъ крайне оригинальныя городскія ворота, въ какомъ-то, окажу, японскомъ стилѣ, я пришелъ къ церкви или монастырю *San Geronimo*, осмотрѣвъ его снаружи и внутри при помощи подсабловатаго старика сторожа, и не найдя въ немъ ничего интереснаго кромѣ одной натреснувшей стѣны (отъ громоваго удара!) вернулся въ *posada*; расплатившись, я вызвалъ дѣвушку на улицу чтобы дать ей обѣщанныя деньги тайно отъ хозяйки.

— *Gracias!*.. Не надо... Вы развѣ идете? Вы бы остались до завтра. У васъ праздникъ завтра.

— Не могу.... Возьмите же скорѣе деньги. Хозяйка увидитъ.

— *Gracias*... Всѣ изъ города пойдутъ на гору. Всѣ по праздникамъ ходятъ туда. На ней есть старый *castillo*, очень интересный. А вѣдь вы Инглесъ и обязаны его видѣть.

— Не могу.... Деньги-то берите.

Она отказалась наотрѣвъ, говоря что не стоить толковать объ этомъ, что она свой долгъ вчера исполнила, сострылавъ мнѣ уживъ среди ночи.

Мнѣ стало даже досадно. Я удвоилъ предложеніе, то-есть сжалъ ея въ руку около двухъ цѣлковыхъ. Она серьезно отвѣчала, отвернувшись:

— *Nombre* (человѣче), не хочу я!..

Не зная какъ быть, а мнѣ непремѣнно хотѣлось вознаграждать ее за бессонную ночь, я придумалъ купить что-нибудь.

Напротивъ *посады* была лавка. Я купилъ очень красивый розовый фуляръ и вернувшись вызвалъ ее опять на улицу.

— Возьмите хоть это на память о черномъ *Иягасъ*, если не хотите денегъ.

Это очевидно тронуло *Маравильясъ*. Она вслыхнула вся, глаза засіяли, но тотчасъ же лицо ея снова стало печально и надвѣвъ фуляръ на шею она вздохнула.

— *Gracias!* Я его завтра обновлю. Только я одна буду.

— А вашъ новіо?

— Онъ солдатъ и только черезъ два года вернется. Я всегда одна гуляю по воскресеньямъ.

— Вы по немъ грустите?

Она закачала головой и собралась хвѣкнуть.

— У меня есть большое горе. Меня отецъ проклялъ въ дѣтствѣ. Если останетесь, я завтра подробно вамъ разкажу все.

Я тутъ только замѣтилъ что встрѣтилъ въ *Маравильясъ* деревенскую кокетку. Грусть по поводу проклятiя отцомъ или матерью я встрѣтилъ раза четыре. Хоть и странно кажется, а это не болѣе какъ *конекъ*, желаніе, какъ говорится, повторесничать. Отчего же *конекъ* такой *дикий*? Кто жъ знаетъ. Да мало ли въ Испаніи дикаго. Одна женщина, молодая и изъ общества, увѣряла меня что одержима бѣсомъ и очень хотѣла что нельзя и некому его изъ нея изгнать.

Я взялъ мѣсто до деревушки *Crevillente*, ибо хотѣлъ ѣхать въ городокъ *Elche* извѣстный своими пальмовыми рощами, а лижачась шель прямо въ Аликанте, оставляя *Эльче* въ сторонѣ. Черезъ часа три-четыре ѣзды, мы въѣхали въ деревушку чрезчуръ обыкновеннаго вида. Кой-гдѣ видѣлись, правда, великолѣпныя пальмы составляющія здѣсь очевидно принадлежность всякаго порядочнаго сада или огорода, но за то дома, улицы, лавченки и народъ отличались особенною грязью, неравешествомъ всякаго рода и отъ всего вѣяло навозомъ.

Карета остановилась на площади. Я вылѣзъ и спросилъ гдѣ можно найти какое-либо средство (не говоря уже о лижачась) добраться до *Эльче*. Мнѣ объяснили что надо дождаться утра и крестьянскихъ подводъ которыя пріѣдутъ на базаръ съ овощами или съ зерномъ и для обратнаго путеше-

отвѣя дешево согласятся взять пассажира. Я не хотѣлъ ждать почты цѣлыя сутки.

— Ну, такъ наймите себѣ тартану.

Что лучше? подумалъ я. Пѣшкомъ идти по дорогѣ въ Эльче или пѣшкомъ ходить по тартанѣ во время ѣзды. Не зная дороги я рѣшился на послѣднее и направился въ ближайшую *посаду*.

Въ ней происходила страшная возня и суматоха; разгружались огромные возы съ мукой, и пятеро рабочихъ таскали мѣшки въ сарай. Я вошелъ на дворъ и сталъ искать хозяина. Появился Геркулесъ ростомъ и сложеніемъ, и на мой вопросъ о тартанѣ, запросилъ съ меня пять дуро (болѣе шести рублей), а до Эльче было верстъ семь.

— Это страшно дорого! воскликнулъ я.

— Еще бы! Безумно дорого, отвѣчалъ онъ. — Я совѣтую вамъ обратиться къ другому. Васъ за два свезуть.

Я думалъ что онъ шутитъ.

— Вы видите какая у меня возня, продолжалъ онъ указывая на разгрузку. — Если я уѣду съ вами, у меня непременно украдутъ хоть одинъ мѣшокъ. Я и прошу поэтому два дуро за доставку васъ въ Эльче и четыре дуро за мѣшокъ который украдутъ.

Онъ даже не улыбнулся говоря это.

— Я вамъ совѣтую обратиться въ венгу * моего племянника. Постоите, я мальчишку пошлю къ нему сейчасъ. Онъ васъ за три дуро свезетъ. Хотите?

Я согласился. Мы вошли въ просторную и широкую комнату. Въ одномъ углу сидѣла старуха и перетряхивала гриву изъ двухъ матрацовъ. Въ другомъ углу за столомъ завтракалъ прохожій, весь въ пыли, съ загорѣлымъ лицомъ и густою черною бородой. Въ ногахъ его лежалъ мѣшокъ, салоги и палка. Ему прислуживала горничная крайне дурная и вдобавокъ совершенно лысая (что на Югѣ не диковина). Не далеко отъ входа сидѣла на креслѣ дѣвочка лѣтъ шестнадцати по лицу. лѣтъ двадцати слишкомъ по формамъ всего стана. Она расчесывала великолѣпную косу перекинутую через спинку кресла, и черныя волнистыя пряди звѣиками падали до земли. Лицо ея было не столько красиво и правильно сколько талично. Это былъ совершенно второй экземпляръ

* Кабачокъ, малый постоялый дворъ.

того же издавія что я встрѣтилъ въ Оригуэль. Служанка „Солда“ и эта дѣвочка были родственницы по профилю и по взгляду темныхъ немного поникшихъ глазъ. Мальчишка въ двѣнадцати помогалъ ея туалету, держалъ косу и расчесывалъ кончики нагибаясь къ землѣ. Она конечно могла это сдѣлать сама, есабы перебросила волосы съ земли и со стула къ себѣ на колѣна.

— Anita! Позволь брата послать по дѣлу, обратися мой Геркулесъ къ дѣвочкѣ, съ вѣжливымъ отгвѣкомъ въ голосѣ.

— Ахъ, лѣна. Кто же мнѣ поможетъ причесаться? Подожди. Затѣмъ тебѣ *Perico*. *

— Да вотъ иностранцу надо, нерѣшительно заговорилъ отецъ.—Онъ бы живо сбѣгалъ. А ты бы подождала.

— Будьте такъ любезны, вступился я.

Она перевела на меня глаза, поморщилась и снова капризно выговорила отцу съ жестомъ королевы:

— Посылай, но помоги мнѣ самъ причесываться.

— Да гдѣ жь мнѣ! Помилуй, воскликнулъ Геркулесъ умоляющимъ и жалостливымъ голосомъ.—У меня еще семь подводъ осталось разгрузить.

— Ну, такъ вы помогите, выговорила Anita.

— Извольте! разсмѣялся я, подвигаясь.

— Разумѣется, подтвердилъ отецъ.—Эй Пелико! сбѣгай.

И онъ сталъ давать сыну подробное приказаніе что и какъ сдѣлать и скорѣе ворочаться.

Я взялъ стулъ и сѣлъ усмѣхаясь около дѣвочки. Она несколько не сконфузилась, не то капризно, не то сурово глянула на меня и тѣмъ же королевскимъ жестомъ медленно передала мнѣ гребень. Я почтительно принялъ оружіе.

Она заговорила медленно и важно, иногда отчасти небрежно:

— Правая сторона окончена. Раздѣлите дѣву на три части.... Такъ! не слышите! Не подымайте волосъ, слугаете! Нагибайтесь. Ведите гребнемъ смѣло. Я не очень чувствительна головой! Вы изъ Мурсіи или изъ Алканте? Покажите мнѣ ваши часы. Вы не женаты? Нѣтъ, вы еще слишкомъ молоды! Новія у васъ есть? Далеко? Какъ она позволяетъ вамъ путешествовать! Я бы васъ не пустила. Когда у меня былъ новіо—онъ гауптъ утонулъ—я его никуда не пускала. Онъ и уто-

* *Perico*, Рера уменьшительное отъ *José* (Хосе)—Иосифъ, одно изъ любимыхъ мужскихъ именъ.

муль отъ моего гѣва. Ковчики разчесали? Хорошо! соедини-те косу! Такъ! Плеть умѣете? Плетите! какъ странно плетете. У васъ на родинѣ всегда такъ плетутъ?!

Послѣ всей операціи, во время которой ходили вокругъ и обнюхивали насъ свиньи и бараны, я попросилъ вымыть руки. Королева вознегодовала и упорнымъ взглядомъ уставилась на меня.

— Развѣ моя голова грязная? Я утромъ мыла ее.

Я замѣтилъ покорно ея величеству что я съ дороги и еще не умылся. Она не совсемъ повѣрила, но однако принесла воды и въ свою очередь начала мило услуживать мнѣ. Принесла *свое* мыло и *свое* полотенецъ. *Son mios!* мой, любезно, но внушительно сказала она давая мнѣ почувствовать честь которую она мнѣ дѣлаетъ.

Мать ея между тѣмъ была прилежно занята гривой и не обращала на насъ никакого вниманія.

Уже вытирая руки я сказалъ шутя что въ моемъ отечествѣ существуетъ древній обычай, когда мущина причешетъ дѣвushку, то имѣетъ право на поцѣлуй.

Анита поглядѣла на меня равнодушно, шевельнула бровями и не выговоривъ ни слова быстрымъ движеніемъ подставила мнѣ свою смуглаю щеку.

Я, признаться, былъ озадаченъ и покосился кругомъ: вѣтъ ли гдѣ Геркулеса, которому обычай моего отечества можетъ-быть не понравится.

— Чтѣ жъ вы! почти грозно вымолвила королева, и насуливъ брови... Получивъ поцѣлуй она прибрала мыло и вышла на улицу. Мальчишка скоро явился и залыхавшись объявилъ мнѣ:

— En todo el mundo, во всемъ свѣтѣ, вѣтъ племянника хозяина. Онъ вѣрно уѣхалъ въ Мурсію.

Появился снова Геркулесъ-отецъ и посоветовалъ мнѣ самому идти въ *posada de la Cruz*, спросить *Onofre*. Я отправился, захвативъ свой ранецъ съ собой чтобы не ворочаться, ибо Анита легко можетъ-быть разкажетъ отцу про русскій древній обычай, а вкусы у всѣхъ разные.

Въ *posada* „Креста“ сказали мнѣ что Онуфрій боленъ и посоветовали идти къ кузнецу *Mejorada*. Пролаутавъ по переулкамъ Кревильерте, я наконецъ нашелъ кузнеца, но его единственный мулъ оказался не подкованнымъ. Онъ просилъ

ждать до сумерекъ, я не согласилась, ибо хотѣлъ видѣть Эльче въ тотъ же день, а вечеромъ быть уже въ Аликанте....

— Такъ ступайте на гору.... Видите домикъ виноградомъ увить... Ну, тамъ живетъ мой primo (двоюродный братъ), спросите Enrique Puch.

Помежь я къ Эрику Пучу. У него оказалась лошадь подкованная и тартана съ подушкой. Фигура его мнѣ сразу понравилась. Открытое веселое лицо, желтоватые волосы и добрые голубые глаза. Просто Датчанинъ, а не Испанецъ.

Пока онъ закладывалъ я пошелъ впередъ лѣшкомъ по указанной дорогѣ, вышелъ изъ Бревильенте и сталъ спускаться подъ гору среди заборовъ и огородовъ.... Вдругъ за вероту появляется фигура изъ-за какой-то ограды и любезно говорить:

— Buenas dias, caballero. Вы идете въ Эльче и я тоже. Мы можемъ вмѣстѣ идти.

Это былъ незнакомецъ завтракавшій на постояломъ дворѣ. Скверное лицо его показалось мнѣ еще хуже отъ улыбки съ которою подошелъ онъ ко мнѣ.

Ну, милый другъ, ты меня поджидалъ! подумалъ я, и на вопросъ иду ли я въ Эльче я не отвѣчалъ ни слова.

— Мы кажется вмѣстѣ были въ одной *посадѣ*. Чтѣ поймай-то вкусный получили вы отъ той *чики* (малютки)? Ха-ха-ха! Я васъ видѣлъ! грубо и громко залулся онъ силоватымъ смѣхомъ.

Рожа его окончатательно опротивѣла мнѣ. Я оглавулся не идетъ ли тартана, но дорога заворачивала за ограды и я не могъ знать далеко ли, близко ли мой Пучъ.

— Который телерь часъ? спросилъ вдругъ мой слугаикъ.

— Четыре! отвѣчалъ я, не вынимая часовъ.

— Какъ это вы ходите одни лѣшкомъ съ дорогими вещами... Да еще вѣрно съ деньгами?

Какъ-то невыразимо странно выговорилъ онъ, не то злобно, не то иронически, насмѣшливо. Я пересталъ конечно думать что новый мой слугаикъ просто прохожій.

— Чтѣ жъ такое? У меня есть вещи, есть деньги, но за то есть и револьверъ о шести стволахъ!

— А-а! Это хорошая штука, револьверъ!... А покажите-ка?... Я ихъ еще не видывалъ. Интересно.

Со мной разумѣется кромѣ кистеля ничего не было. Я разгразъ равнодушнѣ.

— Что жъ интереснаго. Револьверъ то же что и пистолеть. Только стрѣляетъ самъ шесть разъ! Хвасталъ я подъ вліяніемъ очень непріятнаго чувства. Онъ усмѣхнулся.

Этотъ слутайкъ мнѣ конечно становился въ тягость, а Пучъ все не ѣхалъ. Могъ вовсе не пріѣхать. На мое счастье я увидѣлъ вдругъ въ одномъ изъ ближайшихъ огородахъ работающаго старика и не говоря ни слова свернулъ къ нему съ дороги.

— Куда же вы?

Я не отвѣтилъ на вопросъ.

— Не хотите ли продать мнѣ виноградъ? обратился я къ старикку.

Онъ объявилъ мнѣ что виноградъ нѣтъ, а есть дыни. Я согласился на дыню. Онъ сталъ лазить и искать самую лучшую.. Тартана и проклятый Пучъ не показывались. Когда я получилъ дыню, то заставилъ старика искать другую еще лучше. Слутайкъ мой постоявъ съ минутой на дорогѣ пошелъ тихимъ шагомъ, изрѣдка оглядываясь.

Получивъ вторую дыню я вступилъ со старикомъ въ разговоръ о цѣнахъ на фрукты и овощи и т. д.

Черезъ минуту десять загрѣмѣла вдалекѣ проклятая тартана и скоро показалась изъ-за каменныхъ оградъ.

Черезъ минуту пять я въ тартанѣ уже обгонялъ прохожаго. Онъ покосился и усмѣхнулся. Мнѣ показалась досада на его рождѣ.

— Сага mala! скверное лицо, обратился ко мнѣ Пучъ не дожидаясь даже вопроса.

— Что это прохожіи?... Путешественники?

— Сага mala! повторилъ онъ.—Pasece que es un gatero! (кажется мошенникъ). Бандитовъ у насъ болѣе нѣтъ, за то этихъ ladrones и gateros много.

Разговоръ нашъ завязался на эту тему и Пучъ сталъ разказывать.

— Теперь что жизнь? Рэй! говорилъ онъ.—А нѣтъ двадцать назадъ все бы теперь сидѣли въ Кревиальенте и поджидали okazji ѣхать въ компанію. Помню, я въ дѣтствѣ бѣгалъ иногда въ Эльче, посылаемый отцомъ. Всегда человекъ семь-восемь бандитовъ встрѣтишь дорогой. И всякій-то изъ нихъ всегда вдругъ покажется. Изъ-за куста выйдеть или изъ-за камня, или изъ ямы.... Если голое мѣсто, то ляжетъ и будто

спитъ и вдругъ встанетъ какъ уже близко подлуститъ. Всякій разъ бывало спрашивали: Chico (маленькій)! Есть ли на дорогѣ путешественники?—„Есть“, скажу я.—„А кто ихъ везетъ?“ Если бывало Manuel,—скажешь,—везетъ, то всякій покорится. Онъ ихъ пріятель былъ, то-есть платилъ имъ и всякія услуги справлялъ, а они его не трогали. Если скажешь другой кто везетъ, то сейчасъ каждый знаки какіе-то начнутъ дѣлать. Руки подыметъ вверхъ или свистаетъ. Ну и соберутся четверо, пятеро. Словно изъ земли растутъ. Это была тогда цѣлая шайка, а главный ихъ начальникъ былъ извѣстенъ во всей Испаніи. Его звали *Jaime el Barbudo*, Хаиме Бородатый. Всѣ его знали и всѣ боялись. И что только онъ ни дѣлалъ! Молодецъ былъ. Высокій, плотный, силачъ, красавецъ собою и дерзости адской. Бѣдныхъ онъ никогда не трогалъ. Ну, а богатымъ было плохо. Да не однимъ проѣзжимъ, а и тѣмъ кто въ городѣ жилъ, не выѣзжая, было тоже плохо отъ него. Любимое его мѣсто было вотъ тутъ на горѣ *San Gadiitano* (Путь показалъ мнѣ на небольшую гору мѣсто отъ насъ). Тутъ никто не смѣлъ проѣзжать, развѣ только съ Мануэлемъ. За то Мануэль бралъ иногда до ста реаловъ и до двухсотъ, только чтобы довести кого-нибудь до Аликанте. Иной дельги везетъ, другой товары, третьему нужна большая ѣхать, а самъ боится и всякій радъ дать хоть триста реаловъ чтобы проѣхать вѣрно и спокойно. А Мануэль разумѣется всегда часть себѣ возьметъ, а часть Хаиме отдастъ. Разъ какъ-то поѣхалъ эдакъ Мануэль и повезъ революціонтовъ. На нихъ напали два бандита-новичка изъ шайки и обобрали до-чи-та. Мануэль бросилъ карету, лошадей и говорить имъ: „Ведите меня къ Хаиме!“ Повели они его, вещи и дельги съ собой взяли. Пассажирамъ Мануэль велѣлъ дожидаться на дорогѣ. Пришелъ онъ къ развалинамъ на горѣ и говорить Хаиме:

— Что жъ ты дѣлаешь! Ты мою репутацію на вѣкъ заляпалъ, теперь никто не согласится со мной ѣздить мимо *San Gadiitano*! Все мое да и твое дѣло (*negocio*) пропало.

Хаиме ни слова не сказалъ, призвалъ эдакъ двухъ новичковъ, созвалъ еще человѣкъ двадцать пять изъ развалинъ и спрашиваетъ:

— Говорилъ ли я этимъ двумъ болванамъ (*tunantes*) что надо трогать Мануэля изъ Кревильенте?

— Говорилъ! отвѣчаютъ всѣ почтительно.

- Описалъ ли я имъ его ростъ, лицо и всю фигуру?
- Описалъ!
- Что жь съ вами теперь дѣлать?
- Разстрѣлать! говорятъ одни.
- Исключить изъ общества, выгнать изъ San Gaditano, говорить другіе.

А новички улади на колѣни и плачутъ.

— Общаетесь ли вы заслужить себѣ прощенье или нѣтъ? говоритъ имъ Хаиме.

Они разумѣется на все согласились. Хоть луку укусить. Главная сила Хаиме и была въ такихъ провинившихся. Имъ одно спасеніе, или исполнить три опасныя порученія чтобы получить помилованіе или быть разстрѣлянными. Ну и дѣлались же иногда штуки! удивительныя. Мануэль тогда сейчасъ же отдалъ всѣ деньги и вещи. Онъ вернулся къ пассажирамъ, роздалъ каждому свое и хотѣлъ уже ѣхать, вдругъ смотреть, идетъ съ горы самъ Хаиме и машетъ рукой чтобы подождать. Пассажиры чуть не плачутъ отъ страха: что будетъ.

— Самъ Хаиме идетъ! говоритъ Мануэль.—Но не бойтесь. Что-нибудь важное скажетъ.

Подожелъ Хаиме къ каретѣ, тихо, важно и поклонился. Всѣ пассажиры давно ужъ свои sombreros (шляпы) поспинали (Пучъ весело расхохотался, да и я тоже).

— Скажите, говоритъ имъ Хаиме, — въ Аликанте, въ Мурсіи и во всѣхъ городахъ и деревняхъ de las Еспañas что Хаиме даетъ свое честное слово въ томъ что никогда никакой пассажиръ ѣдущій съ Мануэлемъ изъ Кривильеате не будетъ обиженъ ни мной, ни моими товарищами.

Съ этихъ поръ Мануэль бралъ за мѣста страшныя деньги даже и съ тѣхъ кто не везъ ни денегъ, ни товаровъ. Даже прошелъ слухъ что кто не дастъ требуемое Мануэлемъ и пойдетъ съ другимъ или одинъ мимо San Gaditano, то его бандиты не только оберутъ, но и убьютъ нарочно.

Иногда Хаиме любилъ и подшутить надъ бѣднымъ человекомъ; попадется ему вотъ такой какъ я напимѣръ. Остановить онъ тартану, а если верховой—велитъ сѣзъть съ лошади или съ мула и говорить:

— Не стыдно тебѣ на такой клачѣ ѣздить. Или: какъ ты смѣешь мимо Хаиме проѣзжать на такомъ скверномъ животномъ!

— Я бѣдный человѣкъ! скажетъ тотъ.

— Мнѣ до этого дѣла нѣтъ! *Quatro tiros!* скомаандуетъ онъ своимъ (четыре выстрѣла).

Лошадь или мула въ мигъ разстрѣляютъ. Бѣдный человѣкъ волосъ на себѣ рветъ.

— Знаешь ли ты такого-то? спросить у него Хаиме.—Онъ лошадь свою продаетъ.

— Знаю. Да вѣдь она стоить сто дурось.

— Ну вотъ тебѣ сто дурось. Ступай и купи ее себѣ завтра же утромъ. Только не смѣй никому говорить что деньги отъ меня, а то плохо будетъ.

Бѣдный въ восторгѣ; отправится на утро, ни слова не говоря купить лошадь и радуется счастью. Вечеромъ того же дня является въ гости къ продавшему лошадь какой-нибудь *caballero*, отлочно одѣтый, спросить того по дѣлу очень важному, и оставшись наединѣ въ гостиной, скажетъ вѣжливо и тихо:

— До васъ у меня секретное порученіе есть. Наединѣ только и могу открыть. Вотъ у меня, видите, пистолетъ, а вотъ свистокъ. Товарищи мои тутъ по улицѣ гуляютъ и ждутъ меня. А дѣло вотъ въ чемъ: Хаиме прислалъ меня къ вамъ попросить у васъ взаимны сто дурось.

— У меня нѣтъ такихъ денегъ! начнетъ божиться тотъ.

— Есть. Вы сегодня такому-то лошадь продали. Если не хотите, не одолажайте Хаиме, но тогда вы будете убиты при первой оказіи. А если теперь крикнете, то вотъ пистолетъ и свистокъ. Разумѣется, деньги богатый сейчасъ отдастъ и даже рассказываетъ случаи только друзьямъ по секрету. И выходитъ что бѣдный съ хорошей лошадью, а Хаиме при своихъ деньгахъ. И доброе дѣло сдѣлалъ, и не истратилъ ни гроша. (Хорошо доброе дѣло! подумалъ я, но не перебивалъ разказовъ Пуча.) Однажды какой-то не послушался разъ, ну и убитъ,—продолжалъ Пучъ.—сказалъ ему *Caballero*: убьютъ васъ въ такой-то мѣсяцъ, въ такое-то число, въ ореду, въ полдень. Богачъ въ этотъ день не вышелъ даже на улицу, заперъ всѣ двери и поставилъ у крыльца двухъ солдатъ, и все-таки былъ убитъ. Какъ? Очень просто. И только послѣ узнали въ чемъ дѣло. За мѣсяцъ еще захворалъ у него слуга (по приказу Хаиме разумѣется) и отошелъ отъ мѣста. Явился другой, изъ Валенсиі, нанялся и мѣсяцъ служилъ отлочно, а въ назначенный день подавая ему шоколатъ выстрѣлилъ въ

него и крикнулъ солдатамъ что бандиты на чердакъ. Всѣ бросились туда ловить, а убійца выбѣжалъ за огороды. А тамъ его ужъ товарищъ ждетъ, самъ верхомъ и для него готова великолѣпная лошадь. Ну и ускакали. Отъ солдатъ только и проку дождался что одинъ изъ нихъ въ суматохѣ жеиъ убитаго глазъ штыкомъ выкололъ.

Пучъ олатъ сталъ весело хохотать (вѣроятно своей собственной прикрасѣ разказа). Долго болталъ Пучъ передавая и прикрашивая разные подвиги Хаиме Бородатыго и его банды и наконецъ разказалъ по моей просьбѣ и конецъ существованія знаменитаго и послѣдняго бандита Испаніа.

— Въ ту пору завелся въ Испаніи *Guardia Civil* (жандармы), народъ храбрый, отчаянный, не плоше товарищей Хаиме. Война пошла между ними отчаянная. Въ бандиты идти побавилось охотниковъ, а жандармы плодились какъ саранча, ибо жадованье большое и служба хорошая, и почетъ особенный отъ всѣхъ. У Хаиме наконецъ осталось всего человекъ десять товарищей, самыхъ отчаянныхъ! Былъ одинъ съ четырнадцатю ранами, а все еще жилъ и дрался какъ дьяволъ при всякой встрѣчѣ. Останавливать дилижансы и кареты было уже не легко. При каждой отряжались три, четыре жандарма, да и пассажиры стали храбрѣе. Пистолеты и ружья завели. Но все это было еще ничего. Хаиме и эдакъ прожилъ бы долго, но стубила его одна жеицина! Разъ какъ-то бродилъ онъ голодный около Аллосы (*Allosa* мѣстечко около Мурсіи). Видитъ, сидитъ старикъ около дороги и съ нимъ его жена красавица. Оба завтракаютъ. Онъ подошелъ, вѣжливо поклонился и говорить:

— Я Хаиме. Меня *guardias* ищутъ. Я не ѣлъ двое сутокъ. Дайте мнѣ хлѣба.

— Убирайся къ чорту! Я вотъ пойду *guardias* самъ какъкъ. Они тебѣ дадутъ хлѣба! закричалъ старикъ. Хаиме вынулъ пистолетъ, выстрѣлилъ и убилъ старика наповалъ.

— Хочешь со мной идти? спросилъ онъ красавицу.—Я лучше твоего старика. Да и времена можетъ-быть настанутъ опять хорошія; будешь у меня въ довольствѣ.

— Хочу, говорить та. Подѣловада убитаго въ лобъ и ушла въ горы за Хаиме. Онъ влюбился въ нее страстно и она тоже какъ будто любила его безъ ума. Но вотъ что вышло. Уговорила она его поселиться вдвоемъ въ другомъ мѣстѣ, безъ его товарищей, которые судто бы обижали ее въ его

отсутствіе. Хаиме согласился. Мѣсто они выбрали въ одномъ оврагѣ, гдѣ была лещера. Разъ ночью, для черезъ три часа этого, разбудила его красавица. Проснулся онъ и чувствуетъ что крѣпко скрученъ веревками по ногамъ и по рукамъ. Шепельнуться не можетъ.

— Чтò такое? Помогите! кричитъ Хаиме.

— Ничего! говоритъ красавица.—Ты выслушай. Ты убилъ моего мужа какъ турецкую собаку и думалъ изъ меня одѣять свою любовницу, воображалъ что я тебя буду любить... Тебѣ, убійцу и вора!.. Нѣтъ! Я хотѣла отомстить за мужа и прославиться. Черезъ мѣсяцъ вся Испанія узнаетъ что Хаиме зятъ и что его, непобѣдимаго, любѣдила я. *Guardias!*—кричала она,—берите эту собаку.

Явились спрятанные жандармы и взяли Хаиме Бородатого какъ мѣшокъ съ мукой. Черезъ мѣсяцъ его въ Валенсіи четверовали и двѣ руки прибили къ стѣнамъ разваливъ на горѣ *San Gadiano*. Товарищи его всѣ сами сдались и были прощены королевой Изабеллой.

Вотъ вамъ резкажи о послѣднемъ бандитѣ Испаніи. Насколько тутъ правды и насколько сочиненія самого Пуча, вѣднть мудрено. Если чтò и прибавлено, то взято имъ изъ сказовъ Испанцевъ о другихъ бандитахъ Кастиліи и Андалусіи. Впрочемъ почти то же самое подтвердили мнѣ въ подѣствіи о Хаиме Бородатомъ въ Валенсіи. Существуетъ же драма *Jaime de la Sierra, Горцы Хаимъ*, въ которой, какъ говорятъ, тоже кончается все измѣной женщины, но не изъ мести, а изъ ревности. Пучъ окончилъ мнѣ однако все повѣствованія чѣмъ-то въ родѣ сожалѣнія что теперь ремеза не тѣ, бандитовъ нѣтъ. Есть *ladrones y rateros* (воры кошеники), но трусишки, и наладають двое на одного, а режніе наладали двое на семерыхъ.

— Былъ бы теперь Хаиме на *San Gadiano*, мы съ вами, сандоръ, не сунулись бы вдвоемъ въ Эльче.

Между тѣмъ совраска Пуча бѣжала бодро и мы были уже далеко отъ цѣли путешествія. До сихъ поръ дорога шла по равнинѣ, но нѣзбо тянулся невысокій кряжъ горы *San Gadiano*, сожженный солнцемъ, мѣстами оранжевый, направо, лѣво, чернѣла зелень прибрежныхъ селъ и деревень, а за ними синѣло Средиземное море. Холмъ скрывалъ отъ меня Эльче, но наконецъ мы подаялись на него и глазамъ моимъ пред-

сталъ пейзажъ далеко не европейскій. Это была настоящая, неподдѣльная Африка, нѣчто въ родѣ христіанскаго Тахера, перенесеннаго на берегъ Испаніи.

На глазахъ моихъ была голая равнина, въ родѣ нашихъ степей, лорыжблая, мѣстами совсѣмъ желтая, песчаная и золотомъ блестящая въ косыхъ лучахъ горячаго солнца. Въ глубинѣ этой безжизненной и унылой равнины выдѣляется островомъ ярко-бѣлый городокъ, утопающій въ темно-голубоватой зелени дѣлаго лѣса пальмъ, граціозно, недвижимо и какъ-то сонно клонящихся свои вѣтви на бѣлый камень оградъ домовъ и башенъ.... Весь пейзажъ невольно переносилъ мысль на Востокъ. Элъче казался оазисомъ въ степи. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ я, тѣмъ болѣе убѣждался что вступаю снова, но въ другой, христіанскій Тахеръ. Тѣ же кривыя, немощеныя улицы, тѣ же бѣлыя голыя стѣны безъ оконъ или съ однимъ маленькимъ окномъ и то круглымъ какъ въ бастионѣ. Этотъ лѣсъ пальмъ и оригинальный костюмъ жителей, и ихъ полудикіе взоры устремленные на иностранца, на *чужаго*, гдѣ читаешь полуудивленье, полуподозрѣнье — все напоминало мнѣ берегъ Африки. Одна полавшаяся намъ на встрѣчу старуха особенно привлекла мое вниманіе своимъ уродствомъ. Я пристально оглядѣлъ ее... и замѣтилъ легкое движеніе въ ея правой рукѣ. Она дѣлала знакъ предохраняющій отъ глаза. А ужь конечно изъ насъ двухъ она скорѣе могла взглянуть меня и болѣе походила на вѣдму нежели я на служителя вельзевула.

Предъ вѣздомъ въ городокъ вдругъ разверзается огромный и глубокій оврагъ, необдѣланный, обсылающійся со всѣхъ сторонъ. Каковъ былъ онъ вѣроятно при Готвахъ таковъ остался и теперь. Рука человека и искусство не коснулись его. Весною онъ вѣроятно превращается въ ложе мутнаго и буйнаго потока, шумящаго и клубящагося по камнямъ къ недалекому морю. Теперь среди этихъ навороченныхъ камней, робко и тихо струится маленькій серебристый ручеекъ.

Мостъ перекинутый чрезъ эту проласть какъ-то странно выстроенъ. Въ серединѣ онъ расширяется и по бокамъ стоятъ статуи святыхъ. Нѣкоторые прохожіе, выходявшіе изъ города и вступавшіе какъ и я, останавливались предъ статуями, преклонялись и послѣ одного *Ave Maria* или *Pater Noster* проходили далѣе, уступая мѣсто другимъ. Пучъ, переѣхавъ мостъ, слѣзъ и повелъ лошадь подъ уздцы, ибо она уже

давно наострила уши и пугливо озиралась на все попадавшееся. Мы остановились у первой *ветты*. Я расплатился съ Пучемъ, спросилъ комнату и заказалъ ужинъ, то-есть вѣчную *шортилью* и вѣчный *чоколате*.

Бѣгая по городку, я не открылъ уже ничего новаго. Главная красота Эльче—общій видъ, издали; въ частностяхъ это былъ обыкновенный испанскій городишка съ узкими, грязными улицами, завораживающими то вправо, то влево, словно тропишки въ лѣсу. Только въ концѣ одной улицы я не мало любовался полубашней, полуколокольней. Круглая, высокая и массивная, она въ основаніи своемъ—широкія и просторныя ворота и всею массою своей стоитъ на сѣвѣ, легкой, выгнутой аркѣ. Такимъ образомъ все зданіе башни держится на двухъ не очень толстыхъ стѣнахъ и на аркѣ. Если закрыть руками двѣ стѣны или бока этихъ широкихъ воротъ, то оставшее зданіе саженъ въ четыре словно виситъ въ воздухѣ на саженъ отъ земли.

За городомъ начинается сплошная масса пальмъ, но увы! группы ихъ раздѣлены самымъ прозаическимъ образомъ... на сороды. Вообще вблизи Эльче теряетъ.

Побродивъ по улицамъ и оставивъ въ удивленіи не мало прохожихъ женщинъ и дѣтей оглядывавшихъ меня съ ногъ до головы какъ диковину, я отправился въ соборъ. Здѣсь я, какъ водится, ничего не нашелъ, кромѣ впрочемъ довольно оригинальной легенды, именно сказанія о прибытіи сюда цѣлѣней Мадонны.

Давно, давно тому назадъ причалила къ берегу морскому лодка около деревушки *Guardamar* (за версту отъ Эльче). Въ этой лодкѣ нашли Мадонну и на ней надписи *Soy para Elche*. * Ее перевезли съ процессіей и поставили въ соборъ. Жители Аликанте стало завидно что не къ нимъ въ большой городъ прибыла Мадонна чудотворнымъ образомъ. Они стали говорить что Мадонна эта имъ принадлежитъ, что жители Эльче вадуды ихъ, украли ихъ Мадонну и что надписи на ней никакой не было. Споры и распри дошли до того что всякій житель Эльче и всякій житель Аликанте считали другъ друга личными врагами. Наконецъ жители Эльче убѣжденные что Мадонна явилась для нихъ предложили чтобъ Аликантѣйцы положились на судъ Божій, то-есть на судъ самой

* Для Эльче.

Мадонны. Тѣ согласились. Вотъ какъ былъ устроенъ судъ Божій.

Была куплена въ Мурсіи пара молодыхъ воловъ и приведена въ одно мѣстечко между Аликанте и Эльче. Сюда принесли съ процессіей Мадонну, положили ее на телѣгу богато убранную цвѣтами, запрягли воловъ, завязали имъ глаза и начали кружить по полю.... Покруживъ съ часъ, пустили ихъ однихъ, безъ проводника. Страшныя кучи народа изъ обоихъ городовъ собрались на это испытаніе и окружали телѣгу и воловъ.... Между тѣмъ въ соборахъ обоихъ городовъ шли обѣдни и каждый у себя молился о томъ чтобы Мадонна избрала его городъ. Волы шесть часовъ блуждали по окрестности давая круги. Наконецъ вдругъ набрели на дорогу и тихо, не зацѣпивъ ни за одинъ уголъ, ни за одинъ камушекъ, привезли Мадонну не только въ Эльче, но къ самому собору и остановились сами собой у большихъ дверей его. Съ тѣхъ поръ жители Аликанте почитаютъ эту Мадонну, но уже не заявляютъ правъ на владѣніе ею.

Все это мнѣ разказалъ padre cura * самаго собора и прибавилъ:

— Изъ чего эта Мадонна, никто не знаетъ. Это не дерево, не камень, не кожа... Думаемъ мы что это настоящее тѣло, но разумѣется не простое, человѣческое... Видѣли разъ даже во время сильныхъ жаровъ что оно потѣло. Былъ, говорятъ, одинъ священникъ (тому назадъ лѣтъ двѣсти) который изъ любопытства отважился попробовать Мадонну кожей... Кровь полилась изъ нея, заляпала его и всю жизнь свою не могъ онъ отмыть пятенъ на своихъ злодѣйскихъ рукахъ.

Мадонна эта извѣстна и очень почитаема во всей Испаніи. Ежегодно въ день Успенія Богородицы собираются сюда на праздникъ тысячи богомольцевъ. Нѣсколько костюмированныхъ юношей представляютъ въ соборѣ одиннадцать апостоловъ, а одинъ, съ лучшимъ голосомъ, одѣтъ какъ Мадонна и поетъ гимнъ... А на другой день носятъ по улицамъ уже настоящую Мадонну. Прежде не объявлялось что юноша поетъ; народу говорили что сама Мадонна оживаетъ и поетъ. Теперь же, въ наше время невѣрія людскаго, по приказанію правительства говорятъ и дѣлаютъ все открыто и всѣ знаютъ что поетъ не Мадонна а переодѣтый юноша.

* Padre cura—равняется нашему слову: *батюшка* обращенному къ священнику.

Рано утромъ я снова сѣлъ на инквизиціонную машинку имевшую тартаной и ходилъ по ней взадъ и впередъ, направо и налѣво цѣлый день. По прїѣздѣ, то-есть прїѣхавъ и прїѣдя (въ одно и то же время) въ Аликанте мнѣ пришло на умъ обогатить русскую рѣчь новымъ словомъ *оттартануть*. Меня за цѣлый день пути безбожно оттартанило. Одного взгляда на Аликанте было мнѣ достаточно чтобы немедленно переѣхать въ поѣздъ отходившій въ Валенсію. Аликанте просто копія и даже отчасти пародія на Гибралтаръ.

Та же почти гора съ крѣпостью *Santa Barbara* и у подножия также нѣсколько десятковъ домовъ составляющихъ двѣ, три улицы. Не только тупичваго, а даже просто испанскаго нѣтъ ничего. Вагонъ желѣзной дороги показался мнѣ раемъ Магомета.... послѣ тартаны!

На другой день утромъ я былъ въ Валенсіи. Второй Валенсія на свѣтѣ нѣтъ и оригинальнѣе города я не знаю. Сравнить Валенсію съ Гранадою или Севильей нельзя. Гранада не городъ, а *дачи*, гдѣ болѣе зелени чѣмъ камня, больше цвѣтовъ чѣмъ мостовой. Севилья городокъ въ миниатюрѣ, смотришь на нее и кажется что видишь ее сквозь уменьшительное стекло. Если эти два города не города, какъ мы понимаемъ это слово, то Валенсія первый и красивѣйшій испанскій городъ и конечно въ сто разъ великолѣпнѣе и тупичнѣе Мадрида.

Валенсія полна великолѣпныхъ зданій и фасадовъ чистаго готическаго стиля. Улицы широки, дома высоки, но отъ нихъ не вѣетъ XIX столѣтіемъ. Напротивъ, эти изворачивающіяся улицы, гдѣ на каждомъ шагѣ рисуются строгіе профили или граціозныя очертанія церквей, башенъ и колоколенъ, воротъ и арокъ, дворцовъ и маленькихъ домиковъ, дышутъ Средними Вѣками. Валенсія—испанская Прага, и производитъ особенно сильное и цѣнное впечатлѣніе своею классическою красотой.

Я говорю о старыхъ кварталахъ не тронутыхъ нашимъ вѣкомъ; гдѣ рисуются въ воздухѣ колокольна собора *Miguelete*, * башня *Santa Catalina* и множество другихъ средневѣковыхъ зданій удѣлѣвшихъ во всей своей неподражаемой красотѣ и во всемъ своемъ строгомъ величіи. Другой кварталъ (которымъ конечно хвастаются здѣсь) есть уже слѣпое и плохое

* Названа такъ ибо заложена въ день Св. Михаила, по-испански *S. Miguel*. Строилась она 200 лѣтъ.

подражаніе Парижанъ, Берлинамъ и т. д. Широкая площадь гдѣ печетъ солнце и гдѣ официальная правильность и симметрия вызванныя не необходимостью и удобствомъ, а логоней за Европой. Дома — казармы, стѣны крашены иногда даже яркою краской. Краска эта иной разъ безбожно покрываетъ столѣтній, шершавый, сѣрый камень, а иногда и гравитъ, придающіе всегда особый характеръ всякому древнему городу. На нѣкоторыхъ площадяхъ разбиты английскіе скверы. Такова Glorietta—любимое мѣсто прогулки Валенсіанцевъ. Ночью, при свѣтѣ полной луны лавящей на безоблачномъ небу, Глорietta еще хороша, ибо угловатость и симметричность въ рисунокѣ сквера слегка ступшевываются отчасти подъ переливчатыми лучами луны, отчасти подъ тѣнями бросаемою высокими и густолиственными деревьями. Валенсію стоило осмотрѣть подробно, но мнѣ къ несчастію и времени не было, да вдобавокъ я просто начинаю уставать отъ своей цыганской жизни.

Однако въ здѣшней plaza de toros я все-таки былъ и имѣю нѣкоторое понятіе о древнихъ циркахъ гдѣ бились и умирали гладіаторы и гдѣ предавались на растерзанье львамъ христіане. Я могъ даже реставрировать въ моемъ воображеніи римскій Колизей. Впрочемъ здѣшняя Plaza, то-есть зданіе для боя быковъ, и есть не что иное какъ новый Колизей; тѣ же размѣры, почти тотъ же рисунокъ, тѣ же этажи на аркахъ и сводахъ громоздящихся одинъ надъ другимъ.

Валенсія не менѣе оригинальна и издали. Городъ окруженъ укрѣпленною стѣною, рвами, тяжелыми бастионами и подземными мостами. Хотя онъ и считается приморскимъ городомъ, но до моря добрыхъ три четверти часа ѣзды чрезъ долину. Портъ Валенсіи въ настоящемъ смыслѣ слова мѣстечко Грао, гдѣ таможня, караванъ, магазины для выгрузки и склада товаровъ. Со временемъ проведутъ, говорятъ каналъ въ самую Валенсію, чтобы корабли входили и выгружались въ самомъ городѣ. Тогда можно будетъ сказать с пристани: вотъ Средиземное море! Покуда же, чтобъ увидѣть его, надо влѣзть на *Miguelote*. Прибавлю еще къ очерку города видѣнное въ день отъѣзда. Я нечаянно набрелъ въ маленькій внутрѣнный дворикъ, пошевола оставовившій меня своимъ страннымъ видомъ. Въ глубинѣ фонтанъ и ковши въ цѣлочкахъ. По стѣнамъ сотни и тысячи разнокалиберныхъ картинокъ и вещицъ, именно *сециузъ* и *штучекъ*, потому что

перечислить этот хламъ невозможно. Особенно много крошечныхъ восковыхъ ручекъ и ножекъ, есть одни локти, бедра, есть наконецъ женская грудь. Затѣмъ въ рамкахъ цѣлыя косы: черныя, рыжія, блѣлокерыя. Это оказалось домогъ гдѣ родилась Св. Викентій Ферреръ (San Vicente Ferrer), патронъ города, чтимый и боготворимый здѣсь болѣе Мадонны. Всѣ эти вещицы—пожертвованія по обѣщанію, ex voto. У кого рука, нога болитъ, тотъ вѣшаетъ здѣсь изображеніе ихъ и исцѣляется, другой обѣщаетъ за выздоровленіе косу или иную какую-либо вещь и приноситъ ее сюда.... Вода отличается прозрачностью и ее любятъ лить прохожіе.

Происхожденіе Валенсіи очень древнее, греческое. Съ Валенсіей же связана легенда о побѣдѣ одержанной знаменитымъ Сидомъ послѣ своей смерти. Подвигъ мертвеца Сиды разказываютъ такъ: Когда Сидъ, взявшій Валенсію у Мавровъ и управлявшій въ ней со званіемъ *vali* или наместника, вдругъ умеръ, то она была уже давно окружена его злобными врагами, то-есть Маврами. Кастильцы составлявшіе многочисленный гарнизонъ не могли выдержать осаду и, взявъ умершаго *кампеадора**, посадили его на лошадь съ мечомъ въ рукѣ и, поддерживая, двинулись изъ города чтобы пробраться въ Кастилію. Непріятель видѣлъ крошечную горсть людей имѣющую во главѣ непобѣдимаго Сиды и не посмѣлъ напасть на него. Такимъ образомъ, посаждая побѣда Сиды была одержана его трупомъ, и маленькій отрядъ мирно вернулся въ Кастилію съ остатками героя.

Сарагосса напомнила мнѣ немаго Бургось, и оно не мудрено. Между ними есть и должно быть общее. Оба города сѣверные и были столицами двухъ королевствъ прежде всѣхъ соединившихся вмѣстѣ чтобы положить начало новой эпохѣ—возрожденію христіанской Испаніи на развалинахъ Мавританіи.

Кастилія и Арагонъ!... вотъ крикъ при которомъ пала Гранада, послѣдній пріютъ потомковъ Альмансора, Абенъ-Аламира и другихъ витязей Мавританской Испаніи. Кастилія и Арагонъ связались политической свадьбой Фердинанда

* Самреаръ—сражаться. Кампеадоръ—прозвище исключительно даваемое Сиду.

и Изабеллы. Сарагосса и Бургось породнились надолго и вмѣстѣ занялись освобожденіемъ Андалусіи. Между ними должно было зародиться и остаться сходство. Первоначальная, полудегадарная исторія Аррагона и Сарагоссы довольно интересна чтобы упомянуть о ней вкратцѣ.

По паденіи готскаго владычества, горсть людей бросилась въ Пиринеи (какъ Венецы при появленіи Аттилы) и основали городокъ на горѣ Arbe, то-есть по-испански *sobre Arbe*—на Арбе.

Этотъ городокъ *Sobrarbe*, какъ звали его, имѣлъ отчасти участь Венеціи, то-есть хотя и не дожилъ до нашихъ временъ и не удивляетъ своею красотой путешественниковъ, но однако вскорѣ же усилился и превратился уже въ республику Собрарбе, протянувшуюся версть на сто. Окруженная со всѣхъ сторонъ Аррагономъ, она существовала какъ телерь существоуетъ Ангора или Санъ-Марино. Въ 723 году былъ избранъ король въ Собрарбе, но вотъ на какихъ условіяхъ. Собравшіеся выборные люди объявили новому королю слѣдующее, оставшееся въ лѣтописяхъ:

— Nos, que valemus mas que vos, y podemos mas que Vos!—os elegimos rey, con tal que guardareis nuestros fueros y libertades, y entre vos y nos *un* que manda mas que vos! Si no—*No!*

Мы что стоимъ * больше чѣмъ вы и можемъ больше чѣмъ вы, выбираемъ васъ королемъ съ тѣмъ чтобы вы охраняли наши льготы и свободы и былъ бы между вами и нами *одинъ* который былъ бы верховнѣе васъ. Если нѣтъ—нѣтъ!

Всѣ короли отъ VIII до XIV, отъ перваго, Горсіа-Хименеса, до послѣдняго, Педро IV, выслушивали это условіе и клялись отвѣчая: *да!* на слова: *Если нѣтъ—нѣтъ!* Педро рѣшился обойтись безъ этой формальности и при выборныхъ взялъ въ руки пергаментъ гдѣ были написаны эти слова и вырѣзалъ ихъ кинжаломъ. Однако *одинъ болѣе могущественный* остался все между нимъ и народомъ, называясь *Justicia*. Это было нечто въ родѣ перваго министра выбираемаго народомъ и не зависящаго отъ короля, который и былъ всегда посредникомъ между ними. Ему жаловались на противозаконныя дѣйствія короля. А надъ нимъ самимъ никто не имѣлъ права суда, кромѣ всего народа его выбравшаго.

* Valer—стоять.

Постепенно маленькое королевство слилось съ большимъ Аррагономъ, но государственныи строй послѣдняго сильнѣйше уступалъ *fueros*амъ Собрарбе. *Юстиція* существовалъ въ Аррагонѣ вплоть до царствованія Филиппа II. Знаменитый Antonio Perez, заключенный въ тюрьму, обратился закровительствоу противъ короля къ *юстиции* по имени Juan Lanza, который немедленно взялъ сторону Переса и подвѣлъ Аррагонцевъ. Но времена уже были другія. Лануса былъ взятъ и обезглавленъ на одной изъ площадей Сарагоссы. Народъ возсталъ еще сильнѣе; выбралъ еще двухъ *justicia*, и оба они точно также погибли, по приказанію Филиппа II. Аррагонцы стихли. Послѣдній и важнѣйшій изъ *fueros*овъ прежней Собрарбе исчезъ съ лица земли. Прежде малѣйшее насиліе надъ личностью *justicia* поднимало на ноги весь Аррагонъ и во всѣхъ деревушкахъ гремѣлъ кликъ призывавшій на защиту *fueros* у *libertades*. Теперь же король Филиппъ, не двигаясь изъ Эскориала, не воюя, поборолъ тысячи враговъ однимъ декретомъ и назначилъ смертную казнь всякому кто произнесетъ только слово: *Justicia*.

Самый городъ Сарагосса древнѣе, разумѣется, республики Собрарбе. Легенда говоритъ что императоръ Августъ, явившійся въ Испанію для усмиренія Астурійцевъ, основалъ колонию и назвалъ ее *Caesarea-Augusta*. Онъ даже оставилъ будто послѣ своего пребыванія циркъ, бани, дворцы и *forum*. Готы выбрали городъ столицей и звали сокращенно *Cesaragosta*. При Маврахъ *Saracosta* соперничала въ богатствахъ съ Кордовой и Толедомъ, наконецъ подпала она подъ вліяніе республики Собрарбе, и при слияніи этой съ Аррагономъ *Saragoza* сдѣлалась окончателью столицей Аррагона и резиденціей королей происходившихъ однако отъ Горсія-Хименеса перваго короля Собрарбе.

Аррагонцы до сихъ поръ извѣстны въ Испаніи какъ самый суровый, дикій и энергическій народъ. Лучше всего они показали себя при послѣдней борьбѣ съ Наполеономъ I. Осада Сарагоссы одинъ изъ самыхъ страшныхъ эпизодовъ этой войны. Муція Сцевола, Юдиенъ, Леониды блѣднѣютъ около личностей которыхъ даа отечеству Сарагосса. Во время этой борьбы городъ былъ не укрѣпленъ и даже не имѣлъ гарнизоу при появленіи Французовъ. Народъ выбралъ начальникомъ бригадира Палафокса (Palafox) и въ два дня образовалась армія въ десять тысячъ волонтеровъ. Генералъ Вердье, коман-

довавшій Французами, убѣждалъ осажденных *ополниться и сдаться*, говоря что у нихъ даже и оружія нѣтъ. Палафокс отвѣчалъ на это известную фразу, любимую и теперь часто повторяемую Испанцами, что у нихъ есть ножи и *что война будетъ на ножкахъ* (*sega una guerra à cuchillos*)... Французъ двадцать девять дней осаждалъ городъ и бралъ стѣны (не укрѣпленныя) и затѣмъ *двадцать одинъ день бралъ отдѣльныя улицы, дома и этажи домовъ*. Теряя страшно много народа Вердье рѣшился подвигаться по улицамъ поперемому домая и разрушая дома. Послѣ двухъ недѣль постоянной, ежечасной ожесточенной борьбы по всемъ угламъ и закоулкамъ Сарагоссы, болѣе половины города принадлежала еще осажденнымъ. Побѣдили ихъ голодъ и эпидемія. На 40.000 бывшихъ подъ оружіемъ (то-есть при ножахъ) и защищавшихъ городъ, 15.000 вдругъ заболѣло. Не только не успѣвали хоронить умершихъ но не успѣвали даже подбирать больныхъ и раненыхъ которые и умирали на улицахъ... Наконецъ погибъ герой Палафоксъ, не отъ непріятеля, а отъ заразы!.. Сарагосса сдалась! Результатъ былъ таковъ: на сто тысячъ жителей 54 тысячи погибли, три четверти города были въ развалинахъ, а уцѣлѣвшій кварталъ полонъ крови, труповъ и заразы!.. Но силы окулаціонной арміи были надорваны и скорѣе ни одного французскаго солдата не оставалось въ Испаніи.

О теперешней Сарагоссѣ можно сказать что она, напоминавая Бургосъ, оживленнѣе, просторнѣе, многолюднѣе и богаче, благодаря отчасти своей патронѣ *Nuestra Senora del Pilar*, почитаемой наиболѣе другихъ во всей Испаніи. Постоянно городъ полонъ богомольцами стекающими сюда на поклоненіе Мадоннѣ. Можно смѣло сказать что какъ всякій мусульманинъ мечтаетъ всю жизнь о путешествіи въ Мекку, такъ всякій Испанецъ мечтаетъ о путешествіи въ Сарагосу. Самый храмъ Мадонны, похожій на большой монастырь, достаточно краснорѣчиво говоритъ о ежегодныхъ привошеніяхъ сюда со всей Испаніи. Богатство и роскошь храма не имѣютъ границъ... Но увы! художественность рѣдко соединяется съ чрезмѣрною роскошью, напротивъ упрямо избѣгаетъ ее и скорѣе любитъ жить въ ладу съ простотою и скромностью. Классическое и простое — сродни, и гдѣ первое, тамъ всегда второе. Вдобавокъ храмъ N. S. Pilar * во-

* *Pilar*—значить столбъ, колонна, Мадонна эта стоитъ на столбѣ.

нѣе произведеніе и архитектуры нашего времени. Мы отчасти не можемъ и судить о ней: потомство обсудитъ и оценитъ. Я не стану описывать разныя *capillas*, ниши, своды, люковны, разноцвѣтные мраморы и т. д., все чѣмъ переполненъ этотъ храмъ подобно соборамъ Толедо, Севильи, Бургоса. Но тамъ все это полно смысла и дышетъ жизнью и исторіей; здѣсь же это агрегатъ драгоценностей, выставка богатствъ. Перейдемъ лучше къ исторіи Мадонны *del Pilar*. Вотъ что и какъ, слово въ слово, говоритъ древнее сказаніе:

„Многодорогая мать Моя, сказалъ однажды Иисусъ. Я хочу чтобы Вы отправились въ Сарагосу и приказали бы Святому Іакову вернуться въ Іерусалимъ. Прежде чѣмъ покидать Сарагосу, пусть построитъ онъ храмъ въ честь Вашу и во имя Ваше чтобы Вы были тамъ призывомъ и въ почетъ.

„И Богоматерь, окруженная серафимами и сопровождаемая тысячами ангеловъ данныхъ Ей Господомъ, отправилась въ Сарагосу. И съ небесными гласными и музыкой ангеловъ достигла Она Сарагоссы около полуночи.

„Апостолъ былъ за городомъ съ своими учениками и они увидѣли вдругъ на небѣ сіяніе превосходящее блескъ солнца. Ангелы поставили тронъ Богоматери въ виду апостола.

„Ангелы несли въ рукахъ маленькую колонну изъ мрамора и сѣдланное изъ *imago* вещества изображеніе Царицы Небесной.

„Царица вселенной на тронѣ и окруженная ангелами, которыхъ Она превосходила красотой и сіяніемъ, предстала апостолау, и онъ простерся предъ Ней. Увидѣлъ онъ и колонну съ Ея изображеніемъ въ рукахъ у ангеловъ.

„Сынъ мой, Іаковъ! Всемогущій выбралъ это мѣсто чтобы вы посвятили его Ему и построили здѣсь храмъ во имя Мое. Я обѣщаю праведнымъ которые будутъ посѣщать его и молиться, мою могущественную защиту, ибо храмъ этотъ будетъ обителью Моей и наследствомъ Моимъ. И въ удостовѣреніе Моего обѣщанія Мое собственное изображеніе будетъ поставлено на эту колонну и оно равно какъ и святая вѣра пребудетъ до скончанія міра въ храмъ который построите вы.

„Вы начнете какъ можно скорѣе этотъ домъ Господень и затѣмъ вы отправитесь въ Іерусалимъ гдѣ Сынъ Мой хочетъ чтобы вы пожертвовали Ему жизнь свою.

„Послѣ этихъ словъ Святая Дѣва повелѣла ангеламъ поставить святое изображеніе на колонну, а ее поставить на то мѣсто гдѣ находится она нынѣ. Святой Іаковъ палъ ницъ,

а ангелы восхваляли гимнами зачатіе перваго храма который строится во имя Царицы неба и земли.

„Это и было счастливѣйшее основаніе святаго храма *Богоматери Колонны* въ Сарагоссѣ, который справедливо именуется небесною обителью Господа и Пречистой Матери Его.

„Святой Іаковъ по исчезновеніи Дѣвы Маріи созвалъ учениковъ своихъ, объявилъ имъ что они должны дѣлать и быстро принялся за работу.

„Пользуясь помощью ангеловъ онъ окончилъ до выѣзда изъ Сарагоссы маленькую часовню, гдѣ находится святое изображеніе на колоннѣ.

„Это чудотворное явленіе Пресвятой Дѣвы Маріи въ Сарагоссѣ случилось въ году 40мъ по Рождествѣ Сына Ея, Господа Нашего, въ ночь втораго января!“

Послѣ этого знаменитаго Pilag стѣитъ посмотрѣть церковь San Salvador или *La Seo* * гдѣ прежде былъ архіепископскій тронъ. Здѣсь нѣтъ богатствъ-церкви Pilag, а между тѣмъ насколько выше ея и художественнѣе эта древняя *Seo*. Въ ней разумно сдѣланы два стила, строго граціозный легкій готическій и renaissance. Внѣшность не имѣетъ ничего поражающаго, но внутренность восхитительна. Тутъ нѣтъ стѣвъ, а всюду одно хитро и художественно сплетенное изъ камня кружево, темносѣрое, легкое, волнистое, которое вьется со сводовъ до земли отъ одного угла до другаго. Вѣчная тишина и вѣчный сумракъ царятъ въ *La Seo*, и потому что-то полугрюмое полугрустное пролилось по всѣмъ нишамъ, сводамъ и по всѣмъ *capillas*. Тутъ невольно переносишься мысленно во времена республики Собраббе. Отчего это все древнее великолѣбно и все что мы вздумаемъ соорудить теперь кажется копией и пародіей или бессмыслицей? Техническая часть доведена во всемъ до совершенства, отдѣлкой и деталями мы также блещемъ.... но смыслъ и жизнь вложить въ твореніе, душу свою вдохнуть, чтобы оно жило, говорило и смотрѣло—этого въ новѣйшихъ произведеніяхъ искусства и не ищите. Нашъ вѣкъ не даетъ мастеровъ, гениевъ, творцевъ, а даетъ подмастерьевъ, рабочихъ, чуть не лоденщиковъ. Мы не творимъ, а дѣлаемъ, больше, но хуже, вдобавокъ мы вѣчно—подражатели. Третья и послѣдняя рѣдкость Сарагоссы—колокольня *Torre Nueva*. Она замѣчательна не архитектурой, а

* *Seo* или *Seu*—по-каталонски: тронъ, оѣдальце. Испанское—*sede*, италянское—*seddia*, французское—*chaise*.

ьтъ что наклонилась на бокъ (какъ башня въ Пизѣ), и вышиной въ 40 сажень, она верхушкою своею переходитъ черту камня на четыре аршина. Одни утверждаютъ что это былъ tout force архитектора, другіе же, сообразуясь съ тѣмъ что въ новизнѣ появилась огромная трещина, убѣждаютъ что башня не вынече-завтра рухнетъ и раздавить цѣлый кварталъ. Впрочемъ сторона наклоенія подправлена и подмазана радио. Цѣлый новый этажъ поддерживаетъ башню и можетъ-быть еще долго продумаетъ она: рухнуть или не рухнуть? Въ Сарагоссѣ я былъ еще въ Испаніи, но въѣхавъ въ Барселону, а къ величайшему моему удивленію очутился во Франціи. Если уничтожить испанскія названія и главную улицу *Rambla* назвать по-французски, то и въ умѣ не придетъ о находишься еще въ Испаніи. Все что я, туристъ, могу сказать о Барселонѣ заключается въ двухъ словахъ: Барселона богатый и торговый городъ, а Рамбла нѣчто въ родѣ вѣстаго бульвара, хотя и составляетъ гордость Барселонцы, но существуетъ и въ Парижѣ, и въ Берлинѣ, и въ Москвѣ. Наша Рамбла, Тверской бульваръ, нисколько не хуже. Барселона интересна только въ одномъ отношеніи, она грустная и страшный обрацикъ того что станется со всѣми испанскими городами (и даже съ испанскими нравами) чрезъ три-нибудь двадцать, тридцать лѣтъ. Исчезновеніе насильственное и безслѣдное всего національнаго, поэтическаго и характернаго и замѣна всего этого чѣмъ-то неуловимо уродливымъ и бессмысленнымъ, что уже не Испанія, но и не Европа. Хорошо бы мы были ослабы валили на-земь Кремлевскія башни, срыли бы Василия Блаженнаго, Сухареву Башню и не бы возводить Пантеоны и Пароены изъ кирпича или основныхъ срубовъ. Какова бы физіономія была у какому-нибудь Пароенова полавшаго на Козье Болото или на Сивѣ въ Вражекѣ! Впрочемъ чтобы дѣйствовать вполнѣ на истинный ладъ, надо изъ всѣхъ кремлевскихъ соборовъ положить казармы или больницы. Хоть и страшно, а Испанцы дѣлаютъ ради *прогресса* и *цивилизаци*, и въ иныхъ городахъ Кастиліи и Андалусіи уже много сдѣлали. Право, если я когда-нибудь услышу что изъ Кордовской мечети сдѣлали вдовій домъ, а изъ Альамбры суконную фабрику или вокзалъ желѣзнодорожной дороги, то нисколько не удивлюсь. Это будетъ въ духѣ Испанцевъ.... да и въ духѣ вѣка!...

ГР. Е. САЛАСЪ.

СПАСО-БОРОДИНСКІЙ МОНАСТЫРЬ

И

ЕГО ОСНОВАТЕЛЬНИЦА

(Посвящается всемъ почитающимъ память Маргариты Михайловны Тучковой.)

Не даромъ помнить вся Россія
Про день Бородина.

Лермонтовъ.

Рядомъ съ великими воспоминаніями и образами нераздіимыми съ именемъ Бородина возникаетъ въ памяти каждыя свѣтлый женскій образъ. Становится отрадно при мысли на обширномъ полѣ гдѣ шестьдесятъ два года тому назадъ ложились рядами и русскіе воины и воины иноземные, воздается, сооруженная скорбью женщины, обитель посвященная ихъ памяти и что раздаются каждый день теплыя оны молитвы.

О Маргаритѣ Михайловнѣ Тучковой можно составить понятие уже на основаніи чувства которое она внушила всѣмъ знавшимъ ее. Протекло двадцать два года со дня ея кончины, а воспоминанія о ней еще свѣжи въ Бородинскомъ монастырѣ и его окрестностяхъ, гдѣ ее уважаютъ какъ святую. „Много лѣтъ прожилъ я на бѣломъ свѣтѣ, разказывала старичокъ деревни Семеновской, а такой бодрой души я не видывала. Когда она скончалась, что въ обители,

въ окружныхъ селахъ, стонъ стоялъ, потому она намъ всемъ бы мать родная“. „Я помню матушку Марію“, говорятъ и безъ гордости молодыя крестьянки. А занеможетъ мужикъ или пошлетъ ему судьба какое горе, онъ отслужитъ панихиду надъ могилой игуменьи. Въ монастырѣ ея имя вызываетъ слезы и безконечныя разказы. Твердо вѣрятъ бородинскія сестры что она живетъ между ними невидимо, что она причастна ихъ вседневной жизни, и повѣряютъ ей свои скорби или радости. Ея келью и могилу онѣ украшаютъ березками въ Троицынъ день, а въ Свѣтлый праздникъ ходятъ христосоваться съ „матушкой“, и кладутъ яйца на ея надгробную плиту.

Между подвластными ей монахинями были женщины болѣе или менѣе образованныя, были и совершенно неразвитыя, и всѣ говорятъ о ней съ любовью доходящею до фанатизма. Во всемъ что къ ней относится онѣ видятъ чудесное проявленіе Божьяго промысла. Многія изъ нихъ послѣ ея кончины привуждены были покинуть Сласо-Бородинскій монастырь, который называли своимъ раемъ, и, по ихъ убѣжденію, онѣ волею Божіею разсылались теперь по разнымъ угламъ Россіи „чтобы имя матушки было вездѣ прославлено“. О „матушкѣ“ ни одна не можетъ говорить безъ слезъ, и глядя на нихъ и слушая ихъ восторженныя рѣчи думаешь невольно что женщина ввухившая такую единодушную, такую безпредѣльную признанность стояла выше общаго уровня.

Для составленія этого краткаго очерка жизни Маргариты Михайловны я руководилась преимущественно преданіями семейства Тучковыхъ, разказами бородинскихъ монахинь и даже рукописными воспоминаніями одной изъ нихъ, которая повѣрила мнѣ письма покойной игуменьи. Эти письма составляютъ ея единственное сокровище, она бережетъ ихъ какъ святыню, и я пользуюсь случаемъ изъяснить ей мою искреннюю благодарность за оказанное мнѣ довѣріе.

I.

О дѣтствѣ и первой молодости Маргариты Михайловны мнѣ могли, къ сожалѣнію, сообщить лишь самыя скудныя подробности. Она родилась въ началѣ 1781 года. Отецъ ея, Михаилъ Петровичъ Нарышкинъ, и мать ея, Варвара Алексѣевна (рожденная княжна Волконская), были очень извѣстны

и очень любимы въ обществѣ. Дѣвочка обнарудила съ равныхъ лѣтъ природу страстную, нервную и воспріимчивую. Судя по отрывочнымъ отзывамъ дошедшимъ до меня, ее можно было назвать по французскому выраженію: *Un véritable feu follet*. * Всѣ ея впечатлѣнія носили характеръ страсти, и она уступала имъ безотчетно. Ее манера все прекрасное, все блестящее. Въ особенности любила она музыку, изучала ее основательно и была одарена замѣчательнымъ голосомъ. Увлекало ее также и чтеніе: она могла просидѣть цѣлые часы надъ книгой. За то когда ея вниманіе не было поглощено чѣмъ-нибудь особеннымъ, ей было трудно, почти невозможно, оставаться долго на одномъ мѣстѣ. На время, ни горе не умаляло живости ея характера, и престарѣлая, разбитая горемъ игуменья поражала еще порою своими порывистыми движеніями и оживленною рѣчью. Она была высокаго роста и очень стройна, но черты лица были неправильны, и единственная ея красота состояла въ поразительной бѣлизнѣ и въ живомъ выраженіи зеленоватыхъ глазъ и вообще всей фязіономіи.

У Маргариты Михайловны было три брата и четыре младшія сестры, но она была, какъ кажется, любимицей своихъ родителей. Барвара Алексѣевна желала *прислужить ее при себѣ* и начала вывозить въ свѣтъ съ шестнадцатилѣтняго возраста.

Въ это время сталъ являться мимолетною птицей въ московскихъ гостиныхъ молодой Л—скій, извѣстный блестящею служебною карьерой и изяществомъ свѣтскихъ пріемовъ. Онъ былъ единственнымъ сыномъ матери-вдовы, которая очень подружилась съ Нарышкиными, и родители рѣшили между собой что поставятъ подъ вѣнецъ своихъ дѣтей. Л—скій согласился охотно, благодаря свѣтскому положенію и приданому молодой дѣвушки. Что касается до нея, она была еще совершеннымъ ребенкомъ: понятія ея о замужествѣ были до такой степени не ясны что ее нисколько не пугала мысль выйти за человѣка котораго она едва знала. Къ тому же онъ говорилъ отаично по-французски, былъ уменъ и красивъ, и на этихъ данныхъ она убѣдилась что онъ обладаетъ всѣми возможными нравственными совершенствами.

Но Л—скій былъ заклеименъ самыми лозорными пороками. Умѣлъ ли онъ обмануть на этотъ счетъ слѣпую привязан-

* Настоящій бѣгамъ огонекъ.

ность матери или мать участвовала сознательно въ обманѣ— это неизвѣстно, но дѣло въ томъ что сыграли свадьбу.

Когда молодая дѣвушка, вынесшая изъ семейной среды дѣтское невѣдѣніе и незапятнанную чистоту понятій, пришла въ столкновение съ самымъ грубымъ развратомъ, страхъ и отчаяніе овладѣли ею. Положеніе ея было тѣмъ тягостнѣе что она скрывала его отъ родителей, которые слишкомъ жестоко упрекнули бы себя въ ея несчастіи. Она была одна, безъ помощи, безъ друга, безъ поддержки. Л—скій приглашалъ ее не стѣсняться и выбрать предметъ развлечения въ кружкѣ его пріятелей. Богъ знаетъ не погибла ли бы безвозвратно дѣвушка брошенная съ шестнадцати лѣтъ въ эту среду, еслибы счастливый случай не выручилъ ее: она встрѣтила Александра Алексѣевича Тучкова, любила его и нашла въ своей любви твердую опору.

Однако тайна ея супружескихъ отношеній должна была обнаружиться со временемъ: Варвара Алексѣевна начинала догадываться объ истинѣ, переговорила съ дочерью и не колебалась ни минуты потребовала развода. Репутація Л—скаго была уже настолько упрочена въ Петербургѣ что дѣло не встрѣтило преградъ и Маргарита Михайловна получила позволеніе возвратиться, подъ именемъ дѣвицы Нарышкиной, въ родительскій домъ.

И вотъ она опять подъ отцовскимъ кровомъ, среди семейнаго кружка, но многое измѣнилось въ ней: она узнала горе и она любила. Тучковъ раздѣлялъ ея чувство и не замедлил лѣзвѣтаться, лишь только узналъ что она свободна. Но Нарышкины были такъ напуганы неудачей своего перваго выбора что отвѣчали на его предложеніе рѣшительнымъ отказомъ. Въ это время родительская власть была непреклоннымъ закономъ, и Маргарита Михайловна повиновалась, но горько ей было и много пролила она слезъ. А. Тучковъ напрасно старался подавить свою страсть то усиленными занятіями, то путешествіемъ за границу. Къ этой вѣроятнѣ эпохѣ его жизни относится стихотвореніе которое Маргарита Михайловна берегла долго какъ святыню. Каждая строфа оканчивается стихами:

Qui tient mon coeur et qui l'agite?
C'est la charmante Marguerite. *

* Кто владѣетъ моимъ сердцемъ и кто волнуетъ его? Прекрасная Маргарита.

Прошли годы, а любовь его не остыла. Наконецъ онъ попытался счастья и обратился къ Нарышкинымъ съ новою просьбой. На этотъ разъ ихъ тронули мольбы дочери: они дали свое согласіе, и Маргарита Михайловна вступила во второй бракъ.

II.

Ей было тогда двадцать пять лѣтъ, и она зажила полною, счастливою жизнію. Она гордилась красотой мужа, котораго сравнивали въ тогдашнемъ обществѣ съ Аполлономъ, его храбростью, рыцарскою его доблестью. Когда была объявлена война со Швеціей и Александръ Алексѣевичъ собрался въ походъ, она рѣшилась ѣхать съ нимъ. Напрасно онъ самъ и семейство пытались напугать ее лишеніями и опасностію котораго ей предстояло перенести.

— Разстаться съ мужемъ мнѣ еще страшнѣе, отвѣчала она и поѣхала съ нимъ.

Къ сожалѣнію до насъ дошли лишь самыя неудовлетворительныя подробности о Шведскомъ походѣ Маргариты Михайловны. Несмотря на привычки роскоши привитыя съ ранняго дѣтства, она переносила смѣясь жестокія лишенія, проводила ночи въ смрадныхъ избахъ или подъ палатками гдѣ не было возможности отогрѣться. Ей приходилось не разъ переодѣваться деньщикомъ, скрывать подъ фуражку свою бѣлокурую косу и провожать мужа на походной лошади. Тучковъ былъ очень любимъ своими подчиненными; скоро всѣ полюбили и его жену. Ея живость, веселость и въ особенности ея вѣчно-дѣятельная доброта привлекали къ ней всѣхъ. Солдаты старались доставить ей возможные удобства и въ свою очередь обращались къ ней за помощью всякаго рода. Помогать нищетѣ и горю было потребностію ея природы. Въ Швеціи страдали отъ голода, и лишь только наши войска располагались болѣе или менѣе продолжительною стоянкой, Маргарита Михайловна обходила ближайшія села, отыскивала самыхъ бѣдныхъ поселянъ и отдѣляла ихъ деньгами и хлѣбомъ. За больными и ранеными, какъ нашими, такъ и Шведами, она ходила съ заботливостію сестры милосердія.

Но сколько она выстрадала когда ей приходилось отлучать мужа на битву и оставаться одной въ селеніи близкомъ

отъ мѣста сраженія! Объ этихъ часахъ томительнаго ожиданія и страха она не вспоминала никогда хладнокровно. То она молилась, то прислушивалась съ ужасомъ къ пушечнымъ выстрѣламъ. Но все было забыто когда прекращалась пальба, барабанный бой возвѣщалъ о возвращеніи нашихъ войскъ, и она выбѣгала на дорогу и узнавала издали всадника скачущаго впереди полка.

III.

Тучковъ возвратился невредимъ въ Россію и продолжалъ военную службу. Онъ стоялъ съ своими полками въ Минской губерніи. Насталъ Двѣнадцатый годъ, и Александръ Алексѣевичъ получилъ приказаніе выступить къ Смоленску. Въ это время Маргарита Михайловна схоронивъ старшаго сына отпала отъ груди втораго; она кормила его сама и любила съ тою страстью которую вносила во всѣ свои привязанности. На этотъ разъ нечего было и думать о томъ чтобы слѣдовать за мужемъ въ походъ, и было рѣшено что молодая женщина съ сыномъ поѣдетъ въ Москву, къ своимъ родителямъ. Она должна была проводить полкъ до Смоленска и продолжать свой путь. Начались приготовленія къ отъезду. Тучковъ боялся чтобъ утварь полковой церкви не попала въ руки неприятеля и просилъ Маргариту Михайловну увезти ее съ собой. Между другими церковными принадлежностями находилась мѣстная икона Нерукотворнаго Сласа, которую Александръ Алексѣевичъ вручилъ собственноручно жень.

Наконецъ приготовленія были окончены и полкъ выступилъ изъ Минской губерніи, но не въ добрый часъ. Маргарита Михайловна была убита горемъ. Она ѣхала въ дорожной каретѣ съ сыномъ и его няней, мадамъ Бувье, которая жила уже нѣсколько лѣтъ у Тучковыхъ. Маргарита Михайловна познакомилась съ ней въ магазинѣ, гдѣ заказывала свои наряды, имѣла случай убѣдиться въ ея честности и предложила ей опредѣлиться въ няни къ ея старшему сыну. Потомъ добрая Француженка выходила и втораго, но должность ея тѣмъ не ограничилась и мадамъ Бувье приняла еще въ домѣ роль модистки, экономки и наконецъ друга.

Путешествіе длилось: дороги были плохія и полки шли медленно. Приближаясь къ Смоленску остановились въ какой-то деревушкѣ чтобы переочевать. Тучковымъ была отведена

тѣсная, грязная, удушливая изба, но всѣ рады были возможности немного отдохнуть. Поужинали наскоро и улеглись лоудодѣтые на сѣнѣ, разостланномъ по полу. Маргарита Михайловна утомленная долгимъ путемъ скоро заснула и ей приснился сонъ. * Она видѣла висящею предъ нею рамку и прочла рѣзко начерченную кровавыми буквами надпись на французскомъ языкѣ: *Топ sort se décidera à Borodino* (твоя участь рѣшится въ Бородинѣ). Крупныя капли крови отдѣлялись отъ буквъ и струились по бумагѣ. Бѣдная женщина вскрикнула и вскочила съ постели. Ея мужъ и мадамъ Бувье пробужденные крикомъ бросились къ ней. Она была блѣдная и дрожала какъ осенній листъ.

— Гдѣ Бородино? спросила она мужа, едва переводя духъ: — тебя убьютъ въ Бородинѣ!

— Бородино? повторилъ Александръ Алексѣвичъ, — я въ первый разъ слышу это имя.

И дѣйствительно маленькое Бородинское село было тогда неизвѣстно.

Маргарита Михайловна разказала свой сонъ. Тучковъ и мадамъ Бувье старались ее успокоить: Бородино—небывалое мѣсто и наконецъ въ сновидѣннн не было сказано что Александръ Алексѣвичъ будетъ убитъ и объясненіе Маргариты Михайловны совершенно произвольно.

— Вся бѣда въ томъ что твои нервы разстроены, замѣтилъ въ довершеніе ея мужъ, — ложись олять, ради Бога, и постарайся заснуть.

Его хладнокровіе успокоило ее немного. Утомленіе преодолѣло остатокъ страха, и она легла и заснула. Но ей приснился олять тотъ же сонъ: олять та же роковая надпись обнесенная рамкой и тѣ же капли крови, которыя отдѣлялись медленно одна за другой отъ буквъ и струились по бумагѣ. На этотъ разъ она увидѣла еще стоящихъ около рамки священника, брата своего Кирилла Михайловича и наконецъ своего отца держащаго на рукахъ ея маленькаго Колю.

---

* Этотъ сонъ былъ нѣсколько разъ напечатанъ съ разными измѣненіями и каждый слышавшій о немъ разказываетъ его по-своему. Я руководилась семейными преданіями и записала его со словъ Марьи Алексѣвны Тучковой, родной племянницы Александра Алексѣвича. Тетка передавала мнѣ столько разъ подробности этого сна, говоритъ она, что я помню даже всѣ ея выраженія.*

Она проснулась въ такомъ взволнованномъ состояніи что Александръ Алексѣевичъ испугался не на шутку. На его слова она отвѣчала одними рыданіями и вопросомъ: гдѣ Бородино? Наконецъ онъ предложилъ ей взглянуть на военную карту и убѣдиться что имени Бородина на ней не находится.

Онъ послалъ немедленно разбудить одного изъ офицеровъ штаба и попросить у него карту. Офицеръ испуганный неожиданнымъ требованіемъ привезъ ее самъ. Тучковъ развернулъ ее не безъ тайнаго можетъ-быть страха и раскинулъ на столъ. Всѣ стали искать роковое имя и не отыскали его.

— Если Бородино дѣйствительно существуетъ, замѣтилъ Александръ Алексѣевичъ обращаясь къ жемъ, — то суда по звучному его имени оно находится вѣроятно въ Италіи. Врядъ ли военныя дѣйствія будутъ туда перенесены: ты можешь успокоиться.

Но она не успокоилась: зловѣщій сонъ ее преслѣдовалъ, и совершенное отчаяніе овладѣло ею когда настала минута расстаться съ мужемъ. Тучковъ, объявъ и благословивъ въ послѣдній разъ ее и сына, сталъ на большой дорогѣ и смотрѣлъ на удаляющуюся карету пока она не скрылась отъ его глазъ.

IV.

Маргарита Михайловна доѣхала благополучно до Москвы. Нарышкины уже собирались въ свое Костромское имѣніе, откуда посылали на почту въ уѣздный городокъ Кинешму. Молодая женщина пожелала тутъ остаться чтобъ имѣть возможность получать безъ замедленія извѣстія отъ мужа и наняла маленькую квартиру, гдѣ поселилась съ сыномъ и мадамъ Буве.

Тучковъ писалъ часто къ жемъ. Она ждала почтовыхъ дней въ лихорадочномъ нетерпѣніи, и ее одолевала постоянная тоска. Наступило 1е сентября, день ея именинъ. Она отслушала обѣдню и вернувшись изъ церкви сѣла къ столу, задумалась, оперлась руками на столъ и опустила голову на руки. Вдругъ ее окликнулъ голосъ отца. Ей пришло немедленно на мысль что Михаилъ Петровичъ пріѣхалъ изъ деревни чтобъ провести съ ней этотъ день и она подняла голову. Предъ ней стоялъ священникъ, а рядомъ съ нимъ ея отецъ съ маленькимъ Колей на рукахъ. Всѣ страшныя подробности

ея сна мелькнули мгновенно въ ея памяти, одного лишь брата не доставало къ дополненію картины.

— А Кирилль? крикнула она изступленнымъ голосомъ.

Онъ показался на порогѣ.

— Убитъ! молвила Маргарита Михайловна, и лишилась чувствъ.

Когда она пришла въ себя братъ и отецъ стояли около нея.

— Было дано сраженіе подъ Бородинымъ, сказалъ ей сквозь слезы Кирилль Михайловичъ.

Онъ былъ адъютантомъ Барклая-де-Толли, слышалъ въ армию и захватилъ къ своимъ для того только чтобы сообщить ей горькое извѣстіе о смерти мужа. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Маргарита Михайловна не могла его видѣть чтобы не вспомнить о ихъ встрѣчѣ въ Кинешмѣ, и съ ней дѣлалась дурнота при его появленіи.

V.

Тяжкій ударъ разразился надъ семействомъ Тучковыхъ. Александръ Алексѣевичъ былъ младшій изъ пяти братьевъ. Ихъ мать Елена Яковлевна * благословила на войну четырехъ сыновей. Одинъ изъ нихъ участвовалъ въ Турецкомъ походѣ и не успѣлъ еще возвратиться, а старшій, Алексѣй Алексѣевичъ, былъ предводителемъ въ Звенигородѣ. Послѣ Бородинской битвы онъ узналъ что братъ его Александръ убитъ, что обозъ съ ранеными потянулся къ Ярославлю, что въ числѣ раненыхъ братъ его Николай, и выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Когда добрались до Ярославля, Тучковы нашли самое радушное гостепріимство въ стѣнахъ монастыря. Тамъ были поданы раненому всѣ пособія, но не оказалось возможности его спасти. Алексѣй Алексѣевичъ, похоронивъ его, поѣхалъ немедленно къ матери: ему предстояла тяжкая обязанность объявить ей объ общемъ ихъ несчастіи.

Старушка жила въ своемъ Тверскомъ имѣніи съ двумя дочерьми, невѣсткой и внучатами. Какъ скоро Наполеонъ сталъ приближаться къ московскимъ предѣламъ, Алексѣй Алексѣевичъ отправилъ къ ней свое семейство состоявшее изъ жены, четырехъ дочерей и двухъ сыновей. Когда же онъ при-

* Рожденная Казаринова.

ѣхавъ въ Тверь послѣ Бородинскаго погрома, Елена Яковлева не получала уже давно извѣстiя изъ арміи и была въ сильномъ безпокойствѣ. Не повидавшись еще съ ней онъ прошепелъ прямо къ сестрамъ и рѣшили общимъ совѣтомъ что надо объявить ей разомъ о всѣхъ несчастiяхъ поразившихъ семейство, а не истощать постепенно ея силъ продолжительною пыткой.

Необходимо было, однако, приготовить ее къ тяжкому испытанію, и дочери сказали ей что ходятъ плохія извѣстiя, что было дано сраженіе подъ Москвою, что надо ожидать брата Алексѣя, которому все должно быть извѣстно, и не старайтесь скрывать отъ нея своихъ глазъ раскрасѣвшихся отъ слезъ. Она слушала молча и не торопила горькаго объявленiя. Наконецъ одна изъ дочерей ей сказала:

— Матушка, братъ пріѣхалъ.

Онъ вошелъ, и Елена Яковлева не давъ ему времени съ ней поздороваться остановила на немъ пристальный взглядъ и сказала:

— Говори правду: что Николай?

Николай былъ самымъ любимымъ изъ ея сыновей.

— Онъ раненъ... отвѣчалъ Алексѣй Алексѣвичъ,—очень тяжело раненъ...

Она сильно поблѣдѣла и повторила:

— Говори правду: онъ живъ?

Отвѣта не было.

— А Павелъ? спросила она помолчавъ немного.

— Онъ попалъ въ лѣвиъ подъ Смоленскомъ... онъ раненъ.

— А Александръ?

— Убитъ, промолвилъ едва внятно Алексѣй Алексѣвичъ.

Наступило гробовое молчаніе, потомъ послышались сдержанныя рыданья. Не плакала одна только старушка. Вдругъ она поднялась медленно съ своего кресла, но была не въ силахъ сойти съ мѣста и опустилась на колѣни тамъ гдѣ стома. Присутствующіе слышали глухо произнесенныя слова:

— Да будетъ Твоя святая воля!

Потомъ она провела руками около себя, какъ будто отыскивая чего-то ощулюю, и наконецъ сказала:

— Подымите меня, я не вижу.

Всѣ бросились ее подымать, она встала и молвила твердымъ голосомъ:

— Ослабла, и слава Богу: не на кого больше смотрѣть.

Параличъ поразилъ глазные нервы. Нѣсколько лѣтъ спустя императрица Марія Ѳеодоровна посѣтила Москву прислала своего окулиста Еленѣ Яковлевнѣ. Но старушка не позволила ему даже осмотрѣть ея глаза.

— Передайте пожалуйста мою искреннюю благодарность ея величеству, сказала она,—но я не горюю о потерѣ зрѣнія; смотрѣть уже мнѣ не на кого, прибавила она опять.

VI.

Не скоро пришла въ себя Маргарита Михайловна послѣ извѣстія сообщеннаго ей братомъ. Лишь только возвратились ея силы она поѣхала на Бородинское поле отыскивать тѣло мужа. Уже наступила вторая половина октября когда ея дорожная карета остановилась у скромной усадьбы знакомой ея доброй женщины жившей около Можайска. Путешественница не давши себѣ времени отдохнуть отъ тяжелой дороги послала въ Лужецкій монастырь просить священниковъ придти немедленно на мѣсто битвы чтобъ отслужить панихиду по убиеннымъ, а между тѣмъ поѣхала сама на поле, гдѣ, по выраженію Ѳ. Н. Глинки, „лежали трупы, валялись трупы, страшными холмами громоздились трупы“. Все прибавляло къ ужасамъ картины: ночь уже наступила, небо было сумрачно, дулъ по временамъ холодный вѣтеръ и воздухъ былъ зараженъ тысячами гнѣвшихъ тѣлъ. По распоряженіямъ начальства приступили къ ихъ сожженію, и на берегахъ Огника пылали костры, надъ которыми подымался въ сыромъ воздухѣ густой дымъ. Здѣсь Маргарита Михайловна опустилась на колѣни и слушала панихиду по „убиенномъ бояринѣ Александрѣ и всѣмъ воинамъ на семь мѣстъ погибшимъ“. Когда клиръ умолкъ повторивъ за дьякономъ „вѣчная память“, Тучкова встала и спросила кто поможетъ ей отыскать тѣло мужа. На этотъ подвигъ вызвался старый охманикъ.

Мѣсто гдѣ палъ Александръ Алексѣевичъ было приблизительно извѣстно. Одинъ изъ бородинскихъ воиновъ, графъ Коновницынъ, другъ Нарышкиныхъ, прислалъ Маргаритѣ Михайловнѣ планъ поля битвы, гдѣ батарея на которой сражался Тучковъ была означена около ручья Огника и деревни Семеновской. Кромѣ того узнали отъ солдата Ревельскаго

показ * что у генерала оторвало обѣ руки и онъ упалъ. Солдаты подняли его чтобъ унести съ мѣста сраженія, но лишь только они прошли нѣсколько шаговъ съ своею ношею, у него оторвало ноги, и наконецъ ядро попавшее въ грудь прервало его страданія. **

Отшельникъ держа въ одной рукѣ факелъ, а въ другой фляжку со святою водою и кропильницею шелъ впередъ по указаніямъ вдовы. Они останавливались на каждомъ шагу кропая себя медленно луть между разбросанныхъ тѣлъ и отъеченныхъ членовъ. Старикъ творилъ вполголоса молитву и кропая святою водою убитыхъ, а она нагибалась къ какому обезчлененному трупу и старалась узнать сквозь признаки тѣлныя дорогія для нея черты. Лихорадочная надежда поддерживала ея силы и во всю ночь продолжалось ея странствованіе по Бородинскому полю. Наконецъ она убѣдилась что ея усилія напрасны и возвратилась въ отчаяніи къ кварту, гдѣ оставила сына и вѣрную свою мадамъ Бувье. Но преступивъ черезъ порожекъ комнаты она упала безъ чувствъ, и когда пришла въ себя съ ней сдѣлался сильный первый приступокъ.

VII.

Оправившись немного она поѣхала въ свое Тульское имѣніе. Тупое отчаяніе овладѣло ею, и мадамъ Бувье оласалась не только за ея здоровье, но даже за разсудокъ. Уже наступили довольно сильныя морозы, а Маргарита Михайловна находилась въ такомъ возбужденномъ состояніи что жаловалась постоянно на нестерпимый жаръ и не выносила ничего кромѣ кисейнаго платья. Пораженные нервы и бессонныя ночи приводили ее иногда до бреда. Она старалась себя убѣдить что кузьма не умеръ, но попалъ въ лѣвнѣ точно также какъ старшій его братъ.

Разъ въ холодный ноябрьскій вечеръ она вдругъ сказала мадамъ Бувье:

— Кто ручается что *этотъ* солдатъ говоритъ правду? Если

* Резевскимъ полкомъ командовалъ Тучковъ.

** Ф. Н. Галка разсказываетъ иначе его смерть, но я руководюсь собственными преданіями, которыя Марья Алексѣевна Тучкова мнѣ обстоятельно сообщила.

бы онъ былъ убитъ, я нашла бы его тѣло: я осматривала вѣтхулы. Павелъ въ лѣвну: вѣрно и онъ въ лѣвну.

— Не обманывайте себя, отвѣчала со слезами добрая Французенка, — еслибъ онъ попалъ въ лѣвнѣ, это было бы и вѣстно.

— А я вамъ говорю что онъ въ лѣвну... Можетъ-быть ему удалось уйти изъ лѣвна... Онъ вѣроятно придетъ сюда, и жеть онъ не далеко, его надо поискать... одинъ... ночью...

Мадамъ Бувье посмотрѣла на нее съ грустью и не отозвалась, а Маргарита Михайловна вышла послѣдшею изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ Французенкѣ пришло въ голову что можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ Тучкова пойдетъ отыскивать мужа и бросилась въ спальню. Спальня была пуста. Мадамъ Бувье обошла весь домъ и не нашла никого кромѣ прислуги.

Бѣдная женщина не вспомнила себя отъ страха: отойти отъ ребенка, котораго она уложила уже спать, было невозможно, но она позвала людей и разослала ихъ во всѣ стороны отыскивать свою госпожу. Они заласлись фонарями долго бродили пока имъ удалось наконецъ встрѣтить ее въ лѣсу. Она быстро шла по тропинкѣ поблѣвшею отъ моря и оставляла на обожженныхъ кустахъ клочки своего кисеякаго платя. Ее уговорили лишь съ трудомъ возвратити домой.

Она оставалась въ этомъ тревожномъ состоянн пока убѣдилась окончательно въ своемъ несчастнн. Время смягчало постепенно ея горе, но сердце ея было разбито. Трогательны ея свиданья со свекровью, которой она привозила своего маленькаго Кюлю и говорила ей что онъ становится съ каждымъ днемъ все болѣе похожъ на отца. Тогда слѣд старушка брала на колѣни ребенка, цѣловала его и плакала. Часто поддерживала она силы неутѣшной вдовы и оставалась порывы ея отчаяннн смиреннымъ словомъ, въ которомъ таится столько геройскаго мужества: „Да будетъ Божья святая воля!“

VIII.

Маргаритѣ Михайловнѣ запала въ душу мысль посвятить молитвѣ мѣсто на которомъ погибъ ея мужъ. Земля троевладеельцевъ соединилась кляномъ тамъ гдѣ стояла его пещера и Тучкова думала купить у каждаго его участокъ, а

постройки церкви, но они пожертвовали свою землю въ пользу благаго дѣла. Императоръ Александръ I прислалъ десять тысячъ на основаніе храма, и Маргарита Михайловна, промѣ свои брилліанты, чтобы пополнить сумму, приступила немедленно къ постройкамъ. Она любила слѣдить сама за работами и поставила около начатой церкви небольшой домикъ или сторожку,—какъ ее называютъ до сихъ поръ,—гдѣ помѣщалась съ сыномъ и мадамъ Бузье, когда пріѣзжала въ Бородино изъ Москвы или изъ своего Тульскаго имѣнія. Маленькая четырехугольная церковь поражаетъ простотою своей архитектуры и убранства. На стѣнахъ, отдѣланныхъ подъ бѣлый мраморъ, нѣтъ ни украшеній, ни даже иконъ. Живопись бронзоваго иконостаса принадлежитъ кисти кievскихъ иконописцевъ.

Послѣ удаленія непріятеля отъ нашихъ границъ, Ревельскій полкъ, почти совершенно истребленный подъ Бородинымъ, былъ снова сформированъ, и его начальникъ явился къ Маргаритѣ Михайловнѣ чтобы принять отъ нея церковную утварь ввѣренную ей Александромъ Алексѣевичемъ. Но вдова не рѣшилась разстаться съ иконою Нерукотвореннаго Слеса, предъ которою сотворила послѣднюю молитву вмѣстѣ съ мужемъ, и просила у новаго командира позволенія оставить ее у себя, обязуясь доставить ему ввѣренную съ нея копію. Она согласилась тѣмъ охотнѣе что иконостасъ полковой церкви былъ возобновленъ и образъ не подходилъ подъ его размѣръ.

Этотъ образъ сдѣлался предметомъ особеннаго поклоненія и вѣры Маргариты Михайловны. Предъ скорбнымъ ликомъ Спасителя она любила изливать свое горе и учила осиротѣвшаго сына молиться предъ нимъ за убійнаго отца. Спасо-Бородинскій храмъ былъ отстроенъ и освященъ въ 1820 году, и она внесла въ него сама драгоценную для нея икону, которую поставила надъ правомъ клиросомъ.

Эта церковь — надгробный памятникъ Тучкова. За алтаремъ возвышается регулярная насыль; на ней растетъ береза, къ которой прибита доска съ надписью: „На сей батарееъ убитъ Александръ Алексѣевичъ Тучковъ 1812 года 26го августа“. Внутри церкви, надѣво. отъ входа, стоитъ бѣлый мраморный крестъ: на его темномъ подвожіи, также изъ мрамора, вырѣзаны слова: „Помяни Господи во царствіи Твоемъ Александра на брани убійнаго“. Въ серединѣ креста золотое сіяніе, и предъ нимъ горитъ постоянно лампада.

IX.

Свою жизнь Маргарита Михайловна посвятила памяти мужа и воспитанію ребенка. Она скоронила отца и мать, и съ каждою новою утратой росла ея привязанность къ сыну. Вѣчная ея грусть имѣла на него сильное вліяніе, и онъ былъ не по лѣтамъ тихъ и задумчивъ. Первые его воспоминанія отъродились къ Бородинскому полю, гдѣ мать гуляя съ нимъ разказывала ему о пророческомъ своемъ снѣ, о страшной битвѣ, о смерти его отца, о темной октябрьской ночи когда она отыскивала его трупъ. Мальчикъ живо помнилъ что разъ когда ему было лѣтъ шесть она сказала ему:

— Эта батарея могила твоего отца, посади на ней дерево въ его память: носи за мной этотъ маленькій тополь.

Она взяла лопату и пошла на батарею, гдѣ стала рыть землю, заставляя ребенка помогать ей по мѣрѣ его силъ, и слезы ея катили на корни дерева, которое его ручки поддерживали съ усиліемъ надъ вырытою ямой.

Вся обстановка среди которой росъ Коля поддерживала врожденную склонность къ грусти наследованную имъ отъ отца. Онъ не зналъ шумныхъ и рѣзвыхъ игръ, всѣ его любили за сердечную его мягкость и доброту, но скромный и тихій мальчикъ умѣлъ уже внушать къ себѣ уваженіе. Въ семейныхъ преданіяхъ сохранился анекдотъ который даетъ понятіе о немъ. Онъ былъ записанъ въ Пажескій корпусъ и лишь по слабости здоровья жилъ при матери. Но ему слѣдовало выдержать довольно трудные экзамены, и чтобы приготовиться къ нимъ окончателно онъ долженъ былъ провести нѣсколько мѣсяцевъ въ корпусѣ. Тогда Маргарита Михайловна перѣѣхала на время въ Петербургъ, гдѣ она сама и мадамъ Бувье могли часто навѣщать свое сокровище. Появленіе Француженки вызвало смѣхъ пажей.

„Къ Тучкову ѣздить его няня!“ закричали нѣсколько голосовъ, и насмѣшки посылались на него со всѣхъ сторонъ.

Слово *няня* оскорбительно для четырнадцатилѣтняго мальчика, однако честное чувство взяло верхъ надъ дѣтскою обидчивостію: Коля покраснѣлъ, но сказалъ твердымъ голосомъ:

— Да, она моя няня, но любить меня какъ сына, и я прошу чтобы никто надъ ней не шутилъ.

Смѣхъ и шутки дѣйствительно замокли. Прошло дня два и дѣти играли на дворѣ когда увидали приближающуюся коляску въ которой сидѣла мадамъ Бувье. Коля побѣжалъ на встрѣчу няни, помогъ ей выйти изъ экипажа, расцѣловался съ ней, и взявъ ее подъ руку провелъ мимо своихъ товарищей. Съ тѣхъ поръ молодежь оказывала особенное уваженіе и ему и мадамъ Бувье.

Радовалась и не пародовалась на него Маргарита Михайловна, но не долго суждено ему было служить ей утѣшеніемъ. Ее часто тревожила слабость его здоровья, однако доктора убѣждали что онъ окрѣпнѣетъ съ годами, что его изнуряетъ ростъ. И дѣйствительно, мальчикъ высокій и гибкій какъ лямпа началъ поправляться когда ему минуло пятнадцать лѣтъ. Но онъ простудился и занемогъ. Медикъ лѣчившій его пользовался тогда большою репутаціей въ Москвѣ, однако Маргарита Михайловна потребовала консилиумъ, на который былъ приглашенъ Мудровъ. Осмотрѣвъ Колю тотъ подтвердилъ что осласности нѣтъ и прибавилъ что ручается головой за выздоровленіе. Обрадованная мать, проводивъ его, возвратилась съ усложненнымъ сердцемъ въ комнату больного, а черезъ нѣсколько часовъ ее выносили безъ чувствъ изъ этой комнаты гдѣ сынъ умеръ на ея рукахъ.

Прошло нѣсколько дней, и Спасо-Бородицкая церковь пріѣтствовала глухимъ ударомъ своего колокола появленіе траурной колесницы, которая приближалась медленно сопровождаемая Маргаритою Михайловной. Видъ храма воздвигнутого надъ прахомъ мужа смягчилъ на минуту жгучее горе матери. Когда гробъ былъ поставленъ противъ царскихъ дверей, она подыала глаза къ мѣстной иконѣ Спасителя, который изображенъ во весь ростъ поддерживая свой крестъ, и произвела сквозь слезы слова пророка: „Се азъ, Господи, и чадо еже ми далъ еси“.*

На правой сторонѣ отъ входа лежитъ въ церкви, параллельно съ мраморнымъ крестомъ, обнесенная позолоченною рѣшеткой плита, на которой вырѣзано имя Николая Тучкова. Предъ ней стоитъ набой, а на немъ въ золотомъ окладѣ икона „радости всѣхъ скорбящихъ“. Этою иконою Александръ Алексѣевичъ, собиравшійся въ походъ, изъ котораго не вернулся, благословилъ сына. Вѣчная лампада теплится предъ ней.

* Исаи, глава VIII, стихъ 18.

X.

Не мирилось наболѣвшее сердце Маргариты Михайловны о ударомъ разбившимъ окончательно ея жизнь. Точно такъ какъ больной переходитъ съ мѣста на другое въ надеждѣ облегчить свои страданія, она переезжала изъ Бородина въ Москву и изъ Москвы въ Бородино. То она утомляла себя долгою молитвой, то не находила возможности принудить себя къ молитвѣ. Она пробовала искать успокоенія въ вѣрѣ другихъ и обращалась за утѣшительнымъ словомъ къ людямъ оторваннымъ отъ міра. Разъ она пріѣхала къ митрополиту Филарету въ ту минуту когда съ нимъ прощалась пожилая женщина и трое молодыхъ людей. Какъ скоро они вышли изъ комнаты митрополитъ сказалъ:

— Тоже Бородинская вдова и ея сироты.

— Три сына! воскликнула она, а у меня все отягло! За что онъ взглянулъ на нее строго и отвѣчалъ:

— Вѣроятно она болѣе васъ заслужила своею покорностию милость Божію.

Маргарита Михайловна не отозвалась и рыдала прислонясь къ стѣнѣ. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ она вышла изъ комнаты, спустилась съ лѣстницы и сѣла въ карету. Возвратившись домой она приказала отказать всѣмъ и залезла въ свою спальню.

Черезъ часъ черныи цугъ митрополита остановился предъ крыльцомъ ея дома. Лакей отворилъ дверь и доложилъ что Маргарита Михайловна не принимаетъ.

— Но меня она вѣроятно приметъ, отвѣчалъ Филаретъ,—скажи ей что я желаю ее видѣть.

Когда онъ вошелъ, она встрѣтила его въ гостиной.

— Я оскорбилъ васъ жесткимъ словомъ, Маргарита Михайловна, сказалъ онъ подходя къ ней,—и пріѣхалъ просить у васъ прощенія.

Эти слова глубоко ее тронули и положили начало искренней дружбѣ между ею и митрополитомъ. Съ тѣхъ поръ онъ имѣлъ на нее большое вліяніе. Его ли руководясь совѣтами, повиновалась ли новой потребности своего горя, она переселилась окончательно на Бородинское поле.

XI.

Около церкви и сторожки скоро образовалась маленькая усадьба съ необходимыми надворными строениями. Они давно уже не существуют, но сторожка уцѣлѣла въ своемъ первоначальномъ видѣ, и мы введемъ въ нея читателя. *

Нѣсколько стульевъ и замыкающая ихъ небольшая площадка окружены стеклянными стѣнами, которыя образуютъ рядъ галерейки. Кругомъ стоятъ растенія. Тутъ Маргарита Михайловна сживала въ жаркіе лѣтніе вечера, около маленькаго столика. Галерейка ведетъ къ пространнымъ стѣнамъ раздѣляющимъ на двѣ половины сторожку. Съ лѣвой стороны дверь выходитъ въ большую комнату освѣщенную тремя окнами. Въ углу стоитъ шкаль съ образами освѣщенными іерусалимскою лампой и предъ ними тлеится лампада. Рядомъ съ образницей, малою покрытой бархатною фіолетовою пеленою; на немъ лежатъ Крестъ, Евангеліе и выточенная изъ слоновой кости голова Іоанна Крестителя. Около наполь маленькаго шкальчика съ игрушками Коли, чашкой французскаго фарфора принадлежавшей его отцу и разными бездѣлушками. Съ другой стороны образницы поставили послѣ кончины игумена небольшой стеклянный шкаль, гдѣ хранятся ея ряска, шитіа, камиллавка, четки и посохъ. На выведенныхъ стѣнахъ комнаты висятъ портреты. Старинный, изъ краснаго дерева комодъ, бюро, небольшой столъ предъ диваномъ, нѣсколько стульевъ, наконецъ вольтеровское кресло стоявшее когда-то въ кабинетѣ Александра Алексѣевича и дѣтская мебель довершаютъ скромное убранство этой комнаты. Мебель обита желтою шерстяною матеріею; надъ окнами висятъ ситцевыя гардины.

За этою комнатою другая съ однимъ только окномъ, у котораго любила заниматься Маргарита Михайловна предъ большимъ столикомъ изъ краснаго дерева. На одной стѣнѣ большое Распятіе, въ другой поставецъ, гдѣ стоитъ дѣтскій умывальникъ, и наконецъ кровать за дверью: это спальня.

Направо изъ стѣнъ большая комната раздѣленная надвое. Въ одной половинѣ устроилась горничная, а въ послѣдствіи

Послѣ кончины Маргариты Михайловны, митрополитъ Филаретъ приказалъ чтобы сторожка осталась безъ нагнѣній.

келейница Маргариты Михайловны, въ другой жила цѣлымъ два года мадамъ Бувье.

Службу въ Спасо-Бородинской церкви отправляли лишь въ праздникамъ и поминальнымъ днямъ, а осиротѣвшей жевци нѣ хотѣлось слушать ежедневно обѣдню надъ прахомъ мужа и сына, и она внесла въ Олекувскій Совѣтъ довольно значительный капиталъ. Его проценты были предоставлены братіи Лужецкаго монастыря, съ тѣмъ чтобъ іеромонахи обители отправляли поочередно службу въ Спасо-Бородинскомъ храмѣ. Вдовѣ воина хотѣлось также устроить для инвалидовъ богадѣльню на шесть кроватей. Но этотъ планъ не осуществился, и одинъ только несчастный нашелъ пріютъ около ея церкви. Его звали Горленко. Семейство его состояло изъ двухъ сыновей, которые лали подъ Бородинымъ. Семидесятилѣтній старикъ желалъ посвятить молитвѣ остатки одинокой жизни и ходилъ въ Іерусалимъ, гдѣ принялъ схиму. На возвратномъ пути онъ посѣтилъ Бородинское поле и поклонился съ слезами умиленія серебряной главѣ церкви выстроенной для вѣчнаго поминанія „воиновъ на семь мѣстъ убіенныхъ“. Маргарита Михайловна пригласила его поселиться въ этомъ пустынномъ уголкѣ и молиться вмѣстѣ съ нею за дорогихъ имъ покойниковъ. Онъ согласился съ радостію, прожилъ три года въ Бородинѣ и умеръ на ея рукахъ.

Колокольный звонъ будилъ ее каждый день съ восходомъ солнца. Она вставала, одѣвалась безъ помощи горничной и слѣзшила въ церковь, гдѣ глѣла на кайросѣ, а Горленко читалъ канонизмы и канонъ. По окончаніи заутрени она отдыхала, потомъ слушала обѣдню и послѣ равнаго обѣда занималась перелискою или чтеніемъ. Въ дѣтніе дни она сидѣла иногда подъ тополемъ посаженнымъ Колей въ память своего отца. Отъ корня лошаи два другіе ствола, и Маргарита Михайловна видѣла въ этихъ деревьяхъ эмблему себя, мужа и сына и любила ихъ какъ воспоминавіе всего что ей было дорого.

---

* Къ сожалѣнію они уже не существуютъ. Маргарита Михайловна говорила часто своимъ монахинямъ: „когда меня не будетъ, берегите эти тополя въ память меня и моихъ“, и добрыя женщины послѣ ея кончины смотрѣли на нихъ какъ на живое воспоминавіе своей „матушки“. Но игумения замѣтившая ее приказала срубить деревья чтобы расширить около нихъ дорогу. Когда застучали топоры, мона

Вечера она проводила вдвоемъ съ мадамъ Бузье, которая хлопотала цѣлый день по хозяйству и готовила иногда сама очень вкусный обѣдъ. Онѣ вспоминали о прошломъ, о милomъ своемъ Колю... Осенью дождь стучалъ по тесовой кровлѣ и свистъ вѣтра смѣшивался съ завываніемъ волковъ, которые лежали стаями по полю, и можно было видѣть изъ оконъ ихъ глаза сверкавшіе какъ угли въ темнотѣ. Но пустынноицы продолжали не смущаясь свою грустную бесѣду. Маргарита Михайловна вышивала воздухи или церковную пелену, а мадамъ Бузье трудилась надъ вязаніемъ. Всю работу она продавала и на вырученныя деньги покупала масла для лампы въ память предъ надгробною плитой Николая Тучкова. Добрая женщина, душой преданная католической церкви, не уступала никому права содержать лампаду въ православномъ храмѣ гдѣ жила за ребенка котораго такъ горячо любила.

Маленькую Бородинскую колонію одушевляло общее чувство любви къ отжившимъ. Женщина исправлявшая должность горничной прислуживала нѣкогда въ дѣтской и помогала мадамъ Бузье присматривать за ребенкомъ. Она была лютеранка, родомъ изъ Дерпта, но приняла православную вѣру и въ послѣдствіи постриглась подъ именемъ Девворы. Она искажала по-своему, а мадамъ Бузье по-своему русскій языкъ, но онѣ понимали другъ друга, потому что ихъ соединяли дорогія воспоминанія. А церковнымъ сторожемъ былъ дядька Коля, и ему жилось грустно, но мирно у могильныхъ памятниковъ Александра Алексѣевича и „молодаго барина“. Старикъ любилъ содержать въ порядкѣ церковь, гдѣ покоилась ихъ прахъ, но Деввора выговорила себѣ право надзора надъ могилой Коли, и каждое утро запасалась метелкой и рѣшетокомъ, обметала до послѣдней пылинки востѣвшей на занту и рѣшетку, оправляла лампаду предъ нами, и клала свой усердный поклонъ у гробницы.

ища обвиваясь слезами стали рвать съ завѣтныхъ тополей листья, которые берегутъ до сихъ поръ въ своихъ молитвенникахъ. Одна изъ нихъ говорила мнѣ: „когда вырвали корни и потащили ихъ вонъ изъ ограды, мы бѣжали за ними словно за гробомъ, словно по покаянью убивались“.

XII.

Въ окрестностяхъ Бородинскаго поля распространилась скоро молва о „доброй барынѣ что живетъ въ Богѣ и любитъ нищю братію“, и не было дня чтобы подъ окно лустыннаго домика не приходили больные и нуждающіеся. Маргарита Михайловна одѣлала однихъ лѣкарствомъ, другихъ деньгами или хлѣбомъ, и всѣхъ добрымъ словомъ.

Разъ, на возвратномъ пути изъ Москвы, куда ѣздила иногда для свиданія съ семействомъ, она услышала умоляющій голосъ и велѣла остановить лошадей. На дорогѣ стояла телѣга, которой правилъ крестьянинъ, а въ телѣгѣ лежала худая, блѣдная женщина. Тучкова спросила о ней мужичка.

— Горькая ей выпала доля, родимая, отвѣчалъ онъ.— У нея двѣ дѣвочки, глуленькія какъ есть, и говорятъ плохо, да мужъ недобрый: съ утра до ночи пьянъ и бьетъ ихъ всѣхъ безъ жалости. Иной разъ такъ дѣвчонокъ напугаетъ что онѣ въ лѣсъ убѣгутъ, да тамъ и пропадаютъ цѣлыя сутки. Какъ еще Господь ихъ отъ бѣды спасаетъ! А она, горемычная, лобиралась пока силъ хватало, а теперь руки и ноги отяжелились.

Маргарита Михайловна велѣла ему ѣхать за ея каретою. Добравшись до Бородина, гдѣ оставила больную у себя, она навела справки и убѣдилась въ истинѣ слышаннаго разказа. Тогда она выписала исправника, объявила ему что желаетъ пріютить несчастную женщину и ея дѣтей приписанныхъ къ казенному селу и просила доставить ей дѣвочекъ. Исправникъ привезъ ихъ на другой же день. Одна изъ нихъ, дряхлая уже старуха, живетъ до сихъ поръ въ обители.

Призрѣніе бѣднаго семейства положило начало Спасо-Бородинской общинѣ: за разслабленною требовался уходъ, и къ ней была приставлена молодая крестьянка изъ сосѣднаго села. Но умножившимся жителямъ Бородинскаго поля стало тѣсно въ маленькой усадьбѣ, и Маргарита Михайловна воспользовалась лѣтнимъ временемъ чтобы выстроить еще домъ раздѣляемый на двѣ части. Въ одной изъ нихъ были комнаты назначенныя для посѣтителей; туда же переселилась и мадамъ Бувье, а уголокъ который она занимала въ сторожкѣ превратился въ столовую. Другая половина новаго дома была назначена для богадѣльни. Число ея жильцовъ быстро умножилось

Кромѣ того многія желавшія удалиться отъ міра просили у Тучковой позволенія поставить домики на ея землѣ. Отказа не было никому, и около Спасо-Бородинскаго храма селились одинаково бѣдныя и богатая женщины, принадлежавшія къ образованному классу общества и неграмотныя крестьянки. Но расширеніе колоніи потребовало новыхъ условій для жизни. Заключила вездѣ работа: появились огороды, были вырыты колодезь, пробѣжали по лугу тропинки. Во все это стучалъ топоръ и скрипѣла пила, осенью новыя строения обсаживались сиренью и кленами, а на Егорьевъ день пастьбу стаѣ выгонять въ поле небольшое стадо и ожива лутыла.

Одинокая вдова была призвана къ новой жизни: счастье было для нея безвозвратно, но горячая природа требовала деятельности,—веселость характера была убита, но живость ума искала лица. По своей развитости и своему положенію, Тучкова стала главой общества образовавшагося около нея: всѣ обращались къ ней за совѣтами и всѣ ее любили. Она воспользовалась своимъ вліяніемъ и привлекла каждого къ полезному труду. Между тѣмъ какъ одни работали на огородахъ или хлопотали по хозяйству, которое сдѣлалось общимъ, другія учили грамотѣ дѣтей. А Маргарита Михайловна являлась поочередно на постройкахъ, въ учебной комнатѣ, на земляныхъ работахъ. Ея черное платье мелькало вездѣ, вездѣ раздавался ея звучный голосъ. Она всѣхъ ободряла, назначала каждому его дѣло, и дѣло спорилось всюду. Молодымъ дѣвушкамъ она давала уроки гѣвня и выписала изъ Москвы музыканта. Она помогъ ей сформировать духовный хоръ, который сталъ въ послѣдствіи знаменитъ.

XIII.

Маргарита Михайловна подумала первая о томъ чтобы почитать соборными молитвами годовщину великой битвы и упростить воспоминаніе о ней въ памяти потомства. Съ этою цѣлью она стала приглашать духовенство окрестныхъ селъ собираться 26го августа въ Спасо-Бородинскій храмъ. Тамъ служили за всѣхъ воиновъ погибшихъ въ этотъ скорбный для Россіи день павшихъ вошедшую наконецъ въ обычай, и мало-по-малу образовался крестный ходъ, который былъ въ послѣдствіи утверждень.

63003

Въ селѣ Бородинѣ стоитъ старинная, двухъярусная церковь, которая сильно пострадала въ день битвы. Престоль нижняго яруса посвященный когда-то Рождеству Спасителя былъ скоро послѣ удавленія непріятеля возобновленъ во имя Сергія Радонежскаго. Выборъ этого посвященія легко объясняется: когда Наполеонъ перешелъ черезъ русскую границу, митрополитъ Платонъ прислалъ въ наше войско икону съ изображеніемъ Сергія, который благословилъ древле Донскаго на битву съ Татарами. Во все время войны эта икона находилась постоянно при Кутузовской арміи.

Духовенство сосѣднихъ селъ собирается 26го августа въ Бородино, гдѣ служатъ раннюю обѣдню. По ея окончаніи идутъ крестнымъ ходомъ въ монастырь, и съ 1839 года * останавливаются у памятника чтобы пропѣть литію. Лишь только духовенство выходитъ изъ села, начинается колокольный звонъ въ обители, гдѣ другой крестный ходъ съ архимандритомъ во главѣ встрѣчаетъ шествіе у Святыхъ воротъ. Потомъ начинается соборная обѣдня за которой слѣдуетъ ланнихида. **

Въ 1833 году считалось уже до сорока человекъ въ Бородинѣ, и Тучкова обратилась къ императору Николаю съ просьбой утвердить Спасо-Бородинскую общину. Ея желаніе было немедленно исполнено. Тогда она дала крестьянамъ своего Тульскаго помѣстья права вольныхъ хлѣболашцевъ, съ тѣмъ чтобъ они ей платили ежегодно двѣ тысячи ассигнаціями. Половину Ярославскаго своего имѣнья она продала за двадцать тысячъ и проценты съ этого капитала, точно также аренду съ крестьянъ и генеральскую пенсію, которую получила послѣ смерти мужа, она употребила на устройство своей общины.

Но въ Бородинѣ было болѣе бѣдныхъ нежели богатыхъ, и средства начинали скудѣть. Маргарита Михайловна не позволяла себѣ удобствъ которыми не пользовались всѣ сестры, и несмотря на роскошь къ которой была приучена съ дѣтства, садилась за общую трапезу, гдѣ приходилось часто пробавляться исключительно овощами собственныхъ огородовъ. Хлѣбъ былъ покупной, а рыбу доставали съ трудомъ, какъ по ея дороговизнѣ такъ и по отдаленности отъ всякаго мѣста ловли.

* Памятникъ былъ открытъ въ 1839 году.

** Въ нынѣшнее царствованіе эта духовная церемонія справляется 27го августа, потому что наканунѣ правдуется коронація.

Но лишения переносились бодро. Нравственное вліяніе настоятельницы надъ сестрами начинало уже высказываться, и поствителѣй поражалъ духъ любви и мира который господствовалъ въ общинѣ. Все связывало между собой ея членовъ: общее призваніе, общіе труды и молитвы, общая привязанность къ „матушкѣ“, и легче было вести единодушно общія лишения. Къ тому же „матушка“ поддерживала бодрость духа въ своихъ „плецахъ“, какъ она ихъ называла, и если кто-нибудь изъ нихъ смущалъ недостаткомъ средствъ она говорила: — Господь не оставитъ, да и намъ ли жаловаться? Трапеза не затѣлива, а за то каковъ хоръ!

XIV.

Однако сталъ распространяться далеко слухъ объ отшельничествѣ и прибавлялось постоянно число поствителѣй Спаскаго общежитія. Кого не манилъ его храмъ? Преданія о Бородинскомъ полѣ были еще такъ свѣжи что врядъ ли нашлось бы въ Россіи семейство гдѣ оно не пробуждало бы воспоминанія славы или горькой утраты. Многие предложили новорожденной общинѣ свое посильное пособіе. Ихъ имена поминаются до сихъ поръ за каждою обѣдней Спасо-Бородинской церкви, и благодаря ихъ щедрости община могла содержаться безбѣдно. *

Слущая три года послѣ ея утвержденія, Маргарита Михайловна лѣзла въ Троицкую Лавру, гдѣ застала митрополита Филарета. Она пожелала его видѣть и пошла въ его келью. Митрополитъ предложилъ ей принять малое постриже-

---

* Имя средства Бородинской обители крайне скудны. Ей не чинъ даже содержать двѣкома; но было время когда она находила сильную опору въ дворянствѣ и купечествѣ. Многие пожелали остаться неизвѣстными, но до сихъ поръ еще братія поминаетъ съ глубокою признательностію имена П. П. Бекетова, князя В. В. Долгорукова, Е. П. Толстой, Н. А. Леонтьевой, А. Г. Алексѣевой, И. В. Прохорова и двухъ его братьевъ, купца Залѣгина, купца Игумнова, который присылалъ ежегодно изъ Сибири свою дань обители, графини А. А. Орловой-Чесменской, княгини Т. В. Юсуповой, А. М. и Т. В. Потемкинны, графа Д. Н. Шереметева, графини Завадовской, графини Боргъ, графини А. Г. Толстой, Е. П. Набоковой, Ю. Ф. Варшавской и наконецъ П. В. Голубкова.

нѣ прибавляя что синодъ и императоръ согласятся весо-
мѣнно обратитъ въ монастырь Спасское общежитіе. Неожиданность предложенія ее смутила: она не разчитывала на свои духовныя силы, но Филаретъ ее ободрилъ и вызвался постричь ее самъ. Она возвратилась на свою квартиру въ сильномъ волненіи; но время было дорого: слѣдовало приготовить все необходимое для постриженія, а взяться было нечѣмъ. Къ счастью собираваясь въ Лавру она взяла съ собою для подарка нѣсколько кусковъ китайскаго чернаго крела, и съ помощію монахинь пришедшихъ за оборомъ къ Троицѣ спила апостольникъ, а митрополитъ далъ ей на счастье свою рясу и келейную камиллавку.

Совершился обрядъ постриженія, и Маргарита Михайловна возвратилась въ Бородино подъ именемъ инокини Меданіи, а въ началѣ 1838 года община была переименована въ Спасско-Бородинскій общежительный монастырь, возведенный на стелень второкласснаго. Основательница просила также покойнаго императора утвердить въ вѣчный монастырскій доходъ ея пенсію, которую называла цѣною крови. Государь согласился, и сверхъ того пожертвовалъ 25.000 р. ассигнаціями на каменную ограду и на церковь съ трапезой.

Быстро преобразовался монастырь: около него возвысилась кирпичная стѣна съ четырьмя башнями. Въ одной изъ нихъ поставлена церковь посвященная имени Филарета Милостиваго, и трехъ-ярусная колокольня замѣнила столбики которые поддерживали колоколъ. Въ концѣ іюля 1839 года митрополитъ пріѣхалъ на освѣщеніе новаго храма и обошелъ съ крестнымъ ходомъ весь монастырь.

XV.

Маленькая Филаретовская церковь устроена на углу восточной и сѣверной стѣны, къ которому примыкають двѣ небольшія галлерей или залы. Онѣ составляютъ часть самой церкви, такъ какъ иконостасъ ничѣмъ не огороженъ. Одна изъ этихъ залъ была превращена въ трапезу, другую называютъ „слушательною“, потому что старшія сестры и большія слушали отсюда церковную службу, а въ трапезной, куда обращены царскія двери, молились младшія монахини.

У одной стѣны „слушательной“ стоитъ и теперь плащаница

наъ которою возвышается Рослятіе, около другой стояли шкапы съ монастырскою библіотекою. Эта комната примыкаетъ стекаянною дверью къ зимнимъ настоятельскимъ кельямъ. Маргарита Михайловна не могла уже по слабости здоровья ходить морозною ночью въ церковь и переселялась обыкновенно послѣ Воздвиженья въ Филаретовскій корпусъ. Тамъ, за исключеніемъ поминальныхъ дней, правили службу зимой. А въ маѣ, лишь только показывалось теплое солнце, настоятельница переходила опять въ свою любимую сторожку и братія собиралась въ Спасскій храмъ для ежедневныхъ молитвъ.

Обитель была не богата, но Маргарита Михайловна умѣла вести хозяйство, и благодаря водворенному ею порядку рѣдко нуждались сестры. Бѣдныя получали отъ нея хлѣбъ, обувь, одежду, дрова, свѣчи, мыло, чай и сахаръ. Были устроены хуторъ и скотный дворъ на землѣ пожертвованной монастырю. Многія изъ монахинь обучались разнымъ мастерствамъ: пряли, ткали, красили хлѣбъ и сукно, шили рясы, теплыя одежды, обувь, переплетали книги, занимались малярною работою и даже иконописью. Каждая служила другимъ своимъ посильнымъ трудомъ, но принимать другъ отъ друга денежную плату строго запрещено. Сестры жили между собою какъ члены одной семьи. Настоятельница образовала, въ полномъ смыслѣ слова, христіанскую общину. Число иконокъ умножилось до двухсотъ и, нѣтъ сомнѣнія, что не всѣ между ними были достойны уваженія, но общій духъ обители напоминалъ времена первыхъ христіанъ. Бородинскія монахини переселившіяся теперь въ другіе монастыри долго не могли сродниться съ новымъ образомъ жизни, какъ мнѣ случалось слышать отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Между прочимъ одна изъ говорила: „Тамъ мы жили душа въ душу, не даромъ называли другъ друга сестрами: у кого горе, такъ и всѣмъ горе, у кого радость, такъ и всѣмъ радость. А здѣсь всякая сама по себѣ; послужить ли чѣмъ другъ дружкѣ, такъ сперва въ цѣнѣ уговариваются,—а намъ это дико.“

Маргарита Михайловна поняла въ широкомъ смыслѣ и свое и ихъ призваніе, и несла долю искушеній, скорбей и лишеній тѣхъ которыя называли ее матерью.

„Мнѣ ли дерзать словомъ апостола изъяснять мои чувства, пишетъ она къ одной изъ сестеръ, которая была въ

отъѣздѣ и повѣряла ей свои душевныя тревоги,—но воистину кто изъ васъ изнемогаетъ, и я изнемогаю съ тою.“

Свято исполняла она материнскія обязанности и внесла въ свои вѣрованія и новое призваніе всю свою душевную горячность. Она была главой монастыря и требовала строгаго соблюденія монастырскихъ правилъ, но не облакала религіи въ суровый характеръ, и не запрещала монахинямъ невинныхъ удовольствій и бесѣдъ. Многіе обвиняли ее въ излишнемъ свисхожденіи къ братіи и она отвѣчала обыкновенно:

— Насколько любимъ начальникъ обители, настолько онъ и полезенъ. Его строгость не исправляетъ никого, но ожесточаетъ и учитъ лукавству и лжи. Грѣхъ находить прощеніе у Бога, но злоба и ненависть отдаляютъ отъ Него человека, и горе тому кто внушилъ ихъ другому.

Когда ей доводилось дѣлать строгій выговоръ которой-нибудь изъ своихъ духовныхъ дочерей, она объяснялась съ виновною въ своей кельи, съ глазу на глазъ, при закрытыхъ дверяхъ.

— А мы къ ней шли словно на исповѣдь, говорятъ сестры,—и въ голову не приходило что-нибудь отъ нея утаить.

Во время ея игуменства, нѣсколько монахинь, черезчуръ неуживчивыя, оставили монастырь, но возвратились въ него почти всѣ. Не съ гнѣвомъ и не съ жесткими словами отлучила ихъ Маргарита Михайловна, а со слезами и благословеніемъ. Она ихъ снабжала совѣтами, а если требовалось, и деньгами, и старалась не терять ихъ изъ виду, гдѣ бы онѣ ни находились. Одна изъ нихъ встрѣтилась въ Москвѣ съ бородинскою посаушницей, которая уведомила о томъ настоятельницу и настоятельница лишаетъ ее въ отвѣтъ:

„Ничего я такъ не желаю и не желаю какъ видѣть ее счастливою. Обними ее за меня.“

А какая радость когда онѣ возвращались подъ крылышко Маргариты Михайловны!

— А! вернулась-таки, бѣгляка, говорила она, весело обнимая ее,—вернулась на пригрѣтое мѣстечко!

Она вводила ее къ себѣ, угощала, разспрашивала какъ жилось ей на чужбинѣ и требовала чтобы вся братія приняла ласково „бѣгляку“, и чтобы никто не оскорбилъ ее неумѣстнымъ намекомъ. Имя уходило изъ монастыря и возвраща-

ивъ до двухъ и даже до трехъ разъ и находили всегда въ его стѣнахъ тотъ же радужный пріемъ.

Трогательное ловѣрье образовалось между монахинями по поводу этихъ приливовъ и отливовъ:

— Если которая-нибудь изъ насъ уходила, говорятъ онѣ,—мы знали напередъ что не надого, что нигдѣ не придется ей свить себѣ гнѣздышка, а все будетъ ее тянуть въ родное Бородино, потому что молитвы матушки о каждой изъ ея духовныхъ дочерей крѣпко насъ связывали съ обителью.

Для слабостей и прегрѣшеній другихъ Маргарита Михайловна искала извиненій которыхъ не находила для своихъ собственныхъ и была строга лишь только къ себѣ. Приведемъ здѣсь остроумное слово митрополита Филарета, которое она вызвала скромнымъ о себѣ мнѣніемъ. Разъ, бывъ уже игуменьей, она пріѣхала къ митрополиту. Онъ освѣдоулился о монастырѣ и спросилъ довольна ли она братіей?

— Слава Богу, владыко, отвѣчала она,—такія онѣ у меня славныя, такія добрыя! Жаловаться мнѣ не на кого, да въ томъ бѣда что я-то такая грѣшная!

Онъ взглянулъ на нее съ улыбкою, потомъ обратился къ образу висѣвшему въ углу его комнаты и перекрестился.

— Благодарю Господа, сказалъ онъ,—наконецъ-то въ моей старшіи нашлась грѣшная игуменья, а то съ кѣмъ ни поговори—всѣ святые. *

Выше другихъ христіанскихъ доблестей она ставила любовь и милосердіе, не карала падшаго, но протягивала ему руку помощи. Разъ вошла въ ея келью и стала молча у дверей женщина не первой уже молодости, но замѣчательной еще красоты. Маргарита Михайловна спросила у нея чего она желаетъ.

— Я пришла къ вамъ, отвѣчала незнакомка,—можетъ вы одѣвъ меня не отвергнете... Можетъ-быть вы примете меня въ вашу обитель...

— Очень охотно приму: сядьте, и мы переговоримъ.

— Но вы не знаете, начала опять бѣдная женщина, не двигаясь съ своего мѣста, и голосъ ея задрожалъ,—вы не знаете что я грѣшница... даже мое семейство отказалось отъ меня.

* Кельи митрополита находилась въ его комнатахъ во время вѣщенія Маргариты Михайловны и передалъ этотъ анекдотъ одной изъ бывшихъ бородинскихъ монахинь

Она зарыдала. Маргарита Михайловна бросилась къ ней и обняла ее.

— Спаситель пришелъ призвать къ покаянію грѣшниковъ, а не праведниковъ, сказала она,—и помилуетъ васъ. Оставайтесь съ нами.

Она посадила ее возлѣ себя, ободрила ласковыми словами, выслушала грустную ея исповѣдь и потребовала чтобы тайна этой исповѣди осталась между вами. Всѣми отвергнутая женщина поселилась въ монастырѣ и приняла постриженіе, а въ послѣдствіи схиму. Маргарита Михайловна сдѣлалась ея другомъ, руководительницей, матерью, и кающаяся грѣшница воскресла къ новой жизни, подъ благотворнымъ вліяніемъ любви и вѣры. Свою спасительницу она пережила нѣсколькими годами, и предъ кончиной повѣрила другимъ печальную повѣсть прошлаго.

Въ первые годы своей пустынной жизни Маргарита Михайловна носила вериги, но здоровье ея начало сильно страдать и митрополитъ потребовалъ чтобы она ихъ сняла. Она повиновалась, однако оставила за собой право возлагать ихъ на себя въ данномъ случаѣ. Если между сестрами возникалъ раздоръ или которая-нибудь изъ нихъ приходила къ ней съ тяжкимъ признаніемъ, „молитесь“, говорила она, „и я буду съ вами молиться“, и она надѣвала опять вериги и казнила себя за чужія прегрѣшенія. На эти прегрѣшенія она смотрѣла какъ на свои собственные: между дѣтymi и матерью все общее, а она была мать.

Всѣ подчинялись ея нравственному вліянію и готовы были на все лишь бы порадовать „матужку“. Отношенія ея къ братіи явственно высказываются въ письмахъ Маргариты Михайловны: голоса начальницы въ нихъ рѣшительно не слышать, но, какъ мать, она журитъ и ласкаетъ. По выраженію лицъ она угадывала если что-нибудь тревожило или огорчало какую-нибудь изъ монахинь, и когда не могла за недосугомъ объясниться съ ней, немедленно писала ей изъ своей кельи нѣсколько дружескихъ словъ. Приводимъ здѣсь одну изъ ея записокъ.

„Душюшка, я тебя звала, примѣта въ тебѣ что-то необыкновенное, но ты, не знаю почему, осталась *при себѣ*...“

„Завтра непременно приходи ко мнѣ послѣ утрени.“

Была въ обители послушница очень еще молоденькая,

которая позволяла себѣ разныя дѣтскія выходки. Маргарита Михайловна къ ней пишетъ:

„Другъ мой, не хорошо, вопреки монахини которая тебя оставаливала, класть поклоны гдѣ не показано, ты какъ будто нарочно не переставала ихъ метать и въ поясъ и въ землю. Сіе не есть дѣло скромной послушницы, а шалунъ кадетскаго корпуса могъ бы сіе допустить, но и того бы за уши вырвали. И еще не хорошо что въ трапезу не ходишь*. Разъ ради Христа и это трудно? Мнѣ казалось что ради Его и дурное покажется сладкимъ, а хлѣбъ трапезный не дуренъ.“

Она проситъ больную монахиню которая ѣздилъ въ Москву чтобы посоветоваться съ докторомъ не жалѣть денегъ и леченіе и беречь себя: „довольно“, говоритъ она, „сердце болитъ, смотря на страждущую Смарагду, не прибавляй ему новой скорби.“ Она посылаетъ ей денегъ, обѣщается прислать еще какъ скоро сама получить и прибавляетъ: „не знаешь ли ты издавна что *моя твоя суть*“, а въ другомъ письмѣ: „ты знаешь что я *ваша*, что я вамъ всѣмъ принадлежу, что я тебя люблю. Ты все это постигаешь, следовательно будь покойна.“

Она сообщаетъ отсутствующей монастырскія извѣстія, и передаетъ ей поклоны сестеръ. Вездѣ материнскій голосъ, вездѣ та же заботливость, та же любовь.

XVI.

По мѣрѣ того какъ умножалась братія, застраивался монастырь. Густо разрослись въ немъ деревья и предъ каждою кельей красовались кусты розановъ, жасмина и сирени. Заглавиемъ въ обитель среди жаркаго лѣтняго дня. Отошла обѣда; многія сестры работаютъ, сидя на крылечкахъ или балконахъ своихъ келлій, и раздаются звонкіе голоса клирошанокъ которыя слѣвуются въ трапезной. Около палисадниковъ бродитъ общая фаворитка, старая гнѣдая лошадь, и на юзъ: Любимецъ! Любимецъ! идетъ то къ одному, то къ другому окну и принимаетъ изъ рукъ монахинь хлѣбъ, который приносятъ нарочно для нея изъ трапезы. Это верховая лошадка Коди: она доживаетъ также свой вѣкъ у его могилы.

* Одни только больнымъ позволялось обѣдать въ кельяхъ.

Навернулись слезы на глазахъ у Маргариты Михайловны когда она узнала что Любимецъ палъ. Она вынула изъ своего комода три простыни и отдала ихъ монахинямъ, с просьбой завернуть его и похоронить за монастырскою оградой.

Мадамъ Бувье хлопочетъ около огромной кавѣтки или плавника, въ которомъ прыгаетъ и поетъ обширное семейство канареекъ.

— Je vais aussi voir ma nichée *, говоритъ ей Маргарит Михайловна, слускаясь съ крылечка своего домика,—j'ai de oisillons malades **.

И она идетъ по широкому монастырскому двору такимъ быстрымъ шагомъ что келѣйная монахиня съ трудомъ за нею поспѣваетъ. Погладивъ поспѣвшую морду Любимца, онъ останавливается около двочекъ, которыя играютъ у тропишки.

— А что же, выучили *Отче нашъ*? спрашиваетъ она, и выслушавъ отъ нихъ молитву, раздѣляетъ между ними просфоры и идетъ къ больнымъ.

На возвратномъ пути она вдругъ останавливается: клирошанки продолжаютъ спѣваться, и фальшивая нота неприятно поразила ея чуткій слухъ.

— Фальшиво! фальшиво! кричитъ она, и подбѣгаетъ къ окну трапезной.—Начните опять!

Раздается снова дѣвіе на минуту прерванное, а Маргарит Михайловна стоитъ подъ окномъ и слушаетъ. Помочь послалъ по Турчаниновскому налѣву, который она ввела въ монастырь. Вдругъ она вбѣгаетъ въ трапезу, сердито хватается и тереть за рукавъ клирошанку.

— Опять! кричитъ она:—точно мнѣ ножомъ по ушамъ провела! А все отъ дѣви, отъ нерадѣнья! Голосъ у тебя хорошъ и слухъ вѣренъ, да поработать надъ собой не хочешь, вотъ въ чемъ дѣло. Начните опять!

И она поетъ съ ними сама; голосъ ея еще мягокъ и звученъ. Концертъ оканчивается благополучно, и настоятельница обращается къ провинившейся монашенкѣ:

— Что носъ-то повѣсила? говоритъ она.—Приходи ко мнѣ вечеромъ хорошенькаго чаю напиться: онъ очищаетъ голосъ

* Я иду также взглянуть на мое гнѣздо.

** У меня больные птенцы.

У крыльца сторожки ждутъ просители. Маргарита Михайлова объявляетъ одному что Богъ ей помогъ пристроить въ богадельню его отца, другому что писала объ его дѣлѣ въ Москву и ждетъ отвѣта, и выслушавъ новыя просьбы спрашиваетъ у мужичка стоявшаго позади другихъ:

— А ты что, Михаилъ?

— Ужь очень я доволенъ твоей милостью, отвѣчалъ онъ, — ходилъ я въ Москву и принесъ тебѣ гостинца: не побрезгай.

И онъ подаетъ ей бумажный клѣтчатый платокъ.

— Какой славный! говоритъ Маргарита Михайловна, и поизвъ его сверхъ своей шалочки, продолжаетъ обращаясь къ монахинямъ проходящимъ мимо:

— Посмотрите-ка какой я подарокъ получила!

Прислало лицо Михайлы.

— Вотъ еще я тебѣ принесъ, начинается онъ олять, вынимая изъ-за лазухи связку бубликовъ, — кушай на здоровье.

— И за бублики тебѣ спасибо: я до нихъ охотница, да не забудь поклониться отъ меня своей женѣ, а теперь милости прошу васъ всѣхъ къ намъ на кухню пообѣдать.

Съ этими словами она входитъ въ свои комнаты, и ее просятъ благословенія и молитвы объ ея здравіи.

XVII.

Черезъ двадцать семь лѣтъ послѣ Наполеоновскаго нашествия, русскія войска собирались на Бородинское поле для открытія памятника воздвигнутаго въ честь воиновъ которыми оно служить кладбищемъ. За недѣлю до 26го августа прибылъ сюда же императоръ Николай съ нѣсколькими членами царскаго семейства и свитой. Военная музыка, пальба и видъ войска выстроеннаго на полѣ потрясли чуткій организмъ Маргариты Михайловны. Живо напомнимъ она ей знаменитый Бородинскій день, котораго она не видала, но который, въ продолженіе столькихъ лѣтъ мерещился ей такъ часто во снѣ. Въ ней обнаружилось лихорадочное состояніе, однако она старалась превозмочь недугъ и принимала государя и членовъ Императорскаго дома, которые осматривали монастырь и посѣтили ее. Они ей оказывали постоянное уваже-

ніе и расположеніе дружеское. * Государь пригласилъ ее присутствовать при соборной ланнихидѣ и благодарственно молебнѣ въ день открытія памятника. Она отказывалась, ася что испытаніе превыситъ ея силы, но императоръ настаивалъ: ему хотѣлось видѣть на предстоящемъ торжествѣ оставшихся дѣятелей Отечественной войны.

— Пріѣзжайте, говорилъ онъ,—мы помолимся вмѣстѣ: ишу молитву услышитъ Богъ.

Она уступила его просьбамъ и обѣщала пріѣхать въ значенный часъ.

Между тѣмъ приготовленія шли своимъ чередомъ. Легко понять какъ дѣйствовалъ на воиновъ Двѣнадцатаго года видъ поля на которомъ они отражали непріятеля четверть вѣка тому назадъ. Они отыскивали со слезами на глазахъ тѣ мѣста гдѣ заряжали свои пушки, гдѣ паали ихъ братья. Но и после битвы до такой степени измѣнилось что трудно было узнать его, и монахи указывали старымъ воинамъ остатокъ укрѣпленій на которыхъ стояли орудія.

Воспоминанія отдаленнаго прошлаго оживляли сердца стариковъ: многіе повторяли стихи изъ *Пѣвца во стѣнѣ русскіи воиновъ*. Самъ пѣвецъ, погруженный мыслями въ бывшее, бродилъ по Бородинскому полю. Онъ описалъ намъ церемонію открытія памятника: послушаемъ его.

„Утро Бородинскаго праздника было такъ же ясно какъ утро Бородинскаго боя. Тогда была чувствительна осенняя свѣжесть; теперь теплота наполняла воздухъ, и отъ долгой мѣсяной засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малѣйшемъ вѣтеркѣ поднималась столпами. Войска (около сорока пяти тысячъ) были рано по утру сведены на мѣста имъ назначенныя; они стояли колоннами по наклону локалитетей, окружая съ трехъ сторонъ то возвышеніе на коемъ теперь стоитъ памятникъ Бородинскій и у подошвы коего жили Багратионъ, на коемъ тогда происходила самая жаркая битва, гдѣ дрались Раевскій, Барклай, Паскевичъ, гдѣ раненъ Ермоловъ, гдѣ погибъ Кутайсовъ, на которомъ гремѣло сѣдло двухсотъ Наполеоновыхъ пушекъ, гдѣ наконецъ войско раземѣшалось въ рукопашной, убійственной свалкѣ. Войска

* Она была въ 1840 году воспреемницей мнѣ царствующей Императрицы и вела съ ней переписку до своей кончины. Въ 1848 году она была опять вызвана въ Петербургъ для именованія Великой Княгини Александры Иосифовны.

видныя съ вершины этого холма, представляли зрѣлище единственное; однимъ взглядомъ можно было окинуть столѣтисотысячную армию сжатую въ густыя колонны, которая амфитеатромъ одна надъ другой подымалась. Пѣхота была неподвижна; по ружьямъ сверкала солнце, и штыки ихъ казались блестящею, подымающею щетиной огромнаго боеваго чудовища. Гдѣ стояла конница, тамъ дымилось; конскія копыта подымали пыль; она колебалась надъ колоннами какъ черная громовая туча. Позади армию разставлена была артиллерія. Въ срединѣ этого чуднаго амфитеатра возвышался памятникъ, у подошвы коего, внутри ограды, были собраны всѣ отставные, вѣкогда участвовавшіе въ славной битвѣ и изъ разныхъ мѣстъ собравшіеся на ея праздникъ. Между ими особенно замѣчательны были инвалиды, кто съ подвязанною рукой, кто съ повязкою на головѣ, кто безъ обѣихъ ногъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ ожиданіи торжества, сидѣли на ступеняхъ монумента; другіе, положивъ на землю каюки, отдыхали у Багратионова гроба, и этотъ гробъ, одинъ на землѣ Бородинской, величественно - тихій, въ виду армию новаго поколѣнія, казался представителемъ поколѣнія прежняго, котораго воины положили здѣсь свои головы, котораго прахъ вѣчно живая природа съ такою любовью одѣла здѣсь своею свѣжею зеленью, своею благоуханною жатвой. Другіе бородинскіе воины, еще находящіеся на службѣ, сидѣли на коняхъ и выстроены были фронтомъ внѣ ограды. Явился государь, проскакалъ мимо колоннъ; грянуло повсемѣстное ура, и вдругъ все утихло: отъ Бородина съ хоругвями и крестами потянулся ходъ; священники всѣхъ полковъ, священники столицы и позади всѣхъ преосвященный митрополитъ московскій, длиннымъ строемъ, съ торжественнымъ пѣніемъ, шли мимо армию къ монументу, предъ которымъ былъ воздвигнутъ алтарь. Когда священники стали по мѣстамъ своимъ и митрополитъ приблизился къ алтарю, тишина невыразимая воцарилась повсюду; ни движенія, ни шороха; какъ будто живые слились въ одно безмолвное братство съ безчисленными мертвыми, здѣсь подъ землею сокрытыми, какъ будто бы мертвые вышли изъ праха и, ставъ въ строй съ живыми, вселили въ нихъ свое неземное спокойствіе; однимъ словомъ, этой минуты описать невозможно.“ *

* Отрывокъ изъ письма Жуковскаго къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

Тутъ подѣхала и остановилась недалеко отъ памятника карета. Изъ нея вышла блѣдная, переступая черезъ силу, Маргарита Михайловна; въ ея лицѣ не было кровинки. Двѣ монахини слѣдовали за ней. Братъ ея мужа, Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ, подавъ ей руку и провелъ ее на устроенное противъ монумента возвышеніе обнесенное рѣшеткой и названное для дѣателей Отечественной войны. Государь подѣхалъ къ оградѣ и протянулъ руку бородинской вдовѣ:

— Кланяюсь вашему превосходительству, сказалъ онъ, — грустенъ для васъ этотъ великій день. Раздѣляю вашу скорбь. Да поможетъ вамъ Господь.

И онъ прибавилъ обращаясь къ иностраннымъ привцамъ своей свиты:

— Voici la respectable veuve du brave général Touthkoff; elle a pris l'initiative sur moi en élevant ici un monument immortel. *

Послѣ водосвятія началась лавкинда, потомъ загремѣли пушки. Замирало сердце Маргариты Михайловны; она держала съ трудомъ свѣчу дрожавшую въ ея рукѣ. Все стихло снова, хоръ залѣлъ: „Тебе, Бога, хвалимъ“, и всѣ олустились на колѣни. По окончаніи благодарственнаго молебна, митрополитъ окропилъ памятникъ святою водою, и крестный ходъ удался. Государь во главѣ арміи проѣхалъ мимо памятника и отдалъ ему первый честь.

Маргарита Михайловна послѣшила возвратиться въ монастырь: силы окончательво ей измѣнили. На другой день у нея открылась нервная горячка.

XVIII.

Все засуетилось въ монастырѣ: сестры съ озабоченными лицами сообщали другъ другу извѣстія о здоровьѣ „матушки“. Она лежала безъ памяти. Императоръ присылалъ къ ней своего медика, который осмотрѣвъ больную долго говорилъ съ Павломъ Алексѣевичемъ. Поскакали въ городъ за лѣкарствомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней она была въ опасности; наконецъ, лихорадочное состояніе ее покинуло и Маргарита Михайловна пришла въ себя.

* Вотъ почтенная вдова храбраго генерала Тучкова; она предупредила меня воздвигнуть здѣсь безсмертный памятникъ.

Она носила въ сердцѣ горе о которомъ намъ не довелось еще говорить. Одинъ изъ ея братьевъ, горячо ею любимый, былъ замѣшанъ въ заговоръ который разыгрался на Петербургской площади въ 25мъ году. Судъ приговорилъ виновнаго къ Сибири. Маргарита Михайловна получила извѣстie о его ссылкѣ въ то время когда плакала надъ свѣжею могилою сына и предъ одною скорбью поблѣднѣла другая. Но между тѣмъ какъ время смягчало горе матери, оно оживляло горе сестры. По мѣрѣ того какъ она приходила въ нормальное состоянiе, прежнiя привязанности, погашенныя первыми минутами ея отчаянiя, вступали опять въ свои права. Сердце ея сжималось болѣзненно при мысли о другѣ ея дѣтства, она говорила съ горечью что простилась съ нимъ заживо, вела постоянную переписку со ссыльнымъ и не распечатывала никогда безъ ссызъ его писемъ.

Однако Бородинскiе маневры подходили къ концу, и государь пожелалъ предъ отъѣздомъ проститься съ настоятельницами.

Между тѣмъ какъ монахини толпились около палисадинокъ и келiй чтобы взглянуть на него еще разъ, мадамъ Булье встрѣтила его на крылечкѣ. Онъ ее привѣтствовалъ какъ старую знакомую и пожалъ ея руку.

— Eh bien, comment ça va-t-il, Madame Bouviers? * спросилъ онъ.

— Bien à présent, grâce à Dieu, Sire, отвѣчала старушка, — mais prenez garde à nos portes basses: elles ne sont point pour votre taille. **

Онъ низко наклонилъ голову и вошелъ въ сторожку.

Большая приняла его полулежа въ постели. Императоръ, разспросивъ съ участiемъ о ея здоровьѣ, сѣлъ около нея и подымовалъ ея руку, которую удержалъ въ своихъ.

— Я былъ бы счастливъ, сказалъ онъ, — еслибы могъ исполнить какое-нибудь изъ вашихъ желанiй: не нуждается ли въ чемъ монастырь? Прикажите и все будетъ сдѣлано.

Слеза блеснула въ ея глазахъ и слабый ея голосъ задрожалъ:

— Ваше величество, молвила она, — что вы можете сдѣлать

* Ну, что у васъ дѣлается, мадамъ Булье?

** Благодаря Бога теперь все хорошо, ваше величество, но остерегитесь: ваши низкия двери не по вашему росту.

для монастыря, то могутъ сдѣлать для него и другіе, но есть у меня просьба.... Вы одни въ мірѣ можете ее исполнить.... простите брата.

Эти неожиданныя слова его смутили; онъ выпустилъ изъ своихъ рукъ ея блѣдную руку и отвѣчалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Позвольте мнѣ подумать, Маргарита Михайловна.

XIX.

Прошло нѣсколько времени.

Звучно гудѣлъ монастырскій колоколъ и Маргарита Михайловна во главѣ всей братіи вошла во храмъ. Лицо ея сіяло выраженіемъ радости, отъ котораго оно давно отвыкло, и та же радость какъ въ вѣрномъ зеркалѣ отражалась на лицахъ сестеръ. „Матушка“ получила извѣстіе о прощеніи своего брата, и всѣ пришли семейно слушать благодарственный молебенъ.

Но не скоро еще довелось ей обнять осмыльнаго: разныя обстоятельства замедлили его возвращеніе. Наконецъ пришло давно желанное письмо: Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ былъ уже на пути въ Высокое, тульское имѣніе своей жены.*

И Маргарита Михайловна обратилась въ Высокое. Закупила приготовленія къ отъѣзду, ореди радостнаго говора монахинь. „Матушка“ ихъ торолитъ, помогаетъ имъ укладываться и утираетъ отъ времени до времени слезы набѣгающія на ея глаза. Но все готово: стоитъ предъ крыльцомъ сторожки тяжелая карета заложенная шестерикомъ. Сестры приняли послѣднее благословеніе Маргариты Михайловны, которая усадась въ экипажъ съ двумя келейницами. Всѣ перекрестились примолвивъ: съ Богомъ! и лошади выѣхали изъ монастырскихъ воротъ.

Дѣлги показались путешественницѣ триста верстъ отдѣляющія ее отъ Тульскаго уѣзда. Но вотъ наконецъ и Высокое; въѣзжаютъ въ длинную аллею ведущую къ усадьбѣ. „Скорѣй, скорѣй!“ повторяетъ Маргарита Михайловна высывая то и дѣло голову въ олуцеванное стекло, и кучеръ ударилъ по

* Онъ былъ женатъ на графинѣ Елизаветѣ Петровнѣ Коловницкой.

ловкамъ. Но вдругъ чей-то голосъ крикнулъ: Стой! Шестерикъ остановилась, быстро отпирается дверца кареты, и Маргарита Михайловна, не дождавшись чтобъ была опущена подножка, бросается въ объятія брата.

XX.

Съ тѣхъ поръ ея жизнь раздѣленная между воспоминаніями прошлаго и дѣятельностію игуменской потекла ровно и однообразно. Мирно жилось Маргарита Михайловнѣ среди обширной семьи сестеръ, и ихъ любовь согрѣвала ея сердце и привязывала ее все тѣснѣе къ обители. Но замѣчательно что подъ своею камиллавкой и монашескою мантией она сохранила до конца жизни тиль одинаково симпатичный и въ молодой женщинѣ и въ старухѣ, тиль который Французы называютъ: „la femme distinguée“. Когда она покидала на время монастырь чтобъ явиться ко двору или въ аристократическую гостиную, гдѣ встрѣчала давно знакомыя лица, то лѣтвала всѣхъ, какъ и въ старые годы, своею блестящею рѣчью и изяществомъ своихъ пріемовъ. Она была когда-то слишкомъ тѣсно связана съ заботами и вопросами волнующими общество чтобъ сдѣлаться имъ чуждой и пользовалась всегда съ удовольствіемъ рѣдкой возможностью удовлетворить тѣ умственные способности которыя не находили лица въ стѣнахъ ея обители.

Одно изъ ея путешествій въ Петербургъ памятно крестьянамъ деревни Семеевской.

„Дорога-то была просто бѣдовая, разказывалъ мнѣ мужичокъ, сугробъ на сугробѣ, а ужъ у насъ, какъ есть, проѣзда нѣтъ никакого. Матушкинъ шестерикъ какъ къ намъ въѣхалъ тутъ и засѣлъ съ возкомъ. Мы всѣ сбѣжались; а она, родная, опустела стекло и говорить:

„— Помогите дѣтутки, вытащите возокъ, а я бы въ вашихъ сапахъ на дорогу выѣхала.

„— Сбыточное ли, говоримъ, дѣло, голубушка наша, кормилица наша, чтобъ мы тебя допустили въ наши сааи пересѣсть? Ужъ ты дай намъ только волю; мы все справимъ.

„Побѣжали, кто за лопатой, кто за веревками,—вѣдь всякому тоже дестно было ей послужить,—и живо приваились мы за дѣло. Отложили лошадей, дорогу кое-гдѣ разчистили, вы-

тащили возокъ, да сами въ него впряглись и вывели ее на себѣ, мою матушку, ужь что она тамъ ни говорила. А какъ заложили олять лошадей и отѣхала она, такъ долго мы тутъ стояли да крестились и Бога молили чтобы далъ Онь ей луть дороженьку.“

Не даромъ внашала Маргарита Михайловна такую привязанность. Въ минуту вспыльчивости она могла сказать много лишняго и позволяла себѣ рѣзкія выходки, которыя старалась немедленно загладить. Но никогда не оскорбила она хладнокровно кого бы то ни было. Несмотря на всѣ свои усилія она не могла преодолѣть въ себѣ брезгливость, за которую ее бранили еще въ молодости. Но эту слабость она старалась подавить въ присутствіи людей которыхъ могла ею оскорбить. Являлись ли къ ней больные за медицинскимъ пособіемъ,—она принуждала себя смотрѣть на отвратительныя раны или заставляла крестьянку развязывать при ней грязныя пеленки, чтобы взглянуть на сыль отъ которой страдалъ ребенокъ. Но отпустивъ бѣдныхъ людей она бросалась въ свою спальню, умывала руки душистымъ мыломъ и окропляла себя одеколономъ. Приходилъ ли къ ней зимнею порой мужичокъ изъ сосѣдней деревни,—Маргарита Михайловна сажала его возлѣ себя, выслушивала его просьбу, приказывала подать ему чаю или рюмку вина, чтобы онъ отогрѣлся, и лереносила, скрѣпя сердце, залахъ дегтя занесеннаго на ногахъ, или бараньяго тулупа. Но по уходѣ гостя она звала свою келейницу.

— Серафима, отвори немного дверь, да локури лоскорѣй. Вѣдь вотъ кака я негодная, прибавляла Маргарита Михайловна,—они, бѣдные, обращаются ко мнѣ отъ добраго сердца, и какъ любятъ меня, а я смѣю ими брезговать!

„Иной разъ, разказываютъ монахици, мы видимъ что матушкѣ не въ терлежь, а доказать не смѣемъ, знаемъ что она за это гнѣваться будетъ; скажетъ: За что ты бѣднаго чело-вѣка обидѣла?“

XXI.

Около года спустя послѣ Бородинскихъ маневровъ она вѣзла въ Москву, гдѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ о ея постриженіи въ мантію и о возведеніи ея въ санъ игуменьи. Изъ Москвы она писала къ Бородинской братіи:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

„Всѣ возлюбленныя сестры и матери: Платонида, Маргарита, Исидора, Антоюина, Тавиѳа, Екатерина, Софія, Пелагея, Елисавета, Серафима, Олимпиада, Марія, Паисія, Меѳодія, Алія, Ангелина, Магдалина, Іуліанія, Анастасія, Евпракія, Ковстатина, Клавдія, Любовь, Максимиана, Маврикія, Маргарита, Филарета, Христофора и всѣ прочія, которыхъ имена всѣ предъ Богомъ, и поминаемы мною ежедневно, припадаю къ вамъ, испрашивая вашихъ молитвъ. Приближается время моего постриженія, мѣсто избрано въ Лавръ для избѣжанія многолюдства. Простите меня всѣ, и отъ добрыхъ сердець вашихъ воззовите ко Господу о спасеніи грѣшной моей души, теплою молитвой. Простите ради Господа, если кого оскорбила, простите какъ прощаютъ умершему, и вѣрьте слову моему что всѣхъ васъ пошу въ сердцѣ моемъ.

„Маргарита, Меланія.“

На возвратномъ пути она пишетъ опять изъ Москвы:

„Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй меня грѣшную.

„Возлюбленныя сестры!

„Слава Богу о всемъ! Я вамъ теперь крѣпостная слуга. Пострадавъ нѣсколько дней въ разлукѣ съ вами, кончѣ люблю сердечно, вижу наковецъ приближающійся день соединенія. Все совершилось. Владыка отецъ мой счалъ власы съ главы моей. Постриженіе было 28го, во время всеобщей, на день Святыхъ Апостоль. * Соборъ былъ освѣщенъ какъ слѣдуетъ въ день праздничный. Митрополитъ самъ служилъ. Три раза я была распростерта на земли крестообразно во все время троларя „Объятія отца“, повторяемаго при каждомъ крестообразномъ долужаніи. Владыка былъ тронуть до слезъ, которыя остававливали его рѣчи. Въ соборѣ, у раки святаго угодника, при множествѣ святыхъ поклонниковъ... Я не могу описать моего душевнаго состоянія, особенно когда послѣ окончанія владыка взялъ меня за руку и привелъ къ святому преподобному Сергію, которому отеческимъ словомъ препоручилъ меня! Послѣ цѣлованія святыхъ мощей я пала въ ноги отцу владыкѣ... и осталась на всю ночь въ соборѣ въ томъ одѣяніи какъ постриглась, даже на босу ногу, какъ была. На другой день меня посвятили въ игуменіи и посвящали какъ

* 28го іюня 1840 года.

во діаконя: * повели... поведите... и *аксіосъ, аксіосъ!* подавала блюдо для омовенія, съ полотенцемъ на плечѣ... Обыкновенно: посохъ дали... и все тутъ. Паси овцы моя!... О, Боже! мнѣ ли пасты? Сестры монахини, сестры старшія! Софія, Екатерина, Пелагея, Олимпіада, Елисавета, я у ногъ вашихъ: обнимите меня. Сестры младшія, любите любящую васъ всѣхъ! Простите, немного оправлюсь и прїѣду къ сердцу вашему, къ сердцу моему.

„Навсегда ваша сестра
„игуменія Марія грѣшная.“

Это письмо, адресованное на имя монахини которая въ отсутствіи настоятельницы правила монастыремъ, было прочтено вслухъ за тралезой, какъ сообщаются обыкновенно братія всѣ важныя извѣстія. Оно вызвало общую радость и всѣ пожелали единодушно отслужить благодарственный молебенъ. Когда же второе письмо возвѣстило о днѣ возвращенія игуменьи, стали хлопотать о прїемѣ который ей готовили. Чтобы придать болѣе торжества этому семейному празднику пригласили можайскаго протоіерея „встрѣтить матушку“. Въ назначенный день монахини стерегли съ утра приближеніе игуменской кареты. Молодевскія сестры рвали въ палисадникахъ цвѣты и устилали ими путь отъ святыхъ воротъ до соборной церкви, гдѣ готовились отслужить молебенъ. Лишь только увидали издали приближающіеся экипажъ, монастырскій колоколъ загудѣлъ и духовенство въ праздничномъ облаченіи вышло къ воротамъ. Протоіерей держалъ крестъ, монастырскій іеромонахъ икону, а дьяконъ кадильницу. За ними шли клиротанки, а за клиротанками остальная братія.

Маргарита или Марія съ посохомъ въ рукѣ и облеченная въ длинную мантию вышла изъ кареты у святыхъ воротъ. Отшельницы покловились ей въ ноги: всѣ плакали. Залакала и игуменья; она поклонилась имъ, въ свою очередь, низкимъ поклономъ и хоръ загѣлъ: „Двесь благодать Святаго Духа насъ собра“.

XXII.

Несмотря на обязанности которыя она исполняла такъ добросовѣстно, такъ неутомимо, несмотря на годы протекшіе съ минуты ея утраты, горе ея не вымирало, хотя время

* По древнему чину посвященія.

извѣдало его характеръ. Не даю забвенью глубокимъ природѣ. Когда она казалась вполнѣ погружена въ заботы о своей обители, достаточно было незначащаго обстоятельства или пустого слова чтобъ оживить всю ея скорбь. Отпѣванья она не могла слышать, чтобъ ей не мерещилась бѣлый гробъ въ которомъ лежалъ хорошеыйкій пятнадцатилѣтній мальчикъ. Когда въ монастырѣ были похороны она приказывала монахамъ сравнивать могилы и обозначать ихъ мѣсто кирпичами выложенными крестомъ: насыли напоминали ей слишкомъ живо курганы которые возвышались когда-то на Бородинскомъ полѣ надъ сожженными костями убитыхъ. Лишь въ послѣдніе годы своей жизни она преодолѣла тяжелое впечатлѣніе и привыкла смотрѣть на могильныя насыли.

Гробъ ея сына былъ заколоченъ въ ящикъ и поставленъ въ склепъ устроенный подъ Спаскою церковью. Въ этотъ склепъ Марья Михайловна сходила каждое утро и проводила тамъ около часа. Но случалось иногда что урочный часъ проходилъ и время длилось пока наконецъ монахини, испуганныя ея долгимъ отсутствіемъ, слускались въ свою очередь по узкой лѣстницѣ подземнаго хода и находили Марью Михайловну лежавшую безъ чувствъ около гроба. Сестры опасались что ея организмъ пострадаетъ наконецъ отъ этихъ постоянныхъ потрясеній и обратились съ жалобою къ митрополиту. Онъ воспользовался назначеніемъ ея въ игуменьи чтобы склонить на жертву, которую требовалъ отъ нея.

— Вы отвѣчаете теперь предъ Богомъ и вашею совѣстью, говорилъ онъ ей,—за вѣренную вамъ ластву: вы посвятили себя всецѣло великимъ обязанностямъ, но личныя ваши чувства слишкомъ васъ поглощаютъ: принесите ихъ въ жертву долгу. Молитесь за усопшихъ, но не делайте своего горя, а наоборотъ, отдайте отъ себя все что васъ наводитъ на воспоминанія о прошломъ.

Онъ потребовалъ чтобъ она больше не ходила на могилу сына и истребила вещи принадлежавшія ему и его отцу.

Не безъ борьбы согласилась Марья Михайловна исполнить его желаніе; а согласилась однако, хотя не безусловно. На другой же день послѣ своего возвращенія изъ Лавры она спустилась въ склепъ для послѣдняго прощанія съ гробомъ сына. Истребить вещей которыя напоминали ей такъ живо скорби и радости жены и матери она была не въ силахъ, и искала отраду въ мысли что онѣ уцѣлѣли, хотя она ихъ уже не

видить. Принесли въ ея комнату сундукъ, куда она уложила платье мужа, чашку изъ которой онъ пилъ чай, портфель съ письмами такъ часто перечитанными, и наконецъ кресла и игрушки Коли. Сундукъ былъ поставленъ въ глухой корридоръ примыкающій къ спальней. * Марья Михайловна говорила что оторвалось что-то отъ ея сердца когда всё эти съкровища были вынесены изъ ея комнаты, и долго не могла она смотреть хладнокровно на пустой уголъ гдѣ привыкла видѣть маленькій дѣтскій стулъ обитый краснымъ сукномъ. Но разстаться съ креслами мужа она не рѣшилась. Точнѣе также оставила она при себѣ два миниатюрные портреты изображающіе его и сына. Но написанный масляными красками портретъ Александра Алексѣевича она пожертвовала въ трапезу.

Кромѣ этого грустнаго эпизода ничто не ознаменовало ея игуменства, и ничто не перемѣнилось въ ея жизни, ни въ отношеніяхъ ея къ братіи. Она не позаботилась даже о томъ чтобы заказать себѣ игуменское мѣсто, и во время службы сидѣла попрежнему на маленькой скамеечкѣ около печки. И мало оскорблялись этимъ сестры.

„Ужь очень намъ обидно было, разказывала мнѣ одна изъ нихъ, и стали мы къ ней приставать. Помните, говоримъ матушка, чѣмъ же мы хуже другихъ? Вездѣ игуменьѣ почетъ дѣлаютъ и вездѣ у нея мѣсто въ церкви, а у васъ его нѣтъ. Кто войдетъ и не узнаетъ что вы у насъ игуменья; на простой скамеечкѣ сидите: ничѣмъ отъ васъ не отличаетесь.

„Разсмыслится она бывало и скажетъ: „Не нужно мнѣ никакого отличія; отступитесь отъ меня, гауля“, и прогонитъ васъ.

„А ужь какъ она воспреемницей была вышедшей царицы да вернулась изъ Петербурга, такъ мы ей просто прохода не дали. Не было дня чтобы мы къ ней съ этимъ не хаживали. „Матушка, говоримъ, за что жь намъ такой срамъ? Вѣдь вы похоже что вы воспреемницы царицы, а точно вы подъ начальствомъ что у васъ мѣсто отнято.“

„Такъ мы ей надоѣли что ужь разъ она разсердилась: „Видно, говорите, вашей дури мнѣ не переспорить; чтобы только отъ васъ отвязаться, закажу кресло.“

* Послѣ кончины игуменьи эти вещи были перенесены обратно въ ея комнату.

„Какъ привезли его да поставили въ церковь, мы въ такой радости были! И матушка пришла: „Ну что, говорить, довольны вы теперь?“ да вдругъ заглянула въ уголокъ гдѣ всегда сидѣла и спрашиваетъ:

— А гдѣ жь моя скамеечка?

„Мы говоримъ: „Въ алтарь ее убрали, матушка, ужь она теперь не нужна.“

„А матушка говоритъ:

— Съ чего вы это взяли? Потѣшила я васъ, заказала кресло, вы на него и любуйтесь, а я буду попрежнему въ своемъ уголкѣ сидѣть: мнѣ тамъ молиться удобнѣе.

„Такъ въ уголкѣ и сидѣла. Ужь развѣ въ праздникъ иногда у васъ наѣзжіе бывають, такъ она насъ потѣшить захочетъ и ставетъ на игуменское мѣсто.“

XXIII.

Мнѣ пришлось слышать о матери Маріи трогательный разказъ одного изъ французскихъ негоціантовъ, поселившихся въ Москвѣ. Мы назовемъ его господиномъ Д***. У него была сестра лѣтъ восемнадцати. Умственная ея способности, вслѣдствіе несчастнаго случая приключившагося съ нею въ дѣтствѣ, сильно пострадали. Она была права крохотка, но ею овладѣвали порой самыя странныя фантазіи; переспорить ее пока она находилась подъ ихъ вліяніемъ было невозможно и семейство приходило въ отчаяніе. Переходя отъ прихоти къ другой, молодая дѣвушка объявила что желаетъ поселиться въ монастырь. Она молилась и была набожна по-своему, но различіе вѣроисповѣданій не существовало для нея, и господинъ Д***, на основаніи того что слышалъ о бородинской игуменьѣ, обратился къ ней письменно. Онъ не скрылъ отъ нея положенія своей сестры, просилъ Марью Михайловну принять ее подъ свое покровительство и прибавилъ что семейству было бы очень грустно есабы Розина (такъ ее звали), благодаря постороннему вліянію, была отдалена отъ католической церкви. „Овладѣть бѣдною дѣвочкой не трудно, писалъ онъ, но мы надѣемся на васъ.“

Черезъ вѣсколько дней игуменья пріѣхала въ Москву и вышла въ магазинъ Д***. Она хотѣла убѣдиться что Розина живетъ съ ней добровольно.

„Марья Михайловна очаровала насъ съ перваго взгляда: говорилъ мой разкащикъ.—Было что-то особенно привлекательное въ ея мягкомъ голосѣ, въ ея быстрыхъ, необдуманныхъ движеніяхъ. Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ естрой, она обернулась ко мнѣ и сказала:

„— Дѣло сдѣлаю. Въ пять часовъ я заѣду за ней. Будь покойна, я не обману вашего довѣрія.

„Я навѣщалъ нѣсколько разъ Розину пока она жила въ Бородинѣ. Чтò бы ни сдѣлала бѣдная дѣвочка, обвинять было несправедливо, однако я зналъ какъ трудно съ нею ужиться, и не безъ тайнаго страха поѣхалъ къ ней въ первый разъ. Но я скоро убѣдился до какой степени все чтò страдало имѣло право на участіе и расположеніе Марьи Михайловны. Розина жила у нея какъ у матери: игуменья несмотря на свою вспыльчивость переносила съ неутomимымъ терпѣніемъ всѣ ея капризы и старалась привязать ее къ себѣ постоянною лаской и постоянною заботливостью.

„Прошло два года. Отецъ мой скончался и Розина желала возвратиться въ семейство: я поѣхалъ за ней.

„Никогда не забуду я этого послѣдняго свиданія съ Марьею Михайловной. Она приняла меня въ своихъ кельяхъ, угостила завтракомъ и совершенно незамѣтно для меня прошла двѣ часа въ бесѣдѣ съ нею. Но ударили въ колоколъ и она встала.

„— Вы можете, сказала она,—оставаться здѣсь одни или ити въ комнаты приготовленныя для васъ, а мнѣ пора и на вечернѣ.

„Я отвѣчалъ что желаю также выслушать вечерню и замѣтивъ что Марья Михайловна посмòтрѣла на меня съ удивленіемъ прибавилъ:

„— Я католикъ и не отрекись отъ вѣры моихъ отцовъ, и я христіанинъ и могу молиться тамъ гдѣ молятся христіанскому Богу.

„Сознаніе что я нахожусь на Бородинскомъ полѣ, гдѣ и гибло столько моихъ соотечественниковъ, эта церковь воздвигнутая на ихъ костяхъ, недавняя кончина отца и наконецъ великолѣпные духовнаго хора, все располагало меня къ молитвѣ. Мнѣ захотѣлось привести хоть самое ничтожное жертвованіе въ этотъ храмъ и по окончаніи службы я подошелъ къ бюро у котораго происходила свѣчная продажа, выслалъ на него деньги бывшія у меня въ кошелькѣ и взялъ двѣ свѣчи чтобы поставить ихъ въ подсвѣчникъ стоявшій около мен

Вдругъ Марья Михайловна сидѣвшая въ другомъ углу церкви подвѣлась съ своего мѣста. Вставая она уронила свой зонтикъ, но перешагнула черезъ него, быстро подошла ко мнѣ, иа обѣими руками мою голову, поцѣловала меня въ лобъ и вскрикнула:

— Vous êtes un brave coeur et les prières d'une vieille femme vous porteront bonheur! *

— Les prières d'une sainte femme, ** отвѣчалъ я и опустила предъ нею на колѣни. Она перекрестила меня и я принялъ и благословеніе съ глубокимъ чувствомъ благодарности и признательности.

„Давно уже нѣтъ ея на свѣтѣ, заключилъ господицъ Д***, но кто ее зналъ хотя немного, тотъ не забудетъ ея. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я ѣздилъ въ Бородино и поклонился ея гробу.“

XXIV.

Болѣе тридцати лѣтъ жили вмѣстѣ Марья Михайловна и мадамъ Бувье, которая была нѣсколькими годами старше ея. Несмотря на различіе ихъ воспитаній, столько нитей связывали обѣихъ женщинъ что онѣ давно сдѣлались необходимымъ моментомъ въ жизни одна другой. Однако частыя ссоры возникали между ними. Мадамъ Бувье, принявъ на себя всѣ хозяйственныя и финансовыя распоряженія въ домѣ, постоянно ворчала когда Марья Михайловна раздавала послѣднюю провизію или послѣднія деньги, и случалось что игуменья во избежаніе междуусобицы уносила тайкомъ ключи отъ шкапа гдѣ хранилась разная крупа или чай и сахаръ и отсылала сколько ей было нужно для просящихъ. Мадамъ Бувье догадывалась смутно о преступномъ похищеніи съѣстной провизіи, однако не останавливалась на предложеніи до такой степени обидномъ для чести Марьи Михайловны, но неожиданнѣйшимъ случаемъ обнаружилъ истину.

Монахиня, къ которой пріѣхали родственники, обратилась къ игуменьѣ съ просьбою дать ей немного сахара.

— Чай у меня есть, говорила она, — а сахару ни куска.

* У васъ честное сердце, и молитвы старухи о васъ будутъ услышаны.

** Молитвы святой.

Марья Михайловна велѣла ей подождать въ спальнѣ и вошла въ столовую гдѣ слышала голосъ мадамъ Бувье. Но отратиться къ ней было не легко: она уже нѣсколько дней была сильно смущена и безденежемъ и недостаткомъ провизіа, а въ настоящую минуту казалась особенно не въ духѣ.

— Ахъ! прости *мне*, говорила она стоявшей у дверей кухаркѣ, которой заказывала обѣдъ,—*я не знаю ти больша баринь!*

По уходѣ *большой барини*, Марья Михайловна освѣдомилась о томъ что будетъ сегодня за обѣдомъ. Обѣдъ пришелся ей не по вкусу: она просила его переменить, и только что мадамъ Бувье ушла на кухню, привялась искать ключъ отъ сахарницы. Найдя его, она быстро вынула нѣсколько кусковъ сахара и положила ихъ на столъ. Но вдругъ послышались за дверьми шаги мадамъ Бувье и кухарки, которая возвращалась за провизіей. Марья Михайловна поторопѣла запереть сахарницу и выдергивая ключъ изъ замка зацѣпила своимъ длиннымъ рукавомъ сахаръ, который посыпался къ ея ногамъ. Въ эту минуту мадамъ Бувье показалась на порогѣ:

— Ахъ! какъ *карошо!* воскликнула она въ припадкѣ и поддѣльнаго негодованія,—*Маргаритъ Миколовна воровать!*

Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ: игуменья подобрала посѣвши сахаръ, отнесла его монахинѣ, потомъ съ надеждою задобрит разгнѣванную мадамъ Бувье возвратилась въ столовую и начала примирительную рѣчь обычнымъ вступленіемъ:

— Allons donc, madame Bouviers, peut-on se fâcher pour des bagatelles semblables? *

И выслушала обычный отвѣтъ:

— Oh! Madame est bien libre de disposer de son bien, mais si nous allons de ce train là il ne nous restera bientôt plus que la besace. **

На этотъ разъ не безъ труда была заключена мировая.

Лишь безграничная ея привязанность къ Марьѣ Михайловнѣ могла принудить старушку отказаться отъ латинско обѣдни и жить среди братіи русскаго монастыря. Въ рим

* Ну что, мадамъ Бувье, возможно ли сердиться за подобные случаи?

** О! вы въ полномъ правѣ располагать вашимъ добромъ, но если мы будемъ идти этимъ путемъ у насъ скоро ничего не останется кромѣ сумы.

церкви она видѣла единственный источникъ истины и старалась убѣдить каждаго и даже митрополита московскаго,—когда онъ навѣщалъ игуменью,—въ непогрѣшимости ея. Митрополита очень забавляли ея краснорѣчивыя рѣчи, и Марья Михайловна переводила проповѣданіе его отъ дѣлаемые по-русски. Усердная католичка не смущалась неудачою своихъ попытокъ и послѣ отъѣзда Фаларета говорила обыкновенно:

—Je ne l'ai pas convaincu, mais nous en parlerons encore.*

Несмотря на ея ворчливость, всѣ любили мадамъ Бувье за честный и открытый нравъ и привычку видѣть ея круглолицую, приземистую фигурку снующую по тропинкамъ монастырскаго двора. Она была необходимою принадлежностію жителю возникшей на ея глазахъ, твердо знала всѣ ея хроники, и часто сестры саушали, утирая слезы, полурусскіе разговоры старушки о томъ какъ семилѣтній Коля отыскивалъ вѣсти своего отца около полудостроенной церкви и игралъ гитарами набранными у подножія батареи.

Разъ прибѣжала равнымъ утромъ къ Марьѣ Михайловнѣ испуганная монахиня, съ извѣстіемъ что мадамъ Бувье очень нездорова. Игуменья послѣдила къ ней, а между тѣмъ послала за докторомъ, который прописалъ лѣкарство, но не скрылъ что надежды на выздоровленіе очень слабы. Сама бывшая чувствовала приближеніе смерти и спросила нельзя ли выписать изъ Москвы католическаго священника. За нимъ послали немедленно, но въ то время не было еще желѣзныхъ дорогъ и пришлось его ждать цѣлыхъ двое сутокъ. Наконецъ онъ пріѣхалъ къ великой радости доброй Француженки, которая поторопилась исповѣдаться и приобщиться. Онъ долго съ ней бесѣдовалъ и старался ее приготовить къ такому переходу отъ жизни къ смерти. Послѣ его отъѣзда она сказала слабымъ голосомъ:

—Maintenant je suis tranquille.**

Марья Михайловна нагнулась къ ней, и умирающая обвила ее шею своими блѣдными руками. Обѣ женщины плакали молча. Наконецъ старушка промолвила опять:

* Я его не убѣдила, но мы еще постоакуемъ.

** Теперь я покойна.

— N'oubliez pas que mes mille roubles sont pour l'huile la lampe... là, près de sa tombe. *

На другой день Марья Михайловна молилась около гробницы своей подруги наряженной въ праздничное платье, и ждала тѣмъ какъ рыли могилу около тополей посажены Колей.

XXV.

Видъ этой свѣжей могилы наполнялъ тоской сердце Марья Михайловны. Въ доброй старушкѣ посватившей ей свѣ жизнь она любила не одно только преданное сердце, но и все воспоминаніе всего что ей было дорого, и новая утра разрешила въ ея душѣ все бывшее горе. Приняться ежедневно за занятія она не могла, однако дневныя событія срывали ее насильственно отъ тяжкихъ думъ. Но съ наступленіемъ ночи самыя грустныя образы преслѣдовали ее, и она потеряла совершенно сонъ. Монахини придумали приходи къ ней на ночь и вести между собою бесѣду, которая развлекла бы ее немного. Марья Михайловна согласилась на это предложеніе, и лишь только она ложилась въ постель по окончаніи своей вечерней молитвы сестры, въ числѣ трехъ и четырехъ, являлись съ своими работами, садились на полъ полуотворенной двери спальни, болтали все что имъ приходило на умъ, и игуменья засыпала наконецъ подъ звукъ ихъ говора.

Всѣ отъ мала до велика старались болѣе чѣмъ когда-нибудь выразить ей свою привязанность, и Маргарита Михайловна несмотря на то что погибло для нея безвозвратно въ жизни созвавала что она не одинока, что самая покрепняя любовь окружаетъ ее. Приведемъ здѣсь два случая которые обнаружатъ и вполнѣ чувства монахинь къ игуменьи.

Разъ, во время одного изъ ея путешествій въ Москву, экипажъ ея былъ опрокинутъ, и она сломала лѣвую руку. Это происшествіе могло дойти въ преувеличенномъ видѣ до общины и Марья Михайловна пріѣхавши въ Москву приказала немедленно своей келейницѣ извѣстить сестеръ о случившемся и успокоить ихъ насколько возможно. Несмотря и

* Не забудьте что мои тысячу рублей на масло для лампы тамъ, около его могилы.

она страдавiя она прибавила сама къ письму нѣсколько строкъ, гдѣ увѣщевала своихъ „птенцовъ“ не слѣшкомъ гореть, и говорила между прочимъ: „надѣюсь что скоро возвратюсь къ вамъ съ кривою рукою, но съ прямымъ сердцемъ“.

Какъ скоро разнеслось по монастырю извѣстiе что „матушка“ сломала руку, всѣ работы были мгновенно покинуты, клячки сбѣжались расплаканныя къ казначеѣ и объявили что идутъ въ Москву. Казначей старалась напрасно отговорить ихъ отъ этого намѣренiя. Онѣ настаивали и на всѣ увѣщанiя отвѣчали что никто ихъ не остановитъ, и что стѣ идутъ сегодня же. Наконецъ она имъ сказала:

— Матушка утѣшая приказала мнѣ монастырь, а вы меня не мучаетесь, такъ дѣлайте какъ хотите. Но ей необходимо шить локонъ; а если ее слѣшкомъ огорчить и разстроитъ ваше своеволие, берите это на свою совѣсть.

На что ни согласились бы монахи изъ страха разстроитъ и огорчить „матушку“? Онѣ отказались отъ задуманнаго плана и обѣщали не выходить изъ долгаго повиновенiя. Священникъ былъ приглашенъ отслужить задравный молебень и каждая изъ сестеръ дала обѣтъ клясть ежедневно, до возвращенiя Марьи Михайловны, по двѣнадцати земныхъ поклоновъ.

Въ другой разъ она поѣхала Рождественскимъ постомъ въ Москву навѣстить больнаго брата, у котораго гостила болѣе нежели предполагала, и написала монахинямъ что возвратится непременно къ празднику.

„Ужъ мы давно о ней тосковали, разказывала мнѣ одна изъ нихъ, и словно ожили когда пришло ея письмо. Съ самаго утра ждали мы ее въ сочельникъ. Даже изъ церкви то та то куда побѣжить на батарейку,—вѣдь оттуда дорога видна: каждый день ее стерегли. Иная старушка вдругъ со слѣпа кричитъ: „матушка ѣдетъ!“ Мы всѣ бросимся посмотрѣть: гадья! тудой вкляжъ, либо возъ съ кладью. Тутъ ужъ вечеръ подошелъ и къ заутренѣ ударили, а мы идемъ въ церковь и всѣ дружили: праздникъ намъ не въ праздникъ.“

Какъ заглали: „Слава въ вышнихъ Богу“,—и я тоже на клиросѣ пѣла,—вдругъ матушка въ двери. Остановились мы, роту рты и смотримъ на нее, а она погрозила намъ чтобы мы какъ должно стояли, а сама пошла на свое мѣстечко. Ужъ какъ-такъ мы заутреню долѣли, и лишь кончили, бросились къ матушкѣ, словно съ ума отъ радости сошли. Другъ дружкѣ толкаемъ: которую она не успѣла поцѣловать, та кричитъ: „а

меня-то, матушка!“ кто ручки ея ловить; а кто на полъ лрѣ падеть и ножки обнимаетъ. А она, родная наша, смѣется, у самой слезы такъ и текутъ. „Вы меня, говорить, на част разорвете: услокойтесь, гаулыя, вѣдь ужъ я теперь отъ вас не уѣду.“

XXVI.

Читатель не составилъ бы себѣ полнаго понятія о жизни Бородинскихъ отшельницъ еслибы мы не сказали нѣсколько словъ о расприхъ возникавшихъ иногда между игуменьею и сестрами. Эти распри были неизбѣжны при вспыльчивости Марьи Михайловны и разнообразіи окружавшихъ ее лицъ, но онѣ носили свой особенный, чисто семейный характеръ, не оставляли ни въ комъ задней мысли или затаенной злобы, и монахины говорятъ до сихъ поръ о нихъ съ чувствомъ которое овладѣваетъ нами при воспоминаніи о погибшихъ дняхъ дорогаго прошлаго.

Не надо забыть что между сестрами были женщины совершенно не развитыя, и въ минуту раздраженія онѣ не отличались отборными выраженіями. Вспыхнетъ, бывало, Марья Михайловна отъ дерзкаго слова и возвыситъ въ свою очередь голосъ. Но дерзкое слово повторится, и выведенная наконецъ изъ терпѣнья она схватитъ за плечи виновную и толкнетъ ее вонъ изъ дверей. Потомъ она примется ходить взадъ и впередъ ло кельѣ, закинувши руки за сливу, что означало въ ней сильное волненіе. Но скоро гѣвъ ея остывалъ, и она приказывала позвать провинившуюся сестру.

„Ты мнѣ нагрубилa, говорила она ей, развѣ не грѣшно грубить матери? А не мать я вамъ, такъ лучше мнѣ отъ васъ уѣхать: я не хочу жить между чужихъ.“

Такихъ словъ монахины не могли слышать безъ слезъ, а слезъ Марья Михайловна не могла видѣть хладнокровно.

„И себѣ горя надѣлаа, гаулая, и меня въ грѣхъ ввела, начинала она опять обнимая ее; да поаю: не плачь... Развѣ мнѣ легко когда вы плачете?... Поаю же: ты виновата, да и я не права предъ тобою.“

И за семейною ссорой слѣдовала семейная мировая.

Марья Михайловна дожидалась всегда съ нетерпѣніемъ весны. Въ одно апрѣльское утро она увидала съ радостнымъ чувствомъ что снѣгъ растаявшій почти совершенно отъ воч-

ею ждала сошесть окончательно подъ лучами теплаго солнца, и послаа свою келейницу сказать монахинямъ чтобъ онѣ рѣшились немедленно монастырскій дворъ. Черезъ нѣсколько минутъ она заглянула въ окно: никого не было на дворѣ.

— Что жь онѣ не идутъ, Серафима? спросила она.

— Я имъ сказывала, матушка: говорятъ что сейчасъ придутъ.

— Поди олять.

Прошло еще полчаса: игуменья начинала терять всякое терпѣе. Келейница побѣжала олять собирать монахинь и возвратилась съ отвѣтомъ что онѣ придутъ когда уберутся, а теперь имъ недосугъ.

— А! имъ недосугъ! воскликнула Марья Михайловна,—видво одна сижу руки сложа! Такъ я же сама вымету дворъ.

Она быстро вышла изъ своей келейки, схватила метлу и бѣжала за работу со всею неловкостью новичка. Между тѣмъ келейница бросилась къ монахинямъ и объявила имъ что „матушка дворъ мететь“.

Сестры пришли въ ужасъ и сбѣжались со всѣхъ сторонъ.

— Помилуйте, матушка, говорили онѣ,—что жь это вы сами?... Мы виноваты, матушка, простите насъ, ради Бога.

Она не отвѣчала, и метла двигалась быстро, но довольно безплодно подъ ея руками.

— Матушка, продолжали монахини плачевными голосами,—глядъ это вы насъ срамите... ужь вы лучше чѣмъ другимъ изъясните насъ наказать за вашу глупость.

— Такъ-то вы меня любите, заговорила вдругъ Марья Михайловна,—такъ-то вы меня бережете на старости лѣтъ?... Помните, Богъ съ вами... вы мнѣ не нужны.

И она продолжала махать вправо и влѣво метлою зацѣпляя то то за кустъ то за дерево, но черезъ нѣсколько минутъ останавливалась, и бросила ее на дорожку.

Случалось, хотя весьма рѣдко, что она наказывала монахинь: чинныхъ ставила на локлоны, другимъ придумывала наказанія сообразныя съ виною и обстоятельствами. Разъ одна изъ сестеръ ушла въ лѣсъ за орѣхами не спросивши ея позволенія и отвѣчала дерзко когда игуменья лобранила ее.

— А! ты выдумала еще грубить! воскликнула Марья Михайловна:—такъ знай же что въ продолженіе всего лѣта ты въ лѣсъ не пойдешь.

На этотъ разъ она выдержала роль начальницы. Но когда сестры уходили толпою за орѣхами или ягодами она говорила своей келейницѣ:

— Такъ мнѣ жаль бѣдную Дороею! только простить ее и могу: она мнѣ при всѣхъ нагрудила. Какой же примѣръ дѣлать? А ты возьми чаю и сахару и отнеси ей, будто отъ себя. Сохрани тебя Богъ сказать что я ей послала.

Но Марья Михайловна знала что всѣ эти женщины, не и ключая и тѣхъ которыя забывались иногда предъ нею, гордо ее любятъ и усердно молятся за нее, и тепло было у всѣхъ сердецъ.

XXVII.

Она уже давно, по слабости здоровья, должна была отъзаться отъ общей трапезы; однако, по праздничнымъ днямъ обѣдала съ сестрами, къ великой ихъ радости. Въ трапезу залѣ, гдѣ она садилась хозяйкою дома и матерью семейства можно видѣть и теперь написанный масляными красками по третью покойной игуменьи. Наморщенная ея черты поражаютъ необыкновенною худобой; развивающаяся водяная, которая свела ее въ могилу, придавала глазамъ стеклянный отъбывающій цвѣтъ лица безжизненный. Одна рука держитъ посохъ, другой виспадаютъ четки. На той же стѣнѣ поясной по третью Александра Алексѣевича, который напоминаетъ своимъ красотою героевъ романовъ его времени. Шинель наброшена на мудрый сюртукъ, Георгіевскій крестъ блеститъ въ лицѣ, золотистые волосы отъбываютъ открытый лобъ, задучиво склонилась на руку голова, и грустная дума свѣтитъ въ карихъ глазахъ.

У входа трапезы написаны крупными буквами по прѣдѣлу Маріи Михайловны два стиха изъ Апостола. Въ ихъ вѣборѣ рѣзко высказывается ея характеръ:

„Души ваши очистивши въ послушаніи истины духомъ, братолобіи велицею, отъ чиста сердца другъ друга любите прилежно.“

„И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое еже жеци е, любви же не имамъ, никакая польза ми естъ.“

Зимнія кельи Марьи Михайловны состояли изъ трехъ комнатъ выходящихъ въ корридоръ: столовая, маленькая спальня и небольшая гостиная или *красная комната*, такъ называемая потому что около стѣнъ стояли диваны обтянутые красною шерстяною матеріей *. Сюда собирались поочередно по-

* Эту комнату думаютъ превратить въ библіотеку.

вечернихъ правилъ около двадцати монахинь: бoльшaго числа поcтѣителей красная комната вмѣстить не могла. Старшимъ уступали диваны и кресла, а для младшихъ былъ разостланъ на полу коверъ, и онѣ оспаривали другъ у дружкн право сидѣть „около матушкиныхъ ногъ“. Иногда одна изъ сестеръ читала вслухъ книгу духовнаго содержанія, и чтеніе было часто прерываемо замѣчаніями или вопросами, на которые возражала игуменья. Но когда поcтѣтельницамъ казались мало расположены къ духовнымъ преніямъ, завязывался разговоръ, иногда веселый, иногда болѣе или менѣе серьезный. Марія Михайловна любила эти бесѣды, которыя сблизжали сестеръ и другъ съ другомъ и съ ней, и гдѣ каждая говорила не стѣваясь все что ей приходило на умъ. Одна разказывала сонъ приснившійся ей, другая содержаніе письма полученнаго изъ дома. Всѣ работали болтая; игуменья вязала шелковый шнурочекъ предназначенный для образковъ которыми одѣлала бородинскихъ поcтѣителей. Она увлекалась иногда собственными воспоминаніями и разказывала какое-нибудь событіе изъ своей жизни. Тогда водворялась въ комнату ненарушимая тишина, замедлялись въ рукахъ спицы и иглы, работницы опускали, наконецъ, на колѣни шитье и вязанье и слушали съ возрастающимъ вниманіемъ.

Вдругъ показывалось въ дверяхъ доброе, смугловатое лицо монахини, которой было поручено хозяйство поcтѣ кончины мадамъ Бувье. Всѣ звали ее въ монастырь: „Мама одесская“. Она приносила моченыхъ яблоковъ или пряниковъ, или наконецъ, за неимѣніемъ другаго угощенія, варѣзанные ломти бѣлаго хлѣба. И при этомъ незатѣливымъ угощеніи скоро проходили долгіе зимніе вечера въ маленькой келіи скромно освѣщенной двумя стearиновыми свѣчами, и много сладкихъ впечатлѣній оставили въ памяти сестеръ эти семейныя бесѣды.

XXVIII.

Протекло четвертъ вѣка съ тѣхъ поръ какъ Марія Михайловна поселилась на Бородинскомъ полѣ. Время и жизнь не пощадили ея. Она сильно сгорбилась, лосохъ сталъ необходимою для нея опорой, и медленная походка изобличала усталость и страданіе. Лишь въ минуты душевнаго волненія, въ ослабѣвшемъ голосѣ звучали прежнія струны, потухшій взоръ заго-

рамя огнемъ, и порывистыя движенія обнаруживали горячія чувства не вымиравшія въ ея сердцѣ. Ей минуло семьдесятъ два года, и въ ея груди развивалась водяная.

Но Марія Михайловна боролась до послѣдней минуты противъ старости и недуга; она продолжала вести дѣятельную переписку, занималась неусыпно монастырскими дѣлами и оказывала ту же заботливость своимъ духовнымъ дочерямъ. Разъ, — это было въ холодный зимній вечеръ, — ей доложили что одна изъ монахинь очень занемогла и пришла въ такой испугъ что попросила немедленно священника. Марія Михайловна сильно страдала сама, но объявила однако что пойдетъ къ больной. Сестры упрашивали ее побережь себя и не выходить изъ теплой кельи, прибавляя что на дворѣ подымается метель.

— Или вы совсѣмъ съ ума сошли! отвѣчала игуменья; — бѣдная Поликсена можетъ-быть въ опасности, а я не утѣшу ее ласковымъ словомъ и не помолюсь съ нею, потому что на дворѣ метель!

Она подвигалась черезъ силу съ креселъ, потребовала теплой одежды, и ее повели подъ руки черезъ монастырскій дворъ, освѣщая по возможности дорогу фонаремъ. Ея появленіе сильно обрадовало больную, которая привстала на постели и цѣловала ея руки. Марія Михайловна благословила ее, ободрила своею кроткою рѣчью, дождалась священника, который пришелъ съ Дарами, читала молитвы во время приобщенія Святыхъ Таинъ, и ушла къ себѣ лишь когда убѣдилась что Поликсена совершенно успокоилась.

Къ прежнимъ ея заботамъ прибавилась новая: братія умножилась до двухсотъ человекъ и церкви были слишкомъ тѣсны чтобы вмѣстить столько молящихся во время службы. Необходимо было соорудить новый храмъ: онъ былъ заложенъ въ 1851 году и посвященъ Владимірской Божіей Матери, какъ новый памятникъ Бородинской битвы. * Объ этомъ храмѣ игуменья давно уже мечтала. Въ продолженіе зимы она занималась приготовленіемъ матеріаловъ для постройки, сводила счеты, прикидывала смѣты, толковала съ подрядчиками, и хлопотала несмотря на постепенный упадокъ силъ. Она какъ бы желала чтобы не пропалъ единый

* Владимірскую празднуютъ 26го августа.

день изъ немногихъ которые ей суждено было провести еще на землѣ.

Опасность своего положенія игуменья сознавала вполнѣ и приняла всѣ мѣры чтобы смерть не застала ее врасплохъ. Она сожгла письма родныхъ и друзей и поручила одной изъ своихъ келейницъ, къ которой имѣла большое довѣріе, принести ей завѣтный портфель съ письмами Александра Алексѣевича и стихотвореніями посвященными Маргаритѣ Михайловнѣ Нарышкиной. Сжалось ли сердце въ старческой груди при видѣ этихъ листковъ которые говорили ей о давно погибшей молодости, о счастьи, о любви? Дрогнула ли наморщенная рука бросая ихъ въ огонь? Объ этомъ никто не знаетъ.

Ей хотѣлось также поклониться въ послѣдній разъ мощамъ преподобнаго Сергія, къ которому питала особенное чувство уваженія и вѣры. Но подходилъ уже мартъ, тающій снѣгъ испортилъ совершенно дорогу и всѣ увѣряли что доѣхать до Лавры нѣтъ никакой возможности. Пришлось Марьѣ Михайловнѣ отложить свою поѣздку до лѣтняго пути. Она уступила лишь скрѣпя сердце необходимости: каждый день былъ ей дорогъ. Но въ одно утро она проснулась и приказала своей келейницѣ приготовить все къ отъезду. Ей приснилось въ эту ночь что она молится въ Троицкомъ соборѣ предъ иконами Сергія, и Радонежскій старецъ вдругъ приподнялся простеръ къ ней благословляющую руку.

Она разказала свой сонъ и прибавила:

— Какъ ни плоха дорога, я увѣрена теперь что доѣду до Лавры.

И дѣйствительно она доѣхала до Лавры и сотворила свою обычную молитву предъ ракой ея основателя.

— Не бывать уже мнѣ у Троицы, говорила она своимъ таиннымъ знакомымъ:—я пріѣхала проститься съ ней.

На возвратномъ пути она остановилась въ Москвѣ и пригласила къ себѣ медика, съ которымъ была давно въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Онъ счелъ долгомъ ей сказать что необходимо принять противъ ея болѣзни самыя энергическія мѣры и умолялъ не ѣздить далѣе, а предпринять послѣдовательное лѣченіе. Его совѣтъ она скрыла однаково отъ родныхъ и отъ Бородицкой братіи, но послѣдовала бы ему молъ-быть еслибы не получила письма которое заставило ее корить свое возвращеніе въ обитель: ей писали что одна изъ сестеръ безнадёжно больна, и Марья Михайловна пустилась немедленно въ путь.

XXIX.

Это путешествіе сокрушило окончательно ея силы. Болю, которую торопилась обрадовать своимъ прїездомъ, она не застала уже въ живыхъ, и начиналось отпѣваніе въ ту минуту когда двѣ келейницы ввели подъ руки въ церковь убогую долгимъ путемъ игуменью.

— Какъ взглянули мы на нее, разказываютъ монахини, — намъ показалось что не матушка, а смерть ея вошла во храмъ. Передвигала она ноги, лицо олухло, ни кровинки въ немъ было. Мы всѣ залакали, а она подумала что мы плачемъ покойницѣ.

Съ этой минуты болѣзнь пошла быстрымъ ходомъ, и каждымъ днемъ усиливалось безпокойство сестеръ. По повелѣнію Можайскаго медика былъ выписанъ изъ Москвы врачъ, съ которымъ прїѣхали также въ монастырь нѣсколько членовъ семейства Нарышкиныхъ. Игуменья осталась коварна вѣрна своему характеру; она скрывала по возможности свои страданія отъ родныхъ и отъ братіи, и старалась усложнить всѣхъ. Монахини толпились около нея постоянно докторъ просилъ чтобъ удалили ненужныя лица. Силъ олечалились этимъ бѣдныя сестры: каждой хотѣлось взглянуть хоть изрѣдка на „матушку“. Но больная угадывала горе и придумала чѣмъ ихъ утѣшить. Она переходила обыкновенно съ утра изъ своей спальни въ Красную Комнату садилась около запертой стеклянной двери ведущей въ „шательную“, гдѣ сестры ожидали толпой ея появленія. Они слѣдили изъ-за двери за ея дремотою и за каждымъ ея движеніемъ, съ болѣе или менѣе грустными лицами, смотря перемѣнѣ какую замѣчали въ ней. Съ утра до ночи „шательная“ не пустѣла.

Къ исходу поста Марья Михайловна впала въ такое ижеженіе что не могла уже выходить изъ спальни, и келейницы читали ей поочередно молитвы и Евангеліе. Однако Свѣтлое Воскресенье она вошла въ церковь съ помощью двухъ монахинь и прїобщилась. Всѣхъ сестеръ она была въ силахъ принимать въ своей кельи, но потребовала къ старшихъ и христосовалась съ ними. Зная какъ грубо прочимъ встрѣтитъ безъ нея праздникъ и садиться какъ

ротышимъ дѣтямъ къ столу у котораго опустѣло мѣсто принадлежавшее главѣ семейства, она послала по красному лицу каждой изъ нихъ и велѣла имъ сказать что просить ихъ не умѣвать и что присутствуетъ мысленно при ихъ трапезѣ.

Однако внезапная перемѣна къ лучшему неожиданно обрадовала всѣхъ. Марья Михайловна какъ будто ожила съ появленіемъ апрѣльского солнца и все ожило около нея. Службы встолько возвратились что она принялась олять за заплатами, и сестры стали приходить попрежнему въ ея келью, кто за приказаніемъ, кто за совѣтомъ, кто за утѣшительнымъ словомъ. Но прошло недѣли двѣ, и болѣзнь обнаружилла также внезапно самый безнадежный характеръ. Игуменья поняла это первая и пожелала принять соборованье. Между тѣмъ какъ приготавливали все къ совершенію обряда она сама сказала услуганной братіи что „просить соборованья не потому что чувствуетъ себя въ опасности, а чтобы Господь исцѣлилъ ее ради ихъ“. На другой день она приобщилась Святыхъ Даровъ и промолвила по окончаніи благодарственныхъ молитвъ:

— Теперь, я влодѣ принадлежитъ Богу.

Но ее связывали еще съ землею святыхъ узъ любви которой она согрѣвала весь окружающій ее міръ, и скоро повѣстали сестрамъ что „матушка“ желаетъ съ ними проститься.

Она сидѣла между двухъ оконъ своей маленькой спальней, въ креслахъ мужа, когда монахини стали входить къ ней по двѣ за разъ. Однѣ тихо плакали, другія превозмогали себя, и лишь только мертвенная блѣдность высказывала тайну ихъ горя. Онѣ становились молча предъ ней на колѣни, и она благославляла ихъ и говорила каждой душевное слово на прощаніе. Внутреннее волненіе поддерживало ея нравственныя и физическія силы. Но когда послѣднія монахини, принявъ ея благословеніе, перешагнули черезъ порогъ комнаты, Марья Михайловна опустила на колѣни утомленную руку, проводила глазами удалявшихся сестеръ и заплакала.

XXX.

Съ этого дня все приняло въ обители безотрадный, могильный характеръ: ощущалось вездѣ приближеніе смерти. Работы были оставлены и мастерскія лусты. Сестры толпились

въ корридорѣ ожидая чтобы вышла изъ спальни келейница и сообщила имъ извѣстiе о „матушкѣ“. Иныя налагали на себя обѣты, а въ церкви слѣдовали одинъ за другимъ задравныя молебны „о болящей Маріи“.

А Марья Михайловна сидѣла день и ночь въ своихъ вольтеровскихъ креслахъ; иногда она дремала и находилась, по большей части, въ полусознательномъ состоянiи. Но какъ скоро приходила она въ себя, то освѣдомлялась о братiи и просила чтобы Антонiя, келейница, которую горячо любила, читала ей вслухъ Евангелiе. *

Разъ показалось игуменьѣ что заспорили двѣ монахини говорившія шелотомъ въ углу ея комнаты:

— Помиритесь, поцѣлуйтесь, сказала она имъ.

— Матушка, мы не ссорились, отвѣчали онѣ.

— Для меня.... для меня.... повторяла умоляющимъ голосомъ умирающая.

Онѣ поняли что она не ясно сознаетъ что происходитъ около нея и поцѣловались чтобы ее успокоить.

— Спасибо, спасибо, молвила она,—любите другъ друга: живите въ мирѣ.

За два дня до своей кончины она благословила образами бывшихъ при ней родственниковъ и поручила имъ передать отсутствующимъ членамъ семейства предсмертное свое прощанiе. Потомъ она выслала всѣхъ изъ своей комнаты за исключенiемъ монахини которую особенно любила.

— Исполни мою послѣднюю просьбу, сказала она ей;—когда меня не станетъ похлопочи о бѣдномъ чинovníкѣ что проситъ о своихъ дѣтяхъ.... ихъ надо пристроить. Да еще крестьянинъ хотѣлъ купить рекрутскую квитанцію для сына.... ему могутъ помочь въ Москвѣ. **

Насталъ роковой день. Поутру она пріобщилась, выпила чаю, потомъ заснула. Спокойное ея лицо и спокойный сонъ

* Антонiя теперь игуменья въ Алексѣевскомъ монастырѣ.

** Монахиня къ которой она обратилась съ этою просьбой была въ такомъ горѣ послѣ ея кончины что замогла сильными мержими припадками. Во время болячки ее постоянно мучила мысль что послѣднего желанья „матушки“ она не успѣла еще исполнить. Оправившись немного она пріѣхала въ Москву и обратилась ко всѣмъ которымъ могли ей помочь: бѣдное семейство было пристроено и квитанція куплена.

обманули всѣхъ. Маша Одесская поторопилась сообщить добрую вѣсть монахинямъ стоявшимъ въ корридорѣ.

— Слыва Богу, говорила она, — матушкѣ кажется легче: она выкумала чайку и почиваетъ. Шли бы вы обѣдать.

Въ продолженіе двухъ послѣднихъ дней никто почти не спалъ и не ѣлъ въ обители, и обрадованныя сестры пошамъ въ трапезу гдѣ ихъ ожидалъ обѣдъ.

Прошло три часа на монастырской колокольнѣ когда докторъ пошелъ къ Марьѣ Михайловнѣ, которая все еще спала опустивъ голову на грудь. Поцупавъ у нея пульсъ, онъ сѣлъ въ уголокъ около ея сестры, княгини Голицыной, которой шепнулъ что-то на ухо. Княгиня побѣднѣла, но не отозвалась. Двѣ келѣйницы стояли у двери и не слускали глазъ съ „матушки“. Не слышать было въ комнатѣ ни говора, ни шороха. Одни боялись прервать благотворный сонъ, другія боялись нарушить святыню смерти. Прошло около получаса: медикъ всталъ, подошелъ къ игуменьѣ, поцупалъ опять пульсъ, провелъ рукою по холодѣвшему лицу и промовилъ вполголоса:

— Скончалась.

Княгиня Голицына бросилась, вся въ слезахъ, на шею Антонию, которая оттолкнула ее, подбѣжала къ умершей, схватила ее за плечи и закричала:

— Матушка! матушка! что съ вами?...

Но въ комнатѣ поднялась суматоха: докторъ отворилъ дверь звалъ громко сестеръ.... Кто-то взялъ за руку Антонию и повелъ ее въ корридоръ. *

XXXII.

Между тѣмъ монахини вышли съ повеселѣвшими лицами съ трапезы. Однѣ послѣшили взглянуть на покинутыя рамы, другія устались около самоваровъ или остановились небольшими группами на дворѣ и повѣряли другъ дружкѣ свои вѣжды: „можетъ и въ самомъ дѣлѣ Господь услышалъ ихъ шашны молитвы и матушка поправится“.

Вдругъ зазвучалъ протяжно колоколъ, и всѣ вздрогнули мало ужаленныя. Двѣнадцать заунывныхъ ударовъ раздалось воздуху, и имъ въ отвѣтъ слышались рыданія со всѣхъ сторонъ обители.

* Марья Михайловна скончалась 29го апрѣля 1852 года.

XXXII.

Шесть сутокъ простояло тѣло Маріи въ Филаретовско церкви. На монастырскомъ дворѣ толпились крестьяне прішедшіе изъ ближнихъ и отдаленныхъ селъ поклониться праху. Священники не успѣвали отправлять панихидъ, и на дворѣ происходила свѣчная продажа сыпались мѣдные деньги; каждый хотѣлъ поставить свѣчу предъ иконою за упокой „с душиньки“. Въ Спаскомъ храмѣ были разобраны плиты надъ гробомъ Николая Тучкова, и около него вымѣрено мѣсто для другаго еще гроба.

Сестрамъ хотѣлось послужить въ послѣдній разъ „матушкѣ“ и уложить ее въ могилу подъ звуки стройнаго хора. При гробальную обѣдню оны пропѣли на славу, но когда отпѣваніе началось, задрожали голоса и повторились тѣ скорбныя звуки которыя случается видѣть на похоронахъ матери семейства. Со многими монахинями сдѣлалась дурнота, ихъ везли изъ церкви; вмѣсто клираго пѣнья раздался у гроба громкій плачь, и священники одни довершили отпѣванье.

Т. ТОЛЫЧОВА.

ПРАВЫ И ЛИТЕРАТУРА ВО ФРАНЦІИ *

Emile Zola: *La conquête de Plassans*. Paris, 1874.

VII.

Въ послѣднее время друзья Мурè, говоря о немъ, выражались что онъ „пошатнулся“. Дѣйствительно, волосы его посѣдѣли въ нѣсколько мѣсяцевъ, у него тряслись ноги, онъ не смотрѣлъ уже страшнымъ насмѣшникомъ котораго боится весь городъ. Поговаривали что онъ пустился въ опасныя спекуляціи и находился подъ гнетомъ большой денежной потери. За то аббатъ Фожа становился рѣшительно великолѣпнѣе, въ своей блестящей рясѣ, вѣчно въ черныхъ перчаткахъ. Оубы его сжимались въ тонкую ироническую усмѣшку когда господскія дамы замѣчали ему какъ онъ поправился: онъ понималъ что онѣ любили его хорошо одѣтаго, тогда какъ самъ въ мечталъ пребывать въ жизни голыми кулаками. Однажды, какъ только онъ переставалъ заботиться о своей нарядности, малѣйшаго замѣчанія старой Фелиситè было достаточно чтобы заставить его купить себѣ новые шелковые рукава, новую шляпу или поясъ: платье быстро извѣшивалось а его крѣпкомъ тѣлѣ.

Со времени устройства пріюта Св. Дѣвы, всѣ женщины были на его сторожѣ. Онѣ находили его иногда сапшкомъ грубымъ, но эта грубость нисколько не отталкивала ихъ.

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* 1873 №№ 11 и 12 и 1874 № 8.

— Онъ меня разбранилъ вчера, говорила однажды Ми Кондамень Мартѣ;—кажется, онъ готовъ былъ любить меня. Право, онъ не всегда удобенъ!

И она тихонько засмѣялась, наслаждаясь этой ссорой со своимъ духовникомъ. Надо сказать что Ми Кондамень замѣчала блѣдность Марты когда передавала ей нѣкоторыя подробности о манерѣ аббата исповѣдывать, и съ злораднымъ удовольствіемъ возвращалась къ этимъ подробностямъ.

Одни только Труши тревожили аббата; гуляя въ саду, часъ съ безпокойствомъ подымалъ онъ взглядъ къ окну ихъ комнаты, въ которомъ во всякое время свѣтились глаза Олимпіи. Труши держались тамъ въ засадѣ, за красными завѣсами, свѣдаемые бѣшеннымъ желаніемъ сойти въ свою очередь въ садъ, кушать тамъ фрукты и разговаривать съ хорошимъ обществомъ. Гнѣвный взглядъ аббата отгонялъ ихъ отъ окна но черезъ минуту они опять приближались къ нему своимъ волчьимъ шагомъ, подсматривая каждое движеніе священника и терзаясь при видѣ какъ онъ пользуется этимъ запрещеннымъ для нихъ раемъ.

— Это наконецъ глупо! сказала однажды Олимпія своему мужу;—онъ залеръ бы насъ въ шкалъ, еслибъ могъ, чтобы одному пользоваться всеми удовольствіями. Сойдемъ, если хочешь, и посмотримъ что онъ скажетъ.

Фожа, разговаривавшій въ саду съ г. Маффромъ, былъ ошеломленъ, завидя Олимпію съ мужемъ позади себя.

— Прекрасная погода, не правда ли, господа? проговорила Олимпія, слегка поблѣднѣвъ подъ взглядомъ брата.

Аббатъ, взбѣшенный, послѣдовалъ отдѣляться отъ Маффра.

— Вы забываете ваши условія: вы обѣщали оставаться со мной! проговорилъ онъ задыхающимся отъ ярости голосомъ подходя къ своимъ родичамъ, которые успѣли уже разсѣсться на принесенныхъ Розою стульяхъ.

— Присядь, сказала Олимпія.—Ты хочешь объясненія, правда ли? Изволь. Намъ надо было быть взаперти. Ты здѣсь катаешься какъ сыръ въ маслѣ: домъ и садъ принадлежатъ тебѣ. Тѣмъ лучше, намъ очень пріятно видѣть что твои дела идутъ хорошо; но не надо же и съ нами обращаться какъ со сволочью. Ты насъ стыдишься, ты запраешь насъ какъ зачумленныхъ. Пойми что это не можетъ такъ продолжаться.

— Я здѣсь не хозяинъ, отвѣтилъ Фожа.— Обратитесь!

Мурѣ, если хотите пользоваться его собственностью.

Труши переглавулись съ улыбкой.

— Мы не допытываемъ тебя о твоихъ дѣлахъ, продолжала Олимпія;—мы знаемъ что знаемъ, и съ насъ довольно. Но все это доказываетъ что у тебя дурное сердце. Еслибъ мы были на твоихъ мѣстѣ, неужели мы не пригласили бы тебя воспользоваться своей частью?

— Но чего же вы отъ меня хотите? спросилъ аббатъ.—Не воображаете ли что я тутъ кулаюсь въ золотѣ? Моя комната меблирована хуже вашей; не могу же я отдать вамъ этотъ домъ, который не принадлежитъ мнѣ.

Олимпія пожала плечами.

— Каждый понимаетъ жизнь по-своему, сказала она. — У тебя будетъ миллионъ и ты не доставишь себѣ ни малѣйшаго удобства; ты просадишь деньги на какое-нибудь большое глупое дѣло. А мы любимъ чтобы намъ было хорошо у себя дома.

— Вы напрасно держите насъ въ кѣткѣ, какъ цѣльныхъ собакъ, которыхъ спускаютъ только въ минуту опасности, вѣстала Трушь.—Намъ скучно, мы кончимъ тѣмъ что надѣлимъ глупостей. Ужь если этотъ домъ не вашъ и вы не желаете насладиться всѣми его прелестями, то что вамъ до того если мы расположимся здѣсь по своему вкусу? Не пролотимъ же мы стѣны!

— Разумѣется, настаивала Олимпія;—этакъ взбѣсишься, гнѣво подъ замкомъ. Мы будемъ хороши къ тебѣ; ты знаешь, мужъ ждетъ только чтобы ты подалъ знакъ.... Иди своей дорогой и разчитывай на насъ; но мы хотимъ своей доли. Такъ такъ, не правда ли?

Аббатъ сидѣлъ молча, опустивъ голову. Наконецъ онъ всталъ.

— Слушайте, проговорилъ онъ, не отвѣчая прямо на вопросъ,—если вы однажды сдѣлаетесь мнѣ помѣхой, клянусь вамъ что я отошлю васъ издыхать на солому.

Съ этихъ поръ Труши стали почти каждый день выходить въ садъ, избѣгая однакоже быть тамъ въ тѣ часы когда аббатъ разговаривалъ съ обществомъ обоихъ сосѣднихъ садовъ. Олимпія при этомъ такъ сильно жаловалась на неудобства своей комнаты что Марта предложила имъ занять освободившуюся послѣ Сержа. Труши сдѣлали ее своей спальней, а въ прежней устроили нѣчто въ родѣ гостиной; Роза нашла для нея въ кладовой старую бархатную мебель. Восхищенная Олимпія тотчасъ заказала себѣ розовый леньюаръ у лучшей паванской модистки.

Мурè, зайдя разъ въ комнату Сержа, чтобы поискать там ножикъ забытый его сыномъ, очень изумился, найдя там родичей аббата. Трусь какъ разъ этимъ самымъ ножомъ въ стругивалъ трость изъ грушеваго сука, срѣзаннаго въ хозяйскомъ саду. Мурè отступилъ, извиваясь.

Марта, между тѣмъ, успѣла наконецъ побѣдить упорство Фожа, отказывавшагося сдѣлаться ея духовникомъ. Съ этихъ поръ она жила въ церкви Св. Сатурнина. Она предалась исполненію своихъ религиозныхъ обязанностей съ такою ревностью что Фожа часто долженъ былъ бранить ее за излишніи пылы. Ей долго пришлось просить его прежде чѣмъ онъ позволилъ ей присутствовать каждый день при служеніи. Разъ когда она сообщила ему что пролежала цѣлый день на холодномъ полу, чтобы искулить какой-то простулокъ, онъ вышелъ изъ себя и объявилъ ей что духовникъ одинъ имѣетъ право налагать искущительныя наказанія. Онъ вообще обращался съ ней сурово, грозилъ отослать ее къ аббату Буррету, если она не покорится. Она была счастлива подъ этими ударами желѣзная рука, гнувшая ее и державшая на краю обожанія въ которомъ ей хотѣлось уничтожиться, подстрекала ея чувствую. Она испытывала то самое блаженство къ которому смутно стремилась въ молодости, и которое нашла въ сорокъ лѣтъ.

Дома она сдѣлалась раздражительна; съ тѣхъ поръ какъ мужъ ея сталъ часто оставаться въ комнатахъ, молчалъ, худѣлъ и желѣлъ, она начала выходить изъ терпѣнія.

— Онъ вѣчно лутается подъ ногами, говорила она кухаркѣ

— Это отъ злости, отвѣчала та.—Онъ вовсе не добрый человекъ, я не сегодня только замѣтила это. Вы думаете что эта надутая мина которую онъ дѣлаетъ, тогда какъ въ сущности очень любить болтать,—не комедія, чтобы насъ разжалобить? Ему смерть хочется повздорить, но онъ удерживается чтобы намъ стало жаль его, и такимъ образомъ уступали бы ему во всемъ.

Мурè отмщалъ имъ тѣмъ что не давалъ имъ денегъ. У него было положено сто франковъ въ мѣсяцъ на столъ, и если этой суммы не хватало, Роза должна была хоть своими долачивать. Женѣ онъ не давалъ ни копѣйки, такъ что ей приходилось вступать въ заговоръ съ Розой чтобы сберечь десятки франковъ изъ суммы выдаваемой для кухни. Она часто должна

была занимать деньги у матери, чтобы залатить за платье или за шляпку.

— Но онъ съ ума сходить, этотъ Мурè! восклицала госпожа Рутонъ,—не можешь же ты голою ходить.

— Я долго защищала его, но сегодня я не могу больше молчать... говорила Марта. — Вы помните какъ онъ не хотѣлъ чтобы моя нога была на улицѣ. Онъ запираалъ меня, обращался со мною какъ съ вещью. Теперь онъ злится за то что я ускользаю изъ его рукъ; это человѣкъ безъ религіи, эгоистъ, испорченное сердце.

— Но не бьетъ онъ тебя, по крайней мѣрѣ?

— Нѣтъ еще, но и это будетъ. Онъ во всемъ мнѣ отказываетъ. Вотъ уже пять лѣтъ какъ я не покупала себѣ бѣлья. Вчера я ему показала штопанья рубашки; онъ посмотрѣлъ и сказалъ что онѣ могутъ служить до будущаго года. На дняхъ я должна была занять у Розы двѣ колѣнки на нитки.

Фелиситè подстрекала дочь возстать противъ мужа. Онъ былъ чудовище. Онъ простираалъ скупость до того что по словамъ Розы пересчитывалъ груши въ кладовой и куски сахара въ шкапу, и ѣлъ вчерашнія корки.

Но болѣе всего страдала Марта оттого что не могла ничего вносить въ кружку въ церкви Св. Сатурнина или жертвовать на украшеніе храма. Когда дамы-патронессы складывались на какое-нибудь приношеніе, она вся изнывала отъ стыда, принужденная избѣгать ихъ и дѣлать видъ что ей неизвѣстно ихъ намѣреніе. Роза, знавшая положеніе госпожи, ломала голову чтобы какъ-нибудь добыть денегъ. Ей удалось припрятать лучшіе плоды изъ сада и продать ихъ; потомъ сбывла разную рухлядь съ чердака, и этими способами собрала 300 франковъ, которые и вручила торжественно Мартѣ. Та тотчасъ употребила значительную часть ихъ на покупку серебряныхъ сосудовъ для святой воды, которые принесла въ даръ церкви Св. Сатурнина. Аббатъ принималъ даръ съ дружескимъ выговоромъ: онъ не любилъ приношеній; онъ говорилъ о золотѣ и серебрѣ съ презрѣніемъ сильной натуры, понимающей только потребности власти и господства.

Разъ служанка сообщила Мартѣ что Мме Трушъ желаетъ переговорить съ нею. Въ послѣднее время Олимпія по дѣльнымъ часамъ проводила въ кухнѣ, очень подружилась съ Розой и часто занимала у нея по мелочамъ, подъ предлогомъ что была наверху своей кошелекъ.

Марта застала ее въ слезахъ. Она получила письмо изъ Бевзасона, отъ лица которому они, вслѣдствіе плутовств своего торговаго компаньона, сильно задолжали, и который грозилъ написать къ меру и къ епископу, если ему не заплатятъ.

— Я все готова претерпѣть, заключила она, рыдая;—но я отдала бы голову чтобы только мой братъ не былъ компрометтированъ. Онъ и такъ уже много сдѣлалъ для насъ; онъ не богатъ, и только безъ пользы измучить себя, если узнаетъ. Боже мой! какъ помѣшать этому человѣку написать? Придется всѣмъ умереть со стыда, если подобное письмо придетъ къ меру или епископу. Да, онъ умретъ, я знаю моего брата.

Марта, также расплакавшись, предложила Олимпіи 100 франковъ, которые у нея оставались. Последняя увѣряла сначала что это ни къ чему не послужитъ, что это слишкомъ мало, но убѣдившись что у хозяйки ничего больше нѣтъ, согласилась принять эту сумму.

Съ тѣхъ поръ забота спасти аббата отъ грозившей ему бѣды овладѣла всѣмъ существомъ Марты. Свиданія ея съ Олимпіей сдѣлались чаще; последняя долго не рѣшалась сказать всей суммѣ долга, наконецъ открыла что за поручительствомъ аббата было векселей на 20 тысячъ франковъ, и что скандалъ будетъ страшный если эти векселя попадутъ въ руки палатскаго судебнаго пристава. Марта, услышавъ о такой суммѣ, окаменѣла отъ ужаса: у нея никогда не будетъ 20 тысячъ, пока живъ ея мужъ! Впрочемъ Олимпія тутъ же прибавила что можно разсрочить долгъ на 10 лѣтъ, если найдется кто-нибудь кто дастъ имъ средства уплачивать ежегодно определенную часть капитала. Разговоръ потомъ постоянно возвращался на эту тему, какъ только Олимпія оставалась одна съ Мартой. Последняя, приведенная въ отчаяніе, убѣдила Розу обить лотиховку всю бесполезную рухлядь какая была въ домѣ. Сначала обѣ онѣ дѣйствовали робко, ограничиваясь лодяною мебелью, которую продавали въ отсутствіе Мурѣ; потомъ принялись и за болѣе цѣнные предметы, за фарфоръ, за золотыя вещи, за все что могло исчезнуть не образуя слишкомъ замѣтной пустоты. Онѣ попали на роковую дорогу и остановились бы не раньше какъ очистивъ весь домъ, еслибы Мурѣ не поймалъ Розу и не пригрозилъ ей полиціей. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ очень бдителенъ, позалиралъ шкалы и взялъ къ себѣ ключи. Когда Роза выходила со двора, онъ подозрительно оглядывалъ ее и щупалъ ея карманы, если они

отшаривались. Онъ откупилъ на рынкѣ нѣкоторыя изъ самыхъ Розой вещей и поставилъ ихъ на мѣсто, тщательно претеревъ и перемывъ ихъ на глазахъ у жены, чтобы напоить ей о томъ что онъ называлъ „покражами Розы“. Онъ ставилъ кухарку каждый разъ подавать къ обѣду хрустальный графинъ который по ея словамъ былъ разбитъ и который онъ перекупилъ на рынкѣ, куда она обывла его за франкъ. Однажды, выведенная изъ терлвѣя, Роза уронила графинъ на полъ на его глазахъ.

— Теперь, сударь, онъ въ самомъ дѣлѣ разбитъ, не правда ли? засмѣялась она ему въ лицо. Онъ хотѣлъ прогнать ее.— Попробуйте! вскричала она.— Я двадцать пять лѣтъ вамъ служу; мадамъ уйдетъ со мною!

Марта, доведенная до крайности, подстрекаемая Розой и Олимпіей, наконецъ взбунтовалась. Ей нужно было непременно 500 франковъ. Цѣлую недѣлю уже Олимпія твердила ей что если она не доставитъ этихъ денегъ къ концу мѣсяца, одинъ изъ векселей будетъ опубликованъ въ лассанской газетѣ. Страхъ угрожавшаго аббату скандала заставилъ Марту рѣшиться на все. Мужъ, выслушавъ ея просьбу, долго не могъ притаить въ себя отъ изумленія, но наконецъ разразился цѣлымъ потокомъ словъ.

— Пятьсотъ франковъ! вскричалъ онъ,— это для твоего пола? Не думайте что вы будете до конца смѣяться надо мною. Пятьсотъ франковъ! отчего лучше не домъ? Правда, домъ и такъ уже его. Такъ онъ хочетъ денегъ? Онъ велѣлъ тебѣ спросить у меня денегъ? Подумать только что я у себя дома точно въ лѣсу! Станутъ наконецъ красть у меня платки изъ кармановъ. Бьюсь объ закладъ что еслибъ я лорылся въ его комнату, я нашелъ бы тамъ свое убогое добро въ его комодѣ. У меня недочетъ въ трехъ паряхъ нижняго бѣлья, семи паряхъ носковъ и четырехъ или пяти рубашкахъ; я все пересчиталъ вчера. Все исчезаетъ, все уходитъ... Нѣтъ ни копѣйки, ни колѣйки, слышишь ли!

— Я требую пятьсотъ франковъ, половина твоихъ денегъ принадлежитъ мнѣ, я пятнадцать лѣтъ провела за твоимъ прилавкомъ въ Марсели, какъ прикащикъ, спокойно повторилъ Марта.

Въ теченіе цѣлаго часа еще бужевалъ Мурѣ. Онъ не узнавалъ болѣе своей жены; она любила его пока священникъ не поселился у нихъ, она слушалась его, входила въ интересы

семейства. Голосъ его все слабѣлъ и слабѣлъ; наконецъ онъ упалъ въ кресло, разбитый и слабый какъ ребенокъ.

— Дай мнѣ ключъ отъ конторки?... проговорила Марта.

Мурѣ всталъ, напрягая послѣднія усилія.

— Ты хочешь все забрать, бросить дѣтей на солому, и оставить намъ куска хлѣба? Такъ бери же, зови Розу чтобы она подставила свой передникъ. На, вотъ ключъ!

И онъ бросилъ ей ключъ, который она спрятала подъ подушку. Эта ссора, первая сильная ссора съ мужемъ, заставила люблявѣть ея лицо. Она легла въ постель, Мурѣ остался на ночь въ креслѣ. Къ утру она слышала какъ онъ рыдалъ; она отдала бы ему ключъ еслибы онъ не выскочилъ какъ сумашедшій въ садъ, хотя на дворѣ стояла еще темень.

Съ тѣхъ поръ ключъ отъ денежнаго ящика висѣлъ на гвоздѣ, въ распоряженіи обоихъ супруговъ. Марта, не привыкшая видѣть большія суммы въ своихъ рукахъ, чувствовала нѣкоторый страхъ къ деньгамъ. Ей словно стыдно дѣлалось каждый разъ какъ она открывала ящикъ, гдѣ Мурѣ обыкновенно держалъ тысячу десятъ франковъ въ наличности, на случай закупки вина. Марта брала лишь столько сколько ей было нужно. Олимпія, съ своей стороны, уговаривала ее быть на первое время экономною, и даже нѣсколько дней ничего не говорила ей о безансовскихъ долгахъ.

Чувство которое уже владело всѣмъ существомъ Марты приняло роковой ходъ. Аббатъ Жожа самъ страшился его, страшился своей темной исповѣдальни въ соборѣ Св. Сатурнина... Мы не будемъ сѣдить за всѣми перипетіями этой драмы, развитой Эмилемъ Золя съ тѣмъ же безлощаднымъ анализомъ съ какимъ въ предыдущемъ романѣ онъ изобразилъ болѣзненные страсти Рене Саккаръ. При всемъ талантѣ автора, реализмъ этихъ изображеній производитъ слишкомъ тяжелое впечатлѣніе; притомъ все это, по счастью, слишкомъ далеко отъ нашихъ нравовъ. Мы остановимся только на тѣхъ чертахъ безъ которыхъ въ представленіи читателя характеры обоихъ дѣйствующихъ лицъ не получаютъ полноты какую имѣютъ въ романѣ.

Напряженная экзальтація въ которой постоянно находилась Марта подѣйствовала на ея здоровье: у нея открылся дурной кашель. Холодная и темная церковь Св. Сатурнина грозилла ей опасностью; аббатъ запретилъ ей ходить туда и согласился исповѣдывать ее черезъ субботу въ болѣе удоб-

ной капеллѣ пріюта Св. Дѣвы. Чтобъ устранить поводъ ко всякимъ толкамъ, онъ потребовалъ чтобъ его мать постоянно присутствовала Мартѣ и оставалась у дверей конфессіонала во все время исповѣди. Но злые языки въ городѣ не переставали толковать объ отношеніяхъ Марты къ аббату очень двусмысленно. Мше Палокъ, жена судьи, одна изъ самыхъ запасныхъ сплетницъ Плассана, рѣшилась удовлетворить своему любопытству, ворвавшись внезапно въ исповѣдальню. Но Мше Фожà грубо загородила ей дорогу. Аббатъ, заслышавъ шумъ, вышелъ изъ исповѣдальни; Мше Палокъ должна была притвориться что не знала о его присутствіи.

— Зачѣмъ вы не пустили ее, мать? обратилась аббатъ съ упрекомъ къ своей матери.

— Она переступила бы черезъ меня прежде чѣмъ войти, проворчала та.

— Но зачѣмъ же это?

— Зачѣмъ что... послушай, Овидій, не сердись; ты меня убиваешь, когда сердись. Ты мнѣ велѣлъ провожать нашу хозяйку сюда, такъ? Ну я думала что я нужна тебѣ, на случай любопытныхъ. Вотъ я здѣсь и сѣла. И будь увѣренъ что никто не просунулъ бы своего носа...

Аббатъ поналъ и схватилъ старуху за руки.

— Какъ, мать, и вы могли предположить?..

— Эхъ, я ничего не предполагаю, отвѣтила та.—Ты волеешь дѣлать все что тебѣ нравится, и все что ты дѣлаешь—хорошо; ты мое дитя. Я готова лойти красть для тебя, ясное дѣло.

Онъ не слушалъ ее. Онъ выпустилъ ея руки изъ своихъ и глядѣлъ на нее какъ бы потерявшись въ думахъ, отъ которыхъ его лицо казалось еще суровѣе и жестче.

— Нѣтъ, никогда, никогда! сказалъ онъ.—Вы заблуждаетесь, мать: дѣломудренныя люди одни только сильны.

Марта давно уже не занималась домогъ, а казалась совершенно чужою среди своей семьи. Бѣдная Дезире оставалась безъ всякаго призора и проводила дѣлые дни въ саду, занимаясь своими курами, цвѣтами и овощами, среди которыхъ всегда страшно пачкала и трепала свои платья. Марта приходила въ отчаяніе когда ея вниманіе случайно останавливалось на беспорядкѣ въ какомъ вѣчно находилась этотъ семнадцатилѣтній ребенокъ.

— Боже мой, какое бремя эта дѣвочка! говорила она съ усталымъ видомъ.

Мурè, слыша эти жалобы, произнесъ разъ съ гнѣвомъ:

— Если она тебя стѣсняетъ, можно вытолкать ее за дверь какъ двухъ другихъ.

— Я была бы гораздо спокойнѣе еслибъ ее не было здѣсь отрѣзала Марта.

Однажды, возвратясь съ одной религіозной процессіи, Марта и Роза не нашли Дезирè дома.

— Я отвезъ ее къ ея кормилицѣ, объяснилъ Мурè.

Марта поблѣднѣла, удивленная и оскорбленная.

— Ты могъ бы посоветоваться со мною, сказала она.

Мурè, не возражая, продолжалъ:

— Ей хорошо у кормилицы; эта добрая женщина очень ее любитъ и присмотритъ за нею. Такимъ образомъ, дитя не будетъ болѣе беспокоить тебя, и всѣ останутся довольны. Если и все-таки домъ недостаточно покоенъ для тебя, то скажи мнѣ, и я уйду.

Марта встала, въ глазахъ у нея потемнѣло. Ударъ былъ такъ жестокъ что она протянула руку, какъ бы желая лустить въ него бутылкой. Въ этой натурѣ, такъ долго лорабощенной, просыпалась скрытая ярость; въ ней росла ненависть къ этому человѣку, вѣчно бродившему подлѣ нея, словно угрызение совѣсти...

Мурè, задыхаясь, убѣжалъ изъ залы. Въ ту минуту какъ Роза внесла кофе, Мше Фожà сходила сверху по лѣстницѣ.

— Зайдите, пригласила ее служанка,—вы сдѣлаете компанію хозяйкѣ и выпьете кофе г. Мурè, который убѣжалъ какъ сумасшедшій.

Мше Фожà присѣла къ столу.—И думала что вы никогда не пьете кофе, сказала она, кладя себѣ сахаръ въ чашку.

— И не пила прежде, отвѣтила Роза,—когда мсьè держалъ у себя ключъ отъ денегъ. Но теперь глупо было бы еслибы мадамъ лишала себя того что она любитъ.

Роза вообще очень сблизилась съ матерью аббата. Она предложила ей пользоваться плитою въ хозяйской кухнѣ, и мало по-малу Мше Фожà привыкла стряпать тамъ свой обѣдъ и завтракъ. Сначала она приносила свои собственные припасы, но когда ей случалось забыть что-нибудь, Роза не позволяла ей сходить на верхъ и заставляла пользоваться изъ хозяйскаго шкала. Роза была счастлива что подлѣ нея теперь посто-

живо выходило существо готовое слушать цѣлые дни ея болтовню. Къ тому же, между обѣдами женщинами было много общаго: ситцевыя платья Мше Фожа, ея суровое лицо и простонародная грубость ставили ее почти на одну ногу съ курткой. Оба обѣда, состряпанные на одной плитѣ и изъ однихъ припасовъ, до такой степени перемѣшивались, что Роза часто не знала какое блюдо нести на столъ Мурѣ и какое опустить наверхъ.

— Честное слово, ужъ лучше бы обѣдать виѣствъ, говорила она смѣясь.

Кончилось тѣмъ что аббатъ съ матерью въ самомъ дѣлѣ стали обѣдать и завтракать у Мурѣ. Марта и Роза окружили своихъ нахлебниковъ всевозможными поличесіями; аббата усаживали на лучшее мѣсто, выбирали ему лучшіе куски, подавали его любимыя блюда. Роза клала ему подъ ноги подушку; Марта требовала чтобъ ему подавалась особая бутылка бордо и особый поджаренный хлѣбецъ, который она каждое утро заказывала въ булочной.

— Не осудите, говорила Роза, когда аббатъ благодарилъ ее, — кому и пожить въ свое удовольствіе какъ не честнымъ людямъ. Богъ заплатитъ ваши долги.

Мше Фожа, сидя за столомъ противъ сына, только уямбалась. Она ѣла медленно и много, какъ настоящая крестьянка, и говорила только для того чтобы сообщить въ трехъ словахъ какія блюда любилъ аббатъ, или прервать его, когда онъ дерзновенно отказывался отъ какого-нибудь лакомого куска. Самъ аббатъ оставался равнодушенъ къ расточаемому ему вниманію; онъ ѣлъ скоро, не всегда замѣчалъ вкусъ блюдъ. Обѣдая у хозяевъ, онъ испытывалъ лишь удовольствіе чувствовать себя совершенно свободнымъ отъ матеріальныхъ заботъ.

Мурѣ оставался при этомъ совершенно забытымъ. Ему подавали послѣднее, самые плохіе куски; Роза предупреждала Марту, если той случалось по ошибкѣ положить ему что-нибудь поучше. Каждый разъ когда онъ отрывалъ себѣ хлѣба, онъ чувствовалъ что Мше Фожа смотритъ на него. Онъ не вдругъ рѣшался налить себѣ вина; разъ онъ ошибся бутылкой и налилъ себѣ бордо поданнаго для аббата: Роза дѣлалъ мѣсяцъ лишила его за эту ошибку. Его сажали такъ чтобы ножка отъ стола приходилась ему между ногами, переставляли хлѣбъ, вино, солонку на другой конецъ стола, не

давалъ ему горчицы, которую онъ одинъ любилъ во всемъ днѣ и отсутствіе которой отнимало у него аппетитъ. Марта не пресѣдовала его, какъ Роза, но обходилась съ нимъ какъ съ бѣднымъ родственникомъ, котораго терпѣть за столомъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Фожъ обѣдалъ внизу, верхній этажъ и ступилъ въ полное распоряженіе Трушей. Они сѣлались тамъ очень шумны. Разъ ночью аббатъ услышалъ на лѣтницѣ страшный топотъ. Это Трушъ, мертвецки пьяный, взбирался ползкомъ по ступенькамъ. Аббатъ схватилъ его своей силой рукой и швырнулъ въ комнату. Олимпія, уже въ постелѣ спокойно читала романъ, прилебывая грогъ, стоявшій подле нея на ночномъ столикѣ.

— Слушайте, сказалъ Фожъ, бѣдный отъ гнѣва,—укладывайте поутру свои чемоданы и отправляйтесь.

— Это почему? спокойно возразила Олимпія;—намъ и тутъ хорошо.

Трушъ смѣялся; у него ослѣпленіе было веселое.

— Не будемъ спорить, бормоталъ онъ.—Маленькое голое окруженіе, вслѣдствіе свѣжаго воздуха, больше ничего. Чудныя улицы въ этомъ городишкѣ, право. Я вамъ скажу, Фожъ тамъ очень приличные молодые люди. Сынъ доктора Поркѣ въдь вы знаете? Въ трактирѣ что за тюрьмой; его содержитъ красивая женщина, брюнетка...

— Пьянчужка! проговорилъ сквозь зубы аббатъ.

— Э, вы не хотите мириться? продолжалъ Трушъ.—Тѣмъ хуже для васъ. Я добрый мальчикъ, не люблю надутыхъ мнѣ. Славная женщина эта трактирщица... Нечего лучить глаза, вы мнѣ не нужны. На-те вотъ, не хотите ли я вамъ дамъ взаимъ сто франковъ?

И онъ разложилъ на кофѣвкахъ нѣсколько банковыхъ билетовъ, хохоча во все горло, совалъ ихъ подъ носъ аббату, подбрасывая ихъ въ воздухъ. Олимпія вскочила съ постели, съ сердитымъ видомъ собрала билеты и спрятала. Аббатъ съ изумленіемъ осматривался вокругъ себя: на комодѣ стоялъ рядъ бутылокъ отъ ликера, на каминѣ лежалъ сладкій пирогъ, конфеты, вся комната была наполнена покупками: платя, куски кружева, совершенно новый сюртукъ, медвѣжья кожа предъ кроватью, дамскіе часы... Аббатъ припомнилъ что видѣлъ недавно какъ Олимпія дѣловала руки Марты.

— Несчастные, такъ вы крадете! воскричалъ онъ.

— Мы уже нѣсколько разъ имѣли съ тобой объясненія,

вступалась Олимпія;—пусть же это будетъ послѣднее, слышишь ли, Овидій? Вѣдь мы братъ и сестра, не правда ли? такъ мы должны дѣлиться между собою. Ты тамъ внизу плаешь какъ сыръ въ маслѣ, мы въ твои дѣла не мѣшаемся. Оставай же и насъ въ локоѣ, у насъ съ тобой одна и тѣ же интересы, и мы можемъ жить по-семейному, въ одной дырѣ. Это будетъ очень мило... Иди-ка спать. Я побравлю завтра Трума и пришлю его къ тебѣ, ты отдашь ему свои приказанія.

—Разумѣется, пробормоталъ лъавый, засылая.—Чудакъ потъ Фожѣ... не хочу а хозяйки, по мнѣ ея деньги гораздо цѣннѣе...

Олимпія раскохоталась, глядя прямо въ глаза аббату.

Мше Фожѣ, замѣтивъ что Олимпія тянетъ деньги изъ Марты, также штила съ нею жестокое объясненіе.

—Ну, не довольно ли? прервала ее дочь, потерявъ терпѣніе.—Не вашъ кошелекъ страдаетъ, надѣюсь. Я по крайней мѣрѣ только деньги забираю, а не заставляю себя кормить.

—Что ты хочешь сказать, негодица? пробормотала въ отчаяніи Мше Фожѣ.—Развѣ мы не платимъ за свой столъ? Спроси-ка кухарку, она покажетъ тебѣ записную книжку.

Олимпія раскохоталась.

—Знаю я эту книжку! вы платите за рѣдиску и масло, не пѣ-ли? Ну, мамаша, оставайтесь же внизу, я васъ не трогаю тамъ; но не приходите сюда приставать ко мнѣ, или я кричу. Вы знаете, Овидій запретилъ шумѣть.

Эта угроза заставила Мше Фожѣ тотчасъ отступить.

—Если ты такъ мало заботишься о своихъ интересахъ, сказала она однажды сыну,—то я сама о тебѣ позабочусь. Не бойся, я буду благоразумна. Не будь меня, твоя сестра вырвала бы хлѣбъ у тебя изъ рукъ.

Одинъ только Мурѣ оставался какъ бы совершенно бездѣльнымъ ко всему происходившему въ домѣ. Онъ все чаще запирался въ комнату которую называлъ своею конторой, и проводилъ тамъ долгіе часы, не подавая никакаго признака жизни.

—Хотѣла бы я знать, что онъ тамъ дѣлаетъ? говорила Роза, поглядывая на залпругую дверь. Разъ она убѣдила Мше Фожѣ пойти съ ней подсмотреть въ замочную скважину. Но какъ въ замкѣ закрывалъ отверстие и мѣшалъ видѣть.

—Погодите, сказала Мше Фожѣ, и осторожно повернула боковую ключа. Мурѣ сидѣлъ посреди комнаты, предъ большимъ

пустымъ столомъ, покрытымъ толстымъ слоемъ пыли; ни книгъ ни бумаги предъ нимъ не было; онъ сидѣлъ опрокинувшись на спинку стула, съ опущенными руками, съ потеряннымъ взглядомъ, и не шевелился.

Обѣ женщины поочередно заглянули къ нему въ замочекъ скважины.

— У меня морозъ по кожѣ пошелъ, проговорила Роза, сядь съ лѣстницы.—Замѣтили вы его глаза? И что за грязь! я-то воображала что онъ тамъ пишетъ. Какъ подумаешь ч въ домѣ такъ весело, и что онъ одинъ корчитъ мертвеца!

Здоровье Марты начало между тѣмъ возбуждать серьезныя опасенія доктора Поркье. Это былъ вполнѣ свѣтскій врачъ дававшій медицинскую консультацию такъ точно какъ и дистка примѣриваетъ платье, но складка на губахъ его свидетельствовала что у больной было нѣчто посерьезнѣе „гоныяго кашля“, какъ онъ увѣрялъ ее. Онъ посоветовалъ для развлечения и чистаго воздуха, дѣлать иногда прогулки за городъ въ старой коляскѣ, которою снабжалъ ее одинъ пlassenскій каретникъ. Марта мечтала увлечь въ эти прогулки аббата, но тотъ постоянно уклонялся подъ предлогомъ недосуга, и ей приходилось довольствоваться обществомъ Олимпіи или Мше Фожя. Разъ, когда она проѣзжала чрезъ деревню Тюлетъ, мимо дома стараго дяди Маккара, того самаго который помогъ Пьеру Ругону отлучиться во время переворота 2го декабря, Маккаръ замѣтилъ ее съ террасы своего сада и убѣдилъ остановиться у него отдохнуть. Онъ закололъ цыпленка и вынесъ бутылочку вина.

— Давно ли ты видѣла твоего отца? спросилъ онъ, усадивъ Марту и Олимпію къ столу.—Онъ не хорошо поступилъ съ мной. Тамъ, вальво, продается лашня; еслибъ онъ хотѣлъ, мы могли бы купить ее. Такому богачу какъ онъ что значатъ какія-нибудь три тысячи франковъ? Онъ однакожь отказался. Въ послѣдній разъ онъ даже велѣлъ твоей матери сказать мнѣ что его нѣтъ дома. Это ему не послужитъ къ добру ты увидишь.

Онъ сходилъ за стаканами и заставилъ обѣихъ дамъ выпить съ нимъ бутылочку. Марта только пригубила, но Олимпіа быстро докончила бутылочку.

— Ну, а что твой полкъ, какъ ты съ нимъ? вдругъ спросилъ Маккаръ племянницу.

Та посмотрѣла на него въ замѣшательствѣ.

— Это подѣломъ твоему мужу; я предупреждалъ его. Вотъ и ты сумѣлъ бы выбросить его за дверь. Пусть Мурé при-
нѣтъ бы ко мнѣ посоветоваться. Никогда я не могъ ихъ вы-
нести, этихъ половъ. Я знаю одного, аббата Фениля, у ко-
торо домъ на той сторонѣ дороги; не лучше другихъ, но
перъ и золь какъ обезьяна, и это меня забавляетъ. Онъ
бѣтается не очень-то въ ладахъ съ твоимъ поломъ, а?

Марта слѣшилаа ухъать; но Маккаръ заставилъ ее обойти
внѣ его владѣнія и повелъ ее въ садъ. Тамъ онъ оста-
нулся предъ большимъ бѣлымъ домомъ, возвышавшимся
несколько шагахъ отъ деревни и походившимъ не то на
дому, не то на большицу.

— Это домъ сумашедшихъ, объяснилъ Маккаръ. — А вотъ
онъ указалъ на человѣка одѣтаго во все сѣрое и нахо-
вагося все время подлѣ него — одиъ изъ сторожей. Мы
нѣмъ очень сошлись, и иногда вмѣстѣ распиваемъ бутылоч-
ку. Эй, Александръ, покажи-ка моей племянницѣ которое
но выходитъ изъ номера нашей бѣдной старушки.

Эта бѣдная старушка была мать Пьера Ругова, соседняя
она еще въ то время когда дѣти ея были въ бѣдности и
нѣзности. Сторожъ обязательно указалъ Мартѣ на окно.

— Иногда я ее вижу по утрамъ когда солнце на той сто-
нѣ, продолжалъ Маккаръ съ какимъ-то выраженіемъ удо-
вствія, прищуривая глаза. — Она вѣдь въ добромъ здо-
вѣ, Александръ? Я каждый разъ привожу о ней вѣсточку,
она бываю въ Плассанѣ; мнѣ здѣсь удобно наблюдать за
ею, какъ нельзя удобнѣе.

Онъ издалъ легкое урчаніе удовольствія, произнося эти слова.

— Видишь ли, дочка моя, у Руговъ голова не крѣпче
нѣ у Маккаровъ, продолжалъ онъ. — Когда я сижу здѣсь по
свѣтамъ предъ этимъ большимъ домомъ, я часто себѣ го-
ворю что вся шайка лобываетъ здѣсь рано или поздно, по-
тому что мамаша здѣсь. За себя-то я не боюсь, слава Богу...
Ты и буди здѣсь чтобы принять ихъ и рекомендовать
Александрю, хотя со мной и не всегда хорошо обращались
и семья...

И онъ добавилъ со своею волчьемо усмѣшкой:

— Это чортovski выгодно для васъ всѣхъ что я живу въ
здѣсь...

У Марты дрожь проходила по тѣлу; она лорывалась не-
смысленно ухъать, но Маккаръ былъ въ духѣ угощать, хотѣлъ

раскулорить другую бутылку, и наконецъ привалась совѣтъ Марты пыленка котораго онъ не съѣла.

— Для Мурѣ, понимаешь? говорилъ онъ, — для Мурѣ, а для кое-кого другаго, не такъ ли? Когда я къ вамъ приду! Пассанъ, я спрошу его какъ онъ напелъ моего пыленка.

И онъ подмигнувъ Олимпіи. Коляска тронулась, и оглянувшись, Олимпія увидѣла Маккара подъ деревьями, пересѣкающагося съ Александромъ и откупоривавшаго оставшую у него бутылку.

Аббатъ Фожъ уже не запрещалъ Марту предаваться в божности сколько она хотѣла. Онъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ совѣтамъ своей матери, находившей что кому какое дело если она даже убьетъ себя чрезмѣрнымъ религиознымъ рвеніемъ.

— Мать, эта женщина будетъ мнѣ препятствіемъ, оказавъ однажды аббатъ, внезапно омрачившись.

— Она!? вскричала старуха; — но она обожаетъ тебя, Овидію! Ты сдѣлаешь изъ нея все что захочешь если перестанешь бравить ее. Когда будетъ дождь, она повеситъ тебя сюда въ соборъ на рукахъ чтобы ты не промочилъ ногъ.

Въ другой разъ мать упрекала аббата, зачѣмъ онъ не употребляетъ носовыхъ платковъ которые вышила для него Марта

— Бѣдная женщина была бы такъ счастлива видѣть ихъ въ твоихъ рукахъ, сказала Мше Фожъ.

— Нѣтъ, возьми ихъ себѣ, отвѣтилъ аббатъ съ рѣзкимъ движеніемъ.— Это женскіе платки; они имѣютъ запахъ который востерлимъ для меня.

Видъ мужа сдѣлался рѣшительно невыносимъ для Марты она набрасывалась на него безо всякаго повода; каждое ея движеніе, каждый взглядъ его выводили ее изъ себя. Она приходила почти въ бѣшенство когда онъ, по своему обыкновенію, уходилъ изъ-за стола прежде чѣмъ кончали другіе.

— О, чудовище! кричала она.— Онъ меня убиваетъ, онъ меня убиваетъ! Роза въ этихъ случаяхъ бѣжала за Мурѣ и дѣлала видъ и кричала такъ чтобы онъ непременно слышалъ.

— Вы чудовище, сударь; мадамъ говоритъ что вы чудовище.

Марта, которою все болѣе и болѣе овладѣвало крайнее нервное расстройство, вообразила наконецъ что мужъ лодкарауливаетъ ее чтобы локолотить. Мысль эта сдѣлалась ея идеей fixe. Онъ еще не смѣетъ, говорила она, потому что никогда не видитъ ее одну; ночью же боится что она закричитъ.

позвать къ себѣ на помощь. Роза боялась что видѣла какъ Мурѣ врыталъ въ своей „кюваторѣ“ толстую палку. Мше Фожѣ и Олимпія нисколько не затруднились повѣрить вѣсьмъ этимъ баснямъ; онѣ очень сострадали своей хозяйкѣ, предлагали быть ея тѣлохранителями чтобъ этотъ „дикарь“ не посылѣлъ и прогнать. Онѣ просили ее тотчасъ позвать ихъ ночью, если Мурѣ пошевелится; весь домъ, словомъ, жилъ въ постоянной тревогѣ.

— Онъ способенъ на дурное дѣло, повторяла кухарка.

Шла Страстная недѣля, и Марта ревностнѣе чѣмъ когда-либо предавалась исполненію религиозныхъ обязанностей. Въ кнѣцу она такъ долго оставалась въ церкви что съ ней одѣла сильнѣйшій нервный припадокъ. Мше Фожѣ посоветовали ей пораньше лечь спать и сама уложила ее въ постель. Она хотѣла потушить свѣчу, но Марта, вся взволнованная, говорила ее.

— Нѣтъ, не гасите, поставьте на комодъ чтобъ я видѣла какъ вы умру въ темнотѣ.

Изъ расширившимся зрачками, какъ бы содрогаясь отъ испуганія о какой-то страшной драмѣ, она простонала съ гавніемъ:

— Это ужасно, ужасно.

Мурѣ оставался одинъ въ своей комнатѣ, когда всѣ въ домѣ легли. Роза, заглянувшая къ нему въ замочную скважину, видѣла его дремлющимъ надъ столомъ; нагорѣвшая свѣчка въ кухонномъ шандалѣ колтила подлѣ него.

Около полуночи, въ нижнемъ этажѣ вдругъ раздались крики. Сначала слышался какъ бы слабый стонъ, перешедшій потомъ въ отчаянный ревъ жертвы, которую рѣжутъ. Абатъ, испугавшись, окликнулъ свою мать; та, наскоро накинувъ шубу, постучалась къ Розѣ, крича: скорѣе, кажется рѣжутъ Мурѣ.

Крики между тѣмъ усилились. Весь домъ былъ уже на ногахъ. Олимпія съ мужемъ, только-что вернувшимся домой и нѣтъ навеселѣ, сошли во дворъ за Розой внистъ.

— Отворите, отворите, кричала та, ударяя кулакомъ въ дверь.

Громкіе вздохи были отвѣтомъ; потомъ послышалось лагдѣннѣе тѣмъ и казалось словно отчаянная борьба завязалась на полу, посреди опрокинутой мебели. Стѣны трясаись отъ глухихъ ударовъ.

— Это мужъ доканчиваетъ ее, пробормотала Олимпія.

Роза съ новою силой застучала кулаками въ дверь, кри-
отворите, сударь, или мы позовемъ полицію.... О, негодяй, о
кончить на эшафотѣ.

— Однакожь мало толку стучать, сказалъ аббатъ Фод
подходя.—Погодите-ка.

И упершись однимъ плечомъ въ дверь, онъ выдавилъ
ровнымъ и непрерывнымъ натискомъ. Женщины кинулись
комнату, гдѣ имъ представилось страшное зрѣлище.

Посреди комнаты, на полу, Марта корчилась въ разрыва
вой сорочкѣ, съ кровавыми осадинами и синяками на тѣлѣ.
Ея распущенныя волосы зацѣпились за ножку стула, лавы
судорожно впились въ комодъ. Въ углу Мурѣ стоялъ со се
чею въ рукѣ, бессмысленно глядя на корчившуюся на по
жену.

Роза и Олимпія бросились къ Мартѣ, уложили ее на п
стель. Аббатъ спокойно разставлялъ опрокинутую мебель. М
рѣ стоялъ неподвижно все въ томъ же углу, какъ бы оцѣп
ившій отъ всего что онъ видѣлъ.

— Увѣряю васъ, бормоталъ онъ,—я ей ничего не сдѣла
я ея кончикомъ пальца не тронулъ. Я не билъ ее. Я легъ
постель и только-что взялся за свѣчу, какъ она вдругъ пр
снулась, привалась кричать, бить себя кулаками по голов
рвать на себѣ тѣло ногтями. Я не знаю что съ ней такъ
было. Она бросилась на полъ, кусала себя, колотилась о м
бель. Я два раза звалъ васъ, но вы не слышали, потому ч
она кричала громче. Мнѣ было очень страшно. Это не я, увѣ
ряю васъ.

Онъ сѣлъ, сложивъ руки на колѣняхъ. Онъ не защищал
болѣе и бессмысленно смотрѣлъ на этихъ полуодѣтыхъ же
щизнь размахивавшихъ руками предъ постелью его жены. Труп
переглянулся съ аббатомъ. Бѣднякъ имѣлъ очень мало свирѣ
лаго на видѣ въ своемъ желтомъ фуляровомъ платкѣ, пом
занномъ на его лысомъ черепѣ.

Марта, казалось, только-что очулась отъ сна.

— Что случилось, Роза? Почему всѣ здѣсь? спросила она.
Я совсѣмъ разбита; скажи чтобы меня оставили въ покоѣ.

Роза колебалась.

— Вашъ мужъ здѣсь, вы не боитесь остаться съ нимъ один
проговорила она.

Марта съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

—Нѣтъ, нѣтъ; идите, мнѣ очень спать хочется, отвѣтила она.

Тогда всѣ вышли изъ комнаты.

—Слышали, какъ она прикидывалась чтобы не досталось ему дикарю? говорила Роза.—Она дастъ убить себя и не думать на него. Какую невинную мину скорчилъ онъ, а?

Блаженны оставовились съ минутой на площадкѣ лѣстваицы, гдѣ о случившемся и заключая что нѣтъ достаточной казни для такого человѣка какъ Мурѣ. Трушъ, взшедшій послѣднимъ на лѣстваицу, ворчалъ за рясою аббата:

—Она еще въ тѣлѣ, хозяйка. Только это не всегда должно быть пріятно—женщина которая корчится на полу точно червь.

По утру когда заговорили о происходившемъ ночью, Марта казалась удивленною и какъ будто сконфуженною; она не могла, перебивая разговоръ. Олимпія и мадамъ Фожя замечали что она хотѣла избѣжать скандала.

Черезъ день, въ ночь Свѣтлаго Воскресенія, опять повторились тѣ же крики. Но на этотъ разъ Мурѣ, блѣдный какъ мѣль, самъ выбѣжалъ отворять дверь. Марта, еще одѣтая, вышла простершись предъ кроватью. Корсажъ ея платья былъ разорванъ, два красные рубца видѣлись на ея обнаженной шеѣ.

—Этотъ разъ онъ хотѣлъ ее зарѣзать, проворчала Роза.

Съ тѣхъ поръ подобныя сцены стали повторяться съ неравными промежутками. Всѣ въ домѣ жили въ страхѣ приближающейся катастрофы; при малѣйшемъ шумѣ жильцы втораго этажа вскакивали на ноги. Марта полпрежнему избѣгала всякаго намека: казалось, съ разсвѣтомъ у нея исчезало самое упоминаніе о ночной драмѣ.

Въ околоткѣ мало-по-малу распространился слухъ что странныя вещи происходятъ у Мурѣ. Роза хотя никому не разказывала въ чемъ дѣло, но ея намеки и недомолвки послужили поводомъ самымъ нелѣпымъ баснямъ. На рынкѣ имя Марты произносили не иначе какъ съ поднятыми къ небу глазами. Сказка о мужѣ поджидавшемъ полночи чтобы наластъ на нее пришла съ совершенно по вкусу рыночнымъ кумушкамъ. Вѣроятнѣйшія подробности росли изо дня въ день. Одна ханза утверждала что Мурѣ былъ одержимъ бѣсомъ, что онъ схватывалъ жену за горло зубами, и такъ крѣпко что аббатъ Фожя долженъ былъ сдѣлать пальцемъ лѣвой руки три креста

по воздуху чтобы заставить его вылустить жертву. Тогда Мурѣ падалъ какъ сноплъ на полъ, и изо рта у него выскочила огромная черная крыса, которая тотчасъ исчезла, хотя въ полу не могли найти ни одной дыры. Другіе наводили страхъ на весь кварталъ предположеніемъ что Мурѣ былъ укушенъ бѣшеною собакой.

Фелиситѣ Ругонъ узнала обо всѣхъ этихъ толкахъ оди изъ послѣднихъ въ городѣ. Она долго избѣгала понять я меки какіе ей дѣлали, но наконецъ, послѣ продолжительнаго постыщенія городского мера, явилась къ дочери, взволнованная, со слезами на глазахъ.

— Ахъ, милая моя, что это мнѣ рассказали о тебѣ? обратилась она къ ней, обнимая ее.—Твой мужъ забылся до того что подымаетъ на тебя руку? Это все выдумки, не правда ли? Я такъ и сказала; я знаю Мурѣ: онъ дурно воспитан но онъ не золъ.

Марта покраснѣла. Она чувствовала тотъ стыдъ, ту неволю которая испытывала каждый разъ какъ съ ней заговаривали объ этомъ.

— Мадамъ не станетъ жаловаться, куда! вскричала Роза съ своею обычною смѣлостью.—Мнѣ ужъ давно бы слѣдовало пойти предупредить васъ, еслибъ я не боялась что мнѣ дамъ будетъ браниться.

Фелиситѣ уронила руки съ видомъ горестнаго изумленія.

— Такъ это правда? Онъ бьетъ тебя? О, несчастный! воскликнула она, принимаясь плакать.

— Успокойтесь, я васъ увѣряю что много преувеличиваютъ, проговорила Марта, чувствуя все большую неволю.

— Она еще защищать его станетъ, вотъ посмотрите! вмешалась Роза.

Въ эту минуту Фожъ и Трушъ, разговаривавшіе въ глубинѣ сада, подошли къ нимъ. Фелиситѣ обратилась къ аббату прося принять участіе въ положеніи ея дочери и подѣлствовать на зятя увѣщаніемъ.

— М. Мурѣ не позволить дѣлать ему замѣчанія, возразилъ аббатъ.

— М. Мурѣ сошелъ съ ума, вдругъ отрѣзалъ Трушъ.

Слово упало какъ ударъ молота; всѣ переглянулись.

— Я хочу сказать что у него голова не въ порядкѣ, продолжалъ Трушъ.—Стоитъ только обратить вниманіе на его глаза. Что до меня, увѣряю васъ, я не покоенъ. Въ Базанъ

онъ былъ вѣкто обожавшій свою дочь—и онъ зарѣзалъ ее однажды ночью, не сознавая того что дѣлалъ.

—Давненько ужъ хозяинъ спятилъ, проворчала Роза.

—Но это ужасно! сказала Мше Руговъ.—Дѣйствительно, онъ показался мнѣ очень страшнѣе, когда я видѣла его въ послѣдній разъ. Дорогая моя, ты должна мнѣ все рассказать. Ямъ буду на одной ночи спать спокойно. Сумашедшихъ вѣдь выпраутъ!

Трушь, оставшись одинъ съ аббатомъ, засмѣялся злымъ смѣхомъ, показывая свои черные зубы.

—Хозяйка должна быть мнѣ благодарна, пробормотала она.—Она можетъ теперь корчиться сколько ей угодно по ночамъ...

Аббатъ, потулившись, молчалъ. Онъ пожалъ плечами и удалился въ глубину сада, читать свой требникъ.

Когда въ слѣдующее воскресенье Мурѣ, по привычкѣ удаляясь отъ дѣлъ коммерсанта, вышелъ совершить обычную прогулку по городу, онъ сдѣлался предметомъ любопытства и насмѣшекъ всѣхъ прохожихъ. Лавочники, дворники, рыночныя торговки указывали на него пальцами, перешептывались и пересмѣивались.

—Видѣли, какая у него походка?

—Да... когда онъ хотѣлъ переступить черезъ лужу, онъ чуть не полетѣлъ.

—Говорятъ, они всегда такіе.

—Мнѣ однако жутко дѣлается. Зачѣмъ ему позволяютъ выходить? Это надо бы запретить.

Смутное безпокойство овладѣло Мурѣ; онъ не вполнѣ понималъ что былъ предметомъ этихъ разговоровъ. Онъ пошелъ скорѣе и пожалѣлъ что надѣлъ старый сюртукъ, уже вышедшій изъ моды. Появленіе его на рынокѣ произвело страшный всполохъ между торговками. Онъ еще болѣе ускорилъ шагъ, не предполагая чтобы самъ былъ причиною смятенія.

—Онъ машетъ руками точно вѣтряная мельница, замѣтила крестьянка продававшая фрукты.

—Чуть не опрокинулъ мой столикъ, добавила торговка сапогомъ.

—Схватите его, схватите его! кричали другіе.

Мурѣ подвѣлся на цѣпочки чтобы посмотрѣть что такое происходитъ? Онъ думалъ что поймали вора. Взрывъ хохота

пробѣжалъ по рынку; раздаѣся хохоть, свистки, крики животныхъ.

— Онъ не злой, не трогайте его, сказалъ одинъ голосъ.

— Ну, не очень-то я ему доверяю. Онъ встаетъ по ночамъ чтобы рѣзать людей.

Мурѣ замѣтилъ въ толпѣ Олимпию разказывавшую какіе-то страхи рыночнымъ кумушкамъ.

— Не заговаривайте съ нимъ, а то худо будетъ, заключила она.

— Что такое худо будетъ? спросилъ Мурѣ, подходя.

Женщины полатылись, Олимпія оглянулась по сторонамъ и ретировалась, проговоривъ:

— Не сердитесь, М. Мурѣ; лучше бы вамъ пойти домой.

Бѣднякъ пошелъ дальше. Мелкіе обыватели, грѣвшіеся на солнцѣ предъ своими домиками, при видѣ его изумились необычайно, ловытывали шею, оглядывая его съ головы до ногъ.

— Прогуливаетесь? рѣшился заговорить съ нимъ отставной капитанъ, отличившійся наибольшою смѣлостью и веселостью.

— Да, прогуливаюсь, разсѣянно повторилъ Мурѣ;—погода очень хороша.

Сосѣди переглянулись съ улыбкой: было холодно и небо заволокло тучами.

— Очень хороша, повторилъ одинъ изъ нихъ.—Вы невзыскательны. Правда, вы уже одѣлись по-зимнему. Презабавный сюртучокъ на васъ.

Всѣ снова разсмѣялись. Внезапная мысль быстро промелькнула въ головѣ Мурѣ.

— Посмотрите пожалуста, вѣтъ ли у меня какого-нибудь знака на спивѣ, спросилъ онъ, поворачиваясь задомъ.

Капитанъ, подмигнувъ остальнымъ, объявилъ что у него на спивѣ нарисована луна.

— Будьте добры, сотрите ее, она надѣлала мнѣ неприятностей, попросилъ Мурѣ.

Капитанъ похлопалъ его раза три по спивѣ.

— Ну, молодчина, теперь вы избавились. Это неловко, должно-быть, ходить съ луною на спивѣ. Вы какъ будто нездоровы?

— Да, я не совсѣмъ здоровъ, отвѣтилъ Мурѣ своимъ безразличнымъ тономъ. Но засмышавъ шушуканье сосѣдей, онъ тотчасъ поправился:—За мной отлично ухаживаютъ дома Моя

жена очень добра, она балуетъ меня. Мнѣ только надо какъ можно болѣе покоя; оттого я и не выхожу теперь такъ часто какъ прежде. Когда поправляюсь, опять примусь за дѣла.

— А говорятъ, напротивъ, что это ваша жена не совсѣмъ здорова, перебилъ одинъ изъ обывателей.

— Жена? она здорова, это выдумки! воскликнулъ Мурѣ, оживляясь.—У нея ничего не болитъ. Намъ завидуютъ, потому что мы мирно живемъ у себя... Жена больна, вотъ тебѣ разъ! она очень здорова, у нея даже никогда голова не болитъ.

И пробормотавъ еще нѣсколько несвязныхъ фразъ, Мурѣ пошелъ далѣе. Смѣхъ и шушуканье всѣхъ встрѣчавшихся съ нимъ продолжались. Онъ наконецъ поваялъ что смѣялись надъ нимъ. Смутный страхъ овладѣлъ имъ, онъ понурилъ голову и пошелъ подъ стѣнами домовъ. Заслышавъ за собою шумъ, онъ оглянулся и увидѣлъ трехъ мальчишекъ, слѣдившихъ за нимъ; у одного изъ нихъ былъ гвиллой апельсинъ поднятый въ лужѣ.

— Хотите вы чтобъ я надралъ вамъ уши? вдругъ прикрикнулъ Мурѣ, поворачивая прямо на нихъ.

Мальчишки разсыпались по сторонамъ, но снова собрались, увеличиваясь въ числѣ. Тогда Мурѣ, повинуясь непреодолимому страху, пустился бѣжать. Ему казалось что весь городъ бѣжитъ за нимъ по латамъ, съ шумомъ и хохотомъ.

— Держи! держи его! кричали мальчишки.

— Го-го-го! принимали другіе.

У самого своего дома Мурѣ слоткнулся и упалъ. Мальчишки составили кругъ около него, а самый маленькій пустилъ въ него гвиллымъ апельсиномъ, который и лопнулъ у него на глазу. Бѣднякъ съ трудомъ подваялся, и не утирая лица, пошелъ къ себѣ. Роза должна была схватить метла, чтобы разогнать негодяевъ.

Съ этого дня весь городъ былъ убѣжденъ что Мурѣ сумасшедшій, котораго надо связать. Ужаснѣйшія исторіи рассказывались на его счетъ. Мше Ругонъ прибѣгала къ дочери черезъ день, узнать не случилось ли чего, и выражала живѣйшую тревогу. Она обѣжала всѣ городскія власти, умоляя принять участіе въ положеніи ея дочери, рассказывала ужасы о своемъ зятѣ. Въ обществѣ подпрефекта и г. Рагуаля ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о сумасшествіи Мурѣ. Приходили въ ужасъ въ особенности при мысли что этотъ человекъ

занимаюсь политикой; припоминали что маркизъ Лагрифуль обязанъ былъ ему большинствомъ своихъ голосовъ.

— Можетъ-быть отъ политики онъ и съ ума сошелъ, прознесла госпожа Кондаменъ.

— Говорятъ онъ очень хлопочетъ по поводу предстоящихъ выборовъ?

— Онъ разглашаетъ повсюду что выборы совершенно отъ него зависятъ и что онъ можетъ заставить выбрать башмачника, если захочетъ! вскричалъ Кондаменъ.

— Вы преувеличиваете, возразилъ докторъ Поркье;—онъ уже не имѣетъ такого вліянія, въ городѣ смѣются надъ нимъ.

— Ошибаетесь; онъ можетъ привести на выборы весь старый кварталъ и множество деревьевъ. Онъ сумашедшій, правда, но это для него рекомендація. Я нахожу что онъ еще слишкомъ здравомыслящъ для республиканца.

— Однако, невозможно же оставить судьбу выборовъ въ рукахъ сумашедшаго! заключила гжа Кондаменъ.

Аббатъ Фожа допускалъ теперь съ своимъ присутствіемъ говорить о политикѣ. Онъ иногда подавалъ даже свое мнѣніе, высказывался за соединеніе честныхъ и религиозныхъ людей. Имъ такъ легко, говорилъ онъ, было бы согласиться между собою и трудиться сообща надъ утвержденіемъ великихъ принциповъ, безъ которыхъ не можетъ существовать никакое общество.

Трушъ, между тѣмъ, каждый день сообщалъ аббату самыя ужасныя новости на счетъ Мурѣ: рабочіе изъ стараго квартала, по его словамъ, черезчуръ уже завимались дѣлами хозяйна; они хотѣли его видѣть, чтобы судить о его положеніи и узнать его мнѣніе. Аббатъ, по обыкновенію, пожималъ плечами, но однажды Трушъ вышелъ отъ него съ сіяющимъ видомъ.

— На этотъ разъ дѣло сдѣлано, воскликнулъ онъ, обнимая Олимпію.

— Онъ позволяетъ тебѣ дѣйствовать? спросила та.

— На полной свободѣ! Славно же мы проживемъ когда *того* не будетъ здѣсь больше...

На слѣдующую ночь, опять разыгралась драма въ комнатѣ Марты. Ее нашли распростертую лицъ предъ кроватью, окровавленною. Мурѣ трепеталъ стоя на колыбахъ посреди одѣяла. Трушъ любѣжалъ за докторомъ, который перевязалъ рану Марты и объявилъ что придись ударъ двумя лицами ниже, онъ былъ бы смертеленъ. Въ снѣгахъ онъ говорилъ при

ничто надо наконецъ принять мѣры, что нельзя же пред-
остановить жизнь Марты произволу бѣшенаго сумасшед-
шаго.

Марта не встала по утру съ постели. У нея еще продол-
лась бредъ; она видѣла желѣзную руку, вскрывающую ей
сердце огненнымъ мечомъ. Роза не позволила Мурѣ войти къ
ней; она подала ему завтракъ въ его „контортъ“, на его пыль-
номъ столѣ. Мурѣ ничего не ѣлъ; онъ туло глядѣлъ себѣ въ
предаку, когда служанка ввела къ нему трехъ незнакомыхъ
неподъ, одѣтыхъ во все черное.

— Вы доктора? спросилъ онъ;—какъ ея положеніе?

— Ей лучше, отвѣтилъ одинъ изъ троихъ.

Мурѣ разрѣзалъ машинально хлѣбъ, какъ будто собираясь
ѣсть.

— Хотѣлось бы мнѣ чтобы дѣти были здѣсь, пробормоталъ
онъ;—они ходили бы за ней, мы не были бы до такой степе-
ни одни. Она заботѣла съ тѣхъ поръ какъ уѣхали дѣти. И
мнѣ тоже какъ-то не хорошо..

Онъ поднесъ кусокъ хлѣба ко рту, и крутлыя слезы по-
текли по его щекамъ. Одинъ изъ назнакомцевъ переглянулся
съ другими и сказалъ:

— Не хотите ли, поѣдемъ за дѣтьми?

— Хочу, очень! вскричалъ Мурѣ, вставая;—поѣдемъ сію ми-
нуту.

На лѣстницѣ онъ не видѣлъ Труша и его жену, повиснув-
шихъ надъ перилами и слѣдившихъ за нимъ разгорѣвшимися
глазами. Когда карета, поджидавшая у крыльца, увезла Му-
рѣ, Олимпія схватила мужа за плечи и заставила его протан-
цовать на площадкѣ лѣстницы, вѣя себя отъ радости.

— Закупорень! кричала она.

Марта оставалась цѣлую недѣлю въ постели. Всѣ осылали
ее ласками и поличеніями; о Мурѣ никто не заикался, а ко-
гда Марта спрашивала о немъ, Роза отвѣчала что онъ
уѣхалъ въ Марсель. Но когда Марта въ первый разъ сошла въ
столовую и не нашла тамъ мужа, безпокойство начало овла-
дывать ею.

— Не мучьте себя напрасну. милая моя, сказала ей Мме
Фокі.—Необходимо было принять мѣры; ваши друзья дол-
жны были дѣйствовать въ вашихъ интересахъ.

— Нечего вамъ о немъ жалѣть послѣ того какъ онъ хва-
тилъ васъ палкой по головѣ, грубо вскричала Роза. — Всѣ

сосѣди вздохнули свободно съ тѣхъ поръ какъ его вѣтъ, а то постоянно боялись чтобъ онъ не поджегъ дома или не вышелъ бы съ ножомъ на улицу. Цѣлый городъ въ страхѣ когда кто въ такомъ положеніи находится на свободѣ.

Марта слушала съ расширившимися зрачками, страшно блѣдная. Ложка выпала у нея изъ рукъ; она глядѣла прямо предъ собой, въ раскрытое окно, словно ее цѣпило какое-то видѣніе, показавшееся изъ-за деревьевъ сада.

— Тюлетъ! Тюлетъ! пролетѣла она, закрывая глаза трепещущими руками.

Она опрокинулась на спинку стула и съ ней уже начиналась нервный припадокъ, когда аббатъ Фожъ, докончивъ свой супъ, взялъ ее за руки, крѣпко сжалъ ихъ и проговорилъ мягкимъ голосомъ:

— Будьте тверды предъ испытаніемъ испосланнымъ вамъ Богомъ. Онъ подастъ вамъ утѣшеніе, если не будете роптать; Онъ найдетъ для васъ блаженство, котораго вы заслуживаете.

Подъ пожатіемъ его руки, подъ вѣжливымъ звукомъ его словъ, Марта очнулась, словно воскресшая, съ пылающими щеками.

— О да, сказала она рыдая, — мнѣ надо много счастья, объ-
щайте мнѣ много счастья!

VIII.

Доведа внутреннюю драму своихъ героевъ до этого остраго кризиса, Эмиль Золя обращается вновь къ политической канвѣ романа, къ избирательной борьбѣ въ Плассанѣ. Съ этихъ поръ обѣ интриги, романтическая и политическая, тѣсно переплетаются между собою, и авторъ уже свободно пользуется обширнымъ матеріаломъ который онъ подготовлялъ для двойственной развязки произведенія. Аббатъ Фожъ выступаетъ открыто въ качествѣ бонапартистскаго агитатора, связывая въ крѣпкій узелъ всѣ нити какія держитъ въ рукахъ въ Плассанѣ правительственная партія.

Незадолго до выборовъ, епископъ Руссо неожиданно съѣз-
дилъ въ Парижъ, подъ предлогомъ болѣзни сестры, жившей въ Версалѣ. Вернувшись, онъ слова засталъ въ свое мягкое кресло предъ топящимся каминомъ и заставилъ аббата Сю-
рениа скандировать ему Анакреона, казалось весь былъ

погруженъ въ гармонію античнаго стиха. Но на самомъ дѣлѣ имя его было далеко отъ Анакреона, и онъ нѣсколько разъ съ безпокойствомъ освѣдомился не приходилъ ли аббатъ Фожі.

Середь положилъ наконецъ книгу на край консоля.

— Доволенъ ли мосьеиьоръ результатами своей поѣздки? спросилъ онъ съ фамиллярностью любимца.

— Я узналъ то что мнѣ надо было знать, отвѣчалъ епископъ съ своею тонкою улыбкой.— Мнѣ слѣдовало взять васъ съ собой; вы узнали бы вещи очень полезныя для человѣка моихъ лѣтъ, который прочитъ себя въ епископы и имѣеть и то право по своему рожденію и связямъ.

— Я слушаю васъ, оказалъ молодой аббатъ. Но прелатъ качалъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, эти вещи не разказываются словами. Будете другомъ аббата Фожя, продолжалъ онъ,—онъ можетъ очень пригодиться вамъ со временемъ. Я получалъ о немъ самыя шныя свѣдѣнія. У него вышла затрудненія въ Безансонѣ. Въ Парижѣ онъ явился очень бѣднымъ, остановился въ меблированныхъ комнатахъ. Онъ самъ пошелъ предложить себя. Министръ какъ разъ тогда искалъ священниковъ преданныхъ правительству. Кажется, Фожя сначала испугалъ его своимъ крѣпкимъ видомъ и старенькою рясой. Его послали сюда такъ, будь что будетъ...

Въ эту минуту доложили объ аббатѣ. Прелатъ отпустилъ своего секретаря и протянулъ обѣ руки Фожя.

— Видѣли ли вы министра? спросилъ тотъ глядя ему прямо въ глаза.

— Я считалъ долгомъ быть у него, и онъ отозвался о васъ лучшимъ образомъ, отвѣтилъ епископъ.

— Такъ вы больше не сомнѣваетесь, вы довѣряете мнѣ?

— Совершенно, дорогой аббатъ;—впрочемъ я вѣдь ничего не понимаю въ политикѣ, я оставляю васъ полнымъ хозяиномъ.

Они проговорили цѣлое утро. Фожя уговорилъ его сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ поѣздки по епархіи, чтобы видѣться со всѣми деканами и черезъ нихъ снабдить инструкціями священниковъ даже самыхъ маленькихъ общинъ. Епископъ обѣщалъ также осцупать почву въ нѣкоторыхъ аристократическихъ селеніяхъ города, гдѣ онъ былъ пріятель. Впрочемъ, еслибы дворянство и дружно вотировало, оно могло собрать только

позорное меньшинство, когда клерикальная буржуазія покинетъ его.

— Теперь, сказалъ вставая прелатъ,—мнѣ слѣдуетъ узнать имя вашего кандидата, чтобъ я могъ рекомендовать его.

Фожъ усмѣхнулся.

— Имя вещь оласная, сказалъ онъ.—Черезъ недѣлю же от нашего кандидата не останется клочка, если мы назовемъ его теперь. Маркизь Лагрифуль сдѣлался невозможенъ; де Бурдѣ, желающій также выступить, еще невозможенъ. Оставимъ ихъ уничтожить другъ друга, а сами выѣдемъ лишь въ послѣднюю минуту. Вслушайте только что въ интересахъ Плассана слѣдуетъ избрать человѣка стоящаго внѣ партій основательно знакомаго съ нуждами города и департамента. Дайте даже понять что этотъ человѣкъ уже найденъ, но идите далѣе.

Избирательная лихорадка понемногу начала трепать Плассамъ. Никто не былъ доволенъ маркизомъ Лагрифулемъ; слышались также не весьма лестные отзывы и объ орлеанистскомъ кандидатѣ де-Бурдѣ. Республиканцы хотѣли также имѣть своего кандидата и выставили ремесленника Морена добряка, очень любимаго рабочими. Труппъ свирѣпствовалъ въ трактирахъ въ качествѣ краснаго демократа и разказывалъ всюду что Мурѣ засадили въ сумашедшій домъ по проискамъ подпрефекта, желавшаго отнять у республиканской партіи предводителя. Аббатъ Фожъ обнаруживалъ неутомимую дѣятельность, стараясь расположить въ свою пользу всѣхъ отъ кого можно было ожидать поддержки на выборахъ. Фелиситѣ Ругонъ помогала ему совѣтами и всѣмъ своимъ вліяніемъ, однакожь когда онъ наконецъ открылъ ей имя кандидата въ пользу котораго дѣйствовала административная и трига, она не могла скрыть своего изумленія.

— Какъ! Такъ вотъ кого вы выбрали! вскричала она.—Могу васъ увѣрить что никто не думалъ о немъ.

— Надѣюсь, сказалъ аббатъ улыбаясь.—Намъ именно нуженъ былъ кандидатъ о которомъ никто не думалъ и котораго слѣдовательно всѣ могли бы принять не компрометируя себя. Я искалъ такого человѣка съ самаго пріѣзда въ Плассамъ, и мой выборъ хорошъ, будьте увѣрены. Увидите какъ пойдетъ этотъ человѣкъ, лишь только разъ вступитъ въ стремя; онъ умретъ въ мундирѣ сенатора. Что меня болѣе всего лобудило остановиться на немъ, это способъ какимъ

онъ важилъ состояніе. Онъ три раза ловилъ свою жену въ измѣнѣ и три раза срывалъ за это съ дурака теста по сту тысячъ франковъ. Если онъ дѣйствительно этимъ способомъ сколотилъ себѣ деньги, то онъ будетъ очень полезенъ въ Парижѣ для нѣкоторыхъ дѣлъ...

— Стало-быть вы дѣлаете подарокъ правительству, сказала сгласъ Фелиситѣ. — Этотъ полезный человѣкъ былъ никто иной какъ Делаангръ, пюассанскій меръ. Имя его скоро у всѣхъ было на устахъ, всѣ находили что лучшаго выбора невозможно сдѣлать ко всеобщему удовольствію. Делаангръ обѣщавъ держаться въ сторонѣ отъ политической борьбы и являться въ пюассату лишь какъ представитель интересовъ города Пюассана, меромъ котораго онъ желалъ остаться.

Онъ собралъ въ день выборовъ подавляющее большинство. Лагрифуаъ и Вурдѣ, избѣженные, отказались отъ кандидатуры; Делаангръ остался одинъ противъ республиканца Морена, собравшаго голоса полуторы тысячи „непримиримыхъ“. За мера вотировали крестьяне, бонапартисты, клерикальная буржуазія, нѣкоторые наивные роялисты, что дало ему въ итогѣ 33 тысячи голосовъ. Даже сами обитатели Пюассана были изумлены результатомъ: они не подозрѣвали въ себѣ такого единодушія. Каждый считалъ себя участникомъ неожиданной побѣды. Вечеромъ общество г. Растуала соединилось съ „шайкой под-префектуры“ и пило чай у г. Пекёръ-де-Солѣ. Хотѣли зажечь шлюминацию, но под-префектъ отклонилъ намѣреніе, чтобы не придать выборамъ значенія правительственной побѣды. Аббатъ Фожа, посреди этой торжествующей толпы, сохранялъ свой важный видъ. Облокотившись на каминъ, онъ казалось мечталъ. Онъ былъ властелиномъ, ему не надо было больше лицемерить, онъ могъ протянуть руку, схватить Пюассанъ и потрясти его. Его высокая черная фигура, казалось, наполняла собою всю гостиную.

Марта, погруженная въ свой внутренній міръ, не приняла участія въ политической борьбѣ и побѣдѣ. Ея здоровье въ послѣднее время возбуждало самыя серіозныя опасенія доктора Поркьѣ. На разпросы аббата онъ отвѣчалъ однако что отчаяваться не слѣдуетъ, что прекрасный климатъ Пюассана можетъ еще привести ей пользу. Фожа слушалъ его съ суровымъ и задумчивымъ лицомъ.

— Вы ошибаетесь, прервалъ онъ доктора. — Пюассанскій

каимать не хорошъ для гжи Мурѣ; отчего вы не пошлете прорести зиму въ Ниццѣ?

Докторъ пристально посмотрѣлъ на аббата.

— Въ самомъ дѣлѣ, ей было бы очень хорошо съѣздить Ниццу... заговорилъ онъ своимъ обязательнымъ тономъ.— И ея нервномъ возбужденіи, перемѣна мѣста принесетъ ей пользу. Я ей посоветую эту поѣздку; вы подали превосходную мысль, г. аббатъ.

Но Марта не хотѣла слышать о Ниццѣ. Она побѣдами бросила на аббата проныривающій взглядъ, когда онъ объявилъ что вполне одобряетъ советъ доктора. „А, небоже!“ кричала она, когда съ ней заговорили объ отъѣздѣ. Аббатъ наконецъ пересталъ настаивать, предоставивъ ей полную свободу предаваться религиозному рвенію, овладѣвшему ею послѣ новой силою.

Трушъ и Олимпія, съ тѣхъ поръ какъ увезли Мурѣ, всѣмъ завладѣли нижнимъ этажемъ. Однимъ изъ всегдашнихъ желаній Олимпіи было жить въ роскоши, имѣть хорошіе ряды, мягкую мебель. Она убѣдила Марту перемѣнить комнату въ гостиной, купить новую мебель и ковръ. Она сдѣлала совсѣмъ „дамой“, ходила въ туфляхъ и леньюарѣ, хозяйничала въ домѣ.

— У этой бѣдной Мше Мурѣ, говорила она,—столько заботъ что она просила меня помочь ей. И я занимаюсь немного дѣлами—это доброе дѣло.

Марта дѣйствительно сложила на нее все хозяйство. Олимпія держала у себя ключъ отъ погреба и отъ шкаловъ, ругалась въ лавкахъ. Чтобы сохранить за собою больше свободы, Труши обѣдали отдѣльно, но Олимпія носила къ нему десертъ отъ хозяйскаго стола. Она придѣлала къ своимъ платьямъ огромные карманы, которые и набивала всякой всячиной, не исключая даже огарковъ.

— Удивляюсь что тебѣ за охота брать тайкомъ, говоритъ Трушъ.—На твоёмъ мѣстѣ я велѣлъ бы Розѣ все это показывать намъ, такъ какъ ты хозяйка.

Самъ онъ занялся садомъ. Онъ давно завидовалъ Мурѣ, и да его за садовыми работами. Теперь онъ завладѣлъ садомъ съ обширными проектами преобразованій, призвалъ садовника, уничтожилъ грядки съ овощами чтобы занять мѣсто посадками, вырубилъ часть деревьевъ, заслонявшихъ солнце. Марта соглашалась на все, и ее наконецъ перестали спрашивать

идеальное препятствіе которое встрѣчали Труши шло со стороны Мше Фожя, осларивавшей у нихъ каждую пядь, аждымъ кусокъ. Старуха пробовала склонить аббата положить редицъ завоеваніямъ его сестры, но Фожя наконецъ разовернулся на ея приставаыя и запретилъ произносить при немъ ни Трушей. Старуха должна была повиноваться, но не усложилась. Безкорыстіе сына приводило въ отчаяніе ея грубую ушкуну жадность и заисливость. Ей хотѣлось бы оберечь жакъ въ сохранности на случай когда онъ понадобится сыну. Труши, съ ихъ хищными зубами, заставляли ее испытывать мученія скряги котораго грабятъ; ей казалось что они жираютъ ея добро, ея плоть, что они выбросятъ на солону ея, и ея любимое дѣтище. Когда аббатъ запретилъ ей мѣшать Трушамъ въ ихъ послѣдовательномъ завладѣніи домомъ, изрѣшила спасти по крайней мѣрѣ то что можно было. Она рывалась красть изъ шкаловъ подобно Олимпіи и придѣлала въ своей шкѣ такіе же огромные карманы. У нея былъ сундукъ, который она и наполняла всѣмъ что собирала: приладами, бѣлье, разныя мелочи.

— Что вы тамъ прячете, мать? спросилъ ее однажды сынъ, вниманіе котораго привлекла наконецъ ея возня съ сундукомъ. Когда-то въ чемъ дѣла, онъ разразился страшнымъ ревомъ.

— Какой срамъ! вскричалъ онъ. — Вы ужъ воровкой стали! что бы было еслибъ васъ поймали? я сдѣлался бы басней этого города!

— Это для тебя, Овидій, пробормотала старуха.

— Воровка! моя мать воровка! повторялъ аббатъ. — Вы моты-быть думаете что я также краду, что я пришелъ сюда чтобы красть, что все мое честолюбіе заключается въ томъ чтобы залустить руки и красть? Боже мой! что же вы обо мнѣ думаете? Намъ надо разстаться, мать, если мы такъ мало понимаемъ другъ друга.

Слова эти ошеломили старуху.

— Ничъ, нѣтъ, я ничего больше не возьму, если это тебѣ нравится; но ты оставишь меня съ собою, не правда ли? была она.

Аббатъ не хотѣлъ ничего обѣщать ей, пока она не возвратитъ на мѣсто все что ваташила. Онъ самъ присутствовалъ, въ теченіе цѣлой недѣли, при секретномъ опорожненіи сундука, наблюдалъ какъ мать наполняла карманы и ожидалъ ея

возвращенія, чтобы вновь отправить ее. У старухи разрыв лось сердце каждый разъ какъ она относила такимъ образомъ какую-нибудь вещь; она не смѣла плакать, но слезы стояли въ ея глазахъ; ея руки болѣе тряслись, чѣмъ когда она опрожняла хозяйскіе шкалы. Но что ее болѣе всего докаивало это то что Олимпія тотчасъ овлаживала каждымъ предметомъ который она возвращала на мѣсто. Бѣлье, приласы, свѣчки, огарки только переходили изъ одного кармана въ другой.

— Больше я ничего не стану приносить, объявила она в концѣ сыну, возмущенная этимъ обстоятельствомъ. — Нечѣмъ, твоя сестра все подбираетъ у меня за сливой. Неговая, у нея славные узлы должны быть тамъ наверху. Умоляю тебя, Овидій, позволь мнѣ сохранить то что осталось. Хозяйка не будетъ въ убыткѣ, потому что для нея эти вещи равно потеряны.

Но аббатъ былъ непреклоненъ; старуха должна была возвратить все до-чиста, и съ этихъ поръ затаила страшную ненависть къ Трушамъ, къ Мартѣ, къ дѣлому дому.

Аббатъ, вѣчно суровый, молчаливый, не обращалъ болѣе вниманія на то что дѣлалось вокругъ него въ домѣ. Онъ жилъ въ своей большой пустой комнатѣ словно солдатъ въ лагерѣ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ властелиномъ Плассана, онъ опять пересталъ заниматься своимъ туалетомъ; шляпа его порыхляла, раса была вся заштолана. Когда ему говорили что дамы приходятъ въ ужасъ отъ его неопрятности, онъ отицалъ смѣясь: пусть любятъ меня растрепаннаго. И дамы действительно начали находить что такъ лучше, что такъ онъ больше мушкетеръ. Надъ епископомъ онъ властвовалъ безпринципно, и когда открылась вакансія викарія, занявъ это мѣсто. Въ городѣ всѣ были увѣрены что его ожидаетъ епископская митра, и можетъ-быть въ самомъ Плассанѣ, такъ какъ здоровье монсеньора Руссо очень ослабло.

Делавгръ, съ самаго вступленія въ палату, вотировалъ неизмѣнно съ большинствомъ. Плассанъ былъ окончательно и совершенно завоеванъ для второй имперіи.

Одна только Марта ускользала изъ лодъ власти Фожя. Она прасиво аббатъ прибѣгала къ своему вліянію, какъ человекъ и священникъ, чтобъ усложнить ея нервное возбужденіе; Марта не въ силахъ была ограничиться тѣми рамками въ которыхъ онъ старался поставить ея чувство, ея мысль, ея воображеніе. Все чаще выводила она его изъ себя, и онъ въ

могъ удержать своей грубости въ обращеніи съ ней. Фелиситѣ, которой Марта повѣряла свои томленія, пробовала уговорить аббата быть къ ней нѣжнѣе, но суровый настоятель грубо отвѣтилъ:

—Ваша дочь сумасшедшая и надоѣла мнѣ по горло, и я не желаю болѣе возиться съ нею? Я дорого бы далъ минутку который бы меня отъ нея избавилъ.

Фелиситѣ закусила губы.

—Послушайте, другъ мой, вы поступаете безтактно, скажи она,—и это васъ погубить. Дѣлайте впрочемъ какъ знаете, а умываю руки. Я вамъ помогала, не ради васъ конечно, чтобы быть пріятной нашимъ парижскимъ друзьямъ. Но помните, я не потерплю чтобы вы хозяйничали у меня. Если Маръ или Рагуаль дрожатъ предъ вашею рясой, тѣмъ лучше; но мы васъ не боимся и желаемъ остаться хозяевами. Мы мнѣ раньше васъ завладѣлъ Плассаномъ, а мы удерживаемъ его за собою, предупреждаю васъ.

Съ тѣхъ поръ между аббатомъ и Руговами настала холодность. Когда Марта опять пришла къ матери жаловаться на то, Фелиситѣ сказала ей:

—Твой аббатъ смѣется надъ тобою; ты никогда не получишь отъ этого человѣка ни малѣйшаго удовлетворенія. Намъ мнѣсть, я бы давно показала ему спину. Притомъ онъ не такъ, какъ старая гребенка; я не ловимаю какъ ты можешь сидѣть подлѣ него за обѣдомъ.

Марта изнемогала во внутренней борьбѣ, душившей ее. Она пыталась высказать аббату все что наводило ее, что отравляло ее жизнь. Она поднялась наверхъ, вошла въ его комнату. Аббатъ сидѣлъ предъ столикомъ задумавшись, уронивъ ро. При видѣ Марты, блѣдной, съ пламенною рѣшимостью въ глазахъ, гнѣвъ овладѣлъ имъ.

—Что вамъ надо? обратился онъ къ ней грубо;—сойдите внизъ и ждите меня, если вамъ нужно говорить со мною. Она оттолкнула его, заперла за собой дверь, сѣла подлѣ стола.

—Я страдаю, я нуждаюсь въ вашей помощи, заговорила она.—Вы не можете покинуть меня. Я вамъ говорю; Богъ не оставитъ меня болѣе. Я Его не чувствую болѣе. Научите меня, помогите мнѣ.

—Молюсь, сказалъ строго аббатъ.

—Я молилась, молилась по цѣлымъ часамъ, стараясь уви-

тожиться въ каждомъ словѣ молитвы, и я не почувствовалъ Бога.

— Молитесь еще, молитесь до тѣхъ поръ пока Богъ придетъ и сойдетъ къ вамъ.

Марта поглядѣла на него съ тоской.

— Итакъ, только молиться? спросила она.—Вы ничего больше не можете сдѣлать для меня?

— Ничего, сурово отвѣтилъ аббатъ.

Марта подняла въ отчаяніи свои трелещущія руки; гнѣвъ душилъ ее. Но она сдержала себя и заговорила тихо:

— Вы помните какъ мнѣ было покойно когда вы явились? Я жила въ своемъ уголкѣ безъ желаній, безъ любопытства. Это вы разбудили меня своими словами, отъ которыхъ у меня поворачивалось сердце. Вы заставили меня пережить вторую молодость. Ахъ, вы не знаете какія наслажденія доставили вы мнѣ вначалѣ. Я слышала свое сердце; я необъятно надѣялась. Въ сорокъ лѣтъ это мнѣ казалось смѣшнымъ иногда, но я прощала себѣ, такъ я была счастлива. Теперь я хочу чтобы вы дали все то счастье какое обѣщали....

Вся грубость, все врожденное презрѣніе къ женщинамъ проскудись въ груди аббата.

— Я васъ прибью чтобы выгнать злаго духа изъ вашего тела, вскричалъ онъ въ ярости.

Марта вышла отъ него, шатаясь. Она не плакала, она повторяла только: „Франсуа вернется, Франсуа выброситъ ихъ всѣхъ за окно.“

Въ нѣсколько минутъ она собралась чтобы ѣхать къ нему въ Тюлетъ. Роза, крайне недовольная, ворчала всю дорогу ей казалось совершенно бессмысленною эта затѣя ѣхать въ сумашедшій домъ, гдѣ все такъ печально, тогда какъ у себя дома такъ хорошо, такъ весело!

Дядя Маккаръ былъ крайне изумленъ прїѣздомъ Марты.

— Ты хочешь видѣть Франсуа? воскликнулъ онъ;—это добродѣло. Бѣдный малый довольно-таки ревѣлъ тутъ по тебѣ. Я видѣлъ изъ своего сада какъ онъ стучалъ кулаками о стѣны, призывая тебя. Такъ ты пришла съ нимъ повидаться? Я думалъ что вы все позабыли его тамъ... Не знаю, однако позволить ли директоръ пройти къ нему сегодня. Мурѣ трудно водить себя съ нѣкоторыхъ поръ; онъ ломаетъ и бьетъ все что увидитъ, и грозитъ поджечь домъ. Чортъ возьми эти сумашедшіе не всегда любезны.

Марта слушала его, содрагаясь.

— Умоляю васъ, помогите мнѣ съ нимъ увидѣться, сказала она— У васъ есть друзья въ этомъ домѣ, вы можете открыть мнѣ двери. Я нарочно пріѣхала, мнѣ необходимо непремѣнно сегодня же переговорить съ Франсуа.

— Конечно, конечно, бормоталъ Маккаръ, котораго пріѣздъ Марты совсѣмъ сбилъ съ толку. Онъ не могъ понять для этого постыженія сколько ни ломалъ голову.

Онъ повелъ Марту чрезъ маленькую боковую дверь, обмѣнившись вполголоса нѣсколькими словами со сторожемъ Александромъ.

Марта, дрожа, вошла въ номеръ мужа. Послѣдній казался сколько не былъ удивленъ появленіемъ жены.

— Это ты, моя милая? сказалъ онъ своимъ спокойнымъ голосомъ.— Я поджидалъ тебя; я безлокоился о дѣтяхъ.

Онъ совсѣмъ не измѣнился; онъ даже выглядѣлъ лучше, похвѣстѣлъ, выражаяе буржуазнаго самодовольства олять появилось на его лицѣ; онъ потиралъ руки, щурился, сменилъ юбку, болтая какъ въ лучшіе дни:

— Я поправилась, милая; мы можемъ вернуться домой. Ты мнѣ за мной, не правда ли? Смотрѣли ли какъ слѣдуетъ за южкь огородомъ? У меня есть планы на этотъ счетъ... мы мнѣ богаты, можемъ позволять себѣ кое-какія прихоти. Держу пари что застаю все въ безпорядкѣ. Ты ни на что не обращаешь вниманія; инструменты валяются, шкалы отперты, Роза только пачкаетъ полы своей метлой. Но ты ничего не сказала мнѣ о дѣтяхъ? Дезирѣ все еще у кормилицы? Мы идемъ къ ней, спросимъ не скучаетъ ли она. Хочу также съѣздить въ Марсель, Октавъ безлокоить меня. О Сержѣ не говорю, онъ слѣшкомъ благоразуменъ, онъ постоитъ за мнѣ. Какъ однако мнѣ пріятно говорить о своихъ...

И онъ продолжалъ болтать безъ перерыва, спрашивая о мельчайшихъ подробностяхъ, обнаруживая чрезвычайную лживость. Марта, глубоко тронутая, готова была видѣть величайшую деликатность въ томъ что онъ старался избѣжать всякаго упрека, всякаго напоминанія о своихъ страданіяхъ. Она внутренно клялась искупить свою вину, сдѣлавшись рабыней того великодушнаго человѣка; круглыя слезы текли по ея щекамъ, колѣни ея подгибались, она готовилась упасть предъ нимъ съ мольбою о прощеніи.

— Остерегитесь, шепнулъ ей сторожъ; — у него глаза имѣютъ опасное выраженіе.

— Но онъ вовсе не сумашедшій, пробормотала Марта;—ка нусь вамъ, онъ не сумашедшій! Я поговорю съ директоромъ, а хочу тотчасъ взять его отсюда.

— Остерегитесь, грубо повторилъ сторожъ, отводя ее за руку.

Въ Мурѣ, во время его болтовни, произошла внезапная перемена. Онъ пригнулся къ полу и медленно поплылъ на четири веревька въдоль стѣны.

— Го! го! рычалъ онъ дико и протяжно.

Вдругъ онъ вскочилъ однимъ прыжкомъ, привалился битыми кулаками по лицу; рвалъ ногтями тѣло и одежду.

— Уходите же! крикнулъ Мартъ сторожъ.

Она стояла какъ пригвожденная. Она узнала свои собственные припадки въ этихъ движеніяхъ сумашедшаго, бисагося на полу. Это она свела его съ ума.

— Онъ не сумашедшій! бормотала она. — Онъ не можетъ быть сумашедшимъ! Это было бы ужасно; я лучше желала умереть!

Сторожъ, схвативъ ее на руки, вынесъ за дверь. Она слышала за собою шумъ борьбы, крики звѣря котораго ржати потомъ раздавался глухой звукъ, какъ будто паденіе узла с мокрымъ бѣльемъ, и затѣмъ все смолкло.

Вернувшись къ дядѣ Маккару, Марта повторяла лихорадочно, разбитымъ голосомъ:

— Онъ ошелъ съ ума! онъ сошелъ съ ума!

— Разумѣется, фыркнулъ Маккаръ. — Ты думала что онъ ставеть за твоею ухаживать? Этотъ домъ не очень-то здоровъ а черезъ два часа взбѣсилася бы тутъ, что до меня.

Прощаясь со сторожемъ, Маккаръ пригласилъ его завести къ нему на бутылочку вина, подмигнувъ ему особеннымъ образомъ, что заставило Александра согласиться. Они вдвоемъ отнесли на рукахъ почти безчувственную Марту въ комнату дяди, гдѣ Роза раздѣла ее и уложила въ постель. Затѣмъ Маккаръ, Александръ и Роза усѣлись за столъ, тамъ имъ приготовленъ былъ гаянцевый.

— Можетъ-быть моя племянница прѣзжала сюда чтобъ взять назадъ своего мужа? спросилъ Маккаръ, приставляя глаза въ глаза кухаркѣ.

— Ахъ, избави Боже! съ ужасомъ вскричала она. — Слава бы хозяинъ распорядился въ домѣ! Онъ перебьетъ насъ всѣхъ! Это именно чего я всегда боюсь—какъ бы онъ въ одну прѣзжалъ!

красую ночь не пришелъ мнѣ всѣхъ перерѣзать. Какъ я вижу объ этомъ, въ своей постели, не могу спать: такъ и вится мнѣ что онъ лѣзетъ въ окно, съ взъерошенными волосами и какъ свѣчки свѣтащимся глазами.

Маккара все это безконечно забавяло, онъ стучалъ чашкою по столу.

— Это будетъ забавно, очень забавно! повторялъ онъ.— Не думаю чтобъ онъ очень любилъ васъ, въ особенности пола, который занялъ его мѣсто. Онъ его проглотитъ однимъ духомъ, эти сумашедшіе ужасно сильны какъ увѣряютъ. Представляешь ты себѣ, Александръ, какъ бѣдный Франсуа является лодкой? Чистенько онъ вымоетъ полъ! Позабавило бы это неа.

Онъ кидалъ взгляды на сторожа, спокойно пившаго свой грогъ и только поддакивавшего головою.

— Это вѣдь одно предположеніе — такъ только, чтобы поспѣться, продолжалъ Маккаръ, замѣтивъ что глаза Розы съ ужасомъ устремились на него.— А что же говорить обо всемъ томъ Ругоны? вдругъ спросилъ онъ.— Они на сторонѣ аббата?

— Хозяинъ не такъ-то былъ любезенъ съ вами чтобъ они показываи о немъ, отвѣтила Роза.— Онъ уже не знаетъ что бы такое выдумать на нихъ.

— И онъ былъ правъ, возразилъ Маккаръ;— какъ подумаю что они ни за что не хотѣли кулить лашню тамъ, напротивъ... малкозлѣвшіа афера была бы... Фелиситѣ славно бы скрыла рожу еслибы Франсуа вернулся....

Онъ фыркнулъ олять, обошелъ вокругъ стола, и раскуривъ трубку, обратился къ Александру:

— Надо помнить свой часъ, мой милый, сказалъ онъ ему, слова подмигнувъ.— Я провожу тебя. Марта теперь усложнилась, а Роза накроетъ намъ къ ужину тѣмъ временемъ.

Прошло больше полчаса, они не возвращались. Кухарка, соскучившись, вышла на террасу и принялась глядѣть на пустынную дорогу. Ей показалось какъ будто двѣ черныя тѣни притаились на той сторонѣ, за плетнемъ.

— Кажется, Маккаръ, подумала она, — и онъ разговариваетъ какъ будто съ какимъ-то священникомъ.

Нѣсколько минутъ спустя пришелъ Маккаръ.

— Это не вы были тамъ сейчасъ со священникомъ? спросила Роза.

— Я, со священникомъ?! вскричалъ онъ;— гдѣ, къ чорту? во

онъ вы видѣли! заѣсъ въ цѣломъ краѣ нѣтъ ни одного попа.

Его маленькіе горячіе глаза вращались; вдругъ онъ поправился:

— Есть тутъ аббатъ Фениль, но это все равно какъ бы его не было; онъ никогда не выходитъ.

Марта между тѣмъ очулась и хотѣла тотчасъ ѣхать домой. Маккаръ было воспротивился этому, уговаривая ее остаться у него ночевать, но она объявила рѣшительно что уйдетъ лѣшкомъ если онъ не отвезетъ ее. Маккаръ пожалъ плечами.

— Маѣ все одно, въ сущности, вскричалъ онъ съ гнѣвомъ. — Я хотѣлъ избѣжать какой-нибудь бѣды... но пусть будетъ что будетъ.

Марту надо было вынести на рукахъ: ее трясла лихорадка. Маккаръ накинулъ ей на плечи свой старый плащъ, посадилъ въ тележку и повезъ. Всю дорогу онъ высматривалъ кого-то, заглядывалъ за плетень, въ канавы. Когда Роза наконецъ спросила его кого онъ ищетъ, онъ отвѣтилъ что въ окрестностяхъ появились волки. За милую отъ Пассана пошелъ проливной дождь.

— Везти васъ къ вамъ домой? спросилъ Маккаръ, когда они наконецъ пріѣхали въ городъ.

— Разумѣется, отвѣтила Роза, удивленная.

Маккаръ замѣтилъ ей что Марта очень слаба, что лучше отвезти ее къ ея матери. Онъ наконецъ согласился остановиться предъ ея крыльцомъ, но двери были заперты, такъ что не возможно было достучаться, и пришлось поневолѣ искать убѣжища у угоновъ. Фелиситѣ пришла въ ужасъ при видѣ отчаяннаго положенія дочери и подозрительно посматривала на Маккара, съ видомъ добрушія рассказывавшаго ей всю исторію. Она знала его и заподозрѣвала нѣчто недоброе въ тайной радости сквозившей на уголкахъ его глазъ. Когда Маккаръ убѣжалъ за докторомъ, она разспросила подробно обо всемъ Розу, и все-таки не узнала ничего что могло бы разсвѣять ея смутныя подозрѣнія.

Между тѣмъ Мурѣ, очувшись въ своей каморкѣ, напелъ дверь ея отворенною. „Она не заперла дверь, она вѣроятно ждетъ меня“, проговорилъ онъ вслухъ и началъ одѣваться въ лотьмахъ. Потомъ онъ вышелъ изъ номера, тщательно залочивъ за собою дверь и спокойно прошелъ дворъ. Онъ замѣтилъ сторожа, который кажется подглядывалъ за нимъ, и остановился, недоумѣвая какъ поступить. Но сторожъ тотчасъ

скрылся, и Мурё очутился предъ вторыми воротами, точно также отпертыми. Онъ вышелъ и тщательно затворилъ ихъ за собою, не удивляясь и не торопясь.

— Она добрая женщина, какъ бы то ни было, бормоталъ онъ;—должно-быть ужь очень поздно, надо домой, а то тамъ будутъ беспокоиться обо мнѣ.

Онъ пошелъ по дорогѣ, и скоро совсѣмъ забылъ о Тюлетѣ; онъ воображалъ что возвращается отъ владѣльца виноградниковъ, у котораго купилъ партію вина. Дойдя до перекрестка, отъ котораго расходились пять дорогъ, онъ тотчасъ узналъ мѣстность и засмѣялся, говоря себѣ:

— Какъ же я глупъ! чуть было не пошелъ къ Сентъ-Эгрлу, тогда какъ мнѣ надо взять вѣтвь. Часа черезъ полтора я буду въ Плассанѣ.

И онъ увѣреннымъ шагомъ пошелъ по большой дорогѣ, съ любопытствомъ останавливаясь предъ нѣкоторыми полями и деревенскими домами. Небо имѣло пепельный цвѣтъ, розоватыя полосы освѣщали ночь словно отблесками потухающей жаровни. Крупныя капли дождя начинали падать; влажный вѣтеръ дулъ съ востока.

— Чортъ возьми, нечего медлить, проговорилъ Мурё, съ безпокойствомъ всматриваясь въ небо.—Вѣтеръ съ востока, а не успею добѣжать до Плассана раньше дождя. А я очень плохо одѣтъ къ тому же.

И онъ залахнулъ на груди толстую сѣрую куртку, которую въ Тюлетѣ разорвалъ въ клочки. На челюсти у него была глубокая рана, и онъ приложилъ къ ней руку, не создавая жестокой боли. Дорога была совершенно пуста, онъ встрѣтилъ только повозку, ѣхавшій въ которой оквозь совъ не отъѣхалъ на его дружесское „добраго вечера“. Дождь захватилъ его на Віорянскомъ мосту. Онъ сошелъ подъ мостъ чтобъ укрыться, ворча что ничто такъ не губитъ платья, и что если бы онъ зналъ то взялъ бы зонтикъ. Тамъ простоялъ онъ съ полчаса, прислушиваясь къ шуму дождевыхъ потоковъ; когда ливень пересталъ, онъ выбрался снова на дорогу и наконецъ пришелъ въ Плассанѣ, осторожно обходя лужи.

Было около полночи; но Мурё разчиталъ что еще не должно быть восьми часовъ и безпокоился что обѣдъ простылъ. Счастью встрѣтитъ меня Роза, думалъ онъ.

Онъ остановился предъ воротами своего дома. Вотъ тебѣ и разъ, у меня вѣтъ съ собою моего ключа! проговорилъ онъ.

Окна въ домѣ были погружены во мракъ; это обстоятельство возбуждало въ сумашедшемъ крайнее недоверіе, онъ залодозривъ опасность. Отбѣжавъ на другую сторону улицы, онъ еще разъ осмотрѣлъ свой домъ, и словно рѣшившись на что-то, подошелъ къ нему изъ переулка, находившагося позади сада. Калитка и здѣсь была заперта. Тогда, движимый внезапнымъ бѣшенствомъ, онъ бросился на нее съ такою силою что она раздалась пополамъ. Оглушенный силою толчка, онъ не повиная хорошенько для чего сломалъ дверь, и принялся поправлять ее, прилаживая кусокъ къ куску.

Онъ былъ уже въ саду. Поднявъ голову, онъ увидѣлъ что окно спальни, въ первомъ этажѣ, было сильно освѣщено; онъ подумалъ что жена его ложится въ постель. Это очень его удивило: вѣрно онъ заснулъ подъ мостомъ, пережидая дождь; должно-быть уже очень поздно. Сосѣднія окна Рагуаля и подпрефектуры были также темны. Онъ повелъ глазами и замѣтилъ свѣтъ лампы во второмъ этажѣ, за толстыми занавѣсками аббата Фожя. Онъ стиснулъ себѣ виски горячими руками, метаясь въ какомъ-то страшномъ воспоминаніи, въ какомъ-то кошмарѣ, гдѣ не было ничего яснаго, гдѣ грозилъ ему и его семейству какая-то страшная опасность, въ которой погибаетъ весь домъ, если онъ не спасетъ его.

— Марта, Марта, гдѣ ты? пробормоталъ онъ вполголоса;— уведи дѣтей....

Онъ искалъ ее въ саду, но самый садъ былъ для него неузнаваемъ. Онъ показался ему большимъ и пустыннымъ, словно кладбище, послѣ перемѣвъ произведенныхъ въ немъ Трушемъ. Глухой гнѣвъ подымался въ немъ при видѣ этихъ опустошеній.

— Марта, Марта, гдѣ ты? окликнулъ онъ снова, принимаясь искать ее въ маленькой оранжереѣ подлѣ террасы. Тамъ были свалены, точно трупы, стволы деревьевъ срубленныхъ по приказанію Труша. Мурѣ отступилъ, объятый ужасомъ; гнѣвъ все возрастая придавалъ его членамъ гибкость зѣбры; онъ ходилъ кругомъ дома безъ шума дѣлая прыжки и отпрыгивая, ища какого-нибудь входа. Найдя погребъ, онъ влѣзъ въ него какъ кошка, дѣлаясь ногтями за стѣны и наконецъ вползъ въ домъ. Ощулю добрался онъ до кухни, черкнулъ спичку, нащелъ съ помощью ея лампу и осмотрѣлся. По видимому, вечеромъ въ домѣ было большое лиршество: кухня представляла страшный безпорядокъ, тарелки и стаканы

загромождали столъ, кастрюли, еще теплыя, валялись повсюду. Овъ нюхалъ ихъ, считалъ блюда, изумаясь тому что они отъжались тракторомъ, а не чистомъ и скромномъ кухней удалившагося отъ дѣлъ коммерсанта.

Въ столовой замѣчался тотъ же безпорядокъ. Овъ наткнулся на бутылку коньяка, заткнутую тряпкой; шкафы были на половину пусты, банки съ вареньемъ и консервами раскрыты, всѣ припасы завалены и изгажены, точно тутъ прошла дѣлая армія крысъ. Овъ прошелъ въ гостиную, отыскивая Марту, но остановился на порогѣ, не узнавая комнаты: обои, коверъ, мебель, все было другое, новое, все гаубоко удивляло его.

— Марта! Марта! бормоталъ овъ въ отчаяніи.

На верху слышались хохотъ отъ котораго волосы его стали дыбомъ. Поставивъ лампу, овъ сталъ пробираться на четверенькахъ, безъ шума, съ легкостью волка, и пріѣхавъ предъ дверью спальни, сквозь которую проникала полоса свѣта.

— Вотъ такъ постель! говорила тамъ Олимпія, смѣясь и вертясь подъ одеялами.—Посмотри, Оворе, какъ я погружаюсь: у меня луху выше головы! Сказать тебѣ: съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, моя мечта была спать въ этой постели. Это просто сдѣлалось моею боѣзнію; я не могла видѣть какъ эта карга хозяйка вѣждалась въ ней безъ того чтобы мнѣ не захотѣлось вышвырнуть ее на полъ и самой лечь на ея мѣсто. Не услышь лечь, какъ уже тепло—точно тебя завернули въ вату.

Трушъ въ это время разглядывалъ флаконы на туалетномъ столикѣ.

— У нея всякихъ духовъ тутъ найдешь, говорилъ овъ.

Потомъ овъ выдвинулъ ящики комода и приваялся рыться въ бѣльѣ.—Надѣнь-ка это, говорилъ овъ женѣ, бросая ей рубашку Марты:—она вся изъ кружевъ; я люблю когда женщины на одѣта въ кружева.

— Поставь-ка грогъ сюда подлѣ кровати, лосовѣтовала Олимпія:—не будемъ ходить на другой конецъ комнаты когда захочется выпить.

— Я славно поѣлъ сегодня, пробормоталъ Трушъ.

— И славно выпилъ, добавила со смѣхомъ Олимпія.

— А что, аббатъ еще не собирается уѣхать? заговорилъ Трушъ лосавъ короткаго молчанія.—Если его назначуть епископомъ, надо чтобъ овъ оставилъ этотъ домъ намъ.

— Кто его знаетъ, отвѣтила Олимпія недовольнымъ тономъ.— Можетъ-быть мамаша думаетъ оставить домъ для себя.. Славно было бы намъ здѣсь однимъ! Я положила бы хозяйку наверху, въ комнатѣ брата, сказала бы ей что тамъ здоровѣе... Передай мнѣ стаканъ, Онопѣ.

Оба выпили, продолжая болтать.

Мурѣ поползъ далѣе, отыскивая Марту. Онъ заглянулъ въ замочную скважину въ дверь аббата, во второмъ этажѣ. Фожа сидѣлъ за столикомъ и писалъ. Засылавъ шумъ, онъ подвѣлъ голову. Когда сумасшедшій увидѣлъ его спокойное лицо, глаза его покраснѣли, легкая тѣна явилась на уголкахъ его губъ; сдерживая рычанье, онъ поползъ на четверенькахъ по лѣстницѣ, по корридорамъ, повторяя вполголоса:

— Марта! Марта!

Онъ искалъ ее по всему дому—въ комнатѣ Розы, въ квартирѣ Трушей, въ прежнихъ комнатахъ дѣтей, гдѣ онъ зарыдалъ, найдя лару столпанныхъ башмаковъ которые носила Дезирѣ. Онъ всходилъ на лѣстницу и опять спускался, прислонялся къ периламъ, пробирался подъ стѣнкой, обходилъ комнаты на цпочкахъ, и скоро не было въ домѣ ни одного угла который бы онъ не осмотрѣлъ. Ни Марты, ни дѣтей, ни Розы не нашелъ онъ: домъ былъ лустъ и могъ обрушиться.

Мурѣ сѣлъ на стульчикъ лѣстницы, между первымъ и вторымъ этажомъ. Сложивъ руки и прислонясь спиною къ периламъ, съ глазами устремленными въ темноту ночи, онъ ждалъ, пока медленно зрѣла поглощавшая его мысль. Чувства его получили такую тонкость что схватывали малѣйшій шорохъ въ домѣ. Внизу, Трушь храпѣлъ, Олимпія шуршала, перевертывая листки романа; во второмъ этажѣ скрипѣло перо аббата, а въ смежной комнатѣ спящая Мше Фожа аккомпанировала этому скрипу своимъ громкимъ дыханіемъ. Мурѣ просидѣлъ цѣлый часъ, настороживъ уши. Олимпія первая уступила сну; онъ слышалъ какъ упала ея книжка. Потомъ аббатъ положилъ перо, раздвѣся и легъ такъ тихо что кровать не скрипнула подъ нимъ. Весь домъ улегся; только по слыхкомъ тонкому дыханію аббата сумасшедшій чувствовалъ что онъ не спитъ; мало-по-малу и это дыханіе сдѣлалось тяжелѣе; весь домъ спалъ.

Мурѣ медленно вышелъ въ садъ и оттуда въ оранжерею. Онъ собралъ тамъ огромныя связки высохшихъ стволовъ и перетаскалъ ихъ къ дверямъ Трушей и Фожа. Ему необхо-

никъ былъ свѣтъ, онъ позажигалъ въ кухнѣ всѣ лампы и разставилъ ихъ на лѣстницѣ и по корридорамъ. Кучи сухаго дрова росли выше и выше предъ дверьми и окнами. Ему показалось что костеръ слишкомъ малъ; онъ вспомнилъ что въ ящикѣ у него хранилось топливо на зиму—уголь, дрова, виноградная лоза; онъ все это перетаскивалъ къ дверямъ и окнамъ. Остатки онъ распределялъ по корридорамъ, кухнѣ и сѣняхъ; мебель пошла туда же. Казалось онъ былъ одаренъ новою жизнію, необычайною логикою движеній. Когда все было готово, онъ любовался нѣсколько минутъ своимъ произведеніемъ, перехода отъ одной кучи къ другой и потирая руки съ выраженіемъ величайшаго удовольствія. Замѣтивъ что нѣсколько кусковъ угля просыпались по лѣстницѣ, онъ сбѣжалъ за метлой и начисто обмелъ ступеньки. Но мало-по-малу выраженіе удовольствія сбѣжало съ его лица, онъ согнулся, праскль опять на четвереньки и зарычалъ съ дикою радостью.

Онъ схватилъ виноградную лозу и принялся зажигать костры, взявъ съ тѣхъ которые стояли на террасѣ, предъ окнами. Однимъ прыжкомъ онъ вбѣжалъ въ домъ и поджогъ кучи дровъ въ гостиной и столовой, въ кухнѣ и въ сѣняхъ. Перетакивая изъ этажа въ этажъ, онъ разбрасывалъ горящую лозу подъ костры возвышавшіеся предъ дверьми Трушей и Фожя. Онъ содрогался отъ возрастающаго бѣшенства, блескъ пожара ослѣплялъ его. Онъ прыгалъ сквозь густой дымъ, раздувая собственною грудью костры, кидая въ нихъ пригоршнями раскаленнаго угля и рукоплескала изо всѣхъ силъ своему дѣлу.

Домъ пылалъ какъ печь. Пожаръ занялся сразу на всѣхъ этажахъ. Безумный поднялся во второй этажъ, заслоня проходы и не спуская глазъ съ двери аббата.

— Овидій! Овидій! раздавался голосъ, полный ужаса.

Въ глубинѣ корридора отворилась дверь изъ комнаты Мше Фожя; пламя, какъ буря, ворвалось туда. Старуха показала съ огнѣ. Простирая руки, она раздвинула костеръ, прыгнула въ корридоръ и разбросала ударами рукъ и ногъ горящія головни предъ дверью сына, котораго продолжала призывать.

— Подожди меня, не бросайся въ окно, кричала она, стуча въ дверь.

Дверь, уже начавшая горѣть, подавалась, и Мше Фожя показывалась снова, таща своего сына.—Я тебя спасу, Овидій, говорила она съ грубою энергіей,—держишь крѣпче за мои плечи, удержишь за мои волосы, я доведу тебя до конца.

Она вскинула его на плечи, какъ ребенка, не пошатнувшись подъ тяжестью этого огромнаго тѣла, лишившагося чувствъ. Своими босыми ногами тушила она горячіе угли, раздвигала обнаженною рукой лавама чтобъ оно не коснулось ея сына. Но въ ту минуту какъ она готовилась спуститься съ лѣстницы, безумный кинулся на аббата, стащилъ его съ плечъ матери, и свалившись съ нимъ съ пылающей лѣстницы, привалился терзать и душить его.

— Марта! Марта! кричалъ онъ....

Мше Фожѣ впилась зубами въ его горло. Наверху мужъ и жена Труши, оба пьяные, горѣли въ пламени; домъ рухнулъ въ пыли огненныхъ искръ....

Другая сцена происходила въ это время у Ругоновъ.

Докторъ Поркье пришелъ только въ половинѣ перваго часа и осмотрѣвъ Марту, лежавшую безъ движенія, закусила губу и сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукою.

— Добрѣйшая Мше Руговъ, сказалъ онъ,—вамъ нужно въ присутствіе духа.

Фелиситѣ зарыдала.

— Пришелъ кснецъ, продолжалъ докторъ тихо.—Давно ужъ жду я этой печальной развязки и долженъ сознаться вамъ и томъ сегодня. У бѣдной Мше Мурѣ были поражены оба легкія и чахотка усложнилась у нея нервною болѣзью.

Онъ сѣлъ, сохраняя на уголкахъ губъ улыбку благовопитаннаго врача, соблюдавшаго вѣжливость даже въ отношеніи къ смерти.

— Не отчаивайтесь, не захворайте сами, дорогая сударыня продолжалъ онъ.—Катастрофа была неизбежна, случай могъ ускорить ее каждый день. Бѣдная Мше Мурѣ вѣроятно казалась въ молодости, не правда ли? Въ эти послѣдніе годы, хотка дѣлала въ ней быстрые успѣхи. Чтò будете дѣлать? Промысла неисловѣдимы, наука часто бессильна....

Фелиситѣ продолжала плакать, докторъ уговаривалъ ее пить липоваго цвѣта, и чтобъ успокоить ее рѣшился остаться при больнои на всю ночь, расположившись весьма удобнò въ креслѣ. Услышавъ что Мартѣ остается жить всего нѣсколько часовъ, Фелиситѣ хотѣла послать за Сержемъ, но рѣшительно этому воспротивилась.

— Вы хотите его также убить, бѣднаго малютку! говоритъ она,—его слишкомъ потрясетъ, если разбудить его среди ночи, чтобы видѣть умирающую, а не хочу быть его лалачомъ.

Она была недовольна Мартой за ея повѣдку въ Тюлетъ и мѣлась около ея постели съ сердитымъ ворчаніемъ: „Ничего виновать, если хозяйка пошла искать смерти подлѣ своего мужа. А теперь вотъ все должны всполошиться, она заставляетъ всехъ насъ плакать. Нѣтъ, не позволю поднять шютку среди ночи.“

Она кончила однако тѣмъ что согласилась пойти въ семинарію. Докторъ, протянувъ ноги къ камину, продолжалъ утѣшать Мше Руговъ. Легкое хрипѣнье подымало грудь Марты. Для Маккаръ, добрыхъ два часа пропадавшій изъ виду, тихонько приотворилъ дверь.

— Откуда вы? спросила Фелиситѣ, отводя его въ уголъ.

Овъ отвѣчалъ что ходилъ поставить лошадь и телѣжку на восточный дворъ. Но глаза его такъ бѣгали, на лицѣ было такое дьявольское выраженіе что тысячи подозрѣній вспали на умъ Фелиситѣ.

— Вы словно выслѣживали кого-нибудь, сказала она замѣтивъ его забрызганные грязью панталоны. — Вы скрываете отъ меня что-то, Маккаръ, это не любезно съ вашей стороны. Мы всегда были хороши къ вамъ.

— Хороши, да, вамъ бы это говорить! фыркнулъ Маккаръ. — Въ два о покупки лашни Руговъ обошелся со мною какъ съ послѣднимъ мазурикомъ. Гдѣ овъ, Руговъ? Нѣжится себѣ и знать не хочетъ что тутъ заботятся о семействѣ...

Усмѣшка которою овъ сопровождалъ эти слова сильно встрѣтила Фелиситѣ.

— Все это очень подозрительно, ваши заботы о семействѣ... сказала она. — Я подробно разспрашивала Розу: оказывается что вы непременно хотѣли вести Марту прямо сюда. Меня удивляетъ что вы не стучали сильнѣе въ домъ Мурѣ, вамъ отворили бы. Говорю не съ тѣмъ чтобы мнѣ непріятно было видѣть мою дочь у себя: по крайней мѣрѣ она умретъ здѣсь между своими, вокругъ нея не будетъ никого кромѣ ея друзей.

Маккаръ былъ очень удивленъ послѣдними словами Фелиситѣ.

— Я думалъ что вы въ наилучшихъ отношеніяхъ съ аббатомъ Фожя? прервалъ овъ ее съ безпокойствомъ.

Такъ какъ Фелиситѣ не отвѣчала, то овъ подошелъ къ окну и приподнявъ занавѣсъ, всматривался въ темноту ночи, барабала пальцами по стеклу.

— Очень мудро угодить вамъ, ворчалъ овъ: — то вы любите кого-нибудь, то не любите.... Да по мнѣ все равно.

Въ сущности ему было крайне непріятно узнать что Руговы болѣе не тянули сторону аббата. Онъ продолжалъ бить пальцами по стеклу, всматриваясь въ темноту. Въ эту минуту красное зарево освѣтило небо.

— Пожалуй, пожаръ, проговорилъ онъ спокойно, отворивъ окно.

На улицѣ слышался шумъ. Испуганный слуга вбѣжалъ съ извѣстіемъ что горитъ домъ Мурѣ, и что самого безумнаго видѣли тамъ въ саду, съ зажженной виноградною лозой. Хуже всего было то что не надѣялись спасти жильцовъ.

Фелиситѣ пристально взглянула въ глаза Маккару. Она начинала понимать.

— Сколько аббатъ Фениль заплатилъ вамъ чтобъ отворить дверь Франсуа? спросила она.

Маккаръ разсердился, принялся горячо оправдываться и наконецъ убѣжалъ изъ комнаты, сказавъ что идетъ посмотреть на пожаръ.

Подпрефектъ первый замѣтилъ огонь изъ своей спальни и поднималъ тревогу. Онъ уже собрался спать, но тотчасъ одѣлся и вышелъ на улицу. Онъ пробовалъ стучать въ дверь, но ему отвѣтилъ только свистъ пламени, бушевавшего на лестницѣ. Тогда онъ постучался къ Рагуаю, гдѣ уже всѣ были на ногахъ. Все семейство президента вбѣжало на улицу.

— Что за несчастіе, все сгоритъ! лепеталъ президентъ. — Стѣна моего дома уже сдѣлалась горяча. Ахъ, господи! подпрефектъ, я даже не имѣлъ времени спасти стѣнные часы... Надо организовать помощь; невозможно же потерять всю свою движимость въ нѣсколько часовъ.

Скоро однако народъ сталъ прибывать къ мѣсту происшествія; президентъ заставилъ первыхъ прибывшихъ выносить его часы и мебель. Кресла изъ его гостиной разставили на противоположномъ тротуарѣ и тамъ разсѣлось все мало-помалу сбѣжавшее общество Плассана: Рагуаи, Мафрѣ, Поркье, Делангеръ. Прибыли наконецъ и пожарные, и послѣ многихъ тщетныхъ усилій труба начала дѣйствовать.

— Но это ужасно! восклицала опоздавшая Мме Кондаменъ: — Я думала что жильцы имѣли время спастись. Какъ нѣтъ никакихъ извѣстій объ аббатѣ Фожѣ?

— Я самъ стучался, отвѣтилъ подпрефектъ, — никто не отозвался. Когда пожарные прибыли, я велѣлъ выломать дверь, подставить лестницы къ окнамъ—все было бесполезно.

— Такъ стало-быть аббатъ Фожя?... Чтò за ужасная смерть! притворила съ содроганіемъ Мше Кондаменъ.

Блѣдныя лица переглянулись при свѣтѣ лампы. Докторъ Перке объяснялъ что смерть отъ огня можетъ-быть не такъ печальна какъ обыкновенно представляютъ себѣ.

— Не знаютъ ли отчего загорѣлось? спросила спустя нѣкоторое время Мше Кондаменъ.

— Я полагаю что дѣло не обошлось безъ злоумышленія, сдержанно высказался подпрефектъ. — Я уже распорядился произвести сѣдствіе.

Онъ разказалъ что видѣлъ изъ окна своей спальни человека зажигающаго огонь виноградною лозой.

— Я его также видѣла, вдругъ сказала Аврелія Растуаль. — Это Мурè.

Всѣ были поражены. Мурè ускользнувшій изъ сумасшедшаго дома и поджигающій свой домъ — какая ужасная драма! Аврелію закидали вопросами.

— Увѣрю васъ, я хорошо узнала Мурè, отвѣчала она краснѣя. — Мнѣ не спалось, я встала завидя зарево. Мурè танцовалъ посреди огня.

— Совершенно вѣрно, подтвердилъ префектъ; — теперь и я знаю этого несчастнаго. Онъ былъ такъ страшенъ что я отшатнулась отъ ужаса, хотя его фигура не была мнѣ совершенно незнакома.

Разговоръ такимъ образомъ перемѣнилъ направленіе. „Сумасшедшіе всегда злопамятны“, сказала Мше Кондаменъ, привнеся въ замѣшательство этою фразой; дамы вздрогнули, судныи обмѣнялись взглядами.

Огонь между тѣмъ началъ блѣднѣть, застилаясь тучами дыма. Общество поддалось съ мѣсто, готовясь разойтись по домамъ.

— Конечно, проговорилъ мысленно дядя Маккаръ.

Онъ остался еще съ минутою на мѣстѣ, прислушиваясь къ послѣднимъ словамъ супруги судьи, говорившей вполголоса Мше Кондаменъ:

— Ба, никто не станетъ о немъ плакать кромѣ развѣ толстаго Буррета.... Онъ сталъ невыносимъ, мы всѣ сдѣлались по рабами. Епископъ долженъ торжествовать въ эту минуту. Пассажи наконецъ освобождаютъ!

— А Руговы? замѣтила Мше Кондаменъ: — Они должны быть въ восторгѣ.

— Руговы теперь на седьмомъ небѣ; имъ достанется насѣдїе аббата. Дорого бы заладили они тому кто поджегъ домъ...

Маккаръ удалился крайне недоволенный. Онъ начиналъ опасаться что остался въ дуракахъ. Торжество Руговъ привело его въ отчаяніе. Это лауты, вѣчно играющіе двойную игру, и съ ними всегда кончишь тѣмъ что останешься обкраденнымъ. Переходя черезъ площадь подпрефектуры, Маккаръ внутренно каялся не дѣйствовать впередъ такъ, на ощупь.

Придя къ Руговамъ, онъ нашелъ Розу сидящею на стулѣ въ кѣ лѣствицы, блѣдною отъ злости.

— Нѣтъ, ужъ не останусь у нея въ комнатѣ, не хочу видѣть подобныхъ вещей, ворчала она.—Пусть околѣваетъ безъ меня! Пусть дохнетъ какъ собака! Не люблю ее больше, никого не люблю! Идти за малюткой чтобы заставить его присутствовать при этомъ!... И я согласилась! Въ вѣкъ себѣ и прощу. Онъ былъ блѣденъ какъ его рубашка, херувимчикъ я должна была привести его изъ семинаріи на рукахъ. Я дурила что онъ дорогой душу Богу отдастъ, такъ онъ плакалъ! Вотъ жалость-то! И теперь онъ тамъ чтобы поцѣловать ее... Кабы домъ обвалился намъ на-голову чтобы разомъ все кончить.... Поиду въ какую-нибудь яму, буду жить одна, никто не захочу видѣть, никогда, никогда.... Вся жизнь только и то чтобы плакать да злиться.

Маккаръ вошелъ въ комнату. Мнѣ Руговъ стояла на колѣняхъ у постели, закрывъ лицо руками, Сержъ заливаясь слезами поддерживалъ голову умирающей. Она не пришла къ себѣ. Послѣднія вслышки пожара освѣщали комнату краснымъ отблескомъ.

Икота разбудила Марту. Она раскрыла удивленные глаза и поднялась на подушкахъ, оглядывалась вокругъ; потомъ сажала руки въ несказанномъ ужасѣ и умерла, различая въ грономъ свѣтѣ рясу Сержа.

Этими потрясающими, хотя не чуждыми мелодрамматизму сценами оканчивается Эмиль Золя послѣдній романъ сво *Завоеваніе Пласмана*. Представивъ читателямъ подробный обзоръ этого во всякомъ случаѣ талантливаго произведенія, мы не можемъ однако не предложить въ заключеніе замѣчаній безъ котораго отъѣика этого романа была бы одностороннею.

Эмиль Золя, какъ мы неоднократно указывали, художникъ реалистъ; онъ понимаетъ свою задачу въ глубокомъ анализѣ

человѣческой природы, въ которой видятъ преимущественно дѣяніе страстей и низменныхъ аллегитовъ. Въ сущности, онъ отчаяннѣйшій изъ пессимистовъ какіе когда-либо появлялись въ литературѣ; но пессимизмъ его весьма ловко маскируется кажущейся близостью къ жизненной правдѣ, которою отличаются его произведенія. Но въ правду его необходимо говорить лишь съ большою осторожностью. Это правда порокастей, отдѣльныхъ чертъ, воспроизводимыхъ верѣдко съ значительною силою дарованія, но въ совокупности представляющихъ нѣчто ложное. Такъ и въ настоящемъ романѣ, несмотря на то что выведенныя имъ лица дышатъ жизнью и дѣйствуютъ въ самой реальной, до мелочности изученной обстановкѣ—все они взятыя вмѣстѣ, какъ *общество*, представляютъ до известной степени клевету на дѣйствительность, на челоѣческую природу. При несомнѣнномъ нравственномъ упадкѣ французскаго общества, все же невозможно чтобы цѣлый провинціальный городъ не представлялъ въ своей жизни явленій болѣе свѣтлыхъ чѣмъ тѣ какія изображаетъ Золя. По свойству его таланта, пессимизмъ у него постоянно беретъ верхъ надъ реализмомъ, и потому какъ ни содержательны его произведенія въ смыслѣ изученія общественныхъ нравовъ, полагаться на нихъ въ окончательномъ выводѣ было бы ошибкою.

V. W.

МОЯ МАТЬ И Я *

АВТОРА „ДЖОНА ГАЛИФАКСА“.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Г Л А В А XIII.

Уснуть съ горя. Нѣкоторые знаютъ что это за сонъ, и особенности въ молодости, и какъ ужасно пробужденіе.

Около полуночи я бросилась въ постель не раздѣвшись проснулась предъ разсвѣтомъ, дрожа отъ холода и недоумая гдѣ я и почему я заснула одѣтая. Но въ слѣдующую минуту я мгновенно встала все.

Я собралась съ духомъ, встала и начала прислушиваться. Въ сосѣдней комнатѣ была тишина, могильная тишина. Далъ слабый трескъ дровъ въ каминѣ, доносившійся до меня когда засыпала, прекратился. Кто тамъ? Что тамъ дѣлается?

Я тихо отворила свою дверь. Сосѣдняя дверь была отворена настежь, такъ что я могла заглянуть въ комнату. Тамъ была полутьма; въ каминѣ догорали красные угли, предъ каминомъ, сидя на стулѣ, спала сидѣлка. Кровати я не могла

---

* Окончаніе. См. №№ 6, 7 и 8 *Русскаго Вѣстника*.

идти, но въ той сторонѣ гдѣ она стояла слышалось слабое дышаніе и по временамъ тихіе вздохи.

О, моя мать, моя мать!

Она молилась, одна, среди ночи, больная, можетъ-быть умирающая, умирающая не выдавшись со мной. Она повторяла слова которыя были ея утѣшеніемъ всю жизнь, какъ сказала много однажды: „Отче нашъ“ и „да будетъ воля Твоя“.

Мое сердце разрывалось, но самообладаніе, которое она часто старалась внушить мнѣ и которое Господь внушилъ мнѣ другимъ образомъ, не измѣнило мнѣ. Прячась за дверью я не выдала себя ни малѣйшимъ звукомъ.

Нѣсколько минутъ спустя она тихо попросила воды, но не получивъ отвѣта повернулась съ покорнымъ вздохомъ.

Какъ должна я была поступить? Разбудить сидѣлку, или пойти къ матери самой. Но что если мое появленіе причинитъ ей вредъ, какъ мнѣ предсказывали, думала я. Что если увидавъ меня она испугается, встревожится? Но я вспомнила почти съ радостью что она не могла видѣть меня. Ослы, какъ это часто случается, одѣлала ее на время совершенно слѣпой.

Она позвала олять и олять напрасно,—бѣдная сидѣлка, какъ я узнала послѣ, не спала восемь ночей. Послѣ этого я не могла остаться въ бездѣйствіи. Я вошла тихо въ комнату, подошла къ постели и взглянула на мою милую мать. О, какое зрѣлище!

Я слышала какъ одна бѣдная женщина съ порокомъ сердца сказала однажды: „слава Богу что мнѣ суждено умереть отъ истой болѣзни“. Да, многія болѣзни съ которыми намъ придется бороться ужасны именно потому что о нихъ нельзя сказать этого, потому что онѣ такъ отвратительны для самого больного и для окружающихъ его. Ослы принадлежитъ къ числу ихъ.

У матери она была сравнительно въ легкой степени, сыпь не распространилась далѣе головы и лица, однако ея видъ, видъ моей матери, вѣжкогда такой вѣжкой и чистой что цѣловать ее, какъ я говорила иногда, было все равно что цѣловать букетъ фиалокъ, производилъ ужасное, отталкивающее впечатлѣніе.

Она съ трудомъ поворачивала голову, очевидно не находя для нея удобнаго положенія и говорила сама съ собой:—О, какъ дачна ночь! О, поскорѣй бы утро. Сидѣлка! Сидѣлка! Неужели некому дать мнѣ напиться?

Я рѣшилась рискнуть. Какъ не была я неопытна и полена горемъ, но я сумѣла приподнять ее, подержала стак у ея губъ твердою рукою, поправила ея подушки и улож ее, какъ она сказала, „такъ покойно“. Я повторила это сколько разъ, но она не догадалась что это я. Она говорила „благодарю васъ, моя милая“, и повидимому удивлялась много не получая отвѣта, но и только. Ея страданіе было такъ сильно что ничто другое не могло остановить на себѣ вниманіе. Притомъ я дѣлала для нея только необходимо и дѣлала это какъ чужая. Бѣдная! Она улеглась опять, съ живъ руки съ кроткою покорностью и не ожидая отъ повидимому ничего болѣе, ни одного ласковаго слова, ни одного ласковаго прикосновенія.

— Ложитесь спать, сидѣлка. Я тоже постараюсь заснуть.

Я молчала; я должна была молчать для ея пользы и я начала, но это было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній моей жизни. Я просидѣла у ея постели до утра. Она не дозрѣвала о моемъ присутствіи, а я не думала ни о чемъ ни о комъ кромѣ нея.

Да, это правда. Видъ ея жалкаго лица изгладилъ изъ моей памяти всѣ другія лица, даже его лицо. Я вернулась къ дѣятельности, мечтательная жизнь осталась позади. Съ возлѣ нея, теперь уже спокойно, даже не плача, какъ сначала, я повторила слова которыя другая молодая женщина сказала не родной своей матери, а только свекрови: „пусть Господь сдѣлаетъ для меня то же и еще больше сего если что, но вѣдь кромѣ смерти разлучить меня съ тобою.“

Мнѣ кажется что я сумѣла бы вести себя такъ что она не догадалась бы еще нѣсколько часовъ о моемъ присутствіи еслибы меня не выдала мистрисъ Годдингъ. Она вошла въ комнату съ потокомъ дневнаго свѣта, разбудила сидѣлку повернувшись въ мою сторону, увидала меня.

— Боже мой! воскликнула она.—Вы здѣсь! Уходите скорѣ!

Я отвѣчала шепотомъ, но рѣшительно:

— Я не уйду. Я провела здѣсь половину ночи и съ этой поръ никто не будетъ ухаживать за моею матерью кромѣ меня.

Больные часто принимаютъ вещи спокойнѣе чѣмъ мы себѣ даемъ. Они становятся равнодушными и не удивляются ничему. Моя мать спросила:

— Кого это вы хотите выслатъ отсюда, мистрисъ Годдингъ? Кто провелъ здѣсь половину ночи? Не дочь ли моя?

— Да, мама, моя милая, и вы позволите мнѣ остаться. Увидите какой я буду хорошею сидѣлкой. Я никогда не буду спать.

Она засмѣялась тихимъ, довольнымъ смѣхомъ, и протянула мнѣ руку, но тотчасъ же опомнилась и взяла ее назадъ.

— Зачѣмъ ты пришла? Я не велѣла тебѣ приходить.

— Теперь уже поздно говорить объ этомъ, потому что какъ вы слышали, я провела здѣсь половину ночи. И развѣ я не могла уложить васъ покойно?

— О, да, такъ покойно. И какъ я рада что мое дитя опять со мной.

Вотъ все что было сказано съ ея и съ моей стороны. При такихъ обстоятельствахъ не говорить много. Даже мистрисъ Голдингъ не рѣшилась бранить меня. Она стояла съ чашкой чаю въ рукахъ пока въ него не упала крупная слеза, потомъ отдала чашку мнѣ и ушла.

Сидѣлка послѣдовала за нею, можетъ-быть раздосадованная, но много-ли-малу онѣ обѣ успокоились и не оспаривали болѣе моего мѣста у постели моей матери. И хотя я была дѣйствительно, какъ онѣ говорили, „молодымъ, неопытнымъ созданиемъ“, но онѣ видѣли что я старалась дѣлать все что могла и знала что я имѣла на это право.

И я продолжала ухаживать за матерью, дѣлая конечно разные промахи по неопытности, но по небрежности никогда. Все мои чувства перешли въ одно, въ заботливость о матери. О словахъ преисполнившихъ меня такую радостью когда были сказаны: „берегите себя“, я не подумала ни разу, также какъ и о сказавшемъ ихъ. Въ первый разъ въ жизни я испытала всепоглощающее вліяніе комнаты больного. Весь вѣкъ повидимому сосредоточилась въ ея тѣсныхъ четырехъ стѣнахъ, а внѣ ихъ все казалось туманнымъ и далекимъ. Въ это время ничто не заставило бы меня забыть о матери.

Ухаживаніе было очень тяжелое, самое тяжелое какое я когда-либо испытала, а я испытала ихъ въ жизни не мало. Одна физическая дѣятельность поглощала все вниманіе, не оставляя времени для надеждъ и опасеній. Твердо исполнять свое дѣло день за днемъ, часъ за часомъ, вотъ все для чего я жила. Что же касается опасенія заразиться или страха за свою жизнь, я не помню чтобы эти чувства смутили меня хоть на минуту. Мы были опять, моя мать и я, залерты вмѣстѣ въ одной комнатѣ, подъ окомъ всевидящаго Создателя,

но не знающія какова будетъ Его воля, возьметъ ли Онъ и оставитъ меня, или оставитъ ее и поразитъ меня, чтъ вполне заслужила. О, какъ горячо я иногда чувствовала я вполне заслужила это!

Но Онъ не разлучилъ насъ. Мать моя мало-по-малу выживала, а я, подвергаясь постоянно опасности заразиться, какой-то невѣдомой причиною не заразилась, какъ это иногда случается при ослѣ. Всѣ окружавшіе меня смотрѣли на насъ съ сожалѣніемъ и съ безлокойствомъ котораго я не чувствовала за себя, но день проходилъ за днемъ, а я оставалась совершенно здоровой и была всегда въ силахъ дѣлать все что отъ меня требовалось. Я ни разу не поколебалась ни тѣломъ ни духомъ. Мать часто смотрѣла на меня съ вѣжнымъ вольствомъ во взглядѣ.

— Я иногда спрашивала себя какого рода женщиной будетъ моя дочь. Теперь я знаю, сказала она однажды.

Мы перемѣнились ролями, моя мать и я. Она была слаба и сильна, болѣзнь сдѣлала ее безлокойною и раздражительною, а была всегда спокойна. Словомъ, какъ я сказала однажды смѣясь, она была ребенкомъ, а старухой. Это бы величайшею перемѣной во маѣ, а начала чувствовать себя старою.

Но стоило ли думать объ этомъ? Господь сохранилъ и мать и меня, хотя я рисковала своею жизнью, а была оставлена въ этомъ мѣрѣ чтобы бороться и трудиться много лѣтъ и быть когда-нибудь положевною въ гробъ съ лицомъ котораго люди любящіе меня до сихъ поръ называютъ прекраснымъ.

Но лицо моей матери измѣнилось. Она поправилась больше чѣмъ можно было ожидать, но слѣды болѣзни остались на ея вѣжныхъ щекахъ и шеѣ, которую я уже взрослою и вухкой любила обвивать рукою когда засыпала. Выраженіе ея милого лица не могло измѣниться, но его цвѣтъ, нѣкогда вѣжнѣе и чистѣе какъ у ребенка, увяло совершенно.

Но и объ этомъ не стоило горевать. Мы любимъ своихъ матерей не такъ какъ рыцари любятъ своихъ дамъ и мужъ своихъ женъ, не за молодость и красоту. Я впрочемъ знала примѣръ рыцарской преданности женщинѣ некрасивой вѣжнѣе любви къ женѣ слабой и старой. Когда я опять села на мать внизъ въ первый разъ послѣ ея болѣзни, держа въ объятіяхъ живую и здоровую, я плакала такими страшными и радостными слезами какими можетъ-быть не плакала.

на одних влюбленный. Ея жалкое увядшее лицо не значило ничего при мысли что она жива и здорова, что я боролась за нее со смертью и одержала побѣду, то-есть что Господь даровалъ мнѣ побѣду. Я была еще такъ молода, такъ полна жизни что не могла встрѣтить смерть такъ покорно, какъ начиналась встрѣчать ее въ послѣдствіи. Въ день когда мать моя сошла олять внизъ, я раслѣвала мою побѣдную пѣснь и плача, и бѣгая по всему дому какъ дитя.

Но это продолжалось только одинъ день. Затѣмъ наступило скучное время выздоровленія, когда матери дѣлалось то лучше, то хуже и когда въ домѣ происходила реакція противъ возбужденія сопровождающаго трудную болѣзнь, реакція всегда тяжелая и дѣлающая людей ворчливыми. Притомъ необходимо было приступить немедленно къ очищенію дома, а мы не могли выѣхать изъ него. Бѣдная мистрисъ Голдингъ! Она была очень добра съ нами и мы оцѣнили это вполнѣ когда вспомнили что она лишилась изъ-за насъ своихъ лѣтнихъ жильцовъ. Былъ уже июнь, а переѣздъ въ ея домъ былъ для нихъ такъ же невозможенъ какъ для насъ выѣздъ.

— Мы должны вознаградить ее какимъ-нибудь образомъ, сказала однажды мать. Она начинала уже принимать участие въ нашихъ домашнихъ дѣлахъ и финансовыхъ затрудненіяхъ, а я не хотѣла допустить этого. Я грозилъ ей что если она смѣетъ продолжать смотрѣть на меня какъ на ребенка, то я возьму власть въ свои руки и буду обращаться съ нею какъ съ лѣнницей связанной хотя и шелковыми узлами, но крѣпко. Она смѣялась и говорила что я становлюсь не только умною, но и деспотичной. Однако когда мистрисъ Голдингъ увѣряла ее что я дѣйствительно распоряжаюсь также благоразумно какъ она, мать слушала ее съ удовольствіемъ и гордостью.

О многомъ другомъ она повидимому совсѣмъ забыла. Она кажется ни разу не спросила ни о дѣдушкѣ и ни о комъ изъ Батскихъ. Можетъ-быть это было хорошо, потому что она вѣроятно огорчилась бы узнавъ, какъ я узнала случайно, что никто изъ нихъ не прислалъ ни разу узнать о ней; никто отъ нихъ не подходилъ даже къ калиткѣ нашего сада. Это было можетъ-быть къ лучшему во всѣхъ отношеніяхъ, но меня это тѣмъ не менѣе удивляло.

Мало-по-малу мы перешли отъ неестественной полужизни въ комнатѣ больной къ свѣтлому всѣдневному существованію

и при этомъ замѣтили какъ мы обѣ измѣнились во многомъ хотя и остались такими же друзьями какими были всегда.

Однажды мы сидѣли вмѣстѣ въ гостиной, то-есть я сидѣла и работала, а она лежала праздно, какъ это было у насъ теперь въ обыкновеніи. Я очень полюбила шить, занятіе невзвистное дѣвушкамъ, утѣшающее женщинъ. Докторъ только что ушелъ сказавъ что наша больная поправилась значительно и что она можетъ видѣться съ кѣмъ угодно. Только люди все еще боялись насъ, да намъ и некого было ждать. Но докторъ сказалъ что половина деревни освѣдомлялась о насъ, а одной особѣ онъ долженъ былъ доставлять бюллетень ежедневно.

Уже послѣ того какъ онъ ушелъ я внезапно догадалась кто была эта особа. Отказаться отъ друзей тяжело, но зная что друзья бросили насъ безсердечнымъ образомъ и что мы уже не можемъ думать о нихъ такъ хорошо какъ думали прежде, несравненно тяжелѣе. Молясь въ этотъ день вечеромъ я прибавила съ жаромъ: „благодарю Тебя, Господи“. Онъ зналъ за что.

Но ни въ этотъ день, ни на слѣдующій я не позволила себѣ думать ни о комъ кромѣ моей милой матери, возвращенной мнѣ чуть не изъ могилы. О, чѣмъ можетъ быть дочь для матери, взрослая дочь начинающая пріобрѣтать благоразуміе женщины! И чѣмъ можетъ быть также мать для дочери, когда дочь способна оцѣнить ея достоинства и любить ее со страстью влюбленной и какъ требуетъ дочерній долгъ. Въ особенности когда долгъ не требуется. Моя мать никогда даже не произносила этого слова, а я любила ее, видѣть Богъ какъ я любила ее.

Окончивъ шитье, я принялась за наши недѣльные счета, стоившіе мнѣ такого труда какъ будто я была канцлеромъ казначейства, а отдѣлавшись отъ нихъ, заговорила съ матерью о хорошей мысли которую подала мнѣ мистрисъ Голдингъ. Не отправиться ли намъ ведѣли на двѣ на берегъ моря? Хозяйка во время нашего отсутствія могла бы вычистить домъ и оклеить его новыми обоями, затѣмъ мы возвратились бы опять къ ней и провели бы у нея все лѣто.

— Она не желаетъ разставаться съ вами. Она такъ привязалась къ вамъ.

— Но она набавитъ цѣну, а развѣ мы можемъ платить больше?

— Я могу, отвѣчала я съ гордостью.— Я не говорила съ вами объ этомъ до сихъ поръ боясь потревожить васъ. Докторъ предлагаетъ мнѣ учить его дѣтей лишь только мы выйдемъ изъ карантинна. Онъ говоритъ что такая хорошая сидѣлка должна быть и хорошею учительницей, что конечно не слѣдуетъ одно изъ другаго, но я попробую, если вы согласны.

Она вздохнула. У нея тоже, можетъ-быть, были другія надежды, но она принуждена была отказаться отъ нихъ какъ и я отъ своихъ. Она помирилась съ тѣмъ что мнѣ придется быть учительницей.

Мы подѣлавались и чтобы развлечь ее я начала невнятную ласковую болтовню, къ которой привыкаешь съ большими когда изъ умъ сашкомъ слабъ, а умъ сидѣлки сашкомъ замытъ чтобы говорить о чемъ-нибудь кромѣ мелочныхъ вседневныхъ интересовъ. Мы проводили время очень прозаично, но вмѣстѣ съ тѣмъ были счастливы, какъ вдругъ я услышала въ саду шаги, знакомые шаги.

Моего перваго чувства я не могу опредѣлить, но я тотчасъ же вспомнила что приближеніе къ намъ было все еще опасно.

— Оставьте его, воскликнула я вскочивъ и подбѣжавъ къ двери.— Кто-нибудь долженъ остановить его. Мистрисъ Голландъ, скажите джентльмену чтобъ онъ не входилъ.

— Почему не входить?

И я увидала опять его доброе, улыбающееся лицо.

— Почему мнѣ не входить, кузина Эльма?

— Потому что это опасно. Мы все еще въ карантинѣ, какъ мнѣ извѣстно.

— Конечно извѣстно, какъ извѣстно и все прочее, но я принимаю всевозможныя предосторожности. Мы съ вашимъ докторомъ большіе друзья и онъ самъ послалъ меня сюда. Мистрисъ Пикарди, можно мнѣ войти?

— Конечно, отвѣчала она очевидно очень довольная, и онъ вошелъ.

Онъ не сказалъ ничего, но я видѣла что онъ замѣтилъ легкую въ ней и былъ очень огорченъ, какъ за нее, такъ и за меня. Онъ сѣлъ возлѣ нея и началъ разговаривать съ ней, изрѣдка только взглядывая на меня и улыбаясь мнѣ. Но это было достаточно. Я чувствовала какъ будто послѣ долгаго заточенія въ темной комнатѣ увидала опять дневной свѣтъ.

— Генералъ Пикарди свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и желаетъ всего лучшаго. Онъ покинулъ Батъ почти немед-

левно вслѣдъ за отъѣздомъ вашей дочери, говоря что безъ нея домъ его сталъ нестерпимо скученъ. Но я уведомляла его о васъ обѣихъ почти ежедневно.

— Такъ мы не были забыты вами, сказала мать моя кроко, и я поняла что она принимала это ближе къ сердцу чѣмъ я полагаю.

Кузень Кюрадъ весело покачалъ головою.

— Эльма, скажите вашей матушкѣ что она еще мало знаетъ насъ, что вы знаете насъ лучше.

Она быстро подвѣла глаза, моя безцѣнная мать, сначала на него, потомъ на меня, но мнѣ кажется что она не замѣтила ничего особеннаго. Въ немъ и не могло быть ничего особеннаго, что же касается меня, я привыкла принимать его доброту не перетолковывая ее въ ложную сторону. Я была увѣрена что за его откровенною дружбой не скрывалось ничего другаго и я отвѣчала ему какъ отвѣтила бы всякомъ другому другу къ которому чувствовала бы такое же уваженіе и довѣріе какъ къ нему.

Я принялась опять за свое шитье, предоставивъ ему разговаривать съ матерью, что очевидно доставляло ей большое удовольствіе. Пока я гостила въ Батъ, онъ бывалъ у нея такъ часто что она сблизилась болѣе чѣмъ я ожидала. Я только удивлялась что во все это время она ни разу не похвалила его, даже не сказала о немъ ни одного слова.

Онъ напился съ вами чаю и мы были очень счастливы въ его обществѣ, такъ счастливы что я почти перестала бояться за него. Подъ конецъ свиданія я съ большою радостью услышала что у него въ дѣтствѣ была сильная оспа и что онъ послѣ того много разъ подвергался опасности заразиться и всегда безнаказанно.

— Впрочемъ я остороженъ. Нельзя думать только о себѣ, прежде чѣмъ вернуться домой я переодѣнусь и прибѣгну къ помощи окуриванія, такъ что вы можете быть спокойны въ этотъ счетъ, мистрисъ Пикарди. Могу я навѣстить васъ опять?

— Мы будемъ очень рады видѣть васъ.

Въ тонѣ моей матери была какая-то сухость, но взглядъ ея выражалъ что она расположена къ нему. Я хорошо знала ея лицо.

— Мои посѣщенія будутъ продолжаться не долго, потому что я не оставилъ моего намѣренія уѣхать въ Индію, хотя

отъѣздъ отъѣздъ на вѣкоторое время. Хотите знать какъ это устроилось?

Онъ разказалъ намъ безъ всякихъ извиненій и такъ естественно какъ будто мы были для него самыми близкими друзьями что мѣстность гдѣ стоитъ полкъ къ которому онъ причисленъ такъ здорова что по мнѣнью его доктора ему будетъ тамъ также хорошо какъ въ Ангаи, если не лучше, и что два или три года проведенныя тамъ могутъ совершенно восстановить его здоровье.

— Я очень желалъ бы чтобъ это случилось, хотя я вовсе не дорожилъ жизнью когда прїѣхалъ въ Ангаи. Я еще въ двадцать пять лѣтъ думалъ что моя жизнь отжита.

— Мать сорокъ семь лѣтъ, а я еще не думаю что моя жизнь отжита.

— Но у васъ есть дочь?

— Да, у меня есть дочь.

Мать взглянула на меня взглядомъ полнымъ любви. Когда я опустилась на колѣни предъ ея диваномъ смѣясь, но вмѣстѣ съ тѣмъ едва удерживаясь отъ слезъ, кузенъ Коврадъ наклонился надъ нами и пожалъ мою руку. Кровь бросилась мнѣ въ лицо и мать замѣтила это.

Онъ провелъ послѣ этого не болѣе двухъ минутъ. Я проводила его до каалитки, и когда топотъ его лошади по деревянной мостовой затихъ въ отдаленіи, я вернулась опять въ нашу гостиную.

Мать лежала неподвижно, устремивъ взглядъ прямо впередъ. Въ глазахъ ея было какое-то странное выраженіе, не совсѣмъ грустное, но задумчивое, какъ будто мысли ея были далеко. Письмо которое при прощаніи далъ ей кузенъ Коврадъ, сказавъ что оно отъ генерала и выразивъ надежду что она прочтетъ его съ такимъ же добрымъ чувствомъ съ какимъ оно послано, лежало нераспечатанное на ея колѣняхъ.

— Можно прочесть? спросила я пользуясь случаемъ сказать или сдѣлать что-нибудь.

Письмо было дѣйствительно очень доброе. Внизу была твердая подпись дѣдушки, но текеть былъ написанъ рукою моей матери. Дѣдушка посылалъ намъ стофунтовый билетъ, прося принять эту „бездѣлицу“ для покрытія расходовъ по случаю болѣзни, пока онъ будетъ въ состояніи назначить постоянное содержаніе своей невѣсткѣ и ея дочери.

— Вамъ и вашей дочери, мать, видите? Онъ говоритъ о

насъ обѣихъ вмѣстѣ. Онъ уже не хочетъ отнять меня у васъ, да еслибъ онъ и хотѣлъ, я не поѣхала бы къ нему. Я впередъ никогда не покину васъ, моя милая.

Она улыбулась, но не отвѣтила ничего, ни одного слова.

Я ожидала что она скажетъ что-нибудь о нашемъ гостѣ и объ его посѣщеніи, но она не пророчила о немъ ни слова пока мы не встали чтобъ идти въ постель. Тогда она спросила у меня письмо дѣдушки чтобы прочесть его опять и сказала:

— Все это очень великодушно съ его стороны, но я подозреваю что это сдѣлано по инициативѣ майора Пикарди, на котораго онъ повидимому смотритъ какъ на сына.

— Я сама это думаю.

— Майоръ Пикарди очень добръ. Я никогда не встрѣчала человека благороднѣе, великодушнѣе и правдивѣе его. Зная его, нельзя не любить его.

Она устремила на меня провидательный, твердый, полусмѣющийся, полужадумчивый взглядъ. Въ эту минуту я поняла что мать угадала все.

Г Л А В А Х І V.

Всю жизнь я была хранительницей безчисленныхъ сердечныхъ тайнъ, повѣренной въ любовныхъ исторіяхъ молодыхъ мужчинъ и молодыхъ дѣвушекъ и всегда убѣждалась въ справедливости мудрой поговорки „чѣмъ меньше сказано, тѣмъ легче поправить“. Многія глупыя фантазіи развились въ неумѣстную любовь подъ вліяніемъ разговоровъ съ неосторожно сочувствующимъ повѣреннымъ; что же касается повѣряющихъ, я всегда убѣждалась что тотъ кто чувствуетъ сильно, говорить мало. Счастіе еще иногда болтаиво, но въ горѣ,—а къ любви всегда примѣшивается много горя,—ничто не приноситъ такого облегченія какъ молчаніе.

Мы съ матерью хранили строгое молчаніе, хотя читали въ сердцахъ другъ друга такъ ясно какъ въ книгѣ. О чемъ намъ было говорить? Онъ никогда не сказалъ мнѣ ни одного слова котораго нельзя было бы повторить во всеусышаніе... Что же касается меня, я не хотѣла думать о себѣ и о своемъ будущемъ. Мнѣ казалось что мое будущее кончается днемъ 18го сентября, то-есть днемъ отплытія парохода изъ Суутамптона.

По временамъ мы жили довольно полною жизнью, хотя по вѣщности она осталась бы такою же тихою и одинокою какъ до моей поѣздки въ Бать, еслибы не посѣщенія одного друга которому наши интересы были также дороги какъ его интересы намъ. Онъ приходилъ только по воскресеньямъ, потому что въ теченіе недѣли былъ слишкомъ занятъ, и называлъ эти посѣщенія своимъ воскреснымъ отдыхомъ, прибавляя что за границей постарается замѣнить ихъ „воскресными посланіями“.

Онъ говорилъ очень бодро о своемъ отъѣздѣ и съ увѣренностію о возвращеніи, предполагая вернуться не позже какъ черезъ четыре года.

— Эдмундъ будетъ тогда двадцать одинъ годъ, вамъ, мистрисъ Пикарди, только-что минетъ пятьдесятъ, а генералу только семьдесятъ пять и, какъ я сказалъ ему недавно когда онъ заговорилъ со мною о моемъ вступленіи во владѣніе Бродландомъ, пройдетъ еще много времени прежде чѣмъ это случится.

Но рано или поздно это должно было случиться и мы иногда всѣ трое говорили съ большимъ интересомъ о будущемъ, о томъ что онъ намѣревался сдѣлать со своимъ богатствомъ и вліяніемъ. Всѣ его планы были для другихъ, ни одного для себя. Ни одной мысли о себѣ. Всѣ помышленія только о томъ какъ бы сдѣлать какъ можно болѣе добра съ помощью благъ ожидавшихъ его впереди.

Какъ я гордилась имъ, какъ я горжусь имъ до сихъ поръ!

Моя мать, какъ я видѣла ясно, наслаждалась его обществомъ. Она сказала мнѣ однажды что въ немъ была какая-то особая привлекательность которой она не встрѣчала ни въ комъ кромѣ еще одного человѣка. Но во всемъ остальномъ онъ нисколько не похожъ на твоего отца.

Она прибавила это со вздохомъ, но не съ печальнымъ. Я увѣрена что она не была несчастна въ это время, скорѣе напротивъ, но задумчива и серьезна когда мы бывали одни. Когда же приходилъ кузенъ Коврадъ, она встрѣчала его всегда радушно и всѣми силами старалась чтобъ ему было пріятно у насъ, между тѣмъ какъ я иногда не могла сказать слова.

Какіе долги и тихіе воскресные дни проводили мы втроемъ въ нашей маленькой гостиной! Какія прогулки дѣлали мы по Тайнцангу и по окрестнымъ полямъ! Онъ велъ всегда

подъ руку мою мать, а я слѣдовала за ними, смотря на них и наблюдая какъ нѣжно онъ обращался съ ней. Но я не ревновала ее къ нему, вислоько!

Сначала я замѣчала что его присутствіе дѣлало ее тревожною, склонною къ раздражительности, что она зорко подмѣчала нѣкоторыя его небольшія странности. Она никогда не говорила о немъ, она только изучала его, но мало-по-малу успокоилась, очевидно вполнѣ довольная имъ.

У меня было много времени для размышленій о нихъ обоихъ, потому что я не смѣла думать о себѣ, о томъ что будетъ со мною когда прекратятся его посѣщенія, когда насъ раздѣлитъ Океанъ, когда его милое присутствіе будетъ только воспоминаніемъ и мечтою. Но иногда въ бессонныя ночи эти мысли одолевали меня съ такою силой что я способна была бы ломать руки и стонать или вскочить съ постели и метаться по комнатамъ какъ дикій звѣрь по клеткѣ, еслибы не боялась потревожить мать. Она протягивала иногда руку ощущывая меня, спрашивая: „ты все еще не спишь, дитя мое?“ и обнимала меня.

Ея нѣжность со мною въ эти послѣднія недѣли, въ послѣдніе дни, не описать никакими словами. Она старалась чтобы я была постоянно занята и я сама жаждала дѣятельности, хотя часто оставляла начатое дѣло недодѣланнымъ. Но что я ни дѣлала или оставляла недодѣланнымъ, она никогда не упрекала меня. Она обращалась со мною какъ съ большимъ ребенкомъ, хотя никогда не говорила мнѣ что я больна. А я была дѣйствительно больна, больна душою отъ горя, отъ чувства горькаго униженія, смѣявшихся по временамъ невыразимымъ счастіемъ. Но ни о счастіи, ни о страданіи мы никогда не говорили.

Только однажды, помню я, рассказала она мнѣ какъ бы случайно исторію одной своей подруги, дѣвушки не старше меня, которая, войдя однажды въ одну комнату увидала тамъ въ первый разъ человѣка котораго послѣ этой встрѣчи любила такъ или иначе всю жизнь.

— И онъ заслуживалъ ея любовь. Онъ былъ хорошій, благородный человѣкъ, прибалзидла мать.

— Вышла она за него?

— Нѣтъ.

Мы помолчали немного, потомъ она продолжала усердно работая иголкою:

- Свѣтъ можетъ-быть назвалъ бы это печальною исторіей, но я этого не думаю. Я никогда не осуждала ее, я даже почти не жалѣла ее. Любовь приходитъ къ намъ, какъ и все прочее, по волѣ Бога, но приносить ли она намъ пользу, или вредъ, это зависитъ отъ нашей собственной воли. Бываютъ разбитыя сердца и испорченныя жизни, но это обыкновенно слабыя сердца и эгоистическія жизни. Истинно благороденъ тотъ кто умѣетъ и любить и терпѣть.

Я не сказала ничего, но заломила навсегда эти отрадные слова и часто когда я готова была презирать себя, я утѣшалась мыслію что мать моя, читавшая въ моемъ сердцѣ, не презирала меня и я старалась научиться „терпѣть“, какъ она выразилась.

Что она вытерпѣла за меня и чрезъ меня и часто, увы, отъ меня, потому что я бывала иногда очень раздражительна, не передать никакими словами. Матери только, мать кажется, знаютъ что страдать за другихъ часто тяжелѣе чѣмъ страдать за себя. Въ то время я жалѣла себя, теперь, вспоминая это время, я жалѣю мать. Но я не помню чтобъ ей когда-нибудь въ обращеніи со мною измѣнило тихое материнское спокойствіе которое одно могло смягчать мое горе.

О томъ что чувствовала она убѣждаясь что счастье ея дочери не зависѣло болѣе отъ нея одной, видя что власть ускользаетъ изъ ея рукъ и подозревая можетъ-быть съ горечью и страхомъ что и любовь пропадаетъ, объ этомъ я тогда ни разу не подумала, но много думала въ послѣдствіи.

Какъ бы то ни было, но время шло и дошло до послѣдней недѣли и до послѣдняго дня, который кузенъ Кюврадъ просилъ позволенія провести съ нами, какъ потому что мы были его „лучшими друзьями“ такъ и потому что онъ имѣлъ сообщить намъ одно довольно важное предложеніе дѣдушки у котораго онъ гостилъ въ Бродландѣ.

„Это предестное мѣсто“, писалъ онъ „и прекрасно устроенное имѣніе, хотя оно и въ Ирландіи“. Онъ любилъ шутить надъ анталгіей моей матери ко всему ирландскому и говорилъ что онъ не можетъ заслужить ея довѣрія потому что въ немъ есть небольшая примѣсь ирландской крови. Она отвѣчала смѣясь что онъ дѣйствительно обладаетъ всеми ирландскими добродѣтелями, великодушнымъ сердцемъ, веселымъ нравомъ, способностью горячо сочувствовать, любезностью всегда предпочитающею сказать пріятное вмѣсто непріят-

наго, но что касается его ирландскихъ недостатковъ, она еще не рѣшается судить о нихъ; время покажетъ.

— О, да, отвѣчалъ онъ иногда грустно,—еслибы только небо даровало мнѣ время.

Но на эти минутные припадки грусти я обращала малое вниманіе; одно его присутствіе дѣлало меня счастливою, и когда онъ пришелъ опять, моя радость при свиданіи съ нимъ послѣ недѣльной разлуки, хотя я знала что это свиданіе по свѣдѣнее, была такъ сильна словно я не видалась съ нимъ годъ. Мы воѣ трое какъ будто забыли что намъ предстоитъ разстаться опять.

Онъ тотчасъ же заговорилъ съ матерью о предложеніи котораго дѣдушка поручилъ ему передать намъ. Предложеніе состояло въ томъ чтобы мы переселились немедленно въ Бродландъ, и не въ качествѣ миссъ Пикарди и матери миссъ Пикарди, какъ я оласалась, а съ тѣмъ чтобы она была хозяйкой въ домѣ какъ вдова его сына до конца его жизни.

— Онъ проживеть можетъ-быть долго, можетъ-быть не долго, и послѣ смерти онъ не общаетъ ничего, но мнѣ кажется что вы можете быть спокойны на этотъ счетъ, прибавилъ кузенъ Коврадъ съ улыбкою.

Затѣмъ онъ сообщалъ что дѣдушка намѣревался проводить половину года въ Бродландъ, другую же половину въ Доблинъ или въ Лондонъ, какъ это принято, и главнымъ образомъ для меня и для оковчанія моего образованія, чтобы сдѣлать меня способною занять всякое положеніе какое можетъ мнѣ представиться.

— Не то чтобы она была дурно воспитана или недостаточно образована. Мы съ вами знаемъ какова она, мистрисъ Пикарди, не правда ли? Но дѣдушка хочетъ сдѣлать ее совершенствомъ, имѣя въроятно въ виду.... впрочемъ я не имѣю права говорить болѣе, потому что не знаю намѣреній генерала. Объ одномъ только прошу я васъ: примите его предложеніе. Вы убѣдитесь что это осчастливитъ и его и васъ. Эльма богатая будетъ женщиною гораздо болѣе полезною чѣмъ Эльма бѣдная, выйдетъ ли она замужъ или нѣтъ, а я надѣюсь что и это когда-нибудь случится.

Мать быстро подняла на него глаза съ выраженіемъ безпокойства, почти негодованія, но встрѣтивъ его взглядъ грустный, спокойный, рѣшительный, она тотчасъ же смягчилась. Она не сказала ничего, только вздохнула.

— Простите меня что я заговорилъ объ этомъ, мистрисъ Шварди,—но генералъ принимаетъ это близко къ сердцу и просилъ меня успокоить на этотъ счетъ васъ и вашу дочь. Случай съ сэръ-Томасомъ Алтономъ.... Эльма вѣроятно говорила вамъ объ этомъ джентльменѣ.

Нѣтъ. Эльма не говорила ничего. Я чувствовала что отъ нея ожидаютъ объясненія и сказала спокойно что не считаю нужнымъ беспокоить мать моею неприятностью съ сэръ-Томасомъ.

— Неприятность странное слово со стороны молодой дѣвушки когда она обозначаетъ имъ то что въ нее влюбился молодой человекъ, сказалъ кузенъ Конрадъ съ улыбкою.— Но она действительно была очень огорчена этимъ. Нѣсколько дней она казалась олицетвореніемъ отчаянія. Однако, какъ говоритъ Меркутіо, „люди умирали и были съѣдаемы червями, и не отъ любви“. Сэръ-Томасъ не умеръ и кажется можно не опасаться за его жизнь, но дѣвушка просилъ меня увѣрить васъ, Эльма, что если впередъ явится хоть десятокъ сэръ-Томасовъ, онъ никогда не будетъ уговаривать васъ выйти замужъ за кого-нибудь изъ нихъ, если только вы сами не желаете.

— Это хорошо съ его стороны, сказала мать,—и Эльма поступила хорошо. Она не должна выходить замужъ за человека котораго не любитъ, хотя бы этого желали всѣ ея друзья. Она не будетъ несчастна если совсемъ не выйдетъ замужъ. Милый мой ребенокъ!

— Да, вы правы, сказалъ кузенъ Конрадъ послѣ долгой паузы,—и правы также называя ее ребенкомъ. Она действительно ребенокъ, и потому, какъ я сказалъ генералу, прежде чѣмъ выйти замужъ, даже прежде чѣмъ быть помолвленной, она должна имѣть возможность узнать всякаго рода людей, хорошихъ людей, и выбрать сознательно чтобы потомъ не раскаяться. Нѣкоторыя дѣвушки въ двадцать лѣтъ чувствуютъ иначе чѣмъ въ юности и сама эта перемена происходитъ въ нихъ когда онѣ уже связаны на всю жизнь.... избави Богъ чтобъ это когда-нибудь случилось съ вашею дочерью.

— Мнѣ кажется что съ нею это не можетъ случиться, сказала мать.

— И не должно, прибавилъ онъ съ жаромъ. — Мы отстраняемъ отъ нея все что могло бы повести къ этому. Она остается свободною, будетъ жить постоянно съ матерью, полу-

читать возможность узвать людей, и если наконецъ выберет одного изъ многихъ которые будутъ любить ее, то сдѣлае это сознательно. Вы понимаете меня, не правда ли? Вы, крайней мѣрѣ? прибавилъ онъ съ жаромъ.

— Кажется понимаю.

— И вы прощаете меня? Помните что я уѣзжаю.

— Я помню. Я этого никогда не забуду, отвѣчала мать очевидно тронутая и протягивая ему руку. Онъ горячо пожат ее и отвернулся не сказавъ болѣе ни слова.

Что касается меня, я сидѣла въ сторонѣ, обращая мое вниманіе на то что дѣлалось и говорилось возлѣ меня, но въ послѣдствіи все это припомнила, и думая только о томъ что онъ уѣзжаетъ, что я не увижу его много, много дней, и дѣвъ, мѣсяцевъ, лѣтъ.

Я сидѣла въ сторонѣ, не принимая участія въ разговорѣ но украдкой смотря на него, на того для кого я была ничѣмъ и кто для меня долженъ былъ остаться ничѣмъ, только и имя кузенкомъ Конрадомъ, хотя я охотно умерла бы за него. Я старалась залечатаѣть въ памяти каждую особенность и его манерахъ, каждую черту его лица чтобъ этимъ запасомъ воспоминаній жить всѣ долгіе годы лишеній ожидавшіе меня впереди.

— Итакъ, это дѣло рѣшено, сказалъ онъ со вздохомъ обмеченія.—Вы отправитесь въ Бродландъ какъ только успеете собраться, можете-быть даже на будущей недѣлѣ. Онъ далъ намъ самыя подробныя инструкціи на счетъ путешествія, говоря что ему пріятно будетъ знать что мы освобождены по возможности отъ затрудненій и представлять намъ въ безопасности въ прекрасномъ домѣ дѣдушки, между тѣмъ какъ онъ самъ будетъ качаться на волнахъ Бискайскаго залива. Онъ могъ получить извѣстіе о насъ не раньше какъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Тогда не было сухопутнаго сообщенія съ Индіей.

— Но я могу ждать. Я привыкъ ждать, хотя это иногда тяжело въ тридцать шесть лѣтъ. Но это необходимо, это мой долгъ, прибавилъ онъ какъ бы про себя. Какимъ утѣшеніемъ были для меня эти слова въ послѣдствіи!

Онъ всталъ и предложилъ не разговаривать болѣе сию минуту въ комнатахъ, а пойти вмѣстѣ гулять и наслаждаться.

„Наслаждаться“ казалось страннымъ словомъ при такихъ обстоятельствахъ, однако оно было вполнѣ уместно. Кон

друга довольно друг другомъ и вполнѣ доверяютъ другъ другу, то даже въ горѣ разлуки нѣтъ горечи. И благодаря его пріятному характеру и вліянію на окружающихъ, этотъ фактъ былъ особенно замѣтенъ. У меня не осталось отъ этого ни одного воспоминанія которое не было бы пріятно и дорого.

Часть дня мы провели въ мѣстѣ куда давно собирались съ матерью, въ томъ аббатствѣ которое было цѣлью нашей прогулки когда холодный вѣтеръ заставилъ меня рѣшиться купить матери новую шаль. Она рассказала кузену Ковраду всю исторію пока мы шли по Тайнингу.

— Какъ это похоже на нее, какъ это похоже на Эльму, зайти онъ обернувшись ко мнѣ и потомъ съ своей стороны рассказалъ какъ генераль пригласилъ его къ себѣ и поручилъ ему написать письмо по поводу его встрѣчи съ дѣвушкой которую онъ пріялъ за свою внучку.

— Странно отъ какихъ мелочныхъ случайностей зависятъ повидному событія имѣющія вліяніе на всю нашу жизнь. Мы живемъ день за днемъ, годъ за годомъ и ничего не случается, и мы думаемъ что и не случится ничего, какъ вдругъ, повернуть за уголъ, наталкиваемся на свою судьбу. Не такъ ли, встрѣсь Пикарди?

Не помню что отвѣтила мать и отвѣтила ли она что-нибудь. Она была очень добра съ нимъ, даже нѣжна, но и очень серьезна.

Разговаривая такъ мы дошли до стараго аббатства, самой восточной развалины, не внушавшей ловидному никакого интереса владѣльцамъ земли на которой она стояла. Трапезная обращена въ складъ для дровъ, часовня въ конюшню. Разрушавшаяся лѣстница вела въ верхній этажъ гдѣ находились двѣ довольно хорошо сохранившіяся комнаты одна изъ которыхъ служила нѣкогда библіотекой, другая голубятней.

— Говорятъ что тамъ все еще цѣлы яши въ стѣнѣ для рубиновыхъ гвѣздъ, сказала мать.—Сходите посмотрѣть, если хотите, а я отдохну здѣсь.

Она села на кучку сѣна и когда мы пошли вдвоемъ крикнула намъ во садѣ что лѣстница опасна и чтобъ онъ позаботился обо мнѣ.

— О, конечно, отвѣчалъ онъ съ такою улыбкой что я забыла о своемъ горѣ и мы начали разсматривать все встрѣчавшееся и разговаривать какъ въ былыя времена. Затѣмъ мы

отдохнули немного стоя предъ узкими окнами выходящими на очень красивую мѣстность.

— Какую комфортабельную жизнь устроили себѣ здѣсь в старые монахи, сказалъ онъ.—Но воображаю какъ странно было когда они сидѣли въ этой самой комнатѣ надъ свои манускриптами, слышать рядомъ воркотно голубей въ гнѣздахъ. Желалъ бы я знать приходило ли имъ иногда въ голову что птицы въ одномъ отношеніи были гораздо счастливѣе ихъ.

— Въ какомъ отношеніи? спросила я, но тотчасъ же инстинктивно угадала о чемъ онъ говорилъ и раскаялась что спросила.

— Однако они были люди не глупые и знали что значить комфортъ. Посмотрите, Эльма, вотъ это должно-быть остокъ ихъ фруктоваго сада; эта старая яблоня все еще продолжаетъ приносить плоды. А вонъ тамъ были ихъ садки для рыбы. Вы вѣроятно замѣчали что монастыри никогда не обходятся безъ рыбныхъ садковъ. А какая чудная каштановая аллея. Да, они очевидно пользовались всѣми благами міра земнаго кромѣ одного и лучшаго изъ всѣхъ, кромѣ дома, семейнаго дома.

Какимъ тономъ онъ сказалъ это, онъ, никогда не имѣвшій своего дома! Сожалѣлъ ли онъ объ этомъ? Думалъ ли онъ какъ мнѣ всегда казалось когда онъ бывалъ грустенъ, думалъ ли онъ объ Агнесѣ, объ одной только Агнесѣ?

Я была не умна и очень молода, но мнѣ кажется что да тогда я сумѣла бы устроить домъ, настоящій домъ для большого человѣка. Не роскошный домъ, можетъ-быть, и не свободный отъ заботъ и лишеній, но я стала бы бороться съ ними. Я не побоялась бы ничего. Я стала бы бороться, и Божьею помощію, поправила бы все что было бы поправимо а то чего нельзя было бы поправить, я вытерпѣла бы все что надо. У меня хватило бы силъ нести мое бремя, можетъ-быть бремя двоихъ, что сдѣлало бы меня даже счастливѣе. Я когда не мечтала о жизни спокойной, но о жизни полной любви и довѣрія. О, какъ я могла бы быть счастлива, какъ ни тяжела была моя участь, еслибы я имѣла кого-нибудь близкаго бы постоянно со мной, на кого я могла бы смотрѣть какъ на высшаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на существо выдающееся въ моихъ попеченіяхъ, кого я могла бы и любить и обожать. Какъ прожили бы мы жизнь вмѣстѣ, какъ бы жили бы мы съ бѣдностью и весело дожили бы до благосос

яма, всегда вѣсть, раздѣлили бы нашу молодость и нашу старость. И вѣсто того...

Нѣтъ. Молчи, мое сердце. Чтѣ я такое чтобы ролтать на Бога? Такова Его воля. Съ Нимъ не должно быть такихъ словъ какъ „могло бы быть“.

Одно помню я ясно: когда мы все еще стояли глядя въ окно, кузень Коврадъ тихо положилъ руку на мое плечо.

— Оставайтесь такъ на минуту, сказалъ онъ.—Иногда, когда вы стоите повернувшись ко мнѣ профилемъ, вы такъ похожи на нее, на Агнесу, что я готовъ вообразить что это дѣйствительно она, что она вернулась все такая же молодая, между тѣмъ какъ я успѣлъ уже состариться. Да, въ сравненіи съ вами я старикъ, Эльма.

Я промолчала. Еслибъ я сказала ему, еслибъ я могла сказать что тѣ кого мы любимъ никогда не кажутся намъ старыми, что онъ съ своими сѣдыми волосами былъ для меня и остался бы до самой глубокой старости дороже всѣхъ молодыхъ людей въ мѣрѣ! Но могла ли я сказать это? И еслибы могла, это было бы бесполезно. Въ послѣдствіи я припомнила его взглядъ, кроткій, но твердый. Онъ никогда не колебался въ томъ что считалъ своимъ долгомъ. Чтѣ бы я ни сказала, ничто не произвело бы никакой перемѣны.

Мы пробывли на верху еще нѣсколько минутъ, потомъ онъ помогъ мнѣ сойти со сломанной лѣстницы. Мать встрепенулась увидавъ насъ и устремила на насъ обоихъ тревожный, вопросительный взглядъ, но когда кузень Коврадъ сказалъ ей своимъ обыкновеннымъ тономъ что намъ пора было идти домой, она опустила глаза и вздохнула.

Мы вернулись домой почти безмолвно и напились чаю наскоро, такъ какъ кузену Ковраду надо было возвратиться въ Батъ къ извѣстному часу, и кромѣ того поднимался туманъ и мать совѣтовала ему послѣшить во избѣжаніе простуды.

— Мы должны проститься наконецъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, сказала она ему вполголоса, но такъ что я слышала. Голосъ ея дрожалъ, на глазахъ стояли слезы. Я же не могла плакать, я сидѣла какъ окаменѣлая.

— Вы правы, отвѣчалъ онъ вставая.—Прощайте и да благословитъ васъ Богъ. Это все что нужно сказать.

Онъ подѣловалъ ея руку, потомъ, повернувшись ко мнѣ, спросилъ ее, только ее:

— Можно?

Она наклонила голову въ знакъ согласія. Онъ перешелъ комнату, подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ меня, сначала лобъ, потомъ въ губы, гдѣ я сохраняю его, этотъ второй поцѣлуй, пока не отдамъ ему на небѣ.

Потому что въ этой жизни я не видала болѣе моего кузена Конрада.

Три слѣдующіе года мы были очень счастливы, моя мать и я, можетъ-быть счастливѣе чѣмъ когда-либо. Послѣ отъѣзда кузена Конрада мы, такъ-сказать, замкнулись опять въ дружескихъ объятіяхъ другъ друга, вполнѣ понимая одну другую, но не говоря о немъ никогда ничего такого чего неслышно было бы сказать во всеуслышаніе.

Наша вѣншняя жизнь была вполнѣ свободна отъ заботъ. Дѣдушка сдержалъ слово и оправдалъ все что говорилъ о немъ кузень Конрадъ. Онъ принялъ мою мать дружески и съ начала до конца былъ съ нею неизмѣнно внимателенъ и почтителенъ. Она пользовалась всевозможными удобствами, а онъ нуждался въ нихъ, потому что ея прежняя сила и бодрость не возвратились къ ней послѣ болѣзни. Но она была до конца самою милою, самою вѣжною матерью въ мірѣ.

Для свѣта мистрисъ и миссъ Пикарди изъ Бродланда были двумя очень важными особами, но сами мы часто смѣялись надъ этимъ, чувствуя что мы остались все такими же какъ мы были въ бѣдности.

Письма кузена Конрада были нашимъ величайшимъ наслажденіемъ. Онъ не пропускалъ ни одной почты и писалъ обыкновенно къ матери, прилагая небольшія записки ко мнѣ. Онъ разспрашивалъ меня о моихъ занятіяхъ и развлеченияхъ и разказывалъ мнѣ о своихъ, о себѣ же лично не говорилъ никогда. Былъ ли онъ боленъ или здоровъ, счастливъ и несчастливъ, мы могли узнавать только косвеннымъ образомъ изъ тона его писемъ. Но одно было ясно, его страстное желаніе вернуться домой.

„Ни дня не промедлю я“, писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ дѣдушкѣ, „ни одного дня сверхъ срока отсутствія котораго я предписалъ себѣ.“ И дѣдушка замѣтила, таинственно покашливая, что „у Конрада были всегда странности, но что это можетъ-быть послѣдняя изъ нихъ и что ждать осталось не долго“.

Ждала ли я? Были ли у меня какія-нибудь мечты насчетъ будущаго? Не знаю. Моя жизнь была такъ полна и дѣятельна

ма-мать повидимому твердо рѣшила не оставлять меня ни на минуту праздною—что у меня было мало времени для мечтаний.

Она вывозила меня въ общество и радовалась какъ и дѣдушка тому что общество принимало меня хорошо. Я обрадовалась на себя общее вниманіе въ Дублинѣ и въ Лондонѣ, я была даже представлена ко двору, и молодая королева сказала обо мнѣ вѣсколько лестныхъ словъ съ отличающею ея величествомъ добротой. Все это было и мимовало, но въ то время это радовало меня. Мнѣ нравилось быть чѣмъ-нибудь, быть годной хотя бы на то чтобы мною любовались, но если оказывалось что кто-нибудь болѣе чѣмъ любовался мною, я иногда очень огорчалась. Но дѣдушка держалъ слово: онъ не называлъ мнѣ ни одного жениха, а моя мать, моя вѣчная мать никогда не спрашивала меня о причинѣ моихъ отказовъ, хотя, одному за другимъ, я отказала всѣмъ сватавшимся за меня.

— Будемъ надѣяться, другъ мой, что она рѣшитъ когда сдѣлается совершеннолѣтней. Тогда она будетъ въ состояніи выбрать сознательно. Конрадъ такъ думаетъ, а Конрадъ всегда правъ.

Такъ говорилъ дѣдушка моей матери и они улыбались другъ другу. Они были теперь лучшими друзьями и остались друзьями до конца.

Бенецъ наступилъ скорѣе чѣмъ кто-либо изъ насъ ожидалъ, и предсказанія кузена Конрада на этотъ счетъ не оправдались. Спустя три года послѣ того какъ мы получили возможность заботиться о немъ—и я знаю что онъ былъ счастливъ съ нами—мой милый дѣдушка умеръ, умеръ внезапно, безъ страданій, не успѣвъ даже проститься съ нами. Это было большимъ ударомъ для насъ и мы горевали о немъ какъ будто знали и любили его всю жизнь. Къ великому удивленію нашихъ друзей, которыхъ у насъ было теперь много, онъ оставилъ намъ только небольшую ежегодную пенсію, все же остальное завѣщалъ, какъ всегда намъ вѣревался, кузену Конраду. Я была очень рада.

Кузень Конрадъ долженъ былъ теперь вернуться домой. Узнавъ печальную новость, онъ написалъ намъ только нѣсколько строкъ, прося мою мать остаться хозяйкой въ Бродландѣ до его возвращенія и прибавляя что если это не слишкомъ затруднитъ насъ, то онъ будетъ очень благодаренъ намъ

если мы прѣидемъ встрѣтить его въ Соутамптонъ, такъ какъ онъ не совсѣмъ здоровъ.

Мы отправились. Лишнее было бы описывать эту поѣздку. Въ послѣднюю минуту мать предложила мнѣ остаться въѣздѣ у воротъ дома, а сама отправилась одна къ пристани, гдѣ, какъ я могла видѣть, уже высаживались пассажиры и рабля.

Они высадились. Я видѣла какъ они разбрелись группами окруженные счастливыми друзьями, смѣясь и плача, и цѣлуя другъ друга. Они все вернулись на родину здоровые и невредимые, все, кромѣ одного, кромѣ моего милаго. Глазко на днѣ Краснаго Моря, гдѣ надъ нимъ пробѣгаютъ хлопотливые корабли, гдѣ его укачиваютъ теплыя волны, оставили они его, все что было въ немъ смертнаго, моего кузена Кирада.

Онъ умеръ отъ роковой фамильной болѣзни, которая была въ немъ наследственная, какъ онъ самъ зналъ, хотя теплыя климаты Востока и здоровый горный воздухъ долгое время задерживали ея развитіе. Случайно простудившись онъ получилъ воспаленіе легкихъ и послѣ этого началъ быстро ослабѣвать. Доктора предсказывали ему что онъ не дождется Англій, но онъ рѣшился попробовать. Удивительно было и то, что онъ говорилъ мнѣ, какъ долго его мужественный духъ поддерживалъ слабое тѣло. Онъ страдалъ мало. День за днемъ проводилъ онъ лежа на палубѣ, одинъ, совершенно одинъ, и не имѣя при себѣ ни одного близкаго друга; что же касается его спутниковъ, они все ухаживали за нимъ какъ бы то знали и любили его много лѣтъ. И среди нихъ, среди этихъ добрыхъ, но чужихъ лицъ, однажды, когда никто этого не ожидалъ, онъ „внезапно заснулъ“. Потому что онъ дѣйствительно, говорили они, былъ похожъ на спящаго когда лежалъ освѣщенный солнцемъ, со скрещенными руками, съ дѣтски спокойствіемъ въ лицѣ.

Все что принадлежало ему перешло ко мнѣ. Въ краткое завѣщаніе сдѣланное наскоро въ тотъ самый день какъ онъ получилъ извѣстіе о смерти дѣдушки онъ сдѣлалъ меня единственною наследницею всего своего состоянія, очень большого состоянія. Онъ оставилъ его мнѣ какъ „потому что имѣла на это право“, такъ и „потому что онъ всегда любилъ меня“.

Онъ всегда любилъ меня. Такъ о чемъ же горевать?

Съ теченіемъ времени я дѣйствительно почти перестала горевать. Если я еще прежде, только потому что любила его, чувствовала себя какъ бы замужней, то тѣмъ болѣе основанія была я для этого послѣ его смерти, когда не могло случиться ничего что измѣнило бы это чувство, что сдѣлало бы мою любовь къ нему преступной.

Я не говорю что не было промежуточнаго, ужаснаго времени мрака и отчаянія, когда я „шла по долину омраченной тѣни смерти“, одна, совершенно одна. Но мало-по-малу я вышла опять на тихій дневной свѣтъ, мы вышли, слѣдовало бы мнѣ сказать, потому что она, моя безцѣнная мать, была постоянно возлѣ меня.

Она помогла мнѣ дать такое направленіе моей жизни какое было бы наиболѣе по душѣ ему и поэтому жизнь моя была далеко не несчастной. Владѣя его состояніемъ, я старалась завести въ исполненіе всѣ его великодушныя планы. Я отыскала его друзей и сдѣлала ихъ своими друзьями и была также гровна имъ какъ былъ бы онъ. Я старалась исполнить все что онъ привужденъ былъ оставить неисполненнымъ и быть лишь довольной.

„Довольная“, вотъ мнѣ кажется слово которое всего чаще употребляли люди говоря о насъ въ теченіе многихъ сложившихся лѣтъ которыя мы прожили вмѣстѣ, моя мать и я. Теперь осталась только я, но все же я довольная старуха. Мои ныне все еще мои и тѣмъ болѣе мои чѣмъ ближе время сощивенія.

Само собою разумѣется что я осталась навсегда Эльмой Паркарди.

ТУРЕЦКОЕ ДУХОВЕНСТВО

И

ДЕРВИШИ

I.

Въ то самое время когда религіозная борьба въ нѣдрахъ христіанства волнуетъ элементы социальный и политическій, мусульманскій Востокъ представляетъ намъ поразительный контрастъ полнаго мира и спокойствія. Этотъ контрастъ могъ бы на первый взглядъ ввести въ заблужденіе поверхностные умы и заставить ихъ подумать что божественныя слова *Pax hominibus bonae voluntatis* должны быть скорѣе примѣняемы къ послѣдователямъ Магомета, чѣмъ къ ученикамъ Христовымъ. Но подобное заключеніе было бы, какъ мы замѣтимъ, важною ошибкой, слѣдствіемъ невѣдѣнія причинъ производящихъ посреди этихъ двухъ элементовъ явленія различныя и диаметрально противоположныя.

Причины этого контраста заключаются, во первыхъ, въ религіозныхъ учрежденіяхъ христіанства и исламизма, которыя естественно отличаются другъ отъ друга, и затѣмъ въ апатическомъ и беззаботномъ характерѣ мусульманскихъ народовъ.

При нашем изслѣдованіи причинъ религіознаго мира господствующаго въ Турціи, мы ограничимся анализомъ ея религіозныхъ учрежденій, механизмъ и дѣятельность которыхъ составляютъ главную причину контраста замѣчаемаго нами въ настоящемъ положеніи Востока и Запада.

Первый предметъ бросающійся въ глаза тѣмъ кто занимается изученіемъ мусульманскихъ учрежденій есть отсутствіе религіозныхъ учрежденій. У мусульманъ нѣтъ духовенства въ европейскомъ смыслѣ. Согласно духу ученія Корана, ни одинъ изъ правовѣрныхъ не можетъ быть облеченъ священнымъ характеромъ который возвысилъ бы его надъ массою правовѣрныхъ. Этою особенностью объясняется почему у мусульманъ тѣ кто исполняютъ обязанности священниковъ никогда не могли играть выдающейся роли посреди своей паствы. Между духовнымъ пастыремъ и его стадомъ здѣсь нѣтъ различія; имамамы такія же овцы какъ и тѣ которыхъ они призваны пасти.

Единственное различіе которое могло установиться между людьми облеченными религіознымъ авторитетомъ и остальными правовѣрными, есть чисто личное, и возникало только отъ нравственнаго превосходства, отъ болѣе или менѣе заслуженной репутаціи святости. Такъ напримѣръ человекъ пользующійся репутаціей добраго мусульманина, вѣрнаго и добросовѣстнаго исполнителя закона, вдругъ избирается имамомъ и ставится во главѣ конгрегаціи безо всякаго божественнаго или официальнаго полномочія.

Чтобы вполнѣ понять значеніе священства у мусульманъ, нужно обратиться къ началу этого учрежденія, то-есть къ самому Магомету, который есть источникъ всякой власти какъ церковной, такъ и свѣтской.

Магометъ въ качествѣ пророка вдохновеннаго Богомъ есть верховный имамъ, источникъ мусульманскаго священства. Имъ онъ, однако, никогда не выражалъ притязанія на какое-либо верховенство священнослужительскаго характера. Онъ говорилъ только что Богъ открылъ ему новую вѣру, что Богъ казалъ ему то и то, что Богъ чрезъ посредство архангела Гавриила повелѣлъ ему молиться такъ и такъ и выполнять такой или другой обрядъ.

Итакъ въ качествѣ имама или главы онъ долженъ былъ почитать своихъ учениковъ и подавать имъ добрый примѣръ,

дѣлая самъ то что Богъ предписалъ ему дѣлать. Такимъ образомъ его первые ученики брали у него первые уроки и вершали молитвы подъ его руководствомъ; пять разъ въ день собирались и располагались въ рядъ позади Магомета и пророка и имама, что значить начальника. По мѣрѣ то какъ кружокъ (джемаатъ) учениковъ пророка расширялся самъ Магометъ не могъ болѣе руководить молитвой и по необходимости долженъ былъ займать себя тѣми которые были въ состоянн стать во главѣ правовѣрныхъ. Вслѣдствіе этого каждый вновь составившійся кружокъ ставилъ во главу своей челоуѣка достойнаго по своимъ добродѣтелямъ способностямъ занимать мѣсто имама. Всѣ эти имамы, число коихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось, не получали никакой официальной инвентитуры или посвященія, благодаря которымъ имъ можно было бы приписать какой-либо священнаго характера. Да къ тому же священнаго характера былъ совершенно лишнимъ для мусульманскихъ священниковъ самой простой причинѣ: священства не можетъ быть тамъ гдѣ не положено совершать священнаго богослуженія. И дѣствительно, мусульманская религія не имѣетъ богослуженія она состоитъ изъ заповѣдей и обязанностей, обязательныхъ для всѣхъ и каждаго. Такъ, на примѣръ, первый желающій кто бы онъ ни былъ, можетъ начать молебствіе въ мечетъ быть свидѣтелемъ при бракосочетанн, хоронитъ мертвыхъ и пр.; для этого достаточно быть мусульманиномъ и знать что слѣдуетъ дѣлать и говорить. Если конгрегація поручила кому либо спеціально исполнить эти обязанности, то это значитъ что лицо названное имамомъ признано способнымъ исполнять ихъ согласно предписаніямъ закона, а также и для того что обязанности могли быть выполняемы точно и пунктуально.

Значить назначеніе имама есть простая административнаго мѣра, цѣль коей устранить безпорядокъ, который бы неизбежно послѣдовалъ елибы приходилось ежеминутно отыскивать какое-либо доброжелательное лицо которое привяло бы на себя трудъ похоронитъ сосѣда или обвѣщать сосѣдку.

Отсутствіе священнаго характера, а равно и опредѣленнаго церковной миссіи, вотъ причина что имамы то же что и частныя лица. На этомъ основанн тѣ изъ нихъ которые занимаютъ мѣста приходскихъ священниковъ совершенно свободны заниматься ремеслами, на болѣе для нихъ прибыльными. Ремесло которое они предпочитаютъ есть продажа москательныхъ товаровъ.

ить товаровъ; тѣмъ не менѣе есть имамы занимающіеся торговою тканями, нѣкоторые торгуютъ плодами или держатъ книжныя лавки.

Каковы бы ни были ремесло или профессія коими занимаются имамы, они не должны, однако, отдаляться отъ мечетей и обязаны посвящать часть дня наблюденію за первоначальною школою, вървенною ихъ полеченіямъ. Изъ этого слѣдуетъ что имамы, начальники джемаата или конгрегаци, не что иное какъ простые частныя лица, міряне, которые могутъ стать во главѣ своихъ единоверцевъ, если имъ заблагоразсудится и могутъ также легко отдаляться отъ своей обязанности, когда имъ это вздумается.

Неуглубляясь во времена Пророка, мы можемъ и въ наше время найти массу примѣровъ подтверждающихъ эту особенность мусульманскихъ учрежденій. Такимъ образомъ бывшій великій визирь Ширвани-Заде и Дживдетъ-паша, министръ народного просвѣщенія, были оба муллами, но они бросили свои торбалы и сдѣлались государственными чиновниками, то-есть мірянами.

Какъ только духовенство не составляетъ отдѣльной корпорации или касты, то понятно что оно не чувствуетъ потребности отличиться отъ остальной націи особою одеждою. Такъ въ Турціи имамы всегда ходили въ національномъ костюмѣ съ тою только небольшою разницею что, въ качествѣ благочестивыхъ людей, они старались въ одеждѣ подражать Пророку. Но это отличіе не принадлежало имъ исключительно, потому что всегда бывало значительное число халкѣй соблюдавшихъ тотъ же самый обычай.

Въ наше время, однако, водворилось различіе между одеждою гражданскою и духовною. Нововведеніе это произошло отъ вліянія европейскіхъ нравовъ. Мы не имѣемъ въ виду сказать этимъ что турецкое общество, видя что европейское духовенство употребляетъ особый костюмъ, пожелало и съ своей стороны, провести линію разграниченія между мірянами и своимъ собственнымъ духовенствомъ. Ничего, ибо это нововведеніе есть скорѣе результатъ оппозиціи реформамъ, чѣмъ какого-нибудь проекта реформъ.

И дѣйствительно, это различіе между свѣтскимъ костюмомъ и одеждою имамовъ водворилось и стало замѣтнымъ какъ разъ въ то время когда Махмудъ началъ вводить у себя европейскія реформы и одежду. Не трудно понять что тѣ

кто были облечены религиознымъ характеромъ и считали себя хранителями мусульманскихъ преданій и обычаевъ отказались допускать нововведенія отвергаемыя ихъ совѣстью. Надѣть франкскую одежду было для нихъ то же что превратиться въ гяуровъ, то-есть прямое отступничество. Этимъ объясняется ихъ сопротивление реформамъ начатымъ правительствомъ и ихъ упорство сохранить одежду отличающую мусульманъ отъ невѣрныхъ.

По мѣрѣ того какъ свѣтское общество оставляло старинную одежду и одѣвалось по новой модѣ, различіе между духовенствомъ и остальнымъ населеніемъ становилось болѣе рѣзкимъ и замѣтнымъ. Такъ въ настоящее время въ городахъ, гдѣ вообще приняты европейскія нововведенія, имамовъ и улемовъ можно отличить отъ прочихъ жителей по одеждѣ которую они наконецъ исключительно себѣ присвоили. Во внутренней Турціи перемѣна эта мало замѣтна, ибо тамъ мусульманскіе священники и ихъ паства сохранили свои традиціонные обычаи болѣе или менѣе неприкосновенными, такъ что всѣ одѣваются одинаково по модѣ правовѣрныхъ. Фактъ служащій доказательствомъ что духъ Корана не допускаетъ различія между мірянами и духовенствомъ состоитъ въ томъ что священники коимъ поручено отправленіе церковныхъ обязанностей въ войскѣ всѣ носятъ военный мундиръ того же цвѣта и покроя какъ и остальные офицеры. Въ полкахъ и баталіонахъ имамы не считаютъ за грѣхъ носить сюртукъ и панталоны *à la* гяуръ, такъ какъ повелѣнія халифа, султана, снимаютъ съ нихъ всякій грѣхъ и освобождаютъ ихъ отъ всякой отвѣтственности.

Какія же учрежденія замѣняютъ у мусульманъ церковныя учрежденія христіанъ?

До сихъ поръ мы доказывали что мусульманскій законъ не допускаетъ организаціи духовенства, а потому читатели наши, быть-можетъ, не безъ удивленія услышатъ когда мы сообщимъ имъ что мусульманскіе народы имѣютъ не только одно духовенство, но еще духовенство двухъ родовъ — литургическое и юридическое.

Эта аномалія есть одна изъ характеристическихъ особенностей отличающихъ мусульманское духовенство отъ христіанскаго. Причина этого различія заключается въ противоположности между духомъ этихъ двухъ ученій.

Религія Христа зиждется на общихъ принципахъ нрав-

ственности, которые должны во всѣхъ обстоятельствахъ и во все времена служить руководствомъ для жизни христіанъ. Такъ и эти принципы суть сама истина, неизмѣнная и вѣчная, и христіанское ученіе не имѣло надобности входить въ подробности касающіяся болѣе земныхъ интересовъ чѣмъ будущей жизни. Законъ Магомета имѣетъ именно тотъ существенный недостатокъ что онъ занимается гораздо болѣе земными интересами чѣмъ интересами духовными и нравственными, ибо Коранъ есть вмѣстѣ гражданскій кодексъ, политическое завѣщаніе и руководство, поучающее правовѣрныхъ такимъ образомъ они должны ѣсть, пить, спать, сражаться и т. д. Можно сказать что Пророкъ хотѣлъ сдѣлать изъ своей или всеобщую энциклопедію, изъ которой его ученики почерпали бы все необходимыя для нихъ свѣдѣнія и знанія. Это въ такой степени вѣрно что добрые мусульмане твердо убѣждены что нѣтъ на свѣтѣ науки извѣстной или неизвѣстной, что нѣтъ тайны которая не нашлась бы въ Коранѣ. Они говорятъ только что для извлеченія всего этого изъ Корана необходимо умѣть читать его глазами вѣры. Не останавливаясь на чудесахъ которыя могутъ таиться въ Коранѣ мы должны смотрѣть на него какъ на молитвенникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ и кодексъ судебной процедуры. Въ этомъ качествѣ онъ послужилъ основаніемъ компиляціи *шеріата*, подробнаго кодекса составленнаго по комментаріямъ четырехъ главныхъ имамовъ (отцовъ) исламизма. Такъ какъ мусульманское законодательство основано на истолкованіи Корана, то мусульманскіе судьи и юрисконсульты присвоили себѣ относительно народа характеръ полурелигіозный и священныя, истекающій отъ ихъ знакомства съ юриспруденціей, „наукой вдохновеннаго и божественнаго происхожденія“. Отъ того во все времена улемы (ученые, знатоки законовъ) считались чѣмъ-то въ родѣ жрецовъ, судей, то-есть людьми облеченными юридическою властью и священнымъ характеромъ, принадлежащимъ жрецамъ.

Значитъ улемы составляютъ мусульманское судебное сословіе и потому мы обозначаемъ ихъ названіемъ „юридическаго духовенства“ въ противоположность „духовенству литургическому“, исключительно занимающемуся выполненіемъ религиозныхъ обязанностей и интересами конгрегаціи правовѣрныхъ.

II.

Жречество, которое мы удостоиваемъ здѣсь титуломъ литургическаго духовенства, есть разнородная корпорація не имѣющая ни статута, ни іерархической системы, ни даже правильно опредѣленной организаціи. Это жречество состоитъ изъ всѣхъ тѣхъ кто улощается на служеніе въ мечетяхъ подъ различными названіями. Такъ какъ каждая мечеть дѣйствуетъ сама по себѣ и не вѣшивается въ дѣла другихъ, то и личный составъ ея также независимъ и не даетъ никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, кромѣ управляющаго дотациями самой мечети.

Такъ какъ организація приходовъ и епархіи совершенно неизвѣстна въ мусульманскихъ странахъ, то напрасно было бы и искать тамъ духовенства съ титулами соответствующими епископамъ, архіепископамъ и пр. христіанскаго міра. Имамъ есть первая и послѣдняя степенъ іерархіи, въ этомъ качествѣ онъ одинъ замѣняетъ весь капитулъ и руководитъ своею паствою по мѣрѣ своихъ силъ.

Имамы. Имамы облечены какъ религиозными, такъ и административными полномочіями, которыя они отправляютъ въ предѣлахъ ихъ юрисдикціи, обнимаетъ ли она одинъ кварталъ одно селеніе или всякое другое собраніе правовѣрныхъ. Они получаютъ свою ивеституру отъ управленія имѣющаго въ своемъ завѣдованіи мечети, ихъ доходы и личный составъ пріихъ служащій. Прежде назначеніе имамовъ не требовало ни экзаменовъ, ни иныхъ формальностей, за исключеніемъ аттестата и добрыхъ рекомендацій. Въ настоящее время имамы обязаны выдержать экзамень, свидѣтельствующій о ихъ способностяхъ къ выполненію возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Духовныя обязанности налагаемыя на имамовъ заключаются въ наблюденіи за богослуженіемъ, въ совершеніи и внесеніи въ метрики браковъ, въ духовномъ напутствованіи умирающихъ и наконецъ въ погребеніи умершихъ. Ихъ административныя обязанности заключаются въ управленіи первоначальными школами, гдѣ дѣти обоаго пола учатся читать и писать, а равно и выучиваютъ наизусть мѣста изъ Корана внесеніе въ метрики рожденій и наблюденіе за нравственностью

имать также въ кругъ гражданскихъ обязанностей имамовъ. Смерть того подписъ имамовъ требуется властями для дѣйствительности контрактовъ и кулчихъ совершаемыхъ въ ихъ кварталахъ или округахъ.

Эти многочисленныя обязанности сообщаютъ имамамъ степень вліянія и власти которая имѣетъ большое значеніе. И действительно, имамы суть маленькіе султаны въ своей сферѣ такъ какъ подобно султану они пользуются и духовною и свѣтскою властью. Вслѣдствіе этого въ кварталѣ ничто не дѣлается безъ утвержденія имама или по крайней мѣрѣ безъ предуведомленія его; свидѣтельство имама имѣетъ большой вѣсъ во всякомъ тяжёломъ дѣлѣ и его голосъ пользуется огромнымъ вліяніемъ въ совѣтахъ квартала. Разумѣется его вліяніе гораздо болѣе тяготѣетъ на простолюдиновъ, чѣмъ на богатыхъ и знатныхъ проживающихъ въ его кварталѣ, ибо имамъ, какъ человекъ благоразумный, знаетъ кого можно подчинить себѣ и предъ кѣмъ преклоняться. Здѣсь, какъ и вездѣ, интересъ руководить человѣческими дѣйствіями.

Имамъ пользуется привилегіей быть первымъ сплетникомъ своего квартала; на основаніи этой привилегіи онъ собираетъ и разноситъ всѣ слухи и сплетни, и ему принадлежитъ въ кофейнѣ монополія скандальныхъ разказовъ. Для этого онъ крадетъ свѣдѣнія гдѣ попало и приводитъ въ движеніе своихъ помощниковъ и агентовъ. Женщины нѣсколько легкаго поведенія состоятъ подъ специальнымъ наблюденіемъ имама, который окружаетъ ихъ дома шпионами и получаетъ отъ нихъ свѣдѣнія о всѣхъ ихъ посѣтителяхъ. Когда его соглядатаи бьютъ тревогу, завидѣвъ что-либо подозрительное, имамъ собираетъ тотчасъ же нотаблей своего квартала и въ сопровожденіи ихъ направляется къ подозрительному дому, держа въ рукѣ свой фонарь, при помощи котораго онъ пролагаетъ себѣ путь посреди мрака господствующаго по улицамъ Стамбула. По прибытіи къ дверямъ дома, имамъ начинаетъ въ нихъ сильно стучать и приказываетъ именовъ закона отворить ему немедленно двери. Этого требованія въ большей части случаевъ достаточно чтобы дать возможность имаму и его спутникамъ проникнуть въ домъ и произвести въ немъ необходимыя розыски. По окончаніи этой операціи, имамъ уводитъ съ собою особъ обоого пола которыхъ ему удалось захватить, и затѣмъ передаетъ ихъ полицейскимъ агентамъ, которые и отводятъ ихъ на гаултахту.

Такіе ночные захваты очень часто случаются въ мусульманскихъ кварталахъ, гдѣ ихъ называютъ *баскинъ*. Слѣдствіе этихъ захватовъ не очень важны, ибо виновные отдѣлываются обыкновенно десятидневнымъ заключеніемъ, а тѣ которые могутъ дать хорошій выкупъ отпускаются прежде сутокъ.

Это строгое наблюденіе въ дѣйствительности не что иное какъ фарсъ и средство которое имама, ихъ помощники и полицейскіе агенты употребляютъ чтобы добыть себѣ нѣсколько денегъ. Выраженіе „нѣсколько денегъ“ не совсѣмъ точно такъ какъ этимъ средствомъ добываются иногда значительныя суммы. Мѣстная полиція, также какъ имама и компаніи обращаютъ эти захваты въ доходную статью. До тѣхъ поръ пока вѣтренныя красавицы въ состояніи задабривать имама и его сообщниковъ, послѣдніе смотрятъ на нихъ сквозь пальцы предоставляя имъ полную свободу. Но какъ только пороки прекращаются, блюстители нравственности открываютъ глаза и начинаютъ свои преслѣдованія. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ преслѣдуются имамами изъ одного квартала въ другой, по неимѣнію средствъ для удовлетворенія всѣхъ и каждаго и для раздачи *бакшишей* отъ нихъ требуемыхъ. Сказанное нами можетъ повести къ заключенію что имама нѣчто въ родѣ голодныхъ волковъ бросающихся на чѣмъ имъ поладится. Это не совсѣмъ такъ; тѣмъ не менѣе надлежитъ замѣтить что бѣдные имама нерѣдко принуждены подражать волкамъ, ибо у нихъ въ распоряженіи рѣдко бываютъ лакомые куски. Содержаніе имамовъ очень скудно, ибо имама поставленные въ наилучшія условія, какъ напримѣръ первыи имамъ Св. Софіи, получаютъ не болѣе 300 піастровъ, то есть около двадцати рублей въ мѣсяцъ. Имама въ кварталахъ получаютъ отъ пяти до шести рублей въ мѣсяцъ жалованья изъ доходовъ ихъ мечетей. Это скудное жалованье пополняется нѣсколько квартирой, отопленіемъ, а равно и раціономъ хлѣба, которые выдаетъ имамамъ администрація мечетей. Затѣмъ слѣдуютъ чрезвычайные доходы, измѣняющіеся смотря по мѣстностямъ, а также и смотря по ловкости которую умѣютъ пускать въ ходъ служители мечетей. Не говоря о чрезвычайныхъ доходахъ, въ особенности о вышеупомянутыхъ, скажемъ о доходахъ законныхъ, получаемыхъ имамами по случаю свадебъ и погребеній, за которыя каждый старается заллатить по мѣрѣ своихъ средствъ. Другой источникъ дохода составляютъ деньги уплачиваемыя

одителями за дѣтей посѣщающихъ школу квартала. Такъ какъ каждый изъ дѣтей вручаетъ имаму по одному и по два пистра въ недѣлю, то къ концу мѣсяца онъ приобретаетъ такимъ образомъ около десяти рублей.

Полученіе о бѣдныхъ есть дѣло которымъ болѣе или мене занимаются всѣ имамы. Пособіе которое они доставляютъ немущимъ идееть конечно не изъ ихъ собственнаго кармана, но по крайней мѣрѣ они хлопочуть о томъ у богатыхъ людей и этимъ средствомъ облегчаютъ участь бѣдняковъ. Впрочемъ здѣсь каждый предпочитаетъ благотворить на свой собственный счетъ и туго подается на сборы и подписки, которые такъ любятъ устраивать на Западѣ. Несмотря на этотъ недостатокъ общаго дѣйствія и системы, бѣдняки обыкновенно не нуждаются въ необходимомъ, и имамы принимаютъ всю долю участія въ этой индивидуальной и неорганизованной благотворительности.

Этимъ почти и ограничивается миссія имамовъ, нравственное мнѣніе коихъ не проникаетъ въ социальную массу, чтобы дать ей то направленіе которое должно подвинуть ее на пути добродѣтели развитіемъ въ ней могущества религіознаго духа. Имамы въ этомъ отношеніи безсильны, и безміе ихъ должно скорѣе приписать органическому недостатку религіозной системы коей они держатся, чѣмъ къ небрежности или неспособности. Мы ограничиваемся замеченіемъ этого факта, предоставляя себѣ возвратиться къ ому предмету въ концѣ главы, при изложеніи нашихъ замеченій объ учрежденіяхъ литургическаго духовенства.

Упрекъ который обыкновенно дѣлается имамамъ что они изъ корыстолюбивы не лишень основанія; но напрасно звать имъ это въ вину; не имѣя предъ собою никакой чужей дѣятельности, они устремляютъ всѣ свои способности для улучшенія своего быта, и въ убѣжденіи что должны поступать именно такъ, не пропускаютъ ни одного случая гдѣ могутъ чѣмъ-нибудь поживиться. Есть даже такія которые не довольствуются представляющимся случаемъ, а очень ловко придумываютъ случаи которые могутъ доставить имъ какую-нибудь выгоду. Такъ разказываютъ что изъ вѣкогда имамъ который прішедши въ крайность изобрѣлъ весьма ловкое средство обогатиться на счетъ своей агрегациі. Онъ вздумалъ употребить въ свою собственную мѣзу правила Корана о милосердіи къ бѣднымъ, съ твер-

дымъ намѣреніемъ поставить себя во главѣ списка нуждающихся. И дѣйствительно онъ произнесъ цѣлый рядъ проповѣдей, самыхъ горячихъ, сущность которыхъ состояла томъ что каждый имѣющій болѣе состоянія чѣмъ ему для жизни долженъ раздѣлить избытокъ между немущими.

„Друзья мои, воскликнулъ имамъ въ пылу своего краснорѣчія, если вы владѣете двумя постелями, оставьте себѣ одну, а другую отдайте бѣднымъ: постуляйте такъ же если у васъ есть лишній диванъ, лишній столъ, лишнее платье и т. п. ибо Пророкъ повелѣлъ такъ, и Богъ, наградитъ васъ на томъ свѣтѣ“.

Одна изъ этихъ проповѣдей была столь трогательна и интересна, говорятъ, такое впечатлѣніе на конгрегацию что и вѣрныя, возвратясь домой, послѣдили составить инвентарь своихъ вещей и раздать ихъ бѣднымъ; многіе сочли за лучшій способъ отправить излишекъ своего имущества имаму, который, какъ умѣется, не пользовался репутаціей богача. По окончаніи проповѣди, имамъ послѣдилъ возвратиться домой, но каково было его удивленіе когда онъ увидѣлъ что домъ его наполненъ носильщиками, изъ коихъ одни уходили, другіе приходили. понямая что происходитъ, имамъ проложилъ себѣ дорогу среди толпы и прибѣжавъ къ женѣ спросилъ что это значитъ. „Милая моя, сказалъ онъ, что это за народъ который отсылаешь?“

— Эффенди, отвѣчала жена, — развѣ вы не сказали что и отдавать бѣднымъ все что у насъ лишнее; вотъ я и отдаю все что намъ присылаютъ и все что есть лишнее дома.

— Дура ты, отвѣчалъ имамъ ошеломленный такимъ образомъ жены. — Развѣ ты не поняла что я говорилъ все это только чтобы намъ прислали чѣмъ наполнить нашъ домъ.

Подобныя анекдоты на счетъ имамовъ во множествѣ, кажутся въ народѣ. Въ заключеніе прибавимъ что имамы женаты, такъ какъ Коранъ не допускаетъ безбрачія.

Для исполненія своихъ обязанностей имамы берутъ съ собою помощниковъ людей признаваемыхъ способными на службу требуемое мусульманскимъ закономъ.

Муэдзинъ. Между этими помощниками первое мѣсто занимаетъ муэдзинъ, пѣвчій, то-есть тотъ кто обязанъ всходить на минаретъ и призывать правовѣрныхъ къ молитвѣ, сошпаемой пять разъ въ день. Сверхъ того муэдзинъ долж

несколько раз глѣть во время молебствія попеременно съ шимомъ.

Имзины избираются всегда изъ молодыхъ людей, владѣющихъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ. Пѣніе имуздина, какъ шито, имѣетъ въ себѣ нечто поражающее и мистическое, то производитъ впечатлѣніе даже на иностранцевъ.

Имзизивъ есть помощникъ имама и въ этомъ званіи онъ служитъ ему товарищемъ и релетиторомъ при урокахъ въ первоначальной школѣ. На него возлагается обязанность приходить дѣтей по утрамъ въ школу и вечеромъ разводить ихъ по домамъ.

Хатибы. Хатибы суть мусульманскіе проповѣдники, изъ коихъ нѣкоторые входятъ въ личный составъ мечети, между тѣмъ какъ другіе имѣютъ обыкновеніе проповѣдывать то здѣсь, то тамъ, согласно сдѣланнымъ имъ предложеніямъ. Проповѣдники этой категоріи ведутъ бродячую жизнь, и между ними есть такіе которые въ теченіе года проходятъ всю страну изъ конца въ конецъ. Что касается хабитовъ полушубковъ содержаніе и остающихся постоянно на одномъ мѣстѣ, то число таковыхъ весьма ограничено, ибо только въ главныхъ мечетяхъ Константинополя и большихъ городовъ встрѣчаются эти проповѣдники. Образование этихъ лицъ гораздо выше того которое обыкновенно имѣютъ имамы; изъ нихъ нѣкоторые пользуются важною репутаціей и большою популярностью.

Моакиты. Моакитами называются часовщики мечети. Священники-часовщики такая новость которая несомнѣнно должна удивить нашихъ читателей, такъ какъ имъ трудно будетъ дать себѣ отчетъ объ отношеніяхъ существующихъ между часовымъ мастерствомъ и религіей. Тѣмъ не менѣе эти два предмета тѣсно связаны между собою и связь эта одна изъ странностей принадлежащихъ исключительно мусульманскому ученію. И дѣйствительно, это ученіе имѣетъ опредѣленные часы для молитвы, а также священные періоды опредѣляемые движеніемъ луны. Но такъ какъ точное знаніе этихъ часовъ, а равно начала и конца этихъ періодовъ необходимо для выполнения религіозныхъ обязанностей, то оказывается что астрономическія наблюденія, а также надзоръ за маятниками и стрѣлками часовъ входятъ въ кругъ обязанностей духовенства. Всѣдствие этого каждая первоклассная мечеть (села-тиль-джами) имѣетъ отдѣльный павильонъ (моакитъ-хане)

гдѣ моакиты занимаются своимъ дѣломъ какъ для мечети такъ и для публики. Въ большихъ городахъ эти священники часовщики открываютъ магазины на свой счетъ и пользуются монополіей часоваго мастерства. Вотъ почему всѣ посѣщавшіе Востокъ должны были замѣтить что всѣ турецкіе часовщики носятъ или чалму или *сикичъ*, войлочную шапку служащую знакомъ отація дервишей. Дервиши въ качествѣ духовнаго ордена имѣютъ, конечно, своихъ часовщиковъ, которымъ поручается исправлять всѣ монастырскіе часы.

Моакитами мы заключимъ исчисленіе персонала составляющаго свѣтское духовенство коему поручено руководить мусульманскимъ богослуженіемъ. Эти три класса служащихъ не имѣютъ, какъ мы видѣли, никакого священнаго характера, и вслѣдствіе этого миссія ихъ далеко не имѣетъ важности сопряженной со всякою истинно-церковною миссіей.

III.

Вліяніе коимъ пользуется свѣтское духовенство на массу правовѣрныхъ весьма незначительно. Правда, имамы имѣютъ нѣкоторый перевѣсъ надъ народомъ, ибо, какъ мы уже показали, ихъ многочисленныя и разнообразныя обязанности должны доставить имъ нѣкоторую долю вліянія. Но вліяніе это и превосходство имѣетъ характеръ временный, свѣтскій, корыстный, который отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ нравственнымъ вліяніемъ, основаніемъ и цѣлю коему служить религія, или лучше сказать съ вліяніемъ умственнымъ. Недостатокъ умственнаго вліянія значитъ недостатокъ разумаго и сильнаго дѣйствія имѣющаго цѣлю руководить массами на пути добра, внушая имъ набожность и благочестіе.

Причины этого недостатка духовнаго вліянія, этого безсилія духовенства многочисленны, и разсмотрѣніе ихъ ведетъ насъ къ подробному анализу религіознаго и социальнаго механизма мусульманской системы.

Первая причина безсилія служителей мусульманскаго исповѣданія заключается въ томъ что, не имѣя священнаго характера свойственнаго христіанскому духовенству, они остаются на одномъ нравственномъ уровнѣ со своею конгрегаціей. Такъ какъ имамы ни болѣе ни менѣе какъ простые пра-

воображе, то и оказывается что уваженіе къ нимъ имѣеть весьма мало значенія; ибо разъ когда считаютъ человѣка равнымъ себѣ, то уваженіе ограничивается чувствомъ вниманія, не имѣющимъ большаго вѣса. Чувство это, какъ мы замѣтили выше, имѣеть своимъ источникъ интересъ, а не какія-либо соображенія изъ духовныхъ сферъ. Отъ того очень часто случается что въ стамбульскихъ кофейняхъ молодежь, и даже зрѣлые люди лѣтъшаются надъ мѣстнымъ имамомъ до такой степени что дѣлають изъ него вѣчто въ родѣ шута надъ которымъ они позволяютъ себѣ всевозможныя шутки самая пошлая, чтобы не оказать площаднаго. Имамъ подбивается охотно и съисходительно подобнымъ фарсамъ, потому что дорожить болѣе всего дружбой своей ластвы и репутаціей добрака. Еслибъ имамъ былъ облеченъ священнымъ характеромъ, то ничего подобнаго не могло бы случиться, ибо тогда и самъ имамъ и его ластва сумѣли бы держаться въ границахъ приличія.

Другая причина недостатка вліянія мусульманскаго духовенства есть отсутствіе единства и іерархической системы. И дѣйствительно, такъ какъ каждый имамъ независимъ отъ другаго и зависитъ только отъ администраціи своей собственной мечети, то духовенство поставлено въ невозможность дѣйствовать коллективно. При всей доброй волѣ, имамъ можетъ руководить лишь весьма ограниченнымъ кружкомъ правовѣрныхъ. Что касается его товарищей, то всакій изъ нихъ дѣйствуетъ по-своему.

Въ одномъ только случаѣ въ дѣйствіяхъ имамовъ замѣчается единство, а именно, когда власти предписываютъ имъ обнародованіе султанскаго фирмана, такъ какъ обычаемъ принято читать въ мечетяхъ повелѣнія халифа адресуемыя его подданнымъ.

Упомянувъ о фирманахъ прочитываемыхъ въ мечетяхъ прибавимъ что самыя мечети у мусульманъ не считаются мѣстами священными въ тѣсномъ смыслѣ. И дѣйствительно, мечети просто-на-просто мѣста сходокъ, что доказывается этимологіей слова *джемми*, которое по-арабски значитъ „мѣсто собранія“, также какъ и *джеммаатъ* значитъ „собраніе, общество“. Замѣтите что именно вслѣдствіе отсутствія этого священнаго характера мечеть есть мѣсто гдѣ дозволено собираться, разговаривать, вести пренія и пр. Въ промежуткахъ между часами молитвы, въ мечети правовѣрные садятся, даже повора-

чиваются спимою къ *минберу* (алтарю) преспокойно разговоривая другъ съ другомъ, или ведутъ бесѣду о дѣлахъ. Мы говоримъ по опыту, потому что намъ вѣрѣдко приходилось назначать дѣловыя свиданія въ той или другой мечети. Требуется только чтобы присутствующіе вели себя прилично; самое зданіе должно содержаться въ чистотѣ, то-есть въ немъ не должна быть допускаема никакая грязь, ибо присутствіе чего-нибудь нечистаго сдѣлало бы невозможнымъ отправленіе молитвы.

Литургическое духовенство не имѣетъ іерархіи: оно состоитъ просто изъ персонала кругъ дѣйствій и обязанностей къ его мы изложили выше.

Имамъ не получаетъ ни приказаній, ни инструкцій отъ кого бы то ни было, а потому ему нечего опасаться вмешательства въ его дѣла какого бы то ни было начальника. Онъ можетъ совершенно свободно пуститься въ какую угодно ересь и никто не подумаетъ подвергать его отвѣтственности. Но еслибъ онъ осмѣлился коснуться политической почвы и набросить какую-либо тѣнь на власти, то имамъ рискуетъ что его схватятъ и отправятъ куда-нибудь въ Малую Азію. Про повѣдникамъ въ особенности часто приходится совершать такіе путешествія.

Имамы, которымъ нечего ожидать повышенія и не представляется возможности составить себѣ какую-нибудь карьеру, остаются обыкновенно при своей должности пока не представится случай замѣнить ее какою-нибудь болѣе выгодною, и чего они не задумываясь бросаютъ свой тюрбанъ. Тѣ изъ нихъ которымъ достается богатый приходъ сохраняютъ его до смерти.

Переходимъ теперь къ главной причинѣ недостатка нравственнаго вліянія духовенства на общество. Причина эта творчество женщинъ.

Одинъ іезуитъ, дѣлая свои расчеты какъ истый заворщикъ, сказалъ одному изъ своихъ товарищей:

— Милый мой! наше дѣло вѣрно, потому что женщины борются за насъ.

— Какъ такъ? отвѣчалъ новичокъ,—а развѣ все остальное вы ставите ни во что?

— Послушайте: женщины составляютъ половину человечества; эта половина настолько ловка и настойчива что управляетъ половиною мужчинъ. Такъ какъ на нашей сторонѣ

нѣ будетъ три четверти человечества, то мы можемъ пре-
небречь остальнымъ.

Но затворничество женщинъ ставить ихъ внѣ всякаго влі-
янія духовенства. При наилучшей доброй волѣ, съ самыми
лучшими учрежденіями, турецкое духовенство все-таки потер-
пѣло бы неудачу предъ неодолимымъ прелютствіемъ кото-
рое носить названіе гарема. Для имама не можетъ быть
и рѣчи обратиться въ гаремъ того или другаго лица съ
цѣлю вести религіозную бесѣду, дабы улучшить принципы
такой-то дамы или облегчить нравственныя страданія дру-
гой. Такъ какъ имаму невозможно проникнуть въ гаремы
правовѣрныхъ его пасты, то онъ никогда не можетъ знать
что думаютъ ихъ жены, во что онѣ вѣрятъ и нуждаются ли
онѣ въ совѣтникахъ и другѣ, который успокоилъ бы ихъ со-
сѣсть. На взглядъ турецкаго мужа существо которое онъ
называетъ своею женой есть полная его собственность и ни-
кто не имѣетъ права касаться ни тѣла ея, ни души.

Соприкосновеніе съ духовенствомъ есть самое дѣйстви-
тельное средство для поддержанія и развитія религіознаго чув-
ства, и недостатокъ этого соприкосновенія объясняетъ одно
изъ самыхъ странныхъ явленій: тогда какъ во всѣхъ стра-
нахъ женщины составляютъ классъ наиболее преданный
набожности, въ Турціи онѣ совершенно равнодушны къ дѣлу
религіи. Отъ того-то набожность, или лучше сказать хажже-
ство практикуется исключительно мужчинами, которые вы-
ставляютъ его, прохаживаясь всегда съ четками въ рукахъ
и дуактуально выполняя колѣнопреклоненія и прочія обыч-
ныя тѣлодвиженія.

Единственное соприкосновеніе которое имѣютъ женщины
съ имамами или шейхами бываетъ въ тѣхъ случаяхъ когда
онѣ заказываютъ чтеніе молитвъ и еще болѣе когда онѣ за-
водятъ процессъ о разводѣ съ мужьями. Въ этомъ случаѣ
женщины отправляются къ имаму въ лавку или магазинъ и
тамъ заводятъ продолжительные разговоры, главнымъ предме-
томъ которыхъ бываетъ всегда мужъ. Тогда-то турецкія же-
нщины высказываютъ свое искусство проводить своихъ мужей.
Онѣ, бѣдная, имѣютъ полное право поступать такъ, хотя это
и не совсѣмъ согласно съ религіей.

Таково турецкое общество, что бы ни говорили романисты
превозносящіе набожность добрыхъ мусульманъ. Масса му-
сульманъ знаетъ только одно чувство которое она величаетъ

религіей, и чувство это глубокая и слѣпая ненависть къ *гаурамъ*. Чувство это заражается въ дѣтствѣ и развивается возрастомъ, ибо съ дѣтства они слышатъ при всякомъ случаѣ что *гауры* грязны, что они отвратительны, что они вмущаютъ всю желчь, что слѣдуетъ рѣзать *гауровъ* надъ и пр. и пр.

Понятно что отвращеніе возбуждаемое слушаемымъ день и ночь подобныхъ вещей становится второю натурой, отъ которой невозможно совершенно отдѣлаться если даже почаешь постъ посла или повѣреннаго въ дѣлахъ и если да васъ встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями *гаурскія* принцы и принцессы.

IV.

Перейдемъ къ духовенству которое мы назвали юридическимъ и укажемъ что такое этотъ разнохарактерный классъ адвокатовъ-священниковъ.

Подъ названіемъ юридическаго духовенства мы разумѣемъ ту категорію ученыхъ (улемы) назначеніе коихъ объясалъ и направлялъ мусульманскій законъ. Все сказанное объ *имамахъ* должно быть примѣнено къ *улемамъ-юристамъ*, которые, не имѣя священнаго характера, свободны оставяя свою профессию и снова возвращаться къ ней. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, однако, *улемы* приближаются болѣе къ христіанскому духовенству; такъ напримѣръ употребленіе особой одежды и нѣчто въ родѣ іерархической системы какъ будто устанавливаютъ нѣкоторую аналогію съ послѣднимъ.

Во всѣ времена члены мусульманскаго судебнаго сословія ученые законовѣды, проводили рѣзкую линію разграниченія между собою и остальнымъ народомъ, ибо они всегда считали себя выше военныхъ, бюрократовъ и по временамъ даже пытались предписывать законы султанамъ. Костюмъ который они носили наломиналъ всегда покрою одежды временъ Магомета съ небольшими нововведеніями и нѣкоторыми вариантами которые почти всегда измѣнялись съ наступленіемъ новаго царствованія.

Перемена моды повидимому имѣетъ своимъ источникомъ человеческую природу, а потому и *улемы* подчинились ей, и смотря на образецъ оставленный имъ Пророкомъ. Чалма ея напримѣръ потеряла почти столько же измѣненій какъ и

убная и некрасивая шляпа Европейцевъ; такимъ образомъ она принимала то коническую форму, то форму тыквы; то расширлялась она сверху, то снизу. Теперь мода ловидимому потеряла свои причуды по отношенію къ чалмѣ и она окончательно приняла форму бѣлаго или зеленого томата. Если улемъ носящій ее принадлежитъ къ классу Эссеидовъ (потомковъ Магомета по какой-то непопулярной линіи, которую нельзя назвать даже боковою), то она зеленого цвѣта, если же оная происхожденія не столь знатнаго, то чалма его должна быть бѣлая. Молодое поколѣніе отложило также старинныя широкіе шальвары, и европейскіе панталоны были приняты наравнѣ молодыхъ улемами.

Принятіе отличительной одежды естественно обозначаетъ существованіе корпоративнаго духа. Этотъ духъ и въ самомъ дѣлѣ высказывался вѣкогда очень рѣзко, до такой степени что улемъ едва удостоивалъ говорить съ тѣми кого считалъ мѣждками. Улемы говорили тогда языкомъ почти непопулярнымъ и каждую пару словъ сопровождали сентенціями изъ Корана съ такимъ поразительнымъ эффектомъ что не было средствъ возражать имъ.

Но болѣе всего послужила къ восстановленію и поддержанію этого корпоративнаго духа іерархія. Іерархія эта есть учрежденіе относительно новое, ибо она возникла въ царствованіе Сулеймана Великолѣвнаго, который, какъ извѣстно, закрѣпилъ административное и политическое зданіе Оттоманской имперіи. До него улемы заправляли правосудіемъ, не слѣдуя никакой системѣ и никакому правилу: каждый изъ нихъ былъ воленъ истолковывать законъ и выполнять его предписанія какъ ему казалось болѣе удобнымъ. Дабы положить конецъ безпорядкамъ происходившимъ отъ такого положенія вещей, султанъ Сулейманъ организовалъ судебную іерархію по образцу іерархіи административной. Организція эта въ полной силѣ и теперь, и это единственное дѣло его царствованія которое сохранилось несмотря на перевороты съ тѣхъ поръ совершившіяся.

Первая ступень въ іерархическомъ порядкѣ есть *наибъ*, окружной судья, соотвѣтствующее званіе которому въ административной іерархіи есть начальникъ округа или меръ. Судья его соотвѣтствуетъ трибуналу первой инстанціи.

Послѣ выбы слѣдуетъ *мурти*, судья котораго находится въ главномъ городѣ провинціи. Въ юридической іерархіи оная

соотвѣтствуетъ гражданскому губернатору или пашѣ, и судъ его равняется трибуналу второй инстанціи. На практикѣ, однако, трибуналъ муфти имѣетъ рѣшающее значеніе, ибо почти никогда не случается чтобы тяжущіяся стороны прибѣгали къ верховному суду, пребывающему въ Константинополѣ. Что касается права, то онѣ имѣютъ его, но рѣдко случается чтобы возможно было пользоваться правомъ столь отдаленнымъ, которое и покупается въ добавокъ слишкомъ дорогою цѣной.

Муфти по праву пользуются титуломъ *муллы*, столь извѣстнымъ въ Европѣ. Вслѣдствіе злоупотребленія, однако, это званіе приписывается всѣмъ улемамъ, каковы бы ни были ихъ стелени или должности. Очень часто можно услышать что обращаясь къ нимъ говорятъ: „мулла-эффенди“, точно также, какъ въ нѣкоторыхъ странахъ Европы встрѣчаются люди которые всякаго достаточнаго человѣка титулуютъ „господиномъ барономъ“.

Поднимемъ теперь на одну степенъ выше въ юридической іерархіи и перейдемъ отъ мелкихъ муллъ къ крупнымъ. Строго говоря, всѣ муфтіи облечены одинаковою властью; крупные муллы имѣютъ обязанности несравненно болѣе важныя и занимаютъ положеніе гораздо болѣе высокое чѣмъ положеніе мелкихъ муфтіевъ. Муфтіи которыхъ мы назовемъ второклассными суть судьи имѣющіе пребываніе въ такихъ городахъ какъ Тренизонадъ, Эрзерумъ и пр., то-есть въ городахъ второклассныхъ, между тѣмъ великіе муфтіи занимаютъ мѣста въ Меккѣ, Каирѣ, Іерусалимѣ и Константинополѣ. Муфтіи меккскій и меккискій пользуются наибольшимъ уваженіемъ, такъ какъ резиденціей имъ служатъ священныя города. Муфтіи константинопольскій и каирскій самыя вліятельныя вслѣдствіе политической власти кѣмъ они пользуются.

Прежде чѣмъ мы поднимемъ еще выше въ дѣлѣ іерархіи, остановимся на минуту и посмотримъ что дѣлается въ провинціяхъ и какую роль занимаютъ въ нихъ наибы и муфтіи. Просимъ читателей сопутствовать намъ при осмотрѣ провинцій, гдѣ они увидятъ множество интересныхъ вещей, а также много характеристическихъ подробностей касательно нравовъ и обычаевъ Востока. Чтобы экскурсія наша была поучительнѣе и пріятнѣе, мы отправимся въ путь вмѣстѣ съ муфтіемъ назначеннымъ въ Багдадъ и не разставемся съ нимъ до конца его служенія.

Шерефъ-Эддинъ-эффенди,—имя нашего муфтия,—назначенъ былъ на этотъ постъ въ Багдадъ на основаніи *берата*, декрета шейхъ-уль-ислама, верховнаго судьи исламизма. Было бы лишнее изыскивать средства коими новый муфтий успѣлъ бытъся этого берата. Какой-нибудь благосклонный патронъ можетъ быть имѣть свиданіе съ банкиромъ Шерефъ-Эддинъ-эффенди и уладить дѣло между четырехъ глазъ. До этого имъ мало дѣла; фактъ тотъ что Шерефъ-Эддинъ есть въ настоящую минуту багдадскій муфти, и что онъ долженъ отправиться немедленно къ мѣсту своего назначенія для смѣны своего предшественника, ожидающаго его съ нетерпѣніемъ. Откланявшись своимъ начальникамъ и простясь со своимъ банкиромъ и прочими кредиторами, Шерефъ-Эддинъ отправляетъ свой багажъ и своихъ женъ на корабль отправляющійся въ Самсунъ. Самъ онъ, соупутствуемый своимъ чубуковосцемъ и другимъ служителемъ, садится на корабль нѣсколько позже чтобы на свободѣ вылолнить различныя комиссіи. Не долго до отъѣзда корабля нашъ муфти появляется на немъ, приближается на минуту къ своимъ женамъ чтобы убѣдиться всѣ ли онѣ на лицо и хорошо ли онѣ размѣстились на палубѣ. По окончаніи этого краткаго, но нѣжнаго осмотра, эффенди поворачиваетъ спину своимъ женамъ и устраивается въ одной изъ каютъ, гдѣ принимается курить и бесѣдовать со своими люльми.

Если кто-либо изъ нашихъ читателей пожелаетъ узнать въ обычаѣ ли у Турокъ чтобы жены оставались на палубѣ подъ открытымъ небомъ, между тѣмъ какъ мужья нѣжатся въ каютахъ, то мы дадимъ на это утвердительный отвѣтъ. Обычай этотъ имѣетъ свои основанія, ибо надо замѣтить что немногіе мусульмане согласятся пустить женъ своихъ въ такое мѣсто гдѣ онѣ могутъ столкнуться лицомъ къ лицу съ гауромъ. Нѣкоторые изъ нихъ считаютъ возможнымъ смѣшеніе между пассажирами во время бури или урагана. Во вниманіе ко всѣмъ этимъ случайностямъ, вѣроятнымъ и невѣроятнымъ, женщины должны оставаться на верху и наслаждаться морскимъ воздухомъ. Таковъ обычай, и противъ него возставать было бы напрасно.

По прибытіи въ Самсунъ, мы теряемъ изъ виду муфтія и его караванъ, ибо они остановятся въ домѣ муфтія этого города, а мы принуждены будемъ искать пріюта въ „ханѣ“. Это исчезновеніе муфтія и его свиты отнюдь не должно удивлять

нась, такъ какъ оно есть только начало цѣлаго ряда исчезновеній имѣющихъ послѣдовать одно за другимъ ежедневно. И дѣйствительно, въ каждомъ селеніи гдѣ найдется собратъ муфти или какое-либо богатое лицо, эффеади несомнѣнно будетъ приглашенъ почтить его домъ своимъ присутствіемъ. Надо сознаться что такой способъ путешествія имѣетъ свои выгоды и прелести: повсюду находишь готовое и очень дешевое помѣщеніе. Если при отъѣздѣ эффеади подарить служителямъ лять, шесть франковъ, то служители послѣзатъ облабызатъ въ знакъ благодарности край его одежды. Правда, всѣ турецкіе чиновники руководствуются тою же системой путешествія, но муфти, по своему двойственному званію судьи и священника, имѣетъ путешествовать съ бѣльшими удобствами и съ наименьшими расходами чѣмъ кто-либо. Есть примѣры такіе которые при отъѣздѣ умѣютъ еще получать подарки отъ хозяина.

Но опустимъ эти подробности, такъ какъ читатели наши пожелають, можетъ-быть, добраться лоскорѣе до Багдада и посмотрѣть какимъ образомъ нашъ муфти вступитъ въ свою должность. За нѣсколько верстъ до города, муфти и его свита останавливаются на отдыхъ чтобы подождать мѣстныхъ власти и знатнѣйшихъ жителей, которые должны выѣхать къ нимъ на встрѣчу. Пользуясь этимъ промежуткомъ времени, муфти дѣлаетъ свой туалеть и для этого вынимаетъ изъ чемодана свой вышитый хаалъ и позолоченную чаалму, составляющіе его парадную одежду. Одѣвшись въ парадный костюмъ, эффеади принимаетъ поздравленія властей и нотаблей, и съ ними валравляется въ городъ.

По принятіи обычныхъ посѣщеній, муфти начинаетъ серіозно бесѣдовать со своими подчиненными дабы составить себѣ понятіе о положеніи судебной части. Для этого онъ приказываетъ подать себѣ списокъ тяжбныхъ дѣлъ имѣющихъ поступить на разсмотрѣніе трибунала; онъ отдѣляетъ самыя крупныя отъ менѣ важныхъ, послѣ чего приказываетъ отпереть себѣ кассу и провѣряетъ ее.

Если она скудна, то принимаетъ мѣры чтобы пополнить ее какъ можно скорѣе. Для этой цѣли онъ созываетъ совѣтъ, состоящій только изъ двухъ членовъ, но эти члены люди надежныя и весьма опытные въ подобныхъ дѣлахъ. Первое изъ этихъ лицъ есть *фетва-эмми*, истолкователь оракуловъ Корана, обязанность котораго состоитъ въ постановленіи при-

говора требуемого на тотъ или другой случай. Вліяніе этого истолкователя, безъ сомнѣнія, весьма значительно, ибо безъ его согласія и содѣйствія у муфтія всегда связаны руки. Проговоръ, однако, обязанъ постановлять муфти.

Секретарь-докладчикъ, носящій названіе *бачъ-ріатиба*, занимаетъ третье мѣсто въ личномъ составѣ трибунала, а между тѣмъ онъ играетъ главную роль и предписываетъ законы остальнымъ. Причины такой аномаліи: во-первыхъ, характеръ обязанностей выполняемыхъ этимъ агентомъ, во-вторыхъ, продолжительное, постоянное занятіе имъ его должности. Вліяніе и власть *бачъ-ріатиба* зависятъ отъ того факта что онъ обязанъ составлять протоколы всѣхъ дѣлъ и что онъ также завѣдуетъ кассой. Что касается срока занятія имъ должности, то это предметъ который побуждаетъ насъ коснуться важнаго вопроса и обнаружить язву всей юридической системы. На дѣлѣ *бачъ-ріатибъ* есть единственный чиновникъ трибунала должность котораго не смѣняема, ибо набы, муфтія и пр. не могутъ оставаться въ одной мѣстности болѣе года, такъ какъ полномочія ихъ имѣютъ силу только на годичный срокъ. Въ силу этого правила ежегодно, въ определенное время, совершается общее перемѣщеніе всего юридического корпуса отъ одного конца имперіи до другаго. Отъ этого и происходитъ что *бачъ-ріатибы*, оставаясь всегда на одномъ мѣстѣ, приобретаютъ наконецъ такое вліяніе что они становятся распорядителями трибунала и дѣлаютъ изъ судьи все что имъ заблагоразсудится. Отъ того судьи стараются всегда сговориться съ этимъ чиновникомъ, который по своимъ связямъ съ жителями и по знанію страны есть самъ по себѣ сокровище. Вообще между обоими устраивается любовная сдѣлка, на основаніи которой судья получаетъ определенную сумму на весь срокъ своей службы, а секретарь беретъ, по обыкновенію, все что поладеть ему подъ руку.

Бываютъ, однако, муфтія съ которыми не такъ легко сдѣлаться и которые предпочитаютъ сами вести судебныя дѣла. Нашъ другъ Шерэфъ-Эддинъ принадлежитъ къ муфтіямъ такого разряда; къ тому же необходимость заставляетъ его быть таковымъ, ибо, имѣя на своихъ рукахъ многочисленное семейство, онъ принужденъ употреблять всевозможныя усилія чтобы нажить себѣ побольше денегъ. Человѣкъ въ его положеніи долженъ издерживать не менѣе 12.000 фр. въ годъ. Кроме того ему необходимо обезпечить себѣ содержаніе на слѣ-

дующій годъ, такъ какъ неизвѣстно еще найдетъ ли онъ себѣ тотчасъ же мѣсто по возвращеніи въ Константинополь. Значить, благоразуміе требуетъ чтобъ онъ принималъ предосторожности которыя никогда не могутъ быть лишними. Но это самое качество должно показать ему что застанись нужнымъ на одинъ годъ еще не важное дѣло, особенно когда старости уже близка и можетъ застичь его въ распахъ. Когда потребность озаботиться необходимымъ подъ старость даетъ ужь себя чувствовать, муфти удваиваетъ усилія чтобы добыть себѣ лишній десятокъ тысячъ франковъ, которые и присоединяетъ къ своему запасному капиталу. Въ общей сложности Шерефъ-Эдинъ долженъ добыть себѣ тысячъ сорокъ а для совершенія этой операціи предъ нимъ только десять мѣсяцевъ и нѣтъ опредѣленнаго жалованья на которое онъ могъ бы разчитывать! Итакъ ему необходимо надѣлать чудесъ, ибо въ мѣстностяхъ гдѣ процессы рѣдко превышаютъ сумму пяти франковъ, судья приходится работать какъ негру чтобы набрать 40 тысячъ. Тѣмъ не менѣе Шерефъ-Эдинъ не унываетъ и съ помощію секретаря и своихъ собственныхъ служителей захватываетъ всѣ процессы, чтобы выжать весь сокъ какой только можетъ въ нихъ оказаться. Служители умѣютъ приносить много пользы въ этихъ дѣлахъ обязанность ихъ срывать орѣхи, очищать ихъ отъ шелухи и въ совершенно чистомъ видѣ передавать эфенди. Такъ наприкладъ служители ведутъ переговоры въ передней съ казначеями и постановляютъ условія; какъ только условія заключены, муфти получаетъ деньги и постановляетъ рѣшеніе, которое отъ него требуютъ. Иногда муфти беретъ съ обѣихъ сторонъ, но тогда соперники принуждены идти на сдѣлку, въ которой никто не выигрываетъ, кромѣ муфтія. Сдѣлка эта на судебномъ языкѣ называется *сульфъ*. Судьи очень любятъ эти сульфы; оно и понятно, потому что этимъ средствомъ судьи берутъ съ обѣихъ сторонъ и не портятъ себѣ крови ни съ одною изъ нихъ.

Муфтіи болѣе энергическіе не довольствуются подобными рѣшеніями: они имѣютъ въ виду все или ничего и для этого берутъ сторону тѣхъ кто предлагаетъ болѣе, не заботясь о не удовольствіи другаго. Это муфтіи непреклонные, желающіе денегъ во что бы ни стало и не заботящіеся ни о чемъ остальномъ. Разказываютъ что одинъ изъ такихъ муфтіевъ дозволилъ себѣ столько вымогательствъ что при его отъѣздѣ населеніе

стоялось на его пути и принялось кричать: „Да отмститъ тебѣ Аллахъ за насъ! Обобравъ насъ, ты вырылъ изъ земли нашихъ покойниковъ, чтобъ и ихъ обобравъ!“

Повидимому этотъ муфти дѣйствительно производилъ раскопки на кладбищѣ въ надеждѣ найти тамъ зарытыя сокровища.

Все что мы сказали по поводу набобовъ, муфтиевъ и пр. больше чѣмъ достаточно чтобы составить себѣ понятіе о юрисдикціи улемовъ въ провинціи. Можетъ-быть нѣкоторые изъ нашихъ читателей обвиняютъ насъ въ преувеличеніяхъ, источникомъ коихъ могли бы служить личныя неудовольствія противъ улемовъ. Мы не колеблемся заявить и подтвердить фактъ что мы отнюдь не расположены къ этому почтенному сословію. Но мы считаемъ своею обязанностію замѣтить что нападенія наши имѣютъ цѣлію систему, а не отдѣльныя личности, будетъ ли то Шерефъ-Эдинъ или кто другой. И дѣйствительно, трудно не признать факта что до тѣхъ поръ пока будетъ существовать система употребляющая людей безмездно и заставляющая ихъ страствовать изъ одной мѣстоности въ другую съ приказомъ: „развѣзжайте и грабьте“,—лицоимство и хищничество будутъ обязательны для нихъ.

Проложивъ линію раздѣленія между лицами и системой, чего требовала справедливость, мы обязаны присовокупить что между улемами нѣтъ недостатка въ людяхъ высокой честности, исполняющихъ свои обязанности по совѣсти. Нерѣдко случается также что улемы волей-неволей принуждены уклониться отъ правосудія дабы сообразоваться съ повелѣніями и инструкціями получаемыми ими отъ властей. Такъ напри- мѣръ случается иногда что посреди самого процесса муфти получаетъ записку отъ того или другаго государственнаго чиновника, предписывающаго ему рѣшить дѣло въ пользу А. противъ В. Муфти въ этихъ случаяхъ поступаетъ подобно Пизату: онъ умываетъ руки, слагая отвѣтственность на того кто помѣшалъ дѣйствию правосудія.

Кацаскиры. За муфтіями слѣдуютъ кацаскиры, или правильнѣе кадіаскиры, что значить начальники судей. Назначеніе ихъ контролировать всѣхъ судей государства, вслѣдствіе чего ихъ трибуналъ и составляетъ третью степень юридической іерархіи. Кацаскировъ только двое, изъ коихъ одинъ завѣдуетъ европейскими провинціями, другой — азіатскими. Кацаскиры имѣютъ мѣстопробываніе въ Константинополѣ, въ томъ самомъ помѣщеніи гдѣ находится верховный судъ шейхъ-уль-

ислама. Рѣшеніе ихъ всегда подвергается на утверженіе этого суда, и при всякомъ его засѣданіи одинъ изъ кацаскировъ занимаетъ мѣсто подлѣ шейхъ-уль-ислама. Оно происходитъ разъ въ недѣлю поочередно; одно засѣданіе занимаетъ дѣлами Азіи, другое дѣлами Европы. Кацаскиры пользуются большимъ почетомъ и званіе ихъ въ гражданской іерархіи соответствуетъ достоинству визиря. Тѣмъ не менѣе полномочія ихъ оканчиваются съ концомъ мусульманскаго года,—время въ которое разрушается вся юридическая іерархія.

Шейхъ-уль-исламъ. Этотъ высокій сановникъ есть какъ бы делегатъ султана по его званію преемника Магомета, для выполнения священнаго закона Шаріата. Многие въ Европѣ воображаютъ что шейхъ-уль-исламъ есть нѣчто въ родѣ патриарха. Это невѣрно; означенный сановникъ, хотя пользуется большимъ почетомъ и уваженіемъ, но званіе его не имѣетъ, однако, ничего общаго со священствомъ,—учрежденіемъ, какъ мы уже сказали выше, не имѣющимъ мѣста въ мусульманской религіи.

Шейхъ-уль-исламъ назначается султанскимъ декретомъ и сохраняетъ свои полномочія до тѣхъ поръ пока это находятъ удобнымъ халифъ и его министры. Бывало въ добрыя старыя времена господства янычаръ этотъ верховный судья не могъ быть смѣщаемъ, какъ нынѣ часто случается, и оставался на своемъ мѣстѣ пожизненно.

Съ того времени совершилась еще другаго рода перемѣна—эти верховные судьи стали получать содержаніе отъ короны. Обезпечивая ихъ будущность, султанское правительство задумало съ тѣмъ вмѣстѣ обуздать ихъ. Отъ того нынѣ шейхъ-уль-исламы не болѣе какъ простые государственные чиновники, и въ придворномъ церемоніалѣ занимаютъ мѣсто послѣ великаго визиря. Въ случаѣ смѣщенія государство назначаетъ имъ довольно значительное содержаніе чтобъ они могли поддерживать прилично свое званіе.

Обязанности шейхъ-уль-ислама заключаются въ руководствѣ правосудіемъ и въ наблюденіи за духовенствомъ и за богословскими училищами.

Въ качествѣ начальника судебного сословія улемовъ, шейхъ-уль-исламъ назначаетъ ежегодно новый персоналъ различныхъ трибуналовъ, и онъ же производитъ повышенія и раздаетъ іерархическіе титулы. Его обязанность также предсѣдать два раза въ недѣлю въ залѣ именуемой Залой Прошеній

(Арц-Одасси). Это верховный судъ, рѣшенія котораго окончательны и неизмѣнны.

Нѣмъ случалось нѣсколько разъ являться предъ Арцъ-Одасси, а потому читатели, безъ сомнѣнiя, не посвѣтуютъ на насъ если мы изложимъ здѣсь какъ тамъ идутъ дѣла, и какии образомъ шейхъ-уль-исламъ изрекаетъ приговоры.

Когда васъ готовятъ представить шейхъ-уль-исламу, то вы должны предварительно пройти въ кабинетъ вакаи-эффенди докладчика Залы Прошенiй. Лицо это—чистокровный чекъ въ широкихъ шальварахъ, въ юлкѣ, камзолѣ и бѣломъ шарфѣ. Вакаи принимаетъ васъ согласно съ общественнымъ положенiемъ и влiянiемъ коими вы пользуетесь: если вы простолюдинъ, мелочной торговецъ напримѣръ, то этотъ жидокъ не посадитъ васъ, и осмотрѣвъ васъ съ головы до ногъ, сдѣлаетъ вамъ нѣсколько вопросовъ. Такъ какъ мы не принадлежали къ числу мелочныхъ торговцевъ, то вакаи обошелся съ нами весьма вѣжливо и даже предложилъ намъ мѣсто на диванѣ, подлѣ большаго сундука, на которомъ находились чернильница и бумаги эффенди. По обѣ стороны дивана нѣсколько головъ въ чалмахъ соблюдали наклоненное положенiе, между тѣмъ какъ обладатели ихъ быстро марали шагу. Вакаи нѣсколько времени занимался дѣлами, говоря съ тѣмъ, то съ другимъ; но вдругъ его вызвали и онъ шелъ съ озабоченнымъ видомъ. Нѣсколько минутъ спустя, разбитительно черезъ четверть часа, вакаи возвратился и въразъ связку толстыхъ бумагъ, пригласилъ насъ послѣдовать за нимъ.

Перешедши большую приемную залу, гдѣ стояли или прохаживались группы слугъ, женщинъ, секретарей, а также прощипы лимонада и пирожковъ, мы достигли дверей Арцъ-Одасси. Тамъ служители шейхъ-уль-ислама вѣжливо подвели насъ занавѣсь и мы вступили въ залу.

Впечатлѣнiе ощущаемое при входѣ въ эту дверь довольно сильно, и конечно соответствуетъ важности процесса подлежащаго рѣшиться въ этихъ четырехъ стѣнахъ. Нашъ процессъ былъ довольно значителенъ, и впечатлѣнiе испытанное нами при вступленiи въ эту дверь имѣло нѣкоторое сходство съ потрясенiемъ отъ элекрическаго удара. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ окнамъ, мы могли разсмотрѣть двухъ, трехъ человекъ сидѣвшихъ на диванѣ. Лица эти весьма велики по ихъ положенiю казались очень малыми въ глубинѣ

этой большой залы и посреди дивана на которомъ удобнѣе могла бы расположиться сотня людей. Нѣсколькихъ минутъ намъ было достаточно чтобы привыкнуть къ освѣщенію залы, послѣ чего мы были въ состояніи разсмотрѣть собраніе высокыхъ особъ которыя разсматривали насъ въ свою очередь.

Шейхъ-уль-исламъ сидѣлъ на углу дивана скрестивъ ноги, положеніе которое позволяло ему принимать его званіе. Понравившуюся сторону его находилась другой улемъ колѣнопреклонный и сидѣвшій на пяткахъ. Лицо его выражало глубочайшее почтеніе. Лицо это было кацаскиръ Румелии, къ округу котораго принадлежалъ нашъ процессъ. Навѣро видѣлась другая фигура въ томъ же родѣ, глаза которой были устремлены въ землю, и которая повидимому была погружена въ мистическія мечтанія. Лицо это было не кто иной какъ фатва-эминъ, что значитъ истолкователь Корана. Рядомъ с нимъ помѣщался гражданскій чиновникъ въ сюртукѣ и въ красной шапочкѣ, сидѣвшій на кончикѣ дивана въ положеніи столь же почтительномъ, но съ выраженіемъ нѣкоторой скуки на лицѣ. Этотъ послѣдній былъ намъ знакомъ: это былъ министръ юстиціи Мухтаръ-бей, долженствующій присутствовать въ каждомъ засѣданіи въ качествѣ правительственнаго комиссара. При входѣ, нашъ вакалъ отвѣсилъ глубокой поклонъ верховному судѣ и затѣмъ усѣлся на маленькомъ матрацѣ разложенномъ подлѣ дивана. Что до насъ касается, то мы стояли, готовые выслушать что изречетъ судъ.

Излишне было бы передавать читателямъ о томъ что происходило въ засѣданіи и повторять вопросы которыя намъ были заданы и отвѣты за ними послѣдовавшіе. Чтобы не разпространяться слишкомъ мы ограничимся замѣчаніемъ что мусульманскій процессъ сводится къ утвержденіямъ и отклоненіямъ которыя поддерживаютъ заинтересованныя стороны усиливающимся подтвердить ихъ свидѣтельскими показаніями. Мы прошли тѣмъ же путемъ которымъ всѣ проходятъ, изложивъ наше дѣло, мы призвали къ себѣ на помощь толпу свидѣтелей. Лица эти никогда насъ не видали и мы ихъ такъ не видали, такъ что мы познакомились другъ съ другомъ этотъ день. Боже мой! Какія лица у нихъ были: они были похожи на людей только-что сорвавшихся съ висѣлицы. Это былъ ихъ нашъ адвокатъ въ какой-то кофейнѣ; надо знать что наслупротивъ трибунала, подъ самыми окнами шейхъ-уль-ислама расположенъ цѣлый рядъ кофейнъ, гдѣ же сви-

там ожидают своих клиентов. Адвокаты приглашают их и мучивъ что имъ отвѣчать приводятъ ихъ въ трибуналъ.

Во всей этой комедіи самая забавная сцена та когда эти не-свидѣтели получаютъ плату. Происходитъ это предъ самою дверью Залы Прощенія на глазахъ у секретарей и слушателей шейхъ-уль-ислама. Адвокатъ борется и старается удержать у себя деньги до тѣхъ поръ пока ему удастся втолкнуть свидѣтелей въ залу, между тѣмъ какъ послѣдніе упираются и не хотятъ пошевелиться пока деньги не будутъ у нихъ въ рукахъ.

Какъ только свидѣтели являются въ залу, то они покоряются адвокату и выполняютъ роль свою превосходно. Они начинаютъ поклономъ, послѣ чего стараются придать себѣ видъ простодушія и дѣтской невинности. Но когда наступаетъ минута отвѣчать на вопросы, то они приступаютъ къ этому дѣлу съ необыкновенною самоувѣренностью.

На вызовъ вакаи одинъ изъ свидѣтелей выступаетъ нѣсколько впередъ, и отвѣсивъ снова поклономъ, начинаетъ такъ:

— Во имя Аллаха, я пришелъ сюда дать свидѣтельское показаніе.

— Какія вы имѣете свидѣнія по этому дѣлу? спрашиваетъ вакаи-эффенди.

— Я знакомъ уже много лѣтъ съ беємъ. Два года тому назадъ я былъ у него (въ такое-то время и въ такой-то день), чтобы повидаться съ нимъ. „А, это ты, Мегметъ-ага, а мнѣ ты только и былъ нуженъ въ эту минуту“, сказалъ бей, увидѣвъ меня. „У меня есть дѣло, и я желаю чтобы ты былъ моимъ свидѣтелемъ. Видишь эти брилліанты? я хочу ихъ осудить моей жень чтобы она ихъ носила, но нисколько не желаю разстаться съ ними: такимъ образомъ я отдаю ихъ ей въ видъ осуды“. И дѣйствительно бей подвелъ меня съ этою цѣлю къ двери гарема и сказалъ своей жень: „я даю тебѣ эти драгоценности, ты можешь ихъ носить, наряжаться въ нихъ, но я остаюсь ихъ владѣльцемъ“. Именовемъ Аллаха свидѣтельствую что я слышалъ какъ бей произносилъ эти слова.

Послѣднее свидѣтель произноситъ въ ту минуту когда секретари подносятъ ему Коранъ.

Прочіе три или четыре свидѣтеля слѣдуютъ одинъ за другимъ и повторяютъ варианты той же самой исторіи, которая обыкновенно отъ начала и до конца бываетъ слетеніемъ жи.

По выслушаніи свидѣтелей наступаетъ пауза, въ продолже-

нѣ которой члены суда перешелтываются между собою, какъ бы колеблясь принять рѣшеніе. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, шейхъ-уль-исламъ адресуется заинтересованнымъ сторонамъ нѣсколько вопросовъ, которые считаетъ нужнымъ предложить, и высказываетъ свое мнѣніе. Потомъ онъ оборачивается къ фетва-эмиви и предлагаетъ ему произнести *фетва*, то-есть сентенцію Корана по этому предмету. Оракуль дѣлаетъ тогда легкое движеніе головой, какъ будто бы изыскивая что-то во глубинѣ своей науки; послѣ краткаго молчанія онъ произноситъ что-то по-арабски, чего не понимаетъ никто, кромѣ чамавосцевъ. Шейхъ-уль-исламъ понимаетъ настолько чтобы руководиться означенною сентенціей, и постановляетъ рѣшительный приговоръ, который такъ или иначе полагаетъ конецъ процессу.

Нашъ окончился дурно, не потому чтобы мы были не правы, но потому что судъ и не желалъ рѣшить дѣла въ нашу пользу.

Приговоръ шейхъ-уль-ислама называется *иламъ*. Этотъ иламъ передается по прошествіи двадцати дней заинтересованнымъ сторонамъ за установленную плату, въ составъ коей входятъ расходы по канцеляріи, лошаины въ пользу судей и въ пользу всѣхъ на свѣтъ, кромѣ того, конечно, кто проигрываетъ процессъ.

(До слѣд. №).

МАЙОРЪ ОСМАНЪ-БЕЙ.

ПАРИЖСКАЯ ЖЕНЩИНА

I.

Представьте себѣ вѣчто громадное одаренное жизнью, какое-нибудь чудовище не двигающееся съ мѣста но за то вѣчно копошащееся милліонами своихъ суставчиковъ, щупальцевъ, усиковъ; чудовище живущее уже десятилѣтнею жизнью, постоянно разрастающееся, разлѣзающееся. Пищу оно къ себѣ присасываетъ въ безмѣрныхъ количествахъ. А лица эта всякая, потому что чудовище—всеядное.

Тутъ все что ѣсть и пить всеяднѣйшее изъ всеядныхъ—человѣкъ, да сверхъ того и мясо человеческое, и кровь человеческая, и душа человеческая. Все жуется безъ передышки исподлинскій звѣрь, все проглатываетъ. Прикрывъ нѣсколько квадратныхъ верстъ плоскимъ, липкимъ, неуклюжимъ тѣломъ, лежитъ оно развалившись, съ вѣчно раскрытою пастью, и милліонами глазъ высматриваетъ добычу.

Плоское тѣло его искрещено жилами, венами и артеріями большими и малыми. Не кровь течетъ въ нихъ—грязная, темная масса обращается въ исподлинскихъ органахъ. Каждый атомъ этой массы, каждый кровяной шарикъ этой крови—человѣкъ. И переливается по венамъ и артеріямъ чудовища странная жидкость, то красная живучая, то черная мертвая; переливается, возобновляемая постоянно новыми соками, поглощаемая постоянно питаніемъ громаднаго тѣла.

Не ровень характеръ у этого чудовища. То оно спокойно и апатично и только думаетъ о томъ какъ ѣсть да пить; то вдругъ огрызается, бѣснуется, и весь организмъ его начинаетъ лихорадочно, неистово биться и колешиться, послѣ чего, какъ-бы утомленное минутнымъ волненіемъ, оно снова владаетъ въ свое ужасное спокойствіе.

Парижъ!—ты это громадное чудовище. Страшенъ ты, потому что мавишь къ себѣ, чаруешь какъ русалка, потому что страстными рѣчами, огненными лобзаніями, живыми обѣщаніями увлекаешь несчастныхъ въ твои лучины.

По характеру чудовище Парижъ женщина.

Тѣмъ онъ опаснѣе. Капризенъ онъ, причудливъ и своеволенъ, непостояненъ и поверхностенъ, легковѣренъ и тщеславенъ.... уменъ онъ, красивъ и лѣнителейъ.

Былъ онъ натураленъ, простъ и веселъ. Его приварили, украсили, набѣлили лицо, наумянили щеки, насурмили брови. „вывели“ вѣки, окрасили въ золотистый цвѣтъ волосы, разрисовали голубыя жилки у глазъ, придали шивѣловъ, высокіе каблучки, одѣли у Ворта, обули у Ферри. Простота и натуральность исчезли, веселости стало меньше, но крайности остались, во суть характера осталась та же.

Есть у него кумиры дна, на которые онъ не наглядится, предъ которыми расточаетъ ласки и улыбки; завтра этотъ кумиръ будетъ гдѣ-нибудь валяться въ грязи, осмѣянный, лоруганный.

Есть у него порывы великодушія и необычайной вѣжливости, увя! непродолжительные; есть проявленія поразительнаго безсердечія.

Смѣшное, въ его глазахъ, величайшее преступленіе, хотя самъ онъ любитъ смѣяться, не можетъ обойтись безъ смѣха.

Между атомами кшащими въ жилахъ исполинскаго города одинъ видъ въ особенноти выдается красотой и яркостью красокъ, живостью, быстротой и юркостью движеній. Видъ этотъ, названіе котораго *парижская женщина*, самый вліятельный и красивый между тилами его атомовъ.

Въ Парижѣ женщина всевластна. Не хочу этимъ сказать что въ другихъ мѣстахъ она не заправляетъ всѣмъ, не владычествоуетъ; вѣтъ, такихъ вещей я никогда не позволю себѣ сказать, тѣмъ болѣе что ни минуты не сомнѣваюсь въ томъ что мы—не прекрасный полъ—автоматы приводимые въ движеніе прекраснѣшею, умнѣшею и хитрѣшею половинною рода че

логического. Нѣтъ, я только хотѣлъ сказать что въ Парижѣ вселенность женщины какъ-то болѣе официальна, осяза-тельна.

Парижская женщина типъ, разновидности котораго безчи-сленны. И волевыхъ, въ Парижѣ двѣ женщины рѣзко отли-чаются другъ отъ друга: женщина праваго берега Сены и женщина лѣваго. Какъ видите тутъ „натуральная граница“.

Чтобы сразу опредѣлить разницу существующую между обитательницами обоихъ береговъ, употребляю выраженіе лю-безное здѣшнему люду „être dans le mouvement“.

Être dans le mouvement значитъ вестись не отставая, опе-режая часто другихъ, въ вихрь карнавала парижской жизни.

Женщина праваго берега *est dans se mouvement*.

Женщина лѣваго—увы!—*n'est pas dans le mouvement*.

Вотъ и все, но это бездна.

Почему, спросите вы, эта рознь, когда двадцать шесть мо-стовъ связали оба берега? Почему? Я вамъ сейчасъ скажу. Потому что человекъ, не взирая на свои изобрѣтенія, ухищ-ренія и гений, никогда не сдумаетъ такъ связать и развязать какъ свяжетъ и развяжетъ природа. Не ему сплотить то что ея разсѣчено. Соединить—онъ соединитъ; сплотить—никогда. Поэтому, несмотря на двадцать шесть болѣе или менѣе мо-нументальныхъ мостовъ перекинутыхъ черезъ Сену, жизнь пра-ваго берега совершенно рознится отъ жизни лѣваго.

Кто-то изъ французскихъ писателей сказалъ что пульсъ Парижа бьется по ста двадцати разъ въ минуту. Этотъ го-сподивъ должно-быть пощупалъ пульсъ только на правой рукѣ, иначе онъ убѣдился бы что слѣва, по старинной анатоміи, пульсъ бьется не чаще шестидесяти разъ въ минуту.

Тотъ Парижъ въ которомъ вы постоянно слышите, который шумитъ, бѣснуется, живетъ нервною, лихорадочною жизнью—Парижъ праваго берега. Здѣсь бульвары—сливной хребетъ чу-юуща—лолные шума и движенія, здѣсь биржа спекулирую-щая и шумящая, здѣсь банкъ принимающій, выдающій и мѣня-ющій милліоны, здѣсь почти всѣ театры, рестораны, кафе, ре-дакціи, конторы, агентства; сюда стекаются новости, извѣстія, стекается праздный и дѣловой, богатый и бездомный людъ, здѣсь скучиваются, тѣсятся, спѣляются кареты, фіакры, омнибусы, здѣсь людей давятъ въ десять разъ болѣе чѣмъ на лѣво Сены, самоубійствъ настолько же болѣе, денегъ и благъ земныхъ въ такой же пропорціи менѣе.

На лѣвомъ берегу иное дѣло. Перешли мостъ, вамъ кажется что вы шагнули версть за сто куда-нибудь въ сторону! Здѣсь все тихо и спокойно. Тутъ стоитъ *Домъ Инвалидовъ*—гробница живыхъ, *Пантеонъ*—домъ мертвыхъ, редація *Univers*—газеты инквизиціи и крестовыхъ походовъ и Академія—архивъ. По странной аномаліи забрелъ сюда и университетъ съ его Латинскимъ кварталомъ—островомъ полнымъ жизни и шума. Есть и бульвары и большія артеріи въ этомъ неподвижномъ царствѣ, по нимъ, правда, снуютъ бойко народъ и идутся экипажи. Но загляните въ поперечныя улицы впадающія въ такія артеріи, онѣ тихи и безлюдны какъ аллея „мертвого города“. Большіе дома непривѣтливые и угрюмые с огромными массивными воротами вѣчно запертыми, высокія каменные стѣны надъ которыми плавно покачиваютъ свои верхушки столѣтнія деревья. Въ глубинѣ двора кое-гдѣ увидите часовню. Въ окнахъ магазиновъ встрѣтите раззолоченныя и расписанныя деревянныя фигуры святыхъ католическаго календаря. Огели тутъ походятъ на монастыри, монастыри на тюрьмы.

Слѣва тоже убиваются, но рѣже, и самоубійства другаго рода.

Семидесятилѣтняя старуха добровольно кончаетъ съ жизнью „черезъ повѣшеніе“, услышавъ что парижскій муниципалитетъ намѣренъ на *Mery-sur-Oise* устроить новое кладбище и воспретить хоронить покойниковъ на старыхъ. Несчастливая взгрустнула по мѣстечку которое было высмотрѣла себѣ на Монпарнасскомъ кладбищѣ и порѣшила поторопиться съ *развязкой* дабы еще успѣть погастъ на завѣтное мѣстечко *.

Вы такъ и знаете что самоубійство это совершилось на лѣвомъ берегу.

Шестидесятилѣтняя старуха порѣшаетъ съ собой посредствомъ угара, потому что двадцатилѣтній *monsieur* Альфонсъ, возлюбленный ея, перелорхнулъ на другую жердочку.

Это самоубійство праваго берега.

Займемся женщиной праваго берега.

Разновидностей тутъ масса—не перечтешь. Придется братъ на выдержку.

Во главѣ этой не македонской фаланги является *Парижанка* (*la Parisienne*). Посему вполне естественно что и мое перо является она первою.

* Случилось въ Парижѣ 17го прошлаго іюля.

— Как Парижанка? спросите вы.— Да вѣдь вы все время говорите о Парижанкѣ...

Да, но вы забыли что до сихъ поръ я говорилъ о парижской женщицѣ, а не о Парижанкѣ. Парижская женщина и Парижанка не одно и то же. Чтобы заслужить послѣднее званіе, обитательница береговъ Сены должна непременно, неминуемо, необходимо и безусловно имѣть, помимо множества другихъ болѣе или менѣе отрицательныхъ качествъ, слѣдующіе два врожденные таланта:

Du chic.

Du chien.

Первое слово объяснять нечего. Оно отбѣнно привилось на нашей отечественной почвѣ и приобрѣло право гражданства. Шикъ, шикарь, шикарность, шикарство, шикарный, шиказный, съ шикомъ и пр., и пр.—видите что мы услѣли порядкомъ размотать это маленькое словечко.

Другое слово, продуктъ бульварнаго жаргона, пока еще исключительно мѣстнаго употребленія.

Avoir du chien значить... какъ бы вамъ сказать, значить перевалить очкомъ выше за шикъ. Нѣчто въ такомъ родѣ существуетъ у насъ совершенно въ иномъ мѣрѣ, не имѣющее ничего общаго со „свѣтомъ“. Это выраженіе — *сз гра-дла!* любезное нашему разгульному люду средней руки и не особенно приличной закваски.

Шикъ бьетъ въ глазъ, *chien* бьетъ въ носъ. Это какая-то *сздрнутость* во всемъ, въ костюмѣ, въ манерахъ, въ обращеніи, во взглядѣ. Та же шаялка *qui a du chic* можетъ быть надѣта просто или *avec beaucoup de chien*. То же личико *qui a du chic* будетъ имѣть *du chien* если вздернется болѣе кверху, если взглядъ станетъ болѣе самоувѣреннымъ и вызывающимъ, улыбка болѣе многозначительна и опредѣленна.

Слѣшу прибавить что *chic* и *chien* не во всемъ могутъ проявиться. Такъ, напримеръ, кормить ребенка, сидѣть у изголовья его кровати, ухаживать за нимъ, во всякъ этихъ бульварныхъ занятіяхъ вѣтъ возможности проявиться ни шикъ, ни *du chien*. Поэтому-то можетъ-быть и находятся эти занятія въ такомъ презрѣннѣи и заговѣ у *Парижанки*.

Вы знаете теперь что такое эти два необходимые врожденные таланта.

Займемся же, не сворачивая болѣе въ сторону, *Парижанкой*.

Этотъ хорошевыкій звѣрокъ, изъ породы грызуновъ, обла-

даетъ необыкновеннымъ аппетитомъ. Грызетъ онъ и глотаетъ все съ удивительною легкостью и проворствомъ. Даже твердые и неудобоваримые предметы, какъ напримѣръ серебро, золото, брилліанты, уписываетъ онъ съ такою же быстротою съ какою Петръ Петровичъ Пѣтухъ порѣшилъ бы аршинное блюдо съ варениками проголодавъ предварительно два съ два.

Это не то мужчина, не то женщина. Странное это существо. Увидите вы его въ бальномъ платьѣ съ безконечнымъ хвостомъ удлинненнымъ вѣроятно на счетъ лифа, съ обнаженными плечами, съ обнаженными руками, съ обнаженною спиною, набѣленаго, намяченнаго, налудренаго, съ подкрашенными глазами, съ подмазанными бровями, въ золотистыхъ локоняхъ, наполовину своихъ собственныхъ окрашенныхъ, наполовину чужихъ....

Не мужчина же это!

Увидите вы его въ саложкахъ на высокихъ каблукахъ, съ вызолочеными подковами, въ перчаткахъ съ крагами, въ лапато, въ мужской шляпѣ, правящаго парю лошадей въ *dog-cart's* съ паллроской во рту, съ бичомъ въ рукахъ, держащаго, выигрывающаго и проигрывающаго пари на скачкахъ и состязаніяхъ, стрѣляющаго, охотящагося и разгуливающаго однимъ одишешенькимъ по бѣлому свѣту....

Не женщина же это!

И дѣйствительно, это ни то, ни другое. Это *Парижанка*, аномальный продуктъ безмѣрнаго бѣснованія.

Не ищите въ этомъ существѣ подруги, матери.

Мужчину знаетъ она вдоль и поперекъ и потому вертитъ имъ какъ игрушкою, пользуясь его слабостями, эксплуатируетъ пороки. Не мудрено что въ душѣ она презираетъ его порядкомъ.

„Дома“ для нея не существуетъ; домовитость, семейная жизнь считается какимъ-то педантизмомъ, убѣжищемъ къ лѣткѣ и добродѣтельныхъ уродовъ. Салонъ, будуаръ и ванная—вотъ все что она знаетъ въ своемъ домашнемъ мѣрѣ. Мужъ — вѣчто въ родѣ необходимаго туалетнаго атрибута, расходо-приходная машина служащая для исполненія прихотей, воль съ котораго постоянно сдирается три шкуры.

Какова супруга такова и мать. Никакого трезваго, истиннаго чувства. Ребенокъ отсылается куда-нибудь за тридевять земель, „въ провинцію“, на кормленіе, или же

изговляется на зады. Иногда только, разодѣтый въ лухъ и прахъ, появляется онъ на переднемъ сидѣнн коляски или сопровождаетъ въ Елисейскія Поля мамашу, когда послѣдней вдругъ изумается, ни съ того ни съ сего, позировать интересною матерью. Ребенокъ тутъ только для публики, для галлерей, для кокотесовъ. „Интересная мать“, граціозно наклонившаяся надъ малюткою, такъ заботливо расправляющая какую-нибудь не академическую складку его театральнаго костюма, столько же думаетъ о немъ какъ о кудластой собачкѣ въ расшитой бархатной полонкѣ, которая завтра смѣнитъ ребенка въ качествѣ шикарнаго атрибута для параднаго „выѣзда“.

Cela fait bien, un enfant!

Оболочка тутъ все. О наружномъ позаботились такъ что на него потратили все внутреннее. Сваружи—всѣ оболоченія для глаза, внутри—сылучіе, безплодные лески, пустыня. Все человеческое высосано, выброшено какъ старое, негодное, не модное тряпье, какъ помѣха. Львица тутъ убила женщину.

Вся работа мыслящаго организма, всѣ порывы и движенія души и сердца приводятся къ слѣдующей простой дилеммѣ: веселиться и окучать.

Веселиться! веселиться во что бы то ни стало—главный, единственный предметъ, цѣль существованія, цѣль жизни этой народи на женщину. На осуществленіе такой единственной потребности и цѣли, она находитъ въ себѣ страшную силу воли, желѣзную энергію, она которая на все серьезное и путное слаба и безмощна до крайности.

Наружные признаки. Красавица или хорошенькая или что называется, *un minois chiffonné*, или была красавицею или хорошенькою, потому что лѣтъ здѣсь не существуетъ. Метрическое свидѣтельство—миеъ.

Парижанкѣ обыкновенно отъ 18 до 35 лѣтъ. Нѣкоторыя изъ нихъ повторяютъ послѣднюю цифру лѣтъ пятнадцать сразу и удивляются и негодуютъ когда, не взирая на столь упорное повтореніе одного и того же, скептической людъ Божій перестаетъ вдругъ вѣрить этой ариеметикѣ.

Отличительный признакъ—оконечности микроскопическія и аристократической формы.

Затѣмъ, описать подробнѣе наружность Парижанки не трудно, потому что, изощряясь въ усовершенствованіи природныхъ прелестей, онѣ всѣ приближаютъ къ однимъ и тѣмъ же сред-

ствамъ—„последнему слову науки“—что въ концѣ концов подвело ихъ, за исключеніемъ очертаній лица, къ одному в ружьному знаменателю.

О фигурѣ не говорю—собственно она тутъ почти не пр чемъ. Это дѣло гениа портнаго создающаго ихъ фигуръ. Станъ, талья, ансамбль удивительны, потому что... всѣ одѣ ваются у великаго жреца, имя котораго мнѣ даже кажется издѣшнымъ приводить, оно на всѣхъ болѣе или менѣе роз выхъ устахъ

Отъ невокихъ хладныхъ водъ
До пламенной Колхиды.

Волоса. Количество природной растительности ничего и значить; въ нѣкоторомъ родѣ даже помѣха, такъ какъ х дожику куафферу (*artiste capillaire!*) „работать“ на шивѣ нахъ и фальшивыхъ волосахъ привольнѣе. Работа выходит совершеннѣе, законченнѣе. Своя собственная растительност окрашивается въ *орголинъ*, такъ какъ эта англійская краск найдена изящнѣйшею. Отсюда поразительнѣйшее однообразі волосапаго колера. Всѣ оказываются золотистыми бладн камн. Находятъ что это придаетъ видъ не то Магдалины, а то Гретхенъ, словомъ, чего-то нагрѣшившаго и кающагос! Разумѣется, для этихъ не библейскихъ грѣшницъ періодъ ра каанія витаетъ постоянно въ туманахъ далекаго будущапа Онѣ предпочитаютъ оставаться какъ можно долѣе въ пер вомъ періодѣ.

Лицо. Поразительный цвѣтъ лица, еще болѣе поразител ьный вслѣдствіе своего замѣчательнаго однообразія. У всѣхъ „лиліи и розы“ на лавитахъ. И не мудро: прослѣдите том ко пожалуйста за слѣдующею операціею.

Взять въ разныхъ пропорціяхъ слѣдующіе составы:

Blanc de l'impératrice, сухія бѣлапа продающіяся втрое де роже чѣмъ на вѣсъ золота, такъ какъ крошечная *палетт* этого притиранья стоить сто франковъ.

Rouge végétal (румяна) высшей марку.

Koheil (жидкія сурьмапа).

Azur de la reine (лазурь).

Велутинъ.

Вооружитесь слѣдующими инструментами:

Батистовымъ *тампономъ*.

Малымъ *тампономъ*.

Лейжью щеточкой.

Серебряною щеточкой.

Мякою щеточкой для „сметанія“.

Губочкой.

Карандашомъ для бровей.

Кисточкой.

Приготовивъ весь этотъ арсеналъ, возьмите человѣческое лицо и произведите надъ нимъ слѣдующую манипуляцію:

Исполнивъ предварительно обычный туалетъ лица до кольдѣ-крема включительно, вы берете щеточку и вымазавъ ее лаврую, прикасываете осторожно къ вискамъ. Получаются голубыя жилки, болѣе или менѣе замѣтныя, смотря по желанію.

Легкій отдыхъ—сіе просыхаетъ.

Затѣмъ взявъ *тампонъ* и катеревъ на него сухія бѣлава, вы наводите, съ величайшею вѣжностью, бѣлый слой отъ корней волосъ до шеи пациента, послѣ чего мякою щеточкой „сметаете“ съ бровей и рѣсницъ попавшую бѣлую пыль.

Легкій отдыхъ и внимательный осмотръ произведенной работы.

Ухвативъ большимъ и указательнымъ пальцами маленькій *тампонъ* и катеревъ на него румяна, вы наводите на щеки кѣтѣйшій слой „розъ“, измѣняя размѣры и очертавія покрывнаго пространства, и усиливая или умѣряя колеръ смотря по тому при какомъ освѣщеніи и при какихъ условіяхъ лавнты должны быть выставлены на показъ. На балъ—одно, на вечеръ—другое, въ театръ—третье, при дневномъ свѣтѣ—такъ, при газѣ—этакъ, при свѣчахъ—иначе. Тутъ все разчитано, комбинировано, изучено впередъ до артистичной тонкости. Какъ видите, эта наводка дѣло не шуточное и требуетъ огромной опытности, наблюдательности и искусства.

Выступаютъ на сцену жидкія сурьмила, кисточка и губочка. Обмокнувъ кисточку въ *коель*, вы осторожно проводите ею по верхнимъ и нижнимъ рѣсницамъ, отдѣляя притомъ каждый волосокъ. Затѣмъ этою же кисточкой слегка окрашиваете края нижнихъ вѣкъ и проводите небольшой штрихъ въ складкѣ глаза—удлиняетъ очи. Послѣдняя операція требуетъ большаго умѣнья. Губочкою вы стираете все что оказалось лишнимъ.

Легкій отдыхъ—сіе просыхаетъ.

Является карандашъ служацій для бровей. Изгибъ над-

глазной дуги мѣняется смотря по настроенію и „сегодняшнее мнѣ“.

Затѣмъ все это покрывается легкимъ „облакомъ“ велутинъ который опахиваютъ лебяжьей щеточкой. Брови и рѣсницъ вторично сметаются щеточкой.

Лицо готово. Лицо—зеркало души.... Да, эту вылукаю, неровную, туго натянутую поверхность, служащую для болѣе или менѣе удачныхъ опытовъ пастельной живописи, они называютъ лицомъ. Что жь, если это имъ такъ нравится! Спеціи слободы употребленія для всѣхъ одинаковы—немудрено что и результаты поразительно сходны. Ни для одной изъ нихъ нѣтъ возможности показаться въ своей средѣ съ природнымъ цвѣтомъ лица, какъ бы послѣдній ни былъ ослабительскъ. Что за охота казаться мулаткою среди этихъ экземпляровъ пароскаго мрамора!

И на самомъ дѣлѣ онъ мраморъ бездушный и холодный для всего человѣчнаго, хорошаго, теллага, душевнаго. Безжизненны онъ какъ ихъ изученная, замерзшая улыбка, какъ ихъ выходящій взглядъ, загорающійся только въ минуту веселыя окупающій и сонный въ другое время. Одалиски всемірнаго каравансарая, онъ жаждали веселья какъ разслабленный Китаецъ жаждетъ оліума, какъ несчастная жертва хашша жаждетъ этого зелья. Безлутная тооска, бездѣйствіе и пресыщеніе давятъ ихъ. Это живые трупы до минуты возбужденія. Что удовлетворило сегодня, на завтра мало; завтрашнее блѣдно недостаточно на послѣ-завтра....

Не знаетъ она что придумать, чѣмъ развлечься. Гюстава смѣнилъ Поль, Поля — Гастона, Гастона — Жакъ и Рене. Все одно и то же! Тѣ же рѣчи, тѣ же обѣты, тѣ же живыя клятвы. Скучно! Она придумываетъ эксцентричности, бросается на публичность. Нужно чтобы объ ней говорили, многи говорили, чтобы писали въ газетахъ, чтобы показывали людямъ. Скучно! — Она переодѣвается гризеткою, отправляется на безобразные народные „балы“ наружныхъ кварталовъ Парижа поглядѣть и посмѣяться — попытаться испытать новыхъ ощущений... Только-то? Скучно!.. Она беретъ учителя лариоскаго *argot*, условнаго языка отлѣтаго люда норъ и трущобъ и радуется когда можетъ пересылать рѣчь выраженіями и саквами острожнаго происхожденія... Скучно! И проситъ она новыя, еще болѣе прѣваго, уродливаго, безобразнаго, ищетъ слу-

чадшаго, неожиданнаго и несется, въ этихъ тцетыхъ все быстрее, все бѣшенѣе.

La vie n'est qu'un tissu d'horreur et de mensonges— faut chercher que l'amusement.

Какой-то умникъ разрѣшился этимъ монументал физомъ. Онъ подхватили его съ восторгомъ и точку отправленія жизненной дѣятельности; подхватилъ?—потому что то согласовалось съ собственными силами и стремленіями.

Горько искушаютъ многія изъ нихъ такую разумнаго винить въ этомъ? Женщину вообще и Парижанку? Особенности?

Никогда!

Конечно и на ихъ долю выпадаетъ не малый слогъ, во винить безусловно однихъ ихъ нельзя—бы высшей степени несправедливо.

Почти всегда женщина будетъ такою какою съ мужчиною. Что она эта Парижанка? Явленіе самое Нѣтъ, она продуктъ. Продуктъ чего?—Общій слогъ здоровыхъ побужденій и пороковъ нашего же міра истиннаго происхожденія и закала.

Взгляните только что требуется тутъ отъ женщины—на словахъ—на словахъ-то мы знаемъ эту женщину!

За которою изъ нихъ увивается густой рядъ поклонниковъ? Предъ которою преклоняются и почтительнѣйшія сѣдыя юныя головы, и звѣзды, и миллионы, и даже гении и гениі? Предъ которою всѣ пути открыты, и торныя?

Предъ строго нравственною женщиною? предъ матерью семейства? предъ образцовою женою? предъ мен, образованнѣйшею, трудящеюся женщиною?

Нѣтъ! И старъ и младъ, и тотъ что въ лентахъ, и тотъ что унизанъ лавровыми вѣнками, все съ вонъ за тою женщиною—видите? за красавицею въ пухъ и прахъ, веселою, разгульною, смелой и всѣхъ и въ особенности на собственныя сквозь пальцы, порхающею граціозно и безпечно и закъ, болтающею со звонкимъ смѣхомъ все что то и въ головку, такъ какъ весь рой поклонниковъ вслаивистымъ восторженнымъ взоромъ какъ она г

вслушиваясь въ рѣчи. Дѣти? Она ихъ почти не знаетъ. Мужъ?—мебель безгласная и приплюснутая. Домъ?—приемная.

Вотъ предъ кѣмъ всѣ преклоняются, всѣ эти стойкіе, сильныя мужи.

Она бѣдна. Ищетъ работы, хочетъ жить честнымъ трудомъ—полтора франка въ сутки. Нищета! Она образована можетъ быть гувернанткою, учительницею—пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ. Убожество!

Затѣмъ, честный исходъ у ней одинъ—замужество съ тѣмъ кто ее возьметъ.

Она продаетъ себя. Откуда явились экипажи, наряды, роскошная квартира, комфортъ, деньги... Почему? Она постучалась, видите, не въ крошечную калитку вашихъ добродѣтелей, а въ широкія, монументальныя ворота пороковъ вашихъ.

Она богата.

Вышла замужъ, предалась всецѣло семейной жизни, дѣтямъ мужу, мать, жена примѣрная, отстала отъ свѣта и его затѣй... Что же? восторгаются ею? преклоняются предъ этою добродѣтельною, поощряютъ ее?—Нѣтъ, всѣ, въ томъ числѣ и мужъ ея, увиваются за модною львицею.

Ея, правда, „уважаютъ“, но, Боже мой, какъ странно проявляется это уваженіе!

Она женщина, то-есть существо слабое, впечатлительное, и вы отъ нея требуете десятикратной стойкости, сознанія долга и разума чѣмъ отъ васъ самихъ.

Ту вы, какъ говорите, „не уважаете“, а между тѣмъ бьетесь какъ рыба объ ледъ чтобъ исполнить какое-нибудь лустившее вздорное ея желаніе выраженное „такъ только“, чтобъ показать свою женскую власть и поумнѣться надъ вашимъ заинтересованнымъ основаніемъ и хлопотами!

Ту вы „не уважаете“, а между тѣмъ лаетесь согнавшись въ три погибели за дряннѣйшимъ ея шлейфомъ!

На все дурное, порочное вы поощряете женщину объими руками, добрѣйшіе Парижане!

Только на хорошее находитъ она васъ нѣжными, слѣзлыми и глухими.

Эксплуатируетъ она ваши пороки, — ей открыты всѣ дороги.

Взываетъ къ вашимъ добродѣтелямъ,—ей предстоитъ вся жизнь биться въ лотъ лица изъ-за куска насущнаго хлѣба.

Какое мѣсто занимаетъ Парижанка въ обществѣ, что она такое, къ какому „слою“ принадлежитъ?

Какую роль?—увы!—первую.

Что она такое?—пока блещитъ—Парижанка; затѣмъ—ничто, невѣрный хамъ, инвалидъ доживающій своей вѣкѣ въ лутытѣ.

Къ какому общественному слою принадлежитъ она?—ко какому, если только соединяетъ тѣ *качества* о которыхъ говорено выше.

Раздѣлить эти существа можно на двѣ большія категоріи: на женщинъ обладающихъ мужемъ, то-есть ширмами, или обладавшихъ имъ офиціально, и на не имѣющихъ счастья обладать этимъ важнымъ атрибутомъ. Первые называются *femmes à la mode*, вторыя—камедіями высшаго полета, или, употребляя современные клички, первыя—*kokodетки*, вторыя—*большія kokodетки*.

Обстановка иная, суть та же. Первымъ кланяются въ лучшіе мѣстахъ, вторымъ—вѣтъ. Вотъ вся разница.

Относятся онѣ одинаково, *кассиры* своего сердца эксплуатируются одинаково, выражаются одинаково, ведутъ себя одинаково. Одно только: первыя называются *Madame*.... или *Madame de*.... или *Comtesse, Duchesse, Princesse de*....; вторыя именуются *Mademoiselle*.... или просто.... или носятъ какую-нибудь иже или менѣе забористую кличку.

И здѣсь, какъ видите, судьба распорядилась крайне несправедливо, вадѣливъ однихъ больше чѣмъ другихъ.

Страсть къ роскоши, страсть казаться доводятъ здѣсь нѣкоторые называемыхъ порядочныхъ женщинъ до невѣроятныхъ вещей. Всѣ средства хороши лишь бы только удалось имѣть соперницу по модѣ и заставить о себѣ говорить выше.

Нѣсколько времени тому назадъ, напримѣръ, заварился было шумный скандалъ по слѣдующему случаю:

Какой-то провинціалъ, пріѣхавшій въ Парижъ, отправился къ пріятелю Парижанinomъ фланкировать по городу. Пріятель предлагаетъ между прочимъ полюбоваться диковинкою своего рода. Въ улицѣ *Saint-Honoré*, они входятъ въ домъ различной наружности, на которомъ красуется вывѣска портнихи. Поднимаются во второй этажъ, звонятъ. Служанка открываетъ двери, и оба друга входятъ въ совершенно темную комнату.

— У насъ въ эту минуту свободнымъ только одинъ га обращается она къ Парижанцу, повидимому мѣстному *hab*

Руководитель подвелъ провинціала къ небольшому кругу отверстію сдѣланному въ стѣнѣ. Тотъ сталъ смотрѣть. Было убранная комната; вездѣ разложены дамскіе наряды; ме окнами большое трюмо. Является дама самаго изящнаго вѣ Она снимаетъ лифъ, остается въ корсетѣ и начинаетъ сматривать разложенные наряды. Наконецъ выбравъ од изъ нихъ, она надѣваетъ его и охорашивается предъ зер домъ. Въ эту минуту отворяется другая дверь, входитъ цина, кланяется и что-то говорить дамѣ. Та улыбается, васть головою и оба уходятъ. Немедленно является дру дама не менѣе приличнаго вида и происходитъ подобная сцена. Это повторилось нѣсколько разъ.

Провинціалъ смотрѣлъ вылуча глаза, не понимая тутъ было глядѣть. Пріятель объяснилъ ему что то все скія дамы нуждающіяся въ деньгахъ, а господа входившію комнату такіе же наблюдатели какъ они оба. Провинц разказалъ за табль-д'отомъ видѣнный имъ куріозъ, усл ли это какія-то нескромныя уши, узнала полиція и накры Процессъ готовился скандальнѣйшій, но дѣло пришлось тушить въ виду неминуемыхъ разоблаченій и общественн положенія замѣшанныхъ лицъ мужскаго и женскаго пола

Вамъ это кажется невѣроятнымъ, не правда ли? А мѣ тѣмъ *dossier* этого дѣла локутся и теперь въ префектурѣ

Въ настоящую минуту разбирается не менѣе скандаль дѣло такого же рода. Пока извѣстны только первыя раз ченія.

Одинъ изъ парижскихъ журналистовъ, жена котораго стала нарядами и числилась между шикарнѣйшими кок камы, вздумалъ какъ-то на дняхъ присмотрѣть за своею жайшею половиною. Онъ выслѣдилъ ее, и къ величайшему су и омерзѣнію, накрылъ въ домѣ подобномъ тому о кото только-что была рѣчь. Вышелъ скандалъ, произошла д явилась полиція.

Первое дознаніе открыло слѣдующее:

Агенство организованное на широкую ногу и подвѣдом ствля ему заведенія, именно:

Табль д'отъ (улица *de l'Entrepôt*) спеціально предназна ный для актрисъ и театральныыхъ фигурантокъ. Это, т сказать низшая инстанція. Сюда являлись мѣстные села

и иностранцы и сводили „знакомства“ за обѣдомъ. Клиенты и клиентки присылались изъ главной агентуры и допускались только по рекомендаціи.

Агентство для устройства браковъ (*agence matrimoniale*) въ улицѣ *de Strasbourg*. Сюда привлекали дѣвушекъ принадлежащихъ къ порядочнымъ семействамъ и молодыхъ вдовъ. Мужьямъ должны были при входѣ вносить 20 франковъ задатка. Въ предположеніи устройства „отличной партіи“, неопытныхъ дѣвушекъ уговаривали видѣться съ кандидатами на мужей, обязывали подарками и обѣщаніями.

Магазинъ дамскихъ уборовъ въ улицѣ *Lamarque*. Нѣчто въ родѣ того заведенія улицы *Saint-Honoré* что описано выше. Это было отдѣленіе для отборныхъ клиентокъ.

Наковецъ игорный домъ въ *avenue Percier*, гдѣ собирался разный людъ болѣе эманципированный.

Центральное агентство, управляемое нѣсколькими лицами, въ томъ числѣ какою-то Мексиканкой, дѣйствовало съ весьма большою смѣлостью, имѣло многочисленныхъ эмиссаровъ своего пола и значительныя средства. Въ числѣ открытыхъ до сихъ поръ продѣлокъ этой агентуры новаго свойства есть между прочимъ возмутительная операція: актриса одного изъ большихъ парижскихъ театровъ продала за 10.000 франковъ двадцатилѣтнюю сестру свою какому-то шестидесятилѣтнему развратнику. Тотчасъ по совершеніи торга несчастную девочку помѣстилъ владѣлецъ ея въ своеобразный пансіонъ для приготовленія „въ наукахъ“, какъ было объяснено на извѣщаніи.

Есть также очень назидательная исторія о дамѣ „лучшаго общества“, выкулившей, благодаря магазину улицы *Lamarque*, трижды въ одномъ году, свои брилліанты заложенные каждый разъ у ея портнаго.

Все это ужасно, и къ сожалѣнію все это истинная правда.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ модныя парижскія львицы стали вдругъ дѣлать все возможное чтобъ улудобиться до вѣщности кокооткамъ. Отбивали у послѣднихъ камеристокъ и выпытывали туалетные секреты гетеръ, заказывали шляпы и костюмы у портныхъ и портныхъ одѣвающихъ извѣстныхъ актрисъ и камерій; пробирались въ квартеры этихъ дѣвъ, высматривали все, изучали, запоминали и затѣмъ устраивали у себя вѣчто подобное.

Прессовутая княгиня Меттернихъ посылаетъ къ не менѣе

пресловутой Корѣ Пирль просить позволенія осмотрѣть квартиру послѣдней. Кокотка назначаетъ день и часъ. Являе княгиня. Кора Пирль блеститъ своимъ отсутствіемъ, такъ какъ львица просила только „осмотрѣть квартиру“. Кабристка принимаетъ посѣтительницу и показываетъ ей все послѣднихъ мелочей. Княгиня восторгается всѣмъ, расхваливаетъ и награждаетъ за трудъ услужливую камеристку за тою двадцатифранковою монетою. На другой день львица получаетъ отъ кокотки записочку съ просьбою разрѣшить свою очередь осмотрѣть княжеской квартиры. Нечего было дѣлать, супруга австрійскаго посланника назначила день и часъ. Явилась Кора, осмотрѣла все, раскритиковала, порядкомъ посмѣялась и въ концѣ концовъ дала княжеской камеристкѣ водившей ее по хоромамъ, сто франковъ на чай, прибавивъ при этомъ что не имѣетъ при себѣ болѣе мелочи.

Черезъ нѣсколько дней все у княгини было устроено образцу кокотки, даже знаменитая ванная съ кулономъ изъ синяго стекла. Одѣлась она еще рискованнѣе чѣмъ Кора Пирль, и довольная, посѣвшила отправиться въ Тюльрійскій садъ чтобы показаться люду Божьему въ новомъ воплощеніи.

Какъ нарочно, дня три предъ тѣмъ отданъ былъ приказъ не впускать въ императорскій садъ дамъ подозрительнаго вида. Часовой, увидѣвъ княгиню, рѣшилъ что такую впусти не имѣетъ возможности, и возбранилъ ей входъ въ садъ, гдѣ между тѣмъ преспокойно разгуливали и сама Кора Пирль и многія другія извѣстности того же міра. Не взирая на угрозы и протесты, часовой остался непреклоненъ, и княгиня пришла со срамомъ удалиться.

Дѣльный *tout Paris*, какъ именуютъ себя скромно болѣе менѣе скисшіяся общественныя славки Новаго Вавилона, *Paris* заговорилъ объ этомъ пассажѣ, возвелъ его на степень событія, и всѣ львицы захотѣли послѣдовать примѣру арльвицы. Приказъ не впускать въ Тюльрійскій садъ подозрительнаго вида дамъ пришлось отмѣнить, такъ какъ иначе оставили бы за рѣшеткою большую часть самыхъ блестящихъ представительницъ аристократіи второй имперіи. Мало что сумазбродная мода эта будетъ имѣть только милетный успѣхъ. Ошиблись — привилась она основательнѣе пришла какъ разъ по вкусу этой пресыщенной, разславленной среды. Прежде одѣтъ кокотки одѣвались такъ что бѣсилось въ носъ; бѣлились, румянились, выводили глаза, рѣс-

ца и красил волосы, такъ-сказать официально, только онъ. Теперь всѣ кокодетки это дѣлають открыто и стараются одѣваться какъ можно эксцентричнѣе и замѣтнѣе.

Костюмъ и обстановка поддѣйствовали и на нравы. Свѣтскія дѣвы захотѣли чтобъ и объ нихъ говорили не менѣе какъ о кокоткахъ. Выраженіе „elle fait parler d'elle“, считавшееся еще не такъ давно убійственнымъ для репутаціи женщины, стало патентомъ свѣтскости и доброй славы, доброй съ точки зрѣнія разумѣется. Видѣть свое имя напечатаннымъ въ газетѣ, цитированнымъ какъ можно чаще хроникѣрами, явилось главнымъ предлогомъ ихъ жизненной дѣятельности.

— Объ ней пишутъ, восторгаются ея красотой, глазами, руками, а обо мнѣ ничего.

И удвоиваются благородныя усилія и пускается все въ ходъ: честь и имя и безумныя деньги чтобъ и объ ней говорили. Послѣдствія такого порядка вещей понятны. Публичность, въ которой прибѣгли свѣтскія женщины солерничая съ большими кокотками, подвела ихъ мало-по-малу почти къ одному когу съ послѣдними: внутренней, домашней, семейной жизни не существуетъ—жизнь ихъ и дѣянія всецѣло принадлежать публикѣ. Обращеніе стало вольнѣе, „уваженіе“ сложено въ языкъ какъ скучнѣйшая, ненужная вещь.

На первомъ фалангою представительницъ моды потянулась, вѣтому дѣльному пути, вторая, за второю разрядъ богатыхъ французокъ, такъ что въ настоящую минуту имя *Парижанки* моды. Ужасно когда подумаешь что семья, очагъ, домъ, мать, мать исчезаютъ тамъ гдѣ царить эта разлагающая фигура.

Шакалы и гиены бродятъ обыкновенно по соседству львовъ и тигровъ. Вокругъ Парижанки должна была неминуемо обитать подобная же стая мелкихъ хищниковъ питающихся ея остатками. Уродливая это стая. Одни названія чего мать: *la masseuse, l'épileuse, la lazeuse...*

Это паразиты въ юлкахъ, ядовитые грибы нарастающіе тамъ гдѣ завелась гниль и лѣнь.

Что такое массѣза? Глаголъ *masser* значитъ, если хотите, мять, следовательно *masseuse* — можно было бы перевести словомъ валяльщица.

Часъ полудни. Кокодетка только-что встала; она, въ лень-варѣ, сидитъ предъ зеркаломъ и разсматриваетъ подробнѣй-

шимъ образомъ свое лицо: не произошло ли за ночь како ущербъ, не появилась ли гдѣ-нибудь складочка, морщина надо также узнать „каковъ сегодня видъ“.

Горничная объявляетъ что явилась массѣза.

— Да, я и забыла—сегодня четвергъ, ея день.

Массѣза обыкновенно дѣлаетъ по одному визиту въ недѣлю своимъ кліенткамъ.

Въ будуаръ являются три личности: пожилая женщина двѣ молодыхъ. Пожилая женщина обыкновенно очень типа наго вида, у ней на лбу написано что прошла огонь, во и мѣдвыя трубы. Она почтительно развязна, съ легкимъ отѣнкомъ подобострастной фамильярности, говоритъ скоро по привычкѣ, въ полголоса. Глаза и руки проворства необчайнаго. Помощницы большею частью личности бездѣтны не успѣвшія еще приобрести, что-называется, *le cachet* и профессіи. Блѣдая изъ нихъ держитъ въ рукахъ по ящичку

Пока массѣза справляется о здоровьѣ и дѣлаетъ нѣсколько почтительныхъ вопросовъ, помощницы открываютъ ящики вынимаютъ изъ нихъ разные болѣе или менѣе замысловатыя приборы, маленькую жаровню, таганчикъ, небольшую металлическую колбу съ насосомъ, длинную гутталерчевую трубочку обтянутую шелкомъ, маленькій подносъ на ножкахъ, с крышкою и спиртовою лампочною придѣланною снизу. Все это разставляется на столѣ возлѣ кровати. На подносъ кладутся куски мягчайшей замши, затѣмъ оны покрываются крышкою и зажигается лампочка; въ колбу наливается какое-то благовоннѣйшее масло, привинчивается гутталерчевая трубочка и весь аппаратъ ставится на таганчикъ надъ жаровню. Между тѣмъ барыня раздѣлась и легла на кровать. Тогда начинается операція.

Одна изъ помощницъ накачиваетъ насосъ, другая беретъ трубочку и водить кончикъ ея, изъ котораго бьетъ струя теплаго масла, по тѣлу кліентки. Сама массѣза управляетъ операціею, растираетъ опытными руками масло и работаетъ на тѣломъ пациентки въ родѣ того какъ дѣйствуютъ наши банщики. Когда все тѣло хорошо *промассировано*, вскрывается крышка подноса, массѣза беретъ горячіе замшевые доскутки и вытираетъ досуха пациентку. Затѣмъ убираются приборы, закрываются ящички, помощницы исчезаютъ, а главная жрица остается одна съ коколеткою, совершенно ослабѣвшею отъ опер

ни и одурачающего залаха благовонного масла. Тутъ обыкновенно начинается интимная бесѣда, повѣряются сокровеннѣйшія слухи, новости, сообщаются и передаются секретныя порученія, словомъ, массѣза исполняетъ должность будучаго тайнаго курьера.

Пациентка чувствуетъ себя въ состояніи встать съ кровати и одѣться не ранее часа послѣ *массированія*, такъ эта гигиеническая сперація благотворно дѣйствуетъ на организмъ. Вы пожелаєте можетъ-быть узнать гигиеническую цѣль *массированія*? Придача гибкости мускуламъ, разбитіе крови и восстановление правильнаго кровообращенія, такъ увѣряютъ во крайней мѣрѣ массѣзы.

Взять массѣзы стоить сфициально двадцать франковъ. За особыя услуги платится разумѣется особо.

Epileuse—вѣчто подобное. „День“ ея обыкновенно предшествуетъ даю массѣзы. *Epiller*, какъ вы знаете, значить выщипывать волосы. Выщипывальщица осматриваетъ кліентку и съ помощью разныхъ приборовъ и особаго тѣста уничтожаетъ мѣлаѣ лухъ. Это полезное занятіе продолжается около двухъ часовъ. Неофициально выщипывальщица промышляетъ тѣмъ же чѣмъ массѣза.

La laveuse. Это не прачка, какъ можно предполагать по названію. До бѣлья или до тѣла человѣческаго она по своей профессіи не прикасается. Ея дѣло собаки. *Laveuse* камеристка собаченокъ шикарнаго женскаго люда.

Разъ въ недѣлю, совершенно также какъ и вышеописанныя ея товарки, она является съ помощницами, моетъ собаченокъ, расчесываетъ ихъ, завиваетъ, чиститъ когти, залетаетъ кошечки и пр. Этой не платится за визитъ, а берется абонементъ на несколько мѣсяцевъ. На ея обязанности лежитъ также уходъ за собачьимъ бѣльемъ: она приноситъ чистыя простынки, устраиваетъ постельку Азора или Мимшики, выглаживаетъ одѣяло, чиститъ половки и стираетъ грязное бѣлье. Кроме того она краситъ и подкрашиваетъ собакъ, а также окрашиваетъ оконечности ихъ въ голубой или розовый цвѣтъ, что считается экстрешикарною вещью.

У этой паразитки есть своего рода спеціальность: она тайно закладчица когда неожиданно понадобятся деньги на немалые расходы и скулаетъ также старое трапье и поношенные платья. Всѣ онѣ дѣлаютъ отличныя дѣла и быстро наживаются. Одна изъ нихъ услѣла за нѣсколько лѣтъ обзаве-

стись приличнымъ капиталомъ и двумя домами на одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ Парижа. Она бросила „дѣла“ и живетъ доходами, но у сосѣдей продолжаетъ по старой памяти носить завидную кличку *la mère aux chiens*.

Такъ какъ мы заговорили о парижскихъ аферисткахъ же скаго пола, то приведу здѣсь кстати еще одинъ любопытный тиль.

Знаете вы что такое *secheuse* (сушительница)? вѣроятно нѣтъ.

Сушительница—субъектъ появившійся относительно недавно дѣтъ за пятнадцать тому назадъ. Судя по названію, предположеніе ея что-нибудь сушить. Угадали. Но что именно сушить?

Одинъ изъ французскихъ писателей-реалистовъ отличился схватилъ въ лицахъ этотъ тиль. Предоставляю ему слово.

Баронъ Нефтали прохаживается взадъ и впередъ въ своей роскошной спальнѣ. Ему дѣтъ пятьдесятъ съ хвостикомъ. Лысъ, съ двумя-тремя клочками самой мизерной растительности на голомъ, лоснящемся черепѣ.

Баронъ только-что разговаривалъ съ своимъ домашнимъ докторомъ и съ консьержемъ приставленнымъ имъ къ великолѣпному дому недавно отстроенному на бульварѣ Перейра. Изъ разговора богача съ консьержемъ, мы узнаемъ что до сих поръ, то-есть два мѣсяца послѣ окончанія работъ, ни одна квартира въ новомъ домѣ не отдана еще въ наемъ.

— Всѣ бѣгутъ, говорить консьержъ, — какъ только объявятся цѣны.

— Какія же вы вздумали запрашивать цѣны?

— Да тѣ что вы сами назначили: 25.000 за первый этажъ, 18.000 за второй, 16.000 за третій, 12.000 за четвертый.

Консьержъ присовокупляетъ что еще больше цѣны лугаетъ всѣхъ страшная сырость дома и что его жена начинаетъ даже чахнуть.

Съ докторомъ разговоръ вертится на томъ же.

— Трудно вамъ будетъ найти жильцовъ, а тотъ что поселится, не долго выдержать: мѣсяцевъ чрезъ пять, шесть на вѣрно вывезутъ на колесницѣ. Сырость ужаснѣйшая. Вашъ домъ совершенный акваріумъ.

И когда взбѣшенный домовладѣлецъ начинаетъ обвинять архитектора, докторъ напоминаетъ что во всемъ виноватъ онъ самъ, баронъ.

— Вспомните только. Не вы ли сами твердили лостоявн

что при постройках вся суть, все умѣнье состоитъ въ *экономической роскоши*: побольше золотыхъ филёнокъ да разводовъ, а что въ стѣнахъ и какъ она сдѣлана, этого смотрѣть не смугъ. Что же вышло? Домъ вашъ пока рѣшительно необи-
внъ....

На этомъ мѣстѣ разговоръ прерванъ камердинеромъ явившимся съ докладомъ что какая-то дама желаетъ переговорить насчетъ квартиры. Докторъ удалется.

Входитъ молодая женщина, наружности скорѣе эксцентричной чѣмъ изящной. Волосы ея цвѣта желтка, помыланы золотомъ пудрою и прихвачены на темени коралловою гребенкою. Черная бархатная шляпка совсѣмъ съѣхала на глаза. Платье, цвѣта *lie de vin*, подобрано стальными цѣпочками спускающимися отъ кушака. Госпожа де-Пзоръ—такъ доложилъ ея фамилію камердинеръ—была бы въ полномъ смыслѣ слова красавица, будь она вѣсколько полопанѣе. Видъ у ней чахлый; глаза впали, скулы выдаются. Она часто и усиленно кашляетъ.

— Баронъ Нефтали?

— Я сударыня.

— Вы домовладелецъ номера триста пятнадцатаго на бульварѣ Перейра?

— Да сударыня.

— Я пришла поговорить съ вами на счетъ квартиры четвертаго этажа.

— Великолѣпная квартира.. Видъ превосходный.. Лѣстница царская, вода проведена вездѣ.

— Даже на стѣнахъ.

— Вы говорите?

— Квартира очень сырая, холодная... Впрочемъ именно поэтому-то я и хочу ее завять.

— Какъ!

— Да. Я полагаю что вы сдѣлаете вѣкоторыя уступки гильдамъ. Надо же чѣмъ-нибудь вознаграждать опасность: нѣтъ дому—просто гробъ.

— Зачѣмъ же вы тогда рѣшаетесь навимать тамъ квартиру?

— Я вамъ скажу зачѣмъ. Вы не приняли меня конечно за святошу?

— Нѣтъ; но такъ какъ я самъ не особенно набоженъ... Впрочемъ мнѣ дѣла нѣтъ до этихъ мелочей; квартира моя стоитъ двѣнадцать тысячъ франковъ, вотъ и все.

— Позвольте. О квартирѣ мы успѣемъ еще поговорить.. Я буду съ вами сткровеана, баронъ. Для нашего... промысла необходима роскошная квартира, иначе ни одна муха не попадетъ въ мой укусъ.

— Прекрасно!.. Итакъ вы избрали мой домъ чтобы раскинуть вашу лаптину?

— Вы угадали.

— Въ такомъ случаѣ къ крайнему сожалѣнью я долженъ вамъ сказать что это дѣло для меня не подходящее, совсѣмъ не подходящее.

— Да вы должно-быть въ первый разъ занимаетесь постройками. Не правда ли?

— Зачѣмъ вы у меня это спрашиваете?

— Потому что въ противномъ случаѣ вы бы знали что обойтись безъ насъ вамъ будетъ рѣшительно невозможно.

— Безъ насъ?.. Вы все употребляете множественное число говоря о себѣ. Принадлежите вы къ какой-нибудь корпораціи?

— Насъ въ Парижѣ теперь около двухсотъ сушильщицъ.. Я вамъ говорю только о тѣхъ которыя пользуются извѣстностью. Строители и подрядчики знаютъ насъ хорошо! Я, напримѣръ, я вотъ ужъ десять лѣтъ только и дѣлаю что просушиваю сырые дома. На дняхъ я окончила просушку квартиры на бульварѣ Мальзербъ. Можете справиться. У меня есть родственникъ торгующій лѣсомъ и дровами; онъ мнѣ поставляетъ топливо. За то, я вамъ скажу, и топка у меня какая! весь день жарять.

— А сколько времени вы употребляете на просушку квартиры?

— Это зависитъ отъ этажа, отъ мѣстности, отъ многихъ вещей.

— Но напримѣръ на мой четвертый этажъ сколько бы вамъ понадобилось времени?

— Грустный вашъ домъ, скажу я вамъ. Много предстоитъ дѣла.

— Ну а еслибъ я вамъ уступилъ квартиру за восемь тысячъ?

— Вы шутите. Одинахъ дровъ придется столить тысячи на три франковъ.

— Вы, надѣюсь, не полагаете однако занять ее даромъ.

— Извините, я именно и ожидаю что вы предложите мнѣ ее даромъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте вамъ сказать что вы рискуете очень долго ожидать.

— Вашъ домъ останется лустымъ.

— Я предпочитаю это.

— Онъ станетъ портиться отъ сырости.

— Это мы увидимъ.

— Готова пари держать что другая специалистка потребовала бы съ васъ еще прибавки.

— Только этого и не доставало.

— *Madame* Бельфосъ, просушивающая первые этажи въ империалъ Приида Евгенія, не заключаетъ одѣлки безъ 2.400 франковъ прибавки, да притомъ еще топить углемъ; тогда какъ я употребляю одни дрова. Спросите у кого угодно; всякій скажетъ вамъ что дрова сушить лучше и скорѣе и не давать копоти.

— А вы топите дровами?

— *Madame* Максимъ, работающая въ Сенъ-Жерменскомъ предместьи, получаетъ 3.000 франковъ, а между тѣмъ не ей же являться со мною по чистотѣ и опрятности. Тоже насчетъ мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей, шарьеръ, замковъ, замкекъ, никто не обращается съ ними какъ я—все горитъ, блеститъ какъ солнце. Это врожденное призваніе. И потому всѣ хозяйственныя мелочи и заботы интересуютъ и занимаютъ меня. Квартирю получите вы изъ моихъ рукъ чистую какъ Лувръ и сухую какъ африканская степь.

— Вы думали занять четвертый этажъ?

— Я не особенно настаиваю на этомъ. Если у васъ третій или второй этажъ свободны...

— Вотъ что я вамъ скажу. Я имѣю намѣреніе занять самъ чрезъ нѣсколько времени первый этажъ моего дома; его-то я и желалъ бы имѣть хорошо просушеннымъ.

— Великъ онъ?

— Великъ ли!... Дворецъ! Пять комнатъ, двѣ гостиной, курильная, бильярдная, зала, ванная и пр. и пр.

— Помилуйте! да что я буду дѣлать со всѣмъ этимъ?

— Какъ что?—сушить.

— Даромъ?

— Какъ даромъ? Да не мнѣ же вамъ платить?

— Разумѣется вамъ. Сколько пойдетъ однихъ дровъ.

— Это единственная квартира которую я могу уступить вамъ на такихъ условіяхъ.

— Не знаете вы дѣла какъ я вижу. Весна на дворѣ. Придется топить все лѣто. Кто это сдѣлаетъ, какъ вы думаете?— Хотите знать мои условія: 3.600 франковъ и двѣнадцать „квартирныхъ мѣсяцевъ“.

— Покорно благодарю!

— Это послѣднее слово.

— Двадцатилатитысячная квартира, съ сараемъ и конюшней!

— Другая запросить у васъ 6.000 франковъ.

— Вы шутите.

— Я видѣла вашъ первый этажъ; припоминваю его теперь. Десять огней не считая кухни. Я, по добросовѣстности по своей глупой, сожгу навѣрно франка по два съ половиною въ день на каждую печь... Это кажется все пустяками, а какъ посмотритъ поближе, да сосчитаетъ...

— Вы преувеличиваете.

— Извините; я знаю что говорю. Сосчитайте сами если хотите. Десять печей по два съ половиною франка—двадцать пять франковъ въ день. Умножаю на три—семьдесятъ пять, прибавляю нуль: семьсотъ пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ, то-есть 9.000 франковъ въ годъ. Видите какіе это пустяки?

— Девять тысячъ, неужели столько?

— Еще бы! не желаете же вы чтобъ я кое-какъ работала.

— Конечно нѣтъ.

— Не захотите же вы чтобъ я, какъ напримѣръ *madame* Дютертръ, просушивающая кварталъ Пигаль, чтобъ я, какъ она, топала бы барочнымъ лѣсомъ, да старыми досками. Одной гнили чего заведется въ домѣ.

— Такого топлива я и на дворѣ къ себѣ не влущу.

— Я исключительно топлю березой, осинкой и дубомъ. Судите сами!

— Это конечно отапная топка.

— Да что тутъ говорить, я знаю что и такъ еле-еле сведу концы съ концами. Для васъ это пустяки, а просуху я вамъ по-дружески. Хотите?

— Нѣтъ, не могу.

— Клянусь вамъ честью....

— Вы говорите?

— Можетъ-быть вамъ угодно чтобъ я покланялась чѣмъ-нибудь другимъ?

— Это мнѣ все равно.... Послушайте.

— Что?

— Если я уступаю вамъ квартиру...

— Ну?

— Если дамъ то что вы просите... Можно мнѣ будетъ тогда разчитывать?...

— Повѣса!

— Мнѣ кажется однако что послѣ всего того что я дамъ...

— Умѣете вы, скажу я вамъ, обдѣлывать дѣла! Когда можно занять квартиру?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Отлично. Завтра подлишемъ условіе.

— Позвольте теперь узнать съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Матильда, графиня де-Шюръ, сушильщица.

— Де-Шюръ?... Это очень извѣстная фамилія. Не служилъ ли вамъ батюшка во флотѣ?

— Кажется. Что-то такое было, насколько мнѣ помнится.

— До завтра, графиня.

— До свиданія, баронъ.

Сцена эта снята съ натуры. Такихъ сушильщицъ насчитывается въ Парижѣ до пятисотъ различнаго калибра: перваго разряда, для большихъ роскошныхъ домовъ, какъ на примѣръ только — что представленная вамъ псевдо-графиня де-Шюръ, втораго и наконецъ третьяго разряда для пригородныхъ дачъ и болѣе скромныхъ домовъ. Только первый, а иногда и второй разряды заставляютъ себѣ лгать; третій пользуется лишь даровымъ помѣщеніемъ на извѣстное количество мѣсяцевъ.

II.

Не даромъ Парижъ названъ всемірнымъ каравансараемъ. Повсемѣстному городу этотъ превратился въ громадную гостиницу для прѣзжающихъ, и весь складъ жизни его сталъ какимъ-то временнымъ, случайнымъ, отельнымъ. Кажется, будто сами коренные жители вѣчно живутъ на походѣ, считая свой домъ чѣмъ-то въ родѣ номера гостиницы, чѣмъ-то случайнымъ, убѣжищемъ съ которымъ они ничѣмъ не связаны. Помяте о „домѣ“, объ очагѣ, исчезаетъ съ каждымъ днемъ замѣтнѣе, и народъ — мужчины и женщины — втягивается все сильнѣе въ публичную жизнь и вываливается на улицу. Явленіе безотрадное, — грозное, если взвѣснить послѣдствія такого разложенія семьи.

Семья—краеугольный камень общественнаго и государственнаго зданія. Она распатана—все распатано. Гражданскія доблести, неподкупность, безкорыстное служеніе отечеству, эти основы государственнаго велічія, могутъ существовать только тамъ гдѣ семья, семейственность, семейная добродѣтели зиждутся на твердыхъ началахъ.

Оно попятно. Человѣкъ остается вѣчно человѣкомъ. Стоиковъ мало. Масса слаба и слабохарактерна. Личностямъ ее составляющимъ необходимо нужна опора, что-нибудь что бы поддерживало, подчасъ удерживало *непосредственно*. Для массы законъ представляется извѣстнымъ количествомъ статей и параграфовъ. Законъ караетъ по такой-то и такой-то статьѣ за то-то и то-то. Между ступенью гдѣ приходится дѣйствовать закону и первому ступеню забвенія чувства долга и обязанностей есть множество промежуточныхъ ступенекъ. Есть наконецъ постулки ускользающіе по существу своему отъ кодекса, надъ которыми законъ безсиленъ, хотя постулки эти и дѣйствуютъ разлагающимъ образомъ на общество. Такія сѣмена общественнаго разложенія, неподсудныя закону, имѣютъ непосредственнымъ судьей семью. Она же является поощрительницею на хорошее, опорю въ тяжкія минуты, нравственною поддержкой и реактивомъ въ критическіе моменты упадка духа, верѣшительности, борьбы съ самимъ собою, словомъ, въ моменты нравственнаго блужданія.

Паденіе семейной дисциплины, крайній скептицизмъ, легчайшее и безцеремоннѣйшее отношеніе къ самымъ серьезнымъ и достойнымъ уваженія предметамъ, политическая разнузданность, всѣ эти явленія, вліяніе которыхъ на современное положеніе Франціи оцѣнивать излишне, такъ оно очевидно,—только послѣдствія безотрадннго отношенія къ семьѣ и семейственности, проявляющагося съ нѣкоторыхъ поръ въ этой странѣ. Главная связь семьи во внутренней ея жизни—женщина, супруга, мать. Слѣдовательно въ прискорбномъ явленіи, отзывающемся столь тяжко на государственномъ и общественномъ строѣ Франціи, приходится, повидимому, обвинять первую ее. Вина здѣсь она, правда, во многомъ, но предъ тѣмъ какъ бросить въ нее камень, слѣдуетъ бросить взглядъ на положеніе созданное ей мужчиною. Въ такомъ случаѣ главная тяжесть обвиненія падетъ не на ея плечи.

Ребенкомъ отъзываютъ ее какъ ученую собачку и водятъ на показъ въ Тюльрійскій садъ или въ Елисейскія Поля. Здѣсь

она почти совершенно предоставлена самой себѣ; маманька нитя кокодесомъ, гувернантка—франтомъ-шикаромъ десяти руки, нянька—своимъ возлюбленнымъ *troupier*. Кромѣ ревраговъ, басенъ Лафонтена да похвалительныхъ стиховъ, се почти ничему не учать. Я не говорю о всемъ томъ что ей приходится видѣть и замѣчать, съ тою тонкою наблюдательностью которая свойственна дѣтямъ, въ особенности дѣвочкамъ. Просмотрите одинъ изъ альбомовъ талантливаго каррикатуриста Гаварни *Les enfants terribles*: назидательна эта глупая характеристика нравственнаго воспитанія дѣтей въ Парижѣ! Десяти, одиннадцати лѣтъ ребенка отдають въ пансіонъ или, если позволяютъ средства, въ монастырь, что здѣсь считается *très genre*. Весь женскій персоналъ Севъ-Жерменскаго предмѣстья, всѣ юныя представительницы стоаовой французской аристократіи, почти безъ исключенія воспитываются въ монастыряхъ. Финансовая и политическая аристократія, поддѣлаваясь во всемъ подъ ладъ стариннаго дворянства, слѣдуютъ той же модѣ. Богатая и достаточная буржуазія ограничивается пансіонами устроенными приваравываясь къ тѣмъ же началамъ.

Въ пансіонѣ дѣвушка остается обыкновенно до шестнадцати лѣтъ; въ монастырѣ до семнадцати, осьмнадцати, зачастую до замужства. Плоды подобнаго воспитанія: совершенное незнаніе обыденныхъ жизненныхъ условій и вслѣдствіе сего отсутствіе трезваго приготовительнаго взгляда на самую жизнь; нездоровая мечтательность, развиваемая задушевными бесѣдами и взаимными изліяніями подругъ, воображеніе расплаваемое напелтываніями, чтеніемъ украдкою запрещенныхъ книгъ, единственнымъ развлеченіемъ въ этой замкнутой жизни.

Удивительное воспитаніе! дѣвушка знаетъ *все* что ей не слѣдовало бы знать, и ничего того что ей слѣдовало бы и, что хуже, это *все* она знаетъ не такимъ какимъ оно есть на самомъ дѣлѣ, а облеченнымъ въ самыя соблазнительныя романтическія формы.

По выходѣ изъ пансіона или монастыря она, въ большей части случаевъ, выходитъ немедленно замужъ. Часто избраный суженый начинаетъ навѣщать ее еще въ монастырѣ, по четвергамъ и воскресеньямъ (пріемные дни). Официальная получасовая бесѣда о болѣе или менѣе бавальныхъ предметахъ съ акомпанементомъ неизбѣжной бовбоньерки называется знакомствомъ и сближеніемъ будущихъ супруговъ.

Изъ-подъ вѣнца молодые являются совершенно незнакомыми другъ другу людьми. Она знаетъ имя и фамилію мужа, знаетъ нѣкоторые отрывки изъ его формулярнаго списка, слышала кое-что о болѣе выдающихся эпизодахъ его свѣтской жизни; онъ знаетъ имя своей супруги, вліятельныхъ или богатыхъ родственниковъ ея и количество недвижимаго и движимаго имущества составляющаго приданое. Последнее онъ знаетъ лучше и подробнѣе всего.

Въ мери и церкви супругамъ объявили что бракъ неразрывенъ и что они связаны на „вѣчныя времена“. При этомъ дѣвушка узнаетъ что не имѣетъ права распоряжаться ни копейкою своего собственнаго состоянія, такъ какъ по французскому законодательству мужу предоставлено почти безконтрольное право „de gérer et d'administrer la fortune de sa femme légitime“. Можно смѣло сказать что самая богатая невеста не имѣетъ ни франка собственныхъ денегъ на другой день свадьбы. Только совершенно безобразное исключительное мотовство мужа даетъ женѣ право призвать законъ на помощь, и то тяжёлое дѣло тянется въ такомъ случаѣ иногда по нѣскольку лѣтъ, принимаясь, проходя черезъ различныя инстанціи, все болѣе и болѣе острый характеръ и въ концѣ концовъ превращается въ скандальнѣйшій процессъ.

Послѣ нѣкотораго времени сожителства оказывается что между подходящихъ другъ къ другу натуръ какъ эти два субъекта, связавшіе себя въ жмурки на всю жизнь, трудно бы было нарочно приискать. Супруги живутъ какъ кошка съ собакою, будущая жизнь представляется какою-то каторгой. При этомъ одинъ изъ нихъ непремѣнно эксплуатируетъ другаго; или мужъ пользуется дарованнымъ ему по закону правомъ и мотаетъ состояніе жены, или жена ведетъ себя возмутительно и дѣлаетъ направо и налево долги, за которые, по тому же закону, отвѣтственъ мужъ. Что остается дѣлать? страдательное лицо, вытерпѣвъ сколько можно, рѣшается прибѣгнуть къ покровительству закона. Предположимъ что это лицо—жена.

Она жалуется и мотивируетъ свою жалобу.

— Вы говорите что у вашего мужа есть любовница, что онъ измѣняетъ супружеской вѣрности?

— Да. Такая-то, такая-то и такая-то были его любовницами, онъ ихъ содержалъ, бросая на нихъ деньги... У меня есть доказательства, письма, свидѣтели, все.

— Позвольте. Прежде всего потрудитесь мнѣ сказать вводилъ я оныя любовницы своихъ *dans le domicile conjugal*?

— Этого я не знаю.... можетъ-быть!

— Такъ вы не можете этого доказать?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ очень жаль, но я долженъ вамъ сказать что жалоба ваша не будетъ принята въ уваженіе. Письма, свидѣтели, доказательства, все это совершенно не-дѣлательно. Мужъ вашъ отвѣтственъ предъ закономъ, по вопросу о супружеской невѣрности, только въ томъ случаѣ когда оныя „настолько забылъ обязанности свои что ввелъ съ преступными намереніями любовницу подъ супружескій кровъ“.

Другаго рода консультація.

— Итакъ вы говорите, сударыня, что желаете *séparation de biens* отъ вашего мужа? Согласенъ оны на это?

— Какъ согласенъ? конечно нѣтъ. Я бы не явилась сюда, еслибы оны были согласенъ.... Нѣтъ, оны и слышать не хотятъ объ этомъ!

— Гм.... Въ такомъ случаѣ вы имѣете вѣроятно возможность очень серіозно мотивировать ваше требованіе?

— Серіозно мотивировать! Еще бы! Судите сами: у мужа моего, когда оны на мнѣ женился, ничего не было кромѣ долговъ. Я сама предложила ему выплатить долги изъ моихъ денегъ. Оны согласился, взявъ требуемую сумму.... Черезъ годъ оказалось что ни копѣйки не было уплачено; долги, напротивъ, увеличились вдвое. Я больше не предлагала придти къ нему на помощь. Тогда оны сталъ самъ меня просить. Я согласилась. Ровно черезъ годъ повторилась та же исторія. Оны снова сталъ просить, умолять. На этотъ разъ я отказала ему. Тогда оны сталъ угрожать, объявилъ что обойдется безъ моего разрѣшенія, что законъ даетъ ему право распоряжаться *общимъ нашимъ* состояніемъ, что просилъ оны только изъ любви, изъ деликатности, что въ виду такого грубаго упорства съ моей стороны оны чувствуетъ себя вынужденнымъ строже взглянуть на свои обязанности мужа и администратора, что поэтому оны находитъ что я слишкомъ много трачу на себя, на свои туалеты и наряды... словомъ, этотъ человекъ осмѣлился назавачить мнѣ столько-то въ мѣсяць—очень мало, лутакъ, четверть того что я считала возможнымъ тратить на себя и дѣтей!... Самъ же оны издержалъ за прошлый годъ вдвое

болѣе нашего годоваго дохода, въ этомъ году столько же Между тѣмъ долги его не улажены, накапливаются новыя. Если такъ продолжится, у насъ вскорѣ ничего не будетъ. Должна думать о дѣтяхъ, о ихъ будущаости.

— Чтò имѣете вы еще сказать, сударыня?

— Какъ чтò? Да развѣ этого мало? Развѣ не ясно какъ Божій день что мужъ раззоряетъ насъ?

— Для закона этого мало, сударыня.

— Но чтò же ему еще нужно этому закону чтобы вступить оя за меня?

— Потрясено ли *серіозно* ваше состояніе, и можете ли вы представить на счетъ этого ясныя неопровержимыя доказательства?

— Да вы разсудите сами. Если люди будутъ издерживать каждый годъ вдвое и втрое противъ своего дохода, чего можно ждать?... Въ настоящую минуту я еще, слава Богу, и раззорена, но это должно непремѣнно случиться по прошествіи некотораго времени. Теперь-то, пока зло еще полправимо, нужно мнѣ принять мѣры; потомъ будетъ поздно.

— Все это прекрасно, сударыня, но я долженъ вамъ признаться—далеко не убѣдительно. Законъ не имѣетъ еще права вступить за васъ.

— Да когда же онъ будетъ имѣть это право?

— Когда „состояніе ваше будетъ серіозно потрясено и товствомъ мужа“.

— То-есть когда я буду раззорена?

— Вы берете крайности. Мужъ вашъ можетъ одуматься остепениться.... Законъ не долженъ и не имѣетъ возможности мѣшаться во всѣ семейныя дѣла и дразги.... Словомъ, предупреждаю васъ что дѣло заводить теперь вамъ не стоить проигрываете, не говоря уже о скандалѣ, о рѣчи адвоката вшаго мужа который не лоскулатся вѣроятно представи васъ на судѣ въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, на друг день газеты заблаговѣстятъ это по бѣлому свѣту.... Подумайте сами. И для чего?—для того чтобы проиграть дѣло и продолжать вынужденное сожителство съ мужемъ послѣ тако скандала.

Чтò остается дѣлать? Развода нѣтъ, слѣдовательно она въ вѣки связана съ безобразнымъ человѣкомъ; мало того, она даже лишена возможности защитить свое состояніе отъ м товства или мачности мужа. Положеніе по видимому безвыхо

ное. Тутъ-то является какая-нибудь опытная, сердобольная личность съ благимъ совѣтомъ, обратиться къ *avocat* (стряпчему).

Здѣсь дѣло упрощается до крайности. Развода, правда, нѣтъ, но за то существуетъ безобразнѣйшее палліативное средство, безаравственнѣйшій компромиссъ носящій циничное названіе *séparation de corps*: супругамъ разрѣшается жить врознь. При этомъ жена сохраняетъ „по гробу“ фамилію мужа и считается его супругою. Изаише прибавлять что обоимъ безусловно возвращено вторичное вступленіе въ бракъ.

Какъ же добиться *séparation de corps et de bien*?

Avoué объявляетъ что очень просто; стоить только залазать столько-то. Онъ беретъ поставить все: обвиненія, вещественныя доказательства, свидѣтелей, всю требуемую грязь, доклатъ до всего, до послѣдняго мусора, а нѣтъ его, этого необходимаго мусора въ должномъ количествѣ, устроить такъ чтобы былъ.

— Это будетъ вамъ стоить столько-то, сударыня.

— Но увѣрены ли вы что мы выиграемъ дѣло. Я должна вамъ признаться что не имѣю положительныхъ доказательствъ въ томъ что мужъ мой вводилъ въ домъ любовницъ.

— Ничего не значить. И доказательства и свидѣтели будутъ.

И начинается дѣло. Адвокатъ жены обвиняетъ мужа въ мотовствѣ, въ супружеской невѣрности, мѣшаетъ его съ грязью и представляетъ гауснымъ развратникомъ. Адвокатъ мужа возражаетъ обвиняя супругу въ томъ же, подбирая и подтасовывая факты, силится доказать что такіе-то и такіе-то были ея любовниками, что мужъ—образецъ благородства и честности—плакалъ втайнѣ и терпѣлъ, пока могъ, безлутство жены и пр. Дѣло переходитъ вершневное въ другую инстанцію. Адвокатъ жены, считая въ виду нападковъ противной стороны обвиненія формулированныя противъ мужа въ первой инстанціи недостаточно сильными, обставляетъ просьбу свою новыми „мотивами“. Тутъ уже ничего не щадятъ: супругъ представляется послѣднимъ извергомъ, грязнымъ распутникомъ, чудовищемъ. Адвокатъ мужа въ отвѣтъ изображаетъ супругу Мессалиною и пр. Чѣмъ далѣе подвигается дѣло, тѣмъ острѣйшій принимаетъ оно характеръ.

— А! вы такъ-то? хорошо же, и я въ такомъ случаѣ не буду молчать.

И вываливается грязь невообразимая, мусоръ немислимый и таскаются въ этой грязи, въ этомъ мусорѣ, имена супруговъ на потѣху почтеннѣйшей публики.

Такая процедура продолжается зачастую нѣсколько лѣтъ, если, какъ говорится, коса нашла на камень и на одна изъ сторонъ не желая уступить рѣшается бороться до послѣднихъ силъ. Замѣчательнымъ примѣромъ такой безобразной борьбы можетъ служить извѣстное дѣло супруговъ де-Боффремонъ, начавшееся въ 1865 году и окончившееся только нѣсколько недѣль тому назадъ! Распространяться о немъ считаю здѣсь излишнимъ, — недавно еще русскія и иностранныя газеты изложили подробно этотъ скандальнѣйшій процессъ, — разкажу только суть дѣла въ нѣсколькихъ словахъ.

Княгиня де-Боффремонъ подала просьбу о *séparation de corps et de bien*, мотивируя ее слѣдующимъ: предосудительное поведение мужа (князя де-Боффремонъ, кавалерійскаго полковника), лобомъ рукою и нагайкою навесенные ей княземъ, неоднократное нарушеніе супружеской вѣрности съ представеніемъ доказательствъ, удикъ и „добросовѣстныхъ“ свидѣтелей, мотовство мужа (почти все состояніе, около четырехсотъ тысячъ франковъ годоваго дохода, принадлежитъ княгнѣ), предосудительное и жестокое обращеніе съ дѣтьми.

Адвокатъ мужа въ отвѣтъ обвинилъ княгиню въ мотовствѣ, въ дурномъ и непристойномъ обращеніи съ мужемъ и настаивалъ на томъ что администраторомъ состоянія долженъ былъ остаться князь и пр.

Дѣло было проиграно княземъ въ первой инстанціи. Онъ апеллировалъ.

При разбирательствѣ во второй инстанціи адвокатъ княгини добавилъ къ прежнимъ обвиненіямъ что князь игрокъ, льяница, отчаянный кутила, что онъ презираемъ сослуживцами и пр. Адвокатъ князя, съ своей стороны, присовокупилъ къ сказанному уже что княгиня легкаго поведенія, что ведетъ жизнь далеко не безупречную, что затѣяла все это дѣло въ расчетъ свободно проматывать состояніе дѣтей и пр.

Во второй инстанціи проиграла княгиня. Она апеллировала.

На слѣдующемъ затѣмъ разбирательствѣ адвокатъ княгини явился съ новыми „мотивами“. Князь обвинялся въ самомъ грязномъ развратѣ; княгиня въ свою очередь обвинялась въ преступной связи съ нѣкою личностью обозначенною столь прозрачно что всѣ узнали въ ней одного изъ видныхъ и

очень известнахъ въ парижскомъ *high-life* офицеровъ французской арміи.

На этотъ разъ проигралъ князь. Опять аппеляція.

При четвертомъ разбирательствѣ князь де-Бюффримонъ обвинялся уже въ самыхъ ужасныхъ вещахъ, въ противоестественныхъ лобужденіяхъ, невѣроятныхъ сальностяхъ; словомъ, дѣло приняло такой оборотъ что суду пришлось слушать его при закрытыхъ дверяхъ.

Девять лѣтъ безъ малаго тянулась эта скаандальнѣйшая казнь, девять лѣтъ! въ теченіе которыхъ два раза выигрывалъ дѣло князь и пять разъ княгиня. Въ концѣ концовъ побѣда осталась за нею, что и слѣдовало по справедливости. Но какую цѣной была куплена эта побѣда! Сколько горя, оскорбленій, позора, пришлось вынести этой мужественной и энергичной женщинѣ предъ тѣмъ чтобъ избавить себя и дѣтей отъ кулака пьянаго мужа и спасти свое состояніе отъ олеки „законнаго администратора“!

Во время одного изъ разбирательствъ этого дѣла—не помню четвертаго или пятаго—князь между прочимъ заявилъ въ письмѣ преданномъ публичности что въ случаѣ выигрыша процесса, онъ, въ наказаніе, вытребуетъ къ себѣ жену и дѣтей—если сказать по-вашему, — „по эталу“. И онъ былъ въ правѣ это сдѣлать по французскимъ законамъ.

Полагаю что приведенныхъ примѣровъ достаточно. По нимъ вы можете судить какими законами обставлена французская женщина въ супружествѣ. Въ Германіи, Англій, Швейцаріи, Голландіи, Бельгіи, Даніи, Швеціи, Россіи существуетъ разводъ; Франція же, страна гдѣ по преимуществу процвѣтаетъ незаконное сожителство, пробавляется до сихъ поръ учрежденіемъ именуемымъ *séparation de corps*, предести котораго я только-что вамъ изложилъ.

Бросимъ теперъ взглядъ на положеніе замужней женщины въ домашнемъ быту и въ „свѣтѣ“.

Французы хвалятся тѣмъ что „возвели женщину на льесталь достойный ея“. Совершенно серьезно увѣряютъ они, и въ самомъ дѣлѣ увѣрены что нигдѣ не откосятся „такъ лорыцарски къ женщинѣ какъ во Франціи“. Въ этомъ случаѣ какъ и въ несмѣтномъ количествѣ другихъ они чрезвычайно увлекаются. Рыцарство ихъ въ отношеніи къ женщинѣ состоитъ въ нѣкоторыхъ чисто внѣшнихъ приемахъ, ограничи-

ваются известными наружными формами, гдѣ настоящему уваженію къ женщинамъ отведено поразительно мало мѣста.

Послѣ первыхъ мѣсяцевъ супружества—періода медоваго мѣсяца—мужъ обыкновенно исчезаетъ изъ дома. Клубы, безчисленные *cercles*, кафе, известнаго рода безобразная гражданственность дарованная полусвѣтскимъ женщинамъ и кокеткамъ съ легкой руки Александра Дюма сына и отчасти политика повлияли рѣшительнымъ образомъ на складъ семейной жизни въ Парижѣ.

Идеетъ ли оны по дѣламъ, флазируетъ ли просто, Парижанки считаютъ непрѣмьнымъ долгомъ устыться за одинъ изъ многочисленныхъ столиковъ разставленныхъ на бульварахъ предъ кафе или зайти во внутрь заведенія подъ предлогомъ „подкѣрвиться“, на самомъ же дѣлѣ чтобы поглазѣть на людъ Божій, пробѣжать двѣ, три газеты и прислушаться къ тому что говорится. Послѣ обѣда оны снова тамъ, „pour prendre sa demi-tasse“ или „son bock“ и просмотрѣть вечернія газеты.

Вечеръ оны проводятъ въ своемъ клубѣ или *cercle*. Это для него насущная потребность, такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ оны всѣ. Тамъ оны или присаживается къ зеленому столу „pour tailler un petit bac“ (*bac* сокращеніе *baccarat*) или принимаетъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ бесѣдѣ, вѣчно вертящейся на одномъ изъ слѣдующихъ трехъ сюжетовъ: о женщинахъ, о лошадахъ и спортѣ, о политикѣ.

Кооперативное начало примѣняемое въ послѣдніе годы къ „продажной любви“, сдѣлало доступнѣе возможность имѣть „свою“ шикарную содержанку. Пять, шесть человекъ съ общаго согласія составляютъ нѣчто въ родѣ общества на планкѣ для эксплуатаціи какой-нибудь мѣстной Мины. На первомъ планѣ здѣсь самое безобразное тщеславіе. Каждый изъ дольщиковъ совершенно счастливъ и доволенъ когда, указывая на разодѣтую въ лухъ и прахъ кокетку, безцеремонно развалившуюся въ шикарнѣйшемъ лавдо, изъ котораго ему-то самому, дольщику, принадлежитъ лишь одно колесо, оны можетъ бросить небрежно восклицаніе: *En voila une qui me ruine!*

Если же ко времени потребному на всѣ эти кафе, клубы, *cercles* и милыя кооперации прибавить часы посвященные дѣламъ и занятіямъ, визитамъ, баламъ, вечерамъ, спорту и пр., легко убѣдиться что для семейной жизни не остается почти ничего.

Теперь вообразите себѣ положеніе молодой женщины получившей то воспитаніе о которомъ говорено выше.

Мужа своего она видитъ только урывками, часа два, три вь сутки. Онъ вьчно занятъ, вьчно торопится куда-вибудь. Вь грустно, она скучаетъ. Пріятельницы постарше, услѣвши „пообжиться“, вь отвѣтъ на ея слезы и признанія укорительно покачиваютъ головой, нашептываютъ ей что-то и жмется надъ слезами. До нея долетаютъ слухи, благодаря тѣмъ же услужливымъ пріятельницамъ, о вѣскоей каскадеттѣ или искариветтѣ.. Она требуетъ отъ мужа объясненій, начинается домашнія сцены, ссоры. Супругъ вслѣдствіе этого покидается еще рѣже вь домѣ.

Тутъ для молодой женщины настаетъ критическая минута. Твердой нравственной основы она не получила, жизненныхъ условій почти не знаетъ и не имѣетъ достаточно олытности чтобы сумѣть удержать при себѣ мужа. Вь большей части случаевъ она, осушивъ слезы, начинаетъ осматриваться и набивать за другими. Добрыя пріятельницы столько наговорили про все и всѣхъ что ей хочется убѣдиться вь самомъ ли дѣлѣ она „общее правило“ или исключеніе.

Итакъ молодая женщина всматривается. Чтѣ она видитъ? Она видитъ что вь этомъ громадномъ обществѣ составленномъ изъ разнороднѣйшихъ элементовъ завезенныхъ со всѣхъ концовъ свѣта господствуетъ поразительная свобода и сплоскательность странно противорѣчащая той строгости и щепетильности о которыхъ она, на словахъ, слышитъ на каждомъ шагу.

Она видитъ какъ отлично принимаются и чествуются разные иностранные гранды, дюки и князи самой сомнительной пробы. Имъ вѣрятъ на слово, вѣрятъ фантастическимъ ихъ титуламъ, вѣрятъ всему чтѣ этимъ мельхиоровымъ аристократамъ угодно говорить про себя, лишь бы это все приправлено вькусными обѣдами, раутами и балами.

То же происходитъ съ разными графинями Краковскими, княгинями де-Благановъ и другими дюшессами, маркизами и баронессами подобной же крови.

Бто онѣ? откуда? чѣмъ живутъ? никто этого не знаетъ и умышленно игнорируетъ, отплевывая на балахъ или улетающихъ вькусные обѣды у этихъ загадочныхъ представительницъ самой фантастической геральдики.

Такими авантюрьерками и цокателями приключеній переполнено парижское „общество“.

Она видитъ множество личностей играющихъ видную и блестящую роль, личностей о прошломъ и зачастую и о настоящемъ которыхъ не говорится, потому что это прошлое и настоящее или совершенно темно и загадочно или слишкомъ уже извѣстно.

Она видитъ женщинъ, извѣстныхъ беспорядочною жизнью играющихъ первыя роли, окруженныхъ толпою поклонниковъ окруженныхъ почетомъ и вниманіемъ, принимаемыхъ всюду съ распростертыми объятіями, несравненно лучше и повидимому радушнѣе чѣмъ привимають ее, безупречную.

Почему ко всѣмъ этимъ личностямъ, мѣстнаго ли они происхождения или иностраннаго привоза, почему къ нимъ всѣмъ съ такою снисходительностью относится общество? Почему? Она и это вскорѣ угадываетъ: потому что личности эти обладаютъ достаточнымъ количествомъ денегъ чтобы покрыть позолотою свою грязь и порочность, потому что угощаютъ потому что у нихъ пляшутъ, потому что такой-то высокопоставленный или вліятельный или богатѣйшій селадонъ покровительствуетъ имъ и можетъ быть встрѣченъ въ ихъ гостиной... И угадываетъ она также почему такая-то львица, укусившаяся въ жизненномъ олытѣ, прошедшая огонь и воду, окружена тѣмъ большею толпою обожателей и поклонниковъ чѣмъ больше у нея было паденій... Понятно какое дѣйствіе производитъ эта дьявольская косморама на молодую женщину заброшенную мужемъ, предоставленную самой себѣ, не получившую никакой нравственной основы, не получившую трезваго разумаго взгляда на жизнь, не видавшую никакихъ хорошихъ примѣровъ, все нравственное воспитаніе которой заключалось въ рюмованныхъ правоученіяхъ басень или сладенькой морали добродѣтельныхъ повѣстей: она въ свою очередь бросается очерта голову въ круговоротъ.

Такъ происходитъ наверху. Взглянемъ ниже, въ міръ средней и мелкой буржуазіи. И здѣсь мы видимъ то же. Мужъ бѣжитъ изъ дома. Время свободное отъ занятій онъ проводитъ большею частью на улицѣ и въ кафе за „бокомъ“ пива, за „получашкою“ кофея или за абсентомъ. Вечеромъ, въ томъ же кафе—*son cafe*—ведутся нескончаемыя партіи въ домино или рѣжутся въ карты (здѣсь разрѣшено играть въ рестора-

нах и кафе) или толкуется по часамъ вкривь и вкось о политикѣ.

Въ рабочемъ классѣ происходитъ то же. Мужъ торчитъ въ клубѣ—политическомъ клубѣ, гдѣ ему возможно наговорить-ся сколько душѣ угодно о своихъ демагогическихъ предначертаніяхъ, о социальныхъ теоріяхъ собственнаго издѣлія и издѣлывать желчь противъ *ses misérables aristos*. Дома, подъ пьяную руку, обыкновенно занимается пересчитываніемъ реверъ своей сожительницы.

Жны въ свободное время увлаваются для развлеченія назидательнымъ чтеніемъ безчисленныхъ *romans-feuilletons*, которыми переполнены мѣстные листки, въ особенности пятисантимные, то-есть наиболѣе доступные народу. Въ такихъ „органахъ прессы“ печатается зачастую романа по два, по три сразу. Романы эти, большею частью безобразнѣйшіе и бездарнѣйшіе, сколочены по образцу пресловутыхъ произведеній Пюсю-дю-Террала и Ксавье де-Монтелева; преступленіе, геройство и любовь; ядъ, ножъ и страстная лобзанія—чтеніе дѣйствующее самымъ вреднымъ образомъ на необразованную, невоспитанную натуру массы читательницъ.

Прибавьте къ этому постоянное сосѣдство съ самою крайнею роскошью, съ безобразною выставкою безчисленныхъ экземпляровъ высшаго и средняго кокошизма, полавшихъ изъ уютныхъ трущобъ въ великолѣпныя квартиры, изъ помоевъ въ шелкъ и бархатъ, изъ омаибуса въ изящнѣйшіе собственные лады и Коляски.

Смотрятъ онѣ на все это, оцѣниваютъ по-своему и въ свою очередь бѣгутъ изъ дома.

Ихъ дѣти взростутъ и вступятъ въ свѣтъ при тѣхъ же условіяхъ при которыхъ взрослые и воспитывались онѣ сами. При какихъ, вы можете теперь судить! Это—фатальное оцѣненіе.

Теперь, когда вы взглянули на положеніе созданное здѣсь женщиной мужчиною, рѣшите сами возможно ли сваливать на нее одну главную отвѣтственность въ *разложениіи семьи*, явленіи безотрадномъ, опасномъ въ высшей степени, отзываются все тяжелѣе и тяжелѣе на странѣ.

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ.

Д В Ъ С И Л Ы *

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XIV. Поручикъ Паляница.

Поручикъ Паляница обиталъ на улицѣ Фретъ, неподалеку отъ того мѣста гдѣ уже кончаются городскія строения и начинается пустынное, ровное поле цитадельной эспланады. Эта часть города бѣдна, и тоже довольно пустынна. Она сама по себѣ мѣстомъ обиталища для работниковъ и Евреевъ самаго бѣднаго класса, которые кучатся и лѣзятся, словно какъ грибочатая поросль, по убогимъ деревяннымъ лачугамъ да по старымъ полуразрушеннымъ „каменицамъ“, ** на которыя дырявыя крыши съ провалившимися черепицами наглядно свидѣтельствуютъ какъ о ветхости построекъ, такъ равно о скудости средствъ домовладѣльцевъ. Поручикъ Паляница и рочно избралъ себѣ для жительства эту пустынную и довольно отдаленную часть города, потому что она представляла се

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 3, 4 и 6.

** Каменца—каменный домъ.

двоихъ выгоды: и отъ казармъ не далеко, да и опасности меньше отъ постороннихъ глазъ и чужаго вниманія: что за интересъ этимъ сосѣдямъ-Евреямъ и мѣщанамъ-работникамъ наблюдать и знать чѣмъ занимается въ тиши своего кабинета какой-то поручикъ, когда у нихъ и своего собственнаго дѣла, да и насущныхъ нуждъ по горло!

Когда по темной, грязной и вонючей деревянной лѣстницѣ, Хвалынецъ поднимался въ квартиру Паляницы, сердце его въ послѣдній разъ смутно екнуло подъ новымъ гнетомъ раздумья, укора и сомнѣнія. Онъ нарочно замедлил шагъ. „Подлость!“ шепталъ ему какой-то внутренній голосъ. „Не вернуться ли?...“

А между тѣмъ, почти машинально, онъ все-таки подымался вверхъ по ступенькамъ.

Вотъ и площадка предъ дверью. Тутъ же какая-то Еврейка старая въ корытѣ что-то въ родѣ пеленокъ и вопросительно посмотрѣла на Хвалынцева.

Константинъ остановился въ замѣшательствѣ. Ему казалось будто и эта Еврейка, и тѣ ребятки что играютъ на дворѣ, и тотъ дворникъ что внизу указалъ ему лѣстницу и растолковалъ какъ пройти въ „мѣшканье лака Паляницы“—будто иъ они и знаютъ, и догадываются о дѣлѣ его посвѣщенія. Разсудкомъ онъ постигалъ что такое предположеніе недѣло такъ нельзя болѣе, но оно почему-то колошилось въ его душѣ и было причиной его смущенія.

„Не хорошее, не честное дѣло...“ снова шепнулъ ему внутренней голосъ и, послѣ минутнаго колебанія, Константинъ же повернулся было съ намѣреніемъ уйти, какъ вдругъ его кивнула Еврейка:

— А чѣго лавъ шука?... * Може, до пана Паляницы?

Хвалынецъ, какъ школьникъ пойманный на мѣстѣ прегрѣшенія, смутился еще больше и—ужъ и самъ не постигая акъ и для чего—отвѣтилъ ей утвердительно кивкомъ головы.

Предупредительная Еврейка указала ему на дверь и даже сама дернула за шнурокъ звонка.

„Судьба... видво судьба! мелькнуло въ умѣ Хвалынцева:— ю... дай Гослоди чтобъ его не было дома!“

Дверь пріотворилась, и изъ нея на половину выглянула чья-то физиономія.

* Чѣго вы ищите?

Еврейка успѣшила объяснить что пришедшему пану нужна пана Палявицу.

— Ваше имя? отвѣся къ Хвалынцеву субъектъ выгладившій изъ-за двери.

Тотъ назвалъ себя.

— Прощу! буркнулъ сквозь зубы вопрошавшій и раскрылъ предъ нимъ настѣжъ всю половинку.

Волей-неволей пришлось войти.

Константинъ очутился въ тѣсной и грязной прихожей—о же и кухня—гдѣ на первомъ планѣ кидался въ глаза закурившій очагъ или, такъ-называемый здѣсь „коминъ“, и уок на дартъ лежалъ въ растяжку и хралѣлъ деньщикъ.

— Прощу! снова буркнулъ ему отворяшій субъектъ и пустилъ его въ слѣдующую комнату, неприглядная обстановка которой напоминала скорѣе номеръ скверной гостиницы чѣмъ жилую квартиру осѣдлаго человѣка, и отличалась всѣми извѣстными недостатками холостого неурядства.

Хвалынцевъ не зналъ за кого слѣдуетъ принимать стоящаго предъ нимъ человѣка, который въ свой чередъ осматриваясь по серединѣ комнаты, молча и вопросительно глядѣлъ на нежданнаго гостя.

Это былъ мужчина лѣтъ двадцати семи, длиннаго роста жидкой комплекси, къ которому какъ нельзя болѣе подошло бы прозвище „дылды“. Онъ былъ смуглый и сильно брונетъ, съ очень низкимъ лбомъ и коротко остриженными волосами, которые торчали на головѣ его какъ жесткая щетка въ круто сведенныхъ густыхъ бровяхъ его присутствовало характерное выраженіе неуклонности и упорства, но сѣрыя глаза уставлялись изъ-подъ этихъ бровей какъ-то тупо и неподвижно, напоминая своимъ выраженіемъ взглядъ сонныя окуны. Одѣтъ онъ былъ тоже довольно оригинально: на немъ красовалась малороссійская сорочка съ узорчато вышитымъ воротникомъ и лапучкой, сорочка эта залускалась въ широкія наковья шаровары, которые тоже были залущены въ красивые сафьянные чоботы не то малороссійскаго, не то бухарскаго покроя. Малороссійскій широкій поясъ, гдѣ перемѣшались красный и зеленый цвѣта, стягивалъ его талию, и обѣихъ боковъ спускался къ колѣнамъ своими длинными концами. Не доставало только бараньей шапки чтобы съ часъ же поставить этого господина въ „живыя картины“.

образъ „ларубка“ на какомъ-нибудь спектаклѣ любителей.

Хвалынцеву было очень не ловко стоять подѣ упрямно-неподвижнымъ взглядомъ неизвѣстнаго субъекта, и потому, чтобы прервать такое положеніе, онъ рѣшился еще разъ заявить то ему нужно видѣть поручика Паляницю.

— Я Паляница, глухимъ груднымъ голосомъ отвѣтилъ на его слова, все-таки продолжая глядѣть на него своимъ рыбьимъ взглядомъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте....

И порывшись въ бумажникъ, Константинъ отыскалъ тамъ желтый клочокъ бумажки, данный ему Бѣгуншемъ еще въ Петербургѣ наканунѣ отъѣзда въ Варшаву, съ наставленіемъ предъявить его по пріѣздѣ поручику Паляницѣ, какъ представителю Варшавскаго отдѣла „Земли и Воли“.

Этотъ клочокъ, оторванный съ одной стороны зигзагами и включавшій въ себя недоковченнаго слово: *заслужено*—долженствую служить Хвалынцеву его нравственнымъ аттестатомъ, такъ какъ другая половина бумажки, пересланная своевременно „Петербургскимъ Центромъ“ къ Паляницѣ, заключала въ своихъ фразы ту степень довѣрія которую предсѣдатель долженъ оказать новому члену „Отдѣла Земли и Воли“, а сѣтка зигзага служила для него гарантіей что предсѣдатель первой половины бумажки есть дѣйствительно то самое лицо которое аккредитовано „Петербургскимъ Центромъ“.

Константинъ молча подалъ этотъ клочокъ Паляницѣ.

— Сейчасъ. Подождите тутъ, взявъ бумажку, буркнулъ ему Хвалынецъ и, мѣшковато повернувшись, вышелъ въ другую комнату, причемъ не забывъ плотно затворить за собою двери.

Оставшись одинъ, Хвалынецъ принялся разглядывать комнату. На стѣнѣ висѣли портреты Шевченки и философа Скопцова, да еще старинный малороссійскій торбанъ, наполовину съ оборванными струнами, и этимъ ограничивалось все убранство по эстетической части; на окнахъ—зѣла отъ палатки, на столѣ—лапиросныя гильзы, вата и разсыланный табакъ. Тутъ же лежало нѣсколько книжекъ, на заглавіе которыхъ Константинъ не преминулъ обратить вниманіе. То были: *Кобзарь Шевченка*, либретто *Наташки-Полтавки* и *Москва Чарынича*, да два или три разрозненныя нумера *Основы*.

Прошло минутъ около пяти, прежде чѣмъ Паляница олять вернулася въ комнату, неся въ рукѣ два клочка бумажки.

— Вашъ номеръ? спросилъ онъ Константина.

— Онъ у меня записавъ.... Кажется что 7.342.

— Такъ точно, подтвердилъ Палавица:—вы не ошиблись; действительно, вы записаны подъ этимъ номеромъ.

И онъ показалъ ему оба клочка бумажки, сложивъ ихъ зигзагу разрыва, такъ что Хвалынцевъ могъ теперь свободно прочесть всю фразу: „*zasłużuje na pełne dozwolenie № 7.342 B. O. P. Ob. 3 i B.*“ * Сбоку была приложена по-прежнему: пресса синяя печать, гдѣ изображены двѣ рукижимающія одна другую, а вокругъ ихъ кольцомъ шла надпись: „*Wolna Kówność, Niepodległość. Wydział Petersburgski.*“

— Отчего такъ долго не являлись? спросилъ Палавица съ имъ отрывистымъ тономъ, не выговаривая, а скорѣе какъ-то глухо бурча слова сквозь зубы.

— Не могъ равьше, пожалъ плечами Хвалынцевъ.

— Что жь такъ? Могъ знать причины?

— Да такъ, разные.... служба, то, да се, не оглядѣлся пока мало ли что!

— Это не резонъ. Должны были тотчасъ явиться.

Хвалынцеву не понравился такой рѣзкій тонъ, напоминавшій нѣчто въ родѣ начальническаго выговора, поэтому онъ рѣшился отбросить въ сторону всякую уклончивость и объявилъ на прямой что коли, молъ, вы такъ уже хотите знать то я скажу вамъ прямо что сомнѣнія одолевали, вѣры не было въ дѣло, потому и не шелъ.

— Отчего же вѣры не было? спросилъ Палавица. — Страшно: не было вѣры, а тутъ прописано что заслуживаетъ полного довѣрія,—какъ же такъ?

— А очень просто, усмихнулся Хвалынцевъ:—въ Петербургѣ многое казалось такъ, а здѣсь на дѣлѣ показалось иначе.

— Гм.... Отъ этого и сомнѣнія?

— Разумѣется.

— Гм.... А теперь вѣра есть?

— Стало-быть есть, ежели я къ вамъ являлся.

— Откуда же вѣра вдругъ взялась?

— Ну, на этотъ вопросъ отвѣчать вамъ довольно трудно такъ какъ тутъ дѣло начинается уже касаться для меня довольно тонкихъ психическихъ сторонъ, возразилъ ему Х

* То есть Варшавскій Отдѣлъ Русскаго Общества Земли и Воли

выпить.—Да и при томъ,—продолжалъ онъ,—разъ что я здѣсь, у насъ, то это одно уже, кажется, можетъ служить доказательствомъ моей готовности къ дѣлу. А впрочемъ, если вы во мнѣ сомнѣваетесь, или я вамъ не нуженъ болѣе, то честь вамъ кланяться.

Онъ направился къ прихожей.

—Постойте, постойте! куда же вы? торопливо остановилъ его въ догонку Палашица.—Останьтесь, пожалуйста!... Такъ льдъ вельз!... Развѣ я сказалъ что сомнѣваюсь, или что не знаю?... Я этого не сказалъ!... Вы напрасно обидѣлись. Я хотѣлъ только сказать что долго ждалъ васъ, много времени даромъ потеряно, безъ пользы для дѣла—вотъ что хотѣлъ да не то что вы думаете... Я радъ, очень радъ познакомиться... будемте какъ товарища.

И онъ быстро протянулъ свою руку, не то что пожалъ, а скорее какъ-то рѣзко дернулъ книзу и давнулъ руку Хвалынцева.

—Ну, вотъ и прекрасно... Садитесь. Прошу... Вы что пьете? водку или вино?

—Что саучитса... Впрочемъ, благодарю васъ, теперь я не хочу ни того ни другаго.

—Ну, какъ знаете... А то можно послать? а?... Вы безъ церемоніи! Я самъ ничего не пью... никогда. Но товарищи приходятъ, тѣ пьютъ. Такъ какъ же? Послать что ли?

Хвалынецъ еще разъ поблагодарилъ и отказался.

—Впрочемъ, теперь мудрено бы и послать, продолжалъ Палашица:—потому девчицкъ пьянъ, какъ стелька. Видѣли? лежатъ тамъ... со вчерашняго дня лежатъ... Идіотъ совсѣмъ. Забывательный идіотъ! Да!... Я нарочно взялъ такого.

—Для чего же? вѣдь это очень неудобно, отозвался Хвалынецъ.

—Напротивъ. Самое удобное! Умный понималъ бы все и шортъ его знаетъ, могъ бы выдать или сболтнуть. А тотъ и видитъ да ничего не понимаетъ... Такъ-то лучше! Спокойнѣе!... А вчера какой случай былъ, продолжалъ Палашица.—Вы знаете, почему онъ пьянъ?

—Откуда жь мнѣ! пожалъ Константинъ плечами.

—Я вамъ разкажу. Куріозъ!... Онъ со мною зубъ за зубъ, особенно какъ выпьетъ... Я ему позволяю—зубъ за зубъ-то... позволяю и ничего... мнѣ нравится, и потомъ—привцилъ. Но

вчера я далъ ему въ зубы... Ухъ, какъ! здорово далъ!... онъ, что вы думаете?... а? онъ меня на отманъ да въ грудь кулакомъ!... Ей-Богу!

Хвалынецъ невольно вытаращилъ глаза отъ крайняго измѣненія.

— А?... что? продолжалъ невозмутимый Палавица:—вы и вѣрите?... Повѣрите! Прямо въ грудь... Хорошо что не въ глазъ, фонарь бы подставилъ. Каковы!... а?

— Но какъ же вы его держите еще? воскликнулъ Хвалынецъ, почти не вѣря ушамъ и не зная что заключить изъ спокойному тону разказа: вретъ ли человекъ на смѣхъ, и правду говорить.

— А что жь бы, по вашему? возразилъ Палавица.—По моему прекрасно!... Я послѣ этого на шею ему кинулся... объятія принялъ... разцѣловался... Да!... И далъ рубль на волю... Поощрять надо! Вотъ онъ и пьянствуетъ.

Хвалынецъ ничего не возразилъ болѣе, но безпокойный пыливый взглядъ его, пробѣгавшій по лицу и по всей дикой фигурѣ Палавицы, ясно выражалъ сомнѣнiе, ужь не смятеннѣй ли полно предъ нимъ?

— Да; я радъ за него, говорилъ межъ тѣмъ Палавица, радъ въ его лицѣ за русскаго солдата!... Онъ хоть идиотъ дельщикъ-то, но я тѣмъ болѣе радъ, потому это показываетъ что въ немъ сознание проснулось... Понимаете, принципъ!... нарочно далъ на водку, для того чтобы въ кабакъ пошелъ въ кабакъ съ пьянкой, поди-ка, навѣрное товарищамъ сболтулъ, а тѣ себѣ на умъ, да другимъ шептали, а въ результатъ понимаете что? Сознание что не все же начальство на по зубамъ, а можемъ и мы начальство въ зубы!.. Такъ ли?..

— Пожалуй и такъ, согласился Хвалынецъ,—но только что жь изъ этого выйдетъ, если дѣло пойдетъ такимъ образомъ?

— А! Это-то намъ и нужно!... „Что выйдетъ?“ Выйдетъ что дисциплина фю-итъ! Не станутъ уважать начальство, съпать не станутъ, не пойдутъ драться противъ Поляковъ! Начальство будетъ безсильно и... ничего съ ними не подѣлаетъ. А за тѣмъ они за Поляковъ пойдутъ... освободиться и могутъ... Вотъ что!

— Это почему же вы думаете?

— Потому что сознание усвоятъ... сознание правъ каждая человекъ на свободу... Мой постулокъ въ этомъ случаѣ ес-

самоотверженіе... высшее самоотверженіе... во имя идеи... Да-съ!.. Я такъ и понимаю!.. Пусть каждый офицеръ поступитъ такъ же, и мы живо тиранію сваляемъ!.. Свобода воцарится!.. Да!

— Хорошо-съ, но кто же поведетъ ихъ за Поляковъ, и по-чему опять-таки вы такъ увѣрены что солдаты пойдутъ за нихъ? спросилъ Хвалынецъ, котораго заинтересовала ходъ логики куріознаго субъекта.

— Кто поведетъ? мы!.. съ увѣренностью промолвилъ Палавица, мы и сами же Поляки!.. Вотъ кто! А пойдутъ во имя идеи.. А кто за идею не поидетъ, тотъ за водку поидетъ, деньгами купимъ!.. У Поляковъ есть деньги.. Много денегъ! Вся европейскую дипломатію купимъ, вотъ что!

— Да гдѣ по вашей системѣ дисциплина-то—фю-ить!

— Ну, фю-ить!.. Такъ что же?

— Какимъ же образомъ послѣ этого вы будете вести ихъ въ дѣло и заставите себѣ повиноваться?

— А!.. мы, это совсѣмъ особъ статья!.. Намъ надо подорвать дисциплину только въ русскомъ войскѣ.. поймите это... А тамъ мы ее снова возстановимъ!

— Какими же судьбами?

— Очень просто-съ... Во первыхъ, развитіемъ гражданскаго юга... ну, и мужества... социальныя идеи тоже... а вторыхъ, терроромъ... Гдѣ идея не поможетъ, тамъ казнить, разстрѣливать... Въшать будемъ... нѣсколько жертвъ, и конечно... сразу нагонимъ, и дисциплина возстановится... сама собою!

— А если начальство предупредитъ васъ подобными мѣ-нами? да если вы же первый и заплатите своею го-ловой?

— Помилуйте, гдѣ ему! махнулъ рукой Палавица, — не до-гадается!.. А если и догадается, такъ что же?... Пусть!.. [радъ буду... съ удовольствіемъ!.. Я съумѣю умереть... мной примѣръ собою покажу... прочимъ... Последователи идутъ... Исторія, Герценъ свое слово скажетъ, развѣ этого мало?... Для этого можно умереть!.. Смерть что, лустаки! Тфу! только!.. Что человекъ, что лавокъ, въ сущности, развѣ в одно и то же?... Одно! Ей-Богу одно!

„Тфу, ты! какой непроходимый сумбуръ, однако!“ съ жа-остью и досадою подумалось Хвалынецу.— „Очевидно, у че-ловѣка зайчикъ какой-то въ головѣ бѣгаетъ.“

— Скажите, пожалуйста, гдѣ вы воспитывались? безъ даль-

нихъ околичностей спросилъ овъ Палавицу, вовсе не прии-
мая въ соображеніе насколько такой вопросъ можетъ пок-
заться тому умѣственнымъ и пристойнымъ.

— Въ кадетскомъ корлузѣ, безъ записки буркнулъ да-
вый офицеръ.

„То-то ты и выглядишь такимъ закаломъ-кадетомъ!“ по-
маля про себя Хвалынецъ.

— Впрочемъ я остался очень недоволенъ корлузнымъ об-
щаніемъ, полюбилъ Палавица, — и потому уже на службѣ
старался самъ доразвить себя... Нарочно въ Лондонъ ѣздилъ.
Съ Герцегомъ познакомился... Обѣдалъ у него... Впроче
Бакуиня мнѣ больше нравится... Радикальнѣе, знаете,
того... глубже понимаетъ... настоящую суть... ея корень!...
Видимъ мы больше сошлись... Впрочемъ, знаете, у меня всегда
то-есть съ дѣтства еще страсть къ механикѣ была... все
тѣмъ технологомъ сдѣлаться, но... не удалось!... И самоучка
И теперь вотъ... тоже все... машинки разные дѣлаю...
обрѣтаю...

— Какого же рода машинки? спросилъ Хвалынецъ.

— Радикальнѣе... То-есть, знаете... больше все въ револю-
ціонномъ смыслѣ и духѣ. Самыя радикальныя!

Константинъ слова выпучилъ глаза отъ изумленія.

— Чтò вы на меня такъ уставились? невозмутимо и се-
озво спросилъ Палавица.

— Какъ это „радикальнѣе?“... Объясните пожалуйста, я
понимаю, попросилъ Хвалынецъ.

— Очень просто... Я вамъ могу показать модельки... Во-
какъ есть, все, самъ, своими руками дѣлалъ... собственны-
ми!... И самъ изобрѣталъ... самоучкой!... Да вотъ, коли инте-
суетесь, пожалуйста въ эту комнату!... Прощу!

И овъ отворилъ дверь въ смежную комнату, гдѣ помѣща-
лся его кабинетъ и спальня.

Эта маленькая горница сдѣлала на Хвалынцевъ еще бол-
странное впечатлѣніе, такъ что въ немъ окончательно утвер-
дилась мысль будто въ головѣ поручика далеко не все об-
ить благополучно.

Стѣны этой комнаты были выкрашены черною крас-
кой, потолокъ и полъ тоже, а карнизы, углы и ободы
вокругъ двери и окна обведены бѣлыми каемками. Все
поражало глазъ чѣмъ-то траурнымъ, погребальнымъ, и
мрачное впечатлѣніе усиливалось еще тѣмъ что по стѣна-

стѣны были намазаны бѣлою краскою „Адамовы головы“ со сфренчальными костями. У одной изъ стѣнъ стояла желѣзная кровать, покрытая чернымъ солдатскимъ сукномъ, окаймленнымъ бѣлою полотняною полоской; наволочки на подушкахъ были тоже черныя кашемировыя. Съ двухъ сторонъ надъ кроватью, на боковой стѣнѣ и въ головахъ, нарисованы большіе бѣлые кресты, какіе обыкновенно нашиваются на траурныя аялаохъ и престоликахъ. На стѣнахъ развѣшана странная коллекція, а именно: три человѣческихъ, нѣскольکو собачьихъ, кошачьихъ, конскихъ и бычачьихъ череповъ, челюсти, ребра, рога и разныя кости. Двѣ, три гравюры изображали сцены изъ испанской инквизиціи: на одной сжиганіе на кострѣ, на другой пытка на дыбѣ, на третьей что-то еще болѣе скверное. Словомъ, ничто въ этой странной комнатѣ не исключало офицера; вся обстановка служила явнымъ изображеніемъ мономаніи ея обитателя.

Хвамыцевъ былъ настолько пораженъ что съ вскрывающимъ изумленіемъ оглядывалъ и стѣны, и хозяина.

— Все самъ устраивалъ по секрету... на свои деньги, своими руками.... и по своему вкусу! похвалился предъ нимъ Паляница.— Сюда я никого не пускаю, кромѣ идиота и.... самыхъ близкихъ людей.... Но.... вы, свой.... про васъ писано что заслуживаете довѣрія, поэтому вамъ тоже можно.... вы, конечно, какъ товарищъ.... понимаете?... Коль скоро велѣно полное довѣріе, я не скрываюсь.... Вы не шлювъ?... Вѣдь нѣтъ? Не шлювъ?... а?... Посмотрите, я вамъ покажу мои модельки.... Прехорошенькія вещицы!... Какъ вамъ понравится?..

И онъ сѣлъ со стола простыню, покрывавшую какія-то вещи.

Хвамыцевъ увидалъ, дѣйствительно, „прехорошенькія“, то есть очень покусно и щеголевато сдѣланныя, но престранныя шрушки.

— Что же это такое? недоумѣло спросилъ онъ изобрѣтателя.

— Это вотъ, напрымѣръ, началъ Паляница, взявъ въ руки одну вещьцу,—это усовершенствованная гильботина. Обратите вниманіе, какъ быстро и спокойно опускается рѣзакъ!... а? и на малѣйшаго звука—тихо, плавно!... Если эта отрубить голову, то гораздо лучше чѣмъ вымѣшаніа.... гораздо гуманнѣе.... Кабы во Франціи, то привилегію дали бы.... а? Какъ вы

думаете?... А это вотъ вистѣлица... и тоже усовершенствованная, продолжалъ Палавица, показывая другую модель.

Но Хвалынцеву стало противно разсматривать дальнѣйшіе продукты изобрѣтательности механика-самоучки, и потому онъ послѣдшилъ обратиться къ нему съ вопросомъ дѣловаго свойства.

— Объясните, пожалуйста, сказалъ онъ, — въ чемъ будутъ заключаться мои обязанности по „комитету“ и какого рода работа для меня предполагается?

Этотъ вопросъ видимо затруднилъ Палавицу.

— То-есть, какъ вамъ сказать! пожаалъ онъ плечами, — пока еще никакой особой работы.... Я пока и самъ не знаю... во... подумаемъ.... Тамъ, въ посаѣдствіи, увидимъ.... А обязанности.... Какія же обязанности? Повиноваться, конечно, дѣлать чтѣ укажутъ, обсуждать предметы разные, если потребуется. Ну, вотъ и все пока!

— Позвольте, однако, возразилъ Хвалынецвъ, — въ такомъ случаѣ, чтѣ же такое этотъ „Варшавскій Отдѣлъ Земли и Воли“? Мистификація что-ли?

Палавица даже обидѣлся нѣсколько.

— Какъ мистификація!... Почему вы такъ заключаете?

— По вашимъ же собственнымъ словамъ. Откровенно говоря, я, идучи къ вамъ, воображалъ себѣ нѣчто гораздо болѣе серьезное, а тутъ вдругъ оказывается что у васъ и дѣлать-то нечего!

— Хи.... Какой вы приткій!... Погодите, дѣло найдется... всему свой чередъ.... дѣло будетъ, не безпокойтесь. Когда придетъ время, скажу. Ну, а пока приходите ко мнѣ почаще.... познакоимтесь, потолкуемъ, у меня вы кое-кого встрѣтите. Приходите сегодня вечеромъ.... а? Придете? да?

Хвалынецвъ далъ обѣщаніе и послѣдшилъ проститься съ Палавицей.

Смутное и тяжелое впечатлѣніе вынесъ онъ въ душѣ послѣ этого визита. „Гдѣ же эта русская революція? Гдѣ ея сила, если представителемъ ея является вдругъ какой-то полупомѣшанный кадетъ, который и самъ не знаетъ чтѣ нужно дѣлать?... Неужели они всѣ такіе же, какъ этотъ маньякъ?“ думалось ему. „Если такъ, то хорошая компанія, нечего сказать! И чтѣ я стану съ вами дѣлать?“

Но онъ постарался убаюкать себя мыслію что не слѣдуетъ

иниматься первому впечатлѣнію, что надо напередъ осмолиться, освоиться съ новымъ дѣломъ, ознакомиться ближе съ людьми, и тогда... тогда, смотря по обстоятельствамъ, либо самому стать головой и принять все дѣло въ свои руки, либо идти за другими, если только въ этомъ будетъ хоть какой-нибудь серьезный смыслъ и польза. „А если ни того, ни другого?“ все-таки вставалъ въ головѣ назойливый, скептический вопросъ. Но могучимъ и всепокоряющимъ отвѣтомъ на него явился образъ Цезарина и яркое, живое, обаятельное воспоминаніе о вчерашнемъ свиданіи съ нею въ темномъ саду, о ихъ общаніи, о словѣ взятомъ ею... И тутъ уже въ горячей мысли Хвалынцева всѣ расудочныя соображенія, всѣ сомнѣнія разлетались какъ дымъ; тутъ же въ его душѣ возникалъ грандіозный рой блестящихъ, радужныхъ надеждъ, порождаемыхъ сильною страстью, центромъ которыхъ была она—Цезарина, и все чувство, всѣ помыслы стремились только къ тому чтобы любить наконецъ ея полной любовью, хотя бы въ расплату пришлось отдать и честь, и голову.

XV. „Варшавскій отдѣлъ Земли и Воли“.

Вечеромъ онъ снова пріѣхалъ къ Палаицицѣ и засталъ уже тамъ двухъ, трехъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ, коротенькій человечекъ, съ одутаватымъ и лоснящимся отъ поту лицомъ, былъ однополчаниномъ Палаицицы. Лицо его, не выражая ровню ничего, служило вывѣской полнѣйшаго внутренняго ничтожества. Онъ вообще говорилъ мало, а больше все стлужался, ищаосердо пыхталъ лалироской и налегалъ преимущественно на бутылки стоявшаго предъ нимъ пива. Это былъ поручикъ Евгеній Добровольскій, выдававшій себя, смотря по обстоятельствамъ, то за Поляка, то за Малороса, хотя въ акцентѣ его явно сказывалось никакъ не малорусское, а чисто польское происхожденіе. Другой офицеръ, капитанъ Велертъ, въ растегнутомъ сюртукѣ, съ ученымъ кавтомъ, то и дѣло принималъ изломанно ребрежыя позы, закидывался въ кресло, задиравъ ногу на ногу, и все это ломанье лопинутно сопровождалъ зѣвотой и какою-то кислую, брюзгливою миной,

которая не сходила съ его болѣзненно-блѣднаго, желчнаго и апатично утомленнаго лица. Эта мина сплалась изобразить презрѣніе къ кому-то и чему-то, дескать: все мнѣ надоѣло, потому что всѣ на свѣтѣ, кромѣ меня, дураки ужасные, лошадки непроходимые, одинъ я только и умный, и ученый, и честный. Онъ, очевидно, игралъ здѣсь роль оракула и, обладая способностью безъ умолку трещать съ авторитетною наглостью о чемъ угодно и сколько угодно, сылая при этомъ именами и мудреными словечками, приковывалъ къ себѣ подобострастное вниманіе остальныхъ членовъ кружка. Третій собесѣдникъ—саперный прапорщикъ Нарцисъ Кошкадамовъ, походилъ болѣе на семинариста въ военномъ платьѣ, чѣмъ на дѣйствительнаго офицера. На его небритомъ лицѣ болѣе всего выдались въ глаза выдающіяся скулы и острый подбородокъ. Выраженія глазъ нельзя было видѣть, потому что взглядъ ихъ прикрывался синими стеклами очковъ. Онъ то и дѣло пощипывалъ у себя волосики жиденькихъ усиковъ и все старался придать своей улыбкѣ проницающую язвительность. Говорилъ мало, безусловно соглашаясь во всемъ съ капитаномъ Велертомъ и видимо работая какъ вторичный сеидъ предъ его особой. Можно было сразу же замѣтить что Велертъ — идеалъ для Нарциса Кошкадамова, что Нарцисъ смотритъ его глазами, мыслитъ его умомъ, чувствуетъ его сердцемъ и неудачно стремится во всемъ подражать брюзгливому капитану. Его жидкіе и масляные волосы каштановаго цвѣта висли въ мелкія колечки и были неопрятно и неприлично длинны, вслѣдствіе чего узенькій воротникъ его сюртука былъ сильно заласненъ, несмотря на то что голова Нарциса сидѣла на длинной и какъ бы гусиной шеѣ. Эта голова то и дѣло упражнялась въ гимнастикѣ поддакивающихъ кивковъ, чуть только капитанъ Велертъ раскрывалъ ротъ чтобы изречь какую-нибудь „великую истину“. Во всемъ его складѣ, въ покроѣ сюртука и во всей неопрятной наружности, сказывался тотъ неприличный „шикъ“ которымъ по преимуществу любятъ отличатся писаря, фельдшера и инженерные кондукторы семинарско-нигилистическаго пошиба.

Нельзя сказать чтобы вся эта компанія произвела на Хвалынцева впечатлѣніе благопріятнаго свойства; къ капитану же Велерту онъ съ первой минуты почувствовалъ какую-то безотчетную антипатію, нѣчто отталкивающее. Въ особенности

это претенциозное ломанье и эта кисло-брюзгливая улыбка больше ужь стали ему противны.

Хотя Хвалыцаеву и не выказали сухости или недовѣрія, но встрѣтили его совершенно равнодушно. Онъ засталъ все общество за чтеніемъ. Паляница, въ своемъ квазі-малорусскомъ костюмѣ, сидѣлъ на диванѣ, поджавъ подъ себя ноги, и вслухъ читалъ своимъ гостямъ листокъ Герценовскаго Колокола, нѣсколько нумеровъ котораго было разбросано на столѣ.

— Свѣженькіе получили! Садитесь и слушайте! пригласилъ онъ Хвалыцаева, отрекомендовавъ его предварительно по чину и фамиліи всѣмъ собесѣдникамъ.— Господа! вниманіе! прибавилъ онъ всадъ за тѣмъ возвысивъ голосъ.— Отвѣтъ на извѣстное вамъ письмо.... Слушайте!

И началъ читать:

„Мы получили на дняхъ письмо изъ Польши отъ одного русскаго офицера, писанное отъ имени нѣсколькихъ товарищей его. Много тяжелыхъ минутъ, много устали и горя стираютъ такіа строки. Если больше будетъ такихъ офицеровъ, они легко очистятъ русское оружіе отъ ржавчины которой его покрыла залекшаяся на немъ польская и крестьянская кровь. Вотъ что онъ пишетъ между прочимъ: „Едва Поляки замѣтили наши слабыя усилія сблизиться съ ними и смыть позорное пятно лежащее на насъ, какъ братски подали намъ руку; имъ обязаны мы тѣмъ что получаемъ Колоколъ, имъ, что можетъ переслать это письмо. Къ сожалѣнію, они имѣютъ много правъ недовѣрять намъ, потому что офицеры часто принимаютъ на себя роль шпионовъ“... (Слѣдуетъ небольшая перечень шпионствующихъ офицеровъ, состоящихъ при Варшавскомъ ордонансъ-гаузѣ. Мы просимъ корреспондента еще разъ провѣрить имена, и тогда мы охотно ихъ отпечатаемъ, въ поощреніе другимъ).“

— Надо провѣрить, замѣтилъ кислый Велертъ.

— Непремѣнно надо! непремѣнно! тотчасъ же подхватилъ сеиствующій Кошкадамовъ.

— Да ужь не бойтесь: вѣрно! И провѣрять нечего! порѣшилъ Паляница,—надо написать чтобы поскорѣе пропечатавъ, не сомѣваясь.

— А у васъ въ слискѣ есть такой-то? (Кошкадамовъ назвалъ фамилію одного плацъ-адъютанта).

— Нѣтъ, этого не помѣстили.

— Почему такъ?

— Мн... да о немъ не слыжать ничего такого.

— Это ровно ничего не значить, а онъ все-таки свиная! Представьте себѣ, какъ-то разъ въ театрѣ подходитъ ко мнѣ и вдругъ дѣлаетъ замѣчаніе что у меня волосы черезъ-чуръ длинны, что комендантъ замѣтилъ де и послалъ его напомнить мнѣ о парикмахерѣ. Каково-съ!?

— Ну, это еще не есть доказательство шпіонства, рѣшима скромно замѣтить Хвалынцевъ.

— Какъ кому-съ! фертомъ повернулся къ нему пралорчикъ, не совсѣмъ-то довольный мнѣніемъ Константина,—а по-моему уже одинъ этотъ оранжевый воротникъ есть патентъ на шпіонство! И при томъ, господа, надо было слышать томъ которымъ онъ позволялъ себѣ передавать замѣчаніе.... Знаете, эдакая сухая полицейская вѣжливость.... Я, конечно, промолчалъ, потому что не стоить же чортъ знаетъ съ кѣмъ затѣвать исторію и подвергаться неприяностямъ, но тѣмъ не мене этого господина непремѣнно слѣдуетъ ввести въ списокъ и пропечатать! Непремѣнно!

— Ну, ну, не горячься! внесу, внесу,—будь покоенъ! убилъ Нарциса Палайница.

— Мое мнѣніе, вовсе не слѣдуетъ имена печатать, замѣтилъ коротышъ Добровольскій, пружась и созерцая свой стаканъ лива,—ибо этимъ мы для нихъ только одолженъе сдѣлаемъ, потому что начальство за это ихъ же скорѣе на повышение и къ наградамъ представить.

— Совершенно осковательно! согласился Ведертъ. Физиономія Нарциса вытянулась въ недовольную мину, а шея, кажись, стала еще длиннѣе, но, какъ вѣрный сеидъ, онъ не посмѣлъ ни единымъ словомъ поперечить своему повелителю и, съ прискорбіемъ въ душѣ, долженъ былъ отказаться отъ сладкой надежды насолить посредствомъ *Колокола* лично для него неприятому офицеру.

— И то правда! Значить написать чтобы не печаталъ вовсе, порѣшилъ Палайница, и снова взялся за *Колоколъ*:

„Мы думаемъ что съ нашей стороны необходима искупительная жертва“, продолжалъ онъ чтеніе,—„мы готовы на нее, и только ждемъ случая принести ее съ возможно большою пользой“.

— А теперь, господа, слушайте слова самого Герцена!—И Палайница не безъ торжественности и даже съ декламацией прочелъ возвышеннымъ голосомъ слѣдующее:

„Съ этимъ сознаніемъ прошлаго грѣха, съ этой готовностью

пять жертвой искупленія, съ этимъ смиреніемъ, можно надѣ-
ять чудеса! Вашу руку, будущіе герои, будущіе мученики,
будущіе воины русскаго земства!“ *

— Ура! эгозливо сорвался съ мѣста Кошкадамовъ, желая
образить „неподдѣльный“ восторгъ и увлеченіе.

— Вы локимаете.... какъ много значить.... это слово, господа!
растроганнымъ и взволнованнымъ голосомъ заговорилъ Пала-
ница:—Да!... это слово.... вѣдь это.... это благословеніе, госпо-
да! Шутка сказать.. Герцень... и вдругъ такое пріятствіе...
Этотъ гордиться надо, господа!...

— Ничего себѣ, статейка бойкая! процѣдилъ сквозь зубы
Велерть, небрежно покачиваясь въ креслѣ.

— Нѣтъ! не говорите такъ! Не кощунствуйте! возопилъ на
него Палавица даже съ какимъ-то глухимъ завываньемъ въ
голосѣ,—вѣра нужна, господа!... вѣра и увлеченіе!

— Да что онъ вамъ дался? Пала римскій что ли?!

— Да! пала!... больше чѣмъ пала!—Монархъ русской рево-
люціи! вотъ кто!... Я только и свѣтъ узналъ какъ его
умѣлъ! Прозрѣлъ!... А безъ него что я? Прохвость былъ и
только! Я душу за него отдамъ!—стукнулъ себя въ грудь ку-
лакомъ Палавица,—и при мѣѣ... никому не позволю... никому!
Никто не смѣетъ!... Да!

— Послушайте, поручикъ, гнѣвно заговорилъ Велерть,—вы,
какъ извѣстный матросъ, умираете за генерала Джаксона. Я
Герцена уважаю не менѣе васъ, но мнѣ кажется что вѣра и
рѣшимость на дѣло должны составлять продуктъ нашего соб-
ственного мышленія и чувства; мы ближе видимъ, ближе чув-
ствуемъ и понимаемъ дѣло чѣмъ онъ „съ того берега“, и намъ
вовсе не нужно никакихъ санкціонированій; мы и безъ нихъ
пойдемъ себѣ сами! А вы его рядите въ роль какого-то бань-
щика и хотите чтобъ онъ вамъ поддавалъ лару вѣры и увле-
ченія.

— Велерть!... Молчите! завопалъ поблѣднѣвшій Палавица,
нервно потрясая опущенными кулаками,—молчите, капитанъ!...
Я хорошо понимаю васъ... У васъ вездѣ только свое Я на
первомъ планѣ... Вы слишкомъ самолюбивы.... Вамъ кажется
это правительство не достаточно васъ оцѣнило... поэтому вы
и вы на правительство... только поэтому!... Поэтому вы и съ
нами... Вы разчитываете что здѣсь скорѣе добудете себѣ из-
вѣстность и славу... Вотъ почему вы тутъ, а не по призванію!

* Калыкаль, 1862 года, № 185.

Слова Паляницы, повидимому, попали въ самую чувствительную жилку. Велерть закусилъ губу и вставъ съ видомъ оскорбленнаго человѣка который на дерзость платитъ презрѣніемъ, взявъ свою кепи и удалился, отдавъ общій поклонъ но не протянувъ руки хозяину.

Заметавшійся Нарцисъ Кошкадамовъ послѣдовалъ за своимъ идоломъ.

— И лучше!.. Провалитесь къ чорту! буркнулъ во слѣдъ имъ Паляница.— Вотъ такъ-то и все у насъ! Чуть сойдемся, лоругаемся!... Никакого единства! обратясь къ Хвалынцевъ примолвилъ онъ какъ бы въ назиданіе.— А впрочемъ, чортъ съ ними!... Кума съ возу—куму легче!

— Теперь они свой особенный „Отдѣлъ“ зачнутъ основывать, насмѣшливо замѣтилъ Добровольскій.

— Ну и пусть!... Надо будетъ писать къ Герцену... Ошел муемъ такъ что никто вѣры не дастъ... Пусть тогда основываются!

— Это хорошо! согласился коротышъ,— а все жъ когда пишут то надо какъ наискорѣе, а то они и сами могутъ написать предупредить могутъ.

— Не боюсь! съ признаніемъ собственного достоинства заявилъ Паляница,— не боюсь!... Онъ знаетъ кто я, и мнѣ больше повѣрять... Можно сообщить въ формѣ протокола... и печатать.

Этой быстро разыгравшейся сцены и послѣдующаго разговора было совершенно достаточно чтобы Хвалынцевъ понялъ что тутъ, въ этомъ крохотномъ кружкѣ, въ этомъ громкомъ „Отдѣлѣ Земли и Воли“, царствуетъ самая развращенная мелкая интрига, основанная на личныхъ болѣзненныхъ симпатіяхъ. Онъ однако имѣлъ терпѣнье досидѣть до конца и чера, въ разчетъ что не все же будутъ одни только чтенія, разговоры, что коснется же наконецъ Паляница и самой сути ихъ „общаго“ дѣла, но увы! ожиданіе это было вовсе основательно. Поручикъ, поуслокоившись, слова привалъ за *Колоколъ* и громко прочелъ весь номеръ отъ доски до доски. Добровольскій, ни разу не привставъ съ мѣста, все время слушалъ его съ истинно воловьимъ терпѣніемъ, туло и грузивъ свой взглядъ въ донце пивнаго стакана. Хвалынцеву стало наконецъ скучно, такъ что онъ излодтишка раздвѣнулъ скромно зѣвнулъ себя въ руку. Но это не укрылось о

зоркаго Паляницы. Приостановивъ на минуту свое чтеніе онъ заглянулъ ему дружески-внушительнымъ тономъ:

— Нѣтъ, однако, вы слушайте, а не зѣвайте!.. Вы слушайте, говорю, потому что... здѣсь каждое слово—откровеніе... каждая строка—евангеліе!

Но наконецъ была дочитана и послѣдняя строка послѣдняго номера, возвыщавшая что слѣдующій листъ *Колокола* выйдетъ такого-то числа, и Паляница бережно сложилъ и спрятавъ листокъ съ такимъ вздохомъ какъ будто ему сердечно и глубоко жаль что нѣтъ у него еще, еще и еще безконечнаго продолженія этой „духовной пищи“.

Разговоръ шелъ довольно вяло, потому что Паляница былъ вообще не мастеръ на красноречіе, а Добровольскій и тѣмъ болѣе: онъ по большей части отдѣлывался односложными словами, рѣдко выдавливая изъ себя двѣ-три какія-нибудь величавыя фразы, и только все отдавался да обтиралъ потнымъ лобъ надъ своимъ пивомъ. Паляница смялъ со стѣны общипавый торбачъ.

— Давайте я вамъ „пѣсню, чи то думку заспіваю!“ сказалъ онъ.

И усѣвшись въ свою любимую лозу — „по-турецки“ или „по-залорожски“ — поджавъ подъ себя ноги, и подстроивъ инструментъ онъ задумчиво забряничалъ по далеко неполнымъ струнамъ.

„Мовчить море, мовчать горы

Могилы сумують,

А надъ дитьми козацькими

Москали лакують!“

чувствительно пѣлъ или, вѣрнѣе сказать, мылъ Паляница своимъ глухимъ баритоновъ, воображая себя въ эту минуту залорожскимъ казакомъ или бандуристомъ. Хвалынцевъ въ душѣ долженъ былъ сознаться что это „мытье“ вовсе не усладительно и далеко не мелодично.

— Вы Малорось? спросилъ онъ, когда Паляница кончилъ.

— Я? Эгэ! Съ литѣ самого Пирятана! похвалился поручикъ, заговоривъ вдругъ малороссійскимъ жаргономъ:—и батькѣ уси плам'ятвськи та чернаговськи!.. А ось мои бѣги! указавъ онъ на портреты Сквороды и Шевченка.

— И, какъ кажется, вы большой патріотъ марорусскій? спросилъ Константинъ Семеновичъ.

— Я?.. Хиба жь вы не бачите?!.. Плоть одъ плоти и кость

одъ кости!... И костюмъ дома много не ношу какъ только „оцѣй-ось“... А что я вамъ покажу еще! сорвался онъ вдругъ съ мѣста, съ необычайно довольною улыбкой, и бросился къ платяному шкалу. Очевидно, Паляница попалъ на самого любимаго своего ковыля, и потому весь претворился какъ-то изъ суроваго и буркающаго заговорщика въ наивно-благодушаго, раслапывчиваго хохла. Онъ вытащилъ изъ шкала сермажскую свитку съ калтуромъ и широкія чумацкія шаравары, насквозь пропитанныя дегтемъ.

— Ось вамъ! дивитесь-бо! торжественно возгласилъ онъ раслапывая предъ Хвалынцевымъ эти чумацкіе дослѣтки, и объясняя что самъ добылъ ихъ подъ Чигириномъ у чумака Якъ пахнуты!.. а?!... Цююхайтѣ!

И поднеся къ своему носу шаравары, онъ съ истиннымъ наслажденіемъ потянулъ въ себя ихъ дегтярное благовоіе.

Хвалынецъ не могъ удержаться отъ невольной улыбки.

Паляница замѣтилъ и обидился.

— Вы улыбаетесь.. Напрасно!.. Улыбаться нечему! заговорилъ онъ, косясь и морщась, и притомъ сразу взявъ свой обыкновенный буркающій тонъ:— Смѣяться вообще легко-съ... да!... къ сожалѣнію, очень легко-съ... Но надо напередъ почувствовать... проникнуться... Для много это—штаны и только, и для много—святыня.. потому что это народное... это народъ-это труженникъ носить... это запахъ пота и крови труженника!.. Да-съ!.. А смѣяться можно надъ чѣмъ угодно... Смѣхъ нашъ не удивитъ!..

И онъ бережно заперъ въ шкалъ свои чумацкія „святыни“ Хвалынецъ изъ вѣжливости началъ было, впрочемъ довольно умеренно, завѣрять его что онъ, Паляница, ошибается принимая его улыбку въ такую сторону.

— Такъ чему же вы улыбнулись... позвольте допытаться! покосился на него лоручикъ.— Согласитесь, это довольно глупо! Хвалынцеву стало наконецъ досадно.

— Да хотя бы тому что нахожу въ васъ громадное противорѣчіе съ самимъ собою! рѣшился онъ высказаться напрямикъ.— Вы, извините за откровенность, называете себя и лорусскимъ патриотомъ, и въ то же время за Поляковъ герой стоите, всѣмъ войскомъ помогать имъ собираетесь... Какъ это въ васъ одно съ другимъ совмѣщается?

А что жь такое?

— Да вспомните невозможно исторію вашей родины, коли вы ее знаете!

— Помню и знаю-съ!.. Такъ что же?

— А то что будь живъ хотя бы Тарасъ Шевченко, не говоря уже о Гонтахъ и Желѣзнякахъ, такъ вѣдь онъ, поди-ко, и благословилъ бы васъ на такое дѣло.

Памяцца ломуру задумался.

— Хм! сказать онъ наконецъ,—вы, можетъ, полагаете что Тарасъ назвалъ бы меня „не доробленнымъ?“ была у поляка примычка такая... любилъ это слово!.. Хм.. Такъ что ли?

— Пожалуй, вы и не ошибаетесь, согласился Хвामीцевъ.

— Да-съ.. Я не ошибаюсь... Но вы ошибаетесь!.. Я вамъ вѣсело... Полякъ съ Малоросомъ, положимъ, замѣ враги... Но у меня и у Поляка есть общій заѣмный врагъ—правитель-ство! Я помогу Поляку свалить прежде всего этого общаго врага... и ужь потомъ... тамъ мы сами промежь себя разберемся... И Герценъ говорилъ мнѣ то же, когда я въ Лондонѣ былъ. Это его идея... Да-съ!.. И выходитъ все-жь-таки что глѣзнуть нечему!

„Кадеты!.. Непроходимый кадеты!.. И обоимъ-то какаа!“ весело повторилъ Хвामीцевъ, уходя отъ лоручика Паламры.

XVI. Политика и жизнь накануне взрыва.

Межъ тѣмъ пока Хвामीцевъ поглощаемый своею страстью Цезаряиъ жилъ исключительно въ мирѣ своего внутренняго чувства, своей борьбы и страданій, событія міра политическаго и жизни общественной шли своимъ чередомъ и шли къ роковой и грозной развязкѣ. Тайный комитетъ святой справы польской, готовясь къ открытому возмезью съ оружіемъ въ рукахъ, слѣдилъ заручиться сочувствіемъ европейской прессы. Чарторыйскіе и Замойскій давали денегъ на подкулы журналистовъ. Герцену не давали денегъ, но за то Герценъ былъ поддѣтъ на саможобіе и купленъ обманомъ: партія магнатовъ, черезъ посредство своихъ агентовъ, притворявшихся красными демократами, успѣла убѣдить его что будте бы Цен-

тральный Комитетъ до такой степени преисполненъ благоговѣннѣе къ его доктринамъ что объявилъ своимъ принципомъ „право крестьянъ на землю“ и „право всякаго народа располагать своею судьбой“. По этому поводу было даже подтасовано письмо къ нему въ Лондонъ. Герцезъ послѣдшилъ объявить что это письмо „отмѣчаетъ новую эпоху въ великой эпопее польской борьбы за независимость“, потому что начала возстанія такъ широка де, такъ современна и такъ ясно высказаны что мы де „не сомнѣваемся въ глубокомъ дѣятельномъ сочувствіи которое возбуждаютъ ваши слова во всѣхъ Русскихъ“, а потому де „съ радостью передали ваши слова нашимъ соотечественникамъ и благодаря васъ отъ всего сердца за то что вы избрали насъ посредниками вашего общенія съ Русскими, мы не можемъ ничѣмъ достойнѣе отблагодарить васъ, какъ печатая письмо къ русскимъ офицерамъ стоящимъ въ Польшѣ.“ Это письмо издателей *Колокола*, начинавшееся словами: „Друзья и Братья!“ всецѣло старалось убѣдить русскихъ офицеровъ что поддерживать правительство имъ невозможно, „не совершивъ сознательно преступленія или не унижившись до степени бессознательныхъ палачей“ что „время саблагого повиновенія миновало“ и что „дисциплина не обязательна тамъ гдѣ она зоветъ на злодѣйство“.— „Правѣте этой религіи рабства (т.е. дисциплины)“, восклицалъ издатель *Колокола*— „на ней основаны величайшія бѣдствія народовъ! Не подымать оружія противъ Поляковъ заставляетъ васъ совѣсть, уваженіе къ правотѣ ихъ дѣла, къ достоинству челоука и наконецъ уваженіе къ нашему русскому земскому дѣлу“. Они „съ чистой совѣстью, со страхомъ истинно совѣтовали имъ „идти подъ судъ, въ арестантскія роты, бы разстрѣляваемымъ, быть поднятымъ на штыки, но не подымать оружія противъ Поляковъ“; они учили какимъ образомъ слѣдуетъ организовать въ полкахъ тайные кружки съ цѣлю заговора и революціи, какъ „дѣлать пропаганду“ между солдатами и увѣряли что ежели офицеры бросятся съ русскими и польскими солдатами въ Литву и Малороссію, то имъ „кликнутся „Волга и Днѣпръ, Донъ и Уралъ!“ * Герцезъ въ этомъ случаѣ, по отзывамъ самихъ же Поляковъ, игралъ въ ихъ рукахъ „роль лимона, изъ котораго слѣдуетъ выжать самую сладкаю калаи соку, для того чтобы потомъ выбросить его

* *Колоколъ* 1862 № 147.

около Герцена, ничто же сумняшеся, действительно разыграла роль выжатого лимона. Но въ то время слово его значило еще много. Между тѣмъ Центральный Комитетъ въ Варшавѣ, еще гораздо раньше Герценовскаго посланія къ братьямъ и братьямъ“, т.-е. со времени объявленія военнаго положенія, уже самъ по себѣ сталъ заботиться чтобы пріобрѣсти сочувствіе войскъ расположенныхъ въ краѣ, для чего началъ распространять между войсками возмутительныя прокламаціи на русскомъ языкѣ, обращенныя непосредственно къ солдатамъ. Но всѣ эти попытки оказались тщетными: съ одной стороны, солдатъ оставался непоколебимо вѣренъ своему долгу, а съ другой—ненависть и раздраженіе шляхты и офицеровъ, фанатизированныхъ ксендзами, были до такой степени велики что ихъ уже не могли сдерживать никакіе совѣты, утѣшенія и предписанія Центральнаго Комитета: при каждомъ маломальски удобномъ случаѣ, гдѣ можно было разчитывать на безнаказанность, солдатъ и офицеръ постоянно подвергались оскорбленіямъ. А этихъ случаевъ, несмотря на такое положеніе, было-таки достаточно много... Весь результатъ какого успѣха добиться въ этомъ отношеніи члены Центральнаго Комитета заключалась въ томъ лишь что нѣсколько офицеровъ, между которыми на двѣ трети были поляки, увлеклись ихъ комитетскою и Герценовскою пропагандой и поддавались за это жестоко. Поручики: Иванъ Аригальдтъ, Василій Калаивскій, Станиславъ Абрамовичъ, подполковникъ Петръ Слывицкій, унтеръ-офицеръ Францъ Ростковскій и рядовой Леонъ Щуръ сдѣлались жертвами этой пропаганды. Аригальдтъ, Слывицкій и Ростковскій оказались виновными въ распространеніи между своими подчиненными возмутительныхъ сочиненій и вредныхъ идей, имѣвшихъ цѣлью возбудить въ нихъ духъ вѣрности, и въ возбужденіи нижнихъ чинъ къ явному неповиновенію начальству и къ открытому бунту. За эти преступленія Аригальдтъ, Слывицкій и Ростковскій, 16го іюня 1862 года, по конфирмаціи графа Лидерса, были разстрѣляны во рву Новогеоргиевской крѣпости, а остальные сосланы на каторгу или подвержены срочному заключенію въ казематахъ. Герценъ по поводу ихъ смерти разразился слѣдующею іереміадою:

16го іюня 1862 совершилось великое преступленіе... Черный этотъ будетъ памятникъ и вамъ, Поляки, за которыхъ были три русскихъ (?) мученика, а ихъ товарищамъ

которымъ они завѣщали великій примѣръ, и намъ возьмъ, котрымъ они указали—не только какъ это правительство, на бледное прогрессомъ, легко убиваетъ, но какъ проснувшіеся къ сознанію офицеры наши геройски умираютъ!“ *

Колоколъ, не взирая на обличающую явность имени и фамилий, смелаясь убѣдить что преступники какъ эти, такъ другіе, *есть Русскіе*, а потому де „всѣхъ перестрѣлять веловко“ и съ замѣчательною наивностію возвѣщала что „жертва эта была необходима“, такъ какъ „она произвела наилучшее впечатлѣніе на Поляковъ и войско“ **. Въ Повонаковскомъ лагерѣ, подъ Варшавой, была устроена ничтожная демонстраціи Полякъ-офицеръ, поручикъ Готскій-Даниловичъ, въ сообществѣ съ поручиками Зейномъ и Огородниковымъ, обманнымъ образомъ успѣли склонить священника чтобы тотъ отслужилъ панихиду по рабахъ Божіихъ Іоаннѣ, Петрѣ и Θεодорѣ и это-то само по себѣ мизерное обстоятельство дало *Колоколъ* поводъ пышно благовѣстить „о наилучшемъ впечатлѣніи войско“!

Въ отмщеніе за казнь трехъ преступниковъ, Центральнымъ Комитетъ постановилъ казнить вѣсколькихъ Русскихъ и рѣшилъ начать съ исправляющаго должность намѣстника Царства, графа Лидерса, въ качествѣ лица подтвердовавшаго смертный приговоръ. Въ Саксонскомъ саду есть особое отдѣленіе, гдѣ устроенъ ресторанъ и заведеніе минеральныхъ водъ. Лѣтомъ, съ шести часовъ утра, тамъ уже слытъ на скрипцахъ пдохенькій оркестрикъ, прогуливаются Варшавянки какъ лавы, въ лоаномъ туалетѣ, флавируютъ вѣкоторыя „элеганты“, дѣлаютъ свой моціонъ разныя дряхлыя „эмериты“ пыщіе воды, и сидятъ за особыми столиками цѣлыя семейства со чады и домонады являющіяся сюда пить „мѣско“ и утреннюю „каву со сметанкей“. Въ лѣто 1862 года, тутъ же можъ было встрѣчать и генералъ-адъютанта Лидерса, который тже пользовался минеральными водами. 15го (27го) июня, въ 7¹/₂ часовъ утра, неизвѣстный человекъ подошелъ къ графу сзади и почти въ упоръ надравилъ въ него дуло пистолета. Раздався выстрѣлъ прожегшій воротникъ пальто, графъ былъ раненъ. Убійца хладнокровно продулъ пистолетъ, положи его въ карманъ и, посреди гуляющей публики, преспокойно

* *Колоколъ* 1862 № 140.

** *Колоколъ* 1862 года, № 143.

истеричнымъ шагомъ, вышелъ изъ сада чрезъ „цукерню“ на Гривичную улицу. И между всею этою публикой не нашлось человека который бросился бы за убійцей: никто не рывился или не желалъ преслѣдовать, не исключая даже и политическихъ агентовъ. Такимъ образомъ убійца остался нестратымъ, а Колоколъ, возвѣщая объ этомъ происшествіи, писалъ что несмотря на полное его равнодушіе къ тому былъ ли Лидерсъ или нѣтъ, все-таки досадно что его „подавали выстрѣла и реабилитировали до равы“, и распространяли утверженія будто въ Варшавѣ общественное мнѣніе и даже сама полиція приписываютъ выстрѣлъ Русскому, но никакъ не Поляку. * Колоколу не хотѣлось чтобы въ главѣ Европы пятно перваго убійства пало на негодея польскій національности.

Еще до этого выстрѣла, а именно въ концѣ мая мѣсяца, по Варшавѣ пошли слухи что въ Царство назначается новый вѣстникъ. Слухи эти не замедлили оправдаться на дѣлѣ. 10го мая (10го іюня) графъ Лидерсъ, при открытіи засѣданій Государственнаго Совѣта, объявилъ что онъ получилъ отъ Государя Императора телеграмму которая извѣщаетъ о назначеніи Великаго Князя Константина Николаевича вѣстникомъ Царства, а Маркиза Велѣпольскаго начальникомъ гражданскаго управленія.

Маркизь Велѣпольскій, пріѣхавъ въ Варшаву за двѣ съ половиною недѣли до прибытія Великаго Князя, уже въ роли главнаго начальника по гражданскому управленію, то-есть въ роли „премьера“, какъ называли тогда въ Варшавѣ, и на другой же день, 5го (17го) іюня, при приѣмѣ представителей всѣхъ вѣдомственныхъ ему мѣстъ и учрежденій, обратился къ нимъ съ рѣчью изъ которой всѣ ясно увидѣли что политическая программа его заключается въ автономіи строго ограниченной предѣлами Царства. Эти предѣлы удовлетворили всѣхъ вѣдомствъ; большинство же и слышать не хотѣло о какомъ-нибудь „Конгрессуикѣ“: подавай „всю Польшу“, въ прежнее, по крайней мѣрѣ, 1772 года—Польшу „вольную и независимую“, съ сеймомъ, арміей и „флѣтой“. Красная партія пришла „заявить неудовольствіе“ націю въ виду новаго „полюка“—убійствомъ Великаго Князя. Никто Игнатій Хмѣлев-

* Колоколъ, №№ 139 и 143.

скій, сынъ польскаго помѣщика, со своимъ подручнымъ портняжнымъ подмастерьемъ Радовичемъ, подыскали „дунаго человѣка“, тоже портняжнаго подмастерья, двадцатидвѣнадцатилѣтняго парня Людвигъ Ярошинскаго, который взялся и подвѣсти убійство.

На другой же день по прибытіи Великаго Князя зодсь утра сѣдвали за нимъ въ то время когда онъ былъ православномъ соборѣ, но не дождавшись его выхода отъ да, отправились къ Фарѣ, гдѣ нашли что имъ точно т же будетъ не безопасно совершить свое намѣреніе, котородако же Ярошинскій успѣлъ выловить въ тотъ же д вечеромъ, при выходѣ Великаго Князя изъ театра. Къ с стію, какъ извѣстно, пуля причинила только легкую р Ярошинскій былъ схваченъ на мѣстѣ. Сообщникъ же его, кой-то молодой человѣкъ, имя котораго Ярошинскому не бы извѣстно, успѣлъ скрыться. Радовичу съ Хмѣлевскимъ т удалось бѣжать за границу. Ярошинскій, судившійся гласны судомъ, съ польскимъ защитникомъ, былъ приговоренъ ловѣшенію.

Событія быстро шли впередъ. Реформы Велѣпольскаго удовлетворили никого. Умѣренныя рѣшили что надовозмои шире пользоваться даруемыми льготами, чтобы посредств ихъ привести какъ можно болѣе пользы польскому длу какъ можно болѣе вреда причинить Россіи. Красные же и валроломъ, и въ концѣ концовъ, посредствомъ террора, тически подчинили своей невидимой силѣ общественную во Противъ самого Велѣпольскаго было сдѣлано два покуше Подметныя письма ежедневно грозили ему, но маркизъ обласилъ себя тѣмъ что на улицахъ показывался не и какъ въ глухой желѣзной каретѣ окруженной десяткомъ и дармовъ, которые съ грохотомъ и лылей во всю прыть вл тировали его во время проѣздовъ.

Подземная революціонная организація не только не ослаб но росла и крѣпла. Въ началѣ октября она дополнена учрежд емъ „народнаго революціоннаго союза“, задача котораго зал чалась въ прямомъ вооруженномъ возстаніи не противъ мѣст администраціи, но противъ Россіи, противъ Русскаго Ца Русскаго народа, съ цѣлью возстановленія Польши во всѣхъ т ея предѣлахъ которыми исторически она когда-либо влад Во главѣ этого союза стоялъ, помимо „ржонда народоваго“,

„Иститеть народовы революційны“ подъ предсѣдательствомъ Миклавокаго, причемъ однако „ржондъ народовы“ оставалася въ мшюй своей силѣ. Интриги, происки, подкормы и козни индутьмъ и другимъ учрежденіемъ не замедлили обнаружити-и съперваго же дня ихъ существованія. Подпольныя газеты, *Актъ Стражница* и другія, тотчасъ же опубликовали „Уставъ народнаго революціоннаго союза“, „Уставъ народнаго революціоннаго комитета“ и „Инструкціи для уѣздныхъ комитетовъ“; „Центральныи народныи комитетъ“, или такъ-называемыи „ржондъ народовы“, въ свою очередь опубликовалъ въ тѣхъ же лѣтахъ свое „постановленіе“, въ силу котораго „каждыйи гражданинъ любящій отчизну и желающій возстановити ея самостоятельность“ долженъ былъ уплатити единовременно „надвычайную“ народную подать, основой которой служилъ капиталъ каждого изъ гражданъ, считая въ процентъ отъ ста съ недвижимыхъ имуществъ и капиталовъ. Срокъ уплаты этой подати назначался къ 10му ноябрю 1862 года. Въ Польшѣ находится весьма значительное число иностранныхъ колонистовъ, ремесленниковъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, изъ которыхъ очень и очень многіе живутъ тамъ не принимая русскаго подданства. Всѣ эти лица, а также большинство Евреевъ и крестьянъ, уже много разъ обираемые и до этого времени ксендзами и разными проидоками, чувствуя всю тягость послѣдней „надвычайной“ подати, отказались было платити ее. Тогда „ржондъ народовыи“ пустилъ въ дѣло поджоги. Города и села запылали по цѣлому краю; пожары охватили Литву, Бѣлоруссію, Украину, Волынь, Подолю, Познань и Галицію. Въ послѣдствіи раскрылось сарьмъ положительнымъ образомъ что первыми жертвами пла-ищались дѣлались исключительно неисправные плательщики „податка надвычайнаго“, а отъ нихъ уже огонь само собою перекочидитъ и на жилища исправныхъ и добрыхъ „обывацелей“. Но замѣчательно вотъ что: террористы до такой стелени достигли на всѣхъ лывавшіе края и области нагнать лавиче-скій страхъ что несмотря на единичныя появленія многихъ сборщиковъ, несмотря на явныя ихъ угрозы „спалити все до дна за отказъ въ платежѣ“—не было ни единого примѣра чтобы хоть кто-нибудь изъ недовольныхъ обывателей рѣшилъ задержати и представити законнымъ властямъ подобнаго сборщика!

Огонь подѣйствовалъ живо: обыватели, волей-неволей, слышали вносить требуемую подать.

Но эта мѣра была еще изъ числа „снисходительныхъ“. Таковою охарактеризовали ее сами же Поляки. Со 2го ноября стала примѣняться уже мѣра иного свойства: по всему краю пошли ежедневно совершаться политическія убійства, по приговору „тайнаго трибунала“, а часто и вовсе безъ всякаго приговора. Рѣшено было убивать всѣхъ вообще „несочувствующихъ“, всѣхъ „сомнительныхъ патріотовъ“ и чиновниковъ правительства почему-либо признанныхъ вредными для „народнаго дѣла“, и приговоры имъ объявлять печатно въ подземныхъ газетахъ, гдѣ однако приговоры эти, для пущей вѣрности, печатались уже по исполненіи убійства. Такимъ образомъ, между прочимъ, въ Варшавѣ, середѣ бѣлаго дня, былъ заколотъ кинжалами чиновникъ Фелькнеръ. Убійство это совершилось въ латомъ часу дня а главный убійца еще въ семь часовъ вечера свободно разгуливалъ по всему городу въ окровавленной бѣлой чамаркѣ, и когда его спрашивали что значить эта кровь, то онъ съ самохвальствомъ и преспокойно отвѣчалъ всѣмъ и каждому что заколотъ свинью и вслѣдствіе этого однимъ де сквернымъ человѣкомъ стало меньше на свѣтѣ. Полицейскіе видѣли его окровавленную чамарку встрѣчали его на многихъ пунктахъ города, но схватить убійцу ни одинъ изъ этихъ „добрыхъ польскихъ полиціаентовъ“ не хотѣлъ или не рѣшился.

Въ Варшавѣ было жутко. Такъ по кратчайшей мѣрѣ чувствовали себя въ ней русскіе люди. Въ ожиданіи взрыва, цѣлыя семейства Русскихъ сходились на ночь въ чью-нибудь болѣе надежную квартиру, обыкновенно къ кому-нибудь изъ военныхъ, имѣвшихъ помѣщеніе въ казармахъ занятыхъ войсками, и тамъ кое-какъ проводили свои безлокойныя ночи. Поляки судили Русскимъ повтореніе знаменитой „варшавской заутрени“ и грозилась вырѣзать всѣхъ логоловно, не щадя ни старости, ни женщины, ни младенцевъ. Гимновъ, кошачьихъ концертовъ или иныхъ какихъ-либо демонстрацій, болѣе не было: ихъ считали уже не нужными; но въ варшавскомъ воздухѣ, болѣе даже чѣмъ въ самый разгаръ демонстраціоннаго періода, чувствовалась теперь гнетущая, роковая тяжесть предвѣщавшая съ минуты на минуту разраженіе грозы Ремесленныя заведенія въ конецъ уже опустѣли; по улицѣ

ны, „баваріамъ“ и „кнейпамъ“ съ утра до ночи шаталась безынная молодежь низшихъ слоевъ населенія, небывалымъ образомъ сорила деньгами, появлявшимися въ ея дырявыхъ дынкахъ Богъ вѣсть откуда, и безшабашно предавалась необузданному разгулу: невидимые благодѣтели неусыпно старались какъ можно болѣе и скорѣе развратить и слопить ея съ кругу. По городу ходили разказы что каждую ночь въ какомъ-бы „Святого Кржижа“ и Калуцискаго „кляштора“ провоятъ чрезъ стародавніе подземные ходы множество людей, по очередному призыву, и тамъ ксєвды и монахи принимаютъ ихъ къ присягѣ на вѣрность „ржовду“, снабжаютъ оружіемъ и благословляютъ особо-избранныхъ на тайныя убійства. Молва нѣсколько разъ назначала уже день и часъ всеобщаго взрыва.

XVII. Жертва всеожженія.

Львынцеву хотѣлось чтобы Цезарина знала что онъ уже былъ у Палявицы и что такимъ образомъ воля ея исполнена. Это было впрочемъ только предлогъ, а въ сущности ему просто хотѣлось, какъ влюбленному человѣку, еще разъ быть у неѣ, видѣться съ нею, снова услышать изъ ея устъ слово надежды и ободренія, потому что онъ сильно нуждался въ неѣ: проклятыя сомнѣнія и внутренній голосъ, такъ ясно назвавшій ему поступокъ его подлостью, опять подыались въ душѣ. Ему нужно было или съ твердостью порвать все сразу, или поскорѣе найти себѣ внутреннюю поддержку, которую только одна Цезарина и могла оказать ему. На первое у него не хватало твердости, потому что его сковывала несчастная страсть къ этой женщинѣ. Оставалось только второе: подлѣ Цезарины, подъ обаяніемъ ея ласки, ея взгляда, улыбки и голоса замирали всѣ сомнѣнія, засыпала совѣсть, и онъ чувствовалъ въ себѣ наркотическую рѣшимость очертя голову броситься въ проласть. Нужды нѣтъ что страсть его остается не удовлетворенною, у него все же есть лока животворящая надежда что рано или поздно онъ возьметъ свое, но ему просто нужно было видѣть Цезарину, хотя нѣсколько минутъ „быть съ нею“, ощущать ея присутствіе для того только

чтобы наркотизировать себя снова, чтобы заглушить въ себѣ на вѣкоторое время этотъ изобличающій, неутомимый ваятревай голосъ. Онъ поѣхалъ къ Цезаринѣ, но неудачно выбралъ время своего визита: поѣхалъ онъ днемъ—его не приняли. Съ досадой и смущеніемъ въ душѣ рѣшилъ онъ по неволѣ отложить свое посѣщеніе до вечера. Поѣхалъ вечеромъ—опять не приняли. Хвалынцевъ все-таки настоялъ чтобы человекъ еще разъ доложилъ графинѣ что онъ имѣетъ сообщить ей вѣчто весьма важное и потому проситъ назначить ему время приѣма. Отвѣтъ на это былъ таковъ что „ясненько можно лани грабина“ очень извиняется, что она подумываетъ извѣстить, но теперь никакъ, ни подъ какимъ видомъ, принимать лава не можетъ. Пришлось отѣхать ни съ чѣмъ, и лишь одна досада и болѣзненное ощущеніе тоски снова подступили къ сердцу Хвалынцева. На другой день онъ вѣсколько ко разъ по долгу прохаживался по аллеѣ мимо ея оконъ, всподжидая не выйдетъ ли она на прогулку, не поѣдетъ ли въ городъ или кататься. „Хоть бы одно мгновение взглянуть на нее! хоть бы мимолетнымъ взоромъ перемолвиться съ нею!“ Но увы! неудачные ли часы выбралъ Константинъ для сторожевыхъ прогулокъ, или же графиня цѣлый день не выходила изъ дому, только онъ не видалъ ее и даже ея тѣни въ окошкѣ не удалось ему подмѣтить.

Но онъ имѣлъ терпѣніе и еще одинъ день провести подобнымъ же глупымъ образомъ, и все съ такимъ же печальнымъ результатомъ, такъ что даже „ревиновый дозорца“ замѣтилъ наконецъ его странное шатавіе все по одному и тому же опредѣленному пространству Узловской аллеи и сталъ слѣдить за нимъ подозрительнымъ взглядомъ.

На слѣдующій день утромъ къ нему совершенно неожиданно забѣжалъ Василій Свитка и съ серіознымъ видомъ подалъ ему наглухо заклеенный конвертикъ.

— Былъ въ костелѣ, пояснилъ онъ:—и тамъ просили меня передать.

— Письмо!.. Отъ кого это? взволнованно и какъ бы съ вѣкторымъ предчувствіемъ воскликнулъ Хвалынцевъ.

— Прочтите и отгадаете! улыбнулся Свитка.

Константинъ вскрылъ конвертъ, взглянулъ на почеркъ—рука незнакомая, подписи никакой, писано по-французски. Вотъ что прочелъ онъ:

„Я знаю что вы были у П. Но это только еще начало, не бойтесь. Я жду продолженія. Не домогайтесь видѣть меня. Теперь я нигдѣ и ни въ какую пору не могу принять васъ, ни видѣться съ вами. На это—вѣрьте мнѣ, есть свои, очень серьезные и вполне уважительныя причины... Не обвиняйте меня за это! Не ходите тоже мимо моихъ оконъ; это до известной степени можетъ меня компрометтировать,—всломайте, теперь время такое... Да и къ вамъ вовсе не идетъ роль мечтательнаго Испанца, въ то время когда у васъ на рукахъ такое серьезное дѣло. Займитесь лучше имъ поприлежаніе и простите тонъ моего замѣчанія, который однако же внушаетъ мнѣ чувство истинной къ вамъ дружбы. Вѣрьте одному: я все тотъ же добрый другъ вашъ и твердо помню мое слово. Сдержите ли ваше?... Письмо это уничтожьте немедленно.“

Хвалындцевъ перечиталъ это письмо, разъ, другой, третій... Оно и уязвляло его слегка и дарило ласковою надеждою. Эти строки писала ея рука, и ихъ нужно уничтожить. Возможно ли? Вѣдь это все что остается ему пока отъ Цезарина, которая Богъ-вѣсть еще когда позволить видѣться съ собою. Онъ чувствовалъ что уничтожить письмо у него не хватитъ ни силы, ни воли, потому что все сердце настойчиво проситъ охранить эти строки, какъ святыню, какъ лучшую и единственную память о любимой женщинѣ—и онъ спряталъ его въ свой боковой карманъ.

— Позвольте, остановилъ его Свитка:—мнѣ известно что это письмо должно быть уничтожено тотчасъ же.

Хвалындцевъ не сказалъ ни слова, но хмуро вскинулъ на него вопросительный взглядъ.

— Я не знаю и не имѣю права знать содержанія письма, продолжалъ Свитка:—но когда мнѣ вручали его для передачи вамъ, то пояснили что оно должно быть истреблено тутъ же, въ моемъ присутствіи; поэтому, дорогой мой Константинъ Семеновичъ, вотъ вамъ свѣча и спички! Позвольте прислужиться: ужъ я заодно и зажгу ее!

— Что за недоуміе! въ досадливомъ недоумѣніи пожавъ плечами, воскликнулъ Хвалындцевъ.

— Отнюдь не недоуміе! предупредительно возразилъ ему Свитка:—Къ чему оно вамъ? „вещественный знакъ невестственныхъ отношеній“, что-ли? Вы забываете что у каждаго изъ насъ въ любую минуту можетъ-быть обыскъ... Ну, най-

дуть, захватать у васъ это письмо? Хорошо развѣ? Женщина будетъ скомпрометтирована, а главное, запутана... Подуть всѣ эти неприятели, обыски, аресты, допросы—и все изъ-за пустаго клочка бумажки!

Константинъ долженъ былъ сознаться себѣ что въ словахъ пріятеля есть значительная доля правды, и потому съ затаенною грустью досталъ письмо изъ кармана, съ напряженнымъ вниманіемъ перечелъ его глазами еще и еще разъ, словно бы желая чтобъ этотъ почеркъ, эти слова и строки потверже и навсегда запечатлѣлись въ памяти его сердца и все-таки съ тайною неохотой и сожалѣніемъ, медленно поднесъ бумажку къ зажженной свѣчѣ. Черезъ минуту отъ письма осталась только черная, искоробленная пластинка легкаго пера.

Константинъ невольно вздохнулъ и задумался.

— Жертва всеожженія! пошутить надъ нимъ пріятель.

XVIII. Адресъ и разрывъ.

Хвалынцевъ сталъ иногда заходить къ поручику Палавицѣ. Сколь ни противенъ былъ ему въ душѣ самъ Палавица, на котораго онъ привуждалъ себя смотрѣтьнисходительно, какъ на полудомѣшаннаго чудака, сколь ни противна съ перваго же раза показалась и вся остальная компанія, тѣмъ не менѣе онъ не прерывалъ съ этимъ кружкомъ своихъ отношеній, единственно во имя Цезарины, во имя того что на это была ея воля, ея непрѣмное условіе поставленное цѣвою любви ея въ будущемъ.

Но ни Велеръ, ни Кошкадамовъ не бывали болѣе у Палавицы съ того самаго вечера какъ произошла между ними осора изъ-за Герцена. Они отдѣлились отъ „кружка“, въ которомъ теперь Хвалынцевъ ни разу не встрѣтилъ никого, кромѣ неизмѣннаго Добровольскаго съ пивомъ, да самого хозяина съ его торбаномъ и модельками.

Какъ ни придетъ, бывало, Хвалынцевъ, непрѣменно застаетъ Палавицу на одномъ изъ любимыхъ его коныковъ: либо новую „радикальную“ модельку сочиняетъ, либо на торбанѣ брявчить.

„Когда же, наконецъ, настоящее-то серьезное дѣло у нихъ

мится?" думает себя Хвалынецъ. Но о „дѣлѣ“ идутъ только либеральныя споры да разговоры, а самаго „дѣла“ все еще пока ни на волосъ незамѣтно. Все только Колоколъ пошнываютъ да изобрѣтаются разные способы пропаганды въ мѣстахъ и разные стратегическія планы уничтоженія Россіи, всеобщаго возстанія и т. п., но ни способы, ни планы ни на югу не прилагаются къ дѣйствительности. „Неужели же и здѣсь все та же самая всероссійская говорильня что въ Москвѣ и въ Питерѣ? Неужели ничего новаго, серьезнаго „заправскаго“? думается Хвалынецу, и начинаетъ ему сдаваться что и точно ничего тутъ нѣтъ и не будетъ, кромѣ пустой болтовни. „Кто же кого, однако, тутъ надуваетъ? И ради чего всѣ эти пышные заголовки „отдѣловъ“, всѣ эти рекламы къ Колоколу, и что же наконецъ самый отдѣлъ-то составляетъ? Кто его члены и много ль ихъ?“

Сколько разъ ни пытался Хвалынецъ задавать подобныя вопросы Паляницѣ, тотъ либо отмалчивался, гаубокомысленно и загадочно, устремляя куда-то въ пространство свой неподвижный, тулой взглядъ соннаго окуня, либо же отдѣлывался короткими фразами, въ родѣ: „погодите!“ „узнаете!“ „будетъ время; теперь не время еще“.

— Да когда жь оно придетъ, это время-то ваше!.. Погляди-те, у Поляковъ все кипитъ вѣдь!

— Ну и пусть ихъ!.. У насъ свои задачи...

— Какія?

— Ну, тамъ... узнаете потомъ...

— Когда же?

— Когда время будетъ... Придетъ время, тогда всѣ пойдемъ... вмѣстѣ... Тогда узнаете...

— Да вы-то сами знаете же хоть что-либо?

— Я знаю.

— Извините, сомнѣваюсь!

— Сомнѣвайтесь, пожалуй... Во всякомъ случаѣ, это не *ваше* дѣло, а мое... Я руководитель, я глава отдѣла—нѣтъ и знать!

На этомъ обыкновенно и прекращались всѣ разговоры о дѣлѣ.

Хвалынецъ самымъ искреннимъ образомъ все болѣе и болѣе утверждался въ убѣжденіи что весь этотъ пресловутый „Отдѣлъ Земли и Воли“ есть не что иное какъ пустышій пухъ и мистификація, либо же невиняѣйшая забава „ведо-

робленнаго“ Паляница, за которую однако же онъ можетъ при случаѣ заплатить серьезнымъ образомъ, „и пропадетъ человекъ на за грошъ, да и мы-то, какъ дураки, туда же аземъ!“

Но это заключеніе, во всякомъ случаѣ, было слишкомъ преждевременао.

Однажды, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, онъ получилъ отъ Паляницы лакоическую записку слѣдующаго содержанія:

„Приходите сегодня вечеромъ. Непремѣнно. Очень важное дѣло.“

Константинъ отправился.

— Ну, вотъ, вы все пытались про дѣло... убивались по немъ, встрѣтилъ его Паляница:—вотъ вамъ и дѣло прислѣло... Садитесь и слушайте... Прощу!

И взявъ въ обѣ руки начисто переписанный листъ хорошей писчей бумаги, онъ, стоя, началъ глухимъ голосомъ, со свойственною ему торжественною декламациею читать:

„Отъ русскихъ офицеровъ стоящихъ въ Польшѣ“.

— Это что жь такое? въ недоумѣніи спросилъ Хвалынцевъ.

— Адресъ! съ гордымъ самодовольствіемъ пояснилъ Паляница:—торжественный адресъ отъ всѣхъ русскихъ офицеровъ стоящихъ въ Польшѣ... Наше, такъ-сказать, profession de foi... Отъ всѣхъ офицеровъ—повимаете!.. Шакъ, чортъ возьми!.. Европа заговорить, батюшка!.. Слушайте!

И онъ приступилъ къ дальнѣйшему чтенію:

„Русское войско въ Польшѣ поставлено въ страшное, невыносимое положеніе. Ему приходится быть палачомъ польскаго народа или отказаться отъ повиновенія начальству.“

— Ну кто же отказывается, однако, изъ массы-то? замѣтилъ Хвалынцевъ.

— Не въ этомъ дѣло! съ легкимъ неудовольствіемъ возразилъ Паляница:—все равно, отказывается ли, нѣтъ ли, но... такъ нужно!.. Прощу слушать далѣе:

„Солдаты и офицеры устали быть палачами. Эта должность сдѣлалась для войска ненавистною. Бить безоружныхъ, преслѣдовать молящихся по церквамъ, хватать прохожихъ на улицахъ, держать въ осадномъ положеніи Поляковъ за то что любятъ Польшу—съ каждымъ днемъ все больше и больше становится въ глазахъ войска дѣломъ безчеловѣчнымъ и лю-

тому преступнымъ. Проникнутое недовѣріемъ къ начальству и отвращеніемъ отъ своей безчеловѣчной службы, войско сдѣлываетъ себя: ради чего оно будетъ лалачомъ польскаго народа и какаѧ въ томъ польза для народа русскаго?“

— Позвольте! перебилъ Хвалынецъ:—недовѣріе къ начальству, отвращеніе, да гдѣ же все это? И кто же, скажите по совѣсти, слышалъ отъ солдата подобныя вопросы?

— Не въ томъ сила! Такъ должно! слегка, но нетерпѣливо толкнувъ ногой Палаицида и сталъ читать про то какъ до солдата доходятъ вѣсти что и внутри Россіи войску приказываютъ быть лалачомъ народа русскаго и что войска въ Польшѣ смотрятъ на это съ омерзевіемъ. „Недавнее разстрѣливаніе въ Польшѣ русскаго офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, любимыхъ и уважаемыхъ товарищами, исполнено войско трудно укротимымъ негодованіемъ. Еще шагъ въ подобныя дѣйствія правительства, и мы не отвѣчаемъ за спокойствіе въ войскѣ.“

— Да кто это писалъ, скажите, Бога ради! воскликнулъ Хвалынецъ:—Послушайте, поручикъ, вѣдь мы съ вами не на дурѣ живемъ, а въ той же Польшѣ, и принадлежимъ къ тому же войску; ну, скажите-же по чести, есть ли тутъ хоть слово правды? Гдѣ же это „трудно укротимое негодованіе“, когда сами мы съ вами не разъ слышали какъ солдаты говорили про Арагольда и Ростковскаго: „собакѣ собачья смерть. Такъ, молъ, имъ и надо, измѣнникамъ!“ Вы сами же скорбѣли о подобномъ отношеніи къ нимъ. И наконецъ, какіе же они Русскіе, когда и мы, и все войско очень хорошо знаемъ что это были Поляки.

— Герценъ говоритъ Русскіе, и притомъ на нихъ русскій мундиръ—значитъ Русскіе! сухо и холодно замѣтилъ Палаицида и сталъ читать далѣе про то что постоянное дразненіе Поляковъ полицейскимъ гнетомъ додразнить ихъ до возстанія. „Что станетъ тогда дѣлать войско въ настоящемъ его настроеніи? Оно не только не остановитъ Поляковъ, но *приспособитъ къ нимъ* и можетъ-быть никакая сила не удержитъ его. Офицеры удержать его не въ силахъ и не захотятъ.“

— Такихъ офицеровъ, однако, разъ, два, да и обчелся, замѣтилъ Хвалынецъ:—а вы возьмите-ка массу ихъ! Эта масса, какъ сами знаете, подвергается слишкомъ многимъ и важнымъ оскорбленіямъ... Въ ней уже образовалась, къ несча-

стію, непримиримая ненависть къ Полякамъ... Эту массу только пусти!

Палавица сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и гримасу, но на сей разъ промолчалъ, очевидно, подавая въ себѣ какую-то рѣзкую выходку противъ Хвалынцева, которая уже готова была вырваться.

— Но... продолжайте, пожалуйста! пригласилъ его Константинъ Семеновичъ:—любопытно знать, къ чему въ концѣ концовъ все это клонить?

— Я, наконецъ, не для васъ читаю... я это единственно для себя и для Добровольскаго, буркнулъ локосясь Палавица и снова взявшись за бумагу, воскликнулъ патетическимъ голосомъ:

„Сласти войско только одно средство — перестать дразнить и угнетать Поляковъ, не доводить ихъ до взрыва, снять лозорное осадное положеніе и дать Польшѣ свободно учредиться по помятіямъ и желаніямъ польскаго народа.“

— То-есть, значить просто взять и уйти изъ Польши! не утерпѣлъ Хвалынцевъ.

— Да-съ, взять и уйти.

— Согласенъ, пожалуй; но на счетъ осаднаго положенія, вѣдь оно ужъ и безъ того снимается; скоро и совсѣмъ его не будетъ.

— Ну и лущай!

— Стало-быть и просить объ этомъ нечего.

— Гдѣ просить? Кого?

— Да въ адресъ же, Господи!

— Въ адресъ?.. Ну вѣтъ-съ! Извините!. Въ адресъ—это другое дѣло! Адресъ въ Европу поидеть!

— Какъ въ Европу? Вѣдь его же предполагается подать...

— Это зачѣмъ?

— Да вѣдь адресъ писавъ чтобы его подать.

— Это все равно! Но только мы подавать его не станемъ.

— Такъ что же это въ такомъ случаѣ! вылучилъ Хвалынцевъ изумленные глаза:—Упражненіе въ литературномъ стилѣ на задаваную тему? На какой же прахъ овъ писавъ, коли не подавать?

— Подавать не нужно.. Выслушайте дайте! Здѣсь сказано вотъ что:

„Мы обратились къ Вамъ черезъ посредство печати и глаго-

ости, а не по начальству; начальство никогда не передало бы Вамъ нашего голоса—голоса правды.“ Ловко?.. а?.. Что вы на это скажете?

„Мы скрывли ваши имена; искреннее слово честнаго человека начальствомъ считается за буйствѣ и, назвавшись, мы только подверглись бы незаслуженной карѣ.“

Адресъ кончался словами: „Примите увѣреніе въ нашей искренности.“ *

— Что вы на это скажете? Каково написано-съ?... А? потерялся предъ Константиномъ Паляниця.

— Что же, относительно стиля — искусство изложено; жалъ только что съ истинной расходится.

Паляниця вспыхнулъ и насылился.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Да не болѣе какъ то что еслибъ этотъ адресъ былъ написанъ отъ имени какого-нибудь известнаго кружка, даже иста бы отъ нашего „Отдѣла“, или отъ нѣсколькихъ единомысленныхъ офицеровъ, онъ имѣлъ бы свой *raison d'être*; но онъ пишется отъ имени *всѣхъ русскихъ офицеровъ столицахъ и Польши*,—позвольте спросить, не чрезчуръ ли ужъ это хвачево? Кто уполномочивалъ составителя говорить за всѣхъ и увѣрять что это *profession de foi* каждаго?

— Такъ я лжець, по-вашему?! рѣзко вскрикнулъ Паляниця.

— А развѣ съ авторъ адреса?

— Положимъ, хотя бы и я.

— Въ такомъ случаѣ вы очень самонадѣянно расходитесь съ истинной.

— Однако, милостивый государь... вы, кажется, забываете что... говорите мнѣ дерзости...

— Вамъ лично я не имѣлъ бы никакой причины говорить итъ; я высказалъ только свой взглядъ на адресъ, и полагаю что собственно за этимъ и былъ приглашенъ сюда. Но,—перебилъ самого себя Хвалынецъ:—оставимте наши личные препирательства! Это самая бесплодная почва.... Скажите лучше, что предполагается сдѣлать съ этимъ адресомъ?

— Напечатать, отвѣтилъ за Паляницю Добровольскій.

— Гдѣ? въ *Колоколь*?

* *Колоколь*, 1862, № 148.

— Ну, конечно!

— И такъ-таки прямо отъ имени *всѣхъ*?

— Н-да.... потому что.... Однимъ словомъ, такъ уже предположено.

— Но берете ли вы въ расчетъ что и Герцезъ въ свою очередь можетъ спросить васъ: точно ли это profession de foi всѣхъ офицеровъ?

— Мы уже думали объ этомъ, сказалъ Добровольскій.

— Думали? Тѣмъ лучше! Чѣмъ же вы ему удостоверить общность адреса?

— Подписями.

— Какими?

— Офицерскими.

— Я васъ не понимаю, Добровольскій. Кто жь будутъ эти офицеры и много ль ихъ будетъ?

— Много.

— Да вѣтъ, полноте играть въ жмурки!... Ну и чего мы въ самомъ дѣлѣ въ своемъ-то собственномъ кружкѣ станемъ еще сами себя обманывать? Развѣ мы не знаемъ настоящаго положенія дѣла? Развѣ мы не знаемъ настроенія офицеровъ?

— Не въ томъ сила, а подписи будутъ!

— Чьи? ваши, моя, да поручика Палявицы?

— И наши будутъ, конечно, тоже.

— А затѣмъ?

— А затѣмъ и другія будутъ.

— Какимъ же путемъ вы ихъ добудете?

— Есть тутъ одинъ человекъ такой — писаремъ Минаевымъ прозывается—онъ и сдобудетъ.*

— Да полноте! Чтò за мистификація! говорите проще и plainly! говорите прямо!

— Я буду прямо! вмѣшался наконецъ молчавшій доселѣ Палявица.—Говорю какъ начальникъ. Я—глава „Отдѣла“ и потому я начальникъ, которому обязаны повиновеніемъ.... Мои

* Писарь главнаго штаба войскъ 1й арміи Минаевъ долгое время передавалъ агентамъ „рѣшда народоваго“ всѣ секретныя распоряженія русскаго военнаго начальства. За эти преступленія онъ былъ расстрѣлянъ. № 29й приказа революціоннаго начальника города (Варшавы), извѣщая объ его казни, восклицаетъ о немъ: „благородный Минаевъ!“;

снм будутъ приказаніемъ... Предупреждаю объ этомъ. Мнѣ нѣтъ дѣла, сочувствуетъ кто или не сочувствуетъ; но разъ принадлежитъ къ нашей организаціи—долженъ исполнять безпрекословно, если приказываютъ... Я предупреждаю объ этомъ... Нарочно и заблаговременно... Поворотовъ нѣтъ у васъ и быть и должно!

Хвалынцевъ очень хорошо повялъ что вся эта выходка направлена исключительно въ его сторону. Это царянуло его самолюбіе и озлило.

— Адресъ долженъ быть посланъ съ подписями, продолжаю нѣтъ тѣмъ Палавица: — дѣла не въ томъ какія это будутъ подписи, лишь бы были! Это нужно для Европы.... Интересъ для требуетъ чтобы подобный адресъ былъ напечатанъ — и будетъ! Напечатаютъ безъ подписей, но Герценъ долженъ удостоверить что подписи у него есть... Поэтому должны быть подписи... Минаевъ добудетъ изъ штаба списки... Онъ самъ составитъ списокъ офицерскихъ фамилій и привесетъ завтра. Вы умѣете писать разнообразными почерками? безъ дальнѣйшихъ обиняковъ, напрямикъ, обратился Палавица къ Хвалынцеву.

— Ужь не хотите ли вы заставить меня подписываться подъ чужія руки? спросилъ этотъ послѣдній, сухо и съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

— Я васъ спрашиваю, умѣете ли? настойчиво повторилъ Палавица.

— Нѣтъ, не умѣю.

— Да вы можетъ не пробовали?

— И пробовать не стану.

— Вѣдь это, въ сущности, такой пустякъ!

— Можетъ-быть.

— У меня уже приласены разнообразныя чернила: и черныя, и ржавыя, и блѣдныя, и синія—всякія! Будемъ писать въ перемѣжку, втроемъ, и затѣмъ... у васъ есть знакомый, Ковстантинъ Калиновскій... Хороши вы съ нимъ?

— Никакого Калиновскаго не знаю.

— Ну какъ не знаетел... Навѣрное знаетел... Можетъ подъ другою фамиліей?... Какъ онъ тамъ, Францисекъ Пожондковскій что ли?

— Такъ, Пожондковскій, подтвердилъ Добровольскій.

Въ умѣ Хвалынцева мелькнуло что-то смутно знакомое,

какъ будто онъ слышалъ гдѣ и когда-то эту фамилію, да только вспомнить не можетъ.

— Не припомню, сказалъ онъ наконецъ.

— Онъ еще тоже Василиемъ Свиткой прозывается, подсказалъ Добровольскій.

— Свитку знаете? спросилъ Паляница.

Хвалынцевъ отвѣтилъ утвердительно.

— Ну, такъ вотъ что.... Втроемъ намъ всѣхъ подписей не обварганить, а ихъ нужно штукъ пятьсотъ или четыреста по крайней мѣрѣ. Вы возьмите съ собою часть Минаевского списка съ подписнымъ листомъ и передайте его Свиткѣ.... Объясните ему, конечно, въ чемъ дѣло... Попросите содѣйствія „Русскому отдѣлу Земли и Воли“, онъ ужъ все остальное дѣло живо обварганить! Пойдетъ листъ по рукамъ у Поляковъ, — а они въ одинъ день покроютъ его подписями! У нихъ много найдется которые лишутъ по-русски!... Они это живо!

Хвалынцевъ лобѣдывалъ и тяжело поджавшись съ мѣста выпрямился во весь ростъ. Сухія губы его нервно дрожали.

— Я.. этого... не сдѣлаю, съ усиліемъ и медленно проговорилъ онъ почти задыхающимся голосомъ.

— Нѣтъ, вы это сдѣлаете! твердо и увѣренно возразилъ ему Паляница:—вы обязаны повиноваться, и.... не ваше дѣло разбирать, пригодно то или это средство... Здѣсь всѣ средства хороши! Намъ не оставляютъ иного выбора!... Вы должны под страхомъ смерти сдѣлать то что вамъ приказывается, и иначе..

— Смерти не боюсь и мерзости дѣлать все-таки не стану.. Довольно!.. Будетъ съ меня! вскричалъ Хвалынцевъ.

— Во имя давной мѣѣ власти, объявляю.. началъ было Паляница торжественнымъ тономъ, какъ вдругъ.

— Молчать! повелительно крикнулъ ему Константинъ:—Какая власть?... Гдѣ она?... Гдѣ этотъ вашъ пресловутый „Отдѣлъ“?... Онъ пухъ, мыльный пузырь! Онъ только въ рекламѣ Колокола существуетъ! Вы всѣ обманщики, фигляры! Я могъ поддаться, могъ идти открыто за дѣло которое считалъ дѣломъ свободы, я не отступилъ бы предъ открытой борьбой, какъ бы безумна она ни была—ну, что жъ! я рискнулъ только своей жизнью, своей головой, и я бы положилъ ее.... Но вы зовете меня на грязный подлогъ.... Вы предлагаете шуллерскую передержку, съ тѣмъ чтобы повадуть и правительству, и общественное мнѣніе... Нѣтъ, милостивы!

государь!... Столы!... Я не пойду за вами, и съ этой минуты я не членъ вашего мѣщеческаго „Отдѣла“!

И не поклонившись, Константинъ удалился изъ квартиры поручика.

— Подлецъ!... Измѣнникъ! глухимъ и бѣшено-заобнымъ голосомъ крикнулъ ему во сѣдѣ Паладица.

XIX. Трибуналъ народовой.

Въ той части Варшавы которая находится по соседству съ замкомъ Зигмунда, Фарой, Старымъ Мѣстомъ и „Подваломъ“ и вообще известна подъ именемъ Стараго Города, есть одинъ замѣчательный домъ. Онъ выходитъ на двѣ улицы: Кршине-Коло и Бржозовую, пролегающую гораздо ниже первой, подъ горою, такъ что домъ о которомъ мы говоримъ занимаетъ собою весь скатъ горы, и если посмотрѣть на него съ улицы Кршине-Коло, то онъ представится вамъ въ видѣ весьма скромнаго и даже приличнаго трехэтажнаго домика. Но спуститесь на Бржозовую и взгляните на него оттуда, снизу—и вы увидите потемнѣвшую отъ времени, древнюю каменную громаду въ шесть этажей подъ череличною кровлей. Всевозможныя галерейки, корридоры, лѣстницы, проходы и выходы во дворы и дворики, лежащія на различныхъ пунктахъ горнаго ската, одинъ выше другаго, придаютъ этому дому какой-то лабиринтный и притомъ сквозной характеръ, какъ нельзя болѣе удобный для проскальзыванія разныхъ темныхъ личностей и для притона воровскихъ шаекъ. И дѣйствительно, домъ Грабовскаго въ Варшавѣ почти то же самое что домъ Вяземскаго въ Петербургѣ, только конечно не въ такихъ громадныхъ размѣрахъ. Тутъ вѣчный притонъ бродячихъ жевцивъ, бѣглыхъ людей и разнаго рода безпаспортныхъ бродягъ; поэтому для обитателей дома Грабовскаго въ Варшавѣ существовало даже особое названіе: „legia nadwislanska“, то-есть надвислянскій легіонъ. Еще въ 1830 и 1831 годахъ этотъ домъ, какъ вспоминаютъ старожилы, игралъ нѣкоторую роль въ революціонномъ движеніи, хотя онъ же послужилъ однажды и средствомъ къ укрытію и бѣгству нѣсколькихъ варшавскихъ обывателей преданныхъ законному правительству, которые сквозь мудреные проходы и закоулки этого дома успѣли

избѣжать смерти отъ преслѣдовавшей ихъ по улицамъ толпы революціонеровъ.

На шестомъ этажѣ этого дома есть небольшая квартирка всего лишь въ двѣ комнаты, которая приходится вровень съ чердаками, подъ черепичною кровлей. Одно окно этой квартиры выходитъ на Бржозовую улицу, два окна съ правой стороны на мощный дворъ, и два съ лѣвой тоже во двор поросшія травой и кустарникомъ. Къ каждому изъ боковыхъ оконъ ведетъ отдѣльная ниша, длиною до сажени, въ каждой изъ этихъ нишъ продѣлана вровень съ поломъ небольшая форточка, въ которую однако свободно можетъ пройти человѣкъ, даже весьма изрядной комплекціи. Эти форточки выкрашены совершенно подъ двѣтъ стѣны, такъ что съ перваго взгляда трудно ихъ и примѣтить, и на вопросъ о ихъ назначеніи можно было бы отвѣчать что служатъ онѣ дверцами для чего-нибудь въ родѣ шкаликовъ, гдѣ хранятъ домашнюю посуду, дрова или иной какой-либо хламъ. Казалось бы и въ самомъ дѣлѣ что можно предполагать особеннаго въ этой квартирѣ, за ея толстыми наружными стѣнами какими вообще отличаются старыя варшавскія постройки. А между тѣмъ стоило лишь открыть любую изъ форточекъ и „особенное“ тотчасъ же выступило бы на сцену. За этими форточками, внутри капитальной стѣны, были устроены три темныя каморки, съ очень хорошо настланнымъ деревяннымъ поломъ, каждая аршина въ два съ небольшимъ въ квадратѣ такъ что въ этихъ каморкахъ можно бы и спать очень удобно, а еще удобнѣе сидѣть, и человѣка три, четыре легко могли бы устроиться на время въ этомъ потайномъ помѣщеніи. Изъ первой каморки существуетъ проходъ въ другую, изъ этой въ третью, изъ которой особая лазейка, въ видѣ треугольнаго отверстія, выводитъ на чердакъ, а тамъ ужъ есть и слуховыя окна на крышу, и дверь на лѣстницу въ стѣны, и еще одна потайная лазейка, въ одномъ изъ самыхъ темныхъ чердачныхъ угловъ, которая ведетъ на смежную уже потайной чердакъ съ плоскою кровлей. Если смѣтреть снаружи, со двора, то вамъ представится кровля, совершенно плотно прилегающая къ стѣнамъ и къ балкамъ потолка, въ родѣ того какъ бываетъ это у восточныхъ салеи, такъ что подъ этою кровлей никакъ не возможно залезть дозреть присутствіе чердака, а между тѣмъ онъ существуетъ, будучи устроенъ нѣсколько исключительнымъ обра-

жи, не такъ какъ обыкновенно устраиваются вообще въ чинки на свѣтъ. Полъ его, представляющій очень прочную деревянную настилку, лежитъ не въ уровень съ верхнимъ краемъ стѣны, а аршина на два ниже его, что и дѣлаетъ изъ этого чердака отличный и преудобный тайникъ, гдѣ можно спрятать множество вещей, въ родѣ оружія, пороху и шель, и вообще контрабанды, а въ случаѣ надобности, тамъ же могутъ укрыться на время болѣе двадцати человекъ, которымъ было бы неудобно только стоять, но сидѣть и лежать они могли бы наилучшимъ образомъ. Въ прежнія времена, когда этимъ домомъ исключительно распоряжалась „легія надвиславьска“, ловкіе контрабандисты постоянно пользовались этимъ потайнымъ чердакомъ для сокрытія своихъ запрещенныхъ товаровъ, и это было имъ тѣмъ удобнѣе что Висла и коммерческая пристань находятся почти тутъ же, что называется, подъ бокомъ.

Въ то время къ которому относятся событія нашего разказа, въ описанной квартиркѣ съ тайниками обиталъ одинокій старикъ, лѣтъ шестидесяти, совершенно лысый, съ добродѣй, въ очкахъ, и довольно еще красивый собой. Это былъ чиновникъ совѣта управленія, что на Красинской площади, но имени Владиславъ Крушинскій. Простая жизнь, полная увеченій, оставила свои слѣды на его лицѣ, при взглядѣ на которое вы могли бы сказать что, судя по физиономіи, натура у этого человека широкая, добрая и размахистая, но намъ и въ голову отнюдь бы не пришло что этотъ почтенный старецъ, въ качествѣ члена подземнаго ржонда, исполняетъ должность „начальника операторовъ“ и, вмѣстѣ съ двумя своими сотоварищами и помощниками, держитъ въ своихъ рукахъ всю „операторную часть ржонда народоваго“. Операторскою частью называлась въ ржондѣ организація вѣнателей и кинжалщиковъ, которымъ уже въ послѣдствіи было присвоено болѣе громкое названіе „мстителей народныхъ“.

Двое ближайшихъ помощниковъ Крушинскаго были еще молодые люди. Одинъ изъ нихъ, Штейнгреберъ, студентъ Варшавской Главной Школы, происходилъ изъ мѣстныхъ „цивилизованныхъ“ жидковъ, другой—Игнацій Трущинскій, сынъ каздарскаго подполковника русской службы, собственноручно приговорившій къ смертной казни даже своего роднаго отца, что и было вѣнано ему ржондомъ въ особую, римско-гражданскую доблесть. Этотъ Трущинскій былъ поставленъ

въ исключительно благопріятныя обстоятельства для подпольной дѣятельности. Онъ жилъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ въ Мировскихъ кошарахъ,* на Броварѣ, гдѣ квартируютъ всѣ варшавскіе жандармы и жандармскіе офицеры. Эта часть города, обитаемая исключительно военнымъ населеніемъ, почти совершенно отдѣлена отъ остальной Варшавы стѣной и заставою, гдѣ постоянно стоитъ на часахъ жандармъ, обязанность котораго, между прочимъ, состояла и въ томъ чтобы не пропускать въ районъ казармъ никого изъ статскихъ въ экипажахъ. Проживая въ такомъ привилегированномъ мѣстѣ исключенномъ изъ-подъ всякаго надзора городской полиціи Мигватій Труцинскій могъ совершенно спокойно и безопасно заниматься своими революціонными дѣлами по части „операторной“.

Четвертый со товарищъ называемыхъ героевъ былъ ксеадзъ Кароль Микопевскій, добившійся въ данное время немалой популярности между варшавскою молодежью. До 1861 года онъ былъ бѣднымъ викаріемъ одной изъ варшавскихъ парافی (приходовъ), какъ вдругъ судьба ему улыбнулась: знакомая старушка, умирая, оставила ему 10.000 злотыхъ, и ксеадзъ Кароль почувствовалъ себя счастливымъ. Онъ тотчасъ же напечаталъ свои проповѣди „объ опасностяхъ невоздержанія“ и открылъ свой маленькій „салонъ“. Оставаться разъ въ недѣлю дома, подчивать гостей чашкой чая, стаканомъ воды съ сахаромъ и флердоранжемъ, бутербродами съ ветчиной и сладкими пирожками или такъ-называемымъ „тястѣчкомъ“ — это называется „имѣть садомъ“, а ксеадзъ Кароль, собирая къ себѣ праздную молодежь, фельетонистовъ, хроникеровъ и весь задній дворъ варшавской печати, кормилъ весь этотъ сбродъ отгнанными ужинами—и, въ воздаяніе за свое гостепріимство, былъ избранъ въ члены Центральнаго Комитета. Сдѣлавшись членомъ комитета, ксеадзъ Кароль, успѣвшій около того же времени изъ викаріевъ стать пробощемъ и получить пробоство на Желязной, для лучшей безопасности, перемѣнилъ себѣ имя и назвался Сикстомъ. По ночамъ Сикстъ засѣдалъ въ комитетѣ или въ трибуналѣ, подписывалъ смертные приговоры, писалъ памфлеты противъ правительства и варшавскаго архіепископа, а днемъ терся въ прихожей директора комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, которому изъявлялъ свое бла-

* Кошары—казармы.

гордое негодование на революцію, ходилъ къ архіепископу на лобызаніе руки его преосвященства, и когда ему говорили такъ о революціонныхъ крамолахъ и убійствахъ, помавалъ глазомъ, вздыхалъ, закатывалъ глаза и приговаривалъ съ набожнымъ сокрушеніемъ: „О tempora! о mores!“

Въ сентябрѣ 1862 года, около семи часовъ вечера, въ черничной квартиркѣ Владислава Крушинскаго собрались его соседи: жидокъ Штейнгреберъ, Игнатій Трущинскій, Ксандръ Сикстъ, въ качествѣ наблюдающаго члена отъ Центрального Комитета, и Василій Свитка, въ качествѣ обвинителя. Эти пять человѣкъ изображали собою соединенное присутствіе народнаго трибунала. На столѣ предъ ними стояло цинковое распятіе и у подножія креста былъ положенъ обаятельный кивчалъ. Эти два предмета изображали собою эмблему суда, и хотя подобные атрибуты, въ сущности, были совершенно ненужны, такъ какъ могли бы представить собою только лишнюю утку или лишнее затрудненіе въ томъ случаѣ еслибы членамъ грознаго трибунала, при лязгѣ жандармской сабли за залертою дверью, пришлось ползкомъ пробираться въ форточки тайниковъ, тѣмъ не менѣе атрибуты эти присутствовали на судейскомъ столѣ, въ силу распространенной между Поляками страсти къ мистическимъ, романтическимъ и страшнымъ декораціямъ. Въ той же комнатѣ на другомъ столѣ находились атрибуты иного рода, въ видѣ бутылки съ водкой, закуски и полудюжины марцоваго лива.

Компанія трибунала сидѣла за судейскимъ столомъ, курила, закусывала, прихлебывала ливо, но къ суду еще не приступала. Ксандръ Сикстъ, въ расстегнутой сутанѣ, небрежно закинувшись на спинку стула, повѣствовалъ о вѣкоторыхъ плачахъ и намѣреніяхъ ржонда, и хотя въ сущности, по силѣ ржондовыхъ постановленій, ему вовсе не слѣдовало бы болтать о томъ что не относилось прямымъ образомъ къ вѣдѣнію членовъ трибунала и составляло въ вѣкоторомъ родѣ „государственную тайну“ ржонда, но настойка и ливо въ совокупности съ душевной компаніей развязали болтливый языкъ Сикста, а между его собесѣдниками не нашлось ни одного кто наломилъ бы ему про объѣтъ молчанія, по той простой и естественной причинѣ что каждому было крайне любопытно узнать о мысляхъ и таинственнѣйшихъ намѣреніяхъ Центрального Комитета.

— Не жить! не жить Москвою, а ни-ни! съ увѣренностью

доказывала Сикстъ, высчитывая по пальцамъ: — Впервыя рѣшено уже подорвать финансовый кредитъ Россіи. Вотъ рыхъ...

— Шутка оказать, подорвать кредитъ! сомнительно усмѣхнулся старикъ Крушинскій:—какъ вы его подорвете у такого государства?

— Что за государство!... Колоссъ на глиняныхъ ногахъ,— и только!.. А подорвать—это лустаки! Рѣшено вылустить огромное количество фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ.... Въ Лондонѣ уже работаютъ, а нашъ Игнатій Хмѣлицскій—помогаетъ ему Боже!—заблаговременно уже условился о заготовленіи и провозѣ въ край.... Всѣ либеральныя правительства, вся Европа намъ въ этомъ дѣлѣ помогаютъ, потому.... потому и для Европы важно чтобы подорвать.... Понимаете?

— А хорошо ли поддѣлавы? не безъ алчнаго любопытства освѣдомился Штейнгреберъ.

— Поддѣлавы-то?... О, мой польскій братъ мойжешового вызнава! Поддѣлавы такъ что твой татуле а ни на моментъ не задумался бы приваать и размѣнять любую сторублевку! Вотъ какъ поддѣлавы!... Но это что!—продолжалъ Сикстъ:—а говорю не жить, потому что кредитки кредитками, а мы еще въсколькo баистательныхъ фейерверковъ устроимъ! Вотъ такъ штука будетъ!

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ юный и ретивый Трущинскій.

— А въ томъ что рѣшено взорвать и сжечь всѣ казармы и бомбардировать цитадель конгревовыми ракетами!

— Ну-у! веодвѣрчиво махнулъ рукою старецъ.

— Чего „ду“! Не вукай, брацшкы! Почекай трошечку!.. Я знаю что говорю! Потому.... мы уже вошли въ условіе съ двумя Французами-спеціалистамъ.... Одинъ, какъ его?... Гавь д'Альбенъ, а другой Маньявъ.... берутся сжечь и бомбардировать; только два миліона золотыхъ, шельмы, требуютъ за это!

— И вы дадите? съ опасеніемъ спросилъ Еврейчикъ.

— И мы дадимъ!... Пятьсотъ тысячъ уже выдали въ затокъ... Поѣхали во Францію дѣлать приготовленія.

— Да они надуютъ! всплеснулъ руками Штейнгреберъ. — Я бѣ и самъ надулъ, ей-Богу, кабы такіа деньги!

— О, мой братъ мойжешового вызнава!... Надулъ бы мы имя общины вольной и велодеглаоб!... Хе, хе, хе!... Что говоришь ты и что слышу я!.. Gloria in excelsis!.. Ты надулъ бы, а они не надуютъ.... Имъ Наполеонъ не позволить, да и

имѣть въ Парижѣ цѣлый процессъ сдѣлаемъ, искъ предъявимъ, пускай-ко попробуютъ!.. Нѣтъ, благородная нація не смѣетъ!.. ни-ни!.. а ни Боже мой! Не допуская!.. Н-не допускю!

— Два милліона! покачалъ головой многоопытный старецъ:— гдѣ ихъ взять два милліона! Легко сказать, да гдѣ достать?

— Т-съ!.. Не богохульствуй! Смири въ себѣ духъ строптивости и противорѣчія... Ты говоришь „гдѣ достать?“ Хм!.. Я тебѣ скажу гдѣ! Вопервыхъ, при первой возможности мы воспользуемся казначействомъ и мы имѣемъ на это право, потому въ казначействѣ чьи деньги? а?.. Польскія, не такъ ли? А если польскія, то имъ и подобаетъ быть въ рукахъ истиннаго польскаго правительства... Поэтому мы при удобномъ случаѣ сдѣлаемъ простую транспортацию... Понимаешь? то-есть изъ одной кассы въ другую... Это разъ. А вовторыхъ, уже рѣшено выустать въ несмѣтномъ количествѣ народоваго облигаціи и заставить каждаго обязательно принимать ихъ... Понимаешь, тутъ же не двумя милліониками какими-нибудь пахнетъ!.. Подымай выше!

— Ну, а если брать не стануть? усомнился Штейнгреберъ.

— Чтѣ-о? насупился на него Сикстъ:— не стануть?.. Кто это не станеть?.. Твой татуле, что ли?.. Я тебѣ скажу на это что сдела твой татуле не станеть брать, то ты же первый подпишешь ему смертный приговоръ и самъ же вздернешь его на осевой сукъ! И я благословляю тебя на подвигъ! И когда твой татуле запляшетъ въ воздухъ мазурку, то твой охотникъ приметъ все сполна и за себя, и за братца, да еще прибавки попросить! Такъ ли я говорю? Вѣрно?... Ну, значить и не спорь со мною!

— Однако, панове, время уходитъ! взглянувъ на часы, заикнулся Святка:— Не пора ли за дѣло, а то какъ разъ рискуемъ вмѣсто дома переночевать въ кѣзѣ: десятый часъ въ началѣ.

— Да чтѣ, много тамъ у васъ на сегодня? дѣловымъ тономъ спросилъ старый Крушинскій.

— Нѣтъ, лустяки! всего только два человѣка.

— Пхе!.. стоило изъ-за такой дряни трибуналъ собирать! замѣтилъ Сикстъ:— Я думалъ двадцать по крайней мѣрѣ, а у него только двое!

— Господа!.. Имеемъ ржонда народоваго я открываю трибуналъ! подавшись съ мѣста торжественно официальнымъ

тономъ возгласилъ Крушинскій: — Прошу занять свои мѣста Благословите, отче!

И по слову председателя, вся компанія стала при своихъ стульяхъ, съ серьезнымъ видомъ молитвеннаго благоговѣнiя сложивъ руки и преклонивъ головы, а ксендзъ Микшевскій оборотясь къ Распятію забормоталъ въ полголоса „молитву о помощи Духа Святаго предъ началомъ добраго дѣла“.

Наконецъ, получивъ отъ него общее пастырское благословеніе, всѣ разѣшались на свои мѣста и приняли натянутый официально-серьезный видъ, приготовляясь къ слушанію доклада Святки, который вынулъ изъ своего портмоне тоненькую бумажку, свернутую въ самый маленькій шарикъ, тщательно расправилъ ее и, подвинувъ къ себѣ поближе свѣчку, сталъ читать черезъ лулу микроскопически написанныя строки. Первымъ обвинялся какой-то Еврей-ростовщикъ Шмуэль Путкамеръ, по доносу сборщика Юзефа Чауке, въ нежеланіи платить народовую подать, въ непочтительномъ отзывѣ о ржондѣ, выскказавшемъ будто бы въ глаза самому Чауке, при требованіи имъ уплаты подати, и, наконецъ, въ знакомствѣ его, Путкамера, съ частнымъ приставомъ Дроздовичемъ, что уже само по себѣ служитъ доказательствомъ его шпіонской профессіи, а потому де сей жидъ Шмуэль Путкамеръ, недостойный называться именемъ Поляка Моисеева закона, приговаривается какъ зловредный гражданинъ къ смертной казни черезъ отравленіе, ибо расправа посредствомъ кипжала, какъ болѣе благородная казнь, сочтена для него слишкомъ высокою, и онъ признанъ недостойнымъ подобной милости.

— Позвольте, господа, вмѣшался Штейнгреберъ:—я немножко знаю этого Путкамера, но сильно сомнѣваюсь чтобы онъ былъ шпіономъ. Знакомство съ Дроздовичемъ ничего еще не доказываетъ. Это бы надо расслѣдовать болѣе обстоятельнымъ образомъ.

— Вздоръ! закричалъ Микшевскій:—Стоитъ еще задавать себѣ трудъ расслѣдовать!.. Изъ-за какого-нибудь подлаго жидюги!..

— Но вѣдь обвиненіе голословно! На чемъ этотъ Чауке основываетъ его?

— На внутреннемъ убѣжденіи и на знакомствѣ съ Дроздовичемъ,—этого совершенно достаточно! авторитетно порѣшилъ Сикстъ, осушивъ свой куфаль лива.

— А что ежели этот Чауке долженъ Путкамеру по векселю и путемъ довоза думаетъ избавиться отъ долга? лугиалъ записку Штейнгреберъ, явно желавшій отстоять своего оо-лженика.

— Ну, и помогай ему Боже, отвѣтилъ на это ксендзъ Микшевскій.— Во всякомъ случаѣ, прибавилъ онъ:— Чауке *намъ*. Чауке намъ извѣстенъ, а Путкамеръ нѣтъ, Чауке принадлежать къ организаціи и служить сборщикомъ, и вдобавокъ очень хорошій, усердный сборщикъ и благонамѣренный По-ликъ,—уже по одному этому мы должны уважить его доносъ... Какое же довѣріе послѣ этого мы будемъ оказывать своимъ, если ставемъ еще провѣрять ихъ показанія!.. *Mortus est!*.. Мой голосъ за казнь, — кто со мной, господа, и кто про-танъ?

Всѣ безусловно согласились съ Сикстомъ, и даже Еврей Штейнгреберъ, при всемъ своемъ тайномъ нежеланіи, долженъ былъ присоединиться къ общему рѣшенію и подписать свое имя на протоколѣ.

— Ну, кончайте скорѣй! кто еще тамъ у васъ? — Я ужъ спать хочу! нетерпѣливо обратился къ Свѣткѣ ксендзъ Микшевскій.

Обвинитель снова склонился надъ своею микроскопически-исписанною бумажкой, но медлилъ надъ нею въ какой-то странной нерѣшительности, нарочно стараясь показать видъ будто онъ не можетъ разобрать написаннаго.

— Да читайте же! Чего вы мямаете? еще нетерпѣливѣе от-несся къ нему Сикстъ.

— Позвольте, сейчасъ...

И онъ началъ медленно, оттягивая слогъ за слогомъ, будто въ самомъ дѣлѣ съ трудомъ разбираетъ буквы:

— По... по... по пред-ставленію... по представленію... пред... пред-ста... ста-те-ля...

— Да что вы, читать разучились, что ли?

— Ми... позвольте, сейчасъ... „По представленію предст-авителя“...

И Свѣтка снова замолкъ надъ бумажкой, но на этотъ разъ же не показывая вида будто не можетъ разобрать ее.

— Дагѣ! досадливо толкнулъ ногой Микшевскій.

Свѣтка молчалъ, будто и не слышалъ этого возгласа.

Микшевскій пристально взглянулъ ему въ лицо и несколько удивился. Это лицо было блѣдно, съ глазами заколочеными

какимъ-то туманомъ, и отпечатывало въ себѣ всѣ признаки разстройства и смущенія.

— Да что это съ вами?... Вы на себя не похожи! Вам дурно что ли! воскликнулъ Микосевскій.

— Да, мнѣ не хорошо. Я не могу этого читать... то-ест прочесть не могу, послѣдшилъ онъ поправить свою обмолвку:— Пусть кто-нибудь другой читаетъ.

— А обязанность обвиненія? поднялъ на него очки старшій Крушинскій.

— Я не могу... Извините, господа.. Я передаю мою обязанность... Читайте за меня сами... Я не могу, говорю вамъ. Обвиняйте сами кто знаетъ...

И проведя рукой по волосамъ, Свитка съ усиліемъ поднялся съ мѣста и почти шатаясь, въ какомъ-то странномъ волееніи, весь блѣдный вышелъ въ другую комнату.

Всѣ члены трибунала въ недоумѣніи вопросительно перглавулись между собой.

На мигу наступило какое-то странное, нервнѣешее молчаніе.

Ксенадъ Кароль пожалъ плечами и взявъ со стола бумагу и лулу, сталъ читать по запискѣ:

„По представленію предсѣдателя Варшавскаго отдѣла рускаго общества „Земля и Воля“, членъ означеннаго общества Ковстантинъ Хвалынецъ, принадлежащій къ составу рускихъ войскъ, за измѣну общему дѣлу передается суду народнаго трибунала. Предсѣдатель, признавая его крайне опаснымъ для цѣлей и преуслѣвія дальнѣйшей дѣятельности общества, покорнѣе проситъ Центральный Комитетъ поботаться чтобы приговоръ высокочтимаго трибунала былъ положенъ и приведенъ въ исполненіе въ возможно скорѣйшее время.“

— Повиновъ есть! окончивъ чтеніе, сразу произнесъ Микосевскій.— Ваше мнѣніе, господа? обратился онъ къ членамъ

— Смерть! почти въ одинъ голосъ отвѣтили остальные.

— Гей, лаве прокуратору! крикнулъ Сикстъ въ другую комнату:—ваше мнѣніе? Съ большинствомъ согласны? а?

Свитка молчалъ.

— Э, да что это съ нимъ такое? Никакъ заболѣлъ, или самомъ дѣлѣ? прощѣлъ сквозь зубы ксенадъ и направилъ къ Свиткѣ, который сидѣлъ отвернувшись къ окну и облокотясь на подоконникъ.—Что съ вами, другъ мой? тихо прои-

несъ Микошевскій, съ нѣжностію склоняясь надъ нимъ и участиво засматривая ему въ лицо. Но каково же было удивленіе погулявшаго Сикста, когда въ глазахъ сотоварища онъ замѣтилъ нѣчто похожее на слезы.

— Вы плачете?... Другъ мой, что это?... Нервы? произнесъ онъ тише чѣмъ въ полголоса.

— Если можно, спасите его! крѣпко схвативъ руку Микошевскаго, порывисто прошепталъ Свитка.

— Бого? недоумѣло спросилъ ксендзь.

— Его... Хвалынцева.. Это я запуталъ его въ дѣло... Я одинъ виноватъ... Повѣрьте! Клянусь вамъ! Я хорошо знаю этого человѣка и знаю что онъ человѣкъ честный. Вся вина его только въ несходствѣ убѣжденій съ Палайницей... Примѣните къ нему статью кодекса объ изгнаніи... Можно устроить такъ что само начальство вытуритъ его изъ службы, и пусть убѣжится къ себѣ въ Россію. Спасите, если можете!

— Милостивый государь, я вижу что вы дѣйствительно больны, потому что говорите неаѣлости, сухо возразилъ ему Микошевскій.

— Но я люблю этого человѣка, мнѣ жаль его! И мнѣ больно что я ни за грошъ погубилъ его!... Тутъ совѣсть говорить, любите вы это!... Я долженъ былъ по приказанію комитета объявить его, а между тѣмъ... эта казнь противъ моего убѣжденія.

— О вашемъ убѣжденіи никто не спрашиваетъ, серьезно требилъ его ксендзь,—и еслибы вы имѣли неосторожность насю и формально отказать въ той комнатѣ отъ обвиненія, вы сами подлежали бы суду трибунала. Но я щажу васъ, и промолчу объ этомъ. Стыдитесь! Вы, Полакъ, за Москваа!... Ну, добро, Жидъ за Жида стоялъ—это понятно; но Полакъ и Москваа!... Фи! Я не узнаю васъ! Опомнитесь и берегитесь!

И войдя въ комнату засѣданія, Сикстъ произнесъ громко и утвердительно:

— Панъ прокураторъ боленъ, но онъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ.

Услышавъ эти слова, Свитка безнадежно и локорно склонилъ головой на лодоконникъ. Въ Варшавѣ онъ былъ не то что въ Литвѣ: въ Варшавѣ онъ былъ не свободенъ, онъ долженъ былъ сѣбно подчиняться грозной и карающей власти комитета и какъ можно тщательнѣе таить отъ всѣхъ свои

замыслы о самостоятельной роли, о сепараціи Литвы и о диктатурѣ надъ нею. Боже избави елибы здѣсь на него хоть малѣйшая тѣнь подозрѣнія, и тѣмъ болѣе что здѣсь все, даже самая малѣйшая бездѣлица могла легко навеселитъ всякія подозрѣнія. Онъ и то уже поступилъ смѣлѣе и осторожнѣе, увлекшись человѣческимъ порывомъ своего сердца и такъ откровенно высказавшись предъ Сикстомъ о Хвалы цевѣ. Надо было по необходимости подчиниться безпоощадному рѣшенію Сикста, который, помимо номинальнаго председателя, вертѣлъ какъ хотѣлъ, цѣлымъ трибуналомъ, и Свѣтка подчинилась.

— Итакъ, рѣшеніе единогласно! продолжалъ межъ тѣмъ Микошевскій.—Но теперь еще вопросъ, господа: родъ казни для послѣдняго субъекта?

— Кинжалъ! единогласно отвѣтили члены.

— Да будетъ! Пишите приговоръ, пане Труцинскій, заключилъ ксендзъ.

Забота объ исполненіи послѣдняго приговора возложена была Крушевскимъ на Штейнгребера, который убедительно просилъ уволить его отъ устройства казни надъ единополеменикомъ, и въ замѣнъ освобожденія своего отъ убійства Еврая обѣщалъ казнить чрезъ своихъ подчиненныхъ кинжаломъ трехъ Русскихъ или трехъ дурныхъ Поляковъ. Ксендзъ Сикстъ великодушнѣе разрѣшилъ ему это,—и чрезъ четверть часа вся компанія, позажигавъ свои латарки, простилась съ хозяиномъ, торопясь добратъся домой до урочнаго часа, послѣ котораго цивилизнымъ людямъ воспрещалась ходьба по городу. И глядя на эти спокойныя лица да прислушавшись къ невнятной болтовнѣ, никому и въ голову не могло бы прийти что эти люди всего лишь въскольکو минутъ назадъ подписали смертный приговоръ двумъ человѣкамъ. Одинъ только Свѣтка хранилъ угрюмое и грустное молчаніе и послѣднимъ простился съ товарищами.

— Помните же мои слова и берегитесь... выкиньте дурную изъ головы, дружески говорю вамъ! телпнулъ ему ксендзъ на прощанье, выразительно пожимая руку.

XX. Варшавскія труппы.

Броварная улица въ Варшавѣ идетъ подъ горою, вдоль берега Вислы, и не болѣе какъ шагахъ въ двухстахъ разстоянія отъ него. Это улица весьма интересная. Тутъ вы встрѣтите оборванную бабу которая съ метлой въ рукѣ, стоя по срединѣ мостовой, исправляетъ должность дворника, а вдоль стѣнъ углубахъ низенькихъ лачужекъ сидятъ старухи-Жидовки, похотли скорѣе на какихъ-то газмовъ чѣмъ на существа носящія образъ человѣческій: сидятъ онѣ подлѣ своего товара—ютка съ валами вощьями или глицыми грушами, штопаютъ какую-то ветость да парятъ на солнышкѣ свои древнія кофты, въ тѣ дни когда оно блещетъ надъ Варшавой. Жидеята, собаки, оборванцы, шарманки, подозрительные „лобусы“ и еще болѣе подозрительные торгаши, то и дѣло свуютъ изъезд и впередъ по этой улицѣ, на которой отъ раняго утра до урочаго часа вечера непрестанно проявляется самое бойкое движеніе. Это улица дѣятельная, торговая, съ сильно преобладающимъ еврейскимъ элементомъ. Но это элементъ, такъ сказать, наружный, показной, который кидается вамъ въ глаза на самой улицѣ, въ окнахъ, у пороговъ входныхъ дверей, за стойками лавченокъ и т. д. А попробуйте заглянуть во дворъ пубаго изъ подогныхъ домишекъ, особенно (если это будетъ будній день) вечеромъ, около девяти-десяти часовъ, и вы совершенно неожиданно натолкнетесь на такое население которое въ теченіе дня совсѣмъ не примѣтишь—по очень простой, впрочемъ, причинѣ: днемъ его тамъ нѣтъ. Надо замѣтить что самый родъ торговли на Броварной довольно исключителенъ: каружная сторона улицы, по преимуществу, шинковать. Нѣтъ того сквернаго домишки въ которомъ не помѣщалось бы что-нибудь въ родѣ кабака, квейлы, баваріи, хирисаи, кофейни или съѣстной лавки; преимущественно же выступаютъ шинки. Шинокъ—почти необходимая принадлежность чуть ли не каждаго дома на Броварной. И знакомясь съ характеромъ жизни „надворныхъ“ непоказныхъ обитателей этой улицы, перестанешь удивляться такому изобилію этихъ увеселительныхъ заведеній и поймешь что иначе и быть нельзя, что шинокъ тутъ является отдомъ-защитникомъ и матерью-кормилицей этого непоказнаго народа. Не

распивочная торговля олять-таки составляет принадлежность вѣшняго вида улицы и ея вѣшной жизни. Эта торговая, вмѣстѣ съ большею частью домишекъ, принадлежит хазевамъ-Евреямъ. Каждый почти домовладелец непремѣнно держитъ шинокъ, и этотъ шинокъ служитъ тутъ чѣмъ-то въ родѣ круговой лоруки: съ нимъ тѣсно связана возможность самаго существованія „надворныхъ“ обитателей; онъ же является и поддержкой хозяина-Еврея, ибо въ противномъ случаѣ послѣднему пришлось бы лишиться своихъ непоказныхъ жильцовъ. Торговля Броварной улицы, какъ и самая жизнь ея, дѣлится на двѣ рѣзко раздѣльныя категоріи: наружную надворную.

Еслибы кто рѣшился войти въ любой изъ этихъ домишекъ, то первое чтó представилось бы ему въ проходномъ корридорѣ, это—баба-дворникъ. Тутъ почти совсѣмъ нѣтъ мушьянъ исправляющихъ дворничью должность. Баба-дворникъ это обыкновенно растрепанная женщина, со сбитою на створу головою покрывкой, въ видѣ какого-то траля, въ ветхихъ лохмотьяхъ вмѣсто одежды, босая, старая, грязная съ метлой въ рукахъ и въ то же время часто съ груднымъ ребенкомъ подвязаннымъ у нея какъ-то черезъ плечо, съ помощью полотнянаго сварача напоминающаго своимъ устройствомъ нѣчто въ родѣ матросской койки. Среди томаша лѣтняго зноя, равно какъ и въ зимній холодъ, почти въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ костюмѣ, развѣ только съ прибавленіемъ рваныхъ салоговъ, эта женщина-дворникъ всѣ свои дни проводитъ въ вѣчной работѣ: она и во дворѣ всаки хламъ убираетъ въ сторонку, и корридоръ подметаетъ,—когда объ этомъ распорядится „ревиновый“, * и улицу мететъ, и дрова носить на общую печь, у которой, между прочимъ, стогрѣваетъ лорою свои закопченныя члены. Да ночью-то не всегда ей бываетъ покойно: въ узкой, тѣсной каморкѣ, гдѣ съ трудомъ только можно повернуться и гдѣ едва найдется мѣстечко чтобы прилечь отъ усталости, ее часто пронимаетъ холодъ и сырость, такъ какъ далеко не всѣ подобныя каморки бывають снабжены печами. Намаевшись и теченіи дня отъ постоянной своей работы, она ложится спать все-таки позже другихъ обитателей дома, да и то, по ступѣ въ дверь, придется не одинъ разъ вокочить отъ сна и отъ

* Околадочный надиратель.

засту дверную защелку у входа. А просылается баба-дворникъ, по обязанности, раньше всѣхъ—и опять за ту же работу!.. Такимъ образомъ, эта вѣчная труженица является крайне забитымъ, робкимъ существомъ: ей и отъ ревироваго и непорядокъ достается, а отъ хозяевъ и подавно. Ей дается жить, въ видѣ известной уже каморки, да въ добавокъ еще какой-нибудь рублишко, или около того, въ мѣсяцъ жалованья. На эти средства она должна существовать, часто съ ребятами, часто съ мужемъ, или приходящимъ къ ней „коханкомъ“, которые въ непремѣнную свою обязанность поставляютъ прожить заработанные ею гроши. И на такую обязанность мужа или коханка никогда не слышится почти ни малѣйшаго слова со стороны бабы-дворника. Такая ужъ любящая натура! Чуть только переступаетъ за порогъ охраняемой ею двери какой-нибудь господинъ одѣтый приличнымъ образомъ (что шрочемъ въ этихъ мѣстахъ случается рѣдко), баба-дворникъ первымъ дѣломъ подвертывается къ нему подъ руку и старается уничтоженно облобызать въ плечо, что на свѣжаго человека дѣйствуетъ особенно непріятнымъ образомъ, тѣмъ болѣе что на первыхъ порахъ ничего подобнаго никакъ не ожидаешь. И если отдернешь отъ нея свою руку, баба-дворникъ останется очень удивлена и растеряна — до того стали ей привычны подобныя лобызанья!

По близости общей для всѣхъ обитателей печи (обыкновеннаго, заколѣвшаго каминъ въ проходномъ корридорѣ) виситъ въ-нибудь на стѣнѣ расписание жильцовъ дома, по числу занимаемыхъ ими квартиръ. Это расписание, если вы не знакомы съ условіями быта и жизни Броварной улицы, тоже немало изумитъ васъ. Домишко ветхій, маленькій, тѣсный, въ которомъ два-то семейства—еще куда бы ни шло—помѣстятся какъ-нибудь, а три—уже съ нѣкоторымъ трудомъ и стѣсненіемъ, и вдругъ, рослись жильцовъ такого домикка глаголь вамъ что въ немъ имѣется тридцать квартиръ, иногда немного меньше, иногда немного больше, такъ что цифра тридцать можетъ служить среднею для всѣхъ подобныхъ обиталищъ этой улицы. Вы невольно изумляетесь какъ это, молъ, тридцать квартиръ? да откуда ихъ столько наберется? да гдѣ жъ онѣ всѣ, наконецъ, помѣщаются, если тутъ хватить мѣста всего-то только на двѣ, на три квартиры? И вы не ошиблись: въ самомъ домикѣ ихъ, дѣйствительно, не болѣе двухъ, трехъ. Но стоить вслѣдъ за бабой-

дворникомъ пройти по клавише-подобнымъ, гнилымъ и гнилымъ доскамъ корридора, во внутрь двора принадлежаща этому домишкѣ. Тутъ, среди разнаго хлама и мусора, таятъ по краямъ досчатая кайтушки, въ родѣ чуланчиковъ и дрянныхъ сарапшекъ для дровъ и ненужной рухляди. В такъ и думаете что это не болѣе какъ складочные чуланимѣющіе свое обыкновенное назначеніе. Ничуть не бывавъ это—квартиры, въ которыхъ живутъ люди и платятъ за и емъ ихъ хозяину. Мало того, тутъ есть еще свои аристократы и свои плебеи. Чтобъ убѣдиться, стоить войти въ и бую изъ берлогъ той и другой категоріи, и вы будете имѣть довольно наглядное понятіе о томъ что такое аристократія что такое паріи въ средѣ надворныхъ обитателей Броварно Еврей-хозяева, конечно, въ этотъ расчетъ уже не входятъ ибо она баснословные Крезы въ сравненіи со своими жидами.

Вотъ цѣлый рядъ чуланчиковъ, въ которые ведутъ какъ прикрѣпленныя на ржавыхъ петляхъ двери. Тоакнут хорошенько ногою любую изъ нихъ, сразу же и размыслится да еще, пожалуй, и всему зданію ущербъ навесетъ. На внутренней сторонѣ двери приклеена, посредствомъ хлѣбной макиша, Матка-Бозка—обыкновенное изображеніе Частотской Богородицы, какое вы найдете въ тысячахъ варшавскихъ квартиръ, на дверяхъ чуть ли не каждой Польки и религіознаго Поляка.

Въ этой канурѣ замѣтны кое-какіе признаки скудной ослѣпости. У стѣвъ помѣщаются два, три подобія постелей—обыкновенно, нѣсколько досокъ, положенныхъ на обрубки и ржавыхъ колодъ и прикрытыхъ всевозможнымъ тряпьемъ грязнѣйшаго свойства и неопредѣлимаго цвѣта. У противной стѣны вкопана въ землю точно такая же колода, къ ней, въ горизонтальномъ положеніи, прибита гвоздемъ доска. Эта послѣдняя мебель имѣетъ назначеніе обыкновеннаго стола къ которому, впрочемъ, никакого соответственнаго сидѣнія не полагается. Окнашекъ тоже не полагается: ихъ съ успѣхомъ замѣняютъ пространныя и обильныя щели и дыры въ крышѣ и стѣнахъ, сквозь которыя можетъ свободно продувать и тереть, капать дождь, сыпаться снѣгъ, и вообще представляется полная возможность заглядывать сюда во всемъ воздушнымъ проявленіямъ погоды. О печаль вничего и думать: ихъ замѣняетъ природная телота человеческого тѣла и кой-какъ

закимоты. Но все-таки и здѣсь является своего рода претензія на нѣкоторый комфортъ и эстетическую сторону жизни: на стѣнахъ развѣшаны грубыя малеванья разныхъ католическихъ святыхъ, обрывки модныхъ картинокъ, вырѣзки полтаплажей изъ разныхъ иллюстрированныхъ изданій и, наконецъ, бутылочныя этикетки. Правда, всѣ эти изображенія загрязнены слѣдами мутныхъ потѣковъ, такъ что даже и не разберешь что собственно они изображаютъ, но въ этомъ нѣтъ ничего мудренаго, такъ какъ во время дождя въ эти людскія жилища стекаетъ съ крышъ вся грязная вода, а черезъ нѣсколько часовъ, глядишь, полъ, которымъ служить просто голая земля, является чѣмъ-то въ родѣ сплошной, густой и вонючей лужи. Претензія на эстетическую сторону жизни сказывается въ лѣтнюю пору и еще въ одной принадлежности большей части аристократическихъ помѣщеній. Привлекательность эта—всякія травы, цвѣты и зеленыя вѣтви, которыми посылаютъ полъ и унизывается потолокъ, благо щелей достаточно. Такимъ образомъ у нѣкоторыхъ изъ броварныхъ аристократовъ является нѣчто въ родѣ своего собственного домашнего сада. Эти вѣтви и цвѣты все-таки хоть немного помогаютъ очисткѣ и освѣженію воздуха, который безъ этого спасительнаго средства спирается въ такихъ жилищахъ до крайне удушливаго зловонія.

Таково помѣщеніе аристократовъ.

Паріи селятся несравненно хуже, такъ что, наконецъ, приходишь въ сильное сомнѣніе: точно ли ужъ возможно какое-либо существованіе при такой обстановкѣ, при такихъ условіяхъ жизни? А между тѣмъ, возможно; между тѣмъ, люди живутъ тутъ цѣлыми годами, зиму и лѣто, и даже имъ весьма тяжело бываетъ разстаться съ своимъ жилищемъ, до того ужъ они свыкаются съ нимъ!

Блудный сынъ, съ которымъ знакомить насъ евангельская притча, безъ всякаго сомнѣнія, сравнительно пользовался большими удобствами, во время жизни своей со свиньями, тѣмъ эти злосчастные паріи Броварной улицы. Да что ужъ тутъ говорить о блудномъ сынѣ! Самыя свиньи, собаки и прочія домашнія животныя, въ томъ положеніи въ какомъ находятся они у всѣхъ почти фермеровъ, помѣщиковъ и многихъ крестьянъ, пользуются несравненно бѣльшими удобствами чѣмъ эти жалкіе люди. Едва ли можно даже вообразить себѣ что-либо подобное. Углы и трущобы московскіе и петербург-

скіе, поставленные въ самыя невыгодныя условія для члвчскаго существованія, все-таки ничто въ сравненіи съ б образіемъ варшавскихъ трущобъ Броварной улицы. Въ тѣ видю, по крайней мѣрѣ, что такъ или иначе онѣ предгаз чаются для жизни члвчѣка; здѣсь же и невыскаательно животному, кажись, трудно бы было помѣститься, съ тѣ чтобы постоянно дышать этимъ воздухомъ и вѣчно подв гаться всяческимъ вліаніямъ стихій въ лѣтнюю и особенно зимнюю пору. Впрочемъ иные изъ обывателей выговариваю себѣ на зиму особенное право: приходиться въ шинокъ во в мя сильнаго холода и тамъ отогрѣваться въ тепломъ возду. Бóльшая часть хозяевъ соглашается на это условіе съ ве кодушною благосклонностью. Но устроить подобныя кону и отдать ихъ подѣ жилью, въ наймы людямъ, могла единствн но лишь жидовская изобрѣтательность, умудряющаяся вы гивать свою долю выгоды изъ послѣдней, брошенной и, залось бы, ровно ни къ чему непригодной драги.

Представьте себѣ самый тѣсный хлѣвъ, кой-какъ ско ченный изъ гнилыхъ барочныхъ досокъ, съ кой-какъ при женною дверкой, похожею болѣе на форточку, а иногда просто съ дырою для входа, въ которую нечего и думать чтобы пройти какъ обыкновенно ходятъ люди; то-есть и тянувшись въ ростъ члвческій, а надо пробираться а ползкомъ, либо согнувшись, что называется, въ три поги ли. Въ этой ямѣ уже нѣтъ никакихъ признаковъ освѣденю просто голыя, дырявыя стѣны, дырявая досчатая насти вмѣсто крыши (она же и потолокъ), а полъ—земля, устл ная грязною, навозною соломой. На этой самой соломѣ л сидятъ, вѣдаютъ, спятъ, а бы прибавилъ и *ходятъ*, есабы т была хоть какая-нибудь возможность ходить; остается о средство—ползати. Такъ обыкновенно и дѣлается. Случае что эти хлѣва сдаются хозяевами въ наемъ съ условіемъ выводить изъ нихъ домашнюю скотину, и тогда люди, буквально, живутъ вмѣстѣ со свиньями. Рядомъ съ такт жилищемъ, а иногда и прямо въ самой свинарнѣ помѣщае зловонный складъ товара, сбытъ котораго даетъ средства поддержанія существованія ятихъ варшавскихъ ларій. Но о этомъ послѣ.

Обыкновенная цѣна за подобное помѣщеніе—десять з тыхъ, или полтора рубля серебромъ въ мѣсяцъ, значить, рублей въ годъ, сумма весьма таки не малая для чернора

нѣ подевшицы. И вотъ, однѣ только свилярки принадлежан подобному домишкѣ приносятъ хозяину-Еврею 540 рублей мѣсячаго дохода, если взять среднюю норму въ 30 квартиръ. Доходы съ шиакъ еще влѣтеро превышаютъ эту цифру; но о нихъ мы говорить не станемъ.

Въ одной кануркѣ обыкновенно ломѣщается отъ двухъ до шести человѣческихъ паръ, а иногда случается и больше того. Эти при этомъ въ расчетъ не идутъ, мы беремъ однихъ взрослыхъ. Эти пары занимаютъ собою свое логовище, значить, при совмѣстномъ житиѣ четырехъ человѣкъ, на долю одной пары приходится мѣсячной платы 75 копѣекъ, а при шести по четвертаку. Такая выгода, естественно, заставляетъ ихъ группироваться въ возможно большее число паръ, насколько лишь позволяютъ тѣсныя предѣлы такой человѣческой берлоги.

Всѣ эти пары соединены, каждая между собою, узами свободной любви, или что одно и то же, свободнаго сожительства. Но при такомъ устройствѣ ихъ быта, вся гнетущая сторона жизни, весь производительный трудъ, выпадаетъ исключительно на долю женщины, совершенное подобие африканскихъ Кафровъ и полинезийскихъ дикарей. Женщина здѣсь полная, безусловная раба своего мужа или коханка. Она, отъ равнаго утра до поздняго вечера, несетъ тяжелый подевный трудъ, а самецъ ея въ это время засѣдаетъ безвыходно въ шиакѣ, изъ котораго выходитъ вечеромъ единственно затѣмъ чтобы попробовать крѣпость своихъ кулаковъ на выносливомъ тѣлѣ самки, отобрать отъ нея дневной заработокъ, который завтра же будетъ имъ пропитъ, и затѣмъ, въ ожиданіи утра и предстоящаго льявства, завалиться спать, какъ попало и гдѣ пошло. Между этими парами зачастую происходятъ самыя отчаянныя драки, гдѣ лускается въ ходъ и дреколье, и топоръ, буде подъ руку какъ-нибудь попадется,—драки составляющія вѣчный предметъ разбирательства въ XI циркулѣ и доводящія мужчинъ до тюрьмы, а случается и до каторжной работы.

Но что всего замѣчательнѣе, эти женщины, по большей части все старыя и сильно безобразныя, искренно привязаны къ своимъ сожителямъ, почти всегда добровольно отдають имъ заработанныя деньги, не ропщутъ на страшные побои и увѣчья, заставляющіе ихъ иногда по недѣлямъ отлеживаться въ грязномъ угау, почти безъ лица, если изъ жалости кто-нибудь не

киветъ больнои, какъ собакъ, какой-нибудь огрызокъ хлѣба и наконецъ, избитыя, ободранныя, ограбленныя, онѣ еще идутъ вмѣстѣ съ мужемъ, котораго за буйство забрала полиція, съ энтузіазмомъ и горькими слезами, на колѣняхъ выпрашиваютъ ему въ циркулѣ помилованія.

Атмосфера въ этихъ берлогахъ убійственная. Да и не мушкетеро: такая профессія, таковъ промыселъ этихъ ларій. С самаго раняго утра женщины, запасшись мѣшками и корзинами, выходятъ на работу, въ разбродъ по всему городу особенно же по торговымъ и грязнымъ кварталамъ. Здѣсь онѣ занимаются подбораньемъ всевозможныхъ уличныхъ нечистотъ, которая послѣ уже, у себя на квартирѣ, группируютъ въ разныя отдѣлы. Мушкетеры въ это время еще спятъ, проснувшись, непосредственно отправляются въ шивокъ начинаютъ свое обыденное засѣданіе въ этомъ значномъ прохладномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ въ теченіи цѣлаго дня квартиры ихъ остаются почти совершенно пустыми. Изрѣдка развѣ попадетса какая-нибудь женщина за домашнею работою, то-есть за складкой и сортировкой подобранныхъ продуктовъ своей торговли, да мертвецки спящій въ поваляльняннй мушкетеръ. Трезвыхъ и тѣмъ болѣе дѣятельныхъ мушкетеровъ совсѣмъ не видать между населеніемъ этихъ берлогъ.

Между тѣмъ вотъ какіе предметы составляютъ искомымъ товаръ труженницъ-женщинъ: песій пометь, который покупаютъ у нихъ Жиды, отъ 30 до 40 коп. за корзинку, и потомъ перепродаютъ его перчаточникамъ; битое стекло на луды (по 1 коп. за луду) черезъ тѣхъ же Евреевъ сбывается стекляннмъ заводамъ на переливку; тряпье и оборвыши бумаги (по 20 коп. за два луда) идутъ на бумажныя фабрики, и наконецъ кости (по грошу фунтъ) на сахарные заводы.

Всѣ эти предметы зачастую сваливаются въ томъ же самомъ жилищѣ, заражая собой воздухъ до невозможной степени. Тутъ гнѣздо тифа и холеры. Но привычка—дѣло великое. Эти люди не только не смущаются присутствіемъ собранныхъ продуктовъ, а еще умудряются иногда устраивать себѣ на нихъ временныя постели и спать на ложѣ изъ костей, покрытыхъ грудю рваныхъ и грязныхъ тряпокъ и бумажекъ. Выборомъ костей вообще не затрудняются. Чаще всего, конечно, падаютъ кости убойнаго скота, но если попадетса собачія или лошадиный остовъ, то и тѣмъ не пренебрегаютъ. Мѣстные старожилы говорятъ—не знаю, впрочемъ, насколько это

му можно вѣрить—будто въ прежнее время, когда еще былъ совершенно свободенъ пропускъ за черту города, иныя женщины этого класса пробирались на кладбища, особенно въ тѣ ночи когда продолжительнымъ и сильнымъ дождемъ поразмываетъ могилы, изъ которыхъ часто въ такихъ случаяхъ торчатъ человѣческія кости. Эти кости будто бы также служили имъ добычей и въ числѣ другихъ сбывались на заводы. Вообще же вся торговля этого народа происходитъ не иначе какъ чрезъ посредство Жидовъ-шуккарей, которые уже сами-посебѣ имѣютъ дѣло съ фабриками и заводами.

Теперь надо посмотреть изъ какихъ классовъ общаго населенія слагается этотъ особенный, изолированный классъ трущобныхъ обитателей Броварной улицы. Мушны всякій сбродъ: мѣщане, солдаты отставные, дворовые люди, прислуга, пролоицы-чиновники выгнанные изъ службы, пролоицы-ремесленники прогнанные отъ хозяевъ, замотыги-крестьяне и тому подобный людъ, изъ котораго обыкновенно формируется паразитный наростъ общества и который преимущественно предъ прочими классами, подъ вліяніемъ невыгодныхъ условій подобной жизни, поставяетъ наибольшее число кандидатовъ въ тюрьмы, исправительныя заведенія, арестантскія роты и каторжную работу въ сибирскихъ рудникахъ. Женщины по большей части принадлежатъ къ пришлому въ городъ крестьянскому сословію, но есть между ними и мѣщанки, попадаютъ даже личности и изъ выше поставленныхъ слоевъ общества. Женщины эти, за весьма немногими исключеніями, начиная съ развратной жизни, проходятъ мало-по-малу всѣ ея степени и подъ старость оканчиваютъ существованіе въ берлогахъ Броварной улицы. Многія изъ нихъ тутъ и родились, и выросли, и даже состарѣлись; но кто былъ отецъ, кто мать? про то одному Богу извѣстно.

И такимъ образомъ тянется не жизнь, а прозябаніе этихъ жалкихъ людей, одинъ видъ которыхъ вмѣстѣ съ видомъ ихъ жилья не на шутку покоробитъ нервы и сожметъ жалостью сердце человѣка которому впервые доведется все это увидѣть.

Броварная улица въ періодъ революціоннаго террора преимущественно поставяла контингентъ простыхъ работниковъ, заурядныхъ исполнителей „по части операторной“. Здѣсь уже были готовы кивальщики и вѣшатели, для которыхъ своя голова была не дорога, а дороги только тѣ лятьдесятъ

колѣкѣ что получали они въ сутки отъ агенто́въ ржонда, и тѣ полтора рубля что, по положенію, выплачивались имъ за каждую удачно совершенную „операцию“.

XXI. Операторъ.

На другой день послѣ засѣданія тайнаго трибунала, добрый Полякъ Моисеева закона, панъ Штейнгреберъ, съ самымъ невиннымъ видомъ пробираясь внизъ по Беднарской улицѣ на Броварную. Онъ всегда принималъ самый беззаботный, самый невинный и благонамѣренный видъ, когда шелъ съ какимъ-нибудь рискованнымъ порученіемъ по своей специальности. Баба-дворникъ пропустила его въ темный корридоръ одного изъ тридцати квартирныхъ домишекъ.

— А что, дома панъ Биртусъ? спросилъ панъ Штейнгреберъ, предварительно изогнувшись для того чтобы заглянуть во входную дыру одной надворной берлоги.

— Въ огрудкѣ! нехотя и раздраженно отвѣтила ему оттуда женщина съ синяками на лицѣ, возившаяся въ берлогѣ надъ сортировкой костей и бумаги.

Панъ Штейнгреберъ зналъ уже въ какомъ именно „огрудкѣ“ можетъ засѣдать панъ Биртусъ и потому не спрашивая болѣе, вышелъ опять на улицу и пошелъ въ известномъ ему направленіи.

Въ предѣлахъ „Старо́го Города“, который скучился около площади „Старе Мѣсто“ лабиринтомъ своихъ узкихъ, шумныхъ и грязныхъ переулковъ, съ высокими, узкими и лестрыми домами, гдѣ каждый изгибъ улицы, каждый выступъ стариннаго, залесневѣлаго дома, каждый камень, наковецъ, отзываются чѣмъ-то средневѣковымъ и именно католически-средневѣковымъ, одною изъ наиболѣе оригинальныхъ особенностей являются пріютившіеся тамъ и сямъ, за высокими стѣнами и каменными заборами, „огрудки“, которые также называются „кнейлами“. Въ прежнія времена, когда еще въ Варшавѣ и не слышно было о революціонномъ террорѣ, стоило пройтись иногда хотя бы по Подвальной улицѣ, лѣтомъ, часовъ около осьми вечера. До слуха вашего тамъ непремѣнно донеслись бы изъ нѣсколькихъ мѣстъ веселые звуки музыки. Съ одной стороны, бывало зудить вамъ въ ухо разбитая, хрилая шарманка, съ другой — разсѣкаетъ воздухъ рѣзкій тромбонъ, съ

третьей — турецкій барабанъ съ металлическими тарелками разбиваяно бухаетъ свои воинственные такты, тамъ—скрипка, здѣсь—кларнетъ; повсюду бывало видишь и слышишь что жизнь тутъ ключомъ кипитъ, что Варшава—городъ веселый, беззаботный, что она звуки любитъ, движеніе любитъ. Но въ то время къ которому относятся событія нашего разказа, надъ этою искони веселою частью города царила тягостная тишина, мертвенность, отсутствіе какого бы то ни было намека на веселый звукъ веселой жизни—все смотрѣло мрачно, злобно, подозрительно.... Но огрудки, за исключеніемъ звуковъ, не переставали жить по старинѣ своею обычною жизнью.

Черезъ очень старую, толстую, окованную желѣзомъ дверь, лавъ Штейнгреберъ вошелъ въ корридоръ еще болѣе стараго дома. Фонарь постоянно вывѣшанный въ этомъ корридорѣ и тускло мигающій днемъ и ночью, указалъ ему проходъ во дворъ и оттуда въ „огрудекъ“, извѣстный подъ фирмою „Эдемъ“. Но чтобы попасть въ этотъ эдемъ обитателей Броварной, надо было пройти всѣ лукакты Дантовой „комедіи“ въ миниатюрѣ. Роль ада въ этомъ случаѣ игралъ мрачный, узкій, сырой и темный корридоръ, выводящій въ чистилище, то-есть на дворъ, пространствомъ въ три-четыре квадратныхъ сажени, словно глубокій ящикъ, загороженный со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами. Здѣсь ощущается уже нѣкоторое присутствіе свѣта. Я бы сказалъ „и воздуха“, еслибы не побоялся сдѣлать нѣкоторую погрѣшность, такъ какъ еврейскіе дворы вообще чистотою воздуха не изобилуютъ. На то, впрочемъ, этотъ дворъ и служить чистилищемъ, сквозь которое, по неуклюжимъ, острымъ камнямъ да по ветхозавѣтной грязи ведетъ луть въ эдемъ, гдѣ въ доловстамскія времена раздавались райскіе звуки хромаго оркестрика, составленнаго изъ шести или осьми убогихъ артистовъ еврейскаго происхожденія, и гдѣ, какъ прежде, такъ и теперь, предлагается каждому посетителю за пять грошей купель варшавскаго пива, которое неизвѣстно почему носить титулъ баварскаго, „самаго баварскаго, какого даже и въ Баваріи не найдете“, по остроумному объясненію краснощекой Гебы.

На какихъ-нибудь десяти квадратныхъ саженьяхъ растутъ себѣ пять-шесть тощихъ кустиковъ сирени да акаціи; вдоль стѣнъ идутъ кой-какъ сколоченные навѣсы и животрелепущія бесѣдочки; въ глубинѣ — буфетъ съ разносортными вод-

ками; со стороны—залахъ жарящагося масла, вѣрный признакъ огрудковой кухни, гдѣ мѣстный Каремъ являетъ алкающей публикѣ свое искусство во всевозможныхъ польскихъ свѣдяхъ. По всѣмъ направленіямъ огрудка то и дѣло шныряютъ, либо съ тарелками, либо съ кувалами и бутылками. Гебы „служонцы“, изъ которыхъ нѣкая весьма милостивы и своими бойкими глазами очевидно пронзаютъ сердца многихъ „завсегдатаевъ“ огрудка.

Въ самомъ заднемъ уголкѣ садика, въ рѣшетчатой бесѣдочкѣ, подъ покровомъ сиреневыхъ кустовъ, постоянно съ утра до ночи ютилась нѣкая компанія крайне подозрительнаго свойства. Эта компанія, обратившаяся въ завсегдатаевъ „Эдема“ съ того самаго времени какъ начались первыя уличныя демонстраціи въ Варшавѣ, основала въ въ укромной бесѣдочкѣ нѣчто въ родѣ своего клуба. При взглядѣ на эти обшарканные, рваные костюмы самаго разнообразнаго цвѣта, покроя и характера, начиная съ фрака и кончая женскою кофтой, а въ особенности, при взглядѣ на полульняныя, наглыя и подлыя фізіономіи членовъ этой компаніи, которые каждаго незнакомаго человека окидывали подозрительными, нахальными и дерзко вызывающими взорами, вы не усомнились бы отнести эту компанію къ категоріи уличныхъ мазуриковъ, которые собрались сюда запивать маргарычи послѣ удачной ночной работы. И дѣйствительно, въ доловстанское время эти молодцы, близко знакомые съ полицейскими камерами, были сплона извѣстны полиціи въ качествѣ любителей чужой собственности, но въ Варшавѣ описываемой минуты, въ Варшавѣ управляемой подземнымъ ржондомъ, они съ гордостью называли себя патріотами. Ни одна уличная демонстрація, ни одинъ крупный скандалъ, ни одно костельное сборище не обходились безъ ихъ ближайшаго участія, и къ ихъ посредству обыкновенно обращались всѣ таинственные антрепренеры демонстрацій, устроители кошачьихъ концертовъ и т. п. Подозрительная компанія, называвшая себя *чернымъ братствомъ*, близко знала всю паразитную сволочь мужескаго населенія Броварной, Кршивега-кола и другихъ трущобныхъ закоулковъ, могла и умѣла въ нужную минуту кликнуть кличъ и собрать толпы празднаго, полульнянаго люда, разсѣяться въ этихъ толлахъ и, каждый въ одну ночку, настраивать ихъ извѣстнымъ образомъ на то или другое дѣло и направлять въ ту или другую сторону.

Члены „чернаго братства“ если и знали взаимно имена друг друга, то избѣгали употреблять ихъ. Въ „Эдемѣ“ они обращались одинъ къ другому не иначе какъ подъ литерами или нумерами: лавъ А, лавъ В, лавъ С, лавъ Нумеръ Тридцатый, и подъ этими же литерами были извѣстны и тайнымъ антрепренерамъ ржонда.

Къ этой-то компаніи и направился теперь лавъ Штейнгреберъ.

— Лавъ D, на одну минуту.... дѣло есть, обратился онъ къ одному завсегдатаю, вѣжливо приподнимая свою шалку.

Сложный подмастерье Биртусъ, извѣстный здѣсь подъ кличкою лавъ D, и видимо пользовавшійся авторитетомъ между своими компаньйонами, не торопиво, съ достоинствомъ поднялся съ мѣста и вышелъ изъ бесѣдки.

— Что такое? въ чемъ дѣло? черезъ плечо спросилъ онъ Штейнгребера, отойдя съ нимъ на приличное разстояніе и сядя за уединенно-торчавшій столикъ.

— Заказъ есть, любезно сообщилъ ему цивилизованный Еврейчикъ.

— Хм.... рѣзницкая работа? кабанъ колоть? а?

— Такъ, вѣрно, муй кохааны! У тебя есть смекалка!

— Хм... Догадаться не трудно! ухмыльнулся Биртусъ, расправляя усы. Онъ хоть и считался подчиненнымъ лавъ Штейнгребера, какъ начальника одного изъ операторскихъ отдѣловъ, но старался держать себя предъ нимъ съ „республиканскою независимостью“, дескать, ровность, чортъ возьми, такъ ужь полная ровность, и на начальство, значить, наплевать! Штейнгреберъ же, не производившій лично „операций“, а только руководившій ими, постоянно чувствовалъ нужду въ услугахъ лавъ Биртуса и потому въ сношеніяхъ съ нимъ благоразумно пряталъ въ карманъ свою начальственную, и относился къ своему подчиненному не иначе какъ съ нѣсколько искательною любезностью.

— Такъ какъ же? помолчавъ съ минутку, спросилъ онъ размышлявшаго о чемъ-то Биртуса.

— То-есть, чего это „какъ же“? разсѣянно повернулъ тотъ голову.

— Да насчетъ заказа?

— Да что насчетъ наказа? Плохо вы платите, лавѣ, не стоить съ вами и дѣла имѣть, вотъ что я скажу вамъ! небрежно возвзвухъ Биртусъ:—Объѣщали аккуратно выплачивать нашему

брату по пятнадцать золотыхъ въ сутки, а вотъ ужь одиннадцатый день что отъ васъ и десертки * не видать на пиво! Такъ вѣдь нельзя! На васъ такимъ манеромъ никто и работать не станетъ!

— Чтò же дѣлать! времена теперь тугія! сокрушенно вздохнулъ Еврейчикъ:—дай срокъ, вытуримъ Москаля, все слова уплатимъ...

— Эге!... Уплатимъ!... Нѣтъ, не бойсь, самъ ты изъ комитета на нашу работу крупными кушами получаешь, да только куши-то эти въ твоёмъ карманѣ остаются! Я вѣдь знаю! Меня не проведешь!

— Ай, убей же меня Богъ!

— Ну, ну, не клянись, а то вѣдь и всаправду убьешь, пожалуй! Съ Богомъ, братъ, не шути! Это не свой братъ?

— Ну, хорошо, я доложу... Комитетъ разсмотреть и уплатить, тутъ и сомнѣвій быть не можетъ!

— Нѣтъ, это чтò! Это мы уже слышали не разъ!... А ты, братъ, деньги на столъ, а тогда и разговаривать будемъ!

— Но подумай же, мой коханы, войди въ наше положеніе!.. вспомни только, вѣдь это дѣло ойчизны—святое дѣло! вѣдь это надъ подлымъ Москалемъ надо совершить справедливую кару!

— Да чтò ты мнѣ про Москаля поешь!.. Москаль ли, Полякъ ли—это намъ все равно! Ты мнѣ заллати только, такъ я и тебя придушю, пожалуй, коли хочешь!

— Много чести, коханку, много чести!.. Ты очень любезнъ, но... все же...

— Ну, братъ, некогда мнѣ толковать тутъ съ тобою въ сухую! рѣшительно поднялся Биртусъ:—ты вотъ и пиво не догадался поставить доброму человѣку, а хочешь чтобъ я тебѣ шипку ** изъ Москаля готовилъ!

— Одну минутку! умолая, остановилъ его за рукавъ Штейнгреберъ.

— Чего еще?... Вѣдь все уже сказано!

— Я прикажу пиво подать.

— Приказывай, коли охота есть, а я къ своимъ пойду, тамъ разговоръ интересный!..

* Пять копѣекъ.

** Ветчину, окорокъ.

— Но подумай, вѣдь это комитетъ! вѣдь это рожонъ народный!... Вѣдь это же все его декретомъ!... Вѣдь съ комитетомъ шутить нельзя!

— Ахъ ты, шутъ полосатый! нагло, руки въ боки, расхохотался въ глаза ему Биртусъ. — Боимся мы васъ, что ли? со всеми вашими комитетамми?! Плевать я хочу на весь вашъ комитетъ! не мы въ немъ, а онъ въ насъ нуждается! А хотите чтобы мы на васъ работали, такъ держите уговоръ по чести, чтобы все это было благородно, какъ между порядочными людьми!.. Условились платить — ну, и платите, а тогда и требуйте! А то выходить что вы процоцалыги, и насъ, простыхъ добрыхъ людей ремесленниковъ, только подъ знакомство съ Дитвальдомъ * подводите! это уже не честно!

— Одну минутку, душенько!.. одну минутку! снова схватилъ Еврейчикъ уходящаго Биртуса:—Большой секретъ есть, и до тебя лично касается.

Тотъ недоувѣрчиво и неохотно остановился.

— Слушай, брадшкунъ... я вею лива подать?... А?

— Тфу-ты, проклятый!.. От-то лайдакъ!.. Ай, Боже жь мой, Боже!

— Ну, говорю жь, одну только секундочку!.. Ну, слушай... Девьги, такъ и быть, я тебѣ выплачу сполна... сейчасъ же, сию минутку... только выслушай.

— Плати деньги.

— Ну, ну, сейчасъ же, говорю, сейчасъ... Вотъ видишь ли...

— Плати деньги, или проваливай! настойчиво и круто повторилъ Биртусъ.

— Ну, ну, хорошо... только заслони меня, согласился Жилокъ, запуская руку въ боковой карманъ;—или вѣтъ, лучше заждемъ куда-нибудь въ такой уголокъ гдѣ бы насъ не видѣли, а то неравно и другіе приставутъ, а у насъ на счетъ денегъ очень круто, очень круто, говорю тебѣ!

И они прошли въ одну изъ незанятыхъ бесѣдокъ.

— Ну, заслони жь меня, дружокечъ...

— Да не видать, будь покоенъ...

— Нѣтъ, все же заслонивши-то понадежнѣе будетъ... а то, ей-Богу, увидать!.. Я тебѣ скажу по секрету что это я одному только тебѣ выплачиваю, и то не изъ казенныхъ, а изъ

* Дитвальдъ—имя привилегированнаго варшавскаго палача, который присутствовалъ при исполненіи казни окрѣпла смертнымъ протоколъ своею подписью.

своихъ собственныхъ, изъ карманныхъ,—якъ Бога кохамъ и акъ лава кохамъ!

Биртусъ только выразительно подсвистнулъ на это — дескать: мѣчего зубы-то заговаривать, „изъ собственныхъ“, такъ я тебѣ и повѣрялъ!

Штейнгреберъ присѣлъ за столикъ, и, сторожко озираясь по сторонамъ черезъ дражочную зеленую рѣшетку, нерѣшительно вынулъ изъ кармана бумажникъ.

— Да засломи жь меня, прошу тебя, отъ входа!

Биртусъ спиною ко входу сталъ, облокотясь на столъ, противъ своего начальника и ожидательно устремилъ на бумажникъ плотоядные взоры.

— Слушай, моланку, заговорилъ онъ въско и рѣшительно:— ты за одно ужь давай мнѣ и на долю товарищей!.. я расплачуся съ вами, а то такъ неловко!..

— Ай, не можно! какъ Богъ святъ на небѣ, не возможно! Только одному тебѣ, и то по дружбѣ!

— Ну, ну, ладно! только доставай поскорѣе!

Штейнгреберъ раскрылъ свой бумажникъ и сталъ уже отсчитывать ассигнаціи, какъ вдругъ Биртусъ, словно ловкая кошка, мгновенно цапнулъ его за руку и выдернулъ изъ нея деньги.

— Гевалтъ! коротко выкрикнулъ было перепуганный Еврейчикъ.

— Тсс!... услышать! шелотомъ предостерегъ его Биртусъ:— чего ты? Успокойся!.. Я только пересчитать хочу, самъ лично удостовѣриться желаю, а ты *гевалтъ* орешь!

И онъ не торопливо сталъ отсчитывать мелкія бумажки. Оказалось что у Штейнгребера въ наличности было шестьдесятъ рублей. Биртусъ отсчиталъ ровно половину.

— Ну, вотъ это мнѣ, а остальное тебѣ! сказалъ онъ безапелляціонно-рѣшающимъ тономъ: — такъ какъ ты говоришь что это не казенныя, а твои, то я и подѣлился съ тобою по-братски, а ты съ казны получи что мнѣ слѣдуетъ и за прошлое, и въ счетъ будущаго, да гляди, не проговорись моимъ товарищамъ, а то они и остальное отъ тебя выудятъ—ребята вѣдь ловкіе!

— Но ты же долженъ подѣлиться съ ними? неволью кислымъ тономъ пролепеталъ Штейнгреберъ.

— Нѣтъ, моланку, ужь это ты дѣлалъ, коли хочешь, а я не стану! Мнѣ вѣдь этакая благодать не часто приходится!

спрятал Биртусъ, пряча деньги въ боковой карманъ и застегиваясь, для пущей вѣрности, на всѣ пуговицы. Ну, а теперь, мой почтенный шефъ, давайте и о дѣлѣ потолкуемъ! прибавилъ онъ, быстро перебѣнивъ прежній грубоватый тонъ на самый вѣжливый и любезный:—вамъ угодно чтобы мы кабановъ поколоти и чтобы вамъ добрая шинка была? Это можно съ удовольствіемъ!

Штейнгреберъ, которому пришлось такъ внезапно и неожиданно разстаться съ половиною ржондовыхъ денегъ, тогда какъ онъ совсѣмъ уже былъ расположенъ считать ихъ своею собственностью, остался крайне огорченъ поступкомъ негодяя Биртуса, но—дѣлать нечего!—Биртусъ былъ ему нуженъ и потому, окрѣпя сердце, онъ рѣшилъ покориться силѣ дашнаго случая и разчелъ что теперь ему лучше всего остается вступить въ свою „законную“ роль начальника лапа Биртуса.

—Трибуналъ ржонда народоваго, началъ онъ въ вѣсколко холодвомъ и официальномъ тонѣ,—въ засѣданіи своемъ отъ вчерашняго числа приговорилъ къ смертной казни за измѣну Москаля Хвалынцева. Это лицо будетъ тебѣ указано. Именемъ трибунала повелѣваю тебѣ исполнить надъ нимъ приговоръ.

—Кому это? мнѣ? прищурился Биртусъ.

—Тебѣ, именемъ трибунала! подтвердилъ Штейнгреберъ.

—Ну, ужъ это дудки!

—Какъ дудки?! вскочилъ встревоженный Еврейчикъ.

—Дудки, моланку, дудки! Я вамъ и то уже самолично два приговора исполнялъ, а потому имѣю право разчитывать на некоторое повышеніе въ организациі! Чтò я вамъ, простой работайкъ, поденьщикъ дался что ли?... меня всѣ мои товарищи уважають, а вы хотите чтобъ я вамъ свиней кололъ какъ простой рѣзайкъ! Нѣтъ, чортъ возьми, позвольте тоже мнѣ теперь распоряжаться, а самъ хочу быть паномъ и начальникомъ!

—Но, кохаанку, подумай, вѣдь это ужъ сопротивленіе власти трибунала...

—Ну, и сопротивленіе! такъ чтò же?

—Какъ чтò же?!.. Вѣдь это, въ вѣкоторомъ родѣ, съ твоей стороны бунтъ выходить?...

—Ну, да!... Ну, и бунтъ!... Конечно, бунтъ, на то и революція! А вы чтò себѣ думали?

Смѣшавшіисѣ Штейнгреберъ, не находя уже болѣе никакихъ возраженій и чувствуя что оны не власть, а простая лѣшка предъ этимъ „революціонеромъ“, стоялъ предъ нимъ смущенно и недоумѣло растопыривъ пальцы.

— Вотъ чтѣ я скажу тебѣ, моланку! хлопнувъ его по лаячу, продолжалъ межъ тѣмъ Биртусъ, — самому мнѣ изъ-за васъ больно ужъ рисковать своею башкой не приходится! Довольно съ васъ и тѣхъ двухъ моихъ „крестниковъ“! Тѣ заказы я исполнилъ вамъ честно, и баста! А то зарвешься и влопаешься... Это вѣдь рискъ! А я, коли хотите, залодряжу вамъ человѣчка который возьмется.... Новичокъ еще, но это ничего! Обработаемъ! Угодно?

Штейнгреберъ согласился.

— Гдѣ жъ этотъ человѣчекъ? спросилъ оны.

— А вонъ, сидитъ съ моею компаніей.... Совсѣмъ еще мальчишка, но это и лучше: по крайней мѣрѣ легче уломаемъ, да и дешевле обойдется.

— А какъ зовутъ его?

— Зовутъ-то?... А зовутъ его лавъ Нумеръ Тридесетты.

— И скоро можно обработать?

— Къ завтрашнему дню будетъ готовъ, ручаюсь.

— Но какъ же мнѣ-то узнать про то?

— А я васъ извѣщу; вы ужъ распорядитесь только чтобы ксенадъ привелъ его къ присягѣ, такъ какъ оны человѣкъ очень набожный и добрый католикъ, а объ остальномъ, кромѣ платы, и не заботьтесь: я все беру на себя; вы мнѣ только напередъ кабака укажите котораго колоть, чтобы мы твердо въ лицо его знали, а то неравно можно и ошибиться, ну, а это уже не хорошо, потому что вамъ тогда въ *Рухъ* опять извѣщаться придется что закололи де по ошибкѣ.

Условившись такимъ образомъ съ лавомъ Биртусомъ, лавъ Штейнгреберъ не побрезгалъ пожать ему грязную руку и ушелъ изъ „Эдема“, хотя и обладаженный насчетъ „заказа“, но сильно огорченный и раздосадованный въ душѣ по поводу дѣлажа столь безцеремонно произведеннаго его прямымъ подчиненнымъ.

„Ты у меня еще за это заплатишься! Я тебѣ этого не подарю!... Надо будетъ, при первомъ же случаѣ, найти надежнаго человѣка и приколотъ, во чтѣ бы то ни стало, это животное, а то иначе никакого уваженія, никакой дисциплины не будетъ“, рѣшилъ про себя лавъ Штейнгреберъ, еще не успѣвъ даже выдти на улицу.

XXII. ВЪ катакомбахъ.

Черезъ день послѣ этого свиданія, лавъ Биртусъ очень набожно слушалъ вечернее „набоженство“ въ Кармелитскомъ костелѣ, что на Краковскомъ предмѣстьи. О-бокъ съ нимъ стоялъ молодой и щедущный парнишка, лѣтъ восемнадцати, съ виду похожій на забуддыжнаго мастерового. Это былъ лавъ Нумеръ Тридцесенты. Выраженіе ожиданія въ его испитомъ лицѣ порою смѣнялось легкою тѣнью тоскливаго раздумья и нерѣшительности. По этой тѣни можно бы было замѣтить что въ юношѣ происходитъ какая-то внутренняя борьба съ самимъ собою. Иногда эта тоскливость въ его лицѣ выступала до того ясно что даже лавъ Биртусъ замѣчалъ ее, и своимъ взглядомъ и своею миной старалась подбодрить юношу. Въ половинѣ костельной службы мимо этой пары прошелъ Штейнгреберъ съ ксендзомъ Микшевскимъ и кивнулъ Биртусу, который посафовалъ за нимъ въ другой конецъ костела. Нумеръ Тридцесенты, оставшійся на своемъ мѣстѣ, оборотясь въ ту сторону, видѣлъ что лавъ D пошептала о чемъ-то съ цивилизованнымъ Еврейчикомъ, а тотъ, въ свою очередь, отпустивъ отъ себя лава D, сталъ шептаться съ ксендзомъ, послѣ чего ксендзъ пробрался въ сакристию, не забывъ, по обычаю, идучи мимо главнаго алтаря, „пришклячить“ * и слегка ударить себя кулакомъ въ перси. Скрывшись въ сакристию, ксендзъ Кароль уже не показывался болѣе въ храмъ. По окончаніи же набоженства, къ Биртусу подошелъ мягкою, неслышною и вкрадчивою походкой монахъ-кармелитъ и беззвучно пошевеливъ губами, болѣе взглядомъ чѣмъ словомъ пригласилъ Биртуса вмѣстѣ съ его спутникомъ сафовать за собою. Онъ провелъ ихъ въ сакристию и попросилъ обождать пока всѣ посторонніе удалятся изъ костела. Минуть десять спустя, когда массивный ключъ звонко повернулся въ массивномъ замкѣ главныхъ дверей, монахъ зажегъ потайной фонарикъ и захвативъ съ собою связку большихъ ключей, снова пригласилъ Биртуса съ парнишкой сафовать за собою. Черезъ боковую узенькую и низкую дверку онъ вывелъ ихъ на обширный монастырскій дворъ и, ради предосторожности спрятавъ фонарь подъ полою своей широ-

* Проклонить косяку.

кой власяницы, повелъ вдоль костельной стѣны къ другой низкой, но широкой двери, которая вела въ костельные подвалы. Здѣсь онъ передалъ фонарь Бартусу, попросивъ его держать его на минуту и засловить свѣтъ фуражкой. Визнулъ ключъ въ ржавомъ затворѣ, открылась одна половинка дверей—и на лутниковъ изъ глубины мрачнаго подвала падало сыростью и запахомъ плесени. Монахъ, придерживая дверь, пригласилъ ихъ спуститься туда первыми. Номеръ Тридесевты услышалъ за собой стукъ захлопнувшейся грузной половинки и уже невольно вздрогнулъ, подумавъ что его оставили здѣсь одного съ ланомъ D, какъ въ ту жь минуту мимо его беззвучно скользнула темная тѣнь, и монахъ взявъ фонарь отъ Бартуса, пошелъ впереди ихъ, освѣщая указывая дорогу.

Кармелитскій монастырь особенно замѣчательнъ своими длинными подземельями, которыя занимаютъ весьма большое пространство и образуютъ такое сѣдленіе различныхъ заловъ и развѣтвленій, что надо быть очень хорошо знакомымъ съ ними чтобы не спутаться и не заблудиться въ этомъ подземномъ лабиринтѣ. Подземелья эти, вырытыя довольно глубоко въ твердомъ грунтѣ и облицованныя древними большими кирпичами, почти всѣ имѣютъ видъ высокихъ и широкихъ залъ, съ полукруглыми сводами, которые покоятся на массивныхъ колоннахъ. Въ прежнее время, до отвода мѣстности на Повонзкахъ, катакомбы эти, имѣя назначеніе усыпальницъ, были однимъ изъ самыхъ обширныхъ кладбищъ Вавшавы. Но отцамъ-кармелитамъ представилась выгодная возможность отдать свои катакомбы подъ обширный винный складъ купцу Зейделю и вслѣдствіе этого часть гробовъ они посвоили по ночамъ на Повонзки, а съ остальною частью распорядились самымъ безцеремоннымъ образомъ: отвели оно подземелье, находящееся подъ главнымъ входомъ въ костель, и до верху завалили его костями и трупами выбранными изъ гробовъ какъ попало и накиданными груды одивъ на другой; гробовыми же досками цѣлую зиму отопляли монастырскія помѣщенія. Самое смѣлое воображеніе едва ли могло бы представить себѣ болѣе ужасную и отвратительную картину чѣмъ та которую являютъ себою эти безобразныя груды человѣческихъ труповъ. Здѣсь неуваженіе къ смертнымъ остаткамъ дошло до крайнихъ предѣловъ, и это кощунство оказывалось единствен-

ради тѣхъ 15.000 золотыхъ которые ежегодно получали они отъ купца Зейделя. Впрочемъ, всѣхъ мертвецовъ невозможно было упрятать и въ эту набитую до верху катакомбу, а потому въ нѣкоторыхъ боковыхъ камерахъ и корридорахъ которые не заняты винными бочками валяются еще куски стѣпанной одежды, черепа и ребра и кое-гдѣ попадаются полуразвалившіеся гробы, изъ которыхъ торчатъ человѣческія кости. Крысы и летучія мыши нашли себѣ привольное обитище въ этихъ подземельяхъ. Последнія цѣлыми рядами улизываютъ сырыя стѣны, поросшія грибчатою поросью, держась одною изъ заднихъ лапокъ за кирличныя скважины и ища внизъ головою.

Жуткое чувство безотчетнаго страха обуяло не только юношу, но и пана Биртуса, когда они, сѣвдуя за тѣнью монаха, рубились все дальше и дальше въ закоулки, корридоры и тамъ этого мрачнаго лабиринта, и особенно когда бывало встаетъ подъ ступнею сломавшееся ребро, или черель, нечаянно тронутый носкомъ сапога, шурша откатится въ сторону. Иногда крыса перебѣгала имъ дорогу, а летучія мыши, испугавшись свѣтомъ фонаря, цѣлыми веревками со слабымъ плещеніемъ тревожно летали надъ головою, и широкія тѣни отъ ихъ разбухшихъ крыльевъ, смутно колеблясь на стѣнахъ и на потолкѣ, казались какими-то призраками которые трепетно выдвигаются изъ этихъ полуразрушенныхъ гробовъ и возмущенно сопровождаютъ таинственное шествіе трехъ слугъ.

Наконецъ, въ одномъ изъ боковыхъ закоулковъ мелькнула тѣнь свѣта. Монахъ-лутеводитель, поднявъ повыше фонарь, остановился въ проходѣ и одѣлалъ пригласительный жестъ рукою, а Биртусу приказалъ остаться на мѣстѣ.

Панъ Тридцесевты боязливо покосился на своего ментора и замедляя шагъ, онъ не рѣшался слѣдовать далѣе въ одиночку.

— Ступай, ступай! не бойся! ободрилъ менторъ и почти нарочно втолкалъ его въ смежную катакомбу.

Монахъ въ эту самую минуту скрылъ фонарь у себя подъ плащомъ. Юноша обернулся назадъ, но тамъ уже былъ мракъ непроходимый. Онъ глянулъ впередъ и остановился, пораженный невыразимымъ страхомъ, шепча какую-то молитву и торопливо крестя свою грудь трепещущею рукою.

Здѣсь все было разчитано на эффектъ, все клонилось къ

тому чтобы ораву произвести подавляющее и фанатическiе впечатлѣнiе на неопытнаго и мало развитаго неопита.

Да и въ самомъ дѣлѣ, какому-нибудь юношѣ мастеровой можно было смутиться не на шутку, когда увидѣлъ онъ предъ собою, въ какихъ-нибудь пяти шагахъ разстоянiя, старъ черныи гробъ, на крышкѣ котораго посерединѣ было поставлено Распятiе, а по бокамъ его горѣли двѣ желтыя восковы свѣчи въ оловянныхъ шадалахъ. Предъ льедесталомъ Распятiя, какъ требовала обычная польско-революцiонная формальность, блестѣли два скрещенные кинжала, а по ту сторону гроба, стояла черная фигура ксендза, лицо котораго было покрыто остроковечнымъ калпономъ съ двумя дырами для глазъ. Этотъ калпономъ, употребляемый монахами нѣкоторыхъ орденовъ, надѣвался польскими ксендзами въ подобныхъ случаяхъ нарочиво для большей безопасности; неопита не могъ видѣть черты лица приводящаго его къ революцiонной присягѣ и черезъ то лишался возможности выдать е при случаѣ законному правительству. За ксендзомъ, въ которомъ отдавленiю, уже полускрываясь во мракѣ, неподвижно стояли два монаха, въ точно такихъ же нахлобученныхъ калпононахъ, которые своею странною остроковечною формою придавали этимъ тремъ фигурамъ нечеловѣческой страши и злобщiи характеръ.

— Приблизься, сынъ мой!... Не бойся, ты между друзьями мягкимъ и кроткимъ голосомъ проговорилъ ксендзъ, замѣтивъ смущенiе юноши, но звукъ этого голоса, глухо выходящiй изъ-подъ матерiи калпонова, казался страшнымъ и неестественнымъ.

Мастеровой не двигался съ мѣста и все еще машинально продолжалъ креститься.

— Да ступай же ты, было!... От-то дурень, право! досадно во буркнулъ ему свади изъ мрака лавъ Биртусъ и, для большей убѣдительности, лихнулъ его впередъ обѣими латеряли.

Павъ Тридцесенты, убѣдясь что менторъ его здѣсь, и что онъ не покинуть, уже нѣсколько спокойнѣе приблизился гробу.

— Преклони голову и колѣни, сынъ мой, продолжалъ тотъ же кроткiй и неестественный голосъ изъ-подъ калпонова.

Тридцесенты безпрекословно исполнилъ это требованiе.

— Добровольно ли ты пришелъ сюда, сынъ мой, и зачѣмъ ли зачѣмъ приходишь?

- Добровольно... знаю, прошептавъ юноша.
- Добрый ли ты Полякъ и добрый ли католикъ?
- Добрый, вымолвилъ оны уже нѣсколько вѣтъ.
- Любишь ли свою отчизну, нашу многострадаальную и на крестѣ распятую Польшу?
- Люблю, пане ойче!
- Желалъ ли ея возстанія изъ мертвыхъ и освобожденія изъ-подъ ига Нѣмцевъ и Москалей?
- Желая, ойче!
- Желалъ ли служить ей и всего себя привести въ жертву, какъ добрый и вѣрный сынъ, ради счастья и свободы вашей общей матери—Польшы?
- Желая, ойче!
- Ненавидишь ли утѣснителей народа нашего воишь сердца, воишь духомъ и воишь помышленіемъ твоимъ?
- Ненавижу.
- Желалъ ли мстить безплощадно и святою мстыю воишь врагамъ народа нашего?
- Желая, пане ойче!
- Ты не присягалъ еще на вѣрность ржовду народовому?
- Нѣтъ еще, ойче!
- Въ такомъ случаѣ подыми руку, коснись ею края знамени и повтори за мною то что я буду говорить тебѣ.

При этихъ словахъ одинъ изъ монаховъ выступилъ изъ темноты, взявъ церковную хоругвь, прислоненную къ уга стѣны, и развернувъ ее, наклонилъ нѣсколько древко надъ присягающимъ юношей, а косядзъ, вынувъ изъ-за пазухи листъ бумаги, приблизилъ его къ свѣчѣ и началъ читать, отчетливо и медленно отдѣляя фразы.

Юноша повторялъ за нимъ каждое слово, невольно поддаваясь волненію религіознаго страха, къ которому такъ располагала вся исключительная обстановка этого таинственнаго обряда.

„Клянусь всемогущему Богу, говорилъ оны вслѣдъ за косядзомъ:—клянусь Пресвятой Его Матери и воишь святымъ что отамынь принадлежу къ народной организаціи, и что воишь силы, имущество мое и жизнь я готовъ посвятить для освобожденія отчизны. Клянусь что всегда и вездѣ буду слѣпо и безусловно повиноваться повелѣніямъ Центрального Народоваго Комитета, какъ единственной законной власти и начальникамъ отъ него установленнымъ. Клянусь что свято буду

исполнять обязанности на меня возложенныя, что готовъ буду по первому требованію стать на указанное мѣсто съ оружіемъ, которое мнѣ будетъ дано, и начать сражаться съ врагомъ отчизны и пролить послѣднюю каплю крови за ея освобожденіе. Клянусь свято сохранить тайну, какъ на свободѣ, такъ и въ темницѣ, несмотря на мученія и истязанія. Если бы я нарушилъ сію клятву и сдѣлался измѣнникомъ отечества или не исполнилъ своихъ обязанностей, то да не мучуетъ меня заслуженная казнь отъ Бога и людей въ настоящей жизни и въ загробной. Въ этомъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ, Пресвятая Его Матерь и всѣ святые. Амен.“

— Теперь, сынъ мой, наложи правую руку твою на эти кляканы, обратился ксендзъ къ юношѣ, указавъ ему на скрещенные клички:—и повторяй за мною особую присягу мстителей народныхъ.

И онъ снова сталъ читать своимъ раздѣреннымъ голосомъ: „Присягаю Богомъ всемогущимъ на свѣлое повиновеніе рожду народовому; клянусь безпрекославно и твердою рукою исполнять тѣ казни которыя будутъ мнѣ поручены и принимаю на себя всю отвѣтственность предъ трибуналомъ народowymъ за промедленіе, а тѣмъ паче за неисполненіе убійства, возложеннаго на меня рождомъ народowymъ. Амен.“

— Цѣлуй крестъ на своей клятвѣ, сынъ мой, внушительно заговорилъ ксендзъ, окончивъ присягу:—цѣлуй раны и язвы Распятаго и проси Бога, да поможетъ тебѣ, во имя этихъ ранъ и язвъ, твердо владѣть вручаемымъ тебѣ оружіемъ. Теперь ты выше чѣмъ простой ратникъ-повстанецъ, ты принялъ двойную присягу и потому назначеніе твое неизмѣримо важнѣе и почетнѣе: ты ангелъ-мститель твоего народа. Навоси смѣло и вѣрно смертельный ударъ твоимъ освященнымъ оружіемъ и знай что самъ Богъ направляетъ твою разящую руку. Не ты разишь—самъ Богъ разить; ты же только избранный сосудъ, избранное орудіе разящаго Бога и Его святой воды. Богъ сохранитъ тебя здрава и невредима во всѣхъ путяхъ твоихъ; поэтому не бойся ничего. Святая церковь будетъ за тебя молиться неустанно, и каждый подвигъ твой на поприщѣ мстителя народоваго—въ книгѣ живота зачтенъ тебѣ будетъ въ такое доброе дѣло за которое всѣ твои грѣхи простятся. Если же Богъ похотѣлъ бы, продолжалъ ксендзъ со вздохомъ:—чтобы ты попался въ когти Москалю, то да не смущается сердце твое и этимъ испытаніемъ,

и ангелъ Господень сохранилъ тебя и незримо для враговъ изведеть изъ темницы. Но ежели бы тебѣ предстояла и сама смерть отъ руки московской, то не смущайся и виждь въ томъ всеблагій перстъ Божій, ибо это будетъ служить тебѣ видимымъ знаменіемъ что ты угодеши Господу, что Богъ еще при земной твоей жизни угодовалъ тебѣ райскій гласъ и возвелъ въ санъ святыхъ своихъ великомучениковъ.

Продекламировавъ весьма гладко и не безъ патетизма всю эту тараду, ксендзъ подошелъ къ колѣнопреклоненному юношѣ и наложивъ свои руки на его голову, произнесъ разрѣшительную молитву и далъ ему „отпустъ“, т. е. прощенье мѣхъ грѣховъ его.

— Завтра утромъ приходи къ обѣднѣ въ этотъ же костелъ: тебѣ дадутъ причастіе, сообщилъ онъ ему въ заключеніе.

Всѣгда за тѣмъ изъ глубины катакомбы выступилъ другой монахъ съ бѣлымъ металлическимъ подносомъ, на которомъ помѣщались церковное кропило и сосудъ со святою водою.

Съ почтительнымъ поклономъ и молча приблизился онъ къ ксендзу приводившему къ присягѣ. Тогда ксендзъ прочиталъ молитву надъ кинжалами, благословилъ ихъ, окропилъ святою водою и поцѣловавъ одинъ изъ клинковъ, подобно тому какъ дѣлается на престольный Врестъ, съ благоговѣніемъ подалъ его мѣху Тридцесентему, окропѣлъ и благословя за одно ужъ и его мѣхъ съ кинжалами.

— Во имя святой Польши и пролитой крови братій твоихъ, вручается тебѣ это освященное оружіе, заговорилъ онъ снова въ томъ же патетическомъ тонѣ:—храни его до времени у сердца, на груди, подъ одеждою твоею, и употребляй съ честью, во славу Бога и отчизны. Теперь можешь встать, добрый сынъ мой. Приветствую и поздравляю тебя, какъ новаго бойца за вольность, ровность и неподлежность нашу!

Павъ Нумеръ Тридцесенты вложилъ кинжалъ въ поданныя ему ножны и спряталъ его подъ жилеткою. Затѣмъ ксендзъ указалъ ему на выходъ, гдѣ ожидали его павъ Биртусъ и кармелитъ съ фонарикомъ. Юноша удалился.

Оставшіеся въ катакомбѣ сжали съ головъ капюшоны — и ксендзъ Кароль Микшевокій обнаружилъ свою смиренномудрую физиономію.

— А что, павъ ксенже, не зайти ли теперь ко мнѣ въ

келью да не попробывать ли намъ старой венгрии? лукаво и добродушно подмигивая, предложилъ ему одинъ изъ монаховъ:—у насъ вѣдь добрая, заловѣдвая!... Одно слово: монастырская!

— Чтò жь, послѣ трудовъ такихъ подобаетъ! шутииво согласилса Микосевскій.

И смиренныя служители церкви, припрятавъ въ уголокъ атрибуты только-что оконченной присяги, безлечно и весело болтая, покинули мрачныя катакомбы.

XXIII. | У з е л о к ъ .

Въ минуту окончательнаго разрыва, когда Хвалынецъ, сопровождаемый словомъ „измѣнникъ“, вышелъ отъ поручика Палашицы, онъ былъ почти внѣ себя. Голова его горѣла, нервы были возбуждены, и въ мозгу роились безсвязные отрывки какихъ-то мыслей. Одно только сознаніе, одно убѣжденіе выстуало ясно и опредѣленно изъ этого хаоса мыслей и ощущеній, это то что онъ поступилъ честно, разрывая съ компаніей революціонныхъ шулеровъ и плутовъ, что иначе и поступить было нельзя, если не сдѣлаться сознательно самому такимъ же революціоннымъ мошенникомъ. И въ то же время въ груди его ныло и щемило чувство близко похожее на отчаяніе. Онъ сознавалъ что разрывая съ Палашицей, онъ разрываетъ въ то же время не съ одною „Землей и Волей“, а со всею польскою организаціей, въ которой помимо „Земли и Воли“ для него не было да и не могло быть мѣста и назначенія. Разрывъ же съ Поляками былъ разрывомъ и съ Цезариной. Онъ зналъ что тутъ нѣтъ выбора и нѣтъ иного исхода. Но чувство чести превозмогло надъ страстью. Въ эту минуту ему приходилось хоронить на вѣки и свою страстную любовь, и свои радужныя мечты и надежды. Вотъ въ чемъ крылась причина близкаго къ отчаянью чувства. Но какъ уйти отъ „дѣла“, когда она ничего еще не знаетъ, когда она ждетъ и надѣется, и полна убѣжденіемъ что ради ея онъ весь принадлежитъ этому „дѣлу“? „Уйти такъ какъ теперь уходишь, это значитъ открыться, убѣжать, словно бы я испугалса и струсилса; это значитъ дать ей право презирать меня“, думалось Хвалынецу. „Нѣтъ, а

уду открыто! Пусть знает, пусть знает все, и если она честный человекъ, если въ душѣ ея таится хоть искра справедливости, она не должна, не можетъ осудить меня... Все же я унесу если не любовь, такъ уваженіе этой женщины.“

И онъ рѣшился идти къ Цезаринѣ и высказать ей все, съ откровенною прямою.

Но сегодня было уже поздно приводить въ исполненіе это мнѣреніе, такъ какъ часовая стрѣлка показывала двѣнадцатый часъ ночи въ исходѣ. Хвалынецъ, погруженный исключительно въ хаосъ своихъ мыслей и тревожныхъ чувствъ, рѣшительно не замѣтилъ какъ пробродилъ столько времени по улицамъ. Но онъ не чувствовалъ ни малѣйшей физической усталости; напротивъ, внутри его какъ будто что подмывало идти и идти все дальше и дальше, не останавливаясь, не отпадая, и не отдавая себѣ отчета куда и зачѣмъ идешь. Ему казалось только будто онъ стремится куда-то и къ чему-то, а въ этомъ безвѣстномъ, но неодолимомъ стремленіи заключается въ данный моментъ вся цѣль его существованія. Онъ скинулъ фуражку, оберъ свой лобъ—и ночная прохлада освѣтительно подѣйствовала на его пылавшую голову. Это помогло ему нѣсколько придти въ себя. Ковстантинъ остановился на минуту, чтобъ осмотрѣться, куда занесло его, и узналъ вокругъ себя окрестности Лазенокъ и Бельведера. „Надо назадъ, домой надо“, подсказалъ ему проснувшійся рассудокъ, и онъ поворотилъ въ Узловскую аллею. „А завтра къ Цезаринѣ, и все сказать ей!“ рѣшилъ онъ самъ съ собою.

Но вотъ, идучи по пустынной аллеѣ, подходитъ онъ уже близко къ дому графини Маржецкой. Вокругъ господствуетъ фантастическій сумракъ, борясь сквозь вѣтви деревьевъ съ огнями газовыхъ фонарей; безлюдье и тишина глубокая, только листья каштановъ таинственно шелчутся между собою. Вотъ и знакомая чугунная рѣшетка вокругъ столь же знакомого дома; вода и стѣна мимо которой съ такимъ замираниемъ сердца, весь радостный и счастливый, пробирался онъ разъ на назначенное ему свиданіе... Въ окнахъ темно, какъ и тогда же. Вотъ и калитка... Но что это?! Хвалынецъ остановился въ недоумѣніи. Рѣшетчатая калитка, вопреки обыкновенію, была не заперта; ее даже какъ будто нарочно оставили слегка открытою. „Что жъ это значитъ?“ подумалъ озадаченный Хвалынецъ. Сколько разъ, послѣ того свиданія, приходилось ему въ такую же позднюю пору проходить мимо этой самой

рѣшетки—и калитка всегда была залерта на ключъ. Онъ и зналъ навѣрное, потому что иногда, поддаваясь почти безо-четному и чисто юношескому влеченію, мимоходомъ толкалъ рукою, думая про себя: „авось, на счастье, отперто, и что, если отперто вдругъ для меня?“ Но эти опыты привели его къ убѣжденію что калитка всегда и для всѣхъ безъ исключенія кромѣ того раза, остается залертою. „Кто жь, помимо само Цезарины, могъ отворить ее теперь? И для чего, или... да кого она можетъ быть отперта?“

И не взвѣсивая своего намѣренія, не задавъ себѣ даже и проса: хорошо ли и умѣстно ли, зачѣмъ и по какому праву онъ это дѣлаетъ, Хвалынцевъ перешагнувъ порогъ и пошелъ мимо стѣны, знакомымъ путемъ, въ садъ графини Цезарины. Вотъ онъ завернулъ за уголъ. Полосы свѣта падали изъ оконъ на террасу и слабо освѣщали вѣтви ближайшихъ сиреней. Хвалынцевъ поднялся на ступени и вдругъ отшатнулся, и вѣра глазамъ своимъ.

Сквозь стеклянную раму двери, онъ въ первое же мгновеніе и какъ нельзя болѣе ясно увидѣлъ что въ той самой комнатѣ гдѣ и его принимали, близь того же самаго накрытаго для ужина стола, на которомъ и теперь, какъ тогда, въ серебряномъ холодильнике стояло вино, въ хрустальной плоской вазѣ красныя рисовались разныя фрукты, на томъ же самомъ роскошномъ диванѣ гдѣ и онъ сидѣлъ, графиня Цезарина полулежала теперь въ объятіяхъ какого-то статнаго молодого красавца одѣтаго въ изящную чамарку, закинувъ на его плечи свои обнаженныя красивыя руки и съ восторженно страстною влюбленною улыбкой глядя ему въ глаза, ласково и небрежно играла его роскошными кудрями.

Хотѣлось бы считать все это за сонъ и навожденіе, хотѣлось бы не вѣрить глазамъ, но увы! Невозможно было не вѣрить. Дѣйствительность этой неожиданной картины чужаго счастья слишкомъ ясно и такъ—сказать осязательно предъ нимъ теперь предъ Хвалынцевымъ. Пелена спала съ глазъ его. Онъ только тутъ понялъ что эта женщина никогда его не любила, что онъ все время былъ въ ея рукахъ жертвою какого-то тайнаго и злаго обмана.

Вся кровь прихлынула ему къ головѣ. Оскорбленіе этого сознанаго обмана, мучительное чувство обиды, ревности и поруганной любви—все это разомъ заколесило въ груди его до ощущенія физической дурноты. Стиснувъ до боли свои зя

бы, и нестесненно глядя сквозь стекла широко раскрытыми, почти безумными глазами, онъ вдругъ рванулъ ручку замка; но дверь оказалась залертою. Зачѣмъ и для чего онъ это сдѣлалъ, Константинъ и самъ себѣ не могъ хорошенько дать отвѣта.

Дребезжанье рванутой двери заставило между тѣмъ испуганно вздрогнуть и смутиться очастливую пару. Цезарина отшатнулась въ сторону.

Хвалынцевъ рванулъ вторично ручку, и вся дверь задрезбѣла еще сильнѣе подъ его напоромъ.

Красавецъ поднялся, плохо оправляясь отъ смущенія, подошелъ наконецъ къ двери и, приложивъ щиткомъ руку къ бронѣ, старался разглядѣть что это творится тамъ, за темными стеклами?

— Кто тамъ? нетвердо спросилъ онъ, по-польски.

— Мнѣ надо видѣть графиню Цезарину. Отворите! не помня себя отвѣчалъ по-русоки Хвалынцевъ.

Звукъ русскаго языка и призракъ военнаго мундира еще болѣе повергли Полая въ смущеніе.

— Кажись, полиція, пробормоталъ онъ улавлившимъ голосомъ, оборотась къ Цезаринѣ.

— Полиція?... Отворите! приказала она вслѣдъ за мгновеніемъ внутренняго колебанья.

Но каково же было ея изумленіе, когда вмѣсто ожидаемаго калдара, предъ нею очутился Хвалынцевъ.

Гордо закинувъ голову, со всею массой своихъ роскошныхъ кепельныхъ волосъ, она смѣло ступила шагъ впередъ, и все обладавшее лицо ея одушевилось негодованіемъ, а каріе глаза изъ-подъ эвергично сдвинувшихся бровей загорѣлись фосфорическимъ блескомъ.

— Это вы!... глухимъ, но твердымъ и сдержаннымъ голосомъ проговорила она, измѣряя взглядомъ вошедшаго.— По такому праву... и какъ вы осмѣлились нахально врыватьея ночью въ мою квартиру?

Хвалынцевъ собралъ всѣ усилія чтобы по возможности выдѣлать собою.

— Я пришелъ возвратить вамъ ваше слово, и взять назадъ мое обѣщаніе, проговорилъ онъ голосомъ прерывающимся отъ волненія.

— Обѣщаніе?... Слово?... Какое слово?... Я никакихъ вамъ словъ не давала!

— Избавьте отъ необходимости повторять ваше обѣщаніе графиня!. Вы понимаете о чемъ говорю я... Тѣмъ болѣе чтѣ едва ли вамъ будетъ по сердцу если я стану распространяться въ присутствіи этого свидѣтеля, сказалъ Хвामीцевъ, указавъ глазами на красавца, который стоялъ въ замѣшательствѣ и ровно ничего не понимая.

— Жозефъ! обратилась къ нему негодующая Цезарина:— меня оскорбляютъ въ вашемъ присутствіи, а вы стоите и слушаете!

Красавецъ шагнулъ было впередъ, но Хвामीцевъ остановилъ его взглядомъ.

— Позвольте, сказалъ онъ ему:—черезъ минуту, если угодно, я буду вполнѣ къ вашимъ услугамъ. А теперь, графиня,— продолжалъ онъ:—мнѣ остается только сказать вамъ что я не желаю болѣе быть игрушкою политическихъ дауровъ и интригановъ... Я понялъ вполнѣ ваше пресловутое *дѣло*, и съ нынѣшняго дня окончательно разрываю съ нимъ мои связи.... Полагаю что въ виду нашихъ обоюдныхъ обѣщаній, вамъ было необходимо знать объ этомъ. Вотъ цѣль моего дерзкаго и неумѣстнаго прихода, за который, если этому господину угодно (онъ снова показалъ глазами на красавца), я готовъ дать ему удовлетвореніе.

— Да, милостивый государь, мнѣ это угодно, съ вѣжливо-суккимъ поклономъ отозвался красавецъ.—Но только дѣло вотъ въ чемъ, — продолжалъ онъ съ ироническою улыбкой:—наши шансы въ этомъ случаѣ не равны; вы относительно меня въ привилегированномъ положеніи: вы Русскій и военный, а я Полякъ. Если вы убьете меня, вамъ ничего не сдѣлаютъ, а убей я васъ, меня сошлютъ въ Сибирь, а можетъ-быть и повѣсать. Поэтому позвольте, если вы джентльменъ и понимаете что такое обязанности чести, позвольте предложить вамъ иной способъ дуэли—ва узелокъ. Не выходя отсюда, мы съ вами выедемъ жребій, и кому достанется, тотъ къ утру обязанъ покончить съ собою какимъ угодно способомъ. Это и вѣрнѣе, и шансы уравниваетъ. Угодно въ такомъ видѣ принять мой вызовъ?

— Принимаю, не подумавъ, рѣшительно и сразу согласился Хвामीцевъ. Въ томъ нравственномъ положеніи въ какомъ находился онъ въ данныя минуты, оскорбленный и обманутый въ самомъ сильномъ и завѣтномъ своемъ чувствѣ, подавляемый затаеннымъ презрѣніемъ къ самому себѣ за измѣну не

польскому, а русскому дѣлу и за ту гаупту, жалкую роль которую онъ такъ снѣло разыгрывалъ стоалко времени, Константинъ съ радостью ухватился за мысль о смерти, которая представлялась ему теперь единственнымъ и самымъ свѣтлымъ, самымъ желаннымъ исходомъ изъ его запутаннаго и безвыгоднаго положенія. Въ эту минуту онъ не только желалъ чтобы роковой узелокъ достался ему, но былъ убѣжденъ и даже вѣровалъ какъ-то что онъ непременно ему достанется.

— Потрудитесь сейчасъ же приготовить жребій, ветергланво отвелся онъ къ противнику.

Тотъ вынулъ изъ кармана батистовый платокъ, завязалъ одинъ конецъ его въ узелъ и почтительно подалъ Цезаринѣ.

— Вы, графиня, единственный секундантъ при этой дуэли, сказалъ онъ ей съ рыцарскою любезностью.—Позвольте же изъ вашихъ рукъ принять намъ наши жеребьи.

Цезарина взяла платокъ, затѣмъ, отвернувшись нѣсколько въ сторону, перемѣшала въ пальцахъ два жеребьевые угла его и, расправивъ въ видѣ ушковъ оба маленькіе кончика, торчавшіе изъ ея сжатого кулака, протянула къ противникамъ свою руку. Тѣ одновременно вались и одновременно выдержали жребіи.

Роковой узелокъ достался не Хвалынцеву.

— Досадно! проворчалъ онъ сквозь зубы, оглядывая свой жребій и какъ бы все еще не вполне убѣждаясь, точно ли онъ гладкій.

Между тѣмъ, легкая смутная тѣнь чуть замѣтно пробѣжала на мгновенье въ поблѣдѣвшемъ слегка лицѣ молодого красавца, который съ выраженіемъ какого-то страннаго недоумѣнія оглядѣлъ узелокъ, словно бы тоже не вѣря что онъ могъ достаться на его долю. Но эта невольная игра лица и взгляда продолжалась не болѣе одной секунды. Затѣмъ молодой человекъ тотчасъ же послѣшилъ опривиться и овладѣть собою.

— Судьба! съ нѣсколько принужденною улыбкой сказалъ въ Цезаринѣ, пряча въ карманъ свой платокъ, и тотчасъ же спокойно и съ достоинствомъ обратился къ Хвалынцеву.

— Милостивый государь, слегка, но вполне джентльменски поклонилса онъ ему:—можете вполне быть увѣрены что къ утру будетъ исполнено.

— Не сомнѣваюсь, отвѣтилъ въ свой чередъ подобнымъ же

пловомъ Хвамыцевъ: „А жаль что не мнѣ!“ искренно подумалось ему при этомъ.

— Затѣмъ, графиня, прибавилъ онъ, обратясь къ Цезаринкѣ:— позвольте просить извиненія что я такъ некстати и такъ грубо побезпокоилъ васъ... Честь имѣю клясться!

И онъ удалился изъ ея дома.

Гдѣ и какъ былъ проведенъ имъ остатокъ ночи, Хвамыцевъ и самъ не помнилъ. Равно не помнилъ и того какіи мысли бродили въ головѣ, какія чувства тѣснились и бушевали въ сердцѣ. Подъ утро онъ вернулся къ себѣ домой словно бы въ какомъ-то одурманенномъ и окаменѣломъ состояніи. Чувствительность и способность воспринимать какіи бы то ни было впечатлѣнія, казалось, совершенно притупились въ немъ къ этому времени. Не раздѣваясь, бросился онъ въ постель, но спалъ ли, нѣтъ ли, въ томъ не могъ дать себѣ никакого отчета. Къ полудню слуга его догадался что дѣло, кажись, плохо и бросился за полковымъ докторомъ. Врачъ осмотрѣлъ больного и открылъ въ немъ всѣ признаки нервной горячки. Онъ сообщилъ объ этомъ товарищамъ Ковстантина; тѣ посѣтили больного лежавшаго въ полкомъ безъ памяти, и такъ какъ уходъ за нимъ одного лишь слуги не могъ почесться достаточнымъ и надежнымъ, то на общемъ совѣтѣ съ докторомъ было порѣшено перенести его въ Уадовскій госпиталь. Къ вечеру явились санитарные служители съ крытыми носилками, и наступившую ночь Хвамыцевъ провелъ уже въ особой камерѣ, подъ надежною госпитальною кроватей.

XXIV. Послѣ болѣзни.

Онъ пролежалъ около двухъ мѣсяцевъ. Сначала болѣзнь туго поддавалась усиліямъ врачей, но наконецъ наступилъ благотѣльный кризисъ, и съ того самаго дня въ благополучномъ исходѣ горячки уже не могло быть сомнѣній. Молодая натура взяла свое, жизнь пересилила въ этой борьбѣ со смертію, и здоровье стало быстро поправляться, организмъ дѣлательно пополнялся новыми силами, такъ что въ первыхъ числахъ ноября Ковстантинъ выписался изъ госпиталя уже совершенно бодрымъ, сильнымъ и здоровымъ попрежнему.

А въ это время ланг Нумеръ Тридесетый давно уже при-
нял свою присягу и ждалъ...

За Хвалынцевымъ исподоволь и незамѣтно слѣдили надеж-
ные глаза и уши которыхъ умѣли проникать повсюду, остава-
ясь въ глубочайшей тайнѣ. Съ тѣхъ поръ какъ трибуналъ
народный произнесъ надъ нимъ свой заочный приговоръ,
председателю операторской части, старцу Крушанскому, очень
хорошо и подробно былъ извѣстна, такъ-сказать, каждый
шагъ Хвалынцевца; этотъ старецъ день за днемъ слѣдилъ и
зналъ весь ходъ его болѣзни, благодаря зоркому своему помощ-
нику, Игнатию Трущинскому, который, въ качествѣ сына жандар-
мскаго подполковника русской службы, имѣлъ возможность,
подъ самыми невинными и законными предлогами, узнавать сто-
рною все что дѣлается въ военныхъ и вообще въ русскихъ сфе-
рахъ Варшавы. Въ госпиталѣ ему даже легче было слѣдить
за Хвалынцевымъ чѣмъ въ городѣ, когда онъ послѣ болѣзни
снова попалъ на свою квартиру. Тутъ мѣшала и служба, и
и товарищи, съ обществомъ которыхъ онъ теперь почти не
разставался. Покочивъ съ Паланицей, Хвалынецъ встрях-
нулся и почувствовалъ душевную потребность честно и до-
бросовѣстно завѣсть своимъ военнымъ дѣломъ, своею службой,
и какъ можно ближе и сердечнѣе опять сойтись съ товарища-
ми, отъ которыхъ одно время совсѣмъ было отшатнулся. И
то и другое вполнѣ удалось ему, потому что натура у него
была дѣятельная, подвижная, а душа отзывчивая и открытая.
Теперь онъ уже „не сидѣлъ на двухъ стульяхъ“ какъ прежде,
но все-таки далеко еще не зналъ душевнаго покоя. Его тя-
желое прошлое, укоряло и грызло сознание своей виновно-
сти, и какъ часто, бывало, щеки его неволью вслыхивали
краской жгучаго стыда при воспоминаніи о своей жал-
кой роли у Цезарины и у Свитки, или при мысли о томъ
что онъ могъ, во имя страсти къ чуждой и мало знаемой жен-
щинѣ, идти заодно съ врагами своего народа, которыхъ не
уважалъ въ душѣ, противъ *своихъ*, которымъ по самой при-
родѣ, естественно и законно принадлежали всѣ симпатіи, вся
родственность и любовь его. „Это подлость, больше которой
нѣтъ на свѣтѣ!“ говорилъ ему неумолимый голосъ совѣсти,
и вотъ все чаще и все настоятельнѣе стала теперь прихо-
дить ему мысль объ очищеніи себя полнымъ покаянiемъ, о
томъ чтобы повести свою заслуженную кару, сколь бы она
ни была тяжела и сурова, и воспрянуть изъ этой кары

другимъ, совѣтъ новымъ челоѣкомъ, съ обновленнымъ и прѣсвѣтленнымъ духомъ, со спокойною, чистою и прикровенною совѣстью. Онъ всю душою стремился къ этому заветному желанію, и, будь онъ одинъ, его ни на минуту не остановилъ бы страхъ заслуженной кары; но въ томъ-то и сила что въ этомъ отношеніи судьба его спутана съ другими лицами, участі которыхъ въ общемъ „дѣлѣ“ неволью обнаружилось бы изъ ег откровеннаго признанія. Хотя нѣкоторыхъ изъ этихъ людей и ненавидѣлъ онъ въ душѣ своей, считая ихъ виновниками своего паденія, а другихъ презиралъ за ихъ тупое, самонадеянное ничтожество, но все-таки нравственное чувство его сдвигалось предъ словомъ „доносъ“. Это слово тяжко и жестоко страшило его. Онъ былъ бы воистину радъ и счастливъ возможностью заплатить за прошлое, еслибы только для раскрылось инымъ путемъ помимо его, еслибы, напримеръ кто-нибудь изъ сотоварищей по заговору выдалъ его головой. О, тогда бы все, все что касается самого себя, одной лишь своей головы, все это чистосердечно положилъ бы онъ на вѣсы правосудія и смиренно принялъ бы очистительную кару! Но самому выдавать другихъ, хотя и презираемыхъ и ненавидимыхъ, самому брать на свою совѣсть и тяжкій укор за чужую судьбу и свободу, за чужое несчастье, а не жеть и самую жизнь, нѣтъ, это невозможно. И онъ чувствовалъ что на такой поступокъ никогда бы не хватило его. Хотя вся его преступность ограничивалась только знакомствомъ съ загадочнымъ Свиткой да вступленіемъ въ тайный союзъ Паляницы, гдѣ болѣе болтали чѣмъ дѣлали; хотя онъ и былъ убѣжденъ что самъ этотъ маньякъ Паляница, по глухости своей, едва ли можетъ кому и чему-либо нанести какой-нибудь вредъ, и хотя, наконецъ, виновность Хвалынцева заключалась только въ неясныхъ намѣреніяхъ, отъ которыхъ, впрочемъ, онъ отшатнулся при первомъ же шулерски-нечестномъ предложеніи, но тѣмъ не менѣе тяжело ему было самое сознаніе что онъ, какъ тралка, могъ допустить себя барахтаться въ грязи всего этого ничтожества, вожжаться со всеми этими проходимцами, называться ихъ единомышленникомъ и сотоварищемъ, носить честный русскій мундиръ и имѣя у себя въ стоящихъ и дѣйствительно честныхъ товарищей,—вотъ что грызло его душу и лалило стыдомъ его щеки, и вотъ почему вопіяла въ немъ потребность гласнаго, открытаго покаянія которое очистило бы и возродило его къ новой жизни и да

бы право слова открыто и прямо глядѣть въ глаза всѣмъ честнымъ людямъ.

Ему казалось будто теперь онъ полюбилъ Цезарину. И это полюбилъ, было такъ, но только отчасти: полюбилъ сущности этой женщины онъ все-таки не понималъ, да и не могъ бы понять въ то время. Но ему стало понятно что она не ради своего чувства къ нему, а ради какой-то другой, совсѣмъ по сторонней дѣли завлекала его въ опасное и чуждое ему дѣло, что въ отношеніяхъ къ нему у нея была какая-то фальшь, притворство, какой-то посторонній расчетъ, а вовсе не искреннее чувство. Это все стало теперь понятно для Хвалыдева, и были минуты когда вспоминая все тѣмъ она съ первой встрѣчи завлекала его и все что обнаружилось для него только въ послѣднюю ночь предъ болѣзью, вспоминая рассчитанное коварство, ложь и притворство, онъ начиналъ ненавидѣть эту женщину и ненавидѣлъ тѣмъ сильнѣе тѣмъ болѣе ощущалъ боль своего разбитого, поруганнаго чувства къ ней и тѣмъ болѣе сознавалъ въ какіе жалкіе шуты вышучивала его для чего-то эта обаятельная графиня Цезарина. Тутъ уже уязвленное молодое и чуткое самолюбіе питало въ немъ эту ненависть. Но страшное дѣло, среди столь сильной ненависти, вдругъ иногда почему-то невольно приходило на память все неотразимое обаяніе Цезарины, вся красота ея, весь чувственный соблазнъ ея, и даже съ особенною яркостью вставала въ воображеніи именно та минута когда въ образѣ разъяренной тигрицы, гордо закинувъ голову, съ этимъ грознымъ фосфорическимъ свѣтомъ глазъ, она опрокинулась на него вслѣдъ негодованіемъ и всею яростью оскорбленной женщины, во время его послѣдняго ночнаго посвѣщенія. Онъ вспоминалъ все впечатлѣніе этой минуты, отъ котораго духъ захватывало, вспоминалъ всю грозную предель и сверкающую красоту ея, въ какой величаво предстала она въ тѣ мгновенія, и увы! съ негодованіемъ на самого себя, чувствовалъ что къ несчастію не все еще кончено, не все еще умерло въ его сердцѣ относительно этой проклятой женщины. Налерекоръ самолюбію, налерекоръ чести и разсудку проявлялись-таки порою мгновенія когда Константинъ сознавалъ что все еще любить ее, любить въ самой ненависти, въ самомъ презрѣніи къ ней, и любить не душу, а только красоту, только это дивное, чувственное тѣло. Онъ боролся съ самимъ собою и превозмогалъ себя, но тѣмъ не менѣе подобныя минуты страсти, какъ

пквалы, налетали еще порою на его душу, и Константинъ почувствовалъ что не мало борьбы, не мало самыхъ строгихъ и крутыхъ усилій надъ собою предстоитъ еще ему вперед, пока не одолѣетъ и не убѣетъ окончательно своего непокорнаго, болѣзненнаго чувства, пока не воцарится въ душѣ его мирное и свѣтлое затишье.

XXV. „По декрету трибунала“.

Игнатій Трущинскій, знавшій Хвалынцева въ лицо, однажды, при случайной встрѣчѣ въ кандитерской Конти, гдѣ Константинъ игралъ съ товарищами на билліардѣ, указалъ на него своему собрату Штейнгреберу. Цивилизованный Еврейчикъ, замѣтивъ себѣ хорошенько черты лица и наружность Хвалынцева, сталъ выслѣживать, гдѣ и въ какіе часы онъ больше и чаще бываетъ. Оказалось что онъ довольно часто пріѣзжаетъ съ товарищами обѣдать въ ресторанъ Европейскаго отеля, откуда обыкновенно они переходятъ къ Конти сыграть партію-другую на билліардѣ. Узнавъ это, Штейнгреберу уже не трудно было указать на него въ билліардной залѣ пану Биртусу, которому нарочно, ради этого случая, былъ даже пожертвованъ скромный, но приличный костюмъ, безъ чего его не пустили бы сидѣть и пить пиво въ аристократической цукернѣ. Послѣ этого, панъ Биртусъ привялъ на себя обязанность уже специально слѣдить за Константиномъ, и на слѣдующій же день, захвативъ съ собою пана Тридесетого, сталъ въ обѣденный часъ прогуливаться съ нимъ по Краковскому предместью, мимо Европейскаго отеля, поджидая когда подѣдетъ Хвалынецъ и наказывал своему ученику какъ можно лучше и вѣрнѣе запомнить себѣ этого „лайдака-Москала“, чтобы потомъ, бороди Боже, не вышло бы какой ошибки. Въ урочный часъ Константинъ подѣхалъ къ отелю и пока расплачивался съ дружкаремъ, оба молодца Броварной улицы успѣли подойти какъ разъ къ самому подѣзду, такъ что Хвалынецъ прошелъ мимо ихъ въ какомъ-нибудь шагѣ разстоянія. Панъ Нумеръ Тридесеты въ это время достаточно успѣлъ схватить себѣ общее впечатлѣніе его наружности, такъ что на другой день, когда панъ Биртусъ захотѣлъ сдѣлать ему провѣрку, Нумеръ Тридесеты уже самъ первый указалъ ему подѣхавшаго

Константина. Виртусъ остался очень доволенъ его наблюдательностью и доложилъ Штейнгреберу что теперь можно быть на счетъ „шивки“ въ полной увѣренности и что ошибки произойти уже не можетъ.

Все это было дѣломъ четырехъ-пяти дней, не болѣе.

Но какъ ни зорко слѣдили эти господа за Хвамынцевымъ, какъ ни подстерегали его по разнымъ закоулкамъ и подворотнямъ вблизи его квартиры, обстоятельства случайнымъ образомъ складывались такъ что мальчонкѣ-мастеровому крайне рискованно было бы приводить въ исполненіе приговоръ трибунала: то посторонняго народа много на улицѣ, то полицейскій дозорца напротивъ торчить и смотреть, то русскіе солдаты проходятъ, то самъ Хвамынцевъ идетъ, но не одинъ, а съ товарищами—все это неловко, неудобно, опасно и не позволяетъ разчитывать на удачу дѣла и на вѣрность удара. Словомъ сказать, дѣло не выгорало. Время проходитъ, приговоръ подписанъ и данъ къ исполненію уже давнымъ-давно, а назначенная жертва межъ тѣмъ преспокойно еще гуляетъ по Варшавскимъ улицамъ. Ксендзъ Кароль Микшевскій началъ даже находить что такое промедленіе наноситъ ущербъ достоинству и авторитету трибунала. Въ центральномъ комитетѣ, по этому поводу, были недовольны частью операторомъ, и черезъ Микшевскаго слѣдали формальное и строгое замѣчаніе шефу операторовъ достопочтенному старцу Крушняскому, который въ свою очередь объявилъ выговоръ помощнику своему Штейнгреберу. Надо замѣтить что ксендзъ народовой вообще чрезвычайно любилъ подражать всѣмъ формальнымъ канцелярскимъ порядкамъ настоящихъ правительствъ и не скупился на циркуляры, указанія, предписанія и выговоры по всѣмъ своимъ исходящимъ цаставкамъ. Вся эта комическая пародія продѣлывалась съ большою аккуратностью и замѣчательнымъ постоянствомъ.

Жадокъ Штейнгреберъ, въ свою очередь, приналежъ на лапу Виртуса и объявилъ что если дѣло пойдетъ и даже такимъ образомъ, то имъ перестанутъ вылачивать жалованья.

Нумеръ Тридесевты со дня своей присяги началъ получать жалованье по три злотыхъ и десять грошей въ день.* На эту сумму онъ могъ быть и сытъ и пьянъ ежедневно.

* Пятьдесятъ копѣекъ.

Теперь ему убавили содержаніе ровно на половину, такъ что мальчонка долженъ былъ дѣлать выборъ: или быть сытымъ или быть льянымъ, но совмѣстно и то и другое стало ужъ для него недоступно. Это огорчающее обстоятельство должно было возбудить его энергію и рѣшимость; потому-то подобныя мѣры и принимались всегда противъ недостаточно-энергичныхъ князьчиковъ. Прошло еще два три, исправительная мѣра не подѣйствовала: Хвалынцевъ былъ живъ и спокойно продолжалъ показываться на улицахъ. Нумеру Тридесетому совсѣмъ перестали платить жалованье. Это обстоятельство обрекало его на дѣйствительный и безысходный голодъ. А тутъ еще павъ Биртусъ объявилъ, по приказанію шефа операторовъ, что если Нумеръ Тридесетый черезъ три дня послѣ настоящаго объявленія не исполнитъ порученнаго ему приговора, то надъ нимъ самимъ будетъ исполнена смертная казнь, какъ надъ ослушникомъ священной воли народнаго трибунала. Поставленный въ безысходное положеніе съ одной стороны крайнимъ голодомъ, а съ другой этою нешуточною угрозою, Нумеръ Тридесетый увидѣлъ что какъ ни кинь все кинь выходитъ: убьешь Хвалынцева—повѣсятъ, не убьешь его—задушатъ, и въ послѣднемъ случаѣ даже кѣмъ вѣе чѣмъ въ первомъ, потому что тамъ еще есть надежда скрыться да и свои помогутъ, а тутъ ужъ никуда не скроешься и никто не окажетъ помощи. Ему не оставалось никакого выбора, а при этомъ еще Биртусъ соблазняетъ что если, молъ, исполнишь казнь, то получишь пятнадцать за тыхъ въ награду за работу и снова жалованье выдавать станутъ. И вотъ, побуждаемый голодомъ и страхомъ наказанія мальчонка рѣшается дѣйствовать на удачу.

Подъ вечеръ забрался онъ на лѣстницу которая вела въ квартиру Хвалынцева и рѣшился дѣйствовать на авось: если вкроятъ его прежде чѣмъ онъ успеетъ исполнить свою „работу“, значитъ, ужъ такъ ему на роду написано пропалат. Онъ забился въ самый темный уголокъ подъ лѣстницей и прсѣвъ на корточки, ждалъ появленія своей жертвы. По его положенію, Хвалынцевъ послѣ обѣда долженъ будетъ вернуться домой, такъ, по крайней мѣрѣ, уже нѣсколько разъ случалось во время его наблюденій. Но вотъ обѣда, если вернется не одинъ, а съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей... У обѣднаго мальчонки, отъ этого предположенія даже мураши по спиамъ побѣжали, и онъ началъ горячо молиться чтобы дѣло его об-

лось удачно, чтобы все устроилось такъ какъ слѣдуетъ. Время ожиданія было мучительно. Нѣсколько разъ по лѣстницѣ юрмались и спускались какіе-то люди, жильцы этого дома, и несчастный мальчонка жался глубже въ свой уголъ, крестясь и трепеща, чтобы его какъ-нибудь не открыли.

Но вотъ послышались чьи-то твердые шаги и лязгъ сабл. Сердце кинжальщика забилось чаще и сильнѣе. Онъ прислушался: судя по звуку, это шаги одиночные. Притаившійся мальчонка далъ вошедшему поддаться на нѣсколько ступеней, и затѣмъ, какъ кошка, неслышно выскочилъ изъ-подъ лѣстницы и на ципочкахъ побѣжалъ въ догонку за подымавшимся человѣкомъ. Въ свѣтахъ настолько уже господствовалъ сумракъ что издали разглядѣть черты лица было не возможно.

— Пршепрашамъ, пане! * робко произнесъ кинжальщикъ, оставивъ того на первой площадкѣ и стараясь разглядѣть физиономію.

— Чтò такое? едва успѣвъ проговорить остановленный, какъ вдругъ:

— По декрету трибунала! воскликнулъ узнавшій его кинжальщикъ, съ размаху вонзя свое оружіе въ стоявшаго предъ нимъ человѣка и опрометью, чуть не кубаремъ, кинулся съ лѣстницы.

Дверь подъѣзда хлопнула, и убійца скрылся изъ виду.

— Держи!... лови! что есть мочи закричалъ Хвалынецъ и бросился въ догонку. Выбѣжавъ на тротуаръ, онъ успѣлъ еще замѣтить какъ какой-то человѣкъ бѣжалъ въ лѣвую сторону, но въ ту жь минуту Константину показалось что убѣгавшій не то юркнулъ въ какія-то ворота, не то просто провалился сквозь землю. Однимъ словомъ, кинжальщикъ въ ту жь минуту исчезъ у него изъ глазъ. Константинъ, продолжая бѣжать, вдругъ почувствовалъ у себя въ лѣвомъ плечѣ, около ключицы, какую-то острую боль, до того сильную что въ глазахъ у него помутилось. Онъ сдѣлалъ надъ собою послѣднее усиліе, но успѣлъ только выкрикнуть еще разъ что-то неясное, зашатался и грохнулся почти безъ чувствъ на мостовую.

Люди проходили мимо, но не останавливались. Обыватели варшавскіе въ то время очень хорошо уже знали чтò такое значить если на улицѣ лежитъ человѣкъ истекающій кровью.

* Извините, сударь!

Иные изъ нихъ только коснулись на то мѣсто гдѣ лежалъ овъ и торопились уйти подальше, другіе же на мгновеніе пріостановясь около тѣла, плевали въ его сторону и проворчавъ что-нибудь въ родѣ „пса кровь“ или „пса юха“, съ выраженіемъ ненависти, проходили мимо. Никто не нагнулся чтобы подать помощь, никто не кинулся на розыски убійцы.

Полякъ-полицейскій, котораго прохожіе оповѣстили что въ нѣсколькихъ шагахъ лежитъ какой-то раненый, не торопиво приблизился къ Хвалынцеву, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и подавъ призывной свистокъ сосѣднему дозору. Черезъ минуту подошелъ другой полицейскій, посоветовался съ товарищемъ какъ быть и что дѣлать, подумалъ, покачалъ головою и догадался что надо бы позвать доктора. Поговорили, стѣбитъ ли еще ходить за докторомъ; но рѣшили что неравно начальство спроситъ зачѣмъ не исполнили этого, и потому въ огражденіе себя „съ легальной стороны“, одинъ изъ полицейскихъ стукнулся въ дверь врача, проживавшаго въ нѣсколькихъ шагахъ по сосѣдству. Врачъ-Полякъ, узнавъ что помощь его нужна раненому кивальщикомъ, отказался подъ предлогомъ собственной болѣзни, другой же польскій врачъ, къ которому послѣ этого послѣдшилъ полицейскій, сказалъ просто что ему нѣтъ дѣла и нѣтъ времени для этого. Пришлось бѣжать въ казармы и отыскивать русскаго военнаго доктора.

Полубморочное состояніе Хвалынцева продолжалось не долго. Оно было болѣе слѣдствіемъ внезапнаго испуга и потрясенія чѣмъ опасности самой раны. Черезъ двѣ-три минуты Константинъ уже пришелъ въ себя и, съ помощью дозора, поднялся на ноги. Подошли двое солдатъ, случайно проходившихъ мимо. Одинъ изъ нихъ оказался однополчаниномъ Хвалынцева и узналъ его. Онъ тотчасъ же кинулся оповѣстить двухъ товарищей Константина жившихъ по сосѣдству и любѣжалъ за полковымъ докторомъ. Между тѣмъ полицейскій, съ помощью другаго прохожаго солдата, внесъ раненаго въ помѣщеніе ближайшей еврейской лавочки чтобы оградить его отъ празднаго любопытства толпы, которая стала собираться тотчасъ же чуть лишь замѣтили присутствіе дозора на мѣстѣ происшествія. Въ числѣ любопытныхъ между прочимъ присутствовалъ и лавъ Биртусъ, поджидавшій въ одной изъ ближайшихъ *базарій* результатовъ „работы“ Нумера Тридесятаго. Теперь онъ стоялъ съ самымъ невиннымъ и даже сострадающимъ видомъ, покачивая головою и какъ бы про себя при-

говаривая въ полголоса: „Ай, Іезусъ-Марія! От-тожь лайдаки! Яка шкѣда, ай-ай-ай!.. От-то прешекяенты!..“

Черезъ нѣсколько минутъ прибѣжали двое товарищей Хвалынцева, а за ними, спустя малое время, появились одинъ за другимъ и двое военныхъ врачей, привезенныхъ изъ разныхъ частей солдатомъ и полицейскимъ. Немедленно обмыли кровь и осмотрѣли рану, которая оказалась хотя и опасною, но далеко не смертельною. Рука убійцы была не вѣрна, да и толстая шивель Хвалынцева тоже оказала нѣкоторую защиту. Поражено было плечо отъ ключицы къ лопаткѣ, но къ счастью, легкое осталось не задѣто. Больному наскоро сдѣлали первую перевязку и, осторожно положивъ въ ваменный экипажъ, перевезли его въ Уздовскій госпиталь, съ которымъ онъ еще такъ недавно разстался.

Въ мѣстныхъ кружкахъ русскаго общества всѣ были возмущены и изумлены этимъ покушеніемъ. Никто не понималъ что за дѣла могла быть у убійцы въ этомъ случаѣ, и чѣмъ могъ Хвалынцевъ навлечь на себя такую кару народоваго ржонда. Толковали разно: одни говорили что это была не больше какъ простая проба кинжала, который надо же было испытать на комъ-нибудь, а Хвалынцевъ случайно подвернулся подъ руку, и только; другіе передавали слухи будто Центральнй Комитетъ рѣшилъ наладать подобнымъ образомъ на всѣхъ военныхъ и Русскихъ безъ разбора и безъ исключенія; третьи увѣряли что ударъ былъ направленъ въ Хвалынцева по ошибкѣ, а предназначался совсѣмъ для другаго лица; словомъ, толковъ и разговоровъ въ первое время было множество.

Ожидали чѣмъ-то и какъ разъяснится смыслъ этого нападенія революціоннымъ „начальникомъ мѣста“ въ подпольномъ Русь; но официальный органъ подземнаго ржонда о случаѣ съ Хвалынцевымъ хранилъ упорное и глубокое молчаніе.

У ржонда были на это свои основательныя причины.

Панъ Биртусъ, терпѣвшійся въ толлѣ и присутствовавшій у дверей еврейской лавочки все время пока доктора производили тамъ осмотръ раны, наблюдалъ и слушалъ что говорится вокругъ по этому поводу. Слухъ о томъ что рана вовсе не смертельна не замедлилъ тотчасъ же распространиться въ ожидавшей толлѣ черезъ хозяевъ лавочки и черезъ того же полицейскаго дозорца который присутствовалъ при осмотрѣ.

Съ доведеніемъ объ этомъ прискорбномъ обстоятельстве, Биртусъ, какъ только повезли Хвалынцева въ госпиталь, сейчасъ же отправился къ Штейнгреберу. Тотъ доложилъ шефу, и на другое утро послѣдовало экстренное засѣданіе трибунала для того чтобы провѣрить и обсудить это обстоятельство. Игнатій Трущивскій похвально навелъ справку и привезъ извѣстіе что дѣйствительно рана сама по себѣ отнюдь не угрожаетъ смертію, если таковая не послѣдуетъ отъ какой-нибудь побочной причины. Достопочтенный Крушинскій по этому поводу приказалъ Штейнгреберу чтобы неловкому кивжалыцику непременно было дано двадцать горячихъ бизуновъ, * для науки, дабы на будущее время работалъ чище. А между тѣмъ поднялся вопросъ: какимъ образомъ объявить въ *Русь* о не вполне удавшейся экзекуціи? Ржондъ народовой имѣлъ обыкновеніе оубликовывать приговоры своего трибунала уже послѣ ихъ исполненія. Это дѣлалось для лучшей вѣрности и безопасности, чтобы не попасть въ просакъ, напечатать: человекъ казненъ, тогда какъ онъ еще здравствуетъ. Ржондъ понималъ что такіе промахи вели бы къ ослабленію его террористическаго авторитета. Шефъ операторовъ въ данномъ случаѣ былъ того мнѣнія что слѣдуетъ напечатать полный приговоръ, въ томъ видѣ какъ онъ постановленъ трибуналомъ, съ примѣчаніемъ что казнь исполнена тогда-то и не вдаваться въ объясненія о не полной удачѣ кивжалнаго удара. Но Василій Свитка съ этимъ мнѣніемъ не соглашался изъ опасенія за свою собственную шкуру. Онъ зналъ что разъ это будетъ напечатано, русское правительство тотчасъ же схватится за Хвалынцева, подыметъ новое слѣдствіе, и какъ знать! быть-можетъ Хвалынцевъ, озлобленный ударомъ кивжала, выдастъ и самого Свитку, и Палавицу, и многихъ другихъ изъ лицъ прикосновенныхъ къ дѣлу, а это уже грозитъ серіозною опасностью центральной организаціи, тогда какъ теперь, изъ чувства самосохраненія, онъ, повятое дѣло, молчитъ о томъ что самъ принадлежалъ къ заговору. Остальные члены нашли мнѣніе Свитки вполне основательнымъ.

— Въ такомъ случаѣ можно извиниться и сообщить что ударъ нанесенъ по ошибкѣ, предложилъ Трущивскій.

— Нѣтъ, ужъ по моему лучше вовсе промолчать, чѣмъ извиняться и признавать свои ошибки! порѣшилъ ксеядъ Микшевскій,—и всѣ безусловно согласились съ его мнѣніемъ.

* Паетей.

Такимъ-то образомъ *Ружь* и не обмолвился ни единымъ словомъ о казни *Хвалынцева*.

Но хотя *Ружь* и молчалъ, а толки о происшествіи все-таки продолжались, и въ виду этихъ толковъ, *Паляница* съ *Добровольскимъ* да и самъ *Свитка* чувствовали себя не совсемъ-то хорошо. Ихъ одолевало опасеніе: а что, какъ вдругъ *Хвалынцевъ* добровольно принесетъ признаніе въ своей ви-нѣ, разчитывая на то что правительство приметъ во вниманіе его разрывъ съ революціей и его рану, и потому положить ему легкое наказаніе, да и схватится за всѣхъ его соучастниковъ, скрывать которыхъ теперь *Хвалынцеву* нѣтъ ника-кого расчета, а напротивъ, есть полный расчетъ выдать ихъ всѣхъ головою? Это предположеніе казалось имъ очень основательнымъ и потому лугало не на шутку. Хоть лавъ *Нумеръ Тришдесяты* и получилъ свои двадцать бизуновъ, но отъ этого было не легче ни *Свиткѣ*, ни *Паляницѣ*, ни *Добровольскому*. Черезъ день, *Василій Свитка*, съ однимъ изъ своихъ фальшивыхъ, но вполне „закононыхъ“ паспортовъ, катилъ уже по желѣзной дорогѣ въ Литву, еще черезъ день *Паляницѣ* съ *Добровольскимъ* въ полковомъ приказѣ было объявлено что они исключаются изъ списковъ какъ пролавліе безъ вѣсти. Оба на время бѣжали изъ *Варшавы*.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

БАЗЕНЬ И ЕГО БѢГСТВО

Парижъ, 31го (19го) августа.

Когда маршала Базена судили, во французской публикѣ господствовало относительно его два чувства: негодованіе и любопытство. Еще послѣднее мѣнялось въ своихъ степеняхъ, то усиливаясь, то слабѣя, смотря по мѣрѣ вѣншей заимчивости процесса и по большому или меньшему интересу происходившихъ между тѣмъ политическихъ событій. Засѣданій Триановскаго совѣта ожидали съ величайшимъ напряженіемъ; въ первые дни „зрителей“ набилось въ залу сколько она могла вмѣстить, газетъ раскулачилось сколько типографія успѣвали отпечатать. Специальность содержанія объемистаго доклада расхолодила эту горячность; потомъ вниманіе отвлеклось было въ Версаль, гдѣ предполагавшееся возстановленіе монархіи обѣщало сцены высокаго драматизма; и лишь когда монархическіе сборы рушились безъ битвы и вмѣстѣ съ тѣмъ стало ясно что продленіе власти маршала Макъ-Магона пройдетъ въ память безъ особенныхъ приключеній; когда, съ другой стороны, на совѣтъ зачастили видные свидѣтели, приводящіе эпизоды, загадочныя положенія, пошла борьба обвиненія и защиты, тогда лишь любопытство олять взяло свое и вновь увлеченная публика снова кынула въ Триановъ воинами. Негодованіе же съ начала до конца владѣло ею неизмѣнно. Оно сохранилось и тогда когда окончились перепетіи судебного

разбирательства, когда Базенъ пересталъ быть дѣйствующимъ лицомъ военно-юридической трагедіи, когда онъ окончательно сошелъ со сцены: въ полной свѣжести сохранилось оно и до сихъ поръ.

Теперь бѣгство севтъ-маргеритскаго узника вновь привлекло къ разжалованному маршалу всеобщее любопытство. Базенъ вновь сталъ „героємъ минуты“,—печальнымъ героємъ, но который останавливаетъ на себѣ вниманіе и постороннихъ, невольно замещающихся вопросомъ: что жь это, наконецъ, за личность? Триановскій процессъ не далъ на него положительнаго отвѣта. Составленіе уликъ обвиненія, оправданій подсудимаго, свидѣтельскихъ показаній, выяснило такъ-сказать техническую виновность бывшего главнокомандующаго Рейвскою арміею; раскрыта военная грѣховность его дѣйствій въ Мецѣ и подѣ Мецемъ, формально предусмотрѣнная военно-уголовнымъ законодательствомъ, подлежащая установленной имъ карѣ и служащая ея примѣненія.

Но нравственная вѣняемость этихъ дѣйствій, опредѣленіе которой и не требуется спеціальнымъ военнымъ закономъ, не указана. Почему Базенъ сдалъ крѣпость и подписалъ капитуляцію арміи „не истощивъ всѣхъ средствъ обороны“, какъ гласитъ обвинительный актъ и какъ подтверждено судебнымъ приговоромъ, „и не удовлетворивъ всѣмъ велѣніямъ долга и чести“? По небрежности? По неспособности? Изъ приводящихся постороннихъ видовъ? Собственно военная юридическая отвѣтка не имѣетъ надобности входить въ разсмотрѣніе этой внутренней стороны дѣла и въ сужденіе о ней. Крѣпость сдава когда могла еще защищаться; армія капитулировала, вмѣсто того чтобы пробиваться,—этого достаточно для признанія преступности допустившаго такіе результаты генерала, каковы бы ни были руководившія имъ побужденія, потому что каковы бы они ни были, государство не можетъ оставлять безнаказаннымъ произвольное отступленіе отъ военнаго долга, отъ соблюденія или несоблюденія котораго въ данномъ пунктѣ зависитъ тотъ или иной поворотъ судебъ цѣлой страны. Именно побужденія, напротивъ, интересны съ исторической, политической и нравственной точекъ зрѣнія. Защитники Базена стараются выставить побужденія эти въ самомъ чистомъ видѣ. Сентябрьскій переворотъ, говорятъ они, поставилъ маршала, какъ главнокомандующаго, въ совершенно особенное положеніе. Онъ служилъ

имперіи и присягнулъ ей на вѣрность. Парижскія событія и могли и не должны были снять съ него обязанности относительно имперіи, разрѣшить присягу которой въ правѣ былъ одинъ лишь Наполеонъ. Наполеонъ не отрекался отъ престола, сдѣлательно онъ или, если лѣтъ временно лишалъ его державства заранѣе назначенная имъ правительница и ея сынъ, а не провозглашенная нѣсколькими агитаторами республика, были ли Базенъ единственнымъ законнымъ правительствомъ. Находясь въ неизвѣстности относительно дѣйствительныхъ плановъ этого правительства, но соображая, по общему ходу военныхъ операцій, что оно должно послѣдовать заключеніемъ мира, какъ единственнымъ способомъ отворотить дальнѣйшія послѣдствія неудачной кампаніи, маршалу естественно было и съ своей стороны ограничиться выжидательною ролью, и вмѣсто рискованнаго наступленія, которое, въ случаѣ пораженія, загубило бы послѣднюю армію его законнаго монарха, отсиживаться въ Мецѣ, откуда, при немедленномъ подписаніи мирнаго договора, онъ вышелъ бы съ полнымъ комплектомъ силъ необходимыхъ для восстановления порядка въ разволнованной странѣ и низвергнутаго революціонерами правительства. Предположенія обманули его; ни Наполеонъ, ни регентша не вступили въ переговоры съ Германіей. Время было, между тѣмъ, улучшено, и сдавленный желѣзнымъ обручемъ осады, въ послѣдствіи онъ не могъ уже покинуть Меца, который, вмѣсто львиной засады, сталъ для него западнею. Держаться въ ней долѣ чѣмъ онъ держался было физически невозможно: промахъ лишь въ томъ что онъ въ нее попалъ. Тѣмъ не менѣе если Базенъ и ошибся въ этомъ отношеніи, намѣренія его были безукоризненны и онъ все-таки оказалъ Франціи услугу сохраненіемъ арміи, потому что одно лишь возвращеніе капитулировавшаго въ Мецѣ контингента дозволило, въ коммуналъ, справиться съ анархіей.

Французское общественное мнѣніе не соглашается съ этими комментаріями, отвергая ихъ какъ софизмы. Поведеніе Базенъ, возражаетъ оно, стало двусмысленнымъ и ранѣе сентябрьскаго переворота. Онъ могъ уйти на соединеніе съ Макъ-Магономъ и не ушелъ: сдѣлательно въ западнѣ очутился по своей собственной волѣ. Пробыть оттуда была возможность: онъ самъ не хотѣлъ. Во всякомъ случаѣ обязанность его состояла не въ томъ чтобы увлекаться политическими и династическими соображеніями, а въ томъ чтобы защищать Мецъ до

последней капли крови, имѣя въ виду не то или другое правительство и его выгоды, а боевыя нужды самого своего отечества. Этого онъ и не исполнилъ.

Изъ какихъ побужденій?

По свойствамъ своего національнаго характера, наклоннаго къ односторонности и не любящаго вдаваться въ сложныя узнанія, Французы всегда, во всемъ и обо всемъ произносятъ рѣшительныя сужденія *tout d'une pièce*. Для французской публики человекъ заслуживаетъ или обожанія, или пети. Съ другой стороны, Французы привыкли утѣшать себя въ своихъ пораженіяхъ, возлагая ответственность за нихъ исключительно на одно какое-нибудь лицо, и потребность въ утѣшеніи этого рода до такой степени настоятельна что не только г. Гамбетта разогналъ, 25го декабря 1870 года, назначенную было безъ его вѣдома военную комиссію надъ главнокомандующимъ Рейнскою арміею, даже Тьеръ не хотѣлъ допускать свидѣнія о медкой капитуляціи, опасаясь чтобъ изученіе фактовъ не повело къ выводамъ несогласнымъ съ требованіями національнаго самолюбія. Сообразно съ этими мѣстными особенностями, когда республиканская оппозиція, вошедшая въ августѣ 1870 года въ силу, навязала находившемуся почти въ немилости маршала Наполеоновскому правительству, родимый его городъ, Версаль, мысленно чуть не воздвигающъ ему статую, въ публикѣ приходилось соориться съ короткими знакомыми тому кто позволялъ себѣ сдерживать ихъ энтузіазмъ относительно „знаменитаго вождя“ и заподозривать вѣрность элитета „доблестный Базевъ“, „glorieux Bazeux“, какимъ возвеличило его правительство національной обороны. Когда же послѣдовала сдача Меца, въ Турѣ даже иныя требовали ареста, въ качествѣ заложницы, находившейся въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей жены главнокомандующаго, спасенной лишь заступничествомъ италянскаго цимомата, кавалера Нигры. Теперь когда судебное разбирательство обнаружило военную преступность капитуляціи, для каждаго Француза Базевъ виновникъ неудачъ всей кампаніи, такъ Груши виновникъ Ватерлоо, а Мармонъ—сдачи Парижа; безъ Базева Седанская битва была бы выиграна, Парижъ благополучно выдержалъ бы осаду, Шавзи не испыталъ бы погрома на Луарѣ, войска Бурбаки не бѣжали бы въ Швейцарію, распоряженія Гамбетты прогнали бы Нѣмцевъ до

самого Берлина. Съ легкой руки военного министра делегации официально провозгласившаго маршала „измѣнникомъ“, да всякаго Француза, даже изъ политическихъ враговъ бордоскаго диктатора, Базенъ именно „предатель“, предатель и въ томъ смыслѣ что командование его, будучи несостоятельнымъ, тѣмъ самымъ повредило странѣ, но въ томъ что онъ *умышленно* привелъ къ мецкой катастрофѣ.... Прославлять Базена странно было даже тогда когда республиканское правительство 4го сентября считало возможнымъ и умѣстнымъ дѣлать ему официальныя рекламы: и подавно нельзя держаться прежняго взгляда послѣ всѣхъ совершившихся событій.

Спрашивается, однакоже, въ какой мѣрѣ факты, психологическія данныя и политическія указанія оправдываютъ заключеніе объ умышленности Базеновыхъ проступковъ въ Мецѣ сложившихся въ громадную вину, и если эта умышленность подтверждается уготовившими развязку обстоятельствами, опять-таки какія слѣдуетъ приписывать ей побужденія?

Съ давнихъ поръ въ Европѣ составилось о маршалѣ Базенѣ дурное понятіе. Извѣстный австрійскій военный писатель скрывающій свое имя подъ псевдонимомъ Абани отзывался о немъ какъ о личности „пользующейся самою плохую репутаціей, корыстолюбивой, продажной, недоступной никакимъ благороднымъ побужденіямъ“*. Допустимъ что это сужденіе пристрастно, какъ выраженное австрійскимъ офицеромъ, естественно нерасположеннымъ къ одному изъ виновниковъ гибели брата своего монарха, и притомъ высказано имъ послѣ возникновенія мецкой загадки, когда всеобщія сомнѣнія главнокомандующемъ Рейнскою арміей создали уже неблаприятную для оцѣнки его атмосферу. Задолго предъ тѣмъ, самую блестящую для Базена эпоху его жизни и службы, въ самомъ французскомъ войскѣ, сослуживцы маршала, имѣвшіе возможность изучить его вблизи, клеймили его безплотно. „Лицемѣръ и лгуны“, опредѣлялъ его генералъ Феликсъ Дузъ, въ частныхъ, въ послѣдствіи обнародованныхъ, письмахъ изъ Мексики къ своему брату Абеау (извѣстному дивизиону, позже убитому при Вейсенбургѣ). „Трудно вообразить что бы болѣе удачный тилъ обманщика и лукавца“, прибавлялъ онъ въ той же корреспонденціи. „Со времени кардинала Д

* *In Lager der Franzosen.* Leipzig, 1871. 2. B. 8°. Сж. I, 58—59.

буа", дополнялъ онъ свою характеристику", не встрѣчалось подобнаго еще мерзавца" *.

Не сразу образовалось во французской арміи такое представление о маршалѣ. На низшихъ степеняхъ чиновъ и должностей Базенъ, понятно, старался скрыть свои настоящія качества, какъ и слѣдуетъ порядочному лицемѣру, заботящемуся о своей карьерѣ. Солдаты уважали его за полеченія о себѣ соединенныя съ умѣньемъ поддерживать нѣкоторую дисциплину (извѣстно что въ рядахъ не любятъ слишкомъ податливыхъ командировъ); наружное добродушіе привлекало къ нему офицеровъ.... Первоначально все радовалось назначенію его въ Мексику, все осыпало его похвалами. Только въ действіи, когда, въ качествѣ главнаго начальника, онъ смучилъ возможность развернуться, и поработалъ на росторѣ, лучшіе элементы Мексиканской экспедиціи отшатнулись отъ своего полководца, отшатнулись до того что, о свидѣтельствѣ генерала Феликса Дуэ, „лишь разрозненность арміи разбросанной по громаднымъ пространствамъ спасла его отъ взрыва всеобщаго негодованія" **, до того что, когда правительство признало нужнымъ подвергнуть его контролю особаго довѣреннаго лица (Кастельно), тотъ же генералъ писалъ брату: „Слава Богу! дожилъ-таки по крайней мѣрѣ до нравственнаго изобличенія этой гнусной личности"... ***

остаточно слегка взглянуть на не составляющимъ болѣе чѣмъ свѣдѣніямъ въ мексиканскую дѣятельность Базена чтобы понять произведенное ею на самихъ французскихъ сотрудниковъ маршала впечатлѣніе. Нѣтъ надобности упоминать о извѣстной жестокости его обращенія съ непріятелемъ и вообще съ жителями страны которую Французы взяли бы цивилизовать: предшественникъ маршала, генералъ Форэ,

* *Papiers et correspondance de la famille impériale*. Paris, 1870—72. 3 v. 8°. См. II bis, 94, 117, 126. Эта дополнительная часть того тома, содержащая въ себѣ замѣчательныя историческія документы, въ самый день выхода въ свѣтъ, въ апрѣлѣ 1872, административно конфискована и изъята изъ обращенія правительствомъ иера, такъ что оставляетъ величайшую библиографическую рѣдкость, и помѣщенный въ ней матеріалъ можетъ считаться какъ бы изданымъ. Приведенныя выше цитаты, равно какъ и всѣ послѣдующія, переведены буквально.

** Id., 94.

*** Id., 115.

отличался не меньшею крутостью, сообразною съ постояннымъ французиимъ военнымъ обычаемъ, который, если и учать его не въ газетныхъ повѣствованіяхъ, а въ подлинныхъ приказахъ, и не въ официальныхъ реляціяхъ, а въ частныхъ воспоминаніяхъ служащихъ, отъ генерала до прапорщика, и когда и вездѣ не падить никого и ничего. Если Базенъ и признавалъ ответственности своихъ солдатъ за грабежъ, злупреждалъ брать плѣнныхъ, предписывалъ, буде таковыя случатся, не сохранять ихъ для разбѣга, а взрослыхъ „умертвлять“, недостигшихъ же шестнадцатилѣтняго возраста сълать въ Юкатанъ, предварительно наказавъ ихъ плетми, если оны, особымъ секретнымъ циркуляромъ внушалъ своимъ подчиненнымъ что „война ведется на смерть, и нужно убивать или быть убитымъ“**, то эти свойства главнокомандующаго не могли внушить нерасположенія къ нему арміи, и давно привыкшей къ подобнымъ приѣмамъ и считающей употребленіе ихъ для себя совершенно законнымъ. „Кого мы убиваемъ, того вѣшаемъ; по возвращеніи можно будетъ открыть торговлю веревками висѣльниковъ для цѣвителей этого талисмана“, равнодушно шутилъ служившій подъ начальствомъ маршала полковникъ (нынѣ генералъ) маркизъ Гауфѣ въ дружескомъ посланіи къ другу, директору Наполеонской канцеляріи, г. Піетри***.

Но Базенъ незавидно заявлялъ себя въ военномъ отношеніи. Отъ командованія его выходило мало толку. Онъ безпрестанно разбивалъ непріятеля, и никогда не преслѣдовалъ его до окончательнаго уничтоженія его силъ; ежедневно изговяля мексиканскіе отряды изъ стоянокъ, и не оставлялъ тамъ французскаго гарнизона, такъ что очищенная было мѣстаост немедленно вновь попадала въ руки гверильясовъ; или, въ оборотъ, собиралъ боевыя единицы тамъ гдѣ не имѣлось въ нихъ никакой надобности, покидая въ то же время нуждающіеся въ оборонѣ пункты безъ защиты, заброшенныя вѣд слабыя части безъ подкрѣпленій****. „Трудно представити

* *Documents officiels recueilles dans la secrétairerie privée du Maréchal* lien. Bruxelles, 1869. 3 vol. 8°. См. II. 284.

** Id. II, 266.

*** *Papiers des Tuileries*, II bis, 137.

**** Taxil Delord, *Histoire du second empire*. Paris, 1869. 1874. 5 vol 8°. См. IV, 226—228; 513—515. *Papiers des Tuileries*, II bis, 151, 177.

себѣ нашъ смѣхъ“, писалъ генералъ Феликсъ Дуэ, „когда мы читали въ *Монитеръ* стереотипную фразу: всѣ шайки истреблены. Если всегда такъ сочиняютъ исторію, то хороша же ея достовѣрность!“ * Достовѣрность сочиняемой въ Мексикѣ исторіи заключалась въ томъ что къ концу Базельскаго начальства военное положеніе стояло на той же самой точкѣ какъ и въ началѣ. Не говоря уже о пограничныхъ и вообще далекихъ мексиканскихъ провинціяхъ, вполнѣ сохранившихъ свою независимость и лишь номинально считавшихся владѣніемъ императора Максимилиана, признающимъ авторитетъ французскихъ войскъ, въ самыхъ предѣлахъ расположенія послѣднихъ непріятель хозяйничалъ по своему усмотрѣнію. Никакихъ мѣръ не предпринималось для предупрежденія или отпора его набѣговъ; онъ подъ носомъ у Французовъ отбивалъ ихъ стала, безпрелютственно вторгался въ города самаго ихъ операціоннаго базиса, безвозбранно нападалъ на желѣзную дорогу коммуникаціонной линіи въ нѣсколькихъ верстахъ отъ такого военнаго центра какъ Вера-Крусъ... ** Интересно отмѣтить что несостоятельность его командованія нисколько не мѣшала маршалу считать себя главнымъ лицомъ въ Мексикѣ и разыгрывать роль царька даже относительно самого Максимилиана. Судьба Мексиканской имперіи зависѣла отъ французской арміи: начальникъ ея безпрестанно давалъ чувствовать заполучному императору эту зависимость. Мало того что Базель часто внушалъ кабинету политическія распоряженія: онъ позволялъ себѣ даже нарушеніе формальной воли Мексиканскаго государя, напримѣръ о неподсудности мѣстныхъ политическихъ людей полевымъ военнымъ комиссіямъ; или доводилъ свою самостоятельность, какъ главнокомандующаго, до того что останавливалъ высочайшіе приказы о помилованіи приговоренныхъ къ смерти диссидентовъ ***. Въ самой внѣшней сторонѣ своихъ отношеній къ Мексиканскому монарху маршалъ доходилъ до послѣднихъ границъ безцеремонности и пренебреженія. По свидѣтельству одной изъ статей-дамъ императрицы Шарлотты, на балахъ Базеля, въ присутствіи августѣйшихъ особъ, заводились Французами разгульныя пляски переходившія

* *Papiers des Tuileries*, II bis, 96.

** *Id.* 152, 184.

*** *Taxil Delord*, IV. 230—232. *Documents officiels de la secrétairerie*, II. 249.

въ канканъ и принуждавшія дворъ удаляться съ вечера обращеннаго въ вечерняку *. Знающій заносчивость французскаго характера согласится что и всякій французскій генералъ въ положеніи маршала держалъ бы себя подобнымъ же образомъ, потому что всякій видѣлъ бы въ себѣ покровителя Мексиканскаго державца и не устоялъ бы противъ желанія показать своему protégé свою власть и порисоваться предъ нимъ, соблюдая или не соблюдая при этомъ бѣольшую или меньшую степень приличія единственно по большей или меньшей степени своей благовоспитанности.

Но въ поведеніи Базена относительно Максимилиана открытается и особенная, лично ему принадлежащая черта. Неудовлетворительные результаты широко-задуманной, дорогой, продолжительной экспедиціи, съ успѣхомъ которой соединялось столько надеждъ, отчасти зависѣли, конечно, отъ несоответственности средствъ съ предположенною цѣлью: отъ сравнительной незначительности операціоннаго корпуса, терпящагося въ обширныхъ пространствахъ относительно громадной страны. Съ другой стороны, они безъ сомнѣнія были послѣдствіемъ ограниченности военныхъ талантовъ маршала. Французская публика почему-то воображаетъ его великимъ полководцемъ; между тѣмъ, ни въ Крыму, ни въ Ломбардіи Базенъ не отличился ничѣмъ блистательнымъ въ стратегическомъ или тактическомъ отношеніи; по отзыву спеціалистовъ, и не могъ отличиться ничѣмъ, кромѣ молодецкой личной храбрости; опытный въ этомъ дѣлѣ генералъ Феликсъ Дув, который одинъ сражался въ Мексикѣ столько же головою, сколько и шлагою, говоритъ: „Маршалъ Базенъ — полнѣйшая военная неспособность, скрывающая свою пустоту фразами“; „въ затруднительныхъ обстоятельствахъ онъ теряетъ голову и предоставляетъ ходъ военныхъ операцій на волю случайности“; „пресловутые его планы не что иное какъ чепуха по концепціи и безтолковщина по исполненію“. ** Не мудрено, следовательно, что неудача Мексиканскихъ походовъ была отчасти естественнымъ плодомъ Базенова неумѣнія.

Однако, нельзя не видѣть въ ней главнымъ образомъ продуктъ постороннихъ причинъ. Въ Мексикѣ престарѣлый маршалъ женился на молодецкой племянницѣ двухъ бывшихъ президентовъ

* Taxil Delord, IV. 201.

** *Papiers des Tuileries*, II bis, 94, 97, 201.

республики, родственницъ и другихъ высоко-поставлен-ныхъ лицъ: кардинала Морено, графа де-ла-Серно, докъ-Хозе-де-Фуэнтеса, и прочей мѣстной духовной, политической, военной и социальной знати. По свидѣтельству част-ныхъ писемъ полковника Галифе, служившаго тамъ подъ его начальствомъ и откровенно излагавшаго въ своей кор-респонденціи цѣлѣнную сторону тамошнихъ событій, пре-клонный мужъ юной красавицы былъ страстно влюбленъ въ свою подругу и вполне подчинялся ея вліянію. „Маршалъ держитъ себя предъ женою какъ настоящій ребенокъ“, пи-шетъ маркизъ Галифе г-ну Пьетри... * Привязанность его и подчиненіе доходило до того что когда послѣдовало отзывъ его изъ Мексики, встрѣтившій съ его стороны, какъ сейчасъ увидимъ, нерасположеніе повиноваться предписанію своего правительства, для вызова его изъ страны, откуда его хотѣли удалить, оставалось, по словамъ полковника, одно средство: „усадить маршальшу на корабль: пламенный супругъ поспѣ-шить устремиться за нею“; ** когда же маршальша отказа-лась было уѣзжать, чтобы привести волю Наполеона III въ исполненіе, присланному за Базелемъ генералу Кастельно приходилось, по свидѣтельству того же докладчика-очевидца, самому садиться на лошадь и безотлучно провожать маршала до самаго моря“. *** Супруга же Базела, женщина энергиче-ская, какъ доказало ея участіе въ бѣгствѣ изъ Севтъ-Марге-ритскаго форта, кровная Мексиканка, натура горячая и че-столюбивая, какъ патриотка — невидѣла владычество надъ своимъ отечествомъ чужеземцевъ, по связямъ съ мѣстными духовенствомъ, аристократіей, политическими и военными вождями — мечтала о власти въ свою пользу. Она, полага-етъ, внушила мужу мысль о его собственномъ господствѣ надъ краемъ. Маршалъ увлекся ея грѣзами, поддавался ея вну-шеніямъ и, отдавшись имъ, велъ не экспедицію для утверж-денія трона императора Максимилиана, а происки противъ него, — нарочно задерживалъ успѣхи французскихъ войскъ, или не извлекалъ изъ нихъ всей возможной пользы, чтобы имперія не могла упрочиться, чтобы Максимилианъ принуж-денъ былъ очистить мѣсто его собственнымъ видамъ, кото-

* *Papiers des Tuileries*, II bis 143.

** *Id.*, 145.

*** *Id.*, 146.

рымъ обширныя связи жены, соединенныя съ предпологаемою возможностью поддержать ихъ находящимся под началомъ у маршала экспедиціоннымъ корпусомъ, судилъ благоприятный исходъ. Существованіе такого замысла обличается фактами, которые остаются непомятыми если допустить чтобы въ основаніи маршаловыхъ поступковъ лежало личное честолюбіе. Базень могъ требовать изъ Франціи подкрѣпленій: неужели онъ не настаивалъ бы на ихъ необходимости, еслибы именно отвратительная мало численность оккупационнаго корпуса не способствовала ея видамъ, которымъ крупное французское войско послужило бы лишь помѣхою, такъ-какъ его труднѣе было бы увести за собою въ личныя приключенія? При незначительности своей арміи, Базень уничтожилъ бельгійскій и австрійскій лагерны и не допустилъ образованія мѣстнаго контингента изъ туземныхъ Индійцевъ, начинавшихъ привязываться къ имперіи: ослаблялъ ли бы онъ, такимъ образомъ, военныя средства Максимилиана, еслибы не усматривалъ въ нихъ тоже помѣху своимъ цѣлямъ? Вопреки незначительности своихъ собственныхъ силъ, Базень безъ надобности распространялъ операціи на сѣверныя провинціи, совершенно спокойныя до этого нападешя: создавалъ ли бы онъ, ненужными' походами, неудовольствіе населеній, еслибы броженіе умовъ не повнадобилось ему въ подрывѣ правительства, которое онъ собирался замѣнить самимъ собою? Домогательство, въ одну изъ критическихъ минутъ, когда Максимилианъ удалился изъ Мексика въ Оризаба, чтобы императоръ поручилъ ему регентство, выдало намѣренія Базена въ этомъ отношеніи: все его поведеніе послѣднихъ дней экспедиціи окончателно его обличаетъ. Когда еще только возникалъ вопросъ о выводѣ французскихъ войскъ Базень высказался противъ него; когда, по настоянію Соединенныхъ Штатовъ, выводъ былъ рѣшенъ безповорота, онъ всячески старался, подъ рукою, оттянуть его осуществленіе, пробуя затянуть свое пребываніе въ странѣ до тѣхъ поръ пока его планы созрѣютъ. По единогласному свидѣтельству и своего строгаго судьи, генерала Феликса Дуэ, и своего добраго пріятеля, маркиза Галифе, официально — онъ подписывалъ вмѣстѣ съ гг. Дано и Кастиельно, ноту убѣждавшую Максимилиана отречься; конфиденціально — въ тотъ же самый моментъ телеграфировалъ императору совѣтъ не покидать Мексику и обѣщаніе своей поддержки; официально онъ собствен-

вою рукою писалъ Максимилиану бумагу въ духѣ увѣщаній Кастельно; конфиденціально слалъ эрцъ-герцогу депешу: „Кастельно заболѣлъ, дѣлать плохо; пользуйтесь случаемъ“... * Обстоятельства сопровождавшія отъѣздъ Базеля изъ Мексики также предосудительны хотя и съ другой точки. Максимилианъ подарилъ ему, въ лицѣ его жены, богато-меблированный дворецъ; въ этомъ самомъ дворцѣ маршалъ и жилъ, причемъ казна аккуратно выплачивала его супругѣ квартирныя деньги, слѣдовавшія, по положенію, за наемъ помѣщенія для главнокомандующаго: при отъѣздѣ, Базель вымучилъ изъ обещавшаго казначейства квартирную плату по самый послѣдній день своего пребыванія въ своемъ же домѣ, тогда какъ за лостой офицеровъ хозяева были удовлетворены лишь за послѣднюю треть... ** Нѣкоторые изъ служившихъ въ Мексикѣ надъ начальствомъ Базеля личностей, въ родѣ Кремера, прибавляютъ еще будто Базель, когда присланный за нимъ генералъ-адъютантъ наконецъ заставилъ его собраться въ дорогу, продалъ непріятельскимъ вождямъ запасы французскаго пороха, ружей и снарядовъ. *** Справедливость требуетъ замѣтить что едва ли можно полагаться на свидѣтельство Кремера, кавалерійскаго ротмистра, произведеннаго Гамбеттою прямо въ дивизіонныя генералы, много наколѣбродившаго въ этомъ чинѣ, въ послѣдствіи пониженнаго рангомъ, вышедшаго въ отставку и нынѣ состоящаго берейторомъ въ одномъ изъ Парижскихъ манежей, человѣка не совсѣмъ трезваго, знаменитаго своею наклонностью разстрѣливать людей не разбирая ихъ вины, и ложностью своихъ даже официальныхъ доносеній.

Какъ бы то ни было, если въ Мексикѣ Базель и не торговалъ съ непріателемъ боевыми снарядами, несомнѣнно что поступки его приводятъ къ строгому о немъ заключенію. Тамъ же маршалъ въ первый разъ дѣйствовалъ самостоительно, безъ ближайшихъ указаній высшаго начальства, на свободѣ отъ надзора, онъ оказался генераломъ болѣе чѣмъ ограниченными способностями, человѣкомъ корыстолюбивымъ, двуличнымъ, пронырливымъ, не сознающимъ своихъ обязанностей,

* *Papiers des Tuilleries*, II bis, 122—123, 137.

** *Id.*, II bis, 129.

*** Cremer, *Quelques hommes et quelques institutions*. Paris, 1872. I т. 12. См. стр. 199—200.

легко, чуть не по-дѣтски, увлекающимся честолюбивымъ мечтами, неразборчивымъ въ средствахъ ихъ достиженія и для осуществленія ихъ не отступающимъ ни предъ чѣмъ. Совокупность этихъ свойствъ даетъ ключъ къ разгадкѣ дѣйствій Базена подъ Мецею. Трудно допустить чтобы лостулами рейнскаго главнокомандующаго руководили династическія соображенія, какъ желали бы увѣрить его приверженцы принимающіе необходимость скрасить его вину по крайней мѣрѣ безкорыстными побужденіями. Маршалъ Базенъ, просто на-просто, думалъ лишь о себѣ и работалъ на себя. Онъ и позаботился обезпечить осуществимость первоначальнаго плана сопротивленія и не старался удалиться отъ Меца,—для того чтобъ отдѣлаться отъ Наполеона III, присутствіе котораго въ арміи *de facto* отводило ему второстепенную роль, тогда какъ ему хотѣлось главной. Онъ не стремился на соединеніе съ Макъ-Магономъ, потому-что, не сильный въ стратегіи, надѣялся въ своемъ углу одержать громкую побѣду и не желалъ дѣлиться грезившимися ему лаврами. Послѣ Седана онъ бездѣйствовалъ, потому-что вообразилъ будто благосклонная судьба посылаетъ ему возможность возобновить проигранную въ Мексикѣ партію. „Въ первую же кампанію, императоръ долженъ разлучить маршала съ женою“, со-вѣтывалъ маркизъ Галифе въ своихъ письмахъ; * сообразно этому указанію, гжу Базенъ и не допустили сѣдывать за ея супругомъ: но память о ней жила въ сердцѣ мужа, старческая любовь и заочно тянула маршала ухватиться за первый представившійся случай удовлетворить видамъ своей честолюбивой подруги. Вопросъ о возможности или невозможности выхода изъ-подъ Меца и послѣ процесса составляетъ спорный пунктъ. Во французской публикѣ объ операціяхъ арміи составилось такое понятіе что подъ Гравелоттомъ была одержана полная побѣда, и оставалось лишь воспользоваться ею; что вылазкамъ не доставало лишь послѣдняго валора для свободнаго прохода сквозь осаждающихъ: донесенія самого же Базена вкоренили первое убѣжденіе; второе основывается на безчисленныхъ разказахъ солдатъ и субалтернъ-офицеровъ, которые „все побѣждали, да ихъ отзывали въ рѣшительную минуту“. Показанія давныя на судѣ высшими участками битвъ, генералами,

---

* *Papiers des Tuileries*, II bis, 147.

поддерживаютъ его. Эти мѣстные сказанія не выдерживаютъ критики. Не входя въ подробности, для оцѣнки ихъ достаточно вспомнить что по разказамъ и парижскихъ національныхъ гвардейцевъ, подъ Парижемъ они тоже „все любѣждали, да Трою ихъ отзывалъ“; достаточно уломянуть что, надринѣръ, воображеніе Кавробера рисуетъ ему борьбу съ цѣлыми лѣтями непріятельскими корпусами тамъ гдѣ въ сущности дѣло имѣлось лишь съ головными колоннами ихъ передовыхъ дивизій. Больше серьезное знакомство съ фактами показываетъ что всѣ эти гимны доведеннымъ до половины торжествамъ суть произведенія фантазіи самоврачающаго національнаго самолюбія. Но если, вопреки приведенной легенды, и одна изъ мецкихъ вылазокъ и не могла повести къ удачѣ; если несостоятельность ихъ, помимо боевыхъ случайностей и другихъ причинъ неуспѣха, должна быть приписана также и неспособности главнокомандующаго, его естественной неумѣлости и нераспорядительности, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно что самая небрежность и рѣдкость его попытокъ пробиться достаточно свидѣтельствуютъ о существованіи въ немъ особаго умысла. Велъ Базенъ свои операціи спустя рукава, потому что велъ ихъ лишь для виду; рѣдко приступалъ къ нимъ, вмѣсто того чтобы возобновлять ихъ безпрестанно, какъ то дозволяло первоначально блестящее состояніе арміи, потому что исполненію долга и военной славы онъ предпочелъ достиженіе верховной власти, казавшейся ему доступною, когда въ разгромленной и погруженной въ маршію странѣ онъ одинъ уцѣлѣетъ, въ неприступной твердынѣ, съ почти двухсоттысячною лучшею французскою арміею..

Въ Мексикѣ, ненужными набѣгами на сѣверныя провинціи Базенъ способствовалъ возникновенію требованія Соединенныхъ Штатовъ о немедленномъ вызовѣ войскъ, и тѣмъ самымъ какъ бы самъ положилъ конецъ своимъ проискамъ; въ Мецѣ, безцѣльной тратою стѣстныхъ припасовъ онъ укоротилъ срокъ своей лукавой засады, и тѣмъ самымъ какъ бы самъ же подорвалъ свои ухищренія. Необходимость капитулировать, не дождавшись минуты благоприятной для мечтаемаго появленія въ роли *deus ex machina*, разбила въ прахъ всѣ планы задумываемыя съ такимъ же легкомысліемъ какъ и вѣроломствомъ. Отсутствіе нравственнаго чувства и, при ненасытномъ честолюбіи и громадной наклонности къ интригѣ, опрометчивость

въ ея веденіи; при коварствѣ поступковъ, ихъ неосмотрительность: вотъ качества бывшаго маршала. Бѣгство окончательно рождаетъ его въ общественномъ мнѣніи. Страшно было бы упрекать несвязаннаго честнымъ словомъ *простаго* узника въ томъ что онъ постарался выйти на свободу. Но Базенъ не просто *арестантъ*: это лицо вписавшее себя въ лѣтописи своего отечества и апеллирующее къ исторіи на несправедливость достигшаго его приговора современниковъ. Протесты его возлагали на него тяжкую нравственную отвѣтственность. Базенъ не выдержалъ роли до конца... Помню его во время преній. Съ начала до конца, онъ сидѣлъ безстрастно съ виду. Ему какъ будто все это наскучило до безконечности. При свидѣтельскихъ показаніяхъ, на лицѣ нѣсколько похудѣвшемъ въ теченіи двухмѣсячной судебной пытки еще замѣчалось иногда хоть какое-нибудь движеніе: признательное и вмѣстѣ досадливое смущеніе при неловкихъ манифестаціяхъ нѣкоторыхъ пріятелей; гнѣвъ при горячихъ упрекахъ другихъ сослуживцевъ. Въ другія минуты, онъ опять погружался, по наружности, въ апатию, и съ невозмутимымъ, если не равнодушнымъ, то хладнокровнымъ, слушалъ обвиненія,—слушалъ, и точно не слышалъ: самые беспощадные выводы скользили по нему, не отзываясь осязательнымъ для публики вѣншимъ впечатлѣніемъ. Даже неприятный голосъ почтеннаго правительственнаго комиссара, который самихъ постороннихъ зрителей лилалъ, рѣзалъ, тянулъ за душу, казалось, не производилъ на нервы подсудимаго никакого дѣйствія. Когда наступили короткіе дни и вечерѣтъ стало довольно рано, въ сумерки зала освѣщалась не только люстрами, но и переносными обыкновенными столовыми лампами, которыя ставились предъ каждымъ изъ членовъ совѣта, на столахъ военной прокуратуры и секретарей, предъ адвокатами, на трибунѣ журналистовъ. Первоначально привнеси было лампу и Базену; со втораго же раза она исчезла: въ промежутокъ между двухъ засѣданій, онъ пожелалъ избавиться отъ нея, чтобы не служить яркою цѣлью для любопытныхъ глазъ,—и тѣмъ отчетливѣе былъ виденъ: позади его существовалъ родъ углубленія или небольшой комнатки для родственниковъ и близкихъ знакомыхъ; свѣтъ падалъ сюда со всѣхъ сторонъ, сверху, прямо, съ боковъ,—голова вылукило отдѣлялась на темномъ фонѣ. Смотришь, бывало, смотришь: обрюзглыя, неподвижныя черты лица складываются въ ка-

кую-то китайскую фигуру, и наконецъ маршалъ представляется какимъ-то деревяннымъ, мертвеннымъ изваяніемъ изъ киприды. Была ли то маска? Пробитый каблуками коверикъ подъ ногами, исковерканныя ручки кресель, засвидѣтельствовали потомъ о свирѣлствовавшихъ въ душѣ Базева бурныхъ порывахъ.

Чѣмъ же волновался онъ подъ своею ледяною оболочкою? Чѣмъ перебиралъ въ умѣ? о чемъ размышлялъ? Скорбѣлъ ли, убиваясь воскресающею предъ нимъ картиною своихъ преступковъ? Или только сердился на ихъ изобличеніе?

Бѣгство доказываетъ послѣднее, и окончательно лишаетъ образъ всякаго трагическаго величія. И что жь ему остается? Бонапартизмъ? Но бонапартисты давно не считаютъ его своимъ, какъ клеветы заподозрѣннаго въ личныхъ видахъ и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ непопулярнаго во Франціи: достаточно вспомнить сухость показаній о немъ на процессѣ г. Руэра, который какъ бы сердился даже что Базель сосмѣялся на его свидѣтельство. Еслибы враждебныя г. Руэру взгляды и пересилили его осторожность, партія не согласится воспринять разжалованнаго маршала въ свое лоно иначе какъ для нѣмыхъ ролей, въ качествѣ простаго фигуранта; потому что главное для партіи—войско: а выше показано отношеніе французскаго войска къ Базелю: „Бѣглый севтъ-маргеритскій узникъ не вреденъ болѣе“, справедливо замѣчаетъ газета *Темпс*: „потому-что нравственное изверженіе его изъ французской арміи окончательно и безповоротна. Армія-то и произвела надъ нимъ сѣдствіе, поддерживала обвиненіе и произнесла приговоръ; она-то и разжаловала экс-маршала, отбрасывая его далеко отъ себя; для арміи онъ не существуетъ болѣе, слѣдовательно онъ болѣе не опасенъ.“

Н. ЦЕРБАНЬ.

ОТГОЛОСОКЪ СЕЛЬСКАГО СУДЬИ

Въ послѣднее время чаще и чаще случается слышать и читать нападки если не на мировыя учрежденія, то на мировыхъ судей. Въ видахъ несомнѣнной пользы гласнаго обсужденія предмета, пишущій эти строки, непрерывно занимающій седьмой годъ должность участковаго мирового судьи, рѣшается подать свой голосъ съ указаніемъ на факты, точность которыхъ доказать не затруднится. Одна свѣтская барыня на вопросъ о сущности *comme il faut*, отвѣчала: „ различіе, простота, отсутствіе претензій; вотъ эта собака *comme il faut*.“ Не станемъ разбирать почему русскій человѣкъ такъ склоненъ сообщать своему публичному дѣлу видъ священнодѣятвія. Взглянемъ на иныхъ предсѣдателей, прокуроровъ, судей и въ особенности адвокатовъ: совершенные іерофанты! Полагають ли они только, или по опыту знаютъ что это помогаетъ. А въ сущности судья, прокуроръ, а тѣмъ болѣе адвокатъ, входящій въ засѣданіе съ видомъ Мумія въ Коринѣ, это *risum teneatis amici*? Къ чему ходули когда въ рукахъ законъ? Но вѣдь самый лучший законъ, въ сущности Прокрустово ложе, на которомъ судъ обязанъ въ данномъ случаѣ уместить и большаго и малаго. Хорошо если Кассационный Департаментъ снабдитъ данный экземпляръ ложа развивающимъ сварядомъ. А какъ такого сваряда нѣтъ? Поневога

придется судьи подражать Прокрусту, вытягивая или отрубая живые члены пациента что бы ни говорил Тезей адвокат. Судья правъ. Что же ему остается дѣлать? Послѣдній вопросъ можетъ на практикѣ разрѣшаться въ двухъ направленіяхъ. Одни судьи говорятъ: „Мы исполнители закона, а не законодатели. Жаль, когда приходится рубить живыя ноги, но если допустить отклоненіе отъ закона, вступишь въ царство произвола. Я предлагалъ помириться, не хотая. Тѣмъ хуже для него.“ Такое воззрѣніе вполне закононо, хотя смахиваетъ на *fiat justitia et pereat mundus*. Другіе говорятъ: „Прокрустово ложе неподвижно. Постарайтесь живое тѣло убѣдить податься въ томъ или другомъ смыслѣ. Если вы людямъ незнакомымъ съ законами и не предвидящимъ послѣдствій ихъ упрямства, только формально предложите мировую, въ девяти случаяхъ изъ десяти отвѣтъ будетъ отрицательный. Но если вы, ясно предвидящій законный исходъ дѣла, потрудитесь тяжущихся поставить на вашу точку зрѣнія, объясните безграмотному законъ, дадите, если возможно, его же свидѣтелю или стороннему, прочесть этотъ законъ, то пропорція мировыхъ выидеть обратная, т.-е. 9:1.“ Правда что это тяжело, а при большемъ количествѣ дѣлъ, какъ въ городахъ, даже неисполнимо; но мы имѣемъ въ виду преимущественно сельскую мировую практику, и въ этомъ случаѣ, раздѣляемый нами взглядъ на мировыя учрежденія далеко не сходится съ *fiat justitia et pereat mundus*, такъ какъ по нашимъ убѣжденіямъ на практикѣ хорошо только то что даетъ хорошіе результаты. Результатъ же подобнаго рода дѣйствій у насъ слѣдующій: изъ обычнаго годоваго количества, отъ 300 до 320 дѣлъ, поступило жалобъ въ сѣздъ въ 1869 году 15, въ 1870—71 годахъ по 13, въ 1872—4 и въ 1873—3, а сколько дѣлъ кончено просто на словахъ? Остается сторона дѣла вызывающая довольно щекотливое признаніе. Наше законодательство строго отдѣляетъ судебную власть отъ административной. Слѣдуетъ ли судьи иногда превышать данную ему власть административнымъ вмѣшательствомъ тамъ гдѣ законное его бездѣйствіе грозитъ всеобщимъ бѣдствіемъ? Въ прошломъ ноябрѣ, въ трехъ верстахъ отъ судебной камеры, въ два дня, несмотря на приглашеніе изъ губерніи ветеринара, пало 70 штукъ рогатаго скота. Владѣльца нѣтъ дома и мѣръ къ зарытію труповъ не принимается, а тутъ же за прудомъ, мало одной, двѣ деревни, въ которыхъ скотъ долженъ заразиться.

Судья вызываетъ прикащика и велитъ подъ личною его отвѣтственностію зарыть падааль. Вслѣдъ затѣмъ наѣхали прасолы и даютъ 300 рублей за право вырыть и ободрать скоть, то-есть развезти какъ можно далѣе чуму. Судья зоветъ сельскаго старосту и велитъ объявить прасоламъ что при первой ихъ попыткѣ отрывать скоть, они будутъ арестованы и судимы. Прасолы уѣзжаютъ. Вслѣдъ затѣмъ въ одной верстѣ отъ камеры, на мѣщанскій хуторъ, на которомъ за отсутствіемъ хозяина, остался единственный работникъ кормить скоть, собаки затащили зараженную кость, и въ два дня пало 17 штукъ скота. Первыя двѣ штуки вывезены одинокимъ работникомъ въ поле и брошены на снѣгу, откуда собаки и воронамъ растаскиваютъ заразу; а 15 штукъ, раздушіяся горами, лежатъ на дворѣ, въ 50 саж. отъ крестьянской деревни. Куда отѣхалъ хозяинъ? никому неизвѣстно. Можно ли требовать отъ работника, при которомъ въ домѣ нѣтъ ни колѣвѣки, чтобъ онъ своими руками или наймомъ вырылъ въ ненастное время лять кубовъ замерзлой земли для зарытія труловъ? Судья приказываетъ сельскому старостѣ угрожаемой деревни изрѣзать шкуры лавшей скотины чтобы не повадно было отрывать, зарыть трулы и предоставить крестьянамъ искать съ хозяина хутора заработную плату. Зарывъ скоть, крестьяне являютъ къ судѣ по частному дѣлу и благодарятъ за принятую мѣру, говоря: „какъ же, батюшка, и намъ бы не миновать пропасть. Дѣло страшное!“ Такое мудрое разсужденіе не мѣшаетъ крестьянину того же общества, весной, на вопросъ: не отпа ли въ ямѣ земля и не показались ли трулы? отвѣчать: „А кто жь ихъ знаетъ. Начальство не говоритъ, стало не нужно.“ Спрашивается, кто же долженъ быть этимъ начальствомъ? Посредникъ? Но какое онъ имѣетъ право распорядиться у помѣщика или мѣщанина? Сельскій староста? Но ихъ члены общества не только ругаютъ, но и бьютъ иногда очень больно, какъ видно изъ десятковъ ежегодныхъ дѣлъ у судьи. Становой? Но какимъ образомъ узнаетъ онъ за 30 верстъ объ открывшемся падежѣ, онъ, которому по недѣлямъ приходится разѣзжать по мертвымъ тѣламъ, пожарамъ, недоимкамъ да еще разыскивать въ качествѣ судебного пристава? Оказывается: начальства нѣтъ и тѣни, а желаніе у всякаго хозяина самое естественное продать дохлаю шкуру и если можно дохлаю говядину. Итакъ по теоріи *fiat justitia*: судѣ надлежитъ въ невозможномъ спокойствіи смотрѣть на искусственную прививку за-

разы и ждать когда все отдышнется, не обидать ли бывшіе хозяева скота кого-либо у кого не было скота. Только въ послѣднемъ случаѣ можно ждать частнаго обвиненія и пожалуй въ фантастическихъ размѣрахъ, какъ на примѣръ въ бывшемъ у судьи дѣлѣ: *о зарытіи нашей коровы на христіанскомъ кладбищѣ*. Въ жалобахъ на мировыхъ судей преимущественно звучитъ тема: судьи мирволятъ рабочимъ которые не соглашались на письменныя условія. Если принять въ соображеніе что большинство сельскихъ судей состоитъ изъ среднихъ землевладѣльцевъ, то въ темѣ можно услышать нѣчто утѣшительное. Не удивительно если пришлый, не заинтересованный человекъ начнетъ съ плеча кроить въ ту или другую сторону. Но когда посредникъ зная что и его собственную землю завтра также втащутъ въ пользу крестьянъ какъ онъ это сегодня дѣлаетъ у сосѣда; когда судья, у котораго дворъ половъ собственныхъ рабочихъ и прислуги, тягетъ въ пользу рабочаго у сосѣда быть-можетъ пріятеля; когда сознательное большинство земства, отчасти насилуя противоположно мыслящихъ, ежегодно обрываетъ себя въ пользу крестьянскихъ посредниковъ, преимущественно крестьянскихъ путей сообщенія и исключительно крестьянскихъ школъ и дѣшевищъ, очевидно превращая земскія собранія въ благотворительныя, или богоугодныя заведенія, тогда нѣтъ надобности доказывать что всѣ помянутыя административныя, судебныя и хозяйственныя учрежденія въ рукахъ людей далекихъ отъ сословнаго эгоистическаго духа, а напротивъ исполненныхъ самыхъ благихъ намѣреній, что бы ни говорили люди ищущіе возбудить сословную ненависть, хотя бы наперекоръ кричащей очевидности. И такъ благія намѣренія нашихъ земскихъ дѣателей въѣ всякихъ сомнѣній. Но по-французской пословицѣ: *адъ выможенъ благими намѣреніями*. На дѣлѣ мало желать добра, надо видѣть и ловимать что дѣлаешь. При этомъ невольно вспомнишь заявленный однимъ провинціальнымъ корреспондентомъ фактъ что мѣстные судьи потому беззавѣтно мирволятъ рабочимъ что ѣздили учиться на направленію къ своимъ знакомымъ въ Петербургѣ. Помните, да въѣ это буквально значить умныхъ словъ изъ стиховъ набирать. При простомъ, здоровомъ порядкѣ вещей, люди далеко стоящіе отъ новаго дѣла, чтобы судить о немъ должны бы прислушиваться къ словамъ мѣстныхъ дѣателей, а не наоборотъ— отдавъ дѣла заряжаться готовыми патронами чужихъ умныхъ

словъ. Что же доказываетъ послѣдній комическій фактъ? Не болѣе того что доказывается цѣлымъ рядомъ явленій, что воспитательный элементъ нашего среднего образованія за послѣднее время на дѣлѣ является несостоятельнымъ даже при сравненіи съ тѣмъ уровнемъ образованія на которомъ стояло большинство хотъ бы первоначальныхъ посредниковъ. Всю Россію признаана ихъ благородная, самоотверженная дѣятельность и громадная историческая заслуга. У большинства этихъ дѣятелей не было книжнаго образованія, но былъ свой царь въ головѣ. Мы знавали такихъ дѣятелей которымъ всякій честный человѣкъ долженъ бы поклониться земно. Вспомните покойнаго Ливенскаго посредника, С. С. Клушина. Знанію сельской среды, трудолюбію, настойчивости и вмѣстѣ съ тѣмъ благодушному терпѣнію этого достойнаго человѣка не было границъ. Повторяемъ, у тѣхъ не было образованія, но былъ свой царь въ головѣ, а у этихъ, на которыхъ указываетъ корреспондентъ, мнимое образованіе и чужой зарядъ, дуфъ. Чему же послѣ этого удивляться, при извѣстныхъ житейскихъ даныхъ? Не слѣдуетъ ли напротивъ удивляться что, несмотря на сыплющійся со всѣхъ сторонъ градъ умныхъ словъ, большинство сельскихъ судей, насколько намъ извѣстно, далеко не таково какимъ рисуетъ его корреспондентъ. Большинство сельскихъ судей понимаетъ что ихъ дѣло не только судить населеніе, но и воспитывать его въ здравыхъ юридическихъ понятіяхъ. Представляемъ доказательство тому что такое воспитаніе не такъ трудно какъ кажется. Въ 1861 году крестьянинъ, по поводу перваго письменнаго условія нашего съ его сыномъ, сильно налираалъ на насъ со словами: „А зчѣмъ ты, батюшка, малаго подъ кундрахъ подвелъ?“ а теперь въ округѣ никто не нанимаетъ рабочаго, да и самъ рабочій едва ли найметса безъ засвидѣтельствованнаго письменнаго условія; а въ важныхъ случаяхъ, рядчикъ, каменьщикъ или плотникъ, еще прибѣжитъ къ судѣ показать: такъ ли написано условіе и можно ли по немъ работать? Въ первый годъ судейской практики намъ удалось достать улаты 40 руб. по простой безграмотной роспискѣ, выданной за 40 лѣтъ отцомъ отвѣтника, утверждавшаго и божившагося что деньги по роспискѣ уплачены. А ему бы, вмѣсто божбы, указать только на четыре давности, но онъ этого-то и не сдѣлаалъ. Въ настоящее же время, даже такой человѣкъ что держитъ деньги въ золѣ подъ печкой и настойчиво требуетъ возврата долга золотыми, хотя

выдавалъ ихъ по 6 р. 30 к., а теперь имъ цѣна 5 руб. 90 коп., смотришь, привезъ за лазухой, для оставленія расписокъ, вексельныхъ пятикопѣчныхъ бланковъ. Онъ знаетъ какъ легко по простой распискѣ получить съ должника. *Tempora mutant mores.* Легко представить что было до порядковъ о которыхъ на всякомъ разбирательствѣ приходится толковать каждому до тошноты. Являются и въ настоящее время стороны не заключавшія между собой письменныхъ условій. Хотя законъ и не обязываетъ судью разбирать подобныя дѣла, но къ чему обижать хорошихъ людей? Надо хорошему человеку растолковать что это не *обида*, какъ онъ это называетъ, а гражданскій искъ который истцу нужно доказать, *если отъѣтъчкъ его отвергаетъ.* Последнее очень важно по отношенію къ заочнымъ рѣшеніямъ, ибо безъ этого условія отвѣтчику голосовнаго истца стоило бы, не кривя душой, только не явиться чтобы одѣлать самый искъ невозможнымъ. Вотъ на лицо истецъ-наиматель и отвѣтчикъ.—*Истецъ.* Онъ нанялся на годъ за 50 рублей, прожилъ мѣсяцъ и ушелъ.—*Судья.* Есть у васъ свидѣтели годового условія?—*Истецъ.* Нѣтъ.—*Отъѣтъчкъ.* Я нанимался помѣсячно и ни копѣйки не получалъ.—*Судья.* Вы предупредили хозяина за 15 дней? — *Отъѣтъчкъ.* Говорилъ.—*Судья.* Есть свидѣтели?—*Отъѣтъчкъ.* Да какіе жь свидѣтели?—*Судья.* Доживите 15 дней.—*Истецъ.* Прикажите возвратить переборъ. Есть свидѣтели уплаты и вотъ у меня въ расхожей книжкѣ записано.—*Судья.* Свидѣтелей на уплату денегъ нельзя принимать, а счетъ вашъ отвѣтчикомъ не подписанъ.—*Отъѣтъчкъ.* Прикажите отдать за мѣсяцъ. Я ни копѣйки.—*Судья.* Вы слышали что вамъ уплачено. Вы требуете, докажете. Дѣло можетъ случиться наоборотъ.—*Работникъ.* Вотъ, батюшка, со Святой одиннадцать мѣсяцевъ живу за 36 рублей. Дали за все время 2 рубля на Оминой, да къ Покрову 20 коп. на лалти, да къ Миколѣ 1 руб., да вотъ ни копѣйки не даетъ.—*Отъѣтъчкъ-наиматель.*—Жилъ помѣсячно и все получалъ.—*Истецъ.* Батюшка! больше ни копѣчки не получалъ.—*Судья.* Есть у васъ на это доказательства?—*Истецъ.* Какія доказательства? Не получилъ ни копѣчки; вѣдь мы по Божьему сходились, не по кундраху. Разсуди по закону!—*Судья.* Напрасно не сходились по письменному условію. Сходились по душѣ и расходитесь по душѣ, а вы просите по закону, который требуетъ доказательства. Вотъ кабы вы оба просили разобратъ по совѣсти, дѣло иное, а законъ и т. д.—*Истецъ.*

Что жь теперь мнѣ дѣлать?—*Судья.* Впредь не навиматься безъ условія.—*Истецъ.* То-то глупость наша мужицкая.—*Судья.* За глупость-то люди деньги и платятъ.

Здѣсь у мѣста заявить что подобныхъ сценъ за всю нашу семилѣтнюю дѣятельность между помѣщиками и рабочими не было ни одной. Даже года за четыре тому назадъ, когда въ нѣкоторыхъ экономіяхъ еще навимали рабочихъ по душѣ безъ письменныхъ условій, самые забубенные бѣглецы, нагло утверждавшіе что навимались помѣщично, не отказывались отъ полученныхъ денегъ. „Получили 2 рубля?—Получилъ.—А 3 руб. 50 к.?—Получилъ.—А 50 копѣекъ?...—Что-то не помню! Должно получилъ.“ Словомъ, въ тысячахъ дѣлъ, ни одного случая отказа отъ полученія платы. Равнымъ образомъ, не было прѣмѣра чтобы помѣщикъ въ такомъ случаѣ сказалъ: я уплатилъ. Тутъ обычный отвѣтъ: „ему слѣдовало, но я удержалъ за то-то и то-то“. И такимъ образомъ дѣло входитъ въ законное русло, и судья знакомый съ сельскою жизнью можетъ понять слѣдовало ли удержать и сколько. Мы сказали: не было случаевъ чтобы помѣщикъ отказался отъ должной уплаты. Это не совсѣмъ точно, такъ какъ три года назадъ, во время исполненія нами должности судьи 2го участка, былъ слѣдующій случай. Новый владѣлецъ винокуреннаго завода не признавалъ неразчетъ прежней конторой истца 25 рублей, ссылаясь на то что весь прежній персоналъ разчетъ какъ значитъ въ книгахъ. По разнымъ не относящимся къ дѣлу соображеніямъ, между прочимъ небывалому требованію вторичной уплаты, судья пришелъ къ *убѣжденію* возможности неполученія разчета; но такъ какъ *убѣжденія*, не основанныя на очевидности, не могутъ рѣшать дѣла, а истецъ не могъ доказать иска, то ему было отказано. Послѣ двухъ слѣдующихъ за тѣмъ разбирательствъ, отвѣтчикъ, вернувшись въ камеру, попросилъ добавить въ протоколъ: „что онъ только хотѣлъ доказать истцу что не слѣдуетъ такъ назойливо требовать долга о которомъ онъ, отвѣтчикъ, ничего не знаетъ. Но какъ отвѣтчикъ не желаетъ чтобы истецъ на него плакался, то онъ при судѣ передалъ истцу 25 рублей.“ Намъ показалося что истецъ ходилъ занимать эти деньги. Цена совершенно измѣняется при искахъ между работниками и навимателями изъ другихъ сословій: землевладѣльцевъ-мѣщанъ, крестьянъ, церковно-служителей, а тѣмъ болѣе рядчиковъ, не говоря уже о желѣзнодорожныхъ. Тутъ въ большинствѣ случаевъ все дѣло

состоитъ въ „заладилъ“ и „не получалъ“. Замѣчательно въ этомъ случаѣ что чѣмъ выше такой отвѣтчикъ въ собственныхъ своихъ глазахъ стоитъ по образованію, тѣмъ болѣе у него шансовъ проиграть дѣло. Безграмотный крестьянинъ просто говоритъ: всё отдаю. На вопросъ: когда? Отвѣчаетъ: развѣ мы письменные; но отвѣтчикъ подобнаго рода, съ указательнымъ перстомъ заложенымъ въ собственную книгу судебныхъ уставовъ и сыпаящій словами: уголовное преслѣдованіе, гражданское, частная жалоба и т. д., непремѣнно выдаетъ себя головою. Бойкость подобныхъ знатоковъ иногда доходитъ до того что грамотный подрядчикъ на Елецкой дорогѣ, запасшись въ 1869 году судебными уставами, торжественно объявилъ своимъ рабочимъ что уже не пойдетъ къ судѣ, а будетъ ихъ самъ судить по законамъ. Въ концѣ прошлаго года землевладелецъ, бывшій крѣпостной фельдшеръ, съ уставомъ въ рукахъ, наотрѣвъ объявилъ что сполна заладилъ деньги отжившему у него уже три года работнику. Тѣмъ бы дѣло и кончилось. Но признавая показаніе работника что тотъ два первыхъ года жилъ у него по 38 рублей, осторожный отвѣтчикъ показалъ что работникъ послѣдній годъ жилъ у него безъ всякой цѣны. А затѣмъ признался въ сказанныхъ истцу, при свидѣлахъ окончательнаго разчета, словахъ: „я лучше эти деньги на церковь пожертвую“. И когда за тѣмъ разъяснилось что онъ хотѣлъ удержать съ работника 25 рублей за украденную Цыганами со двора лошадь, о каковой кражѣ трудившійся цѣлый день работникъ и не зналъ, раздраженный ярость, превратясь изъ отвѣтчика въ обвинителя, просилъ о преслѣдованіи истца въ уголовномъ порядкѣ. По выслушаніи рѣшенія о немедленной уплатѣ недоданнаго жалованья, фельдшеръ на вопросъ: на какомъ основаніи онъ проситъ объ уголовномъ преслѣдованіи, отвѣчалъ: „прошу по подозрѣнію, на которое имѣю законныя права“. Мы нарочно остановились на разбирательствахъ между нанимателями и рабочими и кажется указали на главные отгѣнки подобныхъ исковъ. Спрашивается: въ какомъ изъ данныхъ случаевъ могло бы играть роль пресловутое, ни на чемъ не основанное, *внутреннее убѣжденіе судьи*, на которое слышатся постоянныя жалобы? Если жаалующіеся на хроническое, по ихъ словамъ, безсознательное прихвѣивеніе судьями *внутренняго убѣжденія*, видятъ въ немъ прямое нарушеніе закона, какимъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, то почему же они не обжаловываютъ подобныхъ рѣшеній въ

кассационномъ порядкѣ? Тогда бы по крайней мѣрѣ интересъ было видѣть какими мотивами цѣлый съѣздъ оправдалъ бы такое оригинальное примѣненіе 129 статьи.

Цѣль настоящей статьи вовсе не въ томъ чтобъ отстаивать или оправдывать отдѣльныя ошибки судей. Для насъ гораздо интереснѣе и существеннѣе вопросъ: насколько общимъ, современнымъ, судебно-административнымъ порядкомъ судебная власть поставлена въ возможность со всею неумолимою энергіей ограждать личную и имущественную безопасность каждаго? Логика жизни на всѣхъ ея ступеняхъ одна и та же. Намъ случалось въ домѣ гдѣ одна горничная слышать отъ послѣдней, на замѣчанія объ упущеніяхъ, отзывъ: „я не горничная, а фрейлина“. Намъ случалось слышать отъ судебныхъ слѣдователей, на замѣчаніе что они затягивая дѣло даютъ полную возможность скрыть слѣды преступленія, самый серьезный и категорическій отвѣтъ: „мы не сыщики, наше дѣло группировать готовые факты и ставить ихъ на юридическую почву“. Коротко и ясно. Вы спрашиваете: но кто же долженъ открывать преступленія? Отвѣчаютъ: „я не знаю“. Настоящая или мнимая фрейлина совершенно права, объявляя что изъ этихъ измятыхъ, запыленныхъ и выцвѣтшихъ отъ нелицезорю левтъ нельзя сдѣлать щегольского банта. Правъ и слѣдователь, заявляя что изъ этого когда-то яснаго, а теперь залупаннаго и темнаго дѣла, нельзя связать обвинительнаго букета. Спрашивается: не разумнѣе ли будетъ со стороны хозяйки у которой не хватаетъ средствъ на горничную и фрейлину ограбачиться первою и живя въ чистотѣ и бережи, самой заняться эстетическимъ сочетаніемъ украшеній? *Любишь кататься, люби и саночки возить.* Услѣхами цивилизаціи пользуются не только честные люди, но и воры. При извѣстномъ положеніи вещей преимущества даже на сторонѣ послѣдняго. По желѣзной дорогѣ къ вамъ везутъ товаръ и воровъ. Если это происходитъ по нашей Орловско-Елецкой, то товаръ или совсѣмъ не придетъ, или придетъ разворованный, а воры доберутся до васъ непременно. Здѣсь не мѣсто указывать на совокупность условій новѣйшей народной жизни, сплотившихся въ развитіи преступленій въ ужасающихъ размѣрахъ. Факты говорятъ за себя. Какъ обыватель и судья, пишущій эти строки вынужденъ сказать что и нашу исключительно мирную мѣстность все шире захватываетъ приливъ самыхъ беззащитныхъ убійствъ и воровства. За что же, спрашивается,

земство съ такимъ трудомъ собирающее свои крохи даетъ камъ, судьямъ, содержаніе? Какая отъ насъ ему польза? Неужели мы существуемъ единственно для защиты негодяевъ отъ честныхъ людей, на случай невѣжливаго обращенія послѣднихъ съ первыми? Самоуправство незаконно, но какъ ему не проливаться, если законъ, по выраженію Гсрація, *quandoque bonus dormitat*? Да мировые судьи что-нибудь дѣлаютъ? Безъ сомнѣнія дѣлаютъ въ кругу предоставленной имъ дѣятельности. Но великъ ли этотъ кругъ? Смыслъ 102 ст. Устава Уголовнаго Судопроизводства прямо запрещаетъ судья всякія ухищренія при опросѣ подсудимаго, предполагая что эти ухищренія, то-есть приведеніе обвиняемаго въ противорѣчіе съ самимъ собою или съ природою вещей, уже произведены опытнымъ и усерднымъ сыщикомъ, безъ чего большая часть дѣлъ должна оставаться въ туманѣ, такъ какъ рѣдкій обвиняемый не придумалъ весьма замысловатаго выхода изъ бѣды. Между тѣмъ именно этого-то лица, то-есть сыщика, не существуетъ, и невозможная логика жизни всюду воспеиваетъ пробѣлъ самоуправствомъ, являющимся въ данномъ случаѣ единственнымъ спасительнымъ факторомъ. Обвиняемый у судьи, въ большинствѣ случаевъ, задержанъ, обысканъ самъ, или у него произведены обыскъ и выемка самимъ обвинителемъ и его свидѣтелями, нерѣдко безъ содѣйствія и даже вопреки официальной власти сельскаго старосты. Какого же еще большаго самоуправства? Бываетъ, хотя рѣдко, что вмѣсто вора подвернется сторонній, которому въ потемкахъ намнутъ бока ни за что, ни про что. Въ соседнемъ уѣздѣ въ прошломъ году конокрада просто убили и пошли въ Сибирь какъ убійцы. Но если есть смягчающія обстоятельства, то они сами кидаются въ глаза по отношенію къ крестьянину, убійцѣ конокрады. Обратимся къ обычному деревенскому мировому суду. Самоуправники — обвинитель и свидѣтели — привели обвиняемаго въ воровствѣ крестьянина: много ли шансовъ законнаго наказанія? Волевыхъ, надо доказать что онъ укралъ ночью, попятіе растяжимое и сокращаемое съ 11 часовъ вечера до 3 утра. Если цѣнность украденнаго денегъ не свыше 30 рублей — воръ подсудимъ волостному суду, гдѣ не рѣдко рѣшенія выходятъ такіа дико-шанна о какихъ не свисало философамъ. Намъ довелось передѣлывать рѣшеніе, по которому обокраденный, отказавшійся вслѣдъ за угощавшимъ судьей конокрадомъ, культи

требуемое количество водки, былъ присужденъ, сверхъ украденныхъ лошадей, еще и вознаградить конокрада. Предположили что обвиняемый самоуправниками подсуденъ мировымъ учрежденіямъ. „Улика на лицо и запираться поздно.“ Свидѣтели спрошены, протоколъ составленъ, воръ приговоренъ къ тюремному заключенію, на что, во избѣжаніе потери дорогаго рабочаго времени на предварительный арестъ, заявляетъ полное удовольствіе и садится въ острогъ. Спрашивается, кого влощадили? Безхарактернаго человѣка, который при посылкѣ осыпалъ своей лошади горнецъ овса, при возкѣ колена забросилъ къ себѣ на дворъ три снопа, или загулявшись вечером и желая еще выпить, снялъ съ повѣта чужаго лѣтуха, или въ дурную чужой шкворень. Это случайный воръ, а не воръ по промыслу. Онъ оттого и попался что ему некуда кондов хоронить. У него нѣтъ притона и нѣтъ адвоката. Но предъ вами можетъ быть и воръ по ремеслу,—одинъ изъ тѣхъ бичей извѣстныхъ всей округѣ, извѣстныхъ и судьямъ, одинъ изъ тѣхъ предъ которыми трепещутъ односельчане и сосѣди. Заставимъ лучше говорить факты. У мелкаго торговца, серебряника, ночью, изъ анбара, залертаго неисправнымъ замкомъ украдено 30 окороковъ ветчины и овчины. Пострадавшій обвиняетъ извѣстнаго своимъ начальствомъ вора, въ сообществѣ съ другимъ, случайно завлеченнымъ имъ товарищемъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Въ отсутствіе обвинителя воръ три раза приносилъ въ хозяйскій анбаръ къ работнику свое ничтожное количество гречихи для продажи, съ очевидною цѣлью высмотрѣть расположеніе хранящагося добра. В зимнюю ночь кражи, ѣхавшій по рѣкѣ односелецъ столяръ встрѣтилъ ѣдущихъ на возу двухъ людей. Лицъ по темнотѣ свидѣтель не могъ узнать, во въ торопящейся лошади, на ея выдающемся большому росту, призналъ лошадь главнаго вора. Когда утромъ пострадавшій, основываясь на эти данныя, прямо привелъ двухъ сельскихъ старостъ въ домъ главнаго обвиняемаго, жена послѣдняго объявила что мужъ уѣхалъ завязать муку къ ближайшему мельнику, котораго назвала. Когда произведшіе безплодный обыскъ старосты сторонніе вышли изъ избы обвиняемаго, онъ самъ попалъ имъ на встрѣчу въ саялахъ, на своей высокой, обливающейся потомъ и шатающейся отъ изнеможенія лошади. На вопросъ гдѣ онъ былъ? — обвиняемый, по явно затверженному жен уроку, назвалъ мельника. На вопросъ: что у тебя въ веретѣ?

обвиняемый отвѣчалъ: лшеница.—Когда раскрытая лшеница оказалась рожью, обвиняемый на вопросъ: откуда взялъ рожь?—беззащитно отвѣчалъ „украдь“. По спросѣ мельника оказалось что онъ въ глаза не видалъ обвиняемаго, который тѣмъ временемъ успѣлъ, какъ догадывался обвинитель, сочить свою жирную добычу верстѣ за 15, въ чужой уѣздъ, въ притонъ, гдѣ въ числѣ другихъ вознагражденій, получилъ нѣсколько ржи. По взятіи обвиняемаго лодъ арестъ въ волость, скоблани ножомъ рукава и полы его полшубка и два или три человѣка гробовали соскобленное сало, оказавшееся соевымъ, какъ слѣдуетъ быть ветчинному. У случайнаго товарища по воровству, какъ и слѣдовало ожидать, найдены за судукомъ выдѣланныя овчины пострадавшаго, на которыхъ мѣтки признаны самимъ положившимъ ихъ овчинникомъ. Всѣ эти данныя раскрылись на судебномъ разбирательствѣ, и какъ обвинитель прямо указалъ на неисправность замка, который можно было открыть первою палочкой, судья, признавая дѣло себѣ подсуднымъ, приговорилъ къ тюремаому заключенію случайнаго вора на меньшій, а извѣстнаго всей округѣ на болѣе продолжительный срокъ. Случайный воръ заявилъ удовольствіе и отсидѣлъ въ тюрьмѣ свой срокъ, но главный, подвергаемый предварительному заключенію, намель адвоката и заявилъ жалобу на сѣздъ о неподсудности кражи со взломомъ. При разсмотрѣніи дѣла прокуроръ и сѣздъ совершенно правильно указали на слова закона: *посредствомъ ключей, гвоздей или иныхъ какого-либо рода орудій*,—объясняя что и палочка въ числѣ этихъ *иметь*. Можно представить себѣ отчаяніе обвинителя, ожидавшаго окончанія дѣла въ нѣсколько дней и вознагражденія со стороны воровъ за понесенный убытокъ, когда дѣло, вмѣсто вѣроятнаго утвержденія сѣздомъ по существу, со всѣми своими послѣдствіями ускользнуло въ невѣдомую даль. Слѣдуетъ добавить что дня черезъ два, по заявленію главнымъ обвиняемымъ неудовольствія, обвинитель просилъ судью допросить свидѣтеля, встрѣтившагося на дорогѣ съ обвиняемымъ; когда тотъ возвращался въ утро кражи изъ притона въ который обылъ краденое. Свидѣтель показывалъ что обвиняемый, тряся вынутыми изъ-за лазухи ассигнаціями, крикнулъ: „эхъ вы дурачье! цѣлый вѣкъ хриль гнете, а все ни сыты ни голодны, а тутъ одна ночь накормила.“ Такъ какъ рѣшеніе уже было постановлено, то судьей отказано въ опросѣ свидѣтеля, при совѣтѣ представить его на разбирательство

при сѣздѣ. Казалось бы что при поступленіи дѣла въ вѣдомство общихъ судебныхъ мѣстъ, слѣдователю оставалось только опросить новаго свидѣтеля, что не потребовало бы много времени, такъ какъ всѣ остальные обстоятельства подробно изложены и въ протоколахъ и въ окончательномъ рѣшеніи судьи. Но дѣло вышло иначе. Предвидя продолжительность слѣдственной процедуры, слѣдователь первымъ долгомъ счелъ отдать обвиняемаго на поруки, а тотъ за первый долгъ счелъ уничтожить всѣ улики, залугавъ, какъ это всегда бываетъ, свидѣтелей неумолимою местию. И вотъ это простое дѣло второй годъ не добралось до судебного разбирательства и мы съ изумленіемъ слышали отъ слѣдователя что: „вѣдь доказательствъ-то никакихъ нѣтъ, всѣ свидѣтели отперлаись отъ своихъ показаній.“ А главный, всему околотку извѣстный, герой пренебрежительно продолжаетъ свои подвиги. Оригинальнѣе всего что настоящее дѣло, какъ бы нарочно, въ подробностяхъ своихъ сложилось въ подтвержденіе главной мысли нашей о томъ что, при настоящей обстановкѣ суда, послѣдній всею тяжестью падаетъ на мелкаго, случайнаго ворюшку, выгораживая всячески опытнаго вора по профессіи. Въ приговорѣ, по отношенію ко второстепенному вору сказано: „высказать съ него, въ пользу обвинителя, изъ цѣны украденнаго (142 рубля), то что не будетъ довыручено по продажѣ имущества главнаго обвиняемаго.“ Приговоръ этотъ, какъ мы видѣли, взомелъ въ законную силу и ни кѣмъ отмѣненъ уже быть не можетъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ оправдательнаго приговора окружнаго суда, главный дѣятель безнаказанно и безубыточно примется за свое ремесло, а за разбитые горшки слона заплатитъ случайный его соучастникъ. Да не подумаетъ читатель что мы затрудняемся въ примѣрахъ подобнаго исхода дѣлъ. Сколько разъ несчастные обвинители приходили къ судьямъ съ восклицаніями: „батюшка! просилъ тодысь тебя, суди насъ самъ по закону. Не восхотѣлъ ты, сдалъ слѣдвателю, а они ихъ теперь выпустилъ и они при всемъ народѣ говорятъ: убьемъ тебя чорта, слалимъ! Яви божескую милость.“—И на это всегдашній отвѣтъ: ничего не могу сдѣлать, ступай къ слѣдователю. Угрозы не всегда кончаются угрозами. Въ деревнѣ Д, сельскій староста, обличившій предъ судьей вора, найденъ утромъ утопленнымъ въ колодезь, а у послѣдующаго за тѣмъ старосты, на глазахъ его 16тилѣтняго сына, женою вора сожженъ весь хлѣбъ въ гумнѣ. Обстоятельства поджога подробно были запи-

самы судьи и передавы слѣдователю, но дѣло, кажется, до суда и не доходило.

Кабинетные люди легко поддаются психологической потребности все обобщать. Не рѣдко раздается фраза: никакія мѣры наказаній не уменьшаютъ зла. Жизнь не оправдываетъ такихъ обобщеній, показывая на опытъ что иныя преступленія не уступаютъ наказаніямъ, но за то другія видимо состоятъ съ ними въ обратной пропорціи. Къ послѣднимъ принадлежатъ: льянство, самоуправство, воровство, грабежъ и т. д. Въ дѣлѣ надзора трудно себѣ представить чтобы цѣлое сословіе надзирателей, нисколько не заинтересованныхъ лично раскрытіемъ проступковъ, раскрывало ихъ со рвеніемъ людей заинтересованныхъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Со времени вымача половиннаго штрафа акцизнымъ надзирателямъ за открытіе извѣстныхъ проступковъ при продажѣ вина, проступки эти, доставлявшіе и половинными штрафами казвъ значительный сборъ, въ настоящее время совершенно отсутствуютъ. Бывало акцизный надзиратель, *съ ловкостью почти всякаго челоюпка*, то тамъ, то сямъ накрывалъ оплошныхъ кабатчиковъ. А теперь же ни одинъ кабатчикъ не продаетъ мелко-пробнаго вина. Видно совѣстно стало! У насъ получены штрафы по нарушеніямъ устава о литейномъ сборѣ въ слѣдующей пропорціи:

Въ какомъ году.	Число случаевъ	Количество штрафа.	
		Руб.	Коп.
Въ 1869 году	8	104	50
• 1870 •	7	97	50
• 1871 •	8	122	50
• 1872 •	3	75	—
• 1873 •	—	—	—

Рискуя надѣясь повтореніемъ, рѣшаемся подраздѣлить вопросъ объ условіяхъ въ какихъ находится современный судъ вообще, и мировой въ особенности, на два главныхъ. Возможно ли, вопервыхъ, ожидать такого какъ бы слѣдовало праваго и скорого суда при существующемъ разъединеніи властей судебной, административной и исполнительной? А во вторыхъ, можно ли довольствоваться, по части искорененія преступленій, практическою дѣятельностью призванныхъ къ тому закономъ лицъ въ ихъ нынѣшнемъ составѣ? Васъ обидѣли, вамъ и судья, принимающему участіе въ вашей обидѣ, больно. Это очень естественно. Судья приказалъ подлежащимъ властямъ оказать

вамъ законную помощь. Приказаніе его не исполняется. Вы справедливо ропщете и жалуетесь тому же судѣ, забывая быть-можетъ, что никакому судѣ не можетъ быть пріятно что его трудъ, иногда значительный, пропадаетъ даромъ. Намъ отвѣтять: судья можетъ жаловаться на старшину и старосту—посреднику, на сотскаго и десятскаго становому, а чинамъ полиціи дѣлать предостереженія и жаловаться прокурорскому надзору, то-есть переносить дѣло отъ лица хорошо съ вами знакомаго и заинтересованнаго къ лицу стороннему и едва ли не столько же заинтересованному оставленіемъ его вступитъ. Никому страдающему отъ бездѣйствія власти не запрещается жаловаться. Успѣхъ подобныхъ жалобъ общезвѣстенъ и жалоба судьи не представляетъ исключенія. Въ давномъ случаѣ инициатива судьи не рѣдко требуетъ гражданскаго мужества. Пишущій эти строки едва избѣгаулъ дисциплинарнаго судопроизводства только потому что утомляемыя повтореніями въ полицейское управленіе даль предостереженіе исправнику, когда слѣдовало, за отсутствіемъ послѣдняго, дать таковое его помощнику. Не правда ли какъ весело человѣку никогда не бывавшему подъ судомъ попасть подъ судъ из-за чужаго дѣла? Почему извѣстныя мѣры взысканій предоставленныя первоначальнымъ посредникамъ, рядомъ съ судебною властію, были въ рукахъ ихъ менѣе опасны чѣмъ въ рукахъ судей, и оправдали ли бы посредники возложенныя на нихъ надежды такъ блистательно, еслибъ имъ пришлось на каждаго старшину, старосту, десятскаго или сотскаго куда-то жаловаться? Приступаемъ ко второй половинѣ нашего вопроса. Первая статья уголовного устава говоритъ что судья не предупреждаетъ проступковъ или преступленій. Это не его дѣло, а дѣло полиціи. Она же обязана раскрывать преступленія. Спрашивается: заинтересована ли земская полиція всѣхъ наименованій предупрежденіемъ и раскрытіемъ преступленій и нельзя ли, судя по слабости человѣческой, иногда предполагать въ отдѣльныхъ членахъ прямо противоположныхъ интересовъ? У насъ на судѣ конокрадъ, рецидивистъ, изъ чужаго уѣзда, былъ изобличенъ свидѣтелями, арестовавшими его, въ произнесеніи слѣдующихъ словъ записанныхъ въ протоколъ: „Отпусти меня, ключникъ! вѣдь мнѣ стѣбитъ у мирового только на образъ лобожиться что ты мнѣ ихъ (лошадей) руками сдалъ, такъ ты тамъ же будешь гдѣ и я“, а за тѣмъ, при недѣйствительности ихъ, слѣдующихъ:

яду, звать опять нашему ставовому четвертая перепадеть. Пусть только онъ сдѣлаеть дознаніе; да я въ день кражи дома былъ, колодець копалъ. Пусть только ставовой покажетъ." На судѣ обвиняемый настойчиво требовалъ порученія разсѣдованія его *alibi* ихъ мѣстному ставовому. Самая эта настойчивость внушила судѣ мысль, вопреки обычному порядку, поручить дознаніе о времени чистки колодца мѣстному старшинѣ, въ присутствіи обвинителя и притомъ съ такою послѣдностію что слухъ о поимкѣ въ нашемъ участкѣ конокрада не могъ дойти до его односельцевъ. Старшина даже не зналъ на что нужно судѣ дознаніе о времени нахождения обвиняемаго въ колодець, куда будто бы свидѣтели крикнули ему: „Богъ помочь!“ Показанія множества свидѣтелей оказались все въ пользу обвиняемаго, и кромѣ волостной скрѣпы, скрѣплены подписью одного изъ свидѣтелей за себя и за остальныхъ. Когда актъ былъ готовъ и подписанъ въ присутствіи обвинителя, одинъ изъ односельцевъ подошелъ и сказалъ опрошеннымъ: „да вы знаете къ чему дѣло-то? Вѣдь это вотъ у нихъ (обвинителя) пара лошадей пропала.“ Все перемѣнялось, но было уже поздно и актъ доставленъ обвинителемъ судѣ въ первоначальномъ видѣ. Къ вящему успѣху дѣла неискусныя руки составителей акта передвинули числа дней однимъ числомъ впередъ. Поэтому спрошенные на судебномъ разбирательствѣ, по одиночкѣ, многочисленные свидѣтели *alibi* всѣми силами напирали на мнимое, а не на дѣйствительное число и наговорили самаго противорѣчиваго вздору. Что еслибъ актъ былъ составленъ опытною рукою человека заинтересованнаго сокрытіемъ преступленія? Можно ли по показаніямъ одной, даже не заинтересованной въ дѣлѣ, старухи, видѣвшей конокрада съ товарищемъ верхами, въ погнѣ на лошадахъ, которыхъ масть она уломила, сажать въ острогъ человека, вопреки присяжнымъ показаніямъ 20 человекъ о нахожденіи его, въ самое утро преступленія, въ колодець, за 40 верстъ? Высказавъ неудовольствіе на приговоръ, подсудимый требовалъ немедленнаго отправленія въ сѣзль, а пожалуется губернатору. По истеченіи апелляціоннаго срока, онъ отправленъ въ тюрьму и не пикнулъ. Читатель въ ролято замѣтилъ что и въ данномъ случаѣ открывателями, поимщиками, полицейскою почтою и чуть не свидѣтелями являются самъ обвинитель и его рабочіе. Намъ остается ука-

затѣ на случай касающійся насъ не какъ судья, а какъ простаго обывателя. Возвращаясь съ мирового сѣзда, мы на шли на станціи желѣзной дороги нашего кучера въ саняхъ на парѣ запряженной гусемъ. Городскіе жители быть-можетъ не знаютъ что по нашимъ проселкамъ и мнимымъ большимъ дорогамъ въ зимнее время нельзя иначе ѣздить какъ въ одну лошадь, и потому всякая встрѣча, а тѣмъ болѣе объѣздъ обоза идущаго по тому же направленію, почти непреоборимое препятствіе. По выѣздѣ со станціи, кучеръ, обернувшись, сказалъ: „а у насъ сегодня, ночью, сломали замокъ и изъ конюшни матокъ покрали.“—Всѣхъ?—„Захватили было четырехъ, да вѣрно плохо привязали. Три оторвались, и бѣгая по двору, ржаньемъ разбудили народъ, а Жемчужную увели. Да должно-быть скоро нагонять. Обозъ заѣзжалъ и сказывалъ на постояломъ дворѣ на трехъ одиночкахъ шесть человѣкъ во весь духъ катать. За послѣдними креслами заводская, сѣрая матка Берероя, а наши, говорятъ, два молодца на гнѣдомъ верстахъ въ двухъ всего не догоняють.“ Такъ прошелъ день. Въ сумеркахъ гнавшіеся вернулись съ извѣстіемъ что гнались, но не догнали потому что на разстоянхъ (гдѣ расходятся пути) ошиблись дорогой до первой встрѣчи, а затѣмъ воры перепрягли нашу кобылу, бѣжавшую порожнякомъ, тогда какъ нашъ гнѣдой окончательно пошелъ шагомъ. Воры очевидно торопились добратъся до города Малоархангельска и исчезнуть въ насиженномъ притонѣ. Когда мы, снабжая новаго, болѣе расторопнаго, нарочнаго деньгами и нужными инструкціями, уломяули о полиціи, писмоводитель отозвавъ насъ въ сторону сказалъ: „только ради Бога, пусть не заявляютъ полиціи, тогда и концы въ воду“. Не раздѣлая такого лессимизма, мы поручили нарочному, по испытаніи всѣхъ другихъ средствъ, обратиться и къ полиціи. На другой день къ вечеру, вернувшійся нарочный сообщалъ слѣдующее: версты за четыре до Малоархангельска, крестьянинъ, повторивъ описаніе шести сѣдоковъ на трехъ саняхъ, разказывалъ что наша сѣрая, съ однимъ обрывкомъ на шеѣ, уже шла не привязанная къ санямъ и было свернула съ дороги къ его воротамъ, но тутъ одна изъ саней чукъ, схвативъ ее за обрывокъ, снова наводила на дорогу. Въ городѣ, согласно данному наставленію, нарочный разыскалъ подходящаго человѣка, съ виду мѣщанина, который спросилъ: „собака была у воротъ?“—Была.—„Отвязана и прогнана?“—Точно такъ.—„Ну, знаю—черная борода. Вы тутъ по-

дойдете, а я разузнаю гдѣ лошадь стоитъ и сейчасъ къ вамъ вернусь.“ Это „сейчасъ“ продолжается до сихъ поръ. Затѣмъ для формы объявлено п. полиціи и получены отвѣты: „хорошо, если ~~получится~~ съ такими примѣтами, будемъ имѣть въ виду.“ На другой же день къ этимъ даннымъ присовокупились слѣдующіе: съ вечера, предъ ночью кражи, три Цыгана, бросивъ за лѣскомъ три подводы, за которыми были привязаны три хорошихъ лошади, заходили на сосѣдній хуторъ, верстахъ въ восьми отъ нашего и, предлагая старостѣ мѣняться лошадьми, просились поглядѣть барскую конюшню; въ чемъ имъ было отказано. При этомъ хуторскій рабочій присутствовалъ одною изъ Цыганъ словами: „здорово, Алексѣй!“ Не добившись желаемого, Цыгане, согласно предположенію свидѣтеля, остановились на полудорогѣ къ нашей усадьбѣ, въ деревьяхъ, отдѣленной прудомъ отъ барской усадьбы, у знакомаго крестьянина, у котораго, по словамъ свидѣтеля, они всегда останавливаются. Тамъ, вѣроятно, и оставлены ими три хорошія лошади, суда по дальнѣйшему ходу дѣла. Въ ту же ночь староста упомянутой господской усадьбы, выйдя около полуночи на крыльцо, замѣтилъ трехъ человѣкъ около барской конюшни. Когда разбуженные имъ работники выскочили на дворъ, означенные три человѣка со всѣхъ ногъ лобѣжали чрезъ садовый ровъ на дорогу, гдѣ бросившись въ сани къ товарищамъ, уѣхали по направленію къ нашей усадьбѣ. Что эти же люди были и нашими посятителями очевидно изъ слѣдующаго: чтобы ѣхать къ Малоархангельску на большую дорогу имъ нужно было, если они дѣйствительно тѣ же самые, завернуть своихъ лошадей назадъ, головами къ большой дорогѣ. По причинѣ глубокаго снѣга на дорогѣ за нашею ригой, куда всѣ четыре украденныя матки были выведены, какъ видно на канавѣ, гдѣ несчастныхъ проваливавшихся животныхъ перегнала насильно, заворотиться тремъ санямъ по субою можно было только каждымъ отдѣльно, описывая вольту. Всѣ три вольты правильно были отпечатаны въ продолженіи медѣли на снѣгу. Вотъ всѣ данныя этой кражи. Остается добавить что признанный Цыганъ Алексѣй, въ числѣ нѣсколькихъ сотоварищей, тульскихъ мѣщанъ, какъ гласили ихъ паспорта, уже успѣли пріютиться въ Городищенской волости, пріобрѣта, раздачею денегъ взаймы, благорасположеніе не только крестьянъ, но и самого старшины. Оказалось на этотъ разъ что вошки забыли коренное волчье правило: не

воровать въ ближайшей окрестности своего выводка. Не знаемъ навѣрное какъ это случилось. Но судя по тому что тульскіе Цыгане чуть ли не года съ два безмятежно проживали въ Городищѣ, въ семиверстномъ отъ насъ разстояніи, и мы даже не знали о ихъ существованіи, а тутъ, вдругъ дней черезъ 10 послѣ кражи нашей лошади, на нихъ воздвиглось гоненіе со стороны станового, можно предполагать нѣкоторую связь между кражей и гоненіемъ. Дней черезъ 10 намъ объявляютъ что городищенскіе Цыгане пришли къ судѣ. „Какъ васъ зовутъ?“ — „Алексѣемъ“. — „Есть у васъ паспорта?“ — „Какже, есть“. Паспорта оказываются въ порядкѣ. „Что вамъ нужно?“ — „Становой гонитъ насъ изъ стану и сказалъ: ступайте къ судѣ; если судья разрѣшитъ вамъ оставаться, оставайтесь.“ — „Ну, такого противузаконнаго разрѣшенія я вамъ дать не могу, а могу развѣ указать на циркуляры воспрещающіе вамъ проживать гдѣ бы то ни было, кромѣ мѣста прилиски. Слышали что вамъ сказалъ судья? Ну, а теперь, Алексѣй, послушай что я скажу тебѣ по-сосѣдски: хорошими дѣлами вы по сосѣдству занимаетесь?“ — „Хо-о-рошими!“ восклицаетъ Алексѣй, и черные глаза его подергиваются елеемъ умиленія. — „Ты бы лучше кобылу-то мою отдалъ.“ — „Какую кобылу?“ вскрикиваетъ Алексѣй, у котораго глаза вслыхиваютъ лучами невольнаго испуга. — „Ну, ступайте!“

Черезъ недѣлю завѣзжаетъ становой. „Зачѣмъ вы присылали ко мнѣ Цыганъ?“ — „Я велѣлъ сотскимъ ихъ гнать, а они меня просить: мы, говорятъ, ничего; мы вамъ такую лошадку промѣняемъ что будете благодарить.“ — „Чѣмъ же однако это кончилось?“ — „Какъ воротились отъ васъ, въ тотъ же вечеръ и слѣдъ простылъ.“

Какъ ни жаль намъ кровной, рысистой, бережной матки, очевидно залученной ворами, но мы рады что она послужила жертвой, хотя временно очистившею нашу округу отъ хищнаго цыганскаго притока. Но быть-можетъ за исчезновеніемъ этого еще два-три до поры до времени благодушествуютъ въ нашемъ сосѣдствѣ? Кому до нихъ какое дѣло? Какже не стыдно судѣ, самому пострадавшему отъ конокрадовъ, оставить такое наглое воровство со взломомъ и при такихъ даныхъ безъ судебного преслѣдованія Алексѣя? На этотъ вопросъ отвѣтимъ другимъ. Неужели бы судья, или иной пострадавшій коннозаводчикъ, оставилъ подобныя дѣйствія безъ законнаго преслѣдованія, еслибы предвидѣлъ въ послѣднемъ какой-либо

прокъ? Вѣдь чтобы привести все дѣло къ одному знаменателю нужно еще много и усердно поработать сыщичку. Пришлось бы и провѣхаться, и переодѣться, и водкой угостить, но за то весь злокачественный ракъ конокрадства, далеко разбросавшій узлы и вѣтви своихъ припоевъ, вышелъ бы наярку для операторскаго ножа закона, который, замѣтимъ мимоходомъ, не долженъ бы, въ виду подобныхъ учреждений, ограничиваться по отношенію къ попавшимся, хотя бы и въ первый разъ, конокрадамъ, обычнымъ тюремнымъ заключеніемъ, по окончаніи котораго *щучка выпускается обратно въ яду*. Не говоря объ известной смекалкѣ, необходимой для сыщичка, спрашивается: кто же и гдѣ же тотъ несчастный который обязанъ безвозмездно, на собственный счетъ, въ чужихъ интересахъ трепать свои кости?

При телерешаемъ положеніи вещей, подымая судебное слѣдствіе вы только возносите Домокловъ мечъ надъ собственнымъ ломомъ на неопредѣленное время. Мы уже видѣли что судебный слѣдователь не какой-нибудь сыщичкъ, а ученый, группирующій факты по правиламъ науки. Эта ученость не мѣшаетъ иногда слѣдователямъ присылать къ намъ въ канцелярію собственноручныя отношенія съ такими ореографическими ошибками что нашъ писмоводитель отъ восторга только глаза закатываетъ. Подавъ объявленіе о кражѣ со взломомъ, вы уже на годъ или на два не вѣсте ни дня, ни часа, съ оны же потребуютъ за 60 верстъ вашего кучера, конюха, мугу, повара, садовника.

Въ большинствѣ случаевъ барыня можетъ потребовать *весь куалетъ*. Какъ это весело, особливо въ рабочую пору и при томъ съ перелективной девяти десятыхъ вѣроятностей что выйдетъ: *много шуму изъ ничего*. Мы слышали будто существуетъ проектъ о предоставленіи мировымъ учреждениямъ разбирательствъ кражъ до 300 руб. независимо отъ вопроса о взломѣ. Великое было бы облегченіе для окружающихъ судовъ баующихся на множество дѣлъ, а ужъ какая бы это была льгота для нашего брата, сельскаго обывателя! Общая радость наша равнялась бы развѣ сокрушенію записныхъ воровъ. Жаль что тогда исчезнетъ возможность *учетныхъ* пререканій между судьей и слѣдователемъ о томъ: слѣдуетъ ли считать за взломъ прорубку бочки съ постнымъ масломъ, такъ какъ законъ говоритъ и *иметь хранилицу*, а бочка, по свойству закладывавой въ ней жидкости, *только* вмѣсталище, а не хра-

виду. Мы видѣли слабую связь сельскаго мирового шеста-тута съ сельскою полиціей. Сколько тяжелыхъ минутъ принесла намъ за первыя пять лѣтъ судебной дѣятельности горькія жалобы страдавшихъ отъ неисполнительности волостныхъ властей. Но видно судьбѣ угодно было вознаграждать насъ за долготерпѣніе, соединивъ въ одномъ и томъ же лицѣ должности председателя съѣзда судей и мѣстнаго посредника. Председатель, для начала дѣла, просилъ насъ завести книгу жалобъ на неисполнительность сельскихъ властей, а затѣмъ сцены бывають слѣдующія. „Старшина! ты почему не исполнилъ такого порученія судьи?“—„Я думалъ...“—„Думай о своихъ дѣлахъ. Не умѣешь исполнить—спроси судью. Онъ тебѣ на бумагѣ разъяснитъ и ты ни за что не отвѣчаешь. Ты спрашивалъ судью?“—„Нѣтъ не спрашивалъ.“—„Представь въ среду 5 р. штрафа, а если не исполнишь, то въ слѣдующую среду еще 5 руб. и т. д.“

Дѣйствительно число жалобъ на неисполнительность значительно уменьшилось. Но вѣдь подобныя условія не болѣе какъ исключенія. Мы гдѣ-то встрѣчали слухъ о проектѣ взысканія извѣстныхъ процентовъ судопроизводства въ мировыхъ учрежденіяхъ. Лично мы противъ всякаго рода новыхъ налоговъ. Въ теченіи семи лѣтъ въ нашей канцеляріи законныхъ ея пошлинъ не взыскано ни копѣйки. Мы слишкомъ хорошо знаемъ что значить крестьянину 20 коп. Но въ видахъ насущной нужды ни мы, ни одинъ пострадавшій крестьянинъ не откажется отъ извѣстнаго, законнаго налога, хотя бы и весьма значительнаго, по пословицѣ: *тонетъ, топоръ сулитъ*. Кто откажется, напримѣръ, уплатить ловкому открывателю $\frac{1}{8}$ стоимости украденнаго, когда безъ его помощи цѣлое должно бы погибнуть безвозвратно? Сколько громадныхъ, часто не посильныхъ издержекъ возлагаетъ на себя земство только вслѣдствіе той, или другой моды? Почему бы земствамъ не ходатайствовать объ учрежденіи, хотя бы въ видѣ опыта, сельскихъ объѣзчиковъ, состоящихъ въ участкѣ подъ непосредственнымъ контролемъ судьи? Вѣдь есть же у насъ частныя полевые сторожа которыхъ скромная дѣятельность тѣмъ не менѣе, очевидно, благотворна. Можетъ быть отчасти благодаря учрежденію этихъ сторожей ни одна отрасль сельскаго суда не вошла въ такое мирное, несомнѣнное русло, какъ дѣла о потравахъ. И намъ до сихъ поръ не встрѣчалось обычнаго показанія сторожа. Если судъ

принимаетъ во вниманіе показанія раздраженнаго и обиженнаго обвинителя при вчинаніи дѣла, не видя въ такомъ завѣдомо пристрастномъ обвиненіи ничего опаснаго для правосудія, то тѣмъ менѣе можно ожидать этой опасности со стороны официального, сторонняго обвинителя. Такому сторожу должно быть предоставлено, по предъявленіи особеннаго сторожеваго знака, право немедленнаго обыска въ присутствіи сельскихъ старостъ и стороннихъ людей, а гдѣ нѣтъ старосты, то и однихъ стороннихъ, и притомъ не стѣсняясь извѣстнымъ мировымъ участкомъ, а безразлично по всей Имперіи. Нельзя ли заинтересовать этихъ людей вознагражденіемъ соответственнымъ вещественно приносимой ими пользѣ? Нельзя же, отмахиваясь отъ повсюднаго опыта, упорно предполагать въ каждомъ полицейскомъ Аристида и Фабриція. А что если это не Фабрицій, а сельскій староста, братъ или кумъ главы притона? Если съ одной стороны, при содѣйствіи къ открытію преступленія, ему предстоитъ въ непогоду тащиться на судъ и затѣмъ ожидать всякаго лиха, въ видѣ побоевъ, кражи и краснаго плѣтуха, а съ другой—въ случаѣ укрывательства, его ожидаетъ полная безнаказанность, 25 рублей и приличное удовлетвореніе водкой? Не знаемъ какъ поступилъ бы Фабрицій еслибы злегатный Элиротъ, вмѣсто дѣтскаго залугиванія словомъ, пустилъ въ дѣло всю эту механику? Повторяемъ, нечего бояться недобросовѣстныхъ обвиненій сдерживаемыхъ строгимъ закономъ. Сама олицетворенная гаулость не рѣшится изъ-за чужаго дѣла съѣсть въ тюрьму. Мы указываемъ на учрежденіе присяжныхъ сельскихъ объѣзчиковъ, какъ на средство выдти изъ той безпомощности въ которой находится въ настоящее время сельское населеніе и самое правосудіе по отношенію къ ворами и грабителями по ремеслу. На дѣлѣ оказывается со стороны посадныхъ правильная, бдительная, высоко-способная и на чужой счетъ богатая организация, смѣло уловающая на адвокатуру, которая всю свою славу и выгоду видитъ въ блистательномъ разрушеніи доказательствъ выставленныхъ менскую рукой растерявагося, безграмотнаго и разореннаго обвинителя, доказательствъ за давностію и подъ давленіемъ той же организациі, утратившихъ свой первобытный видъ. Неужели всему этому должно продолжать противопоставлять или абсолютное ничто, или неизбежное, повсемѣстное, часто безплодное самоуправство? Не слѣдуетъ ли напротивъ позаботиться объ учрежденіи

члены котораго видѣли бы въ услѣившемъ искорененіи преступнаго ремесла ту же личную выгоду, почетъ и карьеру какія для другихъ корпорацій связаны съ его охраненіемъ. Мы не отстаиваемъ во чтѣ бы то ни стало учрежденія присяжныхъ объездчиковъ. Пусть этотъ вопросъ подвергнется всестороннему обсужденію. Пусть, вмѣсто этой мѣры, выработается другая, болѣе практичная, лишь бы самое учрежденіе не послужило поводомъ къ употребленію связанныхъ съ нимъ затратъ къ достиженію косвенныхъ не идущихъ къ дѣлу цѣлей. Настоящая статья должна была только указать на окончательную нашу безпомощность предъ лицомъ все шире и шире забирающаго зла. Не удивимся если такое указаніе покажется избыточнымъ общимъ мѣстомъ, бесполезнымъ замѣчаніемъ общеизвѣстнаго явленія. Если объ этомъ не стоить говорить, то стоить ли говорить о проявленіяхъ самоуправства? Самоуправство, какъ извѣстно, только замѣщеніе своимъ лицомъ законнаго возстановителя нашихъ правъ. Возможно ли серьезно говорить о незаконномъ замѣщеніи несуществующаго лица? Желательно бы знать какое законодательство обязываетъ вѣжливо обходиться съ воромъ и грабителемъ, или принудить хозяина терпѣть, хотя бы минуту, у себя въ домѣ кого бы то ни было наносящаго ему оскорбленіе? Мы не говоримъ о высокомъ идеалѣ личнаго смиренія и всепрощенія. Но такой идеалъ не можетъ лежать въ основаніи общественнаго суда. Насколько высоко и человѣчно прощать личнымъ должникамъ нашимъ, настолько безобразно и преступно со стороны третьяго лица прощеніе чужихъ долговъ. Противоестественныя требованія никогда не достигаютъ цѣли.

А. ФЕТЬ.

Н О В Ы Я И Д Е И

ВЪ НАШЕЙ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ

Oh, learning 's a very fine thing!
It almost is treason to doubt it—
Yet many of whom I could sing
Perhaps might as well be without it.
And without it my days I will pass,
For to me it was ne'er worth a dollar;
And I don't wish to look like an ass
By trying to talk like a scholar.*

The March of Intellect.

Всякій кому случается просматривать газеты не могъ не замѣтить какъ часто и охотно обращаются онѣ къ вопросамъ народнаго образованія. Не проходитъ дня чтобы то въ одной, то въ другой газетѣ не появлялись извѣстія, мнѣнія, сужденія по этому предмету. Вопросы педагогическіе рѣшительно въ модѣ у насъ въ послѣднее время, и всякій считаетъ себя призваннымъ произносить по этимъ вопросамъ рѣшающія сужденія. Изъ десяти человѣкъ навѣрное девять не задумавшись погрѣшать сразу какъ наилучше устроить государственную систему народнаго образованія, чему и какъ слѣдуетъ или не слѣдуетъ обучать въ народной школѣ, гимназіяхъ и универси-

* Ученье—прекрасная вещь. Тотъ чуть не измѣнникъ кто въ этомъ усомнится. Но многіе изъ моихъ героевъ могли бы пожалуй обойтись безъ него, да и самъ я безъ него проведу мои дни, такъ какъ оно мнѣ всегда казалось не отбѣщающаго доллара, и мнѣ не хочется походить на осла пытающаго говорить какъ ученый.

тетахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у всѣхъ и каждаго было на языкѣ высшее образованіе; были даже примѣры что уездныя земскія собранія, состоявшія на половину изъ безграмотныхъ, пускали на голоса вопросъ о способахъ приготовленія къ университету.... Въ настоящее время въ такой же модѣ вопросъ о распространеніи грамотности въ народѣ. О лучшихъ способахъ достигъ этого трактуются и въ журналахъ и газетахъ, и въ учебно-вспомогательныхъ книжкахъ, и въ сословныхъ собраніяхъ, и со скамьи подсудимыхъ.... Кто не считаетъ себя призваннымъ произносить въ этомъ дѣлѣ рѣшающихъ сужденій? Газетный фельетонистъ также какъ и „знаменитый“ педагогъ, ех-актеръ также какъ и земскій „дѣятель“, оперетная лѣвица также какъ и школьная учительница. Прислушайтесь къ этимъ толкамъ: „духъ вѣка“, „новыя“ школы и „старыя“ школы; „ученіе притупляющее“ и „ученіе развивающее“, причемъ подъ первымъ разумѣются катехизисъ и грамматика, подъ вторымъ свѣдѣнія изъ физиологіи, космографіи, химіи, геологіи и пр. въ примѣненіи къ народной школѣ. Методоманія сдѣлалась ловальной болѣзью; „предметные уроки“, „звуковой методъ“, „наглядное обученіе“,—эти слова стали *шибболетомъ* по которому распознаются наши и ваши. Кромѣ осмѣянія и поруганія во имя просвѣщенія отдѣльных лицъ рѣшающихся вступить за здравый смыслъ, во имя народной школы призываются къ суду цѣлыя сословія и учрежденія. Какой-то сельскій учитель отставленъ отъ должности за дерзости инспектору и неисполненіе его распоряженій: значить, „сухой формализмъ“, „узко-чиновничьи замашки“ лицъ учебнаго вѣдомства и „вмѣшательство ихъ во внутренній міръ учителя“ стѣсняютъ плодотворную дѣятельность послѣдняго.* Крестьяне не могутъ постичь мудрости „новой“ школы, жалуются на бесполезность научныхъ экскурсій, сказокъ и пріказокъ авторитетно передаваемыхъ съ кафедры и выражаютъ желаніе чтобы дѣти читали „божественное“: со всѣхъ сторонъ поднимаются крики что глубокое невѣжество и закоренѣлые предразсудки крестьянъ служатъ препятствіемъ къ распространенію просвѣщенія. Священникъ, остерегая своихъ сельскихъ прихожанъ отъ аже-учености, произнесъ неопровержимую истину что въ числѣ такъ-называемыхъ

* *Нодья*, 1874, № 24.

„учебныхъ“ есть просто дураки: значить, „духовенство агитируетъ противъ народныхъ учителей“, „духовенство враждебно относится къ просвѣщенію“, „лица взявшія на себя отвѣтственную обязанность пастырей духовныхъ рѣшились выступить въ незавидной роли ожесточенныхъ преслѣдователей и ученія и самихъ учащихся“. * Землеуладѣлецъ не выдалъ нанятому имъ палачу двухъ рублей, которыхъ тому получать не слѣдовало, и обратился съ жалобой къ мировому судѣ за самовольное оставленіе крестьяниномъ работы и нарушеніе заключеннаго условія: этотъ „кризисъ“ выставляется какъ доказательство что помѣстное дворянство не можетъ руководить развитіемъ крестьянъ. **

Ключки западно-европейскихъ теорій подхваченныя безъ исторической связи и критики, отрывочныя факты школьной жизни взятые на удачу или намѣренно подобранныя, случайныя увлеченія партій выдаваемыя за конечныя выводы науки и жизни, волокутся въ журналы и учебно-вспомогательныя книжки, перемалываются газетами, приводятся въ механическую связь съ фактами, дѣйствительными или воображаемыми, изъ нашей жизни, циркулируютъ въ обществѣ, становятся какъ бы чѣмъ-то безспорнымъ и всѣмъ извѣстнымъ, усваиваются людьми близко стоящими къ дѣлу, и подъ именемъ „духа времени“, „новыхъ идей“ несутся на нашу убогую народную школу. На Западѣ существуютъ партіи позитивистовъ и утилитаристовъ, и ученія ихъ порываются провалкуть въ щели народной школы: мы раслахаемъ для нихъ двери нашей школы; на Западѣ въ разныхъ мѣстахъ происходитъ борьба католической церкви, стремящейся стать государствомъ, съ государствомъ желающимъ удержать свои права: мы заведемъ у себя пародію на эту борьбу, разладъ школы съ духовенствомъ, устранимъ духовенство отъ народнаго воспитанія... Дѣло самое простое — какъ бы скорѣе, сподручнѣе, дешевле и лучше обучить наибольшее число деревенскихъ дѣтей грамотѣ и религіи — становится калыщеннымъ, сложнымъ и труднымъ вопросомъ. Мы не заводимъ школы — мы „насаждаемъ древо науки“; мы не обучаемъ грамотѣ — насъ „озаряютъ лучи просвѣщенія“; мы не готовимъ

* *Идѣя*, № 24, *Голосъ*, № 178, *Русскій Миръ*, № 174. 1874.

** *Голосъ*, 1874, № 178.

учителей—мы „празднуемъ посвященіе благородныхъ труженниковъ“. Цѣлыя населенія забывая о лицахъ и свѣ осаждаютъ доми рвутся въ окна и двери и заливаются слезами умиленія * прі видѣ того какъ „нашимъ знаменитымъ педагогомъ“, по самымъ усовершенствованнымъ методамъ, въ вѣсколько дней, изготовляются для „новыхъ“ школъ самоовѣшіе учителя, которые „вѣ когда не учившись грамматикѣ“ будутъ „развивать“ учениковъ, распространяя научныя свѣдѣнія и „сносную безграмотность“. ** Развитие—это модное слово безъ котораго не обходятся никакіе толки о школахъ. Сперва это появленіе является въ благоприличной формѣ: „народная школа должна не только научать грамотѣ, но и развивать умственные способности учащихся“; потомъ затаскивается, искажается и оплошдается намъ нужны не школы грамотности, а школы развивающія намъ не нужно, школъ грамотности, намъ нужны развивающіе учителя и развивающіеся ученики, хотя бы и тѣ и другіе были „сносно безграмотны“. Но что же такое это развитие?

Нашимъ доморощеннымъ мудрецамъ особенно полюбила пресловутая теза Бокля что „сумма человѣческихъ дѣйствій управляется единственно суммой научныхъ познаній“. Отсюда легко было вывести что чѣмъ больше сумма этихъ познаній тѣмъ выше качество человѣческихъ поступковъ. Додумались до того что пріобрѣтеніе массы научныхъ фактовъ и свѣдѣній (подразумѣваются точныя науки и практически примѣнимыя свѣдѣнія) и есть развитие. Въ этомъ согласны между собою и наши прогрессивные публицисты, „знаменитые“ педагоги, и такъ-называемыя женскія гимназіи и военныя училища, и педагогическіе курсы разныхъ наименованій. Намъ не удалось вывести университеты на уровень народной школы: мы возведемъ народныя школы на уровень универсальности. Онѣ будутъ выпускать учениковъ которые будутъ знать тѣ же самые научныя факты, будутъ повторять тѣ же общія мѣста въ тѣхъ же самыхъ грамматическихъ сочетаніяхъ какъ любой ученикъ.

Среди такой сумятицы, что за просторъ всякому шарлатанству, всякимъ куріозамъ и нелѣпостямъ! Московскій комитетъ грамотности, безъ сомнѣнія, помнитъ мудрствомъ

* С.-Петербургскія Вѣдомости, Еженедѣльникъ № 24, 1874.

** Нашъ Другъ, бар. Корфа, предисловіе къ 1му изд.

на одного педагога, призваннаго руководить народными учителями, что ученіе въ школѣ должно начаться съ того чтобъ учитель на первомъ урокѣ зарѣзалъ и вылотропиль прѣдъ учениками котку. Недавно мы прочли въ газетѣ что одинъ „извѣстный педагогъ“ поучаетъ народныхъ учителей читая имъ лекціи о вліяніи Руссо на духъ русской школы. * Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи было приобрѣтено для школъ множество книгъ которыя выдавались для чтенія и въ награду крестьянскимъ мальчикамъ; въ числѣ книгъ были *Письма* Беранже, *Повѣсти* Слѣпцова, сочиненія Писарева, журналъ *Русское Слово* и т. д. ** Изъ одной школы учительница выслала всѣ книги религіознаго содержанія: *** Очень недавно одна петербургская газета дѣлилась тѣмъ занимаются на педагогическихъ курсахъ народные педагоги: „соберутся, сначала помолятся Богу, непременно священникъ скажетъ вступительную рѣчь, и начнутъ толковать о своихъ предметахъ. Въ Московской губерніи священникъ Рождественскій доказываетъ что у насъ очень плохо идетъ преподаваніе закона Божія... Въ Порховѣ происходитъ обиходъ мыслей по задаваемымъ урокамъ. Это ужъ конечно дѣльте.“ Далѣе похваляются Костромскіе курсы „гдѣ вступительная рѣчь уже не о законѣ Божіемъ, а очеркъ исторіи русской народной школы“. Всѣ эти разсужденія сводятся къ тому чтобъ народные учителя были не „семинаристы, твердые только въ катехизисѣ“, а необходимо „перво-на-перво позаботиться о томъ чтобъ они были не чужды идеямъ общимъ всему человѣчеству“. **** Одно уѣздное земское собраніе отвергло предложеніе усилить преподаваніе въ народныхъ школахъ закона Божія, замѣтивъ что „ученики земскихъ школъ готовятся вовсе не къ духовному званію“. †

Остановимся пока на этомъ. Все это смѣшно, неразумно, вредно. Но все это творилось и творится во имя „развитія“; это не исключительныя и единичныя явленія, это де знаменія „духа времени“, это только грубыя и уродливыя проявленія

* *Всемирная Иллюстрація* 1874.

** *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1868, № 4.

*** *Гражданинъ* 1874.

**** *Биржевая Вѣдомости* 1874, № 201.

† *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1868, № 4.

„новыхъ идей“ которыя въ менѣе рѣзкой формѣ и безконеч-
но большихъ размѣрахъ начинаютъ входить въ практику на-
шей народной школы, приобретаютъ все большее число сто-
ронниковъ, встрѣчая въ обществѣ и въ печати лишь весьма
слабый отпоръ и ожесточенную защиту. Нѣсколько недель
тому назадъ газеты цѣлымъ хоромъ приняли подъ свой по-
кровъ какихъ-то новѣйшихъ учителей „новыхъ“ школъ кото-
рые фыркаютъ въ лицо инспектору или приходскому священ-
нику, и получивъ гуманное образованіе гдѣ-нибудь въ уѣзд-
номъ училищѣ и почерпнувъ научныя знанія изъ книжки ба-
рона Корфа, безъ сомнѣнія не менѣе мудрые и „своимъ без-
грамотные“ какъ и ихъ ученики, совершаютъ съ ними науч-
ныя, ботаническія, зоологическія и палеонтологическія экскур-
сіи „шляясь по степи, собирая разныя гаулюсты, иногда
травы, мотыльковъ, жуковъ, черепя дохлахъ животныхъ, на-
лаивая въ рѣкѣ всякихъ гадостей, сажаютъ весь этотъ срамъ
въ банки и потомъ показываютъ дѣтямъ на урокахъ“.*

Самымъ выдающимся и популярнымъ представителемъ „но-
вой“ школы является у насъ въ послѣднее время баронъ
Корфъ. Онъ познакомился съ мѣтдами нѣкоторыхъ евро-
пейскихъ педагоговъ и со школами Германіи и Швейца-
ріи, помѣстивъ цѣлый рядъ статей о школьныхъ вопросахъ
въ петербургскихъ газетахъ и журналахъ. Устроилъ на образ-
цовую ногу народныя школы Александровскаго уѣзда Екате-
ринославской губерніи, былъ выписанъ изъ-за границы чтобы
направить въ теченіи четырнадцати дней школы Мариуполь-
скаго уѣзда; на расхватъ приглашается на учительскіе съѣз-
ды. Едва ли чье-нибудь имя рекламировалось у насъ такъ
какъ имя барона Корфа: лица учебнаго вѣдомства цитиру-
ютъ его въ своихъ отчетахъ; не проходитъ недѣли чтобы
сотню разъ не появилось въ газетахъ съ похвальными
эпитетами имя „нашего знаменитаго педагога“; слова „по
системѣ барона Корфа“ выражаютъ высшую степень по-
хвалы; „не согласно“, „вопреки“ или „несмотря на систе-
му барона Корфа“ — порицаніе; именованъ его кланутся, во
имя его проклинаятъ. Книжки барона Корфа, снабженныя па-

* Недѣля № 24, С.-Петербургскія Вѣдомости, Голосъ № 178, Русскій
Міръ № 174, 1874.

десятью учебнаго и военнаго вѣдомствъ, раскупаются десятками тысячъ экземпляровъ въ самые короткіе сроки.

Баронъ Корфъ внтузіастъ лучшаго устройства народной школы. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ толкуетъ очень красно и подробно о религіозно-нравственномъ воспитаніи, о всепорочномъ развитіи; заботится чтобы въ школахъ было тепло, свѣтло и просторно, чтобы онѣ были снабжены всевозможными пособіями придуманными новѣйшею педагогіей, чтобъ обращеніе было гуманное, обученіе по самымъ усовершенствованнымъ способамъ, чтобы ученики обогащались лучшими и практически - полезными свѣдѣніями. Все это превосходно; лучшаго казалось бы ничего и желать нельзя. Ужого же школы барона Корфа и его книжка для школъ: *Нашъ Другъ* никуда не годятся? Почему эта школа, по свѣдѣтельству лицъ компетентныхъ имѣвшихъ возможность на себѣ наблюдать ея результаты, надмеваетъ учащихса, пожелаетъ въ нихъ недовольство, заражаетъ лебейскимъ аристократизмомъ, вноситъ раздоръ въ семью? Вотъ что между прочимъ пишетъ благочинный протоіерей Покровскій о школахъ Александровскаго уѣзда Екатеринбургской губерніи устройствомъ барономъ Корфомъ: *

„Спора нѣтъ, эти школы хороши: въ нихъ по самымъ новѣйшимъ научнымъ методамъ учатъ читать, писать, считать; такъ же не вѣе эти школы, какъ показалъ опытъ, оказались мало пригодными къ жизни нашего друга простаго народа. Мы слышали что крестьянскіе мальчики обучавшіеся въ Корфовской школѣ, ковечю противъ желанія глубокоуважаемаго барона, смотрять съ высоты своего грамотнаго величія на своихъ неграмотныхъ братьевъ и сестеръ, видимо высказываютъ отвращеніе къ черной работѣ которою живетъ и довольствуется родная семья. Начинается семейная драма, глубокій семейный расколъ, гдѣ главную роль суждено играть гегерешней сельской школѣ: отецъ видитъ школу за то что она отгнала у него сына, долго ожидаемаго помощника въ трудовыхъ трудахъ; сынъ видитъ ту же школу за то что она научивъ его уму-разуму, читать, писать, считать, не толкуетъ его сразу на мѣсто волостнаго писаря, писаря на почтовой станціи или конторщика..“

Очевидно что объясненія этихъ печальныхъ явленій слѣдуетъ искать не въ тѣхъ, указанныхъ нами выше, улучшеніяхъ

* Екатеринбургскія Епархіальныя Вѣдомости № 15, августъ 1873.

какія баронъ Корфъ вноситъ въ народную школу, улучшенія одобряемыхъ педагогическою теоріей и провѣренными европейскою школьною практикой. Причиною могутъ быть тѣ особенности системы барона Корфа которыя придуманы имъ самимъ, и нигдѣ еще не были провѣрены практически.

Посмотримъ на эти особенности. Первая особенность новой школы барона Корфа есть энциклопедизмъ и утилитаризмъ.

Баронъ Корфъ питаетъ страстную любовь къ естественнымъ наукамъ. Чтò же? Страсть къ какой бы то ни было наукѣ, хотя бы и платоническая, всегда почтенна. Но онъ яростно негодуетъ на прусскіе регулятивы которыми „въ видахъ удаленія учительскихъ семинарій отъ непрактичныхъ умствованій и субъективнаго производства опытовъ неплодотворнаго для цѣлей простаго и здороваго образованія народа“ увеличена многопредметность программы въ которую должны входить: естествознаніе, физиологія, химія, метафизика, сравнительное языковѣдѣніе, педагогика, методика, дидактика, антропология, психологія и т. д. „Замѣчательно, — восклицаетъ по этому поводу баронъ Корфъ, — какъ находятъ возможнымъ не обращать при воспитаніи учителей ни малѣйшаго вниманія на требованія нашего времени и даже не позаботиться о томъ чтобы семинаристы (то-есть будущіе сельскіе учителя) научились распознавать и повиноваться этимъ требованіямъ.“* Онъ находитъ что регулятивы, создавшіе прусскую школу, „могутъ служить намъ не образцомъ достойнымъ подражанія, но лишь предостерегающимъ примѣромъ“. ** И приглашаетъ всѣхъ интересующихся дѣломъ быть признательными „за указаніе во всей полнотѣ на кругъ реальныхъ знаній необходимыхъ для сельскаго учителя“ Вятскому земству которое въ свою программу учительской семинаріи вводитъ между прочимъ сельское хозяйство, химію, физику, ботанику, физиологію, минералогію, технологию, практическую механику, математику, основныя понятія политической экономіи, новѣйшіе иностранные языки и т. д.*** Такая неслыханная программа должна же служить лишь дальнѣйшимъ развитіемъ программы народной школы, и за эту мурую мысль мы обязаны „особливо благодарностью“ Вятскому

* *Наше Школьное Дѣло*, барона Корфа, стр. 327.

** Тамъ же, стр. 355.

*** Тамъ же, стр. 233 и 234.

земству. * Во всѣхъ своихъ книжкахъ, патентованныхъ и непатентованныхъ, баронъ Корфъ ратуетъ за преподаваніе въ народныхъ школахъ естественныхъ наукъ, которымъ де „справедливо приписываютъ столь большое образовательное значеніе“. Но для того чтобы преподаваніе науки было полезно, необходимо чтобы учащіеся были достаточно подготовлены къ занятію ею и чтобы она преподавалась серьезно, не нарушая притомъ общей стройности программы, ибо въ ученіи важно не столько то чему учить, какъ тотъ невидимый центръ вокругъ котораго группируется и къ которому тяготеетъ все ученіе.

Посмотримъ же какъ устроено ученіе въ школѣ барона Корфа. „Знаменитый педагогъ“ настаиваетъ чтобы въ народной школѣ ученикамъ, „дабы приучать ихъ сознательно относиться ко всему окружающему“, сообщались свѣдѣнія изъ зоологіи, ботаники, минералогіи, физики, химіи и пр. подъ общимъ именемъ *мировѣдѣнія*, „такъ какъ народная школа не можетъ найти времени на преподаваніе каждаго изъ этихъ предметовъ особо“. Такое де ученье, и только оно, „можетъ улучшить хозяйство крестьянина, научить его извлечь наибольшій доходъ при наименьшей затратѣ труда и капитала“, разсѣять предрасудки въ родѣ того что земля на китѣ стоитъ (мы еще вернемся къ этому киту, который, скажемъ мимоходомъ, ничѣмъ не хуже всякаго другаго научнаго и ненаучнаго предрасудка), и наконецъ не враждебно религіи. Все это прекрасно. Одно только смущаетъ „знаменитаго педагога“: скромныя рамки программы. „Какъ преподавать *мировѣдѣніе* въ народной школѣ, спрашиваетъ онъ, въ виду того что положеніемъ о начальныхъ училищахъ этотъ предметъ не включенъ въ программу?“ Гдѣ нельзя идти прямо, тамъ нужно идти обходомъ, и на предложенный вопросъ тотчасъ же готовъ въ такомъ смыслѣ отвѣтъ: „Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ разрѣшаетъ обученіе *чтенію*, а Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія одобрено множество книгъ *для чтенія* (въ обоихъ случаяхъ курсивъ въ подлинникѣ) въ которыхъ учащійся можетъ почерпнуть знакомство съ Божіимъ міромъ. „Стоитъ лишь читать эти книги такимъ образомъ чтобы дѣти „повали и не забыли того что прочтутъ въ классѣ; стоитъ лишь умѣючи избирать статьи для чтенія, и *мировѣдѣніе*

* *Наше Школьное Дѣло*, бар. Корфа, стр. 284.

„будетъ пройдено безъ малѣйшаго нарушенія программы „установленной правительствомъ для начальныхъ народныхъ училищъ.“ * Нужно привыкнуть разумѣть масонскія тайны петербургской журналистики чтобы понять все значеніе этого аргумента. Впрочемъ, баронъ Корфъ самъ даетъ ключъ къ его уразумѣнію въ другой своей книгѣ, гдѣ рукоплещетъ искусству нѣкоторыхъ учителей въ Пруссіи сумѣвшихъ обойти законъ прямо воспрещающій безплодное многоученіе въ школахъ, такъ что законъ этотъ „во многихъ случаяхъ остался мертвою буквою“, потому „что не всегда удавалось найти такихъ исполнителей которые рѣшились бы осуществить основную мысль его“. ** Средство расширить программу народной школы до университетскаго факультета сѣдовѣтельно найдено, остается только выбрать „толковую книжку“ съ „дѣльными статейками“ которая согласно требованіямъ времени внесла бы новыя идеи въ сельскую школу, и тогда успѣхамъ разумѣнія откроется полный ходъ. Такою „толковою книжкой“ является сочиненная барономъ Корфомъ книга для чтенія въ школахъ и дома: *Нашъ Другъ*, снабженная штемпями двухъ вѣдомствъ и получившая въ самое короткое время небывалое у насъ распространеніе. ***

Изъ предисловія къ этой книжкѣ, въ которомъ дѣлаются ссылки на росписаніе учебныхъ занятій въ начальномъ народномъ училищѣ, приложенное къ другой патентованной книжкѣ того же автора (*Русская Начальная Школа*) и введенное въ Корфовскихъ школахъ, мы узнаемъ что въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ въ означенномъ росписаніи проставлено: *чтеніе русское, скоропись, диктовка, упражненіе Родн. Сл., списываніе съ книги, мировѣдѣніе и чтеніе про себя* слѣдуетъ разумѣть книжку барона Корфа *Нашъ Другъ*. Дѣлая указанная подстановки найдемъ что послѣ того какъ безграмотные ученики научатся своею читать, то-есть во второй и третій годъ ученія,

* *Русская Начальная Школа* барона Корфа, рекомендованная особымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія вѣдущимъ инспекторомъ и учителями народныхъ школъ, стр. 200.

** *Наше Школьное Дѣло*, барона Корфа, стр. 351, 353, 354.

*** *Нашъ Другъ* одобренъ для народныхъ училищъ особымъ отдѣломъ учебнаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія и рекомендованъ войсковымъ школамъ военно-учебнымъ комитетомъ генеральнаго штаба. Первое изданіе разошлось менѣе чѣмъ въ годъ въ количествѣ 40.000 экземпляровъ.

изъ 36 еженедѣльныхъ учебныхъ часовъ, въ теченіе 19 часовъ учителя должны быть заняты книжкою барона Корфа, остальные же 17 часовъ распределяются между закономъ Божиимъ, чистописаніемъ, черченіемъ плановъ, славянскимъ чтеніемъ, ариеметикой, умственнымъ счисленіемъ и дѣланіемъ ариеметическихъ задачъ. Кромѣ того, относительно третьяго года въ Предисловіи къ *Нашему Другу* прямо сказано что „книга эта могла бы быть единственною книгою для чтенія, и вся учебная зима могла бы быть посвящена усвоенію всего того чему предлагаемая книга желаетъ научить“. Что же это за чудная книжка которая такъ исключительно должна сосредоточить на себѣ вниманіе учащихся? Книга дѣйствительно чудная, которая не только не отстаетъ отъ *духа времени*, но опережаетъ его, не имѣя ничего себѣ подобнаго во всей европейской школьной литературѣ, въ чемъ скромно сознается и самъ авторъ. „Счастливы были бы мы, говорить онъ въ предисловіи, еслибы въ нашихъ школахъ обученіе продолжалось 9 лѣтъ, а не 3 года; въ виду же такого срока обученія мы поставлены въ необходимость при обученіи привать въ расчетъ *практическую* жизнь нѣсколько раньше чѣмъ то дѣлаютъ педагоги располагающіе болѣе продолжительнымъ учебнымъ періодомъ.“ Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь школа должна готовить къ жизни. Жизнь такъ длинна и разнообразна, а школьный періодъ такъ коротокъ. Нужно слышать, нужно форсировать заготовленіе того запаса который школьникъ повесетъ съ собою въ жизнь и котораго должно хватить ему до конца дней его. И вотъ, своеобразно появляе это приготовленіе къ жизни, исключительно съ точки зрѣнія *практической*, баронъ Корфъ въ своей книгѣ беретъ „сообщить *развивающимъ способамъ* овѣдѣнія *практически полезныя*“. Посмотримъ какъ это дѣлается.

Что встрѣтить прежде всего крестьянскаго мальчика въ жизни? Его будутъ кусать разные наѣдомыя, онъ будетъ подвергаться всякимъ болѣзнямъ, можетъ угорѣть или замерзнуть. Книга барона Корфа сообщитъ *развивающимъ способамъ практически полезныя снадобья* какъ истреблять вшей, клоповъ, блохъ, таракановъ, мышей, крысъ, какъ дѣлаться отъ угару, возвращать къ жизни замерзшаго, разъяснитъ что такое чесотка, научитъ приготовленію мыла, разкажетъ когда стирать лѣявки. Въ домѣ и на дворѣ будущій крестьянинъ будетъ имѣть дѣло съ разными домашними животными и птицами, съ домашнимъ хозяйствомъ. Та же книжка, тѣмъ же

развивающимъ способамъ, сообщить что „домъ вести не бородой трясти“ и передастъ *практически полезныя свѣдѣнія* какъ рыть помойную яму, топить печь, вставлять рамы, кормить куръ, гусей и утокъ, какой доходъ принесетъ каждая птица перомъ, жиромъ, мясомъ, яицами, приплодомъ, сколько съѣсть и какой отъ нея чистый барышъ, какъ живутъ и плодятся свиньи, сколько ѣдятъ, чистый доходъ, какъ разпознавать хорошую дойную корову, расходъ, доходъ, барышъ, какъ беречь жеребую кобылу, когда пускать въ работу, сколько съѣсть и пр., какъ и чѣмъ кормить собаку, сколько щенятъ оставлять у суки, сколько поросятъ у свиньи, какъ съ выгодой устроить самотолennyй заводъ, готовить свѣчи и пр. и пр. О полевоmъ хозяйствѣ опять тѣ же *развивающія и практическія свѣдѣнія*: какъ навозить землю, пахать, сѣять, что выгоднѣе, доходъ, расходъ, барышъ; какъ употреблять вредныхъ насѣкомыхъ и животныхъ, какъ они плодятся; такія же *практически полезныя свѣдѣнія* о льсахъ, о почвѣ, полотнахъ, виткахъ, пряжѣ, матеріяхъ, кожахъ, краскахъ, обуви, одеждѣ, посудѣ, лицѣ, валиткахъ и пр. и пр. Доходъ, расходъ, барышъ, выгода, польза, чистый доходъ—эти слова такъ и нестрять книгу и неизмѣнно сопровождаютъ каждое *развивающее и практически полезное свѣдѣніе*. „Курица приноситъ столько-то чистаго дохода — будемъ же помнить это и любить нашу курочку“; „корова и волъ чрезвычайно полезныя животныя; нужно помнить это для того чтобы полюбить свою скотину“; „какая миленькая перелетная лтичка ласточка, всѣ мы наслаждались ея пѣніемъ—а какая отъ нея можетъ быть польза?“ „Всѣ мы любимъ бабочками за то что онѣ очень красивы, но разумно ли не обдумать того насколько вредно или полезно красивое существо?“ „Всѣкій любитъ аиста, всакій радуется если аистъ на его домѣ вьетъ гнѣздо; а за что онъ стѣбитъ нашей дружбы?... оказывается что онъ пожираетъ полезныхъ животныхъ. Гдѣ же правда на свѣтѣ? За что люди такъ полюбили аиста?“ „За что мы должны любить ежа и крота? Какая отъ нихъ польза?“ и пр. и пр. все въ томъ же родѣ. Баронъ Корфъ постоянно совѣтуетъ не ограничиваясь вопросами книги предлагать и другіе, наводя учениковъ. Безъ сомнѣнія, проштудировавъ о любви ради пользы и выгоды и о барышахъ и чистомъ доходѣ ученики будутъ настолько *надежны* что и безъ помощи учителя сумѣютъ предложить себѣ вопросы въ родѣ слѣдующихъ: ка-

кую пользу приносятъ дряхлый старикъ, слабый ребенокъ, калѣка, больной? За что слѣдуетъ любить ихъ? Какой чистый барышъ могутъ принести мнѣ яблоки что растутъ за заборомъ сосѣда? и пр. Последній вопросъ впрочемъ предусмотрѣвъ въ книгѣ, ибо вѣроятно въ предотвращеніе его на стр. 142 помѣщена бесѣда о собственности, гдѣ такой способъ пользованія чужими дѣлами не одобряется, такъ какъ „можетъ лишить трудящагося человѣка всего его дохода“. Возвращаемся къ содержанію книги. „Въ составъ ея, свидѣтельствуеетъ авторъ, вошли цѣлый рядъ статей имѣющихъ значеніе не только по содержанію, но и по *формѣ*“. Вы думаете что это какія-нибудь образцовыя произведенія изящной словесности... Но развѣ вы забыли что авторъ посвящаетъ свою книгу *развивающимъ полезнымъ степѣнямъ*? Это: „*Денежная приходо-расходная книга крестьянина-собственника*; она де знакомитъ учащагося съ годовымъ приходомъ крестьянина, денежными потребностями его за весь годъ и съ размѣрами повинностей всякаго рода, и служить образцомъ для веденія денежной приходо-расходной книги.“* Изъ подобныхъ статей помѣщены въ книгѣ: условіе съ пастухомъ, счетъ портаго, долговая росписка, поручительство, аттестатъ, прошеніе мировому судѣ, довѣренность, нѣсколько писемъ, хозяйственная приходо-расходная книга и пр. Не упуская изъ виду цѣлей *развитія*, авторъ завѣряетъ что по его книгѣ никто не сдѣлается мыловаромъ, наборщикомъ, кузнецомъ, лахаремъ, садовникомъ, горшечникомъ, техникомъ и пр., хотя онъ и сообщаетъ *практически полезныя* свѣдѣнія по всемъ этимъ профессіямъ. Но можетъ-быть будущій крестьянинъ сдѣлается членомъ рабочей артели, будетъ занимать деньги, отправлять письма, покупать лѣкарства въ аптекѣ или водку въ шинкѣ. Ему сообщаются въ школѣ *развивающимъ способомъ* свѣдѣнія о осудномъ товариществѣ, артели, почтѣ, конвертѣ, маркахъ, письмахъ, аптекахъ, постановленія закона о торговлѣ водкой, между прочимъ *практически полезное* свѣдѣніе что за водку взятую въ долгъ содержатель литейнаго дома не имѣетъ права требовать денегъ. „Для того чтобы поступить на государственную службу, сообщаетъ *развивающая* книга, крестьянинъ окончивъ курсъ въ народной школѣ долженъ поступить въ гимназію оттуда въ университетъ.“** И вотъ говоря объ ослѣ, ученику кстати сообщаются

* *Нашъ Другъ*, Предисловіе стр. XII.

** *Нашъ Другъ*. Стр. 275.

свѣдѣнія о гимназіяхъ и университетахъ: „Крестьянинъ поступающій въ гимназію долженъ взять увольнительное свидѣтельство отъ своего общества; потому что на немъ лежать извѣстныя повинности, а по поступленіи его въ гимназію общество или его родные будутъ платить за него повинности. При поступленіи въ гимназію требуются метрическое свидѣтельство и свидѣтельство о привитіи ослы. Въ гимназію принимаютъ по экзамену и по окончаніи курса въ гимназіи учащіеся поступаютъ въ университетъ. Если усердно заниматься въ университетѣ, то можно получить стипендію, то-есть начальство университета изъ денегъ пожертвованныхъ разными лицами будетъ выдавать ежемѣсячно рублей 15 и больше на прожить.“* „Но для того чтобъ имѣть кусокъ хлѣба, разглагольствуетъ *развисяющая* книга для чтенія, вѣтъ надобности крестьянину идти въ чиновники, то-есть поступать на государственную службу. Крестьянинъ можетъ быть, не выходя изъ своего сословія, гласнымъ земскаго собранія, членомъ и председателемъ земской управы, членомъ училищнаго совѣта, полечителемъ школы, членомъ и председателемъ приходскаго полечительства, присяжнымъ засѣдателемъ, мировымъ судьей если его изберутъ единогласно, народнымъ учителемъ, старшиною, членомъ волостнаго суда.“** Сообразно этому конечно сообщаются *практически полезныя* свѣдѣнія юридическія, административныя, педагогическія и пр. и пр. Но всего не перечтешь. Сто двадцать оригинальныхъ статей для чтенія, вычисляетъ авторъ, двадцать восемь умственныхъ упражненій повторенныхъ три раза; сто пятьдесятъ перечисленій предметовъ; двѣсти сорокъ задачъ для письменныхъ упражненій; сорокъ учительскихъ бесѣдъ и т. д. И все-то это *разсиваетъ*, и все также *практически полезно* какъ и приведенное нами.

Но да не подумаютъ что ради практически полезныхъ свѣдѣній авторъ забылъ о наукѣ. Ни мало. Книга его—цѣлый лексиконъ научныхъ терминовъ изъ зоологіи, физики, минералогіи, логики, физиологіи, политической экономіи, технологіи, сельскаго хозяйства и пр. Кости, жиръ, позвонки, увеличительныя стекла, цѣль, причина, слѣдствіе, мозгъ, желудочный сокъ, руды, атмосфера, планеты, ластовогія,

* Стр. 214.

** Стр. 275.

позвоночныя, пленцовыя, выводковыя, проницаемость, вѣроятное и возможное, микроскопъ, прозрачность, кшпки, виды почвы, проводники тепла, соли, минералы, воздушныя пары, температура, раздѣленіе труда и еще сотни и сотни названій и свѣдѣній, перечислить которыя значить почти то же что перелечатать чуть не всю книгу „знаменитаго педагога“. Поистинѣ, прочитавъ и заломивъ все чему книга хочет научить,

The child for its porridge that cries
Must cry in the language of science! *

Но что это за научныя свѣдѣнія? Это или по большей части голая номенклатура, или свѣдѣнія противорѣчающія тѣмъ что известны въ наукѣ, или замѣна однихъ предразсудковъ другими, или наконецъ такія удивительныя вещи что и названія имъ не придумаешь. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Вотъ какъ въ статьѣ подъ заглавіемъ *Китъ* разказывается о земномъ шарѣ: **

„У насъ въ народѣ говорятъ что земля на китѣ стоитъ. Мы-то ужъ знаемъ что земля наша шаръ, и что вездѣ на землѣ есть воздухъ; поэтому намъ не трудно догадаться что земной шаръ держится въ воздухѣ. Солнце стоитъ, а земной шаръ вращается.... Такъ земля-то на китѣ стоитъ! Забавно! А китъ-то самъ на чемъ стоитъ? Объ этомъ не спрашивали себя тѣ умники которые увѣряють что китъ на себѣ держитъ земяю. Странно, однако, тѣ же умники говорятъ что китъ—рыба; вѣдь рыба-то надо плавать въ водѣ, а вода-то должна быть на землѣ. Вотъ и вышло что не китъ земяю держитъ, а земля кита.“

Спрашивается, чѣмъ это *практически полезно* свѣдѣніе будто земля держится на воздухѣ лучше *предразсудка* что она держится на китѣ? Одно изъ двухъ—или и то и другое одинаково научно и достоверно, или же и увѣренія барона Корфа такой же предразсудокъ, который также легко опровергнуть точно такими же аргументами, пользуясь хотя бы *разсужденіями* свѣдѣніями ообщенными книжкой „знаменитаго педагога“. Попробуемъ провести параллель:

Въ книжкѣ барона Корфа говорится что земля держится въ воздухѣ. Мы-то ужъ знаемъ что земля тяжелѣе воздуха; поэтому намъ не трудно догадаться что увѣреніе книжки есть вздоръ. Солнце стоитъ, а земной шаръ вращается.... Такъ

* Ребенокъ что реветъ о своей кашѣ, долженъ реветъ на языкѣ науки.

** Стр. 238.

земля-то на воздухѣ держится! Забавно! А воздухъ-то самъ на чемъ держится? Объ этомъ не спрашивали себя тѣ умники которые увѣряютъ что воздухъ на себѣ держитъ землю. Странно однако: тѣ же умники говорятъ что воздухъ легче земли и потому поднимается вверхъ; вѣдь онъ такъ бы и улетѣлъ отъ земли еслибъ она его къ себѣ не притягивала. Вотъ и вышло что не воздухъ держитъ землю, а земля воздухъ.

На стр. 77 находимъ научное приложение какъ сохранять молоко. „Налить его въ бутылку и закупорить, потомъ вскипятить эту бутылку въ водѣ и жаромъ выгнать изъ бутылки воздухъ.“ Но куда же его выгнать когда бутылка закупорена? Выходя онъ разорветъ бутылку и молоко не сохранится.

На стр. 156 сообщается научный фактъ что когда человѣкъ спитъ, то кровь приливаетъ къ головному мозгу. На самомъ же дѣлѣ, это происходитъ какъ разъ наоборотъ. *

А что сказать о слѣдующихъ научныхъ данныхъ о душѣ? Подъ статью *Человѣкъ* читаемъ:

„Въ каждомъ человѣкѣ есть душа и тѣло. Тѣло наше состоитъ изъ твердыхъ и мягкихъ частей; если снять кожу, жиръ и мясо, то останется скелетъ изъ костей къ которому были прикрѣплены святая мягкія части. Во всѣхъ костяхъ есть жиръ, а въ спинномъ хребтѣ и подъ костью черепа находится мозгъ. Отъ мозга спиннаго и головного расходятся по всему тѣлу бѣлыя нити, *нервы*. Въ глазѣ человѣка отражаются всѣ предметы находящіеся предъ нимъ; но не все то мы видимъ что отражается въ глазѣ; часто случается что мы не замѣчаемъ того что предъ глазами. Мы видимъ глазомъ только то что передается глазнымъ нервомъ отъ глаза головному мозгу. Если перерѣзать бѣлую нить соединяющую глазъ съ головнымъ мозгомъ, т.-е. глазной нервъ, то глазъ останется цѣлъ, а видѣтъ онъ не будетъ. Для того чтобы поднять руку, намъ нужно заставить дѣйствовать тотъ нервъ движенія который ею управляетъ. Если человѣкъ боленъ, то онъ чувствуетъ тоску и не можетъ сообразить трудной задачи. Такъ болѣзненное состояніе тѣла отражается на душевномъ настроеніи человѣка. Если человѣкъ убитъ горемъ и тоска давить его душу, то онъ чувствуетъ такую слабость въ тѣлѣ что не можетъ работать; отъ душевнаго потрясенія человѣкъ чувствуетъ такую усталость въ тѣлѣ будто бы онъ изнурилъ свое тѣло тяжелою работой. Такъ душа вліяетъ на тѣло. Только во вполнѣ здоровомъ тѣлѣ могутъ правильно совершаться душевныя отправленія. Только бодрое состояніе души позволяетъ тѣлу быть крѣпкимъ и здоровымъ. Вотъ почему человѣкъ долженъ заботиться о томъ чтобы душа его была

* Claude Bernard, *Des fonctions du cerveau*.

спокойна и чтобы тѣло его было здорово..... У новорожденнаго уже есть всѣ части тѣла кромѣ зубовъ; кромѣ тѣла въ немъ уже есть и душа. Но тѣло младенца еще слабо, кости его мягки, онъ плохо видитъ, плохо слышитъ и вообще всѣ чувства его еще не развиты. Мыслить и чувствуетъ младенецъ не такъ какъ взрослый..... Душа человѣка, какъ созданная по образу и подобию Божію, бессмертна.“

И вслѣдъ за этою статьей и прежде нея по всей книгѣ разбросаны вопросы: назовите *душевные* качества свиньи, коровы, собаки, бобра, волка, лисицы, лягушки и пр. и пр. На стр. 132 значитъ: „У щуки также есть мозгъ въ позвоночномъ столбѣ и въ полости черепа, въ головѣ. Безъ мозга въ головѣ щука не могла бы *сообразить* того какъ ей ловчѣе схватить свою добычу.“ Помимо нецѣлостности этого утвержденія,—по поводу котораго любознательный ученикъ можетъ спросить почему же плотва, у которой также есть мозгъ въ головѣ, не можетъ *сообразить* какъ ей поймать щуку, а мышь кошку? и если ему отвѣтятъ что первыя животныя слабѣ вторыхъ, то у него явится новый вопросъ: какъ же человѣкъ, который слабѣ медвѣдя, слона, кита, можетъ *сообразить* какъ поймать ихъ?—помимо этого, по поводу щуки для насъ какъ будто начинается разъясненіе понятія о душѣ. Но баронъ Корфъ ставитъ насъ въ новое недоумѣніе: на стр. 212 значитъ „у ливки нѣтъ ни головного, ни спиннаго мозга, ни сердца; пищеводъ у нея есть“; а на стр. 213 опять тотъ же неотвязный вопросъ: „назови *душевные* качества ливки“.

Не довольно ли этихъ научныхъ примѣровъ? Остается сказать что книга имѣющая, по увѣренію автора, задачей „не теряя изъ виду воспитательныхъ цѣлей и общаго развитія учащихся въ то же время сообщать имъ развивающимъ способомъ свѣдѣнія практически-полезныя“ не имѣетъ ни порядка, ни системы, ни связи, что всѣ развивающія, ложно-научныя и сомнительно полезныя свѣдѣнія насыпаны въ ней какъ камѣ въ мѣшкѣ старьевщика. * Раскрываемъ книгу на удачу. Стр. 222. Бесѣда относящаяся къ статьѣ *Муравей*. Вотъ что находимъ въ первомъ параграфѣ этой страници:

„На что нужна растенію почва и на что воздухъ? Какъ согревають землю для растенія? Для чего въ парникахъ необ-

* Желающимъ подробнѣе ознакомиться съ педагогическимъ значеніемъ книги барона Корфа можемъ рекомендовать статью г. Миропольскаго въ 1й книжкѣ *Журнала Министрства Народнаго Просвѣщенія* за 1872 годъ.

ходимо стекло? Чѣмъ памятны для крестьянъ 1591 годъ и 1861? Что такое издѣльная повинность? Какаа разница между издѣльною повинностью теперь существующею и прежде бывшею? Что называютъ долиной и что равниной? Что такое огнедышащая гора? Какъ добываютъ уголь? Какъ добываютъ деготь? Давно ли люди умѣютъ готовить порохъ и изъ чего его дѣлаютъ? Какъ ходить лѣвка? Къ какимъ животнымъ принадлежатъ воробей, къ высшимъ или низшимъ? Повторить мѣры, страны свѣта, мѣсяцы. Докажите что ничто не можетъ горѣть безъ воздуха и т. д.“

Раскроемъ въ другомъ мѣстѣ: стр. 230; бесѣда къ статьямъ *Сова* и *Кукушка*:

„Назовите растеніе въ которомъ гораздо больше воды чѣмъ твердыхъ частей. Докажите что не всѣ растенія равно питательны. Докажите что нечистота содѣйствуетъ къ появленію насѣкомыхъ. Какъ лѣчить угорѣвшаго, обмороженнаго, укушеннаго ядовитою змѣей, укушеннаго бѣшеною собакой, большаго чесоткой? Кто обязанъ наблюдать за тѣмъ чтобы въ уѣздѣ не оставалось дѣтей безъ привитія оспы? Въ чемъ состоятъ другія обязанности земской управы? Какую помощь можетъ оказать земство при открытіи осуднаго товарищества въ селѣ? Какой бываетъ прилекъ при печеніи хлѣба изъ ржаной муки и какой при печеніи хлѣба изъ пшеничной муки? Какой лухъ сбивается въ комки въ подушкахъ? Какъ спасать собаку отъ блохъ, а гусей отъ мухъ и комаровъ? Сколько времени нужно на откормъ овцы, свиньи, гуся? Какого вѣса достигаетъ хорошо откормленная свинья? Везетъ ли наша лошадь столько сколько ова могла бы везть еслибъ мы ее лучше содержали? Несетъ ли наша курица столько яицъ сколько могла бы вестъ?“

Раскройте книгу гдѣ угодно, просмотрите ее отъ доски до доски—вездѣ одинъ и тотъ же безпорядокъ, тотъ же хламъ старьевщика, тотъ же грубѣйшій утилитаризмъ, да мѣстами разбросаны обличенія тономъ петербургскаго фельетониста какихъ-то „Насъ“, которые выставляются образцомъ глупости, неряшества, легкомыслія, и прелодаютъ что „въ настоящее время школьникъ является проводникомъ новаго начала въ собственной семьѣ, учителемъ и проповѣдникомъ, котораго слушаютъ старшіе вмѣсто того чтобы поучать его“. И на этомъ-то хламѣ сосредоточено главнымъ образомъ ученье „новыхъ“ школъ барона Корфа, и начинать этимъ хламомъ учащихся поручается *неподготовленному* учителю „который самъ никогда не учившійся грамматикѣ“ долженъ „развивать“ своихъ питомцевъ.

Есть сотни методовъ какъ учить тому что мы знаемъ, говорить вѣмецкій педагогъ Келльмеръ, но нѣтъ ни одного который научилъ бы учить вполнѣ и вѣрно тому что мы знаемъ вполнѣ (Es gibt hundert Methoden das zu lehren was man weiss, aber keine einzige das ganz und voll zu lehren was man nur halb weiss). Баронъ Корфъ разрѣшилъ неразрѣшимое, онъ открылъ способъ учить тому чего самъ не знаетъ. Не даромъ онъ пользуется славой „нашего знаменитаго педагога“. Это открытіе составляетъ вторую отличительную особенность школъ барона Корфа. „Весьма важный для практики вопросъ какъ преподавать *мировѣдѣніе* при неподготовленныхъ учителяхъ“ разрѣшается, по словамъ барона Корфа, очень просто: „тотъ изъ преподавателей который самъ не въ силахъ понять *дѣтской* классной книги знакомящей ученика съ природою и различными явленіями ея—не можетъ оставаться учителемъ; отъ преподавателя же требуется только чтобы ученики поняли книгу для чтенія и не забыли того чему она ихъ научила“. * Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ еще опредѣлительнѣе. „Каждый неподготовленный учитель сумѣетъ, *года глазами по известной статьѣ для чтенія*, предложить такъ-называемые повторительные вопросы“. **

Мы познакомились съ содержаніемъ и направленіемъ ученія „новой“ школы, познакомимся теперь и съ проповѣдникомъ этого ученія, *неподготовленнымъ учителемъ развивающимъ учениковъ*. Предъ нами два образца подобныхъ мудрецовъ. Вотъ что писали на Рязанскихъ лѣтнихъ учительскихъ курсахъ въ августѣ текущаго года народные учителя удостоившіеся на прежнихъ курсахъ отличныхъ аттестацій: „*Перейдя мушкетъ и нашедъ множество, настольныхъ, показываемая дѣти, всмотрѣвшись и объяснивъ, происхожденіе, пользу или вредъ и части, какъ то учитъ знаменитый Песталоццїи и Урстъ...*“ Другой педагогъ писалъ: „*Нѣкоторый господинъ, нашедши дорогу, проходилъ въ городъ по нѣскольку часовъ версту. Стало быть, спрашивается: сколько онъ пройдетъ до города, если въ часъ онъ проходилъ 10 верстъ, а до города было три дня разстоянія отъ того мѣста, отъ котораго идетъ нѣкоторый господинъ.*“ ***

Комментаріевъ здѣсь, полагаемъ, не нужно. Припомнимъ лишь

* Русская Начальная Школа, стр. 200.

** Нашъ Другъ, Предисловіе, стр. XXI.

*** Бегуевица Вѣдомости 1874, № 229.

для полноты характеристики что этихъ незаконныхъ сыновъ: *Песталоццїя* и *Урста*, которые и такъ въ своемъ невѣжествѣ склонны видѣть величайшую мудрость во всемъ томъ вздорѣ, которому они призваны обучать сами не понимая его, еще надмеваются разными предисловія и рекомендованныя книжки валыщенъ во толкуюція о великости ихъ миссіи, старающіася изъ народныхъ учителей подвѣять ихъ на степень *учителей народа*; что ихъ специально фабрикують для этой миссіи въ четырнадцать дней при ликованіи цѣлаго города, который стекается смотрѣть на эту фабрикацію, при трубномъ гласѣ газетъ столичныхъ и мѣстныхъ; что при этомъ произносятся пышныя рѣчи, проливаются слезы умиленія...

Но вотъ фабрикація окончена, и скороспѣлый мудрецъ,

Who looks like an ass
By trying to talk like a scholar,

вступая въ отправленіе своей миссіи. Онъ повелѣтельный хозяинъ въ своемъ дѣлѣ; онъ руководитъ всѣмъ и всѣми. Совершаетъ со школьниками научныя экскурсіи, „перейдя лужокъ и пр. какъ учить знаменитый *Песталоццїй* и *Урстъ*“; свисходительно допускаетъ законоучителя-священника по столько-то разъ въ годъ войти въ школу, но зорко присматриваетъ за его отношеніями къ дѣламъ, руководитъ его даже въ церковно-приходскихъ дѣлахъ, и подчасъ строчитъ на него ласкательную корреспонденцію въ петербургскую газетку.* Будучи самъ бессознательнымъ невѣждой, онъ, *вода глазами по статье*, то-есть глядя въ книгу какъ лѣтухъ въ *бене-Адама*, по остроумному выраженію Евреевъ, развиваетъ учениковъ ведя ихъ къ сознательному взгляду на міръ (мы не рѣшаемся произносить хулы повторяя что это міръ Божій), міръ измышленный барономъ Корфомъ, тотъ міръ гдѣ нѣтъ ни порядка, ни единства, ни гармоніи, а царитъ дикій хаосъ и непримиримая вражда, гдѣ всѣ существа дѣлятся на полезныя и вредныя друзья и враговъ, послѣдніе такъ многочисленны—они на землѣ, и въ землѣ, и въ водѣ и въ воздухѣ, и падаются безъ мѣры—противъ нихъ безплощадное истребленіе; гдѣ нѣтъ правды, гдѣ и добро и зло относительны и „чѣмъ злѣе то живое которое истребляетъ враговъ нашихъ, тѣмъ оно больше дѣлаетъ намъ пользы“ (стр. 226); гдѣ нѣтъ ни красоты ни

* *Неделя* 1874, № 24.

слабости, ни безкорыстной любви, ни дружбы, гдѣ есть только работа, польза, выгода, чистый барышъ, гдѣ и любовь ради пользы и дружба изъ разчета; гдѣ вѣтъ кроткихъ улыбающихся родственныхъ лицъ, а есть осмѣянные и поруганные „Мы“ съ ихъ „старыми баснями“, и эти „Мы“—семья крестьянскаго мальчишка; гдѣ вѣтъ ни долга, ни чести, а есть „добычнiе куски хлѣба“, ради коего можно быть и присяжнымъ заседателемъ (?) и приходскимъ попечителемъ (?); словомъ, гдѣ грубая матерiя все, а на томъ мѣстѣ какое долженъ занимать идеальный мiръ возстаютъ изъ области тѣней, изъ-подъ праха и тепла незаламятой старины, мрачные призраки Ариана, Ваана и Молоха, во образѣ будто бы *новыхъ идей* непримиримой вражды между вреднымъ и полезнымъ, личной выгоды и неумолимаго употребленiя ради борьбы за существованiе...

Побудитесь на этотъ безобразный, отвратительный шабашъ идей и воскликните вмѣстѣ съ барономъ Корфомъ: „какую сму воспитаетъ этотъ учитель для своей родины надѣлавъ ее такими гражданами!“ * Но что значитъ это восклицанiе „нашего знаменитаго педагога“: *sancta simplicitas* или грубая насмѣшка?... Да, правы, тысячу разъ правы тѣ добрые пастыри которые предостерегаютъ темный сельскiй людъ отъ такой жеучености. Правы тѣ крестьяне которыхъ простой здравый смыслъ побуждаетъ сторовиться отъ новыхъ идей „новыхъ“ школъ. Правы тѣ раскольники которые чтенiе божественнаго по старинѣ ставятъ выше всякихъ самовольныхъ жемудрованiй. Вотъ что на примѣръ читаемъ въ *Сараевскомъ Справочномъ Листкѣ*: **

„... Малѣйшее посягновенiе *современнаго* учителя на вѣкоторое развитiе ихъ (крестьянскихъ) дѣтей путемъ чтенiя популярныхъ школьныхъ пособiй вызываетъ въ средѣ сельскаго населенiя ролоть и неудовольствiя на учителя какъ на завидующагося не дѣломъ а пустяками, побасенками не стоящими занятiя. Особенно ярко въ этомъ смыслѣ расуется положенiе учителей въ раскольническихъ селахъ. Такъ-называемыя „дичетчицы“ въ этихъ селахъ ведутъ самую рьяную конкуренцiю съ учителями школъ. Почти каждый школьникъ, только-что выучившiйся кое-какъ читать и писать, непременно, разумеется по волѣ родителей, слѣдуетъ оставить школу и переходить къ какой-нибудь дичетчицѣ для „внѣшаго“ усовершенствованiя.“

* *Русская Начальная Школа*, стр. 199.

** *Сар. Спр. Лист.* 1874, № 122.

Подобныхъ свидѣтельствъ можно встрѣтить не мало и въ другихъ губернскихъ газетахъ. О такихъ же фактахъ неоднократно свидѣлствуетъ и самъ баронъ Корфъ въ своихъ книжкахъ. Но возвратимся къ школьной системѣ „нашего знаменитаго педагога“.

Баронъ Корфъ желалъ бы преподавать въ начальной народной школѣ нѣсколько действительныхъ обширныхъ наукъ. Но такъ какъ преподавать вслѣдъ за черченіемъ палочекъ и изученіемъ азовъ лять, шесть настоящихъ наукъ составляющихъ принадлежность университетскаго курса невозможно, то онъ замѣняетъ ихъ одною не существующею, собравъ и надергавъ въ нее отовсюду кучи мудреныхъ словъ изъ помешкатуры, да кое-какія отрывочныя и покажевыя свѣдѣнія. Оказывается что дабы познакомить и съ этимъ хламомъ учащихся въ начальной школѣ, необходимо сосредоточить въ немъ все ученіе, отдать ему большую часть времени, отавъ его у того малаго но действительнаго ученія какое можетъ дать элементарная школа, лишивъ ее возможности имѣть большее воспитательное значеніе и получивъ въ результатъ грубѣйшую фальшь.

„Вы видите предъ собою крестьянскаго мальчика, восклицаетъ баронъ Корфъ,—нечесаннаго и неумытаго, въ грязномъ тулупчикѣ, и вамъ такъ и кажется что вы видите предъ собою будущаго лахара, ластуха, лютника и т. л. Но кто далъ вамъ право смотрѣть на него такими глазами?.. Вы должны видѣть въ немъ *человѣка*, и не имѣете права лишать его тѣхъ свѣдѣній которыя необходимы въ жизни всякому человѣку.“*

Но развѣ *человѣкъ* есть складочное мѣсто всякихъ свѣдѣній, всякаго хлама, какъ мѣшокъ старьевщика? Кто далъ вамъ право смотрѣть на человѣка—крестьянскаго мальчика, который въ добавокъ, по вашимъ словамъ, „мыслить и чувствуетъ не такъ какъ взрослый“, кто далъ вамъ право смотрѣть на него какъ на бездонную бочку въ которую, открывъ въ ней лять клапановъ, лять вѣшницъ чувствъ, вы можете накачивать все что сами знаете и чего не знаете?... Вы должны видѣть въ немъ *душу эфирну*, ту душу что отличаетъ его отъ лявки, лягушки, свиньи и вола и, вѣрнимъ мы, будетъ жить и тогда какъ вы свинете съ человѣка кожу, жиръ и мясо и истребите самый скелетъ; вы не имѣете права лишать эту

* Русская Начальная Школа, стр. 199.

душу того свѣта полной истины которая необходима каждому человеку.

Вы чтите авторитетъ Песталоцци—вспомните же что говорить этотъ педагогъ: „Наши педсихологическія школы въ сущности не что иное какъ искусственныя машины которыми подаваются всѣ слѣды опыта влагаемые въ дѣтей природою... Сущность ученія приносится въ жертву лутаницѣ отдѣльных, изолированныхъ наукъ; выставляются на столъ всякія блюда изъ крохъ истины, но умерщвляется духъ самои истины, гасится въ человекѣ и сила самостоятельности покоящаяся на истинѣ.“ Ужели нужно еще и еще разъ повторять что тотъ кто учился мало да хорошо—знаетъ что-нибудь, тогда какъ учившійся много и дурно—ничего не знаетъ? Что отягощеніе памяти не есть развитіе? Что тотъ кто умѣетъ только сознательно читать и писать, кто знаетъ грамматику, можетъ пойти далеко, при благоприятныхъ обстоятельствахъ сдѣлаться вторымъ Ломоносовымъ, а тотъ кто достигавъ „своей безграмотности“ вачивевъ всевозможными свѣдѣніями и можетъ празднословить о *Песталоцци* и *Урстѣ*, что такой субъектъ навѣки останется надутымъ невѣждой? Ужели нужно еще повторять все это?...

„Нашъ знаменитый педагогъ“ толкуетъ объ индукціи, но прислушайтесь къ тому что говорить отецъ индуктивнаго метода, Баконъ: „Продолжительное и намѣренное пребываніе въ области опыта и матеріи какъ бы приковываетъ духъ къ землѣ, повергаетъ его въ адъ замѣшательства и залутанности и отклоняетъ его отъ свѣта и покоя чистой мудрости, богоподобнаго состоянія.“

То что высказано этими словами мыслителя присуще и простому здравому смыслу массы. Если мы говоримъ что школа смягчаетъ нравы, отвлекаетъ отъ пьянства и другихъ грубыхъ чувственныхъ наслажденій, что она упорядочиваетъ отношенія къ семьѣ и себѣ подобнымъ, дѣлаетъ человека человекомъ—что мы разумѣемъ подъ этимъ? Сообщение научныхъ фактовъ и *практически полезныя* свѣдѣній? Но пусть школа научитъ ученика ученымъ образомъ ловить блохъ, избивать другихъ вредныхъ насекомыхъ и животныхъ, пусть она затвердитъ всю номенклатуру естественныхъ наукъ и знаетъ что „картофель ископаемое, а человекъ растение“, **

* Весо, *De dignitate et augmentis scientiarum*, lib. I.

** Докладъ г. Карпова о школахъ Одесскаго уѣзда.

развѣ это сдѣлаетъ его человѣчае? Развѣ усвоеніе невысокаго порядка идеи о личной пользѣ и выгодѣ, идеи руководящей дѣйствіями ростовщика, офени и Цыгана-барышника, да зубоскальное обличеніе старыхъ людей съ ихъ „старыми баснями“ уаучшаетъ отношенія человѣка къ самимъ и ближнимъ? Или же познаніе свойствъ крахмала и фермента, да бездушное увѣреніе что Иванъ Пѣтуковъ не ходилъ въ шивокъ и осмысленіе поговорки „кто празднику радъ тотъ до свѣту пьянъ“ отвращаетъ отъ кабака? Или, наконецъ, разсмотрѣніе функцій мозга человѣка и цуки и познаніе душевныхъ качествъ свиньи и ливки смягчаетъ ту глину изъ которой создано бѣдное человѣчество подавляемое страстями?—Нѣтъ! нѣтъ! и тысячу разъ нѣтъ!

Вы хотите открыть истину, и открывая только часть ея говорите ложь, ибо часть не равна цѣлому. Малый міръ—человѣкъ—есть прекраснѣйшее существо, но нельзя сказать того же о его трулѣ подвергающемся разложенію. Вы хотите открыть глаза ребенка для сознательнаго разумнѣя великаго міра Божія, и представляете безобразную картину съ которою мы познакомились выше. Многое изъ того что вы сообщаете соответствуетъ дѣйствительности, но вы сказали только часть истины, и потому сказали ложь. *Истинная дѣйствительность* не такова. Вы отняли у міра его духъ—и остался одинъ трулѣ, смердящій и разлагающійся. Вы оставили въ сторонѣ существеннѣйшую часть міра, которая сама составляетъ цѣлый міръ, міръ идеальный, гдѣ царитъ вѣчная правда, красота и гармонія, гдѣ все проникнуто любовью и всепрощеніемъ, гдѣ не о хлѣбѣ единомъ живетъ человѣкъ, гдѣ идея личной пользы и выгоды перевѣшивается идеями самоотреченія, великодушія, милосердія, служенія ближнимъ, гдѣ вырабатывается сознаніе долга, самоотверженіе, гдѣ возвышеніе духа умѣряетъ страсти, даетъ господство надъ матеріей и вызываетъ отрешеніе къ истинѣ. Въ этомъ мірѣ, и только въ немъ одномъ, побѣждаютъ грубость и предрасудки, изъ него выходятъ великія произведенія человѣческаго генія и научныя знанія и гражданскія доблести. Сознаніе этого міра отсутствуетъ во вседневной жизни темныхъ массъ. Въ него должна вводить школа гдѣ ученье есть свѣтъ,—такую школу и разумѣютъ обыкновенно говоря о цивилизующемъ значеніи школы, — въ немъ долженъ человѣкъ готовиться къ жизни собирая занасы сокровищъ неветшающихъ которыхъ ни червь ни ржавчина не

стребляютъ и которыхъ должно хватить ему на всю жизнь. Въ эту существеннѣйшую часть міра, въ міръ идеальный, долженъ быть перенесенъ центръ воспитанія. Пребываніе въ этомъ мірѣ даетъ душѣ человѣка крылья которыя жаждутъ свѣта и простора и возносятся ея отъ земли къ небу...

Мы видѣли что ученіе „новой“ школы не вводитъ въ этотъ міръ, даже не приближаетъ къ нему. Посмотримъ оставляетъ ли оно по крайней мѣрѣ открытыми тѣ пути что ведутъ къ нему. Главнѣйшій, самый прямой и надежный изъ такихъ путей есть религія, затѣмъ той же цѣли могутъ служить и всѣ другія знанія, если это дѣйствительно знанія, а не фальшивыя подобія ихъ, односторонне направленныя. Но мы видѣли уже что въ Корфовской школѣ они имѣютъ другой центръ, область матеріи; посмотримъ же какое мѣсто даетъ эта школа религіи, своеобразное отношеніе къ преподаванію коей составляетъ третью отличительную особенность школы „нашего знаменитаго педагога“.

Въ своей книгѣ *Русская Начальная Школа*, долженствующей служить „руководствомъ для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ“, баронъ Корфъ часто и много, мѣстами краснорѣчиво и увлекательно, толкуетъ о важности религіозно-нравственнаго воспитанія. Скажемъ кстати что какъ въ этой, такъ и въ другихъ книжкахъ того же автора можно найти много прекрасныхъ и благихъ мыслей, хотя иногда понятія приводятся имъ въ механическую связь между собою, да дѣлаются выводы не соответствующіе даннымъ заключающимся въ послыжкахъ. Тѣмъ не менѣе мы можемъ повторить что считаемъ автора человѣкомъ искренно увлеченнымъ, энтузіастомъ школьнаго дѣла. Смысломъ удѣрить его почитателей и преклоняющихся предъ авторитетомъ „нашего знаменитаго педагога“ что мы не безъ удовольствія читали его книжки и статьи, не разъ дивились его остроумію и находчивости, отдаемъ должное горячности его рѣчи, и уливаясь маниловщиной которою преисполнены его творенія, отъ души убѣждались что у барона Корфа превосходное сердце и самыя лучшія намѣренія. Но достаточно ли одного сердца и благихъ намѣреній чтобы стать полезнымъ дѣятелемъ? Къ сожалѣнію нѣтъ. Необходимо еще придумать и употребить цѣлесообразныя средства чтобы привести эти намѣренія въ исполненіе. Кто изъ насъ не имѣетъ прекрасныхъ намѣреній? Кто не высказываетъ ихъ? Но всѣ

ли мы дѣтели, да еще полезныя? И медвѣдь въ баснѣ и та почитательница Гусса что подкладывала дровъ подъ его костеръ, и тѣ фантазеры что готовы повернуть миръ кверху дномъ, имѣли и имѣютъ добрѣйшія намѣренія, а мы не преклоняемся предъ ними, мы осуждаемъ ихъ. Почему? Потому что у нихъ не въ добромъ порядкѣ тотъ инструментъ который помогаетъ перешагнуть разстояніе отдѣляющее намѣреніе отъ исполненія; они не могутъ ни придумать, ни употребить тѣ средства которыми благое намѣреніе превращается во благой фактъ. Подѣламъ ихъ познаете ихъ. Для насъ не имѣетъ никакого значенія то что думаетъ или говоритъ „нашъ знаменитый педагогъ“; важно то что онъ дѣлаетъ и совѣтуетъ дѣлать.

Возвращаемся къ нашему предмету. Въ теоріи, баронъ Корфъ придаетъ важное значеніе обученію религіи въ школахъ. Онъ болѣе о грустномъ положеніи въ какомъ было до сихъ поръ преподаваніе въ народной школѣ закона Божія, этого „самаго существеннаго предмета начальнаго обученія, который воспитывая ребенка и обогащая его *самыми разносторонними историческими, этнографическими и географическими содѣлнями*, въ то же время служитъ самымъ прочнымъ звеномъ между школою и сельскимъ населеніемъ.“* Онъ желалъ бы чтобы „слово Божіе проникло въ юныя сердца“, ** чтобы посредствомъ преподаванія его поселялись въ дѣтахъ правила доброй нравственности, чтобы учитель велъ съ учениками нравственно-религіозныя бесѣды.*** Такова теорія. Перейдемъ къ практикѣ. Изъ описанія учебныхъ занятій на которое мы уже имѣли случай сослаться видно что въ сельской школѣ барона Корфа на уроки закона Божія, изъ 36 часовъ еженедѣльныхъ учебныхъ занятій, отведено въ первомъ и во второмъ году только по одному часу въ недѣлю, въ третьемъ три часа. Вотъ какимъ образомъ должно идти преподаваніе этого „самаго существеннаго предмета начальнаго обученія“.

„Предположимъ, говоритъ баронъ Корфъ, что дѣти поступили неграмотными. Учитель, на четвертомъ мѣсяцѣ обученія ихъ, обучитъ ихъ двумъ, тремъ употребительнѣйшимъ молитвамъ, и затѣмъ законоучитель, располагая двумя мѣсяцами

* *Русская Начальная Школа*, стр. 214.

** Тамъ же, стр. 129.

*** Тамъ же, стр. 211.

для обученія этого класса по одному часу въ недѣлю, за 8 уроковъ объяснить первому классу выученныя имъ молитвы. Второму классу, состоящему изъ прошлогоднихъ неграмотныхъ, законоучитель посвящаетъ по одному часу въ недѣлю въ теченіи 5 мѣсяцевъ, то-есть приблизительно 15 уроковъ, пользуясь ими для изложенія земной жизни Спасителя, связывая событія новозавѣтной исторіи съ церковными праздниками. Такимъ образомъ, у законоучителя остается, изъ четырехъ часовъ въ недѣлю посвящаемыхъ школѣ, незанятыми два часа въ недѣлю, которые онъ посвятитъ третьему или старшему классу, то-есть около 30 уроковъ за зиму. Половину этого времени займетъ преподаваніе ветхозавѣтной исторіи, остальная половина посвятится изученію притчъ и бесѣдъ Христовыхъ; кромѣ того, третій классъ, присутствуя при обученіи втораго класса, повторяетъ въ годъ окончанія курсы разказы о земной жизни Спасителя.“

Мы представили теорію и практику „новой“ школы. Сравнимъ ихъ. Оказывается что на изученіе „самого существеннаго“ предмета отведено самое малое количество учебнаго времени. Изъ 720 годовыхъ учебныхъ часовъ посвященныхъ по большей части приобрѣтенію свѣдѣній *практически полезныхъ* въ смыслѣ грубѣйшаго утилитаризма, въ первомъ году ученія отдѣлено около 8 часовъ (въ годъ!), во второмъ около 15 и въ третьемъ около 30, или, считая и повторительные уроки, около 45 часовъ на то чтобы „слово Божіе провикло въ юныя сердца“. Трудно вѣрить чтобъ это дѣлалось во вниманіе къ важности и существенности самого существеннаго предмета, изъ боязни унизить слово Божіе, хотя и подобное объясненіе можно найти въ книгѣ барона Корфа (срвн. стр. 128 и 129). Но можетъ-быть ничтожность времени отдѣленнаго на преподаваніе закона Божія какъ учебнаго предмета можетъ вознаграждаться тѣми нравственно-религіозными бесѣдами которыя въ теоріи предположено вести въ школѣ съ дѣтьми? Можетъ-быть, еслибы для этого было время, но на практикѣ оказывается что законоучитель не имѣя для такихъ бесѣдъ времени долженъ полагаться на учителя, а учитель по той же причинѣ на законоучителя. Вотъ подлинныя слова барона Корфа:

„Священникъ, посвящая преподаванію закона Божія только четыре часа въ недѣлю, имѣетъ такъ мало соприкосновенія съ учащимися что можетъ лишь посредствомъ преподаванія поселать въ нихъ правила доброй нравственности; учитель, напротивъ, находясь въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ учени-

ками, можетъ, по выраженію закона, утверждать въ нихъ религиозныя и нравственныя понятія преподаванныя священникомъ законоучителемъ.“

Нѣсколькими строками ниже читаемъ:

„Правда что начальный учитель обремененъ множествомъ занятій и располагаетъ настолько ничтожнымъ временемъ для обученія что онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ будетъ располагать досугомъ для специальной бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности, чему специально посвящаются уроки законоучителя...“ *

Остановимся пока на этомъ и вспомнимъ что въ книжкѣ барона Корфа *Нашъ Другъ* есть нѣсколько обращеній такихъ специальныхъ учительскихъ бесѣдъ:

Стр. 130. „Вспомни о томъ какъ ты бывалъ на Иорданѣ и вазови тѣ одушевленные и неодушевленные предметы которые тамъ можно видѣть послѣ молитвы. Во время молитвы по сторонамъ не зѣвай, а молись. Помолвившись въ праздникъ помни что грѣшно пьянствовать, а добрыя дѣла дѣлать не грѣшно и въ праздникъ, какъ училъ Иисусъ Христосъ.“

Стр. 249. „Христосъ воскресъ! говоритъ православный поздравляя своего ближняго съ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенія и надѣлая его братскимъ поцѣлуемъ. Воистину воскресъ! отвѣчаютъ ему. На утрени въ воскресенье, на разсвѣтѣ, говоритъ священникъ приходу: Христосъ воскресъ! Не станемъ же мы осквернять такой святой радости тѣмъ чтобы разговѣться съ излишествомъ, по окончаніи Великаго Поста. Еще хуже поступаетъ тотъ русскій человекъ кто „празднику радъ и до свѣта льянъ“, какъ говоритъ пословица.“

Стр. 254. „Смерть можетъ наступить для человека и раньше старости, если болѣзнь разстроитъ отправленія человеческого организма. Наша жизнь въ рукахъ Божиихъ, но Богомъ данъ намъ разумъ и на то чтобы мы умѣли избѣгать того что угрожаетъ опасностію нашему здоровью. Совѣсть можетъ на Богомъ въ человека на то чтобы помочь ему не грѣшить, спасти свою душу и достигнуть блаженства въ будущей, загробной жизни. Будемъ же беречь душу и тѣло и тогда только угодимъ мы Создателю и достигнемъ счастья на землѣ.“

Около десятка подобнаго сорта бездушныхъ бесѣдъ разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ книги, вотъ и весь матеріалъ для религиозно-нравственнаго воспитанія, если не считать впрочемъ не разъ встрѣчающагося празднословія въ родѣ слѣдующаго: „слава Богу за то что теперь въ селахъ постройки страхуютъ!“ (стр. 67). „Слава Богу что гадука не въ силахъ

* *Русская Начальная Школа*, стр. 211.

прокусить салага!“ (стр. 81). „Не дай Богъ мочить лень въ такой водѣ которую пьютъ, это очень вредно!“ (116) и т. п.

„Но съ другой стороны, продолжаетъ баронъ Корфъ сказать о неимѣннѣи ни учителемъ ни законоучителемъ времени для религіозно-нравственныхъ бесѣдъ,—обученіе различнымъ предметамъ такъ тѣсно соприкасается съ религіею и нравственностью что при всякомъ ученіи преподаватель будетъ имѣть случаи случаевъ на то чтобы въ *многихъ словахъ* (курсивъ въ подлинникѣ) напомнить дѣтямъ о примѣрѣ а ученіи Спасителя которыми должны руководиться послѣдователи Его.“

Тутъ же прибавлено чтобъ учитель зналъ сколько времени дать бесѣду „дабы при достиженіи цѣлей воспитанія не повредить (sic) достиженію цѣлей обученія“. Хорошія слова. Но не говоря уже объ узко-утилитарномъ направленіи ученія „новой“ школы которое мало можетъ дать поводовъ къ такимъ напоминаніямъ, какимъ образомъ баронъ Корфъ находитъ возможнымъ *наполнить* то что еще неизвѣстно? Какъ напоминать объ ученіи Евангельскомъ во второй годъ школы когда оно исключено изъ обученія въ этомъ году? Но представимъ себѣ невозможное: пусть барономъ Корфомъ, нашедшимъ способъ научить тому чего самъ не знаешь, изобрѣтены и способъ напоминать о томъ чего человѣкъ никогда не слышалъ, приведутъ ли и въ такомъ случаѣ эти напоминанія en passant къ желаемому результату если будутъ противорѣчить всему строю ученія? Какую силу можетъ наприкирѣ имѣть напоминаніе о бесѣдѣ Христа съ женщиной которую хотѣли любить камнями (примѣръ приводимый барономъ Корфомъ) въ примѣръ несужденія другихъ, когда книга наполнена зубоскальвымъ обличеніемъ „Мы“? Какое значеніе будетъ имѣть напоминаніе о томъ что гдѣ сокровище ваше тамъ и сердце ваше или что изъ двухъ одеждъ нужно оставить одну немущему, въ связи съ нескончаемыми толками о личной пользѣ, которой глупые люди не понимаютъ, о барышахъ и чистомъ доходѣ? Полагаемъ что никакого.

Итакъ, вотъ планъ изученія религіи въ „новыхъ“ школахъ, вотъ какъ слово Божіе должно въ нихъ проникать въ юныя сердца: въ первый годъ—обученіе двумъ, тремъ употребительнѣйшимъ молитвамъ и объясненіе ихъ въ теченіи 8 часовъ. Но вѣдь и *Во имя Отца, Господи помилуй, Слава и честь*, тоже три молитвы и притомъ самая употребительная. Почему въ первый же годъ ученики не знакомятся съ Евангеліемъ?

Потому ли что не умѣютъ еще читать? Нѣтъ. Баронъ Корфъ совѣтуетъ „приобрѣсти для школы лишь въ одномъ экземплярѣ учебникъ для преподаванія закона Божія; ученики не должны знать книги, книга должна быть въ рукахъ только у законоучителя, * ученіе должно происходить посредствомъ разказовъ“. Оказывается что ученики еще не развиты, не подготовлены къ пониманію Евангелія. Но они остаются неподготовленными въ „новой“ школѣ и въ теченіи всего втораго года, когда имъ можетъ быть отдѣлено 15 часовъ на знакомство только съ фактами земной жизни Христа, причемъ они должны приобрести разные полезныя историческія, этнографическія и географическія свѣдѣнія. И только уже на третій годъ, послѣ прохожденія въ 15 часовъ Вѣтхаго Завета, имъ позволено въ теченіи такого же времени познакомиться съ ученіемъ и притчами Христовыми.

Схему знакомства съ фактами земной жизни Спасителя въ связи съ объясненіемъ праздниковъ, то-есть курсъ 2го года, мы находимъ въ книжкѣ барона Корфа *Нашъ Другъ*, гдѣ рядомъ со всякимъ хламомъ *практически полезнымъ* свѣдѣніи и въ перемежку съ нимъ находится восемь статей не имѣющихъ задачей сообщить утилитарныя свѣдѣнія; перечислимъ заглавія этихъ статей: 1) *Покровъ Пресвятыя Богородицы*, 2) *Рождество Христово*, 3) *Новый Годъ и Обрѣзаніе Господне*, 4) *Крещеніе Господне*, 5) *Вербное Воскресеніе*, 6) *Великій Четвергъ*, 7) *Страстная Пятница*, 8) *Свѣтлое Воскресеніе*; кромѣ того, въ видѣ приложенія, вмѣстѣ съ таблицами мѣръ и вѣсовъ, помѣщено 10 нумеровъ молитвъ, тропарей и псалмовъ. Относительно помѣщенія этого матеріала авторъ, выражаясь юридически, даетъ разворѣчивыя показанія. Въ личныхъ разъясненіяхъ въ Педагогическомъ Обществѣ онъ сослался на то будто бы ученый комитетъ безъ молитвъ не одобряетъ книгъ для чтенія.^{**} Въ предисловіи къ находящемуся предъ нами второму изданію *Нашею Друга* онъ говоритъ: „Въ числѣ статей для чтенія преподаватель найдетъ описаніе главнѣйшихъ праздниковъ встрѣчающихся въ теченіи учебной зимы; при часто встрѣчающихся затрудненіяхъ пригласить законоучителя въ сельскую школу и взгляды народа на школу въ которой

* *Русская Начальная Школа*, стр. 216.

** См. статью г. Миропольскаго *Книжа для чтенія въ народной школѣ*, въ *Журн. Мин. Народ. Просв.* январь 1872.

закона Божія не преподають, указанныя статьи о праздникахъ, какъ показали опытъ, не только имѣють педагогическое значеніе, но и пріобрѣтають въ средѣ крестьянъ друзей для школы.“ Такъ какъ первое увѣреніе автора не имѣеть ни малѣйшаго основанія, то приходится вѣрить второму: то-есть что назначеніе этихъ статей не только служить казовымъ кондомъ для неразвитой массы желающей чтобы въ школѣ читалось божественное, но и быть замѣной преподаванія закона Божія, учебниковъ коего имѣется въ школѣ только одинъ экземпляръ, да и того не должны знать дѣти. Что же это за схема преподаванія закона Божія во второмъ году въ видѣ сообщенія фактовъ земной жизни Спасителя? Посмотрите выписанныя нами заглавія статей: родился, былъ обрѣзанъ, крестился, вошелъ въ Иерусалимъ, пострадалъ, умеръ, воскресъ — развѣ таковъ образъ божественнаго Слова, величественный и кроткій образъ Богочеловѣка, который весь любовь, весь мудрость, который долженъ стать близокъ дѣтямъ, котораго они должны полюбить какъ Онъ Самъ любитъ ихъ? Въ чему нужно такое искусственное дѣяніе, такое искаженіе Евангелія въ „новой“ школѣ? „Нашъ знаменитый педагогъ“ разкажетъ намъ что это требованіе педагогическое. Вотъ подлинныя слова его:

„Обученіе закону Божію, какъ и всякое обученіе, должно соразмѣряться со степенью развитія дѣтей, отъ ближайшаго переходить къ отдаленному, отъ легчайшаго къ труднѣйшему, обращаться не только къ памяти, но и къ пониманію учащихъся, проникая въ разумъ дѣтей посредствомъ доступности содержанія и по возможности наглядности преподаванія... историческія разказы ветхо- и ново-завѣтной исторіи ребенокъ легче понимаетъ чѣмъ собственно ветхо- и ново-завѣтныя ученія, не рѣдко имѣющія философскій характеръ.“ *

Вотъ до чего додумались „наши знаменитые педагоги“, отуманенные духомъ времени и чадомъ новыхъ идей! Какъ будто первые провозвѣстники истинъ Евангельскихъ не были простые рыбаки, или тѣ первые христіане, залечатлѣвшіе своею кровью пониманіе этихъ истинъ и глубокое убѣжденіе, тѣ рабы великости духа коихъ не перестаетъ изумляться человечество, тѣ что гибли тысячами въ циркахъ по мановенію тирановъ надменныхъ новыми идеями своего времени, развѣ они были Гумбольдты? Развѣ трудаѣ снѣгатею поять притчу

* Русская Начальная Школа, стр. 213.

о святелѣ, чѣмъ quasi-научную болтовню о свойствахъ лачвы и техническихъ производствахъ? Развѣ труднѣе ловить „изъ двухъ одеждъ отдай одну неимущему“ чѣмъ безковечные толки о выгодахъ и барышахъ? Развѣ менѣе доступно любить врага и простить обижающему, чѣмъ хитроумствованія о томъ что чѣмъ злѣе существо помогающее намъ истреблять враговъ нашихъ тѣмъ оно больше приноситъ намъ пользы и что ради пользы слѣдуетъ любить, или празднословій о функціяхъ мозга щуки и душевныхъ качествахъ пивки? Такъ ли все это?.. *Не возбраняйте дѣтямъ приходить къ Мнѣ*, говоритъ Божественный Учитель, *таковыхъ есть Царство Божіе*.

Этимъ мы оканчиваемъ разсмотрѣніе *новыхъ идей* вторгающихся въ нашу народную школу. Мы указали что школьная система основанная на этихъ идеяхъ никуда не годится, какъ экспериментъ не проверенный опытомъ; школа же, отъ которой зависитъ значеніе государства, не есть мѣсто для экспериментовъ. Мы разсмотрѣли особенности отличающія такую *новую* школу, представителемъ коей является баронъ Корфъ, стяжавшій титулъ „нашего знаменитаго педагога“. Особенности эти состоятъ: 1) Въ энциклопедизмѣ и односторонне утилитарномъ направленіи ученія. Особенность эта, въ погонѣ за многими призрачными, лишаетъ начальную народную школу возможности привести ту малую но дѣйствительную учебную пользу которую она при безхитростномъ ученіи въ предѣлахъ своей программы можетъ привести. Собщеніе практическихъ свѣдѣній, хозяйственныхъ и др., толково и понятно изложенныхъ безъ претензій быть наукой, несомнѣнно полезно для взрослого грамотнаго но мало свѣдущаго челоука, который могъ бы воспользоваться ими примѣняя ихъ къ своему обиходу; но утилитарному вовсе не мѣсто въ школѣ, еще менѣе можно сосредоточивать на такихъ свѣдѣніяхъ ученіе элементарной школы, придавая имъ ложно научный видъ. Попытка устроить ученіе такимъ образомъ только подрываетъ воспитательное значеніе школы, представляетъ дѣйствительность въ ложномъ свѣтѣ, производя такимъ образомъ обивчивость и путаницу въ понятіяхъ доступныхъ простому здравому смыслу, и воспитаетъ не практиковъ а верхоглядовъ. 2) Вторая особенность — предположеніе что можно учить другихъ тому чего самъ не знаешь. Помимо своей неаѣности не требующей доказательства, эта осо-

бедность усиливается и можетъ развить до крайнихъ предѣловъ дѣйствіе первой. 3) Своеобразное отношеніе къ религіи какъ учебному предмету сообщающему полезныя свѣдѣнія но мало доступному дѣтямъ, и крайнее сокращеніе ея преподаванія. Эта особенность переноса центръ школьнаго ученія изъ идеальнаго міра въ область матеріи преграждаетъ всѣ пути ко нравственно-воспитательному значенію школы.

Напомнимъ теперь кратко о тѣхъ простыхъ началахъ на которыхъ должна быть основана начальная народная школа, началахъ одобряемыхъ какъ здравымъ смысломъ такъ и практикой тѣхъ странъ гдѣ школьное дѣло утвердилось и упрочилось. Начальная народная школа, для своей успѣшности, должна быть проста. „Заслуга прусскаго правительства, говорить между прочимъ князь Васильчиковъ, состоитъ въ томъ что оно при первомъ введеніи школъ ограничилось наименьшимъ размеромъ требованій и поэтому самому достигло съ наименьшими расходами первоначальной дѣла—грамотнаго, элементарнаго образованія всей массы народа.“ * Такая школа должна прежде всего научать грамотности; предметами обученія въ ней должны быть three R (Reading, wRiting, aRithmetic), какъ говорятъ Англичаве, то-есть чтеніе, письмо и начальная ариметика. Если будетъ позволять время, можно усилить изученіе грамматики и ариметики, затѣмъ можно прибавить исторію и географію; изъ искусствъ лѣтніе и черченіе должно по возможности быть принадлежностью такой школы. Всякое же многученіе, пичкинае разнымъ хламомъ, подъ предлогомъ *развѣтствія, сообщенія полезныа свѣдѣній* или подъ всякимъ другимъ предлогомъ, должно быть развѣ навсегда, какъ вредное, выброшено за бортъ.

Относительно методовъ обученія нѣтъ надобности особенно гнаться за новыми, новѣйшими и самоновѣйшими методами, ибо *новое* не есть еще синонимъ лучшаго и методъ есть средство, а не дѣль ученія. Гдѣ есть возможность употреблять способы упрощенные, тѣмъ лучше; гдѣ этой возможности нѣтъ—учитель принесетъ больше пользы если будетъ учить такъ какъ умѣетъ, чѣмъ въ погонѣ за новымъ, имъ самимъ не вполнѣ усвоеннымъ, замѣнить ученіе пустою болтовней. Въ примѣръ можно указать на *наглядное обученіе*, въ которомъ

* О Самоуправленіи, князя А. Васильчикова, т. II, стр. 22.

наши новые педагога готовы видѣть особый учебный предметъ (предметные уроки) близко граничащій съ грубымъ матеріализмомъ.

Учителемъ начальной школы долженъ быть не то что любимецъ духа времени, носитель *сносной безграмотности* и новыхъ идей, „что такъ и смотритъ осломъ пытаясь блатать какъ ученый“, а лицо авторитетное, если можно, получившее высшее образованіе и въ то же время по своему положенію близкое къ крестьянской средѣ и за трезвость направленія коего можно бы было ручаться. Къ счастью, такихъ лицъ намъ не придется искать далеко, такія лица есть у насъ и ихъ много—это наше духовенство, которому должна быть предоставлена первая роль въ народной школѣ, что бы ни толковали баронъ Корфъ и мудрецы его школы о томъ будто бы большинство нашихъ земскихъ собраній высказалось уже противъ священниковъ въ качествѣ народныхъ учителей, какъ бы лицемѣрно ни увѣряли они что даже за вознагражденіе не всегда можно привлечь священника быть законоучителемъ въ школѣ (назначая это вознагражденіе въ размѣрѣ 4 р. въ годъ—за 8 уроковъ, по 50 к.—при учителѣ получающемъ 400 р.). Тамъ гдѣ ни самъ священникъ или дьяконъ, ни при содѣйствіи кого-нибудь изъ своей семьи, не будутъ въ состояніи одни управиться съ начальною сельскою школою, тамъ *только грамотный* учитель можетъ быть иль помощникомъ и сотрудиномъ, но отнюдь не солервникомъ. Добрими отношеніями народной школы и церкви должно особенно дорожить.

Кромѣ ученія, народная школа должна давать дѣтямъ христіански-нравственное воспитаніе, не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ. Но такое воспитаніе не есть особый департаментъ ученія, не есть заучиваніе догматовъ религіи или произнесеніе по временамъ сухой морали, подъ часъ противорѣчащей всему строю ученія. Это есть самый строй ученія; школа должна уча воспитывать и воспитывая учить. Христіански-нравственное воспитаніе не есть столько-то уроковъ закона Божія, какъ бы велико это *столько-то* ни было, не имѣющихъ связи со всѣмъ остальнымъ ученіемъ. Для знакомства съ религіею слѣдовало бы между прочимъ заимствовать прекрасный примѣръ англійскихъ начальныхъ школъ гдѣ ежедневно прочитывается глава изъ Евангелія. Но кромѣ того христіанскою нравственностью должно быть провизуато каждое слово учителя, каждый пред-

цель преподаванія, каждая страница для чтенія. Не сухими фразами и ханжествомъ достигается это; все ученіе должно преслѣдовать тѣ же высокія цѣли которыя имѣеть въ виду религія, должно отвлекать ребенка отъ ежедневнаго, временнаго, грубаго и суетнаго, и возносить его въ тотъ возвышенный міръ гдѣ царитъ вѣчная правда, красота и гармонія, который есть источникъ всякихъ добродѣтелей и доблестей. То же должна имѣть въ виду и школьная книга для чтенія. Съ этой точки зрѣнія предпочтеніе должно быть отдано въ ряду статей для чтенія разказамъ изъ исторіи гражданской и церковной, разказамъ бытовымъ имѣющимъ нравственный характеръ, выдержкамъ изъ произведеній изящной словесности въ прозѣ и поэзіи; описанія географическія или законныя съ чудесами природы также могутъ найти мѣсто въ книгѣ для чтенія, но они должны быть интересны, изящны и не терять изъ виду той же нравственной цѣли. Пояснимъ это примѣромъ заимствуя его изъ прекрасной статьи профессора Юркевича *Планъ и силы для начальной школы* (*Журн. Мин. Народн. Просв.* мартъ 1870). Сравнивая русскую и нѣмецкую книгу для чтенія въ начальной школѣ (*Родное Слово* Ушинскаго и *Zweites Buch für Kinder* von Wilhelm Lampe) почтенный авторъ указываетъ на статьи одного и того же содержанія въ обѣихъ книжкахъ, которыя въ нѣмецкомъ изложеніи сосредоточены на возвышающихъ морально-религіозныхъ началахъ, между тѣмъ какъ въ русскомъ изложеніи эти статьи представляютъ что-то разбросанное, сопоставленіе случайныхъ замѣтокъ и мнѣній, безцѣльную и безвкусную матерію для упражненія въ чтеніи.

„Интересно на примѣръ сравнить столь обыкновенное въ этого рода книгахъ описаніе овцы. Какое различіе тона и направленія! Русское дитя обязывается, на примѣръ, думать что овца гаула, потому на пожарѣ сама она кидается въ огонь, а завидя волка стоитъ туло на мѣстѣ и гауло постукиваетъ копытками. „Но на что людямъ овечій умъ?“ спрашиваетъ маленькій но совершенно грубый эгоистъ. „Имъ нужна овечья шерсть на чулки и сукно, сало на мыло и свѣчи, кожа на салоги и башмаки, мясо на жаркое.“ И такъ въ этомъ бѣдномъ твореніи не дали замѣтить мальчику ничего симпатическаго, ни этой кротости, ни этой беззащитности вслѣдствіе которой, какъ узнаеть нѣмецкій мальчикъ отъ своего учителя, овца такъ и привязывается къ человѣку, отдавая себя подъ его защиту и покровительство. Нашъ школьникъ узнаеть не это моральное отношеніе, не этотъ союзъ въ

которомъ человѣкъ даритъ добромъ бѣдное твореніе, какъ и въ свою очередь получаетъ отъ него добро—*это есть религія*—нѣтъ, онъ только видитъ что эта глупая тварь потребна для удовлетворенія эгоистическихъ матеріальныхъ нуждъ чело-вѣка.“

Въ заключеніе позволимъ себѣ выразить надежду что вновь образуемые училищные совѣты сумѣютъ оградить народную школу отъ вторженія въ нея указанныхъ нами *новыхъ идей*, а тѣ кому доведется обращаться съ пресловутою книжкой барона Корфа *Нашъ Другъ* сумѣютъ пользоваться ею надлежащимъ образомъ, разумѣется не какъ книгой для чтенія или изученія въ начальной школѣ, а какъ справочною хозяйственной энциклопедіей могущею для грамотнаго но мало свѣдущаго взрослого чело-вѣка отчасти замѣнить сочиненія издающіяся подъ заманчивыми заглавіями: *Трудолюбивей и снотливый хозяинъ скони себѣ долги*; *Спокойствіе, чистота и опрятность*, книга для хозяевъ и хозяекъ съ секретами уничтоженія вредныхъ на-вѣкомыхъ и животныхъ; *117 ново-открытыхъ способовъ изъ картофеля и пр.*

К. ЦВѢТКОВЪ.

Полагаю что достоинство романа было оценено как следует утопчивою парижскою публикой, и что имя автора известно всѣмъ. Она теперь конечно стала героинею литературныхъ кружковъ, и успѣхъ ея какъ писательницы можетъ считаться прочнымъ. Передайте пожалуйста мои поздравленія сальборинѣ когда увидите съ нею.

Лишь черезъ нѣсколько дней по полученіи этого письма Саваренъ зашелъ къ Исаврѣ и небрежно показалъ его ей. Она отошла читать къ окну, чтобы скрыть дрожаніе рукъ. Черезъ нѣсколько минутъ она молча возвратила письмо.

— Эти Англичане, сказалъ Саваренъ,—не умѣютъ говорить комплиментовъ. Я нисколько не польщенъ его отзывами о моихъ бездѣлакахъ, а вы, конечно, еще менѣе довольны холодною похвалою вашей прелестной повѣсти. Но онъ хотѣлъ сказать вамъ пріятное.

— Конечно, отвѣчала Исавра, слабо улыбаясь.

— Представьте, что дѣлаетъ Рамо, продолжалъ Саваренъ.— На одно свое жалованье въ *Sens Commun* онъ пустился строить воздушныя замки, отдѣлалъ квартиру въ *Chaussée d'Antin* и собирается завести карету чтобы поддержать достоинство литературы ѣзда на объѣды къ герцогинямъ, которыя рано или поздно будутъ приглашать его. Мнѣ однако нравится эта самонадѣянность, хотя я смѣюсь надъ нею. Человѣкъ двигается впередъ пружиной въ своемъ внутреннемъ механизмѣ, и не надобно чтобы пружина ослабѣвала. Рамо составить себѣ имя. Бывало я смотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ, теперь начинаю смотрѣть съ почтеніемъ: увѣренность въ успѣхѣ всегда даетъ успѣхъ. Однако я отнимаю у васъ время. *Au revoir, mon enfant.*

Оставшись одна, Исавра погрузилась въ смущенное раздумье надъ словами касавшимися ея въ письмѣ Грагама. Хотя она прочла ихъ только разъ, но знала ихъ наизусть. Какъ, неужели онъ считаетъ выведенныя ею лица лишь созданіями воображенія? Въ одномъ изъ нихъ, въ самомъ выдающемся, самомъ привлекательномъ, не подмѣтилъ ли онъ сходства съ самимъ собою? Неужели ему кажутся „преувеличенными“ чувства излившіяся изъ ея сердца и направленные къ его сердцу? Увы! въ вопросахъ чувства, къ несчастію, самые чуткіе изъ насъ, мужчины, часто оскорбляютъ чувства женщины, вовсе не особенно романтической, не романтической даже нисколько по принятымъ понятіямъ. То что по ея мнѣнію

должно бы въ глаза бросаться еслибы мы хотя сколько-нибудь любили ее, незамѣтно для нашего тулаго грубаго мужскаго зрѣнія, хотя женщина эта дороже намъ всѣхъ сокровищъ Индіи. Часто все дѣло въ какихъ-нибудь пустякахъ: въ годовищѣ два когда данъ былъ первый подѣлу или сорвана какая-нибудь фиалка, разъяснено какое-нибудь недоразумѣніе—мелочи которыя мы забываемъ какъ дѣтскія гремушки, какими когда-то играли. Но она ихъ помнитъ для нея это не гремушки. Конечно, многое можно сказать въ оправданіе мущины, какъ онъ ни грубъ. Подумайте о многосложности его занятій, о его практическихъ заботахъ. Но допуская силу всѣхъ подобныхъ оправданій, все-таки въ мущиѣ есть извѣстная тупость чувства, сравнительно съ чуткостью женщины. Можетъ-быть она происходитъ отъ той же твердости организма которая лишаетъ насъ отрады легко текущихъ слезъ. Вслѣдствіе этого даже самому умному мущиѣ трудно совершенно понять женщину. Гёте говоритъ гдѣ-то что въ высочайшемъ гениі должно быть много женственнаго. Если это правда, то лишь высокій гениі можетъ уразумѣть и объяснить природу женщины, потому что она не чужда ему, а напротивъ составляетъ часть его собственнаго существа. Можетъ-быть однако для этого нужна не столько высота гениа, сколько извѣстная его особенность, не всегда принадлежащая даже высшему гению. Я ставлю Софокла выше Эврипида по гениальности, но у Эврипида есть эта особенность, а у Софокла ея нѣтъ. Я сомнѣваюсь чтобы женщины признали Гёте своимъ истолкователемъ съ такою же готовностью какъ Шиллера. Шекспиръ, безъ сомнѣнія, превосходить всѣхъ поэтовъ въ пониманіи женщины, въ сочувствіи имъ, въ женственныхъ чертахъ которыя Гёте считаетъ свойственными высшему гению, но за исключеніемъ этого „выродка“, я не знаю англійскаго поэта ушедшаго особенно далеко въ этой наукѣ, развѣ только одного поэта—прозаика теперь мало читаемаго и цѣнимаго, который написалъ письма Клариссы Гарлоу. Я говорю все это для оправданія Грагама Вена, если онъ, хотя человекъ очень умный и достаточно знающій человѣческую природу, рѣшительно не сумѣлъ понять тайнъ которыя по мнѣнію бѣдной женщины-ребенка не нуждались въ толкованіи для человека дѣйствительно ее любящаго. Но мы сказали уже гдѣ-то въ этой книгѣ что языкъ музыки можетъ быть истолкованъ

только музыкою. Такимъ же языкомъ говорить въ человѣческомъ сердцѣ многое, родственное музыкѣ. Фантазія (то есть поэзія въ формѣ ли стиховъ или прозы) верѣдко говорить такимъ же языкомъ. Мои просвѣщенные читатели и читательницы конечно не подумаютъ что Исавра, изображая въ своемъ вымышленномъ героѣ дѣйствительнаго героя своихъ мыслей, описала его такъ чтобы весь свѣтъ могъ сказать: „это Грагамъ Венъ“. Сомнѣваюсь чтобы даже мужчина писатель былъ способенъ такъ оплошать женщину истинно уважаемую и любимую имъ. Она для него слишкомъ священна чтобы выставить ее такъ не прикрытою на показъ публикѣ. Самый изящный изъ древнихъ поэтовъ любви хорошо говорить:

Qui sapit in tacito gaudeat ille sinu.*

Но чтобы дѣвушка, дѣвушка въ свою первую, затаенную, робкую любовь, объявила свѣту: „вотъ человѣкъ котораго я люблю и за котораго я готова умереть!“ Если такая дѣвушка существуетъ, то въ ней нѣтъ и тѣни истинной женственности, и во всякомъ случаѣ у нея нѣтъ ничего общаго съ Исаврой. Итакъ, хотя она въ своемъ вымышленномъ героѣ видѣла первообразъ Грагама Вена, какъ представлялся онъ ей въ ея молодыхъ, туманныхъ, романтическихъ грезахъ: сияющимъ, преображеннымъ, онъ былъ бы надмѣняйшимъ изъ людей еслибъ узналъ свой портретъ въ этомъ изображеніи. Напротивъ, съ ревностью, къ которой можетъ быть слишкомъ склоненъ, онъ говорилъ: „увы! вотъ идеалъ можетъ быть уже гдѣ-нибудь встрѣченный! и какъ ничтоженъ я въ сравненіи съ нимъ!“ Такъ онъ увѣрялъ себя естественно что чувство съ какимъ начерченъ этотъ неузнанный образъ превеличево. Вкусъ его признавалъ красоту формы въ какую облечено было это чувство; сердце завидовало ввухившему его идеалу. Но чувство это казалось ему чуждымъ, оно далѣе и далѣе отодвигало фантастическій міръ писательницы отъ его дѣловой всеневной жизни.

Въ такомъ настроеніи духа писалъ онъ Саварену, и полученный отвѣтъ еще усилилъ это настроеніе. Саваренъ отвѣчалъ, по своей похвальной привычкѣ, въ тотъ же день какъ получилъ письмо Грагама, прежде, слѣдовательно, нежели повидался съ Исаврой. Въ своемъ отвѣтѣ онъ много говорилъ объ успѣхахъ ея повѣсти, о приглашеніяхъ посылавшихся на нее,

* Разумный пусть молча радуется въ душѣ своей.

о впечатлѣніи произведенномъ ею въ салонахъ и о предстоящемъ ей полрицѣ. Онъ выражалъ надежду что она можетъ современемъ сравняться даже съ гжею Гранмениль, когда талантъ ея разовьется подъ вліяніемъ опытности и изученія этого образца изящнаго слога. Онъ сообщалъ что молодой редакторъ очевидно начинаетъ влюбляться въ свою прекрасную сотрудницу, и что по предсказанію гжи Саваренъ романъ долженъ окончиться смертью героини и бракомъ автора.

Г Л А В А V.

А недѣли все проходили. Лѣто смѣнилось осенью, осень зимою. Парижскій сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ. Чудная столица какъ будто хотѣла отплатить украсившему ее императору за его заботы пышностью и веселостью своихъ празднествъ. Но улыбки на лицѣ Парижа были притворны и живы. Имперія сама вышла изъ моды. Люди серіозные, безпристрастные наблюдатели чувствовали тревогу. Наполеонъ отрёкся отъ *idées Napoléoniennes*. Онъ переходилъ въ категорію конституціонныхъ государей, и царствовалъ уже не по старому своему обаянію а по преданности партіи. Въ печати свободно являлись жалобы на прошлое и запросы будущему, подъ которыми дрожало настоящее, предвѣщая землетрясеніе. Спрашивали себя можетъ ли имперія существовать наряду съ формами правленія не свойственными ни имперіи, ни конституціи, при большинствѣ ежедневно слабѣющемъ. Основа всеобщей подачи голосовъ была сокрушена. Около этого времени статьи въ *Sens Commun* подписанныя Пьеръ Ферменъ не только обращали на себя вниманіе но и дѣйствовали ощутительно на общественное мнѣніе. Журналъ расходился въ громадномъ числѣ экземпляровъ.

Естественно, извѣстность и значеніе Густава Рамо, редактора этого могущественнаго журнала, росла съ его успѣхомъ. И не только извѣстность, но и положеніе. Банковые билеты на значительныя суммы передавались ему отъ единственнаго собственника, желавшаго чтобъ и онъ получалъ законную долю барышей. Собственника никогда не называли по имени, но Рамо предполагалъ съ увѣренностью что онъ никто иной какъ г. Лебо. Гра Лебо Рамо не выдавалъ съ тѣхъ поръ какъ подалъ ему списокъ сотрудниковъ и былъ

отправленъ къ издателю, напередъ припасенному господиномъ Лебо, какъ онъ думалъ, отъ котораго и получилъ первую четверть своего жалованья впередъ. Жалованье это было ничтожно въ сравненіи съ непредвидѣнными доходами такъ щедро ему предоставленными. Онъ заходилъ въ контору Лебо, но застава только конторщика, который сказалъ ему что хозяинъ за границей.

Успѣхъ произвелъ значительную перемену къ лучшему, если не въ характерѣ Рамо, то по крайней мѣрѣ въ его мажорахъ и обращеніи. Онъ не обнаруживалъ болѣе тревожной зависти къ соперникамъ, которая есть одинъ изъ самыхъ отталкивающихъ признаковъ большого самолюбія. Онъ прощалъ Исавръ ея успѣхъ, даже радовался ему. Характеръ ея произведенія устраивалъ всякое соперничество съ его собственными сочиненіями. Оно было такъ полно женственности что невозможно было сравнивать его съ произведеніемъ мужчины. Кроме того, ея успѣхъ содѣйствовалъ значительному увеличенію его доходовъ и его славы какъ редактора журнала давашаго мѣсто этому новому гению. Но была еще болѣе глубокая и могущественная причина его симпатіи къ успѣху его прекрасной молодой сотрудницы. Онъ непримѣтно полюбилъ ее, любовью отличной отъ той какую бѣдная Жюли Комартенъ внушала молодому люту. Исавра была одна изъ тѣхъ женщинъ къ которымъ, даже въ натурахъ вовсе не рыцарскихъ, любовь — хотя бы пламенная — не можетъ не сопровождаться нѣкоторымъ почтеніемъ, почтеніемъ съ какимъ древнее рыцарство, въ своей любви къ женщинамъ, чтило идеальную чистоту самой женственности. До того времени Рамо никогда ни къ кому не чувствовалъ почтенія.

Съ своей стороны, приходя въ такія частыя сношенія съ молодымъ редакторомъ журнала, Исавра чувствовала къ нему дружеское, почти сестринское расположеніе.

Я не думаю чтобъ она, еслибы даже никогда не знавала Англичавина, могла дѣйствительно полюбить Рамо, несмотря на живописную красоту его наружности и одинаковость литературныхъ занятій; но можетъ-статься она могла мечтать что любить его. До тѣхъ поръ пока мужчина или женщина не испытали истинную любовь, мечты часто ошибочно принимаются за это чувство. Но какъ ни мало знала она Грагама, и хотя это малое не было вполнѣ благопріятно ему, она чувствовала въ глубинѣ своего сердца что его образъ никогда

не будетъ замѣненъ другимъ столь же дорогимъ. Можетъ-статься тѣ его качества которыя составляли противоположность съ ея качествами и были для нея привлекательны. Повѣчность въ женщинахъ преувеличиваетъ значеніе практичности въ мужчинахъ. Но къ Рамо ея безконечно добрая и сочувствующая натура питала чувство которое въ женщинахъ бываетъ почти ангельскимъ. Мы видѣли изъ ея писемъ къ гжѣ де-Грамениль что съ перваго раза онъ внушилъ ей состраданіе; но тогда состраданіе это уменьшало замѣчательныя ею въ немъ непріятныя и завистливыя качества. Теперь же эти качества, если и продолжали существовать, перестали быть примѣтны для нея, и состраданіе ничѣмъ не возмущалось. Невозможно было для дружелюбнаго наблюдателя видѣть красивое лицо этого юноши и не чувствовать къ нему жалости. Въмѣстѣ съ успѣхомъ, выраженіе этого лица прояснилось и смягчилось, но на немъ не изгладились слѣды увяданія; они еще усилились, такъ какъ обязанности его требовали отъ него правильной работы къ которой онъ не былъ привыченъ, а правильная работа требовала, по крайней мѣрѣ такъ казалось ему, усиленія губельныхъ возбуждательныхъ средствъ. Онъ прибавлялъ абсентъ во всякое питье, и къ абсенту присоединилъ еще оліумъ. Объ этомъ разумеется Исавра ничего не знала, также какъ не знала о его связи съ „Ундиной“ его поэзіи; она видѣла только увеличивавшуюся слабость въ его лицѣ и фигурѣ, которой противорѣчила возрастающая плодовитость и живость ума, и этотъ контрастъ огорчалъ ее. Умственно она также чувствовала къ нему состраданіе. Она признавала и уважала въ немъ стремленія генія слишкомъ слабаго чтобъ исполнить и десятую долю того къ чему съ юношескою надменностью стремилось его самолюбіе. Она видѣла также борьбу между вышею и нижею природою которой часто подвергается слабый геній при сильной надменности. Можетъ-статься она преувеличивала этотъ геній и то чего онъ могъ достигъ будучи направленъ какъ слѣдуетъ; но она желала съ своимъ небеснымъ инстинктомъ направить его къ небу. И подъ вліяніемъ этого желанія, какъ будто бы она была на двадцать лѣтъ старше его, она прибѣгала къ увѣщаніямъ, предостереженіямъ и поощреніямъ, и молодой человекъ внималъ всѣмъ этимъ „проповѣдямъ“ съ радостнымъ и покорнымъ терпѣніемъ. Таковы были отношенія между ними когда новый годъ занимался надъ гробницею отараго. Отъ Грагама Вега не было никакихъ вѣстей.

Г Л А В А VI.

Теперь слѣдуетъ, ради Грагама Вена и того мѣста какое онъ занимаетъ въ глазахъ читателей, объяснить болѣе подробно свойство тѣхъ розысковъ для которыхъ онъ обращался къ содѣйствию Парижской полиціи и подъ вымышленнымъ именемъ познакомился съ г. Лебо.

Лучшимъ способомъ исполнить это будетъ привести содержаніе письма прочитаннаго Грагамомъ Веномъ въ тотъ день когда сердце писавшаго это письмо перестало биться.

„Конфиденціально.

„Вскрыть тотчасъ послѣ моей смерти и прежде прочтенія моего завѣщанія.

„Ричардъ Кингъ.“

„Грагаму Вену, эсквайру.

„Любезнѣйшій Грагамъ,—Надписавъ на оберткѣ этого письма: „прежде прочтенія моего завѣщанія“ я хотѣлъ избавить тебя отъ разочарованія которое ты естественно испыталъ бы еслибъ узналъ мое завѣщаніе не познакомившись предварительно съ условіями которыя довѣряю твоей чести. Прежде чѣмъ дочтешь письмо до конца ты увидишь что ты единственный человѣкъ изъ находящихся въ живыхъ кому я могъ довѣрить заключающуюся въ немъ тайну и вызываемыя ею хлопоты.

„Ты знаешь что я не родился въ богатствѣ, оно досталось мнѣ послѣ смерти одного дальняго родственника имѣвшаго во время моей молодости своихъ дѣтей. Я былъ единственный сынъ, въ шестнадцать лѣтъ остался сиротою съ очень скромнымъ наслѣдствомъ. Опекуны мои избрали для меня медицинскую профессію. Я началъ свое ученіе въ Эдинбургѣ, и послѣдъ былъ для окончанія его въ Парижѣ. Случилось такъ что я нанялъ тамъ квартиру въ одномъ домѣ съ артистомъ по имени Августъ Дюваль, который потерявъ возможность поддерживать себя живописью такъ-называемой исторической школы, занялъ болѣе скромное положеніе учителя рисованія. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ занимался этою профессіей въ Турѣ, имѣя тамъ хорошіе уроки въ

семействахъ жившихъ тамъ Англичанъ. Эти уроки онъ потерялъ, какъ самъ откровенно сознавался, вслѣдствіе неодобрительнаго поведенія. Онъ не былъ дурной человѣкъ, но имѣлъ веселый характеръ и легко поддавался искушеніямъ. Онъ перѣхалъ въ Парижъ за нѣсколько мѣсяцевъ до того какъ я съ нимъ познакомился; досталъ нѣсколько уроковъ, но часто терлѣ ихъ въ скоромъ времени. Онъ былъ неаккуратенъ и лѣнь. Но у него была небольшая пенсія назначенная ему, какъ онъ говорилъ обыкновенно таинственно, нѣкоторыми знатными родственниками которые были слишкомъ горды чтобы признавать свое родство съ учителемъ рисованія, и пенсія выдавалась съ условіемъ что онъ никогда не будетъ называть ихъ. Онъ никогда не говорилъ мнѣ ихъ именъ, и я до сего времени не знаю справедлива ли была эта исторія о знатномъ родствѣ или нѣтъ. Пенсію онъ получалъ по четвертямъ года, и это было его насчаіемъ. Благодаря этому онъ небрежно относился къ своей профессіи; и когда получалъ деньги, тратилъ ихъ на кутежъ, пренебрегая въ то время уроками. При немъ жила дочь, замѣчательно красивая дѣвушка. Ты можешь отгадать остальное. Я полюбилъ ее, любовь усиливалась состраданіемъ которое она мнѣ внушала. Отецъ такъ часто оставлялъ ее одну что живя въ одномъ этажѣ мы съ ней часто имѣли случай видѣться. Отецъ и дочь часто бывали въ большой нуждѣ, терлѣ недостатокъ даже въ топливѣ и лицѣ. Разумѣется, я помогалъ имъ сколько позволяли мои ограниченныя средства. Какъ ни сильно былъ я обворожень Луизою Дюваль, я не былъ слѣпъ къ большимъ недостаткамъ ея характера. Она была капризна, тщеславна, занята своею красотой и вздыхала объ удовольствіяхъ и роскоши превышавшихъ ея средства. Я зналъ что она не любила меня; въ самомъ дѣлѣ, не многое могло привлечь ея мечты въ бѣдномъ медицинскомъ студентѣ, но я искренно воображалъ что моя постоянная преданность наконецъ привлечетъ ея расположеніе. Я не разъ говорилъ съ ея отцомъ о моей надеждѣ назвать когда-нибудь Луизу моею женою. Я долженъ откровенно сознаться что эта надежда никогда не встрѣчала его одобренія. Напротивъ онъ относился къ ней съ презрѣніемъ, — „дочь его, съ ея красотой, можетъ разчитывать на гораздо болѣе высокую партію“; но онъ все-таки продолжалъ принимать мою помощь и одобрять мои посвѣщенія. Наконецъ мой скромный кошелекъ почти истощился, а злополучный рисовальный учитель

былъ такъ обремененъ мелкими долгами что дальнѣйшій кредитъ сдѣлался невозможенъ. Въ это время я случайно узналъ отъ одного моего товарища студента что сестра его, бывшая начальницей женскаго пансіона въ Челтенгамъ, поручила ему отыскать хорошаго рисовальнаго учителя, съ которымъ старшія ученицы ея могли бы говорить по-французски, но который долженъ достаточно знать и англійскій языкъ чтобъ уроки его были понятны и младшимъ дѣвочкамъ. Вознагражденіе назначалось хорошее; пансіонъ былъ большой и пользовался извѣстностью, такъ что поступленіе туда могло доставить способному учителю не мало уроковъ и въ частныхъ домахъ. Я сообщилъ это извѣстіе Дювалю. Онъ ухватился за него съ радостью. Въ Турѣ онъ научился бойко говорить по-англійски; и такъ какъ искусство его было извѣстно многимъ знаменитымъ артистамъ, онъ получилъ отъ нихъ удостовѣреніе въ своемъ талантѣ, которое мой товарищъ переслалъ въ Англію вмѣстѣ съ образцами рисунковъ Дювала. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ приглашеніе занять мѣсто, принявъ его и вмѣстѣ съ дочерью отправился въ Челтенгамъ. Наканунѣ отъѣзда, Луиза, сильно разстроенная перспективой пребыванія въ чужой странѣ и не довѣряя тому что отецъ ея начнетъ вести скромную жизнь, выказала нѣжность которая была для меня новостью, — она горько плакала. Она дала мнѣ понять что слезы ея лились при мысли о разлукѣ со мною, и даже умоляла меня ѣхать съ ними въ Челтенгамъ, хотя бы на нѣсколько дней. Ты можешь понять съ какимъ восторгомъ исполнилъ я эту просьбу. Дюваль пробылъ около недѣли на новомъ мѣстѣ и исполнялъ свою обязанность съ такимъ неожиданнымъ усердіемъ и аккуратностью что мнѣ казалось что для меня нѣтъ болѣе предлога не возвращаться къ моимъ занятіямъ въ Парижъ, какъ вдругъ бѣднаго учителя разбилъ параличъ. Онъ лишился возможности двигаться, и умъ его былъ поврежденъ. Приванный врачъ объявилъ что онъ можетъ прожить въ такомъ положеніи нѣкоторое время, но что если разсудокъ его и возвратится, что было болѣе чѣмъ сомнительно, то онъ никогда уже не будетъ въ состояніи снова приняться за свои занятія. Я не могъ оставить Луизу при такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ; я остался. Небольшія деньги съ которыми Дюваль прибылъ изъ Парижа истощались; и когда пришло время въ которое онъ обыкновенно получалъ свой трехмѣсячный пенсіонъ, Луиза не

имѣла понятія куда за нимъ обратиться. Кажется онъ всегда ходилъ за нимъ самъ, но къ кому онъ обращался, это была тайна которой онъ никогда не открывалъ. А въ настоящемъ критическомъ положеніи умъ его такъ ослабѣлъ что онъ не могъ даже понять нашихъ вопросовъ. Я уже истратилъ часть небольшого капитала, процентами съ котораго жилъ; теперь я взялъ бѣольшую часть того что оставалось. Но этого источника не могло хватить на долго. Не могъ также я не компрометтируя сильно репутацію Луизы быть постоянно въ домѣ вмѣстѣ съ молодою дѣвушкой которой единственный законный покровитель былъ въ такомъ положеніи. Мнѣ представлялось только два выбора: разстаться съ ней совершенно, или желать-ся на ней, кончить ученіе необходимое для полученія диплома, и купить на скромныя средства какія могли остаться отъ моего капитала участіе въ небольшой сельской практикѣ. Я смиренно изложилъ это мнѣніе Луизѣ, потому что не хотѣлъ стѣснять ея склонностей. Она казалась очень тронутаю тѣмъ что называла моимъ великодушіемъ; она дала согласіе, и мы обвѣнчались. Я, какъ ты можешь повѣрить, былъ совершенно не свѣдущъ во французскихъ законахъ. Мы вѣнчались согласно англійскому обычаю и по протестантскому обряду. Вскорѣ послѣ нашей свадьбы мы всѣ трое возвратились въ Парижъ и поселились въ мѣстности отдаленной отъ той гдѣ жили прежде, для того чтобъ избѣжать безпокойства отъ мелкихъ парижскихъ кредиторовъ Дюваля. Я возобновилъ свои занятія съ удвоенною энергіей, и Луиза по необходимости бѣольшую часть дня оставалась одна съ своимъ бѣднымъ отцомъ. Недостатки ея характера становились все болѣе замѣтными. Она упрекала меня за то что я осуждалъ ее на одиночество; бѣдность наша раздражала ее; у нея не было для меня добраго слова когда я вечеромъ возвращался домой измученный. До свадьбы она не любила меня; послѣ свадьбы, увы! боюсь что она стала меня ненавидѣть. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нашего возвращенія въ Парижъ, бѣдный Дюваль умеръ; умственныя способности не возвращались къ нему, и мы такъ и не могли узнать отъ кого онъ получалъ свой пенсіонъ. Вскорѣ послѣ смерти отца Луизы я замѣтилъ странную перемену въ настроеніи ея духа и обращеніи. Она оставила свои калризы, раздражительность, упреки; сдѣлалась молчалива и задумчива. Казалось она была

подъ вліяніемъ какого-то сдержаннаго возбужденія: щеки ея горѣли, глаза блуждали. Наконецъ, возвратясь однажды вечеромъ домой я не нашелъ ея. Она не возвратилась ни ночью, ни на другой день. Я не могъ себѣ представить что стало съ нею. У нея не было друзей, и насколько я зналъ, никто не посѣщалъ ее въ нашемъ убогомъ жилищѣ. Въ бѣдномъ домѣ гдѣ мы жили не было *concierge* котораго я могъ бы спросить; но въ нижнемъ этажѣ была маленькая табачная лавочка, и торговавшая въ ней женщина сказала мнѣ что за вѣсколько дней до исчезновенія моей жены она замѣтила какъ та проходила мимо окна лавки выйдя изъ дому послѣ полудня и придя домой къ вечеру. Мнѣ представились два ужасныя подозрѣнія: или во время своей прогулки она встрѣтила какого-нибудь обожателя съ которымъ бѣжала; или же не будучи въ состояніи переносить бѣдность въ союзѣ съ человѣкомъ котораго начала ненавидѣть, она ушла чтобы броситься въ Сену. На третій день послѣ ея побѣга я получилъ отъ нея прилагаемое письмо. Можетъ-быть дочеркъ ея поможетъ тебѣ исполнить порученіе которое я на тебя возлагаю.

„*Monsieur*, — Вы безсовѣстно обманули меня, воспользовавшись моею неопытною юностью и беззащитнымъ положеніемъ склонили меня къ незаконному браку. Единственное утѣшеніе мое въ моихъ несчастіяхъ и безчестіи то что я по крайней мѣрѣ теперь свободна отъ ненавистныхъ узъ. Вы меня больше не увидите; всякія попытки къ этому будутъ тщетны. Яшла убожище у родственниковъ которыхъ имѣла зачистіе разыскать и которымъ довѣрила свою судьбу. Если вы и узнаете мое убожище и будете имѣть дерзость потревожить меня, вы этимъ лишь подвергнете себя возмездію котораго такъ справедливо заслуживаете

„Луиза Дюваль.“

„По прочтеніи этого безсердечнаго неблагодарнаго письма, любовь моя къ этой женщинѣ — уже ослабѣвшая вслѣдствіе ея беспорядочнаго дурнаго нрава — совершенно исчезла изъ моего сердца и никогда не возвращалась. Но совѣсть страшно мучила меня какъ честнаго человѣка. Возможно ли чтобъ я неамѣрно обманулъ ее, чтобы нашъ бракъ былъ незаконнымъ?

„Оправившись отъ оцѣленія бывшего первымъ слѣдствіемъ

этого письма, я обратился къ ближайшему *avoué* по имени Сартижъ чтобъ узнать его мнѣніе, и къ моему огорченію узналъ что между тѣмъ какъ, согласно обычаямъ моей страны, бракъ мой съ Луизою Дюваль былъ законнымъ въ Англіи, и я не могъ жениться на другой, бракъ для нея не былъ законнымъ, такъ какъ совершился безъ согласія ея родственниковъ когда она была несовершеннолѣтняя, не сопровождался обрядомъ римско-католической церкви, къ которой, хотя я никогда не слыхалъ ни отъ нея, ни отъ ея отца о ихъ вѣроисповѣданіи, можно было съ увѣренностію полагать что она принадлежить, и наконецъ между нами не было заключено формальнаго гражданскаго контракта который необходимъ для законности брака французскихъ подданныхъ.

„*Avoué* сказалъ что вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ бракъ самъ по себѣ былъ недействителенъ, и что Луиза могла, не рискуя подвергнуться законному преслѣдованію за двоеженство, выйти снова замужъ во Франціи согласно французскимъ законамъ; но что, при данныхъ обстоятельствахъ, вѣроятно ея ближайшіе родственники обратятся къ подлежащему суду для формальнаго расторженія брака, и это будетъ самымъ действительнымъ средствомъ спасти ее ото всякаго безпокойства съ моей стороны и пресѣчь всякую возможность къ возбужденію въ послѣдствіи вопроса о ея незамужествѣ и правѣ выйти замужъ. Для меня всего лучше было ничего не предпринимать ожидая дальнѣйшихъ происшествій. Я не могъ придумать ничего другаго и покорился необходимости.

„Изъ этого тревожнаго состоянія, въ которомъ злобное чувство противъ Луизы смѣнялось упреками чувства чести, я былъ выведенъ письмомъ отъ дальняго родственника который до того времени не обращалъ на меня вниманія. Въ предшествовавшемъ году онъ потерялъ одного изъ своихъ дѣтей; другой ребенокъ только-что умеръ; кромѣ меня, у него не оставалось ближайшихъ родственниковъ которые бы могли наследовать его состояніе. Онъ извѣщалъ о своемъ семейномъ горѣ съ мужествомъ которое меня тронуло, сообщалъ что здоровье его слабѣетъ и просилъ меня возможно скорѣе прибыть къ нему въ Шотландію. Я пріѣхалъ и прожилъ съ нимъ до его кончины послѣдовавшей нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того. По духовному завѣщанію онъ сдѣлалъ меня наслед-

люкомъ своего обширнаго состоянія съ условіемъ принять его имя.

„Какъ только позволили хлопоты сопряженныя съ получениемъ наслѣдства, я возвратилась въ Парижъ и олатъ увидѣлась съ г. Сартижемъ. Со времени полученія упомянутаго письма я не имѣлъ никакого извѣстія ни отъ Луизы, ни отъ какихъ-либо ея родственниковъ. Не было сдѣлано никакихъ попытокъ къ расторженію брака и прошло достаточно времени чтобы считать невѣроятнымъ что такая попытка будетъ сдѣлана. Но безъ этого, хотя Луиза была свободна отъ брачныхъ узъ, я былъ связанъ ими.

„По моей просьбѣ, г. Сартижъ принялъ самыя дѣятельныя мѣры къ разысканію гдѣ находилась Луиза и кто были родственники у которыхъ, по ея увѣренію, она нашла пріютъ. Для розысковъ была употреблена полиція; были сдѣланы объявленія, безъ упоминанія именъ, но достаточно понятныя для Луизы еслибы они дошли до нея. Въ нихъ говорилось что если въ нашемъ бракѣ была неправильность, то ради ее самой ее просятъ исправить это совершеніемъ втораго обряда. Отвѣтъ долженъ быть адресованъ *avoüé*. Но отвѣта не было; полиція несмотря на неудачные поиски не теряла надежды на успѣхъ, когда черезъ нѣскольکو недѣль послѣ объявленій г. Сартижъ получилъ пакетъ съ удостовѣреніемъ, прилагавшимъ при настоящемъ письмѣ, о смерти Луизы Дюваль въ Мюнхенѣ. Удостовереніе, какъ ты увидишь, повидимому официально засвидѣтельствовано и не подлежитъ сомнѣнію. Такъ полагали и г. Сартижъ и я. Розыски полиціи были прекращены. Я былъ свободенъ. Мало-по-малу я отдѣлялся отъ тяжелаго впечатлѣнія причиненнаго моимъ заполучнымъ бракомъ и извѣстіемъ о смерти Луизы. Богатый и умственно дѣятельный я повемногу отдѣлялся отъ воспоминаній объ испытаніяхъ моей молодости какъ отъ тяжелаго сна. Я вступилъ въ публичную жизнь; составилъ себѣ уважаемое положеніе; познакомился съ твоею теткой; мы обвѣнчались, и ея прекрасная природа повліяла на улучшение моей. Увы, увы! черезъ два года послѣ нашей свадьбы—около пяти лѣтъ послѣ полученія удостовѣренія о смерти Луизы—я съ твоей теткой совершали лѣтнюю поѣздку въ долину Рейна; на возвратномъ пути мы остановились въ Ахенѣ. Однажды какъ я гулялъ въ окрестностяхъ города, я увидалъ на дорогѣ маленькую дѣвочку, по виду лѣтъ пяти, которая въ погонѣ за

бабочкой слоткнулась и улала какъ разъ у моихъ ногъ; я поднялъ ее, и такъ какъ она плакала больше отъ испуга чѣмъ отъ дѣйствительнаго ушиба, я старался всячески успокоить ее; въ это время подошла шедшая въ нѣсколькихъ шагахъ позади дама, взяла ее изъ моихъ рукъ и поблагодарила меня. Звукъ ея голоса заставилъ сердце мое остановиться. Я взглянулъ и увидѣлъ Луизу.

„Она узнала меня только тогда какъ я конвульсивно схватилъ ее за руку и произнесъ ея имя. Изъ насъ двоихъ я, безъ сомнѣнія, больше измѣнился; довольство и счастье оставили во мнѣ мало слѣдовъ прежняго нуждавшагося, истомленнаго заботами студента. Но если я прежде узналъ ее, за то она оправилась скорѣе. Выраженіе лица ея сдѣлалось жестко и сухо. Я не могу передать съ буквальною точностью быстрый разговоръ который произошелъ между нами послѣ того какъ она посадила ребенка на дерновую скамью близъ дороги, сказала чтобъ онъ посидѣлъ тамъ смирно, и отошла со мною на нѣсколько шаговъ какъ бы не желая чтобы ребенокъ могъ слышать что говорилось.

„Содержаніе разговора было слѣдующее: она отказалась дать объясненія относительно удостовѣренія объ ея смерти, сказала только что узнавъ о томъ что она называла „преслѣдованіями“ посредствомъ объявленій и розысковъ полиціи, она послала эти документы по указанному въ объявленіи адресу чтобъ избавиться отъ дальнѣйшаго безпокойства. Но какимъ образомъ были получены эти документы, или же такъ искусно поддѣланы что могли обмануть опытнаго юриста, я не знаю до сего дня. Она объявила что теперь она счастлива, ни въ чемъ не нуждается, и что если я хочу сколько-нибудь поправить причиненное ей зло, то долженъ оставить ее въ покоѣ; въ случаѣ же — чего трудно ожидать — если мы олять встрѣтимся, долженъ смотрѣть на нее какъ на постороннюю; что она съ своей стороны никогда не будетъ безпокоить меня, и что удостовѣреніе въ смерти Луизы Дюваль даетъ мнѣ возможность жениться въ другой разъ, что и она имѣетъ право сдѣлать.

„Я былъ такъ смущенъ и разстроенъ лока она говорила все это что не пытался прерывать ее. Ударъ такъ потрясъ меня что я едва могъ оправиться, и лишь когда она повернулась чтобъ уйти, я вдругъ вспомнилъ что ребенокъ называлъ ее *tata*, и судя по тому сколько ему было лѣтъ на

видѣ, онъ долженъ былъ родиться лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того какъ Луиза оставила меня, и слѣдовательно былъ мой ребенокъ. Среди подавлявшаго меня горя я могъ только пробормотать: „а вашъ ребенокъ? Безъ сомнѣнія онъ имѣетъ на меня права отъ которыхъ вы отказываетесь. Вы не были невѣрны мнѣ пока я считалъ васъ своею женой?“

„— Боже! какъ можете вы оскорблять меня такимъ подозрѣнiемъ? Нѣтъ! воскликнула она порывисто и высокомерно.—Но такъ какъ я не была вашею законною женой, то это не законный вашъ ребенокъ; онъ мой, и только мой. Впрочемъ если вы захотите потребовать его... Она остановилась какъ бы въ нерѣшительности. Я видѣлъ что она готова уступить мнѣ ребенка еслибъ я этого потребовалъ. Я долженъ сознаться, съ угрызениемъ совѣсти, что отступилъ предъ такимъ предложенiемъ. Что могъ я сдѣлать съ ребенкомъ? Какъ объяснить жемъ почему принимаю въ немъ участiе? Еслибъ это былъ мой незаконный ребенокъ, я не рѣшился бы сознаться Джанетъ въ увлеченiи молодости. Но, какъ это было на самомъ дѣлѣ, это ребенокъ отъ прежняго брака,—первая жена жива!—кровь застыла во мнѣ отъ ужаса. Если я возьму ребенка выдумавъ какую-нибудь исторiю о его происхожденiи, развѣ я не подвергну себя, не подвергну Джанету постоянной и ужасной опасности? Естественная любовь матери къ ребенку побуждала бы ее справляться о немъ, при чемъ она легко могла открыть мое новое имя и можетъ-статься черезъ нѣсколько лѣтъ предъявить на меня свои права.

„Нѣтъ, я не могъ рисковать подвергнуться такой опасности. Я проговорилъ угрюмо: „да, вы правы, ребенокъ вашъ и только вашъ“, я готовъ былъ предложить для него денежную помощь, но Луиза уже повернулась презрительно къ скамьѣ на которой оставила дитя. Я видѣлъ какъ она вырвала изъ рукъ его полевые цвѣты которые бѣдняжка набрала; и какъ часто послѣ я вспоминалъ какъ грубо она сдѣлала это, не какъ мать любящая свое дитя. Въ это время на дорогѣ появились другiе прохожiе; двоихъ изъ нихъ я зналъ, это была англiйская чета дружески расположенная къ леди Джанетъ и ко мнѣ. Они остановились подойдя ко мнѣ; въ это время Луиза прошла съ ребенкомъ въ направлении къ городу. Я отвернулся въ противоположную сторону и старался собраться съ мыслями. Какъ ни ужасно было это внезапное открытiе

ясно было что Луиза также сильно желала скрыть его какъ и я. Мало было вѣроятности чтобъ эта тайна когда-нибудь открылась. И она и ребенокъ были одѣты какъ люди богатые. Ребенокъ несомнѣнно не нуждался въ денежной помощи съ моей стороны, и для него было лучше оставаться на попеченіи матери. Такъ пробовалъ я утѣшать и обольщать себя.

„На другой день мы съ Джанетой оставили Ахель и возвратились въ Англію. Но я не могъ отдѣлаться отъ ужасной мысли что Джанета не была моею законною женой; что еслибъ она когда-нибудь проникла тайну сокрытую въ моей груди, она тотчасъ оставила бы меня, хотя бы ей пришлось умереть отъ того (ты знаешь какъ нѣжно она любила меня). Во мнѣ произошла безмолвная перемѣна. Прежде я имѣлъ честолюбіе свойственное людямъ въ публичной жизни; я искалъ славы, положенія, вліянія. Теперь это честолюбіе оставило меня; я отступилъ при мысли сдѣлаться слишкомъ извѣстнымъ чтобы Луиза или ея родственники не узнали того что знали всѣ, то-есть что прежде я носилъ другое имя, имя ея мужа, и вида меня въ богатствѣ и почетѣ, не вздумала бы въ послѣдствіи требовать для себя или для дочери правъ которыми пренебрегла когда полагала что я нахожусь въ бѣдности и неизвѣстности. Но и моя совѣсть и вліяніе ангела жены побуждали меня искать всевозможныхъ случаевъ дѣлать добро другимъ пользуясь тѣми средствами какія давали мнѣ мое положеніе и обстоятельства. Я огорчался когда и это доставляло мнѣ нѣкотораго рода извѣстность. Съ какою болью я избѣгалъ ее! Люди приписывали мою боязнь публичности моей скромности. Меня прославляли, а я зналъ что я обманщикъ. Но годы проходили. Я вичего не слышалъ ни о Луизѣ ни о ребенкѣ, и страхъ мой постепенно проходилъ. Но я былъ доволенъ когда двое дѣтей родившихся у насъ съ Джанетой умерли въ малолѣтствѣ. Еслибъ они остались въ живыхъ, кто знаетъ не могло ли что-нибудь открыться для доказательства что они незаконные?

„Я долженъ слѣзнуть. Наконецъ настала тяжкая утрата въ моей жизни: я лишился женщины которая была для меня все. По крайней мѣрѣ она спаслась отъ открытія которое лишило бы меня права быть при ея смертномъ одрѣ и оставить въ ея могилѣ мѣсто для себя.

„Но послѣ первой агоніи послѣдовавшей за ея утратою,

овѣсть, которую я такъ долго старался усложивать, громко говорила. Луиза потеряла всякое право на мое вниманіе, но не безвѣстный ребенокъ. Живъ ли онъ еще? Если такъ, то не была ли дочь наследницей моего состоянія какъ единственный мой ребенокъ оставшійся въ живыхъ? Правда, я имѣлъ полное право распорядиться моимъ состояніемъ; оно не заключалось въ землѣ, не было заказнымъ; но не имѣла ли дочь которую я такъ покинулъ больше всѣхъ нравственное право на него? Не обязанъ ли я былъ вознаградить ее? Ты помнишь что докторъ посоветовалъ мнѣ на время переехать въ Парижъ. Я уѣхалъ, никто не зналъ куда. Я отправился въ Парижъ, чтобъ отыскать г. Саргиса, *avocat*. Я узналъ что онъ давно умеръ. Тогда я обратился къ его душеприкащикамъ съ вопросомъ не сохранилось ли послѣ него какихъ-нибудь бумагъ или переписки его съ Ричардомъ Макдональдомъ происшедшей вѣскольکو лѣтъ тому назадъ. Оказалось что всѣ эти документы, вмѣстѣ съ другими не возвращенными послѣ его смерти корреспонденціямъ, были сожжены по его распоряженію. Такимъ образомъ не осталось никакого указанія на мѣсто-пробываніе Луизы, если оно и было найдено послѣ того какъ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Я не зналъ что дѣлать. Я не рѣшился начать розыски съ помощью постороннихъ людей такъ какъ въ случаѣ открытія ребенка, могъ сдѣлаться извѣстнымъ и бракъ который оскорбилъ бы память моей святой покойницы. Я возвратился въ Англію чувствуя что дни мои сочтены. Я передаю тебѣ заботу о розыскахъ которыхъ не могъ произвести самъ. Я завѣщаю тебѣ, за исключеніемъ мелкихъ раздачъ и вкладовъ на общественную благотворительность, все мое состояніе. Но ты поймешь изъ этого письма что тебѣ поручается его храненіе, о чемъ я не могъ умолять въ моемъ завѣщаніи. Я не могъ не оскорбить почтенную память твоей тетки назначить наследницей моего состоянія дочь отъ жены которая была жива когда я женился на Жанеттѣ. Всякій намекъ на это могъ бы подать поводъ къ сплетнямъ и подозрѣніямъ и послужить къ открытію того что я хочу оставить въ тайнѣ. Я разчиталъ что за всѣми вычетами сумма переходящая къ тебѣ по завѣщанію простирается до 220.000 фунтовъ. Но я передаю безусловно и немедленно въ твою собственность сравнительно ничтожную сумму 20.000 фунтовъ. Если дочь Луизы не находится въ живыхъ или если ты откроешь что вопреки всѣмъ вѣроятно-

стамъ это не мой ребенокъ, все состояніе переходитъ къ тебѣ. Но если сама Луиза жива и можетъ нуждаться въ денежной помощи, ты озаботишься чтобъ она получала ежегодно сколько ты найдешь достаточнымъ, во не звала бы источника. Тебѣ принадлежитъ забота, если возможно, даже больше чѣмъ мнѣ, хранить незаятнаннымъ имя и память той кто была для тебя второю матерью. Цѣль моя была бы вполнѣ достигнута еслибы ты найдя мою дочь могъ, не насилуя своей склонности, жениться на ней. Въ такомъ случаѣ она пользовалась бы вмѣстѣ съ тобою моимъ богатствомъ, и всѣ требованія справедливости и долга были бы удовлетворены. По годамъ она подходила бы тебѣ. Когда я видѣлъ ее въ Ахенѣ, она подавала надежду наследовать не малую долю красоты матери. Если увѣреніе Луизы что она живетъ въ довольствѣ было справедливо, то дочь ея вѣроятно была воспитана съ кѣжностью и заботливостью. Ты увѣрялъ меня что у тебя нѣтъ другой привязанности. Но если отыскавъ мою дочь ты найдешь что она уже замужемъ, или что ты не можешь ни любить ни уважать ее, я доверяю вполнѣ твоей чести рѣшить какая часть оставленныхъ тебѣ 200.000 можетъ быть передана ей. Мать могла испортить ее. Она могла, отъ чего Боже упаси, пойти по дурной дорогѣ. Въ такомъ случаѣ я желаю только чтобъ ей былъ удѣленъ изъ моего состоянія ежегодный доходъ который могъ бы избавить ее отъ дальнѣйшаго паденія и отъ искушеній бѣдности. Но можетъ-статься, напротивъ, ты встрѣтишь въ ней особу которая во всѣхъ отношеніяхъ достойна стать моею главною наследницею. Во всемъ этомъ я вполнѣ доверяю тебѣ какъ человѣку который изъ всѣхъ кого я знаю обладаетъ высшимъ чувствомъ чести и въ то же время наибольшимъ практическимъ смысломъ и знаніемъ жизни. Главнѣйшимъ затрудненіемъ, при передачѣ части наследства дѣвушкамъ, если она отыщется и окажется моею дочерью, будетъ сдѣлать это такимъ образомъ чтобы ни она ни ея окружающіе не могли приписать этого мнѣ. Она никогда не должна быть признана моею дочерью—никогда! Твое уваженіе къ дорогой покойницѣ не дозволитъ этого. Твой свѣтлый сильный умъ долженъ побѣдить это затрудненіе: мой ослабленъ уже твоею смертію. Ты обсудишь также тщательно какъ приступить къ розыскамъ матери и ребенка такимъ образомъ чтобы не разоблачить нашу тайну. Для этого потребна большая осторожность. Вѣроятно ты начнешь розыски въ Парижѣ, съ помощью полиціи,

съ которою будешь очень сдержанъ въ своихъ сообщеніяхъ. Къ величайшему несчастію у меня нѣтъ миниатюрнаго портрета Луизы, и я могу дать только общее описаніе ея наружности которое мало поможетъ ея открытію. Но каково бы оно ни было, оно остережетъ тебя отъ того чтобъ ошибочно не принять за нее другую. Луиза была средняго роста, но казалась нѣсколько выше своего роста; у нея было странное сочетаніе темныхъ волосъ, свѣтлаго цвѣта лица и свѣтлосѣрыхъ глазъ. Теперь ей должно быть безъ малаго сорокъ лѣтъ. Она не лишена была образованія, полученнаго отъ отца. Хорошо говорила по-англійски; рисовала со вкусомъ и даже не безъ таланта. Осторожнѣе будетъ начать розыски сперва Луизы чѣмъ ребенка, который долженъ быть главною цѣлью розысковъ, ибо только разузнавъ все до нея касающееся ты будешь въ состояніи убѣдиться въ вѣрности свѣдѣній касательно дочери, которую я можетъ-статься только по ошибкѣ считалъ своею. Хотя Луиза говорила съ такимъ высокомеріемъ о томъ что свободна выходить замужъ, но рожденіе ребенка могло повредить ея репутаціи и сдѣлаться серіознымъ препятствіемъ ко второму браку, такъ какъ она не приняла законныхъ мѣръ къ расторженію брака со мною. Если такимъ образомъ она не вышла снова замужъ, ей не было причинъ не принять снова свое дѣвичье имя Дюваль, какъ въ письмѣ къ мнѣ, видя что я пересталъ беспокоить ее розысками, для избѣжанія коихъ она придумала фальшивое удостовѣреніе своей смерти. Поэтому вѣроятно она живетъ гдѣ-нибудь въ Парижѣ подъ именемъ Дюваль. Понятно что тагость неизвѣстности касательно твоего состоянія не должна быть твоимъ удѣломъ на неопредѣленное время. Если по окончаніи напримѣръ двухъ лѣтъ твои розыски не приведутъ ни къ какому результату, тогда три четверти всего моего состоянія переходятъ въ твою полную собственность, а четвертую часть ты помѣстишь для приращенія процентами на случай если мой ребенокъ найдется въ послѣдствіи. Если же онъ не найдется, это будетъ запаснымъ капиталомъ для твоихъ дѣтей. О, еслибы дочь моя могла найтись вовремя, еслибы она была такова что ты могъ бы полюбить ее и жениться на ней по свободному выбору! Больше я ничего не могу сказать. Пожалѣй меня, и не суди строго мужа Джанеты.

„Р. К.“

22°

Теперь данъ ключъ къ поведенію Грагама, теперь понятно глубокое горе приводившее его на могилу тетки которую онъ такъ чтилъ и уважалъ и добрая память коей подвергалась такой серьезной опасности; понятно почему такъ мало измѣнился его образъ жизни послѣ полученія наслѣдства которое считали такимъ значительнымъ; понятно его удаленіе отъ политической карьеры; поводы къ розыскамъ и его осторожность, наконецъ, положеніе относительно Исавры въ которое такъ жестоко поставили его обстоятельства.

Разумѣется, первою мыслью его при обсужденіи условій завѣщанія была мысль о женитьбѣ на дочери Ричарда Кинга, если окажется что она не замужемъ, не обручена и не противна его склонности. Онъ раздѣлялъ побужденія заставившія покойнаго упомянуть объ этомъ. Это было самое простое и удобное средство оказать справедливость законной наслѣдницѣ не обнаруживъ тайну столь важную для чести его тетки, самого Ричарда Кинга, его благодѣтеля, и знаменитой фамиліи изъ которой происходила леди Джанета. Можетъ-статься что и соображеніе удержать такимъ способомъ состояніе столь полезное для его карьеры не было безъ вліянія на умъ этого человѣка честолюбиваго отъ природы. Но онъ не позволялъ себѣ останавливаться на этомъ соображеніи. Онъ считалъ его преступнымъ. Но на практикѣ это представляло большія прелестствія къ его женитьбѣ на комъ-нибудь другомъ, пока онъ не исполнитъ свою миссію, и не разъяснится неопредѣленность касательно его состоянія. Могъ ли онъ по совѣсти явиться къ дѣвухѣ и ея родителемъ человѣкомъ богатымъ тогда какъ могъ сдѣлаться бѣднякомъ? Могъ ли онъ упомянуть юристу объ условіяхъ вслѣдствіе коихъ при брачномъ контрактѣ онъ не могъ располагать ни однимъ шиллингомъ изъ той значительной суммы которая могла рано или поздно перейти въ другія руки? Тѣмъ не менѣе, когда онъ убѣдился въ глубинѣ чувства внушеннаго ему Исаврой, мысль о женитьбѣ на дочери Ричарда Кинга, если она находится въ живыхъ и еще не замужемъ, сдѣлалась невозможною. Сиротство молодой Италианки устраивало прелестствія ко браку котораго помѣшали бы ему свататься за дѣвуху одинаковаго съ нимъ общественнаго положенія, родители коей могли бы настаивать на брачномъ контрактѣ. И еслибы въ тотъ день какъ онъ видѣлъ Исавру въ послѣдній разъ, онъ засталъ ее одну, безъ сомнѣнія онъ уступилъ бы голосу сердца

крылъ бы ей свою любовь, и при взаимности сталъ бы ея женихомъ. Но мы видѣли какъ при послѣднемъ свиданіи было подавлено это сердечное желаніе. Англійскіе предразсудки его были такъ глубоки что будь онъ даже свободенъ отъ условій завѣщанія, онъ и тогда отступилъ бы предъ бракомъ съ дѣвушкой которая въ жандѣ знаменитости могла имѣть что-нибудь общее съ такимъ человѣкомъ какъ Густавъ Рамо, по своимъ привычкамъ принадлежавшимъ къ *богемамъ*, и социалистомъ по убѣжденіямъ.

Узнавъ изъ Парижа онъ принялъ рѣшеніе оставить всякую мысль о бракѣ съ Исаврой и вполнѣ посвятить себя дѣлу которое было для него священною обязанностью. Не потому чтобъ онъ могъ думать о женитьбѣ на другой, даже еслибы вслѣдствіе вполнѣ удовлетворила всѣмъ требованіямъ его сердца, будь оно совершенно свободно; но его тяготило бремя лежавшее на немъ, состояніе которое могло не принадлежать ему, неопредѣленность парализовавшая всѣ его честолюбивыя планы на будущее.

Однако, несмотря на борьбу съ собою—а едва ли кто могъ бороться болѣе рѣшительно,—онъ не могъ отогнать отъ себя образъ Исавры. Образъ этотъ постоянно преслѣдовалъ его, и вмѣстѣ съ нимъ чувство невозвратимой потери, ужасной пустоты и острой боли.

Успѣхи его розысковъ въ Ахенѣ, хотя и были достаточны для того чтобъ удерживать его въ этомъ мѣстѣ, были однако же такъ незначительны и подвигались такими медленными шагами что не давали достаточно пищи его беспокойному уму. Г. Ренаръ былъ ловокъ и неутомимъ. Но не легко было собрать свѣдѣнія о Парижанкѣ бывшей такъ много лѣтъ назадъ на этихъ водахъ гдѣ посетители такъ многочисленны. Къ тому же имя Дюваль было такъ обыкновенно что и въ Ахенѣ, какъ въ Парижѣ, время уходило въ погонѣ за другими Дюваль, которыя какъ оказывалось не имѣли ничего общаго съ отыскиваемою Луизой. Наконецъ г. Ренару посчастливилось найти домъ въ которомъ въ 1849 году жили въ теченіи трехъ недѣль двѣ дамы изъ Парижа. Имя одной было *Мте* Дюваль, другой *Мте* Мариньи. Обѣ были молоды, обѣ очень красивы и почти одинаковаго роста и съ одинакими волосами. Но *Мте* Мариньи была красивѣе. *Мте* Дюваль посѣщала игорную залу и была ловидному очень веселаго нрава. *Мте* Мариньи жила очень тихо,

рѣдко, почти никогда не выходила изъ дому и казалось была слабого здоровья. Она какъ-то внезапно оставила квартиру, и сколько могла припомнить квартирная хозяйка, поселилась въ какой-то деревнѣ близъ Ахена, но хозяйка не помнила гдѣ именно. Мѣсяца черезъ два по отъѣздѣ *Mme* Мариньи, *Mme* Дюваль также оставила Ахенъ вмѣстѣ съ однимъ Французомъ часто посѣщавшимъ ее въ послѣднее время, красивымъ человѣкомъ съ рѣзко-очерченными лицомъ. Квартирная хозяйка не знала кто и что такое онъ былъ. Она помнила только что докладывая о немъ *Mme* Дюваль, его называли *Monsieur Achille*. Послѣ отъезда *Mme* Дюваль, квартирная хозяйка никогда больше не встрѣчала ее. Но *Mme* Мариньи она встрѣтила еще разъ, лѣтъ черезъ пять послѣ того какъ она съѣхала съ квартиры, встрѣтила случайно, на желѣзнодорожной станціи, сразу узнала ее и предложила ей занять прежнюю квартиру. *Mme* Мариньи послѣшью отвѣтила что она въ Ахенѣ лишь на нѣсколько часовъ и уѣзжаетъ въ тотъ же день.

Розыски были направлены на отысканіе *Mme* Мариньи. Время когда квартирная хозяйка видѣла ее въ послѣдній разъ совпадало съ тѣмъ когда Ричардъ Кингъ встрѣтилъ Луизу. Слѣдовательно она могла быть вмѣстѣ съ ней въ Ахенѣ въ это время и будучи отыскана могла сообщить свѣдѣнія о послѣдовавшихъ событіяхъ ея жизни и настоящимъ мѣстопробываніи.

Послѣ утомительныхъ розысковъ по всѣмъ окрестностямъ Ахена, Грагамъ, совершенно случайно, попалъ на слѣдъ подруги Луизы. Онъ одиноко блуждалъ по окрестностямъ Ахена, когда застигнутый сильною грозой принужденъ былъ просить убѣжища въ домѣ мелкаго фермера стоявшемъ въ полѣ немного въ сторонѣ отъ проселка по которому онъ шелъ. Пережидая пока пройдетъ гроза и просушивая платье предъ огнемъ въ комнатѣ примыкавшей къ кухнѣ, онъ вступилъ въ разговоръ съ женой фермера, пріятною женщиной, и сдѣлалъ нѣсколько лестныхъ замѣчаній о висѣвшей на стѣнѣ небольшой акварельной картинкѣ.

— А, сказала жена фермера,—это подарокъ одной французской дамы которая жила здѣсь много лѣтъ тому назадъ. Она прекрасно рисовала, бѣднѣйка.

— Дама которая жила здѣсь много лѣтъ назадъ — сколько лѣтъ?

— Я думаю лѣтъ около двадцати.

— Въ самомъ дѣлѣ! Не была это *Mme* Мариньи?

— *Bon Dieu!* Ее дѣйствительно такъ звали. Вы знали ее? Я бы рада была узнать что она счастлива.

— Я не знаю гдѣ она теперь, и стараюсь найти ее. Помогите мнѣ пожалуста. Долго *Mme* Мариньи жила у васъ?

— Я думаю не меньше двухъ мѣсяцевъ; да, два мѣсяца. Она уѣхала отъ насъ черезъ мѣсяць послѣ родовъ.

— Она родила здѣсь?

— Да. Когда она пришла въ первый разъ, мнѣ и въ голову не пришло что она была *enseignante*. Она была хороша собой, и никто бы не догадался объ этомъ. Я начала подозрѣвать лишь за вѣсколько дней до того какъ это случилось; и это было такъ неожиданно что все счастливо кончилось прежде чѣмъ успѣли послать за акушеромъ.

— И ребенокъ остался живъ? Мальчикъ или дѣвочка?

— Дѣвочка, прелестная малютка.

— Уѣзжая взяла она ребенка съ собой?

— Нѣтъ; она отдала его кормилицѣ, племянницѣ моего мужа у которой около того времени тоже былъ ребенокъ. *Madame* платила хорошо, и продолжала высылать деньги каждыя полгода, пока не пріѣхала сама и не взяла ребенка.

— Когда это было? Немного меньше лати лѣтъ послѣ того какъ она оставила его?

— Вы все это знаете, *monsieur*; да, почти черезъ пять лѣтъ. Она не заѣхала ко мнѣ, и мнѣ это показалось обидно, но она прислала мнѣ черезъ племянницу настоящіе золотые часы и шаль. Бѣдная дама—она была дама съ ногъ до головы—такая гордая и не терпѣла чтобъ ее спрашивали. Но я увѣрена что она не была изъ вашихъ легкихъ Французовъ, а честная жена какъ я, хотя она никогда не говорила объ этомъ.

— И вы не имѣете лоятія гдѣ она прожила пять лѣтъ послѣ своего отъѣзда или куда отправилась взявъ ребенка?

— Нѣтъ, *monsieur*.

— Но она посылала деньги за ребенка по почтѣ и на конвертахъ были почтовые штемпеля?

— Видите ли, я сама не ученая. Но не повидаетесь ли вы

съ Маріей Губертъ, это моя племянница, можетъ-быть у нея сохранились конверты.

— Гдѣ живетъ гжа Губертъ?

— Это будетъ въ разстояніи мили отсюда по кратчайшей дорогѣ; вы не можете обиться. У мужа ея есть свой клочокъ земли, но онъ занимается также извозомъ; на двери у него написано *Максъ Губертъ извозчикъ*, домъ его какъ разъ противъ церкви. Дождь пересталъ, но можетъ-быть вамъ слышкомъ далеко идти туда сегодня.

— Ничуть. Очень вамъ благодаренъ.

— А если вы найдете эту даму и увидите съ ней, скажите ей что я была бы очень рада услышать добрыя вѣсти о ней и о малюткѣ.

Грагамъ направился подъ прояснившимся небомъ къ указанному дому. Онъ засталъ гжу Губертъ дома и готовую отвѣчать на разспросы, но, увы! у нея не было конвертовъ. *Мме* Маринья, когда брала ребенка, спросила конверты отъ своихъ писемъ и взяла ихъ съ собою. Гжа Губертъ, которая была также мало ученая какъ и ея тетка, никогда не обращала вниманія на почтовые штемпеля на конвертахъ; она помнила только первый въ которомъ былъ присланъ банкнотный билетъ; штемпель этотъ былъ *Вьнна*.

— Но не сообщала ли *Мме* Маринья въ своихъ письмахъ адреса по которому вы могли извѣщать ее о ребенкѣ?

— Я думаю она мало заботилась о своемъ ребенкѣ, *mon sieur*. Она поцѣловала дитя очень холодно когда пріѣхала за нимъ. Я сказала дѣвочкѣ что это ея мама, и *Мме* Маринья сказала: „да, ты можешь звать меня *taman*“, и сказала это голосомъ вовсе не материнскимъ. Она привезла съ собой небольшой мѣшокъ въ которомъ были хорошенькія платица для дѣвочки, и была очень нетерпѣлива пока ребенокъ не надѣлъ ихъ.

— Увѣрены ли вы что это была та самая дама которая оставила ребенка?

— О, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Она была *très belle*, но мнѣ она не нравилась, какъ нравилась теткѣ. Она очень высоко поднимала голову и смотрѣла вѣсколько презрительно. Хотя, нужно сознаться, была очень щедра.

— Но вы еще не отвѣтили на мой вопросъ, не было ли въ письмахъ адреса.

— Она прислала всего два письма. Одно, при которомъ былъ

приложена первая плата, было всего въ вѣсколько строкъ; въ немъ говорилось что если ребенокъ будетъ здоровъ и счастливъ, мнѣ не зачѣмъ писать; если же онъ умретъ или опасно заболѣетъ, я могу во всякое время написать вѣсколько словъ по адресу *Madame M. Poste restante*, Вѣна. Она путешествуетъ, но письмо рано или поздно дойдетъ къ ней. Въ другомъ письмѣ она извѣщала меня что прїѣдетъ за ребенкомъ, и что ее можно ждать для черезъ три по полученіи письма.

— Всѣ же остальные присылки отъ нея были только деньги безъ писемъ?

— Точно такъ.

Грагамъ, видя что ничего больше не можетъ узнать, ушелъ. По дорогѣ домой, обдумывая то на что наведем его открытія этого дня, онъ рѣшилъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ г. Ренаромъ, отправиться въ Мюнхенъ, и постараться узнать тамъ что можно касательно удостовѣренія о смерти Луизы Дюваль, которому (раздѣлая очень вѣроятное предположеніе Ричарда Кинга что оно было искусно поддѣлано) онъ до сего времени не придавалъ особаго значенія.

Г Л А В А VII.

Никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ не привели справки въ Мюнхенѣ кромѣ удостовѣренія въ томъ что свѣдѣтельство о смерти особы называвшей себя Луизой Дюваль не было вымышлено. Дама носившая это имя прибыла однажды вечеромъ въ одинъ изъ лучшихъ отелей и заняла прекрасное помѣщеніе. Она прїѣхала безъ прислуги, но въ сопровожденіи господина, который однако удался изъ отеля лишь только удостовѣрился что гжа Дюваль будетъ имѣть всѣ необходимыя удобства. Въ книгахъ отеля все еще сохранялось ея имя: *madame Duval, Française, rentière*. Сравнивъ почеркъ которымъ было написано имя съ почеркомъ письма первой жены Ричарда Кинга, Грагамъ нашелъ что они не сходны; но имя могло быть вписано не самою *madame* Дюваль. Господинъ въ сопровожденіи котораго она прїѣхала посѣтилъ ее опять на слѣдующій день, обѣдалъ съ ней и провелъ у нея вечеръ, но никто въ отелѣ не помнилъ его имени и даже сказалъ ли онъ какое-нибудь имя. Послѣ этого посѣщенія, его не видали болѣе. Два дня спустя гжа Дюваль заболѣла; былъ

приглашенъ докторъ который и лѣчилъ ее до самой смерти. Докторъ былъ легко отыскавъ. Онъ хорошо помнилъ Луизу Дюваль, умершую отъ воспаленія легкихъ, вѣроятно вслѣдствіе простуды во время дороги. Роковые симптомы обнаружались скоро, и она умерла на третій день своей болѣзни. Она была молода и красива. Докторъ спросилъ у нея не поручить ли она ему написать къ ея друзьямъ, но она отвѣчала что у нея есть только одинъ другъ, что она уже писала ему и что онъ долженъ пріѣхать черезъ день или два. И по справкамъ оказалось что она дѣйствительно написала какое-то письмо и сама снесла его на почту предъ тѣмъ какъ заболѣла.

Въ кошелькѣ ея оказались деньги, небольшія, но достаточныя для покрытія всѣхъ ея расходовъ и для похоронъ, совершенныхъ, по мѣстному закону, почти немедленно послѣ ея кончины. Въ ожиданіи друга которому она писала вещи ея были опечатаны. На другой день послѣ ея смерти пришло письмо на ея имя. Оно было вскрыто и прочтано. Писалъ его несомнѣнно мущина и повидимому ея возлюбленный. Онъ выражалъ страстное сожалѣніе что не можетъ возвратиться въ Мюнхенъ такъ скоро какъ ожидалъ, но что онъ надѣется увидать свой милый *bowton de rose* на слѣдующей недѣлѣ. Онъ подписался *Achille* и не прибавилъ своего адреса. Два два или три спустя, въ гостиницу пріѣхала другая дама, также молодая и красивая, и спросила о гжѣ Дюваль. Узнавъ о ея смерти, она была сильно поражена. Когда она нѣсколько успокоилась и ее спросили о положеніи и родствѣ гжи Дюваль, она очевидно смутилась. Послѣ настоячивыхъ разспросовъ она отвѣчала только что она не родня гжѣ Дюваль, что сколько ей извѣстно, у гжи Дюваль не было родныхъ, по крайней мѣрѣ такихъ съ которыми она жила бы въ дружескихъ отношеніяхъ, что ея собственное знакомство съ покойной, хотя и дружеское, было весьма недавнее. Объ авторѣ письма съ подписью *Achille* она не могла или не хотѣла сказать ни слова, и уѣхала изъ Мюнхена въ тотъ же день вечеромъ, заставивъ своими отвѣтами предположить что гжа Дюваль была одной изъ тѣхъ женщинъ которыя избравъ образъ жизни не одобряемый свѣтомъ, живутъ локалиуныя своими родными и часто подъ чужимъ именемъ.

Achille не пріѣхалъ, но нѣсколько дней спустя одинъ мюнхенскій адвокатъ получалъ отъ другаго адвоката изъ Вѣны

письмо въ которомъ послѣдній просилъ, по порученію одного своего кліента, прислать формальное удостовѣреніе въ смерти Луизы Дюваль. Удостовереніе было послано и послѣ того никто не спрашивалъ болѣе о покойной. По прошествіи узаконеннаго срока, вещи ея, заключавшіяся въ двухъ чемоданахъ и туалетной шкатулкѣ, были распечатаны, но между ними не оказалось ни писемъ, даже ни одной строчки отъ Ашиля, ни какихъ-либо указаній на родство и положеніе покойной. Что затѣмъ было сдѣлаемо съ ея имуществомъ, состоявшимъ только изъ принадлежностей женскаго туалета, никто въ гостиницѣ не могъ объяснить удовлетворительно. Хозяйка говорила какъ-то угрюмо что оно, по распоряженію начальства, было продано ея предшественникомъ въ пользу бѣдныхъ.

Если особа называвшая себя другомъ Луизы Дюваль сказала свое имя, что было впрочемъ несомнѣнно, никто его не помнилъ. Оно не было внесено въ книгу отеля, такъ какъ дама пробывла въ немъ только день, и очевидно не хотѣла ждать формальнаго допроса полиціи. Словомъ, было ясно что бѣдная Луиза Дюваль была принята за искательницу приключеній и содержателемъ отеля, и докторомъ въ Мюнхенѣ. И смерть ея очевидно возбудила такъ мало интереса что оставалось только удивляться какъ сохранились и тѣ немногія подробности которыя удалось узнать.

Послѣ продолжительнаго, но безплоднаго пребыванія въ Мюнхенѣ, Грагамъ и Ренаръ отправились въ Вѣну. Тамъ по крайней мѣрѣ была надежда найти *madame* Мариньи.

Въ Вѣнѣ однако никакіе розыски не навели на слѣдъ такой особы, и Грагамъ, отчаявшись въ успѣхѣ, уѣхалъ въ Анлію въ январѣ 1870 года, поручивъ продолженіе изслѣдованій гну Ренару. Ренаръ, вынужденный возвратиться на время въ Парижъ, обѣщавъ однако что онъ не успокоится пока не отыщеть *madame* Мариньи, и Грагамъ убѣдился въ искренности его намѣренія когда онъ отказался отъ половины предложеннаго ему щедраго вознагражденія, сказавъ: *Je suis Français; votre* порученіе перестало быть для меня денежнымъ дѣломъ; въ немъ замѣшано мое самолюбіе.

ГЛАВА VIII.

Если свѣтское общество цѣнило прежде Грагама Вена за его личныя качества, то тѣмъ болѣе стало оно цѣнить его и уваживать за нимъ теперь когда къ его репутаціи даровитаго человѣка прибавилось богатство. Дамы высшего свѣта говорили что Грагамъ Венъ можетъ быть хорошею партией для любой дѣвушки. Знаменитые политики слушали его теперь съ болѣе серьезнымъ вниманіемъ и приглашали его на самыя избранныя общенныя собранія. Его родственникъ герцогъ уговаривалъ его искать избранія въ парламентъ или по крайней мѣрѣ купить опять его старый *Stamm-schloss*, но Грагамъ упорно отклонялъ оба совѣта, продолжалъ жить въ своей старой квартирѣ такъ же скромно какъ прежде и выносилъ съ удивительною кротостью и покорностью бремя свѣтскихъ обязанностей возложенное теперь на его плечи. Но въ душѣ онъ былъ не покоенъ и несчастенъ. Порученіе завѣщанное ему Ричардомъ Кингомъ преслѣдовало его мысли какъ неотвязчивый призракъ. Неужели вся жизнь его должна быть притворствомъ, которое было пыткой для его прямой, открытой натуры? Долго ли суждено ему считаться богачомъ и жить бѣдно и навлекать на себя обвиненія въ скардености, отказываясь удовлетворять справедливыя притязанія на приписываемое ему богатство? Неужели ему до конца жизни придется сдерживать стремленія своего честолюбія и притворяться эликурейцемъ не способнымъ имѣть его?

Но мучительнѣе всего этого было для него сознаніе что онъ не побѣдилъ, не могъ побѣдить свою страстную любовь къ Исаврѣ, между тѣмъ какъ и умъ его и всѣ его предразсудки упорно возставали противъ этой любви. Во французскихъ газетахъ которыя онъ просматривалъ во время своихъ розысковъ въ Германіи, даже въ нѣмецкихъ критическихъ журналахъ, онъ встрѣчалъ отзывы о новой писательницѣ, отзывы хвалебные, правда, но казавшіеся ему оскорбительнѣе такихъ которые, порицая ея произведеніе, отягали бы у нея охоту писать, оскорбительнѣе всего что можетъ услышать нищина о женщицѣ къ которой онъ желалъ бы относиться съ рыцарскою почтительностью. Дѣвушка очевидно сдѣлалась такимъ же достояніемъ публички какъ есаубы поступила на

сцену. Мелочныя подробности объ ея наружности, о ямочках на ея щекахъ, о бѣлизнѣ ея рукъ, объ ея оригинальной манерѣ убирать волосы, анекдоты о ней начиная съ ея дѣтства (вымышленные, конечно, но могъ ли Грагамъ знать это?), причины вслѣдствіе коихъ она предпочла карьеру писательницы сценѣ, разказы о впечатлѣніи произведенномъ ею въ нѣкоторыхъ салонахъ (такихъ салонахъ гдѣ Грагамъ, хорошо знавшій Парижъ, не желалъ бы видѣть свою жену), о комплиментахъ которыми осылаютъ ее нѣкоторые *grands maîtres*, извѣстные своими *liaisons* съ балетными танцовщицами, или писателя гевій которыхъ парилъ выше *flamman-tia toenia* міра гдѣ всякій стѣсненъ уваженіемъ къ праву собственности своихъ ближнихъ, всѣ эти подробности принадлежація къ области частныхъ сплетенъ, которой не касаются англійскіе критики женскихъ произведеній, но въ которую любятъ заглядывать критики на континентѣ и американскіе журналисты, все это было для чувствительнаго Англичанина тѣмъ же чѣмъ было бы детальное описаніе прелестей Эгеріи для Нумы Помпилія. Нимфа, освященная для него тайнымъ обожаніемъ, была профанирована грязными руками толпы и народными голосами, говорившими: мы знаемъ объ Эгеріи болѣе чѣмъ ты. И когда онъ вернулся въ Англію и встрѣчаясь со старыми друзьями, знакомыми съ парижскою жизнью, слышалъ такіа замѣчанія: „Вы читали конечно романъ Чигоньи. Чтѣ вы думаете о немъ? Хорошая вещь, можетъ-быть, но этотъ родъ романовъ не въ моемъ вкусѣ. Даже Жоржъ Сандъ наводитъ на меня скуку. Я предпочитаю *Парижскія Тайны и Монте-Кристо*“, Грагамъ Венъ какъ критикъ возмущался и расхваливалъ романъ, хотя дорого далъ бы чтобъ онъ не былъ написанъ, но послѣ слора говорилъ себѣ: — Какъ могу я, Грагамъ Венъ, быть такимъ идиотомъ чтобъ вздыхать ежечасно о ней и повторять себѣ: „какое мнѣ дѣло до другихъ женщинъ? Исавра, Исавра!“

КНИГА VII.

ГЛАВА I.

Была первая недѣля мѣсяца мая 1870. Знаменитости растутъ быстро въ салонахъ Парижа. Густавъ Рамо приобрѣлъ положеніе о которомъ вздыхалъ. Значеніе издаваемого имъ журнала возрасло и его доля выгоды была щедро увеличена талантливымъ собственникомъ журнала. Рамо былъ признанъ силою въ литературныхъ кружкахъ. А такъ какъ въ Парижѣ критики принадлежащія къ одной кликѣ имѣютъ обыкновеніе хвалить другъ друга, то лица авторитетныя въ печати заявляли что его стихи превосходятъ по силѣ Альфреда Мюссе и по изяществу Виктора Гюго.

Правда поэзія Густава не находила многихъ читателей въ публикѣ. Но о современной поэзіи многіе говорятъ какъ Dr. Джонсонъ о стихахъ Спратта: „я готовъ скорѣе хвалить ихъ нежели читать“.

Какъ бы то ни было, Рамо былъ хорошо принятъ въ веселыхъ и блестящихъ кругахъ, и по примѣру модныхъ французскихъ литераторовъ проживалъ больше чѣмъ получалъ, занималъ прекрасную холостую квартиру, отдѣланную артистически, много тратилъ на украшеніе своей особы и роскошно обѣдалъ въ *Café Anglais* и *Maison Dorée*. Репутація болѣе серьезная и возбуждавшая болѣе тревожный интересъ была достигнута виконтомъ де-Молеономъ. Послѣднія статьи въ *Sens Commun* подписанныя Пьеромъ Ферменомъ и касавшіяся тревожнаго вопроса о лебисцитѣ набрасывали тѣнь на правительство, и Рамо получилъ сообщеніе что онъ какъ издатель отвѣчаетъ за статьи сотрудниковъ появляющіяся въ издаваемомъ имъ журналѣ; и хотя, пока казуистика Пьера Фермена держалась въ благоразумныхъ границахъ, правительство смотрѣло сквозь пальцы на нарушеніе закона по которому каждая политическая статья въ журналѣ должна быть подписана подлиннымъ именемъ автора, но теперь оно не можетъ быть такъ снисходительно. Пьеръ Ферменъ повидимому *est de plume*; если вѣтъ, его личность

должна быть удостоверена, или же Рамо заплатить штрафъ которому повидимому имѣеть подвергнуться его сотрудникъ.

Рамо, сильно встревоженный за судьбу журнала который могъ быть приостановленъ, и за себя, ибо ему грозила тюрьма, сообщилъ объ этомъ чрезъ книгопродавца-издателя своему корреспонденту Пьеру Фермеу, и получилъ на слѣдующій день статью подписанную Викторомъ де-Молеономъ въ которой авторъ заявлялъ что подлисъ Пьеръ Ферменъ принадлежала ему, говорилъ еще болѣе рѣзкимъ тономъ чѣмъ прежде и вызывалъ правительство употребить законныя мѣры противъ него. Правительство было достаточно осторожно чтобы не обратить вниманія на эту высокомерную браваду, но Викторъ де-Молеонъ сразу выросъ въ политическомъ значеніи. Онъ уже успѣлъ занять подъ своимъ настоящимъ именемъ уважаемое положеніе въ парижскомъ обществѣ. Но если это возстановленіе въ обществѣ создало ему враговъ которыхъ у него прежде не было, онъ принялъ рѣшеніе презирать нападку личнаго гнѣва. Его старая репутація личной храбрости и искусства владѣть шлагой и листодегомъ оберегала его отъ такихъ нападковъ на которыя парижскій журналистъ отвѣчаетъ не съ помощью пера. Если у него явилось нѣсколько враговъ, то явилось и гораздо больше друзей или по крайней мѣрѣ сторонниковъ и поклонниковъ. Не доставало только штрафа и тюремнаго заключенія чтобы онъ сдѣлался популярнымъ героемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія своего имени, Викторъ де-Молеонъ, до сихъ поръ избѣгавшій Рамо и тѣхъ салоновъ гдѣ могъ встрѣтить этого знаменитаго милестреда, познакомился съ нимъ лично пригласивъ его къ себѣ завтракать.

Рамо съ радостью явился. Онъ питалъ вполнѣ естественное любопытство увидѣть сотрудника чьи статьи главнѣйшимъ образомъ обезпечивали распространеніе *Sens Commun*.

Въ темноволосомъ, хорошо одѣтомъ человѣкѣ среднихъ лѣтъ, съ быстрымъ взглядомъ, величавою наружностью и ласковымъ обращеніемъ, онъ не могъ замѣтить никакого сходства съ шестидесятилѣтнимъ скромнымъ старикомъ въ льняномъ парикѣ, длинномъ сюртукѣ и съ двойными очками котораго зналъ какъ Лебо. Только по временамъ тонъ голоса казался ему знакомымъ, но онъ не могъ припомнить

гдѣ слышалъ голосъ похожій на этотъ. Мысль о Лебо не приходила ему; но еслибъ она и пришла, то его поразило бы лишь случайное сходство. Рамо, подобно многимъ людямъ занятымъ собою, былъ плохой наблюдатель другихъ. Геміи его не были объективныи.

— Надѣюсь, *Monsieur* Рамо, сказалъ виконтъ когда вѣстѣ съ гостемъ сѣлъ за столъ гдѣ былъ приготовленъ завтракъ,— что вы не жалуетесь на вознагражденіе которымъ оплачиваются ваши драгоценныя услуги для журнала.

— Собственникъ журнала, кто бы онъ ни былъ, былъ очень щедръ, отвѣчалъ Рамо.

— Я отношу этотъ комплиментъ къ себѣ, *cher confrère*; потому что хотя деньги для начала изданія *Sans Commis* и для залога были присланы однимъ моимъ другомъ, но это былъ заемъ который я давно уплатилъ и теперь журналъ принадлежит исключительно мнѣ. Я долженъ благодарить васъ не только за ваше блестящее сотрудничество, но и за участіе другихъ сотрудниковъ приглашенныхъ вами. Пикантная критика *Monsieur* Саварена были очень важны для начала. Я сожалѣю что мы лишились его участія. Но такъ какъ онъ началъ издавать собственный журналъ, то не захочетъ дѣлаться своимъ остроуміемъ съ другимъ. *A propos* о нашихъ сотрудникахъ, я буду просить васъ представить меня прекрасному автору *Дочери Артиста*. Я слишкомъ прозаикъ чтобы вполне оцѣнить достоинства романа, но слышалъ горячія похвалы этой повѣсти отъ молодежи—она лучшій судья въ этомъ родѣ литературы; я могу по крайней мѣрѣ понять важность сотрудника благодаря которому утроилась продажа нашего журнала. Для насъ истинное несчастье что произведеніе ея окончилось, но я надѣюсь что сумма посвященная ей чрезъ нашего книгопродавца можетъ соблазнить ее начать новый романъ.

— *Mademoiselle* Чигонья, сказалъ Рамо съ усиленно рѣзкою интонаціей своего рѣзкаго голоса,— продала второе изданіе своего романа за сумму свидѣтельствующую о значеніи ея таланта, и получила отъ вѣсколькихъ журналовъ предложенія написать для нихъ романъ за вознагражденіе даже превышающее то которое такъ великодушно послалъ ей вашъ издатель.

— Приняла она эти предложенія, *monsieur* Рамо? Если такъ, *tant pis pour vous*. Извините меня, я хочу сказать что

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1874 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1874 году въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ шестнадцать рублей и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, плата въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 8 руб., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р. 50 к., и на три мѣсяца, плата въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, 4 р., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р. 25 к.

Заграничныя высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—18 р.; въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—19 р.; въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію—20 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—21 р. 60 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базумова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базумова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Геельгардтъ.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородныя адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1874 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1874 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій тринадцать рублей сер.; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи шестнадцать рублей сер.; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки пятнадцать рублей; съ доставкой и пересылкой восемнадцать рублей сер.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о)
на Страстномъ бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СТО ТРИНАДЦАТЫЙ.

1874

ОКТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ. Очерки нашего времени Про-
дсаженіе. В. П. Безобразова.
- II. ИМПЕРАТОРЪ ЮАННЪ АНТОНОВИЧЪ И ЕГО РОД-
СТВЕННИКИ (1741 - 1807). Гл. I. А. Г. Брикнера.
- III. ТУРЕЦКОЕ ДУХОВЕНСТВО И ДЕРВИЩИ. Очерканіе.
Майора Османъ-Бей.
- IV. ДВѢ СИЛЫ. Романъ. Часть четвертая. Гл. I—VIII.
В. В. Крестовскаго.
- V. ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ. Вилки Коалинза.
Переводъ съ англійскаго. Гл. I—VII.
- VI. ЗАХУДАЛЫЙ РОДЪ. Семейная хроника князей Прото-
лазовыхъ. Часть вторая. Н. С. Дѣскова.
- VII. НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ РУССКАГО
ЭПОСА. Омежскія былинны записанныя А. Ф. Гильфер-
дингомъ. Очерканіе. Н. Квашнина-Самарина.
- VIII. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦІИ ЗА ТРЕТЬЮ
ЧЕТВЕРТЬ ГОДА. Петра Петрова.
- IX. «РЕФЛЕКСЪ» ПЕРЕДЪ СУДОМЪ РЕФЛЕКСІИ (По по-
воду «Психологическихъ этюдовъ» профессора Стенго-
ва.) А. Ц. Стадлина.
- X. КОМЕДИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ПРАВОВЪ. А.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона.
Переводъ съ англійскаго: Книга седьмая. Гл. II—VI.

О ПОДПИСКѢ

в а

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1875 году будетъ стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, съ доставкой, **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП.** съ доставкой на домъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ **ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ** и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.**

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 8 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р. 50 к., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 4 р., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р. 25 к.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Петровскій, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Сокольскаго, на Страстномъ Бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ Проспектѣ.

Ивогородные адресуются **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Случающимся можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, или на Петербургъ, по слѣдующему разчету.

	Р.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	18 -
Въ Италію, Вельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію.	19 -
Въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію.	20 5
Въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.	21 6

Въ прочія мѣста за границей по предварительному согласію съ редакціей.

О ПОДПСКѢ

НА

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ

1875 года.

Московскія Вѣдомости будутъ выходить въ 1875 году е же-
днѣвно, за исключеніемъ дней слѣдующихъ за табельными
праздниками которые придутся на недѣль, причемъ, въ случаѣ
полученія важныхъ новостей, послѣднія сообщаются читате-
лямъ въ табельные дни особыми прибавленіями. По понедѣль-
никамъ (кромя слѣдующихъ за двумя праздничными днями),
будетъ издаваться, какъ и въ нынѣшнемъ году, полный
листь газеты, но безъ передовой статьи.

Въ 1875 году будетъ издаваться три раза въ недѣлю и бо-
лье, смотря по надобности, особое прибавленіе для помѣще-
нія казенныхъ объявленій. Въ этомъ прибавленіи могутъ быть
помѣщаемы и объявленія частныхъ лицъ, но текста газеты
помѣщаемо не будетъ. Желаніе получить газету съ этими
прибавленіями платятъ особо, какъ означено ниже.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Универси-
тетской типографіи отъ городскихъ, и въ конторѣ редакціи
отъ иногородныхъ и заграничныхъ подлищниковъ, на углу
Большой Дмитровки и Страстного Бульвара.

Подписныя цѣны за *Московскія Вѣдомости* будутъ на 1875
годъ слѣдующія:

ВЪ МОСКВѢ, БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Безъ казенныхъ объявленій:	Съ казенными объявленіями:
На 3 мѣсяца..... 3 р. 75 к.	На 3 мѣсяца..... 4 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ ..... 7 „ 50 ^к .	„ 6 мѣсяцевъ ..... 8 „ 50 „
„ 12 „ ..... 13 „ — „	„ 12 „ ..... 15 „ — „

ВЪ МОСКВѢ, СЪ ДОСТАВКОЮ ЧЕРЕЗЪ РАЗНОЩИКОВЪ РЕДАКЦІИ,
ВЪ БАНДЕРОЛЯХЪ И СЪ ПОЧТОВОЮ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ МѢСТА
ИМПЕРІИ: *

Безъ казенныхъ объявленій:	Съ казенными объявленіями:
На 3 мѣсяца..... 5 р. — к.	На 3 мѣсяца ..... 5 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ ..... 9 „ — „	„ 6 мѣсяцевъ ..... 10 „ — „
„ 12 „ ..... 16 „ — „	„ 12 „ ..... 18 „ — „

Подписка въ Москвѣ съ доставкою чрезъ разнощиковъ ре-
дакціи на одинъ мѣсяць не принимается.

* Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почти 16% подпие-
мой цѣны (съ доставкою) и сверхъ того плата за бандероль и печат-
ный адресъ.

	БЕЗЪ КАЗЕННЫХЪ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На год.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	6 р. 50 к.	12 р. 50 к.	23 р.
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію. . .	7 . 75 .	15 . — .	28 .
Въ Англію, Дانیю, Швецію, Европейскую Турцію, Францію и Египетъ. .	9 . — .	17 . 50 .	33 .
Въ Испанію, Португалію, Норвегію, Грецію и Северо-Американскіе Соединенные Штаты	10 . 50 .	20 . — .	38 .
	СЪ КАЗЕННЫМИ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На год.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	8 р. — к.	14 р. — к.	28 р.
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію. . .	10 . — .	17 . 50 .	35 .
Въ Англію, Дانیю, Швецію, Европейскую Турцію Францію и Египетъ. . .	11 . 50 .	21 . — .	42 .
Въ Испанію, Португалію, Норвегію, Грецію и Северо-Американскіе Соединенные Штаты	13 . — .	24 . — .	48 .

Въ иностранныя государства выше не упомянутыя подписка принимается по предварительному соглашенію съ редакціей.

Священно- и церковно-служителямъ православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ (Виленьской, Витебской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской), во всѣхъ привислинскихъ и балтійскихъ (Курляндской, Лифляндской и Эстляндской) губерніяхъ редакция будетъ высылать свою газету за уменьшенную цѣну, а именно: въ годъ за 9 р., 6 мѣсяцевъ за 5 р. безъ казенныхъ объявленій, и 11 р. за годъ, 6 р. за 6 мѣсяцевъ съ казенными объявленіями.

Редакция проситъ иногородныхъ присылать адреса четко написанные, съ обозначеніемъ *ближайшей почтовой станціи*, съ которой раздаются газеты *подписчикамъ*, а при перемѣнѣ адреса прилагать 10 к. или почтовую марку въ ту же цѣну.

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ*

ОЧЕРКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

---

3. Революція и французское общество.

III.

Все что мы до сихъ поръ говорили и еще скажемъ о французской революціи конечно слишкомъ недостаточно для объясненія всѣхъ сторонъ и всѣхъ причинъ этого великаго событія новѣйшей исторіи. Сообщенныя нами, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, историческія свѣдѣнія должны были, напротивъ, убѣдить читателей какъ необъятны размѣры этого явленія, проходящаго черезъ всю французскую исторію и только съ конца XVIII столѣтія называемаго революціей, какъ безконечно разнообразны его элементы, какъ отдалены и глубоки его корни въ самомъ первоначальномъ строеніи Французскаго государства. Причины этого явленія представляются теперь, послѣ многочисленныхъ ученыхъ работъ посвященныхъ французской революціи и исторіи, при новѣйшихъ успѣхахъ государственннхъ и общественннхъ наукъ и послѣ печальныхъ практическихъ опытовъ самой французской націи, гораздо болѣе сложными, чѣмъ то полагали поверхностныя ученія революціонныхъ и антиреволюціонныхъ партій

* См. Русск. Вѣстн. 1872 № 9, 1873 №№ 2, 4, 5 и 9 и 1874 № 2.

старого времени. Но такимъ только отрицательнымъ выводомъ мы бы не хотѣли ограничиться, какъ ни кратки наши очерки въ сравненіи съ объемомъ предмета.

Мы заговорили о революціи собственно только для уразумѣнія нынѣшняго политическаго положенія Франціи: къ этому мы и должны направить всѣ собранныя нами свѣдѣнія и основанныя на нихъ сужденія. Намъ хотѣлось отыскать во всѣхъ предыдущихъ переворотахъ этой націи, наполняющихъ собою много вѣковъ, ключъ къ объясненію страннаго политическаго положенія, которое не только удивляетъ теперь весь міръ, но и тѣсно связано со внутренними и внѣшними интересами всѣхъ европейскихъ государствъ. Какъ ни мало еще закончены изслѣдованія причинъ французской революціи и какъ ни мало закончена она сама, но многое въ этихъ причинахъ и въ ихъ неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ уже достаточно раскрыто чтобъ извлечь изъ печальныхъ обстоятельствъ Франціи политическія указанія полезныя для ближайшаго будущаго не одной этой страны. Эти указанія и были главнымъ нашею задачею. Для нихъ мы имѣемъ достаточно опорныхъ точекъ въ результатахъ всѣхъ новѣйшихъ изысканій относительно особенностей государственнаго развитія Франціи. Нѣкоторые изъ этихъ результатовъ уже были нами сообщены, другіе будутъ изложены въ послѣдствіи, и мы постараемся теперь придти къ нѣсколькимъ общимъ заключеніямъ о причинахъ революціонныхъ потрясеній Франціи, обусловившихъ собою ея нынѣшнія критическія замѣшательства.

Чтобы познать историческія причины событія, нужно, какъ мы не разъ говорили, прежде всего отличить ихъ отъ ближайшихъ поводовъ, сбывающихся съ толку современниковъ. Тѣ же самыя обстоятельства которыя дали поводъ къ коммунистическому возстанію въ 1871 году и ко всѣмъ предыдущимъ революціоннымъ потрясеніямъ въ Парижѣ, бывали во всѣхъ другихъ странахъ, и отчасти сопровождались народными возмущеніями и уличными безпорядками, но нигдѣ они не приводили къ такимъ глубокимъ переворотамъ, къ низверженію всякой государственной власти, къ смѣнѣ въ теченіе 85 лѣтъ всѣхъ безъ изыатія формъ правленія и наконецъ къ тому невиданному еще нигдѣ въ образованномъ мірѣ отсутствію всякой законной формы правленія, какое нынѣ видимъ во Франціи. Противугосударственныя и противообщественныя ученія всякаго рода и имени, такъ-называемыя воз-

мутительныя и вредныя политическія ученія, которыми были воодушевляемы предводители французскихъ смуть и которыми было принято въ старое время объяснять всѣ революціи, тѣ же самыя ученія проповѣдывались и распространялись въ другихъ странахъ, и къ тому же съ несравненно большею свободой (не говоря даже объ Англіи), чѣмъ во Франціи, и однако же нигдѣ они не имѣли такихъ практическихъ послѣдствій какъ здѣсь. Примѣръ Испаніи, съ которою начинаютъ сравнивать Францію, пока не умѣстенъ, потому что одна изъ этихъ націй, несмотря на всѣ свои политическія бѣдствія, находится до сихъ поръ на высокой степени умственного, промышленнаго и даже общегражданскаго развитія, а другая почти утратила всякую къ нему способность, сверхъ того, именно въ Испаніи всего менѣе, сравнительно съ другими европейскими странами, были распространяемы отвлеченныя революціонныя доктрины, и если даже въ самое послѣднее время онѣ пріютились и здѣсь, то только пріютились и не имѣютъ въ Испаніи никакихъ самостоятельныхъ для себя двигателей.

Никакія теоретическія идеи, какъ бы онѣ ни были нелѣпы или какъ бы онѣ ни были разумны, не въ силахъ привести въ движеніе и броженіе цѣлыя націи, если эти идеи не находятъ благопріятныхъ для своей жизненности условій въ дѣйствительныхъ обстоятельствахъ народной жизни. Да и самыя идеи эти въ своихъ первоначальныхъ источникахъ возникаютъ подъ влияніемъ столько же практической дѣятельности, сколько личнаго вдохновенія своихъ проповѣдниковъ. Таковы были всѣ новѣйшія системы социализма и коммунизма, какъ ни кажутся онѣ произвольными и оторванными отъ всякой исторической почвы; * таковы же были и всѣ предшествовавшія и родственныя имъ доктрины которыя вращались во французскомъ обществѣ въ XVIII столѣтіи, отъ которыхъ прямо шли иныя (весьма впрочемъ не многіе) революціонныя дѣятели или которыми они старались оправдать свои дѣйствія. Всѣ эти политическія и социальныя ученія сами прежде всего коренятся въ тѣхъ понятіяхъ о государствѣ и обществѣ которыя издавна сложились во Франціи вслѣдствіе особенностей историческаго развитія государства и общества въ этой странѣ. Эти исключительныя свойства французской государственной исторіи, обнаруживавшіяся въ

* См. L. V. Stein, *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich*.

неоднократныхъ ея переворотахъ съ середины XIV столѣтія до нашего времени и весьма между собою сходныхъ, съ возстанія Этьена Марсея въ 1365 году до коммуны 1871 года, были уже намѣчены нами въ предыдущей главѣ.

Въ сдѣланномъ нами очеркѣ всѣхъ этихъ многовѣковыхъ гражданскихъ междоусобій и борьбы всѣхъ французскихъ правительствъ съ народными возстаніями, предъ нами выставился одинъ знаменательный фактъ, тождественный во всѣ эпохи французской исторіи до 1871 года: всѣ эти возстанія происходили преимущественно подъ знаменемъ разныхъ сословныхъ, корпоративныхъ и мѣстныхъ вольностей. Даже въ наиболѣе общегосударственной революціи 1789 года, провозглашавшей, казалось, самую универсальную политическія начала, центромъ всего движенія является парижская коммуна (то-есть муниципальная община), и она, вмѣстѣ съ коммунами учрежденными ею въ другихъ городахъ, производитъ самые кровавые эпизоды террора. Но тѣмъ не менѣе всѣ безъ изъятія мѣстныя, сословныя, корпоративныя и земскія вольности съ каждымъ вѣкомъ болѣе и болѣе уничтожаются во Франціи подъ ярмомъ всеисильной бюрократической централизаціи. Самую поразительною особенностью государственнаго строя Франціи, въ сравненіи со всеми европейскими государствами, не исключая и Россіи, представляется отсутствіе всякихъ началъ самоуправленія въ ея административной системѣ. Здѣсь кроется самый основной историческій корень того внутренняго хроническаго недуга во французскомъ государственномъ организмѣ который держитъ этотъ организмъ, при всѣхъ безъ изъятія формахъ правленія испытанныхъ съ 1789 года, въ постоянно болѣзненномъ состояніи и при каждой изъ нихъ производитъ въ немъ эти періодическія потрясенія, въ сущности одинаковыя во всѣ эпохи и различающія только во второстепенныхъ подробностяхъ. Мы видѣли что тѣ же самыя, даже въ своихъ наружныхъ признакахъ одинаковыя пароксизмы (напримѣръ парижскія *joursées*) появлялись во Франціи не только съ конца XVIII столѣтія, но даже съ XIV; этотъ болѣзненный складъ во французскомъ государственномъ строѣ существовалъ уже тогда и только усиливался съ вѣками и съ каждымъ новымъ переворотомъ. Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ буряхъ подымавшихся въ теченіе многихъ вѣковъ неизмѣнно повторяется одно и то же явленіе:

терзкій и какъ нельзя болѣе легкой захватъ всякой власти, и между прочимъ въ особенности общественной (городской), у всѣхъ законныхъ ея представителей, безсильныхъ къ сопротивленію, посреди безгласнаго общества гражданъ неспособныхъ къ законной охранѣ своихъ законныхъ правъ. Уже по этому одному признаку, еслибы не знать ничего другаго, можно судить о сущности недуга: объ отсутствіи въ странѣ всякихъ крѣпкихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія и о гражданской несостоятельности общества, испорченнаго бюрократическою опекой. Это только наименьшія послѣдствія недуга издавна отравившаго все государственное дѣло Франціи.

Революція XVIII вѣка не только ничего не сдѣлала къ его исправленію, а напротивъ значительно содѣйствовала его развитію. Всѣ слѣдовавшія затѣмъ бесчисленныя конституціи и правленія не только бездѣйствовали противъ этого кореннаго порока въ отношеніяхъ государства къ обществу, но даже его усиливая всѣми своими административными реформами и новѣйшими учрежденіями.

Ключево въ порожденіи государственныхъ замѣшательствъ Франціи съ конца прошедшаго столѣтія участвовало не мало всякихъ другихъ болѣзненныхъ причинъ и политическихъ и социальныхъ. Какъ ни серьезны однако сами по себѣ всѣ эти причины политическихъ смуть, но всѣ онѣ второстепенны въ сравненіи съ главнымъ недугомъ, онѣ только осложняютъ собою его дѣйствіе, и даже сами онѣ возникли, или по крайней мѣрѣ получили самое опасное свое развитіе, на его же болѣзненной почвѣ. Гдѣ въ Европѣ ни поднимались вопросы волновавшіе Францію, и однако же нигдѣ они не произвели и тѣни французскихъ революціонныхъ переворотовъ. Въ особенности это различіе внутренняго политическаго быта Франціи съ остальною Европой стало замѣтно послѣ волненій 1848 года. Эти волненія распространились изъ Франціи по всѣмъ европейскимъ государствамъ, и въ большей или меньшей степени всюду потрясли государственную власть или даже ее испровергли, хотя бы и на короткое время. Эта бурная эпоха тѣмъ въ особенности замѣчательна въ государственной исторіи Европы что до нея французскія политическія понятія всецѣло господствовали надъ умами, а послѣ нея начинается ихъ упадокъ. Революціонная буря была очень скоротечна во всѣхъ европейскихъ государствахъ, не выйдя въ историческомъ ихъ строеніи такого обильнаго

матеріала для своего развитія какъ во Франціи. Лишь только она удеглась, всѣ европейскія правительства привадились за глубокія внутреннія реформы въ своемъ государственномъ устройствѣ и въ особенности въ управленіи, которыми они далеко опередили Францію. Устройство мѣстнаго самоуправленія и освобожденіе народонаселенія отъ бюрократической централизаціи и опеки играли тутъ не послѣднюю роль.

Только Франція оставалась въ этомъ отношеніи неподвижною и въ своемъ законодательствѣ, и въ понятіяхъ свсего общества. На этомъ коренномъ вопросѣ французской государственной исторіи, къ которому приводитъ все предыдущее наше историческое изложеніе, необходимо со вниманіемъ остановиться. Этотъ вопросъ о самоуправленіи, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ въ какомъ онъ поставленъ общественными движеніями и государственною теоріей нашего времени, совсемъ новый; въ этомъ видѣ онъ самый важный политическій вопросъ возбуждаемый нынѣшнимъ положеніемъ Франціи,—важнѣе для европейскіхъ правительствъ чѣмъ всякія тревоги на счетъ дипломатическихъ отношеній европейскіхъ монархій къ Французской республикѣ, чѣмъ опасенія революціонной заразы, могущей, въ случаѣ новыхъ безпорядковъ въ Парижѣ, распространиться на всю остальную Европу, важнѣе даже чѣмъ ожиданія отместки и войны за Альзась-Лотарингію. Всѣ правительства озабочены нынѣ развитіемъ и устройствомъ мѣстнаго самоуправления, сообразно съ новыми потребностями администраціи и общества. Вездѣ это самое насущное дѣло. Пруссія не позабываетъ его посреди своей борьбы государства съ церковью. Въ самой Англійи, классической странѣ самоуправления, агитируются всѣми партіями разныя реформы въ его мѣстныхъ органахъ; онѣ принадлежатъ къ программѣ крайнихъ партій; * эти реформы были поставлены на очередь ** либеральнымъ министерствомъ Гладстона предъ

* См. рѣчь члена палаты общинъ Дилъка въ июльскомъ засѣданіи Лондонскаго Статистическаго Общества. Если мы употребляемъ здѣсь выраженіе *крайнія* политическія партіи, то только въ англійскомъ смыслѣ, а не общеевропейскомъ, ибо самыя крайнія партіи Великобританіи, въ томъ числѣ и партія К. Дилъка, весьма консервативны съ точки зрѣнія политическихъ понятій континентальной Европы.

** См. парламентскій отчетъ бывшаго министра Гѣшеля о мѣстомъ самоуправленіи.

его надеіемъ, и будутъ снова выдвинуты имъ при первомъ торжествѣ въ парламентѣ. Даже и въ нашемъ отечествѣ, устройство мѣстнаго самоуправленія составляетъ самую главную и самую трудную задачу внутренней политики * въ ближайшемъ времени.

Нигдѣ лучше чѣмъ во Франціи нельзя изучитъ что такое этотъ вопросъ, такъ какъ все Французское государство есть полное отрицаніе самоуправленія. Здѣсь мы можемъ лучше всего узнать причины и послѣдствія этого явленія, такъ же какъ въ Англіи причины и послѣдствія совершенно противоположнаго направленія въ государственномъ строѣ. Въ контрастѣ этихъ двухъ націй, рѣзкомъ во всей политической судьбѣ, лучше всего раскрывается сущность всего этого вопроса.

Токвилю принадлежитъ честь перваго указанія на эту сторону государственной исторіи Франціи и на этотъ корень ея бѣдствій; эта заслуга останется навсегда за этимъ человекомъ, хотя въ послѣдствіи тотъ же предметъ былъ еще глубже разработанъ германскими учеными (преимущественно Гейстомъ и Л. Штейномъ). ** Мысли Токвиля, почерпнутыя имъ изъ самаго добросовѣстнаго изслѣдованія первоначальныхъ историческихъ источниковъ, не тронутыхъ до него, поучительны и телерь. Не можемъ не привести изъ нихъ нѣсколькихъ отрывковъ, прекрасно освѣщающихъ тотъ историческій процессъ которымъ Франція долла, къ концу XVIII столѣтія, до полнаго поглощенія всѣхъ первоначальныхъ своихъ элементовъ мѣстнаго самоуправленія во всеильной бюрократической централизаціи. Съ этимъ процессомъ необходимо нѣсколько ближе ознакомиться чтобы ловять его результаты.

„Французская революція, писалъ Токвиль еще въ 1856 году,*** останется тьмою для всѣхъ тѣхъ которые захотятъ видѣть въ ней только ее одну; нужно обратитъся къ предшествовав-

* См. статью нашу „Земскія учрежденія и самоуправленіе“, Русскій Вѣстникъ, май 1874 годъ.

** См. R. Gneist, *Das Englische Verwaltungsrecht*; его же, *Geschichte und heutige Gestalt der Englischen Communalverfassung oder des Selfgovernment*; и въ особенности его же послѣднія сочиненія: *Verwaltung, Justiz, Rechtsweg*. L. Stein, *Verwaltungslehre*.

*** A. de Tocqueville, *L'ancien régime et la révolution*, p. 342.

шимъ ей временамъ, чтобы найти единственный свѣтъ который можетъ ее освѣтить. Безъ яснаго понятія о старомъ обществѣ, его законахъ, порокахъ, предразсудкахъ, его слабостяхъ и величїи никогда нельзя будетъ постигнуть то что дѣлали Французы въ теченіе шестидесяти (теперь восьмидесяти) лѣтъ, послѣ паденія этого общества; но и этого понятія еще мало, если не проникнуть во внутренность самой природы нашей націи. Когда я изучаю эту націю, я нахожу ее еще болѣе необыкновенною чѣмъ всѣ событія ея исторїи.“

Въ общихъ выводахъ своего знаменитаго изслѣдованія стараго порядка, онъ говоритъ: „Я показалъ какъ королевское правительство, уничтоживъ всѣ провинціальныя вольности и замѣстивъ собою въ трехъ четвертяхъ Франціи всѣ мѣстныя власти, поглотило въ себѣ всѣ дѣла и самыя мелкія и самыя крупныя; съ другой стороны, я показалъ какъ Парижъ сдѣлался господиномъ страны, въ которой онъ до тѣхъ поръ былъ только столицею, или лучше, одинъ этотъ городъ сдѣлался всею страной. Эти два факта исключительно французскіе, достаточны сами по себѣ, безъ всякихъ другихъ, чтобы объяснить какъ однимъ бунтъ (*une émeute*) могъ разрушить до основанія цѣлую монархію, которая въ теченіе столькихъ вѣковъ выдержала столько сильныхъ потрясеній и еще наканунѣ своего паденія казалась незыблемою даже тѣмъ самымъ которые ее низвергнули. Франція была именно тою страной въ которой политическая жизнь потухла раньше и больше чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы, гдѣ частыя лица всего болѣе утратили навыкъ къ публичному дѣлу, опытность въ управленіи народными движеніями и почти утратили даже самое понятіе о народѣ; послѣ этого весьма естественно что всѣ Французы попали въ страшную революцію, нисколько того не предвидя, что даже тѣ которымъ она наиболѣе угрожала шли сами впереди ея и что они сами взялись защищать и расширять дорогу которая къ ней вела. Во Франціи не существовало болѣе никакихъ свободныхъ учрежденій, а потому никакихъ политическихъ сословій, никакихъ живыхъ государственныхъ тѣлъ, никакихъ организованныхъ и управляемыхъ партій, и въ отсутствіи всѣхъ этихъ правильныхъ силъ руководство общественнымъ мнѣніемъ, когда оно возникло, перешло въ распоряженіе однихъ философовъ; революція направилась не къ опредѣленнымъ фактамъ, а къ отвѣченнымъ принципамъ и къ общимъ теоріямъ. Въмѣсто того

что бы вооружиться противъ нѣкоторыхъ дурныхъ законовъ, общество вооружилось противъ всѣхъ законовъ, и на мѣсто всѣхъ древнихъ учрежденій Франціи оно захотѣло поставить совсѣмъ новую систему правленія, придуманную ея лиса-гелами.... * Тотъ кто въ то время изучалъ нашу страну могъ бы легко замѣтить что не существовало предпріятія смѣлкомъ дерзкаго чтобы нельзя было на него отважиться, не было также насилія которое бы казалось невыносимымъ. Что жъ! восклицаетъ Боркъ, въ одномъ изъ своихъ краснорѣчивыхъ памфлетовъ, во Франціи нѣтъ ни одного человѣка который бы несъ отвѣтственность за свой самый маленькій околотокъ; хуже этого: нѣтъ ни одного человѣка который бы отвѣчалъ за другаго. Каждый могутъ арестовать въ его домъ безъ всякихъ затрудненій; будь то за роялизмъ, за модерантизмъ или за что бы то ни было.“ Боркъ не хорошо зналъ въ какомъ положеніи эта монархія, о которой онъ такъ сожалѣлъ, передала насъ нашимъ новымъ господамъ. Администрація стараго режима напередъ отягала у Французовъ возможность и желаніе другъ другу помогать. Когда разразилась революція, нельзя было найти во Франціи десяти человѣкъ которые бы имѣли привычку дѣйствовать совокулао, правильнымъ образомъ, и сами заботиться о своей защитѣ; только одна центральная власть обязана была обо всемъ этомъ думать; и когда эта власть перешла изъ рукъ королевской администраціи въ руки собранія безотвѣтственного и самодержавнаго, которое изъ слабого сдѣлалось страшнымъ (terrible), тогда конечно эта власть не встрѣтила на своемъ пути ничего что бы могло ее остановить и умѣрить. Та же причина которая такъ легко привела монархію къ паденію, сдѣлала все послѣ этого паденія возможнымъ во Франціи.“** Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: „Еслибъ Англичане въ началѣ Среднихъ Вѣковъ потеряли, какъ мы, всякую политическую свободу и всѣ мѣстныя земскія вольности, которыя не могутъ долго существовать безъ нея, то весьма вѣроятно что разные классы входящіе въ составъ ихъ аристократіи пошамъ бы всѣ врозь, какъ это случилось во Франціи и въ большей или меньшей степени на всемъ европейскомъ материкѣ, и всѣ они отделились бы отъ народа. Но свобода (то-есть преимущественно

* Тамъ же стр. 334—336.

** Тамъ же стр. 334—337.

мѣстныхъ учрежденія самоуправленія) заставила въ Англіи всѣ эти общественныя классы постоянно держаться другъ друга, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ надобности дѣйствовать сообща.“*

„...Маркизь д'Аргенсонъ разказываетъ въ своихъ мемуарахъ что однажды Лау сказалъ ему: „Я бы никогда не повѣрилъ тому что я увидалъ въ вашей странѣ, когда я былъ государственнымъ контролеромъ. Знаете ли вы что все управленіе Франціи находится исключительно въ рукахъ тридцати интендантовъ (губернаторовъ провинцій до революціи)? У васъ нѣтъ парламента, ни государственныхъ чиновъ, ни даже администраторовъ; вмѣсто всего этого у васъ тридцать чиновниковъ-коммиссаровъ въ провинціяхъ, и отъ нихъ зависятъ все счастье и несчастье этихъ провинцій, все плодородіе и безплодность ихъ полей“.** Фактическая картина едва ли не единственной въ своемъ родѣ французской администраціи, отрѣшенной въ своихъ основаніяхъ отъ всякихъ общественныхъ силъ самоуправленія, очерчивается Токвилемъ такъ: „Въ XVIII столѣтіи, всѣ дѣла сельскаго прихода (визшее административное дѣленіе Франціи того времени) были въ распоряженіи нѣсколькихъ чиновниковъ, которые совсѣмъ перестали быть агентами господской власти, и въ назначеніи которыхъ помѣщики не имѣли болѣе никакого участія; одни были прямо замѣщаемы интендантами (губернаторами) провинцій, другіе выбираемы самими крестьянами. Эти чиновники раскладывали подати, чинили церкви, строили школы, собирали приходскіе сходы и на нихъ предсѣдали. Они управляли обширнымъ имуществомъ и опредѣляли его употребленіе, вчиняли иски и вели процессы отъ имени общинъ. Помѣщикъ не только не направлялъ всѣхъ этихъ мелкихъ мѣстныхъ дѣлъ, но не имѣлъ никакого права наблюденія за ними. Всѣ должностныя лица прихода были въ распоряженіи и подъ контролемъ центральной администраціи. Нигдѣ не видно дворянина который бы дѣйствовалъ какъ представитель королевской власти въ приходѣ, какъ посредникъ между нею и мѣстнымъ населеніемъ. На него не возлагается болѣе обязанности приводить въ исполненіе общіе законы государства, собирать милицію, взимать подати, обнародывать королевскія приказанія, раздавать денежныя вспоможенія праву-

* Тамъ же стр. 174.

** Тамъ же, стр. 79.

тельства. Всѣ эти обязанности и всѣ эти права принадлежать другимъ. Помѣщикъ-дворянинъ (le seigneur) сдѣлался въ дѣйствительности ничѣмъ инымъ какъ только обывателемъ, который пользовался *своими преимуществами и привилегіями, отдѣлявшими и обособлявшими его отъ всего остального населенія*; его общественное положеніе, въ смыслѣ сословномъ, было отлично отъ другихъ, но нисколько не отличны были его отношенія къ власти. * *Помѣщикъ есть только и не болѣе какъ первый житель* (le seigneur n'est qu'un premier habitant), говорятъ всегда интентданты въ предписаніяхъ своимъ подчиненнымъ. Если вы выйдете изъ прихода и посмотрите на кантонъ (низшее дѣленіе провинцій въ старой Франціи), вы увидите то же зрѣлище. Нигдѣ дворяне не участвуютъ въ управленіи, ни совокупно (какъ сословная корпорація), ни лично; эта была въ то время исключительная особенность Франціи. Вездѣ въ остальной Европѣ сохранялись еще слѣды этой характеристической черты древняго феодальнаго общества: право землевладѣнія смѣшивалось съ правомъ управленія, съ административною властью надъ мѣстнымъ населеніемъ. **

Смѣшеніе частнаго права собственности (землевладѣнія) съ публичнымъ (административнымъ и судебнымъ) правомъ государственной власти составляетъ самую отличительную сущность періода крѣпостнаго права въ исторіи европейской государственной жизни; *** оно и сдѣлалось невозможнымъ при томъ направленіи которое получила эта жизнь всюду въ Европѣ съ конца прошедшаго столѣтія. Строгое различеніе господства надъ землею съ господствомъ надъ ея населеніемъ, другими словами, упраздненіе всякихъ правъ (судебныхъ, административныхъ и полицейскихъ) вотчинной власти помѣщика, и созданіе на мѣсто ея государственныхъ органовъ власти, не имѣющихъ ничего общаго съ правомъ поземельной собственности, составляютъ безъ сомнѣнія одно изъ первыхъ требованій государства нашего вѣка. Насколько и чѣмъ ранѣе каждая европейская нація успѣла удовлетворить

* Мы часто вынуждены передавать своеобразный слогъ Токива въ вольномъ переводѣ, излагая только сущность его мыслей.

** Тамъ же, стр. 64 и 65.

*** L. Stein, *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich B. (Die Elemente der französischen Revolution, p. 6).*

этому требованію, настолько и тѣмъ болѣе она была передовою относительно политическаго прогресса; Англія ранѣе всѣхъ разсталась со всѣми государственными привадежностями крѣпостнаго права, и потому-то она не только была, но и до сихъ поръ остается самою передовою страной въ успѣхахъ всемірной политической жизни. Поэтому Франція, вслѣдъ за нею шедшая на этомъ пути, и не можетъ сожалѣть объ исчезновеніи вотчинной власти своего дворянства въ срединѣ XVIII столѣтія. Но лишенное этой власти, къ тому же *гораздо болѣе фактически* (вслѣдствіе господства бюрократіи), чѣмъ въ принципѣ или по закону, это же самое дворянство оставалось страннымъ образомъ во всеоружіи самыхъ разнообразныхъ гражданскихъ и экономическихъ привилегій крѣпостнаго права, въ томъ числѣ и самой тяжкой податной привилегіи. Матеріальный и въ особенности нравственный гнетъ этихъ привилегій въ средѣ націи ранѣе другихъ получившей понятія и обычая общественнаго равенства былъ значительнѣе чѣмъ въ какой-либо иной странѣ. Между тѣмъ всѣ виды гражданскихъ и экономическихъ преимуществъ дворянства были упразднены въ другихъ странахъ (Германіи), хотя и позже чѣмъ во Франціи, но ранѣе публичныхъ привилегій вотчинной власти. Вотъ въ чемъ заключается исключительная особенность исторіи крѣпостнаго права во Франціи и всей ея государственной исторіи за это время; вотъ въ чемъ заключается самая плачевная участь ея дворянства, сдѣлавшагося ненавистнымъ мѣстному населенію какъ нигдѣ. Публичныя принадлежности вотчинной власти смягчаютъ въ періодѣ крѣпостнаго права дѣйствіе экономическихъ его привилегій; честное исполненіе серьезныхъ обязанностей этой власти не только нравственно возвышаетъ помѣщика въ глазахъ всего мѣстнаго населенія, но и матеріально помогаетъ этому населенію, охраняя его отъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ угнетеній. Таково было въ эпоху крѣпостнаго права весьма почетное положеніе нашихъ помѣщиковъ относительно крестьянъ въ большихъ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне не отягощались непомѣрными оброками. „Когда дворянство, говоритъ Токвиль, * не только пользуется привилегіями, но и исполняетъ обязанности власти, когда оно управляетъ, тогда его особенныя права

* Tocqueville, *L'ancien régime*, p. 70.

могутъ быть болѣе значительны, но менѣе чувствительны для народа. Въ феодальномъ періодѣ на дворянство смотрѣли почти также какъ теперь на правительство: переносили тягости которыя оно налагало на населеніе въ виду охраны которую оно ему доставляло. По мѣрѣ того какъ дворянство перестаетъ исполнять публичныя обязанности, тяжесть его привилегій кажется болѣе обременительною и его самое существованіе невольнымъ. Французское помѣстное дворянство представлялось всѣмъ классамъ Французскаго народа тѣмъ чѣмъ оно дѣйствительно было и чѣмъ оно въ такой степени видѣть не было: оно было сословіе пользовавшееся отъ имени государства и на счетъ народа огромными привилегіями и не исполнявшее относительно его никакихъ обязанностей; оно наслаждалось благами государства и трудомъ народа, во не несло *никакой на низъ службы*. Отсюда то понятіе о высшемъ классѣ какъ о врагѣ народа и государства, понятіе которое французскій простой людинъ переноситъ на всякаго выше его стоящаго человека и которое не скоро испарится во французскомъ обществѣ. На этомъ исключительномъ характерѣ французскаго дворянства, какъ оно ни извѣстно, мы не могли не остановиться, хотя бы только въ виду до сихъ поръ продолжающихся великихъ сравненій его съ русскимъ дворянствомъ.

Все описанное государственное положеніе французскаго дворянства, постоянно возраставшее въ теченіе вѣковъ, дѣлалось тѣмъ болѣе оскорбительнымъ и замѣтнымъ для Французскаго народа что рядомъ съ нимъ происходило другое ему сродственное историческое явленіе: крайнее развитіе бюрократическаго самовластиа и административнаго произвола. Посреди деспотизма центральной власти, ея финансовою эксплуатациіи Франціи и въ особенноти посреди деспотизма ея мѣстныхъ агентовъ, отсутствіе землевладѣльческаго класса въ гбствой администраціи, отсутствіе его попечительства надъ населеніемъ, дѣлалось еще болѣе чувствительнымъ.

Вотчинная власть дворянства давно отжила свой вѣкъ, но ея служба государству на пользу народа могла продолжаться въ другой формѣ, и вотъ тутъ-то самый существенный вопросъ нашъ занимающій. Эта новая форма въ которую всюду переродились вотчинныя привилегіи (въ Великобританіи рѣше чѣмъ гдѣ-либо), и эта новая форма власти поземельной аристократіи заключалась въ преимуществахъ по самоуправленію,

сперва мѣстному, а потомъ центральному. На этой почвѣ поземельная аристократія перестаетъ быть кастою, даже сословіемъ, а дѣлается передовымъ общественнымъ классомъ въ государственной жизни, въ исполненіи ея обязанностей, а черезъ это и въ пользованіи ея правами. Этого-то и не случилось во Франціи, гдѣ съ развитіемъ бюрократіи помѣщается дворянство было испоконъ вѣка отлучено отъ мѣстнаго управленія или же участвовало въ немъ только въ качествѣ чиновниковъ, не выдерживая даже и тутъ конкуренціи со всесильнымъ мѣщанствомъ. Наиболѣе привычная и любимая придворная служба французскаго дворянства, къ тому же въ нравственно испорченной атмосферѣ французскихъ дворовъ XVIII столѣтія, окончательно разслабила его гражданскія добродѣтели и унизила въ помятыхъ народа. Предъ безпощаднымъ судомъ революціи 89 года, которую прогрессивные члены дворянства сами не мало готовили своимъ пустословіемъ и легкомысленнымъ фривольствомъ, это дворянство предстало какъ самый тяжкій обвиняемый. Таково оно дѣйствительно и было, и ему ничего не оставалось болѣе какъ самоотреченіе, добровольное принесеніе въ жертву государству своихъ привилегій, подъ угрозой насильственнаго ихъ отнятія.

Такимъ образомъ Франція издавна утратила самый существенный элементъ всякаго самоуправленія,—поземельную аристократію. Исторія этого паденія французской поземельной аристократіи, какъ политической силы, началась очень давно и только трагически закончилась въ XVIII столѣтіи. Въ первыхъ событіяхъ революціи 1789 года: въ революціонномъ поэмѣженіи принятомъ генеральными штатами противъ королевской власти соединившейся съ привилегированными сословіями, въ ненависти самой революціонной стіиіи третьяго сословія къ двумъ привилегированнымъ, дворянству и духовенству, въ вынужденномъ присоединеніи послѣднихъ къ первому, въ декретахъ собранія 4го августа уничтожившихъ въ одну ночь безъ всякаго вознагражденія всѣ многовѣковыя и правыя и неправыя привилегіи дворянства и духовенства, Зибель видитъ послѣдній актъ упраздненія во Франціи феодальной системы, начавшагося при Людовикѣ XIII.* Ненависть народа къ средневѣковымъ привилегіямъ дворянства и духовенства въ особенности накопилась въ

* Н. в. Sybel, *Geschichte der Revolutionszeit*, I B. pp. 68—72.

XVIII столѣтія, въ теченіе котораго королевская власть, посреди развращенія двора, совсѣмъ позабыла о своемъ государственномъ призваніи, бездѣйствовала въ дѣлѣ освобожденія народа отъ этихъ привилегій, а подъ конецъ (при Лудовикѣ XVI и Тюрго) собственными руками подкладывала къ огню горючій матеріалъ, распалая народную ненависть постоянными воззваніями самого правительства объ угнетеніи народа и о необходимости облегченія его участи.

Реформы были совершены въ 1789—90 годахъ насильственнымъ образомъ; посреди революціоннаго пыла, озлобленія однихъ, великодушія другихъ, но безъ малѣйшаго уваженія и пощады къ историческимъ и приобрѣтеннымъ правамъ, съ самымъ крайнимъ пренебреженіемъ къ существующимъ правамъ, личности и собственности. Произвольное и насильственное нарушеніе историческаго и политическаго права, посѣянное во Франціи революціей и разросшееся съ ея разливами до самыхъ чудовищныхъ размѣровъ, * есть конечно само по себѣ великое зло; привилегіи крѣпостнаго права были всюду упразднены, но не такъ какъ во Франціи. Однако это зло еще было бы излѣчимо, оно уступаетъ успѣхамъ просвѣщенія и гражданственности, какъ мы это видимъ въ самой Франціи, гдѣ революціонные перевороты и государственные удары совершаются каждый разъ, въ XIX вѣкѣ, съ меньшими и меньшими насиліями. Конечно, было бы лучше для Франціи еслибъ упраздненіе феодальныхъ привилегій дворянства произошло не посреди бурнаго переворота, а мирнымъ путемъ законной реформы, какъ было въ Пруссіи или Россіи. Но это одно зло еще не повлекло бы за собою того революціоннаго склада въ государственномъ организмѣ который сдѣлался съ тѣхъ поръ хроническимъ, хотя существовалъ уже гораздо ранѣе. Специфическій коренной недугъ создавшій самый глубокій слой революціонной почвы во французскомъ обществѣ, о которомъ мы заговорили выше, заключался не въ самой борьбѣ новаго государства съ феодальнымъ государствомъ, какъ бы эта борьба ни была сурова и жестока, а въ особенномъ *направленіи* ея принятомъ во Франціи въ теченіе многихъ вѣковъ. Это направленіе состояло въ уничтоженіи подъ бюрократическою централизаціей и олекой всѣхъ мѣст-

* См. между прочимъ обо всѣхъ нарушеніяхъ права и собственности Н. v. Sybel, *Geschichte der Rev.* IV B. pp. 1—47.

ныхъ корпоративныхъ и самостоятельныхъ общественныхъ центровъ управленія, каково было въ сельскомъ бытѣ дворянство. Это объединительное движеніе бюрократіи противъ привилегій, сепаратизма и партикуляризма сословій болѣе или менѣе свойственное всей Европѣ, кромѣ Англій, достигло во Франціи самыхъ крайнихъ своихъ предѣловъ. За одно съ привилегіями, съ сепаратизмомъ и съ партикуляризмомъ всѣхъ феодаальныхъ союзовъ, зло вырвало изъ исторической почвы самыя корни всѣхъ этихъ общественныхъ формаций, которые всюду въ другихъ странахъ въ болѣе или менѣе степени участвовали и послужили матеріаломъ для новой системы управленія, для самоуправленія. Черезъ это новый государственный порядокъ, всюду замѣняющій старый феодальный и за нимъ бюрократическій (такъ-называемое полицейское государство, *Polizeistaat*) былъ лишенъ во Франціи своего самаго существеннаго условія, самаго охранительнаго и самаго зиждительнаго элемента этого новаго государства. Франція была лишена того историческаго условія посредствомъ котораго новое государственное зданіе постепенно строится *на мѣстѣ стараго, изъ матеріаловъ стараго зде*. Въ Англій вогциная власть поземельныхъ бароновъ издавна переродилась во власть мировыхъ судей, органовъ государственной власти и выѣстъ съ тѣми первенствующими органами мѣстнаго самоуправления. Во Франціи новое государство отнеслось къ старому только съ своими неумолимыми *отрицательными* требованіями, съ *равенствомъ и свободою*, уничтожившими все до тѣхъ даже самыя матеріалы изъ котораго всюду возникали новыя государственныя учрежденія. То что произошло во Франціи готово было совершиться вездѣ на континентѣ Европы, которая одно время находилась подъ угрозами и бюрократической централизаціи и революціи. Потому-то судьба Франціи такъ и любопытна. Всѣ европейскія націи успѣли оломиться, пока разрушились у нихъ старыя историческія формации, безъ которыхъ, какъ доказалъ опытъ, государству недостаетъ матеріала для новыхъ учрежденій.

Почти то же что съ поземельною аристократіей случилось во Франціи и съ другими историческими элементами самоуправления, выступившими въ Европѣ вслѣдъ за дворянствомъ на первый планъ и имѣющими въ новомъ государствѣ величайшую будущность: съ общинами городскими и сельскими, элементами которые до известной степени даже воспол-

являютъ отсутствіе въ самоуправленіи представителей крупнаго землевладѣнія, какъ это мы видимъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и Швейцаріи. Съ самостоятельностью общины исчезаютъ основы и для всякихъ мѣстныхъ связей, образующихъ болѣе крупныя административныя единицы самоуправленія (каковы въ Англіи графства, и разные земскіе въ нихъ союзы, въ Германіи округи, въ Швейцаріи кантоны, въ Россіи волости и новѣйшія уѣздныя земства).

Приведемъ опять нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія Токвиля, чтобы видѣть предъ собою разрушеніе во Франціи общины какъ самостоятельной единицы управленія.

„Во Франціи муниципальная свобода пережила поземельный феодализмъ. Когда помѣщики перестали управлять деревнями, города еще сохранили нѣкоторыя права самоуправления. Даже до конца семнадцатаго столѣтія можно еще встрѣтить города образующіе собою нѣчто въ родѣ маленькихъ демократическихъ республикъ; ихъ должностныя лица еще свободно избираются всѣмъ народонаселеніемъ и ответственны предъ нимъ, муниципальная жизнь еще гласная и дѣятельная, городская община еще гордится своими правами и ревниво охраняетъ свою независимость. Въ первый разъ городскіе выборы были безусловно отмѣнены по всей Франціи только въ 1692 году. * Лудовикъ XI ограничилъ муниципальныя вольности, потому что ихъ демократическій характеръ его утрачивалъ; Лудовикъ XIV ихъ совсѣмъ уничтожилъ, уже вовсе ихъ не боясь.“

„... Въ XV вѣкѣ общее городское собраніе (дума) заключало въ себѣ часто все взрослое народонаселеніе; этотъ обычай, сказано въ одномъ официальномъ документѣ (въ запискѣ) о положеніи городского управленія, изслѣдованномъ по распоряженію правительства въ 1764), былъ согласенъ съ народнымъ духомъ нашихъ предковъ. Тогда весь народъ выбиралъ своихъ муниципальных должностныхъ лицъ; съ нимъ совѣтовались; ему отдавали отчетъ. Въ концѣ XVII столѣтія все

* Выборы на городскія должности были потомъ нѣсколько разъ въ томъ или другомъ видѣ возобновляемы и отмѣняемы. Вообще французская администрація и законодательство въ XVII и XVIII столѣтіяхъ чрезвычайно дѣятельны относительно устройства городского управленія, распоряженія ихъ разнообразны и противорѣчивы, но общее ихъ движеніе заключалось въ постоянно возрастающемъ подчиненіи городскихъ обществъ правительственной опекѣ.

это кое-гдѣ еще бывало. Въ XVIII столѣтїи народъ болѣе не составляетъ городского собранїя. Оно еще почти вездѣ представительное (только по наружности); но надо замѣтить что въ его выборѣ нигдѣ болѣе не участвуетъ большинство гражданъ и не проникается его духомъ. Оно всюду состоитъ изъ такъ-называемыхъ *и менителъ гражданъ* (notables), изъ которыхъ нѣкоторые являются даже по прирожденному имъ праву; другихъ посылаютъ корпораціи и товарищества (цехи), и каждый такой членъ городского общества дѣйствуетъ по привидительному приказу (mandat impératif) своихъ довѣрителей. Съ теченїемъ времени, количество нотаблей во главѣ городского общества, по личному (наслѣдственному) праву, безъ выбора, постоянно возрастаетъ въ XVIII столѣтїи. Представители разныхъ ремесленныхъ корпорацій всемъ перестаютъ участвовать въ городскихъ собранїяхъ. Они состоятъ исключительно изъ знатныхъ горожанъ (буржуа), безъ всякаго почти участїя мелкихъ мѣщанъ-ремесленниковъ (artisans). Народъ, котораго нельзя такъ легко какъ это думаютъ соблазнить призраками свободы, перестаетъ интересоваться дѣлами городской общины и живетъ какъ чужой въ стѣнахъ своего собственнаго города. Тщетно его должностныя лица стараются пробудить въ городскомъ населенїи тотъ древнїй муниципальный духъ который производилъ чудеса въ Среднїе Вѣка: онъ остается глухъ. Онъ кажется равнодушнѣе къ самымъ крупнымъ городскимъ интересамъ; хотятъ чтобъ онъ шелъ подавать голоса на выборахъ, тамъ гдѣ еще осталась какая-нибудь обманчивая тѣнь выборнаго начала: онъ упрямятствуетъ въ своемъ воздержанїи отъ выборовъ. Это самое обыкновенное явленїе въ исторїи. Почти всѣ правители которые уничтожали народныя вольности старались сохранить, на первое время, ихъ внѣшнїя формы: такъ было отъ Августа до нашихъ дней. Они надѣялись соединить въ свою пользу нравственную силу создаваемую общественнымъ мнѣнїемъ съ удобствами извлекаемыми изъ самовластия. Никому не могло удасться такое дѣло. Въ XVIII столѣтїи муниципальное управленїе всюду перешло въ руки мелкихъ олигархїй. Нѣсколько семействъ вездѣ завѣдуютъ городскими дѣлами для своихъ личныхъ цѣлей, вдалекѣ отъ всякой гласности и безотвѣтственно предъ нею: это болѣзнь распространяющаяся по городскому управленїю во всей Франціи. Всѣ притивительственныя интенданты говорятъ объ этомъ; но *единствен*

ной способъ мѣченія который они знаютъ — есть все большее и большее подчиненіе мѣстныхъ властей центральной администраціи. Въ этомъ отношеніи было однако трудно сдѣлать больше того что уже было сдѣлаано... Города не могутъ безъ дозволенія интенданта и постановленія королевскаго совѣта установить ни одного городского налога, не могутъ ни заложить, ни продать, ни даже отдать въ оброчное содержаніе своихъ имуществъ, ни взять ихъ сами въ свое хозяйственное управленіе, не могутъ предъавить судебнаго иска, ни даже употребить излишекъ своихъ доходовъ противъ расходовъ. Всѣ городскія работы производятся по приказамъ и смѣтамъ одобреннымъ въ совѣтѣ министровъ. Торги на подряды по этимъ работамъ производятся въ присутствіи интенданта или его чиновниковъ, и они исполняются подъ руководствомъ казеннаго инженера или архитектора. Все это удивить тѣхъ которые воображаютъ что такой подрядокъ новый во Франціи. Но правительство вмѣшивается въ городское управленіе даже гораздо болѣе чѣмъ сколько выше указано: его власть превосходитъ его законное право. Я нахожу въ одномъ циркулярѣ государственнаго контролера (министра финансовъ) къ интендантамъ въ половинѣ XVIII столѣтія слѣдующія слова: „Обратите особенное вниманіе на все что происходитъ въ муниципальныхъ собраніяхъ. Прикажете чтобы вамъ представляли самые точные о нихъ отчеты, съ изложеніемъ всѣхъ преній, и затѣмъ немедленно доставляйте ихъ ко мнѣ, съ вашимъ заключеніемъ.“ Изъ переписки интендантовъ съ подчиненными имъ чиновниками видно что правительство держитъ подъ своею рукою всѣ городскія дѣла, и самыя крупныя, и самыя мелкія. Его обо всемъ спрашиваютъ и на все оно ставитъ свои рѣшенія; оно регламентируетъ даже общественныя увеселенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, оно даже предписываетъ эти увеселенія, потфшныя огни, иллюминацію въ частныхъ домахъ. Я нахожу интенданта который штрафуетъ городскихъ стражей за то что они не служили мѣлобовъ. Поэтому-то городскія должностныя лица имѣютъ новое сознаніе своего совершеннаго ничтожества. „Мы всепокорнѣе просимъ ваше превосходительство (Monseigneur), лишутъ нѣкоторые изъ нихъ къ интенданту, удостоить насъ вашимъ благоволеніемъ и вашимъ покровительствомъ. Мы потщимся оказаться достойными оныхъ нашею покорностью

„(soumission) всѣмъ приказаніямъ вашего превосходительства „(de votre grandeur)“... „Мы никогда не противились волѣ вашего превосходительства (nous n'avons jamais résisté à vos volontés, Monseigneur)“, пишутъ другіе, еще называющіе себя городскими перами (pairs de la ville). Такъ подготовлялась буржуазія къ государственному управленію, а народъ—къ свободѣ. Еслибы, по крайней мѣрѣ, эта узкая зависимость городовъ отъ центральной администраціи оберегла ихъ хозяйство! Но даже и этого не было. Говорятъ что безъ бюрократической централизаціи города тотчасъ бы раззорились. Можетъ-быть; но я только твердо знаю что въ XVIII столѣтіи она не помѣшала имъ раззориться. Вся административная исторія этого времени переполнена разстройствомъ городского хозяйства.“ *

По поводу этой мрачной картины закрѣпощенія городовъ бюрократіи, позволимъ и мы себѣ всаѣдъ за Токвилемъ другое размышленіе: вотъ на какой почвѣ общинной городской жизни подготовлялась будущая коммуна 90хъ годовъ, возродившаяся въ коммунахъ 1871 года, и вотъ какъ были вскормлены идеи и страсти коммуналистскихъ возстаній. Нельзя по крайней мѣрѣ сказать чтобы причиною тому было излишество муниципальныхъ вольностей во Франціи. Совсѣмъ напротивъ, рядомъ съ ихъ усиленнымъ разрушеніемъ именно въ XVIII вѣкѣ и съ возрастающимъ наступомъ бюрократическихъ властей на автономію городскихъ общинъ, возрастаетъ мятежный духъ французскаго общества противъ правительства, а именно преимущественно въ средѣ высшаго городского населенія, зажиточной буржуазіи, и готовится революція, быстро перешедшая потомъ изъ высшихъ слоевъ въ низшіе. Неужели это одно только случайное совпаденіе историческихъ явленій? Не слѣдуетъ ли искать въ одномъ рядѣ фактовъ главной причины другаго ряда, за нимъ слѣдовавшаго? Не ближе ли они одинъ къ другому, не ближе ли къ возникновенію коммуны 90хъ годовъ реальная городская почва чѣмъ развитіе отвлеченной философіи XVIII вѣка, и не ближе ли та же самая неизмѣнная въ этомъ отношеніи жизнь французскихъ городовъ въ XIX вѣкѣ къ коммунахъ 1871 года, чѣмъ социалистическія, коммунистическія и какія бы дамы ни были умозрѣнія демократіи нашего времени? Въ послѣдствіи

* A. de Tocqueville, *L'ancien régime et la révolution*, pp. 87—95.

мы еще болѣе убѣдимся что не одно простое сопоставленіе фактовъ приводитъ къ этому заключенію, а также и разумное пониманіе ихъ смысла.

Закрѣпленіе городскихъ общинъ подъ гнетомъ самовластной бюрократіи должно было гораздо скорѣе вызвать въ нихъ, съ развитіемъ городского промышленнаго класса къ концу XVIII столѣтія, духъ сперва сопротивленія правительству, потомъ духъ отрицанія всякой правительственной власти, чѣмъ это могли сдѣлать всякія освободительныя идеи философовъ этого вѣка. Если послѣдніе и подложили свою искру къ горючему матеріалу, то матеріалъ былъ издавна запасенъ въ надеждащемъ количествѣ и какъ нельзя лучше подготовленъ для огня.

Не одні только городскія, а также и сельскія общины утратили во Франціи всякую внутреннюю корпоративную связь между своими членами и всякое значеніе въ государствѣ какъ самостоятельныя административныя единицы.

„Я вижу, говоритъ Токвиль, много признаковъ указывающихъ на то что въ Средніе Вѣка жители каждой деревни составляли центры (communautes) населенія отдѣльные отъ дворянина помѣщика. Послѣдній употреблялъ ихъ на свою службу, присматривалъ за ними, господствовалъ надъ ними; но все-таки жители деревни или крестьяне имѣли собственныя имущества въ своемъ обществѣ, независимомъ отъ помѣщика владѣнія, сами выбирали своихъ начальниковъ и вообще имѣли свое собственное, народное управленіе для своихъ дѣлъ. Эту древнюю конституцію сельскаго прихода можно найти у всѣхъ европейскихъ націй прошедшихъ черезъ феодализмъ, и даже въ тѣхъ странахъ куда переселенцы занесли остатки европейскихъ учрежденій (американскія колоніи).“
Въ теченіе многихъ вѣковъ эта самостоятельность французской сельской общины постепенно разрушается. „Въ XVIII столѣтіи сохранились только нѣкоторые слабыя ея слѣды.... Совсѣмъ оторванная отъ помѣщика, но сжатая въ могущественной рукѣ государства, сельская община сдѣлалась тѣмъ чѣмъ мы ее сейчасъ увидимъ. Количество и названія сельскихъ или приходскихъ должностныхъ лицъ были весьма различны въ разныхъ провинціяхъ. Въ старыхъ официальныхъ документахъ можно видѣть что прежде, когда мѣстная сельская жизнь была болѣе оживлена, число ихъ было гораздо значительнѣе; оно постоянно уменьшалось съ усиленіемъ

этой жизни. Въ большей части приходовъ остается, въ XVIII столѣтїи, только два должностныхъ лица: одно называется сборщикомъ (collecteur), другое — синдикомъ. Обыкновенно они еще назначались по выбору, или скорѣе, только считались выборными отъ приходовъ должностными лицами; но всадъ они сдѣлались гораздо болѣе орудіями центральной администраціи, нежели представителями своихъ общинъ. Сборщикъ взимаетъ подати не иначе какъ по простымъ приказаніямъ интенданта. Синдикъ (аъчто въ родѣ сельскаго старосты или старшины) поставленъ подъ ежедневное начальство помощника интенданта и является только его личнымъ агентомъ во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства и во всѣхъ распоряженіяхъ по охранѣ общественнаго порядка. Онъ только исполнитель его предписаній по воинской повинности (милиціи), по всѣмъ казеннымъ работамъ, по приведенію въ дѣйствіе на мѣстахъ всѣхъ общихъ законовъ государства. Помощникъ остается, какъ мы видѣли, совсѣмъ въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ подробностей въ ходѣ мѣстной администраціи; онъ не имѣетъ даже права никакого надзора за ними; онъ даже нисколько въ нихъ не участвуетъ; всѣ эти мелкія заботы которыми когда-то поддерживалось его значеніе въ средѣ мѣстаго населенія кажутся ему недостойными этого значенія, и именно въ то время когда оно совсѣмъ уничтожилось. Его гордость была бы даже оскорблена еслибъ его вздумали пригласить къ этимъ дѣламъ. Онъ не имѣетъ никакого отношенія къ мѣстному управленію, а между тѣмъ его присутствіе въ приходѣ и его привилегированныя права прелютствуютъ устройству хорошаго приходскаго управленія его мѣстности. Частное лицо столь отличное отъ всѣхъ остальныхъ подлѣ него живущихъ, столь отъ нихъ независимое, съ особыми преимуществами, свободное отъ всякихъ податей и мѣстныхъ тягостей, самымъ своимъ положеніемъ ослабляетъ и уничтожаетъ правильность окружающаго его порядка вещей. Прежде его присутствіе обратило къ бѣгству въ города всѣхъ жителей сколько-нибудь образованныхъ и зажиточныхъ; теперь кромѣ него въ околоткѣ осталось только стадо крестьянъ невѣжественныхъ и грубыхъ, неспособныхъ къ управленію общественными дѣлами. „Приходъ, справедливо сказалъ Тюрго, есть куча хижинъ и ихъ обывателей, столь же пассивныхъ (не воодушевленныхъ) какъ и ихъ жилища.“ Когда сравниваешь эти обманчивые облики свободы (независимость крестьянъ отъ всякой господ-

ской власти и ихъ право имѣть свои мирскія сходки) съ дѣйствительною немощью тутъ господствовавшей, то легко узнать въ этихъ мелкихъ явленіяхъ какъ самое деспотическое правленіе можетъ соединяться съ нѣкоторыми формами самой крайней демократіи, какъ подвластные могутъ совѣтъ не чувствовать подъ этими формами гнета на нихъ лежащаго. Это демократическое собраніе прихода могло выражать всякія желанія (воeux) и ходатайствовать объ нихъ у правительства, но оно также мало могло что-нибудь дѣлать по своей волѣ, какъ и муниципальное городское собраніе. Безъ особаго разрѣшенія оно не могло даже открыть рта; только по испрошеніи разрѣшенія интендантства, или какъ тогда выражались, *sous son bon plaisir* (по его благоизволенію) могъ состояться всякій приходскій сходъ. Когда даже рѣшенія схода были единогласны, онъ не могъ ни обложить своихъ членовъ никакимъ сборомъ, ни что-нибудь кулить, ни продать, ни навалъ, ни завести судебный процессъ безъ особаго на то *позволенія* королевскаго совѣта. Нужно было всякій разъ испросить постановленіе совѣта чтобы поправить церковную крышу спесивую вѣтромъ или выстроить вновь ограду расплывшися на логостъ. Самые удаленные отъ Парижа приходы были подчинены тѣмъ же правиламъ какъ и ближайшіе. Я видѣлъ въ бумагахъ приходы ходатайствовавшіе о разрѣшеніи королевскаго совѣта на израсходование 25 франковъ. Когда поселяне еще сохраняли номинальное право выбора своихъ должностныхъ лицъ, тогда интендантъ часто назначалъ имъ кандидата, котораго они непременно выбирали; или же онъ по своему произволу каасировалъ выборы, назначалъ самъ сборщиковъ и судиковъ, и прекращалъ дѣйствіе выбораго начала по своему усмотрѣнію на неопредѣленное время. Я видѣлъ въ дѣлопроизводствѣ тысячу такихъ случаевъ. Нельзя себѣ представить участи болѣе жестокой, какъ этихъ сельскихъ должностныхъ лицъ. Самый низшій правительственный чиновникъ заставлялъ ихъ повиноваться малѣйшимъ своимъ капризамъ.... Никакихъ гарантій противъ произвола чиновниковъ не было. „Я засадилъ въ тюрьму“, говоритъ одинъ интендантъ въ 1750 году, „нѣсколько главныхъ членовъ сельскихъ обществъ которыя вздумали на это роптать и за это заллатили мнѣ расходы посылаки къ нимъ военной команды. Этими способомъ они были легко обузданы.“ Поэтому приходскія должности признавались не

почетомъ, а тягостью, отъ которой отдѣывались всякими хитростями. Однако даже эти развалины стариннаго приходскаго самоуправленія были еще дороги крестьянамъ, и даже теперь изъ всѣхъ видовъ политической свободы они только и понимаютъ свободу своего прихода (то-есть своей общины). Это единственное публичное дѣло которое можетъ дѣйствительно ихъ заинтересовать.... Все то что я сказалъ о городахъ и приходахъ, въ той же мѣрѣ относится ко всѣмъ корпораціямъ во Франціи, которыя имѣли сколько-нибудь независимое существованіе и какую-нибудь свою нераздѣльную собственность. Во время стараго режима, какъ и въ наши дни, не было и нѣтъ во Франціи города, мѣстечка, деревни, самаго ничтожнаго поселка, больницы, фабрики, монастыря, учебнаго заведенія, которые бы имѣли какую-нибудь самостоятельную волю въ своихъ собственныхъ дѣлахъ и могли сколько-нибудь свободно распоряжаться своими имуществами. Тогда, какъ и теперь, казенная администрація держала каждаго Француза подъ своей *опекой*.⁴

Выше представленная картина должна доказать что и въ какомъ другомъ государственномъ строѣ, всякіе мѣстные общественные союзы не утратили столько своей автономіи и административнаго значенія, какъ это было во Франціи въ XVIII вѣкѣ. У насъ въ Россіи даже въ самую суровую эпоху крепостнаго права и бюрократической опеки оставалась крѣпкою корпоративною единицею сельская община не только у свободныхъ поселенъ всѣхъ наименованій, но даже у помѣщичьихъ крестьянъ; сохранилась нѣкоторая хозяйственная и административная самостоятельность городского общества и были значительные слѣды самоуправленія, хотя бы и сословнаго, во всемъ составѣ мѣстной администраціи. Въ какой степени уцѣлѣла у насъ историческая крестьянская община всего лучше доказываютъ оброчныя помѣщичьи деревни, во множествѣ самоуправлявшіяся у насъ, безъ всякаго личнаго надзора и помѣщика и правительства. Затѣмъ въ нынѣшнее царствованіе были быстро и щедро развиты въ обширныхъ размѣрахъ всѣ эти элементы самоуправленія; какіе бы недостатки еще ни заключались во всѣхъ этихъ новыхъ организаціяхъ

⁴ Административная опека (la tutelle administrative), то-есть, опека правительства надъ обществомъ—любимое слово французскихъ администраторовъ всѣхъ цвѣтовъ и партій.

сельскаго, городскаго и земскаго самоуправленія, и какія бы ни случались ошибки и недоразумѣнія въ пользованіи новыми правами и въ обращеніи съ ними администраціи, всѣ эти организаціи, въ своемъ существѣ, вполнѣ соотвѣтствуютъ историческимъ преданіямъ и внутреннему историческому сознанію всѣхъ классовъ общества. Дѣло въ томъ что эти преданія и это сознаніе нисколько не были и не могли быть подорваны бюрократическимъ порядкомъ управленія, въ томъ видѣ въ какомъ онъ у насъ существовалъ, даже въ эпохи самыхъ величайшихъ своихъ крайностей. Бюрократическій гнетъ даже въ эти эпохи былъ у насъ чисто внѣшній и такъ-сказать механическій; хри самыхъ суровыхъ своихъ пріемахъ, бюрократическая опека оставалась на наружной оболочкѣ общества, ограничиваясь регламентаціей чисто формальныхъ, почти полицейскихъ отношеній его къ государству, и нисколько не посягая на его внутреннюю организацію и его историческія права. Всего лучше это можно видѣть на олеѣ бывшаго управленія государственныхъ имуществъ надъ государственнымъ крестьянствомъ. Изъ всѣхъ нашихъ административныхъ начинаній прошедшаго времени, эта опека * сопровождалась наибольшою регламентаціей народнаго быта, по предвзятымъ теоретическимъ идеямъ, и вмѣшательствомъ въ его внутренніе распорядки; она была наиболее у насъ близка къ французскимъ административнымъ воззрѣніямъ, къ французскому бюрократическому либерализму, и однакоже эта опека не нарушила цѣлости и самостоятельности нашей сельской общины, какъ это дѣлаютъ французскіе законы и чиновники, распоряжающіеся общинною какъ своею собственностію, ломающіе ее во всѣ стороны, какъ будто они самые естественные ея хозяева и представители. Недостатки нашей мѣстной администраціи, въ особенности разившіеся въ нѣкоторыхъ лѣтъ нашихъ учрежденіяхъ, совсѣмъ иного свойства: государственно-общественные органы самоуправления становятся какъ ставленныя единицы подлѣ бюрократическихъ властей. Въ сравненіи съ французскою административною системою политическія неправильности въ нашей незначительны и легко исправимы; успѣхи времени несомнѣнно и исправятъ ихъ, и приведутъ насъ къ результатамъ, надо надѣяться, совершенно противоположнымъ французской государственной исторіи. Историче-

* *Опекото* называло себя это управленіе на официальномъ языкѣ.

скіе задатки самоуправленія слишкомъ глубоки въ нашемъ государствѣ, чтобы могли заглухнуть. Тѣмъ не менѣе само собою ничего не дѣлается. Для успѣшнаго развитія нашихъ государственныхъ учрежденій нужно будетъ много потрудиться и многому научиться, между прочимъ и изъ самой исторіи Франціи. Политическія противоположности иногда близко и совсѣмъ неожиданно соприкасаются, тѣмъ болѣе что у насъ еще въ ходу много французскихъ идей силающихся навязать намъ не только чужое добро, но и чужое зло. Современныя государственныя задачи именно тѣмъ и отличаются отъ стараго времени что онѣ не подлежатъ болѣе ни въ практикѣ, ни въ теоріи простымъ и отвлеченнымъ рѣшеніямъ какими довольствовались наши отцы, а требуютъ глубокаго историческаго изученія и своего отечества, и другихъ странъ работающихъ надъ тѣми же задачами. Во всякомъ случаѣ оказавшаго нами кажется достаточно чтобы доказать неапптость мнѣнія о какомъ-то подобіи политическаго положенія вышешней Россіи и Франціи середины XVIII вѣка. У насъ нѣтъ именно тѣхъ самыхъ существенныхъ явленій которыми отличалась государственная исторія Франціи въ XVIII вѣкѣ и въ которыхъ завязались всѣ позднѣйшія ея злоключенія. Тѣмъ не менѣе, мы найдемъ не мало для себя назиданія въ этой исторіи и въ особенности въ разныхъ новѣйшихъ государственныхъ начинаніяхъ Франціи, какъ мы это увидимъ въ послѣдствіи.

Откуда произошелъ этотъ крайній бюрократизмъ неизмѣнно продолжающійся до сихъ поръ во Франціи, не взирая на всякіе самые крутые внутренніе перевороты въ теченіи многихъ вѣковъ и при самыхъ разнообразныхъ формахъ и системахъ правленія съ конца прошедшаго столѣтія? Неужели онъ объясняется только деспотизмомъ, прихотью французскихъ государей и правителей, и не имѣетъ для себя никакой внутренней исторической необходимости во Французскомъ государствѣ и обществѣ? Возможно ли остановиться на такомъ простомъ объясненіи, когда Франція имѣла въ теченіи вѣковъ государей и правителей самыхъ разнообразныхъ наклонностей и убѣжденій, а въ XVIII вѣкѣ большинство ихъ именно скорѣе отличалось слабостью, мягкосердечіемъ, расположеніемъ къ бездѣйствию власти, даже распущенностью, чѣмъ всякими иными наклонностями, когда между ними предъ самой революціей былъ такой государственный человѣкъ

какъ Тюрго, съ намѣреніями самыми либеральными, анти-бюрократическими, съ пламеннымъ желаніемъ освободить французское общество отъ этихъ стѣсненій и съ твердою волею привести эти намѣренія и желанія въ исполненіе? Именно эти желанія Тюрго, оставшіяся почти на бумагѣ, вызвали противъ него во войнѣ классахъ французскаго общества наиболѣе вражды, сдѣлавшей его самымъ непопулярнымъ членомъ и потому невозможнымъ въ правительствѣ. Э.Ренанъ * весьма справедливо говоритъ что если въ XVIII столѣтіи отвѣтственность за революцію лежитъ на войнѣ и въ правительствѣ и въ обществѣ, то одинъ Тюрго долженъ быть изъять отъ этой отвѣтственности, такъ какъ онъ одинъ все предвидѣлъ и никѣмъ не былъ попятъ.

Какимъ образомъ наконецъ могло произойти что Франція захватывъ первая въ свои руки, на всемъ континентѣ Европы, инициативу политической свободы, проповѣдая по всему свѣту освобожденіе народовъ отъ тирании власти, водворяя у себя въ безчисленныхъ своихъ конституціяхъ всякіе мыслимые и немыслимые виды этой свободы, Франція не могла добиться для себя самаго простѣйшаго и невиннѣйшаго вида этой свободы, — независимости народонаселеній въ ихъ внутреннихъ мѣстныхъ дѣлахъ отъ деспотическаго произвола чиновниковъ, — вида свободы живающагося въ другихъ странахъ со всякими формами правленія, даже съ самою неограниченною монархіей, а во Франціи ни съ какою?

Отвѣчать на все эти вопросы не такъ легко; окончательные на нихъ отвѣты скрываются едва ли не въ самомъ первоначальномъ періодѣ историческаго зарожденія Французскаго государства, гдѣ приходится отыскать происхожденія той внутренней *натуры* всякой націи (*le naturel*) о которой упоминаетъ Токвиль. Къ этимъ темнымъ временамъ и обращаются изслѣдователи, переходя отъ одного однороднаго явленія къ другому предыдущему и находя въ первоначальныхъ завазахъ государственныхъ и общественныхъ отношеній черты совсѣмъ отличныя отъ тѣхъ же отношеній у другихъ европейскихъ націй. Феодалная или ленная система существовала вездѣ, также вездѣ возникла изъ нея поземельная аристократія, господствовавшая надъ землею и людьми, также почти

* Въ его сочиненіи *La Réforme en France*.

вездѣ она стремилась въ большей или меньшей степени къ верховенству правъ въ своихъ владѣніяхъ и къ отагощенію подвластнаго народонаселенія повинностями для своихъ личныхъ выгодъ, но нигдѣ эти сепаратистическія и своекорыстная стремленія ленныхъ владѣльцевъ не проявились въ такой сильной степени и не имѣли въ самомъ началѣ Среднихъ Вѣковъ такого успѣха какъ во Франціи. Противъ этого мѣстнаго самодержавія вооружилась монархическая власть, противопоставляя ему на каждомъ клочкѣ государственной территоріи свое общегосударственное самодержавіе, противоположнаго миліціямъ, леннымъ властямъ и судамъ, его повинностямъ,—свои войска солдатъ и чиновниковъ, свои власти и свои подати. Чѣмъ могущественнѣе было господство этихъ мѣстныхъ державцевъ, чѣмъ самовластнѣе распоряжались они подвластными людямъ, тѣмъ могущественнѣе должна была организовываться на всей территоріи центральная власть, на счетъ тѣхъ же самыхъ населеній, тѣмъ упорнѣе вынуждена она была отказывать кому бы то ни было во всякой мѣстности власти, кромѣ своихъ агентовъ, тѣмъ отважнѣе выступала она съ своими военными и гражданскими полчищами за государственное единство націи и права угнетенныхъ массъ, и тѣмъ болѣе эти массы народонаселеній были расположены прибѣгать подъ защиту агентовъ центральной власти противъ своихъ мѣстныхъ угнетителей. Съ тѣмъ вмѣстѣ укоренялась въ народѣ привычка отождествлять всякія права свои на независимость отъ мѣстныхъ своихъ господъ съ неограниченными подчиненіемъ агентамъ новой власти. Эта борьба на смерть между мѣстнымъ и центральнымъ самодержавіемъ начинается еще при первыхъ Каролингахъ и проходитъ черезъ всю французскую исторію до XVIII вѣка. Еще можетъ-быть важно то что тѣ же сепаратистическія наклонности, тѣ же тяготы къ мѣстному верховенству, воодушевляють не одну поземельную аристократію, но и всѣ другія общественныя стихіи Французской націи. Точно также полновластна хочеть быть церковь съ своими корпорациями и князьями. Противъ нея и противъ свѣтской поземельной аристократіи возстають съ требованіями самодержавія городскія общины; этотъ третій членъ ордена вѣковаго европейскаго общества, въ лицѣ своихъ патрициевъ также стремится къ верховенству правъ въ государствѣ и къ господству надъ всѣми другими общественными группами, пока еще не выросъ четвертый членъ этого общества, рабочій про

летаріатъ, отличавающій нынѣ за свое безучастіе и полное объ немъ забвеніе въ этой десятивѣковой гражданской борьбѣ. Борьба общественныхъ стихій изъ которыхъ слагалось феодальное общество была повсемѣстно, но нигдѣ всѣ онѣ не стояли такъ круто одна противъ другой. Это крайнее междуусобіе, съ одной стороны парализовало развитіе феодальныхъ государственныхъ отношеній, къ каковымъ было вездѣ расположеніе въ средневѣковомъ обществѣ (въ его поземельныхъ баронахъ и городскихъ общинахъ), а съ другой стороны вынуждало королевскую власть къ бюрократическому объединенію государства.

Тѣ же сѣмена борьбы составныхъ элементовъ феодальнаго общества были и въ Великобританіи, но съ самаго начала, вслѣдствіе исключительныхъ историческихъ обстоятельствъ, эта борьба была замирена. Уже въ XI столѣтіи норманское владичество сократило, прежде чѣмъ бароны и общины успѣли упрочиться, ихъ притязанія на мѣстное верховенство, къ которому они были расположены не менѣе чѣмъ въ остальной Европѣ; эта новая общегосударственная власть привлекала и бароновъ и общины, наравнѣ со всѣми жителями государственной территоріи, къ службѣ и къ повинностямъ въ пользу общаго государства, и вступила со всѣми классами народонаселенія въ *прямые* отношенія верховной власти къ своимъ подданнымъ, разомъ покоячивъ со всякими мѣстными державцами. На этой-то исторической почвѣ, объединенной и освобожденной уже въ XI столѣтіи отъ всякаго сепаратизма областей и сословій, развилась система англійскаго самоуправления: обокъ съ сильнѣйшею государственною централизацией въ лицѣ королевской власти, у перваго и верховнаго источника всѣхъ властей въ государствѣ, возникла не менѣе сильная децентрализація всѣхъ мѣстныхъ органовъ этихъ властей. Обокъ съ неоспоримыми правами короны возникло дѣйственное и самостоятельное участіе всѣхъ сословій и корпорацій въ *исполненіи* всѣхъ ея функций, законодательныхъ, судебныхъ административныхъ „...Завоеваніе, говоритъ г. Глейстъ“, сдѣлалось основой всей англійской свободы. Въ столкновеніи двухъ національностей (норманской и англо-саксонской) расплываются всѣ старинныя сословныя (англо-саксонскія) учрежденія,

* R. Gneist *Verwaltung, Justiz, Rechtsweg*, p. 6.

и съ неслышаннымъ въ то время въ Европѣ могуществомъ и энергіей рождался государство посреди разорваннаго общества... Такъ это государство раньше всѣхъ, въ Средніе Вѣка, достигло всего того что принадлежитъ государству, своего верховнаго права,—въ войскѣ, судѣ, полиціи, финансахъ, церкви,—*надъ всеми классами народонаселенія.* Это полная картина государственнаго абсолютизма, законченная здѣсь въ XII столѣтіи, и составляющая для Великобританіи и для Германіи только переходную государственную фазу.“ Съ тѣхъ поръ никакое сословіе и никакой органъ власти въ государствѣ не стремятся къ захвату ея въ свое нераздѣленное и неограниченное распоряженіе, а напротивъ всѣ желаютъ только возможно болѣе раздѣльнаго между собою и взаимно ограниченаго пользованія ея правами.

Всѣдствие безусловнаго объединенія государства и претѣвленія всякихъ враждебныхъ единодержавно движеній, политическая жизнь въ Англіи, уже съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, могла принять направленіе которое во всѣхъ другихъ образованныхъ странахъ началось, посреди страшныхъ усилій и противорѣчій, только съ нынѣшняго столѣтія, направленіе къ водворенію правотѣрнаго или законнаго государственнаго порядка, лежащаго въ основаніи всякаго дѣятельнаго самоуправленія. * „Подъ общимъ гнетомъ (государственнаго тягла, или повинностей наложенныхъ на всѣхъ безъ изъятія подданныхъ), всѣ враждебныя между собою племена и сословія снова соединяются воедино. Общая тяжесть личныхъ и податныхъ повинностей, которую *есть они равно несутъ*, возбуждаетъ въ нихъ сознаніе права имѣть свое сужденіе объ установленіи этихъ повинностей. Въ минуту самыхъ крайнихъ злоупотребленій абсолютизма всѣ они (архіепископы, епископы, коронные вассалы) сходятся вмѣстѣ чтобъ испросить для себя Великую Хартію (Magna Charta Иоанна Безземельнаго, 19го іюня 1215 года), которую и получаютъ.“ ** Съ этой хартіи начинается и парламентское прав-

* Объ этомъ скажемъ болѣе ниже.

** R. Gneist, *Verwaltung* etc., p. 7. Мы пользуемся преимущественно этимъ сочиненіемъ во всемъ предыдущемъ и послѣднемъ нашѣмъ изложеніи историческихъ фактовъ и держимся въ сдѣланныхъ основаніяхъ нашихъ сужденій воззрѣній знаменитаго авторъ

леніе въ Англіи. Это былъ пактъ королевской власти не съ возмущенною народною чернью, а съ первенствующими сознаниемъ своего государственнаго долга членами общества, эта дарованная по законному праву хартія, заключала въ себѣ уже тогда болѣе здоровое зерно будущаго государственнаго развитія, чѣмъ всѣ повѣдшія конституціи, исторгнутыя бунтомъ. Какъ это первое зерно англійской конституціи возникло на законной почвѣ права, такъ и всѣ позднѣвшія смуты въ этомъ государствѣ, въ самыхъ бурныхъ своихъ разливахъ, не имѣли въ общемъ своемъ движеніи иного значенія какъ борьбы за законное, положительное право, охраны его, хотя бы и омраченной самыми ожесточенными страстями и самыми насильственными поступками. Замѣтимъ одну чрезвычайно любопытную и важную именно для нашего предмета черту самаго перваго конституціоннаго документа Великобританіи: между разными постановленіями великой хартіи были определены ограниченія произвола землевладѣльцевъ надъ ихъ крѣпостными людьми. Въ этомъ ограниченіи крѣпостнаго права участвовали сами представители сословія которое имъ пользовалось, и оно положительно узаконяется въ началѣ XIII вѣка, именно тогда когда во всей остальной Европѣ организуется захватъ привилегій высшихъ сословій на счетъ рабочей массы и зачинается междуособная вражда общественныхъ классовъ, замкнутая въ послѣдствіи бюрократическимъ ярмомъ власти. Въ Великобританіи, напротивъ, рано возникаетъ сознание государственной солидарности всѣхъ сословій. Ровно черезъ 80 лѣтъ послѣ перваго созыва, по великой хартіи, высшихъ духовныхъ и бароновъ (непосредственныхъ вассаловъ короны) на *королевскій советъ* (*parliamentum*), призываются (1295 года), по общему желанію королевской власти и бароновъ, всѣ другіе классы свободнаго народонаселенія графовъ (подвассаловъ всѣхъ свободныхъ сельскихъ обывателей и членовъ городскихъ общинъ) въ лицѣ своихъ представителей. Отсюда возникла палата лордовъ (епископовъ и бароновъ) палата общинъ (*commons*), другой элементъ парламентскаго

нѣтъ съ тѣмъ однако мы часто позволяемъ себѣ такое ихъ развитіе и такіе выводы которыхъ нѣтъ въ его кругу. Ср. также: E. Fischel, *Staatsgeschichte u. Staatsrecht des Vereinigten Königreichs* (Rotteck u. Welker, *Staatslexicon*, B. VII).

правленія, выборный или всенародный. Что было въ Англіи въ XIII вѣкѣ, произошло во Франціи, иначе и не прочно, лишь пять столѣтій спустя, въ 1789 году, и съ тѣхъ поръ въ теченіи 80тилѣтняго періода, эта страна не можетъ устроить у себя парламентскаго правленія, которое устроилось въ теченіи 80тилѣтняго же періода въ Великобританіи въ XIII столѣтіи.

Но не вопросъ о шестивѣковой отсталости Франціи, въ сравненіи съ Англіею, на парламентскомъ полприщѣ занимаетъ насъ здѣсь. Для насъ особенно важенъ принципъ во имя котораго созваны были представители общинъ: „Ибо несправедливо чтобы то что относится до всѣхъ (установленіе государственныхъ повинностей) не было всѣми обсуждаемо“, сказано въ королевскомъ посланіи Эдуарда I, 1295 года, объ этомъ созывѣ. Слова эти въ историческомъ документѣ Англіи, важнѣйшемъ послѣ великой хартіи, достопамятны. Изъ нихъ, во первыхъ, видно что уже тогда не было въ Англіи привилегированныхъ сословій въ отношеніи къ государственнымъ повинностямъ (кромѣ развѣ крѣпостныхъ крестьянъ, которые вскорѣ потомъ были освобождены). Вторыхъ, здѣсь твердо высказано другое основное начало государственной жизни Великобританіи, что право участія въ государственномъ управленіи возникаетъ только изъ исполненія обязанности, повинности предъ государствомъ и ей соразмѣрно. Это великое начало до сихъ поръ мало признано въ остальной Европѣ и извѣстно скорѣе ея ученымъ чѣмъ практическимъ политическимъ дѣятелямъ; оно было оставлено совсѣмъ наизворотъ во Франціи съ самаго начала ея государственной исторіи, въ которой всѣ сословія добивались только преимуществъ, включительно до революціи, открывшейся объявленіемъ правъ (*les droits de l'homme*). Это начало соразмѣрности политическаго права съ обязанностью остается въ своей силѣ и до сихъ поръ въ Великобританіи, и объясняетъ почему посреди разлива демократическихъ страстей, значительно коснувшихся и ея береговъ, самыя раздраженныя группы волнующагося рабочаго класса смотрятъ если и безъ любви, то съ уваженіемъ на поземельную аристократію и на ея привилегію (прирожденное право) въ палатѣ лордовъ, самую нестерпимую съ демократической точки зрѣнія и самую вѣдлкую предъ ея отвѣтственною логикой. Но палата лордовъ несетъ вымѣ особую

исключительную тяготу на пользу государства: ею уравновешивается господство капиталовъ въ палатѣ общинъ.*

Этотъ бѣглый очеркъ историческаго зарожденія англійской конституціи, которая уже въ этомъ почти зародышномъ своемъ состояніи заключала въ себѣ всѣ свои главнѣйшія органическія части, въ послѣдствіи только развивавшіяся и усложнявшіяся, мы должны дополнить только одною послѣднею чертой, самую существенною для занимающихъ насъ вопросовъ. Народные представители, составившіе нижнюю палату, сперва прямо назначавшіеся правительствомъ, а потомъ выборные, не были непосредственно взяты изъ массы народа. Между обществомъ и его представителями въ парламентѣ, между обществомъ и государствомъ, была уже тогда живая органическая связь, изъ которой и возникло все народное представительство въ Великобританіи и которая самымъ кореннымъ образомъ отличаетъ его отъ народнаго представительства во Франціи. Эта связь заключалась въ мѣстномъ самоуправленіи, которое съ самаго перваго момента парламентскаго правленія въ Англіи явилось его прочнымъ базисомъ. Эти народные представители были собственно представителями не прямо народа, а общинъ, какъ они и были названы,—представители самоуправлявшихся мѣстныхъ земскихъ союзовъ въ графствахъ или низшихъ единицъ государственнаго управленія. Приведемъ здѣсь слова Р. Гнейста, который первый раскрылъ все великое значеніе этой стороны англійской конституціи: „Для этого представительства общество было между тѣмъ уже предварительно подготовлено и устроено. Въ каждомъ графствѣ вассалы и мелкие свободные обыватели были соединены чрезъ воинскую и судебную повинности (левную милицію и присяжныхъ) въ самостоятельные окружные союзы** которые были ежегодно

* Палата лордовъ теперь гораздо популярнѣе чѣмъ въ началѣ княжескаго отцѣтвія. Мы имѣли случай въ этомъ убедиться во время нашего недавняго путешествія въ Англію. Это весьма естественно, ибо она теперь оказывается нужнымъ, вождѣнствіе общественнаго разлада между рабочими массами и средними классами.

** Такіе союзы (каковы главнѣйше приходы) и теперь существуютъ въ Англіи для управленія разными мѣстными повинностями и вмѣщаютъ собою сельскія общины въ смыслѣ континентальномъ.

призываемы *намѣстниками* или губернаторами къ действительной военной службѣ. Каждая такая корпорация должна была быть представлена въ парламентъ самою малочисленною депутаціей (коммисіей), то-есть двумя своими членами. Сперва даже и тутъ было назначеніе отъ правительства (какъ на всѣ должности по мѣстному самоуправленію), но сама натура общества требовала чтобъ его различныя интересы были приняты при этомъ въ достаточное уваженіе, а во многочисленной корпорации это иначе не можетъ быть какъ чрезъ *выборъ доверенныхъ отъ нея лицъ*. Такимъ образомъ выборное право (для народнаго представительства) возникаетъ *суть административныхъ общинныхъ союзовъ*, какъ органическая форма соединенія общества съ государствомъ. Ответственное (выборное) начало должно было тѣмъ болѣе получить здѣсь значеніе что общины были привлечены здѣсь къ государственному управленію главнѣйше для того чтобы платитъ деньги (подати). Поэтому-то королевскій призывъ представителей въ парламентъ былъ обращенъ къ тѣмъ городамъ и мѣстечкамъ (сверхъ сельскаго населенія) которые входили въ составъ мѣстныхъ союзовъ, * образованныхъ для судебной и полицейской службы и для раскладки податей, вслѣдствіе развитія городской промышленности служившихъ особенно обильнымъ финансовымъ источникомъ и постоянно возраставшихъ въ числѣ до конца Среднихъ Вѣковъ. Эта англійская организція народнаго представительства отличается тѣмъ отъ всѣхъ континентальныхъ что въ ней государственныя основы господствуютъ надъ общественными. Англійскій парламентъ сохраняетъ въ своей верхней палатѣ чисто государственный характеръ королевскаго совѣта, въ нижней палатѣ — представительства общинъ, какъ единицъ мѣстнаго управленія...“ **

Можно ли послѣ всего сказаннаго удивляться разительному различію Великобританіи въ политическомъ отношеніи отъ остальной Европы, для которой, по словамъ Гнейста, она должна служить такою же классическою школою *публичнаго* (государственнаго) права, какъ Римъ былъ

* Эти самые союзы, заключающіе континентальныя общины, суще ствуютъ и нынѣ для каждой особой отрасли мѣстныхъ повинностей

** R. Gneist, *Verwaltung, Justiz, Rechtsweg*, p. 8—9.

школою частнаго (гражданскаго) права. Это различіе всегда инстинктивно чувствовалось практическимъ политическимъ міромъ, недоумѣвавшимъ предъ загадочнымъ зрѣлищемъ самой неограниченной свободы, невозможной ни гдѣ на материкѣ Европы, въ соединеніи съ самою твердою властью, противъ которой невозможенъ революціи. Въ этомъ послѣднемъ убѣждены всѣ англійскія партіи, отъ самыхъ крайнихъ тори до самыхъ крайнихъ демократовъ: никто и не помышляетъ въ Англіи о возстаніи противъ правительства. Только наука нашего времени своими историческими изслѣдованіями давнопрошедшаго Великобританіи объяснила это какъ будто загадочное явленіе, которое прежде истолковывали исключительными (островными) національными свойствами Британцевъ. Но самыя эти свойства, также какъ всѣ политическіе обычаи и навыки народа, столь существенныя въ дѣйствиі всякаго гоударственнаго учрежденія, воспитываются подъ вліаніемъ учрежденій. Исторія народа слагается изъ множества разнородныхъ элементовъ, которые должны быть всѣ принимаемы въ соображеніе для объясненія историческихъ явленій. Въ громадномъ дѣйствиі государственныхъ мѣръ Вильгельма Завоевателя на все повзрѣвшее политическое развитіе Англіи, выступаетъ значеніе личной воли великихъ людей и законодателей, которыхъ цѣлые историки хотѣли было совсѣмъ похоронить подъ стихійными, даже физическими историческими силами.

Та же самая операція которую Вильгельмъ Завоеватель развелъ произвелъ надъ государственнымъ организмомъ Англіи въ самомъ младенческомъ его возрастѣ, когда такія жестокія операціи сравнительно легки, продолжалась во Франціи и отчасти во всей Европѣ нѣсколько вѣковъ, вплоть до XIX столѣтія. Само собою разумѣется что она должна была чрезвычайно усложниться и принимать самыя разнообразныя формы подъ дѣйствиемъ историческихъ обстоятельствъ и общественныхъ элементовъ цѣлыхъ въ каждомъ періодѣ. Сепаратизмъ сословій, общинъ и вассаловъ развился въ размѣры и формы гораздо труднѣе поборимыя, чѣмъ въ началѣ Среднихъ Вѣковъ. Историческій процессъ борьбы сословныхъ элементовъ, и ихъ замиреніе бюрократическими органами монархической власти, былъ вездѣ одинаковъ, вслѣдствіе однородности феодальной почвы; онъ только достигъ во Франціи крайняго своего раз-

витія. Въ Германіи оны окончательно разорвали государство на нѣскольکو самодержавныхъ княжествъ, но внутри каждаго княжества единство государственной власти, поосреди враждующихъ сословій, было гораздо безспорнѣе, чѣмъ во Франціи. Хотя господство привилегированныхъ классовъ надъ рабочимъ населеніемъ (поземельнаго дворянства надъ крестьянствомъ, цеховъ и гильдій надъ городскими плебейми) и было въ Германіи весьма значительно, хотя притязанія ихъ на сохраненіе этихъ привилегій и были весьма алчны, но безъ домогательства на верховенство правъ въ государствѣ. Отсюда обособленіе сословій на подобіе кастъ, междуусобная вражда ихъ, значительное развитіе бюрократической администраціи, но рядомъ съ нею крѣпкіе корпоративные и общинные союзы, сословное представительство вездѣ остающееся въ силѣ, неспособное служить для дальнѣйшаго развитія государственнаго строя въ нынѣшнемъ столѣтіи, но годное для постепеннаго перерожденія въ безусловное земское самоуправленіе, нынѣ осуществившееся.

Чтобы окончательно выяснитъ себѣ причины отсутствія началъ самоуправления во Франціи и ихъ значеніе въ государствѣ и обществѣ, нужно послѣ картины до-революціонной Франціи бросить взглядъ на ея новѣйшія государственныя учрежденія. Выякнутъ въ общій характеръ этихъ новѣйшихъ административныхъ формъ Франціи любопытно уже и потому что оны находили и находятъ ревностныхъ подражателей въ другихъ странахъ. Эти формы были главнѣйше созданы, согласно „великимъ принципамъ“ революціи, ея великимъ укротителемъ и организаторомъ Наполеономъ I, видоизмѣнялись нѣскольکو разъ при разныхъ правленіяхъ, но въ своей сущности были въ теченіе всего нынѣшняго столѣтія всегда одинаковы и таковыми остаются до сихъ поръ. Въ этихъ формахъ надѣялась послѣ-революціонная Франція,—надѣется и до сихъ поръ,—достигнуть свободнаго правленія, а между тѣмъ она только довела въ нихъ бюрократическое самовластіе до крайнихъ размѣровъ, какіе оно едва ли имѣло даже до революціи.

Какъ при старомъ до-революціонномъ режимѣ королевскій совѣтъ, такъ точно при новомъ, то же учрежденіе подъ новымъ названіемъ совѣта министровъ остается единственною живою душою всего государственнаго управленія Фран-

ція, единственною пружиною приводящею посредствомъ предписаній и инструкцій въ дѣйствіе весь этотъ обширный административный механизмъ, отъ центра до самыхъ крайнихъ его оконечностей, по всемъ его цѣпанціямъ, по департаментамъ, городамъ и селамъ, отъ директоровъ министерскихъ канцелярій въ Парижѣ до послѣдняго полевого стража на всемъ пространствѣ Франціи. Безъ предписанія этой центральной пружины, вся машина остановилась бы, вся Франція лишилась бы всякаго государственнаго управленія, отъ Парижа до мельчайшей деревни, какъ она и лишилась его во дни анархіи. Всѣ двигатели этой машины, отъ высшихъ административныхъ сановниковъ (директоровъ министерскихъ департаментовъ) до полицейскихъ служителей городскихъ и сельскихъ, только исполнители приказаній центральной административной цѣпанціи; вся администрація, отъ министровъ до общинныхъ управленій, не что иное какъ одна обширная канцелярія. Всѣ придаточныя коллегіальныя и совѣщательныя учрежденія, всѣ выборныя и представительныя собранія, въ томъ числѣ и само центральное народное представительство, окружающія съ разныхъ сторонъ эту систему управленія по всемъ ея этажамъ, нисколько не нарушаютъ общаго характера государственнаго управленія, а только развѣ его изукрашаютъ.

Мы видѣли какой государственный порядокъ застала революція 89 года: сътъ бюрократическіе власти, съ неограниченными полномочіями, покрывала все французское общество и распоряжалась имъ, не зная и не признавая въ себя никакой иной власти. Въ самомъ обществѣ почти исчезли всякіе слѣды какихъ бы то ни было и сословныхъ и мѣстныхъ земскихъ союзовъ, какихъ бы то ни было самостоятельныхъ, въ силу законной своей автономіи, государственно-общественныхъ единицъ. Революція потрясла всю эту іерархію властей въ ея источникѣ, во власти короля, отъ лица котораго исходила и распространялась по всей Франціи административная ось, и посреди разваливъ стараго государственнаго строя создала одинъ новый органъ государственной власти—собраніе народныхъ представителей, облеченное всеми правами неограниченной верховной власти. Это собраніе и стало управлять Франціей, также точно какъ управлялъ прежде король. Въ сущности это былъ тотъ же самый порядокъ управленія, только

вывоченный на изнанку, поставленный вверх ногами. Подъ этой *единственно новой* законной организаціи власти, революція породила еще одну незаконную: самодержавную коммуу или революціонную городскую общину, которая, начиная отъ Парижа, стала возникать повсемѣстно во Франціи, устрояясь и присвоивая себѣ верховныя права по образцу центральнаго народнаго собранія, во имя того же начала народнаго самодержавія. Коммуна вступила въ смертельную борьбу съ центральнымъ народнымъ представительствомъ, какъ она продолжаетъ бороться съ нимъ до сихъ поръ, хотя оба они родныя дѣтища одной и той же матери, то-есть однихъ и тѣхъ же понятій объ источникахъ государственной власти, объ ея правахъ и способахъ пользованія ими.

Самыя энергическія усилія всенароднаго представительства во всѣхъ его видахъ (учредительнаго собранія, законодательнаго и конвента) были употреблены на эту борьбу съ коммуной. Съ самыхъ первыхъ версальскихъ засѣданій учредительнаго собранія начинаются горячіе дебаты и тщетныя усилія новой верховной власти къ согласованію и разграниченію ея правъ съ правами коммуны, къ устройству городскихъ общинъ или муниципальнаго самоуправленія. Безчисленные проекты этого устройства, принимаемые и издаваемые народными собраніями, вплоть до имперіи, ни разу не вступили въ дѣйствіе; въ городахъ продолжали самовластно распоряжаться самозванные представители революціонной коммуны, и посреди безгласнаго большинства полноправнаго гражданскаго народонаселенія распространили свой терроръ даже на села.

Между тѣмъ посреди возникшаго хаоса въ администраціи и въ понятіяхъ * нужно же было все-таки управлять Франціей, хотя бы только для того чтобы приводить въ исполненіе безчисленные декреты народнаго представительства, одинъ за другимъ предписывавшіе болѣе и болѣе коренную ломку всѣхъ отношеній въ государствѣ и обществѣ. Еслибы въ то время даже и оставались какіе-нибудь органы мѣстнаго самоуправленія или еслибы даже и можно было какъ-нибудь ихъ вызвать къ жизни изъ историческихъ общественныхъ

* См. для нижеслѣдующаго очерка Гейста, *Verwaltung, Justiz, Rechtsweg*, p. 104—108.

формаций, то на нихъ нельзя было бы положиться въ этомъ дѣлѣ, ибо они оказали бы самое сильное сопротивленіе всѣмъ революціоннымъ нововведеніямъ и произволу народныхъ представителей. Последнимъ ничего не оставалось болѣе дѣлать какъ самимъ приводить въ исполненіе свои законы; уже законодательное собраніе начинаетъ посылать на мѣста своихъ агентовъ, и эта система, постоянно развиваясь, достигаетъ своихъ послѣднихъ крайностей въ лицѣ комиссаровъ конвента, распространившихъ свою тиранию на всю Францію. Она покрылась новою паутиной бюрократическихъ мѣстей, болѣе самовластныхъ чѣмъ всякіе чиновники стараго режима.

Имперія застала государственный строй механически распатанымъ со всѣхъ важнѣйшихъ его сторонъ, въ войскахъ, финансахъ, судахъ, полиціи, въ отношеніяхъ къ церкви, всяческими матеріальными масліями революціи, но нисколько не поколебленнымъ ими въ своихъ основаныхъ началахъ. Нужно было во что бы то ни стало создать какой-нибудь порядокъ, какія-нибудь учрежденія чтобъ огромная масса народа могла жить спокойно подъ ихъ защитой, и творческая воля Наполеона I насаждаетъ эти учрежденія, новый государственный порядокъ во Франціи, который является практическимъ компромиссомъ между старымъ порядкомъ и новыми идеями народнаго самодержавія, также какъ онъ самъ въ своей власти, онъ избранникъ народа и его неограниченный повелитель, былъ и остается въ своихъ насѣдникахъ самымъ живымъ олицетвореніемъ этого компромисса. Этотъ новый порядокъ, начертанный организаторскимъ гениемъ Наполеона I, сохранился въ своихъ существенныхъ чертахъ и донынѣ.

Императоръ управляетъ всѣмъ, онъ отвѣтственъ только за общіе интересы общества предъ верховною властью народа, которая и окружаетъ тронъ, на всѣхъ его ступеняхъ, и администратію, по всѣмъ ея стадіямъ, своими *уполномоченными и сотниками*. Отсюда сверху до самаго низу, отъ законодательнаго корпуса до сельской общины, по всѣмъ подостямъ административнаго организма, возникаютъ *представительныя собранія*, удовлетворяющія принципу державной воли народа, съ которымъ новый государственный порядокъ вынужденъ вступить въ сдѣлку, или лучше, который онъ долженъ

держатъ въ той или другой уздѣ. Эти собранія должны разыграть роль самоуправленія во Франціи, но остаются только его призракомъ и обманомъ, разыгрывая въ дѣйствительности въ государственномъ управленіи только роль совѣтательныхъ или точнѣе заявляющихъ разныя желанія собраній, но ничѣмъ въ сущности не управляющихъ. Въ администраціи, то-есть въ той сферѣ дѣйствій государственной власти съ которою всего ближе соприкасается народъ въ своихъ ежедневныхъ надобностяхъ, ничего не измѣняется отъ того что на мѣсто императорской главы ея становится въ эпоху парламентарнаго правленія, періодически смѣняющаго диктатуру, совѣтъ министровъ соотвѣтствующій желаніямъ большинства парламента. Отъ этого нисколько еще не дѣлается другимъ характеръ администраціи и ея отношеній къ обществу. Всѣ эти дегаберирующія сверху до низу собранія нисколько не прелятствуютъ бюрократическимъ агентамъ, но всѣмъ инстанціямъ, управлять согласно предписаніямъ своихъ начальниковъ и быть собственно только предъ нами отвѣтственными. Эти предписанія замѣняютъ въ этой бюрократической системѣ всякія постановленія закона, которыя, напротивъ, для органовъ самоуправления служатъ единственными обязательными границами власти и за нарушение которыхъ они *отвѣтствуютъ лишь предъ судебною властью*. Но всѣ эти мѣстныя представительныя и выборныя собранія и не могутъ выходить за границы совѣтательной дѣятельности, они не могутъ дѣлать никакихъ обязательныхъ для исполнительской власти, да и вообще никакихъ окончательныхъ административныхъ постановленій, не могутъ на примѣръ постановлять никакихъ рѣшеній относительно размѣра и раскладки мѣстныхъ налоговъ. Поставленные подлѣ администраціи, не входя нисколько въ ея организмъ, не имѣя никого ни подъ собою, ни надъ собою, не представляя собою ничего кромѣ общества ихъ избравшаго и не руководствуясь въ своихъ желаніяхъ ничѣмъ кромѣ интересовъ своихъ избирателей, эти собранія, еслибы они были облечены какою-нибудь дѣйствительною властью, по выраженію Гвейста, *разрвали бы Французское государство на множество общественныхъ группъ, безъ всякихъ общегосударственныхъ между собою связей*. Въ этомъ все дѣло и въ этомъ весь порокъ французскаго государственнаго организма: общество съ своими интересами, или народъ съ своимъ воображаемымъ самодержавіемъ,

не сплочены съ государствомъ, посредствомъ органическаго участія въ управленіи, посредствомъ государственно-общественныхъ органовъ управленія, въ одно нераздѣльное цѣлое, которое и называется самоуправленіемъ, а общество и народъ во всѣхъ своихъ группахъ и дѣленіяхъ стоятъ насупротивъ государства, какъ прямо враждебные ему элементы, и потому не могутъ имѣть къ государству иныхъ отношеній, какъ постороннихъ единицъ высказывающихъ свои мнѣнія и желанія, или же революціоннымъ путемъ врваться въ государство и захватывать его власти.

Описанный административный механизмъ, заложенный Наполеономъ I и остающійся въ своемъ существѣ тѣмъ же и нынѣ, несмотря на безчисленныя второстепенныя перемѣны, представляется, по всѣмъ своимъ цѣностямъ, въ слѣдующемъ видѣ. На вершинѣ, подлѣ министерскаго управленія, стоитъ государственный совѣтъ (Conseil d'état), какъ верховное коллегиальное административное учрежденіе, должностующее регулировать законный ходъ управленія и опредѣлять предѣлы власти (компетенцію) каждаго ея органа. Это учрежденіе сосредоточиваетъ въ себѣ, и по своему личному составу и по направленію своей дѣятельности, весь блескъ новой администратіи, подобно кассационному суду въ отношеніи къ судебной области. Оно разрабатываетъ административное право (droit administratif), разрешая на основаніи закона пререканія между административными инстанціями и властями. Судебный контроль надъ администраціей, судебная процедура въ спорныхъ административныхъ вопросахъ — лоялія чуждыя французскимъ административнымъ идеямъ. О судебномъ разбирательствѣ во французскомъ государственно-совѣтѣ споровъ частныхъ лицъ съ правительственными администраціями, объ ихъ взаимныхъ правахъ, также не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ, призванный быть въ административной области учрежденіемъ подобнымъ нашему первому департаменту Правительствующаго Сената, государственный совѣтъ не заключаетъ въ себѣ и тѣни его гарантіи для публички въ ея столкновеніяхъ съ правительственными органами, и тѣни его самостоятельности и независимости въ отношеніи къ администраціи. Французскій государственный совѣтъ какъ совѣщательное собраніе не постановляетъ никакихъ окончательныхъ приговоровъ безъ утвержденія

главы государства, онъ не имѣетъ никакой собственной власти.

Советы въ департаментахъ (conseils généraux), въ уѣздахъ (conseils d'arrondissements) и въ общинахъ (conseils municipaux и communaux), составленные изъ выборныхъ представителей отъ мѣстныхъ населеній, совѣщаются о мѣстныхъ, исключительно хозяйственныхъ дѣлахъ, а главнѣйше спорятся съ префектами и подпрефектами, которые все-таки полномочные хозяева въ своихъ мѣстностяхъ. Префектамъ и подпрефектамъ безусловно подчинена вся мѣстная полиція, безъ которой не возможна никакая дѣйствительная административная власть, и которая во Франціи можетъ, въ случаѣ надобности, распорядиться по усмотрѣнію даже всѣми этими выборными собраніями. Всего рельефнѣе отпечатывается тѣмъ французской администраціи на званіи мера въ городскихъ и сельскихъ общинахъ. Этотъ меръ, должностующій, казалось бы, быть тѣмъ же что меръ въ англійскомъ смыслѣ, бюргермейстеръ въ нѣмецкомъ и бельгійскомъ, голова или староста (также волостной старшина), въ рускомъ смыслѣ, почти не имѣетъ со всѣми ими ничего общаго. Этотъ меръ, выборный ли онъ или назначенный отъ правительства, такой же точно префектъ или подпрефектъ въ границахъ своей общины, какъ префекты и подпрефекты въ своихъ департаментахъ и уѣздахъ. Онъ совѣщается обо всемъ со стоящими подлѣ него общинными советами, но они только ему мѣшаютъ и путаютъ дѣла, ибо онъ одинъ за все отвѣчаетъ,—отвѣчаетъ за нарушение собственно не закона, котораго онъ не обязанъ и знать, а предписаній высшихъ бюрократическихъ властей, и потому *отвѣчаетъ предъ ними, а не предъ судомъ.*

Здѣсь мы касаемся самаго существеннаго пункта въ вопросѣ о самоуправленіи и *самаго большого мѣста* во французскомъ государственномъ организмѣ, безъ исцѣленія котораго невозможно и думать о состоятельности какихъ бы то ни было новѣйшихъ плановъ децентрализаціи и устройства мѣстнаго самоуправления, какъ бы ни были они либеральны. Съ одной стороны, сколько бы общественныхъ элементовъ, въ видѣ ли выборныхъ представительныхъ собраній или же въ видѣ выборныхъ должностныхъ лицъ, ни впускалось во французскую администрацію, какими бы прерогативами и свободою ни пользовались всѣ эти собранія и лица, и съ другой стороны, сколько бы ни было въ англійскомъ мѣстномъ самоуправленіи

должностных лицъ назначенныхъ отъ правительства, а не по выбору, сколько бы ни прибавилось къ нимъ въ новѣйшее время выборовъ чиновниковъ и мѣстныхъ представительныхъ собраний (boards), отчасти подобныхъ французскимъ conseils,* сколь бы ни возрастало число, какъ это замѣтно нами, прямыхъ бюрократическихъ агентовъ, коренное различіе между французскимъ и англійскимъ управленіемъ остается въ томъ что первое руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ *административными распоряженіями высшихъ инстанцій*, а второе *закономъ*. Въ этомъ существо англійскаго самоуправленія, въ основаніи всей дѣятельности его органовъ лежатъ нормы закона, и если онѣ недостаточны для каждаго отдѣльнаго случая, то дополняются личнымъ усмотрѣніемъ самого исполняющаго законъ должностнаго лица, и за его *личною отвѣтственностью*. Въ основаніи всей французской административной дѣятельности лежитъ *предписаніе* (ordonnances, arrets, ordres, circulaires), административное распоряженіе высшей инстанціи. Поэтому англійскіе законы такъ подробны, а французскіе такъ кратки и устанавливаютъ лишь самыя общія отвлекаемыя начала, которыя развиваются для практическаго дѣйствія посредствомъ административныхъ постановленій. Область примѣненія отвлекаемыхъ началъ закона, по усмотрѣнію административной власти, необъятна, и она вся въ неограниченномъ распоряженіи высшей административной инстанціи, министровъ, когда во Франціи парламентарское правленіе, или верховнаго повелителя, когда въ ней диктатура. Административныя распоряженія управляютъ Франціей въ гораздо большей пропорціи, чѣмъ законы. Настоящее законодательство ничтожно подлѣ этого административнаго законодательства.

За согласіе своего распоряженія съ закономъ всякій административный органъ въ Англій, отъ полицейскаго стража до

---

* Существенное различіе всѣхъ этихъ новѣйшихъ мѣстныхъ представительныхъ и избирательныхъ собраний и ихъ исполнительныхъ коллегіальныхъ органовъ (boards) въ Англій отъ подобныхъ французскихъ и другихъ континентальныхъ учрежденій заключается въ томъ что собранія эти предназначаются специально для какой-нибудь одной группы мѣстныхъ дѣлъ и интересовъ (сходно съ нашими ученическими совѣтами), для какой-нибудь одной административной вѣсти, и нисколько не служатъ органами или центрами мѣстнаго представительства.

министра, несетъ судебную отвѣтственность, которая истекаетъ прямо изъ юридической самостоятельности должностныхъ лицъ въ системѣ самоуправленія. Судебной отвѣтственности администраціи за нарушенія выговоренныхъ въ законѣ правъ частныхъ лицъ, съ которыми всякая администрація находится въ ежеминутномъ соприкосновеніи, нѣтъ во Франціи, и это самое характеристическое свойство ея государственнаго организма. „Высшее руководящее начало всего государственнаго управленія Англіи, говоритъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ ея конституціи,* состоитъ въ томъ что административная власть не можетъ привести въ *окончательное* исполненіе законъ затрагивающій права частныхъ лицъ, иначе какъ послѣ судебного постановленія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ когда эти лица признаютъ себя удовлетворенными административнымъ распоряженіемъ“. Эти слова, выражающія собою всю суть государственнаго права Великобританіи, надо понимать такъ что частное лицо можетъ всегда найти на судѣ охрану своего права, нарушеннаго административнымъ распоряженіемъ, а пока оно его не ищетъ, должностное лицо свободно въ своемъ распоряженіи. Эта свобода англійской администраціи въ своихъ дѣйствіяхъ и ея самостоятельность относительно общества несравненно значительнѣе чѣмъ во Франціи, при всей неограниченности административныхъ правъ ея чиновниковъ. Въ то время какъ послѣдніе, отъ высшихъ до низшихъ, при всемъ просторѣ своихъ полномочій, должны непрерывно озираться на публику, на ея движенія, прихоти, большее или меньшее расположение поднимать шумъ или пойти на баррикады, это верховное французское судилище противъ администраціи; должностное лицо въ Англіи, не отвѣсняется никакими личными интересами и желаніями около него, а смотритъ только на законъ и на свою совѣсть. Отсюда и происходитъ явленіе поражающее иностранцевъ въ Англіи: *необычайно строгое*, какъ видѣть, хотя и гуманное, обращеніе всѣхъ административныхъ (напримѣръ полицейскихъ) лицъ съ публикою и ея безпрекословное имъ повиновеніе, за исключеніемъ случаевъ когда частныя лица считаютъ нужнымъ обратиться къ суду. Но эти случаи рѣдки: обѣ стороны, по необходимости, стараются ихъ избѣгнуть.

* Cox, *Commonwealth* (цитируется Гейстомъ, въ его *Verwaltung, Rechtsweg, Justiz*, p. 180).

Вои безъ изъятія представителя французской администраціи не несутъ никакой иной отвѣтственности кромѣ административной или служебной предъ своимъ начальствомъ, за точное исполненіе его приказаній, и политической, въ лицѣ министровъ, предъ парламентомъ. Исключеніе составляютъ только уголовныя преступленія, но и за нихъ чиновники могутъ быть привлечены къ суду только съ разрѣшенія ихъ начальства. Высшій административный контроль, принадлежащій государственному совѣту, въ извѣстныхъ случаяхъ (въ спорахъ о компетенціи), и нѣсколько приближающійся по своей процедурѣ (словесному выслушиванію сторонъ и ихъ защитниковъ, юристовъ-докладчиковъ) къ безпристрастію и пріемамъ судебной процедуры, все-таки опирается въ окончательномъ результатѣ не на нормы права и закона, а на административныя и политическія соображенія, на высшіе интересы государства, такъ или иначе понимаемые партіей стоящей у кормила правленія. Самъ государственный совѣтъ, и какъ учрежденіе и въ своемъ личномъ составѣ, находится въ полной зависимости отъ того или другаго главы административной или, какъ выражаются Французы, *исполнительной* власти. Да и при этомъ зависимомъ положеніи, административно-судебная власть этого учрежденія чрезвычайно ограничена, а именно только взаимными пререканіями бюрократическихъ властей; даже сюда не принадлежатъ спорные вопросы между этими властями и мѣстными общественными организаціями и корпораціями, подвѣдомые у насъ Правительствующему Сенату и окончательно имъ вершаемые. Вся столь обширная у Франціи область такъ-называемой *административной опеки* (*tutelle administrative*) надъ общественными, общинными и частными интересами совсѣмъ отсюда исключена. Наконецъ, обсужденію государственнаго совѣта, даже совѣщательному, не подлежитъ вся та категория экстраординарныхъ административныхъ мѣръ въ которой французская администрація уже не тѣсняется никакими законами. Къ этимъ мѣрамъ общественнаго спасенія (*de salut public*) непрерывно прибѣгаютъ французскія правительства всякихъ колоритовъ и при всякихъ формахъ правленія, и въ крупныхъ и въ мелкихъ случаяхъ, и они могутъ это дѣлать безболзненно и въ эпохи диктатуры, и въ эпохи парламентаризма. * Опасность какой бы то ни было

* Напоминаніе о противозаконномъ воспрещеніи въѣзда во Францію импѣра Наполеона при правительствѣ Тьера, которое отлучалось жестокостью своихъ дѣйствій и за то всего болѣе полагалось.

юридической ответственности за незаконность своихъ административныхъ распоряженій немислима для французскаго должностнаго лица, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ, если только эта ответственность не вызвана самимъ его начальствомъ, предающимъ его суду, исключительно по своему собственному усмотрѣнiю, и не иначе какъ суду уголовному. Инаго суда надъ правительственными лицами и нѣтъ. Ниже государственнаго совѣта всѣ безчисленные случаи коллизiй между правами власти и правами общества и частныхъ лицъ, по всѣмъ безъ изыатiя отраслямъ управленiя (даже финансовою) окончательно рѣшаются въ административномъ порядкѣ совѣтами состоящими при префектахъ (*conseils de la préfecture*, въ родѣ нашихъ губернскихъ правленiй) и при другихъ начальственныхъ лицахъ, и имъ вполнѣ подчиненныхъ. Для административной юрисдикцiи, для *судебной процедуры въ вопросахъ публичнаго права, для судебной охраны этого права*, нѣтъ ни одного органа во Францiи, также какъ и нѣтъ въ ея государственномъ бытѣ самаго понятiя о *юридическомъ столкновенiи публичнаго права съ частнымъ, о юридическомъ столкновенiи государства съ частнымъ лицомъ и съ совокупностью частныхъ лицъ.*

Юридическое судебное столкновение правъ государства и общества замѣняется во Францiи въ самомъ лучшемъ случаѣ политической ответственностью правительства предъ парламентомъ, за дверьми котораго, но всегда неподалеку, стоитъ верховный трибуналъ народнаго самодержавiя—улицный бунтъ, баррикады. На нихъ народный самодержецъ и всакiе его обрывки (*le peuple et toute fraction du peuple*, по выраженiю Марата), всякая недовольная правительствомъ или его органами кучка людей на улицѣ, въ клубахъ, въ салонахъ, гдѣ бы то ни было, идетъ разрѣшать свои споры.

Къ сожалѣнiю, этихъ коренныхъ недостатковъ государственнаго быта Францiи никакъ не хотятъ лопать французскiе конституціоналисты. Подъ конституционными и свободными правленiемъ французскiе либералы понимаютъ правленiе дѣйствующее, то-есть управляющее страной, согласно съ желанiями большинства представительнаго собранiя, отказывающееся отъ власти какъ только это большинство формируется въ направленiи ему непрiязненномъ и передающее власть въ руки людей сочувственныхъ этому большинству. Таковъ идеалъ французскаго конституціонализма, приверженцы

котораго неприятно пораженъ тѣмъ что всѣ бывшіе опыты осуществленія этого идеала нисколько не удовлетворили огромнаго большинства Французской націи. Наименѣе популярнымъ въ понятіяхъ народа правленіемъ представляется въ настоящее время Орлеанская монархія, живое воплощеніе этого идеала. По общему убѣжденію выстъ валицо во Франціи только два серьезныхъ претендента: радикальная республика (la république de M. Gambetta, какъ ее здѣсь нередко называютъ) и имперія. Но прежде чѣмъ съ презрѣніемъ относиться къ неувѣренной массѣ народа, неспособной постигнуть ихъ возвышеннаго идеала, французскіе конституціоналисты обязаны были бы подумать: что такое эта государственная власть, которую они хотятъ видѣть съ правильностью передаваемою изъ рукъ одного большинства въ руки другого? Каково содержаніе этой власти? Та же ли это самая власть которая въ такомъ стройномъ порядкѣ переходитъ въ Англіи отъ одной партіи къ другой?

По самому содержанію своему, власть какою располагаютъ министры во Франціи, въ эпохи самаго либеральнаго конституціонализма, вполнѣ отлична отъ власти министровъ въ Англіи. Мы видѣли какъ широки границы административнаго распоряженія страной во Франціи. Французскіе министры получаютъ право толкованія и примѣненія законовъ въ духъ своей партіи. За все это они не только не отвѣчаютъ, но это именно отъ нихъ и требуется и за это могутъ они надѣяться на самыя торжественныя оваціи своей партіи, разсылаемой по всей Франціи, и на самую энергическую поддержку въ парламентѣ. Сверхъ того они располагаютъ безчисленнымъ количествомъ мѣстъ на которыхъ они не только могутъ, но даже обязаны сажать своихъ протеже, свою партію. Для этого они призваны къ власти. Чиновничій персоналъ не только въ Парижѣ, но въ провинціи, смѣняется съ перемѣною министерства. Иначе и быть не можетъ, ибо не только префекты, но и подпрефекты и всѣ ихъ подчиненные должны исполнять законы въ духъ своей партіи. Или они должны привыкнуть измѣнять свои политическія убѣжденія со дня на день. Это тоже входитъ въ обычаи французской администраціи, ибо не можетъ же каждая изъ шести партій на которыя раздѣляется парламентъ имѣть свой собственный персоналъ въ 400.000 чиновниковъ! Вотъ между прочимъ

какіе соблазны связаны съ административною властью во Франціи, и уже одни громадныя размеры ея объясняютъ необудавное стремленіе къ министерскимъ портфелямъ, въ средѣ самыхъ почтенныхъ людей.

Смѣна министровъ, съ ними смѣна всѣхъ наиболее значительныхъ и въ Парижѣ и въ провинціи должностныхъ лицъ, то-есть именно тѣхъ которыя своею энергіею дали себя наиболее замѣтить въ обществѣ, и замѣщеніе ихъ другими, которыя также точно дадутъ себя замѣтить своею энергіею въ другомъ направленіи, въ другомъ исполненіи законовъ, все это можетъ ли быть пріятно и выгодно обществу которое въ своихъ ежедневныхъ насущныхъ нуждахъ зависитъ отъ той или другой личной интерпретаціи законовъ этими людьми? Не естественно ли размышленіе, неволью лосѣщающее всакого не занимающагося политикою Француза, что диктатура хотя и противна понятіямъ умныхъ людей пишущихъ въ парижскихъ газетахъ, однако при ней рѣже, чѣмъ при парламентскомъ правленіи, смѣщаются чиновники на мѣстахъ, чиновники отъ которыхъ все зависитъ, а если они и смѣщаются, то не такъ легко измѣнчивы воззрѣнія мѣстнаго управленія на мелкіе, но насущные вопросы вседневной жизни.

Ничего похожаго на французскій парламентаризмъ нѣтъ въ Англіи. Англійскій парламентъ дѣйствительно *управляетъ* страной, и въ немъ господствующею силой является королевское представительство; но *въ какихъ границахъ* большинство этого собранія распоряжается государственными управленіемъ Соединеннаго Королевства? То министерство или тѣ 34 высшіе государственные сановники которые назначаются на мѣста королевскою властью, согласно твердо установившемуся обычаю, непремѣнно изъ числа государственныхъ людей *опускающихъ достояніе парламентскому большинству*, насколько не имѣютъ въ своихъ рукахъ администраціи государства въ смыслѣ континентальномъ, а тѣмъ менѣе французскомъ. Вся власть и вся дѣятельность этихъ 34 чловѣкъ состоитъ исключительно въ изготовленіи законодательныхъ проектовъ, въ направленіи иностранной политики и въ завѣдываніи государственными финансами. Даже и въ финансахъ занятія министерства сосредоточены преимущественно на составленіи финансоваго плана на будущее время, на преобразованіи финансоваго законодательства и на

государственномъ кредитѣ, то-есть на общемъ движеніи финансово-вой системы государства. Палата общинъ хотя и имѣеть безусловное право принимать и отвергать какъ весь проектъ бюджета, такъ и каждую его статью, а потому безъ ея одобренія не можетъ быть ни взыскана, ни израсходована ни одна податная копѣйка, но обычаемъ уже давно установилось что бѣольшая часть бюджета, заключающая въ себѣ расходы и доходы производящіяся на основаніи существующихъ законовъ, проходить безъ прервій. Обсуждаются только новыя расходы и измѣненія въ налогахъ, то-есть законодательные проекты и новыя финансовыя мѣры. Въ противоположность этому во Франціи, по поводу прервій о бюджетѣ, подвергается ежегодно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вопросу все государственное управленіе и во всѣхъ крупныхъ своихъ частяхъ и въ мельчайшихъ подробностяхъ. Отъ тѣхъ или другихъ краснорѣчивыхъ словъ въ этихъ прервіяхъ зависитъ благосостояніе цѣлыхъ областей и милліоновъ народонаселеній (напримѣръ разныя казенныя вспоможенія на мѣстныхъ нужды). Этимъ между прочимъ объясняются особенныя отношенія французскихъ депутатовъ къ своимъ избирателямъ, посылающимъ ихъ главнѣйше для выпрашиванія въ свою пользу разныхъ казенныхъ субсидій.

Въ финансовой администраціи Англіи то же что и во всѣхъ отрасляхъ ея управленія. Собственно центральной финансово-вой администраціи, то-есть *распорядительнаго* центрального учрежденія, а съ нимъ и министра финансовъ въ континентальномъ смыслѣ нѣтъ въ Лондонѣ*. Всѣ государственныя доходы получаютъ и расходуются органами мѣстнаго самоуправления, которымъ предоставлены и раскладка, и взиманіе всѣхъ налоговъ и всѣ безъ изъятія распоряженія по этой части, такъ что даже никакихъ специальныхъ финансовыхъ административныхъ инстанцій подчиненныхъ министерству финансовъ (государственному казначейству) въ графствахъ не

* Одинъ русскій путешественникъ желая изучить въ Лондонѣ устройство и дѣлопроизводство министерства финансовъ, обратился за помощью къ одному лондонскому старожлау, очень умному человеку, который отвѣчалъ ему: „что это будетъ довольно трудно, ибо въ Англіи нѣтъ министерства финансовъ и нѣтъ министра финансовъ, которому бы онъ могъ ему представить“. Этотъ отвѣтъ, принятый нашимъ путешественникомъ за насмѣшку, какъ малая болячка юрловскъ.

имѣется. Кроме того, вслѣдствіе общаго характера государственнаго хозяйства въ Англіи, суммы выдаваемая изъ бюджета на разные мѣстные расходы, на вспомошествованіе на родному хозяйству, слишкомъ ничтожны чтобы могли сами по себѣ вызывать особую дѣятельность центральнаго управленія и доставлять лицу его власти. Нѣкоторое въ этомъ направленіи развитіе въ новѣйшее время круга дѣйствій (полечительства надъ народно-хозяйственными интересами) центральныхъ государственныхъ учрежденій и бюрократизма въ Англіи заставило ихъ назначать отъ себя мѣстныхъ агентовъ чиновниковъ, которые однако сохраняютъ характеръ инспекторовъ и ревизоровъ, и не имѣютъ никакой личной распорядительной власти. Таковою и не можетъ быть обремененъ въ Англіи никакой делегатъ центральной администраціи, ибо власть эта предоставлена, по всѣмъ отраслямъ управленія, столько же какъ и по финансовому, мѣстнымъ органамъ самоуправленія. Такимъ образомъ центральной администраціи въ континентальномъ смыслѣ нѣтъ въ Англіи, гдѣ считается что администрація (распорядительная дѣятельность) въ настоящемъ смыслѣ своего слова можетъ быть только мѣстная, а на мѣстѣ она вся въ рукахъ должностныхъ лицъ выборныхъ (большею частью) не выборныхъ, но управляющихъ по закону а не по предписаніямъ начальства. Всѣ эти должностныя лица, выборныя или нѣтъ, *смыслямы* правительствомъ, и не иначе какъ на законномъ основаніи: если они не хотятъ подчиниться смѣщающему ихъ распоряженію, то имѣютъ право требовать суда. Надзоръ за законностью дѣйствій мѣстныхъ органовъ управленія и привлеченіе ихъ къ *судебной* отвѣтственности,—отвѣтственности строгой, но не иначе какъ по закону,—входитъ конечно въ обязанности центральныхъ учрежденій, однако не слишкомъ ихъ озабочиваетъ, ибо всякое незаконное административное дѣйствіе связано съ нарушеніемъ правъ частныхъ лицъ, которыя сами большею частью вызываютъ судебное преслѣдованіе.

Судебный контроль надъ всѣми органами управленія имѣяетъ въ Англіи административный и бюрократическій контроль другихъ странъ. Этотъ контроль надъ всѣми должностными лицами чрезвычайно строгъ и дѣйствителенъ; онъ вызывается не только нарушенными частными интересами, и во многихъ опредѣленныхъ случаяхъ и по собственной инициативѣ.

ціативъ суда.* Нигдѣ болѣе чѣмъ въ Англіи не осуществляется знаменитое изреченіе: *justicia fundamentum regnorum*. Судъ и личный судебный составъ уже издавна стоятъ въ этой странѣ внѣ всякаго вліянія партій и занимаются безпристрастнымъ юридическимъ толкованіемъ законовъ; въ этомъ и только въ этомъ видятъ призваніе и честь англійскаго суда и онъ самъ, и вся страна, со всѣми своими партіями, и всѣ ея правительства.

Такое отношеніе администраціи къ суду возможно вслѣдствіе тѣхъ тѣсныхъ границъ въ которыя англійскій законъ ставитъ всю администрацію, не допуская административныхъ распоряженій на основаніи общихъ началъ, — распоряженій замѣняющихъ во Франціи самый законъ, а для частныхъ лицъ гораздо болѣе существенныхъ чѣмъ онъ самъ. Трудный вопросъ объ отношеніи закона къ административному распоряженію, то-есть къ административному приведенію его въ дѣйствіе, о чемъ германскіе ученые написали цѣлые томы, Англія разрѣшаетъ въ своей государственной жизни посредствомъ судебной практики. Она рѣшаетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, если только онъ кѣмъ-нибудь оспаривается, было ли законно или незаконно требованіе административной власти, и достаточно судебного толкованія въ одномъ случаѣ чтобъ оно принималось въ руководство администраціей во всѣхъ другихъ.

Однако какъ ни подробны англійскіе административные законы и какъ ни независимы въ ихъ примѣненіи исполнительные органы самоуправленія, есть случаи когда положенія закона нуждаются въ разъясненіи и развитіи со стороны высшихъ административныхъ инстанцій, въ примѣненіи сообразно съ обстоятельствами времени и мѣста. Это право на такъ-называемыя административныя постановленія (инструкціи, указы, регулятивы, циркуляры), дополняющія законодательную власть и входящія въ составъ административной власти, весьма ограничено въ Англіи. Въ законѣ оно всегда точно выговаривается; парламентъ всякій разъ указываетъ въ какихъ предѣлахъ и на какихъ условіяхъ министръ или известное учрежденіе можетъ пользоваться этимъ правомъ. Во многихъ случаяхъ оно предоставляется самимъ мѣстнымъ органамъ самоуправленія.

* См. R. Gneist, *Verwaltung, Justiz, Rechtsweg*, pp. 153 и 154.

Этимъ-то правомъ особенно широко пользуется и злоупотребляетъ французская администрація и ея высшіе чины. Ея примѣру подражали и другія государства, когда французскія политическія идеи были въ ходу. За несогласіе съ закономъ своего распоряженія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ англійскій чиновникъ отвѣчаетъ предъ судомъ, который можетъ даже кассировать цѣлыя регулятивы издаваемые мѣстными учрежденіями, еслибы они были незаконны. Онъ не отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ если онъ исполнилъ приказаніе *правительства* (это прямо высказано въ законѣ), но въ такомъ случаѣ парламентъ можетъ вызвать за беззаконіе судебную отвѣтственность самихъ министровъ. Хотя это весьма возможно, однако объ этомъ давно не слышно въ Англіи; не для этого, не для управления страной въ духѣ своей партіи, не для прикнненія законовъ въ ея интересахъ (а тѣмъ менѣе въ своихъ личныхъ интересахъ), становятся государственные люди въ Англіи во главѣ правительства. Это дѣлается только во Франціи, и потому тамъ парламентская смѣна министровъ и съ нею парламентское правленіе такъ мало популярны въ народныхъ массахъ.

Какая бы партія ни вступила во власть, государственное управленіе Англіи (администрація) остается то же, и продолжаетъ быть *вне партій, нейтральнымъ*. Эта нейтральность административной власти въ Англіи составляетъ феноменъ удивляющій континентальную Европу, такъ какъ посреди всяческихъ гражданскихъ междоусобій, нынѣ не меньшихъ въ Англіи, чѣмъ во Франціи и въ Германіи, никакое политическое раздраженіе толпы не обращается никогда противъ правительства, то-есть противъ подданина, который выражаетъ собою для толпы всю правительственную власть и который стоитъ внѣ партій. Какая бы ни случилась коренная смѣна правителей въ Англіи, этихъ тридцати четырехъ *политическихъ* людей въ государственномъ управленіи, въ немъ остаются безсмѣнными всѣ остальные должностныя лица, то-есть всѣ лица собственно имѣющія въ своихъ рукахъ административную власть; эта несмѣняемость разумѣется сама собою относительно личнаго состава мѣстной администраціи, которая вся основана на началахъ самоуправленія, но она распространяется и на самые высшіе слои центральныхъ государственныхъ учреждений. Всѣ они находятся въ завѣдываніи не-

связанных (permanent) чиновниковъ, специалистовъ, людей занимающихся административнымъ дѣломъ по профессіи, и чуждыхъ политической жизни, хотя иногда и глубоко понимающихъ ея задачи; они собственно управляютъ Англіей, они министры, въ тѣсномъ смыслѣ, и они исполняютъ всѣ обязанности связанныя съ главнымъ и почти единственнымъ административнымъ правомъ центральныхъ государственныхъ учреждений Англіи, съ правомъ регулятивовъ или инструкцій для низшихъ инстанцій. Уже это одно показываетъ въ какой степени британская администрація поставлена внѣ вліянія политическихъ партій.

На законодательство, то-есть на движеніе государственной жизни въ ближайшемъ будущемъ, на финансовую систему, на иностранныя отношенія, словомъ, на интересы высшей политики государства, имѣютъ всецѣльное вліяніе парламентскія большинства, составляющіяся вслѣдствіе тѣхъ или другихъ отношеній политическихъ партій въ странѣ. Эти отношенія отражаютъ собою господствующее въ данное время направленіе мыслей, интересовъ, чувствъ общества, которые всѣ и заявляютъ себя въ общемъ движеніи законодательства и политики государства. Но исполненіе дѣйствующаго въ государствѣ закона и управленіе на немъ основанное остаются внѣ вліянія этихъ мыслей, чувствъ и интересовъ въ обществѣ, остаются нейтральными посреди самой жаркой борьбы парламентскихъ партій.

Вотъ главная причина отчего государственная власть такъ прочна въ Англіи и такъ шатка во Франціи, при всякихъ формахъ ея правленія, и вотъ въ чемъ другія европейскія государства, имѣющія въ своемъ государственномъ бытѣ множество всякихъ и англійскихъ и французскихъ историческихъ элементовъ, должны почерпать назиданіе для своей политической жизни.

Всю эту сторону англійскаго государственнаго строя, эту междустройку (Zwischenbau) между парламентомъ и народомъ, какъ ее называетъ Р. Гнейстъ, эту массу учреждений, законовъ, обычаевъ, входящихъ въ составъ самоуправленія Англіи, такъ верѣдко упускаютъ изъ виду континентальныя англомамы, желающіе видѣть у себя англійскій парламентъ, безъ этой *междустройки*, благодаря которой онъ только и можетъ оказывать странѣ свои великія услуги.

„Selfgovernment (мѣстное самоуправленіе), говоритъ Гнейстъ,

мѣстные суды съ присяжными, верховныя судебныя инстанціи, палата лордовъ, все это такъ переплелось между собою что устраняетъ всякое столкновение страны съ политическимъ могуществомъ господствующей партіи. Судебныя и всякія юридическія контрольныя инстанціи такъ организованы чтобы раздѣлать въ государственномъ организмѣ треніе между силою и правомъ на безчисленное множество пунктовъ. Границы власти разныхъ государственныхъ учрежденій такъ устроились чтобы все управленіе, примѣненіе законовъ, и всѣ административныя распоряженія по публичному праву, все толкованіе законовъ государственнаго устройства, поставить въ всякой зависимости отъ временныхъ министровъ. Только черезъ это возможно законное правленіе въ государствѣ при парламентскихъ партіяхъ и при министерствахъ образуемыхъ партіями. Это самая крѣпкая сторона англійскаго государственнаго устройства; она до сихъ поръ противостоитъ разлагающему могуществу новаго общества. Это самая національная черта въ государственномъ бытѣ Великобританіи, и потому мало понятная романскимъ племенамъ Европы. Столь многосмысленное выраженіе „ответственность“ означаетъ въ этомъ государственномъ организмѣ юридическую ответственность министровъ по жалобѣ (по судебному вѣщанію) нижней палаты; но она нисколько не изолирована и не всунута, какъ случайное начало, въ общій составъ государственнаго права, а напротивъ является въ немъ только необходимымъ дополнительнымъ звеномъ въ общей юридической ответственности всего чиновничества (Beamtenthum). Въ романскомъ же государственномъ строѣ, *jurisdictio* стояло всегда ниже *imperium*, правовое начало подъ административною властью, судебный контроль подъ административнымъ контролемъ. Во Франціи администрація до сихъ поръ надзираетъ за судами. * Косвенный контроль судебныхъ учрежденій былъ въ концѣ подорванъ во Франціи вышедшею изъ догмата народнаго верховенства системою раздѣленія властей (законодательной, судебной и административной), которая поставила самобытность администраціи основнымъ началомъ всего французскаго государственнаго строя, какъ это уже было сдѣлано самою республикою.

* Тутъ авторъ дѣлаетъ очеркъ французской административной системы послѣ революціи; мы его пропускаемъ, такъ какъ онъ уже былъ сдѣланъ нами выше.

Никакая политическая партия во Франціи не могла до сихъ поръ понять что это начало есть полное отрицаніе *правомѣрнаго* (законнаго) государства, отрицаніе въ государствѣ судебного контроля. Отсюда и происходитъ что къ оспариванію правильности распорядительныхъ дѣйствій центральныхъ административныхъ властей, въ особенности въ пользованіи предоставленнымъ имъ правомъ издавать административныя постановленія рядомъ съ законодательствомъ, имѣтъ никакого законнаго пути (*Rechtsweg*)*. Администрація можетъ посредствомъ пререканій о компетенціи будовъ (она окончательно рѣшаетъ эти пререканія въ государственномъ совѣтѣ) всегда заставить замолчать всѣ суды. Этотъ порядокъ имѣетъ однимъ изъ дальнѣйшихъ своихъ послѣдствій извѣстная прерогатива судебной власти перенесенная на чисто административныя исполнительныя инстанціи въ разрѣшеніи имущественныхъ юридическихъ вопросовъ, ** наконецъ исключительное право администраціи разрѣшать всякій спорный вопросъ объ административномъ распоряженіи (*acte administratif*), даже когда этотъ вопросъ возникаетъ въ числѣ разныхъ другихъ фактовъ въ судебномъ дѣлѣ. Въ основаніи всего этого лежатъ не только своеобразныя національныя воззрѣнія, но и значительныя личные интересы. Прежде всего, черезъ эту обособленность администраціи, весь личный судебный составъ освобожденъ отъ всякихъ съ нею конфликтовъ, неприятныхъ для совѣсти и для личнаго положенія судей; черезъ это образцовое раздѣленіе труда и всѣ матеріальныя удобства этого дѣлопроизводства, каждый судья, каждый прокуроръ, каждый адвокатъ, каждый нотаріусъ воодушевленъ къ хвалебнымъ гимнамъ этимъ учрежденіямъ“ ***

Всѣ эти сужденія перваго современнаго авторитета въ области государственнаго права могли быть приведены нами здѣсь въ сапшкомъ отрывочномъ видѣ чтобъ ими исчерпывались многочисленные и трудные какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ вопросы объ отношеніяхъ судебной власти къ административной и о такъ-называемомъ *правомѣрномъ* или законномъ

* Остается одинъ путь—парламентская интерпелляция, которая и возникаетъ и на которую отвѣчаютъ исключительно съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ партіи, а никакъ не права.

** Напримеръ въ спорахъ подрядчиковъ съ казною.

*** R. Gneist, *Verwaltung. Justiz, Rechtsweg*, pp. 179—182.

государствѣ, обусловленномъ преимущественно этими отношеніями. Но представленныя нами воззрѣнія Р. Гейста на государственный строй Франціи сравнительно съ Англіей достаточно объясняютъ какое глубокое различіе усматриваетъ между ними государственная наука нашего времени, различіе которое должно было повлечь за собою совсѣмъ противоположные результаты въ политической жизни обѣихъ націй, и какія коренныя основы государства и государственной власти и ихъ отношеній къ обществу затрогиваются съ виду столь простымъ вопросомъ о мѣстномъ самоуправленіи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВЛАДИМИРЪ БЕЗОБРАЗОВЪ.

ИМПЕРАТОРЪ ІОАННЪ АНТОНОВИЧЪ

И ЕГО РОДСТВЕННИКИ

(1741—1807)

Въ нашей исторической литературѣ судьба Брауншвейгской фамиліи, послѣ лишенія престола Іоанна Антоновича въ 1741 году, не разъ уже служила предметомъ историческаго изложенія. Считаемо потому не лишнимъ, приступая къ разбору относящихся сюда событій, сдѣлать сводъ всѣмъ вообще издаваемымъ, а въ особенности въ послѣднее время публикованнымъ даннымъ по этому вопросу.

Что касается до русской исторической литературы по этому предмету, то слѣдуетъ указать главнымъ образомъ на три сочиненія:

Уже въ 1814 была напечатана въ Москвѣ *Жизнь принцессы Анны, правительницы Россіи*, соч. Павла Яковлева, 42 стр. Послѣдняя часть этой книжки, не особенно богатой содержаниемъ, касается судьбы Анны Леопольдовны и дѣтей ея послѣ 1741 года. Источники нигдѣ не показаны. Мѣстами замѣчается полнѣйшее отсутствіе исторической критики.

Въ 1840 году, въ *Трудахъ Императорской Академіи Наукъ* (т. I), явилась статья Полянова *Отравленіе Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія*, основанная на богатомъ архивномъ матеріалѣ. О судьбѣ Іоанна Антоновича тутъ не говорится.

Въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1866 года (т. CLXV) напечатана статья г. М. Семевова объ Иоаннѣ Антоновичѣ. Что касается до судьбы Брауншвейгской фамилии и особенно отправления ея изъ Равенсбурга въ Холмогоры, то авторъ пользовался неизданною монографіею барона М. А. Корфа. Автору известна литература по этому предмету, однако нельзя назвать его трудъ полною разработкой доступныхъ ему матеріаловъ.

Материалы которыми мы пользовались при составленіи нашего труда могутъ быть раздѣлены на 1) архивныя данныя: дѣловыя бумаги, грамоты, манифесты, письма и пр., 2) замѣтки современниковъ и 3) на сочиненія современниковъ или по крайней мѣрѣ лицъ жившихъ въ прошедшемъ столѣтіи и составившихъ болѣе или менѣе подробные разказы объ Иоаннѣ Антоновичѣ и его родственникахъ.

1. *Акты или архивныя данныя.* Въ 1861 году въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей* (II. Слѣсь, стр. 1—58) были издавы „Описи дѣламъ, по секретной коллегіи, бывшимъ въ произвожденіи и нынѣ хранящимся у дѣйствительнаго статскаго совѣтника Морючичкова за его печатью, относительно принца и принцессы Брауншвейгъ-Люнебургскихъ и ихъ семействъ.“ Эти бумаги относятся къ 1741 до 1754.

Весьма любопытны нѣкоторыя дѣловыя бумаги относящіяся къ содержанію Брауншвейгской фамиліи въ Холмогорахъ и Иоанна Антоновича въ Шлюссельбургѣ и сообщенныя въ XXI и XXII томахъ *Исторіи Россіи* С. М. Соловьева.

Нѣкоторыя важныя грамоты о судьбѣ Иоанна Антоновича и его родственниковъ, а также о заговорѣ Мировича, помѣщены въ *Полнолѣ Собраніи Законовъ*.

Въ статьѣ *Дѣти правительницы Анны Лесопольдовны*, напечатанной въ *Русской Старинѣ* 1873 (январь), сообщены между прочимъ рисунокъ изображающій Холмогорскій острогъ и письмо принцессы Екатерины къ императору Александру.

О слѣдствіи произведенномъ надъ Мировичемъ по случаю Шлюссельбургскаго событія 1764 года встрѣчаются разныя дѣловыя бумаги или извлеченіе изъ оныхъ въ запискѣ канцлера В. П. Кочубея *Историческій отрывокъ о кончинѣ принца Иоанна Антоновича Ульриха*, напечатанной въ *Чтеніи Московскаго Общества Исторіи и Древностей* 1860. III, Слѣсь, въ приложеніи къ сочиненію Ковалевскаго о графѣ Блудовѣ (С.-Петербургъ 1866) *Заговоръ и казнь Мировича* (стр. 222—230) и въ Сборникѣ Кашпирева *Памятники новой русской исторіи* (С.-Петербургъ 1871) *по дѣлу Мировича* (I, 307—312).

Разныя дѣловыя бумаги относящіяся къ Иоанну, Мировичу и т. п. помѣщены въ различныхъ томахъ сборника *Османъ-царскій Вѣкъ* изд. П. Бартевевымъ, а также и въ *Русскомъ Архивѣ*, въ соч. Пекарскаго *Маркизъ де-ла-Шетарды* и т. д.

Самый важный матеріалъ для исторіи дѣла о Мировичѣ напечатанъ въ VII т. *Сборника Русскаго Историческаго Общества*. Онъ заключается въ письмахъ Екатерины къ Панину, Неллюеву и пр.

2. *Замѣтки современниковъ*. Въ депешахъ иностранныхъ дипломатовъ находившихся тогда въ Россіи, встрѣчаются часто важныя данныя о томъ какъ разсуждали въ петербургскомъ обществѣ объ этихъ событіяхъ. Эти толки часто противорѣчатъ результатамъ разбора архивныхъ матеріаловъ; однако они заслуживаютъ тѣмъ болѣе вниманія что нѣкоторые современные историки основывали свои разказы почти исключительно на такихъ слухахъ.

Депеши иностранныхъ дипломатовъ между прочимъ, или цѣлкомъ или въ извлеченіи, напечатаны въ слѣдующихъ изданіяхъ:

Kaumer, Beiträge zur neueren Geschichte aus dem britischen Museum und Reichsarchive, Leipzig 1806, т. II и III.

La cour de Russie il y a cent ans 1725—1783. Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français.—Третье изд. 1860, въ Лейпцигѣ.

Hermann, Geschichte des russischen Staats, т. V. (Gotha, Perthes).—Преимущественно депеши саксонскихъ дипломатовъ, хранящіяся въ Дрезденскомъ архивѣ.

Нѣкоторыя любопытныя замѣчанія встрѣчаются въ слѣдующихъ запискахъ русскихъ современниковъ: Дашковой (Лондонъ 1859), Неллюева (*Русскій Архивъ* 1871), Порошинъ и пр. Болѣе или менѣе подробныя, но не выдерживающіе критики:

3. *Разказы современниковъ* объ этихъ событіяхъ встрѣчаются въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Biographie Peters III, Tübingen 1808, Vie de Catherine (соч. Касреира), *Vie de Pierre III*, соч. Сальдерна и *Histoire de la vie, du règne et du détronement d'Iwan III*, Par M. de Mme. A. Londres. MDCCLXVI (1766).

Гораздо основательнѣе этихъ сочиненій двѣ статьи помѣщенныя въ сборникъ Бюшвига *Magazin für die neue Historie und Geographie*.—Въ XXII томѣ этого сборника, явившагося въ 1788 году, напечатана статья *Geschichte der Familie der Großfürstin und Regentin Anna und des Herzogs Anton Ulrichs von Braunschweig*, въ VI томѣ этого сборника, вышедшемъ въ 1771 году, напечатана статья *Geschichte des russischen Kaisers Johann des Dritten*.

Наше сочиненіе дѣлится на двѣ части. Въ первой мы предлагаемъ исторію судьбы Брауншвейгской фамиліи до 1807 года, во второй—разборъ Шюссельбургской катастрофы.

I. Брауншвейгская фамилія въ Ригѣ, Дюнамюндѣ, Равенбургѣ, Холмогорахъ и Горзевѣ.

Екатерина Іоанновна, племянница Петра Великаго, была сулругой герцога Мекленбургскаго, Карла Леопольда. Послѣ непродолжительнаго пребыванія за границей, она въ 1722 году рѣшилась возвратиться въ Россію, вмѣстѣ съ четырехлѣтнею дочерью Елисаветою-Екатериною-Христиною. По случаю вступленія на престолъ сестры ея, Анны Іоанновны, въ 1730 году она содѣйствовала уничтоженію стремленій верховниковъ ограничить монархическую власть и превратить Россію въ олигархическое государство, похожее на тогдашнюю Польшу или Швецію.

Дочь Екатерины Іоанновны, Елисавета-Екатерина-Христина, въ Россіи приняла православіе и названа Анной. Ей было суждено въ Россіи на короткое время занять первое мѣсто въ государствѣ, а затѣмъ кончить жизнь въ изгнаніи и ссылкѣ. Въ послѣднее время царствованія императрицы Анны Іоанновны, она вступила въ бракъ съ привцемъ Автономъ-Ульрикомъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ. Ея сынъ, Іоаннъ Автоновичъ, въ продолженіе года былъ императоромъ. Его свергла съ престола Елисавета Петровна въ 1741 году, а въ 1764 году овъ лишился жизни въ Шлюссельбургѣ.

Ни Автономъ-Ульрихъ, ни Анна Леопольдовна не отличались блестящими способностями. Въ послѣднее время царствованія Анны Іоанновны, Автономъ-Ульрихъ участвовалъ въ Турецкихъ походахъ Миниха, но никогда и нигдѣ не имѣлъ особеннаго вліянія или значенія. Въ первое время царствованія Іоанна Автоновича, овъ занимался интригами противъ регента Бирона, и за это получилъ строгій выговоръ въ присутствіи высшихъ сановниковъ. Послѣ паденія Бирона, во время регентства Анны Леопольдовны, овъ занималъ должность генералиссимуса всѣхъ войскъ, причемъ довольно часто сталкивался съ графомъ Минихомъ. Что же касается до Анны Леопольдовны, то она, по отзыву современниковъ, была и небрежная, не охотно занимавшаяся государственными дѣлами, не замѣчала опасности своего положенія въ то время когда Елисавета Петровна готовила государственнѣйшій ударъ. Она, напротивъ, какъ разказываютъ современники, предполагала принять титулъ императрицы.

Елисавета Петровна безъ труда опрокинула престолъ Іоанна Антоновича. Брауншвейгцы не имѣли никакой поддержки въ общественномъ мнѣніи. Не было никакой связи между ладшимъ царскимъ семействомъ и народомъ. Такъ-сказать случайно эта семья на короткое время очутилась на престолѣ, и также случайно она сошла съ престола, не ознаменовавъ своего правленія никакимъ успѣшнымъ дѣйствіемъ.

Недальновидность Анны Леопольдовны усматривается между прочимъ изъ того обстоятельства что она ожидала опасности не со стороны Елисаветы, а со стороны находившагося тогда въ Голштиніи внука Петра Великаго, сына Анны Петровны, Петра Ѳеодоровича. Не разъ она говорила объ этомъ соперникѣ, называя его „чертушкой“*. Престолъ ея сына былъ опрокинутъ дочерью Петра Великаго и горстью солдатъ**. Не столь неожиданнымъ какъ для самой правительницы этотъ ударъ казался современникамъ внимательно слѣдившимъ за настроеніемъ умовъ.

Сохранилось преданіе что знаменитый математикъ Эйлеръ, вмѣстѣ съ другими академиками, по приказанію Анны Ивановны, составили горосколъ для новорожденнаго Іоанна Антоновича. Заключение выведенное учеными до того будто бы ужаснуло ихъ что они рѣшили представить государыни другой горосколъ предсказавшій молодому принцу всякія благополучія***. Такимъ обманомъ однако нельзя было измѣнить къ лучшему судьбы несчастнаго Брауншвейгскаго принца. Онъ вступалъ на престолъ, имѣя нѣсколько недѣль отъ роду. Его царствованіе продолжалось годъ и шестнадцать дней. Во время царствованія Елисаветы, правительство старалось уничтожить всякій слѣдъ краткаго правленія Іоанна. Строжайшимъ образомъ было запрещено упоминаеть въ грамотахъ имя и титулъ бывшаго императора; было сдѣлано распоряженіе о доставленіи въ Сенатъ всѣхъ манифестовъ, паспортовъ и прочихъ дѣловыхъ бумагъ въ которыхъ было

* Записки Шталама въ Госуд. Архивъ, въ соч. Соловьева *Исторія Россіи*, XXI, стр. 119.

** Саксонскій резидентъ Пецольтъ пишетъ: „Alle Russen bekennen dass es bloss des Beistandes einer Anzahl Grenadiere, eines Kellers voll Branntwein und einiger Säcke Geld bedürfe, um zu machen, was man wolle.“ См. соч. Неггманна *Geschichte des russ. Staats*. IV, 685.

*** См. монографію *Семейство Разумовскихъ*, въ сборникѣ *Восьмидесятилетній Вѣкъ*, II, 301.

упомянуто объ Иоаннѣ. Елисавета приказала считать всѣ дѣла предшествовавшаго времени, отъ смерти императрицы Анны до 25го ноября 1741 года, „производившимися въ правленіе бывшего герцога Курляндскаго и принцессы Анны Брауншвейгской“. 31го декабря 1741 года назначенъ головой срокъ для промѣна монетъ съ изображеніемъ Иоанна III; по истеченіи же этого срока, она уже не могла обращаться въ народѣ. Предъявляемыя къ размѣну монеты по истеченіи срока улачивались въ казвѣ не полною цѣною „копѣйка за копѣйку“, а не иначе какъ со скидкой нѣсколькихъ процентовъ.* Въ 1742 году, во всемъ государствѣ собирались присяжные листы Иоанну III и сжигались: въ Петербургѣ — на Васильевскомъ острову, а въ Москвѣ — на Ивановской площади. 27го октября 1742 года, приказано печатныя книги неукоснительно представлять для уничтоженія въ нихъ листовъ съ извѣстнымъ титуломъ и замѣны новыми съ именемъ императрицы Елисаветы. Въ 1743 году собирали всѣ вообще документы съ именемъ Иоанна. 30го іюля 1745 года той же участи подверглись медали на кончину императрицы Анны, на которыхъ было его изображеніе. Объ исполненіи всѣхъ такихъ распоряженій неоднократно и строго подтверждалось правительствомъ, и присутственныя мѣста старательно въ продолженіи многихъ лѣтъ хлопотали объ отысканіи и представленіи всѣхъ подобныхъ предметовъ. Въ 1750 году дошло до свѣдѣнія Сената что въ Петербургѣ продаютъ иноземцы нѣмецкія печатныя книги „въ которыхъ упоминаютъ въ бывшія два правленія извѣстныхъ персонъ имена“, почему велѣно было представить и эти изданія. Тогда не на шутку испуганные владельцы книгъ стали присылать безъ разбора всѣ сочиненія, даже учебники, лексиконы и пр. 10го октября 1750 года Сенату пришлось растолковывать какія именно книги онъ повелѣвалъ представлять для уничтоженія. До чего доходили опасенія на этотъ счетъ въ лубикѣ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: Марковичъ въ своихъ домашнихъ запискахъ, веденныхъ имъ собственно для себя, послѣдшилъ вырвать листы гдѣ рѣчь шла объ Иоаннѣ III.**

Несмотря на всѣ эти мѣры нельзя было уничтожить память о несчастномъ ребенкѣ-императорѣ. Монеты съ его

* См. *Полное Собр. Зак.*, № 8.494 и № 8.712.

** См. Пекарскаго соч. *Маркиз де-ла-Шетарди*, стр 617 и 618

изображеніемъ и выдѣтъ не считаются особенною нумизматическою рѣдкостью. Можно приобрести серебряные рубли за нѣскольکو рублей. *

Что касается до Брауншвейской фамиліи, то Елисавета предполагала сначала отлустить Антова-Ульриха съ женою и дѣтьми безпрелатственно за границу. Въ манифестѣ 28го ноября 1741 года сказано: „И хотя она, принцесса Анна, и сыновъ ея принцъ Іоаннъ и ихъ дочь принцесса Екатерина ни малѣйшей претензіи и права къ наслѣдію Всероссійскаго престола ни по чему не имѣютъ; но однако въ разсужденіи ихъ, принцессы и его принца Ульриха Брауншвейгскаго, къ императору Петру Второму по матерямъ свойства, и изъ особенной нашей природной къ нимъ императорской милости, не хотя никакихъ имъ причинить огорченій, съ надлежащею имъ честью и съ достойнымъ удовольствіемъ, предавъ всѣ ихъ вышеизъясненныя къ намъ разные предосудительныя поступки крайнему забвенію, всѣхъ ихъ въ ихъ отечество всемилостивѣе отправить поведѣли.“ **

Маркизь де-ла-Шетарди писалъ изъ Петербурга 11го декабря 1741 года: „Елисавета говорила: „отъѣздъ принца и принцессы Брауншвейгскихъ съ дѣтьми рѣшенъ, и чтобы заплатить добромъ за зло, имъ выдадутъ деньги на лутевыя издержки и будутъ съ ними обходиться съ почетомъ должнымъ ихъ званію.“ Царица также предположила назначить имъ болѣе или менѣе значительное ежегодное вознагражденіе, смотря по тому какъ будетъ довольна она ихъ поведеніемъ въ отношеніи къ себѣ. Она оставляетъ принцессѣ Брауншвейгской орденъ Св. Екатерины, который та имѣла до орденъ Св. Андрея, а послѣднимъ она весьма некстати придумала украсить въ качествѣ правительницы; оставляетъ она также Андреевскій орденъ герцогу Брауншвейгскому, принцу Іоанну, его сыну, и принцу Лудовику, его брату.“ ***

Дѣйствительно, 12го декабря 1741 года несчастная Брауншвейгская фамилія была отправлена изъ Петербурга въ Ригу, подъ прикрытіемъ большаго конвоя. 28го декабря предполагалось доставить ихъ въ Кенигсбергъ; на содержаніе ихъ

* См. статью о дѣтяхъ Анны Леопольдовны въ *Русской Старинѣ* 1873, стр. 69.

** Д. С. З. № 8476.

*** Пекарскій I. с., стр. 444.

за границу назначалось по 130.000 рублей ежегодно, да на дорогу выдано 20.000 рублей. *

Между бумагами относящимися къ Брауншвейгской фамилии и напечатанными въ извлеченіи въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей*, находятся разныя инструкціи относящіяся къ отправленію Антова-Ульриха съ дѣтми въ Ригу и за границу. Изъ этихъ бумагъ видно что прежняя инструкція генераль-лейтенанту Салтыкову, препровождавшему Брауншвейгцевъ, была замѣнена другою, въ которой ему вмѣнено въ обязанность продолжать путь таме, „подъ претекстомъ несобранія подводъ и прочихъ неисправностей“ оставаться восемь или десять дней въ Нарвѣ, а затѣмъ, по прибытіи въ Ригу, занять тамъ „для извѣстныхъ персонъ“ того самаго помѣщенія въ цитадели гдѣ прежде жила Карлъ Биронъ. Въ Ригѣ же путешественники должны были оставаться до указа. **

Изъ другихъ инструкцій видно что съ Анной Леопольдовой и Антономъ-Ульрихомъ начали обращаться какъ съ государственными преступниками. Салтыкову было запрещено во время путешествія допускать кого-либо изъ встрѣчающихся къ бесѣдамъ съ принцемъ и принцессою. Антонъ Ульрихъ и Анна Леопольдовна не имѣли права получать какихъ-либо писемъ или билетовъ. Салтыковъ долженъ былъ примѣчать, не будетъ ли изъ Петербурга какихъ-либо подсылокъ или писемъ, „а подозрительныхъ поймавъ, отправлять въ Санктпетербургъ въ кабинетъ секретно, и не останавливаться въ городахъ“. ***

По другимъ извѣстіямъ, болѣзнь меньшей дочери, Екатерины, заставила путешественниковъ остановиться на нѣсколько времени въ дорогѣ. Не ранѣе какъ 9го января 1742 года они пріѣхали въ Ригу.**** Между тѣмъ по секретнѣйшему указу, Анна Леопольдовна за себя, за сына и за дочь должна была подписать экземпляръ присяги императрицѣ Елисаветѣ. †

* См. статью г. Семейскаго объ Юаннѣ Антоновичѣ, въ *Отеч. Зап.* т. CLXV, стр. 532.

** См. *Чтенія*, 1861 года II т. Смѣсь, стр. 1—58. Опись секретныхъ бумагамъ.

*** *Чтенія*, 1861, II. Смѣсь, 2.

**** *Жизнь правительницы Анны*, Яковаева, Москва, 1814. стр. 33
† *Чтенія*, 1861, II. Смѣсь, 2 и 3.

Путешественники вели себя скромно и избѣгали всего что могло содѣйствовать раздраженію правительства.

Пока Брауншвейгское семейство было въ дорогѣ, императрица Елисавета послала въ Киль за своимъ племянникомъ, молодымъ герцогомъ Голштейнскимъ; ею овладѣло безпокойство, допустить ли его спокойно пріѣхать въ Россію, и въ этомъ безпокойствѣ ей пришла мысль или была внушена другими—удержать Брауншвейгскую фамилію въ дорогѣ и въ Ригѣ до тѣхъ поръ пока герцогъ Голштейнскій достигнетъ русской границы. Такъ разказываетъ маркизъ де-ла-Шетарди, въ присутствіи котораго Елисавета словесно приказала Салтыкову отказать на мѣсяцъ или недѣль на пять прибытіе принца и принцессы Брауншвейгскихъ въ Ригу, замедляя ихъ путешествіе притворными затрудненіями собрать въ Курляндіи достаточное число лошадей. *

Кромѣ уломянутаго ловода, и другія обстоятельства заставляли императрицу Елисавету измѣнять свой образъ дѣйствій относительно Брауншвейгскаго семейства. Хотя Елисавета и была дочерью Петра Великаго и въ этомъ качествѣ имѣла право на престолъ, она не иначе какъ путемъ государственнаго удара опрокинула престолъ императора Іоанна. По этому самому она въ первое время своего царствованія должна была бороться съ нѣкоторыми затрудненіями. Далеко не всѣ въ Россіи одобряли перемѣну состоявшуюся 25го ноября 1741 года. Здѣсь и тамъ обнаруживались явные признаки недовольствія новою императрицей и желанія возвратитъ престолъ Іоанну.

Такъ напримѣръ въ 1742 году, камеръ-лакей Александръ Турчаниновъ съ двумя заговорщиками хотѣли захватить и умертвить Елисавету и племянника ея, герцога Голштейнскаго, и возвести на престолъ свергнутаго Івана Антоновича. Они говорили что Елисавета и сестра ея Анна прижиты внѣ брака и потому незаконныя дочери Петра Великаго. ** Саксонскій резидентъ Цецольдъ пишетъ объ этомъ дѣлѣ что дворъ старался показывать видъ будто Турчаниновъ и его товарищи престованы и наказаны лишь за неисполненіе служебныхъ обязанностей и за несодержаніе въ тайнѣ какихъ-то притворныхъ дѣлъ, а не за какое-либо политическое преступленіе.

* Пекарскій I. с. 447 и 452.

** Соловьевъ, XXI, стр. 199, по выпискамъ изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи въ государственномъ архивѣ.

Чрезвычайно любопытенъ дальнѣйшій разказъ Пецольтда о глубокомъ впечатлѣннн произведенномъ этимъ событiемъ на императрицу и высшихъ сановниковъ. Онъ пишетъ: „Я не въ состоянн описать страшную боязнь и тайное смятенiе овладѣвшiа дворомъ вслѣдствiе этого приключенiя. Куракинъ въ продолженiе нѣсколькихъ ночей не рѣшался ночевать у себя въ домѣ, сама императрица устроила свой образъ жизни такимъ образомъ что она проводитъ всю ночь въ обществѣ многихъ лицъ; за то она почиваетъ днемъ, а чрезъ это происходитъ много безпорядка въ дѣлахъ и пр.“ *

Изъ другихъ донесенiй Пецольтда, относящихся къ этому времени, мы узнаемъ кое-что о предположенiяхъ при дворѣ касательно судьбы Брауншвейгской фамилiи. Между прочимъ, извѣстный врачъ Елисаветы, Лестокъ, разказывалъ Пецольтду что Бестужевъ старался уговорить императрицу освободить Брауншвейгскую фамилiю изъ Риги и отпустить оную за границу. Лестокъ былъ совершенно противоположнаго мнѣнiя, утверждая что совсѣмъ напрасно и въ ущербъ безопасности императрицы сначала правительство изъявило въ манифестѣ готовность отпустить Анну Леопольдовну съ семействомъ за границу, и что пока онъ, Лестокъ, живъ, несчастные не получатъ свободы. Какъ видно изъ донесенiя Пецольтда, онъ имѣлъ случай бесѣдовать объ этомъ предметѣ и съ вице-канцлеромъ Бестужевымъ, который при этомъ случаѣ замѣтилъ что онъ въ послѣднемъ собранiи совѣта говорилъ въ пользу освобожденiя бывшей правительницы и ея дѣтей, потому что она оставаясь въ Россiи могутъ считаться болѣе опасными чѣмъ отправившись за границу. Далѣе Бестужевъ хвалился тѣмъ что онъ вмѣстѣ съ восемью другими сановниками отклонилъ отъ Брауншвейгцевъ нѣкоторыя насильственные мѣры, напримѣръ попытку фрейлины Юлiи Менгденъ, подруги Анны Леопольдовны. Бестужевъ наконецъ жаловался на маркиза де-ла-Шетарди старавшагося вмѣстѣ съ Лестокомъ убѣдить Елисавету въ томъ что прочность ея царствованiя обуславливается содержанiемъ въ арестѣ Анны Леопольдовны и ея семейства. **

Въ такомъ положенiи находились дѣла до такъ-называемаго заговора австрiйскаго посланника маркиза де-Ботта. Это

* Herrmann, *Gesch. d. russ. Staats* V, 188.

** Тамъ же, 14—15.

событіе не могло не содѣйствовать усиленію гнѣва императрицы противъ ладшаго семейства. Изъ дѣловыхъ бумагъ относящихся къ тому эпизоду и служившихъ г. Соловьеву матеріаломъ при составленіи разказа объ этомъ предметѣ видно что подоудимые, недовольные вступленіемъ на престолъ Елисаветы, надѣялись на возвращеніе престола Іоанну Антоновичу. Иванъ Лопухинъ показалъ что „рижскій караулъ, который у императора Ивана и у матери его, очень къ императору склоненъ“, что „перемѣнѣ легко сдѣлаться“, и что „будетъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ перемѣна“, что „императору Ивану будетъ король Прусскій помогать, а наши за ружье не примутся“, и „что австрійскій посланникъ маркизъ Ботта императору Ивану вѣрный слуга и доброжелатель“. Другой подсудимый, Фалькенбергъ, говорилъ: „Должно-быть маркизъ Ботта не хотѣлъ денегъ терять, а то бы онъ принцессу Анну и принца выручилъ.“ Далѣе Лопухинъ объявлялъ: „въ Москвѣ пріѣзжалъ къ матери моей маркизъ Ботта, и послѣ его отъѣзда мать переказывала мнѣ слова Ботты, что онъ до тѣхъ поръ не успокоится пока не поможетъ принцессѣ Аннѣ. Ботта говорилъ что и король Прусскій будетъ ей помогать, и онъ, Ботта, станетъ о томъ стараться.“ Наталья Федоровна Лопухина также объявила что бесѣдовала съ австрійскимъ посланникомъ объ Аннѣ Леопольдовнѣ и что она ему говорила „чтобъ они не заварили каши и въ Россіи безпокойствъ не дѣлали, и старался бы онъ объ одномъ, чтобы принцессу съ сыномъ освободили и отпустили къ деверю ея“. Графиня Анна Гавриловна Бестужева говорила: „Дай Богъ когда бы ихъ (Брауншвейгскую фамилію) въ отечество отпустили!“ Далѣе изъ допросовъ видно что нѣкоторыя лица бывшаго придворнаго штата желали и ожидали возвращенія на престолъ Анны Леопольдовны и императора Іоанна. Всѣ поступки подсудимыхъ ограничивались рѣчами, неосторожными тайными бесѣдами. Хуже всего было то обстоятельство что маркизъ Ботта хвалилъ прежнее царствованіе и, порицая образъ дѣйствій Елисаветы, намѣревался дѣйствовать въ пользу Брауншвейгской фамиліи. *

Это дѣло не могло не содѣйствовать усиленію опасеній императрицы на счетъ претендентовъ, находившихся въ Ригѣ. Даже за границею говорили объ опасности грозившей Елиса-

* Соловьевъ, XXI, стр. 286 и слѣд.

ветѣ со стороны приверженцевъ бывшаго императора. Заговоръ Ботты относится къ 1743 году, а 9го января 1744 года Пецольтъ изъ Петербурга писалъ о бесѣдѣ бывшей въ Берлинѣ между Фридрихомъ Великимъ и русскимъ посланникомъ Чернышевымъ. Прусскій король просилъ Чернышева передать императрицѣ что по его убѣжденію маркизъ Ботта, стараясь одрокинуть престолъ Елисаветы, исполнялъ лишь порученія своего двора, и что поэтому король какъ истинный другъ и союзникъ Россіи считаетъ своимъ долгомъ совѣтовать Елисаветѣ, для того чтобъ избавиться отъ страшной опасности, увести все Брауншвейгское семейство въ столь удачное мѣсто, въ Россіи, чтобы никто не могъ знать о его мѣстопробываніи. *

Императрица особенно беспокоилась по ночамъ, ожидая печальнаго какого-либо движенія или заговора въ пользу Ивана. ** Многіе современники раздѣляли эту мысль о предстоящемъ государственномъ переворотѣ. Такъ напримѣръ допрашивали Лифляндца Штакельберга, который въ Кенигсбергѣ дурно отзывался о Россіи и предсказывалъ ей новую революцію: *** такъ и молодой Ораицъ, представитель партіи сепаратизма въ Малороссіи, тогда писалъ отцу своему въ Ясы что въ Россіи находится сильная партія въ пользу сверженнаго императора. ****

Чрезвычайно строгое наказаніе обвиненныхъ въ участіи въ заговорѣ Ботты доказывало что правительство считало необходимымъ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ для того чтобъ удержать власть въ своихъ рукахъ. Къ тому же нужно при-

* Hermann, *Gesch. d. russ. Staats.* V. 78.

** Rulhière, *histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en l'année 1762.* Paris 1797. p. 7: „Elisabeth est d'autant plus louable de lui (Lomanu) avoir laissé la vie, que sachant avec quelle facilité une révolution se fait en Russie, elle n'a jamais cru la couronne assurée sur sa tête. Elle n'osait se coucher avant le jour, parceque c'était à la faveur de la nuit, qu'une conspiration l'avait placé elle même sur le trône. Elle craignait tant d'être surprise endormie, qu'elle avait fait chercher avec soin l'homme de tout son empire qui eût le sommeil le plus léger; et cet homme, qui, heureusement, se trouva difforme, passait dans la chambre de l'imperatrice tout le temps qu'elle dormait. C'était malgré tout de craintes qu'elle laissait vivre le seul homme qui les causait.“

*** Соловьевъ, *Исторія Россіи XXI*, стр. 332.

**** Тамъ же, XXI, стр. 239. *Дѣла Польскія въ Госуд. Архивѣ.*

вать въ соображеніе тогдашнее положеніе Европы и отношеніе Россіи къ Пруссіи и Австріи. Тогда именно между послѣдними державами происходила борьба за Силезію. Въ первые годы царствованія императрицы Елисаветы, Россія находилась въ болѣе тѣсной связи съ Пруссіею нежели съ Австріею. Австрія, содѣйствовавшая вступленію въ бракъ Анны Леопольдовны съ родственникомъ Маріи Терезіи Антономъ-Ульрихомъ, должна была сожалѣть о перемѣнѣ въ Россіи случившейся въ 1741 году, и желать возвращенія престола Іоанну Антоновичу. Фридрихъ Великій, напротивъ, долженъ былъ опасаться, въ интересѣ своего государства, переворота въ пользу Брауншвейгскаго семейства, и поэтому дѣйствительно могъ совѣтовать Елисаветѣ запрятать несчастныхъ куда-нибудь подальше.

Таковы были обоготельства при которыхъ Брауншвейгцы содержались въ Ригѣ подъ строгимъ карауломъ. Раздраженіе противъ нихъ усиливалось. Личное негодованіе императрицы противъ нихъ обнаруживалось различнымъ образомъ. Общаніе что имъ не будетъ причинено „какихъ-либо огорченій“ было забыто. Ихъ не только не отпускали за границу, но съ ними начали вскорѣ обращаться хуже и хуже.

Салтыкову было поручено имѣть надзоръ за Брауншвейгскою фамиліею въ Ригѣ. Въ Петербургѣ слѣдили за его образомъ дѣйствій, какъ видно изъ слѣдующей переписки; 18го октября 1742 года Елисавета къ нему писала: „Господишь генераль! Увѣдомились мы что принцесса Анна васъ бранить, тако-жь что принцъ Іоаннъ, играючи съ собачкою, бьетъ ее по лбу, а какъ его спросятъ: кому де батюшка голову отсѣчь? то онъ отвѣтствуетъ что Василью Федоровичу (Салтыкову)! И будь то правда, то намъ удивительно что вы о томъ намъ не доводите. По полученіи сего, пришлите къ намъ отвѣтъ, подлинно ли такъ, или нѣтъ? Понеже коли то подлинно, то я другія мѣры возьму какъ съ ними поступать, а вамъ подлежитъ того смотрѣть чтобъ они васъ въ почтеніи имѣли и боялись васъ, а не такъ бы смѣли поступать.“ * Салтыковъ въ отвѣтъ на это письмо старался успокоить императрицу. Онъ писалъ 22го октября: „У принцессы я каждый день поутру бываю, токмо кромѣ одного ея учтивства никакихъ противностей какъ персонально, такъ и чрезъ без-

* Пекарокій I. с. 453.

сѣвннхъ караульнхъ офицеровъ ничего не слыжалъ, а когда ей что потребно, о томъ съ почтеніемъ меня просить, а принцъ Іоаннъ почти ничего не говорить.“ *

Другимъ поводомъ къ раздраженію Елисаветы было то обстоятельство что, по ея мнѣнію, во дворцѣ въ Петербургѣ не доставало нѣкоторыхъ драгоценныхъ вещей. Нѣсколько разъ изъ Петербурга обращались съ вопросами „о забравныхъ по счетамъ у Лилмана (придворнаго брилліантщика) брилліантовыхъ и другихъ вещей“ къ принцу и принцессѣ. Нѣсколько разъ допрашивали о таковыхъ предметахъ въ особенности фрейлину Юлію Менгденъ, находившуюся при Аннѣ Леопольдовнѣ. Такъ, напримѣръ, въ мартѣ 1742 года была переписка „о неявишихся изъ золотаго нахтыша двухъ коробкахъ“, въ декабрѣ этого же года спрашивали принцессу Анну „о опалахъ съ красными камнями и брилліантами“. Она на это отвѣтила что оное опало осталось съ прочими алмазными вещами, и она его къ себѣ не брала и никого имъ не даривала“. ** Эти дѣла интересовали лично императрицу Елисавету, какъ видно изъ слѣдующаго письма ея къ Корфу въ Холмогоры въ мартѣ 1745 года: „Спроси Анну кому розданы алмазныя вещи ея, изъ которыхъ многія не оказываются. А ежели она, Анна, заператься станетъ что не отдавала никому никакихъ алмазовъ, то скажи что я принуждена буду Жюльку (Менгденъ) разыскивать (пытать), то ежели ея жаль, то она ея до того мученія не допустить“. ***

Уже въ Ригѣ, гдѣ Брауншвейгская фамилія оставалась въ продолженіи 1742 года, несчастные содержались какъ арестанты. Лѣтомъ состоялся приказъ „о недолущеніи впредь никого къ принцу и принцессѣ кромѣ Салтыкова и опредѣленныхъ при немъ“. Зимой были отправлены за границу тѣ люди которые къ нимъ изъ Петербурга съ гардеробомъ пріѣхали“. ****

Біографъ Анны Леопольдовны, Яковлевъ, разказываетъ что во время пребыванія въ Ригѣ, продолжительность разысканій, поступки грубыхъ надсмотрщиковъ и досада находиться подъ карауломъ заставили принца и принцессу два раза предпри-

* Соловьевъ, ХХІІ, стр. 95. *Чтенія* 1861, II. Слѣсь стр. 4 и 7.

** *Чтенія* 1861. II. Слѣсь, стр. 4 и 7.

*** Семевскій въ *Отечественныхъ Запискахъ* I. с. 537 по рукописному сочиненію барона М. А. Корфа. См. также *Чтенія* 1861, II 11.

**** *Чтенія* 1861. II. Слѣсь, стр. 4.

нимать побѣгъ; въ первый разъ въ крестьянскомъ платьѣ, а въ другой на кораблѣ, но что имъ не удалось бѣжать, и что сей случай былъ причиною, что ихъ посадили въ Рижскую крѣпость, и совершенно отделили отъ всякаго сообщества.*

Такъ какъ въ другихъ источникахъ ничего не говорится о такихъ приключеніяхъ, такъ какъ въ особенностяхъ ни слова не сказано о таковыхъ попыткахъ къ побѣгу въ дѣловыхъ бумагахъ, описъ которыхъ напечатана въ *Чтеніяхъ*, то этотъ фактъ подлежитъ вообще сильному сомнѣнію. Къ тому же многія показанія въ сочиненіи г. Яковлева оказываются совершенно неточными, такъ что и на этотъ счетъ его разказъ, не подтверждаемый никакою ссылкою, едва ли заслуживаетъ довѣрія**.

13го декабря 1742 года Брауншвейгскую фамилію перевезли въ крѣпость Дюнамюнде. Тутъ опять случилась неприятность. Находящаяся при Аннѣ Леопольдовнѣ „дѣвка“ Наталья Абакумова въ горячкѣ сказала за собой слова „въ порицаніе высокой чести ея величества, которыя слышала отъ фрейлинь Жуліи и Бины (Менгденъ)“. Самтыковъ, донося объ этомъ, спросилъ: „какъ скоро Наталья Абакумова придетъ въ память и въ тѣхъ словахъ утвердятся, оную дѣвку и фрейлинь отправлять ли?“ Черезъ нѣсколько дней полученъ отвѣтъ „объ отправленіи дѣвки Натальи Абакумовой въ Москву какъ ей отъ горячки легче будетъ, а Жулію и Бину оставить при привѣсѣхъ до указа“.*** Продолженія этого дѣла мы не знаемъ, но безъ сомнѣнія по крайней мѣрѣ несчастная Наталья, сказавшая за собой слово, отправленная въ Москву, тамъ подверглась розыску.

Антонъ-Ульрихъ и Анна Леопольдовна въ Ригу пріѣхали съ двумя дѣтьми, бывшимъ императоромъ Иваномъ и принцессой Екатериной. Въ Дюнамюнде у нихъ родилась дочь Елисавета.

Въ то самое время когда Брауншвейгская фамилія находилась въ Дюнамюнде, Ангальтъ-Цербетская принцесса Софія, въ послѣдствіи Екатерина II, вмѣстѣ съ матерью, на

* Жизнь принцессы Анны. М. 1814, стр. 33.

** До чего нѣстажи доходить неаѣность разказовъ Яковлева видно изъ слѣдующаго: „Фридрихъ II и Марія Терезія просили Елисавету объ освобожденіи Антона-Ульриха и вида меудачу преноручили маркизу Боттѣ произвестъ революцію“ и пр. (!) стр. 34.

*** *Чтенія* 1861. II. Смѣсь 7.

луги въ Петербургъ и Москву, проѣздомъ находилась въ Ригѣ. Мать будущей императрицы писала къ своему мужу о падшемъ Брауншвейгскомъ семействѣ, порицая образъ дѣйствій Анны Леопольдовны и ея мужа. * Когда немногимъ позже возникъ вопросъ при русскомъ дворѣ, слѣдуетъ или нѣтъ пригласить отца невесты Петра Θεодоровича, князя Цербстскаго, къ свадьбѣ дочери въ Россію, вопросъ этотъ былъ рѣшенъ отрицательно. Княгиня Іоганна - Елисавета объясняла при этомъ случаѣ мужу что въ Россіи, принимая во вниманіе большой вредъ сдѣланный Брауншвейгцами, опасаются приглашать въ гости иностраннѣхъ принцевъ. **

Въ Дюнамюнде несчастное семейство пребыло цѣлый годъ съ чѣмъ-то. Въ январѣ 1744 года состоялся указъ о перевезеніи его въ Раненбургъ, причемъ его едва не завезли въ Оренбургъ, потому что капитанъ - поручикъ гвардіи Вывдомскій, которому поручена была перевозка, принявъ Раненбургъ за Оренбургъ. ***

Въ Петербургѣ между тѣмъ зорко слѣдили за образомъ дѣйствій и арестантовъ и лицъ ихъ окружавшихъ. Изъ Петербурга получены приказанія „о запертѣ въ Дюнамюндъ-Шланцѣ Морскихъ воротъ, и объ оставленіи для входа и выхода въ оную крѣпость Рижскихъ воротъ“; изъ Петербурга требовали отъ генерала Салтыкова увѣдомленія о томъ „въ сердитомъ или въ довольномъ видѣ принцесса и мужъ ея являлись при отправленіи изъ Дюнамюнде въ Раненбургъ“. Салтыковъ на то доносилъ что когда членамъ фамиліи объявили о выѣздѣ и что ихъ разсажать въ разные возки—мужа, жену и дѣтей, то они съ четверть часа плакали, но видъ сердитаго не показали. ****

Въ Раненбургѣ (въ нынѣшней Рязанской губерніи) фамилія пребыла нѣсколько мѣсяцевъ. 27го іюля, того же 1744 года послѣдовалъ указъ перевести ихъ въ Архангельскъ, изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь и тамъ оставить. О пребываніи несчастнаго семейства въ Раненбургѣ нѣтъ почти

* См. Siebigk, *Katharina der Zweiten Brautreise nach Russland*. Demau. 1873. стр. 32. Жаль что авторъ не приводитъ выраженія Іоганны-Елисаветы, потому что она „zu sehr den Urtheilen der Parte der Kaiserin Elisabeth gemäss seien.“

** Тамъ же стр. 47.

*** См. Соловьева XXII. стр. 96.

**** Чтенія 1861, II. Стлѣсъ 9.

и какихъ извѣстій. Равенбургъ, нынѣшній уѣздный городъ *Ораніенбургъ*, до начала XVIII вѣка былъ селомъ однодворческимъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *Слободскаго*, а въ 1702 году оно съ окрестными деревнями подарено было Петромъ I князю Меншикову, который построилъ въ этомъ селѣ крѣпость и переименовалъ село въ Ораніенбургъ. Здѣсь Анна Леопольдовна съ семействомъ прожила до осени 1744 года.

27го іюля 1744 года баронъ Н. А. Корфъ, женатый на свойственницѣ государыни, графинѣ Скавронской, челоѣкъ приближенный и пользовавшійся довѣренностью императрицы, получилъ отъ нея указъ: немедленно ѣхать съ капитаномъ Пензенскаго полка Миллеромъ въ Равенбургъ. Корфъ долженъ былъ ночью взять принца Іоанна, и сдать его съ рукъ на руки Миллеру, немедленно отправить его въ мѣсто новой ссылки. На другой день, также ночью, взять Анну Леопольдовну съ мужемъ и дочерьми Екатериной и Елисаветой, и отправить ихъ въ Соловецкій монастырь, подъ прикрытіемъ тридцати надежнѣйшихъ солдатъ. Въ указѣ строжайше было подтверждено постоянно наблюдать чтобы какъ въ пути, такъ и на мѣстѣ заключенія, никто не только изъ постороннихъ, но и изъ сторожей отнюдь не вступалъ въ разговоры и не отвѣчалъ бы на вопросы арестантовъ. Право говорить съ ними предоставлялось женской прислугѣ, безотлучно при нихъ находившейся, и одному караульному. Кормить приказано было безъ малѣйшей прихоти и роскоши, столько чтобы только „сыту быть.“ Въ силу полученной инструкціи, Миллеръ долженъ былъ сѣсть въ коляску съ четырехлѣтнимъ младенцемъ Іоанномъ, но называть его не иначе какъ Григоріемъ, и въ сопровожденіи шести солдатъ безостановочно везти его въ Соловецкъ; на переправахъ, при перемѣнѣ лошадей и во всѣхъ другихъ случаяхъ, коляску имѣть закрытою; ребенка никому, даже извоцикамъ, не показывать, а служителю, находившемуся съ нимъ въ коляскѣ, строжайше запретить говорить съ кѣмъ бы то ни было.

Когда всѣ распоряженія были сдѣланы, указы и инструкціи переданы Корфу, послѣдній представилъ чрезъ Воронцова что Іоаннъ, безъ сомнѣнія, будетъ весьма неспокоенъ если разлучить его съ родителями, но въ отвѣтъ на это послѣдовало: „поступать по указу“. 10го августа Корфъ пріѣхалъ въ Равенбургъ, и нашелъ что тамъ ничего еще не было приготовлено къ путешествію: не было припасовъ самыхъ необхо-

димыхъ; экилажи оказались въ величайшей неисправности: принцъ Иоаннъ боленъ отъ дурнаго качества питья; мать вновь беременная, лежала въ постели.

Появленіе Корфа страшно перепугало заполучное семейство; благородный баронъ не рѣшился имъ открывать причину своего пріѣзда, передалъ поклоны отъ императрицы, и не донесеніи ко двору спрашивалъ: должно ли лускаться въ дорогу при выѣздивей болѣзни Анны и ея сына? И нельзя ли будетъ взять въ дорогу Юлію Менгденъ, находящуюся при принцессѣ, но не назначенную къ отъѣзду. „Если разлучить принцессу съ ея фрейлиною“, доносилъ Корфъ, „то она впадетъ въ совершенное отчаяніе.“

Государыня не нашла нужнымъ отиѣвлять своего рѣшенія. Брауншвейгская фамилія должна была ѣхать, отправиться въ путь въ неудобное осеннее время, оставить въ Равенбургѣ подругу Анны Леопольдовны.

Юлія Менгденъ во время царствованія императора Иоанна играла при дворѣ чрезвычайно важную роль, имѣла значительное политическое вліяніе и была посвящена во всѣ тайны правительницы Анны. Послѣ катастрофы 25го ноября 1741 года, императрица Елисавета согласилась на оставленіе фрейлины при Аннѣ Леопольдовнѣ. * Теперь все измѣнилось, и несчастная фрейлина осталась въ Равенбургѣ съ другими „арестантами“. О дальнѣйшей судьбѣ Юліи Менгденъ намъ ничего неизвѣстно. Въ описи бумагъ относящихся къ Брауншвейгской фамиліи, находятся рапорты капитановъ Ракусовскаго и Ахматова объ „ораніенбургской комиссіи“ и о „благополучномъ состояніи арестантовъ“. Сначала говорится о четырехъ арестантахъ, между которыми находилась фрейлина Менгденъ, затѣмъ послѣ кончины „карицы“ о трехъ арестантахъ. Свѣдѣнія эти относятся ко всему времени до 1754 года. Поэтому есть основаніе думать что подруга Анны Леопольдовны еще лѣтомъ этого года содержалась въ Равенбургѣ подъ карауломъ. **

Между тѣмъ Брауншвейгская фамилія должна была отправиться на сѣверъ. Корфъ, человекъ благородный, честный и по своему времени довольно образованный, велъ себя съ

* См. нѣкоторыя подробности въ сочиненіи Schmidt-Phiseldck, *Materialien sur russischen Geschichte* II. 379.

** *Чтенія* 1861, II. Слѣсь, стр. 11, 44—58.

возможною деликатностью и осторожностью относительно арестантовъ. Между тѣмъ путешествіе, начатое 29го августа 1744 года, было далеко неспокойно. Вѣроятно за день до отъезда семейства изъ Равенбурга, несчастные родители навсегда разстались съ сыномъ Іоанномъ. Очень дорого стоила Анна Леопольдовна, безъ сомнѣнія, разлука со своею подругою. Она сама была беременна, малютки боляны, а тутъ дождь, распутица, сквернѣйшія дороги, безпрестанныя остановки, наконецъ снѣгъ и осенніе холода.

30го августа Корфъ писалъ Воронцову: „Третьяго дня я объявилъ извѣстнымъ особамъ о ихъ отъѣздѣ изъ Равенбурга; эта новость повергла ихъ въ чрезвычайную печаль, обнаружившуря слезами и воплями. Несмотря на это и на болѣзненное состояніе принцессы, они отвѣчали что готовы исполнить волю ея величества. Ея болѣзнь главнымъ образомъ происходитъ отъ беременности“. Когда Корфъ объявилъ что всѣ заразъ не могутъ ѣхать и что фрейлина Юлія отправится послѣ, то это извѣстіе поразило принцессу какъ громомъ: вѣроятно они догадались что ихъ хотятъ разлучить навсегда. Анна Леопольдовна и мужъ ея не знали что ихъ везутъ въ Соловки, думали что мѣстомъ ссылки ихъ будетъ Пелымъ гдѣ прежде былъ Биронъ. *

Между тѣмъ правительство дѣлало разныя распоряженія въ Соловецкѣ для водворенія тамъ Брауншвейгской фамиліи. Въ Соловецкій монастырь былъ отправленъ для принятія тамъ вадажащихъ мѣръ полковникъ Чертовъ, который, исправивъ „для нѣкоторой комиссіи“ локоц, прислалъ въ Петербургъ планы, фасады и профили монастыря, и вѣдомость о матеріалахъ и рабочихъ людяхъ. ** Для Іоанна приказано было приготовить четыре комнаты. Одна назначалась для сѣней, другая для шести конвойныхъ солдатъ, остальные должны были быть заняты капитаномъ Миллеромъ и развѣчнымъ императоромъ. Последняго приказано было „отнюдь изъ комнаты не выпускать и постоянно наблюдать чтобы въ двери не ушелъ или отъ рѣзвости въ окошко не выскочилъ“. Комнаты назначенныя для правительницы съ остальнымъ семействомъ

* См. Соловьева; *Ист. Россіи*, т. XXII, стр. 96 и 97. О путешествіи въ Колегогоры барономъ М. А. Корфомъ, какъ уже выше было сказано, оставлена монографія, которою пользовался г. Семеновій, I. с. 534 и слѣд.

** *Чтенія* 1861, II Слѣдъ 43 и 44.

приказано было отгородить каменными или деревянными стѣнами отъ покоевъ принца Иоанна. Архимандриту соловецкому приказано, именемъ государыни, хранить всѣ сдѣланныя распоряженія въ строжайшемъ секретѣ, подъ опасеніемъ „дше нія священства, монашества и живота“.*

Всѣ распоряженія въ Соловецкомъ монастырѣ въ послѣдствіи оказались лишними. Брауншвейгская фамилія никогда не пріѣзжала. На дорогѣ, отѣхавъ полтора ста верстъ изъ Шенкурскъ, Корфъ нашелъ что нѣтъ возможности продолжать путь и послалъ нѣсколько донесеній о всѣхъ трудностяхъ ѣзды въ эту пору и по этимъ дорогамъ. Получивъ разрѣшеніе остановиться на зимовку, Корфъ отъ себя сдѣлалъ распоряженіе помѣститъ всю фамилію въ архіерейскомъ домѣ въ Холмогорахъ, куда и привезъ арестантовъ 9го ноября 1744 года. Къ сдѣлающимъ мѣсяцамъ относится переписка между Корфомъ и дворомъ объ арестантахъ. Дворъ утвердилъ распоряженія барона. Прислана была подробная инструкция какъ содержать *известныхъ персонъ* въ тѣснѣнѣмъ заключеніи и совершенно отдѣльно отъ принца Иоанна.

Корфъ неоднократно представлялъ что „комиссію“ лучше бы навсегда оставить въ Холмогорахъ, представлялъ разные затрудненія съ которыми сопряжена поѣздка въ Соловецкъ, сохраненіе тайны всего дѣла, доставка припасовъ на островъ и проч. Послѣ долгой переписки правительство уступило, и арестанты, до *новаго* однако указа, оставлены въ Холмогорахъ. Распоряженіемъ отъ 29го марта 1745 года разрѣшено было Корфу возвратиться ко двору, сдавъ арестантовъ капитану Измайловскаго полка Гурьеву. При этомъ приложена была особая бумага, за подписью императрицы: „Ежели, по волю Божію, случится кому изъ известныхъ персонъ смерть, особливо же приидетъ Аня или принцу Иоанну, то учини надъ умершимъ тѣломъ анатомію и положи въ спиртъ, тотчасъ то смертное тѣло къ намъ прислать съ нарочнымъ офицеромъ, а съ прочими чинить по тому жь, токмо сюда не присылать, а доносить намъ и ждать указа; и сіе сдержать въ крѣпкомъ секретѣ, чтобы о томъ никто другіе не вѣдалъ, а какъ оттуда поѣдете, то объявля о томъ майору Гурьеву словесно, а сію цидулку съ собою къ намъ привезть“**.

* Семевскій I. с. 534.

** Семевскій I. с. 535.

Какъ кажется, Лестоку имѣлъ нѣкоторое участіе въ отправленіи Брауншвейгскаго семейства въ Архангельскую губернію. По крайней мѣрѣ въ депешѣ саксонскаго резидента Герсдорфа встрѣчается замѣтка что эта мѣра была слѣдствіемъ внушеній „тѣхъ лицъ которыя прежде находились въ тѣсной связи съ маркизомъ де-ла-Шетарди“. * Мы уже видели что Лестоку считалъ отправленіе несчастнаго семейства въ отдаленное мѣсто какъ бы важнѣйшимъ условіемъ обезпеченія престола Елисаветы. Его желаніе теперь исполнилось. Въ Холмогорахъ Брауншвейгцы не были опасны. Корфъ даже былъ того мнѣнія что мѣстопробываніе арестантовъ въ Холмогорахъ „гораздо секретнѣе чѣмъ еще везти ихъ по Двигѣ и по морю“. **

Въ послѣдствіи старшая дочь Анны Леопольдовны, принцесса Екатерина, находившаяся въ Холмогорскомъ острогѣ съ 1744 до 1780 года, сдѣлала рисунокъ изображающій жалкое мѣстопробываніе Брауншвейгскаго семейства. Точный фото-литографическій снимокъ съ этого рисунка приложенъ къ статьѣ „Дѣти правительницы Анны Леопольдовны“, напечатанной въ январской книжкѣ *Русской Старины* 1873 года. Подлинникъ рисунка, вмѣстѣ съ рукописью заключающею въ себѣ нѣкоторыя любопытныя данныя о судьбѣ дѣтей Анны Леопольдовны, приобретенъ академикомъ А. А. Куникомъ у одного изъ букинистовъ и принесенъ въ даръ библиотекѣ Императорской Академіи Наукъ.

На рисункѣ видно пространство, величиною въ четыреста (приблизительно) шаговъ въ ширину и во столько же шаговъ въ длину, окруженное высокою деревянною оградой, въ которой находятся три дома и церковь съ башнею, прудъ, что-то похожее на садъ, ворота запертыя тяжелыми желѣзами. Рисунокъ, сдѣланный далеко не мастерски, даетъ намъ довольно ясное понятіе о характерѣ мѣста обитаемаго арестантами. Уединеніе, уныніе, монотонія, скука—вотъ главныя черты

* Депеша Герсдорфа отъ 17го августа 1744 года: „On transporte sur les insinuations faites par ces personnes, qui se trouvaient en liaison avec le Marquis de la Chétardie) la famille de Brunswick de nouveau d'Oranienbourg dans les environs d'Archangel et on separera le Prince et la Princesse et le jeune Iwan“. См. соч. Германна *Geschichte des russ. Staats*. V. 74.

** Соловьевъ XXII, 97.

этой картины. Окрестности этого мѣста также имѣютъ печальный видъ: природа скудная, климатъ суровый.

Въ этомъ мѣстѣ оставался, по ходатайству барона Корфа, „извѣстная персоны“. Здѣсь Анна Леопольдовна нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда, 19го марта 1745 года, родила сына Петра, а 27го февраля 1746 года — сына Алексѣя. Корфъ, уѣхавшій въ Петербургъ, былъ замѣненъ майоромъ Гурьевымъ.

Здоровье Анны Леопольдовны, съ тѣхъ поръ какъ ея сынъ былъ лишенъ престола, сильно пострадало отъ разныхъ лишений и нравственныхъ страданій. По случаю рожденія принца Алексѣя, она сильно занемогла „великою горячкою“ и вскорѣ скончалась, имѣя отъ роду не болѣе 28 лѣтъ.

Какъ кажется, извѣстія о родившихся въ Холмогорѣхъ принцахъ, увеличивавшихъ собою число возможныхъ претендентовъ, сильно не нравились императрицѣ Елисаветѣ. Есть извѣстіе что императрица, получивъ рапортъ о рожденіи принца Алексѣя, „изволила, прочитавъ оный рапортъ, разодрать“. * Очевидно принцесса скончалась отъ родильной горячки, но Елисавета не желала чтобы распространился слухъ о рожденіи принца. Когда былъ полученъ изъ Холмогоръ рапортъ штаб-лѣкаря Манзеля о болѣзняхъ принцессы послѣ родовъ, смотрѣнныхъ имъ при анатоміи, этотъ рапортъ, между тѣмъ какъ другія бумаги были сданы въ архивъ, остался „наверху“, то-есть въ комнатахъ императрицы. ** Баронъ Черкасовъ, очевидно по приказанію Елисаветы, поручилъ генераль-прокурору написать въ объявленіяхъ о кончинѣ принцессы что она „скончалась огневицею“. ***

Какъ относилась императрица къ этому дѣлу, лучше всего видно изъ ея писемъ къ принцу Антону-Ульриху и къ майору Гурьеву. Въ первомъ письмѣ сказано: „Свѣтлѣйшій принцъ, увѣдомились мы отъ майора Гурьева что принцесса, ваша супруга, волею Божіею скончалась, о чемъ мы сожалѣемъ, но понеже въ рапортѣ оного майора Гурьева къ намъ не написано потребныхъ обстоятельствъ оного печальнаго случая, можетъ-быть за тѣмъ что ему невозможно всегда при ней быть, а ваша свѣтлость неотаучно при томъ были, того для

* Читенія 1861, II, „Смѣсь“, стр. 13.

** Тамъ же, стр. 14.

*** Тамъ же, стр. 16.

требуемъ отъ вашей свѣтлости обстоятельнаго о томъ извѣстія какою болѣзнію принцесса супруга ваша скончалась, которое сами изводите написать прислать къ намъ. Елизаветъ.“ Въ письмѣ къ Гурьеву сказано: „Ралорты ваши о рожденіи принца и о кончинѣ принцессы Анны мы получили, и что вы по указу тѣло принцессы Анны сюда отправляете, о томъ извѣстны. Приложенное при семъ къ принцу Антону наше письмо отдай и на оное отвѣтъ дай ему своею рукою написать, и какъ напишеть, то оное къ намъ немедленно пришли. Скажи принцу *чтобъ онъ только писалъ какою болѣзнію умеръ и не упоминалъ бы о рожденіи принца.*“ *

Изъ вышеломаютой описи дѣловыхъ бумагъ мы знаемъ только что принцъ Антонъ-Ульрихъ прислалъ письмо съ отвѣтомъ на вопросъ Елизаветы. Содержаніе же этого письма намъ неизвѣстно. Спрашивается, какимъ образомъ могъ несчастный вдовецъ назвать болѣзнь умершей супруги не упоминаая о рожденіи принца? Правительство всѣми мѣрами старалось скрывать число дѣтей Анны Леопольдовны, какъ видно изъ сѣдующей замѣтки въ „описи“, по случаю пріѣзда майора Гурьева изъ Холмогоръ въ Петербургъ. „Марта 28го (1746 года) письмо отправленное на встрѣчу лейбъ-гвардіи къ майору Гурьеву отъ барона Черкасова съ объявленіемъ указа *о необъявленіи никому, по пріѣздѣ въ Петербургъ, о состояніи коммисіи, а паче о числѣ дѣтей принцессинныхъ и какого пола.*“ **

Скрывая рожденіе Брауншвейгскихъ принцевъ въ Холмогоряхъ, правительство однако не имѣло повода скрывать кончину Анны Леопольдовны. Погребеніе принцессы происходило публично и довольно торжественно. Въ „описи“ упоминается о большомъ числѣ дѣловыхъ бумагъ относящихся къ погребенію принцессы. Тутъ мы узнаемъ что было позволено всякому приходять для прощанія къ тѣлу принцессы, что церковныя церемоніи къ погребенію были учинены по прикѣру погребенія матери Анны Леопольдовны, Екатерины Мененбургской, что издержано было на погребеніе денегъ 2.882 руб. 28½ коп., затѣмъ встрѣчаются разныя данныя о „дачахъ духовнымъ персонамъ“, о факелахъ, о бывшихъ при гробѣ

* Соловьевъ, XII, стр. 97.

** Чтенія 1861, II. Слѣзь стр. 17.

„съ алебардами“ оберъ-офицерахъ, о черномъ бархатѣ съ по-
зументомъ на покрывку амвона, о прибавкѣ для народа ка-
рауда, о столѣ для генералитета и дамъ и пр. *

Императрица сама распоряжалась на счетъ похоронъ прин-
цессы. Погребеніе происходило въ Александро-Невской Лаврѣ,
гдѣ была погребена и мать Анны Леопольдовны, царица
Екатерина Ивановна. Есть извѣстіе что императрица Елиза-
вета при этомъ случаѣ плакала. **

Мы не знаемъ ничего о впечатлѣніи произведенномъ кон-
чиною принцессы Анны на публику. По нѣкоторымъ дав-
нымъ однако можно видѣть что старанія правительства
скрывать рожденіе Брауншвейгскихъ принцевъ въ Холаго-
рахъ оказались тщетными. По крайней мѣрѣ ходили слухи о
принцахъ Алексѣѣ и Петрѣ. *** Изъ дѣла Арсенія Мацѣвича,
бывшаго митрополита Ростовскаго въ первое время царство-
ванія Екатерины, видно что объ этихъ принцахъ говорилъ
народъ какъ о какой-то государственной тайнѣ, какъ о прѣ-
тендентахъ на русскій престолъ. ****

Еще опаснѣе принцевъ Петра и Алексѣя былъ старшій

* Чтенія 1861 II. Смѣсь стр. 14—17.

** Письма Мишиха къ принцессѣ Ангальтъ-Цербстской въ Госуд.
Архивѣ, у Соловьева XXII, стр. 97. Равныя частности о погребеніи
Анны Леопольдовны см. въ замѣткѣ М. А. Корфа въ *Русской Смо-
риль*, I, 410 (2 изд. 595—96).

*** Саксонскій резидентъ Пецольтъ писалъ за границу о рожденіи
принца. См. его донесеніе отъ 26го марта 1746 года, въ сочиненіи
Германна *Geschichte des russ. Staats*, V, 74. Въ соч. Рюльера *Histoire
ou anecdctes sur la révolution de Russie en 1762* оказано: *le bruit courait
que dans leur prison ils avaint eu la consolation, ou peut-être la dou-
leur d'avoir plusieurs enfants, concurrents dangereux, puisqu'ils étaient
la branche aînée de la maison des Czars.*

**** См. Чтенія 1862, III. Смѣсь, стр. 167. Арсеній предоказывалъ
будущее царствованіе двухъ юмошей, царевича Павла Петровича
Петра Антоновича. Онъ при допросѣ показывалъ что „о принцовыхъ
братьяхъ слышалъ сперва отъ Алексѣевскаго, а потомъ и отъ Иосифа.
А Алексѣевскій показывалъ что онъ о братьяхъ слышалъ съ рѣд-
чества, въ Холагогорахъ, на рынкѣ, отъ солдатъ. Да іеромонахъ Иосифъ
показывалъ что онъ, будучи въ Холагогорахъ, о братьяхъ слы-
шалъ на рынкѣ отъ солдатъ же и т. д.“ Изъ этихъ показаній видно
что простой народъ бесѣдовалъ на рынкѣ объ арестантахъ, и что
такіе толки считались опасными для правительства.

братъ, бывшій императоръ Іоаннъ Антоновичъ. Правительство поэтому употребляло разные средства для того чтобы скрывать тщательнѣйшимъ образомъ отъ публики мѣстопробываніе несчастнаго отрока.

Мы уже видѣли что вѣроятно по случаю отправления всего семейства изъ Равенбурга въ Холмогоры, Корфъ долженъ былъ отдѣлать совершенно Іоанна отъ родителей. Мы также видѣли что въ то время когда еще предполагали помѣстить арестантовъ въ Соловецкомъ монастырѣ, для приюта были назначены особые покои, въ которыхъ онъ, отдѣленный высокою стѣною отъ дома гдѣ содержались его родственники, долженъ былъ находиться подъ строгимъ надзоромъ майора Миллера. Есть основаніе думать что и въ Холмогорахъ принца Іоанна содержали совершенно согласно съ программой составленною для пребыванія развѣчаннаго императора въ Соловецкомъ монастырѣ. По крайней мѣрѣ въ вышеупомянутой „описи“ дѣловымъ бумагамъ видно что правительство постоянно заботилось о совершенномъ отдѣленіи Іоанна отъ всякаго сообщества съ кѣмъ бы то ни было, такъ что и самъ майоръ Миллеръ долженъ былъ вести съ несчастнымъ мальчикомъ отшельническую жизнь. Чрезвычайно распорѣчиво нѣкоторые намеки въ перепискѣ Миллера и выдомскаго съ начальствомъ въ Петербургѣ рисуютъ намъ бразъ дѣйствій лицъ слѣдившихъ за Іоанномъ Антоновичемъ.

Когда капитанъ Выдомскій въ качествѣ надзирающаго за прусскаго семейства смѣнилъ Гурьева, ему былъ данъ особый указъ „объ опредѣленіи къ тамошней командѣ майора Миллера и о допущеніи къ нему, Миллеру, жены, и чтобы изгодна была“. Баронъ Черкасовъ писалъ Выдомскому „о мерзаніи происходящихъ у него дѣлъ въ секретѣ и о нежеланіи ни къ кому, кромѣ рапортовъ къ ея императорскому величеству, и чтобы принцъ (Антонъ-Ульрихъ) и другіе члены остальныя дѣти Антона-Ульриха) майора Миллера не выдали, а для смотрѣнія къ нимъ ходить ему, Выдомскому, одному“. Немногомъ позже, еще до пріѣзда жены Миллера въ Холмогоры, послѣдній обратился къ барону Черкасову съ требованіемъ резолюціи, когда жена къ нему пріѣдетъ, шускать ли младенца видѣть, понеже жить будутъ въ однихъ покояхъ“. Отвѣта барона Черкасова мы не знаемъ.

Въ декабрѣ 1748 года майоръ Миллеръ писалъ къ барону Черкасову о обнаружившейся въ Холмогорахъ сильной оспѣ и коры, спрашивалъ „ежели нужда потребуетъ, къ обрѣтающемуся при немъ младенцу допускать ли лѣкаря, а при послѣднемъ концѣ для приобщенія Святыхъ Тайнъ чернаго священника?“ Нѣ этотъ разъ мы знаемъ резолюцію „о допущеніи къ обрѣтающемуся при майорѣ Миллерѣ младенцу при кончинѣ его жи ни по закону христіанскому чернаго священника“. Мѣсяцемъ позже, а именно въ началѣ января 1749 года, майоръ Миллеръ писалъ къ барону Черкасову, „что имѣющійся при немъ Миллерѣ, младенецъ, отъ болѣзни корью свободился“. Къ сентябрю того же года относится рапортъ произведеннаго между тѣмъ въ подполковника Миллера „о учиненныхъ ч ловѣкомъ его извѣстному младенцу продержностяхъ“, на чи изъ Петербурга отвѣчали „о свободѣ Миллерова человека о недопущеніи къ извѣстному младенцу“. Къ 1750 году оти сятся двѣ замѣтки о женѣ Миллера. Лѣтомъ Миллеръ пр силъ „объ отпускѣ отъ него жены его для болѣзни въ домѣ на чтѣ получена резолюція „о невыпускѣ Миллеровой ж ны“. Однако немногимъ позже Миллеръ прислалъ „чертежъ покоямъ въ которыхъ жена его живетъ и что она младен не видитъ“, и еще разъ просилъ объ „отпускѣ жены его. Къ этому времени относится ссора между Вындомскимъ Миллеромъ, безпрестанно жаловавшимся начальству дру на друга.

Изъ этихъ намековъ видно что бывшій императоръ, кот рому въ 1751 году было одивнадцать лѣтъ, проводилъ св время въ совершенномъ почти удивеніи. Нѣтъ сомнѣнн ч его родственники не находились съ нимъ въ сношеніяхъ. Дн можно сомнѣваться въ томъ зналъ ли Антонъ-Ульрихъ и обще что въ немногихъ шагахъ отъ его квартиры „за о родомъ“ содержался безъ всякаго воспитанія или над ра надъ его умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ с сынъ.

Въ промежутокъ времени между 1751 и 1756, мы не и емъ никакихъ данныхъ о житьѣ-бытьѣ молодого арестан. По всей вѣроятности, онъ въ продолженіе всего этого м мени спокойно жилъ въ Холмогорскомъ острогѣ. За то положительно знаемъ что въ 1756 году его изъ Хол горъ перевели въ Шлюссельбургъ. Намъ неизвѣстно

могло побудить императрицу Елисавету къ такому распоряженію, однако образъ дѣйствиі правительства при этомъ случаѣ даетъ намъ возможность составить себѣ довольно полное понятіе объ опасеніяхъ двора относительно этого претендента. Вѣроятно Елисавета знала что въ публикѣ ходили слухи о пребываніи Іоанна Антоновича въ Холмогорахъ. Она, быть-можетъ, ожидала какой-либо попытки освобожденія изъ этого мѣста бывшаго императора, и поэтому рѣшилась перевести опаснаго арестанта въ другое мѣсто, съ цѣлью еще тщательнѣе скрыть его настоящее мѣстопробываніе. Таковы по крайней-мѣрѣ заключенія которыя можно вывести изъ чрезвычайно любопытнаго документа, недавно опубликованнаго г. Соловьевымъ, который разказываетъ слѣдующее: Миллера перевели въ Казань полковникомъ Свияжскаго полка; въ Холмогорахъ ему нечего было больше дѣлать, потому что въ началѣ 1756 года принца Іоанна перевели въ Шлюссельбургъ. Сержантъ лейбъ-компаниі Савинъ вывезъ принца изъ Холмогоръ тайно въ глухую ночь, при чемъ Вындомскій получилъ указъ: „Оставшихся арестантовъ содержать по-прежнему, еще и строже и съ прибавкою караула, чтобы не подать вида о вывозѣ арестанта, о чемъ накрѣпко подтвердить командѣ вашей, кто будетъ знать о вывозѣ арестанта чтобы никому не сказывалъ; въ кабинетъ хантъ и по отправленіи арестанта репортовать что онъ подѣ вашими караулами находится, какъ и прежде репортовали, а за Антономъ-Ульрихомъ и за дѣтьми его смотрѣть взикрѣпчайшимъ образомъ чтобы не учинили утечки.“ *

О дальнѣйшей судьбѣ Іоанна Антоновича мы будемъ говорить ниже. Пока мы намѣрены представить подробный разборъ тѣхъ данныхъ которыя относятся къ дальнѣйшей судьбѣ Антонова-Ульриха, приведемъ Екатерины и Елисаветы и принцевъ Петра и Алексѣя.

Мѣры правительства коловившіяся къ сохраненію въ тайнѣ всего что относилось къ Брауншвейгской фамиліи имѣли слѣдствіемъ распространеніе разныхъ ложныхъ слуховъ объ арестантахъ. Такъ, напримѣръ, авторъ сочиненія *Histoire de la vie du règne et du détronement d'Iwan III*, издавнаго въ Лондонѣ въ 1766 году, разказываетъ что Анна Леопольдовна

* Соловьевъ, XXII, стр. 100.

находилась въ живыхъ еще до 1764.* Даже солидный и ученый авторъ сочиненія *Materialien zur russischen Geschichte* Шмидтъ-Физелдекъ (Schmidt-Phiseldek) разказываетъ что принцъ Антоновъ-Ульрихъ, послѣ кончины своей супруги Анны, въ которое время находился въ Оренбургѣ. ** Такимъ же образомъ лишено всякаго основанія показаніе Сальверна въ его сочиненіи *Histoire de la vie de Pierre III*, будто принцъ Антоновъ-Ульрихъ умеръ вскорѣ послѣ кончины Анны Леопольдовны. *** 0 разныхъ слухахъ касательно Іоанна Антоновича мы будемъ говорить ниже.

Несчастный принцъ Антоновъ-Ульрихъ не скоро умеръ послѣ кончины Анны Леопольдовны. Онъ прожилъ тридцать лѣтъ въ Холмогорскомъ острогѣ. Бездарный, не привыкшій къ какой-либо дѣятельности, слабый характеромъ, безъ вымыслававшійся арестантомъ, Антоновъ-Ульрихъ, какъ кажется, терпѣливо переносилъ свое горе. Одинъ изъ офицеровъ, которымъ былъ порученъ надзоръ надъ Брауншвейгскою фамиліей, писалъ о немъ изъ Холмогоръ: „Принцъ Антоновъ-Ульрихъ сложенія толстаго и многокровнаго, и нерѣдко подверженъ разнымъ припадкамъ, особенно страдаетъ грудью, однако не очень сильно и продолжительно; по заявленію лѣкарскому имѣеть начало цынготной болѣзни; вправомъ кажется тихъ и ведетъ себя смирно.“ ****

Довольно часто принцъ Антоновъ-Ульрихъ обращался къ императрицѣ Елисаветѣ съ письмами. По случаю болѣзни Анны Леопольдовны онъ благодарилъ за бабу и кормилицу: по случаю кончины принцессы онъ „прелоручилъ себя и дѣтей своихъ въ милость ея величества“. Нѣсколько разъ Антоновъ-Ульрихъ писалъ „благодарительныя“ письма за присылку ему гдавской водки и венгерскаго вина. По случаю кончины Анны Леопольдовны Елисавета велѣла доставить принцу и его людямъ черное платье. †

* До чего впрочемъ доходить неточность этого автора видно изъ прсчмъ изъ сѣдующей замѣтки его что Елисавета вступила на престолъ подъ именемъ Екатерины II (1). Стр. 29.

** 380.

*** Стр. 15.

**** Соловьевъ, XXII. Стр. 104.

† *Чтенія россійскія.*

Содержаніе арестантовъ въ отношеніи лица, какъ кажется, было довольно хорошее, но деньги высылались не аккуратно. Однажды вышелъ кофе, который подавался въ день раза по три принцу Антону и его дѣтямъ. Вындомскій прислалъ къ Миллеру съ сильнымъ выговоромъ что принцъ Антонъ безъ кофе какъ ребенокъ безъ молока жить не можетъ, и потому надобно непремѣнно достать какъ-нибудь. Миллеръ послалъ солдата въ Архангельскъ и велѣлъ просить у тамошнихъ купцовъ кофе въ долгъ; но купцы отказали, говоря что сомнѣваются заплачены ли будутъ деньги и за прежде взятые товары. * Говорится и о другихъ лишеніяхъ, напримѣръ о неподомѣ къ употребленію полливѣ, но при томъ случаѣ мы узнаемъ что для „извѣстныхъ персовъ“ назначалось ежедневно по 40 бутылокъ поллива. **

Иногда на просьбы арестантовъ обращалось вниманіе, такъ напримѣръ въ 1748 году они просили „прибавки прислуги изъ жезскаго пола“, на что и послѣдовало вскорѣ разрѣшеніе изъ Петербурга „о хожденіи за дѣтьми извѣстныхъ персовъ фрейлинѣ Бинѣ и двумъ кормилицамъ“ и пр. ***

Юлія Менгденъ, какъ мы видѣли, была разлучена съ Брауншвейгскою фамиліею въ Равенбургѣ; но сестра ея Бина Менгденъ отправилась въ Холмогоры, и доведенія офицеровъ сторожившихъ несчастную фамилію наполнены извѣстіями о буйствѣ Бины, ссорѣ ея съ принцемъ Антономъ и романѣ съ лѣкаремъ Кожевниковымъ. 8го октября 1749 года она родила мальчика. Довося объ этомъ, Вындомскій рапортовалъ о „говоренныхъ ею (Биною) непристойныхъ рѣчахъ“, и присоединилъ въ слышаніи оныхъ рѣчей подписки караульныхъ. Правительство велѣло допросить фрейлину съ кѣмъ она прижила младенца, а вскорѣ послѣ того получены въ Петербургѣ „помянутыя фрейлины Менгденовой и лѣкаря Кожевникова о прибитомъ имѣ съ нею младенцѣ“, который впрочемъ чрезъ нѣсколько недѣль умеръ. Осенью 1750 года Вындомскій доложилъ „объ учившейся у принца Антона съ фрейлиною Менгденовою ссорѣ“, немногимъ позже „о продерзостяхъ учившихъ отъ фрейлины Менгденъ принцу Антону-Ульриху.“ ****

* Соловьевъ. ХХІІ. Стр. 99.

** Тамъ же, стр. 100.

*** Читенія 1861, II. Смѣсь, 24.

**** Читенія 1861, II. Смѣсь, 31.

Послѣ сценъ съ принцемъ Антономъ, брани и даже драки, Бина выхватила однажды изъ-за пояса ключи и ударила ими солдата. Когда Выдомскій сталъ выговаривать ей за то, то она закричала: „Когда меня принцъ Антонъ давить хотѣлъ, я тебѣ говорила чтобы ты къ государынѣ о томъ писалъ.“ Но государыня взяла сторону принца Антона и указала: „Оную фрейлину, ежели она отъ такихъ продерзостей не уймется, держать въ той палатѣ въ которой нынѣ живетъ безысходно и никуда изъ той палаты не выпускать, такожъ и къ ней въ палату никого не пускать, а ежели иногда для какой боatzви потребуеъ лѣкаря, то онаго допускать при прапорщикѣ Зыбинѣ, а одного отнюдь не пускать.“ Безысходное заключеніе усилило раздражительность. По письму Выдомскаго барону Черкасову, несчастная проломала стекло въ окончивахъ и много разъ бросала за окно серебро. Когда пришли вставлять окна, то она сначала заперлась и не пускала; когда же офицеръ Зыбинъ вошелъ силой, то она встрѣтила его ругательствами, называя всѣхъ измѣнниками и колдунами, а потомъ бросилась на Зыбина, ударила его по уху и схватила за волосы, такъ что едва могли отнять. Сношенія фрейлины съ Кожевниковымъ, кажется, не прекращались. По крайнему мѣрѣ принцъ Антонъ-Ульрихъ говорилъ Выдомскому и Зыбину: „Когда я бываю въ саду, то мнѣ можно узнать идетъ или идетъ мимо архіерейскаго двора лѣкарь Кожевниковъ, потому что тогда Бина надѣваетъ на себя красное, или на рукахъ держитъ, стоя у окна, чтобъ онъ ее видѣлъ, и когда возвращусь въ покои и спрошу у слугъ, то непременно скажутъ что лѣкарь ѣхалъ или шелъ.“

Въ своей борьбѣ съ Выдомскимъ Миллеръ рѣшился выставить Бину Менгденъ жертвою клеветы капитана Выдомскаго и принца Антона: „Дерзая довести“, писалъ Миллеръ Черкасову, „что Бина по его клеветамъ, мяю что съ согласія учиненнымъ, теперь цѣлые два съ половиною года уже содержится безчеловѣчно; ибо, выключая то что одна въ такой большой и пустой палатѣ заперта, и кромѣ кушанья, которое, какъ собакѣ, въ дверь подають, и рубашки во всѣ два съ половиною года мыть не свосять, льяные солдаты и сержанты, тамъ живущіе, въ угодность капитану и прочимъ, вслѣдствіи обижаютъ“. Въ отчаяніи Бина ударила однажды ножомъ въ високъ солдата и заушала женщину, говоря: „Я на то пошла

чтобы кого-нибудь уходить ножомъ или вилками; скорѣе по-лучу резолюцію, которой третій годъ нѣтъ". * О дальнѣйшей судьбѣ несчастной Бины мы ничего не знаемъ. Въ „описи“ очень часто говорится „о продерзостяхъ фрейлины Менгденовой“, но дѣла въ „описи“ доходятъ только до 1753 года. Бѣда ли ея участь улучшилась послѣ удавленія изъ Хоомгоръ ея защитника Миллера.

О характерѣ офицеровъ сторожившихъ Брауншвейгскую фамилію мы почти ничего не знаемъ. Упорная и продолжительная распря между Миллеромъ и Вындомскимъ, грубость льняныхъ солдатъ, обижавшихъ фрейлину „чтобъ угодить капитану“, вѣчныя непріятности между лицами окружавшими арестантовъ, поступки нѣкоторыхъ изъ служащихъ, о которыхъ упоминается въ „описи“, все это даетъ намъ весьма не-отрадное понятіе о жалкой обстановкѣ въ которой выросли и воспитывались бѣдныя дѣти Анны Леопольдовны. Брань и руготня, драки, доносы и поклелы офицеровъ, солдатъ, присауги—вотъ главныя впечатлѣнія во время дѣтства принцессъ Екатерины и Елисаветы и принцевъ Петра и Алексѣя. Изъ „описи“ видно что одна изъ вышеломянутыхъ кормилицъ имѣла связь съ однимъ изъ офицеровъ, Писаревымъ, упоминает-ся о нѣсколькихъ незаконнорожденныхъ дѣтяхъ. ** У самого принца Антона-Ульриха въ Хоомгородахъ было нѣсколько незаконнорожденныхъ дѣтей, мать которыхъ неизвѣстна. *** Условія для воспитанія дѣтей Анны Леопольдовны были самыя неблагопріятныя.

Въ разныхъ сочиненіяхъ разказано будто принцъ Антонъ-Ульрихъ выучилъ своего сына Іоанна грамотѣ. Мы видѣли однако что несчастнаго мальчика отняли у родителей въ то время когда ему было не болѣе пяти лѣтъ, и что послѣ того онъ жилъ въ полнѣйшемъ уединеніи подъ надзоромъ Миллера. Антонъ-Ульрихъ поэтому не могъ быть наставникомъ сына. Въ манифестѣ о кончинѣ Іоанна, Екатерина въ 1764 году со-жалѣла о томъ что Іоаннъ Антоновичъ „не могъ чтеніемъ

* Соловьевъ ХХІІ, стр. 98—100.

** См. *Чтенія* 1861. II. Смѣсь стр. 28.

*** См. статью о Брауншвейгской фамиліи въ *Биолингта Magazin*, т. ХХІІ, стр. 423.

книгъ жизнь свою превалять“. Что же касается до первоначальнаго обученія остальныхъ дѣтей, то мы въ официальной перепискѣ правительства съ офицерами въ Холмогорскомъ острогѣ встрѣчаемъ роковое предписаніе, относящееся къ 1750 году, „о необученіи дѣтей извѣстной персоны грамотѣ до указа“. *

И въ физическомъ отношеніи несчастныя дѣти являются оставленными въ небреженіи, болѣзненными, калѣками. На этотъ счетъ любопытно донесеніе Зыбина, который пишетъ: „Дѣти Антона-Ульриха: дочери большая Екатерина сложенія больнаго и почти чахотнаго, притомъ нѣсколько глуха, ** говоритъ нѣмо и невнятно и одержима всегда разными болѣзненными припадками, нрава очень тихаго. Другая его дочь, Елисавета, которая родилась въ Дюнамюнде, росту для женщины не малаго и сложенія нынѣ становится плотваго, нрава нѣсколько горячаго, подвержена разнымъ и вердикимъ болѣзненнымъ припадкамъ, особенно не одинъ уже годъ впадаетъ въ меланхолію, и не мало времени ею страдаетъ. Сыновья—старшій, Петръ, родился въ Холмогорахъ въ 1745 году, сложенія больнаго и чахотнаго, нѣсколько кривоногъ и кривоногъ. Меньшой сынъ Алексѣй родился въ Холмогорахъ въ 1746 году, сложенія плотноватаго и здороваго, и хотя имѣетъ припадки, но еще дѣтскіе. Живутъ всѣ они сначала и до сихъ поръ въ однихъ покояхъ безысходно, нѣтъ между ними стѣней, но изъ покоя въ покою только одна дверь, покои старинные, малые и тѣсные. Сыновья Антона-Ульриха и спятъ съ нимъ въ одномъ покоѣ. Когда мы приходимъ къ нимъ для надзиранія, то называемъ ихъ, по обычаю прежнихъ командировъ, принцами и принцессами.“ ***

Еще другое описаніе арестантовъ, составленное архангельскимъ генералъ-губернаторомъ Мельгуновымъ, относится къ 1780 году. Тутъ сказано:

* Чтенія 1861, II. Стѣсь 30.

** Архимаандритъ Іосифъ, жившій въ послѣдствіи вмѣстѣ съ принцессою Екатериною въ Горсензѣ въ Даніи, разказывалъ что она лишилась слуха въ тотъ самый день какъ братъ ея, Іоаннъ III, лишился престола: ее тогда уронили. Въ письмѣ къ императору Александру I, приведенномъ ниже, принцесса Екатерина пишетъ что она совсѣмъ потеряла слухъ на восьмомъ году отъ роду. *Русская Старина* 1873, стр. 69.

*** Соловьевъ, XII, стр. 104.

„Старшая сестра, Екатерина, имѣеть отъ роду 38 лѣтъ; сухощава и небольшого росту, блѣдокура и похожа на отца. Въ молодыхъ лѣтахъ потеряла слухъ и такъ косноязычна что словъ ея нельзя почти разумѣть. Братья и сестра объясняются съ нею знаками. При всемъ томъ, имѣеть столько понятія что когда братья и сестра, не дѣлая никакихъ знаковъ, говорятъ ей что-нибудь шепотомъ, она понимаетъ ихъ по одному движенію губъ и отвѣчаетъ имъ сама, иногда тихо, иногда довольно громко, такъ что и непривыкшій къ такому разговору можетъ разумѣть ее. Изъ обхожденія ея видно что она робка, уклонна, вѣжлива и стыдлива; нрава тихого и веселаго; увидя что другіе въ разговорахъ смѣются, хотя и не знаетъ тому причины, смѣется вмѣстѣ съ ними. Впрочемъ она сложенія здороваго; только отъ цынготной болѣзни почерѣлаи у нея зубы и нѣсколько ихъ уже выкрошилось.

„Меньшой сестрѣ Елисаветѣ 36 лѣтъ. Отъ паденія съ каменной лѣстницы, съ самой верхней ступени до низу, на 10 году возраста, она разшибла голову, отъ чего часто подвержена головной боли, а особливо въ перемѣняемыя погоды и ненастье. Для предупрежденія боли сдѣланъ ей на правой рукѣ фонтанель. Она подвержена также частымъ припадкамъ по слабости желудка. Ростомъ и лицомъ похожа на мать. Словоохотливостію, обхожденіемъ и разумомъ Елисавета далеко превосходитъ братьевъ своихъ и сестру. Все они ей повируются и исполняютъ все что она ни прикажетъ; она большею частию за всѣхъ ихъ говоритъ, за всѣхъ отвѣчаетъ и поправляетъ иногда ошибки въ ихъ словахъ. Въ 1777 году, отъ приключившейся ей горячки и другихъ женскихъ немощей, она была нѣсколько мѣсяцевъ въ помѣшательствѣ; но послѣ оправилась и теперь въ совершенномъ умѣ. Нельзя однако же сказать чтобы Елисавета имѣла въ себѣ что-нибудь чрезвычайное. Выговоръ ея, какъ и братьевъ, соответствуетъ нарѣчію того мѣста гдѣ они родились и выросли.

„Большой братъ Петръ 35 лѣтъ. Поврежденный въ дѣтствѣ, онъ имѣеть спереди и сзади небольшіе и съ перваго взгляда почти непримѣтныя горбы. Правый бокъ у него нѣсколько кривъ. Онъ очень простъ, робокъ, застѣнчивъ и молчаливъ. Въ приемы его, такъ какъ и меньшаго брата, различны только малымъ дѣтямъ. Нрава онъ слишкомъ веселаго; смѣется и хохочетъ когда совсѣмъ нѣтъ ничего смѣшнаго. Временемъ бывають у него геморроидальные припадки; впрочемъ онъ сложенія здороваго; но боится даже до обмороку когда заговорятъ о крови. Такую сильную боязнь приписываетъ онъ тому что мать его, бывши имъ беременна, чрезвычайно испугалась отъ порѣза своего пальца и теченія крови.*

* О Петрѣ говорилъ архимандритъ Іосифъ что онъ былъ крѣпкого и здороваго сложенія, небольшого роста, имѣлъ важный видъ, который соединялъ, однакожъ, съ чрезвычайною робостію

„Меньшой братъ Алексѣй 34 лѣтъ. Съ такою же простотою, какъ и старшій его братъ, онъ кажется однакоже вѣскольکو связнѣе, смѣлѣе и осторожнѣе его. Сложеніе имѣетъ здоровое и нравъ довольно веселый. Оба брата росту небольшого, бѣлокуры и лицомъ похожи на отца.

„Какъ братья, такъ и сестры, живутъ между собою дружелюбно и притомъ незлобивы и челоувѣколюбивы. Лѣтвомъ работаютъ въ саду, ходятъ за курами и утками и кормятъ ихъ, а зимою бѣгаются въ залуски на лошадахъ по пруду, находящемуся въ саду ихъ, читаютъ церковныя книги и играютъ въ карты и шашки. Дѣвцы сверхъ того занимаются иногда шитьемъ бѣлья. Въ томъ состоятъ всѣ ихъ упражненія.“*

Заключенные, какъ мы видѣли, пользовались титулами принцевъ и принцессъ. Они имѣли довольно многочисленную прислугу. Такъ напримѣръ въ документахъ упоминается о помощникѣ мундшенка и тафельдекера. Однажды Вындомскій обратился къ барону Черкасову съ рапортомъ „о сдѣланіи придворнымъ служителямъ ливрей“, но получилъ изъ Кабинета отвѣтъ „о сдѣланіи придворнымъ служителямъ, вмѣсто ливрей, платья изъ другаго цвѣта“. По временамъ отпускалось на содержаніе „комиссіи“ въ Холмогорахъ изъ содлагаго сбора въ Архангельскѣ по вѣскольکو тысячъ рублей, сначала по 5.000, затѣмъ по 6.000.**

Пребываніе въ Холмогорахъ и тѣсное заключеніе впрочемъ собственно для одного принца Анто́на-Ульриха должны были казаться особеннымъ несчастьемъ. Онъ въ молодости испыталъ роскошь и всю прелесть жизни въ высшихъ кругахъ общества, онъ имѣлъ точное понятіе о свободѣ. Дѣти же его не знали ничего о томъ каково живетъ на свѣтѣ при иныхъ условіяхъ, не имѣли понятія ни о людяхъ, ни о предметахъ находившихся вѣ заборѣ Холмогорскаго острога. Выросшіи въ заключеніи, воспитанныя въ весьма ограниченномъ кругу понятій и впечатлѣній, они и въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ ниже, не имѣли возможности цѣнить свободу надлежащимъ образомъ. Старшей принцессѣ Екатерины въ послѣдствіи жизнь въ Даніи казалась адомъ, о Холмогорахъ она вспоминала какъ о раѣ.

* См. монографію Поаѣмова „Отправленіе Брауншвейгскѣй фамиліи изъ Холмогоръ въ датскія владѣнія“, въ *Трудахъ Имп. Академіи Наукъ*, 1840. I, стр. 113—116.

** *Чтенія* 1861, II. Смѣсь.

Впрочемъ, какъ мы видѣли, заключенные имѣли садъ; въ саду былъ прудъ съ лодкою. Прудъ былъ окруженъ аллеей, въ которой находился сарай, а въ сараѣ стояла старинная карета, въ которой арестанты катались иногда по аллеѣ шестернею, причемъ солдаты исправляли должность кучеровъ, форейтеровъ и лакеевъ. Затѣмъ еще упоминается о другомъ развлеченіи, объ игрѣ въ карты. Объ ограниченіи чтеніемъ лишь церковныхъ книгъ говорится и въ монографіи о Брауншвейгцахъ помѣщенной въ сборникѣ Бюшинга. *

Обо всемъ происходившемъ въ Холмогорскомъ острогѣ писали въ Петербургъ. Такъ напримѣръ доносили о покулкѣ сука на платьѣ принцу Антону-Ульриху, о разныхъ постройкахъ, объ исправленіи кровли и печей, о битвѣ фреилиной „Менгденовою“ бабы Ульяны Ивановой, о томъ что кто-то укралъ лудъ соловинны и пр. и пр.

За то по возможности правительство старалось прелятствовать распространенію слуховъ въ публикѣ о томъ что происходило въ Холмогорахъ, и о лицахъ тамъ заключенныхъ. Когда однажды одинъ „копейскъ“, Орловъ, оставилъ службу въ Холмогорахъ, съ него взяли подписку „о содержаніи гдѣ овъ находился въ секретѣ“. То же самое происходило и съ подпоручикомъ Писаревымъ, отправленнымъ изъ Холмогорскаго острога въ Сибирь: съ него взяли „подписку подъ смертною казнію, о неразговариваніи ни съ кѣмъ про комиссію при которой овъ находился“. ** Объ этой комиссіи говорится въ грамотахъ какъ о секретной. Между документами встрѣчается „чертежъ архіерейскому дому гдѣ находится секретная комиссія“. ***

Едва ли можно было ожидать переменъ въ судьбѣ Брауншвейгской фамиліи пока царствовала императрица Елисавета, считавшая несчастныхъ ссыльныхъ опасными претендентами. За то переменна на престолѣ въ такихъ случаяхъ весьма часто имѣла слѣдствіемъ смягченіе участи ссыльныхъ. При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, дѣтямъ князя Меншикова было дозволено возвратиться изъ Сибири; мало того:

* XII 418 и 419. Тамъ же сказано: „Sein Hausgeräth war ganz altmodisch und abgenutzt, und hatte den Geruch des hölzernen Geräth's in einem Gefängniß“.

** Чтенія 1861, II. Сибирь.

*** Чтенія 1861, II. Сибирь, стр. 36.

они явились при дворѣ и получили мѣста и подарки. При вступленіи на престолъ Елисаветы, дѣтямъ казеннаго при Аннѣ Іоанновнѣ Волинскаго возвратили значительную часть конфискованнаго имѣнія отца, а Биронъ, сосланный при Аннѣ Леопольдовнѣ въ Сибирь, могъ поселиться въ Ярославѣ. При вступленіи на престолъ Петра III, знаменитый Милухъ, проживъ болѣе двадцати лѣтъ въ Сибири, возвратился ко двору, гдѣ опять занялъ довольно видное мѣсто.

Кончина императрицы Елисаветы и вступленіе на престолъ императора Петра III не измѣнили положенія въ которомъ находилась Брауншвейгская фамилія. Мы знаемъ только о намѣреніи Петра III дать нѣсколько болѣе свободы заключенному въ Шлюссельбургской крѣпости Іоанну Антоновичу, намъ однако ничего неизвѣстно о какихъ-либо намѣреніяхъ императора освободить Антона-Ульриха и дѣтей его изъ Холмогорскаго острога.

Немногимъ позже вступила на престолъ Екатерина. Изъ донесенія одного изъ иностранныхъ дипломатовъ находившихся тогда въ Петербургѣ, мы узнаемъ что вопросъ объ устройствѣ судьбы Брауншвейгской фамиліи занималъ тогда Екатерину и высшихъ сановниковъ. Герцогъ Бокигамскій писалъ что вскорѣ послѣ переворота, дѣтямъ 1762 года, нѣкоторые изъ разумѣвшихъ совѣтниковъ Екатерины старались уговорить императрицу отпустить Брауншвейгскую фамилію за границу, но что это предложеніе было отвергнуто большинствомъ сановниковъ*. Такимъ образомъ, пока все оставалось попрежнему. Въ слѣдующемъ году возникла мысль отпустить за границу одного принца Антона-Ульриха, оставляя въ заключеніи дѣтей его. Императрица отравила въ Холмогоры извѣстнаго А. И. Бибикова, чрезъ котораго она хотѣла узнать болѣе подробно о житьѣ-бытьѣ ссыльнаго семейства, о правахъ и способностяхъ дѣтей Анны Леопольдовны. Бибиковъ далѣе долженъ былъ сдѣлать предложеніе принцу Антону-Ульриху отправиться за границу. Принцъ не принялъ этого предложенія, объявивъ что онъ не желаетъ свободы если дѣти его останутся въ острогѣ. Разка-

* „Cette mesure avait été approuvée et fortement recommandée par les plus raisonnables des conseillers de l'impératrice, mais elle fut repoussée par la majorité.“ Нзрочно сказано что это случилось „à son avènement au trône“. См. *La cour de Russie il y a cent ans*. Leipzig 1860, стр. 238.

зываютъ что откровенное довесеніе Бибикова о разумѣ и дарованіяхъ одной изъ принцессъ* заслужило ему холодный приемъ отъ императрицы, и что онъ вслѣдствіе этого долженъ былъ на нѣкоторое время удалиться въ деревню въ Рязанской губерніи.

Годомъ позже случилась шлюссельбургская катастрофа. Узнавъ ли отецъ его объ этомъ событіи или нѣтъ, мы не знаемъ. Очень вѣроятно что Антонъ-Ульрихъ, совершенно отрываемый отъ всего свѣта, никогда не узналъ о страшной судьбѣ сына. Любопытно однако то обстоятельство что по случаю смерти Іоанна Антоновича въ Шлюссельбургѣ, ходили слухи о гоненіяхъ которыми будто бы подверглись родственники Іоанна „находившіеся въ Сибири (?)“, толковали кое-что о происшедшихъ будто бы тамъ наказаніяхъ и казняхъ, при которыхъ де даже не щадил ни женъ, ни дѣтей нѣкоторыхъ знатныхъ дворянскихъ фамилій.**

На дѣлѣ, Екатерина не только не преслѣдовала Брауншвейгской фамиліи послѣ кончины Іоанна Антоновича, но даже именно при этомъ случаѣ олять-таки серьезно думала о дарованіи ссыльнымъ свободы. Бокингамъ тогда писалъ слѣдующее: „Нѣкоторыя особы хотятъ предложить императрицѣ освободить членовъ Брауншвейгской фамиліи и назначить кого-нибудь изъ этой фамиліи своимъ преемникомъ, буде Павелъ умретъ.“ Нѣсколькими днями позже английскій

* См. Бактышъ-Камеяскаго, *Словарь достопамятныхъ людей*, I, 174. Тутъ сказано что Бибиковъ хвалилъ способности старшей дочери, Екатерины. Очевидно это ошибка. Изъ сообщенной выше характеристика принцессъ видно что Елисавета была гораздо способнѣе сестры.

** Въ сочиненіи *Histoire d'Iwan III* сказано на стр. 63; „Il est probable que cet infortuné père n'a pas survécu de longtems son malheureux et très infortuné fils, et surtout si l'on doit ajouter foi à ce qui s'en est répandu à cette occasion en Russie même, d'où on nous a marqué immédiatement après la mort du Prince Iwan, que l'Impératrice de Russie avait incontinent dépêché un courier en Sibérie relativement aux circonstances de cette mort, et que ce courier était chargé de dépêches importantes concernant la malheureuse famille de cet infortuné Prince, et nous apprimes quelques temps après que l'on avait fait dans le Nord des exécutions sanglantes parmi quelques grandes familles dont les femmes et les enfants n'avaient pas même été exceptés.“

посланникъ прибавилъ: „Разказываютъ уже что пока удовольствуются освобожденіемъ заточеннаго семейства, отпускомъ его изъ Россіи и опредѣленіемъ пожизненнаго пенсіона.“*

Дѣло въ томъ что всѣ эти предположенія въ пользу Брауншвейгской фамиліи пока не должны были осуществиться. Несчастный принцъ Антономъ-Ульрихъ еще цѣлыя десять лѣтъ послѣ кончины Иоанна Антоновича оставался въ Хоомогорскомъ острогѣ. Онъ не дождался свободы которой испрашивалъ со слезами; наконецъ онъ ослабъ и умеръ 4го мая 1774 года.**

Дѣти его послѣ этого еще шесть лѣтъ оставались въ Хоомогорскомъ острогѣ. Въ одномъ современномъ разказѣ встрѣчаются нѣкоторыя данныя о послѣднихъ годахъ проведенныхъ дѣтми Анны Леопольдовны въ Хоомогорахъ. Въ Хоомогорскомъ острогѣ были двѣ команды солдатъ которыя не имѣли ни малѣйшихъ сношеній между собою, потому что одна изъ этихъ командъ, подъ начальствомъ поручика Каркина, находилась въ томъ самомъ домѣ гдѣ жили арестанты. Эта команда не была смѣнена въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ до отъѣзда принцевъ и принцессъ въ Давію. Кромѣ архангельскаго губернатора никто не могъ посѣщать „извѣстныхъ персонъ“. Онъ пріѣзжалъ иногда по случаю большихъ праздниковъ. Архангельскимъ губернаторомъ въ продолженіе царствованія Екатерины до 1779 года, семнадцать лѣтъ сряду, былъ Головинъ, который, имѣя надзоръ за Брауншвейгскою фамиліею,

* *La cour de Russie*, стр 238.

** Это число показано въ монографіи Полаткова, очевидно составленной по дѣловымъ бумагамъ. Въ другихъ сочиненіяхъ время его кончины показано различно. Кастейра разказываетъ что Антономъ-Ульрихъ умеръ въ 1871 году; въ статьѣ у Бюшинга, XXII, стр. 418, показанъ 1776 годъ. Неизвѣстно откуда Германъ заимствовалъ свою замѣтку что Антономъ-Ульрихъ былъ „dem Trunk ergeben“; см. его „*Gesch. d. russ. Staats*“, V, 654. Тѣло Антономъ-Ульриха было вынесено въ ночь съ 8го на 6е число и „тихо похоронено на ближайшемъ кладбищѣ подлѣ церкви, внутри ограды дома гдѣ арестанты содержались“, въ присутствіи однихъ только „находившихся сверху для караула воинскихъ чиновъ“, со сторожайшимъ имъ запрещеніемъ разказывать кому бы то ни было о мѣстѣ погребенія. Послѣднее совершилось безъ церковнаго обряда, ибо въ Хоомогорахъ не было лютеранскаго пастора. *Русская Старина* I, 410 (2е изд., 597).

въ отношеніи къ ихъ нуждамъ и потребностямъ, исполняя свои обязанности весьма недобросовѣстно. Помѣщенія въ которыхъ содержались арестанты, садъ и все то что могло содѣйствовать смягченію горькой доли несчастныхъ, было залущено, портилось. Головцынъ, употребляя суммы назначенныя для содержанія арестантовъ совершенно по своему усмотрѣнію и подвергая Брауншвейскую фамилію по своему произволу разнымъ лишеніямъ, никогда не представлялъ отчетовъ объ употребленіи ввѣренныхъ ему денегъ. Когда наконецъ, по случаю смѣны Головцына, при назначеніи на его мѣсто Мельгунова, онъ долженъ былъ передать всѣ дѣла, счета и пр., случилось что домъ въ которомъ жилъ Головцынъ и его канцелярія сгорѣли и такимъ образомъ сгорѣли и всѣ бумаги относящіяся къ Брауншвейгской фамиліи. *

Эти обстоятельства, кажется, нѣкоторымъ образомъ подтверждаютъ упрекъ сдѣланный однимъ иностраннымъ дипломатомъ Екатеринѣ что она забыла дѣтей Анны Леопольдовны. ** Съ другой стороны, мы знаемъ изъ другихъ источниковъ что Екатерина заботилась о холмогорскихъ узникахъ, что для ихъ содержанія, для исправленія ихъ квартиры и пр. было назначено отъ десяти до пятнадцати тысячъ рублей ежегодно, и что довольно часто изъ императрицынаго гардероба въ Холмогоры были отправляемы платья и другіе предметы для принцессы Екатерины и Елисаветы. *** Г. Полѣвовъ даже говоритъ „о смягченіи суровости ихъ содержанія“ при Екатеринѣ, но въ чемъ заключалось это „смягченіе“ мы не знаемъ. О томъ какъ содержались арестанты при Екатеринѣ мы узнаемъ кое-что изъ разговора новаго архангельскаго губернатора съ принцессою Елисаветою не задолго до отправленія всего семейства за границу.

Замѣтивъ что Елисавета умѣе своихъ братьевъ, Мельгуновъ обратилъ на нее болѣе вниманія и чаще входилъ съ нею въ разговоры. Между прочимъ она говорила Мельгунову что сперва самъ покойный ея отецъ, а когда онъ лишился зрѣнія,

* Въ *Магазинѣ* Бюшнга колько сказано: „In diesem Verfahren hat der Statthalter viele ihm ähnliche Vorgänger und Zeitgenossen gehabt, und dass es ihm an Nachfolgern fehlen werde, ist nicht wahrscheinlich.“ (Т. XX, стр. 418 и 419.

** *La cour de Russie*, 239.

*** *Труды Имп. Акад. Наукъ*, 1840. I, стр. 109.

то она утруждали государыню просьбами которыя и теперь повторили бы, но не осмѣливаются и боятся не прогнѣвали ли они своими просьбами ея величество. На вопросъ Мельгунова, въ чемъ состоятъ ихъ просьбы? Елисавета отвѣчала: „Отецъ и мы, когда были еще очень молоды, просили дать намъ вольность; когда же отецъ нашъ ослабъ, а мы вышли изъ молодыхъ лѣтъ, то испрашивали позволенія проѣзжаться; но ни на что не получили отвѣта.“ Мельгуновъ, увѣривъ Елисавету что она напрасно думаетъ будто императрица на нихъ прогнѣвалась, спросилъ ее: „Куда же отецъ вашъ намѣренъ былъ съ вами ѣхать?“ Елисавета сказала: „Отецъ нашъ намѣренъ былъ ѣхать въ свою землю. Тогда для насъ было очень желательно жить въ большомъ свѣтѣ. По молодости своей мы надѣялись еще научиться свѣтскому обращенію. Но въ теперешнемъ положеніи не остается намъ ничего больше желать какъ только того чтобы жить здѣсь въ удивленіи. Здѣсь, по милости государыни, нашей воскресительницы, мы всѣмъ довольны. Разсудите сами, можемъ ли мы пожелать чего-нибудь, кромѣ этого. Мы здѣсь родились, привыкли къ здѣшнему мѣсту и застарѣли. Теперь большой свѣтъ не только для насъ не нуженъ, но и будетъ тягостенъ; мы даже не знаемъ какъ обходиться съ людьми, а научиться тому уже поздно. Но просимъ васъ,—продолжала она со слезами и поклонами,—исходатайствовать намъ у ея величества милость чтобы позволено намъ было выѣзжать изъ дома на луга для прогулки; мы слышали что тамъ есть цвѣты какихъ въ нашемъ саду нѣтъ. Подполковникъ и офицеры которые теперь при насъ имѣютъ жень; мы просимъ позволить имъ ходить къ намъ, а намъ къ нимъ, для препровожденія времени, а то иногда намъ однимъ бываетъ скучно. Просимъ еще дать намъ такого портнаго который могъ бы на насъ шить платье. По милости государыни присылаютъ къ намъ изъ Петербурга корсеты, челчики и токи; но мы ихъ не употребляемъ, для того что ни мы, ни дѣвки наши не знаемъ какъ ихъ надѣвать и носить. Сдѣлайте милость, пришлите такого человѣка который умѣлъ бы наряжать насъ. Баянъ въ саду стоитъ близко къ нашимъ деревяннымъ локоамъ; мы боимся чтобы насъ не сожгли, прикажите отнести ее подальше.“ Наконецъ Елисавета просила со слезами о прибавкѣ жалованья находящимся при нихъ служителямъ и служительницамъ, кормилицынымъ дѣтямъ, и о дозволеніи имъ имѣть свободный

ыходъ изъ дома, такъ какъ и другимъ тутъ же служащимъ дозволено. Къ этому она прибавила: „Если вы исходатайгуете намъ все это, то мы будемъ очень довольны, ни о чемъ болѣе утруждать не станемъ, ничего больше не желаемъ, рады остаться въ такомъ положеніи на-вѣкъ.“*

Изъ этихъ просьбъ мы можемъ вывести заключеніе что путь желаній мало развитыхъ ссыльныхъ, оставшихся такъ-звать дѣтми, былъ чрезвычайно ограниченъ. А далѣе изъ ихъ просьбъ видно что даже не было сообщенія между принцессами и принцами, съ одной стороны, и семействами сторонившихъ ихъ офицеровъ, съ другой. Несчастные до того были отрѣзаны отъ прочаго міра что даже ихъ прислугѣ не было позволено выходить изъ дома.

Члены Брауншвейгской фамиліи не знали что въ то время гда Мельгуновъ посѣтилъ ихъ въ Холмогорахъ въ первый разъ, Екатерина уже рѣшила вопросъ объ отправленіи ихъ границу.

Въ продолженіе своего царствованія, послѣ необыкновенныхъ успѣховъ въ области вѣшной политики, послѣ удачнаго окончанія борьбы съ Пугачевымъ, Екатерина удостовѣрилась что освобожденіе дѣтей Антона-Ульриха не могло имѣть никакихъ важныхъ послѣдствій. Престолъ Екатерины оказался прочнымъ. Претенденты-Брауншвейгцы не могли быть опасными.

Однако не совсѣмъ легко сказать откуда впервые явилась мысль объ отправленіи ссыльныхъ за границу. Въ монографіи Мельгунова говорится что императрица сама вознамѣрилась отправить ихъ въ Датскія владѣнія и поручить ихъ покровительству родной сестры Антона-Ульриха, вдовствующей королевы датской, Юліаны-Маріи; въ другихъ сочиненіяхъ, напримѣръ, утверждается что не Екатерина имѣла инициативу въ этомъ дѣлѣ, а заграничные родственники несчастнаго семейства. Невозможно думать чтобы дворы Вѣнскій, Берлинскій, Петербургскій, Брауншвейгскій, въ продолженіе тридцатилѣтняго заключенія принцессъ и принцевъ въ Холмогорскомъ городѣ, ничего не предпринимали для освобожденія ихъ. Въ дипломатической корреспонденціи между этими кабинетами Русскимъ дворомъ бытъ-можетъ заключаются нѣкоторыя да относящіяся данныя. Все это однако пока хранится въ

Труды Академіи, стр. 117 и 118.

архивахъ. Мы знаемъ только о перепискѣ Екатерины съ Юліаною-Маріей въ 1780 году. Во всякомъ случаѣ быстро развитіе значенія Россіи не допускало особенно энергичнаго давленія на русское правительство со стороны иностранныхъ кабинетовъ.

Сальдернъ въ своемъ сочиненіи о Петрѣ III говоритъ что дѣти Анны Леопольдовны получили свободу вслѣдствіе ходатайства ихъ дяди Фердинанда Брауншвейгскаго, который вместе съ Датскою королевою убѣдилъ Екатерину отправить арестантовъ за границу. * Въ біографіи Анны Леопольдовны, составленной Яковлевымъ, говорится о ходатайствѣ кабинетовъ Берлинскаго, Коллегагенскаго и Брауншвейгскаго. ** Такъ и архимандритъ Іосифъ, жившій съ принцемъ Петромъ и с принцессою Екатериною въ Даніи, говорилъ о ходатайствѣ Юліаны-Маріи. *** За то и въ статьѣ г. Подъянова и въ монографіи о Брауншвейгской фамиліи помѣщенной въ сборникѣ Бюшнга, положительно сказано что Екатерина сама впервые возымѣла мысль объ освобожденіи дѣтей Анны Ульриха. ****

Екатерина, какъ разказывается въ послѣднихъ двухъ источникахъ, начала съ Юліаною-Маріей непосредственную переписку. Первое собственноручное о томъ письмо государыни было послано 18го марта 1780 года. Екатерина предлагала королеву поселить Брауншвейгскую фамилію въ Норвегію. С чувствомъ признательности и съ изъявленіемъ особеннаго удовольствія, королева приняла предложеніе императрицы и отвѣчала ей что и король, ея сынъ, совершенно согласенъ на всѣ предложенія императрицы. Король самъ писалъ Екатерину, увѣряя ее въ готовности своей исполнить всѣ желанія. Но въ послѣдствіи королева уведомила императрицу что въ Норвегіи нѣтъ ни одного мѣста которое не имѣло бы порта и не было бы при морѣ. Поэтому рѣшили перевезти Брауншвейгскую фамилію въ Ютландію, въ мѣсто нѣсколько отдаленное и отъ моря и отъ большихъ дорогъ, а именно городъ Горзенсъ, гдѣ король для Брауншвейгской фамиліи купилъ два дома.

* Стр. 15.

** Стр. 39.

*** *Русская Старина*, 1873, стр. 69.

**** *Busching Magazin*, XVII, стр. 480.

Изъ этой переписки видно что Екатерина изъявила желаніе чтобъ и за границею былъ нѣкоторый надзоръ надъ родственниками бывшаго императора Іоанна Антоновича. Они не должны были находиться въ городѣ приморскомъ, посѣщаемомъ кораблями разныхъ народовъ. Горзень, впрочемъ, также былъ приморскій городъ, находившійся однако позади Горзенскаго залива и не отличавшійся оживленною торговлею. Тамъ Брауншвейгская фамилія должна была жить, безъ сомнѣнія, не имѣя права оставлять это мѣсто. Имъ не было предоставлено права выбирать себѣ мѣсто жительства; они и въ Давіи должны были оставаться ссыльными.

Еще другое обстоятельство доказываетъ что императрица не считала вполне безопаснымъ это предпріятіе. Всѣ приготовленія къ отправленію Брауншвейгской фамиліи за границу происходили въ совершенной тайнѣ, въ которую были посвящены весьма не многія лица. Въ Петербургѣ объ этомъ дѣлѣ знали только Мельгуновъ и Безбородко. Сохранилось извѣстіе что остальные министры, удивлявшіеся частымъ и продолжительнымъ бесѣдамъ Екатерины съ Мельгуновымъ, старались выискнуть въ тайну этихъ бесѣдъ, но что всѣ эти старанія остались тщетными. *

Мельгунову было велѣно ѣхать изъ Петербурга прямо къ городу Архангельску, подъ видомъ ближайшаго осмотра вѣрнѣе всего ему края. вмѣстѣ съ тѣмъ поручено ему узнать лич но принцевъ и принцессъ, стараться купить или построить вновь хорошее рѣчное судно, подъ предлогомъ собственной его въ немъ надобности для плаванія по рѣкамъ Архангельской губерніи; послѣ того купить надежный купеческій корабль; если же хорошаго не отыщется, приказано построить въ скорости на Онегѣ трехмачтовое купеческое судно, будто для опытовъ порученныхъ ему императрицей въ сѣверныхъ моряхъ, и приискать старыхъ и заслуженныхъ матросовъ съ искуснымъ морскимъ офицеромъ.

Мельгуновъ чрезъ Архангельскъ, гдѣ онъ отъ Головцына получилъ кое-какія свѣдѣнія о Брауншвейгской фамиліи, отправился въ Холмогоры.

При входѣ Мельгунова въ домъ гдѣ жили принцы и принцессы, всѣ они встрѣтили его въ передней съ примѣтною робостью, кланялись ему почти въ ноги и просили его о

* *Bushing*, XXII, 420.

неоставленіи ихъ. Мельгуновъ, стараясь ихъ ободрить, сказалъ что онъ по высочайшей волѣ императрицы поставленъ начальникомъ Архангельской губерніи, и обязанный заботъ о всемъ въ тамошней сторонѣ, разсудилъ и ихъ посѣтить. Къ тому онъ прибавилъ что сколько ему извѣстно, государыня имѣетъ объ нихъ попеченіе. При этихъ словахъ всѣ они плакали на землю, и обѣ сестры проливали слезы. Меньшая сказала что съ самаго начала царствованія Екатерины, они воскресли милостію ея величества, а до того времени очень во всемъ нуждались, такъ что и башмаковъ не имѣли, * и уязвлено просила Мельгунова изъяснить императрицѣ наичувствительнѣйшую ихъ благодарность.

О бесѣдахъ Мельгунова съ Елисаветою мы уже говорили. Онъ убѣждалъ принцессу написать прошеніе къ императрицѣ и изъяснить въ немъ всѣ ея желанія. Но она никакъ на то не согласилась, а написала только въ своей просьбѣ что она привоситъ государынѣ *достодолжную рабскую благодарность* за высочайшія милости, а наиболѣе за то что поручили ихъ *великому человеку Алексию Петровичу Мельгунову*, и осмѣливается повергнуть просьбу свою къ стопамъ государыни; *съ чѣмъ же просьба состоитъ, донесетъ Алексѣй Петровичъ*.

Мельгуновъ пріѣхалъ въ Холмогоры 19го февраля, и только 24го уѣхалъ оттуда въ Архангельскъ. ** Пробывъ въ Холмогоряхъ нѣсколько сутокъ онъ посѣщалъ ежедневно принцевъ и принцессъ; каждый день обѣдалъ у нихъ съ губернаторомъ, а иногда и ужиналъ за общимъ столомъ; послѣ обѣда просиживалъ съ ними большую половину сутокъ, проводя время въ карточной игрѣ, называемой *тресетъ*, для него, какъ онъ говоритъ въ своемъ донесеніи императрицѣ Екатерины II, очень скучной, а для нихъ веселой и обыкновенной. Въ послѣдній день пребыванія Мельгунова у принцевъ и принцессъ, когда онъ сталъ съ ними прощаться, они плакали, провожая его бросались ему въ ноги, и меньшая сестра имевшемъ всѣхъ ихъ умоляла его не забыть ихъ просьбы.

Между тѣмъ Мельгуновъ дѣлалъ распоряженія вслѣдствіе давнихъ ему приказаній. По открытой невозможности построить суда на Онегѣ, Мельгуновъ рѣшился возложить

* См. перепечатанную въ *Русской Старинѣ* (1874 года, апрѣль) статью Полянова, стр. 652.

** *Busching* XXII, 420.

готовленіе судовъ на главнаго командира Архангельскаго порта, генераль-майора Врангеля, * не открывая ему однакоже настоящаго ихъ назначенія. Рѣчное судно, въ которомъ были построены одна зала и три комнаты, послѣло ко времени; а вмѣсто новаго мореходнаго императрица позволила употребить одинъ изъ находившихся у города Архангельска фрегатовъ, именуемый *Полярная Звѣзда*. Командиромъ фрегата избранъ былъ отставной флота капитанъ Степановъ; но по приключившейся ему тяжелой болѣзни, Мельгуновъ взялъ на это мѣсто другаго не менѣе надежнаго и опытнаго офицера, отставнаго капитана Михаила Арсеньева, служившаго въ то время предсѣдателемъ Ярославской гражданской палаты. Онъ признавъ способнымъ къ исполненію этого порученія потому болѣе что сдѣлалъ на морѣ многія кампаніи, проходилъ четыре раза Северный мысъ и зналъ то мѣсто куда предположено было отправить Брауншвейгскую фамилію. **

Выборъ командира фрегата потому не лишень для насъ важности что въ послѣдствіи разказывали будто Екатерина, отправляя дѣтей Анны Леопольдовны за границу, желала погубить ихъ и поручила командиру фрегата потопить это судно со всѣми пассажирами и со всѣмъ экипажемъ. Сальдернъ, сообщившій эту недѣльную сказку въ своемъ сочиненіи о Петрѣ III, замѣчаетъ что самъ командиръ фрегата — значитъ Михаилъ Арсеньевъ—говорилъ о такомъ данномъ ему порученіи, котораго онъ не могъ исполнить будто лишь потому что во все время плаванія стояла самая хорошая и постоянная погода. Изъ этого послѣдняго обстоятельства Сальдернъ выводитъ заключеніе что само Провидѣніе не дозволило де Екатерину совершить такое гнусное преступленіе. До чего доходитъ неосновательность такихъ басней видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства что во все почти время плаванія *Полярной Звѣзды*, какъ мы узнаемъ изъ положительно надежныхъ источянковъ, погода была самая неблагопріятная и даже свирѣпствовали бури. ***

Принцы и принцессы воспитаны были въ греко-россійскомъ и словѣданіи, и потому приготовлена для нихъ походная церковь со всею принадлежащею къ ней утварью. Въ церкви,

* У Бюшинга, не Врангель, а Waxel.

** Показновъ I. с. 119.

*** *Vie de Pierre III*, стр. 254, о предполагаемомъ „assassinat des sept autres enfans innocens“, которыхъ было 36—46 лѣтъ.

которая должна была оставаться въ Горзенсѣ, опредѣлены священникъ и два церковника. Жалованье велѣно производить имъ по окладамъ установленнымъ для миссій Стокгольмской и Коленгагенской. Въ то же время пріусканъ лѣкарь съ однимъ ученикомъ.*

8го марта уже Мельгуновъ опять возвратился въ Петербургъ, гдѣ онъ получилъ отъ императрицы грамоту, въ силу которой Брауншвейгская фамилія должна была находиться отнынѣ подъ покровительствомъ королевско-датскаго двора и предназначалась къ отправленію за границу.**

Для содержанія принцевъ и принцессъ въ Горзенсѣ императрица назначила имъ пенсію по смерти ихъ, опредѣливъ каждому брату и каждой сестрѣ по 8.000 р., а всѣмъ вообще по 32.000 руб. въ годъ. Для надзираія за принцами и принцессами и для наблюденія чтобъ они были совершенно сохранены во время морскаго путешествія, императрица назначила шаюссельбургскаго коменданта полковника Циглера и вдову лифляндскаго ландрата Лиліенфельда съ двумя дочерьми. Послѣ прибытія въ датскія владѣнія имъ было дозволено возвратиться въ Россію. Наконецъ еще избраны три служителя и четыре служительницы, изъ которыхъ пятеро—по всей вѣроятности незаконнорожденные дѣти принца Антона-Ульриха, о которыхъ говорится въ монографіи неизвѣстнаго автора, напечатанной въ сборникѣ Бюшинга*—родились въ Холмогорахъ и выросли вмѣстѣ съ принцессами и принцами, а дѣвчата взяты изъ крестьянокъ.

При отправленіи принцевъ и принцессъ Екатерина надѣлила ихъ царскою рукой. Около 200.000 рублей употреблено было для снабженія ихъ разными предметами. Въ двѣнадцати большихъ ящикахъ отправлены прямо къ Новодвинской крепости, мимо которой должна была проѣхать Брауншвейгская фамилія, слѣдующія вещи: полный столовый сервизъ, десертная посуда и большой чайный сервизъ, всѣ серебряныя; много столоваго бѣлья, также фарфоровой, мѣдной поваренной и чайной посуды. Сверхъ того отпущено съ ними полпуда чаю, водки, венгерскаго вина. Каждому брату дано по лати бархатныхъ вышитыхъ, по два „гродетуровыхъ“ и по два су-

* Поляновъ, I. с. 120.

** *Busching*, XXII, 421, гдѣ и переводъ грамоты въ извлеченіи.

*** XXII, 422 „*Natürliche Brüder und Schwestern*“. 423 „*Die natürlichen Kinder des Herzogs Anton Ulrich*“.

ковныхъ кафтана, по три фрака, шинель, плащъ, два сюртука, двѣ шубы, лисья и соболья, бобровая муфта, плафроки, фуфайки. Къ тому прибавлены шелковые чулки, платки, колаки, рубахи, башмаки, сапоги, туфли и всѣ мелочи къ одеждѣ принадлежащія, также простыни, наволоки, кровати съ занавѣсами, одѣяла, подушки и пр. Дано еще каждому изъ нихъ по брилліантовому перстню, по осыпанной брилліантами табатеркѣ, по золотымъ часамъ съ цѣпочками и по чайному серебряному прибору.

Съ такою же щедростію одарены и принцессы. Съ ними отпущено множество дорогаго платья и бѣлья, шубы золотаго газзета на собольемъ мѣху, и разные женскіе наряды. Каждой сестрѣ даны пара брилліантовыхъ серегъ, сердечко, браслеты, перстень, всѣ брилліантовые, осыпанная брилліантами табатерка, золотые часы съ цѣпочкой, чайный серебряный приборъ. Не забыты даже помада, лудра, булавки, шпильки. Сверхъ всего этого дано полковнику Циглеру, для врученія принцамъ и принцессамъ по прибытіи въ Бергенъ, 2.000 голландскихъ червонцевъ на карманныя имѣ деньги. Въ Дании удивились щедрости и великолѣпію съ которыми надѣлена была Брауншвейгская фамилія. Сама королева отзывалась о томъ съ признательностію. *

Изъ другаго источника мы узнаемъ что въ Ярославлѣ не мѣше семи нѣмецкихъ и пятидесяти русскихъ лортвыхъ готовили платья для Брауншвейгской фамиліи, и что мягкая рухлядь и драгоценныя камни были взяты изъ императорскаго кабинета. **

Между тѣмъ какъ производились эти приготовленія къ отъѣзду, члены Брауншвейгской фамиліи ничего не знали о предстоявшей перемѣнѣ въ ихъ судьбѣ.

Полковникъ Циглеръ вмѣстѣ съ губернаторомъ Головцынымъ поѣхалъ въ Холмогоры, гдѣ онъ объявилъ принцамъ и принцессамъ, отъ имени Медьгунова, что Алексѣй Петровичъ, въ бытность свою у двора, не упустилъ доложить государынкѣ о ихъ просьбѣ, и что Екатерина повелѣла прибавить жалованье служителямъ ихъ, позволяетъ женѣ находящагося при нихъ подполковника Полозова ходить къ нимъ для бесѣды,

* Полѣновъ I. с. 126—128.

** Büsching, 421. Das Maas zu den Kleidern für die Prinzen wurde von des Staatschirurgus Fries Körper genommen, der ihre Grösse und Stärke hatte.

и приказала снабдить ихъ всёми въ чемъ они имѣютъ нужду. Между прочимъ онъ замѣтилъ что они скоро увидятъ сколь далеко простирается поличеніе о нихъ ея величества. Черезъ нѣсколько времени пріѣхала съ такимъ же обладеживаніемъ вдова Лиліенфельдъ, которой было поручено приготовить кое-что для путешествія. Наконецъ пріѣхалъ и самъ Мельгуновъ, который, недовольный приготовленіями вдовы Лиліенфельдъ, допустилъ къ принцамъ и принцессамъ свою супругу, урожденную Салтыкову. Бросавшееся въ глаза различіе между прежнимъ обращеніемъ съ Брауншвейгскою фамиліею губернатора Головцына и пріемами Мельгунова и его супруги произвело чрезвычайно благопріятное вліяніе на арестантовъ. Въ нихъ начало развиваться чувство собственнаго достоинства.*

Мельгуновъ объявилъ имъ что императрица даруетъ имъ свободу, но вмѣстѣ далъ имъ почувствовать что если они забудутъ благодаренія государыни, или слѣдуя ухищреннымъ наущеніямъ и совѣтамъ, не захотятъ оставаться въ Датскихъ владѣніяхъ, то не только лишатся опредѣленнаго имъ пенсіона, но потеряютъ всякое право и на малѣйшую отъ императрицы помощь. Елисавета отвѣчала со слезами что они никогда не будутъ неблагодарными и ни за что не желаютъ прогнѣвать императрицу. Потомъ она спросила Мельгунова: „Къ себѣ ли возьметъ насъ тетка, или оставитъ въ какомъ городѣ? Мы желали бы лучше жить въ какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ, а то разсудите сами какъ намъ быть при дворѣ. Мы совсѣмъ не умѣемъ обходиться съ людьми, да притомъ и не разумѣемъ ихъ языка.“ Мельгуновъ обѣщаль что ихъ желанія будутъ исполнены. Такъ какъ они никогда не вѣжали по водѣ и не выдвали какъ ходятъ суда, ихъ устрашала поѣздка водою, и Елисавета просила Мельгунова чтобы кромѣ его самого по Двинѣ поѣхала съ ними супруга Алексѣя Петровича.

27го іюня путешественники рано утромъ оставили Холмогорскій острогъ, въ которомъ они провели всю жизнь, и въ двухъ экипажахъ поѣхали къ рѣкѣ Двинѣ. Затѣмъ они въ приготовленной для нихъ яхтѣ пустились къ Новодвинской крѣпости, гдѣ ихъ ожидала *Полярная Звѣзда*.

* „Der himmelweite Unterschied... machte einen solchen Eindruck in ihre Gemüther, dass der unterdrückte fürstliche Geist sich erhob und auszubilden anfang.“

Подъѣзжая къ Новодвинской крѣпости, принцы и принцессы, пробудившись отъ сна, были поражены ужасомъ при видѣ крѣпости: они вообразили что тутъ будетъ ихъ жилище, и что всѣ увѣренія Мельгунова были не что иное какъ обманъ. Приѣздъ въ то самое время кабинетскаго курьера еще болѣе утвердилъ ихъ въ этомъ мѣтвнн. Они подумали что курьеръ привезъ повелѣніе оставить ихъ въ Новодвинской крѣпости, когда напротивъ того онъ былъ присланъ къ Мельгунову съ подтвержденіемъ прежнихъ о нихъ приказаній. Чтобы разувѣрить и успокоить ихъ, Мельгуновъ, помѣстивъ ихъ въ комендантскомъ домѣ, далъ имъ свободу гулять по валу и приходить къ нему на рѣчное судно. *

30го іюня были заняты нагруженіемъ фрегата. Наконецъ 1го іюля ночью фрегатъ отправился въ путь подъ купеческимъ флагомъ и названіемъ. Еще разъ до отъѣзда Мельгуновъ дѣлалъ принцамъ и принцессамъ внушенія о признательности, сказавъ наконецъ что они вѣчно будутъ несчастны если окажутъ себя неблагодарными. Слыша это они проливали слезы, падали на колѣни и увѣряли что вѣчно будутъ благодарны.

То обстоятельство что Брауншвейгская фамилія была отправлена за границу не чрезъ С.-Петербургъ, а водою, далѣе, скрытность съ которою дѣлались всѣ приготовленія къ отправленію Брауншвейгскаго семейства и наконецъ неудовольствіе Екатерины на Мельгунова за то что онъ „напрасно и сверхъ данныхъ ему предписаній“ бралъ жену свою на рѣчное судно **, все это ясно доказываетъ что принцы и принцессы еще считались претендентами, относительно которыхъ нужно было дѣйствовать осторожно и осмотрительно.

Всѣ бывшіе въ Холмогорахъ при принцахъ и принцессахъ военные чиновники и нижніе чины, также служители остав-

* Мы сѣдуюемъ болѣе разказу Полянова чѣмъ монографіи въ сборникѣ Бюшинга, гдѣ, между прочимъ, сказано что Мельгуновъ сказавъ принцамъ и принцессамъ объ ихъ отправленіи за границу только въ Новодвинской крѣпости.

** И у Полянова и въ монографіи у Бюшинга говорится о гнѣвѣ императрицы на Мельгунова. Въ послѣднемъ источникѣ прямо сказано что Мельгуновъ безъ вины находился въ опасности заслужить себѣ немилость Екатерины, но что письмо Юліаны-Маріи, восхвалявшей его распоряженія, спасло его, такъ что императрица, убѣдившаяся въ неосновательности прежнихъ обвиненій, наградила его

шіеся тамъ послѣ ихъ отъѣзда награждены достаточно. Нѣкоторые уволены отъ службы съ пенсіями, другимъ даны приличныя мѣста. Вместе съ тѣмъ прекратилось существованіе такъ-называемой Холмогорской комиссіи, на обязанность которой возложено было наблюденіе за Брауншвейгскою фамиліей и за содержаніемъ ея.

Плаваніе фрегата *Полярная Звѣзда* было продолжительно отъ противныхъ вѣтровъ и сильныхъ бурь. Не ранѣе какъ 30го августа (10го сентября), значитъ послѣ девятидневной ѣзды *, путешественники пріѣхали въ Бергенъ, гдѣ ихъ ждалъ датскій военный корабль *Марсъ*. Въ Бергенѣ, какъ кажется, съ принцами и принцессами обращались все-таки нѣкоторымъ образомъ какъ съ арестантами. „Фамилія сдана въ Бергенъ главному бальифу (grand baillif) Шубену, а 12го числа пересажена на военный корабль.“

Въ Бергенѣ принцы и принцессы, къ крайнему своему сожалѣнію, должны были разстаться со своими спутниками, которые оттуда прямо отправились въ Копенгагенъ, а затѣмъ въ Петербургъ. Особенно тяжело имъ было проститься съ побочными братьями и сестрами, изъ которыхъ до этого почти исключительно состояла ихъ прислуга. Несчастные, не знавшіе другаго языка кромѣ русскаго, неопытные, мало развитые, находились вслѣдствіе этого въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Авторъ статьи въ сборникѣ Бюшвига даже замѣчаетъ что скорая кончина принцессы Елисаветы въ

Андреевскою лентой. Чрезвычайно любопытна слѣдующая инсрукція, о которой Поляновъ пишетъ: „Предъ отправленіемъ принцевъ и принцессъ, полковнику Цигаеру дано было приказаніе не позволять имъ писать ни къ кому письма, не слухать ихъ никуда съ фрегата, и постороннимъ входъ на него запрещать. Но еслибы кто, сверхъ ожиданія, отважился войти на фрегатъ силою, а тѣмъ болѣе вознамѣрился бы отнять изъ рукъ Цигаера принцевъ и принцессъ, въ такомъ случаѣ велѣно ему отражать силу силою и обороняться до послѣдней капли крови. То же приказано и капитану Арсеньеву.“ См. перепечатанную статью Полянова въ *Русской Старинѣ*, 1874, апрѣль, стр. 660.

* Въ *Русской Старинѣ* сказано что ахта прибыла въ Новодвинскую крѣпость 28го іюля. Это, конечно, опечатка, которую не замѣтилъ г. Куликъ, говоря что отплытіе *Полярной Звѣзды* произошло 30го іюля. У Бюшвига и Полянова день отъѣзда изъ Новодвинской крѣпости 1го іюля.

Горзенсъ была отчасти слѣдствіемъ такой разлуки и сопряженнаго съ нею горя. *

По прибытіи въ Бергенъ, принцесса Елисавета изъ пожалованныхъ ей 500 червонцевъ раздала значительныя суммы своимъ слугамъ, ** которые впрочемъ получили щедрыя награды и отъ королевы Юліаны-Маріи, и отъ императрицы Екатерины.

Послѣ того какъ путешественники 12го сентября были пересажены на датскій военный корабль, противные вѣтры задержали ихъ въ четырехъ миляхъ отъ Бергена до 23го сентября. Послѣ того корабль долженъ былъ бороться съ жестокою бурей, которая продолжалась непрерывно 30го сентября и 1го октября. Не прежде какъ 5го октября онъ могъ пристать къ Фладстранду. Разстроенные непогодами и утомленные труднымъ плаваніемъ принцы и принцессы высажены были въ Аальборгъ, гдѣ и оставались три дня для отдохновенія. Въ Горзенсъ они пріѣхали сухимъ путемъ 13го октября.

Королева Юліана-Марія желала видѣть принцевъ и принцессъ и писала о томъ къ Екатеринѣ. Но въ послѣдствіи она отъѣхала свое намѣреніе, и свиданіе не состоялось. Между императрицей и королевой продолжалась переписка о Брауншвейгской фамиліи. Между прочимъ Юліана-Марія спрашивала Екатерину: какъ должно поступать съ принцами и принцессами, и какіе титулы можно имъ давать? Императрица отвѣчала что съ тѣхъ поръ какъ они находятся въ распоряженіи Датскаго двора, она считаетъ ихъ свободными особами знатнаго происхожденія, но за поступками ихъ должно имѣть наблюденіе для ихъ собственнаго спокойствія и счастья, по причинѣ ихъ неопытности, воспитанія и другихъ обстоятельствъ прелатствующихъ имъ жить въ большомъ свѣтѣ. Жизнь удаленную отъ всѣхъ тревогъ она считала для нихъ самою приличною. Что же касается до титуловъ, то императрица замѣтила что нѣтъ никакой причины лишать ихъ титула который дарованъ имъ Богомъ и принадлежитъ

* У Бюшинга далѣе разказано что незаконнорожденная дочь Антона-Ульриха, Ангелия, вышла за вышеупомянутаго поручика Каринна, съ которымъ она уже и до этого имѣла связь.

** У Полянова сказано, изъ 500 червонныхъ Елисавета раздала 3000 руб., майрингъ капитану Арсеньеву 1000 руб. Это невозможно, потому что червонцы чеканенные во время Петра III и Екатерины развалились 2 р. 30 к. до 2 р. 45 к., см. *Chandoir, Aperçu sur les monnaies russes*, стр. 142—144.

имъ по рожденію, то-есть титула принцевъ и принцессъ Брауншвейгскаго дома. *

Неизвѣстный авторъ статьи въ сборникѣ Бюшинга счита-етъ весьма вѣроятнымъ и даже не подлежащимъ сомнѣнію что члены Брауншвейгской фамиліи, при отъѣздѣ изъ Холмогорскаго острога, дали подписку въ которой они отказались отъ всякихъ притязаній на Русскій престолъ. Однако это предположеніе не подтверждается никакими положительными данными. **

На обзаведеніе Брауншвейгской фамиліи въ Горзенсѣ, ло-кулку домовъ и пр., употреблено 60.000 талеровъ. Датскій дворъ предположилъ удѣлять на уплату этой суммы изъ по-жалованнаго Брауншвейгской фамиліи пенсіона, и такимъ образомъ заплачено было 20.000 талеровъ. Но императрица, узнавъ объ этомъ, не хотѣла чтобы принцы и принцессы пользовались не вполнѣ ея щедротами, не хотѣла быть также въ тягость Датскому двору и повелѣла заплатить остальные 40.000 талеровъ изъ своей казны.

Бывшіе Холмогорскіе арестанты жили и въ Горзенсѣ тихо и дружно. Принцесса Елисавета, такъ какъ и въ Холмогорахъ, была руководительницею братьевъ и сестры. Однажды принцъ датскій Фердинандъ посѣтилъ Брауншвейгскую фамилію въ Горзенсѣ. Свиданіе ихъ было трогательно. Разка-зываютъ что при этомъ случаѣ отличавшійся всегда робостью принцъ Петръ спрятался, такъ что съ великимъ трудомъ уговорили его явиться къ принцу Датскому на глаза. *** Последній пробылъ въ Горзенсѣ двое сутокъ и на третій день уѣхалъ, не простившись съ родственниками чтобы и себя и ихъ избавить отъ новыхъ слезъ.

О житьѣ-бытьѣ Брауншвейгской фамиліи въ Горзенсѣ мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ. Довольно любопытна замѣтка въ статьѣ Бюшинга что принцъ Алексѣй своею об-

* Полѣновъ I. с. 131 и 132. Любопытно слѣдующее извѣстіе, сообщенное въ рукописи Полѣнова, и сообщенное лишь въ позднѣе время въ *Русской Старинѣ*. Апрель 1874, стр. 663: „Она (Екатери-на) предписала министру своему въ Копенгагенѣ, барону Сакелу, чтобы онъ, въ случаѣ пріѣзда Брауншвейгской фамиліи къ Датскому двору, удалялся подъ благовиднымъ предлогомъ отъ свиданія и переписки съ нею, и не позволялъ того ни чинамъ росій-ской въ Копенгагенѣ миссіи, ни другимъ русскимъ подданнымъ.“

** *Büsching* XXII, стр. 423.

*** *Русская Старина*. 1873, 69.

ходительностью пріобрѣлъ общее уваженіе въ цѣломъ городѣ, такъ что всѣ сожалѣли о его кончинѣ. * Изъ этого обстоятельства видно что принцы и принцессы не ограничивались домашнею жизнью и имѣли нѣкоторую связь съ обществомъ. По всей вѣроятности всѣ она, за исключеніемъ лишенной слуха принцессы Екатерины, выучились датскому языку.

Недолго впрочемъ пользовалась новою жизнью Елисавета. Жестокая болѣзнь, продолжавшаяся двѣ недѣли, прекратила для ея 20го октября 1782 года, на 39 году отъ рожденія.

Черезъ пять лѣтъ послѣ нея умеръ младшій принцъ Алексѣй, 22го октября 1787 года. Не задолго до своей кончины онъ занемогъ, но скоро оправился. Послѣ того вдругъ вообразилъ себѣ что не переживетъ того дня въ который умерла его сестра. Эта мысль, какъ ни старались ее разсвѣять, такъ вкоренилась въ его воображеніе что сдѣлалась для него губельною. За нѣсколько дней до назначеннаго имъ времени онъ стязъ опять жаловаться на нездоровье. Съ нимъ сдѣлался обморокъ; онъ казался заснувшимъ, и болѣе не пробуждался.

Принцъ Петръ умеръ 30го января 1798 года. ** Въ послѣднее время его жизни въ Горзенсѣ уже находился архимандритъ Іосифъ, отправленный Екатериною II въ Давію. Онъ свабдилъ рисунокъ принцессы Екатерины, изображающій Хомагорскій острогъ, надписью; онъ сообщилъ историку Бантышъ-Каменскому кое-какія дѣянія о Брауншвейгскомъ семействѣ вообще. Въ Горзенсѣ онъ находился отъ 1794 до 1802 года. По его разказу, Петръ и Екатерина любили играть въ карты съ архимандритомъ; болѣе не имѣли никакихъ увеселеній. ***

Послѣ братьевъ и сестры осталась въ совершенномъ уединеніи несчастная принцесса Екатерина. О ней разказывалъ архимандритъ Іосифъ что она чрезвычайно дорожила хранившимся у нея серебрянымъ рублемъ съ изображеніемъ Іоанна III: онъ напоминалъ ей о прошедшемъ величїи Брауншвейгской фамиліи. Положеніе Екатерины было чрезвычайно горестное. Она была окружена людьми думавшими болѣе о своихъ выгодахъ чѣмъ о доставленїи ей тѣхъ удобствъ на которыя она имѣла право. До самой кончины ея, опредѣленная

* *Büsching*. XII. 424.

** *Полѣновъ* I. с. стр. 134. Объ одномъ лицѣ званствъ Петра см. *Кастора*, кѣм. пер. II. 49.

*** *Русская Старина* 1873 года, стр. 69.

принцамъ и принцессамъ ленсія производилась вполнѣ, несмотря на постепенное уменьшеніе Брауншвейгской фамиліи. При Екатеринѣ находились священники и церковники, да небольшой штатъ придворныхъ изъ Датчанъ. Нѣкоторые изъ придворныхъ оказывались людьми крайне недобросовѣстными и корыстолюбивыми. Они обкрадывали злополучныхъ отшельниковъ, и ловко умѣли скрывать свои продѣлки отъ Датскаго двора.

Осиротѣвъ со смертью братьевъ и сестры пятидесятишестилѣтнею старушкой, принцесса Екатерина влачила свою жизнь въ Горенсѣ крайне печально, до того что тосковала о своемъ заточеніи въ Холмогорахъ. Она желала возвратиться въ Россію и постричься въ монахию. Недавно въ *Русской Старинѣ* было напечатано ея письмо къ императору Александру I въ которомъ ярко выставляется ея печальное положеніе. Оно писано 16го (28го) августа 1803 года. Мы приводимъ этотъ любопытный документъ буквально. Екатерина пишетъ:

„Благочестивейши, самодержавнейшій Все Милости-
вѣйшій Государь,

„Я много разъ слышала, что вы делаете великіе милости для всехъ людей, и что вы любите всехъ, и что вы сами прошенія всехъ несчастныхъ примааете, и слушаете, и я потому осмелилася къ Вашему Императорскому Величеству написать письмо, и я теперича впервые разъ покорѣйше благодарю вамъ потому, что вы мнѣ, несчастной, всякой годъ изволите посылать денги изъ русской земли для моего содержанія; но я сказываю правду Вашему Величеству, (отъ) оныхъ никакой пользы (пользы) не имела, потому что мои дански (датскіе) придворни все употребляли денга для своей пользы, и что они были прежде совсемъ бѣдны и ничто не имели, а теперича они о того (оттого) зделались богачи, потому они всегда лѣжавы были; и они все дорогіе вещи взяли послѣ смерти моихъ братцовъ и сестрица и все комнаты себѣ взяли и у полковника одного, я думаю, лятнаца комнату, а у мене четыре. И все они делали, что имъ угодно; и мнѣ тогда по луче было какъ братцы мой живы были, а когда они умерли, я осталась только одна несчастная, на старости моей и я поболше несчастнава потому что ничего не слышу, потому что я потеряла совѣсть слышанья на восьмомъ году жизни моей; и потому они лукавые объ мадываютъ меня, что я ничего не слышу, и они всякой день ѣздить гулять, а я всегда одна дома, и когда они дома бывають, они ко мнѣ никогда не ходять, какъ кушать и они разумеють говорить по рускому языку и со мною не говорятъ никогда, а все сами съ собою говорятъ по данскому. И когда

они сами здумаютъ, то они много ко мнѣ привезутъ гостей; они говорятъ всегда сами, а я смотрю то на гостей, то придворна и приготавлиятъ много кушать; они всегда меня худо обижаютъ, и ведаютъ мнѣ лава одной бутылка; они говорятъ это дорого и наливаютъ мнѣ токо одинъ стаканъ и овъ стоитъ у меня когда я пожелаю пить, и про всякую вещь они меня всегда много обижаютъ и потому я всякой день плачу и не знаю за что меня сюда Богъ послалъ и почему я такъ долго живу на светѣ, и я всякой день поминую Холмогоръ, потому что мнѣ тамъ былъ рай, а тутъ адъ. Сколко мнѣ худо тутъ жить между лукавыми данскими, которые хитры и всегда меня такъ много обижаютъ и когда бы я его все своеи воли, и меня обижаютъ, какъ имъ угодно. И когда священникъ мой ко мне приходитъ, они всегда примѣчаютъ крѣпко чтобы я ничто ему объ этомъ неговорила; я теперича еще скажу вашему императорскому величеству, что я ни одно слово не разумѣю по-нѣмецкому и по-данскому и они меня заставляютъ часто писать письма и я всегда по-русский, а они переводятъ по-нѣмекский совсемъ противно моимъ мысли и они лишутъ по-нѣмецкому все то что толко надобно для нихъ ползъ и после они меня заставляютъ писать и я все это перепишу сама и не разумю по-нѣмецкому и по-данскому ни одно слова, и они меня научили писать по-нѣмецкихъ, потому чтобъ я даа ихъ ползъ все писала и послѣ они по силаютъ это письмо въ Коленгагенъ кпринду; после они просили меня написать имъ лансіонъ по рускому языку для нихъ, и я обетомъ ничег не знала и потому не хотѣла обетомъ писать, и они меня заставляли и я сердилась, бранила ихъ и плакала; послѣ они сказали что это приказалъ принцъ Фридрикъ; послѣ она сами изсвоей голови выдумали и написали по рускому языку, и меня заставили переписать; и я не хотела обетомъ писать, потому что это не справедливо имъ получать руски денга, и что они сами выдумали отсвоей хитрости и лукавства; и что они меня принудили на писать противъ моеи воли и желанія, и когда я имъ писала лансіонъ, то они меня одну заперли въ комнату ссекретаремъ и не лускали священника моего, чтобъ овъ его не видѣлъ, не лускали и запретили мнѣ крѣпко чтобъ я ему не говорила, и я написала послѣ все что они заставляли, потому что я боялася, чтобъ принцъ на меня не сердился, чтобъ меня поболше не обижали. И я думала, что вашего императорское величество это не подпишете; я думала, что вы узнаете обетой ихъ хитрости, и что вы уразумѣете что это несправедливо, потому что священникъ обетомъ не подписался; и когда бы я знала что они выиграютъ по своему лукавству и что вы не узнаете ихъ хитрости, то я ихъ и когда (никогда) непослушала, то они говорили что это принцъ приказалъ, и что я бы лучше захотѣла умереть, нежели написать лансіонъ, потому что это великой грѣхъ давать рускіе денги имъ за ихъ хитрость и лукавства и за

ихъ обиды, и потому побоше плачу, не могу спать и желаю, что я не умерла прежде етого.

„И я теперь покорнѣше прошу васъ, Всемилостивѣши Императоръ, простить меня за ето, ради Бога, потому что я написала ето (то-есть прошеніе о выдачѣ придворнымъ левсіи отъ Русскаго двора) противъ моего желаніе и неизвоате послала (посылать) денги лукавымъ данскимъ, и когда милосердный Богъ дастъ мнѣ смерть, то извольте сребрену посуду и всѣ вещи и все мой кардиолни дѣяги и прочія взять въ Петербургъ, потому что привезли всѣ изрусской земли. И я теперь приладе предстола ваши, прошу васъ со слѣзами: здѣлать всѣмилостивѣшу милость вещасной мнѣ, и когда угодно естъ вашей воли, то извоате мене вещасну въ монастырь, и тогда не надобно будетъ сюда послать всякою гдѣ многи денги для моего содержаніе; мнѣ естъ уже шездесять три года, и я желаю по стрыщанъ вмонахинь и тамъ я буду слокойна, и буду молитса за здоровье вашу, и буду спости мою душу; я желаю очень окончить жизнь свою въ монастыре, и за ето милость вашу благословить васъ самъ Богъ, а я буду чувствовать и благодарить васъ здешнѣи и будущей жизни. Всемилостивеши Императоръ, вашего императорскаго величествомъ. локорнѣшая слуга Екатерина, принцесса Брауншвесска.

„Августа 16го (28го) дня 1803 году, Горсенъ что въ Юландіи“.

Къ письму приложена печать принцессы съ изображеніемъ буквы: С.

На собственноручномъ письмѣ принцессы свидѣтельство причта:

„Получилъ я сіе письмо въ церквѣ изъ собственныхъ рукъ принцессы и, во уваженіе ея свѣтлости прошенія, имѣю первѣйшую въ жизни моей честь всеподданнѣше представить оное вашему императорскому величеству. Синодальный соборный іеромонахъ *Оеобанъ*.“

„При полученіи сего письма былъ свидѣтелемъ и подписуюсь. Церковникъ *Петръ Стефановъ*.“

„При полученіи сего письма былъ свидѣтелемъ и подписуюсь. Церковникъ *Петръ Ивановъ Поликратовъ*.“

Мы не знаемъ получилъ ли императоръ Александръ I письмо принцессы Екатерины или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ ея просьба дозволить ей возвратиться въ Россію и окончить жизнь въ монастырѣ осталась безъ исполненія. Какъ видно изъ этого документа, принцессу принудили написать уже до этого письмо къ императору Александру съ просьбой пожаловать левсію ея прислугѣ. Позднѣйшее, приведенное нами цѣликомъ, письмо отъ 16го (28го) августа 1803 года, очевидно писано тайкомъ и отправлено или предполагалось къ отправленію чрезъ священника *Оеофана*. Быть-можетъ датская прислуга, охотно прелятствовавшая сношеніямъ между при-

цессою и Теофаномъ, и на этотъ разъ нашла средства открыть предпріятіе Екатерины и помѣшать отправленію письма въ Россію. По крайней мѣрѣ изъ монографіи г. Полънова, составленной очевидно по архивнымъ матеріаламъ, можно заключить: 1) что ему было неизвѣстно письмо Екатерины отъ 16го (28го) августа, а 2) что не позднѣйшая, собственною волею написанная, просьба Екатерины была исполнена Русскимъ дворомъ, а прежняя, написанная принцессою по приужденію прислуги. У г. Полънова сказано: „Предъ кончиною (она) забыла нанесенныя ей огорченія, и писала къ императору Александру о пожалованіи пенсіи находившимся при ней людямъ. Просьба ея была уважена. Чиновникамъ и служителямъ, бывшимъ при Горзенскомъ дворѣ долгое время, повѣрно производить въ пенсію изъ російской казны полныя получаемыя ими оклады, а послѣ ихъ смерти женамъ ихъ; тѣмъ же которые находились при Екатеринѣ короткое время, выданы единовременно годовые оклады жалованья.“ *

Принцесса Екатерина скончалась 9го апрѣля 1807 года и погребена въ Горзенѣ вмѣстѣ съ братьями и сестрою. Въ лютеранской церкви стоятъ на виду четыре гробницы, заключающія ихъ брвенныя останки. Наслѣдный принцъ Датскій, въ 1819 году вступившій на Датскій престолъ подъ именемъ Фридриха VI, какъ разказывалъ архимандритъ Іосифъ, каждый годъ навѣщалъ ихъ вмѣстѣ со своею супругою и изъявлялъ сожалѣніе, смотря на нихъ. ** Надъ гробницами надпись: Hoc Mausoleum sacrum est duobus Principibus Sororibusque totidem Domus serenissimae Brunsvico-Luneburgensis. Bonitate Catharinae II et cura Christiani VII et Julianae Mariae vitam traduxerunt in hac urbe quietam. ***

Такимъ образомъ пресѣклось потомство царя Іоанна Алексѣевича, замѣчательное, какъ справедливо говорить г. Полъновъ, въ русской исторіи превратностью своей судьбы.

Въ слѣдующей статьѣ перейдемъ къ исторіи главнаго члена Брауншвейгской фамиліи, бывшаго императора Іоанна Антоновича и разбору обстоятельствъ шлюссельбургской катастрофы.

(До слѣдующаго №.)

Г. БРИКНЕРЪ.

* Полъновъ I. с. 135.

** Русская Старина, 1873, стр. 69.

*** Жизнь правительницы Анны, стр. 41.

ТУРЕЦКОЕ ДУХОВЕНСТВО

И

ДЕРВИШИ*

V.

Въ дополненіе къ изложеннымъ нами свѣдѣніямъ о мусульманскомъ духовенствѣ считаемъ необходимымъ поговорить о *медрессахъ*, теологическихъ школахъ, изъ которыхъ выходятъ улемы и имамы.

Въ цвѣтуція времена исламизма, основатели главныхъ мечетей старались одновременно устраивать въ родѣ монастырей, гдѣ извѣстные учителя преподавали литературу теологію и науки вообще. Эти заведенія извѣстны подъ названіемъ *медресе* и въ тѣ времена заслуживали наименованія университетовъ. Нынѣ они могутъ лишь претендовать на болѣе скромный титулъ мусульманскихъ духовныхъ академій. Въ Константинополь насчитываютъ отъ шести до семи такихъ *медресе*, гдѣ провинціальная молодежь желающая избѣжать конскрипціи находитъ себѣ убѣжище подъ предлогомъ ученья.

* Окончаніе. См. № 9 *Русскаго Вѣстника*.

Правда что власти требуют предварительных экзаменов от тѣхъ кто желаетъ вступить въ медресе, но экзамены составляютъ ограду самую слабую и самую не высокую, и перескочить черезъ нее очень легко.

Медресе доставляетъ учащимся комнату съ четырьмя стѣнами, хлѣбъ утромъ и вечеромъ, и дрова для топлива зимой— вотъ и все. Остальное каждый добываетъ себѣ какъ знаетъ. Профессоры (ходжа) получаютъ жалованье и опредѣленные раціоны. Всѣ эти расходы покрываются благодаря имуществамъ завѣщаннымъ на содержаніе мечетей и медресе или основателями ихъ, или другими благочестивыми людьми. И до сихъ поръ случается что такіе люди присылаютъ припасы и даже деньги для раздачи ихъ учащимся. Все это не мѣшаетъ однако крайней нищетѣ господствовать между студентами, которые вообще известны подъ названіемъ *софта* (людей посвятившихъ себя ученію). Во время вакацій продолжающихся три мѣсяца эти молодые софты отправляются искать счастья въ провинціи, гдѣ они какъ туристы странствуютъ изъ одного селенія въ другое. Вездѣ гдѣ они останавливаются, они собираютъ народъ и читаютъ ему Коранъ. Затѣмъ начинается сборъ и всегда доставляетъ что-нибудь: мѣрку пшевицы, рису, а иногда и небольшую сумму денегъ. Этотъ типъ странствующихъ и бродячихъ студентовъ обратился въ пословицу: такимъ образомъ, говоря о комъ-нибудь ведущемъ цыганскую жизнь, употребляютъ такое выраженіе: „Онъ трехмѣсячный софта“.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ представить нашимъ читателямъ программу курсовъ которые проходятъ ученики медресе. Намъ увѣрили что саовесность и науки проходятся тамъ въ такихъ обширныхъ размѣрахъ что для полного ихъ изученія недостаточно семидесяти лѣтъ. Дѣйствительно, есть улемы проводящіе всю жизнь въ ученіи.

Главными предметами изученія служатъ языки арабскій и персидскій; для изученія перваго требуется отъ пяти до шести лѣтъ. Затѣмъ слѣдуютъ курсы мусульманской философіи, теологіи, юриспруденціи, математики и пр. Въ прежнее время были также курсы астрономіи, астрологіи и ботаники, наукъ которыя преподавались по сочиненіямъ древнихъ греческихъ и арабскихъ писателей.

Воспитанники предназначаемые въ имамы не долго остаются

въ медресе: имъ достаточно трехъ лѣтъ для изученія всего для нихъ нужнаго. Тѣ которые изучаютъ юриспруденцію чтобы сдѣлаться улемами должны пробыть въ нихъ отъ пяти до шести лѣтъ. Говоря отъ пяти до шести лѣтъ, мы беремъ средній терминъ, ибо въ дѣйствительности вѣтъ опредѣленнаго срока; все зависитъ отъ экзаменовъ. Бываютъ студенты которые выдерживаютъ экзаменъ чрезъ четыре года, получаютъ ученую степень по богословію и юриспруденціи, и значить тотчасъ же могутъ вступить въ судебное сословіе. Но продолжается ли курсъ богословской науки четыре года или шесть лѣтъ, все-таки этотъ періодъ времени долженъ показаться очень долгомъ этимъ бѣднымъ студентамъ которые для своего существованія не имѣютъ никакихъ средствъ кромѣ сухаго хлѣба и милостыни. Тѣ которые переносятъ не колеблясь это испытаніе должны имѣть сдѣланную вѣру въ свое призваніе или же быть увѣрены въ лучшей будущности.

Многіе изъ нихъ уклоняются, однако, съ прямого пути, то есть смѣняютъ свой тюрбанъ на какой-нибудь другой головной уборъ, вступая въ военное училище или избирая какое-нибудь другое полприще. Чтобы составить себѣ карьеру въ качествѣ улема на судебномъ полприщѣ, необходима протекція, а безъ нея никогда ничего не добьешься. Ибо во главѣ улемовъ стоятъ знатныя и сильныя семейства, передающія власть изъ поколѣнія въ поколѣніе. Таковы фамиліи Арабъ-Заде, Дюри-Заде и пр., представители коихъ составляютъ настоящую клерикальную аристократію. Давленіе производимое этими семействами и есть причина почему бѣдному студенту такъ трудно составить себѣ общественное положеніе.

Вслѣдствіе этого неудивительно что бѣдняки бѣгутъ изъ медресе чтобы поискать себѣ счастья въ другихъ мѣстахъ и какими бы то средствами ни было.

Разказываютъ очень забавную исторію по поводу одного бѣднаго софты, который, чтобы не умереть отъ грозившаго ему голода, придумалъ средство положить конецъ своимъ страданіямъ и составить себѣ карьеру. Продыка сыгранная этимъ софтой до такой степени эксцентрична что ее можно принять за сказку изъ *Тысячи и Одной Ночи*. Не ручаясь вполнѣ за ея достовѣрность, мы передадимъ ее нашимъ читателямъ по той причинѣ что немногіе разказы такого рода даютъ столь вѣрное понятіе объ инстинктахъ которые на Востокѣ одушевляютъ массы.

Жилъ вѣкогда бѣдный софта, который, залершись въ своей кельѣ, боролся съ голодомъ и нищетой, поддерживаемый тѣмъ вѣтомъ который бросаетъ въ душу бѣдняка надежда на лучшую будущность. Между тѣмъ проходили мѣсяцы и годы и ни малѣйшее облегченіе не являлось на поддержку несчастнаго посреди его лишеній и страданій. Онъ дошелъ наконецъ до той стелени когда душа и тѣло падаютъ подъ невыносимую тяжесть рока, какъ будто осудившаго ихъ на гибель. У него осталось однако силы попытатъ послѣднее, тчаянное средство; эта сила была чисто нравственная и на внушила ему рѣшеніе разъ навсегда покончить съ нищетой и поискать счастья.

„Вотъ уже три года, оказалъ себѣ несчастный, что я тружусь безъ отдыха, работаю, роюсь въ книгахъ, и къ чему се это? Моя нищета такъ велика что у меня нѣтъ и лара (десять копѣекъ), чтобы сходить въ баню и исповатъ долгъ храбро мусульманина. Къ чему мнѣ служить мое ученье, моя наука, когда мнѣ приходится умирать съ голоду? А между тѣмъ я знаю столько же сколько шейхъ-уль-исламъ и тѣ эти богатые и толстые муллы, наслаждающіеся всѣми прелестями жизни. Безъ покровителей, безъ друзей, безъ средствъ—вотъ до чего дошелъ я! Нѣтъ, такъ я не могу жить далѣе. Брошу всѣ книги, оставлю эту карьеру, потому что не въ силахъ болѣе прозябать въ этой проклятой медресе. Еслибы прежде этого мнѣ обратиться къ падишаху, изложить ему мое положеніе, мои страданія, мою нищету... Онъ какъ могущественъ, богатъ и великодушенъ; онъ вѣрно поможетъ мнѣ. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то отъ кого же и ждать то-нибудь? Да, это славная мысль, и если *кисметъ* (жребій) падетъ, то она удался мнѣ. Аллахъ великъ! Напишу сейчасъ прошеніе: послѣзавтра пятница; когда падишахъ выйдетъ изъ мечети, я ему подамъ мое прошеніе.“

Сказавъ это, бѣдный софта тотчасъ приваялся за дѣло, что-бы сочинить и тщательно переписать прошеніе, на которое онъ употребилъ все свое искусство писателя и ученаго. Но напрасно несчастный трудился чтобы писать и подавать прошеніе. Падишахъ остался глухъ къ его настояніямъ и мольбамъ и вмѣсто всякаго отвѣта приказалъ поставить на поляхъ грядущій спасительный, но безплодный совѣтъ:

„Миръ сей похожъ на толстый и красивый хвостъ который

носить овцы Карамана. Счастливъ тотъ кто сможетъ проглотить такой хвостъ.“

При видѣ этой странной резолюціи несчастный софта почувствовалъ что холодъ охватываетъ его сердце. Вида что самъ падишахъ его оставляетъ, онъ убѣдился что его *кисметъ* навсегда отвернулся отъ него. Разочарованный, удрученный скорбью, онъ возвратился въ медресе, и тамъ въ своей кельѣ принялся разсуждать о случившемся и о нравоученіи которое можно извлечь изъ султанаго надписанія.

„Миръ есть хвостъ, счастливы тѣ кто смогутъ проглотить его.“ „Проглотить его надо, сказалъ самъ себѣ софта — это несомнѣнно, но какимъ образомъ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Давно уже я нахожусь на этомъ пресловутомъ хвостѣ, но до сихъ поръ не зналъ откуда его ухватить и какъ проглотить. Не попытаться ли? Буду ли я счастливъ на этотъ разъ? Падишахъ сказалъ, и сдѣлать это надо.“

Таковъ былъ монологъ который бѣдный софта повторялъ себѣ безпрестанно въ продолженіи нѣсколькихъ дней послѣдовавшихъ за его неудачною попыткой. Въ теченіе этого времени умъ его отыскивалъ, однако, какого-нибудь средства съ помощью котораго онъ могъ бы проглотить хвостъ, согласно съ урокомъ который далъ ему султанъ въ своемъ рескриптѣ. Конечно множество проектовъ должны были представиться его уму, но несчастный отвергъ ихъ всѣ подъ разными предлогами. По его мнѣнію, ему слѣдовало нанести рѣшительный ударъ, который бы неожиданно поразилъ миръ и произвелъ бы живѣйшее впечатлѣніе. Безъ этого ему невозможно было бы перескочить отъ нищеты къ богатству и власти. „Для великихъ дѣлъ нужны великія средства“. Нашъ софта понялъ силу этой истины и рѣшился дѣйствовать соображаясь съ нею. И вотъ въ одинъ прекрасный день распространился слухъ что такой-то софта бѣжалъ изъ медресе и что его считаютъ умершимъ или погибшимъ. Но бѣдный софта не умеръ и не погибъ; онъ просто-на-просто отправился въ жидовскій кварталъ и тамъ смѣшался съ сынами Израиля, принявшись тщательно подражать ихъ нарѣчію и одеждѣ. Преобразившись въ Жида, софта скрывался нѣсколько мѣсяцевъ, то-есть до тѣхъ поръ пока его сограждане сочли его умершимъ и забыли о немъ. Когда наступила благоприятная минута, софта оставилъ свое удивленіе и прямо

отправился во дворец шейхъ-уль-ислама. Тамъ онъ просилъ чтобъ его представили этому самовласту, до котораго у него была просьба. Милость эта была ему оказана, и мнимый Жидъ улазъ къ ногамъ шейхъ-уль-ислама, восклицая:

— Я пришелъ къ вамъ, повелитель, чтобы принять истинную вѣру.

— Но кто же ты? спросилъ шейхъ-уль-исламъ, взволнованный и изумленный такимъ заявленіемъ.

— Я *Яуде* (Еврей), отвѣчалъ софта, имя мое Авраамъ.

— А! хорошо, сынъ мой, сказалъ тогда шейхъ-уль-исламъ, — ювтори за мною исповѣданіе вѣры: *Ла-иллаге иль аллаге* и пр.

Ложный Авраамъ повторилъ слово въ слово эту формулу, и стараясь показать что языкъ его съ трудомъ подчиняется произносимой рѣчи. Хитрость эта удалась какъ нельзя лучше и полазъ обманула шейхъ-уль-ислама и его окружающихъ. По совершеніи заявленія вѣры, Авраамъ превращенъ былъ въ Иб-агима, ибо, какъ извѣстно, Евреи не нуждаются ни въ какой руготой церемоніи чтобы сдѣлаться мусульманами. Отпуская вновь обращеннаго, шейхъ-уль-исламъ пожелалъ дать ему залогъ своего высокаго удовольствія и вслѣдствіе этого приказалъ чтобы новый правовѣрный Ибрагимъ-эффенди остался го гостемъ и снабженъ былъ всѣмъ для него необходимымъ. Это было исполнено буквально, ибо не только въ распоряженіе бѣднаго софты предоставляена была большая и удобная комната, но послѣдили также одѣть его съ головы до ногъ о все новое и осылали его всевозможнымъ вниманіемъ. Новому Ибрагимъ-эффенди стоило ударить въ ладоши, и цѣлая толпа слугъ являлась къ нему за приказаніями.

Такимъ образомъ софта нашелъ средство ухватить хвостъ проглотить его. Какая разница между его кельей въ медресе и комнатою которую онъ занимаетъ телеры! Но фарсъ ылъ сыгравъ только въ половину, и нашъ софта, ободренный первымъ успѣхомъ, естественно задумалъ идти далѣе. Ему ужна еще была хорошая добыча и обезпеченное положеніе. Какъ какъ сплѣшить ему было не за чѣмъ, то онъ подождалъ едѣли три, въ теченіе которыхъ терпѣливо подчинялся религиозному обученію, которое ревностно и безкорыстно преподавалъ ему одинъ изъ улемовъ.

Разъ вечеромъ, въ то время когда во дворцѣ шейхъ-уль-ислама собрались бесѣдовать, курить и пить кофе, вдругъ всѣ

изумлены были мелодическимъ голосомъ распѣвавшимъ стихи изъ Корана съ необыкновеннымъ искусствомъ и превосходною методой. Эффектъ произведенный этимъ соло, звуки котораго напоминали лѣвіе соловья, былъ до такой степени силенъ что слѣжители и чиновники шейхъ-уль-ислама привалились бѣгать изъ комнаты въ комнату чтобы разузнать кто этотъ чудный лѣвѣць, голосъ котораго слышался въ первый разъ. Слѣдуя за звуками голоса, дошли наконецъ до комнаты новообращеннаго, что заставило производившихъ розыски предположить что лѣвѣць былъ какой-либо иностранецъ, пришедшій посѣтить Ибрагима. Но каково же было общее удивленіе, когда отворивъ двери увидѣли что *Яуде* сидитъ одинъ одинехонекъ на диванѣ, и поетъ устремивъ глаза въ потолокъ, какъ бы находясь въ восторженномъ состояніи!

Всѣ смотрѣвшіе съ трудомъ вѣрили глазамъ своимъ и въ первую минуту всемъ показалось что на него дѣйствуетъ какое-нибудь колдовство. Чувство это въ скоромъ времени уступило однако благоговѣнію, какое внушалъ голосъ лѣвѣца. Наконецъ изумленные слушатели опомнились и, какъ будто повинаясь данному приказанію, приблизились къ этому чудесному существу, которое, какъ имъ казалось, окружилъ небесный ореолъ.

Тотъ кто еще наканунѣ былъ простымъ *Яуде* изъ жидовскаго квартала, лѣлъ Коранъ и еще такимъ образомъ! Тутъ было чудо, явный знакъ могущества мусульманской вѣры. Вѣсть объ этомъ съ быстротой молніи разнеслась по дворцу и о ней извѣщенъ былъ тотчасъ же шейхъ-уль-исламъ. Онъ постѣнился удостовѣриться въ этомъ собственными глазами и велѣлъ позвать къ себѣ новообращеннаго. Само собой разумѣется что пріемъ былъ сдѣланъ ему самый радушный, ибо шейхъ-уль-исламъ въ простодушіи своемъ цѣнилъ очень высоко расположеніе къ себѣ и молитвы человѣка творившаго чудеса.

Вѣсть объ этомъ событіи распространилась въ нѣсколько дней по всей столицѣ, и со всѣхъ сторонъ стали стекаться во дворецъ шейхъ-уль-ислама чтобы увидѣть чудеснаго *Яуде* вдохновенно распѣвавшаго Коранъ. Такимъ образомъ домъ шейхъ-уль-ислама превратился въ мѣсто пилигримства, куда богомольцы стекались массами чтобы увидѣть новаго святаго и принести ему свою лепту. Въ нѣсколько недѣль бывшій софта собралъ обильную жатву. Но чудо должно было повести къ происшествію еще болѣе важному.

Султанъ, услышавъ отъ шейхъ-уль-ислама и прочихъ министровъ объ этомъ чудномъ дѣлѣ, выразилъ желаніе лично посѣтить новаго святаго, чтобъ испросить его молитвы: распространить благо ихъ на свою имперію. Когда сдѣлавы были всѣ распоряженія для приѣма его величества, то султанъ со свитой прибылъ во дворецъ шейхъ-уль-ислама, который успѣшилъ ввести своего царственнаго посѣтителя въ комнату святаго. Въ продолженіи этого послѣдняго акта своей комедіи софты разыграли свою роль мастерски. Онъ принималъ падишаха съ невозмутимымъ видомъ мистическаго экстаза: онъ допустилъ его къ себѣ, позволилъ поцѣловать у себя руки, какъ будто предъ нимъ былъ простой смертный, и отвѣчалъ скромно на вопросы предложенные ему султаномъ.

Но вотъ, вдругъ онъ вынулъ изъ-за пазухи бумагу и почтительно спросилъ его величество прочесть ее. Бумага эта была не что иное какъ прошеніе которое онъ вѣкогда подавалъ султану. И дѣйствительно падишахъ, изумленный и озадаченный, прочелъ на немъ свое пресловутое изрѣченіе написанное крупными буквами:

„Миръ сей похожъ на толстый и красивый хвостъ который носятъ за собою овцы Карамана; счастливъ тотъ кто можетъ проглотить такой хвостъ.“

Придя въ себя отъ изумленія, султанъ протянулъ руку софты, поздравилъ его что онъ такъ ловко умѣлъ воспользоваться его урокомъ, назначилъ его тотчасъ же начальникомъ одной медресе и съ тѣмъ вмѣстѣ осыпалъ его всевозможными знаками своего благоволенія. По смерти шейхъ-уль-ислама, султанъ назначилъ его преемникомъ этого самаго софту, что было вполнѣ справедливо, такъ какъ такой ловкій обманщикъ долженъ былъ по праву стоять во главѣ всѣхъ остальныхъ.

VI.

Дервиши занимаютъ въ средѣ религиозныхъ мусульманскихъ учрежденій то же положеніе которое принадлежить въ христіанствѣ монахамъ. Какъ тѣ такъ и другіе составляютъ избранныя дисциплинированныя корпораціи, достигающія степеней совершенства о которой не могутъ и помыслить остальные вѣрующіе.

Дервиши раздѣляются на многія братства или ордена, называемыя *тарикаты*, что значитъ пути, тропинки, ведущіе къ совершенству. Каждый изъ тарикатовъ имѣетъ основаніемъ для своихъ учрежденій и обрядовъ какой-либо мистической принципъ. Орденъ дервишей Кадри (тарики-Кадріе) имѣетъ принципомъ что имя Божіе (Исми-Джелаль) должно быть прославляемо повтореніемъ его всѣми силами легкитъ и со всѣмъ увлеченіемъ къ какому способна душа человѣческая. Итакъ въ силу этого принципа дервиши въ своихъ ночныхъ собраніяхъ 999 разъ со страшнымъ завываніемъ выкрикиваютъ имя Аллаха.

Напротивъ того орденъ Галюэти поддерживаетъ противоположный тезисъ, ибо его религіозный принципъ требуетъ чтобы молитва совершалась посреди глубочайшаго безмолвія и въ самомъ мистическомъ благоговѣніи. „Не языкомъ и не криками, говорятъ они, должно прославляться имя Аллаха, во размышленіемъ о его величїи и милосердіи, и обожаніемъ его всѣми силами сердца.“ По ихъ ученію, при имени Аллаха должно трепетать сердце, а не языкъ. Мнѣ помнится какъ однажды одинъ изъ Галюэти вздумалъ объяснить мнѣ свой тезисъ о любви которую слѣдуетъ питать къ Богу. Онъ сказалъ мнѣ что когда любовь эта постигнѣтъ могущественна, то она охватываетъ все наше существо до такой степени что сердце ясно произноситъ имя Божіе при каждомъ своемъ біенїи. Чтобы лучше убѣдить меня въ истинѣ этой теорїи, дервишъ настаивалъ чтобы я приложилъ ухо къ его груди, откуда можно было услышать, говорилъ онъ, слово *Аллахъ*, произносимое его сердцемъ въ два темпа, то-есть двумя ударами. Я дѣйствительно приблизилъ мое ухо къ его груди, но при всей моей доброй волѣ, не могъ услышать ничего, кромѣ простаго біенїя сердца, нѣсколько усиленнаго; слова *Аллахъ* мнѣ не удалось слышать и я вынесъ убѣжденіе что дервишъ мой обманщикъ изъ числа тѣхъ которые живутъ на счетъ легковѣрія публики.

Сказанное мною о дервишахъ ордена Галюэти можетъ служить общимъ правиломъ для всѣхъ орденовъ дервишей, скакуновъ, крикуновъ и акробатовъ. Ихъ различныя принципы сводятся къ одной системѣ обмановъ, цѣль коихъ дѣйствовать на легковѣріе массъ, дабы этими средствами господствовать надъ ними.

Подобно тому какъ древніе алахореты основывали въ уединеніи христіанскіе монастыри, куда собирались ихъ ученики, у мусульманъ *шеки* основывали *текіэ*, куда привлекались вѣровавшіе въ ихъ духовное превосходство. Такъ напримѣръ хаджа Бекташи-вели, удалившись въ пещеру на Олимпѣ, положилъ основаніе ордену Бекташи. Шекъ Абауль-Кадиръ Гімази, который признавъ былъ въ сирійскихъ пустыняхъ святымъ и чудотворцемъ, учредилъ орденъ Гакшибеади. Такъ какъ только семь орденовъ дервишей признаны государствомъ, то есть семь великихъ шекоевъ, память которыхъ чтать мусульмане, считающіе ихъ святыми (*заміасъ*).

Но независимо отъ этихъ признанныхъ святыхъ, во всякое время бывали да бываютъ и нынѣ массы мелкихъ шекоевъ, репутація которыхъ также эфемерна и кратковременна какъ ихъ проповѣдь. Эти мелкіе шеки начинаютъ всегда съ какого-нибудь новаго принципа, который сразу привлекаетъ извѣстное число адептовъ и обезличиваетъ имъ временную извѣстность и вліяніе.

Эти первые успѣхи даютъ шекамъ возможность обратитъ дома ихъ въ *текіэ* или монастыри. Это превращеніе совершается съ небольшими издержками и почти безъ затрудненій. Они начинаютъ напримѣръ съ того что воздвигаютъ мавзолей въ нижнемъ этажѣ, гдѣ кладутъ смертные останки какого-нибудь мнимаго святаго. Чтобы привлечь вниманіе прохожихъ, они ставятъ рѣшетку съ улицы и украшаютъ комнату надписями, лампами и различными декораціями. Такимъ образомъ мавзолей принимаетъ видъ настоящихъ католическихъ *chapelles ardentes*. Одновременно съ этимъ другая комната обращается въ залу засѣданій куда собираются всѣ адепты для совѣщаній. Послѣ этого остается только устроить входъ приличнымъ образомъ и расписать фасадъ зеленою краскою, цвѣтъ особенно любимый дервишами. Какъ только все это приготовлено, начинаютъ стекаться послѣдители, и основатели новаго ордена употребляютъ всѣ усилія чтобы подвинуть свое дѣло и набрать какъ можно болѣе прозелитовъ.

Давъ общее понятіе объ основаніи орденовъ дервишей, укажемъ въ чемъ состоитъ организація этихъ корпорацій.

Во главѣ cadaго ордена дервишей стоитъ *шекъ*, власть и священный характеръ котораго наследственны, то-есть они переходятъ отъ отца къ сыну. Въ случаѣ прекращенія рода

перваго шека, орденъ избираетъ новаго шека и вслѣдствіе этого основываетъ новую династію. Титулъ шека не принадлежитъ однако исключительно главѣ ордена, такъ какъ всѣ находящіеся во главѣ какого-либо *текіе*, принадлежащаго къ одному и тому же ордену, носятъ также титулъ шека. Глава ордена Мевлеви (кружащихся дервишей) одинъ составляетъ исключеніе изъ общаго правила. Онъ носитъ титулъ *мулла-гункіаръ*, что въ буквальномъ переводѣ значитъ *верхотный мулла*. И дѣйствительно, этотъ шекъ наиболее уважаемый изъ всѣхъ, и орденъ его имѣетъ первенство предъ всѣми другими орденами.

Въ силу древняго обычая, церемоніаль Оттоманскаго двора требуетъ чтобы мулла-гункіаръ опоясывалъ новыхъ султановъ саблею Османа, церемонія замѣняющая на Востокѣ коронацію западныхъ государей.

Шеки облечены великою властью, потому что ихъ адепты обязаны имъ слѣпымъ повиновеніемъ. Этой-то власти шеки и обязаны своимъ социальнымъ вліяніемъ, о которомъ никогда не могло и мечтать бѣлое духовенство, вслѣдствіе недостатка власти и организаціи.

Власть шековъ находится въ прямомъ отношеніи къ крепости и силѣ узъ существующихъ между шекомъ и его адептами. Такимъ образомъ для адептовъ перваго класса, то-есть для тѣхъ которые составляютъ, такъ-сказать, цвѣтъ ордена, узы эти тѣсны и неразрывны. Адепты перваго разряда носятъ наименованіе *деде* или *отцовъ*, что въ точности соответствуетъ *патерамъ* католическихъ орденовъ. Дервиши *деде* образуютъ совѣщательный и административный совѣтъ ордена. Между *деде* и шекомъ хранятся преданія и тайны ордена; они-то тайно двигаютъ его нитями и заставляютъ дѣйствовать его членовъ. Деде подъ руководствомъ шека исполняютъ главныя должности ордена, изъ коихъ каждая носитъ свое спеціальное названіе. Такъ напримѣръ экономъ ордена носитъ титулъ *акдуси-деде*, что въ буквальномъ смыслѣ *деде-поваръ*. Само собою разумѣется что этому деде нѣтъ никакого дѣла до кухни, такъ какъ должность его чисто административная; но тѣмъ не менѣе онъ носитъ названіе повара вслѣдствіе обычая Оттомановъ заимствовать названія должностей отъ поварни.

Знакомые съ оттоманскою исторіей должны помнитъ что

янычары имѣли такую же организацію въ которой главные офицеры и сановники фигурировали подъ названіемъ *дѣлителей похлебки, жѣшателей похлебки*, поваровъ и пр. Эта аналогія съ учрежденіями дервишей была отнюдь не случайная, ибо она истекаетъ изъ того факта что олодженіе янычаровъ было само по себѣ военно-духовнымъ орденомъ, адепты котораго, на подобіе мальтійскихъ рыцарей, были вмѣстѣ солдатами и дервишами.

Мюриды суть второстепенные члены и послушники ордена. Каждый изъ шековъ и деде имѣетъ подъ своимъ начальствомъ и духовнымъ руководствомъ извѣстное число этихъ адептовъ. Самые ревностные мюриды, то-есть болѣе другихъ общающіе, находятся подъ специальнымъ руководствомъ шека.

Дервиши одного и того же ордена имѣютъ условные франмазовскіе знаки которые они и употребляютъ въ сношеніяхъ между собою; таковы напримѣръ особая тѣлодвиженія и специальныя фразы, служація средствами привѣтствовать обратій. Вмѣсто того чтобы сказать „добрый день, добрый вечеръ“ и пр., дервиши имѣютъ обыкновеніе произносить звучнымъ голосомъ: *Яа-гу! Десъ-дуръ эремлеръ* и т. п.—фразы условныя, не имѣющія никакого прямого значенія.

Дервиши имѣютъ также особые шалки и кафтаны; тѣ которые явно облечены духовнымъ характеромъ носятъ всегда эту специальную одежду, между тѣмъ какъ второстепенные члены надѣваютъ ее только дома или за городомъ. Для этихъ послѣднихъ костюмъ дервишей замѣняетъ собою шафрокъ и вочной колпакъ. Многие изъ лашей и эффенди, возвращаясь домой, снимаютъ свои официальные одежды и прогуливаются по своимъ садамъ въ костюмѣ дервишей.

У дервишей есть также обычай развѣшивать по стѣнамъ картины изображающія наиболѣе замѣчательные эпизоды изъ жизни ихъ патроновъ. Самыя знаменитыя изъ этихъ картинъ представляютъ чудеса Абдуль - Кадиръ-Гіелани, который дружески бесѣдовалъ со львами и змѣями пустыни. Тѣ кому не нравятся подобныя изображенія замѣняютъ ихъ красивыми дощечками на которыхъ крупными буквами изображаются сентенціи произнесенныя святымъ шекомъ основателемъ ордена.

Членовъ орденовъ дервишей можно найти во всѣхъ классахъ, отъ самыхъ бѣдныхъ и до высшихъ. Самыя высокополо-

оставленные лица, какъ напримѣръ Али-паша, вписываютъ имена свои въ число *юристовъ* какого-либо шека. Дѣлается это съ цѣлю имѣть поддержку шека. Когда какой-либо вѣятельный шекъ скажетъ что Али-паша, Фуадъ-паша и пр. добрые мусульмане, то эти господа успокоиваются на счетъ мнѣнія своихъ единовѣрцевъ. Но чтобы шекъ сказалъ это, министры должны преклонить предъ нимъ колѣна и подѣловать его руку. Сверхъ того, когда шекъ обращается къ нимъ съ посланіемъ или выражаетъ какое-либо желаніе, то министры должны слушать его со вниманіемъ, ибо отказъ могъ бы навлечь на нихъ множество неудовольствій, какъ напримѣръ обвиненіе въ сочувствіи къ гаурамъ.

Ошибочно было бы предполагать что только одни мужчины могутъ быть допускаемы въ среду дервишества: много женщинъ состоятъ также аделтами различныхъ орденовъ. Оттого въ эти собранія множество женщинъ стекается со всѣхъ сторонъ, помѣщаясь въ галлерейхъ назначенныхъ для прекраснаго пола. Послѣ церемоніи, роль ихъ становится важнѣе, потому что тогда онѣ становятся во главѣ слугенъ и пересудовъ круга дервишей.

Мусульманскій законъ, не допускающій безбрачія, не могъ бы утвердить и обѣтовъ цѣломудрія для своихъ монашескихъ орденовъ. Всѣ дервиши женаты, конечно, если средства дозволяютъ имъ содержать семью. Неженатые находятъ себѣ убѣжище въ текіѣ, гдѣ ихъ снабжаютъ одеждой и пищей.

Съ практической и матеріальной точки зрѣнія хорошая сторона дервишскихъ учрежденій заключается въ томъ что эти люди поддерживаютъ другъ друга и становятся солидарными между собою. Если дервишу понадобится помощь или содѣйствіе, онъ всегда найдетъ множество своихъ собратій готовыхъ сдѣлать для него все что онъ пожелаетъ. Дервишъ ремесленникъ или торговецъ, дѣла котораго идутъ плохо, всегда увѣренъ что его поддержать его собратья по ордену. Даже тѣ которые живутъ милостыней всегда находятъ возможность удовлетворить своимъ насущнымъ потребностямъ. Имъ никогда не отказываютъ въ милостынѣ, не потому чтобъ она ее заслуживали, но потому что милосердіе обязательно для каждаго добраго мусульманина и тѣмъ болѣе для дервишей.

Само собою разумѣется что каждый орденъ дервишей долженъ имѣть свои обривакъ инструкцій, которыми руководатся

его члены, нечто въ родѣ кодекса, а равно и завѣщаніе своего основателя, служащее къ направленію политики ордена. Я не могу дать вамъ на этотъ счетъ достовѣрныхъ указаній, такъ какъ свѣдѣнія мои о дервишахъ и ихъ учрежденіяхъ ограничиваются подробностями которыя я узналъ при посѣщеніи ихъ монастырей и вслѣдствіе сношеній моихъ съ нѣкоторыми дервишами. Если читатели пожелаютъ приобрести болѣе подробныя свѣдѣнія по этому предмету, то совѣтую обратиться къ недавно изданной по этому предмету книгѣ г. Джона Броуна, состоящаго при американской миссіи, который спеціально изучилъ бытъ дервишей и ихъ учрежденій.

VII.

Большіе *текіэ* состоятъ изъ обширнаго двора, посреди коего находится *шадируанъ*, родъ бассейна, покрытаго павильономъ, гдѣ дервиши совершаютъ свои омовенія. Дворъ этотъ окруженъ тремя рядами келлій, гдѣ проживаютъ неженатые и бѣдные дервиши. Другая сторона квадрата занята залой собранія и домомъ шека, болѣшую часть коего составляетъ гаремъ.

Въ строгомъ смыслѣ *текіэ* скорѣе мѣста собраній чѣмъ монастыри въ которыхъ отшельники подчинены какому-либо закону или режиму. Дервишъ свободенъ уйти когда пожелаетъ и куда пожелаетъ, такъ какъ узмы связывающія его съ орденомъ чисто добровольныя и могутъ быть разорваны по его желанію.

Въ *текіэ* бываютъ два рода собраній: ежедневныя и еженедѣльными. Ежедневныя собранія соотвѣтствуютъ дневному богослуженію, состоящему изъ двухъ *мукабиле* (совѣщаній), одного на разсвѣтъ, другаго вечеромъ. Отправленіе этихъ дневныхъ богослуженій не привлекаетъ никого кромѣ набожныхъ людей по соседству съ *текіэ* или приходящихъ туда обѣдать.

Во время моего пребыванія въ Коніе, мнѣ часто случалось присутствовать при утренней молитвѣ, отправляемой въ святинищѣ гдѣ покоится тѣло великаго шека Адрета-Мевлаве. Изложу то что я видѣлъ.

Войдя въ залу, я занялъ мѣсто въ одной изъ нижнихъ ложъ, назначенныхъ для мушшикъ, надъ которыми находятся галереи

отведенныя женщинамъ. Галереи эти, конечно, тщательнао закрыты рѣшетками, но и рѣшетки эти и жалюзи совершенная роскошь, ибо сердца богомолкъ и дервишей вполнѣ понимаютъ другъ друга, несмотря на всѣ предосторожности. Стоитъ только приобрести свѣдѣнія о томъ что дѣлается въ городѣ и безъ труда можно составить статистическую таблицу любовныхъ исторій, въ которыхъ значительную роль занимаютъ деде и ихъ красавицы. Красивый дервишъ съ большими выразительными глазами, съ лицомъ мистическимъ и сентиментальнымъ, есть такое привлекательное существо противъ котораго рѣдко устоитъ женщина. Оттого число женщинъ аккуратно посвящающихъ каждый день текѣ гораздо значительнѣе богомольцевъ мужскаго пола. Вслѣдствіе этого не трудно понять что означаютъ вздохи и восклицанія которыя время отъ времени оглашаютъ воздухъ и производятъ волненія посреди благочестивыхъ занятій конгрегациі правоверныхъ. Что касается до дервишей, то они не смущаются подобными манифестациями и повидимому ничто не можетъ нарушить ихъ спокойствія и мистической ясности.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія появилась толпа дервишей, выступая впередъ медленнымъ и торжественнымъ шагомъ. Каждый деде былъ окутанъ плащомъ и держалъ голову въ наклоненномъ положеніи; всѣ они, казалось, вылиты были въ одну форму. На лицахъ у нѣкоторыхъ выражался мистицизмъ, у другихъ равнодушіе и скука; хорошій физиономистъ могъ бы рассмотреть посреди этой группы лица исполненныя омышленности, умѣющія сознательно разыгрывать комедію.

Дошедши до середины залы, одни привали направо, другіе налево и составили кругъ, усѣвшись на корточкахъ. Такой способъ сидѣнья обязательенъ для совершенія молитвы: колѣна остаются на землѣ, между тѣмъ какъ тѣло опирается на икры, и ступни остаются наружу. Шекъ появился послѣдній и занялъ свой *постъ*, на бараньей шкурѣ, ибо шеки не садятся никогда на модельные ковры, употребляемые остальными правоверными. Обычай этотъ есть остатокъ пастушескихъ привычекъ и первобытныхъ нравовъ основателей религиозныхъ орденовъ и какъ таковой уважается ихъ преемниками до нашего времени. Самое слово *постъ* употребляется у дервишей для выраженія авторитета, власти шека, также какъ у католиковъ слова *престолъ*, *кафедра* обозначаютъ власть папскую

епископскую. Такимъ образомъ, когда шекъ говоритъ: „Я иду на барабанъ шкуръ Адрети-Мевлане“, то онъ выражаетъ то что получилъ власть отъ этого святаго. Мѣсто занятое пекомъ находилось въ центрѣ периметра описаннаго кружкомъ дервишей.

Послѣ паузы продолжавшейся нѣсколько минутъ, посреди глубокаго безмолвія, которому слабый утренній свѣтъ придавалъ нѣчто таинственное и грандіозное, появились два дервиша, влечившіе за собою что-то по полу. Нопу ихъ составляли громадныя четки, каждое зерно которыхъ было величиною въ грецкій орѣхъ. Четки разложены были по всему полу, изъ его можно было заключить что онѣ состояли по крайней мѣрѣ изъ тысячи такихъ зеренъ. Два названные дервиша распурили четки и передавали ихъ въ руки каждаго дервиша по мѣрѣ того какъ обходили ихъ. Эти два деде носятъ титулъ *мейданъ-деде* что означаетъ деде половые, такъ какъ обязанность ихъ состоитъ въ руководствѣ церемоніями происходящими на полу (мейданъ). Другими словами, они церемоніймейстеры распоряджающіеся молитвой и круженіемъ, опытные мастера въ священнои пляскѣ. *Мейданъ-деде* еще весьма вліятельныя и пользующіяся большимъ авторитетомъ.

Между тѣмъ какъ каждый дервишь хватается за свою часть тихъ колоссальныхъ четокъ, шекъ затыгиваетъ молитву баяновомъ, твердымъ, но протяжнымъ и носовымъ: „*Ya! Aдрети Мевлане!* (О ты святый Мевлане!)“. Этотъ наливъ повторяется нѣсколько разъ звучнымъ и таинственнымъ *staccato*. Затѣмъ иѣдуетъ цѣлая литанія призываній Аллаха, мелодія которыхъ идетъ все *crescendo* до тѣхъ поръ пока не превращается въ настоящій барабанный бой или лучше сказать въ глухое рычаніе. Все это время четки совершали кругъ, такъ какъ каждый дервишь считалъ отъ 1 до 999 передавая зерна своему сосѣду слѣва.

По окончаніи богослуженія всѣ разошлись, дервиши довольные конечно что имъ нечего болѣе повторять Аллаха, а всѣ остальные въ восторгѣ что уши ихъ отдохнутъ наконецъ отъ раздрающихъ слухъ криковъ.

Недѣльные собранія происходятъ днемъ, обыкновенно послѣ полудня, и въ эти дни каждый орденъ отправляетъ спеціальныя обряды, отлучающіе его отъ другихъ. Такъ напримѣ-

мѣръ дервиши Мевлане кружатся по середамъ, между тѣмъ какъ акробаты, ревуны и другіе имѣютъ свои назначаемыя дни, въ которые люди набожные и любопытные собираются со всѣхъ сторонъ посмотреть ихъ.

Объ этихъ представленіяхъ маѣ нечего сказать что бы не было уже подробно разказано и описано множествомъ писателей и путешественниковъ обоюго пола. Поэтому я и ограничусь обращеніемъ вниманія моихъ читателей на одинъ пунктъ. Я разумю употребленіе музыки при совершеніи обрядовъ. Почти во всѣхъ орденахъ дервишей употребляется музыка, которая существенно отличается отъ музыки свѣтской и служитъ для аккомпанимента богослуженія, состоитъ ли оно изъ пляскъ или въ чемъ иномъ. Это употребленіе музыки совмѣстимо съ молитвой и поклоненіемъ Аллаху осуждается бѣлымъ духовенствомъ въ силу одной статьи Корана, гдѣ сказано что только устами человеческими можно достойно прославлять Творца. Музыкальные инструменты суть дѣло рукъ человеческихъ, несовершенное и малоцѣнное; съ помощью такихъ средствъ не подобаетъ совершать поклоненіе Всемогущему.

Дервиши, съ своей стороны, отвергаютъ подобное истолкованіе Корана; они даже отыскали въ Коранѣ другой текстъ какъ будто одобряющій употребленіе инструментальной музыки. Текстъ этотъ маѣ неизвѣстенъ, но существованіе его сомнѣнно, ибо безъ того дервиши не могли бы устроить своихъ оркестровъ. Во всякомъ случаѣ, противоположныя ученія поддерживаются обѣими партіями и служатъ предметомъ пререкательствъ между ними.

Оркестры играющіе въ текіе состоятъ изъ нѣсколькихъ флейтъ и нѣсколькихъ барабановъ, всего изъ шести, семи инструментовъ. Музыканты конечно дервиши, спеціально посвятившіе себя этому искусству и вслѣдствіе этого нѣрѣдко пользующіеся значительною репутаціей. Флейтисты, при исполненіи музыкальныхъ піесъ, представляютъ самыя комическія фигуры. Пусть читатель вообразитъ себѣ людей сидящихъ со скрещенными ногами, съ вытянутою шеей, съ головою на бокъ, протягивающихъ губы, чтобы достать ими отверстіе флейты. Для довершенія картины, не слѣдуетъ забывать что у музыкантовъ закрыты глаза, что выражаетъ существо витающее прѣвыше смертныхъ, въ сферахъ свѣтлаго экстаза.

На эти собранія, какъ я уже замѣтилъ, всякій можетъ придти, не говоря уже о постояльцахъ посѣтителѣхъ текіе. Послѣдніе конечно находятся у себя и присутствуютъ съ восточною безцеремонностію въ шубахъ и даже въ шафирокахъ. По закрытіи залы, они имѣютъ обыкновеніе приходить въ сосѣднія комнаты, гдѣ болтаютъ на свободѣ, куря трубки и прихлебывая кофе. Шекъ при этомъ случаѣ принимаетъ тѣхъ кто желаетъ побесѣдовать съ нимъ и поручить себя его молитвамъ. Между тѣмъ какъ шекъ и его дервиши проводятъ такимъ образомъ свое время, ихъ жены ведутъ между собою совѣщаніе въ гаремѣ, гдѣ всѣ городскія слетни пускаются въ ходъ. Гдѣ соберется до двадцати турецкихъ женщинъ подъ одною кровлей, тамъ несомѣнно выскажется до 200 слетевъ въ минуту, то-есть по десяти пересудовъ на каждую. Такъ какъ женщины приводятъ съ собою своихъ малолѣтнихъ дѣтей, то вы можете судить какой шумъ происходитъ въ подобномъ собраніи. Вавилонское столпотвореніе ничто предъ гаремомъ шека во время такихъ сборищъ.

На мужской половинѣ у шека происходятъ безпорядки другаго рода. Такъ напримѣръ часто случается что собраніе деде съ своимъ шекомъ во главѣ просто-на-просто принимается тавутъ водку (раки). Когда эти набожные дервиши не могутъ уже болѣе держаться на ногахъ, то они смѣшиваются наконецъ религіозный пароксизмъ съ простымъ пьянствомъ. Мнѣ самому случилось присутствовать при одномъ изъ такихъ собраній, и я могу поручиться за вѣрность изложенныхъ мною фактовъ.

Однажды вечеромъ имамъ нашего дома, Али-эффенди предложилъ мнѣ посѣтить текіе Юсуфъ-лаши, шекъ котораго, по словамъ его, сильно желалъ чтобъ я присутствовалъ при его *мукабиле*. Къ тому же этотъ шекъ былъ нѣкоторымъ образомъ подъ покровительствомъ нашего семейства, по той причинѣ что одинъ изъ моихъ братьевъ, Могаремъ-бей, былъ погребенъ на дворѣ монастыря. На этомъ основаніи я не могъ отказать шеку въ его желаніи, и вечеромъ мы съ Али-эффенди направились въ текіе.

Когда мы вошли туда, служба уже началась и намъ пришлось потихоньку пробраться нальво, гдѣ мы и заняли мѣсто на циновкѣ одной изъ ложъ. Шекъ насъ замѣтилъ конечно, ибо всѣ шеки мастера прикидываться мертвыми и имѣть съ тѣмъ видѣть все что дѣлается вокругъ нихъ.

Возсѣдая на своемъ *постѣ* они никогда не подавляютъ глазъ, но это не мѣшаетъ имъ видѣть ихъ публику и даже изучать ее.

По окончаніи богослуженія, шекъ подошелъ къ намъ у выхода и пригласилъ насъ пройти къ нему въ комнаты. Усѣвшись на диванъ шекъ началъ бесѣдовать со мною о различныхъ предметахъ, но въ то время какъ онъ разговаривалъ, можно было замѣтить что ему невозможно скрыть нѣкоторыхъ симптомовъ обнаруживавшихся у него на лицѣ. Я былъ пораженъ ими, а между тѣмъ никакъ не могъ схватить и опредѣлить что бы это значило. Я видѣлъ что шекъ испытываетъ какое-то волненіе, и что его нервная система находится подъ впечатлѣніемъ какой-то агитаціи. Сверхъ того глаза его были мутны и красны и щеки пылали. „Ужь не пьянъ ли мой шекъ?“ мелькнуло у меня въ головѣ. Подобное чудовищное явленіе показалось мнѣ сначала невозможнымъ, потому что умъ мой никакъ не могъ представить себѣ шека пьяницей. Тогда я старался объяснить себѣ это явленіе остаткомъ возбужденія испытаннаго шекомъ во время его молитвы. „Религіозное одушевленіе возбуждаетъ душу и должно дѣйствовать на физическое состояніе человѣка“, говорилъ я самъ себѣ.

Но между тѣмъ какъ эти наивныя мысли пробѣгали у меня въ головѣ, къ великому моему изумленію я увидѣлъ что шекъ повернулся въ сторону, взялъ рюмку съ водкой столешною на диванѣ, и однимъ глоткомъ осушилъ ее. Операция эта совершилась мгновенно, и повидимому не причинила почтенному шеку ни малѣйшаго безпокойства или затрудненія. Напротивъ того, онъ обратился тотчасъ же къ одному изъ своихъ помощниковъ и приказалъ ему налить и мнѣ рюмку. Это предложеніе встрѣтило съ моей стороны категорическій отказъ, подкрѣпленный аргументомъ самымъ простымъ, но очень неприятнымъ для шека, а именно что въ качествѣ добраго мусульманина, я не пью ни вина, ни водки. Шекъ, однако, сдѣлалъ видъ что не понимаетъ, и принявъ отвѣтъ мой за шутку, настоятельно требовалъ чтобъ я чокнулся съ нимъ. Мой настоятельный отказъ смутилъ шека до такой степени что на лицѣ его выразилась досада и стыдъ. Ибо, несмотря на всю поглощенную имъ водку, шекъ сохранилъ всѣ свои способности, а потому и долженъ былъ почувствовать нравственный ударъ который наносилъ ему мой отказъ: онъ полагалъ что подобно всѣмъ молодымъ людямъ и я охотникъ до раки. Къ тому же отказъ мой ставилъ его въ ложное

положеніе, такъ какъ онъ чувствовалъ себя скомпрометтированнымъ предъ человекомъ котораго расположеніемъ или по крайней мѣрѣ добрымъ мнѣніемъ онъ дорожилъ.

Послѣ того я счелъ за лучшее удалиться, чтобы не стѣснять болѣе шека и его аделтовъ въ этомъ жертвоприношеніи Бахусу. Но я долженъ сознаться что я покинулъ текію не оставивъ себѣ слишкомъ высокаго мнѣнія о нравственности дервишей и ихъ шека. Мнѣ было пришло на мысль прекратить на будущее время приношенія которыя мы отъ времени до времени посылали въ текію; но по зрѣломъ размышленіи я отложилъ это намѣреніе, такъ какъ у шековъ языки и руки очень длинны, и благоразуміе предписываетъ не раздражать ихъ.

VIII

Содержаніе многочисленныхъ текій существующихъ въ Турціи зависитъ отъ имуществъ и доходовъ какими пользуются религіозные ордена. Доходы эти получаютъ съ обширныхъ поземельныхъ имуществъ управляемыхъ экономомъ ордена. Вообще всѣ земли отдаются въ каймы; часть однако эксплуатаруется самимъ шекомъ и его деде.

Другимъ источникомъ доходовъ на содержаніе монастырей служатъ приношенія деньгами и натурой присылаемая въ текію. Дары эти присылаются въ опредѣленные эпохи, каконы Рамазанъ, два Батрама и проч. Есть обыкновеніе при наступленіи зимы посылать шекамъ запасы дровъ, угля и вещей необходимыхъ для зимняго продовольствія.

Обычай чрезвычайно выгодный для текій заключается въ обѣтахъ которые даютъ въ пользу того или другаго изъ этихъ учрежденій въ случаѣ выздоровленія отъ болѣзни или полученія какой-нибудь благостыи. Обычай этотъ доставляетъ значительные доходы; рѣдко проходитъ день чтобы къ воротамъ текій не приводили тучную овцу. Знатныя лица и въ особенности дамы считаютъ также своимъ долгомъ жертвовать овцу при каждомъ посѣщеніи монастырей.

Эти доходы текій идутъ, во первыхъ, на содержаніе шека и его семейства, а также на обезпеченіе деде служащихъ при

текіе. Изъ свободныхъ капиталовъ выдаются также субсидіи членамъ ордена которые временно могутъ впасть въ нищету.

Одинъ изъ главныхъ расходовъ текіе составляетъ кухня, въ которой кормятъ всѣхъ кто стучится въ двери монастыря. Во всѣхъ текіе завведено обычаемъ держать открытый столъ утромъ и вечеромъ, такъ что во многихъ мѣстахъ они закупаютъ гостиницы и богадѣльни. Всякій, даже христіанинъ, имѣетъ право войти въ текіе и сѣсть за столъ, когда обѣдъ поданъ.

Въ странахъ гдѣ нѣтъ ни гостиницъ, ни постоялыхъ дворовъ подобныя заведенія необходимы; съ точки зрѣнія милосердія, текіе также очень полезны, потому что они оказываютъ помощь бѣднякамъ и путешественникамъ.

Шеки, а равна и дервиши ихъ имѣютъ притязаніе на совершенно спеціальную промышленность, а именно творить чудеса. Но заявляя объ этомъ притязаніи, эти тауматурги настолько скромны что не ставятъ себѣ въ засагу своихъ чудесъ, которыя, по ихъ словамъ, слѣдуетъ приписать могуществу ихъ *пира* (патрона) или же всемогущему дѣйствию Корана. Такимъ образомъ, въ силу тайнаго могущества, патроновъ ордена общаются, говорятъ они, шеку искусство глотать огонь, грызть стекло и допускаетъ своихъ аделтовъ наносить себѣ удары кинжаломъ, отъ которыхъ не остается на тѣлѣ ни малѣйшаго слѣда. Шеку стоитъ де приблизиться къ нимъ во имя ихъ *яра* и помазать слюной рану чтобъ исчезъ всякій слѣдъ ея. Шеки, которые верхомъ на своихъ лошадахъ проѣзжаютъ по тѣламъ дѣтей и больныхъ, для сообщенія имъ благодати или для исцѣленія ихъ, утверждаютъ также что они совершаютъ такія чудеса въ силу полномочій данныхъ имъ *пиромъ* ордена.

По увѣренію дервишей, полномочія эти принадлежатъ только имъ однимъ; они составляютъ монополию которой никто не можетъ у нихъ ослабить. Имамы и хаджи торгующіе чудесными дѣлами какъ будто признаютъ чрезвычайныя полномочія дервишей, ибо они никогда не помышляли выступить на состязаніе съ ними по этой части.

Между чудесными предметами и дѣйствіями упомянемъ о слѣдующемъ:

1) *Нуска*, предохранительные отъ всякихъ несчастій амулеты, привлекающіе всѣ блага на того кто ихъ носитъ. Нуска состоятъ изъ клочковъ бумаги на которыхъ пишутъ или дервиши пишутъ молитвы или сентенціи изъ Корана. Этотъ

клячокъ бумаги заворачивается потомъ въ клеенку и кладется въ треугольный пакетъ. Амулеты эти носятъ на шеѣ. Слѣдственное дѣйствіе амулетовъ распространяется одинаково на людей и на животныхъ. Вслѣдствіе этого лошади, коровы, верблюды и вообще домашнія животныя носятъ часто такіе вуса, повѣшенныя имъ на шею ихъ владѣльцами, заботящимися объ ихъ сохраненіи. Разумѣется шею выдающій эти амулеты получаетъ вознагражденіе въ замѣнъ своей спусходительности и трудовъ которые онъ принимаетъ на себя для предохраненія людей и животныхъ отъ всякихъ бѣдъ.

2) *Магнетическія операціи*, производимыя прикосновеніемъ и дуновеніемъ, *незесъ*. Извѣстно что наложеніе рукъ и дуновеніе жрецовъ или маговъ употреблялись на Востокѣ въ самыя отдаленныя времена исторіи. Во всѣ времена такое магнетическое врачеваніе было въ ходу у мусульманскихъ народовъ, которые вѣрили что занимающіеся онымъ облечены сверхъестественными полномочіями. Дервиши, также какъ и таджи, воспользовались этимъ суевѣріемъ для пріобрѣтенія матеріальныхъ выгодъ, а также и нравственнаго вліянія. И нынѣ существуетъ еще масса людей отправляющихся въ текіе дабы подвергнуться подобнымъ операціямъ; само собою разумѣется что женщины первыя слѣзаятъ выказать свою вѣру въ дѣйствительность такого врачеванія. Какъ только малѣйшій тревожный признакъ обнаруживается въ здоровьи ихъ дѣтей, они хватаютъ ихъ на руки и бѣгутъ поскорѣе въ текіе.

Достоинно вниманія что въ Турціи не рѣдко мусульмане обращаются къ греческому или армянскому священнику, а равно и христіане не колеблются преклонить колѣна предъ дервишемъ пользующимся репутаціей могущественнаго и вліятельнаго оператора. Мнѣ случалось спрашивать у нашихъ женщинъ, зачѣмъ онѣ обращались ко греческому священнику предпочтительно предъ мусульманскимъ. „*Незесъ ганъ диръ*“, отвѣчали мнѣ, что значитъ: дуновеніе имѣеть силу сверхъестественную, непререкаемую, которую Богъ можетъ даровать всякому человѣку.

3) *Бузусы* суть заклинанія, перемѣшанныя съ молитвами, куреніями и т. под., могущество которыхъ можетъ обратить въ бѣгство цѣлую стаю *пери*, *дусиновъ* и прочихъ духовъ враждебныхъ молящемуся или молящейся. Дервиши охотно принимаютъ за выполненіе этой обязанности и утверждаютъ что имъ повинуются какъ небесныя духи, такъ и подземныя.

IX.

Сказанное нами выше даетъ понятіе о вліяніи коимъ пользуются дервиши надъ массою народа. Средствами пропаганды имъ служатъ духъ солидарности и патроната, а равно и задача милостыни. Сильное орудіе доставляютъ образованіе и умственное превосходство. Безпристрастіе побуждаетъ мена сказать что шеки и дервиши высшей сферы люди дѣйствительно замѣчательные своимъ образованіемъ и обширностью своихъ свѣдѣній. Между имамами и улемами трудно найти людей которые бы одарены были такою энергіей и такими качествами.

Такъ какъ заявленіе это можетъ показаться многимъ невѣроятно, то я считаю нужнымъ подкрѣпить его неопровержимыми доказательствами.

Начну указаніемъ на знаменитаго шека Абдуль-Рахмана Талабани, азіатская репутація котораго простирается отъ Босфора до Гиммалайскихъ горъ. Шекъ этотъ человекъ высокихъ дарованій, обладающій самыми обширными познаніями, каковыхъ не имѣютъ всѣ министры султана вмѣстѣ. Текіе его находится въ Киркукъ на берегахъ Тигра и служитъ мѣстомъ собранія и жительства всѣхъ знатныхъ путешественниковъ. Многіе Англичане, путешествуя въ этихъ странахъ, поставляютъ себѣ въ обязанность посѣтить знаменитаго шека, гостепріимство котораго пріобрѣтаетъ особенную прелесть отъ его назидательной бесѣды. Увѣряютъ что нѣтъ предмета о которомъ бы онъ не былъ готовъ бесѣдовать во всякое время.

Ежедневно шекъ этотъ предсѣдаетъ за столомъ путешественниковъ и такимъ образомъ имѣетъ полную возможность знать все что происходитъ на свѣтѣ. Прощаясь съ своими гостями, шекъ Абдуль-Рахманъ удаляется въ свои комнаты, гдѣ у него отличная бібліотека и коллекція журналовъ. Тамъ онъ записываетъ все имъ слышанное и добываетъ такимъ образомъ данныя на которыхъ основываетъ свои сужденія.

Текіе его есть средоточіе умственной жизни этой страны или лучше сказать душа придающая ей то небольшое оживленіе коимъ она пользуется. Безъ этого текіе и его шека люди означенной мѣстности стояли бы на одномъ уровнѣ

съ животными. Да и вообще безъ текіе въ мусульманской Азіи умственная жизнь угасла бы совершенно.

Другой шекъ высшего ума и обширной эрудиціи есть шекъ Ахметъ, который въ 1860 году организовалъ заговоръ *федая* съ цѣлю низвергнуть съ престола Абдуль-Меджида и возвести на оный вышшаго султана. Шекъ этотъ вдался въ политику изъ побужденій въ которыхъ нельзя не призвать патриотизма. Говорятъ что когда онъ публично явился предъ своими судьями, то осыпалъ ихъ такими упреками что они не знали что и отвѣчать ему.

Въ Скутари мнѣ случилось познакомиться съ однимъ дервишемъ который удивилъ меня своими познаніями и привелъ въ изумленіе своимъ умомъ и изысканною вѣжливостью обхожденія. Этотъ человекъ, возвысившійся надъ уровнемъ своихъ собратій, произвелъ на меня такое впечатлѣніе которое не могло изгладиться въ теченіи десяти лѣтъ протекшихъ съ того времени.

Во всѣхъ орденахъ дервишей встрѣчаются избранные люди, посвящающіе себя наукамъ, каковы философія, литература, исторія, математика и пр. Эти люди и составляютъ главный штабъ ордена, между тѣмъ какъ прочіе деде, адепты и пр. играютъ комедію дервишей, поютъ, пляшутъ и завываютъ.

Вліяніе дервишей основывается на организаціи ихъ общества, и эта организація даетъ имъ возможность вытѣснять почти совершенно бѣлое духовенство. И дѣйствительно, ассоціація людей не имѣющая ни іерархіи, ни регламентовъ, не можетъ выдерживать соперничества съ организаціями повиновающимися высшему авторитету и дѣйствующими на основаніи прочной и опредѣленной системы. Этимъ достаточно объясняется перевѣсъ который всегда имѣли дервиши.

Многіе не вѣрятъ этому вліянію дервишей до такой степени что мнѣ нерѣдко случалось выдерживать горячіе споры по этому предмету съ моими друзьями и товарищами. Антагонисты мои, большею частью молодые люди пропитанные новыми идеями, охотно соглашались что духовные ордена имѣютъ въ Турціи вѣкоторое вліяніе на массу населенія, но отвергали чтобы высшее общество и правящіе классы могли подчиняться этому вліянію. Но они не замѣчали что допуская вліяніе дервишей на массы, они тѣмъ самымъ признавали

вліяніе ихъ на всю націю, ибо вліяніе на одну часть общества необходимо должно было отразиться и на всемъ обществѣ. И дѣйствительно, чѣмъ же объяснить тотъ фактъ что самыя высокопоставленныя правительственныя лица всегда тщательно старались поддерживать сношенія съ членами различныхъ орденовъ, какъ не вліяніемъ признаваемымъ за этими людьми? Въ политикѣ ничто не дѣлается даромъ, и потому можно съ увѣренностью сказать что если министръ преклоняется предъ шекомъ, то навѣрно затѣмъ чтобы попросить у него что-нибудь. А чего же онъ можетъ попросить если не поддержки предъ массою народа?

Решидъ-паша, Аали-паша, Фуадъ-паша были люди которыхъ менѣе всего можно было назвать вѣрующими, и несмотря на то всѣ они состояли членами какого-нибудь ордена дервишей. Что касается послѣдняго, то онъ во всеуслышаніе хвалился что принадлежитъ къ фамиліи шековъ; сверхъ того онъ былъ покорнымъ слугою шековъ, такъ какъ одному изъ нихъ былъ обязанъ своею карьерою.

Мнѣ нерѣдко случалось быть свидѣтелемъ когда шекъ принималъ пашу: тогда-то можно было составить себѣ понятіе о вліяніи и обаяніи дервишей! Великіе паша, министры, умаляются насколько возможно приближаясь къ вліятельному шеку: они бросаются къ его ногамъ, цѣлуютъ край его одежды; прикладываются къ его рукамъ. Шекъ съ своей стороны только встаетъ и ограничивается принятіемъ на себя личныя въ некоторой неловкости и притворной скромности.

Всего забавнѣе видѣть когда какой-нибудь министръ безъ портфеля или паша безъ должности является въ текіе когда тамъ бываетъ собраніе и стеченіе народа въ залѣ. Самовникъ вступаетъ въ залу легкою, скромною походкой и тщательно избѣгая стѣснить кого-либо, такъ какъ онъ является туда частнымъ лицомъ, инкогнито. Шекъ, который видитъ свое лублику, хотя и не смотритъ на нее, замѣчаетъ лицо непрощеннаго гостя. „Вижу что ты идешь ко мнѣ, голубчикъ“, вѣроятно говоритъ самъ себѣ шекъ, несмотря на свое сосредоточенное благочестіе... „Знаемъ мы зачѣмъ ты пожаловалъ въ наши мѣста, гдѣ тебя не видно было уже нѣсколько мѣсяцевъ.“

По окончаніи богослуженія, паша дѣйствительно приближается самымъ почтительнымъ образомъ къ шеку; оба они

строятъ другъ другу гримасы и потомъ берутся за руки чтобы насладиться прелестями бесѣды глазъ на глазъ, одной изъ тѣхъ бесѣдъ которыя хитрецы умѣютъ устраивать между собою, облекая ихъ формой притворной искренности и дружеской любви. Увѣжая, паша не преминетъ лохолотать о расположеніи шека и вручить его секретарю для передачи по принадлежности вѣчто въ родѣ тысячи лїастровъ въ формѣ приношенія.

Причина по которой поверхностные люди не замѣчаютъ вліянія дервишей заключается въ томъ что въ наши дни вліяніе это обнаруживается въ формѣ совершенно отличной отъ прежняго. Во время завоевательной героической эпохи дервиши имѣли вліяніе воинственное и шумное: вооруженные топорами и палицами, они бѣгали по лагерямъ проповѣдая священную войну противъ невѣрныхъ. Нынѣ дервиши успокоились, ибо и народъ усмирился, и помышляютъ только о томъ чтобы пользоваться остатками могущества и славы. Такимъ образомъ дервиши ограничиваются консервативнымъ вліяніемъ, которое обнаруживается постояннымъ духомъ обороны противъ захватовъ гяуровъ, иностранцевъ. Оттого ни одинъ изъ дервишей никогда не одобрялъ англо-французскаго союза, который они клеймили названіемъ „гнусности“. „Лучше было бы, говорили дервиши, выдать насъ руками и ногами гяурамъ.“

Для предотвращенія мятежа, который могли бы произвести подобныя рѣчи, правительство принуждено было захватить вѣкоторое число этихъ политиковъ и интервировать ихъ въ Малой Азіи. Орденъ дервишей Мевлеви пользуется наибольшимъ официальнымъ вліяніемъ, потому что эти дервиши славятся своимъ правотверіемъ и составляютъ вѣчто въ родѣ аристократіи, какъ по убѣжденію, такъ и изъ расчета. Вслѣдствіе этого они всегда увѣрены въ отличныхъ отношеніяхъ съ правящимъ классомъ, который ихъ поддерживаетъ, и которому за то они служатъ всѣмъ своимъ вліяніемъ.

Дервиши Мевлеви знатные господа во всемъ значеніи этого слова; ихъ шеки держатъ экилажи и верховыхъ лошадей и выѣзжаютъ на улицу сопровождаемые толпой слугъ, также изъ дервишей. Даже дѣти ихъ катаются на красивыхъ богато украшенныхъ лошадяхъ какъ молодые принцы. И они дѣйствительно могутъ назваться таковыми, такъ какъ Челеби-

эффенди могуществомъ и обаяніемъ уступаетъ развѣ только султанамъ, а его *деде* суть не что иное какъ монастырскіе визири.

Представитель Челеби-эффенди, имѣющій пребываніе въ Галатской текіѣ, есть маленькій государь: въ мое время мѣсто это занималъ Кудретъ-эффенди, и я помню что посланія отъ него къ одному изъ министровъ было достаточно чтобы уладить много дѣлъ и пріобрѣсти много льготъ. Паша крѣпко призадумался бы прежде чѣмъ отказать въ чемъ-либо этому могущественному дервишу.

Х.

Нищенствующіе дервиши не составляютъ отдѣльнаго ордена, какъ бы можно было предположить, но набираются изъ всѣхъ орденовъ. Они вообще энтузіасты, по временамъ также бродяги, которые принимаютъ нищенствовать подъ предлогомъ что въ этомъ мірѣ слѣдуетъ жить со дня на день, отвергая всякое богатство. Оттого въ каждомъ ордена дервишей находятъ люди живущіе милосердіемъ и проводящіе жизнь въ созерцательныхъ мечтаніяхъ, которыя лаццарои называютъ *il dolce far niente*.

Большая часть этихъ нищихъ имѣетъ своихъ раздавателей милостыни, такъ что они услѣваютъ составить собѣ опредѣленный доходъ, что избавляетъ ихъ отъ необходимости прибѣгать къ первому встрѣчному. Эти нищіе по обыкновенію люди скромные, никому не надоедающіе и умѣющіе держать себя прилично; даже нищими назвать ихъ трудно, и имъ гораздо приличнѣе было бы названіе паразитовъ. Настоящіе нищіе тѣ которые ходятъ на добычу, стучатся во всѣ двери и бродятъ по городамъ и деревнямъ. Этого рода нищіе болѣе всего встрѣчаются между дервишами ордена Накшикенди: ихъ узнаютъ по ихъ шапкамъ изъ краснаго сукна, украшеннымъ надписями въ честь ихъ *пирѣ* Абдуль-Кадисъ-Гисилани. Эти нищіе ходятъ всегда вчетверомъ или впятеромъ; они имѣютъ обыкновеніе протягивать проходящимъ родъ чашки овальной формы, которая не что иное какъ скорлупа кокосоваго орѣха.

Эти дервиши-бродяги рѣдко дѣлаютъ сборъ на свой собственный счетъ; вообще ихъ посылаютъ шехи и они собира-

ютъ что могутъ въ пользу своей текіе. Между этими людьми часто встрѣчаются свирѣлые тилы, очень похожіе на разбойниковъ, отчего дѣтямъ они и внушаютъ неописанный страхъ. Репутаціей они пользуются также не блестящею; увѣряютъ что при случаѣ они не откажутся ни отъ какого модѣства. Входя въ удивенную ферму или жилище, они осматриваются во всѣ стороны и убѣдись что ихъ никто не видитъ, нерѣдко совершаютъ грабежи.

Отъ нищенствующихъ дервишей перейду къ довольно многочисленному классу идіотовъ и безумцевъ.

На Востоку есть категория бродягъ весьма мало извѣстная Европейцамъ. Тѣ изъ нихъ которые упоминаютъ объ этой категоріи въ своихъ разказахъ ограничиваются помѣщеніемъ ихъ подъ рубрику факировъ или нищихъ. А между тѣмъ объ нихъ можно поразказать многое, потому что люди эти представляютъ тилы странныя, оригинальныя, которые опредѣлить довольно трудно. Въ Европѣ съ трудомъ можно найти что-нибудь похожее на нихъ, развѣ въ домѣ умалишенныхъ.

Почему же, спросятъ меня, мусульмане допускаютъ этихъ несчастныхъ бродить на свободѣ и не запираютъ ихъ въ сумашедшіе дома?

Потому что здѣсь принято за правило не трогать никого кто васъ не трогаетъ, и волдствие этого не видятъ причины задерживать идіота или безумца который никому не дѣлаетъ зла. Въ дома умалишенныхъ здѣсь запираютъ только яростныхъ безумцевъ угрожающихъ нанести смерть другимъ. Есть еще и другая причина прелятствующая задерживать идіотовъ и сумашедшихъ бродящихъ по улицамъ Константинополя, Каира, Александріи и пр. Дѣло въ томъ что существуетъ поврѣе на основаніи котораго этимъ несчастнымъ приписываютъ ореолъ святости. И дѣйствительно множество людей убѣждены что десница Божія почиетъ надъ этими несчастными и что воля Его проявляется въ ихъ несвязныхъ рѣчахъ и тѣлодвиженіяхъ.

Когда какой-нибудь изъ этихъ идіотовъ или безумцевъ появляется въ домѣ или предъ лавкой, всѣ принимаютъ его ласково и начинаютъ дружески съ нимъ бесѣдовать. Предложивъ имъ нѣсколько болѣе или менѣе забавныхъ вопросовъ и получивъ отъ нихъ отвѣты въ томъ же родѣ, имъ даютъ

въ руки нѣсколько монеть и наполняютъ карманы табакомъ, кофе и пр.

Какъ только сумашедшій скроется изъ виду, люди надѣлавшіе его начинаютъ толковать о немъ и сообщать другъ другу его странности или лучше сказать его недѣлости. Если въ кругу ихъ найдется кто-нибудь изъ приписывающихъ его безумію сверхъестественную причину, то онъ покачиваетъ головой, присовокупляя съ серьезнымъ видомъ: „*Текимъ дегимъ диръ*“, что значитъ: „Въ этомъ существѣ дѣйствуетъ невидимая сила“. Можно было бы написать цѣлые томы, еслибы разказать всѣ необыкновенныя исторіи обращающіяся въ народѣ по поводу этихъ идіотовъ и безумцевъ; я ограничусь упоминаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ касающихся безумцевъ бродившихъ по городу нѣсколько дѣтъ тому назадъ.

Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ былъ нѣкто Гассанъ-Баба, маленькій здоровый человѣчекъ съ геркулесовскими формами, дѣтъ сорока. Кожа у него была изжелта смуглая и лицо имѣло поразительное сходство съ портретами Сократа. Гассанъ-Баба былъ совершенно лысъ, подобно греческому мурецу, и имѣлъ непреодолимое отвращеніе отъ всякой головной покрышки. И не только головная покрышка, но иногда и всякая одежда казалась ему нестерпимою. Какъ только эта дикая идея забиралась ему въ голову, то онъ въ одну минуту сбрасывалъ съ себя платье и являлся предъ публикой въ костюмъ Адама. Послѣ этого безумецъ бросался бѣжать со всѣхъ ногъ не извѣстно почему. Конечно не стыдъ заставлялъ его предпринимать этотъ неистовый бѣгъ, ибо при своемъ умственномъ разстройствѣ онъ не могъ дать себѣ отчета въ своей наготѣ. Другое изъ его странностей было не принимать ни отъ кого чего бы то ни было, а брать самому что ему вздумается. Знаніе его слѣдшили отпирать свои сундуки, предоставляя ему брать что онъ пожелаетъ. Къ счастью для нихъ Гассанъ-Баба былъ человѣкъ весьма умѣренный и довольствовавшійся малымъ. Безумецъ этотъ говорилъ чрезвычайно рѣдко; иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ никто не слышалъ отъ него ни слова.

Перейдемъ къ его чудесамъ. По этому случаю разказываютъ что одному кулцу случилось однажды быть въ такомъ затруднительномъ положеніи что по уплатѣ своихъ долговъ ему нечѣмъ было содержать свою семью. Доведенный до нищеты, этотъ несчастный не зналъ къ кому обратиться. Вотъ

однажды безумный Гассанъ-Баба постучалъ къ нему въ дверь, передалъ служанкѣ пакетъ и ушелъ не говоря ни слова. Служанка успѣшила передать пакетъ своему господину, но каково же было удивленіе кулца, когда открывъ его онъ нашелъ лачку банковыхъ билетовъ на значительную сумму!

Когда Гассанъ-Бабу стала спрашивать объ этомъ, то онъ, по обыкновенію, не далъ никакого отвѣта и несмотря на всѣ усилія хранилъ упорное молчаніе. Разумѣется молчаніе дервиша заставило кулца оставить у себя деньги посланныя ему Богомъ чрезъ посредство сумашедшаго. Всякій разсудительный человѣкъ поступилъ бы также.

Между идиотами былъ нѣкто Мугеддинъ, забавный шутъ, бывавшій по Константинополю и регулярно посѣщавшій всѣ канцеляріи. Этотъ идиотъ забавлялъ всѣхъ своими выходками, дѣйствительно гаулами и оригинальными. Одно въ чемъ онъ обнаруживалъ умъ, была ловкость съ которою онъ принималъ деньги. Но даже и въ этомъ не было никакой заслуги со стороны этого несчастнаго, потому что онъ протягивалъ руку изъ опасенія чтобъ его не лобили. Ходили слухи что его родители назначили сумму которую онъ долженъ былъ привосить имъ ежедневно по возвращеніи домой. И горе было Мугеддину если деньги не были принесены сполна: розги были для него уже готовы.

Въ заключеніе сообщу нѣсколько свѣдѣній объ орденѣ Бекташи.

Орденъ Бекташи есть противоположность Мевлеви, дервишамъ по преимуществу правовѣрнымъ и аристократамъ. Бекташи философы очень близкіе къ атеизму и мало обращающіе вниманія на Магомета и его намѣстника султана. Въ социальномъ отношеніи это люди любящіе весело ложить и швыряющіе принципомъ издерживать вмѣстѣ все что у нихъ есть.

Въ былое время Бекташи далеко не имѣли такихъ привилегій; напротивъ того, ихъ полурелигіозный, полувоенный орденъ былъ правою рукой ислама и опорой престола Османовъ. Самое имя „Бекташи“ есть синонимъ „янычара“, такъ какъ опоченіе янычаровъ состояло большею частію изъ учениковъ знаменитаго шека Хаджи-Бекташа-Вели, который далъ свое благословеніе новымъ солдатамъ и освятилъ ихъ оружіе и замена. Такимъ образомъ ученики Хаджи-Бекташа имѣли

двойкій характеръ—дервишей и солдатъ. Оба эти свойства шли объ руку и взаимно поддерживали другъ друга, что и придавало имъ тотъ неукротимый пылъ который далъ возможность янычарамъ проникнуть въ самое сердце христіанской Европы.

Во время этой героической эпохи Бекташи были добрыми мусульманами и вслѣдствіе этого и солдатами храбрыми и дисциплинированными. Между ними не было буяновъ, невѣрующихъ или свободныхъ мыслителей; они любили Бога и его Пророка и читали султановъ и его намѣстниковъ. Султану стоило сказать одно слово, шекамъ стоило показать имъ „отверстыя двери рая“, и эти храбрецы шли на вѣрную смерть.

Но наступилъ періодъ разврата и паденія поражающій все человѣчество. Бекташи изъ дервишей, каковыми они были, обратились въ невѣрующихъ и нечестивыхъ, а янычары сдѣлались властолюбивыми и непокорными преторіанцами. Нравственная основа организаціи этой пресловутой фаланги рушилась, а съ нею и распались отличавшія ее узы дисциплины.

Итакъ правила Хаджи-Бекташа были забыты его учениками. Правила эти вполнѣ согласовавшіяся съ предписаніями Корана уступили мѣсто нечестивой философіи, подвергавшей сомнѣнію бытіе Божіе и отрицавшей ученіе Пророка. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ принципы этой школы основанной Бекташи въ нѣдрахъ исламизма, школы которая пережила паденіе янычаровъ и которая существуетъ до сихъ поръ посреди остатковъ этой секты.

Я долженъ предупредить читателей что подробности сообщаемыя мною о правилахъ коими руководствуются Бекташи извѣстны мнѣ изъ многократныхъ бесѣдъ моихъ съ членами этой ассоціаціи, находившимися почти постоянно въ состояніи ольпанія. Это послѣднее замѣчаніе нисколько не лишаетъ цѣны свѣдѣній которыя я имѣю сообщить, ибо добрый Бекташи можетъ выпить цѣмой бочонокъ вина и не лишиться разсудка.

Одно изъ правилъ которыя я часто слыжалъ отъ Бекташи обнаруживаетъ направленіе ихъ вѣрованій. „Вселенная“*, гово-

* Подъ названіемъ *вселенной* разумется не только видимое твореніе, но и невидимое.

ать Бекташи, „есть тайна для всѣхъ, кромѣ Бога, ибо тѣ которые появляются на свѣтъ не знаютъ о ней ничего, а тѣ которые его оставляютъ не возвращаются болѣе чтобы сообщать намъ о ней какія-либо свѣдѣнія.“ Понятно что придерживающіеся такого ученія ни мало не заботятся ни о раѣ, и объ адѣ, ни даже о вѣчной жизни.

Послѣ такого отрицанія, совершенно логически отбросить въ законы и предписанія Магомета. Бекташи нисколько и не вѣрятъ ими. Они утверждаютъ, напримѣръ, что совершенная молитва не составляетъ ни малѣйшей необходимости. Но такъ какъ они не осмѣливаются заявлять о томъ категорически, то и отдѣлываются софизмомъ. Они говорятъ что причина по которой молитва не обязательна для нихъ заключается въ томъ что ихъ патронъ Хаджи-Бекташъ освободилъ ихъ отъ нея, молясь за всѣхъ нихъ. Имъ остается сидѣть подлѣ ноги и олустошать стаканъ за стаканомъ.

Что касается до способности пить и не напиваться, то Бекташи сами не знаютъ откуда они заимствовали ее.

Бекташи, возбуждающіе изумленіе своимъ развратомъ, возбуждаютъ его также нѣкоторыми изъ своихъ добродѣтелей. Такъ напримѣръ никто строже ихъ не соблюдаетъ ученіе о скромности, ученія которое, на основаніи Корана, имѣетъ мнѣнью отвлечь человека отъ богатствъ міра сего. И дѣйствительно, Бекташи мало заботятся о завтрашнемъ днѣ, ибо они твердо убѣждены что Богъ, создавшій его на свѣтъ, обязанъ бороться о его средствахъ существованія, со включеніемъ водки. Поэтому, если въ карманѣ у него есть нѣсколько лавровъ, онъ ни о чемъ болѣе не заботится.

Стоицизмъ Бекташи нерѣдко вызывалъ случаи весьма комическіе и оригинальные. Есть масса легендъ на ихъ счетъ, одна изъ нихъ забавнѣе, но тѣмъ не менѣе обнаруживающихъ иногда глубокую мысль и опредѣленные правила. Такъ напримѣръ разсказываютъ что однажды дервишу Бекташи случилось проходить одной изъ самыхъ шумныхъ улицъ Стамбула, гдѣ Армяне, Евреи и Франки ведутъ свои дѣла. Дервишъ шелъ медленно, качался и ступалъ какъ бы оцуюлю. Было ли то дѣйствіе раки или олія, или обоихъ вмѣстѣ, неизвѣстно; но видѣвшіе не могли не считать его мертвецки пьянымъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ въ полномъ сознаніи, такъ что видѣлъ все и наставлялъ за всѣми, не показывая этого. Вниманіе его внезапно привлекла маленькая контора у входа въ *ханъ*, гдѣ старый Еврей

готовился убирать одну за другою множество монетъ. Дервигъ остановился и принялся изучать мимику, выраженія лица это ростовщика, черты и тѣлодвиженія котораго выражали великую радость ощущаемую только подобными ему отъ прискосновенія къ металлическимъ кружкамъ. Совершенно иное ощущеніе испытывалъ Бекташи при этомъ зрѣлищѣ. Алчность человѣческая, доведенная до такой степени, возбудила въ немъ чувство отвращенія, заставившее его воскликнуть: „Ужели никогда не удовольствуется этотъ ростовщикъ!“ После краткаго молчанія ему вздумалось дать добрый урокъ этому Еврею. Онъ подошелъ къ нему, вынулъ изъ-за пазухи кошелекъ, вытащилъ оттуда мелкую монету составлявшую все его имущество, бросилъ ее Еврею и сказалъ: „Возьми вотъ и эту, присоедини ее къ прочимъ и оставь людей въ покоѣ“. Сказавъ это, дервигъ пошелъ своею дорогою, совершенно ошеломивъ Еврея, такъ какъ невѣроятно чтобы подобный ему человѣкъ могъ понять все значеніе даннаго ему урока.

Другая особенность у бекташи въ томъ что между нами принято не скрывать женъ отъ своихъ собратій. Такъ вопреки опредѣленнымъ и строгимъ предписаніямъ Корана, эти дервиши устраиваютъ въ средѣ своей лиришества въ которыхъ принимаютъ участіе ихъ жены. Единственная предосторожность соблюдаемая дамами Бекташи заключается въ томъ что они ради соблюденія приличія, не снимаютъ съ головы покрывала. Повидимому мужья ихъ считаютъ эту предосторожность совершенно достаточною для охраненія добродѣтели и стыдливости своихъ сулругъ; во всякомъ случаѣ они лучшіе судьи въ этомъ дѣлѣ. Но уже никакъ нельзя одобрить что эти дервиши позволяютъ спусхожденіе къ своимъ женамъ до того что позволяютъ имъ чокаться съ собесѣдниками и соперничать съ ними искусствѣ опустошенія бутылокъ съ водкой. Несмотря на философскія правила и прочныя добродѣтели господъ и господъ Бекташи лиришки ихъ легко могутъ превратиться въ самыя безобразныя оргіи.

Я долженъ прибавить еще что эти лиришества сопровождаются часто звуками флейты и пѣснями; и несмотря на собранія ихъ не рѣдко бываютъ очень скучны. Когда я жилъ въ Канлиджѣ на берегу Босфора, то бывалъ часто общегвѣ нѣкогого Джемаль-бея, Бекташи стараго закала тогда я имѣлъ случай познакомиться со всеми что касалось этой секты, ея правилъ, нравовъ и обычаевъ.

Считаю нужнымъ уломянуть здѣсь объ одной характеристической чертѣ этой секты, говорящей въ ея пользу. Я развѣ мужество и твердость, которыя всегда обнаруживали Бекташи защищая принципъ ихъ ордена и права личной свободы. Когда они стояли во главѣ янычаръ, никто не обнаруживалъ такого рѣшительнаго сопротивленія деспотизму султановъ и интригамъ дипломатіи, какъ эти Бекташи. Изъ независимый духъ возможно было укротить только саблѣй и веревкой, но даже и тогда, посреди убійствъ и преслѣдованій, гордый, неукротимый Бекташи не соглашался отступить отъ своихъ принципловъ и принять законъ побѣдителя. Исторія этой эпохи полна легендъ объ этихъ мученикахъ, прѣчавшихъ смерть хладнокровно и съ самоотверженіемъ. Безпристрастная исторія отдастъ справедливость янычарамъ и Бекташи, что они лади храбрецами, каковыми были когда.

МАЙОРЪ ОСМАНЪ-БЕЙ.

Д В Ъ С И Л Ы

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I. „Do bronі“.

Смутно и мрачно истекали послѣдніе дни 1862 года. Поляки торопились разыграть послѣдній актъ своей несконченной драмы, а мѣра предложенная маркизомъ Велѣпольскимъ только помогла имъ ускорить это кровавое окончаніе. Въ видахъ „умиротворенія“ края, онъ придумалъ административную мѣру которая, въ сущности, не могла привести правительству никакой пользы, но за то до крайности раздражила городское населеніе и, можно сказать, поторопилась додрать его до взрыва который и безъ того былъ неизбеженъ. Этою мѣрой явилась рекрутскій наборъ произведенный не обычнымъ порядкомъ, а по выбору полиціи, которая забирала въ солдаты личностей „подозрительныхъ и не благонадежныхъ въ политическомъ отношеніи“. Крестьяне-собственники и вообще хлѣбопашцы были избавлены отъ рекрутчины, за то разные челядинцы, мелкая шляхта, ремес-

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 3, 4, 6 и 9.

ники, городские пролетарии сдѣлались главною цѣлюю наборъ. Цѣль же была та чтобъ изъятіемъ изъ общественной среды „безпокойныхъ личностей“ не допустить край до возстанія. Цѣра была и не правильна, и бесполезна уже потому что она, сама по себѣ, она никоимъ образомъ не могла ни предотвратить возстанія, ни измѣнить его характеръ.

По Варшавѣ, да и по всему Царству Польскому, уже въ началѣ ходилъ слухъ что лица отиѣченныхъ въ наборъ будутъ забирать по цѣлому краю въ ночь съ 14го на 15е января 63 года. Паническій страхъ обуялъ на первое время значительною частью молодежи. Одни торопились распродать что имъ подвѣнѣ изъ вещей и бѣжать за границу, въ Галицію, а уже были сдѣланы всѣ приготовленія къ формированію рядъ, другіе кинулись къ „довудцамъ“ и „организаторамъ“ совѣтомъ и покровительствомъ. Но тѣ и сами на первые же потеряли головы, тѣмъ болѣе что въ самомъ „ржовдѣ“ это время господствовали сильныя раздоры и несогласія между комитетами: центральнымъ, бѣлымъ и краснымъ. Общія фразы: „Мы васъ не выдадимъ, мы защитимъ васъ“, заискали въ себѣ мало утѣшительнаго: завербованные въ „бой за свободу“ требовали болѣе положительныхъ указаній, но ихъ домогательства доводцы давали двусмысленный отвѣтъ: „Сидите дома, это Москаля все только врутъ, ничего не деть! А еслибы васъ и забрали, то комитетъ выручить!“ Въ виду такой неопредѣленности, всѣ кто чувствовалъ себя или иначе скомпрометтированнымъ, лорѣшили: въ ночь съ 14го на 15е января не оставаться дома чтобы такимъ образомъ спрятаться хоть на первое время, а тамъ—что будетъ. Въ минуту этой жаники Центральный Комитетъ почувствовалъ что вліяніе его на массы начинаетъ колебаться, и потому рѣшился немедленно же вызвать вооруженное возстаніе, не дожидаясь пока совершится наборъ, и именно съ цѣлю предупредить эту мѣру. Въ виду такой опасности, ему удалось, наконецъ, покорить себѣ и бѣлыхъ, и красныхъ, послѣ чего была вылучена пламенно написанная прокламація призывавшая всѣхъ Поляковъ „do broni“, то-есть къ оружію, гласящая что тотъ кто хочетъ истинно служить Богу и отечеству долженъ отнынѣ дѣйствовать огнемъ и мечомъ. Въ то время подъ рукою было пущено въ „десятки“ секретное приказаніе уходить тайкомъ „до ласу“, а сборными пунктами для варшавскихъ выходцевъ назначены ближніе лѣса

Камлиновскіе, Сѣроцкіе и Насельскіе. Въ этихъ мѣсахъ безоружные выходцы, получившіе при отправленіи по двѣ, по трѣ заутюжки на дорогу, должны были ожидать дальнѣйшихъ разпоряженій. Выходить назначено было черезъ Петербургскую заставу или чрезъ Шмулавскую къ Родзимину. Дозунгъ при этомъ былъ свидующій:

- Нѣхъ бандзе похвалёны Езусъ Христусъ! *
- И на вѣки вѣкувъ. Амень. А куда Богъ несетъ?
- На добре праце. **

Уходили обыкновенно подъ вечеръ, въ сумерки, отправляясь изъ домовъ по одиночкѣ, или подъ-руку съ „коханкой“ и таща на ланкѣ узелокъ съ колбасами, булками и водкой. И за „рогатками“ скоплялась уже цѣлая толпа этихъ выходцевъ. „Коханки“ провожали ихъ за заставу, гдѣ, раздѣлавъ послѣнюю закуску съ друзьями, возвращались въ городъ уже однокіа, а друзья цѣлыми партіями, цѣлыми толпами ежедневно направлялись по дорогѣ къ Сѣроцку. Полицейскіе чиновники изъ Поляковъ приставленные у „рогатокъ“ никогда не останавливались и не задерживали этихъ путешественниковъ.

Ровно въ полночь съ 10го на 11е января (22—23), по многимъ городамъ и мѣстечкамъ цѣлаго края вдругъ раздались роковой ударъ призывнаго колокола. Это былъ заранѣе условленный сигналъ по которому вездѣ и повсюду одновременно должно было вспыхнуть всеобщее возстаніе. Изъ этой полночи ржондъ задумалъ сдѣлать новую Варшавско-меевскую ночь для Русскихъ. И едва раздались удары призывнаго колокола, какъ въ разные города и мѣстечки ворвались вооруженныя банды. Инсургентъ влмывались въ дома, гдѣ по одиночкѣ жили на постояхъ русскіе солдаты, и убивали ихъ сонныхъ, въ постели. Съ нѣкоторыми же изъ захваченныхъ въ лѣвъ постулали варварски: выкалывали глаза, вырѣзывали языкъ, обрубали уши, а въ селеніи Стокъ, близъ Слмца, гдѣ нѣсколько солдатъ Костромскаго лѣхотнаго полка заперлись въ жильѣ и защищались оттуда съ рѣдкою отвагой, повстанцы, не имѣвшіе мужества одолѣть ихъ открытою силой, подожгли жильѣ и живьемъ сожгли не сдававшихся Русскихъ. Рядъ подобныхъ жестокостей и это коварство ночнаго нападенія на сонныхъ и безоружныхъ сразу же поселили въ солдатахъ непримиримую злобу къ Полякамъ.

* Да будетъ препрославленъ Исусъ Христосъ.

** На хорошую работу.

Черезъ нѣсколько дней телеграфъ повсюду разнесъ вѣсть о новой Варшавской ночи, и вся Россія, все что было въ ней честнаго и русскаго, дрогнуло отъ негодованія. Одинъ только Колоколъ, вопрекоръ фактамъ, не переставалъ дивически-настойчиво увѣрять будто „самое замѣчательное состоитъ въ томъ что этой Варшавской ночи не было, и не только не было, но само собою разумѣется что о ней никогда никто, кромѣ полицейскихъ композиторовъ, и не думаетъ“.*

Мрачно и жалко было начало возстанія въ дни предшествовавшіе этой роковой полночи. Еще съ 10хъ чиселъ декабря варшавскіе выходцы стали наполнять Кампинскіе и Насельскіе лѣса. Послѣдніе были въ особенности удобны для побродячества, потому что они очень обширны, трупписты, и, занимая пространство болѣе чѣмъ во сто верстъ, тянутся къ самой прусской границѣ. Въ эти-то глухія дебри и уходили по преимуществу Варшавяки. Безъ теплой одежды и обуви, безъ денегъ, безъ провіанта и безъ оружія, жалкія голодные и холодныя партіи ютились кое-какъ на снѣгу, или въ слякоти подъ кустами да подъ корчами лѣснаго бурелома, лугаясь каждаго шороха, каждаго лѣснаго звука, въ которыхъ имъ все чудилось приближеніе Москалей, казаковъ или „Черкесовъ“.** Къ этимъ несчастнымъ партіямъ навѣжали иногда на короткое время изъ Варшавы „делегаты ржонда“ и будущіе „довудцы“, и тогда къ пріѣзжимъ со всѣхъ сторонъ сыпались безконечныя жалобы: такой-то не получилъ водки при раздачѣ, тотъ колбасы требовалъ, тотъ хлѣба и салоговъ, этотъ просилъ теплую фуфайку, и всѣ вообще обвиняли отряднаго „ржондцу“ и интенданта въ покражѣ нѣсколькихъ рублей съ копѣйками, такъ какъ панъ интендантъ купилъ только водки, колбасы и хлѣба, а лива не покупалъ. Гости укоряли „ржондцу“ въ недостаткѣ патриотизма, и угѣшали толпу тѣмъ что въ свое время предадутъ его военному суду, а голодныхъ и босыхъ увѣщевали подождать терпѣливо до вечера или до завтра. Во избѣжаніе казачьихъ поисковъ, партіи эти не залеживались подолгу въ однихъ и тѣхъ же берлогахъ, а перекочевывали ежедневно на новыя логовища. Эти перекочевки

* Колоколъ 1863, №№ 157 и 158.

** Кавказскіе казаки Варшавскаго конвойнаго дивизиона издавна извѣстны у Поляковъ подъ именемъ Черкесовъ.

исполнены были всяческихъ тревогъ: въ каждомъ пѣтѣ напуганное воображеніе видѣло казака, и потому сторожевые вѣдеты то и дѣло положили двигающуюся партію ложными извѣстіями о появленіи Москалей. При каждомъ подобномъ извѣстіи, происходилъ переполохъ ужасный: одни кидались ломать сучья и вооружались ими, другіе прятались въ кусты, третьи спѣшили удирать куда глаза глядятъ, и всѣ вообще отказывались отъ всякаго повиновенія, да и повиноваться-то, по большей части, было некому, такъ какъ импровизованные офицеры спѣшили первые удрать и спрятаться подале, при вѣсти о Москалѣ. Такимъ образомъ, эти безоружныя и голодныя банды таяли болѣе чѣмъ на половину еще до встрѣчи съ противникомъ, который и не думалъ пока двигаться на поиски. Наконецъ, ропотъ на голодъ, холодъ и безоружность достигъ до Центрального Комитета, гдѣ наши что необходимо поддержать мужество и бодрость „бойцовъ свободы“, и потому снова направили въ лѣса комитетскихъ делегатовъ, на сей разъ „уполномоченныхъ“ объявить что хотя пока еще и нѣтъ оружія, но оно хранится въ Пюскѣ, Пюдкѣ и въ другихъ мѣстахъ, въ большомъ количествѣ, гдѣ и помѣряемся съ противникомъ; о маршрутахъ, молъ, уже позаботились, проводники уже готовы и на каждомъ привалѣ будетъ вдоволь водки, пива, хлѣба и мяса. Бойцы свободы кричали: *vivat!* и шли скитаться въ новыя дебри, гдѣ однако не оказывалось ни проводниковъ, ни водки, ни хлѣба. Въ это время у Центрального Комитета не было еще составлено никакого военнаго плана: точно также какъ и въ лѣсахъ, тамъ все еще шла пока невообразимая безтолочь и безурядица; время тратилось въ борьбѣ съ бѣлыми, которые умоляли отложить нѣсколько возстаніе, и съ красными, которые настаивали на томъ чтобы направить безоружныя банды на Модлинь и приказать имъ взять во что бы то ни стало Новогеоргиевскую крѣпость. Но наконецъ Комитетъ одолѣлъ, и тогда-то были присланы въ банды доводы, но увны!—многіе изъ нихъ, одолѣваемые жалобами своихъ подчиненныхъ и въ страхъ за собственную свою шкуру, тайкомъ удирали отъ вѣрныхъ имъ отрядовъ, оставляя людей на произволъ судьбы, и скрывались у сосѣднихъ помѣщиковъ, гдѣ вдесять предавались улоенію толковъ о будущихъ побѣдахъ и ухаживанію за ланенками. Нерѣдко случалось что среди такого времяпровожденія, покинутыя банды, случайно

набрѣда на какой-нибудь лавскій фольваркъ, отыскивали тамъ своего бѣглаго доводцу, который при этомъ воспламенялся патриотическимъ жаромъ, говорилъ имъ пламенные слнчи, лощилъ ихъ на даровщину лавскою водкою и, при первой же удобной минутѣ, слѣшилъ вновь задать тайкомъ стрекача отъ своего докучнаго воинства.

Но вотъ въ Комитетѣ, одолѣвшемъ своихъ противниковъ, нравственно занявъ первое мѣсто энергичный и необычайно дѣятельный Стефанъ Бобровскій, а въ лѣса „Варшавскаго отдѣла“ отправился офицеръ русскихъ войскъ Сигизмундъ Падлевскій, пріятель Бобровскаго, но менѣе его дѣятельный и энергичный, человекъ несомнѣннаго мужества, отчаянный, рѣшительный, съ сильною волей и деспотически-диктаторскими замашками. Эти два лица мигомъ перевернули по-своему все дѣло: явились и „доводцы“, явилось и оружіе, хотя и не въ такомъ количествѣ какъ обѣщалось, и вотъ, первымъ и довольно быстрымъ послѣдствіемъ свершившагося переворота было наладеніе на сонныхъ Москалей подъ звуки полуночнаго набата.

Но эта первая попытка, несмотря на всю ея внезапность, повсюду почти была отбита съ урономъ для Поляковъ: роты русскихъ солдатъ успѣли въ порядкѣ отступить въ мѣста своихъ полковыхъ штабовъ, полматясь, конечно, каждая нѣсколькими людьми, которыхъ иасургентамъ удалось прнрѣзать въ постели, или захватить и изуродовать. Послѣ этого повстанцы разсѣялись по всему краю, во множествѣ мелкихъ партизанскихъ бандъ, которыя портили желѣзныя дороги, рвали телеграфныя проволоки, грабили почтовые мальпосты и убивали проѣзжихъ, если тѣ имѣли на себѣ русскую военную форму. Едва приближались русскія войска, которыя небольшими подвижными колоннами по всѣмъ направленіямъ искрещивали край, повстанскія банды рассыпались, не дожидаясь боевой встрѣчи, съ тѣмъ чтобы тотчасъ же собраться вновь въ тылу прошедшей колонны. Если Русскіе случайно натыкались на подобную банду, то какая-нибудь двадцатиминутная перестрѣлка рѣшала дѣло, и Поляки въ рассыпающую искали себѣ спасенія въ бѣгствѣ. Хотя зима въ этомъ году стояла теплая, такъ что, напримѣръ, 15го января въ Варшавѣ доходило до десяти градусовъ тепла, да и Висла всю зиму не замерзала, тѣмъ не менѣе городскіе обыватели, составлявшіе главную силу бандъ, были далеко не привычны къ трудамъ и лишеніямъ

бывуачной скитальческой жизни. Поэтому до начала марта партизанскія дѣйствія шли вообще очень вяло и безсвязно. Главная задача состояла не въ томъ чтобы драться, а въ томъ лишь чтобъ утомлять русскія войска безплодными поисками и демонстрировать предъ Европой газетными извѣстіями что банды, молъ, есть и держатся, и дерутся, и увачтожить ихъ невозможно. Но вотъ, пахнули первые два весны—и возстаніе оживилось.

II. Генераль-довудца и его штабъ въ прадѣдовскомъ замкѣ.

Въ одной изъ лѣсистыхъ мѣстаостей Августовскаго уѣзда, на крутомъ и обрывистомъ берегу Нѣмана, изрытомъ извѣстными и глубокими оврагами, поросшими кудрявою растительностью, возвышается въ пустынномъ уединеніи старинный родовоі замокъ графовъ Маржецкихъ. Толстыя кирпичныя стѣны этого дома, воздвигнутыя еще въ XVII вѣкѣ, не разъ подвергались лотомъ по частямъ наружной реставраціи: вотъ башня сохранившая еще и доселѣ свой первоначальный старо-польскій стиль, а рядомъ съ нею какая-то пристройка совершенно въ голландскомъ родѣ, далѣе—главный фасадъ съ большимъ крыльцомъ во вкусѣ рококо, возобновленный въ прошломъ столѣтіи; тутъ же и домашняя капелла, греческій фронтонъ которой явно указываетъ на время ея реставраціи въ началѣ нынѣшняго XIX вѣка; домашнія службы и хозяйственныя постройки разбросанныя вокругъ, но нѣсколько поодаль отъ замка, строены уже безъ всякаго стиля, а просто себѣ такъ какъ обыкновенно строятся онѣ на Литвѣ и въ Польшѣ. Длинная аллея вѣковыхъ пирамидальныхъ тополей ведетъ къ каменнымъ воротамъ, за которыми раскинулся широкій дворъ, примыкающій къ главному лицевому фасаду. Противоположная сторона замка обращенная къ рѣкѣ вся прячется въ кулахъ липъ, и вязовъ, и кленовъ стариннаго сада, который по двумъ оврагамъ красиво сбѣгаетъ къ самому Нѣману. Это уединенное мѣсто исполнено дикоі прелести. Противный берегъ, и вправо, и влѣво, и въ глубину, на необозримое пространство величаво поросъ вѣковѣчною, дремучею пущей, которая темною тѣнью угрюмо опрокинулась въ Нѣманъ и кажется издали

темносивею зубчатою стѣною, — такой характеръ контуровъ придаютъ ей остроконечныя верхушки высокихъ сосенъ и елей.

Графиня Цезарина весну этого года проводила въ родовомъ замкѣ своего сосланнаго супруга. Былъ девятый часъ вечера. Заходящее солнце обливало розовымъ золотомъ старую бѣлосѣрую башню и зарѣчныя лѣсныя вершины. На Нѣманѣ легкій, прозрачный туманъ подымался. Въ это время стояли уже ясные, чудные дни мая мѣсяца.

На половинѣ графини только-что начинали зажигать лампы. Въ старинной, но очень красивой и комфортабельной гостиной, украшенной портретами прабабушекъ и старо-польскихъ дѣдовъ, сгруппировалось вокругъ хозяйки небольшое общество. Всѣ сидѣли у раскрытыхъ оконъ, выходящихъ въ садъ, откуда въ яркихъ раскатахъ доносилась переключка прѣдмѣанскихъ соловьевъ, мелодическіе выскивсты чернаго дрозда и нѣжныя стоны иволги.

Графиня Цезарина, придвинувъ къ себѣ рабочій столикъ, собственноручно прилаживала ярко-пунцовый плюмажъ изъ страусовыхъ перьевъ къ красивой бѣлой конфедераткѣ. Предъ нею лежала металлическая кокарда, которая должна была красоваться на той же конфедераткѣ у основанія плюмажа. Это была кокарда польскихъ „вѣсмертельныхъ“, то-есть вѣсмертныхъ уланъ, и потому изображала собою рельефную *Адамову голову* надъ двумя скрещенными костью. За кресломъ графини, немного сбоку и чуть-чуть облокотясь на его сливку, сидѣлъ высокій, статный и очень красивый молодой человекъ, въ какой-то предупредительной позѣ, будто „на чеку“, будто весь готовый кинуться куда угодно по первому слову, по первому взгляду прелестной женщины, — сидѣлъ и просто вливался въ нее восторженно влюбленными глазами. Противъ Цезарины, покойно и безцеремонно погружаясь въ глубокое кресло и смакуя съ ложечки кусокъ мороженого, возсѣдалъ нѣсколько тучный мущина, хотя и пожилого возраста, но необыкновенно представительнаго вида, съ характернымъ аристократически-польскимъ лицомъ, выраженіе котораго дышало гордо самоувѣреннымъ достоинствомъ и въ то же время благоволивуюнисходительностью къ тѣмъ изъ окружающихъ которыхъ онъ считалъ ниже себя по общественному положенію. Впрочемъ, эта благоволиваянисходительность отнюдь не относилась у него къ самой хозяйкѣ,

на которую онъ поглядывалъ такимъ взоромъ что въ немъ окрывалась и легкая родственная фамильярность и легкая лакомость жирнаго кота, съ какою обыкновенно глядятъ на молодыхъ женщинъ самоувѣренныя и бывалые, но уже отставные ловеласы. „О! я все знаю, меня не проведешь! И если я уже самъ не могу завоевать тебя, такъ хоть погляжу какъ счастливъ тобою этотъ влюбленный юноша“, казалось, говорилъ самодовольный взглядъ бывшего ловеласа. Это былъ двоюродный братъ мужа Цезарины, тоже графъ и тоже Маржецкій—извѣстный Сценсый (Феликсъ) Маржецкій, на котораго въ сороковыхъ годахъ заглядывались женщины и въ Петербургѣ, и въ Варшавѣ, и въ Парижѣ. Всю жизнь свою проведя въ сферѣ идеальнаго поклоненія искусству и реальнаго поклоненія красотѣ женщинъ, онъ подъ конецъ своей фланерской жизни растратилъ все свое состоянiе и сдѣлался самымъ аристократическимъ демократомъ, аристократическимъ краснымъ... Онъ рисовался, онъ бравировалъ этою ролью графа-радикала, хотя въ сущности не поступился бы ни единою изъ своихъ родовыхъ привилегій, и относился въ душѣ, а иногда и на словахъ, съ величайшимъ почтенiемъ къ *своему* древнему роду. По его мнѣнiю, одни только Маржецкiе были настоящие, родовитые магнаты—ну, да пожалуй еще Чарторыйскiе съ Замоискими, а прочее все такъ-себѣ, заурядная аристократiя, немножко любви обыкновенной шляхты. И потому, будучи въ душѣ закалятою „бѣлою костью“, онъ какъ „европейски образованный человѣкъ своего вѣка“ считалъ что вполнѣ имѣетъ право быть демократомъ, если это ему нравится, а тѣмъ болѣе если это его „позируетъ извѣстнымъ образомъ“. Проигравшись окончательно въ рулетку, онъ прiѣхалъ теперь на родину, съ цѣлю „спасать отечество“. Это былъ истинный дилеттантъ во всемъ, эликуреецъ, немножко атеистъ, немножко артистъ и поэтъ, и потому не захотѣлъ онъ подобно другимъ родовитымъ собратамъ своимъ, колотаться въ тѣмъ подпольной конспираци и дипломатической интриги. Нѣтъ, какъ истый рыцарь, графъ Сценсый Маржецкiй прiѣхалъ въ Польшу съ тѣмъ чтобы выступить противъ врага на борьбу съ открытымъ забраломъ, лицомъ къ лицу, во главѣ своего отряда и съ громкимъ титуломъ доудцы-генерала, въ роли достойнаго рода Маржецкихъ, которые умѣли нѣкогда драться рядомъ съ Баторiемъ и Собiесскимъ.

Третье лицо, державшееся около графа не то чтобы рядомъ и не то чтобы сзади, былъ старый нашъ знакомецъ эскъ-уланъ, панъ Колець. Здѣсь очутился онъ случайно: организованная имъ маленькая банда была разбита въ первой же стычкѣ, а панъ Колець, при первыхъ выстрѣлахъ, чуть ли не первымъ пустился на утекъ съ поля битвы, услѣлъ кое-какъ скрыться въ лѣсахъ и, благополучно переправясь черезъ Нѣманъ, явился искать прибѣжища въ замокъ Маржецкихъ. Графъ Сченскій, какъ генералъ будущихъ „регулярныхъ силъ“ Августовскаго воеводства, великодушно предложилъ у себя пану Колю должность начальника „всей кавалеріи“ и мѣсто своего ближайшаго помощника по хозяйственной части въ „обозѣ“* и въ „военномъ совѣтѣ“, а пока, въ ожиданіи новыхъ военныхъ подвиговъ, эскъ-уланъ беззаботно проживалъ себѣ „на ласковомъ хлѣбѣ“ у графини Цезарины. Остальные трое мушкетеровъ, которыхъ Маржецкій называлъ своимъ штабомъ, были: „панъ адъютантъ“ Поль Секерко—очень молоденькій, розовый и бойкій мальчикъ изъ хорошей дворянской фамиліи; „панъ капитанъ“—черномазый, угрюмый мушкетеръ, лѣтъ уже подъ сорокъ, избравшій себѣ псевдонимомъ прозвище „Сычъ“, что какъ мельзя болѣе подходило къ его характеру, и наконецъ третій „панъ поручикъ“, небогатый и потому скромно держащійся ларень изъ мѣстныхъ шляхтичей-чиновниковъ, который на видъ являлъ собою совершенно безцвѣтную личность. Онъ обходился не только что безъ псевдонима, но даже и безъ собственнаго имени, а называлъ себя просто „паномъ поручикомъ“, и всѣ другіе тоже такъ его называли. Всѣ они красовались теперь въ своихъ щегольскихъ чамаркахъ, позвякивали шпорами и безъ всякой надобности сидѣли при сабляхъ, очевидно, необыкновенно гордые и счастливые тѣмъ что находятся въ высокомъ обществѣ родовитыхъ и богатыхъ магнатовъ. Если прибавить къ этимъ лицамъ еще фигуру капеллана и траурную фигуру пожилой компаніонки, то общество засѣдавшее въ гостиной графини будетъ вполнѣ очерчено въ надлежащей рамкѣ.

— О, это будетъ очень красиво, очень эффектно! съ увлеченіемъ говорилъ статный юноша сидѣвшій за кресломъ Цезарины:—Вдругъ цѣлый эскадронъ—*„эскадронъ смерти“*: черные съ бѣлымъ значки на ликахъ, черныя чамарки съ бѣлымъ

* Обозъ—лагерь.

крестомъ на груди, бѣлая конфедератки съ краснымъ пла-
мажемъ и эта „труля глова“!..

— А кабы къ этому да еще красные плащи!.. Хорошо бы!
рѣшился скромно замѣтить панъ поручикъ, не вполне увѣ-
ренный какъ будетъ принято его замѣчаніе.

— О, тогда бы это была „адская колонна“! восторженно за-
мѣтилъ адъютантъ-мальчикъ.—А хорошо бы въ самомъ дѣлѣ
назвать эскадронъ „адскою колонной“ или „красными черта-
ми“... а? „Красные черти“—ей-Богу не дурно! Въ одномъ на-
званіи уже какая сила и выразительность!

— Нѣтъ „эскадронъ безсмертныхъ“ или „легионъ смерти“
гораздо потишнѣе, оно и мрачнѣе, и грознѣе и внушитель-
нѣе! возражалъ статный локловникъ Цезарины.

— Хорошо, охотно согласился адъютантъ:—но тогда от-
чего же бы не сдѣлать такъ: одну часть назвать „эскадронъ
безсмертныхъ“, другую „легионъ смерти“, третью „адскою
колонной“, а четвертую „красными чертами“; развѣ у васъ не
хватитъ людей на всѣ четыре части?

— Панъ ма раціе, * замѣтилъ графъ Сченскій, сдѣлавъ
адъютанту благосклонное движеніе рукою.—Ваша идея мнѣ
нравится! Пожалуйста, заготовьте приказъ объ этомъ и... по-
скорѣе, на завтра же!

Адъютантъ подвинулся съ мѣста и слегка щелкнулъ шпора-
ми, явно желая сдѣлать поклонъ совсѣмъ „по-военному“.

— Но... вотъ чтѣ, въ покровительственно начальственнымъ
тонѣ отнесся къ нему черезъ плечо графъ Маржецкій:—ска-
жите, мой милый, отчего я на васъ не вижу эксельбантовъ?..
Вы, кажется, адъютантъ, а эксельбанты, сколько мнѣ извѣст-
но, есть необходимая принадлежность адъютантской формы.

— Мнѣ бы и самому очень хотѣлось, съ легкою застѣли-
востью заделеталъ вспыхнувшій юноша:—но... я не смѣлъ... я
не зналъ, можно ли это...

— Не можно, мой милый, а должно! И вообще, прошу васъ
всѣхъ, господа, строжайше соблюдать принятую форму, по-
тому что... это вообще очень важно... Не забывайте что мы
будемъ „партизаны регулярные“, эго не то что всякій сбродъ..
А вы, мой милый помощникъ и интендантъ, обратился графъ
къ пану Колду:—пожалуйста распорядитесь чтобы мой фак-
торъ Шмуль завтра же съѣзжалъ въ Августовъ и—какъ

* Разовно, основательно!

знаетъ, какъ хочетъ, но чтобы непремѣнно привезъ двѣ пары эксельбантовъ... Я желаю чтобы мой штабъ вообще носилъ эксельбанты. О, красивый мундиръ... это вообще очень, очень много значить и многое придаетъ человѣку!.. Не такъ ли, графиня? Вы, какъ женщина, конечно, вполне понимаете это?

— Мундиръ хорошъ на парадѣ, а мы готовимся къ бою, мягко замѣтила Цезарина.

— О, конечно такъ! Но неужели вы думаете что вашъ старый поклонникъ рѣшился бы уйти изъ родового замка графовъ Маржецкихъ не сдѣлавъ парада въ честь такой прелестной хозяйки и такой патриотки?! Вы будете царицей нашего военного торжества, и я самъ проведу предъ вами мои войска церемониальнымъ маршемъ, самъ буду парадировать во главѣ и отсалютую вамъ моею дѣдовскою саблей... И тѣмъ болѣе что какъ генераль цѣлаго военного отдѣла, я даже обязанъ—понимаете ли—*обязанъ* по долгу службы сдѣлать смотрѣ всѣмъ моимъ силамъ, прежде чѣмъ поведу ихъ противъ неприятеля... Мы должны взаимно познакомиться, они должны узнать и полюбить своего начальника. Не такъ ли, господа?

Генеральскій штабъ вполне согласился съ мнѣніемъ своего начальника, потому что болѣе или менѣе, каждому улыбалась пріятная идея попарадировать красиво на коняхъ предъ графиней и сосѣдними паннами, которыя подъ предлогомъ воскресной „мши“ въ костелѣ, непремѣнно съѣдутся посмотреть на „волковъ народныхъ“.

— Но жаль что музыки не будетъ! Парадъ хорошъ при звукахъ воинственной музыки, опять рѣшился вставить свое скромное слово лавъ поручникъ изъ бѣдныхъ шляхтичей.

— Успокойтесь, милѣйшій! вашъ генераль уже все предусмотрѣлъ и обо всемъ позаботился! съ благосклонной улыбкой черезъ плечо замѣтилъ графъ своему поручику. — Мой Шмуль сообщилъ мнѣ какъ-то что здѣсь, по Августовскому повѣту, шатаются какіе-то Чехи-трубадуры, семь человѣкъ, просто себѣ страствующіе музыканты, и я приказалъ ему порядить ихъ за хорошую плату въ мой корпусъ... Надо только придумать этимъ Чехамъ соответственную форму.... Я займусь этимъ вопросомъ...

Цезарина приладила наконецъ красный лаюмажъ, прикрѣпила кокарау и, любящая на свою работу, подала конфедератку статному красавцу.

— Жозефъ, надѣньте на себя, примѣрьте, сказала она:— хочу посмотрѣть какъ къ вамъ идетъ.

Молодой человекъ исполнилъ ея просьбу и сталъ предъ нею въ непринужденной, но красивой позѣ, искоса поглядывая на свое изображеніе въ зеркалѣ. Самодовольная улыбка невольна скользила слегка по его губамъ: онъ чувствовалъ что красивая шалка необыкновенно идетъ къ нему, что онъ очень хорошъ, что на него невольна любятъ всѣ, и прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ любитъ она, его королева. Но почувствовалъ что нельзя же долго и безъ нужды оставаться въ шалкѣ, онъ не безъ внутренняго сожалѣнія снялъ, наконецъ, свою конфедератку и благодарно поцѣловалъ руку Цезарины.

— Ну-съ, милостивый государь, а вы какъ же? шутило и ласково обратился къ нему Маржецкій: такъ-таки и не желаете у меня командовать эскадрономъ?

— Оставьте меня, генералъ, при моей скромной роли, вѣжливо уклонился молодой красавецъ,—все равно, я, по обязанности, буду впереди всѣхъ, я понесу знамя, которое даритъ намъ графиня, и этой завидной доли мнѣ бы никому не хотѣлось уступить.

— Въ такомъ случаѣ, я ничего не имѣю противъ, оставаясь нашимъ „хорунжимъ“ * и.... я увѣренъ что знамя графини поведетъ насъ къ побѣдамъ.... Оно будетъ вдохновлять насъ воспоминаніемъ о лучшей женщинѣ какую я только знаю на свѣтѣ, а этого одного уже достаточно чтобы разбить хоть сорокъ, хоть пятьдесятъ тысячъ дрянныхъ Москалей; не такъ ли, господа? вы согласны?

Лица штаба щелканьемъ шпоръ и легкими кивками изъявили и на сей разъ полное свое согласіе съ принципомомъ.

— Треть-бремя! Плюскъ! и готово! выпалилъ вдругъ лавъ Колець, одною рукой расправляя усы, а другою описавъ разящее движеніе по воздуху.

— Bravo, мой интендантъ, мой кавалеристъ! bravo! слегка похлопалъ его по кобѣну Маржецкій:—Что мнѣ въ васъ необыкновенно нравится, такъ это ваша прямая старо-польская удаля.

— Всегда былъ, есть и останусь кавалеристомъ! снова выпалилъ эксъ-удаль, съ немалымъ самохвальствомъ, которое въ немъ однако всѣ признавали за откровенную прямоту и простоту натуры, свойственную старому рубакѣ.

* Знаменосецъ.

— Раздвляю вашу страсть къ кавалеріи, благосклонно похваляю его графъ Сченский.—Полякъ по натурѣ своей рыцарь, человѣкъ благородный, и потому онъ кавалеристъ.... Я понимаю что у насъ никто изъ порядочныхъ людей не хочетъ идти въ лѣхоту: лѣхота это войско рабовъ, войско Нѣмцевъ и Москалей, а намъ, Полякамъ, намъ прирожденно чувство шляхетности, и потому каждый изъ насъ стремится быть кавалеристомъ. Не такъ ли?

— А я слыхалъ, началъ вдругъ адъютантъ очевидно стараясь опять нанести разговоръ на любимую свою тему,—я слыхалъ что въ корпусѣ Чаховскаго всѣ лица штаба носятъ очень красивые мундиры, эксельбанты, плюмажи и кромѣ того красные панталоны, какъ у Французовъ.

— Красные панталоны? въ самомъ дѣлѣ? освѣдомился графъ.—А! это дѣйствительно должно быть очень красиво.... И притомъ красный цвѣтъ—традиціонный цвѣтъ демократизма и революціи, цвѣтъ либеральной Франціи.... Parbleu! мнѣ это нравится.... въ этомъ есть идея.... Какъ вы думаете объ этомъ, мой милый интендантъ? Не послать ли намъ заодно Шмуля тобъ онъ купилъ въ Августовѣ и краснаго сукна для меня и для штаба?

— Будетъ исполнено! съ сіяющимъ лицомъ послѣшилъ заирить Поль Секерко.

Въ эту самую минуту вошелъ ливрейный гайдукъ и доложилъ что пріѣхали двое какихъ-то господъ, которые спрашиваютъ ясневельможнаго пана грабѣго. *

— Меня? нахмуривъ бровь, повернулся къ нему Маржецкій,—и сколько разъ еще повторять мнѣ вамъ чтобы не смѣли величать меня ясневельможнымъ графомъ!?. На свѣтѣ много графовъ есть, а генералъ Августовскаго военнаго отдѣла только одинъ.... Я генералъ, и не смѣть меня величать иначе! Кто такіе?

— Не знаю... Одинъ цивильный, а другой войсковой.

— Войсковой?... Польскаго войска?

— Н-вѣтъ.... Сдается такъ, будто бы Москаль.

— Москаль? неволью вырвалось у присутствующихъ, и всѣ въ тревожномъ недоумѣніи переглянулись другъ съ другомъ.

— Господа, что жь это значитъ? пробормоталъ Маржецкій не умѣя скрыть внутренняго безлокойства.

* Графа.

— Э, чего тамъ что еще значить! похрабрился экъ-уаааа:— просто плюскъ! и баста!

— Те... постойте, не кричите такъ! досадливо остановилъ его за руку графъ Сченскій и послѣшво обратился къ остававшимся мужицкамъ:— Господа, вы въ шлорахъ и при сабляхъ... Бога ради, снимите ваши сабли, спрячьте ихъ... да и сами-то лучше уходите, скройтесь на время....

— От-то еще! Чего бояться?! похрабрился Колець, однако уже не совсѣмъ-то увѣреннымъ тономъ.

— Позвольте, нетерпѣливо перебилъ его Маржецкій:— надѣюсь, господа, вы понимаете, конечно, что не трусость говорить моими устами, но благоразуміе... спасительное благоразуміе... торопиво заговорилъ онъ, перебѣгая взоромъ съ одного на другаго:

— Погодите, спокойно перебила графиня:— Ты видѣлъ ихъ?— обратилась она къ лакею.— Сколько ихъ? Только двое или есть еще съ ними какіе-нибудь солдаты, жандармы, казаки тамъ что ли?

— Э, только двое, дали-Бугъ, какъ есть двое, и никого больше нѣту, завѣрилъ гайдукъ.— Я видѣлъ какъ они еще по аллеѣ подѣвжали, только двое и было.

— Въ такомъ случаѣ, господа, позвольте мнѣ, какъ хозяинъ, принять ихъ, а вы всѣ, не исключая даже и васъ, мой милый графъ, удалитесь на время... Вы выйдете потомъ когда я разъясню въ чемъ дѣло... Васъ позовутъ тогда.

И компанія добрыхъ вояковъ безпрекословно послѣшши исполнить благоразумный совѣтъ графини, удалась на цыпочкахъ во внутренніе покои. Статный красавецъ хотѣлъ было остаться, но Цезарина безмолвнымъ жестомъ и взглядомъ отравила и его вслѣдъ за другими. Съ нею остались только коендзъ да компаньйонка.

— Приси! приказала она лакею.

Черезъ минуту въ гостиную вошли двое залымаемыхъ лутиковъ. Одѣтый въ партикулярный костюмъ шелъ впередъ Цезарина вглядѣлась въ него—и невольно вырвалось у неѣ восклицаніе удивленія. Она узнала въ немъ Василя Свитку

— Позвольте представить вамъ, графиня, моего слуги проговорилъ онъ указывая на товарища. Онъ *нашъ* вполнѣ хотя и носить пока военный мундиръ, но это только для болшей безопасности: въ дорогъ, знаете, казаки, ликеты и всякая сволочь поладается; это не лишнее; все жъ-таки гарантія...

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?.. невнятно пролетела Цезарина, съ вопросительною и сдержанно-привѣтливою улыбкой приподнимаясь съ мѣста.

— Поручикъ Бейгушъ, назвалъ себя товарищъ Свитки, раскланиваясь по привычкѣ краткимъ военнымъ поклономъ.— Помните, разъ я имѣлъ честь встрѣтить васъ въ Петербургѣ у вашего общаго пріятели, у Колтышко... Но не въ этомъ дѣло. Я имѣю назначеніе въ военно-народный отдѣлъ Августовскаго воеводства и потому мнѣ надо видѣть генерала... Могу я видѣть его?

— Сію минуту!

И Цезарина сама пошла звать своего храбраго, но благо-разумнаго кузена.

Успокоенный генералъ вышелъ къ новоприбывшимъ уже съ кѣмъ по-генеральски.

— Что вамъ угодно?

Послѣдовала новая рекомендація и взаимное представленіе.

— Очень пріятно! процѣдилъ сквозь зубы Маржецкій, не протягивая однако руки, а ограничась однимъ лишь благово-льнымъ жестомъ.—Кто васъ прислалъ ко мнѣ?

— Тотъ кто имѣлъ на это единственное право: ржондъ на-родовый.

— Склоняюсь предъ волею ржонда. Но зачѣмъ собственно вы присланы?

— Въ ваше распоряженіе, въ качествѣ офицера генеральна-наго штаба.

— А я, послѣшилъ вставить Свитка,—я въ качествѣ граж-данскаго делегата, на случай движенія въ Литву, такъ какъ я собственно принадлежу къ организаціи Литовскаго отдѣла. Впрочемъ я ѣду завтра же и постараюсь снова побывать у васъ уже въ лѣсахъ Литовскихъ.

Маржецкій кивнулъ ему на это вскользь головой.

— Въ качествѣ генеральнаго штаба? прищурясь обратился онъ къ Бейгушу.

— Офицера генеральнаго штаба, поправилъ его бравый по-ручникъ.

— Ну да, конечно, офицера.... А имѣете вы достаточныя поз-нанія для этого?... Сколько я знаю, должность офицера гене-ральнаго штаба имѣетъ свои особенныя обязанности и требу-етъ, такъ сказать... однимъ словомъ...

— Я кончилъ курсъ въ академіи, послѣшилъ заявить ему Бейгушъ, видя что генераль начинаетъ нѣсколько лутаться.

— О, въ такомъ случаѣ я склоняюсь предъ авторитетомъ науки!.. Я слишкомъ проникнуть священнымъ уваженіемъ къ наукѣ и потому склоняюсь! слегка покачиваясь и раскланиваясь, сдѣлалъ графъ новое благоволивое движеніе рукой.

Увидя предъ собою не лѣсоваго, не импровизованнаго, а настоящаго офицера, да узнавъ еще вдобавокъ что офицеръ этотъ кончилъ курсъ въ военной академіи, графъ Маржецкій въ душѣ необычайно обрадовался. Въ сущности онъ не имѣлъ ровно никакого понятія о военномъ дѣлѣ, а ужъ о такихъ, по мнѣнію его, „мелочахъ“, какъ организованіе части, ея вооруженіе, снабженіе, обученіе—ничего и говорить. Графъ полагалъ что это вовсе не его дѣло заниматься подобными лустяками, что это все предметы низшаго порядка, для которыхъ нужны чернорабочія руки, а онъ, благооклобно согласившійся принять на себя званіе начальника и генерала, ради вѣщаго прославленія фамиліи Маржецкихъ, онъ призывалъ только направлять, воодушевлять, подавать доблестный примѣръ въ бою и вообще вести къ славѣ своихъ соотчичей. Поэтому свѣдущій военный человѣкъ пришелся ему теперь какъ нельзя болѣе кстати: по сосѣднимъ лѣснымъ фольваркамъ уже болѣе недѣли скрывались собраные люди, готовые идти въ банду, но съ ними ровно ничего не дѣлали, а только кормили да ложили на счетъ патріотки-графини. Хотя лавъ Колецъ и увѣрялъ все что онъ „учитъ“ и „приготавливаетъ“, но результаты этого приготавливанія сказывались пока только въ томъ что разношерстная сводочъ, собранная изъ городской и „мястечковъ“ черни, льямствовала безъ просылу, бездѣльничала, ссорилась и дралась между собою и начинала уже дебоширить по сосѣднимъ деревнямъ, что вызывало ролоть и озлобленіе со стороны безучастныхъ хлопковъ. Время межъ тѣмъ уходило, и графъ очень хорошо начиналъ понимать что въ средѣ его штаба никто не умѣетъ и не знаетъ какъ должно приступить къ дѣлу: всѣ хотятъ только командовать, властвовать, начальствовать, а поучить и потрудиться никто не желаетъ. Важнѣйшая забота графа, какъ и каждаго, впрочемъ, генерала этого возстанія, состояла въ томъ чтобъ избрѣсти костюмъ, *форменное платье* для своей банды и найти *хорошаго майора*, который бы дѣлалъ все дѣло по строевой части, а генераль тѣмъ временемъ спокойно бы жуировалъ и ложиалъ себѣ лавры. Лица свиты и

штаба предназначались не для дѣла, а болѣе для внѣшней обстановки, для эффектнаго „автуража“, для красиваго вида да для того еще чтобы генералу было съ кѣмъ позабавиться пріятною блатовнею, побращаичать и поиграть въ карты; вся же часть дѣйствительной работы и настоящаго дѣла, насколько оно исполнялось и существовало въ безшабашныхъ бандахъ, исключительно возлагалась на плечи чернорабочаго майора „Майоръ“ польской банды—это обыкновенно Италиянецъ, Венгерець, Французъ, иногда Полякъ, который кое-что и кое-какъ смыслить въ военномъ дѣлѣ. Онъ могъ командовать отъ имени главнаго вождя, но такъ чтобы всѣ думали будто это вовсе не онъ, а самъ генералъ командуетъ и распоряжается; поэтому, ему предоставлялась извѣстная свобода дѣйствій, но съ тѣмъ условіемъ чтобъ онъ не слишкомъ выставлялъ свое честолюбіе, не вдавался бы въ польскую политику, повиновался безъ разсужденій непогрѣшному ржонду, не дѣлалъ дурныхъ внушеній крестьянамъ противъ ломѣщиковъ и почиталъ бы польское духовенство.

Эти условія графъ Маржецкій предложилъ и Бейгушу, уведя его предварительно въ особую комнату, чтобъ избѣжать постороннихъ свидѣтелей, а такъ какъ Бейгушъ былъ ему очень и очень-таки нуженъ, то условія были предложены въ самой мягкой и деликатной формѣ, причемъ графъ не покушался на самую очаровательную любезность.

Бейгушъ сразу появлялся съ кѣмъ имѣеть дѣло, но его привела сюда не собственная, а иная воля, которой онъ обязанъ былъ сѣло повиноваться, въ силу добровольной присяги и чтобъ окончательно очистить себя отъ черныхъ подозрѣній возбужденныхъ противъ него еще въ Петербургѣ по поводу нежеланія ѣхать въ Литву. Петербургскому Центру, конечно, не могла быть извѣстна та нравственная метаморфоза которая заставила браваго поручика искренно и честно полюбить свою „Москѣвку-жену“, послѣ нечестной продѣлки съ нею. Да и что было за дѣло этому Центру до какихъ бы то ни было метаморфозъ, разъ что человекъ связалъ себя добровольно клятвой патріота. Поэтому тогдашнее колебаніе этого человека показалось членамъ „военнаго кружка“ крайне подозрительнымъ. Бейгушъ долженъ былъ поведолѣ уступить грозному валору общественнаго мнѣнія своихъ товарищей-Поляковъ и исполнить то что отъ него требовалось, но тѣмъ не менѣе тѣмъ сомнѣній и подозрѣній сопровождала его съ тѣхъ поръ повсюду и въ Вильнѣ, и въ

Варшавѣ. Надо было снять съ себя эту тѣнь, и для того надо было ловинговаться саѣпо и непрекословно.

— Я солдатъ, мое дѣло исполнять то что приказываютъ, коротко отвѣтилъ онъ графу Маржецкому на всѣ его предложенія и условія.

— Въ такомъ случаѣ, завтра же будетъ отданъ приказъ о назначеніи васъ майоромъ моего штаба! крѣпко пожимая ему обѣ руки, съ самою тонкою любезностью заключилъ графъ, почувствовавшій что теперь тяжкая гиря заботъ перекатилась съ его барскихъ плечъ на шею оговорчиваго поручика.

„Форма придумана, майоръ найденъ — чего жъ болѣе? Остается только пожинать мирты Эроты и лавры побѣды“, самодовольно подумалъ себѣ графъ-довудца, вводя вновь пожалованнаго майора въ гостиную, чтобы представить его членамъ своего штаба, которые успѣли уже промахать что опасности нѣтъ никакой, что прибыли де *свои*, и потому смѣло повысылали въ гостиную, гдѣ въ волю могли теперь щеголять и рисоваться своими воинственными позами и рѣчами, своими „штыфлями“, * шпорами и саблями предъ „уважаемымъ делегатомъ“ Свиткой.

III. На сборномъ пунктѣ.

Прошло двѣнадцать дней со времени прибытія Бейгуша въ замокъ Маржецкихъ. Въ это время было окончательно рѣшено на военномъ совѣтѣ вторгнуться въ предѣлы Гродненской губерніи, гдѣ и держаться въ лѣсахъ, дѣлая по временамъ партизанскіе налеты въ ту или другую сторону. Въ это же время Бейгушъ наскоро занялся кое-какою подготовкою людей и распределеніемъ ихъ въ уданы, въ *тиральеры* и въ *косильеры*, а организаторъ Августовскаго воеводства успѣлъ окончить доставку въ замокъ разныхъ принадлежностей боеваго снаряженія, которыя, съ помощью жидковъ, подвозились по частямъ: то въ товарныхъ ящикахъ, то въ бочкахъ, то въ возахъ наполовненныхъ для виду сѣномъ и соломой, а кое-что было доставлено даже и водою, въ нѣманскихъ „берликахъ“. На ближайшихъ фольваркахъ графини по стадамъ и сараямъ, уже нѣсколько дней стояло болѣе двухъ сотенъ коней,

* Штыфлями назывались высокія повстанскія ботфорты.

скулавыхъ и пожертвованныхъ въ банду окрестными помѣщиками. Сосѣдняя шляхта вся стремилась въ кавалерію, не желая мозолить свои благородныя ноги въ службѣ пѣхотной на ряду со всякимъ „быдломъ“. Поэтому многіе изъ будущихъ кавалеристовъ, чтобы не тратиться на фуражъ, заблаговременно доставили своихъ Росинантовъ на фольварковое довольствіе графини. Наконецъ Бейгушъ услѣлъ кое-какъ сладиться съ „генераломъ“ на счетъ времени сбора и оповѣстить будущихъ воиновъ о мѣстѣ, днѣ и часѣ. „Генералу“ не особенно хотѣлось разставаться съ комфортабельною жизнью у гостепріимной кузины, гдѣ можно было такъ безопасно щеголять въ импровизованномъ воинственномъ костюмѣ, со всѣми этими „бутами“, шлорами, эксельбантами, и еще безопасно разглагольствовать предъ почтительнымъ штабомъ объ „ойчизнѣ“ и свободѣ, о Гарибальди и Мадзини, изобрѣтать новыя дополненія къ мудрой формѣ, отдавать приказы, говорить комплименты, мечтать о смотрахъ, парадахъ, фестиваляхъ и заранѣе торжествовать будущія побѣды. Поэтому графъ Сченскій, подъ разными благовидными предлогами, старался, по возможности, оттягивать время выступленія въ лѣса, и въ душѣ остался даже не совсѣмъ-то доволенъ своимъ „майоромъ“ за его излишнюю расторопность.

— Зачѣмъ такъ скоро? Слѣшите медленно: это на мой взглядъ, самая лучшая тактика и самое вѣрное средство побѣждать врага! съ любезно-кислою миной и тономъ дружескаго выговора внушалъ онъ Бейгушу.

Но вотъ прибылъ курьеръ народоваго ржонда, которымъ на этотъ разъ явилась какая-то барыня, привезшая въ шиньловѣ своемъ двѣ официальные записки. Одна была отъ воеводскаго организатора, извѣщавшаго что оружіе и все прочее, доставленное уже, снаряженіе находится въ самомъ исправномъ видѣ и въ полномъ комплектѣ, а потому де не угодно ли генералу дать квитанцію въ полученіи, что генералъ и не замедлил исполнить, не полюбопытствовавъ даже взглянуть что это за оружіе и что это за снаряженіе: для подобной „мелочной работы“ у него былъ отдувавшійся за все „майоръ генеральнаго штаба“. Но на этотъ разъ даже и ему не догадался графъ поручить предварительный осмотръ запакованнаго оружія. Другая же записка отъ лица Центральнаго Комитета формально и настойчиво предлагала немедленно же начать военныя дѣйствія и прежде всего сдѣлать попытку военной

демонстраціи въ направленіи на Ковно или Гродно, смотря по тому куда будетъ удобнѣе.

Послѣ этого у генерала уже не оставалось благовидныхъ предлоговъ для дальнѣйшей медлительности, и однако жь онъ все-таки думалъ было немножко помедлить подъ предлогомъ маленькаго насморка, который отъ дѣсной сырости можетъ обратиться въ злокачественный.

Цезарина, со всею женскою деликатностью, старалась ему внушить что дальнѣйшее промедленіе будетъ не совсѣмъ-то удобно для его воинской репутаціи въ глазахъ обществаваго мнѣнія.

— Берегитесь, милый генералъ, замѣтила она съ легкою усмѣшкой:—хотя мнѣ и очень пріятно ваше общество, но вы рискуете найти здѣсь вашу Калую, вы, который такъ именно стремились на поле битвы.....

— Да, стремился, видитъ Богъ стремился! сахарно вздохнулъ старый ловецася:—но увы!... я встрѣтилъ васъ, очаровательная графиня!... А видя васъ, какой же Цезарь, какой Александръ или Ганнибалъ не сдѣлался бы Калуанцемъ!?

— Ну, это вовсе не лестный комплиментъ для Польки въ настоящую годину, замѣтила графиня.

— Увы! что жь дѣлать, но я чувствую что я вашъ Калуанецъ! отшучивался графъ, но вдругъ остановился встрѣтивъ презрительный взглядъ Бейгуша, который присутствовалъ при этомъ разговорѣ. Съ этой минуты ясновельможный довода глубоко и жестоко возненавидѣлъ въ душѣ своего расторопнаго майора.

— Надѣюсь, впрочемъ, графиня, вы понимаете что это съ моей стороны не болѣе какъ шутка? догадался онъ не совсѣмъ ловко поправиться въ глазахъ Цезарины, послѣ минуты внутренняго смущенія.

Время близилось къ полуночи. На уединенной дѣсной полянѣ, у одинокой избушки „кутника“, нетерпѣливыми шагами прохаживался человекъ закутанный въ кавказскую бурку. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ него стояло десятка два тяжело нагруженныхъ возовъ, около которыхъ тамъ и сямъ тихо разговаривали между собою хлопцы-подводчики. Возы только что прибыли, а человекъ въ буркѣ уже болѣе часа шагалъ взадъ и впередъ поджидая кого-то, и съ каждою минутой досадливое нетерпѣніе его становилось все сильнѣе и замѣтнѣе.

Онъ останавливался, вглядывался въ темную даль, прислушивался, слегка потаптывая ногою, иногда бормоталъ про себя далеко не лестные эпитеты, адресованные къ кому-то отсутствующему, и снова принимался шагать по полянѣ. Это былъ Бейгушъ, одиноко прѣхавшій верхомъ на сборный пунктъ въ заранѣ назначенное время. Изъ будущихъ вояковъ никого еще не было.

Но вотъ наконецъ-то, уже во второмъ часу ночи, съ разныхъ сторонъ стали выходить изъ чащи лѣса люди по десятку, по два и болѣе. Иные изъ нихъ вели въ поводу незазданныхъ коней. Молчаливо, съ таинственнымъ видомъ и по-вѣщью головой приближались оттуда и отсюда новыя партіи. Сосѣдніе ланчи прѣзжали въ бричкахъ и нетычанкахъ, а за ними ѣхали фуры и телеги съ разною поклажей этихъ ланчей, надѣявшихся устроить свою „лѣсовую жизнь“ какъ можно удобнѣе и пріятнѣе. Съ каждою минутой лѣсная поляна около хатки оживлялась все болѣе и болѣе, людскою гомонъ и говоръ становился вольнѣе и громче, хотя и сохранялъ еще пока въ себѣ характеръ какой-то сдержанности и таинственности, подъ впечатлѣніемъ ночи и таинственной обстановки предпріятія. Тамъ и сямъ мигали красныя огненные точки запыленныхъ „фаекъ“* и лалирось. Но вотъ вмѣстѣ съ запахомъ табака и махорки, потянуло въ воздухъ ѣдкимъ дымкомъ: въ двухъ мѣстахъ накидали хворосту, еловыхъ вѣтвей да соломы и развели костры. Послышался говоръ и смѣхъ лѣсколькихъ женскихъ молодыхъ голосовъ, хотя и не замѣтно было ни одной юбки, ни одного обычнаго женскаго костюма. Это лошаѣхавшіе ланчи полпривозили съ собою своихъ героинь, переодѣтыхъ въ буфы и въ чамарки. Безъ такихъ героинь-патріотокъ не могла обойтись ни одна сколько-нибудь „порядочная“ шляхетная банда.

— А гдѣ же генераль? освѣдомился у Бейгуша одинъ изъ подошедшихъ ланчей:—или еще не прѣхалъ?

— Онъ и не прѣдетъ, неохотно отвѣчалъ Бейгушъ.

— Вѣрно важныя занятія, совѣтъ военный или что-нибудь такое?

— Нѣтъ, скорѣе просто въ карты рѣжется, замѣтилъ на это другой изъ подошедшихъ.

— Въ карты! подхватилъ третій:—от-то штука! Пенка

* Курительная коротенькая трубка.

штука, дали Бугъ, панове. А что, не перекинуться ли и намъ въ малевкій штоссикъ?

И воспримчивые панчи сейчасъ же постелили у костра два-три плаща, разсѣлись на нихъ въ тѣсный кружокъ, одинъ досталъ изъ чемодана двѣ новыя колоды картъ, другой притащилъ водку, третій закуску, и всѣ, кажись, тотчасъ же позабыли о цѣли съ какою пріѣхали на эту поляну.

На душѣ у Бейгуша было смутно и досадно. Онъ подошелъ къ кучкѣ игроковъ и наломивъ что въ данную минуту такая забава вовсе неумѣстна, просилъ прекратить игру.

— Лучше бы, господа, помогли мнѣ сдѣлать расчетъ людямъ: они еще не сосчитаны.

— Это до насъ не касается. Надѣмся, мы не урядники, а офицеры, отвѣчали изъ кучки.

— Потому-то я и прошу васъ.

— Э, полноте! Садитесь-ка лучше съ нами.

— Господа, вы добровольно записались въ отрядъ, стало-быть знаете что-такое военная дисциплина. Я пока еще не приказываю, а прошу васъ какъ старшій товарищъ.

— А почему это вы „старшій товарищъ“? Развѣ вы доудца? У насъ генералъ старшій, а другихъ мы пока не знаемъ, опрокинулись на Бейгуша нѣсколько голосовъ разомъ.—И что это такое за различія *старшій* и *младшій*? Какъ шляхта, какъ офицеры, полагаю, мы всѣ равны въ обществѣ.

Бейгушъ тоскливо оглядѣлся вокругъ. Положеніе его было крайне затруднительно и непріятно: опереться было не на кого, но онъ живо почувствовалъ теперь что одинъ въ полѣ не воинъ, что въ данную минуту онъ совершенно одинокъ и безпомощенъ противъ нѣсколькихъ нахаловъ, которые пользуясь своимъ числомъ, не задумаются затѣять съ нимъ самую скандальную исторію, а пожалуй и драку. Что тутъ дѣлать? Какъ выйти изъ такого положенія?

— Господа, я еще разъ прошу васъ вспомнить что дѣло для котораго вы здѣсь слишкомъ серьезно и свято, рѣшился онъ на послѣднюю попытку.

— Э, полноте! Ужь будто отечество погибнетъ отъ того что мы прокинемъ двѣ-три талии!

— Такъ вамъ рѣшительно не угодно кончить?

— Ахъ, да перестаньте пожалуйста! Дѣлайте свое дѣло, если оно у васъ есть, и не мѣшайте намъ заниматься нашимъ.

— Въ такомъ случаѣ завтра вамъ придется сильно раска-

ялся въ этомъ, проговорилъ онъ, едва сдерживая въ себѣ кипѣвшее негодованіе, и отошелъ въ сторону. Другаго, впрочемъ, ничего и не оставалось ему покамѣсть. Межъ тѣмъ время близдось къ разсвѣту. Надо было торолиться сборомъ и сваряженіемъ.

— Всѣ ли на-лицо? громко окликнулъ Бейгушъ толпу, раскинувшуюся на полянѣ.

— Кажись что всѣ; по крайней мѣрѣ ужъ съ полчаса какъ никто болѣе не подходитъ, отвѣтилъ ему лавъ Сташецъ, ржовца* одного изъ фольварковъ графини, выбранный въ старшіе урядники тиральеровъ.

По приказанію Бейгуша, толпа скучилась въ одно мѣсто и примолкла. Онъ вынулъ изъ бокового кармана списокъ и сталъ по именамъ выкликать людей. Кто былъ назначенъ въ тиральеры, тотъ шелъ въ особую кучу, направо, кто въ кавалерію—налѣво, а кавалерія толпилась нѣсколько въ сторонѣ съ табуномъ разномастныхъ и разнокалиберныхъ коней, на половину не сваряженныхъ и не застѣданныхъ. Наконецъ, переключка и сортировка были окончены. Но тутъ, на первомъ же шагѣ встрѣтилась непредвидѣнная неудача: по спискамъ общая численность банды простиралась свыше шестисотъ человекъ, а на-лицо оказалось только четыреста съ чѣмъ-то. Лошади тоже не всѣ въ должномъ количествѣ, такъ что одна треть охотниковъ-кавалеристовъ, вмѣсто четырехъ конскихъ ногъ, благополучно оказывается только на своихъ на двоихъ... Бейгушъ считаетъ и людей, и коней, свѣряетъ рѣдочетъ и вновь пересчитываетъ. Толпа не хочетъ ждать, не стоитъ на мѣстѣ, галдитъ, поминутно разбрѣдается во всѣ стороны: тамъ драка, тамъ смѣхъ, здѣсь ругань. Но вотъ наконецъ-то, послѣ долгихъ и тщетныхъ усилій, званіе выбранные урядники кое-какъ приводятъ эти кучи въ нѣкоторый порядокъ, заставляя ихъ строиться въ ряды съ помощію крѣпкой брани, зуботычинъ и подзатыльниковъ. А паничи-офицеры межъ тѣмъ все еще продолжаютъ себѣ преспокойно рѣзаться въ штоссъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на хлопоты и распорядки „майора“. Но двухъ сотень, значившихся въ комплектѣ, такъ-таки и не досчитались. Эти двѣ сотни разбрѣлись Богъ вѣсть куда. Оказалось что иные люди, прокормившись и пображничавъ около трехъ недѣль на

* Управляющій.

даровщину, заблагоразсудили перекочевать въ другія банды, на томъ основаніи что тамъ жалованья будто бы больше платятъ; другіе же не захотѣли даже идти на сборный пунктъ и остались на квартирахъ, а третьи, безъ объясненія причинъ, просто убралось по добру-лю здорову, скрылись, сбѣжали и были отмѣчены „пропавшими безъ вѣсти“.

Приступили къ разборкѣ оружія, мундировъ, аммуниціи. Все что было на полянѣ шумно и безо всякаго порядка кинулось къ возамъ и стало разбивать ящики, бочки, вспарывать тюки, и тутъ-то послѣдовало новое неожиданное разочарованіе для Бейгуша. Организаторъ, обѣщавшій прислать четыреста ружей и требовавшій съ графа квитанцію именно въ этомъ числѣ, прислалъ ихъ только двѣсти, да и то не бельгійскихъ штуцеровъ, какъ значилось въ его бумагѣ, а разнаго сброда и хлама, въ родѣ старыхъ карабиновъ и мушкетеровъ, кремневыхъ фузей, охотничьихъ двустволокъ, бракованныхъ „туляковъ“ и австрійскихъ винтовокъ. И все это оказалось Богъ-знаетъ въ какомъ видѣ: тамъ нѣтъ шомпола, здѣсь курокъ не дѣйствуетъ. Люди бросившіеся въ потьмахъ на повозки хватаютъ первое что попалало подъ руку. Кому досталось ружье, кому сабля, этому пистолетъ, тому патронташъ, иному одни патроны, а оружія никакаго, одинъ тащить узду, другой сѣдло безъ потника. Бейгушъ выходитъ изъ себя, вынимаетъ саблю и, кинувшись въ толпу, начинаетъ вмѣстѣ съ урядниками плашмя фухтелять направо и налево. Съ помощію этого рѣшительнаго средства, кое-какой порядокъ снова восстанавливается на нѣкоторое время. Но тутъ опять новыя неудачи, новыя печальныя открытія: вахмистръ докладываетъ что потниковъ нѣтъ болѣе чѣмъ на половину, про нихъ совсѣмъ забыли; за то бѣлыя конфедератки съ красными гарусными султанчиками всѣ на-лицо, и черныя чамарки съ бѣлыми крестами, и *хольщевые* (коллеты) съ красными отворотами, и все это въ совокупности издали имѣетъ видъ очень красивый. Другой урядникъ докладываетъ что значительное количество штыковъ вовсе не подошваны къ ружьямъ: гайка у штыка черезчуръ узка и принадлежитъ ружью какого-то другаго калибра; патроны не входятъ въ дуло, а другіе, напротивъ, идутъ уже слишкомъ легко, съ невозможнымъ зазоромъ; капсулей тоже нѣтъ, а тѣ которые отыскивались подходятъ едва къ десятому ружью, не насаживаются на стержень, или слишкомъ слабы, не разбиваются, даютъ осѣчки.

Одинъ жалуется на салюги которые жмутъ, другой на узкую чамарку, тотъ недоволенъ своимъ черезчуръ широкимъ картузомъ, этотъ цѣлкою отъ мушкетука; нѣтъ принадлежностей къ мушкетуку, да и самъ мушкетукъ никуда не годится. Люди, и безъ того уже достаточно деморализованные, начинаютъ громко роптать, видя во всемъ такую несостоятельность. Жалобы летятъ со всѣхъ сторонъ, а что отвѣчать на нихъ и чѣмъ помочь дѣлу? Кто предварительно осматривалъ эти ружья? Кто укладывалъ ихъ въ ящики и въ повозки? Кто считалъ и дѣлалъ сборку всѣхъ этихъ предметовъ? Провырливые Евреи, трусливые аптекаря, болтаивые адвокаты, невѣжды паны и чиновники отъ роду не державшіе ружья въ рукахъ, фанатики-ксендзы и восторженные женщины..

За то „трупья главы“, со скрещенными костями и эти черные съ бѣлымъ фаягера на ликахъ дѣлаютъ такое траурное, мрачно-ловтическое впечатлѣніе; за то неуклюжія и бесполезныя косы, оказавшіяся въ порядкѣ болѣе всего прочаго, такъ эффектно сверкаютъ на своихъ длинныхъ четырехаршинныхъ древкахъ; за то все это такъ красиво, такъ символично и во всемъ напоминаетъ „оичизну на кржижу распянту“... * А это-то и есть самое главное, въ этомъ-то и вся суть, помятнію кабытъ **, ксендзовъ и адвокатовъ.

Съ каждою минутой ропотъ и жалобы становились сильнѣе. Урядники кое-какъ уговаривали ропщущихъ, утѣшая и клянясь что всѣ бѣды минуютъ, что все найдется, все исправится, лишь бы только тронуться въ походъ и перейти Нѣманъ, а тамъ ужъ все, все будетъ въ полномъ изобиліи и порядкѣ!

Бейгушъ молчалъ. У него не хватало духу расточать подобныя увѣренія обманутымъ людямъ и утѣшать тѣмъ на что не могло быть и призрака быточной надежды. Слезы отчаянія готовы были брызнуть изъ его глазъ.

Но время не терпитъ, —уже свѣтать начинается. Хочешь-не хочешь, а надо тронуться. Такъ повелѣваетъ ржондъ народовой, подъ страхомъ смерти и общественного позора, подъ страхомъ чернаго имени „здравцы“*** за невыполненіе въ точности его безапелляціонныхъ повелѣній. И самъ, краснѣя отъ жгучаго стыда, съ болью въ душѣ за судьбу этихъ

* Отечество на крестѣ распятое.

** Женщины.

*** Измѣнника.

четырехъ сотень людей, на половину безоружныхъ, онъ вынимаетъ саблю и неувереннымъ, надтреснутымъ голосомъ подаетъ команду:

— Впередъ! Маршъ!... Богъ помочь, лавове! На Него надежда!

И нехотя, молча и покуро, словно бы на смерть обреченная, банда тихо снимается съ мѣста и уходитъ въ глубину густаго, болотистаго лѣса. Шалопан-панчи, по необходимости прекративъ игру и попойку, позавалились въ свои бички, и вмѣстѣ съ отважными героями ползались вслѣдъ за бандой въ хвостъ длиннаго обоза.

IV. Лѣсная маявка.

Графъ Счевскій Маржецкій и приближенные лица его штаба, проведя вечеръ за картами, а половину ночи за веселымъ ужиномъ, покоились еще сладкимъ и безмятежнымъ сномъ, на пышныхъ луковикахъ, по своимъ спальнямъ, когда отрядъ подошелъ къ мѣсту переправы, верстахъ въ трехъ ниже замка. Солнце уже сіяло на небѣ и предвѣщало жаркій день.

Узнавая съ вечера на сборный пунктъ, Бейгушъ усиленно просилъ капитана съ поручикомъ озаботиться чтобы къ разсвѣту на мѣстѣ переправы, кромѣ паромъ, постоянно находившагося въ этомъ пунктѣ, приготовить еще столько лодокъ сколько было возможно собрать въ ближайшей окрестности.

Но какова же была его досада, когда подошла къ Нѣмау онъ не нашелъ ни одного челна, тогда какъ сдѣлать это было вовсе не трудно. Съ досады давъ сильныя шпоры коню, Бейгушъ помчался въ замокъ и приказалъ разбудить графа. Но сонный камердинеръ не отважился на такой подвигъ, оправдываясь что ясновельможный недавно только изволилъ започивать и не приказалъ будить себя ни подъ какимъ предлогомъ.

Бейгушъ почти насильно ворвался въ его комнату.

— Генералъ! отрядъ уже готовъ и ждетъ на переправѣ! проговорилъ онъ надъ ухомъ спящаго, безцеремонно тряса его за плечи.

— А?... что?... какъ? въ просонкахъ хлопалъ тотъ глазами:— А!... это вы?... что вамъ надо?... Вѣдь я жъ не велѣлъ будить

себя.. Дайте мнѣ спать, пожалуйста.. Экая скотина этотъ Якубъ мой!..

Бейгушъ повторилъ свое сообщеніе.

— На переправѣ?... Чтò такое на переправѣ?... Кто на переправѣ? Отрядъ?... Ну, и лускай его!.. И прекрасно!.. Переправляйтесь! съ досадой бормоталъ полусонный довулда.

— Не на чемъ, генералъ, замѣтилъ Бейгушъ.

— Чтò такое не на чемъ?.. Мнѣ-то чтò? Это вѣдь ваша работа, ваше дѣло. Хорошо же у васъ порядокъ!.. Ахъ, ей Богу!.. Вы мнѣ мой сонъ перебили.. Я теперь и не усну пожалуй!..

— И прекрасно сдѣлаете...

— Да, вамъ легко говорить, а я цѣлую ночь не спалъ...

— Я тоже не спалъ ее. Повторяю, отрядъ дожидается васъ.

— Дожидается?... Хм.. Ну, пусть подождетъ... Можно и потомъ переправиться... Отведите его въ лѣсъ обратно и подождите тамъ... Часовъ въ десять я прїѣду... Прощайте, господинъ майоръ, мнѣ некогда...

И генералъ повернулся на другой бокъ, славую къ Бейгушу, съ самымъ рѣшительнымъ намѣреніемъ не отвѣчать болѣе ни слова, ни звука, и не поддаваться никакимъ настояніямъ.

Бейгушъ вышелъ изъ спальни, стукнувъ за собою дверь. Съ отчаянія онъ готовъ былъ рвать на себѣ волосы.

Но дѣлать было нечего. Лодокъ нѣтъ, да и день на дворѣ, казаки разъѣзды могутъ случайно рыскать на томъ берегу, какіе-нибудь барочки на Нѣманѣ, какіе-нибудь проѣзжіе хлопы увидятъ, разболтаютъ, словомъ, при дневномъ свѣтѣ, переправа, и безъ того небезопасная, становилась положительво невозможною. Нечего было и думать начинать ее въ эту пору, на одномъ паромѣ да на двухъ рыбацкихъ лодченкахъ.

Слѣшно вскочивъ на взмыленного коня, со злобой и отчаяніемъ въ сердцѣ, помчался онъ обратно къ покинутому отряду и отвелъ его неподалеку отъ берега въ густую, непроходимую чащу. Люди были голодны, а возы съ провіантомъ, собранные на окрестныхъ фольваркахъ графини, еще и не прибывали къ переправѣ, благодаря тому что лавъ ивтедаютъ, онъ же и начальникъ „всей кавалеріи“, спалъ богатырскимъ сномъ въ замкѣ, послѣ нѣсколькихъ бутылокъ доброй венгерчины и наливки, осушенныхъ за ужиномъ. Бейгушъ готовъ былъ бросить все и бѣжать хоть на край свѣта.

Ему было больно, совѣстно и стыдно глядѣть на жалкихъ и голодныхъ людей Августовскаго „корпуса“, и только одно совѣстливое чувство чести и нравственнаго долга повудило его остаться вмѣстѣ съ ними раздѣляя ихъ голодъ и усталость. Люди межъ тѣмъ не переставали ролтать, и ролтали тѣмъ болѣе что шалолайные паничи, вмѣстѣ со своими героинями, опять раскинули ковры и наметы около повозокъ и, немного прославившись, снова занялись чаями, картами да закуской. Для нихъ лѣсная скитальческая жизнь, пока еще цѣлы были запасы, представлялась только веселою лѣсною „маювкой“.*

И чѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣзче былъ контрастъ между ролютомъ всякаго сброда, составлявшаго главную силу банды, и этимъ беззаботнымъ, сытымъ и пьянымъ смѣхомъ паничей съ ихъ женщинами, тѣмъ все злобнѣе и мрачнѣе становилось на душѣ у Бейгуша. Еще въ самомъ началѣ дѣла, на первомъ же шагу рискованаго предпріятія, онъ уже ясно сталъ предвидѣть теперь роковое начало конца его. Это, можно сказать, былъ уже конецъ въ самомъ началѣ и даже безъ всякаго начала. Отойдя нѣсколько въ сторону отъ бивуака, онъ раскинулъ подъ деревомъ свою бурку и отвернулся на ней отъ людей, стараясь притвориться спящимъ, чтобы ничего не видѣть и не слышать, ни этого хлопскаго ролота, ни ланскаго разгула. „Ахъ, еслибы теперь пришли Москалы, и еслибы первая пуля досталась на мою долю!... Господи! Какое счастье мнѣ это было бы!“ смутно и глубоко-искренно подумалось ему въ эту тяжелую минуту.

Часу уже въ первомъ дѣя на бивуакъ прискакалъ юный Поль Секерко.

— Фу! насилу-то отыскалъ васъ! Экъ въ какую глушь забрались! И не шродерешься! говорилъ онъ отирая съ лица обильный потъ. — Чтѣ вы тутъ дѣлаете, майоръ? Генералъ недоволенъ, вы не прислали ему оказать о мѣстѣ бивуака; онъ прислалъ вамъ приказаніе чтобы вы немедленно привели отрядъ во дворъ замка и тамъ построили бы его развернутымъ фронтомъ.

— Это зачѣмъ?! вылучивъ глаза отъ изумленія, воскликнулъ Бейгушъ.

— Какъ, помилуйте, генералъ желаетъ, вопервыхъ, лично

* Маювка—весенній пикникъ.

познакомиться со своимъ войскомъ, а восторыхъ, одѣлать парадъ съ церемоніальнымъ маршемъ. Это его непрѣмная воля.

— Тфу!... какія глупости! вскипятился Бейгушъ отъ досады.— Скажите, молодой человекъ, вашему генералу что я ему середь бѣла дня не стану безъ нужды водить отрядъ на лошадей постороннимъ людямъ! Это безуміе! это значитъ рисковать удачею всей экспедиціи, портить въ самомъ началѣ все дѣло и играть судьбою и жизнью нѣсколькихъ сотенъ людей! Теперь не до парадовъ,—взволнованно жестикулировалъ онъ, будучи радъ что есть человекъ который передастъ всѣ его рѣзкости и горькія истины по прямому назначенію: — люди голодавы, со вчерашняго дня и куска хлѣба не съѣли еще, а ваш генералъ и не позаботился объ этомъ!

— Но генералъ непрѣменно желаетъ познакомиться, въ затрудненіи пожималъ плечами Секерко.

— Ну, такъ пусть его призываетъ сюда и знакомится сколько душѣ угодно!

— Но... въ такомъ случаѣ надо выбрать здѣсь какую-нибудь удобную поляну.

— Выбирайте, коли охота.

И Бейгушъ безъ дальнѣйшихъ церемоній отвернулся и пошелъ прочь отъ юнаго адъютанта.

Едва къ четыремъ часамъ ланъ Колець догадался прислать на бивуакъ провіантскія фуры съ ветчиной, хлѣбомъ и водкой, да и то благодаря лишь напоминанію Поля Секерко; но за то вслѣдъ за провіантомъ и самъ онъ прибылъ вскорѣ „до обозу“.

— Майоръ, генералъ вами очень недоволенъ, сухо обратился онъ къ Бейгушу: — Да-съ, недоволенъ и велѣлъ вамъ передать что на этотъ разъ охотно извиняетъ, но впередъ не намѣренъ терпѣть никакихъ нарушеній его воли. Отыскали вы поляну для парада? Генералъ въ шесть часовъ прибываетъ сюда со свитой и сдѣлаетъ смотръ войскамъ.

— Послушайте, съ горечью усмѣхнулся Бейгушъ:— вы говорите что вы старый служака, неужели же вы не понимаете всей бессмысленности подобныхъ комедій въ настоящемъ положеніи?

— Но что жь дѣлать! пожалъ Колець плечами:— Такова ужь его воля!... Надо же потѣшить его.... Вѣдь какъ хотите, все-таки *графъ*—шутка сказать!... Такое лицо,—вѣдь это сила!...

Надо имѣть въ виду и будущее. Тѣмъ болѣе что уже распорядились привести сюда алтарь — ксенадъ будетъ служить молебень. Музыкантовъ тоже Шмуль привезъ сегодня утромъ. Это возбудитъ духъ отряда.

— Дѣлайте какъ знаете! махнулъ рукою Бейгушъ.

Колѣцъ выкалкауль изъ банды полѣсовщиковъ, знакомыхъ съ мѣстностью, и приказалъ имъ выбрать по близости просторную поляну. Тѣ сказали что знаютъ не подалеку подходящее мѣсто и вызвались проводить. Не давъ людямъ горшечко окончить обѣдъ, экъс-уланъ приказалъ имъ взять оружіе и самъ повелъ всю орду вслѣдъ за проводниками, которые черезъ десять минутъ ходьбы привели всадниковъ и полянку, сажень около полутораста въ окружности. Здѣсь ланъ Колѣцъ построилъ въ развернутомъ фронтѣ сперва кавалерію, потомъ тиральеровъ, наконецъ косильеровъ, и замая релетиціей парада. Бейгушъ стоялъ въ сторонѣ, не принимая никакого участія въ его хлопотахъ.

— Да помогите же мнѣ наконецъ, господинъ майоръ генеральнаго штаба!... Я, чортъ возьми, кавалеристъ и по пѣхотному не знаю!

— Въ чемъ прикажете помочь вамъ, господинъ полковникъ? локавъ плечами и усмѣхался подошелъ къ нему Бейгушъ.

— Какъ въ чемъ?! Ну, покажите людямъ какъ ходить въ ногу, какъ дѣлать „презентуи броне“, * научите салютовать господъ офицеровъ и какъ должно имъ парадировать мимо начальника.

— Лишнее, господинъ полковникъ! махнулъ тотъ рукою.

— Какъ лишнее?!.. Вѣдь мы же, чортъ возьми, наконецъ, регулярное войско называемся, должны же мы умѣть все это! Неужели васъ это не интересуетъ?

— Увы! я выжилъ уже изъ тѣхъ лѣтъ когда нравится игра въ солдатику! иронически, но вовсе не весело вздохнулъ Бейгушъ.

— Хо-о!... Такъ по-вашему, это игра въ солдатику?!

— Не болѣе. И если будетъ такъ продолжаться, то лучше распустить людей по домамъ сію же минуту.

— Однако, господинъ майоръ, у васъ чортъ знаетъ какой неподатливый характеръ.

— Да, въ особенности на бездѣльные вещи.

* На крауль.

— Какъ?!.. Такъ я по-вашему бездѣльникъ?... Такъ-съ бездѣльникъ?! побагровѣлъ и забрызгалъ сквозь усы ланъ Колецъ. — Да я уши обрубаю тому кто осмѣлится сказать это мѣ, старому кавалеристу!.. Я сатисфакцію!.. Да! я сатисфакцію потребую!

— Вопервыхъ, я не называю васъ бездѣльникомъ, замѣтилъ Бейгушъ, спокойно и прямо глядя ему въ глаза:—а вотъ вторыхъ, если вамъ угодно удовлетворенія, извольте, хоть сейчасъ. На чемъ прикажете?

— Какъ?!.. Вы вызываете меня на дуэль?.. Предъ фронтомъ?!.. при исполненіи моихъ служебныхъ обязанностей?! Вы, майоръ, меня, полковника? Такъ *это* у васъ дисциплиной называется?.. Ге-ге!.. Хорошо же! Пусть только пріѣдетъ генералъ, я подамъ формальный рапортъ и потребую военного суда надъ вами!

Бейгушъ могъ только усмѣхнуться и положить плечами на выходку храбраго лана, который такъ быстро и неожиданно перепрыгнулъ съ сатисфакціи на военный судъ, едва лишь замѣтилъ что противникъ не полатился предъ его угрозою. Эта сцена, впрочемъ, была прекращена появленіемъ ксендза и церковниковъ съ аналоемъ, образомъ и облаченіями. Ланъ Колецъ вышелъ теперь благовидный предлогъ удалиться отъ Бейгуша и озабоченно занялся указаніями какъ и гдѣ установить походный алтарь и прочее.

Бейгушъ почувствовалъ что приобрѣлъ себѣ еще одного новаго и едва ли примиримаго врага, въ лицѣ лана полковника.

„Господи! чѣмъ же все это кончится?!“ тоскливо грызъ его душу неотступный вопросъ, который подымало въ ней отчаяніе за участь людей и дѣла.

Но вотъ, на двухъ фурманкахъ пріѣхалъ графскій факторъ Шмудъ съ музыкантами. Этыхъ несчастныхъ Чеховъ услѣли уже перерядить въ повстанскія чамарки, наобѣщавъ имъ золотыя горы и выдавъ въ задатокъ по пятнадцати золотыхъ на брата. Шмудъ объявилъ что „ясневельможны ланъ генералъ“ сейчасъ прібудетъ „до обозу“ со всею свитой и съ самою „ясневельможною лани грабиной“, которая тоже ѣдетъ верхомъ „на конику“. Поэтому ланъ Колецъ поторопился поставить музыкантовъ на правый флангъ „арміи“ и внушилъ имъ что какъ только подѣдетъ генералъ, то немедленно бы гравули маршъ.

Прошло еще минутъ десять; и вотъ прискакалъ одинъ изъ

трехъ „несмертельныхъ“ улановъ, выставленныхъ на дорогу съ тѣмъ чтобъ извѣстить отрядъ и указать къ нему путь генералу.

— Ъдетъ! ѡдетъ! кричалъ овъ, махая руками.

— Смирно! гаркнувъ Колець на весь отрядъ: — Цихо! на раменьбронь!

И по этой командѣ вояки, кто какъ могъ и умѣлъ, взяли на плечо свое оружіе.

Колець что есть мочи шпорилъ и горячилъ коня, видимо стараясь гарцовать и рисоваться предъ фронтомъ.

Но вотъ изъ-за деревьевъ показалась веселая кавалькада.

— Презентуй бронь! снова гаркнувъ воинственный Колець, и самотуя саблей, короткимъ галопомъ поскакалъ навстрѣчу генералу.

Чехи заиграли, люди заорали „vivat!“ и графъ Счевый рядомъ съ Цезариной и въ сопровожденіи краснотаннаго штаба, съ духимъ и величественно горделивымъ выраженіемъ лица, какъ истый фельдмаршалъ лѣхалъ вдоль по фронту, „манifestуя“ людямъ свою конфедераткой. Въ эти мгновенья овъ воображалъ себя чѣмъ-то очень близкимъ къ Наполеону предъ Аустерлицомъ.

Но объѣздъ „арміи“, занимавшей по фронту очень небольшое протяженіе, продолжался гораздо менѣе трехъ минутъ, послѣ чего генералъ слѣзъ съ коня и предложилъ Ксендзу служить молебень.

— Вы понимаете что я-то собственно не вѣрю, но для этихъ добрыхъ людей надо же показать себя добрымъ католикомъ, не преминулъ овъ въ сотый разъ порисоваться предъ штабомъ и графиней своимъ „маленькимъ атеизмомъ“.

Ксендзъ Игнацы принялся служить, а клиръ подпѣвалъ ему востройными голосами. Въ концѣ молебна прикесли знамя которое было привезено въ экилажѣ сопровождавшемъ графиню.

Цезарина развернула полотнище и сама наклонила предъ алтаремъ свой стягъ съ золотыми кистями. Костельный мальчикъ, въ бѣлой „комжѣ“, подаль кропило и святую воду. Ксендзъ прочиталъ молитву и окропилъ знамя. Тогда Цезарина торжественно вручила его „лаву хоронжему“. Снова грянула музыка, и снова, еще громче прежняго, раздались повстанскіе *civаты*. Графъ былъ въ восторгѣ, и съ аристократическимъ чувствомъ любовался на картину „арміи“, привѣтствовавшей свое нарядное знамя, которое такъ красиво

развивалось въ воздухѣ. Онъ приказалъ полковнику командовать парадомъ, а самъ, склоняя предъ Цезариной и саблю, и голову, повелъ мимо нея свой корпусъ. Затѣмъ выскочилъ предъ фронтъ и сталъ говорить своей арміи воинственную рѣчь, гдѣ указывалъ и на знамя, и на Цезарину, и на Европу, которая съ надеждой смотритъ на героевъ отчизны и съ вѣтерпвнѣемъ ожидаетъ отъ нихъ побѣды надъ варварскими врагами католицизма, прогресса, цивилизаціи и свободы. А затѣмъ снова музыка, крики: „нѣхъ жіе Польска!“ и виваты, лобзанья, обвинанья, потрясаніе оружіемъ.... Растроганный графъ отиралъ слезы умиленія; Колець ругался на Москалей и гарцовалъ ни къ селу, ни къ городу; штабъ „манifestовалъ“ высоко поднятими конфедератками и красовался красивыми штанами; ксендзъ Игнацы благословлялъ банду, кропилъ ее водою и давалъ воинамъ отечества „отпускъ“ всѣхъ грѣховъ настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ, а красивый знаменосецъ, подъ акомпаниментъ всего этого шума, восторженно клялся Цезаринѣ умереть съ ея знаменемъ въ рукахъ, но не отдать его Москалямъ. Наконецъ, вся эта толпа, съ ксендзомъ и генераломъ, знаменемъ и лавами во главахъ, съ ревомъ и пѣніемъ подъ музыку, двинулась обратно къ мѣсту бивуака, гдѣ ожидали ее новыя бочки съ водкой и пивомъ, присланныя ради праздника Цезариной, которая, проводивъ толпу, лохнула домой въ приготовленной для нея коляскѣ.

Въ повстанскомъ лагерѣ пошло разливанное море. Безсмертные и тиральеры съ косивьерами уливались водкой и пивомъ, а графъ, приказавъ раскинуть себѣ шатеръ, объявилъ своему штабу и ланичамъ-офицерамъ что намѣренъ задать имъ добрую „маіовку“ съ ужиномъ и жженкой. Панъ Колець, успѣвшій тотчасъ же перезнакомиться со всѣми героинями-патріотками находившимися въ бандѣ, представлялъ ихъ поочередно генералу, и тотъ остался въ полномъ восторгѣ отъ всѣхъ этихъ барынь, восклицая что только одна безсмертная Польша можетъ рождать подобныхъ женщинъ-героевъ, и только въ Польшѣ женщина можетъ и умѣетъ на ряду съ героями-мужиной драться и умирать за отечество.

Цѣлый вечеръ продолжалось самое безшабашное веселье, дымилась костры, челядь и „быдло“ банды орали пѣсни, музыка гремѣла польки, кадрили и мазурки, героическія лавны въ бутахъ отплясывали жестокій канканъ, ксендзъ говорилъ

* Да здравствуетъ Польша!

побасенки да ужаживалъ около яствъ и бутылокъ, а павы, переливая другъ друга, хвалились оружіемъ, лошадьми и побѣдами надъ женщинами и надъ „Москалемъ“.

О Бейгушѣ, казалось, всё позабыли. Генераль, упоенный не столько жженкой, сколько мезью окружающихъ, щедро раздавалъ имъ чины, должности и назначенія.

А ночь между тѣмъ наступала.

Бейгушъ рѣшился наконецъ не церемониться болѣе и окончательно выяснитъ свои фальшивыя отношенія къ бандѣ и къ генералу. Безъ всякаго доклада, единственный трезвый человекъ среди этого табора гулякъ, ояъ вошелъ въ шатеръ Маржеркаго и объявилъ доводѣ что имѣеть настоящую вѣдобность переговорить съ нимъ наединѣ о серіозномъ дѣлѣ.

Графъ Сченскій неохотно, съ гримасой, поднялся съ мѣста и вышелъ изъ шатра вмѣстѣ со своимъ „майоромъ“.

— Послушайте, честный ли вы человекъ? безъ дальнѣйшихъ околичностей, серіозно и неуступчиво приступилъ къ нему Бейгушъ, съ перваго же слова.

— Что за вопросъ, милостивый государь?! возразилъ графъ, совсѣмъ уже готовый оскорбиться.

— Вопросъ самый естественный, въ виду того что вы дѣлаете. Вы забываете что на васъ лежитъ нравственная отвѣтственность за судьбу всѣхъ этихъ людей; вы не позаботились даже окружиться цѣлью сторожевыхъ ведетовъ: русскія войска каждую минуту могутъ подойти и забрать васъ въ расплохъ.

— Но... но это, кажется, ваша бы забота, гослдинъ майоръ? вскоряхорился обиженный доводца.—И, признаюсь, мнѣ очень странно что вы приходите выговаривать мнѣ за то за что собственно я бы долженъ вамъ сдѣлать выговоръ. Вамъ предоставлена власть, отчего вы не распоряжаетесь?

— Власть, которую однако вы на каждомъ шагу парализуете...

— Я?!.. Сдѣлайте одолженіе, распоряжайтесь; я буду очень доволенъ.

— Въ такомъ случаѣ, кончите сію же минуту вашу оргію, рѣшительно предложилъ Бейгушъ,—время начинать переправу; еще часа два, и уже будетъ поздно, а у насъ ничего не готово....

— Ну, начинайте!... Начинайте, гослдинъ майоръ! Я, кажется, не мѣшаю и не прелятствую.

— Вотторыхъ, продолжалъ Бейгушъ,—удалите сію же минуту изъ лагеря всѣхъ этихъ барышень и ихъ кавалеровъ.

— Зачѣмъ?... Это невозможно!

— Это необходимо, говорю вамъ, это первая причина безпорядковъ. Лагерь не бабье дѣло.

— Извините!... Женщина которая съ оружіемъ въ рукахъ встаетъ за свободу—такой же герой какъ и мужчина, ихъ мѣсто рядомъ!

Бейгушъ махнулъ рукой, отвернулся и пошелъ прочь отъ генерала.

— Куда же вы, господинъ майоръ?... Пойдите, подождите!.. Куда вы?

— Вонъ изъ лагеря, съ горечью отвѣчалъ тотъ, пристановясь на минуту.—Я вижу ясно что мнѣ остается только одно, идти къ Русскимъ и привести имъ свою повинную голову.

Графъ былъ не настолько хителенъ чтобы не сознать что ему угрожаетъ опасность лишиться единственнаго человѣка знающаго военное дѣло и способнаго распорядиться.

— *Quelle idée!... Quelle idée, mon brave!* сказалъ онъ приторно дружескимъ и увѣщательнымъ тономъ, взявъ Бейгуша за руку.—Зачѣмъ такой мрачный взглядъ!.. Все уладимъ.. Я къ вамъ пришлю сейчасъ на помощь Сыча и Скерко, начинайте съ ними переправу и распорядитесь всѣмъ отъ моего имени.

Бейгушъ только плечами пожалъ. Онъ еще разъ раздумался надъ своимъ печальнымъ положеніемъ. Съ одной стороны настойчивое предписаніе Центрального Комитета, а съ другой убѣжденіе въ окончательной невозможности сдѣлать что-либо лутное съ такимъ генераломъ. А между тѣмъ, отвязаться отъ него невозможно: этотъ генералъ, которымъ ржовдъ дорожилъ ради его громкаго имени, навязавъ былъ ему на шею какъ непремѣнное условіе и, волей-неволей, Бейгушъ долженъ былъ ему подчиняться. Бросить все и головою выдать одного себя Русскимъ? Бейгушъ чувствовалъ что это было бы самое разумное, самое честное, но его останавливалъ страхъ предъ именемъ „зрайдцы“, измѣнника, которымъ заклеивать его навѣки предъ лицомъ цѣлой Польши. Это бы значило подтвердить тѣ подозрѣнія которыя пали на него еще въ Петербургѣ. Съ отчаяніемъ въ душѣ, не вѣря въ успѣхъ, онъ сѣло рѣшился дѣйствовать на-авось, очертя голову, съ намѣреніемъ найти себѣ смерть подъ русскими пулями, и съ такою рѣшимостью началъ переправу полульняной бавды.

V. Въ лѣсномъ „обозѣ“.

Едва лишь къ семи часамъ утра успѣли окончить длинную процедуру этой переправы, которая производилась съ помощью ларома и двухъ-трехъ рыбацкихъ лодокъ, добытыхъ по соудству. Последнимъ переправился генералъ со своимъ штабомъ, и чуть лишь ступилъ на протавный берегъ Нѣмана, какъ тотчасъ же завалялся въ свою коляску и заснулъ самымъ безмятежнымъ образомъ. Пьяный штабъ последовалъ благому примѣру, размястясь возможно удобнымъ образомъ въ своихъ фурманкахъ и метычанкахъ, а за штабомъ не преминули сдѣлать то же самое и всѣ почти остальные офицеры.

Наконецъ отрядъ тронулся. Вѣковѣчная луца скоро скрыла его въ глубинѣ зеленой чащи, но лѣсное движеніе было крайне затруднительно. Надо было идти узкою и вязкою тропою, которая обозначалась двумя колеями когда-то пробѣжавшаго воза. Пѣхота и конница, идучи не болѣе какъ по два человѣка въ рядъ, растянулись вмѣстѣ съ обозами версты на пять. Эта длинная колонна безпрестанно разрывалась; возы и фурманки, которыхъ хватало бы по крайней мѣрѣ на трехтысячный отрядъ, поминутно вязли въ болотѣ и прелатствовали движенію: приходилось останавливаться, складывать людей, вытаскивать неуклюжіе экилажи; вслѣдъ при этомъ лѣзъ распорядиться и командовать, но никто не хотѣлъ подсобить добровольно, пока-то, наконецъ, не выручало „быдло“, т.-е. косильеры, которыхъ на эту „помочь“ стогнали нагайками. Колонна шла безъ охранительныхъ боковыхъ патрулей, несмотря на то что Бейгушъ, тщетно разрывавшійся на части, безпрестанно, и лаской, и угрозами, посылалъ людей въ этотъ необходимый нарядъ; но ничто не помогало: патруль отдѣлялся, уходилъ въ сторону и затѣмъ либо дезертировалъ, либо самовольно слѣдилъ возвратиться къ колоннѣ, изъ боязни какъ бы не попасться въ лапы казакамъ.

Къ счастью банды, во всей окрестности, что называется, и духомъ казачьимъ не пахло. Малочисленные подвижные русскіе отрядцы не могли быть вездѣ и повсюду и,—благодаря случайности,—луца, оставленная на время безъ всякихъ наблюдений, благополучно укрывала пока банду графа Сценскаго отъ роковой встрѣчи.

Павъ Колець, услѣвшій кое-какъ проспаться на походѣ, безпрестанно гарцовалъ на своей лошади, съ цѣлью показать „солдатамъ“ собственную ловкость и лихость, и время отъ времени такъ усердно подготавливалъ фухтелеми отогтававшихъ косильеровъ что одному невзначай поранилъ голову и друго-му ухо разсѣкъ.

На каждомъ привалѣ генеральскія фуры и офицерскія по-возки, пролагая себѣ путь къ группѣ начальниковъ, стогнали отдыгавшихъ людей въ сторону съ тропинки въ болото, причемъ отъ кучеровъ нерѣдко доставалось бичомъ неловоротливо-му „быдлу“. Генералъ съ офицерами весело принимались „под-крѣплять силы“, пить и закусывать, а люди межъ тѣмъ голо-дали, довольствуясь лицеэзрѣніемъ закусывающего начальства и питаясь пока пріятнымъ обѣщаніемъ что поѣдите, молъ, вечеромъ на бивуакѣ, а теперь де некогда для васъ разворачи-вать провіантскія фуры.

Наконецъ, уже поздъ вечеръ, пройдя нѣсколько болѣе двад-цати верстъ, пришли на мѣсто ночлега. Бейгушъ стара-ся устроить хоть какой-нибудь порядокъ и располо-жить лагерь такъ чтобы въ виду нечаяннаго нападенія была возможность выстроиться воиъ частямъ для встрѣ-чи, но не тутъ-то было: павъ Колець, какъ начальникъ ка-валеріи, и притомъ „полковникъ“, не хотѣлъ подчиняться рас-поряженіямъ „майора“, начальники тиральеровъ тоже не со-глашались располагаться на назначаемыхъ мѣстахъ, началь-ники косильеровъ съ своей стороны представляли какія-то возраженія; Бейгушъ просто надсѣдался, стараясь втолковать имъ существованность своихъ распорядковъ, необходимость ка-кого-нибудь боеваго порядка, но наконецъ долженъ былъ без-надежно махнуть рукою: его не слушали, не ловимали, пред-ставляли неаѣлыя возраженія и въ концѣ концовъ располо-жились по собственному произволу, какъ кому казалось удоб-нѣе. Злосчастному „майору“ съ перваго же шага суждено бы-ло встрѣтить въ средѣ своихъ товарищей споры, пререканія, партіи, каверзы и интриги, недоверіе и подозрительность, взаимный обманъ и чуть ли не взаимное предательство. Част-ные эгоистическіе интересы въ каждой мелочи сейчасъ же вы-ступали на первый планъ, честолюбіе всѣхъ парализовало дѣйствія одного: никто не хочетъ и не умѣетъ повиноваться, но всякій лѣзетъ, хотя и не умѣетъ, властвовать и поволь-вать. Съ перваго же ночлега всѣ эти начальники отдѣльныхъ

частей, болѣе или менѣе, переругались другъ съ другомъ, и каждый предъ своими пріятелями и подчиненными утверждалъ заочно про остальныхъ что воѣ они подлецы и измѣнники, а одинъ только онъ честенъ и одинъ лишь его взглядъ исключительно хорошъ и вѣренъ.

Едва угомонилась и осѣлась сумятица съ обозами да съ перемѣщеніями людей на бивуакъ, какъ началась нескончаемая процедура со сторожевою службой: никто не хочетъ идти на сторожевые посты, всякъ старается увильнуть, отлынять отъ этой трудной обязанности, офицеры, расположившись около повозокъ за картами да закусками, и слушать не хотятъ про какіе-то ведеты:—„Не наше дѣло, пусть другіе идутъ, мы и безъ того устали!“

Бейгушъ проситъ наконецъ генерала чтобъ онъ самъ энергически и строго вмѣшался въ дѣло.

— Ахъ, любезнѣйшій мой майоръ! съ кисловатою гримасой отвѣчаетъ ясновельможный:—Не могу же я самъ поминутно мѣшаться во всѣ пустяки и мелочи!.. Постарайтесь сами какъ-нибудь уладить все это... Мнѣ право не до форлостовъ!

Нечего дѣлать: унтеръ-офицеры нагайками и фухтелями сгоняютъ людей на сторожевую службу и кое-какъ разставляютъ на указанныхъ мѣстахъ пакеты и нумера. * Проходитъ два часа—урочное время смѣны, а смѣнять никто и не думаетъ; проходитъ три и четыре часа, а часовые все еще стоятъ безсмѣнно: про нихъ какъ будто позабыли, и опять хлопочетъ злосчастный Бейгушъ, на сей разъ уже просто изъ человеческого состраданія, олатъ надо прибѣгать къ убѣжденіямъ, просьбамъ и ссорамъ, къ фухтелямъ и нагайкамъ, надо отыскивать очередныхъ стрѣлковъ и косиньеровъ, которые, чтобъ отлынять отъ форлостовъ, разбрелись и попрятались подъ кустами, позарывались въ сѣно и солому. Но вотъ кое-какъ собрали смѣну—опять нареканія и проклятія; кто лобойчѣе, тотъ, придя въ передовую дѣль, не хочетъ ставиться на нумеръ, а кто посмирнѣе, тотъ, едва смѣнясь, сейчасъ же опять становится поведенъ на мѣсто нелокорнаго и, давъ отойти смѣнѣ, валится отъ усталости на землю и какъ убитый засыпаетъ подъ деревомъ.

И такимъ-то образомъ пошла лѣсная жизнь и въ послѣдующіе дни. На утро ксеадъ Игнацы обыкновенно служить

* Нумерами у повстанцевъ назывались часовые на аванпостѣхъ.

„мшу“, исповѣдуетъ и снова даетъ „отпусты“ желающимъ; Бейгушъ съ помощію урядничьихъ фухтелей кое-какъ собираетъ людей на учебы, генералъ еще олочиваетъ послѣ вчерашнихъ трудовъ, а на его походной кухнѣ уже стучать поварскіе ножи, рубятся котлеты, жарятся бифтексы для привагированнаго штаба, кипятъ самовары. И опять повторяются тѣ же исторіи съ форпостною службой, опять жалобы и недовольство: тому сагоговъ не хватаетъ, тому водки не дади, возы съ припасами олугошаются довольно быстро, а панъ „интендантъ“ и не думаетъ позаботиться о правильномъ расходованіи провіанта, такъ что около полудня оказывается уже надобность послать часть людей на фуражировку. Въ это предпріятіе сваряжаютъ все тѣхъ же парій-косиньеровъ, въ томъ разсужденіи что если ихъ и перебьютъ Москали, то не такъ жалко; тиральеры нужнѣе и потому ихъ слѣдуетъ поберечь. На половину босые и оборванные, грязные и презираемые, не слыша ни отъ кого привѣтливаго слова и видя поощреніе только въ фухтеляхъ, безъ гроша за душой, эти люди идутъ шататься по рѣдкимъ луценскимъ поселякамъ да по хатамъ кутниковъ, требуя хлѣба, молока, сала и отбирая все это насильно. Наконецъ, къ вечеру приносить имъ „до обозу“ набранные продукты. Интендантъ Копецъ подзываетъ улановъ и тиральеровъ и приступаетъ къ дѣлежу: лучшіе куски офицерамъ и урядникамъ, затѣмъ кавалеристамъ и стрѣлкамъ, а скудные остатки косиньерамъ которые все время оставались впроголодь. Быдло начинаетъ ролтать, а за ролоть панъ интендантъ приказываетъ отпустить по десятку горячихъ „бизуновъ“ бунтующимъ зачинщикамъ.

Между тѣмъ въ генеральскомъ штабѣ вечерній балъ начинается. Бутылки не сходятъ со стола, самовары шалагъ, слуги едва послѣзываютъ угождать панскимъ прихотямъ, Чехи наигрываютъ польки да кадрили, и женскій элементъ банды опять выступаетъ на первый планъ въ своихъ мужскихъ костюмахъ. Каждый изъ панчей-офицеровъ непременно старается „вести къ славі“ свою коханку. Панъ поручникъ ведетъ къ славі панну Зося, а панъ капитанъ панну Олеся, и каждая изъ нихъ состоитъ при своемъ другѣ въ качествѣ „особо-довѣреннаго ординарца“. Этотъ отчаянный легіонъ вмѣшивается во все, слетывается, ссорится между собою и ссорить мушницъ, мирится, цѣлуется, заликаетъ мировую и снова

сплетничаетъ, исповѣдуется у ксендза Игнацего, дебоширитъ въ офицерскихъ оргіяхъ и въ концѣ концовъ дерется и паралается между собою... Бейгушу на третій день подобной жизни стало глубоко противно его пребываніе въ бандѣ.

VI. Гроза идетъ.

Въ маѣ прибылъ въ Вильну генералъ Муравьевъ; европейскія газеты съ ужасомъ затрубили что онъ облеченъ полномочіями диктаторской власти. Поляки сѣверо-западнаго края знали Муравьева еще по преданіямъ тридцатыхъ годовъ, и новое появленіе его на политическомъ поприщѣ встрѣчено было въ ихъ средѣ затаеннымъ страхомъ и отчаяніемъ: они уже предвидѣли что съ появленіемъ этого чельвика приходитъ конецъ святой справѣ, хотя и старались еще храбриться по наружности. Ржондъ народовой рѣшилъ, именно по поводу назначенія Муравьева, сосредоточить вооруженное возстаніе по преимуществу въ Литвѣ, съ цѣлю показать Европѣ что Муравьевъ не пугаетъ Поляковъ, что теперь-то они съ нимъ и поборятся. Для этого были двинуты изъ „Конгрессовки“ въ предѣлы Ковенской и Гродненской губерній всѣ шайки какія только можно было сформировать или собрать изъ остатковъ прежнихъ бандъ. Вспыхнувъ на берегахъ Вислы, польскій мятежъ съ мая мѣсяца пошелъ усиленно гулять по лѣсистымъ берегамъ Вилии и Нѣмана. Вся его кровавая энергія сосредоточилась теперь почти исключительно на литовско-русской почвѣ; то тамъ, то здѣсь почти ежедневно происходили стычки и схватки, въ которыхъ непреходимыя литовскія луци оказывали повстанцамъ не малыя услуги, скрывая ихъ отъ поисковъ и преслѣдованія русскихъ отрядовъ. Въ этотъ періодъ возстанія Поляки Литвы и Царства напрягли всѣ свои послѣднія усилія чтобы поддержать мятежъ „противъ Муравьева“. На разныхъ пунктахъ, вовсе не отдаленныхъ отъ мѣстъ расположенія русскихъ летучихъ отрядовъ, безпрестанно возникали новыя шайки не изъ десятковъ, а изъ сотенъ повстанцевъ. Правда, все это разсыпалось какъ горохъ и пряталось по лѣснымъ трупобамъ при первомъ появленіи Русскихъ, но тотчасъ же собиралось вновь, чуть лишь миновала на время оласность. Проходя черезъ какое-нибудь мѣстечко, повстанцы, если не чуяли ближайшаго сосѣдства нашихъ отрядовъ, забирали съ собою всѣхъ наличныхъ циркуль-

никовъ, кузнецовъ, слесарей, портныхъ и другихъ подходящихъ ремесленниковъ, которыхъ заставляли въ лѣсу работать на банды, подъ руководствомъ болѣе искусныхъ мастеровъ прибывавшихъ въ лагерь обыкновенно изъ Вильны и Варшавы. По всѣмъ дорогамъ, тропинкамъ и проселкамъ начали въ это время особенно замѣтно сновать какія-то темныя личности, не то шляхтичи, не то однодворцы, которые, бывало, вѣрбуютъ по корчмамъ людей, наводягъ справки, собирають и доставляютъ свѣдѣнія, ведутъ переговоры съ ксендзами и „ржондцами“ имѣвйи, дѣлають разныя покупки и отправляютъ ихъ „по назначенію“, въ особенноти же зорко слѣдятъ за духомъ, поступками и намѣреніями мѣстныхъ жителей, дабы знать кто другъ и кто врагъ, кто „Полякъ и добржемыслѣацы“*, а кто „шлегъ и зрайдца“**. Эти эмиссары „главныхъ кварталъ“ дѣйствовали тѣмъ услѣвнѣе что по виду личѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ жителей и никакимъ неумѣстнымъ, неосторожнымъ разговоромъ не изобличали своей профессіи. Только и было въ нихъ подозрительнаго что внезапныя появленія въ какомъ-либо мѣстѣ, невѣсть откуда, и столь же внезапныя исчезновенія невѣдомо куда.

Громовой ударъ былъ нанесенъ мятежу еще указомъ 1го марта 1863 года о прекращеніи всякихъ обязательныхъ отношеній крестьянскаго люда. Въ теченіе апрѣла мѣсяца, несмотря на всѣ проволокки и оттяжки мѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ польскаго происхожденія, указъ все-таки былъ обнародованъ въ большинствѣ селъ и волостей сѣверо-западнаго края. Крестьяне приняли съ восторгомъ вѣсть объ окончательномъ своемъ освобожденіи, и православные и католики, безразлично, въ ознаменованіе этого событія, слѣвшили ставить у себя „калицы“ во имя Св. Александра Невскаго. Отъ разныхъ сельскихъ обществъ и приходовъ Вилевской и Гродненской губерній посылались благодарственныя письма Монарху и заявленія военнымъ властямъ о готовности задавить „панское рушеніе“, помогать войскамъ, составлять изъ себя партизанскіе отряды и сельскія „варгы“***. Въ самой Польшѣ было то же самое: около Кутнова и Влацлавка напримѣръ, хлопы поголовно возстали на пановъ и заявили прямо о намѣреніи

* Благомыслѣвйи.

** Шлегъ и имѣвнѣикъ.

*** Караулы.

„рзнонць“ * свою шляхту и помѣщиковъ, такъ что полковнику Нелидову пришлось, во избѣжаніе кровопролитія, оставить ихъ волонтерами при своемъ отрядѣ. Военнымъ властямъ нереѣдко съ трудомъ надо было сдерживать крестьянскую злобу на пановъ, злобу накопившуюся вѣками и которая особенно сильно сказалась на литовской Руси, гдѣ съ пмевемъ Поляка, помѣщика, управляющаго, чиновника, неволью связывалась мысль о гнетѣ во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ нѣсколько вѣковъ давившемъ народѣ. И замѣчательнъ фактъ что ланская Вильна, Гродна и Ковна, какъ и Варшава, впервые облеклись въ глубокой трауръ въ самый день 19го февраля 1861 года. ** *Колоколъ* однако изъ силъ выбивался стараясь увѣрить Россію и Европу что Центральный польскій Народный Комитетъ начинаетъ возстаніе во имя земли и воли крестьянамъ. Но Центральный Комитетъ, еслибъ и захотѣлъ, то не могъ бы дать ни земли, ни воли, потому что это значило бы возстановить противъ себя и противъ возстанія всю громадную помѣщичью партію *бѣлыхъ*, которая дѣйствительно приносила ему громадныя матеріальныя услуги и жертвы; и самый ржондъ народовой да и все это возстаніе только и могли еще кое-какъ держаться помѣщичьи деньги и хлѣбомъ. Вотъ почему, повторемъ, указъ 1го марта поразилъ польскій мятежъ въ самое сердце. Но надо было во что бы ни стало продолжать кровавый пучкъ, показать Европѣ что литовско-русскій крестьянинъ „не хочетъ Царской воли“, что въ отвѣтъ на нее, онъ идетъ въ лѣса, въ банды, и съ оружіемъ въ рукахъ, британски умираетъ вмѣстѣ съ помѣщикомъ за общую польскую свободу и отчизну. Вотъ съ какою цѣлю въ апрѣлѣ и въ маѣ были двинуты изъ „Конгрессовки“ новыя банды въ Жмудскіе и Гродненскіе лѣса, и вотъ почему въ числѣ доводцевъ стали все болѣе и болѣе попадаться имена знатныхъ дворянскихъ

* Рѣзать.

** Этотъ историческій фактъ въ свое время былъ дважды подтвержденъ *С.-Петербургскими Вѣдомостями* (№ 55 и № 121, 1863). „Говора о здѣшнемъ траурѣ, писано въ этой газетѣ:—мы должны замѣтить, какъ многозначительный фактъ, что эта модная наша увидѣла впервые свѣтъ въ тотъ великій день когда, ко всеобщей радости всѣхъ друзей человечества, былъ обнародованъ манифестъ 19го февраля. Такое стеченіе обстоятельствъ наводитъ на многія, многія думы.“

фамилій, этихъ, по выраженію Герцена, лучшихъ, повѣческихъ, рыцарскихъ и доблестныхъ представителей цивилизованной Европы. * Литовскіе ксендзы всемирно принялись предостерегать народъ отъ „коварной Царской воли“ и даже изобрѣли по этому поводу тропарь прелодобному Игнатію Лойолѣ, написанный и напечатанный по-русски, и заставляли гродненскихъ Чернорусовъ заучивать его наизусть. Но ничто не помогало — ни рыцарскіе представители Европы, ни прелодобный отецъ Лойола: восторгъ крестьянъ по поводу Царской воли былъ неудержимъ, а злоба на лавовъ и того болѣе: „Кабы только дали намъ ружья! Кабы только позволили, мы бы показали!“ говорили безоружные и не всегда достаточно защищенные крестьяне. Но должно же было Европѣ знать и вѣрить что хлопы не желаютъ воли. Для этого ихъ насильно вводили въ банды и позволяли иногда свободно убѣгать изъ нихъ, а посыла подобнаго любѣга, какой-нибудь ржонца или ксендзъ съ помѣщикомъ тотчасъ же извѣщали начальство официальнымъ донесеніемъ что тамъ-то и тамъ-то проживаетъ повстанецъ *крестьянинъ* такой-то; земское начальство изъ польскихъ чиновниковъ конечно сейчасъ же забирало повстанца въ свои лапы, а нѣсколько дней спустя всѣ эти донесенія и эпизоды очень аккуратно появлялись въ заграничной печати. Одно только сельское православное духовенство въ эту печальную годину явило себя стойкимъ и мужественнымъ стоятелемъ за „хлопскую вѣру“ и „хлопскую народность“.

VII. Побѣда въ Червкенахъ.

Графъ Сченский Маржецкій, проснувшись въ одно утро въ своемъ лѣсномъ обиталищѣ, вспомнилъ наконецъ что надо же что-нибудь сдѣлать на пользу и славу дорогой отчизны, а такъ какъ инструкторъ ржонда предписывала ему: по возможности болѣе и чаще демонстрировать летучими отрядами въ разныхъ направленіяхъ и мѣстностяхъ Литвы, то Сченский, собравъ военный совѣтъ, объявилъ что намѣренъ съ „главными силами“ держаться пока на мѣстѣ, въ избранномъ уже станѣ, а лаву-полковнику Колцу предлагаетъ произвести съ кавалеріей рекогносцировку „въ какомъ угодно направленіи“.

* *Колоколъ*, 1863, № 167.

Мѣстность лаву Копцу, какъ „тутейшему“ обывателю, была знакома хорошо, да при томъ и всѣ окрестныя помѣщичьи состояли съ нимъ, болѣе или менѣе, въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Ну, какъ не пощеголять предъ ними опять военную роль доудцы? Какъ удержаться отъ соблазна подмигивающаго улиться еще разъ еиміамомъ ихъ лести, поблострастныхъ встрѣчъ, поклоновъ и угощеній?... Панъ Колецъ живо собралъ свои „шквалроны несмертельныхъ“ и „дьябловъ червоныхъ“ *, сварядилъ самый легкій обозъ, прачемъ конечно не улустилъ прежде всего нагрлзуть запасы свою собственную фурманку и, захвативъ съ собою ксева за Игнадего да капитана Сыча, двинулся налегкѣ прямо на Червлены, въ гости къ старому своему добродѣю и благопріятелю, лаву Котыро.

Панъ Колецъ, впрочемъ, не даромъ избралъ Червлены первою цѣлю своей экспедиціи. Еще наканунѣ его выступленія, въ лѣсной лагеръ пробраася одинъ изъ эмиссаровъ шамрашихъ по всѣмъ дорогамъ, и привезъ отъ лана Котыро дружескій поклонъ съ извѣстіемъ что хлопны въ Червленахъ сильно волнуются, косо и сурово поглядываютъ на лавскую усадьбу, служатъ молебны за Царя и зорко держатъ влкрутъ всего имѣнія свою сельскую „варту“, а главнымъ вдоховителемъ и двигателемъ ихъ въ этомъ направленіи является все тотъ же ненавистный хлопскій полкъ Сильвестръ Ковачичъ. Надо было помочь старому пріятелю, возстановить слау его авторитета, улстрашить хлоповъ, наказатъ „схизматичкаго“ лада и, кстати, собрать кое-какую контрибуцію; а такъ какъ выборъ направленія „рекогносцировки“ генералъ оставилъ на волю самого Копца, то панъ полковникъ повтому и махнулъ - себѣ прямо на Червлены. Путь предстоалъ вереть на сорокъ съ чѣмъ-то, и, какъ старый кавалеристъ, Колецъ предполагалъ окончить его въ одинъ переходъ, держась по преимуществу лѣсныхъ дорогъ, чтобы удачно скрыть свое движеніе.

Судьба щадила лана Копца и позволила его отряду счастливо избѣжать опасной встрѣчи съ Русскими. Между прочимъ, попался ему на дорогѣ какой-то ларень въ „полукошакѣ“, запряженномъ сытою лошадкой. Ларень было „закауса“, ** наткнувшись на конныхъ повстанцевъ, и хотѣлъ

* Красныхъ чертей.

** Испугаася.

звать дракача“, но уходить было уже поздно и некуда; по-
му овъ—хочешь не хочешь—придержалъ „коняку“ и снялъ
ей „капелюхъ“. *

— Стой, пся кровь! Скудова ѓдзешь? окликаюль его Ко-
дь, эгговоривъ съ нимъ „по-хлопську“.

— Съ Гостывки, пробормоталъ тотъ съ поклономъ.

— А чи нѣма тамъ Москалевъ?

— Не чуть, ланочку... Нѣма...

— А чи не споткався, часомъ, гдѣ на дорози зъ казаками?

— Нѣ, и на дорози не бачно было...

— А може, брешешь, пся юха?

— А вбѣй мене Богъ!..

— То вольно ѓхачъ?

— Вольно, вольно, ланочку, а нижъ адвой души не бачиу!

— А дакуль ѓдзешь?

— А ось, тутай... по лана-ойца... по требу..

— По яку требу?

— Та кажу, ланочку, бацько хвѣры... вмирае... словидаць-
хоче... послау по лана-ойца, кабъ хучей привѣзъ, а то мо-
ѣ не застане...

— Э, глупство!.. Брешешь, хлопче!.. Выпрагай коняку та ѣ
ѣда зъ нами! Улаемъ будзешь!

— Ой, ланочку! слезно взмолился испуганный парень:—уся
асць ваша... Не вольно мнѣ, бо бацько, кажу, вмирае...
пущаць мене, ланочку!..

— Ну, ну, быдло! Выпрагай... Превько!.. ** Таѣ сядай на
ѣ, бо нѣма часу балакаць!..

— Ой, лане мой яснавельможны!.. Эмилиуся для лана-Бо-
ловадился парень въ ноги Колцу:—Якъ же жь такъ, баць-
мой кривны... хвѣры, кажу...

— Гей, хлопцы! обернулса полковникъ къ уланамъ:—Десять
ровъ ему въ спину да сажай на ковь силой, когда доб-
ѣ не хочеть!

Уланцы не заставили повторить себѣ приказаніе: въ одну
мину лошадка была выпряжена, полуконекъ брошенъ на
земь, а парень отхлеставъ, посаженъ на свою коняку и по-
ставленъ въ ряды защитниковъ отечества, между двухъ надеж-
ныхъ уланъ, которымъ велѣно держать его подъ присмотромъ.

Лана содомелная.

Скоро.

т. сжп.

— Пускай же не болтаютъ Москали что въ бандахъ вѣтъ у насъ хлопоть! съ самодовольною усмѣшкой, крутя сивый усъ, обратился Колець ко ксендзу Игнацему, вѣхавшему рядомъ.

Подъ Червелены конная банда пришла уже вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣло, и заночевала въ Вишовникѣ—дѣсь отстоявшій версты на три отъ мѣстечка. Колець тотчасъ же послалъ надежнаго эмиссара къ пану Котырло провѣдать вѣтъ ли по близости Москалей. Эмиссаръ воротился подъ утро, съ извѣстіемъ что по всей окрестности тихо и не слышать о появленіи русскихъ отрядовъ. Эта вѣсть на много придала самоувѣренности пану Колцу, который порѣшилъ что стало бытъ въ Червелены слѣдуетъ войти не иначе какъ триумфаторомъ, съ церемоніаломъ, съ парадомъ и трубными звуками тѣмъ болѣе что ради воскреснаго дня въ мѣстечкѣ соберется много пановъ и народа стекающагося на базаръ и къ обѣднѣ.

Червеленскаго ксендза и пана Котырло предупредилъ об этомъ уже утромъ все тотъ же посланецъ. Но крупному землевладѣльцу и собственнику Червеленъ было крайне не по сердцу это торжественное вступленіе, ибо онъ зналъ что торжество пана Колца, котораго ему, какъ доброму патриоту, подобаетъ встрѣтить соответственнымъ образомъ, русская власть потянетъ къ отвѣту все его же, пана Котырло за сочувствіе и помощь мятежникамъ; поэтому крупный землевладѣлецъ, не желавшій за торжество благопріятеля платиться контрибуціей съ собственнаго „маѣткѣ“, живо ставилъ въ головѣ своей панъ что принять-то Колца онъ пожалуй, и приметъ, но вслѣдъ за его уходомъ, сейчасъ поѣдетъ къ ближайшему военному начальнику и заявить что приходили де повстанцы и, подъ угрозой смерти и пока насильно позабирали у него изъ экономіи фуражъ и съѣстные продукты. Составивъ себѣ такой ловкій панъ, панъ Котырло успокоился и даже не безъ удовольствія сталъ поджидать торжественнаго вступленія повстанцевъ.

Собравшійся народъ присутствовалъ еще въ церкви и костелѣ, когда панъ Колець, въ предшествіи четырехъ „шквдроновыхъ“ трубачей, которые что есть мочи трубятъ что-то такое „фанфардное“, вступилъ въ Червелены во главе своего воинства. У околицы, на ликетѣ мѣстной сельской стражи, имъ попалось три хлопа, изъ которыхъ одинъ коня завидѣвъ повстанцевъ, ударился-было цѣликомъ по полю

цѣлью предупредить Русскихъ о появленіи неожиданныхъ гостей; но Колець послалъ въ догонку за нимъ нѣсколькихъ уланъ, которымъ и удалось перенять бѣднаго стражника. Захвативъ такимъ образомъ весь пикетъ, Колець объявилъ его военнопленнымъ и подлежащимъ полковому суду „за измену“. Связанныхъ хлоповъ приторочили къ сѣдламъ и, окруживъ опущенными пиками конвоя, ввели въ мѣстечко, въ хвостъ своей колонны.

Толотъ коней и звуки трубъ привлекли вниманіе обывателей. Все еврейское населеніе Червлень и всѣ крестьяне, оставшіеся на базарной площади „доглядѣть“ свои возы, кинулись въ ту сторону откуда вступали польскіе триумфаторы. Еврейки и маленькіе жиденята со страху подвѣли гвалтъ и вопли, а крестьяне какъ-то глухо, и скорѣе враждебно чѣмъ дружески, загомонили между собою по поводу появленія народныхъ вояковъ. На лицахъ этой крестьянской толпы написано было недоумѣніе и нервнительность боязни.

Отрядъ остановился на площади предъ костеломъ. Ксєвдзь, при колокольномъ звонѣ, съ крестомъ и „хоровгвами“, вышелъ на лалерть и привѣтствовалъ побѣдоноснаго полковника. Шляхта, высылавшая изъ костела, махала шалками и платками, кричала „vivat!“ и восторженно кидалась въ ряды защитниковъ отчизны, обниматься и цѣловаться съ ними. Мѣстная „шляхтянки“ посылали домой и щедро, полными фартуками и корзинами, выносили изъ своихъ „коморъ“ гусинья лялатки, сало, будки, колбасы, сыръ, молоко и сметану. Все это тотчасъ же поѣдалось, выпивалось или переходило въ кабуры да въ чемоданы воителей.

Пана Котырло не было. Узнавъ о намѣреніи Колца, онъ еще рано утромъ благоразумно послалъ извѣстить ксєвдза что чувствуетъ себя нездоровымъ, и потому не можетъ со своимъ семействомъ присутствовать сегодня у обѣдни. Впрочемъ, въ обольщеніи своего торжества, Колець о немъ и не вспомнилъ. У него пока была другая, болѣе важная и, такъ-сказать, „государственная“ забота. Дѣло въ томъ что на углу площади стоялъ домикъ надъ крылечкомъ котораго помѣщалась деревянная доска съ надписью „Волоостное правленіе“ и съ намалеванымъ на ней русскимъ государственнымъ гербомъ.

Принявъ отъ ксєвдза благословеніе, Колець отправился въ костелъ слушать „Te Deum“ по поводу своего побѣдоноснаго занятія Червлень, а одного изъ офицеровъ отрядилъ со

взводомъ „красныхъ чертей“—„испровергнуть русскаго орла, захватить всю наличную кассу и уничтожить слѣды наиздого владычества“.

Взводъ „чертей“, сопровождаемый толлою шляхты и любопытными Евреями, направился къ волостному правленію и сталъ разстрѣливать вытѣску. Черезъ минуту весь орелъ былъ продырявленъ пулями и доска изщеплена. Все это совершалось совершенно серьезно, при оглушительныхъ виватахъ шляхты. Затѣмъ воители, не забывъ предварительно воспользоваться кассой, выносили изъ правленія шуровыя книги, дѣла, бумаги и, вмѣстѣ съ изщепленнымъ и снятымъ орломъ, сваливъ на площади все это въ одну кучу, подожгли ее. Виваты не умолкали, торжество было полное.

Между тѣмъ капитанъ Сычъ получилъ отъ Колца еще болѣе важное порученіе. Точно также съ особымъ взводомъ, онъ отправился къ православной церкви, гдѣ въ это время отецъ Сильвестръ совершалъ еще литургію. Приставивъ къ дверямъ караулъ, Сычъ вошелъ въ алтарь и потребовалъ чтобъ отецъ Коватовичъ немедленно же прочелъ своимъ прихожанамъ манифестъ народнаго ржонда и „манифестъ о секретной Царской волѣ“, а за тѣмъ привелъ бы народъ къ присягѣ на вѣрность польскому „ржонду“.

Священникъ наотрѣзъ отказался и просилъ Сыча не мѣшать ему продолжать службу.

Капитанъ пробормоталъ какую-то угрозу и удалился, оставивъ караулъ предъ дверями. Онъ поскакалъ къ лаву Колцу съ докладомъ о рѣшительномъ отказѣ священника. Панъ-полковникъ, подлѣвая звукамъ Те-Deum'a, вскользь выслушалъ его докладъ и кратко буркнулъ въ отвѣтъ какое-то слово. Сычъ поклонился и вышелъ изъ костела.

Пять минутъ спустя, въ православную церковь шумно ворвалась толпа повстанскихъ удамовъ, а тамъ, какъ разъ въ это самое время, торжественно растворились Царскія врата и въ нихъ показался отецъ Сильвестръ со Святыми Дарамы.

— Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите! спокойно, твердо и громко раздался по храму его голосъ.

Нѣсколько человѣкъ съ обнаженными саблями и пистолетами въ рукахъ окружили его со всѣхъ сторонъ, а одивъ изъ урядчиковъ накинулъ на него веревку и захлестнулъ петлю вокругъ шеи.

Отецъ Сильвестръ не дрогнулъ, только смертная блѣдность разлилась по лицу его.

Вдругъ раздался отчаянный вопль, и въ кучу повстанцевъ ринулась обезумѣвшая женщина: то была престарѣлая жена отца Конатовича, которая, воля и взывая о помощи, борясь руками и расталкивая злодѣевъ, пробивалась на выручку мужа. Народъ словно бы онѣмѣлъ и окаменѣлъ отъ ужаса; но некоторые изъ прихожанъ очнулись и тоже кинулись было къ своему пастырю.

— Остановись!.. Я съ Дарами!.. крикнулъ женѣ своей отецъ Сильвестръ, опасавшійся не за жизнь свою, а за то какъ бы въ этой толкотнѣ и сумятицѣ не пролить или не уронить на землю чашу.

Трое дюжихъ повстанцевъ подхватили женщину на руки и насильно отнесли ее въ сторону.

— Кто приступится, лулю въ лобъ! грозно обернувшись къ народу Сычъ, потрясая револьверомъ.— Тащи его! приказалъ онъ своимъ прислѣзникамъ, кивнувъ на Сильвестра, и урядникъ повлекъ священника на веревкѣ.

Отецъ Конатовичъ крѣпко прижалъ къ груди чашу и безтрепетно, твердою поступью пошелъ за урядникомъ, чувствуя что задыхается подъ петлей.

Вдругъ, въ эту самую минуту, продираясь сквозь караулъ поставленный у входа въ церковь, вбѣжалъ залыхавшійся Еврей изъ мѣстныхъ обывателей, жившій по соседству съ отцомъ Сильвестромъ.

— Ой, вай! Ратуйтеся, панове! ратуйтеся! Москале идовъ! Егераль Ганецкій!.. Москале! кричалъ онъ, размахивая руками.

„Егераль Ганецкій“—это было магическое слово. Въ тотъ же мигъ урядникъ бросилъ веревку и давай Богъ ноги, а за нимъ капитанъ Сычъ и вся остальная братія, дава, толкаясь и перегоняя другъ друга, въ страхѣ и ужасѣ кинулись вонъ изъ церкви, скорѣе къ своимъ косямъ, и въ паническомъ беспорядкѣ поскакали на площадь, гдѣ межъ тѣмъ спокойно стояло остальное воинство, раздавались виваты и пылали дѣла волеянаго правленія.

Переполохъ пошелъ ужасный. Увидя сотоварищей слова голову скачущихъ отъ церкви съ криками „Москале! Ганецкій!“ остальные взводы обоихъ „шквadroновъ“ поддались точно такой же паникѣ. Кто-то изъ шляхтичей догадался дать

звать лану Колцу, находившемуся еще въ костелѣ. Но ланъ доузда, гдѣ бы напередъ разузнать основательно въ чемъ дѣло, да возстановить хоть какой-нибудь порядокъ, опрометью вскочилъ скорѣе въ сѣдло и задалъ такого „дралака“ что далеко опередилъ всю банду, благодаря прыткимъ и здоровымъ ногамъ своей лошади.

Не ранѣе какъ уже подъ самымъ лѣсомъ пришелъ онъ въ себя и поинтересовался разспрашивать съ чего весь сыръ-боръ загорѣлся? Гдѣ эти Москали и страшный Ганецкій? Откуда они показались? Кто и когда ихъ видѣлъ, въ какой сторонѣ и далеко ли? Кто далъ знать о нихъ? Или развѣ прискакалъ кто-нибудь съ пикетовъ? Оказалось что никто ничего не знаетъ и не понимаетъ, никто ничего не видѣлъ, и съ пикетовъ люди не прѣвзжали, а просто крикнулъ одинъ только Жидъ какой-то.

Копецъ ввелъ свою банду въ опушку лѣса и велѣвъ одному надежному человѣку переодѣться въ крестьянское платье, послалъ его въ Червелены провѣдать о положеніи дѣла, да, кромѣ того, направилъ два разъѣзда обозрѣть мѣстность около мѣстечка и высмотрѣть что дѣлаютъ покинутые пикеты. Черезъ часъ разъѣзды вернулись и довели что люди на сторожевыхъ постахъ стоятъ-себѣ самымъ спокойнымъ образомъ, а еще вѣскольکو времени спустя вернулся и переодѣтый посланецъ. Изъ его разказа оказалось что въ мѣстечкѣ болтаютъ будто никакихъ Москалей и духу близко не пахнетъ, а всю штуку удралъ Еврей Зильберовичъ, который, провѣдавъ что уланы пошли въ церковь вѣшать священника, вздумалъ спасти его отъ летли, такъ какъ вѣроятно имѣеть съ нимъ какія-то дѣла и денежныя разчеты.

Краска стыда и негодованія покрыла и безъ того уже багровое лицо лана Колца. Онъ выругался звергичившимъ образомъ и, рѣшивъ что надо немедленно же и во что бы ни стало наказать измѣнниковъ, рысью повелъ свою кавалерію обратно въ Червелены.

Базаръ былъ въ полномъ разгарѣ; и народъ, толкая о сегоднешнемъ происшествіи, большими кучами толпался на площади когда въ мѣстечкѣ снова показались ловстанокіе „шквалдромы“, уже безъ трубныхъ звуковъ и безо всякаго торжества, но за то исполненные желаніемъ отомстить за свое посрамленіе. Трусоватость защитниковъ ойчины оказалась слишкомъ рѣзко и явно, ничтожность причины возбужденной

ихъ лязьку обнаружилась слишкомъ скоро, и весь фарсъ торжественнаго вступленія разыгрался такъ жалко и смѣшно что уязвленное самолюбіе вояковъ не могло не вопіять о восстановленіи своего достоинства, хотя бы для этого пришлось прибѣгнуть къ крови и пожару. Всѣ вояки чувствовали что повстанскій авторитетъ ихъ можетъ быть спасенъ только въ томъ случаѣ если имъ удастся нагнать на народъ жестокаго страха. Вступивъ на рысяхъ въ мѣстечко, они тотчасъ же заняли всѣ выѣзды и тропинки, съ цѣлью не выпустить изъ Червленъ ни единого человѣка; затѣмъ окружили домъ отца Сильвестра, и арестовавъ на площади волостнаго старшину, приказали ему, подъ страхомъ смертной казни, сію же минуту указать Еврея Зильберовича и тѣхъ трехъ крестьянъ что были захвачены на „вартѣ“ и упущены изъ лапъ „при отступленіи“.

Перелуганный старшина, къ груди котораго была приставлена пара пистолетовъ, безпрекословно исполнялъ волю повстанскаго полковника, и чрезъ десять минутъ предъ рядами польской конницы уже стояли, связанные по рукамъ, отецъ Сильвестръ, Еврей Зильберовичъ и трое стражниковъ.

Народъ снова обступилъ повстанцевъ и смутно, въ ожиданіи чего-то страшнаго, стоялъ обнаживъ свои головы.

На площадь вынесли откуда-то столъ и нѣсколько стульевъ.

Ксендзь Игнацы взобрался на этотъ столъ и оловѣстилъ народу что желаетъ говорить проповѣдь. Часть повстанскихъ удавцовъ разсыпалась между массою народа и, прижавъ на себя полицейскія обязанности, кулакомъ и словомъ старалась восстановить достоюющую тишину и вниманіе.

— Во имя Отца, Сына и Духа Святого, началъ Игнацы, набожно осылая себя католическимъ крестнымъ знаменіемъ. — Мои коханы брада и сiостры въ Христусъ! Вы въ гаулои вашей простотѣ вѣрите Царскимъ указамъ о волѣ, но вы не знаете что это за воля. Вотъ слушайте я прочитаю вамъ *подлинный* Царскій манифестъ о *секретной* волѣ, тогда вы узнаете что оно такое. Внимайте, братія! Вотъ что гласитъ манифестъ московскій.

И развернувъ печатный листъ, ксендзь Игнацы началъ читать громко и явственно:

„Объявляю всенародно что воля есть Царя истребить всѣхъ католиковъ, зачиная отъ господъ, потомъ дворянъ, всю шляхту, а кончить на крестьянахъ; за то вся ихъ земля и все имущество будутъ принадлежать къ тѣмъ которыя

заострутъ ножи, косы и топоры. Осмѣляйте людей на резь, всѣ за дѣло возьмитесь, будете богаты; Царь въ благодарность здѣлаетъ васъ членами и россійскими дворянами; въ семь дѣлъ будутъ подтверждать отцы духовныя; въ томъ воля Божая! Взываетъ васъ общая русская любовь, ваша славная вѣра и вся благочесть, истребить католиковъ до единого. А мы съ помощію церкви благословляемъ васъ и повелѣваемъ укреплять духъ водкой, для истребленія слугъ дьявольскихъ, очистить свѣтъ отъ противниковъ божьихъ. Богъ, церковь, царь повелѣваетъ!* *

Въ толпѣ между католиками пошелъ смутный говоръ. Шляхта искренно или нѣтъ, но показывала видъ будто безусловно вѣрить прочтенному манифесту и волновалась негодуя: „Москалямъ велѣно рѣзать... Теперь всѣхъ, всѣхъ перерѣжутъ, камня на камень не оставятъ, а вы хлопы гаулые имъ помогаете!“ Но хлопы-католики еще не выказывали никакихъ признаковъ волненія; они раздумчиво стояли, не зная вѣрить или нѣтъ, и скорѣе склонялись на сторону недовѣрія. За то повстанскіе уланы принялись сильно агитировать мелкую шляхту. Между тѣмъ ксендзъ Игнацы снова подалъ знакъ ко вниманію и черезъ нѣсколько минутъ площадь смокла.

— Вы вѣрно слышали, началъ онъ,—что теперь установлено правленіе польское, что это правленіе польское даетъ вамъ справедливую свободу, какъ у Французовъ, и возвратитъ еще вашу прежнюю справедливую вѣру дѣловъ и прадѣловъ. Обманываетъ васъ Москаль, толкуя что это лавы подпалили чтобы вернуть назадъ ланцизму **. Наше дѣло о справедливой свободѣ, которой ваши отцы и дѣды издавна ожидали, и которую Москаль съ кровопійцами вашими задержать хочетъ. Дѣло наше — дѣло такой свободы которую самъ Богъ, прійдя на сей свѣтъ, желалъ установить и за которую пролилъ Свою святую кровь, претерпѣвая крестныя мученія. Миновала уже ланцизна, миновала ваша обида, и никакая сила не вернетъ ее—ни московская, ни чертовская. Теперь-то настало то время что каждому будетъ отпирено такъ какъ онъ самъ себя намѣритъ. Павъ будетъ злой—лава повѣсимъ какъ собаку, хлопъ будетъ злой—и хлопа повѣсимъ, а дворы ихъ и села сожгутся, и будетъ справедли-

* Ортографія поддлинника соблюдена въ точности.

** Барцику.

вая свобода, ибо того самъ Богъ желаетъ и Пречистая Богородица. Чиншовъ, оброку и податей въ казну московскую не платить, а платить только казнѣ польской, такъ какъ вы сами принадлежите правленію польскому. Ополченій и карауловъ по селамъ чтобы не было! А если поймаютъ кого на вартѣ или изъ ополченія, то повѣсять,—не теперь, такъ послѣ. За вашу свободу проливаютъ кровь справедливые люди, а вы, какъ тѣ Каины и Искаріоты, добрыхъ братій предаете врагамъ вашимъ! Правленіе польское спрашиваетъ у васъ какъ вы смѣли помогать Москалю въ нечистомъ дѣлѣ? Гдѣ былъ у васъ умъ, гдѣ была у васъ правда? подумали ль вы о страшномъ судѣ Божиємъ? Вы скажете что дѣлали по неволѣ, но мы люди свободные, и нѣтъ у васъ неволи, а кто изъ васъ хочетъ московской воли, тому мы пропишемъ висѣлицу.*

Пока ксендзъ Игнацы съ высоты стола проповѣдывалъ народу, павъ Колець, присѣвъ къ тому же столу, строчилъ краткій рапортъ графу Маржецкому о своихъ подвигахъ и дѣланіяхъ.

„Сего числа утромъ“, писалъ онъ:—„я торжественно вступилъ въ мѣстечко Червелены, Гродненскаго воеводства; отъ имени народнаго правленія низложилъ и уничтожилъ московское владычество, а на его мѣсто возвелъ польское народное правленіе въ лицѣ обывателя Автонія Юцевича, коего обязанность состоитъ въ представительствѣ народной гражданской власти, пока не будетъ прочно введено постоянное правленіе.“**

„Измѣнники народному дѣлу будутъ немедленно же подвергнуты мною заслуженной карѣ, о чемъ вашему превосходительству донести честь имѣю.“

Калитанъ Сычъ, вслѣдъ за подписью Колца, скрѣпилъ это донесеніе и своимъ рукоприкладствомъ, въ качествѣ правящаго должность адъютанта, и затѣмъ ово тотчасъ же было отправлено съ нарочнымъ въ станъ къ графу Маржецкому.

* Исторически вѣрно. Проповѣдь эта была отпечатана въ Вильнѣ, въ день Св. Бартоломея, на особомъ листкѣ, и распущена по всему краю.

** Исторически вѣрно. (Заимствовано изъ бумагъ и документовъ покойнаго поаковника С. А. Райковского.) Измѣнено только названіе мѣстечка, а имѣло: въ подлинникѣ подписанномъ Козышской названіе мѣстечко Эйрагола „Ковенскаго воеводства“.

— Теперь же, о братія! вѣщаль между тѣмъ ксендзъ Игнацій:—да познаеть всякъ изъ васъ милость польскаго правленія которую оно оказываетъ вамъ присоединяя васъ къ числу своихъ вѣроподанныхъ, и да увидить всякъ его силу, дабы на будущее время вы себѣ крѣпко намотали на усъ что ржондъ народовой не шутить съ измѣнниками отчизны. Вотъ, предъ вами, нечестивый служитель алтаря, — указалъ онъ на отца Сильвестра: — священникъ, который, вмѣсто внутренней послушанія и любви къ законному вашему правительству, научалъ васъ измѣнять дѣлу польской родины и помогать Богомъ проклятому московскому наѣзду, былъ „шпегомъ“ этого наѣзда, возмущалъ васъ противъ кроткихъ и добрыхъ вашихъ помѣщиковъ, коихъ вся вина только въ томъ что они суть добрые патріоты, училъ васъ вѣрять дживой волѣ Царской и не вѣрять справедливой свободѣ польской. Преступленія эти многи и обильны, и воліють на небо! Вотъ предъ вами другая собака,—указалъ онъ на Еврея Зильберовича:—Жидъ не достойный называться братомъ - Полякомъ Моисеева закона, Жидъ который осмѣлился смутить сегодня ложнымъ извѣщеніемъ ваше доблестное воинство народове! Вотъ, наконецъ, эти три гнусные хлопа, которые, забывая Бога и совѣсть, забывъ долгъ истинныхъ сыновъ отчизны, стали на стражу противъ насъ, своихъ кровныхъ братій, и намѣревались извѣстить Москалей о нашемъ богатствѣ для васъ прибытіи. По ни одно изъ этихъ намѣреній не удалось симъ гнуснымъ людямъ. Да познаете въ этомъ, о братія, перстъ Божій, сохраняющій насъ на всѣхъ путяхъ нашихъ, да не преткнемъ ногу нашу о камень, но да лоборемъ льва и змія, василиска и скорпія! Вы же, недостойные, идите во адъ къ отцу вашему дьяволу, братья достойную награду за ваше преступленіе! Да спалитъ огонь жилища ваши и да будутъ имена ваши анаеема-прокляты выль, и присно, и на вѣки вѣковъ! Амен.

Ксендзъ Игнацы слѣзъ со стола, а лавъ Колецъ вскочилъ на подведеннаго ему кова и высоко держа надъ головою кова федератку, провозгласилъ громко надъ толпою:

— Объявляю всѣмъ друзьямъ и недругамъ что отнынь московское правительство въ Черваснахъ и на всей окрестной землѣ мною низложено навсегда и возведенъ единый и вѣрный, законный нашъ польскій ржондъ народовой! Vivat! Навѣки Польска!

Шляхта и улань, махая палками, восторженно подхватили эти виваты и восклицанія.

Крестьяне же, по большей части, безмолвствовали. Они были смущены и валуганы появленіемъ вооруженной шайки, ибо по опыту уже знали что защитники отечества добромъ не уходятъ ни откуда и что расправа у нихъ бываетъ коротка и беспощадна.

Между тѣмъ, панъ Колецъ тайнѣ сообразилъ себѣ что хотя измѣнниковъ и необходимо надо повѣсить, но чортъ возьми, если неравно поладешься какъ-нибудь потомъ въ лапы къ Москалямъ, да если они провѣдаютъ что казнь-то совершена имъ, паномъ Колецемъ? „Вѣдь уже тогда никакой пощады не жди: и самого навѣрное вздернуть.“ Поэтому панъ-полковникъ сообразилъ что гораздо благоразумнѣе будетъ если онъ увиливать отъ видимой инициативы въ своемъ дѣлѣ, невозможно ступится, отойдетъ на второй планъ, а предоставитъ первыя и наиболѣе видныя, активныя роли капитану Сычу и ксендзу Игнацему. Капитанъ Сычъ весьма охотно принявъ его предложеніе распорядиться казнью и съ видимымъ удовольствіемъ принялся устраивать „смертный кортежъ“, затѣявъ обставить его какъ можно торжественнѣе. Онъ выстроилъ оба эскадрона шпалерою отъ площади до ограды православной церкви, окружилъ конвоемъ осужденныхъ, впереди шествія пустилъ трубачей, приказавъ играть имъ что сами знаютъ,— „абы досъ погржебовѣго“, * и тѣ принялись усердно издавать какіе-то востройные, дикіе звуки, раздражившіе и душу и ухо; а въ замокъ шествія панъ Сычъ отрядилъ особый взводъ „десмерцельныхъ“, въ томъ предположеніи что ихъ „трупья мовы“, бѣлые кресты и черныя съ бѣлымъ флагера будутъ какъ нельзя болѣе соответствовать общему мрачному впечатлѣнію. Присущая польскому характеру страсть къ театральничавью, къ позировкѣ, къ громкимъ словамъ, къ мистическимъ и романтическимъ эффектамъ, даже и въ данномъ случаѣ ухитрились найти себѣ поводъ къ особому „торжеству“, въ которомъ вдоволь можно было порисоваться предъ толпою, и особенно предъ женщинами, въ роли „грознаго меча правосудія“.

Въ такомъ порядкѣ „смертный кортежъ“, подъ предводительствомъ Сыча, медленно двинулся къ церковной оградѣ, гдѣ на перекаднѣвъ воротъ уже приготовлены были двѣ петли.

* Тамъ бы что-нибудь похоронное.

Отца Сильвестра и Еврея Зильберовича подвели подъ висѣлицу.

Но лавъ Сычъ не ограничился еще этимъ эффектомъ: для пущаго назиданія и устрашенія толпы, онъ приказалъ чтобы на мѣсто казни были приведены семейства осужденныхъ и заставилъ ихъ смотрѣть какъ будутъ вѣшать. Жена и дѣти Зильберовича истерически волили, рыдали и бились въ толпѣ своихъ соотечественниковъ, такъ что нѣсколько дюжихъ повстанцевъ едва могли удержать ихъ. Но когда привели мертвенно блѣдную жену отца Сильвестра и поставили ее въ трехъ шагахъ отъ мужа, она уже не рвалась и не волила, какъ давеча въ церкви. Въ лицѣ этой женщины царило, если можно такъ выразиться, какое-то спокойствіе ужаса, нѣчто высшее чѣмъ обыкновенный страхъ или отчаяніе, словно бы она вполнѣ сознавала какая это минута. Несчастная сдѣлала было шагъ къ мужу, но ее не допустили.

— Прощай! тихо кивнулъ ей головою священникъ, и чтобы ободрить ее, хотѣлъ было улыбнуться, но улыбки не вышло, одна только конвульсивная судорога, вмѣсто нея, покривила его посивѣлыя губы.

И онъ видѣлъ какъ жена его опустилась на колѣни, какъ устремила взоры къ небу, на церковный крестъ, и ослѣпала себя его знаменіемъ, стала шептать какую-то молитву.

Повстанцы исполнявшіе роль палачей вакинули на осужденныхъ петли. Еврей былъ уже безъ чувствъ, въ бессознательномъ состояніи, такъ что его пришлось поддерживать на ногахъ, какъ куклу, но отецъ Сильвестръ стоялъ, повидимому, спокойно и твердо.

— Господи! въ рудѣ Твои предаю духъ мой! прошепталъ онъ, вскинувъ къ небу взоръ, какъ вдругъ, въ это самое мгновеніе гирьки крѣпко дернули веревки—и двѣ страшныя фигуры закачались въ воздухѣ.

Глухой стонъ ужаса пронесся въ дрогнувшемъ народѣ, а колѣнопреклоненная женщина все еще глядѣла на небо и молилась.

Въ это время, въ нѣсколькихъ концахъ мѣстечка, взвились къ облакамъ клубы чернаго дыма—и народъ съ отчаянными криками: „Пожаръ!... Горимъ!“ кинулся въ разные стороны.— Это ксендзъ Игнацы приказалъ своимъ прислѣзникамъ поджечь дома осужденныхъ „зрайдцовъ“, въ числѣ которыхъ были и три хаты пойманныхъ сельскихъ стражниковъ.

Павъ Колецъ собралъ свои „шквалеры“ и повелъ ихъ изъ мѣстечка. За околицей, въ томъ самомъ мѣстѣ гдѣ былъ взятъ крестьянскій пикетъ, капитанъ Сычъ приказалъ повѣсить на ближайшей соснѣ и трехъ несчастныхъ хлопцовъ захваченныхъ „на вартѣ“.

Повстанская кавалерія не успѣла еще спрятаться въ темномъ Вишивникѣ, а осторожный и предусмотрительный павъ Котырао, тайкомъ, окольными путями пробирался уже въ закрытой коляскѣ къ мѣстному военному начальнику, со слезнымъ донесеніемъ что нагрянули де неожиданно-негаданно какіе-то неизвѣстные вооруженные люди, повѣсила нѣсколько человекъ, зажгли нѣсколько строеній и скрылись невѣдомо куда, а онъ де и самъ едва укрылся отъ смертной опасности и разоренія, и теперь „какъ навѣрно преданный своему Царю и отечеству“ слѣдуетъ заявить обо всемъ законной власти, чтобы не было на него потомъ какихъ-либо подозрѣній и нареканія.

VIII. Тревога.

Графъ Маржецкій, получивъ донесеніе Колца, принялъ его съ такимъ восторгомъ, какъ словно то была вѣсть о великой побѣдѣ или о вооруженномъ занятіи цѣлаго края. Колія съ того донесенія тотчасъ же была послана въ Центральный комитетъ, съ просьбой немедленно напечатать ее въ „Вѣдомыхъ съ поля битвы“, * и если возможно, то опубликовать въ заграничной прессѣ. Вместе съ этимъ, графъ отправилъ прочлаго и къ Цезаринѣ съ письмомъ, въ которомъ наложилъ о ея обѣщаніи посѣтить его лагерь, гдѣ онъ готовитъ пышныя праздники для пріема столь дорогой гостью, тѣмъ более что „всей его арміи“ пламенно желалось бы отпраздновать въ ея присутствіи первый успѣхъ своего оружія въ сраженіяхъ. Цезаринѣ и самой хотѣлось прокатиться „до озю“, взглянуть на повѣстическую обстановку дѣловой жизни польскихъ героев“, устроить тамъ веселую кавалькаду, пройтись верхомъ и вообще весело провести день столь

Военные бюллетени „ржонда“, выходившіе въ Варшавѣ періодическими листками, подъ этимъ названіемъ.

оригинальный и исключительный какой навряд ли выдаться вторично въ жизни. Какая же польская женщина отказалась бы въ то время отъ удовольствія похвалиться при случаѣ предъ пріятельницами что и она тоже была въ дѣлу, въ военномъ станѣ? А тутъ еще для нея, для нея одной, готовитъ цѣлый праздникъ, весь корпусъ жаждетъ ее видѣть, и вдобавокъ графъ Маржецкій увѣряетъ что дорога вполнѣ доступна, легка, непродолжительна и совершенно безопасна. Впрочемъ послѣднее обстоятельство было безразлично для Цезаринь: ее не пугала опасность,—напротивъ, пылкой и впечатлительной душѣ ея даже хотѣлось порою риска и опасности, которыми разнообразили бы монотонность ея сельскаго уединенія. Ей очень хотѣлось бы увидѣть настоящій бой, присутствовать на самомъ мѣстѣ сраженія, испытать что за чувства, что за впечатлѣнія волнуютъ въ это время человеческую душу, увлечь другихъ къ героизму и самой увлечься, тѣмъ болѣе что это все казалось ей такъ весело, такъ ярко и поэтично!... А кромѣ того, хотѣлось еще увидѣть и своего старшаго красавца Жозефа, который долженъ быть такъ дивно хорошъ на породистомъ конѣ, съ ея знаменемъ въ рукахъ предъ эскадронами польской кавалеріи... Словомъ, мыслъ объ этой поѣздкѣ вполнѣ улыбалась графиня Цезариня она обѣщала пріѣхать непременно, во что бы то ни стало, обдумала весь костюмъ и даже заблаговременно отправилась въ лагерь дамское сѣдло и своего кровнаго, свѣтло-сѣраго Балзета, съ Сангушковскаго завода.

Въ лагерѣ межъ тѣмъ шла усиленная подготовка къ пріѣзду и встрѣчѣ графини. Ксендзъ Игнацы хлопоталъ, суетился, наблюдалъ за поварями, приказывалъ огородить ѣлки въ видѣ бесѣдки, извѣстное пространство дѣсной дужайки, гдѣ долженъ будетъ помѣститься обѣденный столъ. Панъ Секеръ устраивалъ иллюминацію къ вечеру; Маржецкій сваряжалъ почетный караулъ для графини и обдумывалъ церемоніалъ-встрѣчи; благополучно возвратившійся Колецъ училъ церемоніальному маршу свою кавалерію; тиральеры готовили холостыя патроны для стрѣльбы во время обѣденныхъ тостовъ, чистили и исправляли перепачканные свои мундиры; Чехи разучивали какой-то новый половецъ, и одиѣ лишь героини были не совсѣмъ-то довольны, такъ какъ Маржецкій приказалъ Колецу убрать ихъ куда-нибудь на время посвященія Цезарини такъ чтобъ и голоса ихъ не было слышно, да и физіоном

ми не выставлялись бы. Не былъ доволенъ еще и Бейгушъ, не принимавшій никакого участія во всѣхъ этихъ приготовленияхъ; но за то онъ позаботился усилить на всякій случай сторожевые посты, направить по разнымъ направленіямъ особые развѣзды и приказалъ имъ глядѣть какъ можно зорче и слушать какъ можно чутче. Его давило и грызло словно бы какое предчувствіе что вся эта шумная потѣха ясновельможнаго доводцы не обойдется даромъ...

Наконецъ настала и день праздника. Цезарина пріѣхала. Овадіи, манифестаціи, встрѣчи, виваты, полонезы, почетный караулъ и преклоненіе знамени, и чего-чего тутъ не было!.. Графиня сіяла отъ восторга, любовалась лѣсомъ, любовалась лагеремъ, косиньерами, кострами, и была беззаботно весела, какъ ребенокъ. Нарядъ ея удался какъ нельзя лучше: бѣлая бархатная конфедератка со страусовымъ плюмажемъ, изящный хлыстъ, перчатки съ крагами, венгерскіе саложки съ золотыми звонкими подковками и фіолетовый атласный контушъ, весь расшитый серебромъ, съ откидными рукавами или такъ-называемыми „вылетами“, надѣтый поверхъ бѣлопаеваго платья-амазонки съ роскошнымъ шлейфомъ—все это было хотя и вѣскольکو театральнo, но необыкновенно эффектно, красиво, изящно, все такъ ловко на ней сидѣло, такъ удивительно шло къ лицу и гармонировало между собою что и старый ловласъ, и юный „хорожіи“, красавецъ Жозефъ, оба оцѣмѣли отъ восхищенія и восторга при первомъ же взглядѣ на свою героиню. Да и сама она чувствовала что очаровательно хороша сегодня.

Графъ Сченскій и статный Жозефъ не покидали ее ни на минуту, предупреждая малѣйшій взглядъ, малѣйшее желаніе дорогой гостыи. И ксендзъ Игнацы, и ланъ интендантъ Колецъ, еще до ея пріѣзда, ради усиленныхъ трудовъ своихъ хватившіе на радостяхъ „правдивой старой литевки“, оба были теперь въ необыкновенно „добрымъ гуморѣ“ и цвѣли, какъ лианы, отъ вина и удовольствія. Ксендзъ былъ особенно въ ударѣ, и потому всевозможная „диктерійка“, риемы, приговорія и пословицы въ „старожитвомъ“ родѣ и духѣ, лились у него рѣкою.

Наконецъ, послѣ объѣзда лагеря и прогулки на аванпосты, графъ Сченскій подалъ Цезаринѣ руку и, подъ звуки полонеза, повелъ ее къ обѣденному столу, гдѣ ксендзъ Игнацы уже заранѣе взялъ на себя роль мажоръ-дома и оберъ-шека,

всеобщаго угощателя и увеселителя. И блюда и застольный порядокъ, съ присовокупленіемъ разныхъ ксендзовскихъ „диктеріекъ“—все это было обшцано графинѣ совершенно въ „добромъ, старожитномъ польскомъ родѣ“, и потому достопочтенный ксендзь, въ силу стараго обычая, не преминулъ предъ обѣдомъ прежде всего сотворить громко молитву и благословить литія и явства. Въ разгарѣ повстанскаго патриотизма, у Поляковъ во всемъ пошла мода на всякую „старожитность“.

— Выльемъ, шановне * ланьство для начала по килишкѣ венглювки, ** а по другому нашей правдивой литевской старушки! поднявъ графинѣ и золотую чарку, возгласилъ ксендзь мажоръ-домъ обращаясь къ мущинамъ.

Выпили, закусили и разошлись. Подали бульйонъ изъ барааныхъ ножекъ.

— Выпіймы знувъ по килишкѣ, жебы бараане ножки не бегали! опять возгласилъ Игнацы съ комически-серіознымъ видомъ. Это уже у него начинались „диктеріійки“ и присловья, а потому всѣ мущины сочли своимъ долгомъ разсмѣяться и, конечно, выпить. На всякое блюдо и на всякій напитокъ у ксендза Игнацега непремѣнно была въ заласѣ особая прибаутка, какъ того требовалъ „обычай старожитны“. Подаютъ, напрімѣръ, зразы съ кашей, артистически приготовленная,— ксендзь предлагаетъ чтобы зразы не смѣшались съ кашей, раздѣлить ихъ цитриновою наливкой.

Подаютъ новое блюдо въ старопольскомъ порядкѣ.

— Ш-ша, ланове! разставая руки, возглаголетъ ксендзь все съ тѣмъ же необычайно важнымъ и политически-серіознымъ видомъ:—Ш-ша!.. Индыкъ надзѣваны яблками и сливами до насъ ѣдзе! ***

— Вѣаць, цужъ намъ рѣбиць: чи уцѣкаты, чи бровиць се? **** съ комическимъ ужасомъ, въ тонѣ ксендзу, восклицаетъ лионовый Колець.

— Э, фе, ланове!.. Нѣхъ уцѣкаіон Москале, махаець ксендзь рукою,—а мы, якъ поржоване людзе, зѣмы его мосць, та ѣ залиемы вишнювко, для тѣго жебы индыкъ не балболталъ глупства и жебы была у насъ perilitas et oregis.

* Почтенное.

** Водка очищенная черезъ уголь.

*** Индюкъ, начиненный яблоками и сливами, ѣдетъ къ намъ.

**** Такъ что жь намъ дѣлать: или удирать, или обороняться?

— От-такъ! подхватываетъ Колець:—от-то есть бардзо дѣбрже, мѣсци ланѣве! бо Пѳлякъ здѣвна сытъ не зъ тѣго цо іе, а зъ тѣго цо іе! *

— Ну, а тѣразъ, ланове, жебы индыкъ не гладный у насъ сѣдзаль, предлагаетъ ксендзъ: — нѣхъ пршинѣсон намъ и ему мнхувъ! **

— Ага, ага! хлопаетъ въ ладоши Колець:—слышѣлемъ же мнху сон вѣльке майстры на куры, индыки и бараны,—то мѣже и намъ они цо дорѣдзон до стравѣнья ***.

— Мнху, якъ ми сѣ сѣде, сон 'то людзе и ѣще Бѳже сауга, а зѣтымъ гладнымъ сѣдзѣцъ имъ мелодобна **** докторально замѣчаетъ на это ксендзъ Игнацы.

— Але жъ знѣлемъ едаѣго мнху ктуры пилъ вѣно, замѣчаетъ Колець, съ особенною пристальностью устремляя взглядъ на ксендза и приложивъ къ своему носу указательный палецъ:—такъ сѣде ми сѣ, же не шкодзило бы даць налиць сѣ и нашимъ мнхамъ? †

Подобный-то не хитрый жартъ въ стародавнемъ вкусѣ, къ общему удовольствію состольниковъ, сопровождалъ у ксендза Игнацего каждую переѣвну блюдь и налитковъ. Онъ уже началъ было приговариваться къ тому какъ послѣ обѣда станетъ почтѣнное ланство подпивать „тѣго-овѣго, по трѳшку вшиткѣго, залалимъ фаѣчки и бендземъ гѣдаць баѣчки“, †* а лавъ Колець уже задекламиривалъ:

Еще Польска не сгинела.

Кеды мы жѣемы,

Еще вудка не сплеснала,

Кеды мы пиемы,

какъ вдругъ, гдѣ-то вдалькѣ раздался выстрѣлъ.

* Полякъ искоми сытъ не тѣмъ что онъ ѣсть, а тѣмъ что пьетъ.

** Ну, а теперь, господа, чтобъ индюкъ не сидѣлъ у насъ голадный, пусть привесутъ и намъ и ему мнхувъ (одно илѣ любимѣйшихъ польскихъ блюдь въ Литѣ).

*** Смыталъ я что монахи большіе мастера на куръ, индюковъ и баляну, такъ можетъ статься они и намъ порадѣють.

**** Монахи, какъ мнѣ кажется, люди и еще Бѳжны сауги, а потому оладнымъ сидѣть имъ не подобаетъ.

† Знѣвалъ я одного монаха который пилъ вѣно, такъ мнѣ кажется то не мѣшало бы дать налицься и нашимъ монахамъ.

†* Того, другаго, по немножечку всего; закуримъ трубочки а стѣмъ ѣмшитъ другъ друга лобаселками.

— Чу!... Что такое? что это, лавове? осторожно подвѣвъ палецъ, въ вѣкоторомъ смущеніи заговорилъ графъ Маржецкій, обводя собесѣдниковъ пытливыми и встревоженными глазами.

— Выстрѣлъ! отвѣтилъ ему Бейгушъ, который во весь обѣдъ не проронилъ еще ни одного слова.

— Какъ выстрѣлъ?.. Зачѣмъ выстрѣлъ?.. Кто смѣетъ стрѣлять безъ спросу?

— А хотя бы Москали, почему знать!

— О, полковоте, что это вы говорите!..

Однако беспокойство сильно заиграло въ подвижномъ лицѣ графа. Онъ не умѣлъ скрывать своихъ ощущеній.

— Не пугайтесь, надо узнать напередъ, холодно успокоилъ его Бейгушъ.

— Съ чего вы это взяли что я пугаюсь, чортъ возьми? „Пугаюсь“, это мнѣ нравится! бормоталъ графъ, силясь придать себѣ небрежную улыбку.

Раздался еще одинъ выстрѣлъ... другой, третій... еще и еще...

— Милѣйшій майоръ... Бога ради, что жъ это такое однако?

— Перестрѣлка, ваше превосходительство,—развѣ вы не слышите? пронычески усмѣхнулся Бейгушъ.

— Перестрѣлка?!... Зачѣмъ? гдѣ перестрѣлка?..

— Судя по звуку, у насъ въ тылу. Барабанщикъ!.. Тревогу! крикнулъ Бейгушъ, вставая изъ-за стола.—Гей! Коня мнѣ!.. Живѣ!

— До брони, лавове! до брони! повесились по лагерю крики урядниковъ, мѣшаясь со звукомъ трубы и рокотомъ барабана. Въ мигъ подвѣлась величайшая сумятица, бѣготня и безтолочь.

— Гей, живѣ запрягать экилажъ! крикнулъ гайдукамъ своимъ графъ Счевскій.

— Не экилажъ запрягать, а *сдѣлать коня*, ваше превосходительство! выразительно поправилъ его Бейгушъ, уже завося ногу въ стремя.

— Я не для себя... я для графини, пробормоталъ покрасѣвшій доводца котораго какъ школьника поймали нзъ затаенной мысли.

— Графинѣ вѣхать въ ту сторону нельзя: дорога отрѣзана.— Развѣ вы не слышите откуда приближаются выстрѣлы?

— Но... въ такомъ случаѣ, можно въ другую сторону?

— Я никуда не поѣду, я остаюсь здѣсь! рѣшительно объявила Цезарина, съ сіяющимъ лицомъ и пылающимъ взоромъ, натягивая на руку перчатку.

Вдругъ прискакалъ уданъ изъ цѣли, соля что есть мочи:

— Москале! Москале, ланове!.. Москале!

— Я поѣду разузнать въ чемъ дѣло, сказалъ Бейгушъ Маржецкому, но тотъ стремительно вдругъ кинулся къ нему и схватилъ копя его за поводъ.

— Не увѣжайте, Бога ради! растерянно бормоталъ онъ:— не увѣжайте!.. съ кѣмъ же я... съ кѣмъ же войско останется?!..

— Войско остается съ вами: вы его начальникъ...

— Нѣтъ, Бога ради... Примите ужъ вы сами начальство... хоть на первое время... Видите, какая каша идетъ... Надо устроить ихъ... надо вести... Ведите, майоръ... умоляю васъ, ведите! Не стѣсняйте меня... я послѣ, послѣ ужъ... я потомъ... Ахъ, да веди же же, Бога ради!

— Хорошо. Только пустите прежде поводъ моего коня! нетерпѣливо и досадливо откликнулся Бейгушъ. И, давъ шпоры лошади, поскакалъ къ переполошенному отряду. Тамъ все еще шла сумятица. Лишь немногіе изъ офицеровъ находились на своихъ мѣстахъ, между солдатами, устраивая ихъ во взводы; большинство же кинулось къ своимъ повозкамъ и лошадямъ, думая болѣе о томъ какъ бы удрать, нежели о томъ чтобы сражаться. Урядники были значительно лучше этихъ офицеровъ: они ругались, кричали, дрались кулаками, фухтелили, саблями, но все жь-таки старались возстановить хоть какой-нибудь лорядокъ. Павъ Колець оказался однако исправнѣе тиральеровъ и косильеровъ. Нѣсколько лишанихъ стакановъ выпитыхъ за обѣдомъ на много придали ему храбрости и самоувѣренной дерзости. Работая, что-называется, всѣми легкими и нелегкими, онъ довольно живо успѣлъ выстроить свои „вѣсмертельные шквадроны“, предъ фронтомъ которыхъ красовался уже на лихомъ конѣ ланъ хоронжій, съ развернутымъ знаменемъ Цезарины. Она же, смѣясь, какъ шальной ребенокъ, легкимъ ударомъ хлыста подбодрила своего сіятельнаго кузена чтобы тотъ проворнѣе карабкался на лошадь, и рядомъ съ нимъ загарцовала сдержаннымъ троттомъ, подхвѣжая на своемъ Балзетѣ къ кавалерійскому фронту.

— Ишь со щитомъ, ишь на щитѣ! Неправда ли? бросила она мимолетное слово, проѣзжая мимо красавца Жозефа.

Тотъ молча кивнулъ ей головою.

— Э, я вижу, одинъ только Бейгушъ молодецъ между вами! засмѣялась графиня, — съ нимъ весело и любо! Ей-Богу!... Посмотрите какъ онъ живо устроилъ косивьеровъ, а вы-то!...

Эти слова заставили Жозефа встрепенуться и постороже взглянуть въ свою смутившуюся душу. Межъ тѣмъ все уже было готово, и Бейгушъ, не адресуясь болѣе ни съ чѣмъ къ графу Маржецкому, какъ полный и самостоятельный начальникъ, самъ двинулъ отрядъ на позицію.

Выстрѣлы слышались все ближе и ближе, огонь становился сильнѣе и чаще, — но съ кѣмъ же это тамъ дерутся Москали? Чтò за отрядъ и кто его доудца?

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА

РОМАНЪ

ВИЛКИ КОЛЛИНЗА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА I

Ошибка новобрачной.

„Такъ вѣкогда и святыя жены, уловающія на Бога, украмали себя, повинувась своимъ мужьямъ. Такъ Сарра ловиноамась Аврааму, называя его гослодиномъ. Вы дѣти ея есаи зорите добро и не смущаетесь ни отъ какого страха.“

Заклучивъ этими хорошо извѣстными словами обрядъ вѣнчанія англиканской церкви, мой дядя Старкъуезеръ закрылъ вою книгу и взглянулъ на меня черезъ рѣшетку алтаря съ мраженіемъ сердечнаго участія на своемъ широкомъ красномъ лицѣ. Въ ту же минуту тетка моя, мистрисъ Старкъуезеръ, глывшая возлѣ меня, сказала ударивъ меня слегка по плечу: — Валерія, ты обвинчаа!

Гдѣ были мои мысла? Чтѣ сдѣлалось съ моимъ вниманіемъ? была сляшкомъ смущена чтобы звать это. Я вздрогнула и глывнула на своего мужа. Онъ ловидимому былъ смущенъ

не мѣняе меня. Одна и та же мысль, я увиѣрива, была въ эту минуту у насъ обоихъ. Возможно ли что мы, вопреки оппозиціи его матери, сдѣлались мужемъ и женой? Моя тетка Старкз-уезеръ рѣшила вопросъ потрелавъ меня опять по плечу.

— Да возьми же его руку, шеллаула она тономъ женщинамъ вышедшей изъ терпѣнія.

Я взяла его руку.

— Слѣдуйте за дядей.

Держась крѣпко за руку мужа, я послѣдовала за дядей и викаріемъ совершавшимъ вмѣстѣ съ нимъ обрядъ бракосочетанія. Два священника ввели насъ въ ризницу. Церковь находилась въ одномъ изъ мрачныхъ кварталовъ Лондона между Сити и Вестъ-Эндома; день былъ сумрачный, воздухъ душный и сырой. И сами мы представляли невеселое свадебное общество, вполнѣ гармонировавшее съ мрачною мѣстностью и съ унылымъ днемъ. Никто изъ родныхъ и друзей моего мужа не присутствовалъ; его семейство, какъ я уже сказала, было противъ его женитьбы. У меня же не было другихъ родныхъ кромѣ дяди и тетки. Я была сирота и друзей у меня было очень немного. Старый, преданный клеркъ моего отца, Вениаминъ, присутствовалъ въ качествѣ посаженнаго отца; онъ „выдавалъ“ меня, какъ говорится. Онъ зналъ меня съ дѣтства, и во время моего сиротства былъ добръ ко мнѣ какъ отецъ.

Намъ предстояло совершить послѣднюю формальность, записать свои имена въ церковной книгѣ. Въ смущеніи и не зная хорошенько что отъ меня требовалось, я сдѣлала ошибку которая по мнѣнію моей тетки была дурнымъ предзнаменованіемъ: я написала свое замужнее имя вмѣсто дѣвичьяго.

— Какъ! воскликнулъ дядя громкимъ и веселымъ тономъ:— Ты уже успѣла забыть свое имя! Прекрасно! Будемъ надѣяться что ты никогда не пожалѣешь что разсталась съ нимъ такъ послѣшно. Но постарайся припомнить его, Валерія.

Дрожащими пальцами я зачеркнула свою первую подпись и написала, весьма некрасиво, свое дѣвичье имя: *Валерія Бринтонъ*.

Когда пришла очередь моего мужа, я замѣтила съ удивленіемъ что его рука также дрожала и что онъ оставилъ въ книгѣ весьма жалкій образецъ своей обычной подписи: *Естмасъ Вудвилъ*.

Моя тетка, когда пришла ея очередь записать свое имя, покорилась не безъ протеста.

— Плохое начало, сказала она указывая концомъ пера на мою первую подпись.—Я могу только повторить слова мужа: будемъ надѣяться что вамъ не придется сожалѣть объ этомъ.

Даже тогда, въ дни моего невѣдѣнія и невинности, суетворіе тетки возбуждало во мнѣ какое-то неопредѣленное безлокойство. Ободряющее пожатіе моей руки рукой мужа и веселый голосъ дяди, желавшаго мнѣ на прощаніе счастливый жизни, послужили мнѣ утѣшеніемъ. Добрый дядя пріѣхалъ въ Лондонъ изъ своего сѣвернаго прихода (гдѣ я нашла пріютъ послѣ смерти моихъ родителей) только для того чтобъ обвинять меня, и намѣревался ухватить съ полуденнымъ поѣздомъ. Онъ обнималъ меня своими большими, сильными руками и поцѣловалъ такъ громко что этотъ поцѣлуй навѣрное достигъ до ушей толпы зѣвакъ ожидавшихъ за церковною дверью выхода молодыхъ.

— Отъ всего сердца желаю тебѣ здоровья и счастья, душа моя, сказалъ онъ.—Ты въ такихъ лѣтахъ что можешь выбирать сама, и—не въ обиду вамъ будь сказано, мистеръ Вудвилъ, такъ какъ мы съ вами друзья недавніе—я молю Бога, Валерія, чтобы выборъ твой оказался удачнымъ. Скучно будетъ намъ безъ тебя, моя милая, но я не жауюсь. Напротивъ, если эта переменъна въ твоей жизни сдѣлаетъ тебя счастливѣе, я радуюсь. Полно, полно, не плачь; не то тетка послѣдуетъ твоему примѣру, а въ ея годы это не шутка. Къ тому же ты рискуешь испортить свою красоту. Осуши глаза, посмотри въ зеркало и ты увидишь что я правъ. Прощай, дитя мое, и да благословитъ тебя Богъ.

Онъ схватилъ подъ руку тетку и послѣднимъ вышелъ изъ церкви. Какъ ни горячо любила я мужа, но сердце мое сжалось когда дядя вышелъ. Этотъ добрый человекъ былъ моимъ искреннимъ другомъ и покровителемъ моей дѣвичьей жизни.

Затѣмъ послѣдовало прощаніе со старымъ Веніаминомъ.— „Желаю вамъ счастья, душа моя; не забывайте меня“, было все что онъ сказалъ, но эти слова напоминали мнѣ милое прошлое въ домѣ моего отца. Веніаминъ обѣдалъ у насъ по воскресеньямъ и каждый разъ приносилъ какой-нибудь маленькій подарокъ дочери своего хозяина. Я едва не испортила свою красоту (какъ выразился дядя) когда подставила щеку для поцѣлуя своему старому другу и услышала что онъ

тихонько вздохнулъ, какъ будто и у него были сомнѣнія насчетъ моего будущаго счастья.

Голосъ мужа заставилъ меня овладѣть собою и далъ болѣе счастливое направленіе моимъ мыслямъ.

— Не пора ли намъ идти, Валерія? спросилъ онъ.

На пути изъ церкви я остановила его чтобы исполнить совѣтъ дяди, иными словами, чтобы взглянуть на себя въ зеркало висѣвшее надъ каминомъ ризницы.

Что увидала я въ зеркалѣ?

Я увидала въ зеркалѣ высокую, тонкую женщину двадцати трехъ лѣтъ. Она не изъ тѣхъ особъ которыя обращаютъ на себя вниманіе на улицѣ, такъ какъ она не обладаетъ ни модными желтыми волосами, ни модными нарумяненными щеками. Волосы ея черны и она причесываетъ ихъ въ послѣднее время какъ причесывала ихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ по желанію отца; они откинута отъ лба наверхъ и свернута на макушкѣ простымъ узломъ (какъ волосы Венеры Медицейской), такъ что шея остается обнаженной. Цвѣтъ лица ея блѣденъ; кромѣ минутъ сильнаго волненія, на щекахъ ея никогда не бываетъ румянца. Ея сивіе глаза такъ темны что ихъ принимаютъ обыкновенно за черные. Брови ея довольно красивы по формѣ, но слишкомъ темны и рѣзки. Носъ ея принадлежитъ къ талу носовъ называемыхъ орлиными и особамъ разборчивымъ относительно носовъ кажется слишкомъ большимъ. Ротъ ея самая изящная черта въ ея лицѣ, очерченъ весьма изящно и способенъ къ самымъ разнообразнымъ выраженіямъ. Что же касается окалада лица, оно слишкомъ узко и длинно въ нижней половинѣ, слишкомъ широко и коротко въ верхней, гдѣ глаза и лобъ. Вся же фигура отраженная въ зеркалѣ представляетъ женщину довольно красивую, но слишкомъ блѣдную и слишкомъ степенную и серьезную въ минуты спокойствія и потому не поражающую съ перваго взгляда, но выигрывающую при второмъ и иногда даже при третьемъ взглядѣ. Что касается ея костюма, она тщательно скрываетъ, вмѣсто того чтобы заявлять, что она вѣнчалась въ это утро. На ней сѣрый кашмировый тювикъ, отдѣланный сѣрымъ шелкомъ, и такая же юбка. На головѣ ея сѣрая шляпка съ бантомъ изъ бѣлой кисеи и съ луццовымъ цвѣткомъ, довершающимъ эффектъ туалета.

Удачно или нѣтъ мое описаніе меня самой какъ я увидала себя въ зеркалѣ, судить не мнѣ. Я старалась избѣжать двухъ

крайностей тщеславія, самоуниженія и самовосхваленія. Во всякомъ случаѣ, хорошо или дурно мое описаніе, слава Богу что оно уже написано.

А кого вижу я въ зеркалѣ рядомъ съ собой?

Я вижу мушкетера который немного ниже меня ростомъ и имѣеть несчастье казаться старше своихъ лѣтъ. Надъ его лбомъ образовалась преждевременная лысина, въ его густой каштановой бородѣ и длинныхъ усахъ проглядываетъ преждевременная сѣдина. Въ лицѣ его есть румянецъ котораго нѣтъ въ моемъ лицѣ, въ фигурѣ его есть твердость которой нѣтъ въ моей фигурѣ. Онъ глядитъ на меня такими кроткими и нѣжными глазами какихъ я не видала ни у какого другаго мушкетера. Улыбка его пріятна, но появляется рѣдко; обращеніе его, спокойное и сдержанное, отличается однако силою убѣжденія, неотразимо привлекательною для женщинъ. Онъ немного хромаетъ вслѣдствіе раны полученной нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ служилъ въ военной службѣ въ Индіи, и какъ дома, такъ и внѣ дома онъ ходитъ опираясь на толстую бамбуковую палку (старую любимицу) съ оригинальнымъ набалдашникомъ. Кромѣ этого небольшого недостатка (если только это недостатокъ) въ немъ нѣтъ ничего болѣзненного, старческаго или неловкаго. Его легкая хромота (можетъ-быть только для моихъ пристрастныхъ глазъ) имѣеть какую-то своеобразную прелесть которую я предпочитаю необузданной подвижности другихъ мушкетеровъ. И наконецъ, и это главное, я люблю его! Люблю, люблю!

Вотъ портретъ моего мужа, какимъ онъ былъ въ день нашей свадьбы.

Зеркало показало мнѣ все что я хотѣла знать. Мы выходимъ наконецъ изъ ризницы.

Небо, облачное съ самаго утра, потемнѣло еще болѣе пока мы были въ церкви и дождь уже накрываетъ. Зрители смотрятъ на насъ изъ-подъ своихъ зонтовъ угрюмыми, недобрыми взглядами. Мы слѣшимъ пробраться мимо нихъ къ ожидающему насъ экипажу. Ни веселія, ни солнца, ни цвѣтовъ на нашемъ пути, ни роскошнаго завтрака, ни остроумныхъ рѣчей, ни свадебныхъ подругъ, ни отцовскаго или материнскаго благословенія. Печальная свадьба нечего сказать (если вѣрить тетюшкѣ Старкзюезеръ) плохое начало новой жизни.

На поѣздѣ было оставлено для насъ отдѣльное купе. Внимательный носильщикъ (въ ожиданіи вознагражденія) опускаетъ

сторы на обоихъ боковыхъ окнахъ и скрываетъ насъ отъ взглядовъ любопытныхъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, казавшихся намъ нестерпимо долгими, лошадь трогается. Мужъ обнимаетъ меня одною рукой. „Наконецъ“, шепчетъ онъ съ такою любовью въ глазахъ какой не передать никакими словами и вѣжно прижимаетъ меня къ себѣ. Моя рука обвивается вокругъ его шеи, мои глаза отвѣчаютъ его глазамъ и губы наши сливаются въ долгій поцѣлуй, первый поцѣлуй нашей брачной жизни.

О, какія воспоминанія объ этомъ времени возстаютъ предо мной пока я пишу! Я должна осушить глаза и отложить свою рукопись до другаго дня.

Г Л А В А II.

Мысли новобрачной.

Мы пробыли въ дорогѣ немного болѣе часа, когда въ насъ обоихъ, не замѣтно для насъ самихъ, произошла перемена.

Все еще сидя прижавшись другъ къ другу, съ моею рукой въ его рукѣ, съ моею головой на его плечѣ, мы мало-по-малу впади въ молчаніе. Истощилъ ли онъ уже краткій, но краснорѣчивый словарь любви? Или же, насладившись страстью говорящею, мы рѣшились, по безмолвному соглашенію, испробовать болѣе глубокое и утонченное наслажденіе страстью думающею? Я не могу опредѣлить что было этому причиною, я знаю только что настало время когда уста наши замкнулись. Мы продолжали путь каждый погруженный въ собственные мысли. Думалъ ли онъ исключительно обо мнѣ какъ я думала исключительно о немъ? До окончанія пути я усомнилась въ этомъ; немного позже я узнала навѣрное что его мысли были далеко отъ его молодой жены, что онъ былъ занятъ исключительно самимъ собою, своимъ собственнымъ несчастіемъ.

Что касается меня, тайное сознаніе что онъ наслаждается мой умъ и мое сердце было само по себѣ наслажденіемъ.

Я представляла себѣ нашу первую встрѣчу въ окрестностяхъ дома моего дяди.

Наша сѣверная рѣчка, знаменитая своими форелами, изливается, шумя и клубясь, по глубокому оврагу, среди болоти-

стой мѣстности. Былъ вѣтреный, пасмурный вечеръ. На западѣ, подъ темными тучами, догоралъ ярко-красный закатъ. У поворота рѣчки, гдѣ вода стоитъ тихо въ глубокомъ заливѣ подъ нависшимъ берегомъ, стоялъ, закидывая удочку, одинокій рыболовъ. Надъ нимъ, на высокомъ берегу, не замѣчаемая имъ, стояла дѣвушка (я сама), нетерпѣливо ожидавшая появленія форели.

Минута настала; рыба клюнула муху.

То отпуская, то натягивая лѣсу въ трудномъ процессѣ „подсѣканія“ рыбы, рыболовъ послѣдовалъ за лѣвѣнною форелью пробираясь то по узкой песочной отмели подъ крутымъ берегомъ, то (при поворотахъ рѣчки) прямо по неглубокому дву. Я пошла за нимъ по берегу, слѣдя за состязаніемъ искусства и хитрости между человѣкомъ и форелью. Живя съ дядей Старкъезеромъ я заразилась его страстью къ разнымъ родамъ охоты, въ особенности къ уженью. Устремивъ глаза на удочку и не обращая ни малѣйшаго вниманія на веровную тропианку по которой я слѣдовала за незнакомцемъ, я случайно ступила на выдавшійся край берега и мгновенно свалилась въ воду.

Разстояніе было ничтожное, вода мелкая, дно (къ счастью для меня) песчаное. Я испугалась и замочилась, но не могла пожаловаться ни на что болѣе. Черезъ минуту я была уже на сушѣ, сильно сконфуженная своею неосторожностью. Какъ ни кратокъ былъ перерывъ, форель успѣла сластись. Услышавъ мой инстинктивный крикъ услуга, рыболовъ повернулся, бросилъ удочку и послѣшилъ ко мнѣ на помощь. Въ первый разъ въ жизни мы увидели другъ друга лицомъ къ лицу: я стоя на берегу, онъ въ мелкой водѣ предо мною. Я искренно вѣрю что въ то же мгновеніе какъ встрѣтились наши глаза, встрѣтились и наши сердца. Мы забыли что мы леди а джентльменъ, мы глядѣли другъ на друга въ варварскомъ молчаніи.

Я пришла въ себя первая. Что я сказала ему?

Я сказала что-то о томъ что я не ушиблась и съ жаромъ попросила его бѣжать назадъ и посмотреть не удастся ли опять поймать рыбу.

Онъ ушелъ неохотно. Спустя нѣсколько минутъ онъ вернулся ко мнѣ и конечно безъ рыбы. Зная какъ былъ бы огорченъ мой дядя на его мѣстѣ, я начала извиняться съ искреннимъ сожалѣніемъ, и желая искупить свою вину, предло-

жила даже показать ему мѣсто, ниже по рѣкѣ, гдѣ онъ могъ бы попытаться счастья опять.

Онъ не хотѣлъ слышать объ этомъ. Онъ упрашивалъ меня идти домой и переодѣться. Меня ни мало не безпокоила моя мокрая одежда, но я послушалась его, сама не зная почему.

Онъ пошелъ со мной, мой обратный путь въ домъ священника былъ также его путемъ въ гостиницу. Онъ пріѣхалъ въ нашу сторону, сказалъ онъ мнѣ, столько же для удивленія и спокойствія какъ для ужасенія. Онъ видѣлъ меня раза два изъ окна своей комнаты и спросилъ не дочь ли я викарія.

Я поправила его. Я сказала ему что викарій женатъ на сестрѣ моей матери и что онъ и тетка замѣнили мнѣ отца съ матерью послѣ смерти моихъ родителей. Онъ спросилъ можно ли ему будетъ придти на другой день къ доктору Старкъуезеру, прибавивъ что у него есть другъ который, если онъ не ошибается, знакомъ также съ викаріемъ. Я пригласила его посѣщать насъ, какъ будто жила въ собственномъ домѣ. Я была очарована его глазами и его голосомъ. До тѣхъ поръ я нѣсколько разъ воображала себя, искренно воображала себя влюбленною то въ того, то въ другого, но никогда въ присутствіи другихъ мужчинъ не чувствовала я того что чувствовала теперь въ присутствіи этого человѣка. Сумерки быстро сгущались въ ночную тьму когда онъ разстался со мной. Я оперлась на калитку нашего сада. Я едва переводила духъ, я не могла думать; сердце мое билось какъ будто хотѣло выскочить. И все это вслѣдствіе встрѣчи съ незнакомымъ мужчиной! Я горѣла отъ стыда и вмѣстѣ съ тѣмъ была невыразимо счастлива.

А теперь, когда прошло только нѣсколько недѣль послѣ нашей первой встрѣчи, онъ сидѣлъ возлѣ меня и былъ моимъ на всю жизнь. Я подняла голову съ его груди чтобы взглянуть на него. Я была похожа на ребенка съ новою игрушкой, мнѣ хотѣлось удостовѣриться что онъ дѣйствительно мой.

Онъ не замѣтилъ моего движенія, онъ сидѣлъ неподвижно въ своемъ углу, погруженный въ свои мысли. Обо мнѣ ли онъ думалъ?

Я опять опустила голову на его грудь стараясь не потревожить его. Мои мысли вернулись опять назадъ и показали мнѣ новую картину въ золотой галлерей прошлаго.

Сценою новаго дѣйствія былъ садъ при домѣ викарія, временемъ дѣйствія—ночь. Мы сошлись тайно. Мы ходили мед-

лево вдали отъ дома, то по темнымъ тропинкамъ питомника, то по лужайкѣ облитой сіяніемъ мѣсяца.

Мы уже давно признались въ взаимной любви и посвятили свою жизнь другъ другу. Интересы одного были уже интересами другаго, мы уже дѣлили и радость, и горе жизни. Я пришла къ нему на свиданіе въ эту ночь съ тяжелымъ сердцемъ и съ надеждой найти утѣшеніе въ его обществѣ, ободреніе въ его голосѣ. Замѣтивъ что я вздохнула когда онъ при встрѣчѣ обнялъ меня, онъ тихо повернулъ мою голову къ лунному свѣту чтобы прочесть на моемъ лицѣ волновавшія меня чувства. Какъ часто читалъ онъ на немъ мое счастье въ первые дни нашей любви.

— Ты принесла дурныя вѣсти, ангелъ мой, сказалъ онъ, вѣжно поднимая со лба мои волосы.—Я вижу на лицѣ твоемъ слѣды тревоги и горя. Я почти желалъ бы любить тебя меньше, Валерія.

— Почему?

— Потому что тогда я былъ бы въ состояніи возвратить тебѣ свободу. Мнѣ стоить только уѣхать отсюда, и дядя твой успокоится и ты освободишься отъ всѣхъ непріятностей преслѣдующихъ тебя теперь.

— Не говори этого, Евстаѳій. Если хочешь чтобы я забыла свои огорченія, скажи что ты любишь меня болѣе чѣмъ когда-либо.

Онъ оказалъ это поцѣлуемъ. Мы насладились минутой полнаго забвенія всѣхъ невзгодъ жизни, полнаго поглощенія другъ другомъ. Я возвратилась къ дѣйствительности подкрѣпленная и успокоенная, вознагражденная за все что вытерпѣла, готовая вытерпѣть все снова за другой поцѣлуи. Когда женщина любить, нѣтъ ничего на' что бы она не рѣшилась, чего бы она не вытерпѣла или не сдѣлала.

— Не представили ли они новыхъ возраженій противъ нашего брака? спросилъ онъ, когда мы медленно пошли олять.

— Нѣтъ, они локончили съ возраженіями. Они вспомнили наконецъ что я совершеннолѣтняя и могу рѣшать за себя, но они умоляли меня, Евстаѳій, отказаться отъ тебя. Тетка, которую я считала довольно жесткою женщиной, плакала сегодня, а я до сихъ поръ еще никогда не видала чтобы она плакала. Дядя, всегда добрый со мной, сталъ добрее чѣмъ когда-либо. Онъ сказалъ мнѣ что я не буду оставлена въ день свадьбы если настою на своемъ намѣреніи выйти за тебя, что

онъ прѣдетъ обвинять меня гдѣ бы мы ни рѣшили вѣнчаться, но онъ горячо просилъ меня подумать хорошенько о томъ что я дѣлаю, согласиться хоть на временную разлуку съ тобой, посоветоваться съ друзьями, если для меня не довольно его мнѣнія. О, милый мой, они такъ горячо желаютъ разлучить насъ, какъ будто ты худшій, а не лучшій изъ людей.

— Развѣ со вчерашняго дня случилось что-нибудь что усилило ихъ недовѣріе ко мнѣ? спросилъ онъ.

— Да.

— Что же такое?

— Помнишь ли, ты однажды говорилъ дядѣ объ одномъ нашемъ общемъ другѣ?

— Да, о майорѣ Фитцъ-Девидѣ.

— Дядя писалъ ему.

— Зачѣмъ?

Онъ произнесъ это слово тономъ до того не похожимъ на его обычный тонъ что голосъ его показался мнѣ незнакомымъ.

— Ты не будешь сердиться когда я отвѣчу на твой вопросъ? спросила я.—Дядя имѣлъ нѣсколько поводовъ для того чтобы написать майору и однимъ изъ нихъ было узнать адресъ твоей матери.

Евстаеій внезапно остановился. Я замолчала чувствуя что не могу продолжать не рискуя оскорбить его.

Надо сказать правду, поведение его, когда онъ впервые объявилъ дядѣ о нашей помолвкѣ, было нѣсколько странно. Дядя естественно началъ разспрашивать его объ его семействѣ. Онъ отвѣчалъ что отецъ его умеръ, но мать жива. По настоянію дяди онъ согласился, но очень неохотно, объявить о своей помолвкѣ матери и отправился повидаться съ ней, сказавъ намъ только что она живетъ въ деревнѣ, но не сообщивъ намъ ея подробнаго адреса. Черезъ два дня онъ вернулся съ поразительнымъ отвѣтомъ. Мать его не имѣла ничего противъ меня и моихъ родныхъ, но она не могла дать своего согласія на женитьбу сына, и если онъ исполнитъ свое намѣреніе жениться на племянницѣ викарія, ни она, ни кто-либо другой изъ членовъ ея фамиліи (которые всѣ согласны съ ней) не будутъ присутствовать на свадьбѣ. Когда у Евстаеія попросили объясненія этого страннаго отвѣта, онъ сказалъ что мать его и сестры желали чтобъ онъ женился на другой особѣ и что онъ былъ очень недоволенъ тѣмъ что онъ входитъ въ семью незнакомую имъ дѣвушку. Это объясненіе удо-

метворило меня; мнѣ было пріятно узнать что Евстаеій предпочелъ меня другой, но оно не удовлетворило моего дядю и тетку. Дядя заявилъ мистеру Вудвилу о своемъ желаніи написать его матери или повидаться съ ней чтобъ знать отъ нея самой о причинахъ ея страннаго отвѣта, но мистеръ Вудвилъ отказался наотрѣвъ сообщить адресъ своей матери, увѣряя что вмѣшательство викарія было бы бесполезно. Такая скрытность показала дядѣ подозрительною. Дядя отказался одобрить возобновленное предложеніе мистера Вудвила и въ тотъ же день отправилъ письмо полное разспросовъ о немъ къ своему другу, майору Фитцъ-Девиду.

При такихъ обстоятельствахъ объясненіе побужденій дяди было дѣломъ весьма щекотливымъ. Евстаеій помогъ мнѣ предожить вопросъ на который я могла отвѣтить безъ затрудненія.

— Получилъ твой дядя отвѣтъ отъ майора Фитцъ-Девида?

— Получилъ.

— Читала ты его?

Голосъ его упалъ, на лицѣ выразилось внезапное страданіе которое мнѣ больно было видѣть.

— Я привезла отвѣтъ чтобы показать его тебѣ. Вотъ онъ. Евстаеій почти вырвалъ письмо изъ моихъ рукъ и повернулся ко мнѣ спиной чтобы прочесть его при лунномъ свѣтѣ. На это потребовалось немного времени. Отвѣтъ былъ кратокъ. Я сразу запомнила его слово въ слово и могу повторить теперь.

„Многоуважаемый викарій,

„Мистеръ Евстаеій Вудвилъ былъ совершенно правъ сказавъ вамъ что онъ джентльменъ по происхожденію и по общественному положенію и что онъ наследовалъ отъ отца независимое состояніе приносящее ему двѣ тысячи годоваго дохода.

„Преданный вамъ

„Лоренцъ Фитцъ-Девидъ.“

— Можно ли желать болѣе яснаго отвѣта, сказалъ Евстаеій озвращая мнѣ письмо.

— Еслибъ я справлялась о тебѣ, этотъ отвѣтъ удовлетвоилъ бы меня.

— Развѣ онъ не удовлетворилъ дядю?

— Нѣтъ.

— Чтò же говорить викарій?

— Зачѣмъ тебѣ знать это, мой милый?

— Мнѣ нужно знать это, Валерія. Въ этомъ дѣлѣ между нами не должно быть секретовъ. Сказалъ что-нибудь дядя показывая тебѣ отвѣтъ майора?

— Сказалъ.

— Чтò?

— Онъ сказалъ что его письмо состояло изъ трехъ страницъ разспросовъ о тебѣ и обратилъ мое вниманіе на то что отвѣтъ майора состоитъ только изъ одной фразы. Онъ сказалъ еще: я вызывался побывать у майора чтобы разспросить его лично, но ты видишь что онъ даже не отвѣчаетъ на мое предложеніе. Я просилъ его сообщить мнѣ адресъ матери мистера Вудвила, онъ и на это отвѣчаетъ молчаніемъ. Онъ ограничивается кратчайшимъ подтвержденіемъ голыхъ фактовъ. Обратись къ своему здравому смыслу, Валерія. Не есть ли такая грубость вѣчто необычайное со стороны человека котораго всѣ справедливо считаютъ джентльменомъ по происхожденію и по воспитанію и который кромѣ того другъ мнѣ?

Евстаеѣй прервалъ меня:

— Отвѣтила ты что-нибудь на вопросъ дяди? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Я сказала только что не понимаю образа дѣйствій майора.

— Чтò же возразилъ на это твой дядя? Если любишь меня, Валерія, говори правду.

— Дядя былъ очень рѣзокъ, Евстаеѣй. Но онъ старый человекъ, ты не долженъ сердиться на него.

— Я не сержусь. Чтò сказалъ онъ?

— Онъ сказалъ: „Заломни мои слова, Валерія. Майоръ знаетъ что-то касающееся мистера Вудвила или его семейства; но считаетъ себя не въ правѣ открывать это. Письмо его, правильно истолкованное, есть не чтò иное какъ предостереженіе. Покажи его мистеру Вудвилу и, если хочешь, повтори ему мои слова.“

Евстаеѣй прервалъ меня опять.

— Ты вполне увѣрена что дядя сказалъ эти слова? спросилъ онъ, пристально вглядываясь въ мое лицо при лунномъ свѣтѣ.

— Вполнѣ увѣрена. Но я съ своей стороны не говорю этого. Не сомнѣвайся во мнѣ.

Онъ порывисто прижалъ меня къ груди и устремилъ глаза въ мои. Взглядъ его испугалъ меня.

— Прощай Валерія, сказалъ онъ.—Постарайся думать обо мнѣ свисходительно когда будешь замужемъ за другимъ.

Онъ повернулся чтобъ уйти отъ меня. Я ухватилась за него въ агоніи ужаса потрясшаго меня съ головы до ногъ.

— Что ты хочешь сказать? спросила я лишь только когда вернулась способность говорить.—Я твоя и только твоя. Ты сказала я или сдѣлала чтобы заслужить эти ужасныя слова?

— Мы должны разстаться, ангелъ мой, отвѣчалъ съ онъ устыю.—Ты не виновата ни въ чемъ; все несчастье на моей орохъ. Моя милая Валерія! Можешь ли ты выйти замужъ за лавка которому не довѣряютъ твои ближайшіе и лучшіе друзья? Жизнь моя до сихъ поръ была тяжелою жизнью. Я ввухалъ ни одной женщины симпатіи и дружбы которая шель въ тебѣ. О, какъ тяжело лишиться тебя и обречь себя на прежнее одиночество. Но я долженъ принести жертву ради тебя, моя возлюбленная. Я такъ же мало къ и ты понимаю странность отвѣта майора, но повѣритъ мнѣ твой дядя, повѣрятъ ли мнѣ твои друзья? Последній дѣлаи, Валерія. Прости мнѣ мою любовь къ тебѣ, мою страстную преданную любовь. Прости меня и позволь мнѣ удалиться. Я ухватилась за него отчаянно, безсознательно; взглядъ его ставилъ меня забыть о себѣ; его слова повергли меня въ омаіе.

— Куда бы ты ни пошелъ, я пойду за тобой, сказала я.— узя, репутація,—мнѣ нѣтъ дѣла кого или чего я лишусь. Встаней, я только женщина, не своди меня съ ума! Я не могу жить безъ тебя. Я должна быть и буду твоей женой. Эти порывистыя слова были все что я могла сказать прежде чѣмъ мое горе нашло исходъ въ слезахъ и рыданіяхъ.

Онъ уступилъ. Онъ успокоилъ меня своимъ обворожительнымъ голосомъ, своими ласками. Онъ приводилъ свѣтлое небо въ нами въ свидѣтели что посвящаетъ всю жизнь мнѣ. Онъ шлся—и въ какихъ торжественныхъ, краснорѣчивыхъ словахъ!— что единственною цѣлью его жизни будетъ сдѣлаться тоимъ такой любви какъ моя. И развѣ онъ не исполнялъ его обѣщанія? Развѣ за клятвой этой ночи не послѣдовала клятва предъ Богомъ у алтаря? О, какая жизнь была премою! Какое неземное счастье выпало на мою долю!

Его слова подыала голову съ его груди чтобъ еще разъ испытать наслажденіе видя рядомъ съ собою его — мою жизнь, мою любовь, моего мужа, мое все!

Едва пробудившись отъ увлекательныхъ воспоминаній къ счастливой дѣйствительности, я прикоснулась щекой къ его щецкѣ и прошептала:

— О, какъ я люблю тебя! Какъ я люблю тебя!

Въ то же мгновеніе я отшатнулась отъ него. Сердце мое замерло. Я подняла руку къ лицу. Что почувствовала я на своей щецкѣ? (Сама я не плакала, я была слишкомъ счастлива.) Что почувствовала я на своей щецкѣ? Слезу!

Онъ все еще сидѣлъ отвернувшись отъ меня. Я повернула къ себѣ его лицо несмотря на его сопротивленіе.

Я взглянула на него и увидѣла что глаза моего мужа и день нашей свадьбы были полны слезъ.

ГЛАВА III.

Рамсетъ.

Евстаею удалось успокоить меня, но не скажу чтобы ему удалось также разсвѣять мои сомнѣнія.

Онъ думалъ, сказалъ онъ мнѣ, о контрастѣ между его преіею жизнью и настоящею. Горькія воспоминанія о прошломъ возбудили въ немъ сомнѣніе способенъ ли онъ сдѣлать меня счастливою. Онъ спрашивалъ меня не слишкомъ ли поздно встрѣтился онъ со мной, не былъ ли онъ уже, вслѣдствіе всѣхъ прошлыхъ огорченій и неудачъ, человѣкомъ разочарованнымъ и разбитымъ. Такія подозрѣнія, усиливались все болѣе и болѣе, вызвали слезы на его глаза. Но онъ умоляетъ меня ради моей любви къ нему постараться забыть объ этомъ случаѣ навсегда.

Я простила его, утѣшила, ободрила, но по временамъ воспоминаіе объ этихъ слезахъ мучило меня и я спрашивала себя былъ ли мужъ мой такъ же откровененъ со мной какъ я с нимъ.

Мы сошли съ поѣзда въ Рамсетъ.

Любимое авглійское побережье было пусто; сезонъ только что кончился. Въ нашъ плаваніе путешествія послѣ свадьбы входила прогулка по Средиземному морю въ лѣтѣ которую одолжилъ Евстаею одинъ его другъ. Мы оба любимъ море и кромѣ того, вслѣдствіе обстоятельствъ сопровождавшихъ нашъ бракъ, оба желали избѣжать встрѣчъ съ родными и знакомыми. Съ этою цѣлью, обвѣнчавшись тайно въ Лондонѣ,

нѣ, мы рѣшили увѣдомить капитана яхты чтобъ онъ ожидалъ насъ въ Рамсеттъ. Изъ этого порта мы могли отплыть незамѣтно чѣмъ изъ многолюднаго порта на островъ Уайтъ.

Прошло три дня восхитительнаго удивенія и невыразимаго счастья, три дня которые не забудутся нами и не повторятся для насъ во всю нашу жизнь.

Рано утромъ на четвертый день случилось обстоятельство въ сущности ничтожное, но удивившее меня своею новостью въ моей жизни.

Я проснулась внезапно и безпричинно отъ глубокаго безмятежнаго сна съ чувствомъ какого-то страннаго нервнаго безпокойства котораго никогда не испытывала прежде. Въ прежніе дни въ домѣ викарія мой крѣпкій сонъ былъ предметомъ многихъ безобидныхъ шутокъ. Съ той минуты какъ голова моя опускалась на подушку и до тѣхъ поръ пока не раздавалась стукъ горничной въ мою дверь, я не просыпалась никогда. Во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ моей жизни я спала долгимъ непрерывнымъ сномъ ребенка.

Теперь же я проснулась безъ всякой опредѣленной причины за нѣсколько часовъ до моего обычнаго времени. Я попыталась успокоиться и заснуть опять, но сонъ не возвращался. Я была въ такомъ тревожномъ состояніи что не могла даже лежать спокойно въ постели. Мужъ спалъ крѣпкимъ сномъ возлѣ меня. Я встала, стараясь не потревожить его и надѣла блузу и туфли.

Я подошла къ окну. Солнце всходило на тихое сѣрое небо. Нѣсколько времени великолѣпное зрѣлище производило успокоительное дѣйствіе на мои нервы, но скоро прежнее безпокойство опять овладѣло мною. Я начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, но монотонное движеніе скоро утомило меня. Я взяла книгу, но вниманіе мое блуждало, авторъ не былъ въ силахъ сосредоточить его. Я встала и поглядѣла съ любовью на Евстаѳа, радуясь его крѣпкому сну. Я подошла опять къ окну, но картина прекраснаго утра не произвела на меня въ этотъ разъ никакого впечатлѣнія. Я перешла къ зеркалу и взглянула на себя. Какой у меня былъ утомленный и болѣзненный видъ, и вслѣдствіе того только что я проснулась раньше времени. Я повернулась и поглядѣла вокругъ себя не зная что дѣлать. Заключеніе въ четырехъ стѣнахъ комнаты начало казаться мнѣ нестерпимымъ. Я отво-

рила дверь и перешла въ уборную мужа, надѣясь что переищетъ на комодѣ устроитъ меня.

Первое что бросилось мнѣ въ глаза была его туалетная шкатулка на туалетномъ столѣ. Она была открыта.

Я вынула изъ одного отдѣленія флаконы, банки, щетки, гребни, ножи и ножницы, изъ другаго письменныя принадлежности. Я лопухала банки и флаконы и тщательно вытерла ихъ платкомъ. Мало-по-малу я совершенно опростала шкатулку. Она была обита голубымъ бархатомъ. Въ одномъ углу я замѣтила тонкій голубой шнурокъ. Я потянула его и увидела что доска которую я считала дномъ шкатулки была крышкой секретнаго отдѣленія для лисемъ и бумагъ. Въ моемъ странномъ состояніи духа—капризная, праздная, любопытная, я для развлечения рѣшилась вынуть и бумаги какъ вынулъ все прочее.

Я нашла нѣсколько улаченныхъ счетовъ, нисколько не интересныхъ для меня, нѣсколько лисемъ, которыя я конечно отложила въ сторону, взглянувъ только на адреса, и въ самомъ виду фотографическій портретъ, лицомъ внизъ и съ надписью на изнанкѣ. Я взглянула на надпись и прочла:

„Моему милому сыну Евстаѣю“.

Его мать! женщина такъ упорно и безжалостно противившаяся нашему браку!

Я послѣдно перевернула портретъ, ожидая увидѣть женщину съ наружностью строгою, сердитою, повелительною. къ удивленію моему, я увидела лицо сохранившее слѣды замѣчательной красоты, лицо хотя и выразившее необыкновенную твердость, но вмѣстѣ съ тѣмъ доброе, нѣжное, пріятельное. Сѣдые волосы, спереди завитые мелкими локонами, спускавшимися по обѣимъ сторонамъ лица, сзади были спрятаны подъ шелковую сѣтку. Съ одной стороны рта было какое-то пятнышко, вѣроятно родинка, довершавшее характеристическую оригинальность лица. Я глядѣла и глядѣла, стараясь запечатлѣть въ памяти это лицо и все болѣе и болѣе убѣждалась что женщина почти оскорбившая меня и моихъ родныхъ была несомнѣнно, если вѣрить наружности, особю обладавшей необычайною привлекательностью, такою особю звать которую было бы удовольствіемъ и счастьемъ.

Я влада въ глубокую задумчивость. Моя находка успокоила меня какъ не могло бы успокоить ни что другое.

Бой часовъ внизу наломилъ мнѣ о ходѣ времени. Я тща-

тѣльно уложила опять въ шкатулку всё вынутыя вещи (начавъ съ портрета) въ томъ порядкѣ какъ нашла ихъ и вернулась въ спальню. Когда я взглянула опять на мужа, все еще славшаго спокойнымъ сномъ, въ умѣ моемъ возникъ вопросъ: почему его добрая, кроткая мать такъ упорно старалась разлучить насъ, почему она такъ рѣшительно и безжалостно возстала противъ женитьбы сына?

Могла ли я предложить этотъ вопросъ Евстаею когда онъ проснулся? Нѣтъ. Я не рѣшилась на это. У насъ было безмолвно рѣшено не говорить никогда объ его матери, и кромѣ того онъ могъ разсердиться узнавъ что я открыла потайное отдѣленіе его шкатулки.

Въ этотъ день, послѣ завтрака, мы получили наконецъ извѣстіе о яхтѣ. Она прибыла благополучно въ гавань, и капитанъ ея ожидалъ распрощаній моего мужа.

Евстаею не хотѣлось чтобъ я сопровождала его на яхту. Ему придется, сказалъ онъ, осмотрѣть инвентарь судна и рѣшать вопросы неинтересныя для женщинъ. Онъ спросилъ меня не подожду ли я его возвращенія дома. Но день былъ неиколебный и я выразила желаніе погулять по берегу, а хозяйка нашей квартиры, случайно вошедшая въ это время въ комнату, вызвалась сопровождать меня и заботиться обо мнѣ. Рѣшено было что мы пройдемъ сколько намъ вздумается по направлению къ Бродстерсу и что Евстаею, окончивъ свои распоряженія на яхтѣ, присоединится къ намъ.

Полчаса спустя, я и хозяйка были уже на берегу.

Картина окружавшая насъ въ это тихое осеннее утро была въ полномъ смыслѣ слова восхитительная. Легкій морской вѣтерокъ, свѣтлое небо, блестящее синее море, освѣщенные солнцемъ холмы, ряды судовъ скользящихъ по большой морской дорогѣ Британскаго канала, все это было такъ захватительно что я способна была бы прыгать отъ восторга какъ ребенокъ еслибъ была одна. Единственною неприятною нарушавшею мое блаженство была болтовня моей спутницы. Эта добрая, прямая, но глухая женщина говорила безъ умолку, не обращая вниманія слушаю я ее или нѣтъ и называла меня безпрестанно „мистрисъ Вудвилъ“, что я считала лишнею фамильярностью со стороны особы съ ея положеніемъ относительно особы съ моимъ положеніемъ.

Спустя полчаса или немнога болѣе послѣ выхода изъ дома, я нагнала пожилую леди, шедшую впереди насъ по берегу.

Въ ту самую минуту какъ мы поровнялись съ ней, она вынула изъ кармана носовой платокъ и печально обрвала письмо, но не замѣтивъ этого, продолжала идти дальше. Я подвела письмо и возвратила его старой леди.

Взглянувъ на ея лицо когда она повернулась ко мнѣ, выражая мнѣ свою благодарность, я остолбенѣла. Предо мной стоялъ оригиналъ портрета найденнаго мной въ шкатулкѣ мужа! Предо мной, лицомъ къ лицу, стояла мать моего мужа! Я узнала ея сѣдые волосы, привлекательное выраженіе ея лица, родинку въ углу рта. Сомнѣнія быть не могло: я встрѣтилась съ матерью Евстаѣя.

Старая леди естественно приписала мое смущеніе стыдливости и съ большимъ тактомъ и снисходительностью вступила въ разговоръ со мной. Черезъ минуту я уже шла рядомъ съ женщиной такъ рѣшительно отказавшейся принять меня въ свою семью. Я была въ сильномъ смущеніи. Я спрашивала себя могу ли я и должна ли я въ отсутствіе мужа сказать его матери кто я.

Хозяйка моя, шедшая по другую сторону моей свекрови, рѣшила этотъ вопросъ за меня. Я замѣтила что мы вѣроятно уже подходимъ къ цѣли нашей прогулки, къ мѣстечку называемому Бродстерсъ.

— О, вѣтъ, мистрисъ Вудвилъ, воскликнула эта неугомонная женщина.—Бродстерсъ вовсе не такъ близко какъ вы думаете.

Къ моему невыразимому изумленію мое имя не произвело никакого впечатлѣнія на мою свекровь. Старая мистрисъ Вудвилъ продолжала говорить съ молодою мистрисъ Вудвилъ какъ будто до сихъ поръ никогда не слышала своего собственнаго имени!

Мое лицо и манеры вѣроятно выражали мое волненіе. Взглянувъ на меня въ концѣ своей слѣдующей фразы старая леди остановилась и сказала съ участіемъ:

— Я боюсь что вы утомились. Вы ужасно блѣды. Пойдете, садитесь тамъ. Позвольте мнѣ одолжить вамъ мой флаконъ со спиртомъ.

Я машинально послѣдовала за ней. Мы ушли на облокахъ известняка. Я какъ сквозь сонъ слышала выраженія симпатіи и сожалѣнія моей болтаивой хозяйки, машинально взяла флаконъ со спиртомъ предложенный мнѣ моей свекровью, продолжавшей обращаться со мною какъ съ чужой, несмотря на то что мое имя было уже извѣстно ей.

Еслибъ я могла думать только о себѣ, я вѣроятно потребовала бы объясненія немедленно. Но я должна была думать о мужѣ. Я не имѣла ни малѣйшаго понятія объ его отношеніяхъ съ матерью. Что могла я думать?

Между тѣмъ старая леди продолжала говорить съ самымъ внимательнымъ участіемъ къ моему положенію. Она тоже устала, сказала она.—Она провела тяжелую ночь у постели больной, пріѣхавшей на время въ Рамсетъ. Только наканунѣ получила она телеграмму уведомившую ее что одна изъ ея сестеръ опасно больна. Сама она, благодаря Бога, все еще сильна и бодра и она сочла своею обязанностью отправиться къ сестрѣ немедленно. Къ утру состояніе больной улучшилось. „Докторъ увѣрилъ меня что немедленно опасности нѣтъ и я вышла погулять, надѣясь что морской воздухъ восстановитъ мои силы.“

Я слушала ее, понимала смыслъ ея словъ, но я была слишкомъ смущена чтобы поддерживать разговоръ. Хозяйка прішла въ голову счастливая мысль и она не замедлила заговорить.

— Вонъ идетъ какой-то джентльменъ, сказала она указывая въ сторону Рамсета.—Вы не въ состояніи вернуться домой гнѣшкомъ. Не попросить ли намъ его прислать извозчика изъ Бродстера?

Джентльменъ между тѣмъ подошелъ ближе.

Я и хозяйка узнали его. То былъ Евстаѳій, вышедшій намъ на встрѣчу, какъ мы условились. Неугомонная хозяйка попыталась выразить свои чувства.

— О, какое счастье, мистрисъ Вудвилъ! Вѣдь это самъ мистеръ Вудвилъ!

Я взглянула на свою свекровь. Опять имя не произвело на нее никакого впечатлѣнія. Ея зрѣніе было слабѣе нашего, она еще не узнала сына, у него же, какъ и у насъ, глаза были молодые, онъ узналъ мать. Съ минуту онъ стоялъ какъ ошеломленный, потомъ, не спуская съ нея глазъ, смертельно блѣдный отъ сдерживаемого волненія, онъ подошелъ къ ней.

— Вы здѣсь! воскликнулъ онъ.

— Какъ поживаешь, Евстаѳій, возразила она спокойно.— Развѣ ты тоже узналъ что твоя тетка заболѣла въ Рамсетѣ?

Онъ не отвѣчалъ. Наша хозяйка, выведя изъ послѣднихъ словъ неизбежное заключеніе, смотрѣла на меня и на мою

свекровь въ такомъ изумленіи что даже ея болтливый языкъ былъ парализованъ. Я смотрѣла на мужа въ тревожномъ ожиданіи. Вся моя будущность зависѣла отъ слѣдующей минуты. Еслибъ онъ не представилъ меня матери немедленно, я стала бы презирать его.

Онъ не промедлил ни минуты. Онъ тотчасъ же подошелъ ко мнѣ и взялъ мою руку.

— Знаете вы кто эта особа? обратился онъ къ матери.

Она взглянула на меня съ учтивымъ поклономъ.

— Это молодая особа которую я встрѣтила на берегу, Евстаеій. Она была такъ добра что возвратила мнѣ письмо которое я обронила. Я кажется слышала ея имя (обращаясь къ хозяйкѣ):—мистрисъ Вудвилъ, не правда ли?

Мужъ бессознательно сжалъ моя руку до боли. Надо дать ему справедливость, онъ объявилъ матери истину безъ малѣйшаго колебанія.

— Матушка, сказалъ онъ спокойнымъ тономъ,—эта особа моя жена.

Она до сихъ поръ сидѣла. Теперь она медленно встала и безмолвно устремила глаза на сына. Выраженіе изумленія появившееся сначала на ея лицѣ смѣнилось взглядомъ сильнѣйшаго негодованія и презрѣнія.

— Жалѣю твою жену, сказала она.

И съ этими словами она отдѣлала ему рукою знакъ чтобъ онъ не приближался къ ней, и пошла назадъ одна.

Г Л А В А IV.

На обратномъ пути.

Оставшись одни мы съ минуту молчали. Евстаеій заговорилъ первый.

— Въ силахъ ты идти домой лѣшкомъ? спросилъ онъ.—Или не пойти ли намъ въ Бродстерсъ чтобы вернуться въ Рамсетъ по желѣзной дорогѣ?

Онъ сказалъ это такимъ спокойнымъ тономъ какъ будто не случилось ничего особеннаго. Но глаза и губы выдали его. Они показали мнѣ что въ глубинѣ души онъ испытывалъ сильное страданіе. Что касается меня, только-что случившаяся страшная сцена, вмѣсто того чтобы лишить меня поспѣ-

яго мужества, укрѣпила мои нервы и возвратила мнѣ самообладаніе. Я была бы не женщиной еслибы странное поведеніе матери моего мужа не оскорбило моего самоуваженія и не раздражило моего любопытства до крайней степени. Почему она презирала его и жалѣла меня? Чѣмъ объяснить то что мое имя не произвело на нее никакого впечатлѣнія? Почему она ушла отъ насъ съ такимъ видомъ какъ будто одна мысль о томъ чтобъ остаться съ нами была нестерпима для нея? Разгадать эти тайны было теперь главнѣйшимъ интересомъ моей жизни. Идти лѣшкомъ? Я была въ такомъ лихорадочномъ возбужденіи что могла бы дойти лѣшкомъ до конца свѣта съ условіемъ чтобы мужъ шелъ рядомъ со мной и я могла бы спрашивать его.

— Я отдохнула, отвѣчала я.—Мы пойдемъ домой лѣшкомъ. Евстаѣй взглянулъ на нашу хозяйку. Она поняла его.

— Я не намѣрена мѣшать вамъ, сэръ, сказала она рѣзко.— У меня есть дѣло въ Бродстерсѣ и я кстати схожу теперь туда. Прощайте, мистрисъ Вудвилъ.

Она сдѣлала замѣтное удареніе на моемъ имени и на прощаніе мигнула мнѣ, но я въ то время была слишкомъ занята другимъ чтобы понять что хотѣла она сказать мнѣ, попросить же у нея объясненія я не успѣла потому что она оставила насъ такъ же послѣшнью какъ моя свекровь и быстрыми шагами пошла въ сторону Бродстерса.

Мы остались наконецъ вдвоемъ.

Я приступила къ своимъ вопросамъ не теряя ни времени, ни лишннихъ словъ на предисловіе. Я спросила его прямо:

— Что значитъ поведеніе твоей матери?

Вмѣсто того чтобъ отвѣтить мнѣ, онъ залился хохотомъ, громкимъ, грубымъ, рѣзкимъ хохотомъ, до того не похожимъ на его обычный смѣхъ, до того не соответствовавшимъ его характеру, какъ я его понимала, что я осталась въ изумленіи и безъ церемоніи сдѣлала ему замѣчаніе:

— Евстаѣй, что съ тобой? Ты не похожъ на себя. Ты пугаешь меня.

Онъ не обратилъ вниманія на мои слова. Онъ повидимому былъ занятъ какими-то забавными соображеніями.

— Какъ это похоже на мою мать, сказалъ онъ веселымъ тономъ.—Разкажи мнѣ, Валерія, все что было между вами.

— Разказывать тебѣ? возразила я.— Я полагаю что послѣ всего случившагося твое дѣло разказывать мнѣ.

— Ты не понимаешь какъ это смѣшно? спросилъ овъ.

— Я не только не вижу тутъ ничего смѣшнаго, я думаю что поведеніе и слова твоей матери даютъ мнѣ право просить у тебя серьезнаго объясненія.

— Милая моя Валерія! Еслибы ты знала мою мать такъ какъ я ее знаю, тебѣ не пришло бы въ голову просить у меня серьезнаго объясненія ея поступковъ. Относиться серьезно къ моей матери! (Овъ захохоталъ опять). Милая моя, ты не понимаешь какъ ты смѣшила меня!

Все это было форсировано, все это было неестественно. Овъ, деликатѣйшій изъ людей, джентльменъ въ высшемъ значеніи слова, былъ теперь грубъ, шумевъ, вульгаренъ. Сердце мое замерло отъ внезапнаго подозрѣнія котораго я не могла заглушить при всей моей любви къ мужу. Въ невообразимомъ испугѣ и смущеніи я спросила себя: не начинаетъ ли овъ обманывать меня на четвертый день послѣ нашей свадьбы? Не играетъ ли овъ роль?

Я рѣшилась овладѣть его довѣріемъ новымъ способомъ. Овъ очевидно хотѣлъ заставить меня смотрѣть съ его точки зрѣнія. Я рѣшилась принять его точку зрѣнія.

— Ты говоришь что я не понимаю твою мать, сказала я примирительнымъ тономъ.— Не можешь ли ты мнѣ показать ее?

— Помочь тебѣ показать женщину которая сама себя не понимаетъ—дѣло не легкое, отвѣчалъ овъ.—Однако я попробую. Основная черта характера моей бѣдной матери его эксцентричность.

Еслибы овъ умышленно выбралъ самое неподходящее слово изъ всего лексикона для обозначенія отличительной особенности старой леди которую я встрѣтила на берегу, это слово было бы „эксцентричность“. Всякій ребенокъ на моемъ мѣстѣ повялъ бы что овъ грубо искажалъ истину.

— Заломни это, продолжалъ овъ, — и если хочешь показать мою мать сдѣлай то о чемъ я сейчасъ просилъ тебя, расскажи мнѣ все что было между вами. Какъ случилось что вы заговорили?

— Твоя мать сказала это тебѣ, Евстаеій. Я шла позади ея когда она нечаянно обрвала письмо.

— Вовсе не нечаянно, прервалъ овъ.— Письмо было вырвано умышленно.

— Не можетъ быть, воскликнула я.— Для чего было твоей матери рвать его умышленно?

— Помни то что я сказала тебѣ объ ея характерѣ, другъ мой. Экспетричность! Странный способъ знакомиться съ тобой.

— Познакомиться со мной! Я только-что сказала тебѣ что я шла позади нея. Она не могла даже знать о моемъ существованіи, пока я не заговорила съ нею.

— Ты такъ думаешь, Валерія?

— Я въ этомъ увѣрена.

— Извини меня, ты не знаешь мою мать такъ какъ я ее знаю.

Я начала терять терпѣніе.

— Не скажешь ли ты, возразила я,—что она вышла гулять для того чтобы познакомиться со мною?

— Я ни мило не сомнѣваюсь въ этомъ, отвѣчалъ онъ холодно.

— Да она даже не узнала моего имени, воскликнула я.— Два раза хозяйка наша назвала меня при ней „мистрисъ Вудвилъ“, и увѣряю тебя честнымъ словомъ что оба раза это имя не произвело на твою мать ни малѣйшаго впечатлѣнія. Она глядѣла и держала себя какъ будто никогда до сихъ поръ не слыхала своего собственнаго имени.

— „Держала себя“, выраженіе вполне вѣрное. Актрисы не единственныя женщины умѣющія играть роль, продолжалъ онъ такъ же спокойно какъ и прежде.—Цѣлью моей матери было узнать тебя какъ можно лучше и для этого захватить тебя врасплохъ, притворившись чужою. Этотъ коварный путь для удовлетворенія своего любопытства на счетъ отвергнутой невѣстки вполне въ характерѣ моей матери. Еслибъ я не присоединился къ вамъ, она разспросила бы тебя подробно о тебѣ самой и обо мнѣ, и ты удовлетворила бы ея любопытство въ убѣжденіи что говоришь съ посторонней. Вотъ какова моя мать. Вспомни что она врагъ твой, а не другъ, и что ей хотѣлось узнать не достоинства твои, а недостатки. И ты удивляешься послѣ этого что твое имя не произвело на нее повидимому никакаго впечатлѣнія! О, невинность! Ты видѣла мою мать естественною только въ ту минуту когда я положилъ конецъ ея мистификаціи, представивъ вась другъ другу. Ты видѣла какъ она разсердилась; теперь ты поймешь причину.

Я даю ему договорить не прерывая его ни однимъ словомъ. Но съ какою болью въ сердцѣ, съ какимъ мучительнымъ

разочарованіемъ слушала я его! Идолъ которому я поклонялась, товарищъ, руководитель, покровитель моей жизни—какъ могъ онъ упасть такъ низко, какъ могъ онъ свисойти до такихъ постыдныхъ изворотовъ?

Была ли хоть ничтожная доля правды во всемъ что онъ сказалъ мнѣ? Да. Еслибъ я не видала прежде портрета его матери, я дѣйствительно не узнала бы ее, я не могла бы догадаться что это она. Все остальное было ложью, грубою ложью; одно только говорило въ пользу его: было ясно что онъ не привыкъ лгать и обманывать. Праведное небо! Если мужъ мой былъ правъ, мать его должна была прослѣдить насъ до Лондона, прослѣдить насъ до церкви, до станціи желѣзной дороги, прослѣдить насъ до Рамсгета! Увѣрять что она ло лицу моему узнала что я жена ея сына, что она поджидала меня на берегу, что она вырвала письмо для того чтобы познакомиться со мною, увѣрять что всѣ эти невѣроятныя предположенія были совершившимися фактами!

Я не сказала ничего. Я шла молча, въ мучительномъ убѣжденіи что между мною и мужемъ стоитъ какая-та семейная тайна. Духомъ, если не тѣломъ, мы уже разлучились, разлучились на четвертый день брачной жизни

— Валерія, сказалъ онъ,—развѣ тебѣ нечего сказать мнѣ?

— Нечего.

— Ты не довольна моимъ объясненіемъ?

При этомъ вопросѣ я замѣтила слабую дрожь въ его голосѣ. Не знаю есть ли между сотнею тысячъ таинственныхъ проводниковъ вліянія мужчины надъ любящею его женщиной проводникъ болѣе сильный чѣмъ его голосъ. Я не изъ тѣхъ женщинъ которыя плачутъ при малѣйшемъ волненіи; слезы вѣроятно не въ моемъ темпераментѣ. Но когда я замѣтила непритворную переѣмъ въ его голосѣ и вспомнила, не знаю почему, счастливый день когда я впервые призналась ему въ любви, я заплакала.

Онъ оставовился, онъ взялъ мою руку и пытался заглянуть въ мое лицо.

Я стояла съ опущенною головою, съ глазами потупленными въ землю. Я стыдилась своей слабости и не хотѣла взглянуть на него.

Среди послѣдовавшаго молчанія онъ внезапно упалъ на колѣни къ моимъ ногамъ съ крикомъ отчаянія произшедшимъ меня какъ ножъ:

— Валеріа! Я негодяй, я обманщикъ, я не достоинъ тебя! Не вѣрь ни одному слову изъ того что я сказалъ тебѣ, все это ложь, малодушная, презрѣнная ложь! Ты не знаешь что я пережилъ, ты не знаешь какія мученія я вытерпѣлъ. Милая моя, постарайся не презирать меня. Я былъ вѣд себя когда рѣшился обмануть тебя. Ты казалась оскорбленной и разсерженной, я не зналъ какъ мнѣ поступить. Я хотѣлъ избавить тебя даже отъ минутнаго огорченія. Ради Бога не спрашивай у меня ничего болѣе. Возлюбленная моя! Ангелъ мой! Моя тайна касается только меня и моей матери; тебѣ вѣтъ дѣла до нея, никому теперь нѣтъ дѣла до нея. Я люблю тебя, я обожаю тебя; все мое сердце, вся душа моя принадлежатъ тебѣ. Удовольствуйся этимъ. Забудь случившееся. Ты никогда не увидишься опять съ моею матерью. Мы завтра же уйдемъ отсюда. Не все ли равно гдѣ мы будемъ жить пока мы живемъ другъ для друга? Забудь и прости! О, Валеріа, Валеріа, забудь и прости!

Невыразимое горе было въ его лицѣ, невыразимое горе было въ его голосѣ. Примите это въ соображеніе и вспомните что я любила его.

— Простить легко, Евстаѣй, отвѣчала я грустно. — Ради тебя я постараюсь и забыть.

Съ этими словами я ласково подвѣла его. Онъ началъ цѣловать мои руки какъ будто считалъ себя недостойнымъ выразить свою благодарность болѣе фамиллярнымъ образомъ. Чувство взаимнаго стѣсненія когда мы медленно пошли дальше было такъ нестерпимо что я начала искать предмета для разговора какъ будто была въ обществѣ чужаго человѣка. Изъ состраданія къ нему я попросила его разказать мнѣ о лхтѣ.

На эту жалкую тему онъ говорилъ, говорилъ, говорилъ, какъ будто жизнь его зависѣла отъ того чтобъ онъ не умолкъ ни на минуту во всю остальную часть обратнаго пути. Какъ тяжело мнѣ было слушать его. Зная какое усиліе дѣлалъ онъ надъ собою, онъ, отъ природы задумчивый и молчаливый, я понимала какъ велико было его страданіе. Мнѣ стоило большаго труда сохранить самообладаніе пока мы не пришли домой. Но дома я принуждена была пожаловаться на усталость и попросить его дать мнѣ отдохнуть въ уединеніи моей комнаты.

— Такъ мы отправимся въ море завтра? крикнулъ онъ мнѣ когда я поднималась по лѣстницѣ.

Отправиться съ нимъ на слѣдующій день въ Средиземное море, проведсти нѣсколько недѣль вдвоемъ въ тѣсныхъ предѣлахъ яхты и съ его ужасною тайной которая съ каждымъ днемъ будетъ все больше и больше удалять насъ другъ отъ друга? Я содрогнулась при одной мысли объ этомъ.

— Боюсь что я не успею собраться до завтра, возразила я.— Не можешь ли ты дать мнѣ немного болѣе времени?

— Сколько тебѣ угодно, отвѣчалъ онъ не совсѣмъ довольнымъ тономъ, какъ мнѣ показалось.— Между тѣмъ, пока ты будешь отдыхать, я схожу опять на яхту, тамъ еще есть кое-какое дѣло. Не могу ли я сдѣлать что-нибудь для тебя пока не уйду, Валерія?

— Нѣтъ, Евстаѣй, благодарю тебя.

Онъ ушелъ тотчасъ же. Боялся ли онъ остаться наединѣ съ самимъ собою? Казалось ли ему даже общество капитана яхты и буфетчика лучше одиночества?

Безполезные вопросы. Чтò знала я о немъ и объ его мысляхъ?

Я залерлась въ своей комнатѣ.

Г Л А В А V.

Открытие хозяйки.

Я сѣла и попробовала собраться съ мыслями. Теперь или никогда должна я была рѣшить какъ поведѣвалъ мнѣ поступить мой долгъ относительно мужа и относительно самой себя.

Тщетное усиліе. Измученная и нравственно и физически, я не могла связать двухъ мыслей. Я только смутно чувствовала что если я оставляю дѣла въ томъ положеніи въ какомъ они были, то никогда въ послѣдствіи не буду въ состояніи расстать тѣмъ омрачившую мою замужнюю жизнь такъ счастливо начавшуюся. Мы могли бы жить вмѣстѣ для соблюденія приличій, но забыть случившееся или быть довольною своимъ положеніемъ было выше моихъ силъ. Мое спокойствіе какъ женщины, можетъ-быть мои самые дорогіе интересы какъ жены зависѣли положительно отъ разъясненія причины страннаго поведенія моей свекрови и смысла дикихъ словъ пока-

днѣ и самоосужденія съ которыми обратился ко мнѣ мужъ на пути домой.

Вотъ все что я могла сообразить для опредѣленія своего положенія. Но когда я спросила себя что мнѣ слѣдовало сдѣлать, я почувствовала себя самою неспособною, самою безпомощною женщиной въ мірѣ.

Я отказалась отъ тщетнаго усилія. Я бросилась на постель въ безнадежномъ отчаяніи и отъ утомленія заснула безпокойнымъ, прерывистымъ сномъ.

Стукъ въ дверь моей комнаты разбудилъ меня.

Не мужъ ли? При этой мысли я вскочила съ постели. Не готовится ли какое-нибудь новое испытаніе моему терпѣнію и мужеству? Полуиспуганно, полусердито я спросила: — кто тамъ?

Мнѣ отвѣчалъ голосъ хозяйки.

— Могу я войти къ вамъ на нѣсколько словъ?

Я отворила дверь. Признаюсь, хотя я любила его горячо, хотя я оставила для него домъ и друзей, въ эту несчастную минуту я обрадовалась узнавъ что стучалась хозяйка, а не Евстаѣй.

Она вошла и безъ приглашенія усѣлась рядомъ со мною. Ей было уже мало держать себя со мною какъ съ равною. Поднявшись ступенью выше по общественной лѣстницѣ, она стала на платформу покровительства и глядѣла на меня съ милостивымъ сожалѣніемъ.

— Я только-что вернулась изъ Бродстерса, начала она. — Надѣюсь что вы будете настолько справедливы ко мнѣ что повѣрите моему искреннему сожалѣнію о случившемся.

Я поклонилась и промолчала.

— Я сама благородная женщина, хотя я вынуждена семейными несчастіями отдавать вънаймы квартиры, и какъ благородная женщина я искренно сочувствую вамъ. Этого мало, я даже возьму на себя сказать что я не осуждаю васъ. Нѣтъ, нѣтъ! Я хорошо видѣла что вы были поражены и сконфужены поведеніемъ вашей свекрови. Тѣмъ не менѣе на мнѣ лежитъ обязанность которую я должна исполнить, очень неприятная обязанность, но тѣмъ не менѣе обязанность. Я женщина одинокая—не по невозможности перемѣнить мое положеніе, прошу васъ замѣтить это, но по собственному желанію—и какъ одинокая женщина я принимала въ свой домъ только людей самыхъ почтенныхъ. Въ положеніи моихъ жиль-

цовъ не должно быть тайнъ. Тайна въ жизни жальца—какъ бы мнѣ выразиться чтобы не оскорбить васъ?—тайна влечетъ за собою нѣкоторое пятно. Теперь я обращаюсь къ вашему собственному здравому смыслу. Можно ли ожидать отъ особы въ моемъ положеніи чтобы она подвергла себя пятну? Я предлагаю вамъ этотъ вопросъ въ самомъ сестринскомъ и христіанскомъ духѣ. Вы сами какъ благородная женщина, я скажу даже какъ жестоко обманутая благородная женщина, вы, я увѣрена, поймете...

Я вышла изъ терлѣвня и прервала ее.

— Я понимаю что вы хотите отказать намъ отъ квартиры. сказала я.—Какой срокъ назначаете вы намъ?

Хозяйка выразила свой сестринскій протестъ протянувъ мнѣ свою длинную, костлявую, красную руку.

— Нѣтъ, сказала она.—Оставьте этотъ тонъ, оставьте этотъ взглядъ. Не мудро то что вы встревожены, не мудро то что вы разсержены, но постарайтесь, пожалуйста постарайтесь овладѣть собою. Я обращаюсь къ вашему здравому смыслу: положимъ что я назначу вамъ для выѣзда недѣльный срокъ, почему вамъ не смотрѣть на меня какъ на друга? Вы не знаете какую жестокую жертву я принесла для васъ, для васъ одной.

— Вы! воскликнула я.—Какую жертву?

— Какую жертву? повторила хозяйка.—Я увидѣла свое достоинство, я оскорбила свое самоуваженіе.—Она остановилась на минуту и схватила мою руку въ неудержимомъ порывѣ дружбы.—О, бѣдная моя, воскликнула она,—я узнала все. Вы обмануты негодяемъ, вы такая же замужняя какъ я.

Я вырвала у нея руку и въ негодованіи вскочила со стула.

— Съ ума вы сошли? спросила я.

Хозяйка подняла глаза къ потолку съ видомъ мученицы добровольно подвергающейся пыткѣ.

— Да, возразила она,—я сама начинаю думать что я сошла съ ума. Дѣйствительно надо потерять рассудокъ чтобы служить женщиной неблагодарной, женщиной которая не цѣнитъ сестринскаго и христіанскаго самопожертвованія. Хорошо! Я не сдѣлаю этого вторично. Да проститъ мнѣ Господь, но я не сдѣлаю этого вторично.

— Чего вы не сдѣлаете вторично? спросила я.

— Не буду шлѣпить за вашу свекровью, воскликнула она внезапно выйдя изъ роли мученицы и превратившись въ фурию. — Я краснѣю когда вспомню о томъ что я сдѣлала. Я

прослѣдила эту почтеннѣйшую особу до самой двери ея квартиры.

До сихъ поръ гордость поддерживала меня, но при послѣднихъ словахъ я безпомощно опустилась на стулъ не скрывая болѣе своего испуга и волненія.

— Я магнула вамъ уходя отъ васъ, продолжала хозяйка дѣлаясь все шумнѣе и краснѣе по мѣрѣ продолженія своего разказа.—Благодарная женщина пожелала бы что я хотѣла этимъ сказать. Но Богъ съ вами. Я не сдѣлаю этого въ другой разъ. Я догнала вашу свекровь около ущелья. Я послѣдовала за ней—о, какъ я теперь сознаю низость своего поступка!—я послѣдовала за ней на Бродстерскую станцію желѣзной дороги. Она вернулась въ Рамсетъ съ ближайшимъ поѣздомъ; я тоже вернулась въ Рамсетъ съ ближайшимъ поѣздомъ. Она отправилась лѣшкомъ на свою квартиру; я послѣдовала за нею, идя позади ея какъ собака. О, какой позоръ! По волю Провидѣнія, какъ я думала тогда—теперь же я не знаю что и думать объ этомъ—хозяинъ дома оказался моимъ хорошимъ знакомымъ и былъ дома. Между нами нѣтъ секретовъ относительно нашихъ жильцовъ и вслѣдствіе этого, сударыня, я могу сказать вамъ настоящее имя вашей свекрови. Хозяинъ не знаетъ никакой мистрисъ Вудвиль. Имя его жилицы (я слѣдовательно и имя ея сына) вовсе не Вудвиль, а Макаланъ. Мистрисъ Макаланъ, вдова покойнаго генерала Макаланъ. Да! Мужъ вашъ не мужъ вамъ, а вы не дѣвушка, не замужья и не вдова. Вы хуже чѣмъ ничто, сударыня, и я прошу васъ оставить мою квартиру.

Она хотѣла выйти, но я остановила ее. Она затроула меня на живое. Соматніе брошенное ею на мой бракъ было нестерпимо.

— Дайте мнѣ адресъ мистрисъ Макаланъ, сказала я.

Гнѣвъ хозяйки уступилъ мѣсто удивленію.

— Неужели вы хотите отправиться къ ней? спросила она.

— Никто кромѣ моей свекрови не можетъ сказать мнѣ того что мнѣ нужно знать, отвѣчала я.— Ваше открытіе можетъ казаться удовлетворительнымъ вамъ, оно не кажется удовлетворительнымъ мнѣ. Почему мы знаемъ что мистрисъ Макаланъ не была замужемъ два раза и что имя ея перваго мужа е было Вудвиль?

Изумленіе хозяйки въ свою очередь уступило мѣсто любопытству. Въ сущности, какъ я уже сказала, она была добрая

женщина, и какъ у всѣхъ добрыхъ людей ея вслѣдствіе глѣва была непродолжительна.

— Мнѣ это и не пришло въ голову, сказала она.— Вотъ что. Если я дамъ вамъ адресъ, общаете вы разказать мнѣ по возвращеніи все что узнаете?

Я дала требуемое обѣщаніе и взявъ получила адресъ.

— Вы не сердитесь? спросила хозяйка съ прежнею фамильярностью.

— Нисколько, отвѣчала я такъ дружески какъ только могла.

Десять минутъ спустя я была у двери квартиры моей свекрови.

ГЛАВА VI.

Мое собственное открытіе.

Къ счастью для меня дверь была отворена не хозяйномъ дома, а гаулою служанкой которая впустила меня не спросивъ даже мое имя. Сказавъ мнѣ что мистрисъ Макаланъ дома и одна, она повела меня на верхъ и ввела въ гостиную безъ доклада.

Свекровь моя сидѣла предъ рабочимъ столикомъ занятая вязаньемъ. Увидавъ меня, она отложила работу въ сторону, встала и сдѣлала мнѣ знакъ дать ей говорить первой.

— Я знаю для чего вы пришли сюда, сказала она.— Вы пришли для разспросовъ. Пощадите себя и меня. Я предупреждаю васъ что не буду отвѣчать на вопросы касающіеся моего сына.

Это было сказано твердо, но не грубо. Я въ свою очередь заговорила твердо.

— Я пришла сюда, сударыня, не для того чтобы разспросить васъ о вашемъ сынѣ. Я пришла чтобы предложить вамъ, если позволите, вопросъ касающійся васъ самихъ.

Она устремила на меня пылливый взглядъ поверхъ своихъ очковъ. Я очевидно удивила ее.

— Какой вопросъ? спросила она.

— Я только сегодня узнала что ваше имя Макаланъ, сказала я.— Сынъ вашъ женился на мнѣ подъ именемъ Вудвила. Нисколько мнѣ извѣстно, единственнымъ честнымъ объясненіемъ этого противорѣчія можетъ быть то что вы были замужемъ два раза и что мужъ мой вашъ сынъ отъ перваго брака. Дѣло идетъ о счастіи всей моей жизни. Будете ли вы

такъ добры чтобы войти въ мое положеніе? Я прошу васъ сказать мнѣ не были ли вы замужемъ два раза и не было ли имя вашего перваго мужа Вудвиль?

Она подумала немного, прежде чѣмъ отвѣтила.

— Вашъ вопросъ вполнѣ естественъ въ вашемъ положеніи, сказала она,—но мнѣ кажется что лучше не отвѣчать на него.

— Могу я спросить почему?

— Конечно. Еслибы я отвѣтила вамъ, это повело бы къ новымъ вопросамъ, на которые я положительно отказываюсь отвѣчать. Мнѣ больно разочаровывать васъ. Я повторяю то что сказала вамъ во время прогулки: у меня нѣтъ другихъ чувствъ къ вамъ кромѣ симпатіи. Еслибы вы посоветовались со мною до свадьбы, я охотно сказала бы вамъ всю истину. Но теперь поздно. Вы замужемъ. Я совѣтую вамъ постараться быть счастливою и примириться съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ.

— Извините, сударыня, возразила я.—При настоящемъ положеніи дѣлъ я не увѣрена что я замужемъ. Я знаю только что сынъ вашъ женился на мнѣ подъ чужимъ именемъ. Могу ли я быть увѣренною, если не узнаю отъ васъ ничего болѣе, законная я ему жена или нѣтъ?

— Мнѣ кажется что въ законности вашего брака не можетъ быть сомнѣній, сказала мистрисъ Макалланъ.—Во всякомъ случаѣ вы можете посоветоваться на этотъ счетъ съ юристомъ. Если вамъ скажутъ что бракъ вашъ незаконенъ—сынъ мой джедльменъ. Каковы бы ни были его недостатки и проступки, онъ не способенъ обмануть умышленно женщину которая любитъ его и вѣритъ ему; онъ будетъ справедливъ къ вамъ и поправитъ свою ошибку. Я тоже буду справедлива къ вамъ. Если законъ будетъ противъ вашихъ справедливыхъ притязаній, я отвѣчу вамъ на всѣ вопросы какіе вамъ вздумается предложить мнѣ. Теперь же, считая васъ законною женой моего сына, я говорю вамъ опять: постарайтесь быть счастливою. Удовольствуйтесь любовью и преданностью вашего мужа. Если вы дорожите своимъ покоемъ и счастьемъ своей будущей жизни, не старайтесь узнать болѣе того что вы знаете теперь.

И она шла съ видомъ женщины сказавшей свое послѣднее слово.

Дальнѣйшія домогательства были бы бесполезны; я видѣла это въ ея лицѣ, я слышала это въ ея голосѣ. Я повернулась чтобы выйти.

— Вы жестоки со мной, сударыня, сказала я на прощаніе.— Но дѣлать нечего, я должна покориться.

Она подняла на меня глаза и сказала со всплшкой румянца на своемъ добромъ и красивомъ старомъ лицѣ:

— Богъ свидѣтель, дитя мое, что я жалю васъ всѣмъ сердцемъ.

Послѣ этого страннаго проявленія чувства, она одной рукой взялась за работу, другой сдѣлала мнѣ знакъ удалиться.

Я молча поклонилась ей и вышла.

Входя въ домъ я далеко не была увѣрена въ своемъ будущемъ образѣ дѣйствій. Я вышла изъ него съ твердою рѣшимостью открыть тайну которую мать и сынъ такъ упорно скрывали отъ меня. Что касается вопроса объ имени, я поняла теперь то что мнѣ слѣдовало бы понять съ самаго начала. Еслибы мистрисъ Макалланъ была замужемъ два раза (какъ я предположила), она безъ сомнѣнія обратила бы вниманіе на дважды произнесенное при ней имя ея перваго мужа. Если все остальное было загадочно, одно было ясно, то что Евстаѣій, по какимъ бы то ни было причинамъ, женился на мнѣ подъ другимъ именемъ.

Подходя къ своей квартирѣ я увидела мужа ходившаго взадъ и впередъ предъ домою и очевидно поджидавшаго меня. Я рѣшилась сказать ему прямо, если онъ спроситъ меня, гдѣ я была и что произошло между мной и его матерью.

Увидавъ меня онъ бросился ко мнѣ на встрѣчу. Лицо его манеры обнаруживали волненіе.

— У меня есть просьба къ тебѣ, Валерія, сказалъ онъ.— Что ты скажешь если я предложу тебѣ отправиться со мной въ Лондонъ съ слѣдующимъ поѣздомъ?

Я взглянула на него. Я едва вѣрила своимъ ушамъ.

— Мнѣ необходимо побывать въ Лондонѣ по одному дѣлу не касающемуся никого кромѣ меня. Ты не желаешь отправиться въ море немедленно, если я повялю тебя. Оставить тебя здѣсь одну я не могу. Согласна ты съѣздить въ Лондонъ дня на два?

Я не только была согласна, я была рада.

Въ Лондонѣ я могла узнать законна ли я жена моего мужа или нѣтъ, въ Лондонѣ я могла обратиться за совѣтомъ и помощью къ преданному старому каерку моего отца. Я могла довѣриться Веніамину какъ никому другому. Какъ ни горячо я любила дядю Старкъуезера, мнѣ не хотѣлось обратиться

съ моимъ затрудненіемъ къ нему. Жена его сказала мнѣ что я сдѣлала дурное начало записатьъ въ церковной книгѣ не то имя какое слѣдовало. Сказать ли правду? Гордость не позволила мнѣ теперь признаться что слова жены его оправдались такъ скоро.

Спустя два часа мы были опять на поѣздѣ желѣзной дороги. Какъ не похожа была эта вторая поѣздка на первую! На пути въ Рамсгетъ всякій могъ угадать что мы были ново-брачною четой. На пути въ Лондонъ никто не обращалъ на насъ вниманія, всѣмъ должно было казаться что мы были жеваты уже нѣсколько лѣтъ.

Мы остановились въ скромномъ отелѣ близъ Портландъ-Паса.

На слѣдующее утро послѣ завтрака мужъ объявилъ мнѣ что ему необходимо отлучиться по дѣламъ. Я еще прежде говорила ему что мнѣ необходимо сдѣлать въ Лондонѣ нѣсколько покупокъ. Онъ охотно согласился отлучиться меня одну, съ условіемъ чтобъ я взяла карету изъ отела.

Мнѣ было очень грустно въ это утро, я мучительно чувствовала втянутость отношеній между мною и мужемъ. Отворивъ уже дверь чтобы выйти, Евстаеій неожиданно вернулся ко мнѣ и поцѣловалъ меня. Этотъ внезапный порывъ нѣжности тронулъ меня. Подъ вліяніемъ минутнаго побужденія я обняла его.

— Милый мой, сказала я, — довѣрься мнѣ вполнѣ. Я знаю что ты любишь меня. Покажи что ты можешь также быть откровеннымъ со мной.

Онъ горько вздохнулъ и отодвинулся отъ меня въ горѣ, но не въ гнѣвѣ.

— Я думалъ, Валерія, что мы порѣшили не возвращаться болѣе къ этому предмету, возразилъ онъ. — Ты только напрасно тревожишь себя и меня.

И онъ послѣшимо вышелъ изъ комнаты какъ будто боялся высказать болѣе. Лучше не говорить о томъ что я почувствовала когда онъ такимъ образомъ оттолкнулъ меня опять. Я немедленно приказала подать карету, надѣясь перемѣной мѣста и движеніемъ заглушить свои мысли.

Я отправилась сначала въ лавку и сдѣлала покупки о которыхъ говорила Евстаеію, потомъ передалась дѣлу которое было дѣйствительною цѣлью моего выѣзда. Я поѣхала въ виллу стараго Веніаміа въ окрестностяхъ Сентъ-Джонсъ-Вуда.

Оломившись отъ перваго изумленія въ которое я привела его своимъ неожиданнымъ появленіемъ, мой старыи другъ закричалъ что я была блѣдна и озабочена. Я тотчасъ же созналась ему что была въ горѣ. Мы усѣлись предъ яркимъ огнемъ камина въ его маленькой библіотекѣ (Веніаминъ, насколько позволяли его средства, былъ большимъ библіоманомъ) и я разказала ему откровенно все что разказано на этихъ страницахъ.

Онъ былъ слишкомъ пораженъ чтобы говорить много. Онъ горячо пожалъ мою руку, горячо поблагодарилъ Бога за то что отецъ мой не дожидъ до того чтобы услышать то что пришлось услышать его клерку. Затѣмъ, подумавъ немного, онъ повторилъ нѣсколько разъ сомнительнымъ, вопросительнымъ тономъ имя моей свекрови:

— Макалданъ? Макалданъ? Гдѣ слышалъ я это имя? Почему оно кажется мнѣ знакомымъ?

Но онъ отказался отъ тщетной попытки вспомнить забытое и съ жаромъ спросилъ меня чѣмъ можетъ онъ быть полезенъ мнѣ. Я отвѣчала что онъ, во первыхъ, можетъ помочь мнѣ разрѣшить вопросъ, невыносимый для меня вопросъ, законная ли я жена моего мужа или нѣтъ? Эти слова мгновенно пробудили въ немъ всю его прежнюю энергію отличающую его въ былое время, когда онъ велъ дѣла моего отца.

— Ваша карета у подъѣзда, другъ мой, сказалъ онъ.—Отправившись къ моему юристу не теряя ни минуты.

Мы отправились въ Линколнсъ-Иннъ.

По моей просьбѣ Веніаминъ представилъ мое дѣло юристу какъ дѣло одной моей подруги въ которой я приняла большое участіе. Отвѣтъ былъ рѣшительный. Я вышла замужъ въ искрѣпемъ убѣжденіи что имя подъ которымъ я знала моего мужа было его настоящимъ именемъ. Свидѣтели при моемъ бракѣ, мой дядя, моя тетка и Веніаминъ, дѣйствовавши, какъ и я, не подозревая никакаго обмана. При такихъ обстоятельствахъ не могло быть сомнѣнія что бракъ мой былъ законнымъ бракомъ. Кто бы онъ ни былъ, Макалданъ или Вуддвалъ, но я была его законная жена.

Этотъ рѣшительный отвѣтъ сдѣлавъ съ моего сердца тяжелое бремя и я приняла приглашеніе моего стараго друга вернуться къ нему и позавтракать за его раннимъ обѣдомъ.

На обратномъ пути я возвратилась къ разговору о томъ что занимало меня теперь болѣе всего, я выразила намѣреніе

узнать во что бы то ни стало почему Евстаеій женился на маѣ подъ чужимъ именемъ.

Мой слугаикъ покачалъ головой и посовѣтовалъ маѣ обдумать серьезно мое намѣреніе. Его совѣтъ маѣ—такъ странно сходится иногда крайности!—былъ совѣтомъ моей свекрови, повтореннымъ почти слово въ слово:

— Оставьте это дѣло въ томъ положеніи въ какомъ оно теперь. Ради собственнаго спокойствія удовольствуйтесь привязанностью вашего мужа. Вы знаете что вы его законная жена и знаете что онъ любитъ васъ. Развѣ этого не довольно?

На это у меня былъ только одинъ отвѣтъ: Жизнь при такихъ условіяхъ была бы рѣшительно нестерпимою для меня. Ничто не могло поклебать моего рѣшенія по той простой причинѣ что ничто не могло заставить меня жить съ мужемъ въ такихъ отношеніяхъ въ какихъ мы жили въ послѣдніе дни. Я попросила моего друга сказать маѣ только одно: намѣренъ онъ или нѣтъ протануть руку помощи дочери своего покойнаго хозяина?

Отвѣтъ старика вполнѣ характеризуетъ его:

— Скажите что долженъ я сдѣлать для васъ, другъ мой, отвѣчалъ онъ.

Мы проѣзжали въ это время по улицѣ соседней съ Портменъ-Скверомъ. Мой отвѣтъ Вениамину замеръ на моихъ губахъ. Я увидала мужа.

Онъ сходилъ съ крыльца какого-то дома, глаза его были опущены, онъ не взглянулъ на нашу карету. Когда служанка затворила за нимъ дверь, я замѣтила что номеръ дома былъ шестнадцать. На углу улицы я прочла ея названіе: Вивіенъ-Плесь.

— Не знаете ли вы кто живетъ въ домѣ номеръ шестнадцать, Вивіенъ-Плесь? спросила я моего слугаика.

Онъ взглянулъ на меня съ изумленіемъ. Мой вопросъ былъ дѣйствительно странный послѣ того что онъ только-что сказалъ маѣ.

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ онъ.—Почему вы это спрашиваете?

— Я сейчасъ видѣла что изъ этого дома вышелъ Евстаеій.

— Такъ что же, другъ мой?

— Мой разсудокъ въ ненормальномъ состояніи, Вениаминъ. Все чего я не понимаю въ поступкахъ моего мужа кажется маѣ подозрительнымъ.

Веніаминъ подвѣялъ свои худыя старыя руки и опустил ихъ опять на колѣни въ безмолвномъ соболѣзнованіи о моей участи.

— Я повторяю вамъ, продолжала я,—что жизнь моя невыносима. Я не знаю что я сдѣлаю если проживу еще нѣсколько времени сомнѣваясь въ единственномъ человѣкѣ котораго я люблю. Вы человѣкъ опытный въ жизни. Представьте себя на моемъ мѣстѣ, предположите что вы лишены довѣрія Евстазія, что вы любите его какъ я его люблю, что ваше положеніе такъ же тяжело для васъ какъ оно тяжело для меня. Какъ поступили бы вы въ такомъ случаѣ?

Вопросъ былъ прямой. Веніаминъ далъ такой же прямой отвѣтъ:

— Мнѣ кажется, другъ мой, что я отправился бы къ какому-нибудь хорошему другу вашего мужа и предложилъ бы ему нѣсколько вопросовъ.

Къ какому-нибудь хорошему другу моего мужа? Я подумала. Единственнымъ его другомъ о которомъ я знала что-нибудь былъ майоръ Фитцъ-Девидъ. Сердце мое забилось сильнѣе. Не послѣдовать ли мнѣ совѣту Веніамина? Не обратиться ли мнѣ къ майору Фитцъ-Девиду? Если онъ и откажется отвѣчать на мои вопросы, мое положеніе не будетъ хуже чѣмъ оно уже было. Я рѣшилась попытаться. Единственнымъ затрудненіемъ которое я пока видѣла было узнать адресъ майора. Я принуждена была возвратить его письмо дядѣ и не догадалась замѣтить его адресъ. Я помнила только что онъ писалъ изъ Лондона.

— Благодарю васъ, старый другъ, сказала я Веніамину.—Вы подали мнѣ хорошую мысль. Есть у васъ дома адресъ-календарь?

— Нѣтъ, душа моя, отвѣчалъ онъ сконфуженнымъ тономъ.— Впрочемъ я могу легко достать его.

Мы вернулись въ его виллу и онъ немедленно послалъ свою служанку за адресъ-календаремъ къ ближайшему книгопродавцу. Книга была принесена когда мы только-что сѣли за обѣдъ. Ища имя майора въ отдѣлѣ подъ буквою Ф, я была поражена новымъ открытіемъ.

— Веніаминъ, сказала я, взгляните какое странное совладеніе.

Онъ прочелъ слова на которыя я указывала ему. Оказалось что майоръ Фитцъ-Девидъ жилъ въ томъ самомъ домѣ (номеръ шестнадцатый, Вивіенъ-Плесь) изъ котораго вышелъ мой мужъ когда я увидала его изъ кареты.

ГЛАВА VII.

На пути къ майору.

— Да, сказалъ Веніаминъ,—это дѣйствительно совпаденіе. Однако...

Онъ остановился и взглянулъ на меня какъ будто не рѣшаясь высказать то что у него было на умѣ.

— Продолжайте, сказала я.

— Однако я не вижу въ этомъ случаѣ ничего подозрительнаго, другъ мой, продолжалъ онъ.—Напротивъ, я нахожу совершенно естественнымъ что мужъ вашъ, пріѣхавъ въ Лондонъ, посѣтилъ одного изъ своихъ друзей. Столь же естественно и то что мы на пути ко мнѣ проѣхали по Вивіенъ-Плесу. Вотъ какъ по моему мнѣнію слѣдуетъ смотрѣть на этотъ случай. Что скажете вы?

— Я уже сказала вамъ что мой умъ въ ненормальномъ состояніи и все что дѣлаетъ мой мужъ кажется мнѣ подозрительнымъ. Я говорю что онъ имѣлъ какую-нибудь особую причину для посѣщенія майора. Это не обыкновенное посѣщеніе. Я твердо убѣждена что это необыкновенное посѣщеніе.

— Однако не привалясь ли вамъ за нашъ обѣдъ, сказалъ Веніаминъ покорнымъ тономъ.—Вотъ баранья нога, самая обыкновенная баранья нога. Находите вы въ ней что-нибудь подозрительное? Нѣтъ? И прекрасно. Покажите что вы доверяете баранинѣ. Кушайте. А вотъ вино. И въ этомъ кларетѣ, Валерія, нѣтъ ничего таинственнаго, я готовъ присягнуть что это самый обыкновенный виноградный сокъ. Если нельзя вѣрить ни во что другое, будемъ вѣрить въ виноградный сокъ. За ваше здоровье, другъ мой.

Я поддѣлывалась подъ шутливый тонъ старика. Мы ѣли и пили и говорили о прошломъ и нѣсколько времени я была почти счастлива въ обществѣ стараго друга моего отца. О, еслибъ и я была стара, еслибъ и я закончила съ любовью, съ ея неизбежными страданіями, съ ея мимолетными наслажденіями, съ ея жестокими утратами, съ ея сомнительными приобретеніями. Последніе осенніе цвѣты на окнѣ грѣлись подъ послѣдними лучами осенняго солнца. Маленькая собачка Веніамина спокойно наслаждалась на коврѣ своимъ обѣдомъ. Попугай въ сосѣднемъ домѣ весело выкрикивалъ с. и

вокальныя познанія. Я не сомнѣваюсь что быть человѣкомъ великое преимущество, но не завидѣе ли иногда участь животныхъ и растеній?

Мой отдыхъ былъ непродолжителенъ, прежнее безпокойство скоро овладѣло мною опять. Я встала и простилась съ Веніаминомъ.

— Общайте мнѣ, другъ мой, сказавъ оны отворяя мнѣ дверь,—что вы не сдѣлаете ничего опрометчиваго.

— Опрометчиво ли будетъ отправиться къ майору Фитц-Девиду? спросила я.

— Да, если вы отправитесь одни. Вы не знаете что онъ за человѣкъ, вы не знаете какъ онъ приметъ васъ. Поручите мнѣ повидаться съ нимъ и, такъ-сказать, проложить путь для васъ. Повѣрьте моему опытности, другъ мой, въ такихъ дѣлахъ необходимо дѣйствовать какъ можно осторожно.

Я подумала. Изъ уваженія къ моему другу я обязана была подумать прежде чѣмъ отказаться отъ его предложенія.

Размышленіе заставило меня рѣшиться взять отвѣтственность, какова бы она ни была, на свои собственные плечи. Хорошій или дурной, добрый или злой, но майоръ былъ мужчина. Вліяніе женщины было надежнѣе въ такомъ дѣлѣ какое я имѣла въ виду. Но объяснить это Веніамину не рискуя оскорбить его было бы не легко, и я попросила его побывать у меня на другой день утромъ чтобы потолковать объ его предложеніи. Очень ли унизительно будетъ сознаться что втайнѣ я рѣшила не отказывать свиданіе съ майоромъ до слѣдующаго дня?

— Не дѣлайте ничего опрометчиваго, другъ мой.—Ради своихъ собственныхъ интересовъ не дѣлайте ничего опрометчиваго, повторилъ Веніаминъ провожая меня.

Я застала Евстаѳіа ожидающимъ меня въ нашей гостиной. Его расположеніе духа повидимому прояснилось съ тѣхъ поръ какъ мы разстались. Онъ подошелъ ко мнѣ съ открытымъ листомъ бумаги въ рукѣ.

— Я закончилъ съ своимъ дѣломъ раньше чѣмъ ожидалъ, Валерія, сказавъ оны весело.—Сдѣлала ли ты все свои закупки? Свободна ли ты?

Я уже привыкла (да проститъ мнѣ Господь) не доверять его припадкамъ веселости. Я спросила:

— Ты хочешь сказать что освободилась на сегодняшній день?

— На сегодняшній, на завтрашній, на слѣдующую недѣлю,

на слѣдующій мѣсяцъ, на слѣдующій годъ и такъ далѣе, отвѣчалъ онъ порывисто объявъ мою талію.—Посмотри!

Онъ показалъ мнѣ открытый листъ бумаги который держалъ въ рукѣ. То была телеграмма увѣдомлявшая капитана ахты что мы рѣшили вернуться въ Рамсетъ въ этотъ день вечеромъ и что мы готовы отплыть въ море со слѣдующимъ приливомъ.

— Я ждалъ только твоего возвращенія чтобъ отправить телеграмму, сказалъ онъ.

Онъ перешелъ на другую сторону комнаты намѣреваясь позвонить. Я остановила его.

— Боюсь что мнѣ нельзя вѣхать сегодня въ Рамсетъ, сказала я.

— Почему это? спросилъ онъ внезапно измѣнившимся, рѣзкимъ тономъ.

Нѣкоторымъ это можетъ показаться смѣшнымъ, но онъ дѣйствительно поколебалъ мою рѣшимость отправиться къ майору Фитцъ-Девиду когда объялъ меня. Его ласка смягчила мое сердце и едва не соблазнила меня покориться. Но злобѣющая перемена въ тонѣ его голоса сдѣлала меня другою женщиною. Я почувствовала опять, и сильнѣе чѣмъ когда-либо, что въ моемъ критическомъ положеніи бесполезно было оставаться въ бездѣйствіи и хуже чѣмъ бесполезно отступать назадъ.

— Очень жаль что мнѣ придется противорѣчить тебѣ, но я не могу, какъ я уже сказала тебѣ въ Рамсетъ, быть готовой къ отъѣзду по первому слову, отвѣчала я.—Мнѣ нужно время.

— Для чего?

Не только его тонъ, но и его взглядъ при этомъ второмъ вопросѣ потрясъ меня до глубины души. Онъ пробудилъ во мнѣ, не знаю какъ и почему, злобное сознаніе оскорбленія которое онъ нанесъ мнѣ женившись на мнѣ подъ чужимъ именемъ. Опасаясь сказать подъ вліяніемъ этого чувства что-нибудь одишкомъ рѣзкое, что-нибудь такое въ чемъ мнѣ пришлось бы раскаяться въ послѣдствіи, я не сказала ничего. Только женщины могутъ понять чего мнѣ стоило промолчать, только мужчины могутъ понять какъ раздражительно лодѣйствовало мое молчаніе на моего мужа.

— Ты говоришь что тебѣ нужно время, повторилъ онъ.—Я спрашиваю тебя: для чего?

Все самообладаніе, доведенное до крайняго напряженія, изменило мнѣ. Рѣзкій отвѣтъ вырвался изъ моихъ устъ какъ птица изъ клѣтки.

— Время мнѣ нужно для того чтобы привыкнуть къ моему настоящему имени, сказала я.

Онъ подступилъ ко мнѣ съ злобѣющимъ взглядомъ.

— Къ твоему настоящему имени? Что это значитъ?

— Ты знаешь что это значитъ, отвѣчала я.— До сихъ поръ я думала что я мистрисъ Вудвилъ. Теперь я узнала что я мистрисъ Макалланъ.

Онъ отшатнулся отъ меня какъ будто я ударила его. Лицо его покрылось такою смертельною блѣдностью что я со страхомъ ждала что онъ уладетъ безъ чувствъ къ моимъ ногамъ. О, мой языкъ, мой языкъ! Зачѣмъ я не удержала моего зловреднаго женскаго языка?

— Я не ожидала что испугаю тебя, Евстаеій, сказала я.— Прости меня пожалуйста. Я сказала это не подумавъ.

Онъ нетерпѣливо махнулъ рукою какъ будто мои извинительныя слова раздражали его какъ докучливыя лѣтнія мухи.

— Что еще узнала ты? спросилъ онъ тихимъ, строгимъ голосомъ.

— Ничего, Евстаеій.

— Ничего? Онъ подумалъ и съ утомленнымъ видомъ провелъ рукой по лбу.—Ничего, конечно, прошелтаъ онъ про себя, иначе она не была бы здѣсь.—Онъ устремилъ на меня пылливый взглядъ.—Не повторяй никогда того что ты сказала сейчасъ, продолжалъ онъ.—Ради себя самой, Валерія, а ради меня не повторяй этого никогда. Онъ замолчалъ и съ утомленіемъ опустилса на ближайшій стулъ.

Я конечно слышала предостереженіе мужа, но оно далеко не произвело на меня такого впечатлѣнія какъ предшествовавшія ему слова которыя Евстаеій сказалъ про себя. Онъ сказалъ: „ничего, конечно, иначе она не была бы здѣсь“. Значило ли это что еслибъ я узнала что-нибудь кромѣ того что узнала объ имени, то не возвратилась бы къ мужу? Это ли хотѣлъ онъ сказать? Неужели тайна которую онъ скрывалъ отъ меня была такъ ужасна что могла разлучить насъ сразу и навсегда? Я стояла предъ нимъ молча, пытаюсь найти отвѣтъ на эти вопросы въ его лицѣ. Какъ краснорѣчиво было оно когда говорило объ его любви! Теперь же оно не сказало мнѣ ничего.

Онъ просидѣлъ нѣсколько минутъ не глядя на меня, погруженный въ свои мысли, потомъ всталъ и взялъ шляпу.

— Другъ одолжившій мнѣ яхту въ настоящее время въ Лондонѣ, сказалъ онъ.—Я пойду къ нему и скажу что наши планы измѣнились. При этихъ словахъ онъ разорвалъ телеграмму съ видомъ угрюмой покорности. — Ты очевидно рѣшила не вѣдать со мной, продолжалъ онъ.—Такъ лучше отказаться отъ яхты немедленно. Какъ ты полагаешь?

Тонъ его былъ почти презрительный, но я была слишкомъ встревожена чтобы принять это къ сердцу.

— Поступай какъ знаешь, Евстаеій, сказала я грустно.— Не все ли равно? Пока я лишена твоего довѣрія, гдѣ бы мы ни находились, на сушѣ или на морѣ, мы не можемъ быть счастливы.

— Мы могли бы быть очень счастливы еслибы ты способна была обуздать свое любопытство, сказалъ онъ рѣзко. — Я думалъ что я женился на женщинѣ свободной отъ пороковъ свойственныхъ ея полу. Добрая жена не стала бы мѣшаться въ дѣла мужа, въ такія дѣла до которыхъ ей нѣтъ никакого дѣла. Тяжело было стерпѣть это, однако я стерпѣла.

— Развѣ мнѣ нѣтъ дѣла до того что мужъ женился на мнѣ подъ чужимъ именемъ? возразила я мягко.— Развѣ мнѣ нѣтъ дѣла до того что мать твоя объявляетъ тебѣ что ей жаль твою жау? Не жестоко ли съ твоей стороны, Евстаеій, обвинять меня въ любопытствѣ за то что я не могу помириться съ невыносимымъ положеніемъ въ которе ты поставилъ меня. Твоя скрытность омрачаетъ мое счастье и угрожаетъ моему будущему. Твоя скрытность отчуждаетъ насъ другъ отъ друга въ самомъ началѣ нашей брачной жизни. И ты ставишь мнѣ въ вину что я принимаю это къ сердцу! Ты говоришь что я вмешиваюсь въ дѣла которыя не касаются меня. Она касаются меня, въ нихъ замѣшаны мои интересы. О, милый мой, зачѣмъ ты придаешь такъ мало значенія нашей любви и нашему довѣрію другъ къ другу? Зачѣмъ ты оставляешь меня въ неизвѣстности?

Онъ отвѣчалъ со строгою, безжалостною краткостью:

— Для твоей пользы.

Я молча отошла отъ него. Онъ третировалъ меня какъ ребенка.

Онъ послѣдовалъ за мною, онъ взялъ меня грубо за плечо и заставилъ повернуться къ нему опять.

— Выслушай меня, сказалъ онъ.—То что я скажу тебѣ сейчасъ, я скажу въ первый и въ послѣдній разъ. Знай, Валерія, что если ты откроешь когда-нибудь то что я скрываю отъ тебя, жизнь твоя сдѣлается пыткой. Ты не будешь знать покоя ни днемъ, ни ночью. Дни твои будутъ днями ужаса, ночи твои будутъ полны страшныхъ сновидѣнй, и не по моей винѣ, замѣть! не по моей винѣ. Съ каждымъ днемъ твоей жизни будетъ усиливаться твое недовѣрйе ко мнѣ, твой страхъ ко мнѣ, и эгимъ ты будешь оказывать мнѣ самую низкую несправедливость. Клянуся тебѣ моею вѣрой какъ христианинъ, клянусь тебѣ моею честью какъ человѣкъ, что если ты сдѣлаешь еще шагъ для открытйя истины, ты лишишь себя счастья на всю остальную жизнь. Обдумай хорошенько все что я сказалъ тебѣ, у тебя будетъ время на это. Я пойду сказать моему другу что мы раздумали воспользоваться его лотой и не вернусь раньше вечера.

Онъ вздохнулъ и взглянулъ на меня съ невыразимой грустью.

— Я люблю тебя, Валерія, сказалъ онъ.—Богъ свидѣтель что вопреки всему что произошло между нами, я люблю тебя болѣе чѣмъ когда-либо.

Съ этими словами онъ ушелъ отъ меня.

Я должна писать правду о себѣ какъ бы страшна она ни казалась. Я не берусь анализировать мои лобужденя, я не берусь угадать какъ поступали бы на моемъ мѣстѣ другя женщины, но я знаю что ужасное предостереженйе мужа, ужасное въ особенности по своей таинственности и загадочности, не произвело на меня устрашающаго дѣйствйя. Напротивъ, оно подкрѣпило мою рѣшимость открыть то что онъ скрывалъ отъ меня. Не прошло двухъ минутъ послѣ его ухода, какъ я позволила и приказала подать карету для того чтобъ отправиться къ майору Фатцъ-Девиду.

Хотя въ ожиданйи взадъ и впередъ по комматѣ,—въ моемъ лихорадочномъ возбужденйи я неспособна была сидѣть на мѣстѣ,—я случайно увидала себя въ зеркалѣ.

Мое лицо поразило меня, такъ оно было дико, такъ страшно. Могла ли я представиться въ такомъ видѣ незнакомому человѣку, могла ли я надѣяться произвести на него благоприятное впечатлѣнйе? Я позволила олять и приказала послать въ мою коммату одну изъ горничныхъ.

У меня не было собственной горничной; жена управля-

ющаго яхтой стала бы прислуживать мнѣ еслибы мы от-
правились въ море. Теперь же мнѣ необходима была помощь
женщины. Горничная явилась. Можете судить въ какомъ не-
нормальномъ, безпорядочномъ состояніи духа была я въ то
время: я не шутя обратилась за совѣтомъ насчетъ своей на-
ружности къ незнакомой служанкѣ. Она была женщина сред-
нихъ лѣтъ, съ лицомъ и манерами ясно выражавшими обшир-
ное знакомство со свѣтомъ и его слабостями. Я сунула ей въ
руку денегъ столько что удивила ее. Перетолковавъ по-сво-
ему причину побудившую меня подкупить ее, она поблагода-
рила меня съ циническою улыбкой.

— Чтѣ могу я сдѣлать для васъ, сударыня? спросила она
фамиллярнымъ шепотомъ.—Говорите теще, въ сосѣдней ком-
натѣ есть кто-то.

— Я хочу казаться какъ можно лучше и позвала васъ
чтобы вы помогли мнѣ, отвѣчала я.

— Понимаю, сударыня.

— Чтѣ вы понимаете?

Она многозначительно покачала головой и продолжала ше-
потомъ:

— Будьте покойны. Я опытна въ этихъ дѣлахъ. Вамъ пред-
стоитъ свиданіе съ какимъ-нибудь джентльменомъ. Не сердитесь
на меня, сударыня. Я всегда говорю прямо, но безъ
сакаго худаго умысла. Такова моя манера.—Она замолчала
и окинула меня критическимъ взглядомъ.—На вашемъ мѣстѣ
я не перемѣнила бы платья. Цвѣтъ идетъ къ вамъ.

Не время было сердиться на дерзкую женщину; я не могла
обойтись безъ ея помощи. Притомъ она была права насчетъ
платья. На мнѣ было платье нѣжнаго маисоваго цвѣта, кра-
сиво отдѣланное шелкомъ, и шло оно ко мнѣ какъ нельзя бо-
гѣе. Но прическа моя была въ большомъ безпорядкѣ. Гор-
ничная поправила ее съ быстротою и ловкостью показывав-
шими что парикмахерское искусство не было для нея но-
юстью. Отложивъ въ сторону гребни и щетки и взглянувъ
изъ меня, она начала осматривать туалетный столъ какъ будто
искала чего-то.

— Гдѣ они у васъ? спросила она.

— Чтѣ вамъ надо?

— Взгляните на цвѣтъ вашего лица, сударыня. Вы испу-
зете его если покажетесь ему въ такомъ видѣ. Вамъ необхо-
димо нарумяниться хоть немного. Гдѣ они у васъ? Какъ!

У васъ нѣтъ румянъ? Вы никогда не употребляете румянъ? Возможно ли?

Съ минуту она была внѣ себя отъ изумленія. Овладевъ собою она попросила у меня позволенія сходить въ свою комнату. Я отпустила ее, зная зачѣмъ она шла. Она вернулась съ коробкой румянъ и бѣдилъ, и я не сказала ничего чтобы помѣшать ей. Я видѣла въ зеркалѣ какъ кожа моя получила искусственную нѣжность, щеки искусственный румянецъ, глаза искусственный блескъ, и я не сказала ничего чтобы помѣшать этому. Нѣтъ! Я смотрѣла на отвратительную операцію спокойно, я даже восхищалась удивительнымъ искусствомъ съ которымъ она была сдѣлана. „Я покорюсь“, говорила я себѣ въ безуміи того несчастнаго времени, „я покорюсь всему что только можетъ помочь мнѣ овладѣть доверіемъ майора и открыть значеніе ужасныхъ словъ моего мужа“.

Гримировка моего лица была окончена. Горячая показала мнѣ лальцемъ на зеркало.

— Припомните, сударыня, сказала она,—какою вы были когда послали за мной и взгляните на себя теперь. Въ своемъ родѣ вы теперь красивѣйшая женщина въ Лондонѣ. О, эта жемчужная пудра дѣлаетъ чудеса когда умѣешь употреблять ее.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАХУДАЛЫЙ РОДЪ*

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА КНЯЗЕЙ ПРОТОЗАНОВЫХЪ.

(Изъ записокъ княжны В. Д. П.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Старое старится, молодое растетъ.

I.

Въ моей хроникѣ къ сожалѣнію неизбѣжны нѣкоторые про-
мы, особенно въ томъ ея періодѣ къ которому я присту-
ю. Въ объясненіе причины многихъ происшествій этой
ры я не имѣю точныхъ указаній и могу судить о нихъ
лько по соображеніямъ и догадкамъ. Впрочемъ я такъ
лько знаю тѣхъ о комъ говорю что не могу сдѣлать гру-
тъ промаховъ въ моемъ разказѣ, который буду продол-
тъ съ того: какъ повела себя княгиня Варвара Никаноровна
Петербургѣ, гдѣ мы ее оставили въ концѣ первой части
и хроники, любующеюся преобразованнымъ по ея мысли
и хитомъ Рогожинымъ.

(помню опять что это было наканунѣ дня когда бабушка
кня была принята изъ рукъ институтскихъ воспитателей

См. Русск. Вѣст. № 7 и 8ѣ.
т. смн.

свою дочь, княжну Анастасію, съ которою, какъ я уже прежде разказала, взаимныя отношенія ихъ были нѣсколько расхоложены сначала взаимнымъ отчужденіемъ и отвычкою, а потомъ пренебрежительнымъ обхожденіемъ княжны съ людьми которыхъ послала къ ней мать.

Княгиня переживала въ это время самыя тяжелыя ощущенія: горячая душа ея не могла не мучиться отъ сознанія что она мало любитъ дочь, или по крайней мѣрѣ не любитъ ея столько сколько бы хотѣла. Но любовь, какъ извѣстно, дается и пріемлется туе, и если ея нѣтъ, то ее взять негдѣ. Впрочемъ я увѣрена что скорбь эта была напрасна: бабушка себя сочла что она мало любитъ свою дочь, а на самомъ дѣлѣ было иначе. Но какъ бы это ни было, ожидая дочь, княгиня постоянно находилась въ мукахъ недовольства собою и во все это время была мрачна и противъ своего обыкновенія даже настолько не приветлива что не обратила на дьяковицу и Донкихота того вниманія какимъ эти люди у нея всегда пользовались и на которое они, какъ надо бы думать, получили еще болѣе права послѣ новаго, оригинальнаго доказательства своей безграничной ей преданности. Варвара Никанорова умѣла цѣнить эти вещи, но на сей разъ не оцѣнила: недовольная самою собою княгиня ограничилась тѣмъ что полюбовавшись преобразованнымъ Донкихотомъ, отослала гостей отдыхать въ назначенныя имъ комнаты, а сама опять предалась заботамъ о приготовленіи дома ко встрѣчѣ княжны. Эти хлопоты начались давно, но имъ не было конца и къ самому послѣднему дню; княгинѣ безпрестанно мерещилось что она *мало любитъ дочь* и мучимая этимъ призракомъ своего воображенія она всячески старалась замѣнить укоряющій ее недостатокъ любви заботливостью о благѣ и вѣнчаніи счастіи дочери. Она хотѣла окружить княжну самою нѣжною заботливостью и вѣншними ласками. Ольга Федотовна говорила что бабушка цѣлые дни была на ногахъ, а если садилась из минутку, то сейчасъ же задумывалась и потомъ тревожно спрашивала:

— Ольга!... хорошо ли?... ты смотри чтобъ ей не показалось что мы ее мало любимъ....

И княгиня опять стояла у всякаго обойнаго швура, у каждаго гвоздика, и все примѣняла на свой глазъ, все попробовала своею рукой. Въ старинномъ домѣ, полномъ богатой утвари Екатерининскаго времени, нѣсколько комнатъ было отдѣлано заново; покои назначенные для княжны были убраны скромно,

какъ княгиня находила приличнымъ для молодой дѣвушки, но все это было сдѣлано изящно и въ тогдашнемъ новомъ вкусѣ: свѣтлый дѣвственный, собранный въ буфы, ситецъ замѣнилъ здѣсь прежній тяжелый штофъ, который сняли и свесли въ кладовыя, масляныя картины извѣстныхъ старинныхъ мастеровъ, но нѣсколько пластическихъ сюжетовъ, тоже были убраны и замѣнены дорогими гравюрами и акватинтами въ легкихъ рамахъ чернаго дерева съ французскою бровзой; старинные тяжелые золоченые кровштейны уступили свое мѣсто другимъ легкимъ и веселымъ изъ севрскаго фарфора, мѣсто золоченаго обруча съ кулидонами который слускался съ потолка и въ который вставлялись свѣчи, повѣсили дорогую саксонскую люстру съ прекрасно выполненными изъ фарфора гирляндами пестрыхъ цвѣтовъ. Словомъ, все обновили, даже массивный киотъ съ дорогими отеческими иконами былъ перенесенъ въ собственные бабушкины покои, — и замѣненъ простымъ, хотя очень дорогимъ Распятиемъ изъ чернаго дерева и слоновой кости. Оно было повѣшено въ слегка драпированной нишѣ и освѣщенное блѣднозеленою лампадой нѣломивало о себѣ слегка и не сразу. Словомъ, все было приготовлено такъ какъ наиболѣе могло нравиться дѣвушкѣ получившей совсѣмъ новое воспитаніе и усвоившей вкусъ и привычки совсѣмъ не тѣ какія имѣла ея мать. Нѣтъ сомнѣнія что еслибы княгину не томилъ мысль что она мало любитъ дочь, то она встрѣтила бы княжну гораздо проще и не заботилась бы такъ много о всѣхъ мелочахъ, которыя не имѣютъ особой цѣны при большомъ благѣ даруемомъ любовью. Но и этого мало: не зная чѣмъ себя успокоить княгиня готова была для дочери и на жертвы: она старалась подавить въ себѣ многія свои привычки и даже преодолѣвъ все свое отвращеніе отъ столичной жизни рѣшилась не уѣзжать въ Протозаново, а жить въ Петербургѣ. Кто помнитъ какъ сильна была въ ней привычка къ деревнѣ, тотъ долженъ сознаться что эта женщина умѣла себя переламывать. Но это даже была не ломка, а что-то гораздо большее: на участливый вопросъ дьяконицы, гдѣ думать княгиня жить и когда возвратиться въ Протозаново, бабушка отвѣчала:

— Богъ вѣсть, я ничего не знаю... Это все будетъ какъ Настенька захочетъ.

Изъ этого отвѣта можно было заключить что княгиня какъ бы находила удовольствіе подчинять обстоятельства желаніямъ

дочери. Вечеромъ, наканунѣ прїѣзда дочери, княгиня даже обратилась за столомъ къ Патракїю чтобъ онъ простилъ княжѣ Анастасію что она была къ нему когда-то не вѣжлива.

Старый слуга сконфузился и сквозь слезы отвѣчалъ:

— Матушка, ваше сіятельство, помилуйте!..

— То-то: она тогда была молода...

И затѣмъ было въ этомъ же родѣ слово къ Рогожину:

— Благодарю тебя, Доримедонтъ Васильевичъ, что ты не утерпѣлъ и прилетѣлъ сюда навѣстить меня вдалекѣ отъ гвѣзда, но здѣсь сдѣлай милость... Завтра моя дочь прїѣдетъ: она, можетъ-быть, и не такъ проста какъ мы съ тобой, ты не ставь ей всякое лычко въ строчку...

— Понимаю, отвѣчалъ Рогожинъ.

— Если тебѣ что въ моей дочери не понравится, сдѣлай милость свеси, или прежде мнѣ скажи.

— Да и говорить не стану, я и такъ свесу, отвѣчалъ Рогожинъ.

— Благодарю тебя, ей надо снисходить,—вѣдь она мало людей видѣла.

— Ну да разумѣется: вы не безлокойтесь, я не обижусь.

Только Ольгѣ да Марьѣ Николаевнѣ не было никакихъ предупрежденій,—на нихъ вѣрно и безъ того полагались.

И вотъ послѣ всѣхъ этихъ предуготовленій и предувѣдомленій совершилась входъ княжны Анастасіи въ родительскій домъ, гдѣ ее ожидала такая заботливая вѣжливость и стараніе забыть прошлое и любить ее какъ можно болѣе. Ольга Федотовна никогда не хотѣла распространяться о томъ какъ это было.

— Привезли, говорила она,—какъ должно княжну въ каретѣ, на крыльцѣ ее свои люди встрѣтили, а въ залѣ ихъ обѣихъ священникъ благословилъ, и только тѣмъ княжна немножко въ этотъ день себя сконфузила что спросила Доримедонта Васильича какія онъ штуки умѣетъ представлять? Однако и это обошлось хорошо: онъ свое слово княжнѣ сдержалъ и не обидѣлся, а взялъ да ей на картахъ два фокуса показалъ, а потомъ кольцо съ завязаннаго шнурка спустилъ, а послѣ ей княгиня разказала что это, говорятъ, мой другъ, дворянинъ и очень благородный, а совѣтъ не фокусникъ.

II.

Рѣшась не увозить только-что взятую изъ института дочь въ деревню, княгиня должна была сдѣлать съ княжною нѣсколько визитовъ двоюроднымъ сестрамъ своего покойнаго мужа и нѣкоторымъ его старымъ свѣтскимъ пріятелямъ,— тѣ, въ свою очередь, разумѣется отдали бабушкѣ эти визиты, и реставрированныя такимъ образомъ знакомства въ самое короткое время поставили ея домъ на полуоткрытую ногу. Вначалѣ кругъ этотъ былъ довольно ограниченъ, но одно обстоятельство его скоро раздвинуло далеко за тѣ предѣлы которыхъ предпочитала держаться княгиня Варвара Никанорова.

На институтокъ тогда существовалъ взглядъ далеко не похвальный на нынѣшній: ихъ считали дѣвцами блестяще образованными и воспились съ ними какъ ни вѣсть съ какими знаменитостями. Вслѣдствіе этого явилась затѣя списать съ нѣкоторыхъ дѣвицъ того выпуска къ которому принадлежала княжна большіе портреты масляными красками. Это предположено было исполнить очень пышно и затѣливо: портреты должны были служить вмѣсто картинъ которыми предполагалось украсить одну изъ залъ локровительницы заведенія. Портреты было поручено сдѣлать извѣстному автору *Мариумъ*, изащному Кипренскому. Этотъ превосходный художникъ тогда былъ въ большой модѣ и горячѣ чѣмъ когда-нибудь преслѣдовалъ свою мысль для полнаго выраженія жизни въ портретахъ писать ихъ съ такою законченностію чтобы въ тщательной отдѣлкѣ совѣмъ скрывать движенія кисти и спасать колера красокъ въ неуловимые переходы. Молодые лица дѣвицъ какъ нельзя болѣе отвѣчали этой задачѣ, и художникъ взялся за эту работу со всею отличавшею его страстностію. Прежде чѣмъ начались сеансы, Кипренскому предстояло обдумать планъ какъ выгоднѣе размѣстить изображенія дѣвицъ на нѣсколькихъ полотнахъ. Это надо было расположить сообразно ихъ наружности и условіямъ искусства. Нѣкоторыхъ дѣвицъ предполагалось изобразить по одной, каждую порознь, а другихъ для придаванія картинамъ большаго разнообразія нарисовать въ группахъ. Для того чтобы художникъ могъ удобнѣе сообразить какъ ему распорядиться, дѣвицъ свозили

вмѣстѣ въ одинъ изъ большихъ домовъ, гдѣ имъ были такъ-сказать художественныя смотрины, обратившіяся въ своего рода довольно изящное торжество. Дѣвицы сѣзжались въ сопровожденіи своихъ матерей, изъ которыхъ многія и сами тогда еще были довольно молоды и всѣ принадлежали къ тогдашнему большому свѣту. Два поколѣнія женщинъ, изъ которыхъ одна еще не отжили, а другія только начинали жить; роскошныя туалеты первыхъ и легкіе дѣвственныя уборы вторыхъ; богатый залъ и таинственныя боковыя локон, гдѣ нарочно на этотъ случай привезенныя гардеробныя служанки производили, по требованіямъ художника, необходимыя перемѣны въ нарядахъ молодыхъ красавицъ—все это придавало собранію самый живой и интересный характеръ. Подрумяненный, въ лышной куафюрѣ, Килренскій распорядился всѣмъ, не безъ афектаціи, и многія сановныя и важныя лица въ лентахъ и звѣздахъ искали у него чести пожать на эти смотрины. Килренскій былъ скупъ на раздачу этихъ дозволеній, но графъ Функендорфъ, знавшій еще отца портретиста, крѣпостнаго человѣка Адама Швальбе, находился здѣсь въ числѣ избранныхъ.

Бабушка разумѣется тоже была на этихъ собраніяхъ съ дочерью и съ Ольгою Федотовной, которая находилась въ гардеробныхъ комнатахъ. Результатомъ перваго же изъ этихъ сѣздовъ было то что княгиня совсѣмъ противъ желанія попала въ очень большой кругъ знакомствъ, имѣвшихъ то необыкновенное начало что здѣсь не родители знакомили дѣтей, а дѣти сводили и сближали своихъ родителей.

Благодаря всему этому княгиня Варвара Никаноровна не успѣла оглянуться, какъ опять очутилась *въ свѣтъ*. Свѣтъ однако, какъ и можно было ожидать, бабушкѣ не показался: съ тѣхъ поръ какъ она его оставила, свѣтъ успѣлъ нѣсколько измѣниться и вѣроятно не совсѣмъ къ лучшему. По крайней мѣрѣ такъ казалось Варварѣ Никаноровнѣ. Княгинѣ разумѣется прежде всего не нравилось что люди изъ общества ревниво особидись ото всего остальнаго міра и старались какъ можно менѣе походить на Русскихъ.

— Это дѣло самое глупое, говорила княгиня:—черезъ это-кое легкомысліе Нащокинъ при Алексѣѣ Михайловичѣ самъ своего сына съ толку сбиль и Салтыковыхъ дѣти олодичились. Надо свой обычай уважать заставить, а не чужому подражать.

Не нравилась княгинѣ и тогдашняя воинственная завосчивость, рядомъ съ которой шло раболѣпство предъ Аракчеевымъ, не нравились ей и узкіе патріоты, и тогдашніе космополиты.

Не могли не занимать княгиню и явленія религіознаго свойства, которыхъ тогда было не мало. Тогдашнее высшее русское общество не равнодуствовало къ религіознымъ вопросамъ и они подвергались разбору по большей части или подъ вліяніемъ французскаго вольтеріанизма, или подъ вліяніемъ мистическихъ теорій и масонства. Обсужденіемъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ, требовавшихъ глубины богословскаго и философскаго образованія, занимались люди самаго легкаго свѣтскаго воспитанія и отъ того неудивительно что въ результатъ изъ школы поклонниковъ Фернейскаго пустыника распространялся матеріализмъ (который не былъ такъ грубъ какъ нынѣшній, только потому что люди ему предававшіеся были воспитаннѣе), а наши франкъ-масоны во всемъ своемъ ученіи не видали ничего кромѣ обрядовъ, изъ которыхъ устраивали свою „высшую религію“, на что, какъ извѣстно, настоящее масонство вовсе не претендовало.

О вольтеріанцахъ бабушка не полагала никакого своего мнѣнія, потому что невѣрующіе, по ея понятіямъ, были люди „у которыхъ смыслъ жизни потерявъ“, но и масоновъ она не жаловала, съ той точки зрѣнія чего де они все секретничаютъ? Если они любовь къ ближнему имѣютъ, такъ это дѣло не запретное: вынь изъ кармана, подай да иди съ Богомъ своею дорогой, вотъ было ея не хитрое правило.

Но всего болѣе не нравилось княгинѣ любопытство съ которымъ мистики старались засматривать за завѣсы великихъ тайвъ: бабушка и не вѣрила что они тамъ что-нибудь видятъ и сердилась.

— Можно ли де объ этомъ говорить? Что тамъ отъ нашихъ глазъ спрятано, того не увидишь да и не нужно: пока я въ этомъ мірѣ человѣкомъ живу, мнѣ дана заповѣдь какъ жить, а что послѣ будетъ, то никому неизвѣстно. Одно полагаю: кто человѣкомъ бывши своего достоинства не бережетъ, того хоть и ангеломъ сдѣлай, онъ и ангельское потеряетъ.

Былъ въ то время въ Петербургѣ еще одинъ кружокъ съ религіознымъ же настроеніемъ въ самомъ узкомъ смыслѣ: люди этого кружка не имѣли радѣній и не обнаруживали прозелитизма, а имѣли у себя „благодѣтельница“, къ которой рев-

водали всѣхъ. Благодѣтельница эта была старая дѣвица, графиня Олимпіада Павловна Хоботова, она доводилась Протозановымъ сродни и бабушка ее знала и не любила. Хоботова, набожность которой развилась подъ вліяніемъ одного тяжелаго семейнаго воспоминанія, любила казаться отчужденною отъ всѣхъ дѣлъ міра, въ которыхъ она, какъ говорила, ничего не понимаетъ. Она только ѣздила по монастырямъ, на которые и тратила свое почти можно сказать несмѣтное богатство. Ею было возстановлено множество обѣдѣвшихъ обителей; много мощей ея средствами были переложены изъ скромныхъ деревянныхъ гробницъ въ дорогія серебряныя раки и въ этомъ кажется и заключалась вся ея христіанская добродѣтель. Живо-му, дѣятельному христіанскому духу бабушки этотъ способъ благотворенія не казался наилучшимъ, тѣмъ болѣе что будучи сосѣдкою по имѣніямъ съ Хоботовою княгиня знала что хоботовскіе крестьяне находятся въ большомъ раззореніи.

Бабушка находила что „это ни съ чѣмъ не сообразно“ и избѣгала встрѣчи съ этою своею родственницею.

— Богъ съ ней, разсуждала она: — она, говорятъ, святая, а я сама знаю что я грѣшная и нетерпѣливая, встрѣчусь, чего добраго, не вытерплю и про крестьянъ заговорю, потому что это безбожно.

Но графиня Олимпіада Павловна, долго ждавъ бабушкинаго визита, вдругъ возымѣла побужденіе смирить себя предъ невѣжливою родственницею до униженія. Она прислала къ бабушкѣ одну изъ своихъ адъютантшъ въ каретѣ съ просьбою отлустить къ ней для свиданія княжну Анастасію, или если ей въ этомъ будетъ отказано, то назначить ей время когда она сама можетъ пріѣхать повидаться съ племянницею.

Бабушка поняла соль этой выходки, въ которой подъ видомъ смиренія ей преподавался урокъ вѣжливости, она отслала карету назадъ и приказала сказать графинѣ что сама привезетъ къ ней дочь.

III.

На другой день это было исполнено, княгиня съ матерью была у Хоботовой и визитъ обошелся благополучно, если не считать что на ежечасныя повторенія Хоботовой княжнѣ совѣта, „помнить Бога и молиться Ему“, бабушка добавляла

свои совѣты любить ближняго, быть готовымъ на помощь всякому требующему помощи, не гордиться, не чваниться, не превозноситься въ благопріятныхъ обстоятельствахъ и не падать духомъ въ противныхъ.

— Безъ добрыхъ дѣлъ и молитва не пользуется.

— Мы здѣсь на землѣ путешественники, внушала графиня,— и живемъ не для наслажденій, надо себя умѣть сдерживать, поститься.

— Да; поддерживала бабушка,—умѣренность большое дѣло: счастливъ одинъ умѣренный, но только не отъ мяса одного болѣе надо удерживаться. Это малый постъ, а надо во всемъ быть умѣренною и главное о другихъ помнить.

— О храмѣ Божиѣмъ.... Эта наша обязанность.

— О людяхъ нуждающихся.... Это тоже наша первая обязанность: Христось обѣщаль не забыть чашу студеной воды которую подадимъ.

Графиня посмотрѣла на бабушку и замолчала.

Черезъ день Хоботова сама пріѣхала отдать Варварѣ Никаноровнѣ визитъ и просила ее отпустить съ нею княжну къ какому-то скиммику.

Бабушка этому воспротивилась: она уважала людей съ высшимъ призваніемъ и сама ѣздила въ Олтиву пустынь къ Маркію, котораго считала прозорливымъ, но для молодой дѣвочки она вѣроятно считала это равносмысленнымъ.

По этому поводу произошелъ разговоръ послѣ котораго Хоботова стала повсюду порицать бабушку за невѣріе. Предоставляю всякому судить сколько справедливаго заключало въ себѣ это порицаніе, но оно было отнюдь не несправедливѣе другихъ порицаній которымъ бабушка подверглась со стороны своихъ религіозныхъ возрѣвій: ея знакомые вольтеріанцы называли ее „попадѣй“ и „московскою просвирней“, а хавжи съ ужасомъ шептали что даже сомнительно „вѣрить ли она въ Бога“.

И среди такихъ-то толковъ о самой княгинѣ возникалъ вопросъ: каково съ нею жить ея бѣдной дочери, молодой дѣвочкѣ, еще почти ребенку, воспитанному совсѣмъ въ цвѣтхъ лонятіяхъ?

Болѣе всѣхъ этимъ занималась Хоботова: ея это ближе всѣхъ касалось какъ родственницы, и какъ христіанки: она безпрестанно твердила:

— Я ничего не могу представить ужаснѣе положенія ребенка

котораго прямо изъ дома полнаго страха Божія отдають ужаснымъ матерямъ въ родѣ княгини Барбары Никаноровны, у которой ни Бога, ни религіи и никакихъ правилъ.... Я не знаю, какъ правительство на все это смотритъ, а по моему жить съ княгинею Протозановою ужасно.

Противъ этого никто не возражалъ, потому что въ этомъ всѣ болѣе или менѣе были согласны съ Хоботовой.

На княжну Анастасію начали смотрѣть съ сожалѣніемъ и выражать ей нѣжнѣйшую участливость, которая должна бы казаться ей обидною, еслибъ она понимала ея смыслъ и значеніе.

Княжнѣ старались внушить что она несчастна, и княжна наконецъ это поняла; но она никому не жаловалась на мать: она только нѣжилась когда о ней соболѣзновали.

Бабушка при всей своей проицательности этого не замѣчала: она была такъ честна что не могла подумать чтобы кому-нибудь могла придти въ голову сатавинская мысль вооружать дитя противъ матери. И изъ-за чего, и для чего все это дѣлалось? Кажется единственно изъ-за того что общество, начинавшее утрачивать свой простой, здоровый идеалъ, не могло переносить лица съ умомъ яснымъ и характеромъ твердымъ и открытымъ.

Между тѣмъ громадная разниа въ воспитаніи и взглядахъ матери и дочери сказывалась на каждомъ шагу: княжна по самой молодости своихъ лѣтъ оставалась совершенно безучастною ко всему что занимало ея мать и вовсе ее не понимала. Даже болѣе: поскольку княжна сознавала разниа между своею матерью и матерями другихъ своихъ сверстницъ и подругъ, то всѣ эти сравненія выходили не въ пользу княгини. До строгости чинный домъ бабушки, ея всегда умал и обстоятельная рѣчь, ея всегдашняя требовательность отъ человѣка ответственности за всѣ слова и поступки и собственная готовность къ отвѣту за всякое свое дѣйствіе, дѣлали общество матери для княжны тяжелымъ и скучнымъ.

Начавъ замѣчать что точно также всѣмъ этимъ тяготатся и другіе, молодецкая княжна мало-по-малу утверждалась въ мысли что она права, потому что ея мнѣніе о матери находится въ согласіи со всеобщимъ мнѣніемъ о княгинѣ.

Въ свѣтъ однако знакомствомъ бабушки дорожили: извѣстно что свѣтъ въ этомъ отношеніи похожъ на суетную женщину, которую чѣмъ меньше любятъ, тѣмъ легче ей нравятся.

Въ свѣтъ знали что княгиня ни у кого ничего не ищетъ и потому тамъ ее искали и собирались ѣсть за ея столами и потомъ сплетничать о ней, какъ о чудацкѣ, о женщинѣ рѣзкой, безпокойной, и пожалуй даже немножко *опасной*. Неправедливо было бы сказать что всѣ эти толки не имѣли никакого основанія: княгиня въ Петербургѣ была все та же—она продолжала и здѣсь имѣть свои мнѣнія, далеко не согласныя съ мнѣніями большинства, не по однимъ вопросамъ религіознаго свойства. Бабушка, какъ я сказала еще въ самомъ началѣ моей хроники, очень уважала свободу сужденій, ибо находила что „въ затиши деревья слабокоренны“.

— Нельзя де чтобы всѣмъ одинъ порядокъ правился: черезъ многіе умы свѣтъ идетъ, говорила она. Но любя во всемъ основательность княгиня не уважала мечтательныхъ утопій и не могла оставлять безъ возраженій легкомысленности съ какою многіе тогда судили объ устройствѣ общества, подъ вліяніемъ взглядовъ вычитанныхъ изъ нѣсколькихъ иностранныхъ книжекъ.

Ея рѣчи не нравились тогдашнимъ либераламъ; но не болѣе имѣла она согласія и съ тогдашними консерваторами: въ этихъ кружкахъ тогда было большое киченіе дворянскими заслугами отечеству во время Наполеонова нашествія. Бабушка же находила что дворянамъ этимъ никакъ не пристало кичиться.

— Свое де дѣло сдѣлали и больше ничего; въ сію пору *всѣ* жертвовали, и мужики мѣстами больше дворянъ пострадали.

Многихъ тогда щекотало чрезмѣрное увеличеніе дворянства, которое легко пріобрѣталось самыми небольшими чинами.

— Разночинецъ въ гору лѣзетъ, говорили старые дворяне, указывая на нѣкоторыхъ людей новаго дворянства пріобрѣвшихъ въ это время силу и значеніе.

— Что же дѣлать, отвѣчала княгиня:—въ этомъ вы сами виноваты: плохо учите своихъ дѣтей. Хорошенько учите, чтобъ они не родомъ славились, а сами родъ прославляли, такъ разночинецъ васъ не одолѣетъ, а не то одолѣетъ.

И при этомъ зная что у всѣхъ такимъ образомъ разсуждавшихъ на умѣ былъ лавшій Сперанскій, смѣло добавляла:

— Что же, и разночинцы не всѣ плохи: я напримѣръ Михайлѣ Михайловичу Сперанскому, хоть онъ изъ семинаристовъ и теперь не въ милости, кланяюсь, потому что онъ того достоинъ.

У Сперанскаго тогда было много враговъ и упоминаніе его

имени съ такимъ почтеніемъ не только не могло быть пріятно, но было и не безвредно для того кто его такъ поминалъ; но для бабушки это было все равно: она привыкла къ независимости своего положенія и своихъ сужденій. Уважая родъ какъ преемство извѣстныхъ добрыхъ преданій, которыя, по ея мнѣнію, должны были служить для потомковъ побужденіемъ беречь и по мѣрѣ силъ увеличивать добрую славу предковъ, княгиня отнюдь не была почитательницею породы и даже довольно вульгарно выражалась что „плохаго князя и телата брыкають: горе тому у кого имя важнѣе дѣлъ его“.

Въ нѣкоторыхъ тогдашнихъ свѣскихъ кружкахъ были возмущены неровнымъ бракомъ графа Николая Петровича Шереметева и весьма часто позволяли себѣ злословить графиню Прасковью Ивановну, которую бабушка знала съ отличной стороны и любила со всею горячностію своей благородной натуры.

Дѣло заключалось въ томъ что графъ Николай Петровичъ Шереметевъ въ 1801 году женился на своей крѣпостной дѣвухѣ Прасковьѣ Ивановнѣ Кузнецовой, прозвище которой передѣлали въ „Ковалевскую“ и говорили будто она происходила изъ польской шляхты и была записана въ крѣпость Шереметевыхъ незаконно. Къ этому обстоятельству отъ нечего дѣлать не переставали возвращаться при каждомъ удобномъ случаѣ и достойную уваженія графиню въ глаза чествовали, а за глаза звали „Парашкою“.

Бабушка этого рѣшительно не могла переносить.

— Да, говорила она,—что графиня Прасковья Ивановна польская шляхтянка и незаконно будто была въ крѣпость Шереметевыхъ записана, это не правда. Это вотъ съ женою Доримедонта Рогожина такъ было, а Прасковья Ивановна была настоящая крестьянка и про нее и лѣсенка сложена: „вечоръ поздно изъ лѣсочка я коровъ домой гнала“, а что графиня Прасковья, помимо своей неопытной красоты, ума и добра, и званія своего вполнѣ достойна, это правда. По ея мысли графомъ страннопріимный домъ въ Москвѣ выстроился и добра людямъ много дѣлается. Это, воля ваша, лучше чѣмъ только съ визитами ѣздить, и дай Богъ намъ побольше женщинъ съ такимъ сердцемъ какъ Прасковья Ивановна.

Княгиня умѣла держаться скромно и благородно даже по отношенію къ ладшимъ врагамъ своего рода: въ то же самое

время когда въ Петербургѣ злословили графиню Прасковью Ивановну Шереметеву, бывшій французскій посланникъ при Русскомъ дворѣ, графъ Нельи, описалъ за границею князя Платона, къ которому свекоръ княгини, князь Яковъ Протозановъ, „въ домъ не ѣздилъ, а кланялся только для courtoisie“. Графъ Нельи повосилъ Зубова и прямо писалъ о немъ что „онъ богатъ какъ Крезъ, а надмѣненъ какъ индѣйскій пѣтухъ, но не стыдился жить во дворцѣ на всемъ на готовомъ и такъ пресыщался что столъ его, да Салтыкова съ Браницкимъ обходился казвѣ въ день четыреста рублей“, что по тогдашней цѣнѣ денегъ разумѣется была сумма огромная.

Бабушка, не вынесшая изъ всѣхъ преданій своей семьи никакого особаго уваженія къ князю Платону, гнушалась однако вторить этому памфлету, а когда къ ней съ нимъ приставали, то она дѣлливо и какъ бы нехотя отвѣчала:

— Ну да; я знаю... Какъ же... Князь Платонъ... въ большой силѣ былъ ... Знаю: онъ былъ женатъ на Ееклѣ Игнатьевнѣ, только у нихъ дѣтей не было: одна дѣвчонка было родилась, да и умерла во младенчествѣ; а больше такъ и не было... А Нельи... я про него тоже слышала: ужасный былъ подлиза и предъ Платономъ пресмыкался. Я его книги читать не хочу: все вретъ чай... изъ зависти что тотъ вкусно ѣлъ.

Такъ противны были ея благородному характеру всякія глазныя злорѣчія о людяхъ, которыхъ когда-то боялись и пресмыкались предъ ними тѣ самые что теперь надъ ними издѣвались, подлзясывая подъ дудку развязнаго иностранца.

Показно что во всѣхъ такихъ рѣчахъ и мнѣніяхъ княгини было много неприятнаго для общества, которое считало все несогласное съ нимъ мнѣніе за дерзость.

IV.

Говоря объ отношеніяхъ моей бабушки къ обществу, я могла упомянуть еще объ одномъ свѣтскомъ кружкѣ, едва не самомъ обширномъ и самомъ для нея неприятомъ: это были проживавшіе въ столицѣ праздные люди, не имѣвшіе никакихъ другихъ задачъ кромѣ того чтобы принадлежать къ вѣту. Эти люди принадлежали къ новому, а иногда и къ ста-

рому дворянству, но не къ *знати*: знать имъ въ прежнее время покровительствовала, за то на равную съ собою ногу не ставила. Теперь это начало мѣшаться: въ обществѣ помимо знати первой руки образовалось новое наслоеніе, появляемо и чрезвычайно быстрому размноженію котораго способствовали двѣ причины: открытіе кредитныхъ учрежденій, гдѣ дворяне получили возможность закладывать свои имѣнія, и сокращеніе сроковъ на ассессорскій чинъ дававшій право на дворянство. Призаявъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ денегъ подъ залогъ своихъ деревушекъ и пріѣхавъ на зиму въ городъ, эти аристократы второй руки сами впрочемъ чувствовали что они что-то не настоящее, и увивались предъ остатками *старой знати*. Старая же знать ихъ, разумѣется, не уважала и потихоньку отталкивала, но именно такъ потихоньку чтобы тѣ все-таки дѣлали: это было нужно для чванства. Люди „имѣла которыхъ были славнѣе ихъ дѣла“ любили почетъ и охотно окружали себя *людьми искательными*.

Это теперь совсѣмъ почти позабытое слово тогда было въ большомъ ходу: „искательность“, доходившая до самаго униженнаго пресмыкательства, ставилась въ заслугу человѣку и перѣдко открывала ему дорогу къ почестямъ. Новая аристократія въ этомъ преуспѣвала, старая знать принимала эти знаки рабства. Тѣмъ и другимъ инаго нечего было желать: ратнаго поля не было, а дома уже не сидѣлось. Въ деревняхъ оставались отслужившіе израненные воины Двѣнадцатаго Гола или такъ-называвшіеся тогда „грузинскіе ассессоры“, то-есть новые дворяне получавшіе въ Грузіи ассессорскіе чины по сокращенному сроку и приобретавшіе затѣмъ мелкопомѣстныя имѣньяца. Новыхъ большихъ дворянскихъ маестностей не возникало. Жалованье населенными имѣньяни прекратилось еще въ 1801 году: Екатериною было уже все роздано. Помѣщики средней руки охотно должны и жили не по средствамъ. Непривычныя къ расплатамъ, эти новые *аристократы*, которыхъ тогда за глаза называли „должниками“, брали займы мало думая или лучше сказать совсѣмъ не думая объ отдачѣ. На первый взглядъ это казалось очень льготно, и число дворянъ получившихъ такимъ образомъ средства жить болѣе или менѣе открыто быстро увеличивалось, но это была состоятельность самая обманчивая. Вслѣдъ за симъ непременно можно было предвидѣть близкія раззоренія: такъ оно и пошло, обидявшіе дворяне шли въ

приказные, состоятельные приказные опять поднимались въ дворяне: богатые сыновья прасоловъ и откущиковъ ѣздили курортить въ Грузію и вывозили себя оттуда ассессорство. Россійское дворянство въ одно и то же время и росло, и цвѣло, собиралось колоситься и... уже вяло. Столы и вечера утрачивали свой прежній нѣсколько окаменѣлый, тяжелый характеръ, собранія становились оживленнѣе, но едва ли достойнѣе: завелось „подшучиванье“, котораго любимыми жертвами были нѣкоторые изъ попавшихъ въ аристократію приблудниковъ. Поистинѣ трудно вѣрить тому что эти люди иногда переносили единственно за то чтобъ ихъ лускали въ дома *знати*.

Тогда въ свѣтѣ жили не лонинѣшнему: появившіеся въ послѣдствіи времени *козѣры* тогда или вовсе не были извѣстны, или ихъ по просту называли „болтунами“ и держали въ презрѣніи въ родѣ извѣстнаго героя Грибоѣдовской комедіи Загорѣцкаго. Тогда собравшись въ домъ или танцовали до уладу или занимались такъ-называемыми „играми“, изъ которыхъ многія требовали отъ участниковъ и ума и нѣкоторой образованности.

Приблудники обыкновенно были злополучными жертвами этихъ игръ: одинъ изъ нихъ напримѣръ никакъ не могъ сказать „три правды и три неправды“; другой, обязанный указать три вещи царства растительнаго и три царства животнаго, относилъ къ царству *растительному* свои волосы потому что они растутъ, и т. п.

Надъ ними хохотали, но они обнаруживали большую терпѣливость и переносили все, лишь бы только имѣть право хвастать что принадлежать къ свѣту. Я слышала отъ бабушки бездну анекдотовъ этого рода, въ которыхъ съ обстоятельностью уломинивались имена „приблудниковъ“ выѣзшихъ въ дворяне благодаря „компанейству“ князей Куракина, Юрія Долгорукаго, Сергѣя Гагарина.

Такъ бабушка сказывала мнѣ что нѣкто изъ семьи, кажется, Походяшевыхъ, стыдясь своего происхожденія, упросилъ одного шалуна (которому давалъ взаймы деньги) сочинить ему исторію о его будто бы коренномъ дворянскомъ происхожденіи. Тотъ взялся за это дѣло и научилъ приблудника приписывать своей роднѣ извѣстное „жалованье“ Дмитрія Тимошеевича Трубецкаго отъ царя Михаила „за многія службы и за радѣнія и за промышль, и за правду, и за кровь“.

Прибыльщику это понравилось, но показалось мало, и онъ самъ присочинилъ себѣ еще что будто царевна Софія отрубилла его предку голову за вѣрность Петру Великому, и что казенный взялъ будто свою отрубленную голову, поцѣловалъ ее и сказалъ: „отнесите ее моему законному государю“.

Одинъ, не помню фамилію, не пропуская случая втираться въ свѣтскіе дома. Благодаря своимъ компанейщикамъ, онъ цѣною немалыхъ, какъ говорили, жертвъ, добился того что его пригласили участвовать въ любительскомъ спектаклѣ, съ востоящими свѣтскими людьми; но роль ему дали самую ничтожную, выходную,—роль лакея безъ словъ.

Это конечно было не очень деликатно, однако искательный свѣтскій неофитъ отъ своей роли не уклонился и показывалъ что онъ этимъ не обижается. Онъ только у всѣхъ спрашивалъ: какъ ему держать себя чтобы болѣе походить на лакея?

— Не затрудняйтесь этимъ, отвѣчалъ ему кто-то, кому онъ надобно съ своими вопросами:—держитесь какъ вы есть и вы будете совершенно то что должны представить.

Прибыльщикъ обидѣлся и отказался отъ пьесы. Тогда кто-то предложилъ ему роль въ пьесѣ которая шла въ тотъ же спектакль на французскомъ языкѣ.

— Нѣтъ; отвѣчалъ обиженный,—я не хочу: я по-французски разумѣется хорошо знаю, но только я эти лѣ, ля, ле предъ словами всегда позабываю.

Съ тѣхъ поръ онъ такъ и прозывался „лѣ, ля, ле“.

Но забавнѣе всѣхъ я помню разказы про кого-то изъ Форносовыхъ: это былъ человѣкъ надменный, сухой, очень недалекій, но нахватавшійся вершковъ. Гордый своими удачами прибыльщикъ этотъ ничего не относилъ къ счастью, а все приписывалъ своимъ знаніямъ и сообразительности, которыми щеголялъ до того что почти ни на одинъ вопросъ, какъ бы онъ простъ ни былъ, не отвѣчалъ сразу, а говорилъ: „тутъ надо взяться за карандашъ“, и сейчасъ же вытаскивалъ бумажникъ и карандашъ садился что-то соображать и высчитывать. Шалуны подмѣтили эту слабость прибыльщика и принялись надъ нимъ подшучивать. Для него за играми нарочно сочиняли такіе вопросы: „если судно имѣя такую-то длину, и выѣзжая столько-то тоннъ сидитъ на такой-то глубинѣ, то сколько лѣтъ долженъ имѣть его капитанъ?“ Форносовъ восклицалъ „тутъ надо взяться за карандашъ“ и бѣжалъ въ

уголъ дѣлать свои вычисленія. Въ другой разъ подсунувъ ему фантъ спрашивали его: „если лошадь подкована на столько-то подковъ, по столько-то гвоздей въ каждой, то сколько этой лошади лѣтъ?“ и опять повторялась та же исторія. Доходило до того что когда его разъ спросили: если комедіантъ проглотить горящую свѣчу, съ огнемъ, или безъ огня она дойдетъ до его желудка? то онъ и въ этомъ случаѣ обратился къ своему карандашу.

Человѣкъ этотъ былъ тилъ тогдашняго честолюбиваго прибыльщика, пробивавшаго себѣ ходъ *въ люди*: онъ былъ смѣлъ до дерзости и не пасовалъ ни предъ чѣмъ, но за то и получалъ щелчки ужасныя.

Въ то время когда къ нему уже кое-кто ѣздилъ (больше за тѣмъ чтобы занимать деньги) и его кое-гдѣ принимали, одиъ шуауъ, участвуя въ игрѣ, условіями которой требовалось давать утвердительный отвѣтъ на всякій вопросъ, былъ спрошенъ: знаетъ ли онъ *гдѣ конезъ свѣта*?

— Знаю, отвѣчалъ тотъ:—это у дома Форносова.

Надъ Форносовымъ шутила даже сама судьба, сыгравшая съ нимъ одну очень шуую шутку въ передней извѣстнаго князя Г.

Князь Г. не легко открывалъ двери своего дома для кого попало, и ни въ комъ не нуждаясь сторонился не только отъ „прибыльщиковъ“, но и отъ ихъ „компанейщиковъ“. Но чѣмъ труднѣе Форносову было провикнуть въ этотъ домъ, тѣмъ онъ упорнѣе этого добивался, и наконецъ схватился за одиъ случай который ему показался благопріятнымъ. Князь былъ очень озабоченъ какимъ-то общественнымъ дѣломъ, представлявшимъ почему-то неодолимыя трудности. Форносовъ нашелъ средство принести этому дѣлу пользу, и встрѣтивъ гдѣ-то князя Г. сообщилъ ему свой планъ и просилъ позволенія прійхать къ нему въ домъ, съ тѣмъ чтобы развить свою мысль подробнѣе.

Въ планѣ этомъ, вѣроятно, заключалось что-нибудь дѣльное (такъ какъ Форносовъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ была дальновиднѣе чѣмъ въ свѣтскихъ), и князь благодаря его, назначилъ ему время когда готовъ былъ его прійять, но возвратясь домой, по своей анекдотической разсѣянности, позабылъ сказать объ этомъ своему камердинеру, а тотъ въ свою очередь не отдалъ нужныхъ распоряженій нижней прислугѣ.

И вотъ когда Форносовъ въ урочный часъ прійхалъ къ князю

съ полною увѣренностью что его сейчасъ примутъ, швейцаръ объявилъ ему что князь хотя и дома, но никого не велѣлъ принимать.

Форносовъ счелъ это за хорошій знакъ: ему показалось что князь именно потому и велѣлъ не принимать другихъ что хочетъ на свободѣ поговорить съ нимъ.

— Я такъ и зналъ что князь меня ждетъ. Доложи же, безвѣрный, скорѣе его сіятельству что пріѣхалъ Форносовъ.

Но швейцаръ отказался, сказавъ что ему теперь рѣшительно ни о комъ не велѣно докладывать.

— Но вѣдь ты думаешь что я кто-нибудь другой, а и есть самъ Форносовъ! Ты вспомни фамилію... Фор-но-совъ.

— Помилуйте, какъ мнѣ эту фамилію забыть: я самъ Форносовъ, но только о васъ доложить не смѣю.

Случайно встрѣтившіеся однофамильцы разстались оба другъ другомъ недовольные, и Форносовъ аристократъ жаловался что ему нарочно подставили швейцара Форносова, чтобы надъ нимъ посмѣяться. Жалоба эта дошла до князя Г., который посмѣявшись надъ странною случайностью поѣхалъ самъ извиняться предъ Форносовымъ за свою разоблаченность. Такимъ образомъ, тотъ достигъ болѣе чѣмъ желалъ и былъ счастливъ безъ мѣры.

Появно что княгиня Варвара Никаноровна наблюдая этого новаго сорта русскихъ аристократовъ не проникала къ нимъ уваженіемъ и не скрывала своего презрѣнія къ ихъ низколоклонствамъ и пресмыкательствамъ.

Изъ всего тогдашняго столичнаго общества княгиня находила для себя пріятнѣе другихъ только трехъ человекъ, изъ которыхъ двое жили немодными, а въ третьемъ она очень обманывалась. Первыхъ двухъ я пока еще не буду называть, а третьяго отрекомендую какъ лицо намъ уже знакомое: это былъ графъ Василій Александровичъ Функендорфъ, съ которымъ Донкихотъ Рогожинъ имѣлъ оригинальное столкновение описанное въ первой части моей хроники.

V.

Графъ по возвращеніи въ Петербургъ не стѣснялся разказанною мною исторіей съ Рогожинымъ; онъ повидимому считалъ ее слѣшкомъ ничтожною и дѣлалъ видъ что вовсе

забылъ о ней. Какъ только онъ узналъ о прїѣздѣ княгини въ Петербургъ, онъ одинъ изъ первыхъ сдѣлалъ ей продолжительный визитъ, причемъ былъ необыкновенно внимателенъ къ княгинѣ и даже освѣдомился не только о ея дѣтахъ, но и о Дожихотѣ.

Бабушкѣ это понравилось.

„Что же? разсуждала она, вѣрно я въ графѣ ошибалась: онъ кажется человѣкъ съ хорошимъ о себѣ понятіемъ: ни самъ не шутствуетъ и другихъ въ шуты не наряжаетъ. Это мнѣ нравится.“

Графъ началъ повторять свои визиты чаще, а потомъ мало-по-малу обратилъ ихъ въ дружескія посѣщенія запросто; княгинѣ это еще болѣе нравилось. Любя въ сношеніяхъ съ людьми простоту, она находила удовольствіе бесѣдовать съ графомъ, который былъ толковитъ, опредѣлителенъ, не страдалъ ни мистицизмомъ, ни матеріализмомъ, и держалъ себя съ достоинствомъ.

Княгиня и графъ во многомъ могли другъ другу сочувствовать. И она, и онъ предпочитали словамъ дѣло, и она и онъ видѣли что русское общество входитъ въ шаткость, послѣ которой неминуемо разслабѣетъ и легко, безо всякаго отпора, ляжетъ пластомъ подъ силой сторонняго давленія. Разница была въ томъ что княгиню это глубоко огорчало, а графъ смотрѣлъ на все это какъ чужой человѣкъ, какъ наблюдатель, спокойно, а можетъ-быть даже и со злорадствомъ, которое разумеется скрывалъ отъ княгини.

Какъ истый остзеецъ, и потому самый крѣпкій аристократъ, графъ былъ гордъ тѣмъ что его дворянство не идетъ модною походкой дворянства русскаго, походкою, которая обличала его шаткость и безсиліе въ ту великую пору когда оно только-что исполнивъ славное дѣло обороны отечества имѣло можетъ-быть самое удобное время чтобъ обдумать свое будущее и идти къ цѣлямъ своего призванія. Вместо этого оно занималось вольтеріанизмомъ, мистицизмомъ, госположу Крюднеръ, или еще того хуже,—лѣзло изъ кожи чтобы слыть *съ толмъ*. Графъ сочувственно слушалъ когда бабушка вытягивая впередъ руки какъ бы отстраняла отъ себя какое-то безобразное явленіе и говорила:

— Какая густая толпа людей и съ именами добрыми, а всѣ безъ дѣла, безъ занятія, да и слава Богу что ихъ поодаль отъ

дѣлъ держать—окромѣ какъ по гостинымъ шпорамъ зваятъ, ни къ чему негодны стали.... За неволю чужихъ возьмешь когда свои къ ставцу лицомъ съѣсть не умѣють!

Больше этого графу уже никто не могъ сказать пріятнаго: онъ таялъ отъ словъ княгини, и въ то время когда она сидѣла предъ нимъ и молча думала: какъ ей быть съ своими дѣтьми, чтобъ они выросъа умѣли къ ставцу лицомъ съѣсть графъ былъ увѣренъ что графиня проводитъ мысленную параллель между имъ и тѣми которые юродствовали да разказывали другъ про друга шутовскія вѣсти.

Графу казалось что теперь онъ имѣлъ право считать княгиню сильно склонною къ самымъ живымъ въ его пользующимъ. Какъ человекъ солидный, имѣвшій дѣло не съ дѣвочкою, а съ женщиною которой было подъ сорокъ, онъ не торопился ея болѣе ясными признаніями: онъ былъ увѣренъ что все это непременно придетъ въ свое время когда княгиня *поустроится съ дочерью.*

Графъ дѣйствительно не ошибался въ томъ что одною изъ важнѣйшихъ причинъ раздумья княгини была ея дочь.

Бабушкѣ очень рано стали приходиться въ голову мысли что самое лучшее и для нея, и для княжны, и для молодыхъ князьковъ, было бы то еслибы княжна Анастасія не оставалась долго въ дѣвухахъ. Ее надо выдать за человека подходящаго ей воспитанія, а такіе люди въ большомъ выборѣ были только въ Петербургѣ. Понимая дочь княгиня даже и не претендовала на то чтобъ имѣть зятя по своимъ мыслямъ и мирилась съ тѣмъ „лишь бы онъ хоть жену сдѣлалъ счастливою“. Княгиня уже давно составляла планы какъ бы она щедро выдѣлила дочь при замужествѣ, и устроивъ ее тотчас же возвратилась бы съ сыновьями къ себѣ въ Протозаново. Тогда оставалось бы только выбрать мальчикамъ хорошаго воспитанника и посвятить всю жизнь тому чтобы воспитывать ихъ какъ можно лучше и серіознѣе, вдали отъ свѣта и всѣхъ его вліяній вносящихъ въ юныя сердца довременныя „прилоги“. Въ деревнѣ княгиня надѣялась уберечь сыновей отъ свѣтской суеты и сохранить умъ ихъ цѣлымъ и правымъ, способнымъ постигать дѣйствительно высокое въ жизни и бѣгать всего низкаго, расслабляющаго душу. Каждый разъ какъ княгиня додумывалась до этой мысли, она погружалась въ такую сосредоточенность что графъ не разъ вставалъ, и не прерывалъ этихъ мечтаній молча подходилъ къ рукѣ княгини и ужималъ

Княгиня его не останавливала; отвѣчая на его поцѣлуй въ руку поцѣлуемъ въ его щеку, она только всегда тепло и искренно пожимала его руку, дескать: „не извиняюсь—мы свои“.

Всѣ эти короткости исходившія единственно изъ бабушкинаго прямодушія и простоты окончательно убѣждали графа что онъ княгинѣ нравится. Онъ былъ увѣренъ что единственная помѣха ему жениться на ней была взрослая княжна, но вскорѣ графъ убѣдился что княгиня едва ли намѣрена много стѣсняться дочерью. Онъ, какъ другіе, впадалъ въ общее многими заблужденіе что Варвара Никаворовна свою дочь не долюбиваетъ.

Поводомъ къ этому открытію послужило слѣдующее незначительное обстоятельство: Кипренскій, проложивъ основные плавы портретовъ молодыхъ дѣвицъ, продолжалъ свою художественную работу въ большомъ секретѣ: онъ не хотѣлъ никого допускать въ мастерскую пока картины не будутъ окончены. Онъ поступалъ такъ потому что не всякій можетъ понимать незаконченную вещь, а между тѣмъ всякій можетъ распускать о ней свои мнѣнія и сужденія, которыя расходясь въ публикѣ имѣютъ свое невыгодное значеніе. Но графъ былъ знакомъ съ „Русскимъ Вандикомъ“, и въ качествѣ свѣтскаго пріятеля и дилеттанта въ искусствѣ могъ проникать въ мастерскую. Будучи однажды допущенъ художникомъ посмотрѣть неоконченныя картины, графъ расхвалилъ бабушкѣ портретъ княжны Анастасіи. Бабушка знала что дочь ея изображается вдвоемъ рядомъ съ очень милою и скромною дѣвушкой, которая потомъ вышла замужъ за одного изъ князей Щербатовыхъ и оставила до сихъ поръ по себѣ превосходную память. Графъ разказалъ княгинѣ что Кипренскій изображаетъ дѣвицъ въ какой-то буколической сценѣ, что бабушку очень удивило. Сначала она не могла понять почему нашъ „Вандикъ“ изъ Колорья выбралъ именно этотъ странный жанръ, который, по ея мнѣнію, всего менѣ шелъ *манерной* княжнѣ Анастасіи, а потомъ это ее встревожило. Бабушка вспомнила что дѣвушка которая изображалась рядомъ съ ея дочерью на одномъ полотнѣ далеко уступала княжнѣ по красотѣ лица и формамъ тѣла. Не было никакого сомнѣнія что при близкомъ сопоставленіи съ княжною она должна была еще болѣе проигрывать. Тетуська Анастасія была очень хороша: она par trait напоминала саму княгиню, хотя совѣтъ была на все не похожа par expression: въ ея выраженіи не было той

милоты которая располагала и влекла къ книгѣ всякаго человѣка цѣнящаго въ другомъ благородныя свойства души, но тѣмъ не менѣ княжна была очень красива. Бабушкѣ показалось что Кипренскій увлекшись выгодною наружностью княжны Анастасіи ставить возлѣ нея дѣвushку болѣе скромнаго вида нарочно чтобы первая еще болѣе выиграла.

— Отъ художника де это станется; имъ законъ не писанъ, а это во всѣхъ отношеніяхъ непріятно.

Подозрѣніе что Кипренскій хочетъ льстить суетности княжны тревожило бабушку невыносимо: она хотѣла во что бы то ни стало видѣть портретъ прежде чѣмъ онъ будетъ готовъ. Графъ долженъ былъ уладить это дѣло. Кипренскій сдался на усиленные просьбы, и княжна была допущена въ его мастерскую.

Большой портретъ былъ уже почти совсѣмъ готовъ, и стоялъ на мольбертѣ: обѣ дѣвushки были изображены рядомъ, въ костюмахъ полу-французскихъ, полу-швейцарскихъ поселянокъ; обѣ онѣ представлены идущими; въ рукахъ у нихъ были корзины, у тетюшки съ фруктами, а у ея подруги съ цвѣтами. Обѣ подруги были написаны мастерски и замысловато: въ картинѣ была символика и поэзія. Тетюшка выдвигалась немножко впередъ и была ярко освѣщена, межъ тѣмъ какъ ея подруга отставъ на одинъ шагъ шла скромно олустивъ головку, отчего ея тихое задумчивое личико отбѣнилось въ его верхней части широкими полями соломенной шляпы и приняло глубокое таинственное выраженіе. Яркая красота выдающейся впередъ княжны тотчасъ съ перваго взгляда оставалась на себѣ глаза зрителя, и тихая прелесть другаго лица тогда оставалась какъ бы незамѣтною, но чуть вы хотѣли окинуть бѣглымъ взглядомъ аксессуаръ, это таинственное лицо словно встрѣчалось съ вами, какъ изъ ручья на васъ глядѣло, и вы въ него всматривались, всматривались и не могли отъ него оторваться. Бабушка поняла мысль художника и осталась чрезвычайно довольна картиною.

— Превосходно, сказала она Кипренскому:—вы всякой отдали свое: la pomme à la plus belle, la rose à la plus sage. Превосходно.

Изъ этихъ словъ княгини и изъ довольнаго тона какими они были произнесены, графъ вывелъ заключеніе что Варвара Никаноровна не высокаго мнѣнія о своей дочери и очевидно не будетъ стѣсняться ею много. Къ тому же это полу-

таинственное пощёние бабушкой мастерской Кипренскаго вмѣстѣ съ графомъ, съ которымъ она прѣвѣжала въ одной каретѣ, дало поводъ къ толкамъ объ ихъ большомъ дружествѣ, изъ котораго дѣлались произвольные выводы, всѣ сходившіеся къ тому что княгиня вѣроятно наскучила вдовствомъ и того и гляди выйдетъ за графа замужъ. Графа съ этимъ даже поздравляли...

Ольга Федотовна одинъ разъ, вся краснѣя и застѣнчиво улыбаясь, открыла маѣ что и она, видя какъ княгиня многимъ предпочитаетъ графа Фукендорфа, залодозрѣла не вздумала бы она матушка за него замужъ выйти. Что же, прибавляла въ свое извиненіе Ольга Федотовна: онъ еще былъ молодецъ, и какъ блондинъ то и сѣдыхъ волосъ почти не видно, а княгиня хоть и подъ сорокъ лѣтъ было, но она еще красавица... Совсѣмъ не статочноаго ничего тутъ и не было.

Одна княгиня, которой еще въ деревнѣ прежде всѣхъ пришло на мысль не намѣреть ли графа за нее посвататься, теперь объ этомъ вовсе не думала: за то каково же было ея удивленіе когда въ одинъ прекрасный день онъ неожиданно сдѣлалъ ей предложеніе.

Это случилось вскорѣ послѣ ихъ поѣздки къ Кипренскому, именно въ одну изъ тѣхъ паузъ о которыхъ я разказывала. Неудачнѣ подобнаго момента казалось нельзя было и выбрать: когда княгиня совсѣмъ забывая себя вся была въ дѣтяхъ и напряженно сосредоточивалась прозирая въ ихъ будущее, графъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ представилъ ей свою декларацію...

Княгиня его даже не сразу поняла, а когда онъ ей повторилъ свои слова и протянулъ ей руку, она со вслыхнувшимъ отъ гнѣва лицомъ быстро откинулась къ спинкѣ дивана и проговорила:

— Что вы, графы!... помилуйте... Вотъ никогда этого отъ васъ не ожидала.

Графъ проговорилъ что-то объ уваженіи и дружбѣ.

— Да; это правда... мы дружны, отвѣчала княгиня:—я считаю васъ за очень хорошаго человѣка и увѣрена что въ этомъ не ошибаюсь (княгиня ошибалась), но... замужъ... какъ вамъ это могло на мысль придти.

— Но почему же... вы меня извините...

— Нѣтъ вы меня, графъ, извините, нетерпѣливо перебила

княгиня и, какъ по писанному, прочтала ему свой взглядъ на бракъ и на замужество.

— Я, графъ, того мнѣнія что со стороны вдовы имѣющей дѣтей во второй бракъ вступать не простительно: материнъ второй бракъ дѣтямъ первыя похороны. По-моему это одна пустая слабость, которой я никогда въ другихъ не уважала, а въ себѣ и подавно не могу. Нѣтъ, оставимте это, графъ, какъ бы этого не было, и никогда не будемъ къ этому возвращаться, а будемъ, прошу васъ, по-старому друзьями.

Въ подкрѣпленіе этой просьбы княгиня пожала Функендорфу руку, и они разошлись; а чуть только карета графа отъѣхала отъ подъѣзда, бабушка сейчасъ же позвала къ себѣ Ольгу Федотовну и послала ее къ модисткѣ чтобы та принесла ей „коробокъ самыхъ солидныхъ челцовъ“. Выбравъ себѣ изъ нихъ самый большой, съ крахмальнымъ бантомъ въ цѣлую четверть, княгиня сейчасъ же надѣла на себя этотъ старушечій челець, и осмотрѣвшись предъ зеркаломъ велѣла чтобъ ей такихъ еще двѣ дюжины нашили.

Въ этомъ уборѣ мнѣ гораздо удобнѣе, сказала она Ольгѣ,—да и тебѣ совѣтую тоже поддѣлывѣ мармотки нашишь, мы уже не молодецкія.

Ольга Федотовна не отстала отъ своей княгини, и на другое же утро явилась ей въ челчикѣ съ такими длинными оборками что выглядывала изъ нихъ какъ часовая кукушка изъ рамки. Однако и въ старушечьемъ челцѣ и въ темныхъ капотахъ княгиня еще долго не старѣлась, а по словамъ Ольги Федотовны, „больше походила какъ бы въ костюмѣ на балъ собиралась“. Такъ она была моложава и такъ прочна была ея красота.

Бабушка никогда и никому не говорила о сдѣланномъ ей графомъ предложеніи, а графу кажется не могло придти желанія объ этомъ разказывать, но тѣмъ не менѣе Ольга Федотовна все это знала, и когда я ее спрашивала: откуда ей такія тайности были извѣстны? она обыкновенно только сердилась и разъ даже пригрозила мнѣ что если я еще буду ей этимъ докучать, то она мнѣ больше ничего не скажетъ. Такъ какъ угроза была слишкомъ страшна для моего любопытства, то я уже никогда не возобновляла моихъ разспросовъ, но по догадкамъ думаю что моя милая старушка, вѣроятно, просто-на-просто подсматривала и подслушивала за своею матушкой княгиней.

Иначе это и не могло быть, особенно потому что Ольга

Федотовна наизусть знала слѣдующій разговоръ графа съ княгиней, который, по ея же собственнымъ словамъ, былъ веденъ бабушкою въ совершенной тайности, „въ особой комнатѣ, и при закрытыхъ дверяхъ“.

Знаменитый разговоръ этотъ былъ черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ графъ сдѣлалъ бабушкѣ свое предложеніе.

— Графъ вѣрно смутился, и пересталъ ѣздить, говорила Ольга Федотовна:—то онъ у насъ до этого случая всякій день бывалъ, а то вдругъ и пересталъ. Княгиня объ этомъ безпокоилась и все нѣсколько разъ спрашивала: не былъ ли графъ? Скажешь: не былъ-съ. Она даже плечами поведетъ и наконецъ разъ даже въ слухъ проговорила: „Что это за глупость такая!“ и послала къ нему Патрикаю узнать о его здоровьи, и если онъ здоровъ, то велѣли просить его чтобы заѣхалъ. Онъ и пожаловалъ... Княгиня его преласково встрѣтила, но все въ своемъ большомъ челпѣ, и повела его въ маленькую гостиную куда почти никто никогда и не ходилъ,—здѣсь затворились, сѣли и начали говорить:

— Я, говорятъ, графъ, очень желала васъ видѣть...

Тотъ кланяется, а она продолжаетъ:

— Вы на меня пожалуста не сердитесь... съ вашей стороны мнѣ ничего обидваго не было сдѣлано и я васъ обидѣть не желала, а сказала что чувствовала.

А графъ говоритъ:

— Повѣрьте, княгиня, еслибы не мои чувства...

Но она его сейчасъ перебила:

— Нѣтъ, вы меня извините, говоритъ:—это совѣтъ не въ томъ дѣло, я васъ съ тѣмъ пригласила что хочу предъ вами съ открытою душою быть... Я хочу чтобы вы обо мнѣ грубо не думали. Сознаюсь вамъ что я вѣдь любила моего мужа и люблю его до сихъ поръ... Не смѣйтесь, графъ, надъ старухой, люблю, и до могилы любить буду, а тамъ встрѣтимся, или не встрѣтимся—ужь что Богъ дастъ, но пока жива, я ему вѣрная и благодарная... Я вѣдь ему, графъ, всѣмъ обязана, я вышла изъ бѣдной семьи, въ ихъ честномъ домѣ воспитана, и онъ меня замужъ взялъ и любилъ меня, и вѣрилъ мнѣ, и умеръ далеко отъ меня съ твердою въ меня вѣрою... Скажите, какъ это все позабыть? Нѣтъ, вы умный человекъ, графъ, вы меня видите и вы должны меня понять: онъ умеръ для всѣхъ кто про него позабылъ, но я минуты безъ него не жила, и мнѣ... онъ живъ и я ему отдала всю жизнь мою и ему же

отдамъ и мой смертный вѣдохъ. Судите какъ знаете, я вса тутъ!

И княгиня, которую никто никогда не видалъ плачущею, сдвинула болѣзненно бровями и закрывъ платкомъ глаза заплакала.

Глубиною этого живучаго чувства былъ тронуть даже самъ графъ; онъ бросился цѣловать руки бабушки и просилъ ее о прощени.

И она его, разумѣется, простила, и какъ простила?—ото всего сердца, съ радостью и съ искреннѣйшимъ совѣтомъ что бы онъ искалъ себѣ невѣсту помоложе годами и какъ можно менѣе на нее похожую характеромъ.

— Характеръ, это самое главное, говорила она, а женщина которая привыкла всѣмъ сама править, отъ этихъ мужскихъ занятій становится своеправная: отъ домашнихъ счетовъ до споровъ въ насъ чувства грубѣютъ и много муцинскаго въ характерѣ дѣлается. Никому я никогда не посоветовала бы на такихъ жениться... То ли дѣло существо молодое, въ чувствахъ свѣжее, въ разумѣ глбкое. Какъ вы его захотите повести, такъ и поведете.

— Вы забываете что я старъ для такихъ юныхъ существъ, шепталъ шутя графъ.—Увы! меня шестнадцатилѣтняя дѣвушка готова будетъ звать дѣдушкой.

— Ну вотъ... зачѣмъ шестнадцать?... Есть дѣвушки лѣтъ въ двадцать пять... ну, тридцать... Прекрасная есть дѣвушка..

— Вы настойчиво требуете чтобъ я женился на дѣвушкѣ? Я васъ послушаю.

Графъ былъ веселъ и шутилъ, княгиня въ тонъ ему тоже отвѣчала шутливо:

— Непремѣнно, графъ, на дѣвушкѣ, на вдовѣ какъ женитесь, старый мужъ придетъ.

И гость и хозяйка разстались настоящими друзьями, а чтобы графъ еще скорѣе забылъ свое неудачное сватовство, бабушка дала ему на дорогу просьбу помочь ей отыскать дѣтямъ Француза.

Просьба эта не могла обижать графа, а напротивъ могла ему льстить, потому что княгиня не вѣрила ни чьимъ рекомендаціямъ когда дѣло шло о людяхъ нужнымъ къ дѣтямъ.

Какой же ей нуженъ былъ Французъ? Совсѣмъ необыкновенный, или по крайней мѣрѣ отнюдь не такой какіе были тогда въ модѣ. Она отнюдь не хотѣла чтобы Французъ дѣ-

тей воспитывалъ, это по ея мнѣнію для русскихъ дѣтей никуда не годится. Серіознаго воспитателя хотѣли искать въ другомъ мѣстѣ; Французъ требовался просто чтобы какъ можно больше говорилъ, но только не вреднаго.

Требованіе было и небольшое, но въ то же время и не совсемъ легкое; но графъ услужилъ княгинѣ, онъ досталъ ей Француза который превзошелъ все ея ожиданія. Этотъ утѣшительный человѣкъ былъ французскій гражданинъ monsieur Giraud, которому здѣсь надо дать маленькое мѣсто. Ne le renvoyez pas, je vous prie! Онъ тутъ нуженъ.

VI.

Monsieur Giraud былъ человѣкъ спорнаго происхожденія. Самъ онъ себя производилъ изъ дворянъ обѣднявшихъ во время переворотовъ, но дворянскаго въ немъ ровно ничего не было. Начиная съ его фамиліи, которую M. Giraud напрасно скрашивалъ приставкою дворянской частицы, и кончая его наружностью и манерами, все очень мало говорило въ пользу его noblesse. Худой, юркій, какъ бы немного залуганный, но съ глазами таящими большой внутренней жаръ, онъ напоминалъ тилъ католическаго sacristain. Но такъ какъ опредѣленіемъ рода этого пришельца въ домѣ почему-то занимались очень многіе, то на этотъ счетъ существовало нѣсколько различныхъ мнѣній. Такъ напримѣръ Ольга Федотовна утверждала что Giraud непременно изъ портныхъ, потому что онъ всегда любилъ садиться ловко сворачивая подъ себя ножки, спалъ ничкомъ и необыкновенно искусно штопалъ свое платье. Но Патрикій, замѣтившій что Giraud удивительно быстро бѣгалъ по лѣстницамъ и при громадномъ аппетитѣ нимало не полнѣлъ, заключалъ что Giraud долженъ быть изъ почтальоновъ. Рогожинъ же думалъ еще иначе: по его словамъ вышло что у Giraud совсемъ никакого происхожденія не было, а худобъ его Донкихотъ находилъ объясненіе въ томъ что „онъ въ щечкахъ заморенъ“.

Но каково бы тамъ ни было происхожденіе Giraud, онъ оказался какъ нельзя болѣе отвѣчающимъ тому назначенію какое желала ему дать бабушка; онъ болталъ съ дѣтьми съ утра до вечера, и скоро овладѣвъ ихъ расположеніемъ быстро пріучилъ ихъ бѣгло говорить съ собою по-французски, и при

томъ былъ совершенно *безсретенъ*. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ даже превзошелъ всѣ ожиданія княгини. Варвара Никаноровна, несмотря на рекомендацію графа, принимая къ себѣ въ домъ monsieur Gigaud все-таки положила себѣ правиломъ слѣдить за всякимъ его словомъ „чтобъ онъ не говорилъ дѣтямъ гаупостей“. Но очень скоро она убѣдилась что это совершенно напрасно, всѣ ея опасенія въ этомъ родѣ не имѣли ни какого мѣста. Gigaud говорилъ цѣлые дни, и когда онъ говорилъ, княгиня слышала какія-то слова, пожалуй даже отчасти интересныя; иногда она слышала даже что онъ что-то объяснялъ, и это было довольно занимательно; но чуть только М. Gigaud кончалъ и княгиня пробовала собрать въ своей головѣ что было имъ сказано, какъ убѣждалась что изъ всего этого ничего не выходитъ.

— Вотъ удивительный человекъ! говорила бабушка.—И какъ только онъ самъ это понимаетъ? Я его иногда нарочно спрашиваю: „объясни мнѣ это или это“. Сейчас все объяснить, а стану его потомъ разспрашивать какъ онъ это самъ понялъ, вижу что онъ самъ ничего и не понимаетъ. Преудивительный человекъ и самыхъ настоящихъ способностей къ дѣтскому кругу: веселъ, добръ, необходимъ и болтливъ какъ скворецъ, а вдобавокъ по безтолковости своей по-русски наврядъ когда выучится. Однимъ словомъ, очень для своего дѣла хорошъ. Практика языка большая, а мыслей никакихъ, и со двора безъ спроса не ходитъ.

За эти неоцѣнимыя достоинства Gigaud, бабушка стала очень къ нему благоволить; она его безпрестанно кормила и разговаривала съ нимъ о его родицѣ, а отпуская его по воскресеньямъ „къ компатріотамъ“ всегда дарила ему по сивенькой бумажкѣ на бонбошки. Но впрочемъ и отъ него требовалась субординація и порядокъ: такъ онъ каждый разъ когда уходилъ со двора получалъ приказаніе возвращаться домой къ дѣтскому ужину и непременно трезвымъ.

Gigaud всему этому безпрекословно подчинялся; онъ былъ человекъ до того мягкій что даже какъ будто любилъ ладъ собою олеку.

По возвращеніи его отъ компатріотовъ, княгиня, удостоверившись въ его совершенной трезвости, отпускала его укладывать князей, съ которыми онъ и самъ долженъ былъ ложиться спать въ одно время.

Эта обязанность сначала всего болѣе стѣсняла бѣднаго Giraud; онъ долго жаловался:

— Je ne suis pas disposé à dormir: je n'ai pas sommeil; но потомъ скоро свыкъся съ этимъ горемъ, и только вздыхая вышала дѣтямъ:—On n'a pas toutes ses aises dans ce monde, mes enfans.

Въ послѣдствіи однако этотъ Giraud сдѣлался даже ужаснымъ сонюю, и чуть часовая стрѣлка вечеромъ переходила за половину десятаго, онъ уже начиналъ позѣвывать и шевеля тяготящими вѣками самъ подговаривался:

— Ma foi j'ai sommeil, il est temps d'aller coucher, и съ этимъ онъ подводил дѣтей къ клягивѣ за полученіемъ вечерняго благословенія, а чрезъ полчаса уже спалъ, и спалъ, по собственному его выраженію, comme une margotte.

Одно къ чему monsieur Giraud *никогда* не могъ приучить себя, это были русскія блюда и фруктовый квасъ; все это ему очень нравилось, хотя онъ никакъ не могъ освоить съ ними свою натуру и нерѣдко платилъ дань неузнренности: съ нимъ часто дѣлалась острая и мучительная спазма, отъ которыхъ онъ катался кубаремъ и кричалъ на весь домъ, такъ что на помощь ему сбѣгались и бабушка, и Ольга, и дяковица Марья Николаевна: всѣ онъ его оттирала, обкладывали грѣлками и обдѣлывали хрѣновиками и горчичниками, а потомъ, когда острая боли у него прекращалась, оставляли его на попеченіи одной Ольги Федотовны.

Это несчастіе имѣло для Giraud ту свою хорошую сторону что чрезвычайно сблизило его съ Ольгою Федотовной, которая сама была подвержена спазмамъ и по оочувствію вѣжно соболѣзновала о другихъ. А бѣдный Giraud, по разказамъ Ольги Федотовны, былъ въ этомъ случаѣ гораздо ея несчастнѣе: въ началѣ своего житья въ домѣ клягивы, говорила Ольга, „онъ, бѣдный, бывало какъ пообѣдаетъ, такъ и начнетъ морщиться. Совѣстливый былъ, не хотѣлъ всѣхъ безпокоить, убѣжить въ свою комнату и такъ тамъ по дивану катается, а самъ какъ дитя ножонку объ ножонку отъ боли такъ и сучить. Я его за это всегда сожалѣла: бывало сейчасъ ему рюмочку березовки да горчичникъ подъ ложечку, и если въ началѣ застану такъ скоро помогу. Какъ его зашлеть, онъ такъ горощкомъ и вкочить, и кричить: „пупсѣ, шеръ Ольга Федотъ, все пупсѣ“. А на другой день опять не остережется; но ко мнѣ такъ привыкъ что бывало чуть ему худо, онъ сей-

часть и шелчетъ: „пардонъ, шеръ Ольга Ѳедотъ“. Ну, говорю, что такое, говори скорѣе: революція?—„Революція!“ Я ему сейчасъ своего дѣкарства, и пройдетъ. И такъ уже я его понимала что не нужно бывало ему мнѣ и революцію называть, а только онъ заговорить „пардонъ“, а уже дальше и не слушаю, суну ему въ руки изъ кармана лузыречекъ и ступилъ. И онъ благодарный былъ человекъ, онъ меня тоже очень любилъ: на другихъ на комнатныхъ людей, которые его не понимали, бывало разсердится, ножонками затолочетъ и закричитъ: „Тлфу, тлфу... На плётъ, валёкъ и деревянная баба“ и самъ убѣжить отъ нихъ; а на меня никогда этого не сказалъ.

Словами: „на плётъ, валёкъ и деревянная баба“, monsieur Giraud стремился выразить что не понимающіе его комнатные люди достойны только того чтобъ ихъ оставить *на плотъ*, дать имъ въ руки *валёкъ* и заставить ихъ мыть *бѣлье съ деревенскими бабами*.

Выраженіе „на плётъ, валёкъ и деревянная баба“ до того Ольгѣ Ѳедотовнѣ нравилось что она даже усвоила его себѣ въ поговорку и примѣняла ко всякой комнатной новобранкѣ, на которую считала себя обязанною ворчать. Боже же всего Ольга Ѳедотовна любила Giraud по какому-то безотчетному сочувствію къ его сиротской долѣ, и любила его какъ самая нѣжная мать.

Отношенія Giraud къ другимъ лицамъ бабушкина штата были далеко не тѣ что съ Ольгою Ѳедотовной: чинный Патрикій оказывалъ Французу такое почтеніе что Giraud даже не имѣлъ никакой надежды сколько-нибудь съ этимъ человекомъ облизаться. Притомъ же онъ совершенно не понималъ Патрикія, и все что этотъ княжедворецъ воздавалъ Giraud „для того чтобъ ему чести прибавить“, сей послѣдній истолковывалъ въ обратную сторону:

— Oui, лепеталъ онъ,—oui! я все слыш, et tout ça понимаю... Patrikey Semonitch il tranche du grand seigneur avec moi.

И Giraud комично представлялъ какъ Патрикія будто бы важничаетъ, и потомъ заключалъ что онъ самъ знаетъ свѣтъ и умѣетъ дѣлать grande mine.

— Patrikey Semonitch comme ça... et moi aussi... такъ... avec les gens такъ, а avec Patrikey Semonitch такъ...

И рассказывая это онъ для большей вразумительности показывалъ какъ онъ мимо всѣхъ ходитъ просто, а прохода

мимо Патрикья поднимаетъ вверхъ голову, и дѣлаетъ ему *grande mine*.

Патрикѣи зналъ это и замѣчая эволюціи Giraud нимало не измѣнялъ своихъ ровныхъ, холодно почтительныхъ къ нему отношеній, какими считалъ себя обязаннымъ къ нему какъ къ гувернеру.

Съ дьяковицей Марьей Николаевной у Giraud вышелъ пре-странный случай: сначала онъ очень долго никакъ не могъ разговориться съ ней, онъ много разъ къ ней подосѣживался и начиналъ ей объяснять и разказывать, но та только тупо улыбалась да пожимала плечами и, улучивъ первую же удобную минуту, отъ него убѣгала. Наломно здѣсь что Марья Николаевна считала для себя французскій языкъ величайшимъ несчастіемъ, такъ какъ она отъ него и за него много страдала. Жиго этого не зналъ и не оставалъ бѣдной женщины въ покоѣ, пока не случилось слѣдующее происшествіе:

Giraud для разговоровъ съ непонимавшею французскаго языка дьяковицей почему-то избиралъ военныя темы; большею частію онъ разказывалъ ей случаи изъ своей боевой жизни, хвалилъ свою храбрость, и одинъ своею персоною разыгрывалъ предъ нею цѣлыя картины сраженій. При этомъ Марья Николаевна представляла собою крѣпости и вообще неподвижные пункты, а Giraud всѣ войска и всѣхъ генераловъ; онъ обскакивалъ Марью Николаевну со всѣхъ сторонъ и бомбардировалъ ее воображаемыми выстрѣлами на креслѣ на которомъ она сидѣла. Иногда онъ ее поджигалъ, иногда бралъ въ плѣнъ и наконецъ однажды вздумалъ взорвать ее на воздухъ. Марья Николаевна, разумѣется, рѣшительно не понимала что такое съ нею хочетъ устроить Giraud, который сказавъ ей: „*Soyez tranquille*“, развернулъ свои знамена, протрубилъ на губахъ сигналъ и съ крикомъ: „*Allons, courage!*“ бросился въ атаку. Хотя Марья Николаевна въ подобномъ осадномъ положеніи находилась уже не въ первый разъ, но вывѣщенное чрезвычайное оживленіе боевой картины показалось ей почему-то подозрительнымъ и страшнымъ. Она начала кричать и отпихивать отъ себя Giraud, и замѣтивъ что онъ не отступитъ, а напротивъ только еще сильнѣе въ нее падитъ и самъ держитъ ее за уголокъ ея большого шейнаго платка, Марья Николаевна такъ всего этого испугалась что рѣшилась пожер-вовать платкомъ: она сорвала его съ плечъ и оставивъ въ

рукахъ удивленнаго такимъ поступкомъ Gigaud, бросилась куда глаза глядѣли искать отъ него спасенія.

Gigaud, выпустивъ изъ рукъ осажденную крѣпость, рассердился: онъ настигъ Марью Николаевну въ гостиной, кивнулъ ей платокъ и гнѣвно глядя въ ея испуганные глаза прокричалъ:

— На плѣть, валекъ и деревянная баба! и затѣмъ и самъ отъ нея убѣжалъ.

Марья Николаевна упала въ кресла и первую критическую минуту просидѣла въ нихъ какъ окаменѣвшая, но за то когда Gigaud, накричавъ и натопавъ ногами, скрылся, она не выдержала и разрыдалась.

Ничего не могло быть забавнѣе того что ни Французъ не зналъ чѣмъ онъ ее оскорбилъ, ни она не понимала за что обидѣлась и о чемъ плачетъ.

Въ этомъ положеніи застала ее Ольга Федотовна и никакъ не могла ее утѣшить. Дьяковица плакала и твердила одно:

— Нѣтъ; маѣ пора... маѣ пора на свое пепелище.

Ольга Федотовна обратилась къ содѣйствию самой бабушки, которая разобравъ въ чемъ дѣло призвала Gigaud и сказала:

— Посмотрите какъ вы разстроили женщину. Вотъ вамъ за это по меньшей мѣрѣ стоить уши выдрать.

— Ага... уши... les oreilles, avec plaisir.

И онъ наклонивъ голову къ дьяковицѣ весело вскричалъ:

— Ну Marie Nicolaf... niente, déchirez bien.

Но Марья Николаевна вмѣсто того чтобы драть его за уши, разсмѣялась и обмахнувъ платкомъ глаза, отвѣчала:

— Нѣтъ; уже мы лучше поцѣлуемся, но только вы не жалуста больше никогда не трогайте.

— Jamais!

— И по-французски со мною не говорите.

— Jamais de ma vie!

Они поцѣловались и вполнѣ усложившая Марья Николаевна какъ умѣла объяснила Gigaud почему именно она его просить съ нею не говорить. Причина этого, по ея словамъ, заключалась въ томъ что она „въ свой вѣкъ много отъ французскаго языка страдала“.

Послѣ этого происшествія monsieur Gigaud съ доброю дьяковицею не разговаривалъ, но только иногда услышисъ противъ нея смотрѣлъ ей въ глаза ободряющимъ взглядомъ, и похлопывая въ ладошки, пѣлъ:

J'ai la liberté,
La tranquillité
J'ai de la santé
Et de la gaieté!

Доримедонтъ Васильичъ, гостя въ Петербургѣ, имѣлъ все свое время свободнымъ: скакать съ Зинкою на одрахъ здѣсь было куда и потому онъ почти постоянно сидѣлъ дома, и когда не читалъ книгу то раскладывалъ изъ картъ пасьянсъ. Вѣчно одно и то же ему разумѣется начинало уже надокучать, тѣмъ болѣе что при Gigaud рѣшительно невозможно было заниматься пасьянсами. Скорый Gigaud умѣлъ дѣлать пасьянсы гораздо лучше Рогожина, и по живости своего характера никакъ не могъ переносить если тотъ прозѣвывалъ карту. Gigaud тотчасъ на него наскочивалъ и начиналъ тыкать пальцемъ то въ ту, то въ другую карту. Это бѣсило Рогожина: стерпѣвъ разъ и два, въ третій онъ въ досадѣ смѣшивалъ карты, и либо вставалъ, либо стиснувъ въ рукѣ карты молча сидѣлъ пока Gigaud потеряетъ терпѣніе и отойдетъ отъ него прочь. Если же Рогожинъ не раскладывалъ пасьянса, то Gigaud самъ его отыскивалъ съ шашечною дошкою и зовя его кричалъ:

— Jouons aux dames, gentilhomme!

Дошкхоть сдавался, и они проводили за шашками почти все время когда молодые князьки занимались съ приходящими учителями, а Gigaud былъ свободенъ.

И какъ они играли? Боже мой! Ольга Федотовна рассказывала это говорила о нихъ не иначе какъ о самыхъ легкомысленныхъ дѣтяхъ.

„Слудть бывало какъ и надо, будто взрослые, а потомъ вдругъ зашумать, закричать, и смотришь уже шашки на полѣ летать и бѣдный Жироша плачетъ и жалуется что тотъ его бѣдѣлъ. А по правдѣ сказать оба были несносные спорщики, и княгиня часто должны были сами приходиться ихъ мирить. Умдить ихъ, бывало, стыдить, да наконецъ тѣмъ кончатъ что маютъ Патрикью отъ нихъ шашки взять и къ себѣ въ комнату отнести. Кажется бы вѣдь уже довольно,—такъ нѣтъ же: Доримедонтъ Васильичъ станетъ за особымъ столикомъ пасьянсъ класть, а Жирошка опять и тутъ не утерпитъ. Такой былъ ажига, подскочить и начнетъ указывать какую карту переожить, ну а тотъ злится, и пойдетъ опять дымъ коромысломъ. Княгиня изъ терпѣнія выйдутъ, и велеть Патрикью и карты въ ихъ комнату отнести, и тѣхъ рассаждать: Рогожинъ

чтобъ имъ вслухъ книжку читалъ, а Жирошку посадить предъ собою на стулъ и велять ему на рукахъ гарусъ, или вилки держать, и сами сматываютъ. Такъ ихъ и усмиралъ.“

Впрочемъ Gigaud и Донкихотъ ссорились и безъ игръ, и всегда изъ-за совершенныхъ пустяковъ, въ родъ того, напримеръ, что живой и веселый Gigaud одушевляясь разговоромъ любилъ хлопать собесѣдника по плечу или по колѣнамъ, а гордый Донкихотъ находилъ это неумѣстнымъ и рѣшительно не могъ переносить такую фамильярность: онъ вскакивалъ какъ ужаленный и сверкая на Gigaud гнѣвнымъ взглядомъ своего единственнаго глаза кричалъ:

— Клянусь честью что ты за это когда-нибудь дорого заплатишь!

Больше я не считаю нужнымъ въ особенности говорить о monsieur Gigaud, съ которымъ намъ еще не разъ придется встрѣтиться въ моей хроникѣ; но и сказаннаго, я думаю, достаточно чтобы судить что это былъ за человекъ. Онъ очень шелъ къ бабушкиной коллекціи оригиналовъ и „людей съ совѣстью и съ сердцемъ“; но какъ французскій гуверверъ онъ былъ терлимъ благодаря особенности взгляда княгини на качества лица годнаго для этой должности.

Дѣти, то-есть оба молодые князя (мой отецъ и дядя Яковъ), очень любили Gigaud, и не только никогда съ нимъ не скучали, но напротивъ *скучали о немъ* когда его не видали. Во время моего отрочества я слышала похвалы Gigaud отъ такихъ людей кому ловидимому никакого и дѣла не могло быть до злополучнаго чужестранца. Gigaud хвалили дворовые и деревенскіе люди Протозанова, говоря въ одно слово что онъ былъ „добрый и веселый“, а дядя, князь Яковъ Львовичъ, вспоминая свое дѣтство, никогда не забывалъ добраго Gigaud и при этомъ всегда прибавлялъ:

— Мнѣ всегда было одно непріятно, что братъ Дмитрій, который имѣлъ блестящія способности и былъ очень добръ и благороденъ, къ сожалѣнію, до того былъ рѣзовъ что верхомъ на этомъ Французѣ ѣздилъ, а матушка этого не знала, потому что Gigaud это таилъ чтобъ ее не огорчить.

VII.

Душевные свойства обоихъ князей въ это время обозначались уже въ весьма-опредѣленныхъ задаткахъ: отецъ мой, бывший однимъ годомъ моложе дяди Якова, первенствовалъ надъ старшимъ братомъ по превосходству своихъ дарованій, и князь Яковъ не продалъ ему права своего первородства ни за какую чечевицу, а уступилъ ее безмездно какъ „достойнѣйшему“. Дядя Яковъ, безлодобнѣйшее лицо изъ всѣхъ выше живущихъ Протозановыхъ, говорятъ, еще съ дѣтства, съ самыхъ первыхъ уроковъ, за которые онъ сѣлъ ранѣе моего отца, но въ которыхъ лапа быстро его перегибалъ, признавалъ превосходство брата, и приходя отъ него въ восторгъ любилъ выдвигать его всѣмъ на видъ. Себя онъ всегда ступшеывалъ, и такъ приучилъ къ этому весь домъ что всѣ, и свои и чужіе люди, обращали все свое вниманіе на князя Дмитрія, а старшій его братъ Яковъ шелъ за нимъ и смотрѣлъ на него не съ ревностью, не съ завистью, а съ восторгомъ въ которомъ сказывалась благородная и поэтическая натура этого прекраснаго человѣка пылавшаго любовью ко всему прекрасному. Отецъ мой, сколько я могу о немъ судить, не по разказамъ Ольги и Патрикѣя и другихъ людей обожавшихъ въ немъ своего кумира, а по словамъ самой бабушки, которая была очень скромна въ сужденіи о своихъ сыновьяхъ, былъ одаренъ необыкновенными способностями и чарующею красотой. Бабушка, грустно улыбаясь, называла его „своимъ Авессаломомъ“. (Увы, его и участь имѣла много сходнаго съ судьбою этого злополучнаго библейскаго царевича!) Онъ былъ высокъ ростомъ, гораздо выше дяди Якова, котораго за его маленькій ростъ звали „каралузикомъ“. Лицомъ отецъ напоминалъ бабушку, но только не такъ какъ тетюшка Анастасія, то-есть не только чертами, но и выраженіемъ, но разумѣется все это сходство отливало въ мужской формѣ. Замѣчу мимоходомъ что кромѣ моего отца въ роду нашемъ уже никто не имѣлъ большого сходства съ княгиней Варварою Никаноровной: всѣ, и въ томъ числѣ сама она, находили большое сходство съ собою во мнѣ, но я никогда не могла освободиться отъ подозрѣнія что тутъ очень много пристрастія и натяжки: я напоминала ее только моимъ

ростомъ да общимъ выраженіемъ, по которому меня съ дѣтства удостоили привилегіи быть „бабушкиною ввучкой“, во моимъ чертамъ не доставало всего того что я такъ любима въ ея лицѣ, и по справедливости говоря я не была такъ красива. Дядя же мой, князь Яковъ Львовичъ, имѣлъ сходство съ матерью только въ глазахъ, а во всемъ остальномъ онъ шел не въ бабушкинъ родъ, а въ дѣдовъ, въ родъ Протозановыхъ, которые не отличались виднымъ ростомъ и имѣли расположеніе къ тучности. Дядя обнаруживалъ эти родовыя черты съ самаго ранняго дѣтства: онъ всегда былъ по своимъ лѣтамъ малъ ростомъ, очень свѣжъ, румянь, съ прекрасными глазами матери, но съ очень маленькимъ ротикомъ, какіе называютъ „сердечкомъ“. Такіе крошечные рты, съ немножко оттопыренными губками, нарисованы у всѣхъ Протозановыхъ, которыхъ портреты я съ дѣтства видѣла въ бабушкиномъ домѣ; но князь Левъ Яковлевичъ немножко даже утрировалъ эту черту: его маленькій ротикъ придавалъ его лицу сходство съ какою-то бойкою птичкой, отчего въ семьѣ его звали также и „чижикомъ“. Впрочемъ, благодаря своей важно-комической фигуркѣ, дядя, князь Яковъ, никогда не былъ безъ клочки; при всемъ почтеніи которое онъ умѣлъ себѣ заслужить въ зрѣлыя годы, онъ и въ этомъ своемъ возрастѣ назывался „князь Кис-ми-квикъ“, клочкою составленною изъ трехъ англійскихъ словъ: kiss me quick, которыя имѣли въ приложеніи къ дядюшкѣ свое особенное, нѣсколько роковое для него значеніе. Но объ этомъ будетъ подробнѣе разказано въ свое время, а теперь возвращаюсь къ дѣтству моего отца и дяди.

При значительномъ превосходствѣ умственныхъ силъ какое имѣлъ мой отецъ надъ своимъ братомъ, у отца былъ характеръ нетерпѣливый и увлекающійся. Этимъ для меня объясняются многія несообразности и противорѣчія въ его жизни, начиная съ того, на примѣръ, что не оказывая никакого сожалѣнія Giraud, онъ оласно заболѣлъ отъ огорченія когда бѣдный Французъ умеръ. Дядя былъ совсѣмъ иной: если папа болѣе брата напоминалъ бабушку прекрасною вѣтшвостію и умомъ, то дядя Яковъ былъ ея сыномъ по духу и характеру. Отецъ, которому уроки не стоили никакого труда, имѣлъ много свободнаго времени и не рѣдко злоупотреблялъ своими досугами, наполняя ихъ опрометчивыми шалостями, не рѣдко въ обиду ближнихъ; но въ домѣ, любя князя Дмит-

рія, все это покрывали и не доводили до княгини. Князю Якову ученіе доставалось большимъ трудомъ: онъ былъ почти постоянно занятъ, и въ немногіе часы свободы или сидѣлъ безмолвно въ креслахъ съ важностью которая въ маленькомъ мальчикѣ была довольно комична, или вмѣсто того читалъ какую-нибудь дѣтскую книгу. Шалостей дядя не любилъ; онъ много переносилъ на себѣ отъ шалостей брата, но никогда не отомщалъ ему своихъ обидъ. Выдающимися чертами нрава дяди Якова были чрезвычайная стыдливость и искренность: онъ никогда не позволялъ слугѣ снять съ себя салогъ; такая услуга его конфузила, и все что онъ могъ сдѣлать безъ помощи другаго, онъ такъ и дѣлалъ. Позвать человека и заставить его сдѣлать что-нибудь, дядѣ Якову казалось „стыднымъ“. Объ искренности же его разказываютъ что онъ однажды явился къ бабушкѣ съ просьбою наказать его за проступокъ, о которомъ никто не зналъ и который состоялъ въ томъ что дядя, сидя за урокомъ, имѣлъ въ карманѣ маленькую юлу которая ему очень нравилась и которую ему подарили за нѣсколько минутъ до прихода учителя. Мать свою оба князя очень любили, но отецъ мой не сдерживалъ своей нѣжности, межъ тѣмъ какъ дядя Яковъ, не только страстно любившій, но даже такъ-сказать обожавшій мать, какъ бы не смѣлъ дать воли своимъ ласкамъ. Отъ того въ отношеніяхъ младшаго сына къ матери было болѣе короткости, а въ отношеніяхъ старшаго — болѣе почтительности. Князь Дмитрій, шутившій со всѣми, съ Giraud, съ Донкихотомъ, съ Ольгою Федотовной; шутилъ и съ княжною Анастасіей, которая была на семь лѣтъ его старше, а князь Яковъ, не любившій никого раздражать, былъ до того вѣжливъ съ сестрою что стоялъ предъ нею въ струнку, и если она его за что-нибудь посылала, то онъ бѣжалъ со всѣхъ ногъ чтобъ исполнить это скорѣе, и подавая княжнѣ требуемую вещь непременно цѣловалъ ея руку.

Княжна Анастасія тоже болѣе оказывала сочувствія своему брату Якову чѣмъ моему отцу, котораго она кажется вовсе не любила; онъ не нравился ей, своею рѣзвостію и слишкомъ смѣлыми намеками.

Мамеры тогда были большимъ вопросомъ: ими у насъ, къ сожалѣнію, очень много занимались, пока, къ еще большому сожалѣнію, вдругъ вовсе перестали обращать на нихъ вниманіе. Отъ этого въ нашемъ обществѣ на смѣну неприятой

манерности явдось нынѣшнее неумѣніе держать себя въ порядочной средѣ. Бабушка и въ этомъ случаѣ имѣла мѣру: она знала что дурной тонъ, дурная манера, есть все то что неумѣстно и неизяцво; но она не питала уваженія къ изысканности и смѣялась надъ входившимъ тогда въ моду петиметрствомъ.

— Это что такое, говорила она:—не живой человекъ, а какой-то цирлихъ-манирлихъ, скрученъ, связанъ по избѣ скачетъ; совсѣмъ не хорошо.

Тетускѣ же это „цирлихъ-манирлихъ“ нравилось: она сама была манерна и не любила слишкомъ живыхъ проявленій какихъ бы то ни было чувствъ, а потому братъ Дмитрій ей совсѣмъ былъ непріятель. Впрочемъ, между княжною и братьями было очень мало общаго: они только встрѣчались, видѣлись и больше ничего.

Сама княгиня говорила что она любить обоихъ сыновей совершенно одинаково, но дядя князь Яковъ не разъ мнѣ говорилъ:

— Матушка твоего отца гораздо больше меня любила, что и не удивительно, такъ какъ братъ Дмитрій того стоилъ: онъ былъ красота, и изъ красота красота, и всѣхъ лучшихъ дарованій лоловъ. Его нельзя было больше всѣхъ не любить.

И я этому вѣрю: въ душѣ княгини Варвары Никаноровны было слишкомъ много артистическаго, что вѣроятно влекло ее къ даровитому сыну. Притомъ же можетъ-быть она по дальновидности своего ума и предусматривала, съ материнскою чуткостью, искушенія и опасности которыя были удѣломъ моего отца. Съ выборомъ воспитателя для князей у бабушки была большая возня, составившая цѣлый эпизодъ въ ея жизни.

О приходившихъ учителяхъ, которые были приглашены княгиней къ дѣтямъ въ Петербургѣ, я не буду говорить: ихъ выборомъ бабушка много не стѣснялась, такъ какъ отъ нихъ требовалось только чтобъ они умѣли преподавать. Окончивъ свои уроки, они уходили и особеннаго вліянія на образованіе воли и характеровъ дѣтей не могли имѣть. Другое дѣло воспитатели которыхъ надо было принять въ домъ: тутъ обнаруживалась чрезвычайная осмотрительность съ которою видимому очень трудно было согласить выборъ Giraud. Однако это только такъ казалось: въ существѣ Giraud былъ весьма удобень, потому что доставляя практику французскаго языка онъ

былъ просто дядькою на положеніи нѣскольکو повышенномъ для того чтобъ его можно было сажать съ собою за столъ.

Всякій настоящій гувернеръ Французъ стремился бы внушать дѣтямъ свои мнѣнія и заводить свои правила и порядки, а въ этомъ онъ съ княгинею не поладили бы. Но Giraud, каковъ онъ ни былъ, не разрѣшилъ собою вопроса о воспитателѣ. Княгиня искала все-таки человѣка который могъ бы одинъ и воспитать и обучить ея сыновою всему что нужно знать образованнымъ людямъ; но гдѣ его было найти и изъ чего выбрать?

VIII.

Въ нашъ Фребелевскій вѣкъ готовыхъ принциповъ и облегченныхъ званій, воспитателей находятъ очень легко, а въ тѣ года о которыхъ идетъ моя рѣчь получали ихъ—пожалуй еще легче: небогатые родители брали къ своимъ дѣтямъ или плоховатыхъ Нѣмцевъ, или своихъ Русскихъ изъ семинаристовъ, а люди болѣе достаточные держали Французовъ или Швейцарцевъ. Послѣдніе болѣе одобрялись, и дѣйствительно были нѣскольکو лучше.

Княгиня Варвара Никаноровна иностранцевъ не хотѣла брать, а семинаристовъ немножко боялась; они казались ей грубы и неотесаны, и притомъ, по ея наблюденіямъ, очень дурно понимали обязанности высшаго человѣка къ низшему.

Этотъ послѣдній выводъ бабушка впрочемъ, кажется, преимущественно основывала на томъ что семинаристы, ходя съ отцами въ праздники по приходу, очень обижаютъ крестьянъ собирая съ нихъ безъ милосердія все что взять можно. Она знала, разумѣется, что и изъ семинаристовъ бываютъ исключенія, и при этомъ ей опять представлялся Сперанскій... Онъ очень занималъ ее.

Княгиня съ величайшимъ любопытствомъ обращалась съ разспросами о Сперанскомъ ко всѣмъ отъ кого ей казалось возможнымъ узнать что-нибудь близко къ нему относящееся, и благодаря этому своему любопытству, познакомилась съ Х. I. Лазаревымъ и княземъ Мосальскимъ, которые не прерывали своихъ сношеній со Сперанскимъ и состояли съ нимъ въ перепискѣ. Встрѣтивъ въ княгинѣ большое сочувствіе они

давали ей читать получаемыя ими отъ Сперанскаго „дружескія письма“, которыя бабушка собственноручно списывала себѣ въ особую тетрадь, и одинъ изъ нихъ вздумалъ черкнуть что-то Сперанскому о благоговѣющей предъ нимъ княгинѣ и о ея заботахъ о воспитаніи своихъ сыновей. Слово это не осталось безъ отвѣта: Сперанскій въ своемъ отвѣтѣ благодарилъ всѣхъ кто его добромъ помнитъ, и распространяясь слегка о воспитаніи жалѣлъ что у насъ въ Россіи хорошо воспитать юношу большая трудность. Тутъ шло сначала общее сравненіе воспитательнаго дѣла съ посѣвомъ, удача котораго зависитъ не отъ одной доброты сѣменъ, почвы и обработки, но и отъ *атмосферы*, которая не въ нашей волѣ, а потому въ болѣе частномъ смыслѣ говорилось о педагогахъ, подготовка которыхъ признавалась несовершенною: они де малосвѣдущи, робки, низколоклонны и мелочно придирчивы: они не любители свободы, но легко содѣйствуютъ своеволію.

Но что для княгини было всего дороже, это небольшая приписочка въ *post-scriptum* который слѣдовалъ тотчасъ за приведеннымъ разсужденіемъ. Приписка эта гласила слѣдующее:

„А что сталося нынѣ съ моимъ семинарскимъ товарищемъ, Кузьмою Романычемъ Червевымъ? Мнѣ очень бы хотѣлось о немъ знать; онъ кажется пребываетъ въ тѣхъ краяхъ гдѣ владѣетъ ваша княгиня.“

Бабушка подозрѣвала что эготъ Червевъ уломянуть тутъ не даромъ: она видѣла въ этомъ тонкій намекъ и указаніе куда ей надлежитъ устремить свои взоры, и она этому послѣдовала.

Къ немалой ея радости, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ немалому ея удивленію, оказалось что Червевъ дѣйствительно жилъ въ уздномъ городѣ, который почти со всѣхъ сторонъ облегалъ земли княгини, и изъ людей которые были съ нею въ Петербургѣ, два человѣка знали Червева лично: эти люди были Патрикѣй и Рогожинъ.

Свѣдѣнія полученныя бабушкою о Червевѣ отъ Патрикѣя заключались въ томъ что Кузьма Романычъ былъ профессоромъ въ семинаріи, но „чѣмъ-то проштрафился“, и выйдя въ отставку насилу добылъ себѣ мѣсто въ частномъ училищѣ въ ихъ городѣ. Червеву тогда было еще съ небольшимъ лѣтъ сорокъ, онъ былъ здоровъ и пошелъ изъ губерніи лѣшкомъ. Кромѣ того, онъ удивилъ всѣхъ что совсѣмъ не началъ себѣ

квартиры, а присталъ въ училищѣ да такъ тамъ и остался: обѣдъ ему варилъ сторожъ, а спалъ онъ въ классѣ на столахъ. По субботамъ Червевъ аккуратно ходилъ въ губернской городъ гдѣ оставалась его жена и сынъ обучавшійся въ гимназіи. Имъ онъ отсылалъ все свои деньги, а на себя ничего почти не издерживалъ, только свеклу варилъ, тѣмъ и питался. Въ гости Червевъ никогда ни къ кому не хаживалъ: гулялъ обыкновенно за городъ по выгону, а потомъ возвращался назадъ въ училище и „списывалъ себѣ что-то изъ одной книги въ другую“. Ученики и горожане любили его, но особеннаго въ немъ ничего не было, кромѣ того что многіе думали будто у него есть деньги да онъ ихъ бережетъ, потому что ни на что не тратилъ. На все онъ имѣлъ большое терпѣніе. Кромѣ того что недѣли не могъ провести чтобы съ сыномъ и съ женою не ловидаться, онъ и на это опять ничего не расходовалъ. Какъ только въ субботу оканчивались въ училищѣ уроки, Червевъ выходилъ съ палочкою за заставу, снималъ сапоги, и перекинувъ ихъ на веревочкѣ за спину шелъ за тридцать верстъ въ губернской городъ. О заутрени онъ приходилъ туда, спрашивалъ у сына уроки, изъяснялъ ему чего тотъ не понималъ, потомъ въ этотъ разъ обѣдалъ посылаемъ кушаньемъ которое приготовляла жена, и о вечерни опять съ тѣмъ же посомкомъ уходилъ въ уѣздный городишко къ мѣсту своего служенія. Въ понедѣльникъ на зарѣ, когда сторожъ открывалъ дверь чтобы выметать классы, Червевъ уже ждалъ его сидя на порожкѣ. Ни грязная осень, ни морозная зима и никакая случайная непогодъ и распутица не прекращали этихъ еженедѣльныхъ прогулокъ. Вся разница которую Червевъ долускалъ въ своихъ путешествіяхъ, во вниманіе ко временамъ года, заключалась въ томъ что весной и лѣтомъ онъ ходилъ босикомъ, а осенью и зимой совершалъ весь свой путь въ обуви. Права онъ былъ *благополучнаго*, то-есть всегда былъ счастливъ, а черезъ что онъ былъ такъ счастливъ про то одинъ Богъ зналъ. Веселость не оставляла его при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ. Въ Отечественную Войну, единственный его сынъ, окончивъ курсъ ученія, не совладѣлъ съ своимъ патріотическимъ чувствомъ и сталъ проситься въ военную службу. Червевъ, выслушавъ сына, сказалъ:

— Знаешь, ты одна надежда матери, а впрочемъ родилъ ты больше обязанъ, и благословилъ сына, но посоветовалъ ему матери объ этомъ ничего не сказывать и съ нею не про-

щаться. Ночью онъ самъ потихоньку выпроводилъ сына за городъ съ проезжими офицерами, которые обѣщали записать его въ полкъ, и потомъ возвратясь къ жемъ—открылъ ей истину, горькую для ея материнскаго сердца. Нанесъ этотъ ударъ своей подругѣ, Червевъ утѣшалъ ее и очень успѣшно; онъ подъялъ въ ней патріотическое чувство если не выше материнскаго, то по крайней мѣрѣ въ уровень съ нимъ: она нашла утѣшеніе въ томъ что молилась въ одной молитвѣ о сынѣ и о Россіи. Россія была спасена, а сынъ бѣдной женщины убитъ: мать этого не свесла, и Червевъ вокругъ осиротѣлъ. Онъ свесъ свое горе мужественно, но только послѣ этого уже не захотѣлъ оставаться на своемъ мѣстѣ въ училищѣ, а забралъ свои толстыя книги, изъ которыхъ, по словамъ Патрикѣя, „все изъ одной въ другую списывалъ“ и ушелъ изъ города.

— Куда?

На это Патрикѣй отвѣчалъ что никому до этого нужды не было, и потому объ этомъ никто ничего не знаетъ.

— А намъ съ тобой объ этомъ надо будетъ узнать, произвеса княгиня и дала рукой знакъ чтобы Патрикѣй удалася.

IX.

Странное и притомъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе произвелъ этотъ разказъ на бабушку. Ей не нравилось что во всемъ этомъ отдаетъ какимъ-то чудачествомъ, и она усомнилась въ основательности своей догадки что имя Червева упомянуто въ письмѣ съ цѣлю сдѣлать ей на него указаніе.

Но подумавъ неможко бабушка однако пожелала еще разспросить о немъ Донкихота.

Дворянинъ въ это время сидѣлъ предъ нею и клалъ свой пасьянсъ. Княгиня позвала его.

— Полю тебѣ шлепать своими картами! сказала она.—Давай поговоримъ.

— А? Поговоримъ.... Хорошо, извольте.... О чемъ поговоримъ?

— Ты вѣдь зналъ учителя Червева?

— Вона спросили! Разумѣется зналъ.

— Мнѣ кажется.... Патрикѣй мнѣ про него что-то вадора наговорилъ.

— Ну разумеется, разве Патрикѣй можетъ его поимать? Что же вы про него хотите знать?

— Все.

— Да я всего самъ не знаю.

— Ну, говори просто: что онъ за человѣкъ?

— По-моему онъ го-человѣкъ.

— Что такое?

— Го-человѣкъ.

— Перестань, Доримедонъ Васильичъ, вздоръ несть, говори покомъ: чѣмъ онъ отъ другихъ разнится?

— А чѣмъ разнится го-сотеръ отъ простаго сотеря: то же вино да лучше. Онъ поумнѣе того кто сто книгъ наизусть выучилъ.

— Кто это сто книгъ выучилъ?

— Я читалъ... былъ такой ученый... я это въ книгахъ читалъ.

— Батюшка, да вѣдь твоихъ книгъ кромѣ тебя никто не читывалъ. Ты объясни проще.

— Отчего же моихъ книгъ не читать? Что онъ старая, такъ то ничего не значитъ; а впрочемъ я вамъ разкажу: это было въ Палестинѣ, когда о Святой Троицѣ спорили.

— Ну вонъ оно куда пошло!

— Да вѣдь позвольте пожалуста: вѣдь это такъ-съ... тогда вѣдь, знаете, въ старину, какіе люди были: учились много, а не боялись ничего.

— Ну хорошо; ты только не лугай, а рассказывай: „Въ Палестинѣ жилъ ученый, который выучилъ наизусть сто книгъ“... Продолжай теперь!

— Да; а тамъ же, гдѣ-то въ пещерѣ жилъ мудрецъ. Ученый захотѣлъ показать мудрецу что онъ много знаетъ; приходить къ нему въ пещеру и говорить: „Я сто книгъ выучилъ“, мудрецъ на него посмотрѣлъ и отвѣчалъ: „ты дуракъ“.

— За что же онъ его такъ обидѣлъ?

— Да позвольте; вотъ видите, какъ вы слышите: онъ его вовсе не обидѣлъ, а хотѣлъ его ученость узнать, а ученый такъ только усыпалъ что мудрецъ его дуракомъ назвалъ, изаялъ лалку и началъ мудреца бить.

— Одинъ другаго умнѣе.

— Нѣтъ; вы подождите судить!... Вотъ мудрецъ и залакалъ. Ахъ братъ, говорить, какъ мнѣ тебя жалъ: ужасаюсь какъ

ты плохо учился, сто книгъ ты выучилъ, а *одно слово* усыхалъ и всѣ ихъ вдругъ позабылъ, и драться сталъ. Иди теперь снова учись.“ А Червевъ все помнитъ: его кто какъ хочетъ обижай, онъ своего достоинства ни на минуту не забудетъ.

— Да что же его за достоинство?

— Мудръ и совѣтенъ.

— Это ты говоришь?

— Да; это я говорю.

Княгиня перестала спрашивать: ея докладчики не удовлетворили ея.

Но какво же было ея удивленіе, когда тѣ кому она передала результатъ своихъ неудачныхъ развѣдокъ о мѣстопробываніи Червева, отвѣтили ей что мѣстопробываніе старика уже отыскано чрезъ Дмитрія Петровича Журавскаго, который не прерывалъ съ Червевымъ сношеній, и зналъ что онъ теперь живетъ въ Курскѣ, гдѣ учитъ грамотѣ дѣтей и наслаждается дружбою „самоучнаго мѣщанина Семенова“.

Княгиня слышала и про Журавскаго, и про „самоучнаго мѣщанина Семенова“, которые оба въ послѣдствіи получили у насъ оригинальную извѣстность, — первый какъ сотрудникъ Сперанскаго по изданію законовъ и потомъ статистикъ и аболіціонистъ, а второй какъ самоучка-астрономъ.

Имена этихъ двухъ людей, въ особенноти имя Дмитрія Журавскаго, подняли въ глазахъ бабушки значеніе Червева. Какой-нибудь незначашій человекъ не могъ быть другомъ страстнаго любителя науки Семенова, и съ нимъ навѣрное не пересылался бы письмами Журавскій, аболіціонистскія идеи котораго въ послѣдствіи неуспѣшно приложенныя имъ въ имѣніяхъ графа Перовскаго хотя и держались въ секретѣ, но были немножко извѣстны княгинѣ. Къ слову о Журавскомъ не лишнимъ считаю указать что бабушка не боялась аболіціонизма, и сама охотно толковала о томъ что быть крѣпостныхъ тяжелъ и что для нихъ надо что-то сдѣлать. Правда, княгиня Варвара Никаноровна не думала о такомъ освобожденіи крѣпостныхъ какое послѣдовало при Александрѣ Второмъ; это людямъ ея времени и въ голову не приходило. Журавскій, посвятившій крестьянскому вопросу всю свою жизнь и *все свои средства*, никогда въ лучшихъ своихъ мечтахъ не мечталъ о томъ какъ это сдѣлалось... Великодушный человекъ

этотъ хотѣлъ оставить крестьянина помѣщичьимъ работникомъ, но только не рабомъ.

По крайней мѣрѣ такъ писано въ заготовленной Журавскимъ правительству запискѣ, которая нынѣ вмѣстѣ съ другими бумагами покойнаго хранится у того кто пишетъ эти строки. Журавскій не мечталъ объ освобожденіи крестьянъ иначе какъ съ долговременною, *подготовительною* полосой, доколѣ крестьянинъ и его помѣщикъ выправятся умственно и нравственно. Теперь, когда Колумбово ядро поставлено, всѣ эти примѣриванья, разумѣется, могутъ казаться очень несообразными, но тогда о нихъ думали иначе. Княгиня Варвара Никаноровна, находясь въ числѣ строго избранныхъ лицъ небольшого кружка въ которомъ Журавскій первый разъ прочелъ свою записку „о крѣпостныхъ людяхъ и о средствахъ устроить ихъ положеніе на лучшихъ началахъ“, слушала это сочиненіе съ глубочайшимъ вниманіемъ и по окончаніи чтенія выразила автору полное свое сочувствіе и готовность служить его заботамъ всѣмъ чѣмъ она можетъ. Журавскій однако всѣхъ отклонялъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ, онъ надѣялся провести все чрезъ В. Перовскаго, отъ имени котораго и должна была идти „записка.“ * Но тѣмъ не менѣе все это настолько познакомило княгиню съ Журавскимъ что она не затруднилась обратиться къ нему за разспросами о Черевѣ. Хворый Журавскій, съ своими длинными золотушными волосами и перевязаннымъ черною косынкою ухомъ, явился къ княгинѣ по ея зову, и на ея вопросъ о Черевѣ отвѣчалъ:

— Онъ человекъ очень ученый.

— Какого духа онъ? спросила бабушка.

Собесѣдникъ княгини поежился, поправилъ черную перевязь на своемъ больномъ лицѣ, и отвѣчалъ:

— Слишкомъ возвышеннаго.

— Извините, молвила бабушка,—я не понимаю, какъ духъ можетъ быть *слишкомъ* возвышенъ?

— Когда онъ ничего не уступаетъ условіямъ времени и необходимости.

* Все это значится въ бумагахъ покойнаго Д. П. Журавскаго, подаренныхъ мнѣ И. П. Веригинымъ и мнѣ составляющихъ мою ответственность. Со временемъ по нимъ можетъ быть составленъ полный живаго интереса очеркъ личности Журавскаго и его благороднѣйшихъ заботъ о крѣпостныхъ людяхъ. *Аст.*

- Червевъ развѣ такъ?
- Такъ.
- Чего жь онъ хочетъ?
- Свѣта.
- Онъ знаетъ ваши заботы?
- Да.
- Вы съ нимъ совѣтовались?... Извините меня, Бога ради, что я васъ такъ разспрашиваю.
- Ничего-съ; да, я съ нимъ совѣтовался, мы съ нимъ были объ этомъ въ перелискѣ, но теперь я это оставилъ.
- Почему?
- Журавскій опять взялся за перевязь.
- Бога ради.. я васъ прошу, извините мнѣ мои вопросы, мнѣ это очень нужно!
- Онъ нехорошо на меня дѣйствуетъ, онъ очень благодаренъ, но все это считаетъ утешеніемъ... Онъ охлаждаетъ меня.
- Онъ холоденъ?
- Нѣтъ; но у него очень сильна критика...
- Онъ читалъ вашу записку?
- Да, читалъ, и вмѣсто отвѣта надписалъ что въ возможность этого не вѣрить.
- Во чтò же онъ вѣритъ?
- Въ то что это сдѣлаемъ не мы, а...
- А кто же?
- Благая воля съ трона.
- И бабушка, и ея собесѣдникъ умокали.
- Быть-можетъ онъ одинокъ и правъ? тихо молвила послѣ паузы княгиня.
- Быть-можетъ.
- Но скажите мнѣ, пожалуйста, почему онъ, человѣкъ, какъ говорите, съ такимъ умомъ...
- Большимъ, перебилъ Журавскій.
- И съ образованіемъ...
- Совершеннымъ.
- Почему онъ въ такомъ униженіи?
- Онъ былъ профессоромъ.
- Я это знаю.
- Читалъ исторію, и не годился.
- Почему?
- Хотѣлъ ее читать какъ должно...
- Его отставили?

— Сдѣлили; онъ взявъ другой предметъ, сталъ преподавать философію, его опять оставили. Онъ ушелъ.

— Зачѣмъ же?

— Нашелъ что лучше учить азбуку какъ должно, чѣмъ исторію и философію какъ не надобно.

— И съ тѣхъ поръ бѣдствуетъ?

— Бѣдствуетъ?... Не знаю, онъ ни на что не жалуется.

— Это удивительный человѣкъ.

— Удивительнѣйшій.

— Что вы думаете если я попрошу его взять на воспитаніе моихъ дѣтей?

— Я думаю что вы не можете сдѣлать лучшаго выбора, если только...

— Что?... Вы мнѣ скажите откровенно.

— Если вы не хотите сдѣлать изъ вашихъ сыновей ни офицеровъ...

— Нѣтъ.

— Ни царедворцевъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

— А людей...

— Людей, людей съ познаніями, съ религіей и съ честною душой.

— Червевъ вамъ кладъ.

— Послушайте родной, какъ сдѣлать чтобъ этотъ кладъ мнѣ въ руки?

— Я напишу ему.

— Я вамъ на этомъ кланяюсь въ землю.

И бабушка поклонясь съ дивана серіозно тронулась рукою до пола.

Черезъ день бабушкѣ было доставлено открытое письмо къ Червеву, прочитавъ которое княгиня осталась имъ какъ вельзя болѣе довольна и отправивъ его на почту стала ждать отвѣта со свойственною ей нетерпѣливостію.

Х.

Занятая призваніемъ Червева, княгиня не замѣчала многого на что во всякое другое время она навѣрно обратила бы свое вниманіе. Упущенія этого рода особенно выражались по отношенію къ княжнѣ Анастасіи, которая, не входя въ интересы

матери и не понимая ея хлопотъ и вѣтерпѣнія, находила въ это время свой домъ особенно скучнымъ. На *свѣтъ* конечно нельзя было жаловаться, *свѣтъ* не отрекался княгини и поощрялъ ее, но княжѣ этого было мало: ей хотѣлось предаться са ему всѣмъ своимъ существомъ.

Семнадцатилѣтняя княжна рѣшила какъ можно скорѣе оставить материнъ домъ. Выходъ представлялся одинъ—замужество. Княжна Анастасія никого не любила, ей даже никто не нравился, ей было все равно за кого бы ее судьба ни вынесла, лишь бы поскорѣе, лишь бы заставить завидовать себѣ своихъ подругъ, уѣхать за границу, а возвратясь оттуда, жить открытымъ домомъ и выѣзжать въ свѣтъ... Требованія были самыя несложныя, и еслибы выборъ жениха зависѣлъ отъ самой княжны, то трудно рѣшить кого бы она выбрала, но за нее выбрала благочестивая и благопомощная графиня Хоботова.

Въ домѣ графини давно вздыхали о княжѣ Анастасіи „терзавшейся въ рукахъ ужасной матери“, вздыхала „объ этой мученицѣ“ сама хозяйка, вздыхали ея гости, и наконецъ кому-то изъ нихъ пришла гениальная мысль вырвать княжну у матери и выдать ее замужъ, ни мало не медля.

Сначала это представлялось очень затруднительнымъ, но потомъ когда графинѣ была представлена опасность, которая заключалась въ томъ что мать можетъ выдать неопытную княжну за человека безъ вѣры, графиня въ виду этого страха рѣшилась на отчаянную мѣру. Жалуясь на княгиню цѣлому свѣту и стараясь чтобы жалобы эти ни въ какомъ углѣ не застряли, а взмывали все выше и выше, графиня Олимпіада получила право разчитывать на тонкое, но могущественнѣйшее содѣйствіе такого лица которому, какъ она неложно вѣрила, въ Россіи никто отказать не въ силахъ. По свѣдѣніямъ которыя она особеннымъ образомъ получала отъ княжн Анастасіи, она знала что „бѣдное дитя“ готово выдти замужъ и притомъ она такъ благоразумна и покорна что считаетъ лучшимъ для себя женихомъ того кого ей изберетъ благоразумная графиня Олимпіада.

Теперь ей предстояло только избрать жениха княжѣ, но онъ уже былъ готовъ: онъ самъ избралъ себя въ это званіе и ему же принадлежалъ весь объясненный мною планъ который графиня считала своимъ. Женихъ этотъ былъ не кто иной какъ давно знакомый намъ графъ Василій Александровичъ Фуакедорфъ, ни за что не желавшій разстаться съ Протога-

ювскими маестностями. Потерявъ надежду жениться на матери, графъ устремилъ свои взоры на дочь: эта затѣя представляла не мало хлопотъ, но за то она казалась вполне достижимою: путь на который графъ навелъ богомольную графиню былъ вѣренъ, а выборъ ея не могъ пасть ни на кого другого. Графиня была имъ сильно заинтересована и притомъ съ самой важной для нея стороны: она знала графа за человека наилучшихъ правилъ; за нимъ не было слышно никакихъ интригъ и онъ былъ очень религіозенъ. Несмотря на то что онъ исповѣдывалъ лютеранскую вѣру, графиня сама вѣровала въ православной церкви. Графъ даже признавался ей то онъ тяготится сухостью лютеранизма и высоко ставитъ превосходную теплоту восточнаго богослуженія; чувствуетъ юмивенное настроеніе только въ русской церкви, и не вѣритъ возможности умолатъ Бога безъ посредства святыхъ, изъ которыхъ особенно чтитъ святаго Николая.

Графиня Олимпиада заказала извѣстному тогда иконописцу Дзерову образъ Мирликійскаго святителя, убрала его ризу бисюзой и брилліантами и послала графу. Вместе съ иконою была препровождена и дорогая серебряная лампада. Графъ въ везлахъ прилетѣлъ благодарить графиню. Они оба плакали отъ умиленія. Потомъ вскорѣ графъ заболѣлъ и не хотѣлъ вѣдиться: слухи объ этомъ достигли графини и она сама поехала навѣстить „друга“. Другъ встрѣтилъ ее снова въ везлахъ и повелъ показывать „свою убогую келью“. Тутъ графиня увидала свою икону въ высокомъ кіотѣ, предъ которымъ стоялъ аналой и горѣла подаренная графиней лампада. Графиня Олимпиада была растрогана, а графъ еще больше ее растрогалъ, сказавъ что онъ никому не дозволяетъ касаться рукою этой лампады и зажигаетъ ее самъ.... Мало этого, говорятъ будто старый грѣхпроводникъ, прося свихожденія своему чудачеству открылъ графинѣ что Святитель Николай есть единственный его врачъ, а горящая предъ иконою святаго лампада единственная аптека.

— Другъ мой! воскликнула со слезами графиня:—развѣ это удачество? Это вѣра, и она не будетъ безъ награды.

Графиня Олимпиада любила награждать за службу; это въ такой степени прямо относилось къ ея вѣдомству и къ главнымъ заботамъ ея жизни, что она даже, говорятъ, хлопотала объ учрежденіи въ Россіи особаго знака отличія за службу, и дивилась холодности съ какою въ высшихъ чинахъ

отклоняли ея представленія объ ордени вѣрныхъ. Съ тѣхъ поръ какъ графъ явилъ ей вѣру свою во всемъ блескѣ, графиня только и думала о томъ чтобы наградить его и въ то же время спасти его драгоценную душу присоединеніемъ ее отъ ереси Лютера ко грековосточному православію. Съ этою цѣлію графиня возила его въ пустынь Св. Сергія за Петербургомъ, и къ чудотворцамъ Великаго Новгорода и даже на Валаамъ... Графъ всюду ѣздилъ и вездѣ усердно молился и блюлъ въ присутствіи графини посты, отъ которыхъ былъ свободенъ по уставамъ своей церкви, и даже соревнуя другимъ фаворитамъ графини начиналъ обличать замѣчательное для тогдашняго времени знакомство съ византизмомъ. Будучи немощно музыкантъ, онъ скоро научился отличать настоящіе восточныя нагѣвы отъ безстильныхъ нововведеній Сарти, которыми такъ основательно была перелорчена наша церковная музыка, и выправленіемъ которыхъ въ это время занимался Бортаявскій. Графъ даже самъ написалъ трехголосную Херувимскую, модуляцию которой развивались изъ анекreonтическихъ нагѣвовъ, сохранившихся по преданію въ пѣсняхъ пасхальнаго канона. Замѣя зыки увѣряли будто графъ заказалъ эту Херувимскую какому-то бѣдному, но даровитому семинаристу, но никто точныхъ справокъ объ этомъ не наводилъ, да онъ и не требовался, а Херувимская прекрасно исполнялась пѣвчими на клиросѣ домовою церкви графини Олимпиады... Словомъ, хотя при графинѣ Олимпіадѣ всякій старался если не быть, то казаться богомольнымъ и вѣрующимъ, но ни кому это не удавалось такъ какъ графу Василью Александровичу: онъ былъ всѣхъ вѣрующіе и потому всѣхъ ей ближе и дороже. Отсюда легко понять какъ больно ей было что душа этого человѣка все-таки будетъ мучиться въ адѣ, такъ какъ графиня была глубоко увѣрена что лютеранъ въ другое мѣсто не луютятъ.

Графъ ничего не приводилъ въ опроверженіе этого мнѣнія: онъ повидимому самъ раздѣлялъ его, но только не могъ перемѣнить вѣры, потому что имѣлъ на это свой взглядъ по которому честный человѣкъ обязанъ жить и умереть въ той религіи въ какой онъ родился. Этимъ честный человѣкъ оказываетъ уваженіе религіи своихъ отцовъ.

Отступленіе отъ этихъ правилъ графъ считалъ позволительнымъ только въ томъ единственномъ случаѣ когда для человѣка возникаютъ новыя обязательства къ существамъ съ

оторыми онъ долженъ искать полнаго единенія, для которыхъ словѣкъ обязанъ „оставить отца и мать“. Такія существа, разумеется, жена и потомъ дѣти. Высоко ставя принципъ семейный, графъ говорилъ что онъ считаетъ въ высшей степени вреднымъ чтобы члены одной и той же семьи держались разныхъ религіозныхъ взглядовъ и принадлежали къ разнымъ церквамъ. Было ясно что для пріобрѣтенія этого человѣка существовало одно средство—женить его на православной дѣвушкѣ; но съ сожалѣнію, графъ находилъ эту мысль уже слишкомъ для себя запоздалою, такъ какъ ему было уже около пятидесяти.

Сколько разъ ни наводила графиня Олимпиада разговоръ съ рафомъ на эту тему, онъ былъ непреклоненъ и съ серіозною крѣпостию указывалъ на то что его сынъ отъ перваго брака уже готовился надѣть эполеты.

Свое ухаживанье за княгиней Варварой Никаноровной, а вмѣстѣ болѣе свое неудачное сватовство къ ней графъ, разумеется, хранилъ въ глубочайшемъ секретѣ; объ этомъ никто не зналъ, кромѣ бабушки, а та была скромна не менѣе самага графа. Да при томъ, можетъ-быть, еслибы княгиня объ этомъ и проговорила, то ей едва ли бы повѣрили. Въ тотъ разъ, при локушеніи на руку твердой и самостоятельной княгини, графъ не могъ имѣть никакихъ пособниковъ: тамъ онъ долженъ былъ дѣйствовать самъ, но теперь онъ держался иной болѣе безопасной тактики. Графъ предоставлялъ до всего додуматься графинѣ Олимпіадѣ и ей же дарилъ весь логичный дѣла: она должна была вызнать мысли княжны, внушить ей симпатію къ этому плану; забрать ее на свою сторону, и увѣрять что княжна въ случаѣ рѣшительнаго вопроса дастъ рѣшительный же отвѣтъ въ желанномъ духѣ, графъ предоставлялъ Хоботовой упросить и уговорить его на этотъ бракъ; тогда ему оставалось только согласиться или несогласиться.

XI.

Планъ оказался вѣренъ во всѣхъ деталяхъ, а исполнители его своею смѣлостью и тактомъ превзошли всѣ ожиданія графа. О княгинѣ во всѣ звоны звонили какъ о женщинѣ тяжелой, жестокой и даже злой: положеніе ея дѣчери представлялось страдальческимъ и взывающимъ къ защитѣ.... Самъ графъ во весь этотъ промежутокъ повидимому былъ

такъ далеку отъ всей затѣи какъ только можно было себя представить: онъ даже рѣже чѣмъ прежде бывалъ теперь у Хоботовой, но за то чаще посѣщалъ княгиню Варвару Никаноровну, которая съ пылкимъ восторгомъ повѣряла ему свои радости заключавшіяся въ открытїи ею Червева.

Графъ, къ чести его сказать, умѣлъ слушать и умѣлъ понимать что интересуетъ человѣка. Княгиня находила удовольствїе говорить съ нимъ о своихъ надеждахъ на Червева, а онъ не разрушалъ этихъ надеждъ и даже частїю укрѣплялъ ихъ. Я увѣренъ что онъ въ этомъ случаѣ былъ совершенно искрененъ. Графъ могъ интриговать во всемъ что было ему нужно, но въ дѣлѣ воспитанїя онъ не сказалъ бы живаго слова.

Словомъ, княгиня во все это время находилась съ графомъ въ лучшихъ отношенїяхъ, а межъ тѣмъ вокругъ ее широко облегла ловкая интрига, которой бабушка рѣшительно не замѣчала. Но за то, каково же было ея изумленїе и негодованїе когда все это перестало таиться, и вдругъ выступило на нее въ атаку.

Бабушка была взята врасплохъ: это случилось на большомъ званомъ вечерѣ, гдѣ были и княгиня, и ея дочь. Сватъ о которомъ въ домѣ Хоботовой было сказано что „ему никто не отказываетъ“ подошелъ къ княгинѣ со своею чарующею улыбкой и сказалъ:

— Я къ вамъ сватомъ, княгиня,—чтобы смягчить значенїе этихъ словъ онъ добавилъ извѣстную простонародную фразу:— у васъ товаръ, у меня купецъ.

Княгиня была поражена этою неожиданностїю. Дочери возлѣ нея въ эту минуту не было: она танцевала въ залахъ.

Княгиня стоя предъ тѣмъ кто говорилъ съ нею глядя въ его лицо и читала по его глазамъ что ему на нее что-то наговорено: въ ласковыхъ, немного усталыхъ глазахъ чуть замѣтно блеснули холодные блики.

Бабушка отвѣчала тою же простонародною рѣчью:

— По засылу суда гость товара достойнѣе: съ моеи руки лолой выдамъ; но живой товаръ долженъ самъ говорить.

— О, дочь ваша согласна! Попросите княжю.

Взволнованная рѣзвымъ танцемъ княжна представила; ее спросили: она была согласна. Кто же былъ женихъ? Княгиня видѣла Функендорфа и не вѣрила своимъ глазамъ. Ей казалось что ее обманываютъ разомъ всѣ ея чувства, что все это не дѣйствительность, а какой-то тяжелый сонъ, въ которомъ и

она бредила и теперь бредить всё, спѣша приносить свои поздравленія ей, княжнѣ и Фукендорфу.

Но это не былъ сонъ: это была самая существенная дѣйствительность, всю силу и все значеніе которой княгиня вполнѣ ощутила только тогда когда, измученная своею ролью въ продолженіи вечера, она сѣла въ карету, и обхвативъ руками голову дочери прижала ее къ своей груди и зарыдала.

Княгиня была гораздо покойнѣе,—это и было понятно: бабушка искала во всемъ что случилось своей вины, а княжна не видала въ случившемся ничего кромѣ торжества своей правоты и окончанія своего житія въ домѣ котораго *всѣ* порядки не нравились ей, утомили ее и впереди не обѣщали ей ничего кромѣ того же недовольства. Княгиня видѣла въ неожиданномъ сегодняшнемъ происшествіи страшное коварство которое не пощадило ничего, а княжна видѣла во всемъ этомъ благородное заступничество за ея тяжелую долю; княгиня была эстетически противна поступокъ челоуѣка который метался съ своею рукой отъ нея къ дочери; княжна этого обстоятельства даже не подозрѣвала и притомъ не могла и оценить всей важности шага на который дала свое безсловоротное согласіе.

— Настя! другъ мой! говорила княгиня, сжимая дочь въ своихъ объятіяхъ:—насъ разлучаютъ....

Княжна тихо обняла мать.

— Тебя обманули, Настя.... меня обманули.... Настя всѣхъ обманули!

— Кто, татап? прошелтала княжна.

— Не знаю, не знаю кто, но обманули.

И княгиня, выпустивъ голову дочери, закрыла руками лицо и снова зарыдала въ платокъ.

— Не знаю кто, продолжала она, неможко усложась черезъ минуту,—тебѣ это можетъ-быть больше извѣстно.

Съ этими словами княгиня вдругъ круто оборотилась къ дочери: та сидѣла прижавшись въ уголъ кареты и послѣ нѣкоторой паузы, тихо выговорила:

— Я ничего, татап, не знаю.

Въ томъ этого отвѣта не было никакой искренности, онъ звучалъ фальшью.

— Ты жаловалась на меня кому-нибудь? Ты напрасно это дѣлала.... Ты жалѣть объ этомъ будешь, Настя.

— Нѣтъ, маман... на что жь мнѣ жаловаться?

— Можетъ-быть ты говорила на меня что-нибудь теткѣ... графинѣ Олимпиадѣ Павловнѣ?

— Нѣтъ, маман, я ничего не говорила графинѣ.

Бабушка снова привлекала къ себѣ княжну и, вздохнувъ, поцѣловала ее въ лобъ, въ глаза и въ губы, и перекрестила: она какъ нельзя яснѣ слышала что дочь лжетъ, но ни о чемъ ее болѣе не спрашивала.

Карета остановилась у подъезда, и онѣ рядомъ подвинулись на лѣстницу.

Перейдя залъ и гостиныя комнаты, княгиня остановилась у дверей своей спальни и спросила:

— Ты устала, Настя?

— Да, маман.

— Зайди ко мнѣ, я тебя перекрещу.

Она подошла къ своему образнику, вынула оттуда небольшой серебряный складень и сказала:

— Возьми это къ себѣ: предъ этимъ образкомъ отецъ твой молился за часъ до смерти.

Бабушка благословила дочь образомъ, поцѣловала ее въ голову, и отколовъ бѣлую розу съ ея груди помѣстила цвѣтокъ въ образникъ на мѣсто откуда былъ снятъ складень.

Княжна обняла мать и поцѣловавъ ее вышла, держа въ одной рукѣ зажженную свѣчку, а въ другой складень.

Княгиня стояла и молча глядѣла на дверь въ которую вышла дочь.

Душевное состояніе бабушки было вѣроятно очень тяжело, о чемъ можно было судить по цѣлому ряду не совсѣмъ правильныхъ и вовсе необдуманныхъ *неронныхъ дѣйствій*, выразившихся въ слѣдующемъ:

Волевымъ, по словамъ Ольги Федотовны, княгиня долго стояла „какъ изстумленная“ на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ перекрестила дочь, и не слышала какъ Ольга Федотовна два раза предлагала ей раздѣваться.

Потомъ она безо всякой видимой причины вдругъ сильно вздрогнула, и замѣтивъ тогда Ольгу окинула ее строгимъ взглядомъ и сказала:

— Что ты здѣсь?... Подсматриваешь за мною?

— Я жду раздѣть васъ.

— Хорошо; я раздѣнусь.

И когда Ольга Федотовна приступила дѣлать бабушкинъ ночной туалетъ, та, стоя къ ней спиною, всплеснула руками и сжавъ ихъ у себя на темени громко воскликнула:— Тяжело! и съ этимъ, совсѣмъ раздѣтая, молча сѣла. Черезъ минуту она перешла комнату и упавъ въ постель, велѣла унести свѣчу. Но чуть Ольга вышла, бабушка тотчасъ же опять постучала ей въ стѣну и не оборачиваясь отъ стѣны проговорила:

— Ты знаешь: наша княжна замужъ выходить.

Ольга Федотовна отъ удивленія не спросила кто женихъ, но бабушка сама ей это пояснила:

— Мужъ ея будетъ графъ Функендорфъ.... Слышишь?

— Слышу-съ.

— Старому коту молоденькая мышка.... Иди себѣ: я спать буду.

Ольга мнѣ разказывала:

„Я послѣ этого такъ потихоньку и вышла, но и я всю ночь не спала и слышала что и она ни на минуту не заснула, а утромъ раньше меня встала и пресердитая. Я знала что съ ней въ это время нельзя было разговаривать и побѣжала къ княжнѣ чтобы хоть отъ нея узнать что такое случилось? А княжна спитъ на кроваткѣ. Я здѣсь ничего не узнавши да бѣгу къ Патрикью Семенову чтобы съ его умомъ посоветовать, да какъ разъ въ угольной самому страху въ глаза и вскочила: княгиня-то,—чего никогда съ нею не бывало,—въ утреннемъ калотѣ стоять, а предъ ними мой бѣдный Жироша, и на колѣняхъ вертится, и ручки ломаетъ, а самъ глаза къ небу поднимаетъ, таращится и плачетъ.

„— Пардонъ, кричитъ, пардонъ! Я разумѣется догадалась что она тутъ это уже не насчетъ здоровья, а что-нибудь поважнѣ провинилса, взяла да за дверь спряталася, а какъ она Жирошу отпустила, я его въ коридорчикѣ изловила за рукавъ и говорю:

„— Что ты шальной сдѣлалъ?

„— Ахъ, говорить, шеръ Ольга Федотъ, я самъ теперь нащѣтъ, валекъ и деревяная баба: я письмо носилъ.

„— Какое ты письмо, куда носилъ?

„— Много, много письма носилъ.

„— Да куда, отъ кого, безтолковая голова?

„— Отъ пресесъ....

„Я разсердилася:

„— Ахъ, говорю, ты шелопутъ! да какъ же ты это посмѣлъ сдѣлать? Вѣдь тебя за это сейчасъ со двора делай, да еще лсомъ приуськнуть. Развѣ можно отъ дѣвицы къ мушницѣ лшма переносить?

„А онъ забожился:

„— Нѣтъ, вѣтъ, вѣтъ, говоритъ, шеръ Ольга Федотъ, не къ мушницѣ, а къ графинѣ.

„Я догадалась что это къ Хоботовшѣ и стала слоколатъ, только спросила его:

„— Простила же тебя княгиня?

Онъ говоритъ:

„— Простила.

„— Ну, молъ, счастливъ твой Богъ, бѣги же скорѣе къ себѣ да поменьше нынче съ дѣтьми-то у нея на глазахъ вертитесь, нынче еще много грома будетъ.

„Онъ залопоталъ: „Все понимай, все понимай“, да и лѣбжалъ.“

XII.

Ольга Федотовна была хорошиій барометръ для опредѣленія домашней атмосферы: она какъ вельзя болѣе основательно предсказывала грозу и напрасно тщиалась отвести ее своими отводами, въ родѣ совѣтовъ данныхъ ею Жиро и увидавшій „не сердить княгиню“ нашелганныхъ по всему дому. Бабушка, сознавшаяся вчера съ вечера самому Богу что ея очель тяжело, была слшшкомъ наэлектризована вчерашнимъ просещеніемъ и не могла не разразиться. Утреннее сознание которое она вырвала у Жиро еще увеличало зарядъ: Жиро сознался что онъ каждое воскресенье, уходя къ компатріотамъ, носилъ какія-то письма отъ княжны къ Хоботовой. Что онъ дѣлалъ это не изъ интриганства, не изъ корысти и вообще не изъ какихъ-нибудь другихъ дурныхъ побужденій, этому княгиня вполнѣ вѣрила; но тѣмъ не менѣе это открыло княгинѣ что за нею въ ея собственномъ домѣ было устроено систематическое шпшнство... Не могло же это не оскорблять ее... Она отлщчно понимала чьи это пружины тутъ дѣйствовали и потому-то прямо взяла утромъ на допросъ Жиро поставленнаго къ ней въ домъ графомъ Функендорфомъ. Во всѣхъ другихъ она была увѣрена, и подобное дѣло раг рштіе могъ сдѣлать по своему безразсудству только одинъ Жиро.

Княгиня и въ эти минуты высшего раздраженія яшша въ

себѣ столько справедливости что, извѣсивъ поступокъ бѣлаго Француза, простила его и даже запретила ему представлять доказательства кѣмъ онъ былъ склоненъ къ этому. Но за то тотъ кто всему этому былъ причиною могъ ожидать себѣ хорошей встрѣчи, и онъ ее-таки и дождался.

Княжна Анастасія въ этотъ день долго не выходила изъ своей комнаты. Она поздно проснулась и не совсѣмъ хорошо себя чувствовала. Бабушка навѣстила дочь въ ея комнатахъ и видя что у княжны что-то въ родѣ лихорадки посоветовала ей не выходить до обѣда, а если захочетъ, то и весь день провести у себя.

Княжна очень этого хотѣла, и потому съ радостію воспользовалась материнымъ дозволеніемъ остаться сама съ собою.

Княжна вышла въ приемныя комнаты одна и сѣла, по своему обыкновенію, съ работою. Безъ работы она никогда не оставалась и потому въ томъ, или не въ томъ было работать при гостяхъ, это ее не озабочивало. Итакъ, княжна сидѣла тихо, задумчиво, работала молча и ловидимому была даже покойна. Она приняла нѣсколько человѣкъ пріѣхавшихъ ее поздравить и ко всѣмъ была ласкова и пріятлива, такъ что приемъ ея дышалъ даже особенною тихостію и теплотою, она ловидимому ни въ чьихъ словахъ не слыхала никакой ироніи и насмѣшки, и всѣхъ только просила о сокращеніи благожеланій.

— Будетъ-будетъ, вѣрю... благодаря, отвѣчала она, усаживая гостя; но все это была только тишина предъ бурей.

Чуть только въ длинной анфиладѣ открытыхъ комнатъ показалась импозантная фигура графа Функендорфа, по лицу бабушки заходила красная пятна; однако она и на этотъ разъ себя сдержала и, отвѣчая графу подлауемъ въ щеку на его подлауи ея руки, шутливо молвила:

— Я, зять, васъ раньше ждала, и она прикусила слегка нижнюю губу и внимательно слушала пока Функендорфъ извѣдался что его утромъ звали въ кабинетъ по важному дѣлу.

— Я пошутила: вы человекъ дѣловой, отвѣчала, оборачиваясь къ другимъ, княжна.

Она не вѣрила слышанной отговоркѣ и мысленно искала настоящей причины для чего графъ, сыгравъ съ ней вчерашнюю штуку, не пріѣхалъ къ ней ранѣе всѣмъ утромъ чтобъ объясниться безъ свидѣтелей, а напротивъ оттянулъ свиданіе. Но причина эта не замедлила объясниться: вслѣдъ за гра-

фомъ, вдали той же афилады, показалась графиня Олимпиада. Бабушка догадалась что графъ и графиня условились съѣхаться... Конечно, графъ хотѣлъ держаться за графиню, какъ за ширмою, и только немножко неосторожно опередилъ ее, или та, противъ уговора, замѣшкалась.

Варвара Никаноровна, замѣтивъ гостью, встала и отъшла нѣсколько шаговъ ей на встрѣчу.

Графиня была чинна, и отъ нея по обыкновенію повѣвало холодкомъ. Впрочемъ въ общемъ всегда мало интѣнсивнѣйшій видъ ея имѣлъ въ себѣ на этотъ разъ нѣчто торжественное: ея коски на вискахъ были словно круче, одутыя щеки подъ смуглою кожей горѣли румянымъ подсвѣтомъ, изумительной чистоты руки сверкали отъ гладкости, а платье погромыхивало. Графиня шла не одна: за нею сзади двигались двѣ покровительствуемая ею дамы; одна несла большую и ловидимому довольно тяжелую роскошную корзину покрытую широкимъ кускомъ бѣлаго батиста.

Бабушка поняла что эти дамы, при участіи которыхъ подносится подарокъ, тоже здѣсь для того чтобы защититься отъ нея многолюдствомъ. Книжкѣ это даже стало смѣшно, бродившія у нея по лицу розовыя лятна перестали двигаться и стали на мѣстѣ. Теперь она сходилась лицомъ къ лицу съ графиней.

Та первая подала бабушкѣ руку, но взглянула ей не въ лицо, а чрезъ плечо далѣе. Она очевидно искала глазами княжны, но не видя ея должна была начать разговоръ съ княгиней:
— Извини.... я думала, для такихъ минутъ.... ты не осердишься.

— Сердиться? Мнѣ? За что? Я рада....

— Что дочь? продолжала Хоботова, небрежно роня слова и осматривая присутствующихъ:—я, извини меня, хотѣла васъ поздравить....

— Благодарю, и снова....

— Да; не безлокойся.... Я утромъ съѣздила къ обѣднѣ.... помолилась.... Смотрѣла васъ по церкви да не видала.... не были.... Потомъ заѣхала въ яла.... тутъ кое-какія бездѣлушки для вѣсты.... Позволишь?

— Сколько угодно.

— Но гдѣ же она, княжна-то?

— Она тамъ.... у себя.

— Что, нездорова?

— Да.

— Такъ я туда. Надѣюсь, можно?

— О, конечно.

Графиня тронулась въ сопровожденіи своихъ ассистентокъ и бабушки; гости, видя недосугъ хозяйки, окружили графа съ поздравленіями, которыя тотъ съ этой поры дозволилъ приносить себѣ.

Эти гости были здѣсь такъ оживлены и веселы что имъ показалось будто княгиня Варвара Никаноровна провела со своею гостью у дочери всего одну минуту, но за то при возвращеніи ихъ никто бы не узналъ ни этой хозяйки, ни этой гостьи; даже ассистентки графини сморщились какъ сморчки и летѣли за графинею.

Княгиня ее не провожала: она молча сидѣла въ углѣ дивана и тяжело дышала, теребя въ рукахъ вѣеръ.

Гости переглянулись и одинъ по одному тихо вышли. Княгиня ихъ не удерживала. Она осталась вдвоемъ съ графомъ, который тоже былъ не совсѣмъ доволенъ своимъ положеніемъ и не зналъ что дѣлать съ разгнѣвannoю княгиней. Онъ, я думаю, въ эти минуты былъ только очень радъ что онъ женится не на ней, а на ея дочери.

— Что случилось? прошепталъ онъ мягкимъ и вкрадчивымъ шепотомъ.

Княгиня не отвѣчала и продолжала обмахиваться вѣеромъ. Графъ переждалъ минуту и повторилъ вопросъ.

— Случилась вещь простая, отвѣчала бабушка:—я не люблю чтобы меня унижали....

— Васъ унижать.... кто это можетъ?

— Вотъ.... графиня....

— Графиня?

— Да, она благочестива.... я не спорю: я грѣшница и не сужу людей.... Она мнѣ здѣсь ни слова не сказала что свадьбу надо скоро.... Вашъ свать васъ хочетъ самъ благословить?

Графъ поклонился и отвѣчалъ что это правда.

— Что же, графиня всѣмъ обѣщала что къ его отъѣзду все послѣдетъ.... Бмть такъ: все будетъ готово какъ она обѣщала; но графиня мало.... все за меня рѣшать и всѣмъ распорядиться.... Она при дочери мнѣ стала повторять что я должна бм сегодня ѣхать въ церковь. Она была, а я де сомя.... прослала....

— Зачѣмъ это ей право?

— Не знаю.... но я какая ли на есть, а все-таки мать: зачѣмъ меня ровать при дѣтахъ? Я ей отвѣтила что и я не

спала, а тоже утромъ кое-чѣмъ занималась: она молилась за Настеньку и вкладъ монастырю дала, а я писала управителю чтобъ онъ ея голоднымъ мужикамъ безплатно по двѣ четверти хлѣба на сѣмена роздалъ за Настино здоровье.... Всякій, значитъ, свое сдѣлалъ...

— И вы ей это сказали?

— Да; а что же, развѣ это непозволительно?

— Но ей не можетъ быть это пріятно...

— Очень вѣрю, и мнѣ, графъ, тоже многое очень непріятно. Тотъ склонилъ голову и пожалъ плечами.

— Очень, очень, графъ, непріятно, но я никому этого не показываю, и я отдаю вамъ, графъ, мою дочь; и я дамъ ей не только все что слѣдуетъ, но и то чего не слѣдуетъ, я дамъ все что я только могу отдать.

Графъ склонился еще ниже, и прильнулъ губами къ рукамъ княгини.

— Все, все дамъ, графъ; много дамъ, все вамъ къ одной жѣ... Имѣнья чудныя, земля какъ бархатъ, угодыя водяныя, лѣсы и мужики исправные, въ зажиткѣ.

Говоря это громкимъ голосомъ, княгиня все крѣпче и крѣпче сжимала руки графа, и при послѣднихъ словахъ неожиданно встала и понизивъ тонъ добавила:

— Но если, графъ, вы вашей будущей молоденькой жѣнѣ когда-нибудь наскучите, то въ этомъ я уже не въ силахъ буду вамъ помочь, а вы къ графинѣ обратитесь, она о васъ помолится.

Съ этими словами бабушка презрительно выбросила руки графа, оставивъ его посреди гостиной ушла во внутренніе покои.

Выдѣлъ былъ дѣйствительно самый щедрый: бабушка, дѣйствуя какъ опекуныша въ предѣлахъ предоставленной ей закономъ власти, выбирала дочери законную часть въ такихъ мѣстахъ что часть эта, отвѣчая законнымъ размѣрамъ по объему земли и численности душъ, далеко превосходила эти размѣры дѣйствительною стоимостью. Княгиня выбирала въ приданое дочери самое лучшее и какъ можно ближе подходившее къ новымъ владѣніямъ графа: лучшія земли съ бичевникомъ по берегамъ судоходной рѣки, старыя плодovitыя сады, мельницы, толчеи и круторушки, озера и заводы, конскій заводъ въ Разновильѣ и барскій домъ въ Шаховѣ. Мужики въ обоихъ селахъ все состоятельныя, у которыхъ кромѣ нарѣзныхъ помѣщичьихъ земель, бывшихъ

въ ихъ обработкѣ, были еще значительныя собственныя земли, кулленныя ими на имя княгини, амбары въ базарныхъ местахъ и даже дома въ городахъ. Сыновей княгиня этимъ выдѣломъ не боялась обидѣть, потому что, по ея мнѣнію, имъ и такъ доставалось противъ сестры очень много, а къ тому же княгиня разчитывала добрымъ хозяйствомъ увеличить ихъ состояніе къ тому времени когда они придутъ въ совершенный возрастъ. Кромѣ того, княгиня посягнула для „любимой дочери“ на свою собственную часть: чтобы соединить выдѣляемые поля бабушка рѣшила просить собственнаго выдѣла съ тѣмъ чтобы при новой партіи соединить интервалы дочернихъ полей на счетъ своей вдовьей части.

XIII.

Графъ женился на тетущкѣ Анастасіи. На свадьбѣ ихъ ничего замѣчательнаго не произошло: все было пышно, хорошо, было много гостей, роздано всѣмъ много подарковъ и много денегъ. Княгиня на третій день послѣ свадьбы дала большой балъ на которомъ допустила довольно пріятное для молодыхъ отступленіе отъ новаго этикета въ пользу старинны: когда шла здоровье молодымъ, къ княгинѣ подошелъ Патрикѣ съ серебрянымъ подвсомъ на которомъ была насыпана куча червонцевъ.

Бабушка взяла подносъ и поднеся его графу сказала:

— Любезный зять не осудите: вы были не здоровы некогда: позвольте мнѣ просить васъ съѣздить съ Настей за границу: ей будетъ ново видѣть какъ живутъ въ чужихъ краяхъ. А это ей отъ меня на дорогу.

Графъ долженъ былъ принять и привошеніе и просьбу. Вслѣдъ за этимъ баломъ вскорѣ же начались сборы новобрачныхъ за границу. Графъ устроилъ такъ что поѣздка его шла какую-то дипломатическую цѣль: что давало ему пріятное жоложеніе при иностранныхъ дворахъ, а также и дѣлало экономію. Княгиня узнавъ объ этомъ сказала только:

— Значитъ я ему невозможно лишняго выдала на дорогу, ну да Богъ съ нимъ: не тѣмъ наши дѣды разжились, пусть съ легкой руки разживается.

Княгиня была все это время очень весела и довольна, и никто не зналъ чему именно надо приписать такое довольное ея состояніе? Впрочемъ, полагали что она рада устроить дочь

за виднаго челоуѣка; но причина пріятнаго настроенія княгини была совсѣмъ иная: Варвара Никаноровна не одобряла въ душѣ брака дочери, но это уже было дѣло непоправимое, за то теперь княгиня могла уѣхать домой въ свое теплое гнѣздышко, въ уютное Протозаново, которое казалось ей еще милѣе послѣ всѣхъ петербургскихъ передрагъ и особенно послѣ того какъ Патрикѣй всего за день до свадьбы тетушки Анастасіи Львовны, подалъ княгинѣ распечатанный конвертъ изъ Курска. .

Конвертъ былъ надписанъ незнакомою рукою на имя Дмитрія Петровича Журавскаго и Патрикѣй доложилъ княгинѣ что Журавскій „самъ изволилъ завосить пакетъ, но доложить не приказалъ, сказавъ: не надо.... тутъ.... увидать все что нужно“.

Бабушка догадалась что Дмитрій Петровичъ слышалъ что у нея свадьба и не хотѣлъ отрывать ее.... Ей было это невозможно досадно что она даже „спасибо“ сказать себѣ не позволяла, но все равно: она знала отъ кого этотъ конвертъ въ немъ долженъ былъ заключаться столь долго жданный и столь важный для нея отвѣтъ отъ Червева, Письмо было вполнѣ утѣшительное.

„Любезный другъ!“ писалъ Червевъ. „Получилъ я ваше письмо съ предложеніемъ принять на себя воспитаніе дѣтей княгини Протозановой. Предложеніе лестное и пріятное. Кому же и учиться много какъ не дѣтямъ людей богатыхъ и знатныхъ, которыхъ не отрываетъ отъ науки ранняя забота о хлѣбѣ? Это ихъ преимущество котораго родители ихъ не должны отнимать у нихъ подъ страхомъ низведенія рода своего къ ничтожеству. Гдѣ высшіе слои общества лишены образованности, тамъ въ странѣ не можетъ быть ни справедливости, ни другихъ высокихъ добродѣтелей, и таковая страна, какъ бы она ни была сильна и знаменита, стоитъ на пути погибельномъ. Но размыслите, другъ, могу ли я для ученія дѣтей княжескихъ? Если же я могу, то не знаю гдѣ мнѣ взять силъ чтобъ отъ этого отказаться. Да и зачѣмъ я откажусь? До сей поры я въ вѣкъ свой много научилъ ребятъ, но по малому назначенію тѣхъ конихъ училъ, а совершалъ это дѣло такъ-сказать экстерически, а не всотерически.... Я еще никогда не видалъ предъ собою учениковъ которые учились бы не ради скорого пріобрѣтенія куса хлѣба, а не такихъ удобно учить всему и много, широко и основательно.... Признаюсь вамъ,

въ лучшей порѣ моей жизни я мѣногда мечталъ объ иныхъ ученикахъ; но думалъ что это мечта напрасная, теперь вы ее возбудили и душа сѣдаго старика въ тревогѣ. Блаженъ кому дано вести цвѣтущихъ юношей къ высокому познанію, и имѣть сего блаженства чище и милѣе.... О благопріятель! неужто и мнѣ будетъ дано сіе счастье? Къ чему же я въ призывѣ вашемъ вижу рѣчь о платѣ за мои труды? Какая плата старику дороже той что онъ почувствуетъ въ своихъ рукахъ юношескія руки, и будетъ озабоченъ тѣмъ чтобъ юношескій умъ какъ лыш-ный цвѣтъ разцвѣлъ отъ его ухода? О, это слишкомъ много, и не оскорбляйте меня инымъ договоромъ.... Только смотрите, благопріятель: осторожно ли вы писали? Со мною много шутили, но эта послѣдняя шутка была бы уже слишкомъ жестока... Но имѣть; вы не шутите.... не правда ли? Подите же и скажите вашей княгинѣ—старикъ Червевъ проситъ васъ: дайте ему прижать дѣтей вашихъ къ его груди и передохнуть въ нихъ все тѣмъ она дышетъ.“

— Тебѣ, старикъ, тебѣ и никому другому! проговорила бабушка и обтерла набѣжавшую на глаза слезу.

Княгиня была въ восторгѣ отъ этого письма.

— И вы слова добрый человекъ не говорить о томъ что ему заплатить, прибавила она;—даже гнушается этимъ, значить дѣло любить, а не деньги.... Такіе люди рѣдки: Богъ мнѣ въ немъ неслыханное счастье посылаетъ.

И княгиня, благословивъ Бога, спала эту ночь крѣпко, а на другой день встала довольною и веселою. Съ тѣхъ поръ прекрасное настроеніе духа не измѣняло ей во всѣ остальные дни приготовленія къ дочервиной свадьбѣ и къ наступившимъ за свадьбою проводамъ новобрачныхъ за границу.

День отъѣзда молодыхъ былъ давно назначенъ; княгиня собиралась сама уѣхать къ себѣ въ Протозаново тотчасъ по отъѣздѣ Функендорфовъ. Знакомымъ, которые уговаривали княгиню еще погостить въ „хорошемъ городѣ Петербургѣ“, она отвѣчала:

— Нѣтъ, благодарю за привѣтъ. Не слору, Петербургъ городъ хорошій: и вымощенъ и выметенъ, но дома мнѣ все лучше.

Варвара Никанорова и впередъ сюда не обѣщалась скоро. На просьбы дочери пріѣхать въ Петербургъ на будущую зиму она ласково отвѣчала ей:

— Нѣтъ, мой другъ, я и обманывать не хочу,—не поѣду.

Зачѣмъ? что мнѣ тутъ дѣлать? Кому нужны кресты да персты ни тому здѣсь надо, а наше благо на пелавъ растеть и мое мѣсто на своемъ корню. Было время и я здѣсь жила, но хорошаго тоже мало изъ того времени помню.... а теперь я уже совсѣмъ отъ этого отстала и слава за то Создателю: надо кому-нибудь и соху съ лопатой звать, а навздомя хлѣба не папашешь.

Нѣжность княгини къ „влюбимой дочери“ все это время не только не уменьшилась, но напротивъ еще болѣе усиливалась: Варвара Никаноровна сама не знала чѣмъ ей свою Настеньку утѣшить и обрадовать. Она каждый день пріѣзжала къ ней съ дорогими подарками; купила ей самый дорогой, покойный и щегольской дорожный дормезъ и навезла такую кучу разныхъ лутевыхъ вещей что съ ними въ домъ графа не знали куда дѣваться. Графъ разсматривая эти вещи вѣроятно не разъ думалъ, къ чему эта трата? Не лучше ли бы деньгами? Молодая графиня была, кажется, однихъ съ мужемъ мыслей. Но крайней мѣрѣ она всякій разъ ставила матери на видъ что за границею все лучше и дешевле, но княгиня отвѣчала:

— То лучше, да изъ чужихъ рукъ, а это отъ матери, и опять возила подарокъ за подаркомъ. Такъ продолжалось до самаго отъѣзда тетюшки съ мужемъ.

Проводивъ молодыхъ, бабушка сама стала собираться, но не могла уѣхать изъ Петербурга въ Протозаново такъ скоро, какъ хотѣла: ее удержала болѣзнь дѣтей. Отецъ мой простудился и заболѣлъ корью, которая отъ него перешла къ дядѣ Якову. Это продержало княгиню въ Петербургѣ около мѣсяца. Въ теченіи этого времени она не получила здѣсь отъ дочери ни одного извѣстія, потому что письма по уговору должны были посылаться въ Протозаново. Какъ только дѣти выздоровѣли, княгиня, къ величайшему своему удовольствію, тотчасъ же уѣхала.

На сѣверѣ „въ нѣгерманландскихъ болотахъ“ было еще сыро и холодно, но чѣмъ ближе къ югу тѣмъ становилось теплѣе и пріятнѣе: за Москвою къ Окѣ совсѣмъ уже была весна, хотя еще и ранняя, безъ яркой зелени и безъ обилія цвѣтовъ, но уже съ животворною мягкостью въ воздухѣ, которая такъ чудотворно живить силы и успокоиваетъ душевные волненія. Всѣ чувства княгини отдыхали среди этой атмосферы отъ утомленія, которое она чувствовала послѣ столь несвоейственной ей жизни и интриги салоновъ. Эти скромныя картины

русской ранней весны превосходны: весело зеленѣющія озими играютъ на солдцѣ: поднятый къ яровому посѣву тучный черноземъ лежитъ какъ бархатъ и грѣется, тихіе ручейки и рѣчки то мелькаютъ въ перелогахъ какъ волшебныя зеркала въ изумрудахъ рамы, то вьются какъ ленты отражая въ себѣ облака; грунтовыя дороги обсохли, но еще не завалены пылью, ѣзда по нимъ удобна и пріятна: копыты скачущихъ коней не пылятъ и стучать мягко, колеса катятъ со всѣмъ безъ шума и слѣдъ позади только маслится... Все способствуетъ тому чтобы на душѣ становилось смирно и покойно.

Бауци верстъ по полтора ста въ сутки и пробывъ двое сутокъ въ Москвѣ, княгиня провела уже въ дорогѣ около двухъ недѣль: въ это время она имѣла время отдохнуть отъ всѣхъ перенесенныхъ ею потрясеній; она или спокойно дремала, или была занята своими экономическими соображеніями, которыя вызывались только-что заключенными большими тратами. Денежныя средства ея, всегда содержавшіяся въ большомъ порядкѣ, хотя и теперь не были особенно разстроены, однако требовали рачительнаго восполненія. Свадьба со всѣми выдѣлами, наградами и цѣнными подарками стоила очень дорого, но справедливость требуетъ сказать что княгиня не жалѣла: она напротивъ была рада что „нелюбимая дочь“ награждена какъ слѣдуетъ. Притомъ же ей нечего было и бояться сдѣланныхъ большихъ экстренныхъ расходовъ, потому что она знала какъ наверстать ихъ. Живучи въ деревнѣ хотя и очень открыто княгиня тратила относительно очень мало: крокъ лимонновъ, сахару и прочей „бакалеи“ которая разъ въ годъ закупалась на *Коренной* ярмаркѣ все было „изъ своей провизіи“, и княгиня была увѣрена что къ возрасту сыновей, черезъ пять, шесть лѣтъ, она будетъ опять совсѣмъ также исправна какъ была предъ выдачею замужъ „нелюбимой дочери“. За дорогу бабушка имѣла все это сообразить и сосчитать и совсѣмъ на этотъ счетъ усложаясь была весела какъ прежде.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

НИКОЛАЙ ЛЪСКОВЪ.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ РУССКАГО ЭПОСА

ОНЪЖСКІЯ БЫЛИНЫ, ЗАПИСАННЫЯ А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГОМЪ

V.

Пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ такъ распространены въ народѣ что главные эпизоды уже давно сдѣлались известны въ наукѣ и въ настоящее время трудно ожидать по этой части какихъ-нибудь особенныхъ новостей. И действительно, сборникъ Гильфердинга хотя и заключаетъ огромное количество вариантовъ объ этомъ героѣ, но вполне новаго ничего не даетъ. За то встрѣчаются любопытныя частности. Былины объ Ильѣ и Святоторѣ мы уже рассмотрѣли. Затѣмъ пѣсни объ исцѣленіи Ильи каліками мы встрѣчаемъ только одинъ вариантъ Щеголенкова. Былина эта вообще замѣчательно рѣдка въ Олонецкой губерніи, что можно объяснить только тѣмъ что тамъ еще слишкомъ живы архаическія преданія объ отношеніяхъ Ильи къ Святотору. Впрочемъ, вариантъ Щеголенкова сообщаетъ много любопытнаго. Приходъ каліка изображенъ также какъ и у другихъ пѣ-

---

* Окончаніе. См. № 9 *Русскаго Вѣстника*.

ювь. Хорошо сѣдующее мѣсто: Илья выпилъ ядовку лива
и почувствовалъ въ себѣ силу велику,—

Онъ пошелъ по мосту по дубовому,
Закричали баки подъ мостомъ дубовымъ.
Загулакъ то тутъ мосты калиновы?

Старцы поятъ его еще разъ, но третьей чары не подаютъ:
„Если выпьешь въ третье ядову, не удержишь тебѣ силы ве-
мкѣ.“

Богатырскаго коня Илья пріобрѣтаетъ болѣе чудеснымъ об-
разомъ чѣмъ въ другихъ вариантахъ. Старцы приказываютъ
ему ѣхать къ городу Киеву. „На межѣ деревни есть камень
неподвижный, на немъ подпись подписана.“ Получивъ такой
намекъ Илья дожидается своихъ родителей съ братьями и се-
страми. Братья и сестры Ильи являются кажется въ первый
разъ въ эпосѣ. Онъ спрашиваетъ родныхъ что они дѣлали.
Родитель отвѣчаетъ: „Мы чистимъ лугъ-пожню за три по-
прища отъ дому.“—„Ай же родитель мой рожденный, сведи
меня на займище, укажи мою работушку.“ Родитель отводитъ
его. „Укажи, родитель, по которымъ мѣстѣ межа.“ Тотъ ука-
зываетъ:

Захватилъ Илейко лѣсу-куоту въ ласть,
Отрубилъ лѣса дремучіе по корешку,
Бросилъ ихъ на мѣсто на пристойное.

Затѣмъ онъ прощается съ родными и идетъ въ Киевъ. На
границѣ деревни онъ видитъ камень и читаетъ на немъ та-
кую надпись:

Илей! Илей! камень сопри съ мѣста неподвижнаго,
Тамъ есть конь твой богатырскій
Со всеми-то послѣхами со богатырскими,
Тамъ есть шубка соболѣная,
Тамъ есть плеточка шелковая,
Тамъ есть палача булатная.

Этотъ мотивъ встрѣчается въ первый разъ въ былинахъ
объ Илѣѣ и вообще довольно рѣдокъ въ былевомъ эпосѣ, на-
противъ того въ сказкахъ онъ очень обыкновененъ. Илья до-
стаетъ коня, а тотъ сомнительно его спрашиваетъ:

Ай же старшій казакъ Илья Муромецъ,
Ты можешь ли владеть конемъ богатырскимъ?

Но когда Илья сѣлъ на него, конь почувствовалъ богатыря и
сказалъ:

„Ай же старый казакъ Илья Муромецъ!
Знай(ешь?) ты мной управать, дамъ тебѣ господь кола
богатырскаго,

Послалъ Господь ангеловъ милостивыхъ
На твое рожденое на мѣсто,
Дамъ тебѣ Господь рудѣ и ковѣ,
Не написана тебѣ старый казакъ Илья Муромецъ,
Не написана тебѣ смерть на убоици.

Глубокою старинной дышетъ уломинаніе объ ангелахъ опредѣляющихъ при рожденіи судьбу героя. Сравни норвѣжскія легенды въ скандинавской лѣснѣ о Гельгѣ и предсказывающихъ судьбу этому витязю. Далѣе лѣсня не представляетъ ничего особеннаго. Замѣтимъ только одно мѣсто. Илья истребивши Соловья и все его племя, прѣзжаетъ въ Черниговъ и войдя въ церковь говорить съ грустію:

Не исполнилъ старой казакъ Илья Муромецъ
Заповѣди я той Божіей;
Надо бѣ служить Господу Богу во храмѣ молебень
Окровавленны руки въ человѣчью кровь.

Въ вариантѣ Фелюнова нѣсколько иначе разказано пребываніе Соловья въ Киевѣ. Не Соловей проситъ лошады, но самъ Владиміръ хочетъ заманить его въ службу чтобы воспользоваться его силой.—„Положу тебя въ Киевѣ воеводою“, говоритъ ому разбойнику. „Положишь меня воеводою, во въ Киевѣ будутъ отъ меня вояги; мое сердце есть разбойничко.“—„Такъ положу тебя въ монастыри строителемъ.“—„Не строитель буду — разоритель.“ И тогда Илья убиваетъ его стрѣлой. Пѣсня Федулова сохранила одну любопытную подробность. Когда Соловью велѣтъ показать свой голокъ, то онъ требуетъ предварительно полтора ведра зелена вина да еще голову лошадиную. Такимъ образомъ онъ выставляетъ здѣсь азычникомъ „ядущимъ не чисто“, по древнему выраженію. Но имѣя въ виду близость Соловья къ водянымъ божествамъ, не мѣшаетъ напомнить что лошадиную голову и даже цѣлую лошадь мѣстами до сихъ поръ приносятъ въ жертву водяному. Конь посвященъ во всѣхъ мифологіяхъ богу воды и вѣтра. Не мало въ сборникѣ вариантвѣ и о борьбѣ Ильи съ идолицемъ. Первый изъ нихъ Каликина, котораго лѣсня, надо замѣтить, отличаются особенною складностью. Вообще это одинъ изъ лучшихъ лѣсневъ и былинны его составляютъ чуть ли не лучшее украшеніе сборника. Идолъ прѣхалъ

въ Киевъ-градъ и одолевъ князя Владиміра. На бѣду всѣ бо-
атыри въ разбѣдѣ, нѣтъ съ княземъ никого:

Ай ни стараго ковака Илья Муромца,
Ай ни молада Добрынюшка Никитича,
Ни Михайлы было Потмака Иванова;
Быль одинъ Алешенька Левонтьевичъ,
Хоть бы смѣлый Алеша, не удамый,
А не смѣлъ же ѣхать въ супротивности
А противъ было Идолица великаго.

Изъ бѣды князя конечно выручаетъ вернувшійся Илья. Хорошо обрисованъ характеръ Алеши: смѣлъ да не удамы. Въ этомъ родѣ изображаютъ его и другіа лѣсни: „онъ силою и силенъ, только напускъ смѣлъ.“ Но этотъ напускъ у него только временный, а настоящей удали все-таки не имѣется.

У Корсакова къ этой лѣснѣ припутанъ конецъ изъ другихъ былинъ. Одолевъ идола, Илья ѣдетъ къ королю Литовскому встать у него дочь Марью Митричну за Ивана Годиновича. Иванъ Годиновичъ обыкновенно женится у князя Черниговскаго; наша былина слутала Черниговъ съ Литвой по одинаковости ихъ эпического значенія, а также по сходству именъ Митрій и Микула. Слѣдующіе варианты мало представляютъ особенностей. Въ одномъ изъ нихъ за Ильей отправляется Засилій Казиміровичъ, занимающій здѣсь мѣсто Ермака и тамъ же переходяго; у Захарова сохранилась лѣсня объ избавленіи Ильей Царя-града, отъ того же идола. Калита Иваниче какъ описываетъ похождения идола въ Цареградъ: онъ сидитъ за царскимъ столомъ, ко царицѣ сидитъ лицомъ, а къ царю сидитъ хребтомъ. (Сравни съ поведеніемъ въ Киевѣ Тугама Змѣевича.) Когда Илья схвативъ идола начинаетъ имъ любовать татарскую силу, то онъ сначала предостерегаетъ царя: „да ты царь Константинъ Боголюбовичъ, улади ты царь подъ лавицу, не попадись подъ махъ татарскій, а по плечу шѣ оружіе пришло.“ Хотя былины вообще и сочувствуютъ ормычному царю Константину, однакоже не устояли противъ искушенья выставить его въ смѣшномъ видѣ.

Слѣдуютъ лѣсни о борьбѣ Ильи съ татарскими нашествіями. Татары въ этихъ лѣсняхъ смѣнили древнихъ Половцевъ Печенѣговъ и сообщили былинамъ чисто монгольскую краску. Всадствіе этого, мы нигдѣ не встрѣчаемъ такого оличества монгольскихъ и татарскихъ именъ, какъ въ этомъ гдѣлѣ эпоса. Здѣсь мы находимъ и Батыя, и Мамаю, и

Сартака. Полагаются однако и болѣе древнія имена. Такъ напримеръ: при Батыѣ обыкновенно является его зять Таракашка, или Тараканчикъ Корабликовъ. Это неблагозвучное имя очень старо, и есть по всему вѣроятію одно и то же съ древнимъ Тарканомъ или Тарханомъ, титуломъ который носилъ у Угорскихъ народовъ, Козаръ и др. первый челядникъ послѣ царя. Прозвище же его Корабликовъ взято изъ былинъ о Соломонѣ, гдѣ этотъ же Таракашка подъ видомъ торговаго гостя увозитъ на кораблѣ жену у Соломона. Еще древнѣе имя Каливъ. Оно до сихъ поръ оставалось необъясненнымъ. На татарское оно вовсе не походитъ, славяскій смыслъ тоже темень. У Гильфердинга къ нему однажды прибавляется отчество Смородоновичъ. По всему вѣроятію слѣдуетъ это читать Смородовичъ, отъ Смородъ-смрадъ. Это отчество заставляетъ думать что и Каливъ имѣетъ бранное значеніе. Впрочемъ такъ его могли объяснить въ послѣдствіи; древнѣйшій же смыслъ его едва ли не тотъ же чтѣ въ глаголахъ калить, закалять. Во всякомъ случаѣ этотъ Каливъ Смородовичъ древнѣе всѣхъ Татаръ и Угровъ, и принадлежитъ къ мифическимъ существамъ. Сходное отчество Самородовичъ мы встрѣчаемъ въ былинѣ о Саурѣ Ванювичѣ и въ отрывкѣ о Суровцѣ-Суздаальцѣ. Въ нихъ татарскій ханъ называется Кумбаломъ и Кумгуромъ: очевидно позднѣйшая вставка вмѣсто устарѣлаго имени Каливъ. Кстати скажемъ нѣсколько словъ о вышеупомянутомъ отрывкѣ, которому по нашему мнѣнію до сихъ поръ придавали слишкомъ много значенія. Это не болѣе какъ отрывокъ былинныя о царѣ Саурѣ Ванювичѣ. Былина эта дошла до насъ въ двухъ вариантахъ. Въ первой царь Сауръ, уходя на войну, призываетъ своей беременной женѣ чтобъ она, если родитъ сына присылала его черезъ девять лѣтъ на помощь отцу. Такъ и сказала царица: между тѣмъ царь попалъ въ лѣвъ къ своимъ врагамъ. Молодой царевичъ проходитъ отыскивая отъ нѣсколькихъ царствъ, наконецъ приходитъ къ городу гдѣ содержится лѣвнннй царь и, по обычаю былинъ, требуетъ себѣ поединщика. Жители, не надѣясь ни на кого изъ своихъ, выводятъ изъ тюрьмы своего лѣвника, вооружаютъ его и отправляютъ сражаться съ сыномъ, котораго онъ не знаетъ въ лицо. Старикъ выбиваетъ сына изъ сѣла и по разспросамъ узнаетъ кто онъ такой. Затѣмъ оба возвращаются на родину. Въ другомъ вариантѣ царевичъ встрѣчаетъ лѣв-

родомъ Угличемъ войско царя Куугура Самородовича и истребляетъ его вмѣстѣ съ царемъ. Но Угличане, которые въ былинѣ изображаются хотя и подчиненными царю Сауру, но е совсѣмъ ему покорными, вмѣсто благодарности заманиваютъ богатыря къ себѣ въ городъ и сажаютъ въ тюрьму, изъ которой освобождаетъ его вернувшійся отецъ. Теперь возьмемъ отрывокъ. Онъ дошелъ до насъ тоже въ нѣсколькихъ вариантахъ. Въ двухъ разсказывается какъ Суровецъ или Суоженецъ (одно и то же, значить купецъ съ Сурожскаго-Азовскаго моря) Суздалецъ ѣздя по чистому полю наѣхалъ на войско царя Кумбала или Курбана Самородовича и вступилъ съ нимъ въ битву. Татары роютъ богатырю подколы, но онъ выскакиваетъ изъ нихъ и истребляетъ враговъ. Замѣтимъ что въ былинѣ о Саурѣ тоже упоминается о подколахъ, которые впрочемъ остаются безполезными, но это произошло просто по забывчивости лѣвца. Въ третьемъ вариантѣ пропущена и самая битва: молодецъ, поѣздивъ по чистому полю, прѣзжаетъ въ городъ Покидошъ (Китежъ) и принять съ честью тамошнимъ княземъ Михаиломъ. Но за то въ этомъ вариантѣ мы встрѣчаемъ два стиха изъ былинъ о Саурѣ. „Онъ бѣгалъ, скакалъ по чисту полю, хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ. Изъ всего этого видно что царевичъ Сауровичъ и Суровецъ Суздалецъ одно и то же лицо. Отрывокъ осмыслилъ непонятное ему имя, перенесъ дѣйствіе въ сказочный городъ Китежъ, имѣющій такое значеніе въ Суздальскихъ легендахъ, и при этомъ выпустилъ встрѣчу отца съ сыномъ. Видѣтъ здѣсь зачатки или остатки особеннаго Суздальскаго эпоса по крайней мѣрѣ основанія; это не самостоятельная былина, а только искаженный пересказъ. Но можетъ быть и такъ что самыя былинны о царѣ Саурѣ возникли на Суздальской почвѣ и говорятъ о мѣстныхъ герояхъ. Царевичъ названъ Константиномъ, имя весьма обыкновенное между Суздальскими князьями, Сауръ Ванюдовичъ могло образоваться изъ сынъ—Всеволодовичъ, города Угличъ и Китежъ находятся въ Суздальской землѣ, царство Алыберское о которомъ тоже упоминается въ былинѣ могло быть переврано изъ царства Болгарскаго. Почему знать? Впрочемъ основной мотивъ во всякомъ случаѣ древнѣе самого Суздаля.

Замѣтимъ кстати что рытье подколовъ врагамъ, столь обыкновенный мотивъ въ нашихъ былинахъ, встрѣчается не только въ нихъ, а также въ одномъ произведеніи глубокой древ-

ности, именно въ Эймундовой сагѣ. Она увѣряетъ что это средство употребили великій князь Ярославъ и Эймундъ храбрый при осадѣ Кіева Біармійцами (по лѣтописи Печенѣгами) въ 1017 году. И по ея словамъ оно оказалось не безуспѣшнымъ. Впрочемъ въ небольшихъ размѣрахъ оно кажется употреблялось и въ послѣдствіи при защитѣ городовъ.

Возвращаемся къ лѣснямъ о Калинѣ. Между ними не дуренъ вариантъ Суриковой. Въ немъ особенно любопытенъ конецъ. Одолевъ Татаръ богатыри расхвастались: „еслибы была на небо лѣсница, мы прибили бы силу небесную“. Въ наказаніе имъ, изъ каждаго изрубленнаго Татарина начинается дѣлаться по нѣскольку, и богатыри, наконецъ, безуміютъ и истребляютъ другъ друга. Остается въ живыхъ одинъ Ермакъ, который и приноситъ вѣсть ко Владиміру. Эпизодъ о наказаніи богатырей за гордость извѣстенъ и по другимъ былинамъ, но тамъ они каменѣютъ, здѣсь же сами себя истребляютъ. Равнымъ образомъ первый разъ Ермакъ переживаетъ своихъ товарищей. Этого богатыря одна изъ Рыбниковскихъ былинъ напротивъ того заставляетъ преждевременно умереть отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ въ своей первой битвѣ. Выходитъ что онъ въ нашемъ эпосѣ какъ бы играетъ роль Бальдера германской мифологіи, и служитъ связующимъ звеномъ между старымъ и новымъ міромъ. Прекрасный образъ этого богатыря, къ сожалѣнію, испорченъ недѣльнымъ именемъ которымъ его окрестили лѣвцы. Хотя иные изслѣдователи, утѣшая себя, говорятъ что этимъ именемъ эпосъ указываетъ на смѣну богатырства казачествомъ, но трудно найти сходство между историческимъ Ермакомъ и молодымъ героемъ Владимірова круга. Лучше прямо признать это имя перевернутымъ и постараться опредѣлить его первоначальную форму. Мы думаемъ на счетъ этого такъ. Въ эпосѣ встрѣчается старый бояринъ Бермята Васильевичъ, котораго варианты величаютъ Вельмой, Ермой, Пермиломъ и пр. Нѣкоторые изъ этихъ вариантовъ очень напоминаютъ имя Ермакъ, да и самое Бермята созвучно съ нимъ, но типы Бермята и Ермака слишкомъ различны, и трудно было бы отождествить ихъ. Можно однако предположить что Ермакъ представлялся первоначально сыномъ стараго боярина, онъ же кстаті знатаго происхожденія, одинъ изъ безчисленныхъ племянниковъ Владиміра. Въ вариантѣ Каликина, Бермята Васильичъ названъ

Безмѣромъ Васильевичемъ: имя подавленное и славянское, но и о Бермятъ должно сказать то же самое, такъ что по всему вѣроятію эти имена въ древности давались различнымъ другъ отъ друга лицамъ, а всего скорѣе родственникамъ. Могъ бодрѣе называться Безмѣромъ, а его сынъ Бермятой, могло быть и наоборотъ, но во всякомъ случаѣ думаемъ что корень ошибки здѣсь въ этомъ подобозвучіи Ермака Бермятъ и Бермятовичу. Можетъ-быть иныя изъ нашихъ читателей упрекнуть насъ что мы слишкомъ много разсуждаемъ о вопросахъ сравнительно неважныхъ, но мы думаемъ что въ первыхъ, собственное имя героя весьма не лишне для полнаго пониманія его типа, а во вторыхъ, ничто такъ не вредитъ пониманію въ глазахъ мало знакомыхъ съ ними людей какъ эта смѣсь разновременныхъ и разномысленныхъ именъ, которую мы въ нихъ къ сожалѣнію встрѣчаемъ. А если наши изслѣдованія кому-нибудь покажутся слишкомъ обильными догадками, за чтò намъ уже досталось да вѣроятію и еще достанется, то мы заявляемъ разъ навсегда что по нашему мнѣнію лучше догадка чѣмъ полное молчаніе науки, лучше слабый свѣтъ чѣмъ никакого. Иное дѣло когда догадка состоитъ въ явномъ противорѣчій съ известными фактами, чтò, къ сожалѣнію, встрѣчается въ нашей наукѣ.

Вариантъ Никитина представляетъ тоже нѣкоторыя отличія противъ известныхъ пѣсней. Въ немъ Владимира, испуганнаго Татарскимъ нашествіемъ, утѣшаетъ Василий Казимировичъ, и говоритъ при этомъ слѣдующія замѣчательныя слова:

„Развѣ нѣтъ у насъ такого супротивника
 Ай оспротивъ Калима царя да Калимовича?
 Ай какъ есть у насъ да во чистомъ полѣ
 Во чистомъ полѣ да во бѣломъ шатрѣ,
 Ай есть тамъ удалой добрый молодець,
 Еще старый казакъ да Илья Муромецъ,
 Про него же славу про великую,
 Про него же силу богатырскую
 И въ стихахъ поютъ и въ старинахъ скажутъ;
 На бою ему-то смерть же писана.“

Эта первая былина въ которой говорится о поэтической известности Ильи при его жизни. По этому варианту богатырь и Калимъ вступаютъ въ бой на коняхъ, и Илья разрубаетъ врага „до конскаго сѣдлица“. Возвратясь въ Кіевъ, онъ

отказывается отъ всякихъ наградъ, и требуетъ только чтобы Владиміръ написалъ ему похвальный листъ своею рукою.

Замѣтимъ два варианта известной лѣсни о заключеніи Ильи въ темницу: Максимова и Лядкова. Въ первомъ есть одна любопытная черта. Когда богатыри приходятъ брать его подъ стражу, Илья спрашиваетъ ихъ думаютъ ли они съ нимъ сладить. Тѣ признаются что не въ силахъ и просятъ Илью идти добровольно въ тюрьму, потому что иначе „побѣдѣ насъ (надѣлаетъ намъ бѣдѣ) солнышко Владиміръ князь“, и Илья спокойно отправляется въ темницу, изъ которой его освобождаетъ нашествіе того же царя Калина. Въ томъ же родѣ у Лядкова, но тамъ царь названъ Галиномъ изъ земли Корельской. Это имя любопытно въ томъ отношеніи что оно объясняетъ одну не дошедшую до насъ былинъ, содержаніе которой разказывалъ пѣвецъ Рябининъ г. Рыбникову. Въ былинѣ этой выводился какой-то Гальякъ невѣрный, который прѣзжаетъ въ Кіевъ и проситъ себѣ поединщика. Въ поединщику идетъ сынъ Владиміра тайно отъ отца, сражается со врагомъ и одержавъ побѣду открываетъ кто онъ такой, поднявъ забрало у шелома. Имя Гальякъ черезъ форму Галивъ сблизается со столь известнымъ царемъ Калиномъ, а сынъ Владиміра есть вѣроятно Ермакъ Тимоѣевичъ, который въ дошедшихъ до насъ лѣсняхъ называется его племянникомъ и играетъ замѣтную роль въ былинахъ о Татарскихъ нашествіяхъ. Сравни Залаву Путятину, которую варианты называютъ то дочерью, то племянницею Владиміра. Кромѣ того, г. Рыбникову, какъ видно изъ его писемъ во второмъ томѣ сборника, разказывали о существованіи какой-то былинны о войнѣ Русскихъ съ Карелами, которой ему однако не удалось достать. Вѣроятно рѣчь шла о какомъ-нибудь вариантѣ, въ родѣ Лядковского, такъ что въ потерѣ этой лѣсни еще можно утѣшиться.

Затѣмъ чтобы покончить съ Ильей Муромцемъ остается еще сказать о Гильфердинговскихъ вариантахъ лѣсни о трехъ поѣздкахъ Ильи. Изъ нихъ замѣчательнѣе вариантъ Захарова, въ которомъ Ильѣ влгается въ уста известная жалоба на старость, до сихъ поръ встрѣчавшаяся только въ лѣсняхъ о князѣ Романѣ, и приписывается тристатидесятилѣтній возрастъ (сравни сербскаго Марка Краевича), и другой Оелюнова, гдѣ особенно сильно выражено народное убѣжденіе въ святости Ильи Муромца. Богатырь этотъ, совершивъ свой послѣдній и величайшій подвигъ и побѣдивъ

самую судьбу, возвращается въ Киевъ, гдѣ онъ долженъ нако-
нечъ успокоиться отъ своего безконечнаго труда. И тогда:

„Прилетала мевидима сила алгемьска,
А знимали-то его да со добра кома,
Заносили во пещеры ты во Киевски,
Туть же старый олочивъ держалъ,
Ай погавѣсть мы старину славы поемъ:
Старому казаку Ильѣ Муромцу.“

VI.

Былины о Ильѣ Муромцѣ и царѣ Калинѣ, о которыхъ мы
говорили, находятся въ тѣсной связи съ былинами о Ва-
сильѣ Казиміровичѣ. Герой этотъ во многихъ лѣсняхъ являет-
ся сподвижникомъ Ильи при защитѣ Киева и было вре-
мя когда изслѣдователи былинъ смотрѣли на него какъ
на очень второстепенное лицо въ эпосѣ, но Рыбников-
скія открытія измѣнили этотъ взглядъ и поставили Ва-
силья на подобающее ему мѣсто въ кругу богатырей. На-
конецъ Гильфердинговскій сборникъ еще болѣе пополнилъ
поэтическую біографію этого героя сообщивъ намъ двѣ новыя
былины, одну о его первомъ подвигѣ, другую о его смерти.
Обѣ ови высокаго поэтическаго достоинства и кромѣ того
принадлежатъ къ разряду былинъ съ трагическимъ содержа-
ніемъ, которыя, говоря относительно, рѣдки въ нашемъ эпосѣ.
Поэтому мы считаемъ необходимымъ разобрать ихъ съ осо-
бенною полнотою, но предварительно слѣдуетъ сказать нѣ-
сколько словъ о тилѣ Василья Казиміровича и о подвигахъ
совершаемыхъ имъ въ другихъ болѣе извѣстныхъ былинахъ.

Василій Казиміровичъ, по другимъ Игнатъевичъ (первое
отчество разумѣется древнѣе), носить въ эпосѣ прозви-
ща долгоголога и льяницы. Это тилъ добраго молодца,
который въ обыкновенное время не умѣетъ жить какъ слѣ-
дуетъ, проливаетъ свое житье-бытье богатество и „сидитъ
въ кабацѣ нагъ ни ниточки“, но о которомъ можно сказать
что онъ хоть льянъ да умеетъ: случись бѣда, онъ перещегола-
етъ и трезваго. Въ эпосѣ такимъ же льяницей рисуется и
Михайло Потыкъ, но это совсѣмъ другой тилъ: этотъ вѣчно
льянный богатырь беретъ только своею исполинскою силой и
бѣшеною отвагой, тогда какъ Казиміровичъ ума не проливаетъ

и когда нужно пускаетъ въ ходъ и хитрость. Эта богатырская личность сдѣлалась въ первый разъ известна еще по сборнику Кирши Давилова, но у Кирши Василій играетъ слишкомъ скромную роль. Все дѣло заключается въ томъ что въ одинъ изъ безчисленныхъ приходоу Татаръ подъ Кіевъ, когда Илья отсутствуетъ, а горожане не знаютъ что имъ дѣлать, Василій одинъ не унываетъ и пустивъ стрѣлу съ башни убиваетъ ханскаго зятя. Раздраженный ханъ требуетъ выдачи смѣльчака, но прежде чѣмъ ему услѣди дать отвѣтъ является Илья и распоряжается по-своему. Побивъ Татаръ онъ ведетъ Василья льявицу на царевъ кабакъ, поить его на свой счетъ и называетъ его братомъ называемымъ. Такъ ступевался въ этой пѣсни тиль Василья Казиміровича. Но въ омежскихъ сказаніяхъ о немъ носились совершенно самостоятельными былины. Въ нихъ объ Ильѣ вовсе не упоминается; Киевляне, услугавшись ханскаго гнѣва, дѣйствительно хотятъ выдать богатыря, но Василій предупреждаетъ ихъ и добровольно является съ повинной къ Батыю, предлагая указать ему слабое мѣсто въ городской стѣнѣ. Дѣло кончается тѣмъ что онъ дурачитъ хана и истребивъ вѣренное ему татарское войско по частямъ возвращается въ городъ. Кромѣ того, есть былины о томъ какъ Василій и Добрыня отвозятъ дань къ королю Бутеяну, при чемъ главнымъ посломъ является Казиміровичъ. Основываясь на этомъ и еще на эпитетѣ долгополый, многіе думали видѣть въ Васильѣ богатыря-дьяка, поэтическое воспроизведеніе тѣхъ юристовъ Московской эпохи которые по народному представленію были чѣмъ умнѣе тѣмъ пльнѣе. Но еслибы нашъ богатырь въ послѣдствіи и дѣйствительно былъ зачисленъ въ приказъ, то во всякомъ случаѣ не таково было его древнѣйшее положеніе въ повмахъ. На Васильѣ можно еще разъ доказать ту аксіому что чѣмъ гаубже проникнуть въ исторію нашего эпоса, тѣмъ величавѣе и родovitѣе окажутся его герои.

Вотъ содержаніе новооткрытой былины о Васильѣ записанной Гальфердингомъ у того же превосходнаго пѣвца Калинина. Жилъ былъ славный князь Иванъ Карамышевскій, жилъ онъ по край матушки Ветлы рѣки, ѣздилъ онъ по матушкѣ Ветлѣ рѣкѣ, выбиралъ себѣ мѣсто любимое. А выбравши мѣсто любимое, далъ за него пятьсотъ рублей, тогда узнали князи и бояре про его мѣсто любимое, давали за него цѣлу тысячу. Построилъ князь домъ и завелъ на новосельи по-

честень пиръ. Приѣхало много князей боярей, приѣхалъ еще одинъ важный гость: приѣхалъ „Илья, кумъ темный, Илья, кумъ темный разбойникъ“. Съ нимъ его дружина хорабра: Гришка и Алешка Баскаковы. Всѣ гости сидятъ кушаютъ, блу лебедь рушаютъ, не ѣсть и не пьеть одинъ Илья. Князь, какъ водится, спрашиваетъ гостя чѣмъ олъ недоволенъ и по-чему не участвуетъ въ общемъ весельи, но Илья не даетъ никакого удовлетворительнаго отвѣта. Тогда князь обижа-етъ: „знать твое сердце разбойнико, въ который день ты ни-кого не убьешь, въ тотъ день не можешь ты живъ быть.“ Чуть промолвилъ князь это слово, тотчасъ у Ильи разбой-ника

Мутно его око помуталоса.

И разбойническое сердце разгорѣлоса,

Съ кровью тутъ глаза да повержулис,

Олъ повыгалавалъ на князя съ подлабья....

Княгиня Карамышевская видитъ что дѣло не ладно и гово-рить мужу: „ай же князь Карамышевской! раздражилъ ты Илью кума темнаго.“ „Ничего“, отвѣчаетъ князь, „умѣлъ я разбойника раздражити умѣю и утѣшить.“ Затѣмъ олъ при-носитъ драгоценные дары и вручаетъ ихъ Ильѣ. Тотъ при-нимаетъ съ поклономъ и, будто укротившись, говорить кня-зю сѣдующія загадочныя слова:

Благодарствуемъ да князь же Карамышевскій

За твои великіе подарочки;

Ты не бойся-тко Ильи да кума темнаго,

Кума темнаго, разбойника,

Со дружинишкою меня да со хороброю,

Съ Гришкою кумъ съ Алешкой со Баскаковымъ,

Бойся-тко ты ноченьки кумъ темнаго,

Темнаго ты ноченьки осення.

Гости разѣзжаются и князь съ княгиней остаются одни. И вотъ, какъ настала ноченька темная осенняя, прогрянула ло-дочка коломенка, проскрывули весельишка яровчаты подъ то село любимое, подъ того князя Карамышевска. „Бѣ-да“, говорить княгиня, „подѣхалъ Илья кумъ темный“. „Ка-бы не налился я дольяна“, отвѣчаетъ князь, „кабы могъ я ходить на рѣзвыхъ ногахъ, кабы могъ носить въ рукахъ черв-лени вѣзъ, не боялся бы я Ильи кума темнаго.“ * Но

* Червляеный вѣзъ есть оружіе Василиа Новгородскаго. Смылу кня-зя Карамышевскаго, Кіевскому Василию дается, какъ мы увидимъ

теперь ему нечего дѣлать: Гришка и Алешка вышибаютъ бревномъ дверь и Илья входитъ. „Гришка и Алешка Баскаковы, берите копье бурземецкое, сколите князя Карамышевска въ той ложки телыя.“ Но тѣ въ ужасѣ отступаютъ. „Не воевать насъ ноги рѣзвыя, не вздынутся руки бѣлая сколотъ князя Карамышевска въ той телыя ложенки. Мы тутъ жилили, кушали, его бѣлую лебедушку тутъ ружали, привалили честыя подарочки: не можемъ сколотъ князя Карамышевска.“ Тогда Илья хватаетъ самъ копье и убиваетъ князя. „Гришка и Алешка Баскаковы, сколите княжину за челомкой.“ Тѣ снова отказываются: „развѣ она учила мужа раздражать Илью кума темнаго?“ Разбойникъ убиваетъ и княжину. „Гришка и Алешка! возьмите младенчика изъ люльки, рвите его на двое.“ Тѣ и подавно не могутъ этого сдѣлать: „его душевья безвивая, не училъ онъ отца-матери.“ У Илья мутно око помутилось, разбойничко сердце разгорѣлось; захватилъ онъ младенчика изъ люльки, на ногу ступилъ, за другую тутъ дернулъ ли: на двое младенчика поразорвалъ. Затѣмъ онъ грабитъ и жжетъ село и возвращается домой. Но еще не удовлетворена его месть. У убитаго князя остался старшій сынъ, Василій, проживающій на службѣ у своего дѣди и крестнаго отца Владиміра Кіевскаго. Надо Илья съ нимъ покончить. Собираетъ онъ сорокъ тысячъ дружинъ и подступаетъ съ ней къ Кіеву. Половину дружины оставляетъ въ чистомъ полѣ, а съ другою прѣзжаетъ въ Кіевъградъ, показывая враждебныя намѣренія. Владиміръ пугается и проситъ разбойника на почестяхъ пиръ. А на томъ почествѣ пиру разнощикомъ былъ именно Василій Ивановичъ. И вотъ ему-то приходится поднести чару Илья разбойнику. Но онъ первую чару не съ не донесъ, а другую не съ перенесъ, третьей чары Илья не подалъ. У Илья мутно око помутилось, разбойничье сердце разгорѣлось. „Ай же солнышко Владиміръ столько Кіевскій, что это у тебя за разнощикъ? Заводитъ бой драку великую, большое кровопролитіе.“ Владиміръ упрекаетъ племянника: „Зачѣмъ раздражаешь Илью кума темнаго? За твои поступки неумильные прикажу тебѣ голову рубить.“ На это племянникъ ему отвѣчаетъ со слезами:

ниже, сходное оружіе: тѣлѣжная ось. Василій Казиміровичъ по всему долженъ быть отнесенъ къ тому же тилу Василя о вѣстникѣ котораго мы уже говорили.

Ай же соамышко Владимиръ стоамокіевскій
 Ты родитель мой же дядюшка,
 Да крестовой мой же батюшка
 Ты, не носить да мама же ножки рывыя
 И не здыкнуться мои же ручки бѣлыя
 Подать чары зелена вина.
 Ай убилъ же ояъ родителя нумь батюшка,
 Что ли князя Карамышевска,
 Твоего ли зата да любимаго
 А во той было во ложни теплыя;
 А мою было родитель тутъ же катушку.
 А твою было сестрицу да родимую,
 А сколосъ же ояъ за люлеечкой
 Моего же было братца да родимаго,
 А и вьюмоша тутъ малаго,
 А ояъ выдержуаъ изъ люлеечки,
 На ногу ступилъ за другую тутъ дернуаъ аи,
 На двое его поразорвалъ;
 И видааъ бы а Иаю на кожукъ,
 А не тоже поднести да ему чару зелена вина,
 А тому Иаю да куму темному,
 Куму темному разбойнику.

Тутъ не выдерживаетъ и князь, и покидая свою обычную робость, говорить:

Ай же ты крестово мое дитатко,
 Ай Василій да Ивановичъ!
 Буде мошь отцить ты кровь родительску,
 Буде мошь ты съ мимъ да нумь поправиться
 Ты убей-ко нумь Иаю да кума темнаго,
 Кума темнаго разбойника.

Только сказааъ ояъ это какъ у Василья:

Мутно его око помутилося,
 Богатырко сердце загорѣлося,
 Подскочилъ къ столамъ ояъ ко дубовымъ,
 Какъ ухватить ояъ Иаю да за жесты кудри,
 Здыветъ ояъ Иаю да выше головы,
 Толпуаъ ояъ Иаю да о кирпичемъ мость,
 Повернуаись тутъ глава да возъ косицами...

Сталъ Василій разбойникомъ помахивать, но ему мало этого оружія. Выскочилъ ояъ на широкъ дворъ, схватилъ желѣзную ось тележную. Тая мѣра ему по плечу пришла, сталъ ояъ по силѣ помахивать. Сила разумѣется разбѣгается, а богатырь идетъ въ палаты и получаетъ похвалу отъ князя.

Пѣсня эта, повторемъ, одна изъ лучшихъ во всемъ циклѣ Владиміра, тѣмъ не менѣе и въ ней не обошлось безъ подновленій.

Волервыхъ, всему событію приданы черты позднѣйшихъ временъ. Князь является не столько княземъ сколько бояриномъ (покупка мѣста), разбойники приплываютъ къ нему по рѣкѣ, какъ позднѣйшіе Волжскіе. Но эти несовершенства не могутъ особенно испортить былинну; хуже то что всѣ собственныя имена сильно испорчены такъ что нѣкоторыя и вовсе не могутъ быть восстановлены. По счастью главное имя довольно ясно несмотря на всѣ искаженія которымъ оно подвергалось. Мы говоримъ о князѣ Карамышевскомъ.

Имя это очень часто встрѣчается въ эпосѣ и его распространенность оставалась до сихъ поръ загадкой. Настоящій Иванъ Карамышевъ, не князь а воевода, былъ отправленъ въ 1630 году, провожать Турецкое посольство и вмѣстѣ съ нимъ убитъ на Дону казаками. Это событіе воспѣто во многихъ пѣсняхъ, которыя впрочемъ излагаютъ его съ казачьей точки зрѣнія, то-есть далеко не вѣрно, и притомъ называютъ Карамышева не Иваномъ а Семеномъ Константиновичемъ, великая его притомъ княземъ. Затѣмъ лѣвды стали вводить то же имя и въ совершенно другія былинны; напримѣръ, въ былинну объ осадѣ Пскова, гдѣ князь Карамышевъ занимаетъ мѣсто князя Шуйскаго. Причина такой любви къ этому малоизвѣстному имени въ настоящее время для насъ понятна; имя въ виду что князь Карамышевскій встрѣчается и въ циклѣ Владиміра, сдѣлаетъ признать что онъ замѣнилъ въ немъ какого-нибудь древнѣйшаго героя со сходнымъ прозвищемъ и сдѣлался такимъ образомъ типическимъ именемъ для былиннаго князя. Замѣна эта могла совершиться тѣмъ легче что обстоятельства смерти историческаго и эпическаго Карамышева, какъ мы видѣли, очень сходны. Въ циклѣ Владиміра Карамышевъ встрѣчается еще два раза и тоже въ Гильфердинговскихъ вариантахъ: у Антонова, подъ именемъ „меньшаго боярина Ивана Карамышевича, у Фелюнова, какъ Семенъ баринъ Карамышецкой. Роль его состоитъ въ томъ что онъ послѣ похищенія племянницы Владиміра змѣемъ, даетъ князю совѣтъ отправить за ней Добрыню Никитича. Мы думаемъ что этотъ Карамышевичъ и Карамышецкой одно лицо не съ княземъ Иваномъ, какъ видно изъ былинны, не живущимъ въ Кіевѣ, а съ онымъ его Васильемъ Ивановичемъ.

Это подтверждается и эпитетомъ меньшаго боярина у Антонова и тѣмъ что Карамышецкой у Фелюнова выходитъ изъ-за средняго стола. Все это подходитъ къ Василью Ивановичу, человѣку знатному, но еще молодому. Василья же Ивановича мы считаемъ однимъ лицомъ съ Василемъ Игнатьевымъ или Казиміровичемъ льявцей. Думаемъ что никто не смѣетъ спорить противъ такого объясненія. Во первыхъ, тождественны имена героевъ и ихъ возрастъ, а во вторыхъ, трудно сомнѣваться что Карамышевичъ есть искаженное Казиміровичъ (Казиміровичъ—Карамизовичъ обыкновенная перетановка). Равнымъ образомъ и князь Казиміръ легко могъ обратиться въ Карамиза и наконецъ Карамыша, а затѣмъ гдцы стали неволью лѣтъ князь Карамышевъ и Карамышевскій, хотя эпитетъ Карамышева по настоящему идетъ только къ княжичу Василью. Думаемъ что и отчество Контантиновичъ вкралось въ казачьи гдсаи по созвучію съ Казиміровичъ и Карамышевичъ. Необъясненнымъ остается только имя Семена которое они придаютъ герою. Но это не важно.

Казиміръ имя Польское и очень возможно что вошло въ эпосъ по воспоминанію о бракѣ короля Казиміра I съ Маріей, дочерью Св. Владиміра. Можетъ-быть и Ветла-рѣка есть Висла, по древнему Вистла. Замѣтимъ еще что извѣстная волшебница лоса, Мариска королева, въ послѣдствіи отождествленная съ Мариной Мвишекъ, носить отчество Игнатьевны; Игнатьевъ, какъ мы видѣли, иногда называется Василій Казиміровичъ: не считались ли они братомъ и сестрой?

Переходимъ къ противнику князя Карамышевскаго, этому трагическому Ильѣ Темному. Инымъ можетъ показаться непонятнымъ какимъ образомъ имя принадлежащее величайшему герою эпоса могло передаться одной изъ самыхъ отвратительныхъ личностей которыя только встрѣчаются въ поэмахъ. Но это въ томъ что дѣйствительно существовалъ темный Илья въ противоположность свѣтлому, и по странному случаю этотъ Илья былъ тоже Муромецъ. Ильей или Илейкой Муромцемъ лѣтописцы называютъ извѣстнаго самозванца лже-Петра, дѣйствовавшій въ смутную эпоху и казненаго послѣ взятія Тулы, въ которой онъ держался войсками Шуйскаго. Это-то имя и досталось древнему разбойнику эпоса, а въ товарища этому разбойнику дали двѣ личности изъ той же эпохи. Имя Гришки

не требуетъ объясненія, Аешка Баскаковъ есть вѣроятно Басмановъ. Мы думаемъ что лѣсня напечатанная въ первомъ выпускѣ Куршевскаго и начинающаяся словами „ой м роци зеленя“ относится не къ настоящему Ильѣ Муромцу какъ думали до сихъ поръ, а къ Илейкѣ самозванцу. Въ лѣсни этой описывается какъ по Волгѣ плывутъ казаки и вослѣвуютъ есаула молодца Илью Муромца. Илейко дѣйствительно подымался по Волгѣ до Нижняго въ началѣ своего самозванства.

Другая Гильфердинговская былина, которую мы относим тоже къ Василью Казимировичу, не велика объемомъ, но и содержанію очень хороша. Она записана въ трехъ вариантахъ, довольно сходныхъ между собой. Мѣсто дѣйствія и двухъ вариантовъ не обозначено, въ третьемъ, Аксенова означень Кіевъ. Мы будемъ излагать содержаніе по варианту Лоскутовой:

Было у вдовы тридцать три дочери,
 Всѣ онѣ во грамствѣ повиучены,
 Всѣ онѣ пошлѣ по Божьимъ церквамъ,
 Всѣ онѣ сказали: Боже мой!
 Боже мой, да помилуй насъ!
 А одна бѣдна Софіюшка промокнулась:
 Князь молодой ты Васильюшко,
 Ты Васильюшко подвинься сюды.

Онъ взялъ ее за бѣлы руки, повелъ въ церковь Божью, накладали имъ златы вѣнцы. Услыхала Софіина матушка и озлобилась. Злоба ея у Лоскутовой недовольно мотивирована у Аксенова говорится что дочери пошлѣ всѣ во сплассель, во святыя монастыри, что и объясняетъ дѣло. Достала матушка лютого зелья, наливала два стакана зелена вина и подносила зятю и дочери. „Василій испивай, Софію не давай“. Но онъ далъ выпить женѣ и оба умерли:

На Софію вырослоа кипарисъ дерево,
 На Василья вырослоа золота верба,
 А старой-отъ и деть такъ наплачется,
 По середѣ вѣку и деть надивуется,
 А и маленьки ребятки тѣ натѣшатся.

Такъ умеръ, по словамъ лѣвцовъ, буйный Васютка пльвца. Ибо думаемъ что дѣло и деть о немъ, другаго Василя въ Кіевскомъ эпосѣ мы не знаемъ, да онъ же названъ кня

земь. Былина эта, какъ видно, возстаетъ противъ насильственнаго постриженія дѣвушекъ. У Гильфердинга есть еще безыменная лѣсня сходнаго содержанія, но съ комическимъ концомъ. Подобные случаи были, сколько извѣстно, очень рѣдки въ древней Россіи, и конечно въ первоначальной былинѣ негодованіе матери мотивировалось какъ-нибудь иначе, а гегерешаіе варианты образовались подъ вліяніемъ позднѣйшей раскольничьей обстановки. Извѣстно что въ Олѣйскомъ краѣ много безпоповцевъ, отвергающихъ законность брака, и въ еще недавнее время было много женскихъ скитовъ. Замѣтимъ кстати что въ вариантѣ Поповой, дочери вдовы молятся по дѣстовкѣ. Тамъ же черезчуръ эпическое число 33 замѣнено болѣ скромнымъ 9.

VI.

Пора перейти къ Добрынѣ Никитичу и его брату Алешѣ. Сборникъ Гильфердинга сообщаетъ о нихъ много новаго. На первомъ планѣ стоитъ совершенно самостоятельная былина о томъ какъ побратались эти два героя. До сихъ поръ о ихъ крестовомъ братствѣ говорилось въ эпосѣ какъ о вещи вѣснѣ извѣстной: новая былина подробно разказываетъ какъ оно произошло. А произошло оно очень оригинально и совершенно въ духѣ нашего эпоса.

Добрыня (вариантъ Прохорова) выѣхалъ погулять въ чистое поле и находитъ тамъ богатырскій шатерь, а на шатрѣ гордая надпись: „кто въ этотъ шатерь входитъ, тотъ изъ него живъ не выходитъ“. Задѣло Добрыню за живое: онъ немедленно входитъ и видитъ тамъ столы съ яствами. Не долго думавши, онъ начинаетъ убирать эти яства. И не только, говоритъ былина, онъ ихъ съѣлъ сколько на землю срылъ и въ ноги ихъ потопталъ. Наѣвшись онъ ложится спать въ шатрѣ. Между тѣмъ приходитъ изъ поля Алеша, покинувъ какъ видно коня въ чистомъ полѣ. Первая мысль его ударить Добрыню кольцемъ въ грудь, но сообразивъ что это будетъ слишкомъ позорно, онъ ударитъ его тулымъ козломъ въ зякъ вызова. Добрыня вскакиваетъ и хочетъ вступить въ бой, но Алеша уже истощилъ все свое великодушіе, и вмѣсто того чтобы драться лѣпшимъ онъ вскакиваетъ на Добрынина коня. Однако тотъ не смущается и вступаетъ въ бой съ коннымъ вра-

гомъ. Бьются они три дня и три ночи, все болѣе остережались. Наконецъ „лошелъ отъ нихъ тутъ стукъ да громъ, стамать сыра земля подрагивать. Услыхалъ старый казакъ Илья Муромецъ. „Есть то русскіе могучіе богатыри: гдѣ-нибудь бьются, ратятся“. Надо ихъ разнять. Илья скачетъ на мѣсто побоища и, захвативъ Добрыню въ одну руку, а Алешу въ другую, начинаетъ ихъ спрашивать изъ-за чего вышло дѣло. Алеша жалуется на обиду: „не столько онъ у меня съѣлъ, сколько въ ногахъ стопталъ, а мнѣ молодцу того жаль“. И говоритъ старый казакъ: „спасибо, Алеша, за свое стошье. Говори ты, Добрыня.“ „Ахъ ты старый казакъ, Илья Муромецъ, какъ мнѣ съ нимъ не ратиться; у него у лса у разбойника была подласъ фальшивая: кто въ шатеръ входитъ, тотъ изъ него живъ не выходитъ, а я хочу живымъ ловыти (обѣды) вѣсть“. „Спасибо, Добрыня, въ чужомъ дому смѣло поступиешь“. Затѣмъ Илья велитъ имъ помириться и назваться крестовыми братьями. Этимъ и кончается ссора. Вскорѣ затѣмъ оба богатыря посланы биться съ Литвой. Алеша ждетъ чтобы его названный братъ заѣхалъ въ самую середину враговъ, и не подавъ ему помощи скачетъ въ Кіевъ и сватается за вдову будто бы убитаго Добрыни. Далѣе лѣсная саивается съ извѣстною былиной о томъ какъ Добрынина жена вышла за другаго и теряетъ для насъ интересъ. Алеша во всѣхъ вариантахъ вѣрнень себя. Наглый, хитрый, не трусь, но и не удалецъ, а какъ придется и какъ будетъ выгодаѣе. Отъ чего этотъ Локи русскаго эпоса получилъ свое имя? Былъ Александръ Половичъ, ростовскій богатырь 13 вѣка, въ существованіи котораго вельзя сомнѣваться, но онъ не имѣетъ ничего общаго съ типомъ Алешу. Былъ по словамъ Никоновской лѣтописи другой Александръ Половичъ при Владимірѣ, но и о немъ преданія говорятъ только хорошее. Нѣтъ, „самое имя Алешка должно состоятъ въ сродствѣ съ какимъ-нибудь древнѣйшимъ и мѣщическимъ, иваче трудно что-нибудь повать. Намъ сдается, не играетъ ли тутъ роль славянское имя собственное Лешко или Лашко. Лашко показанъ лѣтописью въ числѣ вышгородскихъ бояръ-убійцъ Св. Бориса, значитъ онъ былъ современникомъ Владиміра. Если объ убіеніи Св. Бориса существовали народныя былины, въ чемъ трудно сомнѣваться, то этотъ Лашко конечно въ нихъ упоминался, а затѣмъ его могли смѣшать по сходству имени съ Александромъ Половичемъ. Но

впрочемъ мы думаемъ что это имя имѣетъ еще древнѣйшую родословную и восходитъ къ языческимъ временамъ. Дѣло въ томъ что оно очень обыкновенно въ преданіяхъ одной смежной съ Россіей славянской страны. Вся мифическая исторія Польши построена на безчисленныхъ Лешкахъ, смѣняющихъ одинъ другаго. И главное всѣ они являются съ типомъ вѣданаго хитреца. Польскіе анналисты объясняютъ даже что одинъ изъ этихъ Лешковъ получилъ свое имя именно за хитрость, ибо, говорятъ они, имя Лешекъ происходитъ отъ лиса. Производство невѣроятное, но настоящій смыслъ имени Лехъ отъ котораго вышло уменьшительное Лешекъ еще не объяснено окончательно, и возможно что оно имѣло одно значеніе со многими сходными корнями дѣйствительно означавшими хитрость. Но кромѣ того польскіе Лешки въ вариантахъ являются очень часто подъ именемъ Лестковъ, а наши лѣтописи и называютъ ихъ иначе. Древнѣйшее отчество Алеши, сохранившееся въ вариантахъ сказанія о семи богатыряхъ, находящемся въ библиотекѣ г. Буслаева, тоже подтверждаетъ наше объясненіе. Отчество это не Леонтьевичъ какъ въ большей части былины, а Лизинъевичъ, отъ имени собственнаго Лизыча, смыслъ котораго не требуетъ объясненія. (Можетъ-быть первоначально и Лисиничъ.)

Изъ убійцъ Св. Бориса въ лѣтописи названы четверо: Путча, Талець, Еловить и Ляшко. О Ляшкѣ мы уже говорили. Но и главный изъ нихъ Путча оставилъ кое-какіе слѣды въ эпосѣ. Былины знаютъ цѣлое семейство Путятиней, состоящее изъ отца стараго Путятя и дѣтей его Шава и Залавы, относимыхъ къ числу безчисленныхъ княжескихъ племянниковъ. При Владимірѣ, по словамъ Якимовскаго отрывка, дѣйствительно былъ вѣжкій воевода Путятя. Но ненависть съ которою былины относятся къ этому племеню даетъ поводъ подозрѣвать что и здѣсь эпосъ слышаетъ различныя имена и лица. А ненависть эта представляетъ вѣжко исключительное. Еще къ самому Путятѣ былины относятся довольно равнодушно, только причислая его къ нелюбимымъ князьямъ-болрамъ, но его дочь Залаву Путятичну явно не одобряютъ, а сыну даютъ самую отвратительную роль въ цѣломъ эпосѣ. Характеръ Залавы и воззрѣнія на нее пѣвцовъ были до сихъ поръ извѣстны только изъ быны о Соловьѣ Будиміровичѣ. Нынѣ у Гальфердинга оказывается великодушный вариантъ лѣсни о битвѣ Добрыни со

змѣемъ, гдѣ объ этой героинѣ говорится гораздо больше, чѣмъ въ другихъ сходныхъ былинахъ. Варіантъ принадлежитъ Калитину и составляетъ у него часть сводной быliny о Добрынѣ. Убивъ какъ водится змѣя и освободивъ унесенную имъ Залаву, Добрыня везетъ ее въ Кіевъ. Это есть и въ другихъ вариантахъ, но у Калитина здѣсь прибавленъ характеристическій эпизодъ. Сидитъ Залава у Добрыни на правомъ стогнѣ и начинаетъ ему дѣлать сдѣлающіе намеки:

За твою было великую за выслугу,
 Назвала тебя бы я нуль батюшкомъ
 И назвать тебя Добрыня нульче не можно,
 За твою великую за выслугу
 Я бы назвала нуль братцемъ да родимымъ,
 А назвать тебя, Добрыня, нульче не можно—
 За твою великую за выслугу
 Я бы назвала нуль другомъ да любимымъ:
 Въ насъ же вы Добрынюшка не влюбитесь.

На это Добрыня даетъ уклончивый отвѣтъ:

Ахъ ты молоде Залава, дочь Путятича!
 Вы есть нульче роду княжескаго,
 Я есть роду христіанскаго,
 Насъ нельзя назвать другомъ любимымъ.

На самомъ дѣлѣ и Добрыня знатнаго происхожденія, но здѣсь онъ хватается за первый предлогъ. Встрѣтивъ на дорогѣ Алешу онъ слѣшитъ передать ему Залаву, но при этомъ считаетъ не лишнимъ дать ему острастку чтобъ онъ не очень воспользовался сговорчивостью красавицы:

Ай же ты Алешенька Левонтьевичъ,
 Ты прими отъ насъ Залаву дочь Путятичу,
 Везъ же я Залаву да во честности,
 Да отъ насъ прими Алешенька во честности.
 Не стыди-тко ей да личко бѣлое,
 Мнѣ она да тутъ покажется,
 Я те завтра голову срублю.

Залава выставлена здѣсь такою же какъ и въ былинѣ о ея свадьбѣ съ Соловьемъ. Что касается до ея брата, то эта личность до сихъ поръ мало привлекала вниманіе исследователей, потому что въ былинахъ она является подъ разными искаженными именами. Самое видное мѣсто этотъ леманникъ Владиміра занимаетъ въ былинѣ о Данилѣ Ловчанинѣ, гдѣ онъ подговариваетъ Владиміра жениться на Давилковѣ

кентъ погубивъ предварительно мужа. По одному изъ вариантовъ князь раскаясь въ своемъ поступкѣ варить «овѣтника изъ смоль; поступокъ вполнѣ одобряемый лѣвцомъ. Въроятно и въ другомъ былъ такой же конецъ, только выпалъ изъ былинны. Лицо о которомъ идетъ рѣчь названо въ одномъ вариантѣ Путятиномъ Путятиновичемъ, а въ другомъ Мшататкой или Мшататкой Путятинымъ сыномъ. Последнее имя вѣроятно, только сильно испорчено. Восстановить его правильную форму помогаетъ намъ былина о Дюкѣ Степановичѣ, одинъ вариантъ который выводитъ молодого Шатеньку, племянника княженецкаго. Этотъ Шатенька говоритъ дерзости затѣжемъ богатырю, значить играетъ ту же роль что Чурило, который является и въ этомъ вариантѣ, лишь вѣсколько лѣже. Такимъ образомъ мы видимъ что Мшататка образовалось изъ искаженнаго имени Шатъ. Думаемъ что эта же личность выведена подъ именемъ Малыты Скурятова-сына, въ былинѣ о Дунаѣ (Кирѣвскаго выпускъ третій). Тамъ онъ тоже занимаетъ мѣсто совѣтника при Владимірѣ и предлагаетъ ему позвать къ себѣ Дуная чтобы разспросить его о невѣстахъ. Затѣмъ онъ добываетъ Дуная изъ кабака. Имя Малыты Скуратова легко могло замѣнить созвучное имя Шата или Путаты Путатова. Подобная замѣна вполнѣ въ духѣ эпоса, да и роль Шата въ дикѣ Владиміра та же что Малыты въ лѣсахъ о Иванѣ Грозномъ. Сближеніе Шата и Дуная въ былинѣ о последнемъ не состоитъ ли въ связи съ преданіями о рѣкахъ Донѣ (то же въ эпосѣ что Дунай) и Шатѣ, которые изображаются въ нихъ родными братьями. Смотри у Аванасьева главу о рѣкахъ.

Вернемся къ Добрынѣ. Эпосъ, какъ мы видѣли, не рѣшился женить его на Залавѣ, приберегая ему болѣе достойную поаругу, тѣмъ не менѣе лѣсая объ избавленіи богатыремъ лѣваницы всего удобства могла быть окончена свадьбой, такъ что нѣкоторые лѣвцы не устояли отъ искушенія сочетать бракомъ освободителя и освобожденную. Образчикъ этого разряда былинъ сохранился въ одной лѣснѣ, записанной Гильфердингомъ (Лисцы). Тамъ впрочемъ герой названъ Дунаемъ, а героиня носитъ только титулъ царской племянницы, но по всему видно что рѣчь идетъ о Добрынѣ и Залавѣ. Характеристична та черта что герой застааетъ змѣю сосущую кровь изъ лѣваницы. Дождавшись чтобы змѣя нажралась и заснула, Дунай увозитъ дѣвушку. Царь увидавъ ее сначала спрашиваетъ

почтительно ли обошелся съ ней богатырь и получилъ утвердительный отвѣтъ, спрашиваетъ у Дуная какой онъ дѣлаетъ награды. Тотъ требуетъ самую лѣвницу въ замужство, и просьба его исполняется.

Въ нѣкоторыхъ вариантахъ поѣздки Добрыни къ змѣю, героиня Залава является дочерью Владиміра. Но кажется что въ эпоху наибольшаго развитія эпоса, дочь Владиміра составляла совершенно отдѣльный типъ отъ Залавы Путятичи. Есть цѣлый разрядъ былинъ въ которыхъ она является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ: именно въ былинахъ о източеніи Ильи Муромца, гдѣ она спасаетъ Илью отъ голодной смерти. Былины эти не даютъ ей никакого имени, но по всему вѣроятію она же воспѣвается въ пѣсняхъ о Дюкѣ и Шаркѣ великанѣ, подъ именемъ прекрасной царевны, русской Маріи Лебеди бѣлой. Это имя должно быть очень древнее, ибо согласно съ исторіей, которая говоритъ что у Владиміра была дѣйствительно дочь Марья, вышедшая замужъ за Казимира Польскаго. Но у Гильфердинга есть вариантъ (Фелюва) былинны о боѣ Добрыни со змѣемъ, гдѣ похищенная оля такъ называется княжецкой дочерью, но при этомъ носитъ новое и странное имя: Марфида.

Полагаемъ, нельзя будетъ обвинить насъ въ излишней смѣлости если мы прочтемъ это очевидно искаженное слово: Мальфрида. Это германское имя занесено въ русскую исторію благодаря браку Владиміра съ Чехиней Мальфридой или Мальфредью, какъ ее называетъ летопись. Оно и въ послѣдствіи употреблялось въ домѣ Рюрика и совершенно обрусѣло. Здѣсь Мальфрида названа дочерью Владиміра по ошибкѣ по другимъ вариантамъ можно съ достовѣрностью заключить что это имя давалось въ эпоху сестрѣ великаго князя, матери Вольги Святославича. Въ Киршевской былинѣ объ этомъ герое, его мать названа Марей Всеславичной, что очень близко къ Марфидѣ. И самая пѣсня о которой мы говоримъ даетъ понять свою ошибку, называя вышеупомянутую будто бы дочь Владиміра не Владиміровной, какъ бы слѣдовало ожидать, а тоже Всеславичной-Святославичной. У Кирши Данилова мы встрѣчаемъ пѣсню изъ того же круга, служащую связующимъ звеномъ между былинами о рожденіи Вольги и о похищеніи Мальфриды - Залавы. Въ ней рассказывается какъ Добрыня убивъ случайно змѣя, находитъ въ его пещерѣ свою тетку Марью Дивовну, сестру Владиміра, которую онъ и привозитъ

обратно. И здѣсь мы замѣчаемъ обивчивость въ отчествѣ: Дивовна оказывается сестрой Святославича. Но если отчество это не зашло въ нашу былинку изъ древнѣйшихъ миѳическихъ преданій, то оно могло принадлежать исторической Мальфридѣ, женьѣ Владиміра, и прильнувъ надолго къ этому имени, явиться и въ такихъ лѣсняхъ гдѣ оно вовсе нестати. Во всякомъ случаѣ Марѳа Всеславична, сестра Владиміра, рождающая Вольгу отъ змѣя, и эта Марѳа Дивовна, тоже сестра его и лохищевная змѣемъ, есть одно и то же лицо. Разница только въ томъ что въ болѣе архаическихъ лѣсняхъ о Вольгѣ, связь Марѳы со змѣемъ (воплощеніемъ божества) и рожденіе отъ него сына вовсе не ставятся ей въ безчестье, а въ Куршевской лѣснѣ змѣй явился уже врагомъ, отъ котораго надо освобождать лѣвицу. Теперь получаетъ свое значеніе и небольшой отрывокъ записанный въ Архангельской губерніи и напечатанный въ первомъ томѣ Рыбникова, гдѣ Вольга, находясь еще въ чревѣ матери, обѣщаетъ ей отомстить насильнику змѣю. Этотъ мотивъ уже вовсе не свойственъ древнѣйшимъ представленіямъ и есть первый шагъ къ тому чтобы роль мотителя была передана Добрыньѣ леманнику Мальфриды.

Но мы идемъ далѣе и высказываемъ догадку что еще раньше было время когда Мальфрида Святославична, мать Вольги, была однимъ лицомъ съ Амельфой или Мамельфой Тимофеевной, матерью Добрыни. Имя Мамельфа и само по себѣ можетъ быть объяснено только изъ Мальфриды, ибо съ какой стати было эпосу привязаться до такой степени къ этому малоизвѣстному греческому имени, если оно не напоминало какое-нибудь туземное; но здѣсь намъ помогаетъ еще одинъ вариантъ Гильфердинга, въ которомъ мать Добрыни названа Мальфой (вариантъ Касьянова). Мальфа и Марфида вмѣстѣ прямо даютъ Мальфриду. Сходство двухъ типовъ полное. Двѣ сестры Владиміра, носящія сходныя имена и у каждой связъ змѣеборецъ. Мы думаемъ что первоначально Вольга и Добрыня считались братьями, только отъ разныхъ отцовъ. Такимъ образомъ оказывается возможнымъ оставить до новыхъ открытій имя Мамельфа за матерями Дюка и Василья Буслая, а сестрѣ Владиміра возвратитъ принадлежащее ей по праву великолѣпное имя Мальфриды.

Первая Мальфрида разумѣется была не сестрой Владиміра, а женой. Въ нашей прежней статьѣ мы высказали мнѣніе

что Добрыня есть искаженный Андрихъ Добреаковичъ, упоминаемый въ Никоновской лѣтописи и по-всему вѣроятію родственникъ одной изъ Чехинъ Владиміра. Въ настоящее время мы имѣемъ право повторить то же самое съ большою увѣренностью указывая прямо на Мальфриду. Мы полагаемъ что Добрыня сначала изображался племянникомъ не Владиміра, но его жены. Въ послѣдствіи же когда послѣдняя получила въ злосѣ имя Опраксы, то Мальфридой назвали мать Добрыни: надо же ей было дать какое-нибудь имя. Вообще же тѣлы Мальфриды и Опраксы очень близки между собой, обѣ родомъ съ Запада и обѣ взяты силою. (Мальфрида, будучи изъ христіанской земли, разумѣется могла достаться Владиміру только въ качествѣ лѣтвицы.) Но здѣсь нужно имѣть въ виду и Анну царевну, которую Владиміръ тоже взялъ:

Силою грозной княжецею

И великою могутой богатырскою.

Дунай и Добрыня добывающіе въ злосѣ Опраксу вѣроятію только замѣняютъ историческихъ Олега и Ждѣберна, которыхъ Владиміръ по взятіи Корсуна отправилъ въ Царьградъ требуя съ великими угрозами Анну царевну. Имя Ждѣбернъ легко могло быть переврано глѣцами въ болѣе известнаго Добрыню, а историческій Олегъ, современникъ Владиміра, помогъ имъ же пріурочить ко времени этого князя преданія о древнѣйшемъ чародѣѣ Вольгѣ. Во всякомъ случаѣ это сопоставленіе Олега и Ждѣберна въ древнемъ сказаніи даетъ новое подкрѣпленіе нашей догадкѣ о первоначальномъ братствѣ Вольги и Добрыни. Такъ-то, благодаря накопленію источниковъ, повсѣмогу опять завязываются старинныя связи между лѣтописью и эпосомъ, порванные казалось навсегда.

Откуда взялось отчество Добрынь Никитичъ, или вѣрнѣе Никитиновичъ? Г. Буслаевъ указываетъ что лѣтопись называетъ историческаго Добрыню, брата Малуши; матери Владиміра сыномъ Малка, и что въ ней же говорится о Древлянскомъ князѣ Малѣ, который въ иныхъ вариантахъ называется Низкиничемъ или даже Низкиней. Онъ думаетъ что всѣ эти имена могутъ назваться не столько историческими сколько эпическими, выражая малость и низость личностей о которыхъ идетъ рѣчь, предъ княжескимъ племенемъ. А потому нѣтъ ничего вѣроятнаго что дядя Владиміра въ иныхъ преданіяхъ могъ называться и Низкиничемъ, изъ чего потомъ

сдѣлали Накитича. Что касается до Малка и Малуши, то въ подлинности этихъ именъ едва ли позволительно сомнѣваться, принимая во вниманіе что они приближаются по времени къ христіанской и грамотной эпохѣ, но Малъ и Низкиня Древлянскіе дѣйствительно походятъ на лютическіе элитеты. Вообще же преданія о которыхъ идетъ рѣчь сходны не по одному имени. Въ древнѣйшемъ изъ нихъ славянской князь Малъ дерзаетъ искать руки русской княгини и получаетъ за это должное наказаніе; въ другомъ бѣдная Славянка Малуша лѣвляеть собой Святослава и дѣлается матерью освободителя Славянъ изъ-подъ варяжскаго ига. Этическое сродство очевидно, и очень можетъ быть что имя древлянскаго жениха образовано по именамъ матери и дѣла Св. Владимира, которые разумѣется были очень извѣстны въ лѣтвіи. Нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ что лѣтвцы легко могли путаться въ сходныхъ именахъ и лѣтъ Добрыня Низкиничъ вмѣсто Добрыня Малковичъ. Такимъ образомъ мы считаемъ объясненіе г. Буслаяна весьма правдоподобнымъ.

Сборникъ предлагаетъ еще хорошую лѣсню о Добрыня и Маршкѣ (Калинина) Въ ней разказъ сохранилъ многія древнія черты, затеряныя въ другихъ вариантахъ. Добрыня, обращенный въ тура, даетъ знать о своемъ несчастіи тѣмъ что истребляетъ птичьи и иныя стада своей тетки, доброй волшебницы. Та по удали звѣря заключаетъ что это долженъ быть ея пропавшій безъ вѣсти племянникъ и грозитъ Маршкѣ наказаніемъ. Маршкка, какъ и въ другихъ вариантахъ, оборачивается сорокою и летитъ искать Добрыню. Ста сорока туру на золотые рога, стала сорока выщекатывать, стала сорока выговаривать: возьмешь ли меня замужъ Добрынюшка? Тотъ согласился и они идутъ въ Кіевъ. Въ другихъ вариантахъ Добрыня, какъ извѣстно, нарушаетъ свое обѣщаніе, и получивъ свободу немедленно казнить волшебницу. Здѣсь его богатырская честь соблюдена. Онъ только предчувствуетъ что Маршкка еще возобновитъ свои лаутни и уходя въ спальню приказываетъ слугамъ чтобы когда онъ потребуетъ чару вина они подали бы ему саблю острую. Оставшись одна съ мужемъ, Маршкка немедленно обращаетъ его въ горностаю и начинаетъ потѣшаться. Ста горностаюшка погавивать, стала горностаюшка покиликивать, приломаль горностаю свои ногти прочь. Затѣмъ обращаетъ его въ сокола и тоже говяеть по комнать. Взмолдла Добрыня: „отвораги

хоть на мигъ добрымъ молодцемъ, дай только выпить чару зелена вина“. Мариска согласилась. „Сауги вѣрные, дайте мнѣ чару зелена вина“. Тѣ подаютъ ему саблю острую: онъ взмахнулъ ей и срубилъ Марискѣ голову. Утромъ приходитъ князья и бояре смиренно поздравляютъ грозную волшебницу. Добрыня объясняетъ имъ въ чемъ дѣло и тѣ не знаютъ какъ его благодарить за избавленіе Кіева отъ такой злодѣйки.

Поведеніе Мариски замужемъ слегка наломываетъ Бригиду въ Нибелунгахъ. Нѣчто подобное встрѣчается и въ лѣсняхъ о Кострюкѣ-Темрюкѣ, гдѣ Иванъ Грозный едва не погибаетъ отъ брака съ басурманкой. Волшебство Мариски въ одномъ Гильфердинговскомъ вариантѣ дополняется новою любопытною чертой. Оскорбленная Добрыней она грозитъ обернуть его жабой подколодною. Отъ тура золоторогаго отворотъ-то есть, а отъ жабы подколодной отворота нѣтъ. (Вопиовъ.) Жаба является въ эпосѣ, если не ошибаемся, въ первый разъ.

Чѣмъ болѣе открываются новыхъ источниковъ, тѣмъ болѣе можно видѣть какъ роскошно и разнообразно развивалось каждое преданіе въ лучшую пору эпоса.

Рядомъ съ лѣснями о Добрынѣ и Марискѣ и о борьбѣ его со змѣемъ, мы встрѣчаемъ у Гильфердинга былинку гдѣ побѣжденный змѣй коварно даритъ своему побѣдителю чудесную красавицу, которая вѣроятно представляетъ вариантъ той же Мариски. Эта лѣсня была уже записана г. Барсовымъ, и ею вмѣстѣ съ другими Барсовскими записями пользовался г. Орестъ Миллеръ. И Гильфердингъ и Барсовъ записали ее у одного лѣвца, именно Щеголенкова; но какъ видится у этого сказателя двѣ записи вышли не вполнѣ сходны. Содержаніе впрочемъ одно и то же. Добрыня встрѣтилъ змѣя въ Почай-рѣкѣ хочетъ его убить, но змѣй проситъ пощады. „Я иду къ морю, ко синю морю, я иду къ королю великому. Есть у него дочь единая, брови у ней черна собола, ло косицамъ звѣзды частыя. Я доставлю тебѣ королевичну отъ синя моря, жди ты меня три денечка.“ Черезъ три дня Добрыня приходитъ къ рѣкѣ и видитъ: на берегу стоитъ красавица. Онъ привозитъ ее къ государынѣ-матушкѣ, но та сомнѣвается ладно ли онъ сдѣлалъ. „Не надѣйся на красную дѣвицу, она вышла изъ земли невѣрныя, представила се змѣя осьмиглавая, оставитъ надо эту дѣвушку, надо сдѣлать докладъ князю Владиміру.“ Владиміръ узнавъ новость, тоже

остаётся недоволенъ поступкомъ Добрыни и упрекаетъ его, зачѣмъ онъ не убилъ змѣю. На этомъ и обрывается былина, но окончаніе ея не трудно возстановить. Конечно, Добрыня пришлось раскаяться въ своей необдуманной жевитьбѣ.

Замѣчательно что невѣста Добрыни оказывается дочерью великаго короля отъ синяго моря. Это роднитъ ее съ другою женой Добрыни Настасьей Микуличной, дочерью Микулы-Стрибога, равно и съ Опраксіей и Нѣлрой Королевичнами. Все это одинъ и тотъ же древній мифъ. Свѣтлый солнечный богатырь вступаетъ въ бракъ съ дочерью бурнаго и темнаго Океана. Бракъ этотъ оказывается удачнымъ или неудачнымъ смотря по тому въ какую сторону развилась былина.

До сихъ поръ одинъ Илья Муромецъ изображался состоящимъ подъ гѣвномъ Владиміра и въ заключеніи. Теперь имѣются двѣ лѣсни сходнаго содержанія и о Добрынѣ. Первая прочемъ есть скорѣе варіантъ лѣсни о Ставрѣ. Добрыня похвасталъ своей женой что она обманетъ всѣхъ въ Кіевѣ: князь, какъ водится, засадилъ его въ темницу. Тогда Настасья Микулична наряжается по-богатырски и является въ Кіевъ грознымъ посломъ турецкимъ требуя себѣ поединщика въ стрѣльбѣ изъ лука. Ни одинъ богатырь не можетъ поравняться съ ней искусствомъ, и Владиміру приходится послать за Добрыней, который поддерживаетъ честь Русской земли и получаетъ за это прощеніе. (Варіантъ Щеголекова.)

Въ другой лѣсни (Сарафанова) говорится что Добрыня попалъ подъ княжескій гѣвъ „по наговору богатырскому“; его матушка приступаетъ съ просьбами къ Владиміру, и князь выпускаетъ его но съ тѣмъ чтобъ онъ отправлялся въ Литву собирать тамъ дань за двѣнадцать лѣтъ. Затѣмъ является неизбѣжный Алеша Поповичъ со сватовствомъ.

Совершенно новой лѣснею оказывается такъ-называемая былина о Каликѣ богатырѣ. Этотъ герой извѣстенъ и по прежнимъ варіантамъ, гдѣ онъ иногда называется Давиломъ Игнатьевичемъ, составляя можетъ-быть одно лицо съ богатыремъ того же имени о которомъ дошла до насъ былина и который по ея словамъ на старости уходитъ въ монастырь. Чаше онъ—сильное могучее Ивашище; въ былинѣ о семи богатыряхъ мы встрѣчаемъ атамана каличьяго, Никиту Корсчева, который уже сблизается именемъ съ Никитой Заолѣшаниномъ и вообще съ мужиками Заолѣшанами. Между каликой и Заолѣшаниномъ есть и другое сходство: Никитой

Заолѣшаниномъ переодѣвается въ одной былинѣ Илья Муромецъ, и онъ же въ былинахъ объ Идолищѣ мѣняется платьемъ съ каликой Даниломъ или Ивануцемъ, а въ лѣсни о семи богатыряхъ съ Никитой Карачевцемъ. Въ лѣсни этой едва ли не являются оба мужика Заолѣшанина: одинъ изъ нихъ каличій атаманъ Микита Карачевецъ (то же что Заолѣшанинъ, житель лѣсной страны Вятчей), другой слугникъ Илья Муромца, названный прямо дворяниномъ Заолѣшаниномъ. Эпитетъ дворянина вовсе не подходитъ къ тѣлу дикаго Вятча, калики, и придаетъ герою по смѣшенію его съ дворяниномъ Данилой Безсчастнымъ, который является въ той же лѣсни подъ именемъ дворянина Бѣлой Палицы. Смѣшеніе это сдѣлалось возможнымъ вслѣдствіе того что калика мѣняющійся платьемъ съ Ильей, какъ мы видали, зовется иногда тоже Данилой. Наконецъ Гильфердингъ въ одномъ вариантахъ былинны о Добрынь (Дутиковы) вмѣсто Данилы и сильнаго Ивануца выводитъ Роньжа, калика переходя. Это имя мы и считаемъ за древнѣйшее каличье, ибо оно, во первыхъ, не христіанское, а во вторыхъ, взято изъ міра животныхъ. Ронжа—птица въ родѣ сойки, ведущая кочевую жизнь и этимъ давшая поводъ сравнивать съ собой бродячихъ каликъ. Затѣмъ изъ всего этого, думаемъ, выходитъ то что калики и мужики Заолѣшане въ сущности одно и то же. Трудно только разложить это собирательное имя на отдѣльныя личности, ибо какъ мы видали, тѣлы всѣхъ этихъ Ивануцей, Роньжей, Никиты и пр. крайне близки между собой. Впрочемъ, нѣтъ основанія утверждать чтобъ ихъ было болѣе двухъ. Одинъ—дворянинъ Заолѣшанинъ лѣсни о семи богатыряхъ и старчище Данилище былинны о Михайлушкѣ; другой — калика Никита, Роньжа, или Ивануце Заолѣшанинъ. Такъ по крайней мѣрѣ намъ кажется, а впрочемъ подождемъ новыхъ вариантовъ. Что же касается до новой былинны, о которой мы начали говорить, то сохранилось два ея варьянта—Тевлева и Суханова, а содержаніе ея слѣдующее: „Изъ-подъ ельничка, изъ-подъ березничка, изъ-подъ часто-младаго орѣшничку, выходилъ каликушка не маленькій, на немъ аалотки семи шелковъ и пр. О костыль каликушка опиралоса, высоко каликушка-подымалоса, прискакаль каликушка ко Почай-рѣкѣ.“ Видитъ онъ, за рѣкой стоитъ сила татарская. Калика добываетъ языка и разспрашиваетъ его. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ торопится съ вѣстями въ Кіевъ. Явившесъ туда онъ становится у палаты

и кричатъ въ подголоса чтобы не перелугать князя. Но и подголоса у него выходить таково что „Владимиръ съ ума сошелъ, а княгиня ходитъ раскорякою“. Выскакиваютъ Добрыня и Алеша и бьютъ невѣжу ладьями по головѣ, но калика стоитъ, головой не тряхнетъ. Илья ругаетъ богатырей: „чьмъ его бить, лучше бь у него вѣстей спрашивать“. Калику спрашиваютъ, и онъ разказываетъ что видѣлъ. Тогда Илья съ товарищами и съ этимъ самымъ каликой выходятъ изъ города и истребляютъ Татаръ.

Такую же собирательную личность какъ мужики Заолѣшане представляли собою недавно и братья Збродовичи, но благодаря Рыбникову и Гильфердингу и это туманное пятно нашего эпоса стало разрѣшаться на отдѣльныя звѣзды. Первая былина специально посвященная этимъ братьямъ была открыта Рыбниковымъ. Герои въ ней названы не Збродовичами, а Петроичами, тѣмъ не менѣ первый комментаторъ быliny Бельсовъ призналъ что здѣсь дѣло идетъ о тѣхъ же личностяхъ, и эта догадка въ настоящее время вполне подтверждена сборникомъ Гильфердинга дающимъ намъ нѣсколько сходныхъ лѣсокъ, гдѣ герои называются уже не Петроичами, а Дородовичами, очевидно искаженіе слова Збродовичъ. Содержаніе Рыбниковской быliny состоитъ въ томъ что краковскій королевичъ Петръ Петроичъ выѣхавъ въ чистое поле встрѣчаетъ тамъ татарскаго витязя, и одолевъ его въ бою узнаетъ въ немъ своего брата Луку Петроича, въ дѣтствѣ похищеннаго Татарами. Затѣмъ они оба возвращаются въ Краковъ. Имя перваго брата, хотя и христіанское, имѣетъ очень древнее происхожденіе. Дѣло въ томъ что въ XII столѣтіи существовалъ въ Польшѣ одинъ могучій панъ Петръ или Петрко (такъ онъ зовется въ нашихъ лѣтописяхъ), любимецъ Болеслава Кривоустаго и его сына Владислава. Этотъ Петръ лѣтвилъ измѣннически русскаго князя Володаря, а въ послѣдствіи былъ ограбленъ и ославленъ Владиславомъ Болеславичемъ. Есть извѣстія что онъ былъ женатъ на родной дочери Святополка II. Личность эта была довольно извѣстна на Руси, и преданія о силѣ и несчастной судьбѣ Петра вѣроятно не были чужды и эпосу. Этимъ можетъ быть объяснено почему это имя сдѣлалось какъ бы типическимъ для польскаго богатыря. Что касается до Луки, то вѣроятно онъ замѣнилъ какого-нибудь славянскаго Лука или

Лукослава; корень этотъ весьма обыченъ въ славянскихъ именахъ собственныхъ.

Сборникъ Гильфердинга представляетъ много вариантовъ лѣсни о Петроичахъ. Всѣ они хуже Рябининскаго. Любопытно въ нихъ то что найденный братъ почти всюду называется старшимъ изъ двухъ: Рябининъ о старшинствѣ молчитъ. Имя Петроя большею частію забыто, и его роль отдана Лукѣ, а татарскій витязь зовется Васильемъ, что уже вовсе испорчено. Въ одномъ вариантѣ вмѣсто Петръ—Федоръ: эта ошибка произошла по созвучію двухъ именъ. Объ этихъ братьяхъ говорится еще случайно въ одномъ вариантѣ былины о Дюкѣ (Коломовой). Тамъ они величаются Любовичами: можетъ-быть это есть ихъ древнѣйшее отчество. Но кромѣ того въ сборникѣ есть еще двѣ совершенно новыя былины о братьяхъ Дородовичахъ. Онѣ составляютъ дальнѣйшее развитіе того же мотива.

Первая былина имѣетъ только одинъ вариантъ Кукшинова. Она вообще напоминаетъ лѣсни о встрѣчѣ Ильи съ сыномъ. Илья съ товарищами стоитъ на богатырской заставѣ и видитъ проѣзжающаго богатыря. Онъ начинаетъ перебирать витязей кого бы послать на единоборство. „Послать Алешу Поповича такъ половскіе роды задумчивы (здѣсь это слово значить заносчивы). Хоть самъ падеть, хоть богатыря убьетъ— не спроситъ имени ни вочивы“. То-есть онъ можетъ начать бой безо всякой надобности, не узнавъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Илья рѣшается послать Микиту Романова. Это имя зашло въ кievскій циклъ изъ московскихъ былинъ: здѣсь оно замѣняетъ Добрыню Никитича, иногда же подъ нимъ можетъ разумѣться и Никита Заолѣшанинъ. Микита не рѣшается подѣхать къ богатырю и возвращается ни съ чѣмъ. Надо ѣхать самому Ильѣ. Онъ сбиваетъ врага съ коня и начиняетъ его допрашивать. „Скажи удалъ добрый молодецъ, ты чьей земли, скажи чьей орды, чьего отца да чьей матери, чьего урожденья великаго?“ Богатырь отвѣчаетъ ему бравью, но Илья не оскорбляется этимъ. „Не гордись на меня чадо милое, скажи чьего урожденья великаго?“ — „Я той (такой-то) земли да той орды, того урожденья великаго, а зовутъ меня Алеша Дородовичъ“. Илья тотчасъ подымаетъ его съ земли, цѣлуетъ въ уста и называетъ братомъ крестовымъ. Пѣвецъ какъ видно позабылъ „урожденье“ Алеша Дородовича, но очевидно что это одинъ изъ Збродовичей. Дружескій приемъ

который оказываетъ ему Илья лопатень, ибо Збродовичи родные братья княгини Опраксіи.

Другой былинны сохранилось два варианта: Костина и Патрикева. Первый полѣе: богатырь Михайло Дородовичъ выѣхалъ въ полѣ и видитъ въ полѣ три знамени (знака): первое бѣлымъ бѣло, другое краснымъ красно, третье чернымъ черно. Подѣвѣжаетъ ближе и видитъ: стоитъ бѣлый шатеръ, на шатрѣ красная маковка, а у шатра стоитъ воронъ конь. Въ шатрѣ онъ находитъ умирающаго витязя. Тотъ на разпросы объясняетъ что онъ бился неподалеку съ Татарами. „Тутъ мнѣ измѣна состоялась: у туга лука тетивка лорывалася, булатная лапца поломалася, колье въ череню пораспалася, востра сабля пополамъ переломилася. Тутъ обступили меня поганые Татаровья, били меня и ранили.“ Михайло немедленно отправился искать Татаръ и любиваетъ ихъ. Окончивъ лодвигъ онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „и родись ко ты головушка удалая, а худая голова лучше бы не была.“ Возвратившись къ умирающему онъ спрашиваетъ его объ имени. Тотъ успѣваетъ только выговорить: Федоръ Дородовичъ, и умираетъ. Михайло признаетъ въ немъ старшаго брата, котораго онъ видно не зналъ въ лицо.

Такъ развѣтвился этотъ особый циклъ Збродовичей въ эпическихкихъ преданіяхъ. Трудно сказать въ какомъ отношеніи находятся другъ къ другу эти три пѣсни и о сколькихъ самостоятельныхъ личностяхъ въ нихъ идетъ рѣчь, ибо мы не знаемъ сколько Збродовичей воспѣвалось въ эпосѣ. Иныя былинны говорятъ что ихъ было только двое, другія насчитываютъ до семи. Если принять первое показаніе, то Алеша Збродовичъ будетъ одно лицо съ Петромъ, и въ былинѣ о немъ значитъ описывается пріѣздъ на Русь перваго Збродовича; но затѣмъ двѣ былинны о встрѣчѣ братьевъ придется считать двумя независимыми и другъ друга исключаящими вариациями одного и того же мотива. Если же не держаться опредѣленной цифры, то Михайло будетъ третьимъ Збродовичемъ, а старшій братъ его Федоръ однимъ лицомъ съ Петромъ или Лукой. Впрочемъ, вопросъ этотъ не важенъ. Заключая разборъ былинъ Владимірова круга, мы не можемъ не поставить на видъ одного обстоятельства. Чѣмъ болѣе дѣлается извѣстенъ эпосъ, тѣмъ значительнѣе оказывается процентъ богатырей съ западнымъ происхожденіемъ: съ Запада приходятъ Алраксія, Нѣпра и всѣ Збродовичи, западнымъ

оказывается если не самъ Добрыня, то по крайней мѣрѣ прототипъ его Андрихъ Добренковичъ, и въ томъ же лодозрѣннѣ состоитъ и Василайъ Казиміровичъ. Алеша Половичъ, котораго мы привыкли считать чистѣйшимъ Великоруссомъ, въ древнѣйшемъ своемъ видѣ является во всякомъ случаѣ южаниномъ и находится по всему вѣроятію въ повстаческомъ сродствѣ съ польскими Лешками. Галичъ составляющій соединительное звено между древними Русью и Польшей выставилъ одинъ двухъ богатырей: Дюка и Потыка, въ чемъ съ нимъ кромѣ Кіева не можетъ поспорить ни одинъ городъ. Затѣмъ всѣ остальные герои или Кіевляне, или пришлые не вѣсть откуда. Великоруссомъ оказывается одинъ Илья Муромецъ. Само собою разумѣется что Ильи болѣе чѣмъ достаточно для поддержанія чести Сѣвера, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію что съ каждымъ новымъ оборникомъ бывше колоритъ нашего эпоса дѣлается все болѣе и болѣе южнымъ и даже юго-западнымъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, понятно что герои до-татарскихъ бывше въ большинствѣ случаевъ должны были принадлежать къ южанамъ. Известно и то что до татарскаго нашествія Русь находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ со своими западными родственниками и вполне сознавала свое славянское происхожденіе.

Тѣмъ не менѣе мы такъ привыкли къ подновленнымъ и ополченнымъ вариантамъ, въ родѣ Куршевскихъ, что иному трудно усвоить себѣ мысль что эпосъ нашъ въ лучшихъ былинахъ не представляетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ Московскаго періода и есть эпосъ вполне древне-русскій и можно сказать славянскій. Но еще болѣе удивительнымъ можетъ быть сочтено то обстоятельство что онъ оказывается имѣющимъ довольно тѣсныя связи съ эпическими преданіями западныхъ Славянъ, преимущественно Поляковъ. Этому вопроса уже коснулся г. О. Миллеръ въ своей диссертациіи и привелъ два въ высшей степени любопытныхъ совпаденія между нашими былинами и остатками польскихъ; только намъ кажется что онъ не придалъ имъ всей важности которой они заслуживаютъ. Первое совпаденіе заключается въ томъ что въ одной племенной пѣснѣ выводится пажъ Домброва, по замѣчанію г. Миллера соответствующій нашему Добрынѣ. Жена его увидя мужа послѣ долгой разлуки, подобно нашей Настасьѣ Мукулчачѣ, прыгаетъ черезъ столы. Къ сожалѣнію, Миллеръ не говоритъ вполне ли тождественно содержаніе польской пѣсни съ нашею

былиной, то-есть идетъ ли и въ ней рѣчь о выходѣ жены за другаго. Кажется что такъ; но во всякомъ случаѣ сходство мотива не подлежитъ сомнѣнію. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія сходство самого имени героя. Его можно объяснять или заимствованіемъ, или—и это гораздо вѣроятнѣе—тѣмъ что герой Добрыня принадлежитъ не однимъ русскимъ преданіямъ, что даетъ его имени великую древность въ славянскомъ эпосѣ. Другое совпаденіе можетъ-быть еще поразительнѣе. Всемъ людямъ знакомымъ съ эпосомъ извѣстна прекрасная былина о Михайлѣ Потыкѣ. Михайло Потыкъ, отправившись на подвиги, узнаетъ что его жена похищена королемъ Волинскимъ. Онъ немедленно отправляется ее освобождать, но она успѣла влюбиться въ короля, измѣняетъ мужу и напоивъ его дольями прибываетъ его гвоздями къ стѣнѣ. Онъ долженъ погибнуть, но его спасаетъ дочь или сестра короля и залѣчиваетъ его раны, взявъ съ него предварительно клятву что онъ на ней женится. Выздоровѣвъ Потыкъ убиваетъ свою жену и женится на королевѣ. Крайне сходное преданіе помѣщено въ хроникѣ Богуфала, только польскій анналистъ заблагоразсудилъ дать богатырю и его женѣ германскія имена, Вальтеръ и Гильдегунда, соблазнясь нѣкоторымъ сходствомъ этого преданія и германскою лѣсней о Вальтерѣ Аквитанскомъ. * По счастью славянское имя враждебнаго князя уцѣлѣло. Это Выславъ князь Вислицкій, Выславъ красивый, какъ его называетъ Богуфаль. Выславъ этотъ былъ лѣваникомъ Вальтера, жена послѣдняго влюбилась въ него, и оба они бѣжали во время отлучки Вальтера. Тотъ отправился на поиски подобно Потыку, былъ подобно ему обиденъ своею женой и точно также прикованъ къ стѣнѣ, но спасенъ некрасивою сестрой Выслава, взявшею съ него ту же клятву. Мы видимъ что тождество почти полное. Оно и было замѣчено г. Миллеромъ, но любопытно что Выславъ Вислицкій напоминаетъ врага Потыка даже своимъ именемъ. Дѣло въ томъ что Волинскій король называется въ нашихъ былинахъ во первыхъ Вохрамѣемъ царемъ, а во вторыхъ прекраснымъ царемъ Иваномъ Окульевымъ и красивымъ королемъ Ляхетскимъ. ** Эпитеты

* Владѣніемъ Вальтера названъ впрочемъ польскій городокъ Тыльчъ.

** Равнымъ образомъ и волинская княжна носитъ имя Настасья красивой, но это едва ли не искаженіе. У Богуфала она напротивъ того не красивая, что имѣетъ болѣе древній видъ, ибо второй женѣ

одни и тѣ же, и это еще болѣе утверждаетъ насъ въ томъ мнѣніи что польское и русское преданіе находятся въ тѣснѣйшемъ родствѣ (см. варианты: Тимоеева, Касьянова и Проторова).

Прекрасный царь Иванъ Окульевичъ лицо не безызвѣстное и въ былинахъ совершенно другаго цикла, о Соломонѣ. Только онъ именуется въ нихъ Василиемъ Окульевичемъ. Это имя мы считаемъ правильнѣе, ибо оно болѣе походить на Выслава. (Мы забыли упомянуть что имя Выславъ употребляется и въ русскихъ преданіяхъ, именно въ сказкѣ о жарптицѣ). Роль прекрасныхъ царей въ обоихъ циклахъ совершенно одинакова. Василий Окульичъ точно также увозитъ жену Соломона, Соломонъ точно также идетъ на поюки и едва не погибаетъ отъ измѣнницы жены. Извѣстно что о древоности и туземности германскихъ и славянскихъ преданій о Соломонѣ существуютъ самыя различныя мнѣнія. Иные считаютъ что всѣ онѣ взяты съ Востока, другіе утверждаютъ что пѣсня объ увозѣ Соломоновой жены есть туземная и развилась совершенно самостоятельно. Мы думаемъ что тѣсная связь между пѣсней о Соломонѣ и несомнѣнно славянскою былинной о Потыкѣ говорить въ пользу втораго мнѣнія.

Вообще же изъ всего этого слѣдуетъ что наше злосѣе, несмотря на долговременное отчужденіе Руси отъ своихъ западныхъ братьевъ, и донныя связанъ многими нитями съ преданіями другихъ Славянъ и имѣетъ свои корни еще въ той эпохѣ когда всѣ Славяне пѣли одну великую мифическую эпопею, герои которой въ послѣдствіи перешли изъ боговъ въ простыхъ смертныхъ, причемъ каждое племя наперерывъ старалось присвоить ихъ исключительно себѣ и перенести въ позднѣйшую русскую, польскую или иную историческую обстановку. Какъ важно подобное единство эпоса для духовнаго единенія Славянъ и какъ благотѣльно можетъ оно дѣйствовать, сознанное какъ слѣдуетъ, полагаемъ понятно и безъ дальнѣйшихъ объясненій.

Слѣдовало бы подвергнуть сколько-нибудь подробному разбору и былины другихъ цикловъ находящіяся въ сборникѣ

Потыка прилично составлять во всемъ противоположность первой, Марья бѣлой лебеди; сравни двухъ женъ Бермяты: Катерицу прекрасную и Чернаву; первая измѣняетъ мужу, вторая оказывается по немъ.

Гильфердинга, но наша статья и такъ уже приняла не малые размѣры; ограничимся немногими словами. Изъ лѣсеней не принадлежащихъ къ Кіевскому кругу первое мѣсто занимаетъ былина о Рахтѣ Рагнозерскомъ, мѣствомъ олонецкомъ героемъ. Она записана у лѣвца Калинина и по метру принадлежитъ къ лучшимъ. Нѣкогда пріѣхалъ въ Москву татарскій боецъ и сталъ требовать поединщика. Такого не нашлось. Стояли тутъ съ подѣвренной стороны мужики балахонники, говорили они таково слово: „Кабы нашъ-то Рахта-Рагнозерскій, этого борца онъ бы въ кучку складъ“. Мужиковъ услышали и стали разспрашивать, а затѣмъ отправили гонца за богатыремъ. Тотъ не отказался и побѣдивъ Татарина получилъ въ награду право рыбной ловли въ Рагнозерѣ. Дѣйствіе происходитъ при князѣ Московскомъ Васильѣ, такъ что по хронологіи эта былина должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ московскомъ циклѣ.

Затѣмъ у Гильфердинга есть не мало вариантовъ лѣсени о Кострюкѣ, изъ которыхъ одинъ лучше другаго. Кромѣ того, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить вариантъ былины объ Алексѣѣ Михайловичѣ, гдѣ въ первый разъ является историческое имя князя Хованскаго и уморительную былинку о быкѣ князя Ромодановскаго, одну изъ столь рѣдкихъ скоморошьихъ былинъ.

Этимъ кончаемъ нашъ трудъ. Полагаемъ что великое значеніе для науки разобраннаго нами сборника выставлено нами довольно ясно. Остается пожелать чтобъ и у Гильфердинга нашлись преемники какъ они нашлись у Рыбникова.

НИКОЛАЙ КВАШНИНЪ-САМАРИНЪ.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦІИ

ЗА ТРЕТЬЮ ЧЕТВЕРТЬ ГОДА

1.

При обзорѣннѣ внутренней политики Франціи за вторую четверть года, намъ пришлось заключить отчетъ о занятіяхъ Версальскаго собранія слѣдующими неутѣшительными словами:

„Къ концу юня, то-есть послѣ полуторамѣсячныхъ работъ, національное собраніе, какъ оказалось, ничего почти не сдѣлало и ничего положительно не рѣшило. А между тѣмъ, еще до открытія майской сессіи, всѣ представители соглашались на томъ что необходимо было какъ можно скорѣе рѣшить неотложные жизненные вопросы, что каждая потерянная минута тягостяѣе и тягостяѣе отзывалась на странѣ. Бѣлая часть времени была бесполезно потрачена въ безплодныхъ спорахъ, крючкотворствахъ и скандалахъ. Дѣла серьезныя откладывались или, когда можно было, докладывались при пустой зачѣ и, какъ говорится, проходили на почтовыхъ; тѣ же изъ нихъ которыя представляли какую нибудь связь съ политикой затягивались до крайности, служили поводомъ къ столкновеніямъ и въ концѣ концовъ все-таки не рѣшались и лоступали на разсмотрѣніе комиссій.“

Такова была дѣятельность національнаго собранія до 1е юля. Послѣ того представители законодательной власти

засѣдали еще въ теченіе тридцати пяти дней, а затѣмъ они рѣшились разойтись на нѣсколько мѣсяцевъ.

Здѣсь неминуемо рождаются вопросы:

1. Покончила ли палата съ тѣми вопросами которые счита-ла жизненными, необходимыми, неотлагательными?

2. Если она съ ними не покончила, то почему послѣдшила разойтись? Отсюда въ свою очередь истекаетъ третій вопросъ, необходимо связанный съ другимъ: Есть ли парла-ментская сессія опредѣленное количество дней въ теченіе которыхъ выборные страны обязаны сидѣть, разсуждать, спорить, кричать, шумѣть объ интересахъ своихъ партій, а кста-ти и объ интересахъ страны, или же это опредѣленный пе-риодъ функція законодательной власти государства?

На первый изъ этихъ вопросовъ отвѣтъ коротокъ и неутѣ-шительнъ: ничего не рѣшено, ни съ чѣмъ не покончено, все осталось попрежнему. Поэтому является второй: обязаны ли были депутаты разойтись, а если нѣтъ, то почему послѣдшила разойтись?

Очевидно что національное собраніе Франціи не учебное заведеніе для развитія ораторскихъ способностей и прохожде-нія курса практичнаго парламентаризма, а сборное мѣсто се-мисотъ лицъ изображающихъ коллективно верховную власть страны. Если есть дѣла слѣдшья, жизненные, отъ которыхъ зависитъ спокойствіе и благосостояніе страны, верховная власть засѣдаетъ пока не рѣшитъ ихъ; нѣтъ этихъ жизнен-ныхъ вопросовъ, власть покончивъ съ текущими, второсте-пенными дѣлами, прекращаетъ на время свою функцію.

Почему же, въ такомъ случаѣ депутаты разошлись?

Почему? Все по той же причинѣ что одинъ изъ важнѣй-шихъ вопросовъ внесенныхъ въ собраніе не рѣшенъ еще.

Часть депутатовъ желаетъ восстановленія законной монар-хіи божественнаго права, другая — конституціонной монархіи, третья — имперіи, четвертая — любого изъ трехъ монархиче-скихъ рѣшеній. Съ другой стороны—слѣва—одни желаютъ кон-сервативной республики, другіе—просто республики, третьи—радикальной, четвертые—соціалистской. Согласовать эти по-литическіе отгѣнки, изъ которыхъ еще притомъ каждыи имѣ-етъ основною корыстные интересы, невозможно.

Пятьдесятъ тянутъ назадъ, сто вправо, полтора ста поль-оборота вправо, полтора ста поль-оборота влѣво и т. д., только

прямо, какъ кажется, никто не таветь. Не мудрено что при такихъ условіяхъ ничего не подвинулось впередъ, точь въ точь какъ у лебедя, рака и цуки.

Наконецъ, этимъ людямъ выдѣвшимся всячески, отвиливавшимъ въ особенности отъ какого-нибудь окончательнаго рѣшенія не согласнаго съ ихъ личными и партійными интересами; этимъ людямъ говорятъ: кончайте! лора! вотъ вамъ исходъ!— и явилось предложеніе Казимира Перье.

Исходъ!! Тотчасъ же, почти вслѣдъ за этимъ исходомъ, явилось ихъ четыре.

Каждая изъ партій предложила свой.

Всѣ предложенные исходы грохнулись одинъ за другимъ. Искани большинства; оно совершенно затерялось въ этомъ хаосѣ и стало неудовимо. Между тѣмъ необходимость какого-нибудь рѣшенія представилась столь очевидною, ропотъ на мысленное бездѣйствіе палаты сталъ такъ громокъ что надо было непремѣнно на что-нибудь рѣшиться. Положеніе казалось безвыходнымъ.

Нашелся, однако, депутатъ маркизъ де-Кастелланъ, сумѣвшій вывести палату изъ столь затруднительнаго положенія. Этотъ юный гражданинъ предложилъ депутатамъ слѣдующее рѣшеніе:

Разойтись немедленно не рѣшивъ ничего и отложить открытіе слѣдующей сессіи на возможно болѣе отдаленный срокъ.

Въ палатѣ разумѣется тотчасъ же оказалось разумное большинство ухватившееся съ восторгомъ и благодарностью за это патріотическое предложеніе, и двери Версальскаго театра, превращеннаго по злѣйшей прови судьбы въ арену политическихъ актеровъ Франціи, закрылись до 30го будущаго ноября.

Предъ тѣмъ чтобы дать отчетъ объ остальныхъ тридцати пяти дняхъ истекшей сессіи, мнѣ показалось назидательнымъ и интереснымъ представить балансъ занятій національнаго собранія за 1874 годъ. По немъ можно будетъ судить нагляднѣе о пользѣ присосимыхъ странъ парламентарнымъ режимомъ въ томъ видѣ и при тѣхъ условіяхъ какъ этотъ режимъ господствуетъ теперь во Франціи.

Представляемый балансъ основанъ на неопровержимыхъ числовыхъ данныхъ. Нашелся человекъ которому показалось

интереснымъ предпринять съ прошлаго января слѣдующую египетскую работу: онъ высидѣлъ въ залѣ собранія съ часами въ рукахъ всѣ 184 засѣданія Версальской палаты состоявшія за этотъ годъ, слѣдя за перипетіями парламентарной борьбы и отмѣчая по минутамъ различныя фазы каждаго засѣданія. Такимъ образомъ, ему удалось одѣлать вѣчто въ родѣ анатомической диссекціи всѣхъ ста тридцати четырехъ „присутствій“ депутатскаго собранія. Отмѣтки скрѣплены подписями постороннихъ лицъ слѣдившихъ за работою. Для примѣра приведу *диссекцію* засѣданія 5го августа (последняго).

Открылось засѣданіе въ четверть третьяго, закрыто было въ семь часовъ; продлилось слѣдовательно пять часовъ сорокъ пять минутъ.

Время это употреблено было слѣдующимъ образомъ:

Чтеніе протокола предыдущаго засѣданія.....	10 минутъ.
Одиннадцать законовъ мѣстныхъ (<i>d'intérêt local</i>).	55 .
Парижскіе налоги.....	15 .
Железныя дороги.....	15 .
Французскій Банкъ.....	13 .
Вопросъ о портахъ.....	5 .
Флотъ и колоніи.....	12 .
Публичныя работы.....	5 .
Возможеніе политическимъ выходцамъ.....	5 .
Представленіе двухъ рапортовъ.....	3 .
Дополнит. кредитъ по министр. народн. просвѣщ.	17 .
Бюджетъ.....	2 ч. 55 .
Дѣла Ранка и Мельвиаль-Бланкура.....	15 .
Итого.....	5 ч. 45 .

Точно такимъ образомъ разобраны были всѣ 184 засѣданія.

Вотъ результаты этой работы.

Сессіи 1874 года распределяются помѣсячно такъ:

Январь	19 засѣданій, продолжавшихся	64 часа 45 минутъ.
Февраль	21	69 . 15 .
Мартъ	24	88 . 45 .
Май	18	31 . 40 .
Іюнь	26	82 . 5 .
Іюль	27	92 . 40 .
Августъ	4	19 . 55 .
Итого . . .	184	449 . 5 .

30го будущаго ноября возобновятся засѣданія, слѣдовательно до 1го января 1875 года ихъ можетъ состояться по большей мѣрѣ двадцать пять (около восьмидесяти часовъ). Такимъ образомъ общее количество часовъ засѣданій національнаго собранія въ 1874 году будетъ приблизительно равняться лятистамъ тридцати.

Годовой бюджетъ палаты (1874) 8.624.000 франковъ. Раздѣливъ эту почтенную сумму на число часовъ, получимъ слѣдующія положительныя данныя:

Каждый часъ публичнаго засѣданія палаты обходится странѣ.....	16.272 франка.
Каждыя четверть часа.....	4.068 .
Каждыя пять минутъ.....	1.356 .
Каждая минута.....	271 .

Изъ этого простѣйшаго исчисленія слѣдуетъ что каждый прерывъ оратора на минуту депутатскими восклицаніями: „Это невѣрно!“ „Это такъ!“ „Я протестую!“ и пр. стоитъ Франціи около двухсотъ лятидесяти франковъ.

Посмотримъ теперь какъ были употреблены 449 часовъ 5 минутъ засѣданій палаты уже состоявшихся въ этомъ году.

<i>Ordre du jour</i> , запросы (<i>interpellations</i>), поправки, потерянное время и пр.....	143 ч. 45 м.
Министерство иностранныхъ дѣлъ.....	1 „ 40 „
Земледѣліе и торговля.....	10 „ — „
Финансы и бюджетъ.....	144 „ 40 „
Военное министерство и Алжирія.....	23 „ 5 „
Народное просвѣщеніе и изящныя искусства.....	6 „ 5 „
Министерство внутреннихъ дѣлъ (закомъ о мерахъ и пр.).....	94 „ 45 „
Мѣстные законы.....	8 „ 5 „
Министерство юстиціи и вѣроисповѣданій.....	1 „ 20 „
Флотъ и колоніи.....	5 „ 30 „
Публичныя работы.....	6 „ 15 „
Парижъ.....	8 „ 55 „

Итого . 449 „ 5 „

Разсмотримъ подробно главные изъ этихъ отдѣловъ.

Первый обошелся странѣ (по числу часовъ) въ два миллиона девяти тридцать четыре тысячи сто семьдесятъ шесть франковъ, и подраздѣляется такъ:

Спеціальный бюджетъ палаты.....	— ч. 25 м. —	6 780 фр.
Избраніе бюро палаты.....	12 „ 5 „ —	196.590 „

Тарифъ по жребію для того же бюро...	3	—	—	48 816	.
Извѣщеніе о смерти депутатовъ.....	1	5	—	17.628	.
Извѣщеніе объ отставкахъ.....	—	20	—	5.424	.
Повѣрка полномочій (выборовъ).....	4	40	—	75.936	.
Предложенія о распущеніи собранія....	4	50	—	78.648	.
Споры по поводу формы правленія....	10	45	—	174.924	.
Запросы (<i>interpellations</i>)... ..	49	45	—	809.532	.
Президентскія посланія (<i>messages</i>) ..	—	15	—	4.068	.
Разсмотрѣніе 26 протестовъ.....	2	25	—	39.324	.
Различныя споры, возраженія, брань, чте- е протоколовъ.....	54	10	—	875.976	.
				2.234.176	.
Итого..					

Что можетъ быть краснорѣчивѣе этихъ голыхъ цифръ? равните время и деньги употребленныя на дѣло съ потра- авными въ безплодныхъ спорахъ, столкновеніяхъ и вооб- е на бездѣлье. Запросы Рикара, Кристофля, Лелера, алье и Люсіена Брёна, вызвавшіе столько ненужныхъ, со- ршенно не идущихъ къ дѣлу прервій, обошлись болѣе чѣмъ сто тысячъ франковъ каждый. Сорокъ девять часовъ слы- жь пошло на тенденціозные запросы, около пятидесяти ыключивъ чтеніе протоколовъ) на споры, возраженія и авь! Съ другой стороны, вопросы по вѣвшимъ сношені- гъ (министерство иностранныхъ дѣлъ) заняли, какъ выше азаво, 1 часъ 40 минутъ. За это время рассмотрѣно, деба- ровано и утверждено девять трактатовъ и три вопроса пер- степенной важности. Почтовые конвенціи, торговые тра- аты и пр. съ Россією, Англією, Соединенными Штатами, гацією, Бельгією, Швейцарією и Уругваемъ, все это проѣха- на почтовыхъ въ какія-нибудь пятьдесятъ минутъ.

Пятьдесятъ минутъ и девяносто девять часовъ! Сравните ѣ цифры и судите.

Поучительна графа внутреннихъ дѣлъ. Что тутъ убито без- одно времени и денегъ! Всѣхъ часовъ употреблено было, къ выше сказано, *девяносто четыре* (съ минутами), изъ ко- рыхъ *семьдесятъ три* ушло на такъ-называемыя поправки *pendements*), *не принятія въ соображеніе*. Семьдесятъ три са, то-есть милліонъ сто восемьдесятъ семь тысячъ фран- вь! И замѣйте притомъ что значеніе денежной потери всь ничтожно въ сравненіи съ потерей времени.

Для контраста, посмотрите околько времени сочтено воз- жнымъ удѣлать на дѣло: *Девяносто два* новыхъ законовъ,

тридцать четыре займа, семь мѣстныхъ налоговъ, двадцать девъ таможенныхъ пошлины и пр. доложены, дебатированы, декретированы и утверждены въ теченіе восьми часовъ пяти минутъ.

Легко можно себѣ представить, по количеству употребленнаго времени, какъ все это было доложено и дебатировано.

О ста сорока четырехъ часахъ употребленныхъ на бюджеты и финансы я и не говорю. Всѣмъ памятно и эти безплодные пренія не приведшія ни къ чему, единственнымъ результатомъ которыхъ была отставка министра финансовъ Мана, и представленные то справа, то слѣва проекты; справа, на примѣръ, налогъ на шляпы (Дагирель) и пр., слѣва — налогъ на капиталъ и пр., словомъ, большею частью тенденціозные. Въ концѣ концовъ, не взирая на массу употребленнаго времени, изображающаго для страны чистую затрату въ *два миллион триста сорокъ три тысячи сто шестьдесятъ* франковъ, господа депутаты такъ и не рѣшили чѣмъ покрыть остающіеся дефицитъ въ 20 миллионновъ.

Это, согласитесь, выходитъ уже положительно дорого. Не было ли бы для страны выгоднѣе еслибы господа депутаты вовсе не брались рѣшать вопроса.

Предполагается что палата созывается на то чтобъ осчастливить сколько возможно болѣе страну.

Для этого, извѣстное количество представителей собирается ежедневно для присканія сообща лучшихъ способовъ даровать требуемое счастье и благоденствіе.

О, еслибы полезная дѣятельность палаты была пропорціональна числу представителей, Франція оказалась бы счастливейшимъ изъ представительныхъ государствъ обоихъ полушарій! Дѣйствительно, нѣтъ націи гдѣ бы пожеланіе о счастьи народномъ было ввѣрено столь значительному количеству избранныхъ какъ въ этой странѣ.

Во Франціи, *семьсотъ тридцать восемь* отборнѣйшихъ гражданъ собираются чуть ли не каждый день задавая себя вопросомъ: какъ осчастливимъ мы ихъ сегодня?

Пессимисты возражать можетъ-быть что дѣло здѣсь не въ количествѣ представителей, а въ томъ какъ они заботятся объ интересахъ и счастьи страны.

Заботятся они во всякомъ случаѣ очень усердно.

Увѣряютъ что въ нѣкоторыхъ изъ-заатлантическихъ республикъ, заведенія выборовъ страны до того шумны и

гичаются столь крайнею разнузданностью, что президентъ вынужденъ прибѣгать къ слѣдующему радикальному средству для восстановления тишины и порядка.

Возлѣ президентскаго кресла покоится всегда заряженное уже. Какъ только въ залѣ поднимается содомъ, президентъ ризываетъ къ порядку, и затѣмъ, если его не слушаются, въ прицѣливается въ самаго задорнаго изъ расходившихся выборныхъ. Послѣдній, въ такомъ случаѣ, обыкновенно прячется подъ столъ и повеловѣ перестаетъ кричать и бѣснотаться. Въ случаѣ особенно бурныхъ засѣданій и жаркихъ прерій, ружье заряжается крупною дробью, о чемъ предупреждать депутатовъ. Въ послѣднемъ случаѣ, президентъ, послѣ торжественнаго внушенія, наводитъ дуло ружья на цѣлую рунду выборныхъ.

Средство это, какъ говорятъ, почти всегда оказывается дѣйствительнымъ.

Во Франціи, слава Богу, не происходитъ ничего подобнаго. Депутаты занимаются тамъ гораздо спокойнѣе. Одни говорятъ безъ умолка — это большее количество. Которые не оборачиваютъ, имѣютъ спеціальностью прерывать рѣчи возраженіями. Которые не прерываютъ рѣчи, испускаютъ разные возгласы. Наконецъ есть и такіе что ничего не говорятъ, не прерываютъ и не испускаютъ возгласовъ; въ такомъ случаѣ эти граждане играютъ чѣмъ-нибудь что подъ рукою. Словомъ, каждый занимается, на общее благо, смотря по своимъ склонностямъ и наклонностямъ: *trahit sua quiete voluptas*.

Шумъ, правда, иногда происходитъ, но ограничивается обыкновенно бранью и криками. Ни драки, ни свалки, ничего такого не происходитъ, не говоря уже о пальбѣ и смертоубійствахъ.

Что же касается благонамѣренности французскихъ депутатовъ, то сомнѣваться въ этомъ нельзя.

Каждый изъ нихъ желаетъ осчастливить страну, это несомнѣнно; но бѣда въ томъ что каждый предлагаетъ свое цѣлительное средство, а докторомъ самого себя — это тоже несомнѣнно.

Каждый изъ нихъ имѣетъ свою систему которой упорно держится на томъ основаніи что убѣжденъ въ превосходствѣ своей надъ всеми другими. Каждый изъ нихъ хочетъ осчастливить страну только по собственному рецепту и не допускаетъ

сосѣда испробовать того же. Сосѣдъ поступаетъ, разумеется, совершенно одинаково.

Словомъ, всѣ эти благія намѣренія противорѣчатъ другъ другу, сѣдствіемъ чего является совершенная неподвижность, какъ то случается при противодѣйствіи двухъ равныхъ силъ.

„Адъ вымощенъ благими намѣреніями“, гласитъ французская пословица.

Версальская палата представляетъ въ дѣйствіи эту посявицу.

Благія намѣренія, противодѣйствующія другъ другу, производятъ парламентскія столкновения, паденія кабинетовъ, разгромы министерствъ, застои и окончательную неподвижность.

Все это очень прискорбно, но въ утѣшеніе можно сказать что бываетъ и хуже того. Сравните только съ тѣмъ что случилось нѣсколько времени тому назадъ въ одной изъ тропическихъ республикъ Новаго Свѣта.

Избрано тамъ было, на шестимѣсячный срокъ, представительное собраніе съ цѣлью сколотить конституцію, дабы упрочить такимъ образомъ счастье и благоденствіе страны.

Собрались выборные. На первомъ засѣданіи рѣшили что, вслѣдствіе безотлагательной потребности, на слѣдующій же день будетъ приступлено къ разсмотрѣнію 1й статьи конституціи. На другой день, при самомъ началѣ засѣданія, произошелъ, такъ-называемый, „парламентарный случай“ по поводу протокола перваго сеанса. „Случай“ этотъ поглотилъ все засѣданіе. Такъ какъ при этомъ произнесено было нѣсколько крупныхъ словъ, то оскорбленные сочли нужнымъ возразить на слѣдующій день. Возраженія поглотили все третье засѣданіе. На четвертый день произошло то же; на пятый и шестой — то же; а къ концу шестимѣсячной сессіи оказалось что о 1й статьѣ конституціи, долженствовавшей облагодѣлствовать страну, и помину не было. Во Франціи, какъ сами можете сравнить и судить, парламентарныя дѣла идутъ все-таки лучше этого.

II.

Въ теченіи послѣднихъ тридцати пяти дней майской сессіи, характеръ засѣданій національнаго собранія нѣсколько не измѣнился. Іюль закончился столкновениями, сценами и безплодными словопреніями; іюль начался тѣмъ же.

Второго числа приступили къ разсмотрѣнію новопроектированнаго муниципальнаго закона. 1я, 2я, 3я и 4я статьи прошли довольно благополучно. Настала очередь 5я.

При самомъ началѣ засѣданія, президенту Бюффе представлена была просьба, подписанная нѣсколькими депутатами, о томъ чтобы 5я статья, опредѣляющая возрастъ избирателей, баллотировалась закрыто (*scrutin secret*).

Причина появленія этой скандальной просьбы была слѣдующая:

Minimum возраста избирателей по существующимъ законамъ считается 21 годъ. Комиссія тридцати, большинство которой составляютъ консерваторы и монархисты, предложила, вмѣсто существующаго *minimum*'а, двадцати пяти лѣтній возрастъ, въ расчетъ что такимъ образомъ удастся отдѣлаться отъ необузданнѣйшей, наименѣе дисциплинированной и впечатлительнѣйшей части избирателей.

Понятно что радикальный элементъ палаты желалъ прямо противоположнаго. Умѣренные республиканцы, самые видные представители которыхъ еще недавно высказывались за ограниченіе существующаго положенія о всеобщей подачѣ голосовъ, нашли болѣе удобнымъ отказаться въ этомъ случаѣ отъ своего мнѣнія и примкнуть къ радикализму въ виду оппозиціи консерваторамъ и правительству.

Помимо этого тайнаго стремленія, защита „избирательной свободы“ должна была выгодно повліять на популярность ея адвокатовъ.

Какъ было не соблазниться? Лѣвый центръ и соблазнился и присталъ по этому вопросу къ багровымъ палаты.

Многіе депутаты праваго центра, въ виду той же популярности, высказались также противъ проекта комисіи.

Бонапартисты должны были вотировать противъ по правилу, такъ какъ по ихъ политическому катехизису всеобщая подача голосовъ не должна была ничѣмъ быть ограничена.

Въ виду такой серіозной оппозиціи, нѣсколько членовъ правой стороны рѣшились предложить закрытую баллотировку. Они разчитывали что такимъ образомъ по крайней мѣрѣ тѣ что не рѣшались высказаться открыто за проектъ подадутъ голоса за двадцатипяти-лѣтній возрастъ.

Парламентарный приемъ этотъ достаточно свидѣтельствуетъ какого мнѣнія нѣкоторые депутаты о политическихъ своихъ

собратахъ и восколько они цѣнять убѣжденія и привычки послѣднихъ.

Въ этотъ разъ они однако ошиблись; предложеніе было отвергнуто, и старый законъ о возрастѣ сохраненъ большинствомъ одиннадцати голосовъ (305 противъ 294).

На другой день продолжалось разсмотрѣніе того же закона. Рѣчь шла о количествѣ времени постоянного жительства на мѣстѣ для пріобрѣтенія избирательнаго права. Коммиссія предложила три года; крайняя лѣвая высказалась за годъ.

Паскаль Дюпра, избранный радикалами для защиты мнѣнія этой группы, перенесъ преніе, за недостаткомъ другихъ болѣе вѣскихъ доводовъ, на трогательную и жалостливую почву.

— *Silence aux pauvres!*—*telle est votre loi*, воскликнулъ между прочимъ этотъ добрый гражданинъ.

Почему трехлѣтній срокъ жительства на мѣстѣ долженъ былъ заткнуть ротъ бѣднымъ и на какомъ основаніи кочующій людъ и бродяги должны пользоваться тѣми же гражданскими правами что и осѣдлые жители, это осталось тайною оратора.

Его впрочемъ никто почти не слушалъ. Вниманіе большинства палаты было отвлечено другимъ: разнесся слухъ что предложеніе Казимира Перье * отвергнуто коммиссіею тридцати, и что вслѣдствіе этого легитимисты снова выступить съ предложеніемъ о восстановленіи законной монархіи, а бонапартисты съ ллѣбисцитомъ.

Хотя ни то, ни другое предложеніе не имѣли никакихъ шансовъ получить большинство, тѣмъ не менѣе господа депутаты заводывались въ чаяніи новыхъ парламентарныхъ буръ.

Ночь прошла въ совѣщаніяхъ. Почти всѣ группы образовали сходки чтобы принять окончательныя рѣшенія. Приготовленія оказались на этотъ разъ излишними; никто изъ присяжныхъ бойцовъ легитимизма и бонапартизма не заявилъ о намѣреніи своемъ говорить, и засѣданіе слѣдующаго дня (4го іюля) началось среди относительнаго спокойствія.

Около четырехъ часовъ пополудни, въ то время когда одинъ изъ безчисленныхъ ораторовъ, вызвавшихся говорить *pro* и *contra* того же новаго муниципальнаго закона, выбивался изъ силъ чтобы доказать палатѣ что бѣлое есть черное или *vice versa*, внезапно разнеслось извѣстіе что графъ Шамборъ

* Конституціонный проектъ. (См. Русск. Вѣст. іюльск. книж. Визитъ-полит. Франціи).

издалъ манифестъ только-что появившійся въ официальномъ органѣ легитимизма *l'Union*.

Крайняя правая, даже такія довѣренныя лица какъ Карайонъ-Латуръ и Казнавъ де-Прадинъ, встрѣтили вѣсть эту съ удивленіемъ и недоумѣніемъ. Видно было что они ничего рѣшительно не знали о новомъ манифестѣ. Мало того, они даже порицали появленіе документа въ „столь неблагоприятную минуту“.

„Французы, говоритъ претендентъ въ своемъ посланіи, вы искали спасенія нашего отечества во временныхъ непрочныхъ рѣшеніяхъ; въ настоящую минуту вы, кажется, готовы броситься въ новыя случайности. Каждая изъ революцій совершившихся за эти восемьдесятъ лѣтъ была блестящимъ доказательствомъ монархическаго темперамента страны. Франціи нужна королевская власть. Я вашъ король по моему рожденію.“

„Я уклонился бы отъ исполненія священнѣйшаго долга, еслибы, въ эту торжественную минуту, не попыталъ послѣднее усиліе чтобы разрушить преграду предразсудковъ раздѣляющую насъ.“

„Мнѣ извѣстны всѣ обвиненія противъ моей политики, противъ моихъ словъ и дѣйствій.“

„Само молчаніе мое служитъ предлогомъ къ постояннымъ нападкамъ. Если я хранилъ его въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, то потому только что не желалъ усложнить трудную миссію знаменитаго воина, шлага котораго защищаетъ васъ.“

„Но теперь, въ присутствіи такого накопленія ошибокъ, такой массы лжи, столькихъ обманутыхъ честныхъ людей, въ присутствіи всего этого, я не имѣю права долѣе молчать. Я долженъ энергически протестовать во имя чести.“

„Объявляя, въ прошломъ октябрѣ, что я готовъ связать узы нашей обоюдной участи, возстановить помощью всѣхъ истинно преданныхъ честныхъ людей, безъ различія происхожденія, положенія и партій, распятое зданіе нашего національнаго величія; подтверждая все что, за истекшія тридцать лѣтъ, я неоднократно излагалъ въ письмахъ и официальныхъ документахъ *находящихся во вашихъ рукахъ*; объявляя и подтверждая все это, я разчитывалъ на здравый смыслъ присущій нашему племени и на ясность и опредѣлительность нашего языка.“

* „Ma naissance m'a fait votre roi.“
т. СХІВ.

„Между тѣмъ сдѣлали видъ что поняли совсѣмъ другое, что поняли будто бы я ставилъ королевскую власть выше закона и желалъ правительственныхъ комбинацій основанныхъ на произволѣ и абсолютизмѣ.

„Нѣтъ, христіанская французская монархія, по самому существу своему—умѣренная монархія, не имѣющая ничего общаго съ нѣкоторыми случайными правительствами (*gouvernements d'aventure*), сулившими золотой вѣкъ и увлекшими страну въ бездну.

„Эта умѣренная монархія *допускаетъ* существованіе двухъ палатъ, одной по назначенію государя, другой избранной страной согласно утвержденнымъ для сего законамъ.

„Гдѣ же тутъ мѣсто произволу?

„Въ тотъ день когда, вы и я, мы будемъ имѣть возможность сообща пещись объ интересахъ Франціи, въ тотъ день вы узнаете какимъ образомъ тѣсный союзъ народа съ королемъ далъ Французской монархіи возможность разстраивать, въ теченіе столькихъ вѣковъ, расчеты и замыслы тѣхъ которые враждуютъ противъ короля для того только чтобы владѣть надъ народомъ.

„Несправедливо говорить что политика моя не согласуется со стремленіями страны.

„Я желаю сильной восстановительной власти, и Франція желаетъ этого же не менѣе меня. Интересы и инстинкты ея требуютъ того.

„Ищутъ серьезныхъ и прочныхъ союзовъ; всѣ поймутъ что дать ихъ можетъ только традиціонная монархія.

„Въ представителяхъ страны я хочу найти неусыпныхъ помощниковъ для разсмотрѣнія *предложенныхъ или вопросовъ*; но я *не желаю* этихъ безплодныхъ парламентарныхъ битъ, изъ которыхъ сапшкомъ часто монархъ выходитъ бессильнымъ и ослабленнымъ; и если я отвергаю формулу иностраннаго происхожденія—король царствуетъ, а не правитъ,—то дѣлаю это чувствуя что громадное большинство страны мыслитъ и въ этомъ случаѣ одинаково со мною.

„Французы!

„Я готовъ сегодня, какъ былъ готовъ вчера.

„Королевскій домъ Франціи честно, чистосердечно примирися. Соединитесь же и *станьте за нами* полные довѣрія.

„Бросимъ распри, обратимъ вниманіе и заботы наши на отечество! Не довольно ли оно страдало? Не пора ли возвратитъ

ему такую королевскую власть, и вмѣстѣ съ нею благо-
стояніе, спокойствіе, достоинство, величіе и весь совокупъ пло-
дотворныхъ вольностей которыхъ безъ нея вы никогда не
получите?

„Трудъ не легокъ, но, съ Божьею помощью, мы можемъ его
исполнить. Пусть каждый взвѣситъ въ своей совѣсти ответ-
ственность за настоящее и подумаетъ о неумолимой строгости
исторіи.

„Генрихъ.“

2го июля 1874 года.

Такое это воззваніе, съ своей точки зрѣнія, безукориз-
ненное. Но какое дѣйствіе могло произвести это посланіе
предлагающее вычеркнуть революціонный періодъ изъ исто-
ріи Франціи?

Появленіе этого документа вызвало правительственную ка-
ру противъ газеты *l'Union*. Вечеромъ того же дня въ редак-
цію явился полицейскій комиссаръ съ *нотификаціей* париж-
скаго генераль-губернатора, генерала Ламиро, мотивированною
такъ:

„Вслѣдствіе того что газета *l'Union* упорно *продолжаетъ*
отрицать законность и неварушимость правъ врученныхъ
маршалу Макъ-Магону на семилѣтній срокъ закономъ 20го
ноября 1873 года“....

Въ *нотификаціи* было объявлено что газета *l'Union* при-
остановлена на лятнадцать дней.

Это правительственное распоряженіе поразило и раздражи-
ло до крайности легитимистовъ. Они никакъ не ожидали что
часть взглядетъ на воззваніе „законнаго короля“ какъ она
зглянула бы на незаконный манифестъ какого-нибудь вуль-
гарнаго претендента. Немедленно было рѣшено паденіе и этого
министерства.

На другой день, депутатъ Люсіенъ Брэнъ, крайній легити-
мистъ и лучший ораторъ правой стороны, появился на трибу-
нѣ и просилъ разрѣшенія поставить министру внутреннихъ
дѣлъ слѣдующій вопросъ:

„Правда ли что газета *l'Union* приостановлена за то что на-
печатала манифестъ графа Шамбора?“

Министръ внутреннихъ дѣлъ повалъ сразу что дѣло приня-
ло серьезный оборотъ; постановка вопроса, крутая и катего-
ричная, выборъ оратора, все показывало что монархисты рѣ-
шились съ нимъ окончательно расправиться.

Главное затрудненіе заключалось въ томъ что не было возможности, на столь ясный вопросъ, дать по обыкновенію уклончивый, туманный отвѣтъ. Поэтому, вмѣсто попытки мотивировать правительственное распоряженіе общимъ направлеиіемъ газеты, де-Форту отвѣтилъ „съ искренностию“ что *въ некоторой степени* и манифестъ графа Шамбора причиною приостановленія *Union*. „Правительство, присовокуливъ оцъ, твердо рѣшилось не пропускать безнаказанно наладокъ въ законъ 20го ноября 1873 года“ (врученіе семилѣтнихъ правъ маршалу Макъ-Магону). Эти опасныя деклараціи министръ надѣялся прикрыть нѣсколькими почтительными фразами адресованными „августѣйшей особѣ“, но надежды остались тщетны: направо раздавался продолжительный ропотъ въ отвѣтъ на рѣчь министра внутренннихъ дѣлъ; всѣ дѣвые заморомъ молчали, только въ правомъ центрѣ слышалось нѣскольکو тощихъ аплодисментовъ.

По статуту собранія, „парламентарный случай“ заключающийся въ поставленномъ вопросѣ считается оконченнымъ послѣ того какъ министръ отвѣтилъ на вопросъ. Но въ настоящемъ случаѣ всѣ понимали что дѣло только еще заваривалось и должно было окончиться серіознымъ лобощемъ правдой съ министерствомъ по вопросу о септеннатѣ.

Такъ и случилось. Люсіенъ Брэнъ, тотчасъ послѣ рѣчи де-Форту, представилъ *запросъ* по поводу правительственнымъ объясненій и просилъ назначить день—слѣдующій вторникъ—для дебатовъ. Палата приняла единогласно предложенный срокъ. Кризисъ снова висѣлъ въ воздухѣ. Положеніе министерства было очень плохо, несравненно хуже чѣмъ положеніе покойнаго кабинета де-Броль въ день 16го мая, потому что послѣднее опиралось по крайней мѣрѣ на какое-нибудь большинство.

Въ среду 8го числа Люсіенъ Брэнъ выступилъ съ своимъ *запросомъ*.

„До сихъ поръ, сказалъ онъ между прочимъ, очевидно существовало недоразумѣніе между правительствомъ и радикалами относительно септенната.... Мы никогда не догадали что семилѣтній срокъ долженъ былъ быть обязательнымъ для нашего короля....“

Затѣмъ ораторъ излагаетъ причины почему легитимисты впади въ подобную ошибку. Это положеніе не что иное какъ подробнѣйшій разказъ о шашняхъ и продѣлкахъ герцога

де-Броаъ насулившаго все что угодно легитимистамъ — словомъ, обоедшаго ихъ съ цѣлью пріобрѣсть голоса пятидесяти двухъ бывшихъ роялистовъ для вотирования закона о дарованіи семилѣтнихъ правъ маршалу президенту.

Брѣаъ оканчиваетъ этотъ скандальный разказъ заключеніемъ что „отныня всякія недоразумѣнія между легитимистами и правительствомъ исчезли“.

Де-Форту отвѣтилъ какъ могъ; заявилъ о глубокомъ своемъ уваженіи къ личности графа Шамбора „которое уваженіе стоить велико что онъ отказывается даже анализировать и критиковать королевскій манифестъ“....

Страшное уваженіе! Зачѣмъ же было въ такомъ случаѣ запрещать этотъ манифестъ?

Всѣ лѣвыя и обѣ правыя выслушиваютъ молча министерскую рѣчь; одинъ правый центръ рѣшается увѣнчать ее нѣсколькими сострадательными аллюдионами.

Министру возражаетъ Эрну, бывший членъ кабинета де-Броаъ. Этотъ тоже поясняетъ что роялисты попались въ ловушку 20го ноября.

Словомъ, всѣ появившіеся по этому случаю на трибунѣ изобразили изъ себя какихъ-то главныхъ дѣтей обманутыхъ кругомъ. Общимъ козломъ отлущенія оказался герцогъ де-Броаъ, обманувшій валраво, налѣво, гдѣ только могъ, „чтобы закрѣпить прочно власть“.

Отличное средство, нечего сказать.

Послѣ этихъ разлагающихъ дебатовъ посыпались, по обыкновенію, предложенія для редакціи *Ordre du jour*.

Люсиенъ Брѣаъ прямо предложилъ слѣдующее: „выговоръ министерству за его поведеніе, отстраняя при этомъ всякое отношеніе къ закону 20го ноября 1873 года“. Депутатъ Пари проектировалъ такую редакцію: „Национальное собраніе, рѣшившееся эмергично поддерживать права дарованныя маршалу Макъ-Магону закономъ 20го ноября, и предоставляя конституціонной комиссіи разсмотрѣніе внесенныхъ вопросовъ,* переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“. Кристофль, отъ имени тѣаго центра предложилъ упомянуть въ *ordre du jour* немедленную организацію септенната.

Кромѣ этихъ главныхъ, появилось еще около десятка дру-

* Проекты конституціи, монархической реставраціи и пр.

гихъ болѣе или менѣе умѣренныхъ проектовъ о которыхъ не стоить упоминать.

Проектъ *ordre du jour* Пари былъ соломинкою проткнутою утопающему министерству. Оно, разумѣется, за него и ухватилось, объявивъ что будетъ вотировать за.

Ordre du jour Люсиена Брѣна, голосовавшійся первымъ, рухнулъ. Только 80 голосовъ высказалось за него. Та же участь постигла проектъ Пари къ которому присоединилось министерство (368 голосовъ противъ 330).

При видѣ этого крушенія, генералъ Шангарнье попытался было употребить еще одно послѣднее усиліе для спасенія кабинета. Онъ бросился на трибуну и сталъ просить простаго перехода къ очереднымъ дѣламъ (*ordre du jour pur et simple*). Министерство пораженное только-что полученнымъ ударомъ не рѣшилось однако примкнуть къ этому предложенію.

Проектъ генерала Шангарнье былъ принятъ 339 голосами противъ 315.

Такимъ образомъ, хотя палата и приняла простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ безо всякаго выраженія недовѣрія къ министерству, послѣднее было все-таки побито потому что провалилось единственное предложеніе къ которому оно присоединилось.

Засѣданіе Версальской палаты вызвавшее погромъ кабинета де-Сиссе-Форту, есть одинъ изъ курьезнѣйшихъ и плачевнѣйшихъ моментовъ французскаго парламентаризма.

Коалиціи, сдѣлки и союзы являются несомнѣннымъ признакомъ паденія парламентаризма. Оно не можетъ быть иначе, потому что указываетъ на присутствіе духа партій и владычество его надъ всеми другими интересами. Парламентарный режимъ, рѣшающійся признать открыто возможность случайныхъ коалицій и союзовъ, осуждаетъ самъ себя.

Взгляните теперь на то что произошло въ этомъ засѣданіи. Могло ли что-нибудь быть безразличнѣе, разнудавнѣе и непростойнѣе съ точки зрѣнія строгаго парламентаризма!

Справа, восемьдесятъ человекъ недовольны правительствомъ, потому что послѣднее рѣшилось принять энергичныя мѣры противъ ихъ реставраціонныхъ попытокъ. Программа этихъ восьмидесяти человекъ: самодержавный король безъ конституціи, бѣлое знамя, реакція и клерикализмъ.

Слѣва, около трехсотъ двадцати человекъ желаютъ прямо

противоположнаго. Изъ нихъ человекъ восемьдесятъ, какъ бы въ *pendant* интрансигентамъ крайней правой, требуютъ уничтоженія церкви, титуловъ, постоянныхъ армій, отвергаютъ креценіе, церковный бракъ, отнимаютъ у погребенія священныи характеръ; человекъ полтораста требуютъ провозглашенія республиканской программы; человекъ сто—консервативно-республиканской программы. Эти триста двадцать человекъ также недовольны правительствомъ, только по совершенно иной причинѣ.

Антагонисты правительства справа нашли министерство слишкомъ либеральнымъ и республиканскимъ.

Антагонисты слѣва, напротивъ, нашли его реакціонернымъ во въ мѣру.

Что же вышло?

Король восьмидесяти лервыхъ издалъ манифестъ, въ которомъ приглашаетъ народъ призвать его на царство. Официальный органъ легитимизма публикуетъ это воззваніе. Правительство видитъ въ обнародованіи подобнаго документа преступленіе, такъ какъ высшая законодательная власть признала главою страны на семь лѣтъ маршала Макъ-Магона. Правительство приостанавливаетъ газету.

— Какъ это? мы слѣдовательно не имѣемъ права обнародовать манифесты короля къ народу?

— Нѣтъ, потому что сами вы вручили мнѣ власть на семь лѣтъ, вручили безусловно, не обязывая меня уступить ее кому-нибудь другому до истеченія назначенаго срока.

— Это не касалось короля. Онъ властенъ дѣлать что ему угодно.

— Какъ вы думаете? большинство признаетъ то что вы говорите?

— А! такъ вотъ вы какъ! Хорошо же. Мы требуемъ отъ правительства объясненій относительно запретительной системы которую угнетена печать.

— Но вы всегда находили что мы слишкомъ либеральны, вы еще недавно сами требовали запрещенія такихъ-то и такихъ-то листковъ, чего мы не сдѣлали.

— Это совсѣмъ другое дѣло. Господа радикалы, господа республиканцы, не находите ли вы что правительство поступило противозаконно, наказавъ газету за публикацію королевскаго манифеста?... Вы стоите за свободу печати. Мы въ эту минуту стоимъ за то же. Соединимся...

— Чтобы свалить министерство?

— Да.

— Идетъ.

Такъ приблизительно состоялся этотъ союзъ. Лѣваа, столько разъ запрашивавшая правительство относительно монархической пропаганды, требовавшая репрессивныхъ мѣръ противъ роялистовъ и бонапартистовъ, лѣваа забаллотировала правительство потому что послѣднее рѣшилось, наконецъ, дѣйствовать согласно ея требованіямъ и вздумало наказать виновныхъ въ попыткѣ нарушить общественный порядокъ и спокойствіе...

Кабинетъ подалъ въ отставку. Подалъ больше для виду, потому что, по самымъ ихъ заявленіямъ, министры не считали себя любимыми. Президентъ, конечно, не принялъ ихъ отставку; они, конечно, взяли просьбы свои назадъ и согласились остаться... словомъ, была разыграна обычная парламентарно-министерская комедія пускаемая въ ходъ въ „минуты жизни трудныя“.

Угрожавшій кризисъ окончился такимъ образомъ ничѣмъ, но онъ поднялъ на ноги всѣ партіи, ожидавшія только случая чтобы выступить съ своими предложеніями. Герцогъ де-Ларошфуко-Бизаччіа, возвратившійся изъ Лондона, внесъ предложеніе о реставраціи монархіи божественнаго права; бонапартистъ Рауль Дюваль предложилъ раслуценіе и амнистовать для того чтобы спросить страну чего она именно желаетъ; республиканцы стали требовать скорѣйшаго разсмотрѣнія конституціоннаго проекта Казимира Перье.

Среди этого нестройнаго концерта, и маршалъ-президентъ счелъ долгомъ вставить свое слово. Сдѣлавъ это онъ чтобы напомнить о себѣ тѣмъ которые, какъ казалось, совершенно забыли о немъ и о селтенаатѣ.

9го іюля было прочтено палатѣ слѣдующее президентское посланіе.

„Милостивые государи!

„Когда вы ввѣрили мнѣ на семь лѣтъ исполнительную власть, вы желали придать неоспоримую силу полномочіямъ которыми я облеченъ по вашему выбору, вы желали оградить интересы государства тою прочностью какой не могутъ гарантировать временныя учрежденія.

„Законъ вотированный палатою возложилъ на меня великія обязательства, въ вытолненіи которыхъ я отвѣтственъ предъ

Франціей, и отъ нихъ я, ни въ какомъ случаѣ, не могу уклониться.

„Этотъ же законъ даруетъ мнѣ права, какими я воспользуюсь лишь въ видахъ блага отечества. Возложенныя на меня полномочія имѣютъ опредѣленный срокъ. Въ силу вашего довѣрія, эти полномочія облегчены неотзываемостью, и, даруя ихъ мнѣ, опережая даже путь конституціонныхъ законовъ, вы желали тѣмъ самымъ положить преграды собственной вашей верховной власти.

„Неотзываемый срокъ давшаго мнѣ полномочія я буду охранять всеми средствами, какими я снабженъ отъ имени закона. Поступая такимъ образомъ, я, по убѣжденію моему, стану дѣйствовать соответственно ожиданіямъ и волѣ собранія, которое, утверждая меня во главѣ семилѣтняго правительства Франціи, намѣрено было создать прочную и нерушимую власть.

„Но законъ 20го ноября долженъ быть дополненъ. Собраніе, обѣщавшее придать учрежденной имъ власти ту организацію помимо которой власть не можетъ дѣйствовать съ пользою, конечно, не отступитъ отъ своего обязательства. Да позволить же оно мнѣ напомнить настоятельнымъ образомъ объ этомъ давномъ имъ обѣщаніи и просить о скорѣйшемъ его исполненіи.

„Страна съ нетерпѣніемъ ожидаетъ этой организаціи: она ей послужитъ залогомъ прочности учрежденія. Вопросы ожидающіе очереди должны быть рѣшены. Новыя отсрочки которыя продлятъ невыясненное положеніе, должны тягостно отзываться на ходѣ дѣлъ.

„Патріотизмъ національнаго собранія не преминетъ исполнить обязательства которыя еще на немъ лежатъ: онъ даруетъ странѣ то чего послѣдняя отъ него ожидаетъ. Во имя главнѣйшихъ интересовъ ея, я умоляю собраніе довершить начатое дѣло—приступить немедленно къ обсужденію вопросовъ которые не могутъ оставаться долѣ неразрѣшенными; этого требуетъ общее спокойствіе. Связанныя общою отвѣтственностью, собраніе и правительство исполнять сообща всѣ лежащія на нихъ обязанности. Нѣтъ долга болѣе настоятельнаго чѣмъ долгъ успокоенія страны правильными учрежденіями, потому что учрежденія эти упрочатъ за нею миръ, безопасность и спокойствіе въ которыхъ она такъ нуждается.

„Возлагаю на моихъ министровъ порученіе сообщить безотлагательно комиссіи конституціонныхъ законовъ о тѣхъ пунктахъ на которыхъ я считаю нужнымъ настаивать.“

„Президентъ республики, маршалъ Макъ-Магонъ.“

Посланіе ясно излагаетъ то что Макъ-Магонъ имѣлъ въ виду обращаясь къ представителямъ страны: организацию сенатвната и обставленіе его законами. Маршалъ былъ въ этомъ отношеніи совершенно правъ. *Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée*, гласитъ французская пословица. Такъ и тутъ, необходимо было запереть, хотя на время, двери проискамы, поползновеніямъ и попыткамъ разнородныхъ политическихъ партій, по той причинѣ что открыть эти двери пока не для кого.

Повтому-то самому множество людей не желало именно того что просилъ маршалъ. Комиссіи непроизвольно задерживали представленныя имъ конституціонные проекты, палата же, съ своей стороны, нисколько не заботилась объ этихъ проволочкахъ.

Посланіе президента заставило однако комиссію тридцати выйти изъ своей неподвижности; она поручила одному изъ членовъ ея, Вентавону, доложить палатѣ результатъ комиссіонныхъ работъ.

О докладѣ Вентавона считаю излишнимъ распространяться, такъ какъ единственный успѣхъ котораго удостоился этотъ документъ былъ совершенно особаго рода, а именно успѣхъ... смѣха постоянно прерывавшаго чтеніе докладчика.

Чтобы дать понятіе о силѣ аргументаціи проекта доложеннаго Вентавонемъ, привожу краткій обращекъ:

„Въ теченіе этого семилѣтняго періода, каждый будетъ имѣть право и свободу публиковать свое мнѣніе относительно окончательной формы правленія Франціи, но никому не будетъ дозволено подвергать сомнѣнію неотлѣпимость закона 20го ноября.“

Между тѣмъ національное собраніе продолжало, въ антрактахъ, заниматься бюджетнымъ вопросомъ. Нужно было вѣсти средства чтобы покрыть дефицитъ.* Предложено было увеличить налогъ на соль, но проектъ этотъ палата отвергла по двумъ причинамъ: вопервыхъ, потому что исходи на-

* См. Внутр. полет. Франціи за вторую четверть года (июльская книжка Русскаго Вѣстника.)

логъ на соль считается непопулярнымъ; восторжъ, потому что предложенное увеличеніе дало бы только 32 миліона. Министръ финансовъ Манъ высказался за нѣкоторую надбавку косвенныхъ налоговъ и представилъ свой проектъ палатѣ. Значительная часть національнаго собранія только ждала случая придраться, по какому-нибудь случаю, къ Маню чтобы заставить его удалиться. Причиною такого настроенія были бонапартистскія тенденціи министра финансовъ, опредѣлившіяся особенно ярко въ последнее время. Поэтому не взирая на то что финансовый проектъ Маня нисколько не уступалъ по достоинству предложеніямъ двухъ другихъ конкурентовъ, Воловскаго и Гювна, онъ былъ забаллотированъ значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Манъ подалъ въ отставку, несмотря на усиленныя просьбы, даже угрозы, бонапартистовъ считавшихъ необходимымъ для себя имѣть такого человѣка въ средѣ кабинета.

Маршалъ Макъ-Магонъ тотчасъ принялъ эту отставку, потому что не рѣшался сохранять въ кабинетѣ человѣка противъ котораго ополчились не только всѣ лѣвыя и крайняя правая, но и часть праваго центра. Наконецъ въ средѣ самого министерства положеніе министра финансовъ стало неоптимальнымъ, вслѣдствіе столкновеній съ нѣкоторыми изъ членовъ кабинета по поводу бонапартистскихъ интригъ и производимаго въ то время дознанія о *центральной комитетъ воззваній къ народу*. Тальянъ, министръ юстиціи, де-Кюмонъ и нѣкоторые другіе полагали нужнымъ начать судебное преслѣдованіе противъ Руэра, герцога де-Паду и другихъ набольшихъ имперіализма. Манъ, разумѣется, противился этому всеми силами.

Отставка Маня чуть не вызвала новаго министерскаго кризиса. Де-Форту, втайнѣ симпатизирующій бонапартизму (*bouapartiste honteux*, какъ здѣсь говорится), объявилъ себя солидарнымъ съ Манемъ и также подалъ въ отставку. Герцогъ Деказь, разчитывавшій на то что новая министерская комбинація дастъ ему возможность образовать кабинетъ совершенно по своему усмотрѣнію, сдѣлалъ то же. Маршалъ Макъ-Магонъ не принялъ однако отставки герцога. Что же касается до отставки де-Форту, президентъ повѣлъ что министру внутреннихъ дѣлъ невозможно было оставаться долѣе по тѣмъ же причинамъ какъ и Маню.

Въ кабинетъ вступили двѣ новыя личности. Генералъ де-Шабо-Латуръ занялъ мѣсто де-Форту, Матье Боде—мѣсто Мана. Оба были избраны по вліянію герцога Деказа, а потому излишнее прибавлять что оба орлеанисты, хотя Матье Боде и возсѣдалъ между правѣйшими депутатами лѣваго центра.

Шабо-Латуръ извѣстенъ привязанностью своею къ Орлеанскому дому. Онъ началъ службу въ инженерномъ вѣдомствѣ; вскорѣ затѣмъ герцогъ Орлеанскій взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Въ этой должности де-Шабо-Латуръ состоялъ одиннадцать лѣтъ. Въ 1853 году онъ произведенъ въ генералы, а въ 1857 зачисленъ въ резервъ. Во время осады Парижа онъ предсѣдалъ въ инженерномъ комитетѣ. Де-Шабо-Латуръ пользуется въ арміи отличною репутаціей и извѣстенъ какъ хорошій военный писатель. Онъ былъ однимъ изъ членовъ Триавонскаго военнаго судилища. *

О Матье Боде сказать почти нечего. Онъ слышетъ за собснаго финансиста, былъ назначенъ докладчикомъ бюджетнаго проекта на 1875 годъ, орлеанистъ, но очень умѣренный, стоить умѣренный что напелъ возможность записаться въ лѣвый центръ... вотъ почти все что извѣстно о новомъ министрѣ финансовъ, да развѣ еще то что онъ вѣчно страдаетъ простудою отъ того будто бы что подвергается сквозному вѣтру, обрѣтаясь постоянно въ проходѣ между правымъ и лѣвымъ центрами.

Со вступленіемъ этихъ двухъ новыхъ личностей, кабинетъ принялъ болѣе опредѣленный орлеанистскій характеръ.

Между тѣмъ комиссія тридцати объявила наконецъ что предложенные ей конституціонные проекты Казимира Перье и Ламбера де-Сентъ-Круа рассмотрѣны и могутъ быть доложены палатѣ. Сама комиссія (большинство) отвергла оба проекта, что очень попятно, такъ какъ у ней былъ выработана свой собственный, доложенный нѣсколько дней тому назадъ съ такимъ успѣхомъ Вентавономъ. Оставалось выказаться палатѣ.

Докладъ и дебаты были назначены въ четвергъ 23го іюля.

Многіе надѣялись еще наканунѣ этого дня что проектъ Казимира Перье, въ виду плачевнаго или смѣхотворнаго результата конституціоннаго проекта комиссіи, получить какое-нибудь, хотя самое убогое, большинство. Думали что

* Судъ надъ Бавеломъ.

часть праваго центра примкнетъ къ нему какъ къ единственному исходу изъ лабиринта...

Этимъ радостнымъ надеждамъ суждено было разсѣяться при самомъ открытіи засѣданія 23го іюля. Правительство высказалось противъ проекта Перье и объявило что не останется нейтральнымъ въ битвѣ. Эта декларация поразила тѣмъ болѣе что воѣмъ еще было памятно положеніе принятое правительствомъ при голосованіи безотагательности предложенія Казиміра Перье. * Говорили что въ средѣ министерства мнѣнія по этому случаю раздѣлились, что нѣкоторые изъ членовъ кабинета стояли за необходимость высказаться рѣшительно въ пользу проекта Перье; другіе, напротивъ, находили важнымъ употребить всѣ средства чтобы забаллотировать его. Тѣмъ не менѣе декларация правительства отшатнула нѣсколько десятковъ депутатовъ праваго центра, готовыхъ было подать голоса за предложеніе Казиміра Перье.

Первымъ выступилъ Ламберъ де-Сентъ-Круа съ своимъ проектомъ **.

Ораторъ не хочетъ провозглашенія ресублики, „потому что провозглашеніе это ничего не означаетъ“.

— Вотируйте въ такомъ случаѣ за него! отвѣчаютъ на это ему слѣва.

Затѣмъ Ламберъ де-Сентъ-Круа объявляетъ что онъ одинаково отвергаетъ монархію „безъ гарантій“, а потому находитъ лучшимъ временное правительство, совершенно временное, при которомъ консервативный элементъ имѣлъ бы возможность сллотиться и рѣшиться по истеченіи срока на что-нибудь окончательное.

За Ламберомъ де-Сентъ-Круа появляется Казиміръ Перье для развитія своего проекта. Рѣчь его была почти повтореніемъ сказаннаго имъ 15го прошлаго іюня ***.

Казиміру Перье взялся отвѣчать герцогъ де-Броль. Предъ тѣмъ чтобы резюмировать рѣчь бывшаго главы кабинета, надо объяснить почему именно онъ явился на защиту монархическихъ интересовъ.

Для два до засѣданія ходили слухи что герцогъ де-Броль употребилъ всѣ зависящія отъ него усилія, всю свою тожку

* См. іюльскую книжку *Русскаго Вѣстника*: Внутренняя политика Франціи.

** Тамъ же.

*** Тамъ же.

дипломатию на то чтобы возстановить правый центръ и самого маршала противъ проекта Перье. Мы видѣли что оаз успѣлъ въ этомъ. Въ качествѣ *Deus ex machina* монархической оппозиціи, благородный герцогъ хотѣлъ лично отпарировать ударъ и потому рѣшился появиться на трибунѣ.

Рѣчь герцога де-Броля, привакая во вниманіе политическій лозунгъ бывшего главы министерства, была не что иное какъ длинная комедія въ двухъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствіе первое. Герцогъ доказываетъ что республика совершенно не нужна. По исторіи и свидѣтельству лучшихъ авторовъ доказано какъ дважды два четыре что республика не можетъ быть привита во Франціи. Есть, наконецъ, разные республики: „Республика господина Лабуле, республика господина Гречи, республика Гамбетты, Луи Блана, и пр... это дѣлаетъ слишкомъ много республикъ.“

Дѣйствіе второе. Не только республика не нужна, но она даже опасна. Страсти разнузданнаго радикализма, терроръ, гидра анархіи, общественное разложеніе, всѣ эти праяности герцогъ очень искусно лустилъ въ ходъ и приправилъ ими рѣчь. Въ концѣ концовъ, отдѣлавъ какъ только можно было республику, де-Броль воскликнулъ, обратившись къ депутатамъ:

— *Hola! mes seigneurs, vous êtes tous empoisonnés...**

Длинейшая и умнейшая рѣчь герцога заключала въ себѣ много правдивыхъ и вѣрныхъ вещей, но, проходя чрезъ уста чловѣка натворившаго столько интригъ, козней и обмана, она пріобрѣтала поневолѣ какой-то характеръ двусмысленности и двоедудія, повредившій общему впечатлѣнію.

Послѣ рѣчи Дюфора, явившагося на трибунѣ чтобы доказать прямо противоположное тому что за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ доказывалъ де-Броль, приступлено было къ баллотировкѣ.

Въ эту минуту правительство одѣлало свою декларацію. Генералъ де-Сиссе въ краткихъ словахъ — бѣдвомъ сколкъ съ рѣчи де-Броля—объявилъ что кабинетъ противъ проекта Казиміра Перье.

Палата отвергла проектъ большинствомъ 29 (374 — 333), тогда какъ около мѣсяца предъ тѣмъ она вотировала безотлагательное его разсмотрѣніе.

* *Лукреція Борджіа, Виктора Гюго;*

Тактика герцога де-Броа одержала полную побѣду. Но лѣвый центръ не хотѣлъ остаться въ долгу и, тотчасъ же вслѣдъ за объявленіемъ результата голосованія, представилъ просьбу о распущеніи національнаго собранія, требуя при этомъ безотлагательность. Баллотированная немедленно, безотлагательность просьбы лѣваго центра была отвергнута тѣмъ же большинствомъ 29 голосовъ.

Такъ окончился этотъ день долженствовавшій ознаменоваться провозглашеніемъ девятьсотъ девяносто девятой конституціи Французскаго народа.

Просьба о распущеніи палаты, поданная всѣмъ лѣвымъ центромъ, была подхвачена бонапартистами требовавшими давно того же.

Рауль Дюваль, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ людей послѣдней группы, выступавшій не разъ съ предложеніемъ о распущеніи и плебисцитѣ, взялся защищать эту просьбу отъ имени имперіализма.

Дебаты о распущеніи назначены были на 29е іюля. Кромѣ Рауля Дюваля, два оратора лѣвой, де-Мальвилль и Максъ Ришаръ, явились отстаивать предложеніе. Заключенія послѣднихъ двухъ ораторовъ могутъ быть резюмированы такъ:

„Национальное собраніе должно разойтись въ срокъ который само назначить.“

Въ итогѣ слабая аргументація, нервнительное отношеніе къ предмету и блѣдныя рѣчи.

Рауль Дюваль взглянулъ на дѣло иначе и началъ съ того что выговорилъ палатѣ много крутыхъ истинъ. Онъ укорилъ депутатовъ въ немощи, улодобилъ собраніе несостоятельному должнику, откладывающему постоянно роковой срокъ уплаты въ надеждѣ что какое-нибудь событіе спасетъ его. Онъ представилъ яркую картину тщетныхъ проповѣдей и попытокъ большинства 24го мая возстановить монархію, изобразилъ то же большинство обѣщающее маршалу Макъ-Магону организовать президентскія права и не имѣющее силы даже этого исполнить... Словомъ, ораторъ увлекся чрезъ мѣру и раздражилъ большинство.

Президентъ Бюффе призвалъ его къ порядку и заставилъ взять назадъ нѣкоторыя выраженія.

Три крайнія бездарности, Лёравъ, Доржиль и Делейръ отѣтили тремъ адвокатамъ распущенія. Анализировать или резюмировать ихъ разглагольствія совершенно излишне; они

сумѣли говорить битыхъ три часа чтобы ничего рѣшительно не сказать!

Затѣмъ генераль де-Шабо-Латура объявилъ отъ имени правительства что послѣднее валоминаетъ палатѣ „торжественное обѣщаніе данное ею, палатою, не вотировать раслушенія пока не будетъ организована власть маршала Макъ-Магона“.

Какъ видите, правительство пожелало вставить свое слово въ дебаты. Трудно было сомнѣваться въ результатѣ баллотировки послѣ заявленія генерала де-Шабо-Латура, и дѣйствительно раслученіе было отвергнуто большинствомъ 43 голосовъ (375—332).

Такимъ образомъ палата отвергла все что только ей было предложено для выхода изъ настоящаго хаоса.

Монархію божественнаго права она отвергла.

То же было бы еслибъ явилось предложеніе о реставраціи широко-конституціонной монархіи (всѣ лѣвые и легитимисты противъ). Въ пользу имперіи имѣется на-лицо не болѣе тридцати голосовъ.

Обставить личный селтеннатъ конституціонными законами она отказалась.

Организовать *безличный* селтеннатъ отказалась.

Провозгласить консервативную республику отказалась.

Составить настоящую конституцію, которая не была бы двусмысленною игрушкой въ рукахъ перваго честолюбца, она оказалась не въ состояніи.

Безусловнаго семилѣтія она не хочетъ.

Диктатуры не признаетъ.

Призывъ къ народу отвергла.

Оставалось одно, въ виду такой очевидной немогущести, раслученіе...

И тотъ исходъ палата отвергла.

Взгляните теперь на результаты различныхъ голосованій.

Безотлагательность для проекта Казиміра Перье принимается большинствомъ четырехъ голосовъ, да притомъ еще на другой день три депутата, не принявшіе, по разнымъ болѣе или менѣе уважительнымъ причинамъ, участія въ голосованіи, заявляютъ что подали бы голоса противъ.

Этотъ же самый проектъ чрезъ мѣсяць отвергается большинствомъ 29 голосовъ.

Коммиссія тридцати, съ своей стороны, отвергаетъ его, а также и проектъ Ламбера де-Сентъ-Круа.

Палата смѣется, въ свою очередь, надъ проектомъ комиссіи (Вентавонъ).

Комиссія разбиравшая предложеніе герцога Ларошфуко-Бизаччіа (28я инициативная комиссія!!!) о восстановленіи монархіи божественнаго права раздѣляется по вопросу о томъ, отложить или не отложить реставраціонный проектъ, на двѣ равныя половины: десять членовъ за, десять—*противъ*, такъ что только съ помощью голоса президента оказалось большинство одного голоса за безотлагательность разсмотрѣнія предложенія герцога Ларошфуко-Бизаччіа.

Одна комиссія (28я) высказывается за снятіе осаднаго положенія съ тринадцати департаментовъ, другая (29я!!!), напротивъ, высказывается за сохраненіе осаднаго положенія... Оба эти рѣшенія принимаются одновременно, первое при большинствѣ двухъ голосовъ, второе при большинствѣ... двухъ же. 28го іюля рѣшеніе отвергается большинствомъ 29 голосовъ; 29го числа того же мѣсяца оно отвергнуто 43.

Чего хочетъ большинство этихъ людей, скученныхъ въ одной залѣ для организаціи страны, понять невозможно. Чего хочетъ каждый изъ нихъ или каждая изъ группъ въ отдѣльности—ясно. Ясно также что согласовать разнородныя требованія эти нѣтъ возможности. Поэтому-то все что было предложено, все было отвергнуто.

Мало того,—они не хотятъ дать возможности вздохнуть правительству, не хотятъ дозволить ему заняться, наконецъ, дѣлами страны. А когда маршалъ Макъ-Магонъ, доведенный до крайности и чувствуя невозможность управлять страной при такихъ условіяхъ, рѣшается имъ напомнить что пора обставить законами врученную ему власть и что, до истеченія срока предоставленной ему власти, онъ намѣренъ никому не уступать ея и никому не дозволить покушаться на его полномочія, — когда президентъ вынужденъ напомнить имъ это—они сердятся и жегодуютъ.

Изложенное выше посланіе Макъ-Магона произвело за стѣнами національнаго собранія очень хорошее впечатлѣніе, въ средѣ же депутатовъ—далеко не благопріятное. Многие изъ членовъ палаты сочли себя оскорбленными или задѣтыми посланіемъ.

— Это *coup d'état* своего рода! Онъ, слѣдовательно, ни во что насъ не ставитъ! Министровъ забаллотированныхъ нами

онъ сохраняется! Какая же мы послѣ этого верховная власть! Да это начинается пахнуть диктатурой!

Между тѣмъ маршалъ-президентъ былъ въ полномъ правѣ напомнить о себѣ и своихъ правахъ собранію на другой день послѣ того какъ это собраніе большинствомъ тридцати восьми голосовъ (*ordre du jour* Пары, смотри выше) отвергло предложеніе „энергично поддерживать и отстаивать“ эти права.

Послѣ засѣданія 29го іюля палата остановилась въ тупикъ предъ собственными своими дѣланіями. Она рѣшительно не знала что дѣлать: маршалъ-президентъ просилъ организациі своихъ правъ, страна просила законовъ и чего-нибудь окончательнаго....

Ничего этого палата не чувствовала себя въ состояніи совершить, а разойтись и предоставить другой палатѣ требуемыя рѣшенія она также отказалась. Что оставалось дѣлать?

— Я напелъ исходъ! объявляетъ правый централистъ, юный маркизь де-Кастеллянь.

— Не можетъ быть! Это невозможно! Изъ такого положенія?..

— Да! Разойдемся... на время. А тамъ что будетъ, то будетъ... авось что-нибудь и выручить.

Смѣлость города беретъ, гласитъ пословица. Такъ и въ этомъ случаѣ; по крайней мѣрѣ три четверти изъ подавшихъ голоса за *исходъ* найденный де-Кастелляномъ ни за что бы не осмѣлились формулировать, по собственной инициативѣ, столь смѣлое и неожиданное предложеніе. Но тутъ, разчитывая на исчезновеніе въ массѣ, они удѣлились за блестящую мысль юнаго депутата. Она была немедленно принята палатою и удостоилась значительнаго большинства.

Разъ Рубиковъ перейденъ, проявились порывы рѣшительности необычайной. Одни предлагали разойтись на пять мѣсяцевъ, другіе на шесть, нашлись даже такіе что наши восемь мѣсяцевъ самымъ лучшимъ и разумнымъ вакаціоннымъ срокомъ. Наконецъ, послѣ довольно упорныхъ споровъ, порѣшили на четырехмѣсячномъ срокѣ и назначили день 30го будущаго ноября для открытія будущей сессіи.

Пятаго августа, спровадивъ „на почтовыхъ“ всѣ накопившіяся неполитическія дѣла, депутаты разошлись лочить на аврахахъ...

Правительство перевело духъ.

Министры, сплотивые за свои мѣста на цѣлые четыре мѣсяца, приваились за дѣло.

Ихъ подчиненные отнеслись серьезнѣе къ своимъ обязанностямъ, зная что въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ будутъ находиться подъ начальствомъ одного и того же министра, не отвлекаемого парламентаризмомъ, имѣющаго возможность неустанно и зорко слѣдить за ихъ дѣйствіями.

Торговля и промышленность воспользовались четырех-мѣсячною передышкой чтобы хоть немного поправиться и наверстать прошлое.

Народъ пересталъ съ утра до вечера заниматься политикой.

Настала тишина и сплотивіе которыя не нарушались до сихъ поръ, а потому настоящій отчетъ я оканчиваю на датѣ 5го августа, оканчиваю потому что тамъ гдѣ тишина и сплотивіе, тамъ политическому хроникеру дѣлать нечего.

Heureux les peuples qui n'ont pas d'histoire!

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ.

Парижъ.

10го октября.

„РЕФЛЕКСЪ“ ПРЕДЪ СУДОМЪ РЕФЛЕКСІИ

(ПО ПОВОДУ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХЪ ЭТЮДОВЪ ПРОФЕССОРА СВЧЕНОВА.)

I. Научно-полемиическая драма съ водевильнымъ концомъ.

Et le combat finit, faute de combattants.

Corneille.

Исходнымъ пунктомъ настоящей статьи служить недавній психологическій споръ между профессоромъ Свченовымъ и г. Кавелинымъ, кончившійся какъ-то отрывисто, странно. Обстоятельства дѣла, какъ вѣроятно извѣстно читателямъ, слѣдующія. Вышла на свѣтъ книга г. Кавелина „*Задачи психологии; соображенія о методахъ и программахъ психологическихъ изслѣдованій*“. Раздѣляя основной взглядъ г. Кавелина о необходимости положительной, строго научной разработки психологическихъ вопросовъ, профессоръ Свченовъ коренно расходится во мнѣніяхъ съ авторомъ *Задачи психологии* какъ относительно предмета и предѣловъ психологии, такъ и относительно способовъ и метода изслѣдованія явленій души.

Вслѣдствіе такого разногласія объявляется война... конецъ перваго дѣйствія.

Въ статьѣ *Замѣчанія по поводу книги г. Кавелина* профессоръ Съченовъ, съ рѣшительностью далеко превосходящею силу его аргументаціи, провозглашаетъ полнѣйшую несостоятельность научнаго метода и воззрѣній автора *Задачъ психологіи*, подвергая книгу противника безплощадному и голословно окончательному осужденію: не годится—*anathema sit!* Затѣмъ, не желая ограничиться безплоднымъ отрицаніемъ, профессоръ Съченовъ въ этюдѣ *Кому и какъ разрабатывать психологію* противопоставляетъ программѣ, методу, теоріи г. Кавелина свою программу, свой методъ, свою теорію, заявляя съ полнѣйшею увѣренностью что только *этимъ* имъ указаннымъ путемъ психологія можетъ дохромать до степени положительной науки. Врагъ считается разбитымъ, новое ученіе торжествуетъ... Конецъ втораго дѣйствія.

Но—*vanitas vanitatum!* Торжество оказывается брѣвнымъ какъ все земно-реальное. Въ свою очередь г. Кавелинъ разбарааетъ критически какъ возраженія противъ своей книги, такъ и ученіе проф. Съченова. Въ четырехъ статьяхъ *Психологическая критика (Вѣстникъ Европы 1874, №№ 3, 4, 5 и 6)*, онъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за аргументаціею противника, доказывая шаткость основныхъ положеній проф. Съченова, производъ его выводовъ, ненаучность его обращенія съ фактами, словомъ, крайнюю односторонность и натяжку его теорій... конецъ третьяго дѣйствія.

А четвертое? Четвертаго дѣйствія нѣтъ, или, собственно говоря, драма оканчивается водевилемъ! На вѣскіе доводы противника проф. Съченовъ отзывается внезапнымъ отступленіемъ. Нельзя назвать другимъ именемъ его статейку *Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на письма г. Кавелина (Вѣстн. Евр. № 7)*, вся суть которой заключается въ первой же фразѣ: „Прочитавъ статьи г. Кавелина и убѣдившись окончательно что соглашеніе между нами, по поводу занимавшихъ насъ психологическихъ вопросовъ, невозможно, я считаю дальнѣйшее продолженіе спора безплоднымъ“.

Коротко и ясно, не правда ли? Но не менѣе ясно слѣдующее разсужденіе всѣхъ не предубѣжденных читателей, которое я влюавъ раздѣляю: мнѣнія и взгляды гг. Кавелина и Съченова также коренно расходились при самомъ появленіи

Задачи психологии какъ и теперь; защищая свои воззрѣнія противъ возраженій проф. Сѣченова и опровергая ученіе сего послѣдняго, г. Кавелинъ не высказалъ ни одного такого положенія которое не заключалось бы въ самой книгѣ вызвавшей проф. Сѣченова на споръ. Следовательно радикальное разногласіе въ обоюдныхъ воззрѣніяхъ касательно предмета способовъ изслѣдованія психологическихъ вопросовъ можетъ пожалуй служить препятствіемъ къ началу полемики, но въ никакъ не предложитъ ко внезапному прекращенію проф. Сѣченовымъ спора, имъ же предпринятаго и вызваннаго. Тутъ что-то не ладно, разсуждаетъ читатель далѣе. Одно изъ двухъ: или г. Сѣченовъ смотритъ на свои *Психологическіе этюды* какъ на нѣчто въ родѣ повѣсти, легкаго произведенія игривой фантазіи, или же какъ на серьезный трудъ, на попытку научнаго разъясненія спорныхъ вопросовъ. Въ первомъ случаѣ равнодушное отношеніе автора къ собственному ученію пожалуй понятно. Что жъ, господа, нравится вамъ моя повѣсть? хорошо, очень радъ; не нравится? тоже не бѣда и не вижу надобности доказывать вамъ ея прелесть, *de gustibus non est disputandum*. Такъ-то такъ, скажемъ мы, но тогда не зачѣмъ было заявлять столь громкія притязанія въ пользу *новой* теоріи и относиться свысока къ существующимъ ученіямъ „обыденной“, „практической“, „не научной“ психологіи, выработаннымъ, впрочемъ, по призванію проф. Сѣченова, „лучайшими умами“ всѣхъ временъ. Если же напротивъ *Психологическіе этюды* трудъ серьезный, научный, то можетъ казаться болѣе чѣмъ страннымъ что авторъ, при первомъ прикосновеніи критики, предоставляетъ свое ученіе на произволъ судьбы, не пытаясь даже защищать или оправдывать свои научныя воззрѣнія. Не могъ же онъ разчитывать на то что безпрекословно и бездоказательно примется на вѣру теорія которую онъ претендуетъ ниспровергнуть принятыя ученія.

Какъ бы то ни было, но коль скоро проф. Сѣченовъ отказывается отъ спора съ г. Кавелинымъ, то конечно нельзя ожидать чтобы онъ удостоилъ вниманія и мои замѣчанія; но это не помѣшаетъ мнѣ дѣлаться съ читателями моими личнымъ мнѣніемъ о *Психологическихъ этюдахъ*. Разбирать вслѣдъ за г. Кавелинымъ весь трудъ проф. Сѣченова я считалъ совершенно излишнимъ; цѣль моя доуцпаться до самаго корня воззрѣній отголоскомъ которыхъ является г. Сѣченовъ,

показать въ какой мѣрѣ основное начало такъ-называемаго естественно-научнаго матеріализма становится шаткимъ, неудовлетворительнымъ, въ примѣненіи къ духовнымъ явленіямъ. Кромѣ того я считаю не безынтереснымъ разборъ произведенія проф. Съченова съ тѣхъ сторонъ которыхъ критика г. Кавелина коснулась лишь мимоходомъ или вовсе обошла молчаніемъ.

II. Реальные ярлыки.

Gewöhnlich glaubt der Mensch, wenn er nur Worte hört,
Es müsse sich dabei doch auch was denken lassen.

Goethe.

Прежде чѣмъ перейти къ рассмотрѣнію *Психологическихъ этюдовъ* нельзя не обратить вниманіе читателя на слѣдующее обстоятельство: отказываясь отъ опроверженія критики г. Кавелина и отъ защиты своей собственной теоріи, профессоръ Съченовъ никакъ не считалъ возможнымъ, однако, отказаться отъ удовольствія угостить противника разными эпитетами въ родѣ *метафизикъ*, послѣдователь *обыденной* (?) психологіи и т. д., и назвать методъ его *ненаучнымъ*, *улозрительнымъ*. Не пора ли наконецъ отказаться отъ подобныхъ, равно ничего не доказывающихъ полемическихъ приѣмовъ? Толковать о своемъ *реализмѣ*, о *положительномъ* знаніи, объ *опытѣ* и *наблюденіи*, обвинять противника въ *идеализмѣ*, въ *метафизическомъ* способѣ мышленія, въ *улозрѣніи*—неужели этого до сихъ поръ достаточно чтобъ окружить собственное ученіе ореоломъ научности и дискредитировать возрѣнія оппонента въ глазахъ большинства публики? Неужели стѣбитъ только наклеить разные ярлыки на свой и на чужой товаръ, и большинство станетъ судить о товарахъ по ярлыку, а не по внутреннему достоинству? Что многіе дѣйствительно такъ судятъ и въ такомъ отношеніи къ научнымъ вопросамъ видятъ сущность реального міросозерцанія, это, къ сожалѣнію, фактъ. Не будь этого факта, профессоръ Съченовъ не считалъ бы возможнымъ и позволительнымъ отдѣлаться отъ серьезной критики заявленіемъ весь смыслъ котораго сводится къ слѣдующему аргументу: Сами изводите видѣть, милостивые государи, въ моихъ произведеніяхъ что строчка, то и „рефлексы, верввые центры, чувствующія ловерхности, роковыя слѣд-

отвѣтъ“; это ли не реальная, чистая наука? Противникъ же не разсуждаетъ себѣ о „сознаніи, внутреннемъ зрѣніи, психическомъ организмѣ, отащчии души и тѣла“ — это ли не метафизика, умозрѣніе, фантазія? Что тутъ толковать и спорить — дѣло ясно само собою! И подлинно, для весьма многихъ „мыслящихъ“ реалистовъ дѣло, послѣ подобнаго заявленія, ставится вполнѣ яснымъ, вопросъ считается окончательно рѣшеннымъ. Я же, по своей отсталости не владѣющій столь быстрымъ соображеніемъ, нахожу что слова, ключки, техническіе термины ровно ничего не доказываютъ. Пусть заклятый изъ метафизиковъ представитъ мнѣ достовѣрный фактъ, солидный аргументъ, и я готовъ признать то и другое; фантазію, шаткій доводъ я отвергаю, хотя бы источникомъ ихъ служилъ мозгъ реальнѣйшаго изъ реалистовъ. Такой возмутительно-научный взглядъ я раздѣляю съ однимъ современнымъ ученымъ, пользующимся не малымъ авторитетомъ даже въ глазахъ профессора Съченова. Вундтъ, въ предисловіи къ своимъ лекціямъ, высказываетъ слѣдующую ересь—*hoggees teferens!* „Въ наше время уже не разъ пытались обработать психологію на основаніи естественныхъ наукъ. Но нельзя сказать чтобъ эти попытки двинули впередъ науку, сравнительно съ прежними умозрительными системами. Почти вся разнида состоитъ въ томъ что *теперь умозрительныя теоріи выдаются за результаты естественныхъ наукъ*, тогда какъ прежде факты наблюденія часто выдавались за результаты чистаго мышленія.“

Нынѣ умозрительныя теоріи выдаются за результаты естественныхъ наукъ: не примѣнимъ ли вполнѣ этотъ приговоръ гейдельбергскаго ученаго къ теоріи профессора Съченова, изложенной въ *Психологическіе этюды*? Это г. Кавелинъ доказалъ неопровержимымъ образомъ. Умозрительнымъ, метафизическимъ профессоръ Съченовъ называетъ тотъ способъ мышленія по которому выводы дѣлаются изъ какого-нибудь общаго начала, принятаго на вѣру, но требующаго еще доказательства. Я далеко не согласенъ съ такимъ произвольнымъ, какъ мнѣ кажется, толкованіемъ терминовъ. Умозрѣніе также необходимо для естественныхъ и всѣхъ вообще наукъ, какъ и для философіи. Какимъ бы путемъ ни вы дошли до обобщенія, до теоріи, до истины или до заблужденія, безъ умственной дѣятельности это невозможно, а умственная работа,—будь предметомъ ея отвѣтственная идея или

матеріальный предметъ,—есть именно умозрѣніе. Метафизика же, по самой этимологіи (*meta ta physica*) имѣеть своимъ предметомъ все то что не подлежитъ *чувственному* опыту; а такъ какъ психическіе факты: впечатлѣнія, представленія, понятія, чувствованія, вообще мысль и аффектъ вполнѣ недоступны органамъ чувствъ, то психологія по самой своей природѣ есть и остается наукою чисто метафизическою, даже въ томъ случаѣ если она перейдетъ въ руки физиологовъ и на нее станутъ смотрѣть какъ на отдѣлъ естествознанія.

Но такъ какъ съ извѣстными словами уже соединились извѣстныя, хотя и превратныя, представленія, то я готовъ, пожалуй, употреблять пока термины „умозрѣніе“ и „метафизика“ въ томъ смыслѣ который придаютъ имъ профессоръ Съченовъ и большинство нашихъ реалистовъ. Итакъ пусть умозрѣніе будетъ противоположно „опыту и наблюденію“, метафизика „наукѣ“, то и другое всему вообще реальному и даже здравому смыслу. Пусть отличительнымъ признакомъ, характеристическою особенностью умозрѣнія и метафизики будетъ именно стремленіе и притязаніе доказывать выводы ничѣмъ не доказанными послылками, строить теоріи, системы, ученія на шаткихъ *общихъ началахъ*, на безсодержательныхъ отвлеченностяхъ. Научнымъ, реальнымъ мы назовемъ методъ изслѣдованія, способъ мышленія діаметрально противоположные. Научная теорія, вѣрная принципу строгой индукціи, всегда идетъ отъ извѣстнаго, доказаннаго, къ неизвѣстному искомому; она никогда не доказываетъ своихъ выводовъ шаткими и сомнительными предпосылками; основныя начала на которыхъ покоится все знаніе прочны и незыблемы какъ утѣсь.

Допуская такое опредѣленіе умозрительна-метафизическаго съ одной, и реально-научнаго метода съ другой стороны, каждый вѣроятно согласится съ тѣмъ что, относя какое-нибудь ученіе въ ту или другую категорію, мы должны руководиться не словами, терминами, а содержаніемъ. Теорія можетъ быть чисто умозрительной, хотя и трактуеть о реальнѣйшихъ предметахъ и украшается на каждомъ шагѣ научными и техничскими выраженіями. И наоборотъ, положенія мои могутъ быть строго-научныя, несмотря на то что я считаю ихъ плодомъ чистаго мышленія и держусь метафизической терминологіи. Прилагая къ ученію проф. Съченова такое вполнѣ рациональное мѣрило, можно положительно утверждать что его *Психологическіе этюды*, несмотря на научныя притязанія

и реальныя замашки, представляютъ все признаки чисте умозрительной, метафизической теоріи въ томъ самомъ отрицательномъ смыслѣ какой угодно приписывать этимъ словамъ г. Свченову. Для полнаго, осязательнаго доказательства необходимо обратиться къ основному началу, къ корню возрвній г. Свченова. Если будетъ доказано что самыя принципы на которыхъ зиждется вся психологическая система этого ученаго не что иное какъ предположенія, сильно нуждающіяся въ доказательствахъ, то нашъ приговоръ не будетъ голословнымъ обвиненіемъ, и самъ проф. Свченко попадетъ въ разрядъ именно тѣхъ метафизиковъ къ которымъ относится со столь величавымъ пренебреженіемъ. Впрочемъ, такое прискорбное для нашего автора сопоставленіе (которому врядъ ли бы обрадовались и истинные метафизики) будетъ непродолжительно по слѣдующей причинѣ: отрогая послѣдовательность — это такое качество которое самъ проф. Свченко признаетъ за метафизиками „старога закала“. Вотъ его собственныя слова (*Этюды*, стр. 199): „Мы умѣемъ уважать какъ бы чутьемъ всякую, по крайней мѣрѣ крупную, фальшь въ логической сторонѣ мышленія, что выражается и словами: „выводъ нелогиченъ“, „мысль непослѣдовательна“ и т. п. Въ подобныхъ грѣхахъ метафизику упрекнуть нельзя: метафизическія системы поражаютъ, наоборотъ, именно своею логическою стройностію, рядомъ со всеобъемлемостію задачъ“. Тутъ я вполне согласенъ съ проф. Свченовымъ, — случай настолько рѣдкій что я считаю долгомъ громогласно о немъ заявить. Пребываніе ученаго физиолога въ лагерѣ метафизиковъ потому будетъ непродолжительно что „логическая стройность“ справедливо приписываемая метафизикамъ есть такой грѣхъ въ которомъ никакъ нельзя упрекнуть автора *Психологическіхъ этюдовъ*. Теоретически ратуя съ какимъ-то ожесточеніемъ противъ логики, онъ и на практикѣ въ своихъ *Этюдахъ* поссорился съ ней окончательно. Въ истинно-метафизической системѣ, хоть бы начала были шатки, но когда разъ вы ихъ приняли, вы ужъ не можете отвергать выводы, до того ихъ логическая сила неотразима. Основныя положенія проф. Свченова также крайне шатки, но вы можете признать ихъ за достовѣрныя и все-таки отказаться отъ выводовъ, отличающихся въ свою очередь не малымъ произволомъ. Вы можете даже согласиться съ выводами и тѣмъ не менѣе отвергнуть общее заключеніе какъ слышкомъ...

ободное, хотя въ немъ и заключается отрицаніе всякой свободы. Словомъ, принудительной, роковой логической силы нѣтъ не видно въ аргументаціи проф. Съченова, чѣмъ онъ действительно и существенно отличается отъ метафизиковъ стараго закала. Грѣшно было бы утверждать противное. Но истулимъ къ разсмотрѣнію основныхъ началъ.

II. Шаткость основнаго положенія матеріализма.

Weil du liestest in ihr, was du selber in sie geschrieben,
Wähnst du, es fasse dein Geist ahnend die grosse Natur.

Schiller.

„Кому и какъ разрабатывать психологію?“ Заглавіе третьяго этюда проф. Съченова представляется въ видѣ вопроса. Вопросъ же требуетъ отвѣта. Я отвѣтилъ бы такъ: *Кому* разрабатывать психологію? Очевидно психологамъ или, пожалуй, всякому компетентному въ этихъ вопросахъ судья. *Какъ* же разрабатывать? Добросовѣстно, основательно, серьезно, безъ предвзятыхъ взглядовъ и теорій! Надѣюсь что со вторымъ отвѣтомъ согласенъ и проф. Съченовъ по крайней мѣрѣ теоретически, ибо на практикѣ, какъ мы далѣе увидимъ, онъ сильно уклоняется отъ такого мудраго правила. Что же касается до перваго вопроса, то проф. Съченовъ отвѣчаетъ рѣшительно и категорически: Психологію слѣдуетъ всецѣло и исключительно передать въ руки... физиологовъ! Однако, отчего же такъ? Вѣдь если маѣ скажутъ что медицина отселѣ предоставляется цирюльникамъ, что на роляхъ должны играть не артисты, а фортепианные мастера, то въ которое любопытство относительно причинъ такого страннаго постановленія покажется извинительнымъ. Отчего же психологіей могутъ заниматься только физиологи? Физиология, если я не ошибаюсь, имѣетъ дѣло съ соматическими процессами, съ чисто физическими отправлениями живыхъ организмовъ; отчего же, повторяю, предоставить ей и исключительно ей, обширную область душевныхъ явленій? Это можно допустить лишь въ томъ случаѣ если будетъ доказано что предметъ физиологіи вполне совпадаетъ съ предметомъ психологіи, то-есть что физическое и психическое, матерія и духъ,—тождественны. Основаніе приводимое профес-

соромъ Сѣченовымъ въ оправданіе своего взгляда заключается именно въ тѣсной связи между соматическими и психическими явленіями, иначе говоря, между тѣломъ и душою. „Психическая дѣятельность, говоритъ онъ, требуетъ для своего происхожденія анатомо-физиологической цѣлости головного мозга“. Нѣтъ сомнѣнія что головной мозгъ, нервная система, ихъ роль и отправленія законно подлежатъ изслѣдованію физиологовъ; не менѣе безспорно и то что существуетъ тѣсная, неразрывная связь между мозговою и психическою дѣятельностью. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Неужели тождество нервныхъ процессовъ и духовныхъ явленій, тѣла и души, физиологии и психологии? Вѣдь связь, даже тѣснѣйшая, и тождество—двѣ вещи разные! А прежде всего спрашивается: есть ли эта связь между мозговою и психическою дѣятельностью *причинная*? то-есть зависитъ ли каждое духовное явленіе отъ вѣкотораго состоянія мозгового вещества, другими словами, есть ли мысль продуктъ химическихъ или механическихъ процессовъ головного мозга, простое отправленіе этого органа? Утвердительный отвѣтъ и составляетъ, какъ извѣстно, основное воззрѣніе какъ профессора Сѣченова, такъ и вообще современнаго естественно - научнаго матеріализма, основаннаго на томъ принципѣ что вся духовная жизнь не отличается существенно отъ физической жизни, а есть лишь продуктъ и развитіе сей послѣдней. Согласно такому взгляду наблюденія надъ психическими явленіями считаются пустыми, если факты не выводятся изъ химическихъ и физическихъ процессовъ въ нервныхъ волокнахъ и ячейкахъ: отождествленіе началъ физическаго и психическаго или по крайней мѣрѣ генерическаго, причинная связь между веществомъ и душою—вотъ основное положеніе изъ котораго развивается и вырастаетъ вся система профессора Сѣченова. Весь вопросъ въ томъ: имѣетъ ли это положеніе научный характеръ? доказано ли оно твердо, строго, какъ подобаетъ основному началу? Увы! нѣтъ, оно не доказано, да и не можетъ быть доказано! въ самомъ корнѣ, въ фундаментальной аксіомѣ кроется большое мѣсто, слабая сторона всего матеріалистическаго міровоззрѣнія. Ради наглядной демонстраціи, я бы обратилась къ профессору Сѣченову или къ любому изъ послѣдователей его ученія съ вопросомъ: Допускаете ли вы *мысль*, какъ простой, голый фактъ, то-есть не говоря пока о способѣ ея происхожденія? Конечно, вопрошаемый допустить, ибо самое отрицаніе было бы

вещью.... Далѣе я спросилъ бы: Есть ли мысль матеріальной предметъ, имѣющій протяженность, форму, цвѣтъ и пр., можете ли вы ее видѣть, осязать, слышать, словомъ, доступна ли она какимъ-либо путемъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ? Самый ярый матеріальность принужденъ сознаться что мысль невещественна; видѣть, осязать можно мозгъ, въ которомъ находится мысль; слышать можно рѣчь, то-есть звуковое выраженіе мысли; но самая мысль остается совершенно недоступной чувственному воспріятію и наблюденію.

Но, скажетъ сторонникъ теоріи „рефлексовъ“, исследовать можно головной мозгъ, электрическіе, химическіе, механическіе процессы производящіе мысль. (Разъ даже докторъ Тархановъ, ученикъ и послѣдователь профессора Овчарова, прелюбезно и печатно предлагалъ мнѣ свои услуги для такой операціи надъ моимъ же мозгомъ!). Опять-таки, отвѣчу я, даже допуская что мысль есть продуктъ такихъ процессовъ, вы можете исследовать лишь способы, условія при которыхъ происходятъ мысль, ея механизмъ, предполагая что таковой существуетъ и доступенъ наблюденію, а не самую мысль. Теперь позвольте полюбопытствовать далѣе: навѣрно ли вы знаете что мысль и вообще всякая душевная дѣятельность не что иное какъ управленіе головного мозга, результатъ извѣстныхъ нервныхъ процессовъ, или это ваше предположеніе, простая догадка? На такой вопросъ большинство матеріалистовъ не заикаясь отвѣтитъ: да, это мы знаемъ навѣрно; это положительный фактъ, научная истина! Очень радъ, господа, слышать такую аксіому; но если ужъ рѣчь идетъ о положительномъ, достовѣрномъ фактѣ, то вамъ вѣконечно извѣстны свойства этихъ нервныхъ процессовъ? Сдѣлайте же милость, научите, вразумите: каковы выше-сказанные процессы въ мозговомъ веществѣ? Что играетъ въ нихъ главную роль: теплота, электричество, химическія измѣненія? Увы! даже первѣйшій физиологъ не отвѣтитъ на эти вопросы; увь! ничего пока вамъ неизвѣстно о природѣ и свойствахъ сказанныхъ процессовъ! Но, быть-можетъ, такое незнаніе есть моя личная особенность, щедро, но безосновательно приписываемая мною людямъ науки? Такъ ужъ позвольте мнѣ сослаться на свидѣтельство ученыхъ авторитетъ которыхъ считается особенно вѣскимъ въ глазахъ реалистовъ, на мнѣніе наиболѣе компетентныхъ представителей естественно-научнаго управленія. Вотъ какъ

выражается Вундтъ, часто цитуемый проф. Сѣменовъ, „Единственный пунктъ въ которомъ наши физиологическія знанія объ отправленіи мозга подвинулись въ настоящее время состоятъ въ томъ что мы можемъ сказать положительно что всѣ психическія отправленія непосредственно связаны съ центральною частью нервной системы, а не съ какими-нибудь другими органами; но *какого рода эта связь пока еще намъ совершенно неизвѣстно*“. (Прибав. къ I тому, стр. 6.)

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ученый говоритъ: „Принявъ мышленіе и отправленіе мозга за одно и то же, естественнѣе всего *погрѣшили бы противъ перваго правила научной логики*. Это правило говорить что связь между явленіями можетъ считаться *причинною* только тогда когда можно доказать ея необходимость. *Причинная связь между отправленіемъ мозга и мышленіемъ еще нисколько не доказана*“. (Т. I, ст. 18.)

Далѣе: „Никакіе процессы въ мозгу не дадутъ намъ средствъ объяснить происхожденіе мысли и потому мы не можемъ сказать опредѣлительно, нужны ли кромѣ отправленія мозга еще другія условія и существуетъ ли причинная связь между отправленіями мозга и психическою дѣятельностью“. (Т. I, стр. 20.)

Джонъ Стюартъ Милль, который у насъ считается чуть ли не главнѣйшимъ представителемъ реального, научно-положительнаго направленія, говоритъ слѣдующее: „Все что имѣетъ извѣстно и доказано физиологіей, есть то что каждое ощущеніе имѣетъ своей ближайшею причиною возбужденіе нервной системы. Но имѣетъ ли *каждое душевное состояніе* непосредственнымъ antecedентомъ въ которое нервное состояніе? Могутъ ли повтому *законы души быть изслѣдованы физическими путями*? Вопросъ этотъ вовсе не разрѣшенъ. И будь онъ рѣшенъ утвердительно, то все-таки *мы рѣшительно ничего не знаемъ о качествахъ этихъ нервныхъ состояній*“. (Система логики, т. 2.)

Наконецъ самъ профессоръ Сѣменовъ признаетъ что „къ несчастью свѣдѣнія наши о нервныхъ процессахъ (обуславливающихъ психическую дѣятельность), даже для случая наименѣе элементарнѣйшихъ рефлексовъ, *почти равны нулю*“ и немного далѣе: „но природа этихъ движеній, которыя происходятъ въ нервѣ и нервныхъ центрахъ, *остается для насъ до сихъ поръ загадкою*“.

Такимъ образомъ основное начало естественно-научнаго

матеріализма, тотъ корень изъ котораго вырастаетъ все ученіе профессора Свченова, по его же признанію и свидѣтельству самыхъ компетентныхъ любителей положительной науки, является *недоказаннымъ предположеніемъ*, простою догадкой. А тѣмъ не менѣе на такомъ шаткомъ фундаментѣ воздвигается все зданіе будущей *научной, реальной* психологіи. Это ли не тотъ чисто-метафизическій способъ построенія теоріи изъ общаго призрачнаго начала, противъ котораго ратуетъ самъ авторъ *Психологическихъ этюдовъ* и въ которомъ онъ голословно и несправедливо упрекаетъ своего противника?

Допустимъ, скажутъ смущенные очевидностью фактовъ сторонники профессора Свченова, допустимъ что наше основное положеніе пока еще предположеніе, а не научный фактъ, но во всякомъ случаѣ оно имѣетъ право на названіе научной гипотезы; а кто можетъ отрицать громадное значеніе гипотезъ въ разработкѣ научныхъ вопросовъ? Противъ пользы, законности и даже необходимости научныхъ гипотезъ я не возражу ни слова. Однимъ непосредственнымъ наблюденіемъ надъ фактами опыта наука далеко не ушла бы; это совершенно вѣрно. Но дѣйствительно ли вы смотрите на ваше положеніе какъ на гипотезу и не придаете ли вы ему значенія безусловной истины, положительнаго догмата? Вотъ въ чемъ весь вопросъ. Что для профессора Свченова гипотеза о генерической причинной связи между нервными процессами и всей психической дѣятельностью составляетъ краеугольный камень дѣянаго міровоззрѣнія, всего его ученія, что онъ даже не допускаетъ возможности сомнѣваться въ истинности его основнаго догмата, это фактъ очевидный для каждаго читающаго *Психологическіе этюды*. Предположенію придается характеръ положенія; гипотеза становится тезою, шаткая догадка обращается въ научную безспорную истину, недоказанный постулатъ въ абсолютный догматъ. Если въ такихъ примѣлахъ состоитъ научный реальный методъ изслѣдованія, то избави насъ Богъ отъ науки и реализма! Но къ счастью для науки и реализма, они тутъ рѣшительно не при чемъ; личный произволъ останется произволомъ, хотя бы прикрылся громкими именами; фантазія представителя науки не превратится въ *научное* ученіе оттого только что авторъ ея пускаетъ въ ходъ научные термины и реальныя притязанія!

IV. Научная аналогія: кому разработывать физиологію? — Догматическій матеріализмъ.

Hier hieft nun weiter kein Bemühn;
Sind's Rosen—nun, sie werden blüh'n!

Goethe.

Но еслибы мы даже признали основное начало материализма за доказанный, положительный фактъ, еслибы причина связь между отравленіемъ мозга и психической дѣятельностью была твердо установлена, то и тогда психологія не могла быть предоставлена цѣликомъ физиологамъ, и тогда законы души не могли бы быть изслѣдованы физиологическимъ путемъ. Предполагая доказаннымъ что чувство, мысль есть результатъ и продуктъ извѣстныхъ нервныхъ процессовъ, физиологія все-таки должна бы ограничиться изученіемъ этихъ чисто-физическихъ процессовъ, т.е. способомъ происхожденія, механизмомъ психическихъ явленій. Результаты же, продуктъ этихъ процессовъ, представленіе, мысль, чувство, слово, психическая жизнь все-таки и тогда составляли бы предметъ отдѣльной, самостоятельной науки. За нагляднымъ примеромъ не далеко ходить. Физика объясняетъ намъ происхожденіе звука, она доказываетъ что различная высота тоновъ зависитъ отъ различной быстроты волнообразныхъ колебаній воздуха; числа вибрацій исчислены и извѣстны съ величайшею точностью; но слѣдуетъ ли отсюда что теорія музыки есть не иное что какъ глава физики? Она ли изслѣдуетъ продукты различныхъ сочетаній, колебаній, выражающіеся въ симфоніи Моцарта или вальсѣ Штрауса? Ясно что это не дѣло физики. Выводъ очевиденъ: пусть психическая жизнь относится къ нервной дѣятельности, какъ музыка относится къ колебаніямъ воздуха; въ такомъ случаѣ физиологія можетъ изучать свойство нервной дѣятельности совершенно также какъ физика изучаетъ свойства и скорости колебаній; продуктъ же нервной дѣятельности, душевная жизнь, не можетъ быть предметомъ физиологіи, на томъ же основаніи по которому продуктъ колебаній воздуха, музыка, не есть предметъ физики. Полная несостоятельность громкаго притязанія профессора Стеченова—вырвать психологію изъ рукъ психологовъ обнаружится еще осязательнѣе,

рельефѣ, путемъ аналогіи. Такъ какъ гг. физиологи отнынѣ будутъ заняты изслѣдованіями въ обширной области психологии, то можетъ возникнуть опасеніе что блуждая по мраку этой terra incognita, имъ останется мало времени для разработки собственной науки, физиологии. Какъ помочь горю? Тутъ рождается вопросъ: „Кому и какъ разрабатывать отселѣ физиологию?“ Предлагаю слѣдующее вполнѣ реальное рѣшеніе этого щекотливаго вопроса; реально и научно мое рѣшеніе уже потому что точь-въ-точь воспроизводитъ разсужденія профессора Свченова! Вотъ оно:

Безконечное разнообразіе живыхъ организмовъ растительнаго и животнаго міра есть лишь призракъ, внѣшняя видимость. Матушка природа очевидно играетъ съ нами въ прятки, хочетъ ввести въ обманъ, слутать нашу мысль громадною и пестрою массой различныхъ формъ и образовъ. Но взгляди-гесь въ реальную подкладку, въ настоящій субстратъ всѣхъ безъ исключенія организмовъ; какъ безчисленныя душевныя явленія покоятся на нервныхъ процессахъ, такъ безконечное разнообразіе организмовъ сводится на химическіе элементы. Анализъ любого животнаго или растенія даетъ вамъ химическіе элементы, сначала сложныя, соединенія углерода, а затѣмъ, путемъ дальнѣйшаго разложенія, простые элементы, какъ-то: углеродъ, водородъ, азотъ, кислородъ, сѣру, фосфоръ и пр. Егго—реальная подкладка всѣхъ безъ исключенія организмовъ есть ихъ химическій составъ; поэтому физиологию слѣдуетъ передать всецѣло и исключительно въ руки химиковъ. Dixi.

Тѣ самые реалисты которые находятъ раціональнымъ, научнымъ, предложеніе профессора Свченова о передачѣ психологии въ чужія руки, отнесутся съ невыразимымъ презрѣніемъ къ моему контръ-проекту, назовутъ его челухою, вздоромъ, дулюстью. Но это будетъ съ ихъ стороны въ высшей степени злослѣдовательно и несправедливо. Мой подвигъ тождественъ съ подвигомъ автора *Психологическіхъ этюдовъ*, съ одной прочемъ, существенною разницей въ мою пользу: принципъ мой, въ силу котораго всякій организмъ сводится на простые химическіе элементы, есть положительный, неоспоримый, научный фактъ, тогда какъ основной принципъ профессора Свченова, утверждающій что реальная подкладка всякаго психическаго явленія — нервный процессъ, не что иное какъ гиптеза, ничѣмъ не доказанное предположеніе. Нѣтъ, господа

реалисты, ужь будьте послѣдовательны: если на основаніи гипотезы вы рѣшили отчуждать психологію, то позвольте намъ на основаніи бесомнѣнной научной истины передать физиологію химикамъ. Химию въ свою очередь мы предоставимъ физикамъ, такъ какъ всякое химическое тѣло представляетъ общіе признаки протяженности, солпротивленія, дѣлности и пр. и пр.; физику мы свалимъ на плечи математиковъ, ибо вещество, движеніе, сила могутъ быть разсматриваемы со стороны количественныхъ и пространственныхъ отношеній; математика перейдетъ къ гг. логикамъ, а логика ко всѣмъ здравомыслящимъ людямъ, не увлекающимся односторонними, предвзятыми теоріями и не судящимъ о достоинствѣ ученія по болѣе или менѣе научнымъ клочкамъ и реальнымъ ярлыкамъ...

Такимъ образомъ доказано: 1) что основное положеніе служащее краеугольнымъ камнемъ психологическихъ воззрѣній профессора Съченова есть не болѣе ни менѣе какъ гипотеза, постулатъ, desideratum; 2) что будь это положеніе даже безспорною научною истиною, все-таки психологія осталась бы отдѣльною, самостоятельною наукою.

Впрочемъ это шаткое, недоказанное начало не составляетъ личную собственность автора *Психологическихъ этюдовъ*, а является общимъ достояніемъ, фундаментальнымъ догматомъ матеріализма вообще и естественно-научнаго матеріализма въ особенности. Масса нашихъ доморощенныхъ реалистовъ-скептиковъ держится этого принципа не потому что состоятельность его и внутреннее достоинство ими ясно и отчетливо создавались бы, а просто потому что это де *новѣйшее научное міросозерцаніе*. Мы видѣли насколько оно научно; что же касается до новизны, то можно смѣло утверждать что матеріализмъ есть самое раннее изъ всѣхъ философскихъ міровоззрѣній и наименѣе измѣнившееся въ продолженіи двухъ тысячъ лѣтъ, отъ Демокрита до Молешота и Бюхнера. Современный же матеріализмъ, основанный будто бы на естествознаніи, не подвинулся ни однимъ шагомъ дальше французскаго севсуализма XVIII столѣтія и не возвысился надъ уровнемъ *Система природы* Гольбаха и *Человѣка-машинъ* Ла-Меттри. Теорія рефлексовъ въ примѣненіи ко всей психической дѣятельности это подъ новымъ названіемъ точь-въ-точь ученіе автора книги *L'homme-machine*, по мнѣнію котораго всякое физическое нравственное, умственное дѣйствіе происходитъ чисто машинно.

образно подъ влияніемъ окружающей челоѣка среды; но профессору Сѣченову безспорно принадлежитъ честь что старый товаръ окрещенъ имъ новымъ именемъ: машинообразные процессы Ла-Меттри онъ назвалъ „рефлексами“, а этого вполнѣ достаточно какъ для славы ученаго психолога-реформатора, такъ и для признанія его ученія реальнымъ, положительнымъ, научнымъ и главное—новѣйшимъ!

Матеріализмъ въ спеціальныхъ наукахъ совершенно безвреденъ. Пусть физикъ, геологъ, химикъ, физиологъ, имѣющіе дѣло съ матеріальными фактами, съ явленіями физической природы, считаютъ эти факты и явленія единственно реальными; пусть, изслѣдуя вещество, они будутъ матеріалисты въ своихъ изслѣдованіяхъ — въ этомъ нѣтъ бѣды, а скорѣе залогъ точнаго, строгаго наблюденія, основательной разработки опытнаго матеріала ихъ спеціальныхъ наукъ. Если сапожникъ считаетъ кожу наилучшимъ веществомъ, если портной такого же мнѣнія о матеріалахъ своего ремесла, то отъ подобнаго взгляда достоинство изготовленной ими обуви и одежды нисколько не пострадаетъ. Но дѣло приметъ совершенно иной оборотъ, если эти почтенные промышленники перенесутъ свои взгляды и убѣжденія въ другія области индустріи, если сапожникъ провикнутый превосходствомъ своего матеріала заявитъ притязаніе кроить всякое платье изъ кожи, если портной обнаружитъ стремленіе строить дома и крѣпости изъ сукна. Тотъ же выйдетъ сумбуръ когда матеріалистъ-физикъ, химикъ или физиологъ заявитъ право на созиданіе общаго міровоззрѣнія основаннаго исключительно на принципѣ лежащемъ въ корнѣ его спеціальныхъ изслѣдованій. Тогда безвредный въ своей собственной сферѣ, матеріализмъ становится философіей, догматизмомъ, а натуралистъ превращается въ пропагандиста. Въ такое именно положеніе сталъ профессоръ Сѣченовъ съ тѣхъ поръ какъ онъ изъ области физиологіи перешелъ въ область психологіи, стараясь вывести законы души изъ законовъ физической природы, объяснить всю психическую дѣятельность на единственномъ основаніи органической, матеріальной природы челоѣка, отрицая при этомъ а priori тѣ важнѣйшіе духовные факты, сознаніе и самопроизвольность, кои наиболѣе противорѣчатъ его предвзятымъ взглядамъ и по своей природѣ не поддаются его произвольнымъ ненаучнымъ приемамъ.

V. Теорія рефлексовъ.

Mephistopheles: Grau, theurer Freund, ist alle Theorie,
Doch grün des Lebens goldner Baum.

Goethe.

Non te rebus, tibi res subjungere conaris.

Мало основательный, но за то вполнѣ *основный* принципъ тождества физическихъ и духовныхъ явленій не составляетъ, какъ мы видѣли, личной собственности профессора Свченова, и раздѣляется имъ съ материализмомъ вообще. Собственно автору *Психологическихъ этюдовъ* принадлежитъ теорія „рефлексовъ“. Все ученіе его сводится къ тому положенію что психическая дѣятельность представляетъ полную аналогію съ нервными рефлексами. Что такое „рефлексъ“? Предоставимъ объясненіе автору:

„Въ рефлексѣ физиологія отличаетъ, соответственно устройству рефлекторнаго аппарата, три главныхъ момента: возбужденіе чувствующей поверхности (начало или первый членъ), дѣятельность центра (середина или второй членъ) и проявленіе возбужденія въ сферѣ рабочихъ органовъ тѣла, мышцъ и желѣзъ (конецъ или третій членъ). Важная физиономія рефлексовъ опредѣляется только началомъ и концомъ ихъ, такъ какъ середина недоступна непосредственному наблюденію. Цилиндре лалку обезглавленной лягушки, она тотчасъ же отдернетъ ногу—это рефлексъ.“

Начало, толчекъ и конецъ движенія мы видимъ, середина же, то-есть тотъ процессъ посредствомъ котораго раздраженіе переходитъ въ движеніе, скрыта отъ непосредственнаго наблюденія. Отличительный признакъ рефлективнаго (отраженнаго) движенія заключается въ машинообразности: за видимымъ раздраженіемъ необходимо, роковымъ образомъ, независимо отъ воли, слѣдуетъ извѣстное движеніе. Въ противоположность рефлексамъ, произвольными считались всѣ сознательныя движенія которыми управляетъ воля.

Профессоръ Свченовъ, расширяя понятіе рефлекса, находитъ возможнымъ подвести подъ рефлекторный типъ всѣ рѣшительно движенія, даже такъ-называемыя произвольныя, произволь которыхъ, на его взглядъ, есть лишь мнимый, кажущійся; на самомъ же дѣлѣ произвольныя движенія происходятъ

такимъ же роковымъ образомъ какъ и настоящіе рефлексы. Чиханіе, содроганіе, невольный крикъ боли—рефлексы; но такіе же рефлексы: игра на скрилкѣ, лѣвіс, тавецъ, декламация, словомъ, всякое дѣйствіе въ которомъ участвуютъ мышцы. Но этого мало: по теоріи профессора Съченова вся психическая, даже чисто умственная дѣятельность, начиная съ низшихъ формъ дѣятельности органовъ чувствъ и кончая самыми сложными процессами отвлеченнаго мышленія, происходитъ машинообразно по типу рефлексовъ, причеиъ каждый актъ мысли вызывается внѣшнимъ возбужденіемъ; такъ что вся психическая жизнь, ощущенія, представленія, умозаключенія, понятія, чувствованія, мысль—не что иное какъ средніе члены рефлексовъ, начало и конецъ которыхъ лежатъ въ условіяхъ внѣшней, матеріальной природы!

Но къ такому громадному, неимоверному обобщенію нашъ ученый фізіологъ приходитъ не сразу, а незамѣтно, постепенно, исподволь, помощью искусной градаціи или *пролатической* гаммы, въ которой мы однако замѣчаемъ невѣроятно смѣлые скачки! Прослѣдимъ же главные фазисы эмбриологическаго развитія черезъ которое авторъ проводитъ свою теорію, пока она не обнаруживается и проявляется полнымъ торжествомъ, единовластіемъ самодержавнаго „рефлекса“.

Первая ступень. Рѣчь идетъ о чистыхъ нервныхъ рефлексахъ, то-есть движеніяхъ вытекающихъ роковымъ образомъ изъ внѣшняго толчка на чувствующую поверхность тѣла. Опыты надъ обезглавленными животными доказываютъ что всѣ движенія производимыя спиннымъ мозгомъ при раздраженіи чувствующаго нерва суть отраженныя. О произвольности и сознательности этихъ движеній не можетъ быть и рѣчи. Сознательность или безсознательность не можетъ, впрочемъ, служить признакомъ рефлективнаго характера движенія, такъ какъ существуютъ рефлексы сопровождающіеся сознаніемъ, какъ кашель, чиханіе, глотаніе, рвота и пр. Точно также не всѣ рефлексы происходятъ отъ спиннаго мозга; есть отраженныя движенія, центромъ которыхъ является головной мозгъ. Таковы невольныя движенія отъ испуга, миганіе, вздрагиваніе при сильномъ звукѣ или вообще при внезапномъ сильномъ ощущеніи. Эти движенія хотя и сознательны, но представляютъ характеръ рефлексовъ.

Словомъ, всякое вообще движеніе являющееся роковымъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ внѣшняго раздраженія, есть

рефлексъ, типическую особенность котораго составляет непроизвольность, машинообразность. До сихъ поръ, какъ читатель видитъ, теорія автора не представляетъ ничего особеннаго: рефлексомъ называется то что признано называть этимъ именемъ; отраженнаго, рефлексивнаго характера *несомнѣнныхъ* движеній никто не оспариваетъ. Посмотримъ что будетъ дальше.

Вторая ступень (представляющая скачекъ въ гаммѣ черезъ неопредѣленное число октавъ).

„Мы переносимся, говоритъ авторъ, въ область низшихъ и высшихъ органовъ чувствъ“. (Отчего же не перестись? на то мы одарены способностью передвиженія, и даже... крыльями воображенія!) „Отнеситесь совершенно объективно (то-есть съ твердымъ намѣреніемъ видѣть все то чего хочется профессору Съченову) къ самымъ обычнымъ продуктамъ дѣятельности этихъ органовъ. Что же мы видимъ? Животное пускаетъ въ ходъ обонаніе, слухъ, зрѣніе и кожныя ощущенія, чтобъ обезпечить себя отъ голода, холода и веприятелей. Но уши, глаза, носъ и кожа не сами по себѣ достигаютъ этихъ частныхъ цѣлей, они служатъ для животнаго лишь руководителями въ дѣлѣ—самая цѣль достигается разнообразнѣйшими формами движенія.“ Съ этими фактами вѣроятно всѣ согласны, и отнесясь къ нимъ объективно, мы придемъ къ такому заключенію: дѣйствительно уши, глаза, носъ и кожа сами по себѣ не достигаютъ цѣли самоохраненія, а направляютъ лишь движенія, разчитанныя на удовлетвореніе различныхъ потребностей. И такъ какъ эти движенія крайне разнообразны и часто весьма хитросплетенныя и тонко расчитанныя, то очевидно они существенно различаются отъ простыхъ рефлексовъ... Вы такъ полагаете, читатель? Ну, горько ошибаетесь! Профессоръ Съченовъ разсуждаетъ иначе: „Стоитъ хоть немного вдуматься въ огромную область относящихся сюда фактовъ, совокупность которыхъ обозначаютъ именемъ дѣятельностей вытекающихъ изъ чувства самоохраненія, и всякій найдетъ въ нихъ *тѣ же элементы какъ и въ рефлексахъ*: и здѣсь начало акта есть возбужденіе чувствующихъ снрядовъ (ощущеніе голода, жажды, холода, вліянія на глаза, уши и носъ), а конецъ—движенія.“ Что жъ если для установленія правильнаго рефлекса нужно лишь начало, середина и конецъ, то кромѣ безконечности времени и пространства я не знаю рѣшительно ничего на свѣтѣ что не было бы рефлексомъ. Тридцатилѣтняя война и лряма

линія, полька-мазурка и человѣческая жизнь, уголовный процессъ и телеграфная проволока, ликникъ и французское министерство, римская исторія и книга профессора Съченова— все это рефлексы, ибо все это имѣетъ начало, теченіе и конецъ. Если же въ рефлексѣ есть другіе отличительные признаки, а именно роковая связь между внѣшнимъ толчкомъ и движеніемъ, а также машинообразность сего послѣдняго, то гдѣ же эти признаки въ дѣйствіяхъ животныхъ и человѣка вытекающихъ изъ чувства самосохраненія? Въ движеніяхъ вызванныхъ ощущеніемъ голода, жажды, холода, мы не видимъ характера необходимости, роковаго принужденія. Преслѣдуя одну и ту же цѣль, животныя до безконечности разнообразяютъ движенія направленные къ удовлетворенію ихъ потребности, сообразуясь со внѣшними обстоятельствами, съ случайными условіями окружающей среды; роковой связи между извѣстнымъ побужденіемъ и извѣстной формой движенія положительно нельзя замѣтить. Рефлективный характеръ громадной массы движеній вызванныхъ чувствомъ самосохраненія можно, пожалуй, найти, если (какъ этого требуетъ профессоръ Съченовъ) „вдуматься лишь немного“, то-есть поверхностно, въ огромную область относящихся сюда фактовъ. Если же мы вдумаемся поглубже и рассмотримъ ихъ попристальнѣе, то разница между ними и нервными рефлексами окажется поразительною, очевидною. Кить раскрываетъ пасть, лица сама лѣзетъ, ему остается только глотать. Корова ласется на дугу, видитъ сочную траву, нагибаетъ голову и ѣстъ. Мышь выходитъ изъ норки предъ самымъ носомъ кошки; та протягиваетъ лапу—хватъ! поймала и дѣло съ концомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ аналогія движенія съ рефлексомъ беспорна. Но то ли мы видимъ когда животныя добываютъ пищу путемъ охоты или грабежа? Лисица схватываетъ курицу, это конецъ цѣлаго ряда движеній, тонко разчитанныхъ; прежде чѣмъ войти въ курятникъ, она пускала въ ходъ всевозможныя удочки, маневры, ухищренія, марши и контрмарши, всегда соображаясь съ безконечно-разнообразными условіями окружающей обстановки; а вся эта стратегія, побужденіе къ которой было чувство голода и конецъ — утоленіе его, будетъ ли болѣе ли менѣе какъ рефлексъ, машинообразное движеніе? Такихъ примѣровъ можно насчитать до безконечности. Собака не сходитъ съ могилы своего господина и умираетъ съ голоду. Однако голодъ и жажда чувству

ются же ею; носъ, уши, глаза есть, а тѣмъ не менѣе она не дѣлаетъ никакихъ движеній, направленныхъ къ удовлетворенію своихъ потребностей. Какъ же это объяснить съ точки зрѣнія рефлексовъ?

Но профессоръ Свѣченъ, нисколько не смущаясь противорѣчащими его теоріи фактами, преспокойно заключаетъ: „Значить со стороны внѣшней физіономіи и общаго значенія въ тѣлѣ, рефлексы и низшія формы дѣятельности органовъ чувствъ могутъ быть приравнены другъ другу“. Дѣйствительно, нѣтъ ли свѣтѣ такихъ разнородныхъ предметовъ или явленій которые не могли бы съ какой-нибудь стороны быть приравнены другъ другу. Роза и крокодилъ равны тѣмъ что оба организмы; червила не отличаются существенно отъ солнца, такъ какъ оба состоятъ изъ химическихъ атомовъ; теорія „рефлексовъ“ представляетъ разительное сходство со сказкою о „золотой рыбкѣ“ со стороны преобладанія въ обоихъ произведеніяхъ фантастическаго элемента, и т. д. Но дадутъ ли такіа случайная, внѣшнія сходства право на отождествленіе розы съ крокодиломъ, червилъ съ солнцемъ, теоріи профессора Свѣченова со сказкою, рефлексовъ съ произвольными движеніями? That is the question...

Третья ступень. Слѣдующій затѣмъ скачекъ въ теоріи рефлексовъ маскируется такою рѣчью: „До сихъ поръ проводимая мною аналогія оказывается, какъ читатель видитъ, серіозною (это мы видѣли!), но посмотримъ, не прекратится ли она, какъ только мы переступимъ въ сферѣ дѣятельности высшихъ органовъ чувствъ ту черту которая отдѣляетъ инстинктивные дѣйствія вытекающія изъ чувства самосохраненія, отъ дѣйствій болѣе высокаго порядка, въ которыя замѣшивается воля“. Напрасно авторъ изводитъ безпокойства; аналогія ни въ какомъ случаѣ не прекратится, уже потому что не смѣетъ! Рѣшено провести ее до конца, per fas et nefas, такъ мы ее вездѣ и найдемъ. И подлинно, тутъ же оказывается что сознательно-разумныя дѣйствія также происходятъ по типу рефлексовъ, что „предѣ волей рефлексъ и продукты высшихъ органовъ чувствъ равны“. Я же вамъ сказалъ что аналогія не смѣетъ прекратиться. Правда, авторомъ допускается нѣкоторая разница, не качественная—Боже сохрани!—а только количественная, между чисто-нервными рефлексами и разумно-сознательными движеніями, ибо въ рефлексахъ „анатомическія точки, вызывающіе движеніе, отли-

чаются крайнимъ однообразіемъ“, тогда какъ въ сферѣ органовъ чувствъ натуральные толчки являются, по мѣрѣ восхожденія отъ вкуса къ зрѣнію, все болѣе и болѣе разнообразными. Безобразное разнообразіе! Изъ-за него законныя права „рефлекса“ подвергаются сомнѣнію. Изъ-за него многіе упорно отрицаютъ что разумно-сознательныя дѣйствія—рефлексы, среднимъ членомъ которыхъ являются „продукты организаціи чувствующихъ органовъ“. Въ самомъ дѣлѣ, если на всю массу разумно-сознательныхъ дѣйствій смотрѣть съ разумной, а не исключительно реально-роковой точки зрѣнія, то оказывается что ощущеніе вовсе не можетъ быть среднимъ членомъ рефлекса. Почему же такъ? А потому что не ощущеніе, а связанная съ нимъ представленія, умозаключенія, словомъ, психическая дѣятельность вызываетъ и опредѣляетъ дѣйствіе. Двадцать разъ сегодня я видѣлъ на моемъ столѣ перо и бумагу; зрительное ощущеніе всегда одинаково; но теперь только я взялъ перо въ руки и началъ писать. Есть ли мое дѣйствіе рефлексъ, результатъ ощущенія, или моего желанія? Еслибо ощущеніе было среднимъ членомъ рефлекса, то-есть еслибы оно вызывало дѣйствіе, то за однимъ и тѣмъ же ощущеніемъ всегда и роковымъ образомъ слѣдовало бы одно и то же движеніе, совершенно такъ же какъ болѣе или менѣе сильное прикосновеніе къ кожѣ обезглавленной лягушки вызываетъ всегда и неминуемо болѣе или менѣе сильное отраженное движеніе. То ли мы видимъ въ сознательно-разумныхъ дѣйствіяхъ, даже имбюющихъ antecedentомъ чувственное впечатлѣніе? Иду я по улицѣ и вижу человѣка (ощущеніе): я киваю ему головою, или снимаю шляпу, или подхожу къ нему, или отворачиваюсь, или не дѣлаю никакого движенія. Являются ли всѣ эти дѣйствія роковымъ слѣдствіемъ зрительнаго ощущенія, а не разнообразными результатами различныхъ представленій, зависящими отъ того знакомъ ли я съ этимъ человѣкомъ, друженъ ли я съ нимъ, въ спорѣ ли и т. д.? Другой примѣръ. Я слышу—меня зовутъ по имени (слуховое ощущеніе); я встаю съ мѣста, или обращаюсь въ ту сторону откуда слышенъ голосъ, или дѣлаю нетерпѣливый жестъ, или притворяюсь что не слышалъ. Опять-таки что тутъ играетъ важную роль, слуховое ощущеніе или мысленныя соображенія? Вѣроятно всякій человѣкъ, одаренный простымъ здравымъ смысломъ, скажетъ: въ упомянутыхъ случаяхъ и въ безконечномъ множествѣ имъ подоб-

ныхъ, движенія ваши являются слѣдствіемъ не ощущенія, а психическихъ мотивовъ и соображеній; гдѣ же тутъ рефлексъ машинообразное движеніе? Какъ гдѣ? профессоръ Свѣеновъ утверждаетъ—magister dixit—что всѣ разумно-сознательныя поступки, которымъ предшествуютъ ощущенія, суть тѣ же рефлексы, чего же вамъ больше? Такое сужденіе зиждется на великомъ принципѣ: post hoc, ergo propter hoc. Вы же, судари мои, основываете свой взглядъ на здоровомъ смыслѣ; но имѣйте же въ виду что здоровый смыслъ и реалізмъ—двѣ вещи разныя.

Такъ-то такъ, скажетъ читатель, но вѣдь у насъ каждадневно бываютъ сотни и тысячи ощущеній свѣтовыхъ, звуковыхъ, осязательныхъ и пр., не сопровождаемыхъ никакимъ движеніемъ или дѣйствіемъ.—Такъ что жь изъ этого? возражаю я. Всѣ ваши движенія суть рефлексы, но за то всѣ ваши недвиженія суть также рефлексы! Не вѣрите? Слушайте же доказательства. Профессоръ Свѣеновъ допускаетъ что существуютъ „такіе случаи когда возбужденіе чувствующаго снаряда (впечатлѣніе), давая средній членъ (ощущеніе), не выражается однако извѣстнѣ никакимъ движеніемъ“. Напримеръ: я вижу колбасу и не дѣлаю ни малѣйшей попытки схватить ее; начальникъ зоветъ, а я ни съ мѣста, а напротивъ думаю себѣ: проваливай! „Тутъ, говоритъ профессоръ Свѣеновъ, видимому извращается самая природа рефлекса, остающагося безъ третьяго члена“. Но когда нѣтъ движенія, такъ какой ужъ тутъ рефлексъ? „Начуть не бывало, успокоиваетъ насъ авторъ, и здѣсь за среднимъ членомъ остается все-таки значеніе регулятора движенія (замѣтьте, какія реально-техническія слова), потому что въ этихъ случаяхъ изъ ощущенія рождается возбужденіе не двигательныхъ снарядовъ тѣла, а наоборотъ ихъ тормазовъ“. Появля? Это прекрасное разсужденіе доказываетъ вопервыхъ, истину поговорки: „umge kehrt ist auch gefahren“, во вторыхъ, что не-рефлексъ, нуль, есть тотъ же рефлексъ, и третьихъ, что тормазъ есть великое открытіе не только для каретниковъ, но и для психологовъ повѣщаго покроя. Гдѣ нѣтъ никакого движенія, тамъ, значитъ, есть тормазъ, а рефлексъ все же остается цѣль и невредимъ. Рубль у васъ есть? хорошо, это рубль; нѣтъ его у васъ? все равно, отсутствіе его не значить—ничто, не рубль, а напротивъ — заторможенный рубль. Стало-быть Гегель былъ правъ утверждая тождество бытія и небытія. Но зачѣмъ проф.

Свѣченое издѣвается надъ идеалпстамиметафизиками, когда самъ прибѣгаетъ къ ихъ самымъ утонченнымъ положеніямъ? Однако не лучше ли намъ пройти мимо?..

Четвертая ступень (последній скачекъ вполнѣ достойный гордаго девиза: „quo non ascendam!“). Аналогіи нѣтъ конца: не только вся масса бессознательныхъ и сознательныхъ, инстинктивныхъ и разумныхъ движеній суть рефлексы, но почти рефлексы происходятъ всё вообще психическія явленія, вся духовная жизнь, не исключая процессовъ самаго отвлеченнаго мышленія!

Астрономъ ли исчисляетъ орбиту новооткрытой планеты, Шекспиръ ли въ умѣ создаетъ тиль своего Гамлета, Ньютонъ ли открываетъ законъ всемірнаго тяготѣнія, философъ ли углубляется въ тайны человѣческаго духа—все это рефлексы, машинообразные процессы, вытекающіе роковымъ образомъ изъ вѣдншихъ матеріальныхъ толчковъ! Дифференціальное вычисленіе отличается отъ дерганія малкою обезглавленной лягушкой количественно, но никакъ не существенно! Не вѣрите? „Продукты дѣятельности органовъ чувствъ, говоритъ авторъ, суть источники всей психической жизни“, и далѣе: „мыслительная дѣятельность не представляетъ перелома ни съ какой существенной стороны въ ходѣ психическаго развитія человѣка“.

Быть-можетъ вы скажете: да гдѣ же хоть вѣдннее сходство между рефлексомъ, то-есть механическимъ движеніемъ и мыслью? Я могу размышлять цѣлый день объ отвлеченныхъ предметахъ, безъ всякаго вѣдншаго толчка и побужденія, притомъ мысль моя можетъ не выражаться никакимъ дѣйствіемъ, постулкою или движеніемъ; стало-быть гдѣ же начало и конецъ рефлекторнаго акта, гдѣ самый рефлексъ? Нѣкоторое сходство пожалуй можно найти въ тѣхъ случаяхъ когда мысль возбуждается непосредственно вѣдншимъ предметомъ и тутъ же переходитъ въ дѣйствіе. Напримеръ: на балу я вижу хорошенькую брюнетку (толчекъ); думаю: не мѣшало бы протанцовать съ ней кадрили (средній членъ); ангажирую ее и танцую (конецъ, дѣйствіе). Хотя и тутъ не видно никакой *роковой* связи между побужденіемъ, мыслью и дѣйствіемъ, но все же есть три последовательные момента, придающіе всему процессу нѣкоторый чисто-вѣдншій видъ рефлекса. Но во всѣхъ случаяхъ отвлеченнаго мышленія и

вообще мысли не имѣющей отношенія къ окружающимъ предметамъ и притомъ не переходящей въ дѣйствіе, рѣшительно невозможно видѣть машинообразнаго, роковаго характера рефлексовъ. На всѣ эти доводы я могу отвѣчать вамъ лишь одно: *Magister dixit*, проф. Свѣченъ увѣряетъ что вся умственная и душевная дѣятельность человѣка происходитъ по тилу рефлексовъ, причемъ онъ высказываетъ слѣдующую мысль: „Еслибы даже половина, три четверти, девять десятыхъ ($\frac{99}{100}$, $\frac{999}{1000}$, $\frac{9999}{10000}$ и т. д.) случаевъ высшихъ продуктовъ психической дѣятельности не имѣли бы съ виду ничего общаго съ явленіями рефлекторнаго типа, то и тогда изъ-за $\frac{1}{10}$ ($\frac{1}{100}$, $\frac{1}{1000}$ и т. д.) сходныхъ случаевъ, аналогія должна проводиться за предѣлы чувственности — это требованіе разума, науки“ (и главное проф. Свѣченъ!). Почему именно этотъ ученый и вмѣстѣ съ нимъ разумъ и наука требуютъ такіе изумительные салто-мортале? Конечно потому что если девять десятыхъ изъ высшихъ продуктовъ психической дѣятельности чужды рефлекторному тилу, то онѣ очевидно не подлежатъ физиологическому изслѣдованію, а такъ какъ рѣшено передать всю психологію въ руки физиологовъ, то требованіе разума и науки въ лицѣ ихъ уполномоченнаго, автора *Психологическихъ этюдовъ*, становится сразу понятно. Аналогія ради я приведу вполне параллельное сужденіе: еслибы 999 изъ 1000 людей оказались съ виду не заслуживающими висѣлицы, то изъ-за одного, беспорно достойнаго такого повышенія, слѣдуетъ повѣсить и 999 остальныхъ; таково требованіе разума, справедливости и реально-научной логики!

VI. Теорія произвольности и машинообразности человѣческихъ дѣйствій.

Es spricht ein grosser Physicus
Mit seinen Schulerwandten:

„*Nihil lucis obscurius:*“

Ja wohl—für Obscuranten.

Goethe.

Быть-можетъ читатель, одушевленный духомъ примиренія, скажетъ: кому какое дѣло до того что авторъ *Психологическихъ этюдовъ* называетъ „рефлексами“ то въ чемъ мы съ вами не видимъ рефлексовъ? Ученіе о машинообразности

ходъ всей органической и духовной дѣятельности человѣка не принадлежитъ же собственно ему, а было высказано еще сенсуалистами и матеріалистами XVIII вѣка: Гельвеціемъ, Ла-Меттри, Гольбахомъ и другими. Собственность же профессора Сѣченова есть слово „рефлексъ“, и то лишь отчасти, въ примѣненіи къ психологіи; такъ зачѣмъ же портить ему невинное удовольствіе расширять понятіе соединенное съ этимъ словомъ до вѣроятныхъ и невѣроятныхъ, возможныхъ и невозможныхъ размѣровъ? Когда воздушный шаръ аналогіи раздуется до послѣднихъ предѣловъ его упругости, такъ долняетъ самъ собою! О чемъ же вы изволите безпокоиться? Все это отчасти вѣрно; отъ слова „рефлексъ“ никому не будетъ ни хуже, ни лучше, пусть дадутъ это названіе всей видимой и невидимой вселенной; вмѣсто: человѣкъ, подай телячью котлетку!—я пожалуй готовъ сказать: рефлекторъ, отражай роковой рефлексъ! Но дѣло въ томъ что профессоръ Сѣченовъ и его послѣдователи не довольствуются такою уступкой; имъ нужно чтобы мы приняли не только слово, а самую суть теоріи, то-есть чтобы мы въ самомъ дѣлѣ смотрѣли на всю человѣческую дѣятельность какъ на рефлексы; а суть рефлекса есть роковая связь между его членами, то-есть безусловное отрицаніе всякой самопроизвольности и, слѣдовательно, всякой нравственной свободы. Разъ вы допустили теорію рефлексовъ въ психологіи, вы признаете машинообразный, вынужденный, роковой характеръ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій и мыслей, являющихся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ внѣшнихъ, матеріальныхъ причинъ, наравнѣ со всякимъ явленіемъ физической природы.

Извѣстно что знаменитый споръ о свободѣ или необходимости ведется испоконъ вѣка какъ въ метафизикѣ, такъ и въ теологіи. Извѣстно и то что вопросъ этотъ теоретически неразрѣшимъ, такъ какъ рѣшеніе лежитъ внѣ сферы возможнаго опыта. Защитники свободы воли въ послѣдней инстанціи ссылаются на свидѣтельство сознанія, противники (нецессаріанцы) на законъ причинной связи. Что сознаніе нравственной свободы есть фактъ несомнѣнный, универсальный, общій всѣмъ людямъ, этого не отрицаютъ и сторонники ученія необходимости, а приверженцы свободы точно также не отрицаютъ закона причинной связи. Но тѣ и другіе находятъ послѣдній аргументъ противниковъ за и противъ свободы не убѣдительнымъ, не доказаннымъ. Нецессаріанцы, допуская очевид-

ный фактъ сознанія свободы, подвергаютъ сомнѣнью достовѣрность свидѣтельства сознанія. Профессоръ Свѣчловъ дѣлаетъ это съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ, съ замѣчательною настойчивостью, забывая что если дѣйствительно „голосъ сознанія и самосознанія обманчивъ“, то вмѣстѣ съ этой достовѣрностью исчезаетъ достовѣрность всякаго знанія, всякой науки и вообще существованія, не исключая собственнаго; ибо знаніе, наука, существованіе суть факты свидѣтельствуемые сознаніемъ и только сознаніемъ, такіе же факты какъ и самопроизвольность, нравственная свобода. Сторонники свободы въ свою очередь допускаютъ законъ причинной связи, но не признаютъ за мотивами человѣческихъ дѣяній принудительной, роковой силы, а напротивъ полагаютъ что человѣкъ можетъ произвольно, по личному своему почуву, поставить себѣ мотивы дѣйствія и выбирать между разными, даже противорѣчащими, побужденіями. Противники же увѣряютъ что даже въ случаѣ выбора между мотивами, дѣйствіе необходимо опредѣляется сильнѣйшимъ мотивомъ, хотя, быть-можетъ, мы этого не сознаемъ. Очевидно что вопросъ, поставленный на эту чисто-философскую почву, неразрѣшимъ, такъ какъ одинаково невозможно доказать роковой силы мотивовъ производящихъ причины, какъ и отсутствіе этой силы и принужденія; равно сильныя въ впаденіи, оба ученія одинаково слабы въ защитѣ и доказательствѣ своихъ основныхъ принциповъ; споръ можетъ продолжаться до окончанія вѣковъ безъ всякаго положительнаго результата. Такимъ образомъ вопросъ о свободѣ или необходимости, въ теоретической сферѣ чистаго разума, представляетъ неразрѣшимую антитезу: догматическое отрицаніе или утвержденіе одинаково несостоятельны. Еслибъ ученіе профессора Свѣчлова представляло просто догматическое отрицаніе самопроизвольности, основанное на общепризнанномъ началѣ причинной связи, то вмѣсто опроверженія можно было бы ограничиться такимъ возраженіемъ: вы утверждаете то чего не знаете и не можете знать, такъ какъ самый предметъ вашъ лежитъ за предѣлами человѣческаго (слѣдовательно и вашего) разума, внѣ сферы возможнаго опыта, стало-быть и науки; когда вашему догматическому отрицанію я противопоставлю догматическое утвержденіе, то въ вашу очередь вы будете имѣть право возразить мнѣ тѣмъ же аргументомъ. Но на той почвѣ на которую профессоръ Свѣчловъ поставилъ свое отрицательное ученіе, опроверженіе не только

возможно, но и легко. По теоріи рефлексовъ, человѣческія дѣйствія, чувства и мысли суть не только необходимыя слѣдствія общихъ неопредѣленныхъ причинъ, но являются результатомъ непременно внѣшняго, матеріальнаго толчка, то-есть каковы бы ни были средніе члены рефлексовъ, первый членъ, начало всякаго психическаго акта, есть матеріальное, чувственное возбужденіе. Что этотъ взглядъ совершенно произволенъ и ошибоченъ, это мы видѣли въ предыдущемъ отдѣлѣ. Теперь же мы обратимъ вниманіе читателя на весьма характеристическую особенность научной аргументаціи автора *Психологическихъ этюдовъ*.

Замѣчательно что, ратуя съ какимъ-то ожесточеніемъ противъ свободной воли, профессоръ Свѣченковъ въ большинствѣ случаевъ направляетъ свои удары совершенно мимо цѣли, доказывая то въ чемъ никто не сомнѣвается и опровергая подъ названіемъ свободы то въ чемъ никто не признаетъ ея. Возможность или невозможность извѣстнаго дѣйствія онъ принимаетъ за признакъ произвольности или непроизвольности, смѣшивая такимъ образомъ радикально различныя понятія.

Я бы спросилъ любого человѣка, не имѣющаго даже понятія о философскихъ спорахъ по поводу занимающаго насъ предмета: Въ томъ ли состоитъ самопроизвольность что ваши тѣлесныя движенія не подчиняются никакимъ законамъ природы? Тѣмъ ли вы свободны что можете, на примѣръ, играть на скрилкѣ не выучиваясь этому искусству; говорить по-татарски не зная этого языка; декламировать неизвѣстные вамъ стихи: видѣть ушами, слышать глазами, зацѣпить луну шляпою? Если собесѣдникъ скажетъ что въ этихъ и подобныхъ дѣйствіяхъ заключается свобода воли, то я признаю что онъ вѣрится въ призраки и что профессоръ Свѣченковъ окончательнo опровергнулъ его мнѣніе. Если же, напротивъ, мнѣ отвѣтятъ что всѣ названныя дѣйствія невозможны, но что самопроизвольность вовсе не заключается въ способности произвести невозможное, то я вполне раздѣлая такой взглядъ, прихожу къ заключенію что авторъ *Психологическихъ этюдовъ* сражается противъ призраковъ и тѣней, не имѣющихъ ничего общаго съ понятіемъ о свободѣ воли. Но, спрошу я далѣе, если вы отвергаете возможность вышесказанныхъ экспериментовъ, не отрицая однако произвольности вашихъ дѣйствій, то въ чемъ, по вашему мнѣнію, состоитъ эта произвольность?

Слушая „обманчивый голосъ сознанія“, каждый отвѣтитъ возможность и свобода двѣ вещи разные; первая зависитъ отъ вѣшнихъ условій, вторая—нѣтъ. Всякое физическое движеніе, сознательное и безсознательное, невольное и произвольное, подчиняется физическимъ и механическимъ законамъ. Въ умѣ я могу перепрыгнуть черезъ Альпы, а какъ приступлю къ реализаціи этой мысли, то окажется что ноги мои не способны на такой скачокъ, а должны ступать шагъ за шагомъ, согласно ихъ механизму и условіямъ почвы. Воля моя способна осуществить лишь такія движенія которыя возможны; вопервыхъ, для человѣческаго организма вообще; во вторыхъ, лично для меня, оттого ли что они мною выучены, оттого ли что по своей простотѣ не требуютъ выучиванья. Словомъ, всякое движеніе есть актъ матеріальный, вплоть подчиненный законамъ матеріальной природы, возможность котораго обуславливается устройствомъ двигательныхъ аппаратовъ нашего тѣла съ одной стороны и обстоятельствами окружающей среды съ другой. Воля же есть фактъ внутренній, психическій и состоитъ въ томъ что въ предѣлахъ возможнаго я дѣйствую по внутреннему усмотрѣнію, когда и какъ хочу: теперь я пишу, черезъ часъ (не раньше не позже) я зайду въ бібліотеку, прочту главы три изъ такой-то книги, затѣмъ отправлюсь въ садъ, пройдя по такимъ-то улочкамъ; все это я дѣлаю безо всякаго посторонняго принужденія, безъ вѣшнихъ толчковъ, а потому что мнѣ такъ угодно.

Вотъ какъ обыкновеннымъ здравымъ смысломъ понимается произвольность дѣйствій. Намъ не зачѣмъ разсматривать, вытекаютъ ли предполагаемая мною выше дѣйствія изъ опредѣленныхъ мотивовъ или нѣтъ—не такъ поставленъ вопросъ профессоромъ Сѣченовымъ. Для насъ достаточно то что всѣ эти дѣйствія не суть рефлексы, такъ какъ въ нихъ вѣшняго побужденія никакого нѣтъ. Но теперь подлежитъ доказать что авторъ *Психологическихъ этюдовъ* дѣйствительно сѣчиваетъ разнородныя понятія и, разбирая движенія со стороны ихъ возможности или невозможности, думаетъ отвергнуть ихъ произвольность.

Разсматривая всѣ движенія съ физиологической стороны, профессоръ Сѣченовъ доказываетъ что при рожденіи у чловѣка кромѣ безусловно произвольныхъ движеній (сосаніе, глотаніе, дыханіе, кашель, чиханіе и пр.) нѣтъ никакихъ правильно комбинируемыхъ движеній, что всѣ они заучиваются

мало-по-малу (смотрѣніе, ходьба, рѣчь, схватываніе рукой и пр.). Это было крайне нужно доказать, ибо, какъ известно, люди обыкновенно думаютъ что новорожденные способны тавцовать на канатѣ, говорить на семи языкахъ и пр. и пр.! Но такъ какъ ходьба, рѣчь и вообще всѣ правильно комбинируемыя движенія безъ заучиванія невозможны, то профессоръ Сѣменовъ заключаетъ что они *ipso facto*—непроизвольны! Даже: ручная техника, игра на разныхъ инструментахъ заучиваются, иначе они невозможны; ergo и эти движенія — непроизвольны. Конечно, всякій согласится съ тѣмъ что пока я не выучился играть на виолончель, игра будешь невозможна; но какъ я выучился, неужели игра не зависитъ отъ моей воли, а есть произвольное движеніе, чистый рефлексъ? Непремѣнно, всеконечно и безусловно—да! отвѣчаетъ профессоръ Сѣменовъ, всякое заученное движеніе есть произвольное, рефлексивное.

Источникъ недоразумѣнія легко найти. Разсматривая любое движеніе исключительно съ физиологической точки зрѣнія рѣшительно невозможно открыть въ немъ произвольности; движеніе есть процессъ совершающійся по известнымъ механическимъ законамъ; загибаю ли я палецъ на яву или во снѣ, сознательно или въ полномъ забытіи, самое движеніе одно и то же. Но что же изъ этого слѣдуетъ? что произвольность не существуетъ, такъ какъ она не обнаруживается при физиологическомъ изслѣдованіи. Въ такомъ случаѣ все то что не доступно какой-либо спеціальной наукѣ, есть призракъ. Наглядный примѣръ лучше всего докажетъ несостоятельность такого вывода. Умеръ человекъ, причина смерти неизвѣстна, трупъ вскрываютъ, въ организмѣ оказывается присутствіе яда, химическій анализъ обнаруживаетъ количество, родъ и дѣйствіе яда; и только. Конечно, результатъ не измѣнится смотря по тому, самъ ли умершій привалъ ядъ или его отравили. И вотъ химикъ изслѣдовавшій трупъ рассуждаетъ такъ: что смерть послѣдовала отъ дѣйствія яда—это фактъ; но такъ какъ химическій анализъ не обнаруживаетъ ни случайнаго отравленія, ни самоубійства, ни преступленія, то ни того, ни другаго, ни третьяго не было! Средствами химіи нельзя открыть преступленія, слѣдовательно—преступленіе не существуетъ. Другой примѣръ: математикъ никакъ не можетъ опредѣлить, на основаніи своей науки, закона кровообращенія; ergo—кровообращенія нѣтъ! Третій примѣръ: путемъ физио-

логическаго изслѣдованія, въ движеніяхъ нельзя открыть произвольности, стало-быть произвольность не существуетъ. Такъ разсуждаетъ профессоръ Свѣченъ въ силу поможительно-научно-реальной логики!

Послѣ долгой и тщательной перетасовки словъ и понатіи („возможное и произвольное“, „механическое и невозможное“, „заученное и рефлексивное“), послѣ блистательной нобили надъ призраками и основательной демонстраціи того въ чемъ никто не сомнѣвается, профессоръ Свѣченъ наконецъ переходитъ къ тому что дѣйствительно считается волею, самопроизвольностью, и съ этого момента доводы его, сообразуясь съ разбираемымъ предметомъ, становятся въ высшей степени.... произвольны и свободны. Для примѣра приведемъ слѣдующее, наиболѣе выдающееся положеніе:

„Власть воли во всѣхъ случаяхъ касается только начала или импульса къ акту и конца его, равно какъ усменія или ослабленія движенія; самое же движеніе происходитъ безъ всякаго дальнѣйшаго внимательства воли.“

Это положеніе которому авторъ придаетъ всеобщее значеніе (власть воли во всѣхъ случаяхъ и пр.) довольно правдоподобно относительно нѣкоторыхъ простѣйшихъ движеній, но становится очевидно ложнымъ въ примѣненіи ко всей массѣ дѣйствій, въ каждомъ моментѣ которыхъ необходимо участвуетъ разумно-сознательный элементъ. Я хочу пройти черезъ залу отъ двери къ окну; тутъ ясно что воли нѣтъ необходимости вмешиваться въ механическія детали передвиженія ногъ и каждаго шага въ отдѣльности; она вызываетъ актъ, ускоряетъ или замедляетъ и наконецъ останавливаетъ его. Но даже въ такомъ элементарномъ актѣ, по признанію самого проф. Свѣчева, власть воли касается начала и конца акта, другими словами она рѣшаетъ для самаго акта вопросъ—быть или не быть. Не достаточно ли этого, чтобы мы признали актъ самопроизвольнымъ? Такъ нѣтъ: ходьба все-таки есть рефлексъ, такъ какъ она движеніе заученное, и впрямую еще потому что шагаютъ собственно ноги, а не воля. Какъ бы то ни было, а къ данному примѣру положеніе проф. Свѣчева примѣнимо: разъ начатое, „самое движеніе происходитъ безъ всякаго дальнѣйшаго внимательства воли“. Но приложимъ теперь это общее правило къ другому случаю. Вздумалъ я писать статью о красотахъ теоріи рефлексовъ; взялъ перо, намочилъ въ чернила и—по теоріи проф. Свѣчева что же

требуется? Я начинаю первую букву предполагаемой статьи, и дѣло съ концомъ—все остальное напишется само собою, ибо „движеніе происходитъ безъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства воли“.—Ну вѣтъ, скажутъ сторонники новаго ученія, писаніе статьи, даже главы, даже отдѣльнаго предложенія, не есть единичный актъ, а цѣлый рядъ движеній! Хорошо, возьмемъ за единицу каждую отдѣльную букву. Разъ я поставилъ точку, совершится ли движеніе, т.-е. допишется ли буква сама собою? А если вѣтъ, то знаменитое *всеобщее* положеніе оказывается чистою фантазіей, пожалуй ярко-реальною, но все же фантазіей! И вотъ до какихъ неумовѣрныхъ абсурдовъ можетъ дойти ученый специалистъ, уважающійся односторонними, предвзятыми воззрѣніями.

Изъ всего предшествующаго можно было бы вывести заключеніе что авторъ *Психологическія этюды* не имѣетъ яснаго понятія о томъ что собственно называется произвольностью, свободною волей; но это было бы несправедливо. Дѣйствительно во многихъ мѣстахъ онъ тщательно искажаетъ смыслъ этого понятія, печально или умышленно смѣшивая произвольность съ возможностью; но въ другомъ мѣстѣ онъ совершенно ясно и отчетливо излагаетъ настоящее значеніе свободы, признанное сознаниемъ, здравымъ смысломъ и разумомъ; съ тѣмъ, конечно, чтобы тутъ же заявить свое полюбѣвшее несогласіе съ такимъ „обыденнымъ ученіемъ“. Приведу это мѣсто цѣликомъ:

„Воля властна пускать въ ходъ въ каждомъ данномъ случаѣ не только ту форму движенія которая ему наиболѣе соответствуетъ, но любую изъ всѣхъ которыя вообще извѣстны человѣку. Мнѣ хочется плакать, а я могу лѣтъ веселыя лѣтви и танцовать; меня таетъ въправо, а я иду влево; чувство самоокрашенія говоритъ мнѣ: „стой тамъ, тебя ожидаетъ смерть“, а я иду дальше. Воля не есть какой-то безличныи агентъ, распоряжающій только движеніемъ—это дѣятельная сторона разума и моральнаго чувства, управляющая движеніемъ во имя того или другаго, часто наперекоръ даже чувству самоокрашенія. Притомъ въ дѣлѣ установленія понятія о волѣ вовсе не важно то, вмѣшательства ли она въ механическія детали заученаго сложнаго движенія, а важна глубоко-сознаваемая человѣкомъ возможность вышпаться въ любой моментъ въ текущее движеніе и видоизмѣнить его или по силѣ, или по направленію. Эта та ярко-сознаваемая возмож-

ность, выражающаяся въ словахъ „я хочу и сдѣлаю“, и есть та неприступная съ виду цитадель въ которой сидитъ *обмыденное* ученіе о произвольности.“

Такое объясненіе настоящей роли и природы самопроизвольности каждый сторонникъ *обмыденнаго* (авторъ рѣшительно хочетъ употреблять это слово въ смыслѣ общепринятаго, всѣдневнаго, не подозрѣвая его точнаго значенія) ученія подлишетъ обѣими руками. Да, нравственная свобода есть именно „дѣятельная сторона разума и моральнаго чувства“, дѣйствительно, глубоко сознаваемая возможность дѣйствовать такъ или иначе, согласно внутреннимъ мотивамъ, даже наперекоръ чувству самосохраненія — есть та истинно (а не съ виду только) неприступная цитадель изъ которой никакая теорія рефлексовъ не вытѣснитъ убѣжденія въ самопроизвольности. Сознаніе нашей свободной воли есть вѣчный, непреложный, всеобщій законъ человѣческой природы, та несокрушимая скала о которую разбивались и всегда будутъ разбиваться всѣ философскія, догматическія и якобы научныя отрицанія. Вы можете теоретически утверждать роковой, машинообразный характеръ всѣхъ человѣческихъ дѣяній, вы можете придать вашей доктринѣ значеніе научной истины, а тѣмъ не менѣе свобода останется, *роковымъ образомъ* останется какъ фактъ всеобщаго, даже *вашею* сознанія!

Изъ вышеслѣдованной цитаты видно что профессору Очелову извѣстна существенная сторона общепринятаго ученія о произвольности. Тѣмъ болѣе для насъ непостижимо какимъ образомъ онъ не понялъ что именно противъ этой-то существенной стороны ученія всѣ его чисто физиологическіе доводы о механизмѣ различныхъ мускульныхъ движеній совершенно недоказательны. Указавъ весьма рельефно настоящій смыслъ произвольности, авторъ, въ опроверженіе вѣрно изложеннаго имъ общепринятаго ученія, возвращается опять-таки, и будто ни въ чемъ не бывало, къ прежней аргументаціи, разбирая движенія ремесленнаго и художественнаго производствъ съ механической стороны, доказывая при какихъ условіяхъ они заучиваются и становятся физически-возможными; а въ заключеніе повторяется прежній выводъ, именно тотъ что заучиваемыя движенія *ipso facto*—непроизвольны. Тутъ уже недоумѣваешь, насмѣхается ли ученый авторъ надъ читателями или впрямь воображаетъ что опровергаетъ „обмыденное“ ученіе? Весь этотъ *qui pro quo* можно

охарактеризировать такимъ примѣромъ. Арифметика говоритъ что дважды два — четыре. Въ опроверженіе такого ложнаго взгляда я доказываю что два яблока и двѣ груши не составляютъ четыре яблока, и побѣдоносно заключаю: изъ моей демонстраціи слѣдуетъ ясно и наглядно что.... дважды два не есть четыре, quod erat demonstrandum! Такова аргументація профессора Свченова противъ ученія самопроизвольности.

Въ заключеніе укажемъ на одно и притомъ весьма страшное противорѣчіе. Если мы допускаемъ теорію рефлексовъ, то этимъ самымъ мы признаемъ что чувства, мысли и поступки людей определяются роковымъ образомъ внѣшними побужденіями и являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чувственныхъ толчковъ. Прямымъ слѣдствіемъ этого ученія есть отрицаніе всякой личной отвѣтственности и нравственной вѣнчанаемости. Но профессоръ Свченовъ, догматически утверждая послышки, не согласенъ съ ихъ естественнымъ, неизбѣжнымъ выводомъ. Поставивъ формулу 3×3 , онъ рѣшительно отвергаетъ выводъ 9. Какъ будто рефлексовъ нѣтъ и въ поминѣ, онъ называетъ человѣческія дѣйствія и поступки то добродѣтельными и благородными, то порочными и пр., словомъ, его нравственная оцѣнка дѣйствій совпадаетъ со взглядомъ сторонниковъ „обыденнаго“ ученія. Но это въ высшей степени непоследовательно и не научно. Ясно какъ день что дѣйствіе которымъ воля не управляетъ, поступокъ надъ которымъ человекъ не властенъ и который является роковымъ слѣдствіемъ внѣшней причины, не подлежатъ никакой нравственной оцѣнкѣ, совершенно также какъ паденіе камня, горѣніе свѣчи, и всякое вообще физическое явленіе. Никто же не станетъ называть эти факты благородными или гнусными, великодушными или порочными. Ужъ если вѣрна теорія, то роковымъ образомъ вѣренъ и выводъ нашъ о невѣнчанаемости. Зачѣмъ же яроповѣдывать одно, не признавая другого? Объясненіе такой непоследовательности мы находимъ въ странномъ отношеніи въ которое профессоръ Свченовъ поставилъ себя къ логикѣ; впрочемъ объ этомъ рѣчь еще впереди.

VII. Недоразумѣнія и разные *qui pro quo*.

Du willst Wahres mich lehren? Bemühe dich nicht. Nicht die Sache
Will ich durch dich, ich will *dich* durch die Sache nur sehn.

Schiller.

Весьма любопытно было бы видѣть какое впечатлѣніе произведетъ на читателей вообще и на реалистовъ въ особенности заявленіе сѣдующаго рода: Математика составляетъ, какъ извѣстно, немаловажный отдѣлъ человѣческаго знанія; ее разрабатывали еще съ древнихъ временъ величайшіе умы; но тѣмъ не менѣе я считаю математику неустановившеюся наукой. совокупность нашихъ математическихъ свѣдѣній представляется какимъ-то практическимъ знаніемъ безъ научной основы. Но признавая несостоятельность математики въ ея прежнемъ и настоящемъ видѣ, я вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденъ что время для ея *научной* разработки наступило; поэтому позволю себѣ предложить вамъ новые способы изслѣдованія, указать на такой методъ благодаря которому изъ „обыкновенной“ (въ смыслѣ г. Сѣченова) математика превратится въ „положительную“ науку. При этомъ считаю долгомъ предупредить васъ что я почти вовсе незнакомъ съ трудами прежнихъ и современныхъ математиковъ, благодаря каковому обстоятельству мои изслѣдованія и нововведенія въ области этой науки будутъ, конечно, отличаться особенною оригинальностью!

Вѣроятно читатели-реалисты приняли бы подобное заявленіе съ явно-проницательною улыбкой; но такъ какъ доказано что нетерпимость къ чужимъ взглядамъ и предубѣжденіе суть исключительное достояніе метафизиковъ и что реалисты, напротивъ, судятъ всегда безпристрастно, чисто-объективно, то они, безъ сомнѣнія, ограничились бы лаконическимъ „увидитъ!“ и всѣ превратившись въ слухъ, заняли бы скептически выжидательную позицію.

Но вотъ я приступилъ къ изложенію моей программы; съ первыхъ словъ моихъ для слушателей становится очевиднымъ что я не имѣю яснаго понятія о самомъ предметѣ математики и смѣшиваю геометрію съ бухгалтеріей; далѣе обнаруживается что я принимаю прямую линію за кривую, треугольникъ за эллипсъ и такъ далѣе.... Мнѣ сдается что даже „метафизики“,

увлекающіеся (какъ общепризнано), всякой звонкой фразою, не воздержались бы отъ дружескаго намека такого рода: „Прежде чѣмъ пересоздавать науку и начертать математику новыми путями, не находите ли вы возможнымъ хоть сколько-нибудь изучить то что вы изволите называть „обыденною, практическою“ математикой? будьте увѣрены что отъ пріобрѣтенія нѣкоторыхъ элементарныхъ свѣдѣній геніальность вашихъ будущихъ открытій нисколько не пострадаетъ“.

Такимъ оппонентамъ я преспокойно отвѣтилъ бы побѣдоноснымъ аргументомъ профессора Свѣнова: „Такъ какъ соглашеніе между нами невозможно, то я считаю всякій споръ съ вами бесполезнымъ“!

Реалистамъ же, называющимъ мои научныя попопозовенія великими, мои притязанія смѣшными, я возражу такъ: аналогія есть великое орудіе науки; изъ науки я перенесъ ее въ область критики, ибо, усложните ваше негодование, — мнѣ въ голову приходила мысль быть дѣйствительно реформаторомъ математики; выше изображенное заявленіе мое, вызвавшее ваши справедливыя насмѣшки, есть не иное что какъ аналогическій примѣръ, точное подражаніе... психологическимъ притязаніямъ профессора Свѣнова. Его притязанія вы одобряете, отчего же вы находите недѣлю, безтолковой мою попытку преобразовать математику?

Конечно вы вправѣ требовать доказательства что въ самомъ дѣлѣ мой примѣръ представляетъ точную аналогію, а не пародію, карикатуру: извольте, за этимъ дѣломъ не останется:

Что авторъ *Психологическія этюды* свѣтуетъ на „ужасную отсталость“ психологіи и увѣряетъ что она „какъ наука еще не существуетъ“, что онъ называетъ ее то „практической“, то „житейскою“—въ этомъ можно удостовѣриться чуть ли не на каждой страницѣ его книги, представляющей именно попытку создать *научную* психологію на новыхъ, положительныхъ началахъ. Особенно въ третьемъ этюдѣ профессоръ Свѣновъ проводитъ мысль о необходимости и возможности радикальной реформы психологической науки. Это произведеніе есть настоящая программа, указывающая: во-первыхъ, на предметъ психологіи, во-вторыхъ, на матеріалъ которымъ она можетъ и должна пользоваться, в-третьихъ, на способъ и методъ изслѣдованія. Но, притывая на себя роль реформатора, профессоръ Свѣновъ не оцѣлъ нужнымъ ознакомиться предварительно съ существующими ученіями психологіи. На стр. 101 мы чита-

емъ: „Я долженъ сознаться что строилъ всѣ эти гипотезы, не будучи почти вовсе знакомъ съ психологическою литературою; изучалъ только систему Бемеке, да и то во время студенчества“. Не безынтересно будетъ съ этимъ признаемъ сопоставить другое, гдѣ нашъ авторъ говоритъ: „Надъ психологіею, какъ наукою, работали умы изъ самыхъ крупныхъ отъ Аристотеля до Канта, и между тѣмъ психологія до сихъ поръ не установившаяся наука“... (стр. 106). Не странно ли что профессоръ Съченовъ, не изучавшій произведеній „самыхъ крупныхъ умовъ“, рѣшается аргюи утверждать что психологія не есть наука и жаловаться на ея „ужасающую отсталость“ сравнительно съ физиологіею, признанной имъ вполнѣ установившеюся, *положительною* наукою! Если его убѣжденіе основательно, то выходитъ—что „самые крупные умы“ въ сущности были вовсе не крупны, а скорѣе должными, „обыденные“. Но въ этомъ пунктѣ профессоръ Съченовъ находитъ въ волюющемъ противорѣчій съ однимъ ученымъ, авторитетъ котораго онъ ставитъ весьма высоко и на котораго дѣлаетъ частыя ссылки, а именно съ Вундтомъ. Этотъ ученый, основательно изучившій—въ противоположность профессору Съченову—психологическую литературу, приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Можно смѣло сказать что относительно зрѣлости физиологія и теперь не выдерживаетъ сравненія съ психологіею“. (Т. I, прибав. стр. 6.) Кто правъ, знаменитый ли гейдельбергскій ученый или профессоръ Съченовъ, признающій, съ одной стороны, свое полное незнакомство съ произведеніями великихъ психологовъ, а съ другой, утверждающій съ рѣшительностью, ни на чемъ не основанной, что психологія не есть наука, а лишь какое-то „практическое“ знаніе, выработанное однако „самыми крупными умами“? А вѣдь въ настоящемъ случаѣ нашъ авторъ находится въ радикальномъ противорѣчій не съ какимъ-нибудь „метафизикомъ“, а съ извѣстнымъ представителемъ положительной науки! Если же правъ профессоръ Вундтъ, а психологія все-таки, по презрительному отзыву г. Съченова, находится въ состояніи ужасающей отсталости, то какова должна быть физиологія, „не выдерживающая, относительно зрѣлости, сравненія съ психологіею“!

Все это хорошо, скажетъ читатель,—но гдѣ тутъ смѣшеніе геометріи съ бухгалтеріею, прямой линіи съ кривою и пр.? А вотъ мы дошли до этого пункта нашего параллельнаго пра-

нѣра. Въ *Психологическихъ этюдахъ*, вслѣдъ за вышеприведенною фразой мы читаемъ: „... и между тѣмъ психологія до сихъ поръ неустановившаяся наука, и доказать это можно очень наглядно въ нѣсколькихъ словахъ“. Докажите, докажете—безъ этого нельзя; наглядность же прекрасная вещь! а мы послушаемъ „наглядное“ доказательство профессора Свѣчкова.

„Если взять (подъ огражу?) любого изъ патентованныхъ психологовъ,—например какого-нибудь профессора психологіи, и спросить его по-совѣсти устраиваетъ ли онъ свою внутреннюю жизнь на основаніи данныхъ выработанныхъ его наукою, или же руководствуется *психологическими правилами* (!!) выработанными обыденною жизнью, безъ проверки ихъ наукою,—всякій долженъ будетъ (таковъ приказъ профессора Свѣчкова!) отвѣчать что онъ живетъ на послѣдній ладъ. Еслибы психологи жили по-научному (!!), то результаты ихъ образа жизни давно бы проникли въ публику (что такое результатъ провикующій куда-нибудь?), подобно тому какъ въ нее провикаютъ свѣдѣнія выработанныя гигиеной и дѣтетикой...!“ Хорошо что профессоръ Свѣчковъ догадался подсказать „патентованнымъ психологамъ“ отвѣтъ на предлагаемый имъ *по совѣсти* вопросъ; безъ этой предосторожности ни одинъ изъ нихъ не нашелся бы что отвѣчать, потому что... не понявъ бы даже смысла такого вопроса! Въ своемъ *наглядномъ* доказательствѣ нашъ реформаторъ очевидно смѣшиваетъ геометрію съ бухгалтеріей, т.-е. психологію съ нравоученіемъ, съ моралью. Вѣдь психологія не вырабатываетъ и не можетъ выработать никакихъ правилъ, наставленій или предписаній, на основаніи которыхъ можно бы „устроить свою внутреннюю жизнь“. Она изслѣдуетъ исключительно способъ происхожденія духовныхъ явленій и ихъ связь, имѣеть своимъ предметомъ ощущенія, представленія, понятія, умозаключенія, аффекты и пр. Психологическая теорія тогда будетъ вѣрна, научна, когда она будетъ полнымъ толкованіемъ нашей внутренней жизни, а никакъ не наоборотъ. Такимъ образомъ *наглядное доказательство* вовсе не доказываетъ того что профессоръ Свѣчковъ хотѣлъ доказать, именно ужасающую отсталость психологіи, но за то доказываетъ весьма рельефно, осязательно и наглядно,—что авторъ смѣшиваетъ психологію съ этикою, съ моралью; впрочемъ, можетъ-быть и то что оно просто лишено всякаго вообще

смысла. Выборъ между той или другой стороной альтернативы предоставляю рефлексивному усмотрѣнію профессора Сѣченова: *qui-pro-quo* или бессмыслица? третьяго никогда нѣтъ—это роковой фактъ. Ни метафизическая психологія, ни эмпирическая, ни рациональная, словомъ, ни одна мыслимая психологическая система никогда не выработала какихъ-либо *правилъ* или наставленій сообразно которымъ можно было бы устроить свою жизнь. Гигіена, дѣстетика, правоученіе, этика—дѣла другое: въ этихъ наукахъ заключаются правила, предписанія, могущія служить руководствомъ для правильной жизни въ физическомъ и нравственномъ отношеніи.

Положимъ, скажутъ сторонники профессора Сѣченова,—положимъ что въ данномъ случаѣ доказательство было выбрано авторомъ не совсѣмъ удачное, что въ немъ даже заключается некоторое смѣшеніе понятій. Но гдѣ же профессоръ Сѣченовъ дѣлаетъ промахи которые дали бы право утверждать по аналогіи что онъ принимаетъ прямую линію за кривую, треугольникъ за эллипсъ? Гдѣ? да просто на каждомъ шагу! Читателя хоть сколько-нибудь знакомаго съ психологіею я спрашиваю: не представляютъ ли *сознаніе* и *самосознаніе* столь же элементарныя понятія въ психологіи, какъ прямая и кривая линія въ математикѣ? и не заключается ли въ смѣшеніи этихъ понятій такой же промахъ, какъ въ смѣшеніи упомянутыхъ геометрическихъ опредѣленій? Надѣюсь что съ этимъ всякій согласится. Въ *Психологическомъ этюдѣ* же чуть не на каждой страницѣ смѣшиваются „самосознаніе“ и „сознаніе“.

Изъ многихъ примѣровъ укажу лишь на одинъ. На 167 стр. профессоръ Сѣченовъ говоритъ слѣдующее: „До сихъ поръ практической психологъ остается на почвѣ наблюденій, и если по временамъ съ нимъ и случаются грѣхи (чего съ авторомъ никогда не бываетъ!), то винить его можно развѣ лишь въ томъ что онъ иногда слишкомъ доверчиво относится къ *голосу самосознанія*, забывая вѣчно поучительный примѣръ вращенія вокругъ земли солаца.“

Теперь спрашивается: какое мыслимое отношеніе существуетъ между кажущимся вращеніемъ солаца и *самосознаніемъ*? По научному „обидемому“ и общепринятому значенію, согласному съ этимологіею слова, *самосознаніе* не что иное какъ различеніе нашего я отъ вѣшняго міра. Я сознаю са-

ого себя въ отлучіи отъ окружающихъ предметовъ; впечатлѣнія производимыя послѣдними—я отношу къ моему чувствующему и мыслящему я. Вотъ и все. Ни солнце, ни земля, и ужъ дѣйствительныя или кажущіяся движенія не находятъ я въ самосознаніи; въ немъ нѣтъ никакихъ внѣшнихъ объектовъ, а исключительно субъектъ, личность, особь, словомъ—мое собственное я. Къ самосознанію обращеніе солнца не имѣетъ, такимъ образомъ, никакого отношенія; стало-быть сии примѣры этотъ и *стѣсно поучителенъ*, то во всякомъ случаѣ не какъ обманъ самосознанія. Но даже какъ обманъ удто бы простаго сознанія, онъ вѣчно поучителенъ развѣ для одного только профессора Стеченова, и то потому что этотъ черныи толкуетъ превратно даже понятіе „сознаніе“. Сознаніе въ своей сферѣ совершенно и безусловно непогрѣшимо, никакого обмана въ немъ быть не можетъ. Сознаніе не свѣдѣтельствуетъ о внѣшней реальности, а исключительно о состояніяхъ внутреннихъ, о явленіяхъ души. Когда я имѣю ощущеніе цвѣта, звука, боли и т. д., то о чемъ собственно явдѣтельствуетъ мое сознаніе? О томъ что я дѣйствительно *чуваю* цвѣтъ, звукъ, боль, т.-е. объ опредѣленномъ внутреннемъ состояніи. Можетъ ли въ этомъ быть обманъ? т.-е. можетъ ли сознаваемое мною ощущеніе не быть дѣйствительнымъ, истиннымъ? Никогда. Сознаваемыя ощущенія, мысль, чувство всегда дѣйствительны, даже и въ томъ случаѣ если они не вызваны ничѣмъ внѣшнимъ, если имъ не соответствуетъ никакой объектъ. Обманъ и заблужденіе возможны и часто заключаются въ умозаключеніяхъ, а никакъ не въ сознаніи. Возьмемъ хоть примѣръ о обращеніи солнца. Въ 7 часовъ утра я смотрю на солнце: сознаю сильное свѣтовое ощущеніе; черезъ часъ смотрю опять: то же ощущеніе, и такъ далѣе. Какой тутъ обманъ? имѣю ли я сознаваемое ощущеніе, да или нѣтъ? Очевидно имѣю; стало-быть голосъ сознанія не обманчивъ. Но вотъ я дѣлаю выводы, умозаключенія такого рода: свѣтовое ощущеніе производится не мною, а чѣмъ-то внѣшнимъ, солнцемъ; судя по впечатлѣнію, солнце есть плоскій, лучезарный кругъ, величиною въ тарелку. Тутъ уже можетъ быть ошибка, ибо разсужденіемъ я переношу внутреннее, личное впечатлѣніе на внѣшній предметъ, соответствующій, по моему мнѣнію, производимому имъ ощущенію. А чтó мнѣ ручается за такое соответствіе, свидѣательно за вѣрность моего заключенія? Далѣе я разсуждаю такъ:

Въ 7 часовъ я видѣлъ солнце въ одномъ мѣстѣ, въ 8 часовъ въ другомъ, въ 10 часовъ опять въ другомъ и т. д.; следовательно—солнце *движется*; вотъ и новая ошибка. Но эти и всѣ подобныя ошибки суть результатъ мыслительныхъ процессовъ, опрощенныхъ умозаключеній, основанныхъ на предполагаемомъ тождествѣ дѣйствія и причинъ, психическаго впечатлѣнія и производящаго его внѣшняго предмета, приписывать такіа ошибки „обманчивому голосу сознанія“ (противъ котораго безпрестанно и съ ожесточеніемъ предостерегаетъ насъ проф. Свѣеновъ)—нѣтъ ни малѣйшаго основанія, ибо сознаніе свидѣтельствуетъ, и притомъ совершенно безошибочно, о внутреннихъ состояніяхъ, а вовсе не о внѣшнихъ реальностяхъ; ложный выводъ, неправильное сужденіе есть обманъ ума, мысли, а не сознанія.

Все сказанное приводитъ насъ къ слѣдующему заключенію: кто чувствуетъ въ себѣ призваніе стать реформаторомъ, возвести „быденное“ званіе на степень „науки“, тотъ долженъ предварительно ознакомиться съ трудами своихъ предшественниковъ, особенно если въ числѣ ихъ были „умы изъ самыхъ крутыхъ“; изученіе существующихъ доктринъ предохранитъ его по крайней мѣрѣ отъ смѣшиванія наизаментарнѣйшихъ понятій и терминовъ. Если же извѣстный, общепринятый смыслъ словъ, обозначающихъ основныя понятія науки (хоть бы напр. *сознаніе* и *самосознаніе*), на взглядъ смѣлаго реформатора окажется ошибочнымъ, то ученый новаторъ долженъ бы установить, путемъ толковыхъ опредѣленій, свою собственную терминологию, хоть бы во избѣжаніе постоянныхъ недоразумѣній, весьма для него не лестныхъ.. обидныхъ!

VIII. Борьба съ логикою.

Nicht unbedachtsam zog er hin,
Das Ungeheuer zu bekriegen;
Durch List und kluggewandten Sinn
Versucht er's in dem Kampf zu siegen.

Schiller.

Авторъ *Психологическихъ этюдовъ* очевидно предчувствовалъ что теорія рефлексовъ, настойчиво проведенная имъ черезъ всю громадную область психической жизни и дѣятельности человѣка, встрѣтитъ двухъ непримиримыхъ противниковъ

въ *сознаніи* и *логикѣ*. Этихъ-то враговъ проф. Съченовъ старался заранѣе обезоружить; тактика его для достиженія этой цѣли весьма любопытна. Просто отрицать сознаніе, подобно самопроизвольности, не было никакой возможности, поэтому проф. Съченовъ допускаетъ его существованіе, но съ оставленіемъ въ сильнѣйшемъ подозрѣніи за джесвидѣтельство, т.-е. всячески стараясь поколебать довѣріе въ правдивость голоса сознанія. Съ какимъ успѣхомъ и съ помощью какихъ смѣшанныхъ помятій авторъ ратуетъ противъ сознанія, мы видѣли въ предыдущемъ отдѣлѣ. Что же касается логики, то она осуждается безусловно и безапелляционно, по мнѣнію автора логика ровно ничего не доказываетъ и не заслуживаетъ никакого довѣрія. Логически-истинное на каждомъ шагу противостоитъ имъ реальному, единственно истинному. Такимъ образомъ проф. Съченовъ обезпечиваетъ свою теорію отъ всякой критики. Вы доказываете ему непоследовательность въ выводахъ? промахи въ способѣ доказательства? невѣрность въ заключеніяхъ, словомъ, логическія ошибки? Вадоръ, господи! Истинны проповѣдуемыя авторомъ, хотя не логическія, но за то *арко-реальныя*, и поэтому онѣ могутъ быть доказаны даже аргументами не имѣющими ничего общаго съ правильнымъ разсужденіемъ, съ законами разума и логики.

Чтобы точнѣе разъяснить оригинальное положеніе въ которое сталъ проф. Съченовъ къ логикѣ я нахожу величайшимъ превести нѣсколько подаваемыхъ примѣровъ.

На стр. 196 мы читаемъ: „Наука представляетъ безчисленные примѣры абсурдовъ, до которыхъ умъ человѣческой доходитъ однако *строго-логически*“.

На 168 стр. проф. Съченовъ говоритъ о „погубной привычкѣ людей забывать фигуральность рѣчи и принимать діалектическіе образы за психическія реальности, т.-е. смѣшивать номинальное съ реальнымъ, *логическое* съ *истиннымъ*“ и далѣе на стр. 171: „отсюда происходитъ частое смѣшиваніе логическаго (на словахъ) съ истиннымъ“. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 160) говорится о какомъ-то „строго логическомъ и *въ то же время вѣрно* заключеніи“. (Подумаешь, какое странное совпаденіе! заключеніи логическое и въ то же время, несмотря на строгую логичность,—*вѣрно*! Просто уму непостижимо!)

Не трудно было бы умножить эти примѣры, но для настоящей цѣли совершенно достаточно приведенныхъ выше. Они-то естественно наводятъ на вопросъ: не смѣшиваетъ ли проф.

Съченовъ логику съ чѣмъ-нибудь другимъ, хоть бы наприказъ съ софизмомъ, съ діалектикою, и есаи такъ, то не представляютъ ли всё его сентенціи, основанныя на такомъ снѣденіи настояще софизмы?

Для рѣшенія такого вопроса, прежде всего необходимо знать что собственно проф. Съченовъ подразумеваетъ подъ словомъ *истинное, реальное, логическое*.

Оказывается слѣдующее: 1) „логическое“ можетъ быть и реальнымъ, не постигаемымъ—таково часто повторяемое имя автора. 2) „Реальное“ въ большинствѣ случаевъ привязывается въ смыслѣ матеріальнаго: реально лишь то что можно видѣть, осязать, словомъ, ощущать. 3) „Истинное“ можетъ казаться не реальнымъ.

По нашему мнѣнію, такое значеніе, придаваемое проф. Съченовымъ терминамъ: логика, истина, реальность представляетъ чистѣйшую фактасмогорию, веркъ произвольнаго и научнаго обращенія съ фактами и помятіями; основывая свои сужденія на такихъ недоразумѣніяхъ, не трудно конечно прийти къ удивительнымъ выводамъ.

Для доказательства рассмотримъ съ своей стороны смыслъ этихъ словъ. Сдѣлать изъ слова „реальность“ синонимъ вещественнаго, матеріальнаго, называть реальнымъ только то что доступно чувствамъ, это—толкованіе произвольное, анти-философское, анти-научное, не согласное даже съ обыкновеннымъ представленіемъ соединеннымъ съ этимъ словомъ. И строите къ какимъ результатамъ приведутъ насъ такіа произвольная дефиниціи. Вѣроятно проф. Съченовъ не отрицаетъ истинности математическихъ аксіомъ; имъ однако не соответствуетъ никакая матеріальная реальность, онѣ чистыя абстракціи. Стало-быть математическія истины не истины? Дале: мы видимъ цвѣтъ красный, синій, зеленый и пр., слышимъ разныхъ высотъ звуки, однако физика доказываетъ что нѣтъ ощущенія, въ дѣйствительности существуютъ не цвѣта, и звуки, а лишь колебанія эира и воздуха, различныя скорости коихъ производятъ различныя цвѣтотвоя и слухотвоя ощущенія. Такъ что же по опредѣленію проф. Съченова должно считать реальнымъ: цвѣтъ, звукъ, т.-е. наше субъективное ощущеніе, или колебанія эира и воздуха? Если реально первое, то оказывается что физика и вообще наука шветъ мѣло не съ реальностями, ибо эиръ и его колебанія, быстрота которыхъ достигаетъ до нѣсколькихъ биліоновъ вибрацій въ секунду.

ду, не доступамъ чувствамъ. Какой же смыслъ имѣть тогда столь популярное и дорогое нашему автору слово *реальная наука*? Если же реально не ощущение, а вибрація воздуха, то выходитъ что реальное и доступное чувствамъ—двѣ вещи различныя и что проф. Стенновъ напрасно ихъ отождествляетъ. Далѣе: что мы будемъ признавать реальнымъ—кажущееся ли вращеніе солнца около земли, ощущаемое нами, или вращеніе земли вокругъ солнца, которое составляетъ наше научное, рациональное убѣжденіе, не будучи однако чувственнымъ фактомъ? Опять таки, если вѣрно опредѣленіе проф. Стеннова, то *реальнымъ* окажется вращеніе солнца, и наука утверждающая противное опять имѣть дѣло съ нереальностью! Наконецъ: мысль, чувство, страсть, вся психическая дѣятельность не поддается никакому чувственному воспріятію, стало-быть все это не реально? Вотъ до какихъ абсурдовъ мы доходимъ путемъ произвольныхъ толкованій; а вѣдь дѣло ясно и просто какъ день. Реальное значитъ *дѣйствительное*, реальное не тождественно съ матеріальнымъ, ибо всѣ психическія явленія дѣйствительны, стало-быть реальны, хотя и не вещественны. Слѣдовательно, аксіома проф. Стеннова что „понятіе *пространственное* всегда включается въ понятіи *реальномъ*, какъ часть въ цѣломъ“ (стр. 195) очевидно ошибочно и вполнѣ произвольно.

Но можетъ ли истинное и реальное быть противоположно логическому? Правда ли что логическое бываетъ, и даже часто бываетъ, не истиннымъ? Такой часто повторяемый тезисъ проф. Стеннова я позволю себѣ отрицать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Если подъ словомъ „логика“ ученый авторъ подразумѣваетъ словесныя пренія, софизмы, діалектическія тонкости, то *такая* логика дѣйствительно можетъ не совпадать съ истиною; но зачѣмъ называть логикою то что вовсе не соответствуетъ понятію о логикѣ? Софистика, казуистика, діалектика имѣютъ же свои собственные названія; зачѣмъ смѣшивать съ ними логику? Чтобы доказать ея бездоказательность? Да вѣдь такими фокусами можно доказать все что угодно. Напримѣръ: Всѣ исчисленія астрономіи ложны,—это неоспоримая истина, коль скоро подъ словомъ астрономія я разумѣю астрологию. Химія не есть наука: такая же истина; ибо химию я называю... алхимію.

Логика приводитъ къ „безчисленнымъ абсурдамъ“, увѣряетъ профессоръ Стенновъ. Да, правда, ибо вы называете логикою

диалектическія увертки не имѣющія съ нею ничего общаго. Если же профессору Свѣчову угодно будетъ отказаться отъ игры словами и отъ размыкъ *qui pro quo* и принять понятіе „логика“ въ его истинномъ смыслѣ, то не трудно будетъ доказать ему что никакихъ контрастовъ между нею и истинною бытіемъ не можетъ.

Правда ли то что всякая наука должна доказать свои положенія? А какъ же она докажетъ ихъ помимо логики? Опытомъ, проверкою, горделиво скажутъ мнѣ реалисты.—На это я возражу: опытъ (т.-е. экспериментъ) самъ по себѣ ничего не доказываетъ. Положимъ, вы производите опытъ надъ обезглавленными лягушками; опытъ даетъ вамъ извѣстныя единичныя факты, но не выводы; факты эти вы сопоставляете, сравниваете между собою и съ другими однородными или разнородными, затѣмъ вы дѣлаете выводъ, заключеніе и говорите: такіе-то факты *a, b, c доказываютъ* такое-то положеніе. Стало-быть опытъ наводитъ васъ на доказательство которое вы *логически* выводите изъ него, но самъ по себѣ не есть доказательство. Во всякомъ случаѣ, вашъ способъ доказательства есть умозаключеніе, логическій процессъ мысли. Это заключеніе можетъ быть истинно или ложно, разсужденія ваши могутъ оказаться правильными или неправильными, но если ваша аргументація вполнѣ и строго логична, то въ результатъ выйдетъ истинное положеніе, а никакъ не заблужденіе или абсурдъ.

Мнѣнію профессора Свѣчова о несостоятельности логики я позволю себѣ противопоставить отзывъ мыслителя пользующагося громадною и вполнѣ заслуженною извѣстностью, и положительное направленіе котораго не подлежитъ сомнѣнію. Стюартъ Милль, прославившійся преимущественно своими трудами по логикѣ, говоритъ слѣдующее: „логика должна стать общимъ судьей надъ *всѣми научными изысканіями*, должна быть признана *наукою всѣхъ наукъ*, такъ какъ всѣ научныя методы, всѣ способы отысканія истины должны подлежать, относительно своей состоятельности, критикѣ логики“. Страшно какъ часто проф. Свѣчовъ, имѣющій сомнительную славу, находится въ коренномъ, волюющемъ противорѣчій съ главнѣйшими представителями того положительнаго реалистическаго направленія знамя котораго онъ считаетъ своимъ собственнымъ. Какимъ же образомъ логика можетъ быть признана „наукою всѣхъ наукъ“, если, какъ утверждаетъ проф.

Свѣченъ, „наука представляетъ *безчисленные* примѣры абсурдовъ до которыхъ умъ человѣческой дошелъ *строго-логически*“. Одно изъ двухъ: или Милль городитъ непроходимую челуху, ли такая сентенція проф. Свѣченъ представляетъ сама абсурдъ, до котораго дошелъ нашъ ученый, хотя, конечно, не строго-логическимъ путемъ. Последовательнымъ подтвержденіемъ мнѣнія Милля служить его *Система логики*; подтвержденіемъ сентенціи проф. Свѣченъ—та безграничная самоуувѣренность съ которою она высказана; другихъ доказательствъ нѣтъ, ибо авторъ не счелъ нужнымъ указать хоть на одинъ изъ уломянутыхъ безчисленныхъ примѣровъ“. Такое отсутствіе доказательствъ быть-можетъ объясняется тѣмъ что слово „безчисленные“, какъ и многимъ другимъ терминамъ, профессоръ Свѣченъ придаетъ не обыкновенный его смыслъ; быть-можетъ онъ рассуждаетъ такъ: „въ наукѣ нѣтъ ни одного примѣра абсурда, до котораго умъ дошелъ бы строго логически; но то чего нѣтъ, не имѣетъ числа; стало-быть такъ какъ *нѣтъ* примѣровъ, то эти примѣры суть *безчисленные*“.— Если же мое предположеніе ошибочно, и „безчисленный“ для профессора Свѣченъ какъ и для насъ обозначаетъ „весьма многочисленный“, то я просилъ бы его, или любого изъ его приверженцевъ, привести хоть *одинъ* изъ этихъ *безчисленныхъ* примѣровъ, по ихъ собственному выбору; я уже заранѣе принимаю на себя формальное обязательство, доказать на этомъ примѣрѣ что абсурдъ на который маѣ укажутъ былъ явственнымъ ложнаго рассужденія и что слѣдовательно умъ человѣческой дошелъ до него *не* логически. Нелѣпость не можетъ-быть результатомъ строгаго логическаго мышленія. Это для меня такая же аксіома какъ любая математическая, и я окажу ее на одномъ, на десяти, на ста примѣрахъ, словомъ, а всѣхъ которые приверженцамъ quand même возрѣній профессора Свѣченъ заблагодарасудится привести. Гдѣ нелѣпость, тамъ были логическія ошибки: шаткое ли основаніе, неправильные ли выводы, неосновательное заключеніе, обманчивая аналогія, чрезмѣрное обобщеніе и тому подобное. Неачѣмъ перечислять всѣ роды логическихъ промаховъ ведущихъ къ нелѣпости; можно смѣло предполагать что съ ними знакомъ авторъ *Психологическихъ этюдовъ*, собственное ученіе котораго представляетъ образцы каждаго изъ этихъ промаховъ въ отдѣльности и коллекцію всѣхъ ихъ въ совокупности.

Остается еще разъяснить одинъ сомнительный пунктъ.

Проволя упорно свой контрастъ между логикомъ и истинно, желалъ ли проф. Свѣченъ инсинуировать что если логическое можетъ быть не-истиннымъ, за то нелогическое можетъ оказаться истиннымъ, реальнымъ? Въ такомъ случаѣ, пожалуй, даже теорія рефлексовъ попадетъ въ разрядъ истинъ! Возьмемъ наглядный примѣръ нелогическаго разсужденія, каждый членъ котораго самъ по себѣ есть реальный фактъ.

Апельсинъ имѣеть шарообразную форму, но вода состоитъ изъ водорода и кислорода, слѣдовательно земля шарообразна.

Профессоръ Свѣченъ вѣроятно согласится что эта индукція не поражаетъ чрезмерною логичностью; она даже едмъ ли болѣе убѣдительно наилучшихъ аргументовъ приведенныхъ въ *Психологическхъ этюдахъ* относительно самопроизвольности, возможности и свободы, сознанія и самосознанія и проч. Однако, заключеніе мое — земля шарообразна, есть реальный фактъ, такіе же реальные факты выражены въ обѣихъ послыкахъ. Но доказывается ли заключеніе посылками? А если нѣтъ, то отчего собственно? Не оттого ли что форма апельсина, химическій составъ воды, хотя и суть безспорныя истинны, но не имѣють ничего общаго ни между собою, ни съ выводомъ? Короче, не оттого ли просто что вся аргументація, опирающаяся на несомнѣнные факты, тѣмъ не менѣе неаппа, безтолкова, словомъ... бессмысленна, то-есть нелогична? Что земля шарообразна — это вѣрно и несомнѣнно, но какъ заключеніе моего силлогизма это положеніе уже не истина, а чистѣйшій вздоръ. Ergo, нелогическое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть истиннымъ.

Выходки профессора Свѣчева противъ логики или нечальное недоразумѣніе, смѣшеніе понятій и словъ, или же... удобный маневръ для предупрежденія всякихъ возраженій, маневръ состоящій въ отрицаніи состоятельности единственно возможнаго слособа опроверженія его теорій; або другаго средства опроверженія, кромѣ логики — не существуетъ. Такая стратегія безспорно очень хитро придумана: жаль только что успѣху ея прелятствуетъ то обстоятельство что еще не всѣ люди, и даже далеко не всѣ реалисты отказались отъ разума и здраваго смысла, сирѣчь отъ логики! Справедливость требуетъ, однако, сказать что враждебное отношеніе проф. Свѣчева къ логикѣ до нѣкоторой степени оправдывается тѣмъ что оно вполне взаимно: логика такіе поссорилась съ авторомъ *Психологическхъ этюдовъ* и по-

волеетъ себѣ подчасъ зло поумѣяться надъ нимъ. Доказательство такой непріязни логики къ своему противнику мы видѣли „въ вѣчно поучительномъ примѣрѣ вращенія солнца“, въ „устройствѣ внутренней жизни на основаніи *принципа* работающихъ психологіей“, въ положеніи что „самое движеніе происходитъ безъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства воли“,—и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Приведу еще одинъ примѣръ ясно доказывающій что проф. Свѣцовъ не даромъ видитъ въ (своей собственной?) логикѣ злѣйшаго врага, довѣріе къ которому было бы болѣе чѣмъ рискованнымъ дѣломъ.

Доказавъ блистательно что психологію надлежитъ передать цѣлкомъ въ руки физиологовъ, „въ надежности которыхъ никто не усомнится“, авторъ описываетъ тѣ неизреченныя блага которыми вышесказанныя руки надѣлать психологію въ ближайшемъ будущемъ. Этотъ по истинѣ замѣчательный пассажъ заключается слѣдующими сентенціями (стр. 164): „въ основу ея (психологіи) будутъ положены вмѣсто умствованій, нашептываемыхъ обманчивымъ голосомъ сознанія (олять!), положительные факты или такія исходныя точки которыя въ любое время могутъ быть проверены опытомъ. Ея обобщенія и выводы, замыкаясь въ тѣсныя предѣлы реальныхъ аналогій (?), высвободятся изъ-подъ вліянія личныхъ вкусовъ и наклонностей изслѣдователя (даже изобрѣтателя роковыхъ рефлексовъ?) и приобретутъ характеръ *объективныхъ гипотезъ*. Личное, произвольное и фантастичное замѣнится черезъ это (дай Богъ!) *болѣе или менѣе вѣроятнымъ*; словомъ, психологія приобрететъ характеръ *положительной науки*.“

Не явно ли тутъ обнаруживается коварная месть логики своему отрицателю? Эта рѣчь наводитъ всякаго на слѣдующіе вопросы, недоумѣнія и замѣчанія:

1) Что такое *объективная гипотеза*? Если положеніе объективно, то оно не есть гипотеза; если же оно гипотеза, т.-е. предположеніе, то почему вы знаете что оно объективно? Гипотеза потому и есть гипотеза что мы не знаемъ совпадаетъ ли она съ истиною, т.-е. объективна ли она или нѣтъ.

2) Неужели *болѣе или менѣе вѣроятное* составляетъ то что называется *положительною наукою*? Потому ли математика считается точною, положительною наукою что ея аксіомы *болѣе или менѣе вѣроятны*? Вѣдь подъ категорію большей или мень-

шей вѣроятности подходитъ все на свѣтъ: я доживу до ста лѣтъ; Франція возьметъ обратно Эльзасъ и Лотарингію; всѣ химическіе элементы сводятся къ одному; источникъ Нила находится южнѣе экватора; число планетъ простирается ровно до 389 штукъ; теорія рефлексовъ замѣнитъ окончательно психологію: все это болѣе или менѣе (скорѣе менѣе) вѣроятно. Стало-быть всѣ эти догадки суть аксіомы положительной науки? Ну положимъ, тамъ на счетъ моей жизни, Франціи, химическихъ элементовъ, источниковъ Нила, планетъ—все это еще куда ни шло! Но неужели кто-нибудь въ серіозъ можетъ воображать что болѣе или менѣе вѣроятная теорія рефлексовъ также есть положительная наука? Какъ хотите, а это ужъ чересчуръ! А вѣдь по разсужденію проф. Съченова выходитъ именно такъ: „болѣе или менѣе вѣроятное“,—вотъ что „оставляетъ характеръ положительной науки“. Ну спасибо за такое опредѣленіе науки, да еще... положительной.

Въ виду такихъ печальныхъ результатовъ неравной борьбы предприимчивой проф. Съченовымъ противъ логики, нельзя не пожелать чтобы война прекратилась прочнымъ миромъ. Конечно, автору *Психологическихъ этюдовъ* придется сдѣлать первый шагъ къ примиренію, такъ какъ сила на сторонѣ врага, т.-е. логики. Поединокъ смертнаго,—будь онъ даже реальнѣйшій реформаторъ психологіи,—съ логикою слишкомъ неравенъ: исходъ несомнѣтеленъ, ибо люди и ихъ заблужденія проходятъ какъ призраки, разумъ же и логика останутся, потому что въ нихъ и только въ нихъ есть сила, только черезъ нихъ можетъ быть и реальность въ нашемъ познаніи.

А. СТАДЛИНЪ.

КОМЕДИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ПРАВОВЪ.

Комедии, драмы и трагедии. А. Писемского. Въ двухъ частяхъ. Москва, 1874.

Блестящая пора нашего театра миновала. Новое поколѣніе уже не относится къ нему съ тою поэтической горячкой какъ предыдущее, не выноситъ изъ него прежняго художественнаго очарованія. Оно утратило свое обаяніе и низомель на степенъ заурядныхъ ресурсовъ общественнаго развлечения, куда городской житель идетъ убить время, встрѣтить знакомыхъ и исполнить одну изъ обязанностей свѣтской жизни. Театръ въ наши дни почти то же что клубъ, танцевальный вечеръ или *jug fixe*. Есть меломаны, имѣющіе по два абонемента въ оперѣ, приходящіе въ экстазъ отъ каждой нотки *diva*, но старый тилъ театрала, этотъ многосторонній, малый, хотя подчасъ несносный тилъ, кажется вывелся совсѣмъ. Современному поколѣвію развѣ по насыщкѣ только знакомо то ощущеніе художественнаго трепета которое овладѣвало студентомъ сороковыхъ годовъ при одномъ видѣ декорацій и кулисъ. Значеніе чего-то стоящаго неизмѣримо выше низменностей дѣйствительной жизни и увосащаго отъ этихъ низменностей на озаренныя искусствомъ вершины — это значеніе утрачено театромъ, и вѣроятно навсегда. Да современному мелодѣкѣ кажется и не требуется чтобъ его отрывали отъ всадневной жизни, отъ его практической будничной почвы. А

когда-то въ театрѣ шла какъ въ храмѣ, и хорошо обставлен- ный спектакль былъ событіемъ, волновавшимъ все городское образованное общество. Драматическое искусство входило въ жизнь такую широкою волной что рѣдкій юноша прежняго времени не пробовалъ собственнаго силъ на какой-нибудь любительской сценѣ. Театръ былъ центромъ, изъ котораго чистое вѣяніе искусства равносилось по самымъ темнымъ и дальнимъ уголкамъ. И не одни только художественныя восторги давалъ театръ; онъ былъ могущественнымъ нравственнымъ дѣятелемъ. Полу-фантастическій, идеальный міръ, въ которомъ на вѣскольکو часовъ уносился очарованный зритель, и тутъ же рядомъ ѣдкое, въ тѣнѣ жизни найденное слово Гоголя и его побѣждающій смѣхъ „сквозь невидимыя міру слезы“—все это оставало на душѣ и въ сердцѣ осадокъ хорошаго, остѣжающаго чувства, переживавшаго мимолетныя восторги поэтического очарованія.

Нѣтъ недостатка въ причинахъ которыми обыкновенно объясняютъ у насъ паденіе театра и прекращеніе живой связи съ нимъ общества. Говорятъ что дѣйствительная жизнь стала гораздо содержательнѣе, что ея интересы и впечатлѣнія возвысились настолько что сценической обманъ уже не можетъ конкурировать съ дѣйствительностью. Указываютъ что въ театрѣ идутъ нынче для отдыха отъ заботъ, трудовъ и волненій практической жизни, и потому ищутъ въ немъ лишь легкаго развлечения которое пріятно щекотало бы утомленныя нервы, а не напрягало бы ихъ. Говорятъ что театръ, передъ изъ гостиной на улицу, долженъ сообразоваться съ потребностью и уровнемъ толпы, а не образованнаго меньшинства, которому доступны высшія наслажденія искусства. Говорятъ наконецъ что болѣе равнодушныя отношенія современнаго общества къ театру представляютъ результатъ расширившихся интересовъ дѣйствительной жизни, въ которой искусство не можетъ уже занимать такого большаго мѣста какое занимало оно въ жизни прежняго поколѣнія, несравненно менѣе занятого практически.

Во всемъ этомъ, конечно, есть большая доля истины, но есть также нѣчто недосказанное. Содержаніе драмы, какъ и дожественнаго воспроизведенія дѣйствительной жизни, можетъ расширяться такъ же точно какъ и содержаніе самой жизни. Если на сценѣ дѣйствительности современное общество представляется среди болѣе сложныхъ и серьезныхъ интересовъ, тѣмъ

тъ какими было занято предыдущее поколѣніе, то ничто казалось бы не препятствовало современной театральной сценѣ сдѣлаться въ той же мѣрѣ содержательнѣе и серіознѣе. Форма драмы, какъ и форма романа, не заключаетъ въ себѣ условій которыя препятствовали бы драматургу или романисту подыматься на уровень идей и интересовъ напоявляющихъ дѣйствительную жизнь; напротивъ, чѣмъ сложнѣе жизнь, чѣмъ глубже проникаютъ ее интересы серіознаго общественаго характера, чѣмъ сильнѣе бурлитъ водоворотъ жизни, тѣмъ легче казалось бы для писателя найти въ дѣйствительности свой авторскій матеріалъ и поднять содержаніе своихъ художественныхъ созданій. У насъ, однакоже, замѣчается скорѣе обратное явленіе. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, при бѣдности и неподвижности нашей общественной жизни, при отсутствіи въ этой жизни всякаго видимаго и наблюдаемаго движенія, художественная литература наша была гораздо содержательнѣе нынѣшней. Умственный и художическій уровень на которомъ стояли Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ былъ значительно выше уровня публики, и ихъ произведенія давали уму и чувству гораздо болѣе чѣмъ могла дать узкая и неподвижная общественная жизнь. И наоборотъ, когда рамки этой жизни раздвинулись, когда общество ознакомилось съ интересами серіознаго характера, когда дѣйствительность стала повидимому содержательнѣе и *драматичнѣе*—отраженіе этой дѣйствительности въ литературѣ, и особенно въ комедіи и драмѣ, стало быстро блѣднѣть и въ короткое время утратило всякій интересъ для общества, оказалось далеко позади жизни. Современная публика, посѣщая театръ, не только не находитъ тамъ чего-либо подымающаго ее надъ низменностями будничной жизни, но имѣетъ полное право сказать что въ своей ежедневной дѣйствительности она находитъ болѣе содержанія чѣмъ въ театрѣ, и потому скучаетъ въ театрѣ.

Прежде чѣмъ искать объясненія этого явленія въ условіяхъ чисто-литературныхъ, не мѣшаетъ замѣтить что наша дѣйствительная жизнь не со всѣхъ конечно точекъ зрѣнія представляется настолько выигрышно въ содержаніи какъ объ этомъ часто говорятъ. Если расширилась сфера частной и общественной дѣятельности, если выступили на сцену многіе серіозные практическіе интересы, то съ другой стороны, въ которые культурные элементы въ нашемъ обществѣ передви-

нулись на болѣе отдаленный планъ, и внутреннее, интеллектуально-нравственное содержаніе современной жизни безо всякаго сомнѣнія значительно обдѣлало. Если мы сравнимъ интеллигентную личность сороковыхъ годовъ и нынѣшняго образованнаго человѣка, мы въ большинствѣ случаевъ должны будемъ признать за предыдущимъ поколѣніемъ бѣольшую близость къ интересамъ нравственнаго порядка, къ чисто-культурнымъ элементамъ цивилизаціи, къ *идеѣ* въ ея ствлеченіи. Общество и личность въ предшествовавшемъ періодѣ нашего развитія жили духовнѣе, хотя дѣйствительность часто складывалась грубѣе и матеріальнѣе. Правда, между духовнымъ идеаломъ интеллигентныхъ людей того времени и окружавшею ихъ иудейскою практикою существовалъ разладъ, бывшій часто причиною столь присущаго людямъ сороковыхъ годовъ романтическаго томленія, но за то тѣмъ болѣе мѣста требовалъ онъ себя этотъ идеалъ во внутреннемъ мірѣ человѣка. Новое поколѣніе цѣнитъ идеалъ лишь по степени его приложимости къ практической жизни, и если оно такимъ образомъ ставится, по современному выраженію, на реальную почву, то это достигается конечно не безъ существеннаго ущерба во внутреннемъ качествѣ идеала. Послѣдній мало-по-малу понижается такъ что надъ уровнемъ будничной дѣйствительности остается уже очень немного... Въ такомъ случаѣ куда же стремиться, надъ чѣмъ подыматься, и гдѣ найти литературу тотъ уровень на которомъ она сохраняла бы очарованіе чего-то кристаллизованнаго въ мутномъ растворѣ вседневной жизни!

Но независимо отъ этого неблагоприятнаго условія, стоящаго до нѣкоторой степени внѣ литературы, и сама драматическая литература наша произвольно сзнула свой кругозоръ, ограничивъ свое содержаніе тѣми сферами и интересами которые даже современная интеллигентная публика имѣетъ полное право считать ниже себя. Обстоятельство это уяснится намъ если мы бросимъ бѣглый взглядъ на тотъ путь какимъ развивалась у насъ драматическая литература.

Какъ и вся наша новая культура, она имѣетъ заимствованное происхожденіе. Это заимствованіе произошло въ ту эпоху когда въ западной Европѣ театръ не былъ еще учрежденіемъ народнымъ, но составлялъ принадлежность тѣснаго образованнаго меньшинства, и такъ же какъ это меньшинство носилъ отчасти придворный характеръ. Французскій театръ времени Лудовика XIV, которому исключительно подражали наши

писатели XVIII вѣка, не переходилъ за порогъ гостиной, гдѣ онъ родился и гдѣ протекала самая блестящая его эпоха. Этимъ какъ бы заранѣе были опредѣлены его характеръ, содержаніе и направленіе. Запертый въ придворной сферѣ, онъ лишь весьма немногое могъ почерпнуть изъ дѣйствительной жизни, такъ какъ жизнь эта была чрезвычайно бѣдна содержаніемъ и самобытностью. Драматургамъ времени „великаго короля“ поневоля приходилось постоянно обращаться къ сюжетамъ внѣ дѣйствительной жизни и выработать ту условность формъ которая такъ мертвитъ даже самыя повѣстическія созданія той эпохи.

Заимствовавъ свой театръ у Французовъ, мы усвоили ему первоначально не только общія существенныя черты псевдо-классической сцены, но и ея придворно-салонный характеръ. Наши писатели XVIII и начала XIX вѣка имѣли въ виду ту же свѣтскую образованную публику, для которой писали версальскіе поэты, и подобно имъ заботились объ условной красотѣ формы, объ изяществѣ выраженій и такъ-называемомъ благородствѣ стиля. Усилія эти не всегда были удачны, но они составляли самую существенную заботу нашихъ трагическихъ поэтовъ времени Озерова. Хорошій тонъ, какъ выраженіе хорошаго вкуса, считался весьма важнымъ условіемъ для писателя желавшаго проникнуть въ образованную публику, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣтская публика. Фонвизинъ, Новиковъ, сама императрица Екатерина смотрѣли на театръ нѣсколько иначе, понимая надобность поставить его гораздо ближе къ дѣйствительной жизни, къ нравамъ и языку общества; но хотя въ комедіяхъ Фонвизина и императрицы Екатерины мы уже не видимъ той заботливости о французской вышечности стиля, хотя онѣ не могутъ назваться произведеніями салонными, но въ нихъ попрежнему имѣется въ виду *лучшая* публика, то-есть наиболѣе образованная часть общества. Кругъ этой публики значительно раздвинулся, но драматическій писатель самъ оставался на уровнѣ тѣхъ идей и понятій которыя въ его время раздѣляли лучшіе, наиболѣе образованные люди, усвоившіе наиболѣе развитыя формы общежитія. Сатира можетъ быть обращена на предметы весьма низкіе, но необходимо чтобы самъ сатирикъ стоялъ неизмѣримо выше лицъ и нравовъ предаваемыхъ имъ осмѣянію. Фонвизинъ выводилъ въ своихъ комедіяхъ талы грубые, пошлые и порочные, но его

собственная мысль, его собственный умъ выражали итогъ всей образованности того времени. Въ этомъ направленіи огромный шагъ сдѣланъ былъ нашею комедіею въ лицѣ Грибоедова. *Горе отъ ума* до сихъ поръ, несмотря на протекшее полвѣка, сохраняетъ совершенно удивительное положеніе въ нашей литературѣ. Это и понынѣ единственная пьеса въ которой изображено наше интеллигентное общество, наше если угодно *лучшее* общество, и въ которой самъ авторъ обнаружилъ гораздо болѣе ума чѣмъ его было во всей тогдашней русской интеллигенціи. Еслибы русская комедія пошла далѣе по этому пути, мы имѣли бы лучший театръ во всемъ мірѣ. Но пьеса Грибоедова осталась единственною попыткойъ въ этомъ направленіи. Гоголь выступилъ въ нашей драматической литературѣ уже съ совершенно иными взглядами. Талантъ исключительно художественный и притомъ юмористическій, онъ искалъ только живыхъ типовъ и комическихъ положеній, оставляя умственные потребности зрителя весьма часто неудовлетворенными. Известно что никто такъ мало не обращалъ вниманія на идею произведенія какъ Гоголь: идея обыкновенно заключалась для него въ характеръ дѣйствующаго лица, въ его комизмъ. Когда, въ *Мертвые Души*, онъ захотѣлъ выразить во что бы то ни стало глубокую общественную идею, изъ попытки этой ничего не вышло. Отдѣльные мысли разбѣгавшія имъ въ первой части *Мертвыхъ Душъ* часто здравы и мѣткі, но полетъ ихъ не возвышается надъ среднимъ уровнемъ. Гоголь безъ своего громаднаго художественнаго таланта не могъ бы написать ничего замѣчательнаго, тогда какъ Грибоедовъ или Лермонтовъ были бы очень хорошими писателями, еслибы и не были поэтами. Изумительный талантъ Гоголя какъ художника-сатирика далъ ему высокое мѣсто въ нашей литературѣ, но слабѣе его имѣло свои невыгодныя стороны. Гоголь заставлялъ нашихъ писателей слишкомъ небрежно относиться ко внутреннему содержанию произведеній и слишкомъ полагаться на одну только художественность. Такой взглядъ на задачу беллетристики раздѣлялся весьма многими въ нашей литературѣ сороковыхъ годовъ, и въ немъ отчасти лежитъ причина почему эта литература была бѣдна внутреннимъ содержаніемъ. Послѣдователи Гоголя, увлеченные его яркимъ дарованіемъ, полагали что вся задача беллетристики сводится на живое и образное изображеніе типовъ, преимущественно комическихъ или

оригинальнѣйшихъ, и что сила и глубина мыслей, тонкость анализа не только излишни въ беллетристѣ, но даже могутъ вредить произведенію. Составилось мнѣніе что романы, повѣсти, комедіи можетъ создавать только прирожденное художественное дарованіе, только прирожденная способность выхватывать человека живьемъ изъ жизни и ставить его предъ читателемъ со всеми типическими чертами его натуры, вѣншей и внутренней. Понятно что при такомъ взглядѣ на задачи искусства, внутреннему содержанію литературнаго произведенія, его идеи, придавалось лишь второстепенное значеніе. Крайность возрѣнія доводилась до того что умъ романиста, его способность къ анализу, ставились ему даже въ упрекъ; критика требовала только образовъ, образовъ и образовъ. Въ одномъ романѣ пятидесятихъ годовъ, принадлежащемъ перу замѣчательнаго художника, но вмѣстѣ и очень умнаго писателя, именно въ *Тысячѣ Душъ*, возрѣніе это, со всею его крайностью, выражено въ лицахъ. Качиновичъ отдастъ свою повѣсть на судъ знаменитому критику. Тотъ сознается что повѣсть—очень умная вещь. „И Боже мой! разве ты можешь написать что-нибудь глупое?“ восклицаетъ онъ. Но тутъ же произноситъ надъ повѣстью рѣшительный и увѣщающій приговоръ. Онъ находитъ въ ней мало образовъ. „А я вотъ, прибавляетъ онъ, теперь, умирая, сохраняю твердое убѣжденіе что художникъ даже думаетъ образами. А съ одной брать разсудочною способностью, пожалуй, можно сдѣлаться юристомъ, администраторомъ, ученымъ, но никакъ не поэтомъ и не романистомъ—никакъ!“ Еслибы дѣло шло только о томъ что безъ поэтическаго и художественнаго чувства нельзя быть ни поэтомъ, ни романистомъ, спорить разумѣется было бы не о чемъ. Но тутъ очевидно есть намѣреніе противопоставить прирожденную способность думать и говорить образами—аналитической способности ума, будто бы совершенно излишней въ беллетристѣ. Между тѣмъ автору *Тысячи Душъ* хорошо извѣстно насколько его собственныя произведенія, при несомнѣнныхъ художественныхъ достоинствахъ, выигрываютъ именно вслѣдствіе разноты въ нихъ тонкой и умной наблюдательности, которой едва ли можно достигнуть безъ забракованной имъ разсудочной способности. Одинъ голый умъ, витающій исключительно въ области отвлеченнаго мышленія, не возьмется за романъ; но умъ художественный, направленный къ наблюденіямъ надъ людьми, надъ

дѣйствительностью, надъ жизнью въ широкомъ смыслѣ, умъ способный подаяться до идеала и творить въ той области которую можно назвать философіей жизни, такой умъ можетъ создать въ беллетристикѣ вещи которыя долго не забудутся. Чтобъ яснѣе выразить нашу мысль, мы можемъ сослаться на послѣдніе романы Булвера, хорошо знакомые читателямъ *Русскаго Вѣстника*: въ нихъ ума, анализа, философіи жизни несравненно болѣе чѣмъ непосредственнаго художественнаго творчества, создающаго объективные типы и образы, а между тѣмъ эти романы, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ лучшимъ явленіямъ современной англійской литературы. У насъ подобныхъ романовъ совсѣмъ нѣтъ, и не будетъ пока не поднимется внутреннее содержаніе нашей литературы, пока мы не дадимъ въ ней подобающаго мѣста анализирующему и философствующему уму.

Все что мы говорили о беллетристикѣ вообще, примѣняется вполне и къ нашей новой комедіи. *Горе отъ ума* осталось единственною въ нашемъ репертуарѣ пьесой въ которой мысль автора стоитъ на высшемъ уровнѣ образованности своей эпохи, и въ которой выведенъ героемъ представитель интеллигенціи и ея передовыхъ идей (передовыхъ конечно не въ томъ смыслѣ какой придаютъ этому слову вышшіе александринскіе драматурги). Не говоримъ здѣсь о слабыхъ попыткахъ Лермонтова: по чрезвычайной субъективности своей натуры, онъ не былъ рожденъ драматическимъ писателемъ. Съ появленіемъ комедій Гоголя, театръ нашъ покидаетъ интеллигентный слой и опускается, въ лицѣ лучшихъ и талантливѣйшихъ писателей, въ темное царство взяточниковъ, свахъ и самодуровъ. Что именно въ этотъ исподній слой перенесъ свою наблюдательность Гоголь, было очень естественно и понятно. Комическій талантъ этого художника звалъ его туда гдѣ больше разнообразія типовъ, гдѣ эти типы выдѣляются рѣзче и характернѣе, гдѣ дарованіе комика и каррикатуриста находитъ себѣ на каждомъ шагѣ пищу. Но къ сожалѣнію то что у Гоголя является потребностью самобытнаго таланта, почитателями его было принято за общее правило, за эстетическій законъ, которому будто бы должна слѣдовать вся русская литература. Путь такъ блестящею намѣченнымъ Грибоедовымъ былъ брошенъ даже безъ малѣйшей попытки продолжить начатое имъ. Интересы нашей интеллигенціи, нашего культурнаго слоя, нашего такъ-называет-

мага общества, были оставлены въ сторонѣ, и драматическая литература устремилась исключительно въ сферу совершенно чуждую ходу нашего образованія, нашей цивилизаціи. На культурный слой даже наложенъ было что-то въ родѣ литературнаго запрета. Мы олатъ не можемъ не вспомнить по этому случаю той самой сцены въ романѣ *Тысяча Душъ* на которую уже осылались. Знаменитый критикъ обращается тамъ къ Калиновичу между прочимъ съ такимъ упрекомъ: „Всѣ эти главные лица твои что жь это такое?... У насъ и въ жизни простолюдиновъ, и въ жизни средняго сословія драма клокочетъ... ключомъ бьетъ подъ всѣмъ этимъ... страсти нормальны... протестъ правильный, законный; кто задыхается въ бѣдности, кого невинно и постоянно оскорбляютъ... кто между подлецами и мерзавцами чиновниками самъ дѣлается мерзавцемъ—а вы все это обходите и берете какихъ-то великосвѣтскихъ господъ и рассказываете какъ они страдаютъ отъ страшныхъ отношеній. Тыфу мнѣ на нихъ! Знать я ихъ не хочу! Если они и страдаютъ, такъ съ жиру собаки бѣсятся. И наконецъ: ждете вы въ нихъ! Нѣтъ въ нихъ этого, потому что они неспособны на то ни по уму, ни по развитію, ни по натурѣ, которая давно выродилась; а страдаютъ, можетъ-быть, отъ дурнаго лицемерія, или оттого что нельзя ли гдѣ захватить и цапнуть денегъ, или перелихнуть какимъ бы то ни было путемъ мужа въ генералы, а вы имъ навязываете тонкія страданія!“ Вотъ какого воззрѣнія держалась литература сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ на культурный слой нашего общества, забывая что еслибы даже она отнеслась къ этому слою отрицательно, то и тогда она только выиграла бы въ содержательности, потому что всякая культура всегда содержательнѣе косности, невѣжества и грубости. Любопытно что въ томъ самомъ романѣ изъ котораго мы привели это воззрѣніе, „драма клокочетъ и бьетъ ключомъ“ вовсе не „между простолюдинами, и даже не „въ среднемъ сословіи“, а именно между героями и героинями если не самаго большаго, то все-таки настоящаго свѣта... Авторъ на этотъ разъ какъ будто не замѣтилъ что романъ его пріобрѣлъ высокій интересъ именно потому что въ немъ рисуется жизнь интеллигенціи, съ ея стремленіями, страстями и пороками...

Но если нашъ романъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, въ лицѣ Тургенева, гр. Льва Толстаго, Писемскаго, Гончарова,

не оставался, вопреки Гоголевскому вліянію, совершенно чуждымъ жизни и интересамъ интеллигентнаго общества, то нашъ театръ устранился отъ этой сферы какъ бы по безмолвному и единодушному уговору. Въ комедіи вліяніе и авторитетъ Гоголя водворились безусловно, порвавъ всякую связь сцены съ культурнымъ слоемъ. Міръ чиновниковъ оказался, вслѣдствіе вѣйшихъ причинъ, не вполне доступенъ для театральнаго сатиры; за то тѣмъ съ большимъ усердіемъ и пристрастіемъ устремилась наша комедія въ міръ замоскворѣцкаго и апраксинскаго кулечества, въ міръ страваицъ и свахъ, пьяныхъ приказныхъ, бурмистровъ, причетниковъ, птерщиковъ. Задача комедіи сѣзилась непостижимымъ образомъ до копирования пьянаго или безграмотнаго жаргона, воспроизведенія дикихъ ухватокъ, грубыхъ и оскорбительныхъ для человѣческаго чувства титловъ и характеровъ. На сценѣ безраздѣльно воцарился жанръ, не тотъ теплый, веселый, буржуазный жанръ который порою такъ лѣвнителемъ на французской сценѣ, а жанръ грубый, нечистоплотный и отталкивающий. Нѣкоторые писатели, какъ напримѣръ г. Островскій, внесли въ эту литературу много таланта, сердца и юмору; но въ общемъ театръ нашъ пришелъ къ крайнему пониженію внутренняго уровня, и весьма скоро оказалось что ему легче сказать образованной части общества, что онъ и дѣла не хочетъ имѣть съ этою частью общества.

Такое явленіе, весьма исключительное и даже единственное въ мірѣ, безо всякаго сомнѣнія, въ высшей степени ненормально. У насъ оно было очень странно уже потому что еще при самомъ разсвѣтѣ самобытной нашей литературы Грибоевъ далъ намъ превосходный образецъ комедіи, которая, будучи чисто-русскою и даже специально-московскою комедіей, въ то же время представляла образецъ сценическаго произведенія въ европейскомъ смыслѣ и значеніи. Въ этой комедіи, въ первый и къ сожалѣнію въ послѣдній разъ, наше образованное общество, наша интеллигенція, вынесла на сцену свои стремленія и чаянія, свои заботы и недуги. Съ тѣхъ поръ внутренняя жизнь образованнаго общества, испытанная имъ разочарованія и волновавшіе его интересы не появлялись болѣе на сценѣ русскаго театра, развѣ въ весьма немногихъ случайныхъ произведеніяхъ, съ которыми ризковали выступить второстепенные таланты и которые бывались почти также скоро какъ появлялись. Образованное

общество должно было чувствовать себя до известной степени чужимъ въ русскомъ театрѣ, гдѣ ему показывали только ломящихся самодуровъ, пьяныхъ приказныхъ и необузданно заваряющихся свахъ и странницъ. Конечно, одни нехитрые отрывки этого грубаго и чисто вѣшняго жанра не могли питать сцену, какъ бы ни была нетребовательна публика; болѣе даровитые писатели почувствовали необходимость отыскать въ русской жизни драму, страсти, даже идеалы. И все это дѣйствительно явилось, но взятое не въ той средѣ къ которой принадлежала образованная театральная публика, а въ закоулкахъ и задворкахъ жизни. Вліяніе Гоголя опять оказалось здѣсь съ наименѣе выгодной стороны. Известныя слова его о „простомъ бѣдномъ человѣкѣ“ были поняты литературой не какъ субъективность художника, а какъ завѣщаніе его всѣмъ русскимъ писателямъ, какъ принципъ, какъ традиція. Выводить на сцену не простаго и не бѣднаго человѣка дозволено было лишь для казни; положительными героями нашей сцены, какъ и всей почти послѣ-Гоголевской литературы, явились питейщики, домашніе учителя, воспитанницы, пріемыши, угнетенная и безропотно страдающія дѣвицы, и т. д. затаенута была нескончаемая *réhabilitation* сливагося съ кругомъ простаго русскаго человѣка, около котораго наши драматурги также усердно, долго и хлопотливо бились какъ французскіе ихъ собратья около ладшей женщины. А все что стояло выше этихъ закоулковъ общественной жизни, что мыслило и волновалось, что было центромъ нашей культурной жизни, осталось совершенно въ сторонѣ отъ театральной сцены, такъ что и до сихъ поръ, спустя пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ послѣ появленія *Горя отъ ула*, если хотятъ поставить піесу изъ жизни интеллигентнаго общества, должны обращаться къ неумирающей комедіи Грибоѣдова. Обстоятельство тѣмъ болѣе странное, что французская драматическая литература, съ которою нашъ театръ сохранялъ постоянно самыя близкія связи и къ которой мы не переставали обращаться за заимствованиями, шла совершенно другою дорогою и могла бы служить намъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полезнымъ образцомъ. Надо отдать справедливость французскому театру что при всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ всегда жилъ одною жизнью и одними интересами съ образованнымъ обществомъ и отражалъ на себѣ каждое общественное движеніе, каждую новую идею, возникшую въ мірѣ интеллигенціи. Примѣръ этотъ тѣмъ болѣе

поучителя въ для нашихъ драматурговъ что во Франціи театръ есть болѣе народное учрежденіе чѣмъ гдѣ-либо, и посвящается рѣшительно всѣми классами населенія; а между тѣмъ у Французовъ совсѣмъ нѣтъ лиесъ того простонароднаго характера который у насъ ечитается за что-то почти обязательное. Но на бѣду нашу у насъ какъ будто не замѣчаютъ того что во французской комедіи есть наиболѣе серіознаго и хорошаго, и мы заимствовали отъ нея только ея недостатки.

Все что мы говорили до сихъ поръ составляетъ лишь вступленіе къ предмету нашей статьи, но мы сочли такое вступленіе необходимымъ въ виду того что ходъ развитія нашей драматической литературы не для всѣхъ ясенъ, и направленіе ея, рядомъ съ основными требованіями европейской критики, въ нашей журналистикѣ до сихъ поръ не обозначилось и не опредѣлилось. Мы только знаемъ что наша комедія есть по преимуществу комедія бытовая, комедія типовъ и характеровъ, но весьма немногіе даютъ себѣ отчетъ въ томъ, насколько такое одностороннее развитіе возвышаетъ или понижаетъ значеніе нашего театра и насколько специфическій жанръ можетъ быть принятъ за національную комедію въ европейскомъ смыслѣ этого выраженія. Во всякомъ случаѣ, мы увѣрены что наше бытъ-можетъ саипкомъ затянувшееся вступленіе поможетъ намъ яснѣе и вѣрнѣе опредѣлить мѣсто занимаемое г. Писемскимъ въ нашей новой драматической литературѣ.

Г. Писемскій написалъ для сцены довольно много. Въ вышедшемъ недавно въ Москвѣ собраніи его комедій, драмъ и трагедій, помѣщено восемь драматическихъ произведеній, болѣею частію состоящихъ изъ четырехъ и пяти актовъ. Содержаніе и характеръ этихъ произведеній весьма разнообразно: тутъ есть и историческія трагедіи, и народная драма, и эпизодъ изъ временъ Крымской войны, и комедія нравовъ. Написано все это въ весьма значительный промежутокъ времени отъ пятидесятихъ до семидесятихъ годовъ и потому театръ г. Писемскаго отразилъ въ себѣ довольно различные склады нашей жизни, такъ какъ дѣйствіе нѣкоторыхъ комедій относится ко временамъ крѣпостнаго права, другія же рисуютъ отличительныя черты современной эпохи и могутъ быть названы комедіей нашихъ дней. При такомъ разнообразіи эпохъ и при той сравнительной содержательности какую отличаются вообще произведенія г. Писемскаго, сборъ

никъ его театральныхъ пьесъ представляетъ довольно обильный литературный матеріалъ, о которомъ стоить поговорить обстоятельно.

Какъ извѣстно, г. Писемскій принадлежитъ всецѣло къ той натуральной школѣ которая образовалась у насъ съ конца сороковыхъ годовъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Гоголя. До вѣкоторой степени, г. Писемскаго слѣдуетъ считать даже основателемъ и самымъ полнымъ представителемъ этой школы, имѣющей сохранять въ исторіи нашей литературы немаловажное мѣсто. Въ лицѣ г. Писемскаго школа эта является свободною отъ вѣкоторыхъ весьма существенныхъ недостатковъ отличающихъ массу ея второстепенныхъ послѣдователей. Ставя задачей художественнаго произведенія — объективное изображеніе человѣческой натуры во всей неподкрашенной наготѣ ея, авторъ *Тысячи Душъ* и *Горькой Судьбы* не ищетъ преднамѣренно объектовъ завѣдомо-грубыхъ и стоящихъ на ступени животнаго прозябанія. Повидимому, его гораздо болѣе увлекаетъ отыскать рѣзкія черты грубости и пошлости тамъ гдѣ сохраняется внѣшній декорумъ жизни, и облачить неприглядную наготу характера или тела дралирующагося въ дѣйствительности мишурою заимствованнаго наряда. Поэтому г. Писемскій не ограничиваетъ сферы своихъ наблюденій низшими слоями, но чаще всего подымается туда гдѣ животныя инстинкты и аппетиты маскируются условною фальшью. Среда изъ которой нашъ художникъ-сатирикъ заимствуетъ своихъ героевъ весьма обширна и обнимаетъ почти всѣ классы общества. Въ своей роли реалиста онъ не довольствуется однимъ фотографически-вѣрнымъ объективнымъ изображеніемъ натуры, но вноситъ въ эти изображенія много наблюдательности, ума, провицательности и юмора. Оттого даже грубая и пошлая натура не является у него голою какъ у расплодившейся массы псевдо-народныхъ жавристовъ, но выступаетъ среди тонко-изученной и нерѣдко мастерски нарисованной обстановки житейскихъ отношеній.

Чуткость г. Писемскаго къ этой житейской обстановкѣ, его умѣнье не только крупно и рѣзко обозначить своихъ героевъ, но и уловить такъ-сказать самый воздухъ которымъ дышатъ они часто дѣлаютъ его произведенія по всей справедливости живою и широкою картиною эпохи по крайней мѣрѣ тамъ гдѣ авторъ рисуетъ эпоху какъ очевидецъ. Оставимъ пока въ сторонѣ двѣ трагедіи изъ исторіи и

правовъ XVIII вѣка, и обратимся къ комедіямъ современнаго содержанія. Въ нихъ отразились два періода нашего развитія, два общества, настолько успѣвшія уже разойтись въ своихъ существенныхъ признакахъ что съ трудомъ замѣчаешь ихъ родственную и историческую связь. *Ипохондрикъ*, *Раздѣлъ*, *Горькая Судбина* принадлежатъ цѣликомъ эпохѣ крепостнаго права и старой помѣщичьей жизни; складъ этой жизни лежитъ не только въ фактическомъ содержаніи названныхъ комедій, въ ихъ сценаріи, но и въ общемъ тонѣ, въ общихъ краскахъ. *Подковы* и *Ваалъ* какъ въ идеѣ, такъ и въ подробностяхъ художественнаго исполненія навѣяны автору общими явленіями нынѣшнихъ дней и отражаютъ въ себѣ новый складъ жизни, возникшей изъ новыхъ условій и интересовъ—духъ и настроеніе нашего *послѣ реформеннаго* общества. Различіе этихъ близкихъ по времени, но чрезвычайно разошедшихся по характеру и направленію эпохъ, сказалось въ общемъ тонѣ и даже въ самой манерѣ г. Писемскаго. Комедіи пятидесятихъ годовъ написаны мягче, оочнѣе, ситуаціи разработаны съ большими подробностями; дѣйствующія лица болтливы, и ихъ болтовня отзывается какою-то лѣтностью; подкладка празднаго и избалованнаго барства чувствуется на каждомъ шагѣ—въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ, въ ихъ характерахъ, въ той нерѣшительности и какъ бы боязни съ которою они иногда подходятъ къ драматическимъ моментамъ. Въ *Подковахъ* и *Ваалѣ* характеры очерчены рѣзче и жестче, дѣйствующія лица самоувѣреннѣе и нисколько не стыдятся за самихъ себя, ни своихъ некрасивыхъ поступковъ; чувствуется что общее направленіе жизни не располагаетъ къ такимъ сомнѣніямъ, къ тому анализу нравственныхъ вопросовъ которыми страдаетъ образованный человѣкъ въ *Горькой Судбинѣ*, но что напротивъ всѣ очень твердо и ясно понимаютъ исключительную цѣль къ которой стремятся, и всѣмъ живетъ какъ-то особенно легко среди всеобщей безпринципности и безидеальности,—легко именно въ томъ смыслѣ что новое общество повидимому рѣшило вопросъ: чего нужно искать въ жизни—вопросъ, надъ разгадкой котораго такъ томилась „грызуны“, „гамлетики“ и „лишніе люди“ минувшей эпохи.

Изъ трехъ комедій относящихся ко временамъ крепостнаго права, мы остановимся на *Горькой Судбинѣ*, какъ на лучшей въ художественномъ отношеніи изъ всѣхъ пьесъ г. Писемскаго, и подѣе всего отвѣчающей требованіямъ которыми замѣ-

алась наша литература въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ.

Нѣтъ надобности передавать здѣсь содержаніе этой прекрасной комедіи, такъ какъ она, безъ сомнѣнія, очень хорошо известна читателямъ. Не будемъ также указывать на ея замѣчательныя художественныя достоинства, такъ какъ это сдѣлаю раньше насъ. Мы обратимъ вниманіе главнымъ образомъ на идею произведенія, въ которой отразился очень важный и крѣпкій вопросъ того времени и которая, можетъ-быть именно по этой самой причинѣ, была популярна въ свое время нѣсколько односторонне.

Если мы не ошибаемся, критика и общество пятидесятихъ годовъ прежде всего видѣли въ *Горькой Судбинѣ* протестъ противъ крѣпостнаго права. Этотъ протестъ стоялъ на очереди въ литературѣ, носился въ воздухѣ, чуялся всюду; образованное общество до такой степени чувствовало потребность такого протеста что отгадывало его во всякомъ литературномъ произведеніи, такъ какъ литература въ то время была единственною живою силой и отъ нея конечно естественно было ждать самаго горячаго сочувствія прогрессивнымъ стремленіемъ общества. И повидимому *Горькая Судбина* не была чужда той самой тенденціи которую критика и публика угадывали въ *Замыслахъ Охотника* г. Тургенева, романахъ и повѣстяхъ г. Григоровича, стихахъ г. Некрасова. Въ ней, дѣйствительно, была затронута весьма деликатная сторона крѣпостнаго права. Крестьянинъ, возвращаясь въ деревню послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ Петербургѣ, узнаетъ что жена въ его отечествіе вступила въ связь съ помѣщикомъ, и застаётъ дома шестилѣтняго ребенка. „Такъ вотъ оно куда пошло... въ высокое же званье вы замѣзли!“ говоритъ онъ съ горькою ироніей женѣ. „Не по своей то волѣ было“, оправдывается жена, сваливая свой грѣхъ на барское насиліе. „Для чего мнѣ не писала про то?“ возражаетъ литерщикъ. „Это дѣло столь значить дорого и чувствительно для души моей что я, можетъ бросимши все въ Питерѣ, прискакалъ бы сюда честь мою соблюсти... Теперь тоже, сколь ни велика господская власть, а все-таки имѣ, какъ и другимъ прочимъ постороннимъ, не позволено того дѣлать. Земля наша не безсудна: коли бѣ онъ гелерича какія притѣсненія сталъ дѣлать, я можетъ и до начальства бѣ дорогу нашель... Что жъ ты маѣ, бестія, такъ ужъ

оченно на страхъ-то свой сворачиваешь, кабы сама того, стромовщица, не захотѣла!“ Такимъ образомъ, драма вначалѣ поставлена дѣйствительно въ смыслъ протеста противъ крѣпостнаго насилія; но тотчасъ же оказывается что насилія въ сущности никакого не было, что Лизавета сама полюбилъ барина, а замужъ шла неволею и мужъ былъ ей всегда протевекъ. „Мнѣ его ничего не жаль, открывается она барину;— онъ теперь говоритъ что я ему хуже дохлой собаки стала, то забываючи что какъ подъ вѣнецъ еще насъ везли, такъ онъ може былъ для меня такимъ. По сиротству да по бѣдности нашей сговорили да скрутили, словно живую въ землю закопали, и вся теперь ваша воля, баринъ: не жить мнѣ съ вами, ни при немъ.. какая я ему теперь мужнина жена?“— „Можетъ, какъ вы еще молоденькимъ-то сюда прѣзжали, говоритъ она далѣе, такъ я заглядывалась и засматривалась на васъ, и околъ много теперь всѣмъ сердцемъ своимъ пристрастна къ вамъ и жалѣю васъ, сказать того не могу, и мое такое теперь намѣренье, баринъ... Пускай тамъ какъ собирается: вожомъ что ли рѣжетъ меня, али въ рѣкѣ топить, а мнѣ либо около васъ жить, либо совсѣмъ не быть на бѣломъ свѣтѣ.“ Въ третьемъ дѣйстви, когда бурмистръ приводитъ къ Аванію Яковлевичу крестьянъ чтобы судить его съ женою, Лизавета говоритъ имъ: „Всѣ вы можетъ видѣли какъ я повѣчала-то за него была... въ свадебныхъ-то саяяхъ почестъ-то связавшую везли. Честь мою дѣвчью мнѣ легче бы было кивуть разбойнику въ лѣсу чѣмъ ему—такъ съ меня спрашивать тоже много нечего: грѣшница али праведница черезъ то стала, а что стыдъ теперь всякій свой потеряючи, при всемъ народѣ говорю что барская полюбовница есть, и теперь значить ведите меня къ господину—послѣдней коровницей али собакой, но при нихъ быть желаю, а ужъ слушаться и шею свою подставлять злодѣю своему не хочу.“

Такимъ образомъ кажется должно быть совершенно ясно что протестъ противъ крѣпостнаго права если и носился предъ авторомъ въ началѣ драматическаго замысла, то при дальнѣйшемъ развитіи драмы предполагаемая основная идея произведенія существенно расширилась и измѣнилась, и скорѣе даже вовсе уступила мѣсто другой, болѣе общей и такъ-сказать вѣчной идее. Въ самомъ дѣлѣ, со втораго дѣйствія становится уже ясно что драма затрогиваетъ не частный вопросъ помѣщичьяго права, а одинъ изъ самыхъ ве-

зазрѣвшимъ и вѣчно жгучихъ вопросовъ личной и общественной морали. Со втораго дѣйствія авторъ видитъ въ драмѣ уже не столкновение подневольнаго крѣпостнаго чело-
вѣка съ барскою прихотью, а столкновение мужа съ постороннимъ лицомъ овладѣвшимъ чувствами его жены. Такъ именно смотритъ на дѣло и виновникъ приближающейся катастрофы, безхарактерный, хотя прекраснѣйшій помѣщикъ Чегловъ, одинъ изъ тѣхъ слабыхъ и сомнѣвающихся людей которыми такъ богато было образованное общество сороковыхъ годовъ и которымъ тогдашняя литература усвоила наименование „людей заведенныхъ рефлексіей“. Его гложетъ тоска угрызеній и соматній, онъ терзается предъ положеніемъ въ которое поставила его драма. „Какое бы ни было въ началѣ мое увлеченіе, говоритъ онъ своему зятю, стыдившему его любовью къ необразованной женщинѣ, во всякомъ случаѣ я привыкъ къ ней; наконецъ, я честный чело-
вѣкъ: мнѣ Богъ знаетъ какъ ее жаль, видя что обстоятельства располагаются самымъ страшнымъ, самымъ ужаснымъ образомъ“. И когда зять увѣряетъ его что рѣшительно не видитъ ничего страшнаго и ужаснаго, онъ прибавляетъ: „У меня тутъ наконецъ ребенокъ есть, моя плоть, моя кровь; поймите вы хоть это по крайней мѣрѣ и пощадите во мнѣ хоть эту сторону!“ Зять однако и на эту сторону смотритъ съ своей житейско-практической точки зрѣнія: ребенка можно взять въ домъ, вырастить, а тамъ приписать въ мѣщане или въ кулцы. Но Чегловъ при этомъ хватается за голову и восклицаетъ: „Чувствуешь ли, Сергѣй Васильичъ, какія ты ужасныя вещи говоришь и какимъ отвратительнымъ тономъ Тараса Скотина?“

Но и съ своимъ болѣе чело-вѣчнымъ воззрѣніемъ на завязавшуюся драму, Чегловъ не въ силахъ указать самому себѣ никакого выхода изъ роковаго положенія. Разорвать съ любимой женщиной, пожертвовать ребенкомъ онъ не можетъ; пожертвовать обманутымъ мужемъ не позволяетъ ему натура, также какъ и взглянуть на дѣло грубо-практическими глазами своего зятя. И то что онъ предлагаетъ Аманію Яковлеву, въ самомъ дѣлѣ, выходитъ очень смѣшно, а на взглядъ мужика должно показаться и очень глупо. „Первая моя просьба, говоритъ онъ мужу.—забудь что я тебѣ господинъ и будь совершенно со мной откровененъ“.—„Я можетъ и ловимать того не хочу, къ чему теперича одинъ лустой

этотъ разговоръ идти можетъ, отвѣчаетъ ему Анавій Яковлевъ. Нечего мнѣ тутъ понимать!“—„Разговоръ этотъ, рано ли, поздно ли, долженъ былъ бы прійти къ тому, и я опять тебѣ повторяю что считай меня въ этомъ случаѣ совершенно за равнаго себѣ, и если я тебя обидѣлъ, то требуй какое хочешь удовлетвореніе“, продолжаетъ Чегловъ, и предлагаетъ тотчасъ же перезаложить имѣніе и отдать Анавію все что ему выдадутъ. И когда на это малодушно-грубое предложеніе Анавій Яковлевъ отвѣчаетъ что чести своей онъ никому не продавалъ ни за большія деньги, ни за малыя, онъ возвращается къ своей прежней точкѣ отправленія и силится видѣть въ обманутомъ мужѣ равноправную нравственную личность. „Тутъ, говоритъ онъ ему, видить Богъ, не только что тѣни какого-нибудь насиія, за которое я убилъ бы себя, но даже простой хитрости не было употреблено, а было дѣломъ одной только любви: будь твоя жена барыня, крестьянка, кулчиха, герцогиня, все равно... и если въ тебѣ оскорблено чувство любви, чувство ревности, вытянемъ тогда другъ друга на барьеръ и станемъ стрѣлаться: другаго выхода я не вижу изъ нашего положенія.“

Смѣшнѣе такого „выхода“ конечно ничего не могло быть, и Анавію Яковлевичу только и осталось отвѣтить: „Ваши слова, сударь, я за одинъ только смѣхъ принять могу, ваша кровь супротивъ господской ничего не стоящая, и мы наказанье только потерпѣть можемъ.“

Ясно что изъ этихъ двухъ людей поставленныхъ роковыми обстоятельствами въ драматическое положеніе, не Чегловъ, слабохарактерный и „заѣденный рефлексіей“, найдетъ развязку. Все что онъ можетъ сдѣлать въ своей мятущейся безпомощности, это рѣшиться на бессильную полумѣру, только ускорившую роковой исходъ драмы. Онъ вспоминаетъ о своемъ барскомъ правѣ для того чтобы запретить мужу-крестьянину причинить какой-нибудь вредъ женѣ или ребенку, и поручаетъ бурмастру наблюдать надъ исполненіемъ этой мѣры. „Ничего ты съ ней не сдѣлаешь, кричитъ онъ Анавію, когда тотъ грозится расправиться съ женою.—Голько перешагнувъ черезъ мой трулъ ты развѣ можешь что-нибудь сдѣлать. Я вотъ, Кааистратъ, тебѣ поручаю и прошу тебя сдѣлай ты для меня это одолженіе—день и ночь слѣди чтобы волоса съ головы ея не пало. Лучше что хотите надо мной дѣлайте чѣмъ вамъ

нею... она дороже мнѣ жизни моей, такъ вы и знайте, такъ и знайте!“

Съ той минуты когда нравственная несостоятельность Чегаова какъ натуры, какъ человѣка дѣйствія, обнаруживается рѣзко и окончательно въ этой сценѣ, дальнѣйшій ходъ драмы уже ускользаетъ изъ его рукъ, и весь интересъ сосредоточивается на Анааніи Яковлевѣ. Мужъ развяжетъ роковой узелъ, связавшій эти три лица. Но еще ничѣмъ не обусловлено заранѣе насильственное разрѣшеніе нравственнаго и соціальнаго вопроса въ который теперь уже дѣйствительно сложилась драма. Анаанія Яковлевъ—характеръ настолько же осмотрительный и сердечный, настолько рѣшительный и порывчатый; буря долго зрѣетъ въ душѣ его, прежде чѣмъ разразиться. Онъ еще можетъ простить жену, примириться съ обстоятельствами, обтерпѣться въ нихъ. Третье дѣйствіе застаётъ его именно въ этомъ примирительномъ настроеніи. У него только одна дѣль—возвратить себѣ жену, забыть обиду и начать новую жизнь. „Лизавета! что вы тутъ все лежите? подьте сюда!“ вызываетъ онъ жену, скрывающуюся отъ него за перегородкой. „Сама худое дѣлаете, да еще въ обиду вламываетесь. Не наказывать васъ хотять, а хоша бы маломальски внушить и на хорошее наставить, коли не совсѣмъ еще разсудокъ свой потеряли...“—Не смогу я... будетъ съ меня... спасибо, отвѣчаетъ Лизавета. „А мнѣ легче твоего? продолжаетъ Анаанія Яковлевъ. Не изъ блажи, али изъ самодурства, всамотка, куражатся надъ тобой.. Не успѣли тебя за вину твою простить, какъ ты опять за то же принялась. Камень будь на мѣстѣ человѣка, такъ и тотъ долветъ... Не будь, кажется, ничего такого, такъ не токмо что руку свою поднимать, а взглядомъ своимъ обидѣть васъ никогда не желалъ бы!“ Лизавета остается „попрежнему невнимательна къ его ласковымъ рѣчамъ. „Человѣкъ-то, какъ видно, забереетъ себѣ блажь въ голову, такъ что хошь съ нимъ дѣлай, ничего понять не можетъ, начинаетъ выходить изъ себя Анаанія Яковлевъ:—ты къ нему съ добромъ, а онъ все къ тебѣ съ коломъ. Я вотъ теперь не то что съ гнѣвомъ какимъ, а и терзаючись всѣмъ сердцемъ моимъ со слезами на очахъ своихъ, при матери вашей, прошу васъ образумьтесь и станемъ жить какъ и прочіе добрые люди! Самъ свое сердце смирилъ, кажись сколько могъ, и какой бы тамъ внутри червакъ ни сидѣлъ, все прощаю и забываю; ну по пословицѣ что

съ возу упало, то пропало — не воротить! По крайности напередъ себя поправить желается. И грѣха теперь бѣжавши, какъ и священникъ вотъ тоже совѣтуетъ, завтра же поведемъ со мною въ Питеръ“...

Вотъ первый исходъ какой представляется Анамію Яковлеву среди залутавшихся роковымъ образомъ обстоятельствомъ. Тетка зрѣнія его очевидно советамъ чужа чѣмъ Чеглова. Онъ не ищетъ какъ примириться съ новымъ положеніемъ; онъ понимаетъ что это новое положеніе невозможно бессмысленно, и думаетъ только о томъ чтобы возвратиться къ прежнему нормальному порядку. Что съ воза упало, того не воротить, говоритъ онъ, и мирится съ нанесеннымъ ему нравственнымъ ущербомъ, но съ тѣмъ чтобы жить съ этимъ ущербомъ также точно какъ жилось до того. Ему не мало становится на равную ногу съ барининомъ, какъ приглашаетъ его Чегловъ; онъ и безъ того знаетъ что въ этомъ случаѣ онъ такой же человекъ какъ и баринъ, и что право на жену и даже на незаконнаго ребенка принадлежитъ ему одному. Когда Чегловъ говоритъ ему что не позволить увести Лизавету въ Петербургъ,—„никакъ нѣтъ-съ“, возражаетъ онъ, „когда я значить за себя и за жену оброкъ хотя бы двойной предоставляю, кто жъ мнѣ можетъ прелятствовать въ томъ?“ Въ третьемъ дѣйствиіи, уговаривая жену ѣхать въ Питеръ онъ говоритъ: „а ежели насчетъ паспорта какое притѣсненіе выйдетъ, такъ я и такъ увезу: прямо начальству объясню, почему и для чего это быдо дѣлано“. И когда теща поддакиваетъ ему „что на нее смотрѣть? чего и кого тебѣ бояться тутъ?“—„Не о боязни рѣчь!“ кратко прерываетъ ее Анаміи Яковлевъ, какъ человекъ къ которому пристають съ тѣмъ чего у него и на умѣ нѣтъ. Понятно что когда Чегловъ усиливается поставить его на точку зрѣнія такъ-называемой нравственно-развитой личности, доказывая ему что нельзя держать при себѣ жену когда она не любитъ мужа, Анаміи Яковлевъ даже толковать объ этомъ стыдится и замѣчаетъ только барину что „это ужъ, сударь, мое дѣло заставить тамъ ее, аи нѣтъ, полюбить себя“. Лишь за нѣсколько минутъ до катастрофы, когда является бурмистръ съ „миромъ“ чтобы судить частное дѣло Анаміи Яковлева, изъ устъ послѣдняго вырывается угроза приготовляющая зрителя къ кровавой развязкѣ. „Ежели теперича разбойникъ этотъ ворвется сюда, говорить онъ жевѣ, и вы слово при немъ промолвите, я живъ

съ вами, Лизавета, не разстанусь." Ананій чувствуетъ что дѣло которое онъ рѣшилъ забыть, вырвать изъ своего сердца, лишь бы все хоть по видимости пошло попрежнему, не хотѣть счесть конченнымъ дѣломъ, не хотѣть дать ему забыть и простить; вотъ что подымаетъ въ груди его ту бышнюю бурю которая заставляетъ человѣка хвататься за топоръ. Угроза не дѣйствуетъ на Лизавету, она несетъ „въ мѣръ“ позоръ мужа, и катастрофа овершается.

Повторяемъ, мы не задаемся юнымъ разборомъ комедіи г. Писемскаго, а стараемся разъяснить только ея главную идею. Поэтому мы не будемъ здѣсь останавливаться на мастерскомъ развитіи характера Ананія Яковлева и на художественной психологически вѣрной развязкѣ драмы, заключающейся, какъ извѣстно, въ добровольномъ покаяніи смирившагося преступника. Четвертый актъ, необходимый въ отношеніи художественномъ и сценическомъ, ничего не прибавляетъ къ идеѣ произведенія: она очерчена въ трехъ первыхъ дѣйствіяхъ. Насколько мы понимаемъ и сумѣли объяснить, идея эта вовсе не имѣетъ того слишкомъ узкаго содержанія какое видѣна въ ней критика пятидесятыхъ годовъ, но обнимаетъ широкій нравственно-соціальный вопросъ, о которомъ, отчасти подъ вліяніемъ сильно читавшихся въ то время романовъ Жоржъ-Санда, тогдашняя литература наша вообще много говорила. Это вопросъ свободы чувства, въ столкновеніи съ общепризнанными понятіями о бракѣ, тотъ самый вопросъ который послужилъ темою извѣстному роману: *Кто виноватъ?* Многие быть-можетъ найдутъ что вопросу этому въ *Горькой Судьбинѣ* въ сущности не дано никакого рѣшенія, такъ какъ кровавая развязка конечно не можетъ быть сочтена желаемымъ выходомъ изъ какихъ бы то ни было житейскихъ столкновеній. Но въ подобныхъ вопросахъ рѣшенія не сочиняются, а вырабатываются жизнью. Мы видѣли въ послѣдніе годы въ нашей беллетристикѣ много попытокъ опередить жизнь и разрѣшить теоретически то чего не разрѣшилъ г. Писемскій, и все-таки полагаемъ что авторъ *Горькой Судьбины* стоитъ въ этомъ вопросѣ на болѣе твердой почвѣ чѣмъ романисты и драматурги новой школы. Жизнь безпощадно отмѣчаетъ самыя хитрыя теоретическія рѣшенія, и кто ближе и проще подойдетъ къ жизни, тотъ одѣмаетъ больше. Въ противоположности характеровъ и воззрѣній, съ какими выступаютъ въ комедіи г. Писемскаго Чеголовъ и

Ананій Яковлевъ, мы видимъ именно попытку подойти къ жизни какъ можно ближе и проще. Гуманная воззрѣнія Чеголова, его бессильная проба выпутаться изъ драматической коллизіи съ помощью теоріи нравственно-развитой личности, только еще болѣе запутываютъ положеніе, съ которымъ онъ ищетъ заключить сдѣлку. Ананій смотритъ на это самое положеніе иначе, какъ на болѣзнь отъ которой необходимо избавиться, какъ на наслѣдіе которое надо стряхнуть съ себя. Не *modus vivendi* въ этомъ новомъ положеніи хочетъ онъ найти, а выйти изъ него во что бы то ни стало, цѣною ли нравственнаго наслѣдія надъ собою, т. е. путемъ забвенія и прощенія, или цѣною крови и преступленія. Въ этомъ и заключается возможное въ жизни рѣшеніе вопроса, рѣшеніе отрицательное, отвергающее сдѣлку съ очерченнымъ въ драмѣ положеніемъ.

Въ самомъ послѣднемъ своемъ произведеніи, въ комедіи *Ваалъ*, г. Писемскій возвращается къ той же темѣ, только на этотъ разъ дѣйствіе распределяется между лицами принадлежащими къ одной и той же образованной средѣ. Весьма любопытно сопоставить эти двѣ пьесы и взглянуть какимъ образомъ та же тема разыгрывается авторомъ при другой обстановкѣ и другихъ условіяхъ.

Богатый коммерсантъ Бургмейеръ женатъ на молодой и красивой женщинѣ, Клеопатрѣ Сергѣевнѣ. Бракъ этотъ заключенъ былъ, какъ оказывается изъ словъ самой Клеопатры Сергѣевны, не по указанію чувства, а такъ себѣ по какому-то стеченію обстоятельствъ, по какой-то привычкѣ, установившейся между богатымъ пожилымъ человѣкомъ и бѣдною дѣвушкой. Бургмейеръ издавна благодѣтельствовалъ семьѣ Клеопатры Сергѣевны, выкупалъ ее отца изъ ямы, содержалъ ее мать, воспитывалъ ее на свой счетъ. „Она мнѣ очень не нравилась, говоритъ она, но я не хотѣла ему оставаться обязанною за себя и за семью мою и стала привыкать къ нему.. Мнѣ казалось что она-то ужъ очень меня любить... мнѣ думалось что если я полюблю кого-нибудь другаго, такъ это для Бургмейера будетъ ужаснѣе потери чести, сословія, самой жизни даже!“ И вотъ это именно опасеніе оскорбить и погубить человѣка, такъ сильно повидимому ее любившаго, заставляло Клеопатру Сергѣевну строго наблюдать за своимъ чувствомъ и при первыхъ признакахъ зараждающагося увлеченія безжалостно подавлять его въ себѣ. Предметъ этого

увлеченія молодой, красивый, образованный Мировичъ, депутатъ отъ земства. Клеопатра Сергѣевна влюбляется въ него съ первой встрѣчи, но долгое время борется съ своимъ увлеченіемъ щадя чувство мужа. Вдругъ неожиданное обстоятельство убѣждаетъ ее что любовь къ ней пожилаго мужа вовсе не такъ горяча и благородна, какъ ей казалось. Крупный подрядъ, приемъ котораго зависитъ отъ Мировича, отдаетъ Бургмейера въ руки послѣдняго. Если выстроенное имъ для земства зданіе не будетъ принято, кредитъ его падаетъ, ему грозитъ банкротство. Зная что Мировичъ равнодушенъ къ его женѣ, онъ проситъ ее пойти къ нему „пококетничать“ и выпросить снисхожденія къ дурному исполненію подряда. „А если я сама въ этой игрѣ увлекусь Мировичемъ?“ спрашиваетъ удивленная жена.—Что жь! отвѣчаетъ съ гримасой на лицѣ Бургмейеръ. И когда Клеопатра Сергѣевна признается ему что это значитъ прикладывать огонь къ пороху, потому что она сама равнодушна къ Мировичу,—„что жь дѣлать, если ничего другаго не осталось?“ возражаетъ мужъ. Сцена эта открываетъ Клеопатрѣ Сергѣевнѣ глаза на истинныя отношенія къ ней мужа; единственная узда сдерживавшая ея страсть исчезаетъ. „Я давно и ночью молила Бога, говорить она, чтобъ Онъ помогъ мнѣ совладать съ моею страстью; но ты самъ кидаешь меня въ эту пропасть, такъ и лезай на себя! Я съ удовольствіемъ, даже съ восторгомъ поѣду къ Мировичу; но только я ужъ и останусь тамъ, не возвращусь къ тебѣ больше.“ Сдѣлка совершается: Мировичъ, послѣ непродолжительной борьбы съ своею страстью, уступаетъ ей, беретъ назадъ свои замѣчанія о дурномъ исполненіи подряда, выходитъ совсѣмъ въ отставку. Клеопатра Сергѣевна остается у него, а Бургмейеръ утѣшается опасными цѣною жены милліонами и любовью красивой авантюристки, являющейся раздѣлить съ нимъ его богатство.

Такъ какъ содержаніе *Ваала* извѣстно читателямъ *Русскаго Вѣстника*, то мы опускаемъ здѣсь всѣ вводные эпизоды втораго и третьяго дѣйствія, и переходимъ прямо къ послѣднему акту. Между этимъ актомъ и только-что разказанною сценою проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ. Бургмейеръ въ это время успѣлъ уже покончить съ своею второю любовью, убѣдившись что онъ не болѣе какъ золотой мѣшокъ въ глазахъ интригантки. Мировичъ, вышедшій въ отставку и компрометтированный въ дѣлѣ Бургмейера, бѣдствуетъ съ Клеопатрой Сер-

гѣвой и едва-едва перебивается со дня на день; она зарабатывает кое-что корректурой, она—шитьемъ. Она успѣла уже задолжать двѣ тысячи, и Бургмейеръ скулилъ его вконецъ, намѣреваясь пригрозить ему тюрьмою чтобы заставить Клеопатру Сергѣевну бросить его. Разочаровавшись въ любовницѣ и въ благодѣтельствованномъ имъ жидѣ Руфинѣ, старый коммерсантъ не прочь сойтись снова съ женою, и для этого всѣми силами старается расторгнуть ея связь съ Миновичемъ. Но связь эта и безъ того уже держится на одномъ только недоразумѣніи. Блѣдность, бездѣятельность, сознание неразчетаиваго шага, вѣчныя слезы любимой женщины—все это уже настолько охладило чувства Миновича что онъ боится заглянуть въ собственное сердце. „Скажи, любишь ли ты меня хоть сколько-нибудь, или совсѣмъ разлюбилъ?“ спрашиваетъ его Клеопатра Сергѣевна.—„Какъ мнѣ сказать тебѣ правду? отвѣчаетъ онъ, понуривъ голову:—опредѣлить тебѣ рѣшительно, разлюбилъ ли я тебя или нѣтъ, я не могу, потому что это для меня самого тайна.“ И тутъ же, съ малодушнымъ резонерствомъ и жалкимъ самооправданіемъ человѣка по самой натурѣ своей неспособнаго ни къ какому глубокому чувству, онъ объясняетъ ей какія неблагоприятныя условія окружали его любовь: „Я одно только совершенно ясно сознаю, что мушницѣ, при благоприятныхъ даже условіяхъ жизни, когда ему не нужно ни заботиться, ни трудиться, сидѣть все время около женщины и заниматься только ея любовью и ласками съ ней—невозможно! Это унижительно почти и позорно! Но когда еще при этомъ окружаетъ нужда, когда знаешь что надобно заработать кусокъ хлѣба для себя и этой несчастной женщины, а работы въ то же время нѣтъ, то это пребываніе исключительно въ одной области любви есть пытка! Пытка, слагающаяся изъ каждоминутныхъ угрызеній совѣсти, скуки... презрѣнія къ самому себѣ... досады на себя и даже на любимую женщину... досады, если хочешь, доходящей до жалауи и до немилости!“ Очевидно Миновичъ, чтобы оправдаться самому, ищетъ обвинить наскучившую ему женщину—въ тебѣ дескать мало содержания для моего высокообразованнаго ума, мнѣ трудно удовлетвориться твоею любовью... И когда несчастная женщина, появившая въ эту минуту сколько безсердечнаго эгоизма кроется подъ тѣмъ что она принимала за любовь, объявляетъ о своемъ намѣреніи возвратиться къ мужу, —Миновичъ блѣднѣетъ и восклицаетъ самъ очевидно не со-

знавая смысла своихъ словъ: „Ну это, знаешь, ужаснѣе всего бы для меня было! Это заставило бы меня потерять къ тебѣ всякое уваженіе.“ За что? за что? спрашиваетъ убитая горемъ женщина, и Мировичъ пускается въ отвѣтъ въ проповѣдь объ эксплуатаціи работника, вредѣ капитала и пр. Онъ не проститъ ей возвращенія къ мужу потому-молъ что ея мужъ купецъ, а купецъ въ человѣческомъ обществѣ—паразитъ и заѣдатель денегъ работника и потребителя. „Всѣ усилія тельеръ лучшихъ и честныхъ умовъ—ораторствуетъ онъ не сознавая неприличія и бездушія подобнымъ тирадъ въ минуту разрыва съ любящею женщиной, направлемы на то чтобы кулцовъ не было и чтобы отнять у капитала всякую силу! Для этихъ господъ скоро придетъ ихъ часъ, и съ ними вѣроятно разчитаются еще почище чѣмъ нѣкогда разчитались съ феодалными дворянами.“ Для Мировича возвращеніе Клеопатры Сергѣевны къ мужу есть только вопросъ личнаго самолюбія. „Если ты его предпочитаешь мнѣ, чѣмъ же я послѣ того являюсь въ глазахъ твоихъ? Дрянью, которой ужъ и имени нѣтъ, и ты не только что разлюбишь, но презирать меня должна!“ Все это нисколько не мѣшаетъ Мировичу, сваливъ на плечи мужа надѣвшую ему женщину, воспользоваться услугами этого мужа, чтобы устроиться самому въ Америкѣ, агентомъ тѣхъ самыхъ паразитовъ объ истребленіи которыхъ заботятся всѣ лучшіе и честные умы нашего времени. И горькою ироніей звучитъ въ его устахъ прекрасная заключительная тирада, въ которой авторъ выразилъ общій смыслъ пьесы: „Прими, Ваалъ, еще двѣ новыя жертвы! Мучь и терзай ихъ сердца и души, кровожадный богъ, въ своихъ огненныхъ когтяхъ! Скоро тебѣ всѣ поклояются въ этотъ вѣкъ безъ идеаловъ, безъ чаяній и надеждъ, вѣкъ мѣдныхъ рублей и фальшивыхъ бумагъ!“

Такъ развязываетъ авторъ въ новой комедіи ту же самую тему „свобода чувства“, на которой, какъ мы видѣли, построена *Горькая Судьбина*. Но въ *Ваалѣ* эта тема обставлена совершенно иначе. Въ пьесѣ пятидесятихъ годовъ, дѣйствующимъ элементомъ драмы является избытокъ глубокаго, чистаго чувства, которому тѣсно среди обставившихъ его нравственныхъ и бытовыхъ условій; въ комедіи нашего времени, напротивъ того, драматизмъ положенія зависитъ отъ крайней скудости и вялости чувства, обнаруживаемой дѣйствующими лицами во всѣ рѣшительные моменты драмы. Бургмейеръ

дѣлаетъ первый невѣрный шагъ, послужившій завязкой драмы, потому что въ минуту грозящаго ему банкротства не находитъ въ своемъ сердцѣ достаточной любви къ женщицѣ носящей его имя. Мировичъ мечется и терзается подавъ любимой женщины, пожертвовавшей ему всѣмъ, потому что не находитъ въ себѣ достаточной силы чувства чтобы переносить равнодушно матеріальныя лишения и слыдающій его голосъ честолюбія. Онъ лишается этой женщины, потому что не въ состояніи болѣе скрыть какъ мало ее любить. Бессиліе и какая-то поразительная легкость чувства рѣшотъ надъ всѣми, даже второстепенными лицами комедіи, и она сама повидимому не сознаютъ того, потому что эти минутныя капризы раздраженной чувствительности или чувственности заставляютъ ихъ рѣшаться на весьма нелегкіе поступки. Въ *Горькой Судьбинѣ*, страсть бросающая дѣйствующихъ лицъ въ драматическія столкновенія идетъ объ руку съ самопожертвованіемъ; въ *Валѣ*, напротивъ, чувство двигающее дѣйствующими лицами заставляетъ ихъ стремиться пожертвовать любимой личностью изъ эгоистическаго интереса. Зритель постоянно чувствуетъ что не любовь составляетъ настоящую подкладку драмы, а что-то другое, только случайно сочетавшееся съ сердечною привязанностью, да и самая эта привязанность является чѣмъ-то сомнительнымъ, чѣмъ-то среднимъ между настоящею страстью и развратомъ, если не совершеннымъ развратомъ, какъ въ отношеніяхъ Бургмейера къ Евгеніи Николаевнѣ, или Евгеніи Николаевны къ Куницыну. Эта неспособность къ глубокому, саможертвующему чувству, и легкость съ какою минутныя вспышки и вялое увлеченіе принимаются всѣми за настоящую страсть представляютъ одинъ изъ тѣхъ крупныхъ признаковъ новаго общества которые собралъ г. Писемскій въ своей послѣдней комедіи.

Такъ какъ мы заговорили о новомъ обществѣ,—а комедія г. Писемскаго есть дѣйствительно картина новаго общества хотя и начерченная мѣстами черезчуръ рѣзко,—то намъ не лишне будетъ остановиться на двухъ характерахъ, въ которыхъ болѣе общіе признаки этого общества отразились съ особенною полнотой. Мы оставимъ въ сторонѣ Бургмейера, такъ какъ характеръ этотъ совершенно понятенъ и не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ, и обратимся къ Мировичу и Куницыну.

Понимаетъ ли авторъ Мировича какъ героя въ общеприня-

томъ смыслѣ, т.-е. какъ силу своего времени, своего поколѣнія? Авторъ нигдѣ не даетъ положительнымъ образомъ опредѣлить его отношенія къ этому лицу, и мы полагаемъ что ему иначе и поступить нельзя было, потому что Мировичъ есть продуктъ не установившагося, безпринципаго, переходнаго времени, и какъ всѣ такіе продукты еще не сложились въ окончательную индивидуальность. Онъ можетъ выйти и хорошъ и дурень, смотря по обстоятельствамъ, потому что почва на которой онъ воспитался—не отвердѣла, и въ душѣ его нѣтъ того положительнаго идеала добра, безъ котораго голая ненависть ко злу еще не составляетъ серьезнаго ручательства. Онъ безъ сомнѣнія выступаетъ воодушевленнымъ честнымъ и благороднымъ стремленіями; но особенность его, какъ особенность цѣлаго извѣстнаго типа современнаго поколѣнія, заключается въ томъ что его честность—какая-то отрицательная честность, питаемая лишь озлобленіемъ противъ неправды и зла въ старомъ складѣ жизни и не опирающаяся ни на какой положительный идеалъ ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ, честность лишенная всякой сердечности, какъ у героя *Тысячи Душъ*, и раздувающая непомерное самолюбіе и самолюбіе. Въ сценѣ когда Клеопатра Сергѣевна приходитъ къ нему просить за мужа, онъ самъ нѣсколько опредѣляетъ этотъ отрицательный характеръ своей честности: „Все наше поколѣніе, говоритъ онъ,—то-есть я и мои сверстники, еще со школьныхъ скамеекъ хвостливо стали порицать и проклинать нашихъ отцовъ и дѣдовъ за то что они взяточники, казнокрады, кривосуды, что въ нихъ нѣтъ ни чести, ни доблести гражданской. Мы *только* тому симпатизировали, *только* то и читали, гдѣ ихъ позорили и осмѣивали!“ Благодаря этимъ-то *только* воспиталось поколѣніе чуждое интересамъ и привязанностей которыми окрашивается жизнь, и ничего не имѣющее на своемъ знамени кромѣ отвлеченной ненависти ко злу и неправдѣ. Но одно отрицаніе зла еще не есть добро, и самое понятіе о злѣ и неправдѣ неизбѣжно спутается и исказится если рядомъ нѣтъ никакого положительнаго идеала добра и правды. А какіе же идеалы могутъ быть присущи поколѣнію которое *только* тому симпатизировало, *только* то читало гдѣ позорили и осмѣивали его отцовъ и весь историческій строй жизни?

Мировичъ все-таки лучшій представитель той части новаго общества надъ которою отагобѣлъ такъ-называемый духъ

времени. Подъ нимъ же начинается господство полной безпринципности, развихляйства и хищничества, иногда названного до идиотизма, иногда наглаго до живодерства, иногда мелкаго до жидовства. Замѣчательный образецъ этого развихляйства представленъ авторомъ въ мастерски изображенной личности Куницына. Это „очень рослый и смалливый мущина, и представляетъ собой отъявленнаго фрита, хоть и не совсѣмъ хорошаго тона, такъ что визитка на немъ какъ-то слишкомъ коротка, брюки крайне узки, салюги на черзурь толстыхъ подошвахъ, борода подстрижена, усы нафабрены и закручены нѣсколько вверхъ.“ Онъ, какъ и Мировичъ, готовъ ругательски ругать подлецовъ и миллионеровъ (оба они нѣсколько отождествляютъ тѣхъ и другихъ), хотя и съ иной точки зрѣнія: „хорошенько ты ихъ, братецъ, хорошенько!“ восклицаетъ онъ, когда Мировичъ показываетъ ему свой докладъ о неисправностяхъ подряда; но тутъ же и объясняетъ почему ему хочется чтобы подрядчику хорошенько досталось: „Я самъ тебѣ про себя скажу: я ненавижу этихъ миллионеровъ! Просто то-есть на улицѣ встрѣчать не могу, такъ бы взялъ кинжалъ да въ лузо ему и вонзилъ; потому завидно и досада! Ты, чортъ возьми, годъ-то годакии бѣгаешь, бѣгаешь высуня языкъ, и все ничего; а онъ только ручкой поведетъ, контрактикъ какой-нибудь подпишетъ—смотришь, ему сотанъ тысячъ въ карманъ валятся!“ Дита своего вѣка, онъ по нѣкоторой ограниченности и нравственной безпретензионности своей натуры вобралъ въ себя только самое нижнее теченіе „духа времени“, предоставляя людямъ подобнымъ Мировичу витать въ въ высшихъ слояхъ атмосферы новыхъ идей. Онъ убѣжденъ что единственная цѣль жизни—нажива, и что на той культурной стулени куды подналъ мѣтъ „духъ времени“ не существуетъ ничего что не могло бы быть куплено за деньги. Онъ считаетъ совершенно законнымъ и естественнымъ съ своей стороны—примѣняться поближе къ этому духу времени. Чѣмъ-бы ни вѣяло, но вѣетъ сегодня, а не вчера—вотъ весь катихизисъ, вся мораль, вся логика подобныхъ людей. „Нынче, братъ, только тѣмъ людямъ и житье которые любятъ лазить въ чужіе карманы и не пускать никого въ свой... Тутъ, смотришь, мошенникъ, тамъ лаутъ, въ третьемъ мѣстѣ каналья, а живя посреди розъ невоально прамешь ихъ ароматъ.“ Поэтому онъ считаетъ совершенно естественнымъ лелѣять мечту—жениться на богатой купеческой

дочкѣ, или пойти въ утѣшители къ какойнибудь мужелюбной толпоухѣ, или наконецъ забраться казначеемъ въ банкъ, стибрить тамъ милліонъ и удрать съ нимъ въ Америку. Онъ бы радъ былъ быть честнымъ человѣкомъ, но во первыхъ, съ честностью пожалуй останешься безъ денегъ и безъ карьеры, а вовторыхъ, часто онъ никакъ не умѣетъ опредѣлить что честно и что нечестно. „Надобно вамъ сказать-съ, выражается онъ о себѣ, что я человѣкъ вовсе не изъ застѣчивыхъ; но бываюгъ, чортъ возьми, обстоятельства когда рѣшительно не знаешь слѣдуетъ ли что дѣлать или не слѣдуетъ“. И въ такія обстоятельства онъ попадаетъ весьма часто. Напримѣръ, ему случается проникнуть въ намѣреніе Евгеніи Николаевны обокрасть Бургмейера. Онъ является къ послѣдшему и предупреждаетъ его. „Если сказанное вами подтвердится, говорить ему коммерсантъ, то я сочту себя обязаннымъ поблагодарить васъ нѣкоторою суммою денегъ“. „Хорошо-съ, не дурно это! восклицаетъ обрадованнымъ голосомъ Куницынъ, но потомъ, подумавъ немного, прибавляетъ: „только, знаете, не будетъ ли это похоже на то что какъ будто бы я продалъ вамъ эту госпожу вашу?“ Бургмейеръ успокоиваетъ его, Куницынъ сознается что идучи къ нему и самъ подумывалъ что не слѣдуетъ ли Бургмейеру заплатить ему тысячку, другую, потому что какъ бы то ни было, а онъ спасаетъ ему 600.000. „Всякій человѣкъ, заключаетъ онъ, внутри себя такая мерзость и скверность!“ Слустя нѣсколь дней, встрѣтивъ судебного пристава который шелъ взыскивать съ Мировича деньги по скупеннымъ Бургмейеромъ векселямъ, онъ вдругъ отдается порыву великодушія, и вынувъ изъ кармана единственные 2.000, уплачиваетъ ими долгъ тела. „Гдѣ ты взялъ денегъ, и какія у тебя могутъ быть нія 2.000?“ спрашиваетъ его болѣе изумленный, чѣмъ признательный Мировичъ. „Деньги эти у меня, братъ, Бургмейеровскія!“ наивно отвѣчаетъ Куницынъ. „Помнишь, онъ обѣщався меня поблагодарить, если слова мои оправдаются; а сегодня поутру вдругъ подаюгъ мнѣ пакетъ, съ виду ничего особеннаго не обѣщающій, распечатываю его... вижу: деньги! Пересчиталъ: двѣ тысячи рублей, и коротенькая записочка что это отъ господина Бургмейера: кратко, деликатно и благородно!“ Сконфуженный Мировичъ старается объяснить ему въ какое неблагоприятное положеніе ставить онъ его этимъ великодушнымъ поступкомъ. „Послушай, Куницынъ, у тебя дѣй-

ствительно, видно нѣтъ въ головѣ никакого различія между честнымъ и безчестнымъ. Какъ тебѣ самому-то не совѣстно было принять эти деньги отъ Бургмейера, потому что ты теперь этимъ явно показалъ что продалъ ему любившую тебя женщину, а ты еще платишь этими деньгами за меня, любовника жены Бургмейера. Понимаешь ли ты, какое тутъ слетеніе всевозможныхъ гадостей и мерзостей?“—Да это такъ, соглашается Куницынъ:—теперь я самъ вижу что тутъ есть маленькая неловкость. А въ началѣ мнѣ показалось что я пріятное для тебя дѣлаю: все-таки человека не послать въ тюрьму!—„Я въ дружбѣ твоей конечно никогда не сомнѣвался, но только на средства являть эту дружбу ты не разборчивъ“, замѣчаетъ ему Мировичъ. „Что дѣлать, братецъ, очень ужъ я нахлобачился розъ-то російскихъ, оправдывается Куницынъ.— Тамъ-самъ нюхнешь мошениковъ-то, смотришь и самъ сбредилъ!“

Предъ подобною наивностью умолкаетъ судъ. Такіе люди какъ Куницынъ должны пользоваться полнымъ правомъ невмѣяемости. Они ни въ чемъ лично не виноваты: ихъ создаютъ тѣ живіе слои духа времени которыми они дышатъ и среди которыхъ дѣйствуютъ. Ихъ дурно учили, хотя это часто люди съ университетскимъ образованіемъ. Имъ можетъ-быть и внушали кое-какіе принципы, но эти принципы распустались въ общей безпринципности, окружавшей ихъ чуть не съ самаго дѣтства. Въ той порѣ умственной и нравственной незрѣлости, въ которой они еще нуждались въ помочахъ, имъ уже приходилось впитывать въ себя софизмы новой литературы, растлѣвающую заразу утилитаризма и меркантилизма, духъ наживы, нравственного развихляйства и безыдеальности, царящій въ общественной массѣ. Эти люди заранѣе обреченныя, завѣдомыя жертвы того кровожаднаго бога который держитъ въ раскаленныхъ когтяхъ своихъ этотъ „вѣкъ безъ идеаловъ, безъ чаяній и надеждъ“.

Въ *Горькой Судьбинѣ* драма развязывается кровавою катастрофой: Аваній Яковлевъ является убійцей и окончитъ жизнь въ каторгѣ; Чегловъ долженъ умереть отъ злой чухотки. Развязка *Ваала* въ обыкновенномъ смыслѣ гораздо благополучнѣе: мужъ возвращаетъ себѣ жену, которая безъ сомнѣнія отлочно удовлетворитъ его нуждѣ въ преданномъ и вѣрномъ существѣ, для охраны его денежнаго шкафа; любовникъ уѣзжаетъ въ Америку, гдѣ безъ сомнѣнія не ограничитъ

ся жертвами одному Ваалу, но будетъ служить и другому современному богу, посылая въ петербургскія газеты корреспонденціи о рабочихъ ассоціаціяхъ и митингахъ въ пользу женскихъ правъ. Павшая жена успокоится вновь въ сытой роскоши своего прежняго существованія, искупая свой позоръ признаніемъ что разъ въ жизни она поступила какъ женщина вполне современная и честная. Евгенія Николаевна, сочетавшись законнымъ бракомъ съ Жидомъ Куфиннымъ, будетъ ослѣплять замоскворѣцкихъ ловеласовъ послѣдними блестками увядающей красоты и можетъ-быть вновь сойдется съ Куницынымъ; а безплодный юноша этотъ, выручивъ отъ мужа двѣ тысячи, заплаченные за долгъ любовника, вѣроятно не будетъ впередъ великодушничать, вдохнуть еще разъ крѣпкаго аромата російскихъ розъ. Всѣ что-нибудь потеряли въ теченіе четырехъ актовъ комедіи, но всѣ въ концѣ концовъ устроились болѣе или менѣе благополучно, такъ что раскланиваясь въ послѣдній разъ предъ публикой и вспоминая свои потери, каждый имѣетъ полное право сказать согласно древней оптимистической формулы: „все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ!“

Въ этомъ-то благополучномъ исходѣ этой драмы и заключается причина тягостнаго, гнетущаго впечатлѣнія производимаго пьесю. Впечатлѣніе *Горькой Судьбы*, несмотря на кровавую развязку, гораздо усложнительнѣе. Вы видите тамъ преступныя проявленія страсти, но дѣйствующія лица не заставляютъ васъ оскорбляться за человѣческую природу. Этотъ помѣщикъ, стыдящійся своего увлеченія и ищущій чѣмъ бы загладить обиду причиненную безотвѣтному крестьянину, этотъ мужикъ, мужъ, который „чести своей не продаетъ ни за большія, ни за малыя деньги“, этотъ преступникъ, самъ предающій себя карѣ закона, движимый высокимъ чувствомъ раскаянія и смиренія,—всѣ эти лица заставляютъ васъ вѣрить что въ средѣ ихъ возможны страсти, страданія, преступленія, но что въ этой средѣ можно жить, что въ ней есть чистый воздухъ которымъ можно дышать, не отравляя себя. Но тотъ общественный слой который изображенъ въ *Ваалѣ* очевидно изжилъ уже всѣ здоровые соки и организмъ его претерпѣлъ такія существенныя искаженія что даже честныя идеи, попадая въ него, превращаются въ какую-то нравственную слякоть.

Еще не отбывшись отъ гнетущаго впечатлѣнія выносиваго

изъ комедіи *Ваалъ*, намъ приходится перейти къ другой комедіи г. Писемскаго, гдѣ страсти и низменные аппетиты прикрыты лоскомъ благоприличія и тонкой лагутиной закулисной интриги, но гдѣ почти также мало свѣжаго воздуха и солнечнаго свѣта. Міръ изображенный въ комедіи *Подковы* представляетъ также уголокъ общества нашихъ дней и носитъ на себѣ явный отпечатокъ тѣхъ самыхъ „новыхъ вѣяній“ которыя служатъ дѣйствующими силами въ *Ваалѣ*: эти новыя вѣянія встрѣтили въ мірѣ петербургской канцелярской интриги отчасти уже готовую почву и дали на ней цвѣтъ. Комедія *Подковы* болѣе обдуманна и отдѣлана авторомъ, интрига развита въ ней круглѣе, дѣйствующія лица представляютъ большее разнообразіе типовъ, обрисованы мягче, въ тушовку ихъ положено болѣе полутоновъ; но по сатирическому значенію обѣ комедіи очень близки между собою, и представляютъ такъ сказать двустороннее развитіе одной и той же идеи—безыдеальности и хищническаго матеріализма нашего вѣка.

Завязка пьесы основана на соискательствѣ двумя лицами изъ столичной бюрократической среды только что открывшейся вакансіи на важное мѣсто. Назначеніе получаетъ Андашевскій, въ лицѣ котораго авторъ изобразилъ крупный бюрократическій типъ. Онъ соединяетъ большую служебную дѣльность съ ненасытнымъ честолюбіемъ и изстактами бойца, стремящагося во что бы то ни стало пробиться сквозь ряды конкурентовъ, на сторонѣ которыхъ преимущества рожденія и связей. Плебейское происхожденіе составляетъ его слабую сторону, которую онъ сознаетъ за собой и которая есть для него источникъ многихъ терзаній. Онъ страдаетъ отъ своего дурнаго французскаго произношенія и недостатка свѣтскости, понимая что эти недостатки даютъ его конкурентамъ значительныя преимущества. За то онъ вноситъ въ свою дѣятельность духъ интриги и энергію бойца рѣшившагося пробиться голыми кулаками. Его сила заключается въ той необузданной нескромности съ которою онъ никакой карьеры, никакаго мѣста не считаетъ слишкомъ высокимъ для себя.

Его ближайшій соперникъ, Вулавъ, оскорбленный его назначеніемъ, тотчасъ устраиваетъ подъ него первый поколъ. Прошедшее Андашевскаго не безупречно: онъ когда-то ложивился тремястами тысячъ отъ Калишинскаго акціонернаго общества, о чемъ въ свое время луцены были въ газе-

тахъ прозрачныя намеки. Вуланъ рѣшается бить своего противника по этому большому мѣсту и пользуется для того простодушіемъ нѣкоей Марьи Сергѣевны Сокиной, съ которой Андашевскій находился съ давнихъ поръ въ близкихъ отношеніяхъ, но въ послѣднее время началъ отставать, задумавъ жениться на Ольгѣ Петровнѣ Басаевой, молодой вдовѣ, дочери его главнаго начальника графа Зырова. У Сокиной хранится записка Андашевскаго, въ которой онъ неосторожно просилъ ее поберечь у себя нѣсколько дѣлъ сорванныхъ въ Калишинскомъ дѣлѣ триста тысячъ. Вуланъ выманываетъ у глуховатой и оскорбленной женщины этотъ документъ и подъ рукою пускаетъ въ печать новыя слухи о неблаговидномъ подвигѣ Андашевскаго. Большую услугу ему въ этомъ случаѣ оказываетъ чиновникъ Шуберскій, полисывающій въ газетахъ и имѣющій связи съ разными петербургскими фельетонистами. Газетныя разоблаченія даютъ новую лицу толкамъ въ столичномъ обществѣ, гдѣ многіе обижены назначеніемъ Андашевскаго, въ которомъ видятъ рагвену. Дочь графа вербуя въ этомъ самомъ обществѣ союзниковъ себѣ и своему будущему мужу, убѣждаетъ отца обратить вниманіе на свѣтскіе толки и привлечь мнѣніе петербургскихъ гостей на свою сторону, давъ мѣста двумъ самымъ назойливымъ крикунамъ и карьеристамъ. Личность графа Зырова—одна изъ самыхъ типичныхъ въ комедіи. Онъ умѣе и безъ сомнѣнія честиѣе всѣхъ окружающихъ его пошляковъ и честолюбцевъ; при болѣе благоприятной обстановкѣ изъ него могъ бы выработаться одинъ изъ тѣхъ крупныхъ характеровъ какіе представляетъ старое русское дворянство. Но окружающая его среда не воспитала въ немъ той цѣломудренной трезвости духа, которая даетъ человѣку опору въ борьбѣ съ соблазнами и искушеніями свѣта. Въ молодости онъ не былъ свободенъ отъ увлеченій и легкомыслія, и промоталъ состояніе покойной жены, которое, какъ опекунъ, долженъ былъ сохранить для дочери. Къ несчастью, изъ дочери его выработалась опытная и безсердечная штригантка, которая умѣетъ пользоваться грѣхами престарѣлаго отца чтобъ имѣть его въ своихъ рукахъ во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ ея жизни. Преслѣдуя свои личныя цѣли подъ благовиднымъ предлогомъ заботы объ общественномъ положеніи отца, она является сообщить ему какъ на одномъ свѣтскомъ раутѣ всѣ были удивлены что вакансія замѣщена

не чѣмъ-нибудь взъ титулованнаго общества, а человѣкомъ безъ связей, безъ знатности, протершимся въ люди одною службой. „Крикъ этихъ господъ, поясняетъ она, для тебя и Андашевскаго гораздо опаснѣе чѣмъ что-нибудь другое и тѣмъ больше что къ этому присоединилась опять какая-то статья въ газетахъ... Ты бы, лапа, какія-нибудь мѣры принялъ противъ этого.“— „Какія же я могу принять мѣры? возражаетъ графъ: вѣдче у насъ свобода слова и печати! Нечего сказать, продолжаетъ онъ, еще не подозревая злѣтнанаго прошедшаго Андашевскаго, славное время переживаемъ: всѣмъ негодяямъ даны всевозможныя льготы и права, а всѣ порядочные люди связаны по рукамъ и по ногамъ.“ Является Андашевскій, и на вопросъ графа почему онъ не преслѣдуетъ судомъ газетныя сплетни, объявляетъ что газеты говорятъ правду, что онъ дѣйствительно взялъ съ акціонеровъ триста тысячъ. Ошеломленный графъ бросаетъ ему въ лицо названіе вора, но Андашевскій объясняетъ что рѣшился на безчестный поступокъ для того чтобы спасти честь его дочери которая залуталась въ долгахъ. „Значитъ, насмѣшливо и злобно говоритъ графъ, вы тутъ ни причемъ.. виновата одна только Ольга Петровна и недостаетъ теперь только одного чтобы вы еще лично меня влутали въ эту гаусную исторію!“ Ольга Петровна является какъ разъ вовремя, чтобы напомнить отцу что прежде чѣмъ обратиться къ Андашевскому, она со слезами молила его заллатить ея долгъ. „Нечѣмъ мнѣ было платить твоихъ долговъ.“ восклицаетъ графъ.— „Было бы чѣмъ, лапа, есaubъ у тебя деньги на другое не ушли!“ возражаетъ дочь, и пользуясь замѣшательствомъ отца, объявляетъ о своей помолвкѣ съ Андашевскимъ. Въ эту минуту является Вуладъ съ обвинительнымъ документомъ добытымъ имъ отъ Марьи Сергѣевны Сохиной. Тутъ между нимъ и графомъ происходитъ драматическая сцена: чувствуя что его честь, его спокойствіе уже безвозвратно связаны съ судьбою Андашевскаго, графъ рѣшается на насиліе и въ газяхъ Вулада рветъ на мелкіе куски обвинительный документъ. „Ха, ха! отлично, превосходно поступаю!“ хохочетъ онъ надъ самимъ собою какимъ-то сумасшедшимъ смѣхомъ, опрокидываясь въ кресло. „Надѣюсь, что вы довольны мною! говоритъ онъ дочери и Андашевскому: и это дѣлаетъ, по милости вашей, шестидесятилѣтній человѣкъ, имя котораго некогда и ничѣмъ не было заллатнано! Да будете вы прокляты!“

Всѣ эти потрясенія укладываютъ графа въ постель; по городу идутъ слухи, распускаемые изъ-подъ руки Ольгою Петровной, что у него обнаружилось размягченіе мозга. Вуладъ въ это время умираетъ отъ удара. Андашевскій, за болѣзнь графа управляющій дѣлами, раздастъ мѣста людямъ въ которыхъ надѣется приобрести себѣ клевретовъ; не забыть при этомъ и чиновникъ-фельетонистъ Шуберскій, обязательно предложившій напечатать въ газетахъ что все писанное имъ прежде про Калишинское дѣло есть не болѣе какъ недоразумѣніе. Но честолюбивая мысль его смотритъ гораздо далѣе настоящаго положенія: онъ уже думаетъ какъ бы слыхнуть благодѣтельствовавшаго его графа и самому сѣсть на его мѣсто. Съ этою цѣлью лущены въ ходъ и слухи о неизлѣчимой болѣзни графа, и услуги фельетонной печати, и покровительство одного чрезвычайно-вліятельнаго лица, отъ котораго косвеннымъ образомъ зависятъ отставка и замѣщеніе графа. Вліятельное лицо дѣйствительно призываетъ къ графу и совѣтуетъ ему заблаговременно удалиться отъ дѣлъ. „Мы для тебя же, пала, желали чтобы ты вышелъ въ отставку и успокоился“, говоритъ ему дочь, нынѣ уже Мше Андашевская. „Ничего вы мнѣ не желали! возражаетъ ей со злобою графъ. Только пасть свою удовлетворить вы желали, крокодилы ненасытаые! Что ты всегда была волчицей честолюбивой, это видѣлъ я съ дѣтскихъ лѣтъ твоихъ; но его я любилъ и думалъ что онъ меня любить! на прощанье я могу вамъ пожелать одного: пусть у тебя родится дочь, похожая душою на тебя, а онъ отогрѣетъ за пазухой у себя такого же змѣеныша-чиновника, какого я въ немъ отогрѣлъ, тогда вы можетъ-быть и поймете что я теперь чувствую!“ Андашевскій, не сомнѣваясь болѣе что его назначатъ на мѣсто графа, внѣ себя отъ восторга; онъ уже составляетъ новый „кабинетъ“, раздавая мѣста своимъ приверженцамъ, всѣ ликуютъ, какъ вдругъ въ дверяхъ показывается графъ и предъявляетъ собравшему обществу письмо вліятельнаго лица, извѣщающее что на мѣсто его назначенъ Карга - Короваевъ, тотъ самый о которомъ Андашевскій предъ тѣмъ говорилъ что при немъ служить ему невозможно.

Развязка эта, плохо вяжущаяся съ ходомъ пьесы, такъ какъ за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ то же самое вліятельное лицо положительно обѣщаетъ графу и Андашевскому что назначеніе получить послѣдній, придѣлана авторомъ очевидно только для того чтобы смягчить тягостное впечатлѣніе какое

произволила бы комедія еслибы развитая въ ней интрига вѣнчалась успѣхомъ. И дѣйствительно, не прогляни въ послѣднихъ строкахъ пьесы слабый лучъ свѣта, комедія представляла бы такой мракъ, такую глухую ночь, что дѣйствіе ея на нравственное чувство было бы нестерпимо. Въ теченіе всѣхъ пяти актовъ зритель видитъ на сценѣ сдѣвшихъ только лаутовъ, згоистовъ, честолюбцевъ и лошляковъ; ни одна симпатичная свѣтлая личность не является раслушать эту сложную сѣть интригъ, подлостей и предательствъ. Мы не будемъ задаваться вопросомъ насколько эта картина вѣрна дѣйствительности, но не будемъ также обвинять автора въ намеренной клеветѣ на жизнь или въ несоблюденіи того художественнаго условія которое требуетъ отъ произведенія умротворяющаго и уравнивающаго впечатлѣнія. Пессимизмъ, почти всегда такъ рѣзко проявляющійся у г. Писемскаго, есть органическое свойство его таланта, его артистической натуры, и едва ли это можно ставить въ вину автору. Есть художники которые умѣютъ найти въ жизни положительныя идеалы, и есть художники которымъ свойственно смотрѣть на жизнь отрицательно. Нѣтъ основанія требовать отъ г. Писемскаго чтобъ онъ повторилъ ошибку Гоголя, пожелавшаго вопреки свойствамъ своего дарованія создать во второй части *Мертвыхъ Душъ* идеальныя русскіе типы. Съ какой бы стороны ни подступалъ художникъ къ жизни, къ людямъ,—достаточно если изображаемые имъ типы и индивидуальности будутъ психически вѣрны и живописко-образны. А такими типами и индивидуальностями богата комедія *Подковы*, и вотъ почему мы относимъ ее къ немногимъ лучшимъ созданіямъ нашего театра, изображающимъ жизнь и героевъ интеллигентнаго общества.

Нѣкоторые изъ этихъ героевъ должны были очертиться въ представленіи читателя изъ сдѣланнаго нами пересказа содержанія пьесы: другимъ, для ясности разказа, намъ пришлось дать въ немъ очень мало мѣста, иныхъ даже вовсе обойти. Между тѣмъ они, по своей цѣльности и типичности, заслуживаютъ вниманія. Г. Писемскій обладаетъ въ высокой степени умѣньемъ въ немногихъ словахъ такъ характерно опредѣлить выводимое имъ лицо что оно преслѣдуетъ, какъ живое, воображеніе читателя. Таковы, напримѣръ, въ комедіи *Подковы* Мямлинь и князь Яатарный; они въ пьесѣ вводныя лица, значеніе ихъ весьма второстепенное, но авторъ оти-

лалъ ихъ съ большою тщательностью и искусствомъ. Читатель получаетъ чрезвычайно живое представленіе даже о ихъ вѣншемъ обликѣ. Мямлинъ—плѣшивый, съ женскою почти физиономіей и необыкновенно толстымъ задомъ которымъ на ходу виляетъ. Онъ страдаетъ нервнымъ подергиваніемъ лица и при малѣйшемъ волненіи начинаетъ выдѣлывать неслыханныя гримасы. Онъ страшно глулъ и болтливъ и при этомъ любитъ выдавать себя за Москвича и человека съ кореннымъ русскимъ характеромъ; карьеру свою дѣлаетъ прикидываясь добрякомъ и надѣвая всеѣмъ неотвязчивыми просьбами. Мыслить онъ совершенно не умѣетъ, но можетъ благодѣствовать, и говорить невозможный вздоръ съ наивностью которая сначала обезоруживаетъ, но потомъ выводитъ изъ всякаго терпѣнья. Князь Янтарный во многихъ отношеніяхъ представляетъ противоположность Мямлину. У того лицо бабье и во всей вѣнности замѣчается недостатокъ чистоплотности, а князь Янтарный представляетъ изъ себя виднаго и щеголевататаго мушкетера съ восточнымъ отѣнкомъ. У него большіе, черные и даже съ поволокой, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не выражающіе глаза; онъ выстриженъ подъ гребенку и подбородокъ его тщательно выбритъ, но остается немного черноватымъ отъ необыкновенной густоты волосъ. Одѣвается онъ съ иглочки, шпала и лаковые сапоги его блестятъ почти до неприличія. Говоритъ онъ замѣтно важничая и закрывая для этого немного глаза, и вообще рѣчь его, какъ опредѣляетъ авторъ, должна быть нѣсколько похожа на журчанье ручья. Съ этою пріятною вѣнностью, онъ сознаетъ въ себѣ человека очень свѣтскаго и принадлежащаго къ лучшему обществу, и на этомъ главнымъ образомъ основываетъ свои честолюбивыя притязанія и шансы успѣха. Онъ изъ тѣхъ людей которые видятъ въ крупныхъ служебныхъ мѣстахъ нѣчто въ родѣ майоратовъ, долженствующихъ быть удѣломъ людей „хорошаго общества“. Онъ почти также глулъ какъ и Мямлинъ, но гораздо самолюбивѣе и заносчивѣе, и постоянно несетъ предъ собою, какъ щитъ и декорумъ, свою принадлежность къ „лучшему обществу“. Мямлинъ, когда его оскорбляютъ, краснѣетъ и конфузится; князь Янтарный щетинится, бурчитъ и потомъ ругается на всѣхъ перекресткахъ большаго свѣта.

Лицо занимающее въ піесѣ главную женскую роль изображено авторомъ чертами весьма мало привлекательными, но съ

полнотою цѣльнаго индивидуальнаго образа. Ольга Петровна Басаева, въ послѣдствіи Андашевская, въ полной мѣрѣ продуктъ того особаго общественнаго круга гдѣ большой свѣтъ сходится съ верхними слоями столичной бюрократіи. Воспитанная въ роскоши полу-вельможнаго дома, она выступила на сцену жизни очевидно уже въ то время когда разстроенное состояніе ея отца заставило его искать спасенія въ служебныхъ связяхъ и успѣхахъ. Графъ Зыровъ выступаетъ въ комедіи уже утратившимъ ту самостоятельность на какую имѣлъ бы право по своему общественному положенію. Его личные чувства постоянно сталкиваются съ тяжелою необходимостью оберегать свое служебное положеніе; онъ принужденъ сообразоваться съ желаніями вліятельнаго князя Михаила Семеновича, хлопотать о пенсіи и объ арендѣ. Канцелярская интрига входитъ къ нему въ домъ, окружаетъ и ослѣпляетъ его со всѣхъ сторонъ, и онъ самъ видитъ что уже не можетъ возвращаться внѣ ея. Въ этой-то атмосферѣ интриги и „подколовъ“ проходитъ молодость Ольга Петровны, и надыхавшись испорченнымъ воздухомъ, она сама дѣлается интриганкой въ самой эгоистической и непривлекательной формѣ. Никакое человѣческое чувство недоступно этой сухой и хитрой натурѣ, хотя языкъ ея привыкъ лепетать о томъ что „нельзя же чувствами владѣть и душить ихъ въ себѣ“, и что „чувства дороже всего для человѣка“! Одно что могло бы нѣсколько примирить съ нею—это ея привязанность къ Андашевскому; но и тутъ читатель или зритель неотразимо сознаетъ что въ ней говорить въ этомъ случаѣ не чувство, даже не кровь, а инстинктъ хищника, ищущаго союза съ такимъ же хищникомъ. Она какъ бы рѣшила что въ этомъ мѣрѣ интригъ и борьбы личныхъ цѣлей и честолюбіи только тотъ окажется впереди кто захватитъ въ свои руки главную нить интриги и обнаружитъ наименѣе колебаній и совѣстливости. И почувствовавъ что эта нить въ ея рукахъ, она уже не выпускаетъ ее до конца своей карьеры, не останавливаясь ни предъ чувствомъ дочери, ни предъ скандаломъ. Она даже готова гордиться подчасъ тѣмъ что такъ беззащитливо идетъ къ цѣли: „Другая на моемъ мѣстѣ, говоритъ она отцу, стала бы быть-можетъ хитрить, скрытничать“... на что отецъ возражаетъ ей: „И знаешь, это гораздо было бы лучше! гораздо! Есть такого рода откровенности которыя требуютъ большой совѣстливости чтобы высказывать ихъ!“ Но Оль-

га Петровна не изъ тѣхъ кого могутъ смутить подобныя замѣчанія. Она знаетъ что отецъ у нея въ рукахъ, и идетъ прямо къ развязкѣ. „Я буду требовать отъ тебя пяти тысячъ душъ материнскаго состоянія, изъ котораго тебѣ слѣдовала только седьмая часть.“—„Какъ? какъ седьмая часть? восклицаетъ въ ужасѣ и въ бѣшенствѣ графъ: развѣ мать твоя дѣлила когда-нибудь свое состояніе со мной? Развѣ оно не принадлежало мнѣ также какъ и ей самой? Если я не взялъ отъ нея клочка бумаги называемаго духовнымъ завѣщаніемъ, такъ потому оно твое?...“—„Да, потому оно и мое! спокойно отвѣчаетъ дочь:—адвокаты мнѣ говорили что если олекунь растратилъ состояніе малолѣтней, такъ онъ долженъ возвратить его ей; а иначе его посадятъ въ тюрьму.“—„Ольга, молчи!“ кричитъ графъ, входя въ окончательное бѣшенство.—„Дѣлай тамъ что знаешь, но не смѣй мнѣ этого говорить въ глаза...“

Ольга Петровна знаетъ что ея задача кончена, цѣль достигнута, что отецъ уже согласенъ на все и не будетъ противорѣчить князю Михайлу Семеновичу, когда тотъ, заранѣе подстроенный Андашевскимъ, пріѣдетъ совѣтовать ему выйти въ отставку; и если она еще остается въ кабинетѣ отца, начинаетъ плакать и говорить „жалобныя слова“, то только для того чтобы выиграть время и дожидаться пріѣзда князя. „Неужели же тебѣ предоставить твое мѣсто постороннему лицу пріятнѣе, чѣмъ мужу твоей дочери? говоритъ она отцу. Ты мнѣ, надѣюсь, не врагъ же совершенный! Наконецъ, если не для насъ обоихъ, то для твоего будущаго внука котораго я вошу теперь подъ сердцемъ, ты долженъ желать устроить нашу участь.“—„Даже тому, отвѣчаетъ злобно отецъ, что ты будешь матерью, какъ говоришь теперь, я не вѣрю: до того я въ васъ извѣрлся!“

Ужасный вѣкъ! ужасныя сердца!—

можно было бы воскликнуть вмѣстѣ съ герцогомъ въ Пушкинскомъ *Скупомъ Рыцарѣ*,—но разбирая идею и художественное содержаніе двухъ послѣднихъ комедій г. Писемскаго, мы рѣшились оставить въ сторонѣ вопросъ, не совсѣмъ посторонній нашей задачѣ, но завлекшій бы насъ слишкомъ далеко,—именно вопросъ, въ какой степени и какими сторонами своими отразилось въ этихъ комедіяхъ дѣйствительное современное русское общество. Не можетъ быть впрочемъ

сомнѣнія что *полная* картина и оцѣнка этого общества не входила въ планы талантливаго автора. По самому свойству своего дарованія, г. Писемскій, какъ мы уже упоминали, изображаетъ только отрицательныя явленія жизни, и если общій характеръ и направленіе этихъ явленій поваты имъ вѣрно, то и произведенія его *вѣрны*, хотя бы въ дѣйствительности упомянутыя явленія существовали не въ той степени концентричности. О послѣднихъ двухъ комедіяхъ своихъ г. Писемскій могъ бы сказать то самое что было сказано имъ нѣкогда о романѣ *Взбаломученное Море*: „Пусть будущій историкъ со вниманіемъ и довѣріемъ прочтетъ наше сказаніе: мы представляемъ ему вѣрную, хотя и не полную картину нравовъ нашего времени, и если въ ней не отразилась вся Россія, то за то *тщательно собрана вся ея ложь*.“

А.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Т О М Ъ С Т О Т Р И Н А Д Ц А Т Ы Й.

С Е Н Т Я Б Р Ъ.

	<i>Стр.</i>	
Новые источники для изученія русскаго злоса. Онежскія былины записанныя А. Θ. Гильфердингомъ. Гл. I—IV. <i>Н. Квашина-Самарина</i>	5	✓
Иславія. Путевые очерки. <i>Гр. Е. А. Салиаса</i>	45	✓
Спасо-Бородинскій монастырь и его основательница. <i>Т. Толмачевой</i>	78	
Нравы и литература во Франціи <i>V. W.</i>	139	
Моя мать и я. Автора „Джона Гауифакса“. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.....	188	✓
Турецкое духовенство и дервиши. Гл. I—IV. <i>Майоха Османъ-Бей</i>	212	
Парижская женщина. <i>Петра Петрова</i>	241	
Двѣ силы. Романъ. Окончаніе третьей части. <i>В. В. Крестовскаго</i>	278	✓
Базель и его бѣгство. <i>Н. В. Щербаня</i>	372	
Отголосокъ сельскаго судьи. <i>А. А. Фета</i>	388	
Новыя идеи въ нашей народной школѣ. <i>К. Н. Цвѣткова</i>	411	

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Парижане. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга шестая. гл. V—VIII и книга седьмая. Гл. I.

О К Т Я Б Р Ъ.

Стр.

Война и революція. Очерки нашего времени. Продолженіе. <i>В. П. Безобразова</i>	447
✓ Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники (1741—1807). <i>А. Г. Брикнера</i>	503
Турецкое духовенство и дервиши. Окончаніе. <i>Майора Османъ-Бел</i>	560
✓ Двѣ силы. Романъ. Часть четвертая. Гл. I—VIII. <i>В. В. Крестовскаго</i>	594
✓ Законъ и женщина. Романъ. Вилки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Гл. I—VII.....	659
✓ Захудалый родъ. Семейная хроника князей Протогзавыхъ. Часть вторая. <i>Н. С. Льскова</i>	703
✓ Новые источники для изученія русскаго эпоса. Олекскія былины записанныя <i>А. Θ. Гильфердингомъ</i> . Окончаніе. <i>Н. Квашина-Самарина</i>	768
Внутренняя политика Франціи за третью четверть года. <i>Петра Петрова</i>	804
„Рефлексъ“ предъ судомъ рефлексіи. (По поводу „Психологическихъ этюдовъ“ профессора <i>Свченова</i> .) <i>Д. Ц. Стадмина</i>	834
Комедія общественныхъ нравовъ. <i>А.</i>	883

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ✓ Парижане. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга седьмая Гл. II.—VI.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе 2е Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1872—73 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВѢТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 к., съ перес. 70 к.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТФЕЯ, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 к., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЗШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Принимается подписка на ежемѣсячное историческое изданіе, выходящее въ С.-Петербургѣ:

РУССКАЯ СТАРИНА.

1875 ГОДЪ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Цѣна за 12 книгъ, со всѣми приложеніями: портретами и рисунками, снимками и записками русскихъ людей — *восемь* рублей съ доставкой и съ пересылкой.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“—въ книжномъ магазинѣ *А. Ф. Базунова* (Невскій, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ *И. Григорьевича Соловьева*—на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ *исключительно* обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ въ С.-Петербургѣ, Литейной части, въ д. Трута, кв. № 12.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, изд. 1870 года (первый годъ)—два изданія, „РУССКАЯ СТАРИНА“ 1871 года (второй годъ) и 1873 года разошлись слова, до послѣдняго экземпляра, по подпискѣ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1874 года высылается подписавшимся съ 1й книги. Шесть книгъ вышли каждая перваго числа соотвѣтственнаго мѣсяца съ приложеніями: портреты (силуэты) дѣтей правительницы *Анны Леопольдовны*, статсъ-дамы *Н. Ф. Лолухиной*, *Дм. Васильевича Воюкова* (составителя манифестовъ объ освобожденіи дворянства и уничтоженіи Тайной Канцеляріи 1762 года), *А. С. Грибовдова*, генерала *Булатова*, рисунки: мѣсто заточенія *Салтычихи*, памятниковъ *кв. Кутузову* и *снимка*.

Цѣна „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1874 года, равно и 1875 года, за 12 книгъ 8 руб. съ пересылкой.

ваше собственное вознаграждение уменьшается по мѣрѣ уменьшенія продажи *Sens Commun*.

— Нѣтъ, она не приняла ихъ. Я посоветовалъ ей не давать согласія пока она не будетъ въ состоянiи сравнить эти условія съ тѣми которыя предложить ей издатель *Sens Commun*.

— И она послѣдовала вашему совету? О, *cher confrère*, какой вы счастливецъ! Вы имѣете ваіаніе на эту юную претендентку на славу де-Сталь или Жоржъ Сандъ.

— Да, я льщу себя надеждой что имѣю на нее нѣкоторое ваіаніе, сказалъ Рамо съ высокомѣрною улыбкой и наливая себѣ еще стаканъ вина, превосходнаго, но довольно крѣпкаго.

— Тѣмъ лучше. Я даю вамъ *carte blanche* для условій съ *Mademoiselle* Чигонья. Предложите ей вознагражденіе которое превышало бы все что было предложено ей другими, и я прошу васъ доставить мнѣ возможность представиться ей лично. Вы уже кончили завтракъ? Позвольте предложить вамъ сигару. Извините меня если я не составлю вамъ компанію. Я курю рѣдко, и никогда по утрамъ. Теперь къ дѣлу и къ положенію Франціи. Возьмите это кресло, усадьтесь поспокойнѣе и слушайте. Есаибы Мефистофель посѣтилъ опять землю, какъ сталъ бы онъ смѣяться узнавъ что всеобщая подача голосовъ и закрытая баллотировка въ такой старой странѣ какъ Франція одобряются образованными людьми и принимаются друзьями истинной свободы!

— Я не понимаю васъ, сказалъ Рамо.

— Позвольте мнѣ надѣяться что въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ мои объясненія могутъ быть полезны вамъ. Императоръ прибѣгнулъ къ плебисциту какъ къ несомнѣнно популярной реформѣ которой обстоятельства вынуждаютъ его замѣнить его прежнее личное правленіе. Но есть ли хоть одинъ просвѣщенный либералъ который не былъ бы противъ плебисцита? Есть ли хоть одинъ человекъ который не зналъ бы что обращеніе императора ко всеобщей подачѣ голосовъ будетъ имѣть результатомъ подавленіе свободы мысли посредствомъ единства и порядка влащенныхъ въ способномъ человекѣ стоящемъ во главѣ государства? Толпа никогда не понимаетъ принциповъ. Принципы—сложныя идеи; толпа понимаетъ только простыя идеи, а простѣйшая изъ всѣхъ есть идея освобождающее дѣйствія толпы отъ всякой отвѣтствен-

ности предъ разумомъ. Во Франціи много принциповъ которые можно противопоставить принципу императорскаго правленія, но нѣтъ ни одного имени которое можно было бы противопоставить имени Наполеона III. Следовательно, я пойду противъ толпы когда объявлю себя противникомъ лебисдита, и продажа *Sens Commis* уменьшится—она уже начала уменьшаться. Всѣ образованные люди будутъ съ нами, остальные противъ насъ. Во всякой странѣ, даже въ Китаѣ, гдѣ всѣ обладаютъ высокимъ образованіемъ, есть меньшинство образованнѣе лучшихъ остальныхъ. Итакъ, *Monsieur* Рамо, я хочу свергнуть имперію, но для этого мнѣ недостаточно имѣть на своей сторонѣ образованныхъ людей, мнѣ нужна и *canaille*, *canaille* Парижа и промышленныхъ городовъ. Я употребляю ее только какъ орудіе, я не имѣю въ виду воцарить ее. Понимаете? *La canaille* въ спокойномъ состояніи есть грязь на днѣ потока, *la canaille* взволнованная есть грязь на поверхности. Но ни одинъ человѣкъ способный связать три идеи не строить дворцовъ изъ грязи ни на поверхности, ни на днѣ Океана. Можемъ ли мы съ вами желать чтобы судьба Франціи была вручена безмозглымъ рабочимъ считающимъ себя выше всякаго кто пишетъ правильно, людямъ чье поведеніе объ общественномъ благѣ основано на конфискаціи частной собственности?

Рамо, сильно озадаченный этою рѣчью, наклонилъ голову и возразилъ шелотомъ:

— Продолжайте. Вы противъ имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ черни? За кого же вы? Конечно не за легитимистовъ? Кто вы? Республканецъ? Орлеанистъ? Или что другое?

— Ваши вопросы весьма умѣстны и я отвѣчу откровенно, отвѣчалъ виконтъ учтиво.—Я противъ абсолютной власти и Бонапарта и Бурбона и кого бы то ни было. Я за свободное государство, хотя бы во главѣ его стояла наследственная конституціонная династія, какъ въ Англіи и Бельгіи, или хотя бы оно было республикой по имени, менѣ демократическою на дѣлѣ чѣмъ нѣкоторыя наследственныя монархіи какъ въ Америкѣ. Но какъ человѣкъ заинтересованный въ судьбѣ *Sens Commis* я пользуюсь съ глубочайшимъ презрѣніемъ всеми средствами къ возмущенію элементовъ человеческой природы. Довольно объ этихъ отвѣченностяхъ. Въ дѣлу. Вы конечно знаете о свирѣпыхъ сходкахъ социалистовъ

возстающих номинально против лебисцита, на самомъ дѣлѣ протавъ императора.

— Да. Я знаю по крайней мѣрѣ что рабочій классъ весьма недоволенъ, и что многочисленныя забастовки въ теченіи послѣдняго мѣсяца были не простымъ протестомъ противъ заработной платы, а противъ всего существующаго порядка вещей. Статьи Пьера Фермена которыя привели меня въ столкновение съ правительствомъ повидимому противорѣчатъ тому что вы говорите теперь. Въ нихъ одобрялись эти забастовки, въ нихъ высказывалось сочувствіе къ революціоннымъ собраніямъ въ Монмартрѣ и Бельвиллѣ.

— Конечно. Для разрушенія мы употребляемъ грубыя орудія, но мы отбрасываемъ ихъ въ сторону когда начинаемъ строить. Я былъ вчера на одномъ изъ этихъ собраній. У меня есть билетъ на всѣ подобныя сходки, подписанный какимъ-то болваномъ который не умѣетъ даже написать правильно свое прозвище — *Pom-de-Tair*. Вхожу. Въ концѣ оркестра сидитъ зѣвая полицейскій чиновникъ, рядомъ съ нимъ его секретарь; ораторы извергаютъ потоки громовыхъ рѣчей. Полицейскій зѣваетъ все утомленнѣе, секретарь его бросаетъ перо, вооружается перочиннымъ ножомъ и начинаетъ чистить ногти. Встаетъ косматый, тощій силуэтъ человѣка, и съ торжественною миной которая шла бы добродѣтельному Гизо произносить сѣдующую резолюцію: „Французскій народъ присуждаетъ Карла Лудовика Наполеона III къ пожизненной каторжной работѣ.“ Полицейскій поднимается и говоритъ спокойно: „я объявляю собраніе закрытымъ“. Присутствующіе волнуются, жестикулируютъ, кричатъ, режутъ, полицейскій надѣваетъ плащъ, секретарь его отрывается отъ своего занятія и кладетъ перочинный ножъ въ карманъ, публика расходится, силуэтъ человѣка исчезаетъ, засѣданіе окончено.

— Вы описали эту сцену весьма остроумно, сказалъ Рамо съ неестественнымъ смѣхомъ.

Мнимый циникъ, онъ былъ устрешенъ искреннимъ цинизмомъ своего собесѣдника.

— Къ какому заключенію приводитъ васъ такая сцена, *cher poète?* спросилъ де-Молеонъ устремивъ на него свой спокойно провицательный взглядъ.

— Къ какому заключенію? Къ тому заключенію что... что...

— Продолжайте.

— Что родъ человѣческой измелъчалъ съ тѣхъ поръ какъ

Мирабо сказалъ одному церемоніймейстеру: „мы здѣсь по праву Французскаго народа, и ничто кромѣ острія штыка не заставитъ насъ разойтись.“

— Отвѣтъ достойный поэта, французскаго поэта. Я увѣренъ что вы поклонникъ Виктора Гюго. Вашъ отвѣтъ могъ бы быть его отвѣтомъ, съ тою разницей что онъ употребилъ бы еще болѣе трескучую фразеологию и облекъ бы свое наибѣйшее незнаніе людей, времени и нравовъ въ какую-нибудь непопятную метафору, но извините меня если я скажу что это не отвѣтъ *Sens Commun*.

— *Monsieur le vicomte* могъ бы побранить меня учтивѣе, сказалъ Рамо вслыхнувъ.

— Я не хотѣлъ бранить, я хотѣлъ научить. Теперь не такое время какъ въ 1789 году, и природа, постоянно повторающаяся въ созданіи дураковъ и болвановъ, никогда не повторяется въ созданіи такихъ людей какъ Мирабо. Имперія должна погибнуть потому что имперія противна свободѣ разума. Всякое правительство которое даетъ рѣшительное преобладаніе большинству противно разуму, такъ какъ разумъ есть достоиніе меньшинства. Разумъ есть самый мстительный изъ всѣхъ элементовъ общества. Онъ не заботится объ орудіяхъ съ помощью которыхъ достигается своей цѣли. Я принимаю помощь *Pom-de-Tair*, но я не увижу себя до того чтобы поддерживать принципы *Pom-de-Tair* въ статьяхъ подписанныхъ именемъ Виктора де-Моллеона или Пьера Фермена. Я прошу васъ, мой милый издатель, найти умныхъ, бойкихъ сотрудниковъ которые не знали бы ничего о социалистахъ и интернаціоналистахъ и потому не компрометтировали бы *Sens Commun* поддерживая доктрины этихъ идіотовъ, но которые бы, въ общихъ выраженіяхъ, льстили тщеславію *canaille*, писали бы какой угодно вздоръ о славѣ Парижа, этого „ока міра“, „солнца европейской системы“, о парижскихъ рабочихъ какъ о духѣ оживляющемъ это око, какъ о свѣтѣ этого солнца, всевозможную *blague* въ этомъ родѣ, въ жанрѣ Виктора Гюго, но ничего опредѣленнаго противъ общества и собственности чего нельзя было бы принять за безвредное увлеченіе поэтическаго внтузіазма. Вы можете писать такія статьи сами. Словомъ, я хочу возбуждать толпу, не подвергая однако нашего журнала презрѣнію меньшинства. Не должно допускать ничего такого что могло бы навлечь на насъ кару закона если только это не будетъ подписано моимъ именемъ. Можетъ представиться

минута когда будетъ желательно чтобы кто-нибудь отправился въ тюрьму. Въ такомъ случаѣ я не допущу никакой замѣны, я отправлюсь самъ. Теперь вы знаете мои сокровенныя мысли. Я довѣряю ихъ вашему благоразумію безо всякихъ колебаній. *Monsieur* Лебо рекомендовалъ мнѣ васъ съ величайшею похвалою и вы уже оправдали его рекомендацію. Кстати, не видали ли вы въ послѣднее время этого *bourgeois* заговорщика?

— Нѣтъ. Его профессія писателя писемъ или агента поручена клерку который говоритъ что *Monsieur* Лебо за границей.

— А! Я не думаю чтобы это была правда. Мнѣ кажется что я видѣлъ его на дняхъ вечеромъ какъ онъ крался по переулкамъ Вельвилля. Онъ слишкомъ страстный заговорщикъ, и надолго изъ Парижа не уйдетъ. Такіе горячіе умы только въ Парижѣ чувствуютъ себя въ своей сферѣ.

— Давно знаете вы Лебо? спросилъ Рамо.

— О, много лѣтъ! Мы оба уроженцы Нормандіи, какъ вы могли замѣтить по нашему акценту.

— А! Я былъ увѣренъ что вашъ голосъ мнѣ почему-то знакомъ. Онъ вѣроятно напоминаетъ мнѣ голосъ Лебо.

— Нормандцы похожи другъ на друга и во многомъ другомъ, на примѣръ въ настойчивости съ которою они держатся разъ принятыхъ идей, что дѣлаетъ ихъ добрыми друзьями и упорными врагами. Я не посоветовалъ бы никому имѣть Лебо своимъ врагомъ. *Au revoir, cher confrère*. Не забудьте представить меня *Mademoiselle* Чигоньѣ.

Г Л А В А П.

Выйдя отъ де-Молеона и усѣвшись опять въ свою карету, Рамо чувствовалъ себя озадаченнымъ и униженнымъ. Онъ былъ пораженъ тономъ превосходства какимъ говорилъ съ нимъ виконтъ. Онъ ожидалъ выслушать множество комплиментовъ, и сознавалъ смутно что вмѣсто того надъ нимъ посмѣялись. Онъ былъ и разозленъ и смущенъ, потому что политическія разсужденія де-Молеона не оставили въ его умѣ яснаго понятія какіе принципы долженъ онъ былъ распространять и поддерживать въ качествѣ издателя *Sens Commun*. Рамо былъ однимъ изъ многихъ парижскихъ политиковъ которые читаютъ

мало и размышляютъ еще менѣе объ управленіи людьми и государствами. Зависть, по словамъ одного великаго французскаго писателя, есть порокъ демократіи. Ничто иное какъ зависть сдѣлало Рамо демократомъ. Онъ могъ говорить и писать довольно бѣгло о равенствѣ и братствѣ, и былъ настолько ультра-демократомъ что считалъ умѣренность признакомъ умственной посредственности.

Вслѣдствіе этого онъ былъ сильно пораженъ разсужденіями де-Молеона. Онъ не слышалъ до сихъ поръ ничего подобнаго. Революціонные принципы виконта соединенные съ такимъ презрѣніемъ къ толпѣ и къ стремленіямъ толпы были для него китайскою грамотой. Его не поразилъ цинизмъ считавшій мудростью злоупотреблять страстями человѣчества для достиженія личныхъ цѣлей, но онъ не понималъ откровенности съ которою это было высказано.

Тѣмъ не менѣе де-Молеонъ побѣдилъ и покорила его. Рамо призналъ власть своего сотрудника не пытаясь опредѣлить ясно ея сущность, власть основанную на обширномъ знакомствѣ съ жизнью, на холодномъ анализѣ доктринъ увлекавшихъ другихъ, на патриціанскомъ спокойствіи, на остроумной насмѣшливости, на увѣренности въ себя.

Кромѣ того Рамо чувствовалъ со смутнымъ страхомъ что въ этомъ человѣкѣ, такъ смѣло высказывавшемъ презрѣніе къ своимъ орудіямъ, онъ нашелъ себя господина. Де-Молеонъ былъ единственнымъ собственникомъ журнала въ которомъ Рамо почерпалъ свои ресурсы; де-Молеонъ могъ во всякое время отказать ему, могъ вовлечь журналъ въ затрудненія которыя, еслибы даже Рамо, какъ официальный издатель, избѣжалъ отвѣтственности, могли остановить изданіе *Sans Comptin*, и этимъ лишить его всѣхъ роскошей его существованія.

Вслѣдствіе всего этого, свиданіе его съ де-Молеономъ было далеко не изъ пріятныхъ. Онъ попробовалъ обратить мысли на болѣе пріятный предметъ и предъ нимъ возсталъ образъ Исавры. Надо отдать ему справедливость, онъ любилъ эту дѣвushку такъ сильно какъ только допускала его натура, любилъ ее всею силою своего воображенія, которое было весьма пылко, при довольно холодномъ сердцѣ, любилъ ее всею силою своего тщеславія, а тщеславіе въ его натурѣ даже преобладало надъ воображеніемъ. Овладѣть дѣвushкой уже

спискавшею известность своимъ талантомъ, своею красотой и прелестью было бы конечно завиднымъ торжествомъ.

Каждый Парижанинъ, изъ числа такихъ людей какъ Рамо, ожидаетъ отъ женитьбы блестящаго салона. Можно ли представить салонъ блестяще того гдѣ хозяевами были бы онъ и Исавра, думалъ Рамо. Онъ давно побѣдилъ свой первый порывъ зависти къ литературному успѣху Исавры. Ея успѣхъ былъ связанъ съ его собственнымъ и много содѣйствовалъ его обогащенію, такъ что къ другимъ мотивамъ его любви примѣшался и интересъ. Рамо зналъ хорошо что его талантъ, превозносимый кликой и несравненный въ его собственныхъ глазахъ, былъ не изъ числа прибыльныхъ. Онъ сравнивалъ себя съ поэтами которые слишкомъ опередили своихъ современниковъ чтобъ быть столько же увѣренными въ средствахъ къ существованію какъ они увѣрены въ своей безсмертной славѣ.

Но на талантъ Исавры онъ смотрѣлъ какъ на талантъ низшаго разряда, вполнѣ доступный толлѣ и потому весьма прибыльный. Женитьба на ней обезлечила бы его въ матеріальномъ отношеніи, и онъ могъ бы трудиться для безсмертія не слыша. Тогда онъ былъ бы въ положеніи независимомъ отъ людей низшаго разряда какъ виконтъ де-Молеонъ. Но убѣдивъ себя что онъ страстно влюбленъ въ Исавру, Рамо не могъ убѣдить себя что и она влюблена въ него.

Хотя въ продолженіе послѣдняго года они видались безпрестанно, и ихъ литературныя занятія создали для нихъ много общихъ интересовъ, хотя онъ намекалъ ей что многія изъ его краснорѣчивѣйшихъ поэмъ внушены ею, хотя онъ увѣрялъ въ прозѣ, также весьма краснорѣчивой, что она обладаетъ всѣмъ о чемъ только могутъ мечтать молодые поэты, она до сихъ поръ принимала такія признанія съ шутовымъ смѣхомъ, какъ изящные комплименты внушенные парижскою любезностью, и онъ предчувствовалъ съ досадой и горемъ что еслибъ онъ сталъ настаивать на ихъ искренности и предложилъ ей прямо быть его женой, она отказала бы ему и двери ея дома закрылись бы для него.

Однако Исавра была не замужемъ, Исавра отказала женихамъ которые по общественному положенію были выше его, и онъ не могъ придумать кого могла бы она предпочесть ему. Сидя теперь развѣсивъ въ своемъ акилажѣ онъ пробормоталъ: „еслибы только удалось отдѣлаться отъ этого маленькаго

демона Жюли, я обратилъ бы всю свою энергію на то чтобы покорить сердце Исавры и добился бы успѣха. Но какъ избавиться отъ Жюли? Она такъ обожаетъ меня и такъ упряма! Она способна пойти къ Исаврѣ, показать мои письма, сдѣлать сцену!“

При этой мысли онъ остановилъ экипажъ предъ кафе на бульварѣ, вышелъ, вылилъ двѣ рюмки абсенту, почувствовалъ себя значительно смѣлѣе и приказалъ кучеру ѣхать въ улицу гдѣ жила Исавра.

Г Л А В А Ш.

Да, слава пріобрѣтается быстро въ салонахъ Парижа. Прочіе славы Рамо, ярче славы де-Молеона, была слава пріобрѣтенная теперь Исаврой. Она принуждена была покинуть свою красивую виллу въ предмѣстьи А..., потому что хозяинъ вздумалъ передѣлать ее для себя, и по совѣту сивѣйоры Веносты, постоянно жаждавшей новыхъ знакомствъ, въ концѣ прошлаго года заняла квартиру въ центрѣ парижскаго *beau monde*. Безъ формальнаго назначенія пріемаго дня, ея салонъ разъ въ недѣлю былъ открытъ для людей искавшихъ знакомства съ ней. Въ числѣ ихъ были звѣзды высшаго свѣта, искусство и литературы. И такъ какъ она теперь вполнѣ отказалась отъ профессіи для которой работывала свой годосъ, она уже не воздерживалась отъ проявленія своего таланта въ частныхъ кружкахъ. И докторъ ея уже не запрещалъ ей такихъ упражненій. Его искусство, при содѣйствіи ея крѣпкаго организма, восторжествовало вполнѣ надъ склонностью къ болѣзни, для предупрежденія которой она обратилась къ нему. Слышать глѣніе Исавры Чигоньи въ ея собственномъ домѣ было преимуществомъ котораго искали и которымъ дорожили многіе никогда не читавшіе ни строчки изъ ея литературныхъ произведеній. Хорошій литературный критикъ—рѣдкость, но хорошихъ критиковъ глѣнія множество. Соединяя съ музыкальнымъ талантомъ молодость, красоту, безыскусственный даръ слова, прелесть обращенія, свободнаго отъ всякой условной аффектаціи, свѣжесть литературнаго таланта, который приводилъ молодыхъ въ восхищеніе, къ которому старые относились съ снисхожденіемъ, Исавра естественно сдѣлалась знаменитостью въ Парижѣ.

Странно, можетъ-быть, что окружавшее ее поклоненіе не вскружило ей голову. Но мнѣ кажется, хотя я этого не утверждаю, что женщина съ умомъ столь возвышеннымъ что умъ никогда не пытается подавить сердце менѣе склонна поддаться искушеніямъ лести чѣмъ мужчина.

Сила ея сердца поддерживаетъ ея разсудокъ. Исавра еще не пережила своей первой любви. До сихъ поръ, среди всѣхъ ея любвдъ, ея мысли безпрестанно возвращались пытливо и грустно къ счастливымъ минутамъ когда на щекахъ ея вспыхивалъ румянецъ подъ взглядомъ одного человѣка, когда сердце ея трепетало при звукѣ его шаговъ. Можетъ-быть еслибъ ея романъ былъ прерванъ обычнымъ образомъ, то-есть постепеннымъ охлажденіемъ любимаго человѣка, откровеннымъ разрывомъ, оскорбленная гордость дѣвушки помогла бы ей заглушить любовь, и можетъ-быть, кто знаетъ?—замѣнить ее другою.

Но, любезный читатель или читательница, подвергалась ли когда-нибудь ваша любовь тяжелому испытанію, когда по той или другой причинѣ, для васъ неизвѣстной, дорогія отношенія наполнявшія вашъ сокровенный внутренній міръ внезапно прекращаются, когда вы знаете что между вами и возлюбленнымъ существомъ стоитъ нѣчто чего вы не можете разглядѣть, не можете понять и слѣдовательно не можете преодолѣть, и вы говорите себѣ въ тишинѣ ночи: „о, еслибы разъяснить это! Еслибъ еще одно свиданіе! Все могло бы легко поправиться; если же нѣтъ, то я узнаю самое дурное, и зная, могу любвдить.“

Такое испытаніе выпало на долю Исавры. Между нею и Грагамомъ не было объясненія, не было окончательнаго прощанія. Она угадала—рѣдкая женщина ошибается въ этомъ—что онъ любилъ ее. Она знала что грозное нѣчто стало между ними, когда онъ простился съ ней въ присутствіи другихъ нѣсколько мѣцевъ тому назадъ, знала что это грозное нѣчто все еще стоитъ между ними, но не знала что это такое. Она была увѣрена что недоразумѣніе объяснилось бы непременно еслибъ они встрѣтились еще разъ безъ постороннихъ свидѣтелей. О, еслибъ еще такое свиданіе!

Она не могла заглушить надежду, не могла выйти за другаго. Въ сердцѣ ея не могло быть никакихъ чувствъ къ другому пока онъ былъ свободенъ, пока еще оставалась надежда

что его сердце принадлежит ей. Оттого гордость не могла помочь ей побѣдить любовь.

О Грагамъ она слышала случайно. Онъ прекратилъ переписку съ Савареномъ, но въ числѣ болѣе частыхъ посетителей ея салона были Морли. Америкаанцы такъ хорошо образованные и съ такимъ положеніемъ въ свѣтѣ какъ Морли знаютъ всегда что-нибудь о каждомъ Англичанинѣ съ общественнымъ положеніемъ Грагама Вена. Исавра узнала отъ нихъ что Грагамъ послѣ побѣдки по континенту въ началѣ года возвратился въ Англію, что ему предлагали вступить въ парламентъ, что онъ отказался, что имя его встрѣчается въ *Morning Post* въ числѣ избранныхъ чье прибытіе въ Лондонъ или присутствіе на званомъ обѣдѣ считается событіемъ, что *Athenaeum* передалъ какъ слухъ что авторомъ аномимаго политическаго памфлета надѣлавшаго много шуму былъ Грагамъ Вень. Исавра выписала изъ Англіи этотъ памфлетъ, и хотя содержаніе его было довольно сухо, а слоги, хотя ясный и сильный, не отличался краснорѣчіемъ восхищающимъ женщинъ, выучила его наизусть.

Мы знаемъ какъ далека она была отъ мысли что извѣстность, которую она считала приближеніемъ къ нему, удаляла ее отъ него все болѣе и болѣе. Пріятный трудъ предпринятый ею для достиженія извѣстности былъ еще пріятнѣе отъ тайнаго посвященія его отсутствующему. Многія мѣста наиболѣе восхищавшія читателей не были сы написаны есаибъ она не знала его.

И она благословляла этотъ трудъ, тѣмъ болѣе что онъ освобождалъ ее отъ расслабляющаго вліянія мечтательности и отъ попытки неразрѣшимыхъ догадокъ. Она послѣдовала совету гжи де-Гравмениль, свернула съ пыльной, избитой жизненной дороги на зеленыя поля и цвѣтущіе берега, и наслаждалась этимъ идеальнымъ міромъ.

Но и въ этомъ волшебномъ мірѣ единственный образъ дарившій неразрѣдко въ ея сердцѣ былъ постоянно съ нею.

Г Л А В А IV.

Исавра сидѣла въ своей красивой гостиной съ Вестою, Савареномъ, супругами Морли и финансистомъ Лувье, когда было доложено о пріѣздѣ Рамо.

— А, воскликнулъ Саваренъ,—мы сейчасъ говорили о прец-

метѣ близко касающемся васъ *cher poète*. Я не видалъ васъ послѣ того какъ узналъ что Пьеръ Ферменъ никто иной какъ Викторъ де-Молеонъ. *Ma foi*, перо въ рукахъ этого человѣка повидимому будетъ такъ же опасно какъ вѣкогда была шпала. Статья въ которой онъ открылъ свое имя была рѣзкимъ нападеніемъ на правительство. Берегитесь. Ястребъ соловью не пара. Ястребъ спасется, а соловей попадетъ въ кѣтку, гдѣ будетъ жаловаться на жестокость: *flebiliter gemens infelix avis*.

— Тотъ не способенъ руководить журналомъ, возразилъ Рамо высокомерно,—кто не рѣшится пренебречь опасностью для своего тѣла въ защиту своего права на неограниченную свободу мысли.

— Bravo, воскликнула мистрисъ Морли захолапавъ въ ладони.—Эта рѣчь наломала мнѣ родину. Французы очень похожи на Американцевъ своимъ краснорѣчіемъ.

— Итакъ, сказалъ Лувье,—мой старый другъ виконтъ выступилъ въ качествѣ писателя, политика, философа. Мнѣ больно что онъ скрылъ это отъ меня несмотря на нашу дружбу. Я полагаю что вы знали это съ самаго начала, *Monsieur* Рамо?

— Нѣтъ, это открытіе было для меня такимъ же изумительнымъ сюрпризомъ какъ и для всего свѣта. Давно знаете вы *Monsieur* де-Молеона?

— Да, я могу сказать что мы начали жить вмѣстѣ, то-есть лючти въ одно время.

— Каковъ онъ собою? спросила мистрисъ Морли.

— Женщины считали его красавцемъ, когда онъ былъ молодъ, отвѣчалъ Лувье.—Онъ и теперь еще очень красивый человѣкъ, ростомъ съ меня.

— Я очень желала бы познакомиться съ нимъ, воскликнула мистрисъ Морли.—Хотя бы только для того чтобы помучить моего мужа. Онъ отказываетъ мнѣ въ самомъ дорогомъ правѣ женщинъ, не хочетъ ревновать меня.

— Вы можете имѣть весьма скоро возможность познакомиться съ этимъ *ci-devant* Ловеласомъ, сказалъ Рамо.—Онъ желаетъ чтобъ я представилъ его *Mademoiselle* Чигонѣ, и я прошу у нея позволенія привезти его въ четвергъ вечеромъ, когда она принимаетъ.

Исавра, слушавшая до сихъ поръ разговоръ разсѣянно, наклонила голову въ знакъ согласія.

— Я готова принять радушно всякаго кого вы считаете

своимъ другомъ, сказала она. — Но признаюсь, статьи Пьера Фермена не располагаютъ меня въ его пользу.

— Почему? спросилъ Лувье. — Вы конечно не имперялистка?

— Нѣтъ. Я вообще мало интересуюсь политикой, но въ этихъ статья есть что-то что огорчаетъ и наводитъ на меня уныніе.

— Однако онѣ потому и популярны что въ нихъ говорится то что говорятъ всѣ, только лучше, замѣтилъ Саваренъ.

— Теперь я понимаю что это-то именно и не нравится мнѣ въ нихъ. Это парижскій говоръ выраженный въ формѣ шпирогаммы: чѣмъ она серіозаѣе, тѣмъ менѣе она возвышаетъ; чѣмъ она легче, тѣмъ сильнѣе огорчаетъ.

— Это намекъ на меня, сказалъ Саваренъ съ своимъ добродушнымъ смѣхомъ,—на меня кого вы называете циникомъ.

— Нѣтъ, *Monsieur* Саваренъ. Въ вашемъ цинизмѣ чувствуется неподдѣльная веселость и доброта. У васъ есть то чего я не нахожу въ де-Молеонѣ и что рѣдко проявляется въ самыхъ разговорахъ, у васъ есть молодость.

— Молодость въ шестьдесятъ лѣтъ! Вы льстите мнѣ.

— Геній не считаетъ своихъ лѣтъ по календарю, сказала жистрисъ Морли.—Я понимаю что хочетъ сказать Исавра. Она права. Въ статьяхъ де-Молеона чувствуется вѣяніе зимы и залахъ сухихъ листьевъ. Не то чтобы слоги его были недостаточно сильны, напротивъ, онѣ отличаются ледяною твердостью, но чувства выражаемыя имъ сухи и дряблы. И эта комбинація рѣзкихъ словъ и дряблыхъ чувствъ выражаетъ говоръ и духъ Парижа. Парижъ и де-Молеонъ постоянно порицаютъ: страсть къ порицанію есть признакъ старости.

Подковникъ Морли взглянулъ на нее съ гордостью, какъ бы желая сказать: „вотъ какъ умно говорить моя жена“.

Саваренъ помялъ этотъ взглядъ и отвѣчалъ учтиво:—*Madame* обладаетъ даромъ выраженія котораго не превзойдетъ самъ Эмиль де-Жирарденъ. Но осуждая насъ за порицаніе, желаетъ ли она чтобы друзья свободы одобряли настоящій порядокъ вещей?

— Я былъ бы благодаренъ друзьямъ свободы, замѣтилъ подковникъ сухо,—еслибъ они сказали мнѣ какъ поправить настоящій порядокъ вещей. Я не нахожу ни преданности орлеанистамъ, ни преданности республикѣ, или какому бы то ни было дѣлу; религія подвергается глумленію. Но хуже всего то

что какъ въ *blasés* Парижане жаждутъ возбужденія и готовы слушать всякаго оракула обещающаго освобожденіе отъ индифферентизма. Поэтому-то печать во Франціи оласяѣ чѣмъ во всякой другой странѣ. Во всѣхъ другихъ странахъ печать иногда руководитъ общественнымъ мнѣніемъ, иногда слѣдуетъ за нимъ. Во Франціи вѣтъ общественнаго мнѣнія съ которымъ бы печать могла считаться, и вмѣсто мнѣній она представляетъ страсти.

— Любезнѣйшій полковникъ, возразилъ Саваренъ, — вы утверждаете часто что Французы не понимаютъ Америки. Позвольте мнѣ замѣтить съ своей стороны что Американецъ не можетъ понять Францію, по крайней мѣрѣ Парижъ. Кстати о Парижѣ, какую обширную спекуляцію предприняли вы, Лувье, въ новомъ предмѣстїи.

— И весьма выгодную. Совѣтую вамъ присоединиться. Я могу обѣщать вамъ теперь пять процентовъ, но цѣнность домовъ удвоится когда будетъ окончена улица Лувье.

— Къ сожалѣнію у меня вѣтъ теперь денегъ. Мой новый журналъ поглотилъ весь мой капиталъ.

— Не позволите ли вы мнѣ, сирьорина, употребить вашъ капиталъ съ присоединеніемъ того что вы получили за свой восхитительный романъ и что еще лежитъ у меня безъ дѣла, на это предпріятіе? Достаточно сказать въ его пользу то что я употребилъ на него значительную часть моего состоянія, такъ какъ я не изъ тѣхъ людей которые своимъ примѣромъ увлекаютъ своихъ друзей въ разорительныя спекуляціи.

— Все что вы въ этомъ отношеніи посоветуете будетъ навѣрное такъ же благоразумно какъ и великодушно, сказала Исавра любезно.

— Такъ вы согласны?

— Конечно.

Веноста, слушавшая съ большимъ вниманіемъ восхваленіе новаго предпріятія, отвела Лувье въ сторону и шепнула ему на ухо:

— Я полагаю, *Monsieur* Лувье, что немного денегъ, очень немного, *росо-росо-росоліно*, нельзя положить въ вашу улицу?

— Въ мою улицу? А, понимаю, въ предпріятіе улицы Лувье! Конечно можно. Мы сдѣлали его доступнымъ для самыхъ мелкихъ капиталовъ, начиная съ латисотъ франковъ.

— И вы вполнѣ увѣрены что мы удвоимъ наши деньги

когда улица будетъ кончена? Мнѣ не хотѣлось бы идти идти въ ляткахъ.*

— Болѣе чѣмъ удвоимъ гораздо раньше чѣмъ улица будетъ окончена.

— Я скопила немного денегъ, очень немного, и такъ какъ у меня вѣтъ родныхъ, я намѣрена оставить ихъ сиротинѣ. Если же они удвоятся, я оставляю ей вдвое болѣе.

— Удвоятся непременно, отвѣчалъ Лувье.—Вы не можете поступить благоразумнѣе какъ употребивъ все что у васъ есть на это предпріятіе. Я пришлю вамъ завтра необходимыя бумаги вмѣстѣ съ бумагами сиротинны.

Затѣмъ Лувье обратилась къ покровнику Морли, но удивившись что этотъ недостойный сынъ Америки не хотѣлъ получить сто на сто по предложенію Парижанина, скоро простила и уѣхала. Другіе гости посадовали его примѣру, а исключеніемъ Рамо, который остался одинъ съ Вевостой и Исаврой. Но Вевоста, не любившая Рамо за то что онъ не оказывалъ ей вниманія котораго требовало ея невывное тщеславіе, скоро удалилась въ свою спальню чтобы считать свои сбереженія и мечтать о „золотыхъ радостяхъ“ которыя прилетитъ ей улица Лувье.

Рамо пододвинулъ свой стулъ къ Исаврѣ и заговорилъ тихимъ, дѣловымъ тономъ о порученіи де-Молеона попросить ее написать новый романъ для *Sens Commis* и условиться съ ней насчетъ платы. Молодая писательница сконфузилась. Ея средства, хотя и скромныя, были достаточны для нея, и ей стыдно было продавать свои мысли и фантазіи.

Замаявъ послѣднюю меркантильную сторону вопроса, она отвѣчала что еще не имѣетъ въ виду новаго произведенія, что какое бы направленіе ни приняло ея творчество, оно создано что-нибудь самостоятельно, а по заказу создавать не можетъ.

— Вы ошибаетесь, сказалъ Рамо.—Въ часы праздности вамъ действительно кажется что для того чтобы написать что-нибудь, надо ждать вдохновенія, но стоитъ только принудить себя работать и идеи являються по мѣрѣ движенія пера. Въ этомъ вы можете положиться на мое свидѣтельство, а говорю по опыту. Когда работа не въ моемъ вкусѣ и я работаю по

* „Avere il cervello nella calcagna“, что-есть поступать восторожно.

принужденію, дѣло дѣлается какъ-то само собою. Я коснусь волшебной лампы и гений является.

— Я читала въ какой-то англійской книгѣ что для постоянной работы нужна движущая сила. У васъ она есть, у меня нѣтъ.

— Я не вполнѣ понимаю васъ.

— Я хочу сказать что для того чтобы заниматься съ постоянствомъ какимъ-нибудь дѣломъ требующимъ усилій нужно имѣть сильную побуждающую причину. Для большинства людей такою причиной бываетъ нужда, для многихъ страсть къ пріобрѣтенію или къ отличіямъ въ своей профессіи; стремленіе къ славѣ болѣе обширной, къ почестямъ болѣе высокимъ, дѣлаетъ нѣкоторыхъ великими писателями, полководцами, государственными людьми, ораторами.

— И вы думаете что у васъ нѣтъ такого двигателя.

— Я освобождена отъ нужды, я не имѣю желанія пріобрѣтать.

— А любовь къ славѣ?

— Увы, я когда-то думала о славѣ! Но теперь я не знаю... я начинаю сомнѣваться хорошо ли со стороны женщины стремиться къ славѣ.

— Полноте, синьорина! Какая муха укусила васъ? Ваше сомнѣвіе есть слабость недостойная вашего ума. Какъ бы то ни было, гений есть судьба которой нельзя не покоряться. Вы волей или неволей должны писать и ваши произведенія должны принести вамъ славу, желаете ли вы ея или нѣтъ.

Исавра молчала, голова ея поникла на грудь, въ потупленныхъ глазахъ стояли слезы.

Рамо взялъ ея руку, которую она уступила ему безъ сопротивленія, и сжимая ее въ обихъ своихъ заговорилъ лорывисто:

— О, я знаю каковы эти дурныя предчувствія когда видишь себя одинокимъ, невлюбимымъ: какъ часто я испыталъ ихъ! Но трудъ казался бы совсѣмъ инымъ еслибъ его дѣлалъ сочувствующій умъ, сердце которое бьется въ унисонъ съ нашимъ сердцемъ!

Грудь Исавры подвинулась, она тихонько вздохнула.

— Какъ сладостна была бы слава которою гордилася бы тотъ кого мы любимъ! какъ ничтожна была бы боль причиняемая злобнымъ стараніемъ увидить насъ, когда ее могло бы исцѣлить одно слово любимой особы! О, синьорина! О

Исавра! Не сотворены ли мы другъ для друга? Родственныя отремленія, общія надежды и опасенія; одинаковое поле дѣствія, однѣ и тѣ же цѣли! Мнѣ необходимы болѣе сильныя побужденія чѣмъ я имѣлъ до сихъ поръ для энергіи, обезличивающей успѣхъ: дайте мнѣ эти побужденія. Позвольте мнѣ думать что всѣмъ что бы я ни приобрѣлъ въ жизненной борьбѣ я обязанъ Исаврѣ. Нѣтъ, не старайтесь отнять эту руку, позвольте мнѣ считать ее моею на всю жизнь. Я люблю васъ какъ никогда не любилъ еще ни одинъ человѣкъ—не отвергайте моей любви.

Говорятъ что женщина которая колеблется падаетъ. Исавра колебалась, но не пала. Слова которыя она слышала глубоко тронули ее. Нѣсколько человѣкъ уже сватались за нее: богатый дворянинъ среднихъ лѣтъ, страстный виртуозъ; молодой адвокатъ только-что прибывшій изъ провинціи и отчасти разчитывавшій на ея приданое; одинъ смиренный хотя пламенный поклонникъ ея генія и красоты, человѣкъ съ состояніемъ, красивый, хорошаго рода, но застѣнчивый въ обращеніи и заливавшійся въ разговорѣ.

Но всѣ эти предложенія дѣлались съ формальнымъ уваженіемъ обычнымъ французскому декору при брачныхъ предложеніяхъ. Такая краснорѣчиво-страстная рѣчь, какъ рѣчь Густава Рамо, еще никогда не касалась ея слуха. Да, она была глубоко тронута; но она знала что сердце ея откликается не на любовь этого поклонника.

Со многими женщинами при подобныхъ объясненіяхъ случалось что когда поклонникъ говоритъ о своей любви, слова его потрясаютъ каждый нервъ въ сердцѣ слушательницы, между тѣмъ какъ она представляетъ себѣ другаго на его мѣстѣ. Она говоритъ себѣ: „О, этотъ другой сказалъ эти слова!“ и слушая одного мечтаетъ о другомъ.

То же случилось теперь съ Исаврой, и лишь когда голосъ Рамо умолкъ, прошла и эта мечта, и она съ легкою дрожью повернула свое лицо къ говорившему съ выраженіемъ печали и сожалѣнія.

— Этому не бывать, сказала она тихимъ шепотомъ,—я не была бы достойна вашей любви еслибы приняла ее. Забудьте что вы говорили; позвольте мнѣ остаться другомъ, который восхищается вашимъ геніемъ, интересуется вашей карьерой. Я не могу быть ничѣмъ больше. Простите если я бессознательно подала вамъ поводъ думать иначе, мнѣ такъ больно огорчать васъ.

— Долженъ ли я лопать, сказалъ Рамо хладно, ибо его самолюбіе было уязвлено, — что предложенія другаго были счастливыя мои?»

И онъ назвалъ самаго молодаго и красиваго изъ тѣхъ кому она отказала.

— Разумѣется нѣтъ, сказала Исавра.

Рамо всталъ и подошелъ къ окну, отвернувшись отъ нея. Въ дѣйствительности, онъ старался собраться съ мыслями и рѣшить какого образа дѣйствій будетъ для него теперь осторожнѣе держаться. Пары абсента, который, несмотря на его прежнія обѣщанія, придавъ ему смѣлости сдѣлать свое признаніе, оцѣдали теперь въ томную реакцію какаа обыкновенно слѣдуетъ за этимъ предательскимъ возбужденіемъ, реакцію располагавшую къ безстрастнымъ размышленіямъ. Онъ зналъ что еслибъ онъ сказалъ что не можетъ побѣдить свою любовь, что не теряетъ надежды и уповаешь на постоянство и время, это побудило бы Исавру не принимать его болѣе и положило бы конецъ ихъ дружественнымъ отношеніямъ. Онъ потерялъ бы такимъ образомъ всякую надежду добиться ея любви, и это было бы неблагопріятно для его болѣе практическихъ интересовъ. Ея литературная помощь могла сдѣлаться существенно необходимою для журнала отъ котораго зависѣла его будущность; и кромѣ того, въ ея бѣсѣдахъ, въ ея одобреніи, въ ея симпатіи къ огорченіямъ и радостямъ его карьеры, онъ находилъ не только поддержку и утѣшеніе, но и вдохновеніе: такъ какъ самородные проблески ея свѣжихъ мыслей и мечтаній содѣйствовали обновленію его изношенныхъ идей и расширенію ограниченнаго круга его изобрѣтательности. Нѣтъ, онъ не могъ подвергать себя риску изгнанія изъ общества Исавры.

Къ этимъ невысокимъ мотивамъ побуждавшимъ его къ скромности присоединялся еще одинъ болѣе чистый и благородный, который онъ сознавалъ лишь смутно. Въ обществѣ этой дѣвушки, у которой сила и возвышенность ума такъ смягчалась женскою граціей, милымъ нравомъ и добротою, Рамо чувствовалъ себя лучшимъ человѣкомъ. Дѣйственное достоинство съ какимъ она появлялась, недосыгаемая для сплетень, среди салоновъ, гдѣ зависть къ сомнительной добродѣтели искала и самую невѣдливость подвергнуть сомнѣнію, согрѣвало цинизмъ исповѣдуемыхъ имъ вѣрваній въ искреннюю почтительность.

Въ ея присутствіи, подъ ея цѣломудреннымъ вліяніемъ онъ чувствовалъ въ себѣ поэзію болѣе вѣрную Камеліамъ чѣмъ все что было имъ писано стихами. Въ эти минуты онъ стыдился пороковъ которыхъ искалъ какъ развлечения. Ему казалось что еслибъ она вполнѣ была его, ему легко было бы измѣниться къ лучшему.

Нѣтъ; разстаться совершенно съ Исаврой, значило отказать отъ единственнаго пути къ возрожденію.

Пока эти мысли, которыя такъ длинны въ описаніи, быстро проводились въ его головѣ, онъ почувствовалъ легкое пракосновеніе къ своей рукѣ и медленно обернувшись, встрѣтилъ нѣжный, сострадательный взглядъ Исавры.

— Утѣштесь, другъ мой, сказала она съ полувеселою полугрустною улыбкой,—можетъ-быть для всякаго истиннаго артиста одинокій жребій самый лучшій.

— Постараюсь думать такъ, отвѣчалъ Рамо;—а пока отъ всего сердца благодарю васъ за ласковый тонъ вашего отказа; мое предложеніе уже не повторится. Я съ благодарностью принимаю дружбу которой вы удостоиваете меня. Вы просили меня забыть сказанныя мною слова. Общайте мнѣ съ своей стороны что вы забудете ихъ, или по крайней мѣрѣ будете считать ихъ взятыми назадъ. Вы будете продолжать принимать меня какъ друга?

— Да, разумѣется какъ друга. Мы оба нуждаемся въ друзьяхъ.

Говоря это она протянула ему руку; онъ склонился надъ ея рукой и почтительно поцѣловалъ ее. Этимъ кончилось ихъ свиданіе.

Г Л А В А V.

Въ этотъ же день поздно вечеромъ, человѣкъ имѣвшій видъ мирнаго буржуа и принадлежавшій повидимому къ низшему слою этого класса вошелъ въ одну изъ улицъ Монмартрскаго предмѣстья, населеннаго преимущественно рабочими. Онъ остановился у отворенныхъ дверей высокаго узкаго дома, и отступилъ услышавъ шаги сходящія по темной лѣстницѣ.

Свѣтъ уличнаго газоваго фонаря упалъ прямо на лицо выходившаго изъ дому. Это былъ молодой и красивый человѣкъ, одѣтый съ изяществомъ которое говорило о его принадлежности къ болѣе высокому или модному слою общества нежели

обычные посѣтители этой мѣстности. Подходившій къ дому послѣдшне отодвинулся въ тѣнь и надвинулъ шляпу пониже на глаза.

Другой человѣкъ не замѣтилъ его, прошелъ скорыми шагами вдоль улицы и вошелъ въ другой домъ въ разстояніи нѣсколькихъ саженей.

— Что за дѣло можетъ быть здѣсь у этого благочестиваго Бурбонца? Можетъ ли онъ быть заговорщикомъ? *Diable!* На этой лѣстницѣ темно какъ въ Эребѣ.

Придерживаясь осторожно за перила, человѣкъ началъ всходить по лѣстницѣ. На площадкѣ перваго этажа былъ газовый фонарь бросавшій вверхъ слабый свѣтъ который переставалъ быть видимъ на высотѣ третьяго этажа. Но на третьемъ этажѣ оканчивался путь этого человѣка; онъ дернулъ колокольчикъ у дверей направо, и чрезъ минуту дверь была отворена молодою женщиной лѣтъ двадцати восьми или тридцати, одѣтою очень просто, во опрятно, что не часто встрѣчается у женъ рабочихъ Монмартрскаго предмѣстья. Лицо ея, которое несмотря на блѣдность и худобу сохранило много остатковъ прежней красоты, омрачилось когда она узнала посѣтителя: очевидно посѣщеніе было для нея непріятно.

— Опять *Monsieur* Лебо! воскликнула она отступая назадъ.

— Къ вашимъ услугамъ, *chère dame*. Мужъ вашъ конечно дома? А, вонъ я вижу его, и проскользнувъ возлѣ женщины Лебо прошелъ узкій корридоръ приводившій чрезъ отворенную дверь въ комнату гдѣ сидѣлъ Арманъ Монье, опершись подбородкомъ на руку, облокотившись на столъ и глядя разсѣянно въ пространство. Въ углу комнаты, двое маленькихъ дѣтей играли костьюми дощечками на которыхъ изображены были буквы азбуки. Но что бы ни дѣлали дѣти съ азбукой, ясно было что они не учились.

Комната была довольно обширна и высока и не дурно меблирована. На каминѣ стояли часы. На стѣнѣ висѣли рисунки для украшенія комнаты и полки на которыхъ стояло нѣсколько книгъ.

Окно было отворено, и на подоконникѣ стояли горшки съ цвѣтами, наполнявшіе запахомъ комнату.

Вообще это была комната мастераго получавшаго большую плату. Къ этой комнатѣ примыкала съ одной стороны небольшая но удобная кухня; съ другой стороны, гдѣ дверь

была завѣшана портьерой, красиво вышитою женскою рукою— нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ какъ она уже полиняла— была спальня, сообщавшаяся съ другою меньшей величины, гдѣ спали дѣти. Мы не войдемъ въ эти комнаты, но не лашнее уломянуть о нихъ ибо онѣ свидѣтельствуютъ объ удобствахъ какими пользуется умный и искусный парижскій рабочій мечтающій улучшить это положеніе съ помощью революціи которая должна разорить его хозяина.

Монье всталъ при входѣ Лебо, и лицо его показывало что онъ не раздѣлялъ неприятнаго чувства по поводу этого посѣщенія какое обнаружила его сожительница. Напротивъ, улыбка его была пріятлива и голосъ звучалъ искренно когда онъ воскликнулъ:

— Радъ видѣть васъ—дѣло есть? Э?

— Вы всегда готовы трудиться для свободы, *mon brave*.

— Еще бы; откуда дуетъ ветеръ?

— О, Арманъ, будь остороженъ, будь остороженъ! воскликнула женщина жалобно.— Не вводите его въ новое злополучіе, *Monsieur* Лебо.

Проговоривъ нетвердымъ голосомъ эти послѣднія слова, она склонилась надъ малютками и голосъ ея былъ прерванъ рыданіями.

— Монье, сказалъ Лебо серьезно, — *Madame* права. Мнѣ не слѣдуетъ вводить васъ въ новую бѣду; здѣсь въ комнаты трое которые имѣютъ больше правъ на васъ чѣмъ...

— Дѣло милліоновъ, прервалъ Монье.

— Нѣтъ.

Онъ подошелъ къ женщинѣ, съ вѣжностью поднявъ одного изъ дѣтей, закинулъ назадъ его кудри и поцѣловалъ его лицо, которое если опечалилось прежде материнскими рыданіями, теперь улыбалось при ласкѣ отца.

— Можешь ли ты сомнѣваться, *Héloïse*, сказалъ рабочій вѣжно,— что во всемъ что бы я ни дѣлалъ, ты и они прежде всего занимаютъ мои мысли? Я дѣйствую въ твоёмъ и въ ихъ интересѣ. Мнѣ какъ онъ теперь, это врагъ всѣхъ васъ троихъ. Мнѣ какой я хочу поставить на то мѣсто будетъ къ вамъ добрѣе.

Бѣдная женщина не отвѣчала, но когда онъ привлекъ ее къ себѣ, склонила голову на его грудь и тихо заплакала. Монье вывелъ ее такимъ образомъ изъ комнаты шепча слова утѣшенія. Дѣти послѣдовали за родителями въ соседнюю

комнату. Черезъ нѣсколько минутъ Монье возвратился затворивъ за собой дверь и задернувъ портьеру.

— Вы простите меня, гражданинъ, и мою бѣдную жену— она моя жена для меня и для тѣхъ кто посвящаетъ ее, хотя законъ не признаетъ этого.

— Я еще больше уважаю *Madame* за ея нерасположеніе ко мнѣ, сказалъ Лебо съ нѣсколько грустною улыбкой.

— Она нерасположена не къ вамъ лично, гражданинъ, но къ тому дѣлу по которому вы приходите; сегодня же она разстроена больше обыкновеннаго потому что какъ разъ предъ вами былъ другой человекъ который сильно подѣйствовалъ на ея чувства, бѣдная милая *Héloïse!*

— Въ самомъ дѣлѣ! Какъ такъ!

— Видите ли, зимой я занимался отдѣлкой салона и будуара *Madame* де-Вандемаръ; сынъ ея, *Monsieur* Рауль, интересовался подробностями работы. Онъ иногда разговаривалъ со мной очень вѣжливо, не только о моей работѣ, но и о другихъ предметахъ. Кажется *Madame* желаетъ сдѣлать теперь нѣкоторыя передѣлки въ своей столовой и просила стараго Жерара, моего бывшего хозяина, знаете, прислать меня. Онъ разумѣется сказалъ что это невозможно, потому что хотя я былъ доволенъ моимъ жалованьемъ, но я уговорилъ другихъ его рабочихъ сдѣлать забастовку и былъ однимъ изъ руководителей стачки рабочихъ, слѣдовательно человекъ опасный, съ которымъ онъ не хочетъ имѣть никакого дѣла. Поэтому *Monsieur* Рауль приходилъ повидаться и поговорить со мною; онъ только-что вышелъ предъ тѣмъ какъ вы позволили, вы могли встрѣтиться съ нимъ на лѣстницѣ.

— Я видѣлъ какой-то *beau monsieur* выходилъ изъ дому. Такъ его разговоръ разстроилъ *Madame*.

— Очень; онъ говорилъ почти какъ братъ. Онъ принадлежитъ къ религіозному обществу, а они всегда умѣютъ найти слабую сторону нѣжнаго пола.

— Да, сказалъ Лебо задумчиво;—еслибы религія была изгнана изъ законовъ людей, она нашла бы себѣ пріютъ въ сердцахъ женщинъ. Но Рауль де-Вандемаръ не пытался проповѣдывать *Madame* что ей грѣхъ любить васъ и дѣтей.

— Послушалъ бы я какъ бы онъ вздумалъ это проповѣдывать, воскликнулъ Монье яростно.—Нѣтъ, онъ старался только убѣдить меня относительно предметовъ которыхъ самъ не могъ понять.

— О стачкахъ?

— Не совсѣмъ о стачкахъ—онъ не утверждалъ что мы рабочіе не имѣемъ права соединяться и дѣлать стачки для полученія большей платы за нашу работу; но онъ старался убѣдить меня что когда, какъ въ моемъ случаѣ, дѣло касается не платы, а политическихъ принциповъ, борьбѣ съ капиталистами, я могу только повредить себѣ и сдѣлать несчастными другихъ. Ему хотѣлось чтобъ я возвратился къ старому Жерару, или чтобы тотъ нашелъ мнѣ занятіе въ другомъ мѣстѣ; и когда я сказалъ ему что честь запрещаетъ мнѣ принять условія для себя пока тѣ кого я убѣдилъ сдѣлать стачку не будутъ удовлетворены, онъ сказалъ: „Но если это еще продолжится, дѣти ваши не будутъ имѣть такой розовой видъ“; бѣдная *Héloïse* начала ломать руки и плакать, а онъ отвелъ меня въ сторону и хотѣлъ чтобъ я принялъ отъ него деньги въ займы. Онъ говорилъ съ такою добротой что я не могъ разсердиться; когда же онъ убѣдился что я не возьму ничего, онъ спросилъ меня о нѣкоторыхъ семействахъ въ нашей улицѣ; они значились у него въ списокѣ и, какъ онъ слышалъ, находились въ большой нуждѣ. Это правда; я помогалъ нѣкоторымъ изъ нихъ изъ собственныхъ сбереженій. Видите ли, этотъ молодой господинъ принадлежитъ къ обществу людей которые занимаются посѣщеніемъ бѣдныхъ и раздачей благотворительности. Мнѣ казалось что я не имѣлъ права отвергать помощь для другихъ, и я сказалъ ему кому именно деньги могли быть даны съ большою пользою. Я думаю что онъ пошелъ туда отъ меня.

— Я знаю общество о которомъ вы говорите, общество *St.-François de Sales*. Въ немъ участвуютъ лица древнѣйшихъ фамилій стараго дворянства къ которому *ouvriers* во время великой революціи были такъ безжалостны.

— Мы *ouvriers* теперь умнѣе; мы видимъ что уничтожая насъ, мы создали себѣ худшихъ тирановъ въ новой аристократіи капиталистовъ. Теперь наша борьба—борьба рабочихъ съ эксплуататорами.

— Конечно, я знаю это; но оставимъ общую политику, скажите мнѣ откровенно какимъ образомъ стачка такъ повредила вамъ, я хочу сказать вашему кошельку. Можете ли вы выдержать ее? Если нѣтъ, то было бы ложною гордостью не принять помощи отъ меня, товарища-заговорщика, хотя

вы были правы отказавшись принять помощь предложенную Раудемъ де-Вандемаромъ, слугою церкви.

— Простите меня, я отказываюсь ото всякой помощи, кромѣ какъ на общее дѣло. Но не бойтесь за меня, я еще не нуждаюсь. Последніе годы у меня были большіе заработки, а пока мы не сошлись съ *Héloïse*, я не истратилъ ни одного *son* въѣ дома, развѣ только исполняя публичный долгъ, на примѣръ совершая обращенія въ кафе *Jean Jacques* и въ другихъ мѣстахъ; а стаканъ пива и трубка табаку стоятъ не много. А *Héloïse* такая добрая жена, такая скопидомка, бранить меня когда я кулю ей ленту, бѣдняжка! Нечего говорить что я хочу испровергнуть общество которое издѣвается надъ нею, осмѣливается говорить что она не жена моя, и что ея дѣти незаконнорожденные. Нѣтъ, у меня еще осталось нѣсколько сбереженій. Война обществу, война на ножахъ!

— Монье, сказалъ Лебо, и голосъ его обнаружилъ внутреннее волненіе,— послушайте меня: общество нанесло мнѣ оскорбленіе, которое пока было свѣжо, едва не свело меня съ ума—это было двадцать лѣтъ тому назадъ. Я кинулся бы тогда во всякій заговоръ противъ общества приготовляющій мщеніе; но общество, другъ мой, это стѣна изъ очень твердаго камня и стоитъ непоколебимо; ее можно подкопать въ теченіе тысячелѣтій, но сломить въ одинъ день—невозможно. Вы разобьете объ нее голову въ дребезги, забрызгаете ее своими мозгами и сдвинете только одинъ камень. Общество съ презрѣніемъ смѣется, вытираетъ платно и ставитъ камень оцать на мѣсто. Я больше не борюсь съ обществомъ. Я борюсь противъ системы въ этомъ обществѣ которая мнѣ враждебна—системы во Франціи легко испровергаются. Я говорю это потому что желаю вамъ пользы и не хочу васъ обманывать.

— Обмануть меня, *bah!* Вы честный человекъ, вскричалъ Монье; и взявъ руку Лебо, онъ пожалъ ее съ горячностью и силой.—Но вамъ я долженъ былъ казаться простымъ ворчуномъ. Разумѣется я кричалъ когда жметъ салоги и бравилъ законы что стѣсняли меня; но съ той минуты какъ я поговорилъ съ вами я сдѣлался другимъ человекомъ. Вы научили меня дѣйствовать, какъ Руссо и *Madame* де-Гранмевиль научили меня думать и чувствовать. У меня есть братъ, тоже ворчунъ, но считается умѣе меня. Онъ всегда остерегалъ меня отъ васъ, отъ участія въ стачкѣ, отъ всякаго

дѣла гдѣ я могъ рисковать своею шкурою. Я прежде слушалъ его совѣтовъ пока вы не сказали мнѣ что толковать и жаловаться дѣло женское; мущинамъ же рѣшиться и дѣйствовать.

— А сказать правду, братъ вашъ лучший совѣтникъ для отца семейства чѣмъ я. Повторяю то что такъ часто говорилъ прежде: я рѣшилъ что имперія господина Бонапарта должна быть низвергнута. Я вижу многія обстоятельства которыя помогутъ исполненію этого рѣшенія. Вы желаете и рѣшили то же самое. До сихъ поръ мы можемъ дѣйствовать вмѣстѣ. Я одобряю ваши дѣйствія только пока они служатъ моимъ планамъ; но я отдѣляюсь отъ васъ съ той минуты какъ вы потребуете чтобы я помогалъ *вашимъ* планамъ, пытаюсь производить эксперименты которыхъ миръ никогда не одобрялъ, и вѣрите мнѣ, Монье, никогда не одобритъ.

— Это еще посмотримъ, сказалъ Монье со скатыми губами выражавшими упорство.—Простите меня, но вы не молоды, вы принадлежите къ старой школѣ.

— Бѣдный молодой человѣкъ! сказалъ Лебо поправляя очки:—я узнаю въ васъ геній Парижа, добрый ли то геній или злой. Пусть такъ. Вы такъ нужны мнѣ, энтузіазмъ вашъ такъ пылокъ, что я не ве въ состояніи слушаться чувства которое говоритъ мнѣ: „стыдно употреблять это великодушное заблуждающееся существо для личныхъ цѣлей“. Перехожу прямо къ дѣлу для котораго искалъ увидеть васъ сегодня вечеромъ. По моему совѣту, вы были вожакомъ стачекъ которыя сильно потрясли императорскую систему, больше чѣмъ думаютъ ея министры. Теперь мнѣ нуженъ такой человѣкъ какъ вы чтобы помочь произвести смѣлую демонстрацію со стороны просвѣщенныхъ рабочихъ классовъ Парижа противъ обращенія императора къ деревенскому голосованію руководимому лопами.

— Хорошо, сказалъ Монье.

— Для черезъ два результаты плебисцита будутъ извѣстны. Результаты всеобщаго голосованія будутъ въ громадномъ большинствѣ въ пользу желанія выраженнаго однимъ человекомъ.

— Я этого не думаю, сказалъ Монье грубо,—Францію такъ лопы не обморочатъ.

— Считайте то что я говорю за достовѣрное, возразилъ

Лебо спокойно.—8го числа мѣсяца мы узнаемъ размѣры большинства—нѣсколько милліоновъ французскихъ голосовъ. Мы нужно чтобы Парижъ отдѣлилъ себя отъ Франціи и высказался противъ этихъ заблуждающихся милліоновъ. Мы нужна *émeute*, или скорѣе угрожающая демонстрація, не преждевременная революція, помните. Вы должны избѣгать кровопролитія.

— Это легко говорить до времени; но когда толпа людей соберется на улицахъ Парижа...

— Она можетъ многое сдѣлать своимъ собраніемъ и заправшею въ нее злобой если она будетъ разсѣяна вооруженною силой, которой сопротивляться значило бы напрасно губить жизни.

— Посмотримъ когда придетъ время, сказалъ Монье съ гнѣвнымъ блескомъ въ своихъ смѣлыхъ глазахъ.

— Говорю вамъ что теперь нуженъ только очевидный протестъ парижскихъ ремесленниковъ противъ голосовъ сельчанъ. Понимаете вы меня?

— Кажется понимаю; если же нѣтъ, я повинуюсь. Мы *ouvriers* нуждаемся въ томъ чего у насъ нѣтъ—въ головѣ которая указывала бы намъ какъ дѣйствовать.

— Итакъ, дѣло вотъ въ чемъ: поднимайте людей какіе у васъ есть въ распоряженіи. Я позабочусь о поддержкѣ со стороны иностранцевъ. Мы можемъ поручить сочленамъ нашего совѣта присоединить Поляковъ и Италіанцевъ; Гаспаръ де-Нуа соберетъ вольныхъ бунтовщиковъ которые въ его распоряженіи. Пусть *émeute* будетъ, скажемъ, черезъ недѣлю послѣ обнародованія голосовъ ллѣбисцита. Вамъ нужно будетъ это время на приготовленія.

— Будьте покойны, будетъ сдѣлано.

— Въ такомъ случаѣ покойной ночи.

Лебо безлечно надѣлъ шляпу, натянулъ перчатки, потомъ какъ бы пораженный внезапною мыслью, быстро повернулся къ рабочему и проговорилъ скорымъ рѣзкимъ тономъ:

— Арманъ Монье, объясните мнѣ почему вы, парижскій рабочий, тиль самаго непокорнаго, самаго надменнаго класса какой существуетъ на лицѣ земли, принимаете безъ возраженій, съ кроткою покорностью приказанія человека который откровенно говоритъ вамъ что не сочувствуетъ вашимъ вѣчнымъ цѣлямъ, о которомъ вы знаете очень мало, чьи мнѣнія, какъ

вы откровенно говорите, принадлежать великой школѣ политическихъ резонеровъ.

— Это не легко объяснить, сказалъ Монье съ веселымъ смѣхомъ освѣтившимъ его черты, жесткія и суровыя, хотя красивыя когда въ локоѣ.— Отчасти потому что вы такъ правы, и не говорите пустяковъ; отчасти потому что я не думаю чтобы классъ къ которому я принадлежу могъ двинуться впередъ на шагъ не имѣя вожака изъ другаго класса, а въ васъ по крайней мѣрѣ я нашелъ вожака. Затѣмъ, вы хотите сдѣлать тотъ же первый шагъ какъ и мы всѣ, и—хотите вы чтобы я сказалъ вамъ больше?

— Да.

— *Eh bien!* Вы предостерегли меня какъ честный человекъ, какъ честный человекъ и я предостерегаю васъ. Первый шагъ мы дѣлаемъ вмѣстѣ; но я хочу сдѣлать и еще шагъ; вы отступаете, вы говорите: „нѣтъ“; я отвѣчаю что вы заручились; этотъ второй шагъ вы тоже должны сдѣлать или я крикну: *traître! à la lanterne!* Вы толкуете о „вышей опытности“. *bah!* что въ дѣйствительности говорить вамъ опытъ? Думаете ли вы что Лудовикъ Эгалите когда затѣвалъ заговоръ противъ Лудовика XVIII думалъ подать голосъ за казнь своего родственника на гильотинѣ? Думаете ли вы что Робеспьеръ, когда начиналъ свою карьеру, въ качествѣ врага смертной казни, предвидѣлъ что ему придется быть министромъ царства террора? Ни мало. Каждый заручился тѣмъ что употреблялъ другихъ своими орудіями: то же должно быть и съ вами, или вы погибаете.

Лебо прислонясь къ двери слушалъ вызванное имъ откровенное признаніе не обнаруживая переменъ въ лицѣ. Но когда Арманъ Монье кончилъ, легкое движеніе губъ обнаружило его волненіе; былъ ли то страхъ или презрѣніе?

— Монье, сказалъ онъ кротко;—я много вамъ обязанъ за ваши мужественныя слова. Сомнѣнія которыя прежде лежали у меня на совѣсти, теперь разсѣялись. Я боялся что я, призванный волкомъ, могу увлечь въ погибель невинную оvcу. Теперь я вижу что имѣю дѣло съ волкомъ у котораго болѣе молодая отвага, болѣе острые клыки чѣмъ у меня; тѣмъ лучше; теперь слушайте моихъ приказаній; время покажетъ буду ли я въ послѣдствіи слушаться вашихъ. *Ad revoir.*

Г Л А В А VI

Въ слѣдующій четвергъ салонъ Исавры былъ полнѣе чѣмъ обыкновенно. Кромѣ ея обычныхъ поклонниковъ изъ артистическаго и литературнаго міра, были дипломаты, депутаты и нѣсколько вождей *de la jeunesse dorée*. Въ числѣ послѣднихъ былъ и блестящій Ангерранъ де-Вандемаръ, считавшій знакомство съ каждою знаменитостью, принадлежала ли она къ *beau-monde* или къ *demi-monde*, необходимымъ для своей собственной знаменитости. Вслѣдствіе этого, онъ двѣ недѣли тому назадъ убѣдилъ Лувье представить его Исаврѣ. Лувье, хотя и собиравшій въ своемъ салонѣ писателей и артистовъ, рѣдко удостоивалъ своего присутствія ихъ салоны. Онъ не былъ въ этотъ вечеръ у Исавры. За то былъ Дюлесси. Прошлою зимою Валерія случайно встрѣтилась въ одномъ домѣ съ Исаврой, и почувствовала къ ней восторженную любовь. Съ тѣхъ поръ она была у нея часто и каждый четвергъ являлась въ ея салонъ въ сопровожденіи своего покорнаго отца. Музыкальныя или литературныя *soirées* были не во вкусъ Дюлесси, но онъ не зналъ большаго удовольствія какъ угождать своей избалованной дочкѣ. Нашъ старый другъ Фредерикъ Лемерсье былъ также въ этотъ вечеръ въ числѣ гостей Исавры. Онъ все болѣе сближался съ Дюлесси, и Дюлесси представилъ его прекрасной Валеріи какъ „*un jeune homme plein de moyens, qui ira loin*“. Былъ конечно и Саварель. Онъ привелъ съ собою одного англійскаго джентльмена по имени Бевиль, хорошо извѣстнаго въ Парижѣ и въ Лондонѣ, всѣми приглашаемаго, вездѣ популярнаго, одного изъ тѣхъ пріятныхъ людей которые промышляютъ слетвьями, не щадя никакихъ усилій для полученія самыхъ свѣжихъ новостей и охотно обмѣнивая ихъ на крыло дичи, иногда даже на чашку чая. Новости Бевила, не отличавшіяся злобнымъ характеромъ, цѣнились высоко за свою правдивость. Если онъ говорилъ: „эта исторія фактъ“, вы вѣрили ему такъ же охотно какъ повѣрили бы Ротшильду еслибъ онъ сказалъ: „это мадера 48 года“.

Мистеръ Бевиль прибылъ теперь въ Парижъ на очень короткій срокъ, и желая извлечь какъ можно больше пользы

изъ своего времени, не остался возлѣ Саварена, но представившись Исаврѣ, пошелъ порхать между обществомъ.

„*Apis Matinae*
More modoque—
Grata carpentis thyma.“—

Пчела приноситъ медь, но обладаетъ жаломъ.

Комната была полна когда вошелъ Густавъ Рамо въ сопровожденіи де-Молеона.

Исавра была пріятно изумлена наружностью и манерами виконта. Судя по его литературнымъ произведеніямъ и по тому что она слышала объ его прежней репутаціи, она ожидала увидать человѣка несомнѣнно стараго, съ извѣстнымъ наружностью, съ саркастическою улыбкой, заносчиваго въ обращеніи, грубаго и высокомернаго даже въ своей учтивости, соединеніе въ одномъ лицѣ Мефистофеля и Донъ-Жуана. Она была поражена увидавъ человѣка который, несмотря на свои сорокъ восемь лѣтъ—а въ Парижѣ сорокавосемилѣтній человѣкъ старше чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ—былъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, поражена еще болѣе удивительно скромною манерой держать себя, слишкомъ благовоспитанною чтобы не быть естественною, поражена въ особенности грустнымъ выраженіемъ глазъ, которые по временамъ могли быть мягкими, хотя всегда были серіознымъ и провицательнымъ, и грустною улыбкой которая обезоруживала осужденіе за прошлыя ошибки говоря: я былъ знакомъ и съ горемъ.

Онъ не сказалъ молодой хозяйкѣ при своемъ представленіи ни одной изъ пошлыхъ фразъ какія она привыкла слышать въ подобныхъ случаяхъ. Учтиво поблагодаривъ ее за честь которую она сдѣлала ему позволивъ Рамо представить его, онъ отошелъ въ сторону, какъ будто не считалъ себя въ правѣ отрывать ее отъ другихъ гостей, болѣе достойныхъ ея вниманія, и увидавъ въ группѣ окружавшей Дюлесса своего родственника Ангеррана, подошелъ къ нему.

Въ то время, на первой недѣлѣ мая 1870 года—какъ помнитъ каждый кто былъ въ это время въ Парижѣ—главными темами разговоровъ мушанъ были плабисцитъ и заговоръ противъ жизни императора, заговоръ который по мнѣнію недовольныхъ былъ басней сочиненной для поддержанія плабисцита и имперіи.

Последнее мнѣніе съ жаромъ опровергалъ теперь Дюлесса.

Искренний и предаваемый имперіалистъ, онъ не могъ говорить хладнокровно о низкихъ слетаяхъ объясняющихъ поступки великихъ людей недостойными причинами. По его мнѣнію, ничто не могло быть очевиднѣе достовѣрности заговора, ничто не могло быть возмутительнѣе мнѣнія что императоръ или его министры способны были обвинить семьдесятъ двухъ членовъ въ преступленіи сочиненномъ по ихъ порученію полиціей.

Финансистъ рѣзко оборвалъ свою рѣчь когда къ группѣ подошелъ де-Молеонъ, авторъ статей опасныхъ для правительства и оскорбительныхъ для главы имперіи.

— Любезнѣйшій кузенъ, сказалъ весело Ангерранъ пожимая руку виконта, — поздравляю васъ со славой журналиста которой вы овладѣли вооруженный *сap-à-pis*, какъ древній рыцарь въ своемъ сѣдлѣ. Но я не одобряю средствъ которыми вы употребили для достиженія цѣли. Я самъ не имперіалистъ, Вандемаръ едва ли можетъ быть имперіалистомъ. Но если я нахожусь на борту корабля, я не вынимаю изъ него досокъ чтобы пустить его ко дну когда взамѣнъ его мнѣ не предлагаютъ ничего кромѣ стараго чая и гилой веревки.

— *Très bien*, сказалъ Дюлесси парламентскимъ тономъ.

— Но что сказали бы вы, возразилъ де-Молеонъ съ своею спокойною улыбкой, — есабы капитанъ корабля, видя что небо омрачилось и что море начинаетъ волноваться, спросилъ бы своихъ матросовъ одобрятъ ли они его поведеніе если онъ измѣнить ходъ или убавить паруса? Лучше довѣриться старому чаю и гилой веревкѣ чѣмъ кораблю на которомъ капитанъ прибѣгаетъ къ лебисциту.

— *Monsieur*, сказалъ Дюлесси, — ваша метафора неудачно выбрана, и нѣтъ надобности ни въ какой метафорѣ. Глава государства былъ избранъ народомъ и когда повнадсилось измѣнить форму правленія одобренную народомъ, измѣнить ее вслѣдствіе побужденій самыхъ патріотическихъ и либеральныхъ, глава государства обязанъ посоветоваться съ народомъ отъ котораго получилъ свою власть. Однако мы говорили не о лебесцитѣ, а объ ужасномъ заговорѣ, къ счастью во время открытомъ. Я полагаю что *Monsieur* де-Молеонъ раздѣляетъ отвращеніе которое долженъ чувствовать каждый истинный Французъ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, къ заговору имѣвшему цѣлью убійство.

Виконтъ поклонился, какъ бы соглашаясь.

— Но не думаете ли вы, сказалъ либеральный депутатъ, —

что этотъ заговоръ существовалъ только въ воображеніи полиціи и кабинета министровъ?

Дюлесси взглянулъ на виконта пытливо. Вѣра и невѣріе въ заговоръ были для него и для многихъ пробнымъ камнемъ съ помощію котораго они отличали революціонера отъ человѣка благонамѣреннаго.

— *Ma foi*, отвѣчалъ де-Молеонъ пожимая плечами, — я теперь вѣрю только въ одно, но эта вѣра безпредѣльна. Я вѣрю въ глупость человѣчества вообще и Французовъ въ особенности. Что семьдесятъ два человѣка составили заговоръ противъ жизни императора съ которою связано столько важныхъ интересовъ и надѣялись сохранить тайну которую могъ выболтать каждый пьяница, которую могъ продать каждый корыстолюбецъ изъ ихъ общества—это глупость до того чудовищная что я считаю ее въ высшей степени вѣроятною. Но извините меня, я смотрю на политику Парижа какъ смотрю на его грязь: на улицѣ я по необходимости иду по грязи, но не вхожу же въ гостиную въ грязныхъ сапогахъ. Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ, Ангерьанъ. — И взявъ своего родственника подъ руку, онъ отвелъ его отъ кружка: — Что случилось съ вашимъ братомъ? Я совсѣмъ не вижу его.

— Рауль, сказалъ Ангерьанъ садясь на диванъ въ углу и оставляя мѣсто для Молеона.—Рауль посвятилъ себя несчастнымъ *ouvriers* отказавшимся отъ работы. Когда ему не удастся убѣдить ихъ приняться за нее снова, онъ слабѣетъ лицей и толпиломъ ихъ женъ и дѣтей. Матушка поощряетъ его разорительную дѣятельность, и никто кромѣ васъ, вѣрящаго въ безпредѣльность человѣческой глупости, не доверитъ мнѣ если я скажу что его краснорѣчіе выманило у меня всѣ карманныя деньги которыя я получилъ изъ нашей лавки. Что касается его самого, онъ продалъ лошадей и не позволяетъ себѣ даже вѣдуть на извозчикахъ говоря что деньги пригодятся на обѣдъ какому-нибудь семейству. Какъ жаль что онъ не духовный; онъ былъ бы причисленъ къ лику святыхъ.

— Не жалѣйте, онъ вѣроятно удостоится того что цѣнится на небѣ выше простой святости, онъ удостоится мученичества, сказалъ де-Молеонъ съ улыбкой въ которой сарказмъ перешелъ въ грусть.—Бѣдный Рауль! А какъ ложивается мой другой родственникъ, *le beau marquis*? Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ его легитимистская вѣра повидимому колебалась.

Онъ говорилъ со мной очень разумно объ обязанностяхъ каждаго Француза относительно Франціи и намекалъ что намѣренъ отдать свою шпагу въ распоряженіе Наполеона III. Я ничего не слышалъ о немъ какъ о *soldat de France*, за то много слышалъ какъ о *viveur de Paris*.

— Развѣ вы не знаете что его воинственный жаръ охладѣлъ?

— Нѣтъ. Почему?

— Алень пріѣхалъ изъ Бретани не имѣя никакого понятія о многомъ что извѣстно каждому парижскому *gamin*. Когда онъ сознательно отказался отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ, естественныхъ въ челоѣкѣ съ его именемъ, и выразилъ герцогаиъ де-Терасконъ свою готовность сражаться подъ знаменемъ Франціи какаго бы цвѣта оно ни было, ему смутно представлялись его предки Ротбріаны стяжавшіе ранніе лавры во главѣ своихъ полковъ. По крайней мѣрѣ онъ считалъ несомнѣннымъ что вступить въ ряды Франціи хотя бы и въ чинѣ *sous-lieutenant*, но тѣмъ не менѣе какъ *gentilhomme*. Когда же ему сказали что такъ какъ онъ не былъ въ военномъ училищѣ, то онъ можетъ вступить въ армію только рядовымъ и что ему придется пробыть по крайней мѣрѣ два года солдатомъ и жить съ солдатами прежде чѣмъ онъ достигнетъ, и то только благодаря своему происхожденію и воспитанію, положенія *sous-lieutenant*, его Ротбріановскій воинственный жаръ, какъ вы легко можете вообразить, значительно охладѣлъ.

— Еслибъ онъ зналъ каково помѣщеніе французскихъ солдатъ и какъ трудно челоѣку образованному и благовоспитанному привыкнуть къ грубымъ шуткамъ и къ богохульству и вывести это и бывъ отчасти соучастникомъ этого заставить потомъ повиноваться себѣ какъ высшему тѣхъ кто недавно были его товарищами, онъ не только охладѣлъ бы къ военной службѣ, онъ отчаялся бы за участь французской арміи если ей когда-нибудь придется встрѣтиться съ арміей офицеры которой были воспитаны съ тѣмъ чтобъ быть офицерами съ самаго начала, которые съ колыбели учились повиноваться съ достоинствомъ и повелѣвать съ достоинствомъ, къ чему не приучены мальчики-леданты изъ школъ. Но возвратимся къ Ротбріану. Салоны которые я посвящаю нѣсколько чинамъ, какъ это прилично моимъ почтеннымъ дѣтамъ, моему скромному доходу и моей профессіи, теперь уже

извѣстной вамъ, которая заставляетъ меня предпочитать веселью возможность научиться чему-нибудь. Однако, въ прошломъ году, я иногда встрѣчалъ въ этихъ салонахъ Ротбріана и до сихъ поръ встрѣчаю васъ. Но въ послѣднее время онъ отсталъ отъ этихъ скромныхъ *réunions*, и я съ сожалѣніемъ слышу что онъ носится среди утесовъ о которые разбилась моя юность. Справедливы ли эти слухи?

— Боюсь, сказалъ Ангерранъ неохотно, — что въ этихъ слухахъ много правды. И совѣсть упрекаетъ меня что я первый тому виновникъ. Видите ли, когда Аленъ вошелъ въ соглашеніе съ Лувье и получилъ очень порядочный доходъ, мнѣ естественно захотѣлось чтобы человѣкъ имѣющій столько правъ на общественное вниманіе, представитель древнѣйшей вѣтви нашей фамиліи, занялъ приличное ему положеніе въ обществѣ. Я представилъ его въ дома и людямъ которые теперь *à la mode*, давалъ ему совѣты насчетъ квартиры, лошадей и т. п., словомъ, помогъ ему устроиться какъ бы устроился самъ на его мѣстѣ.

— А, понимаю. Но вѣдь вы природный Парижанинъ, Ангерранъ, Парижанинъ до мозга костей, а Парижанинъ, что вы говори, самый практическій человѣкъ въ мірѣ. Онъ одинъ достигъ труднаго искусства соединить бережливость съ пышностью. Провинціалъ же пріѣзжающій въ Парижъ со всею свѣжестью и неопытностью юности губить въ немъ всю свою жизнь. Я знаю конецъ: Аленъ разорится.

Ангерранъ, который дѣйствительно былъ природнымъ Парижаниномъ и при всей своей ловкости и *avoir-faire* обладалъ горячо сочувствующимъ сердцемъ, Ангерранъ поморщился отъ лестныхъ, но и укорительныхъ словъ своего старшаго родственника, и сказалъ смиреннымъ тономъ:

— Вы жестоки, кузенъ, но вы правы. Я дѣйствительно не принялъ въ соображеніе какъ легко вскружить голову Алену. Но выслушайте мое оправданіе. Онъ казался мнѣ такимъ благоразумнымъ сравнительно съ другими молодыми людьми его и моихъ лѣтъ, такимъ гордымъ, такимъ чистымъ, такъ сильно проникнутымъ отвѣтственностью своего положенія, такъ твердо рѣшившимся сохранить свои древнія владѣнія въ Бретани, такимъ простымъ и неприхотливымъ, что я считалъ его обезпеченнымъ отъ искушеній лосильнѣе тѣхъ какія и моя легкая натура отражаетъ со смѣхомъ. Нѣкоторое время я не имѣлъ повода залодозрѣть свою

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1875 год.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее из двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ стоить въ 1875 г. въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ; съ доставкою на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ шестнадцать рублей и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 8 руб., съ доставкою на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р. 50 к. и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, 4 р., съ доставкою и почтовою пересылкой во мѣста Россіи 4 р. 25 к.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—18 р.; въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—19 р.; въ Англію, Ірландію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію—20 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—21 р. 60 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ Бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Баумова), на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Баумова, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, домъ № 30.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперія подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1875 год.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1875 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій тринадцать рублей сер.; съ доставкою на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи шестнадцать рублей сер.; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки пятнадцать рублей; съ доставкою и пересылкой восемнадцать рублей сер.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ Бульварѣ.

